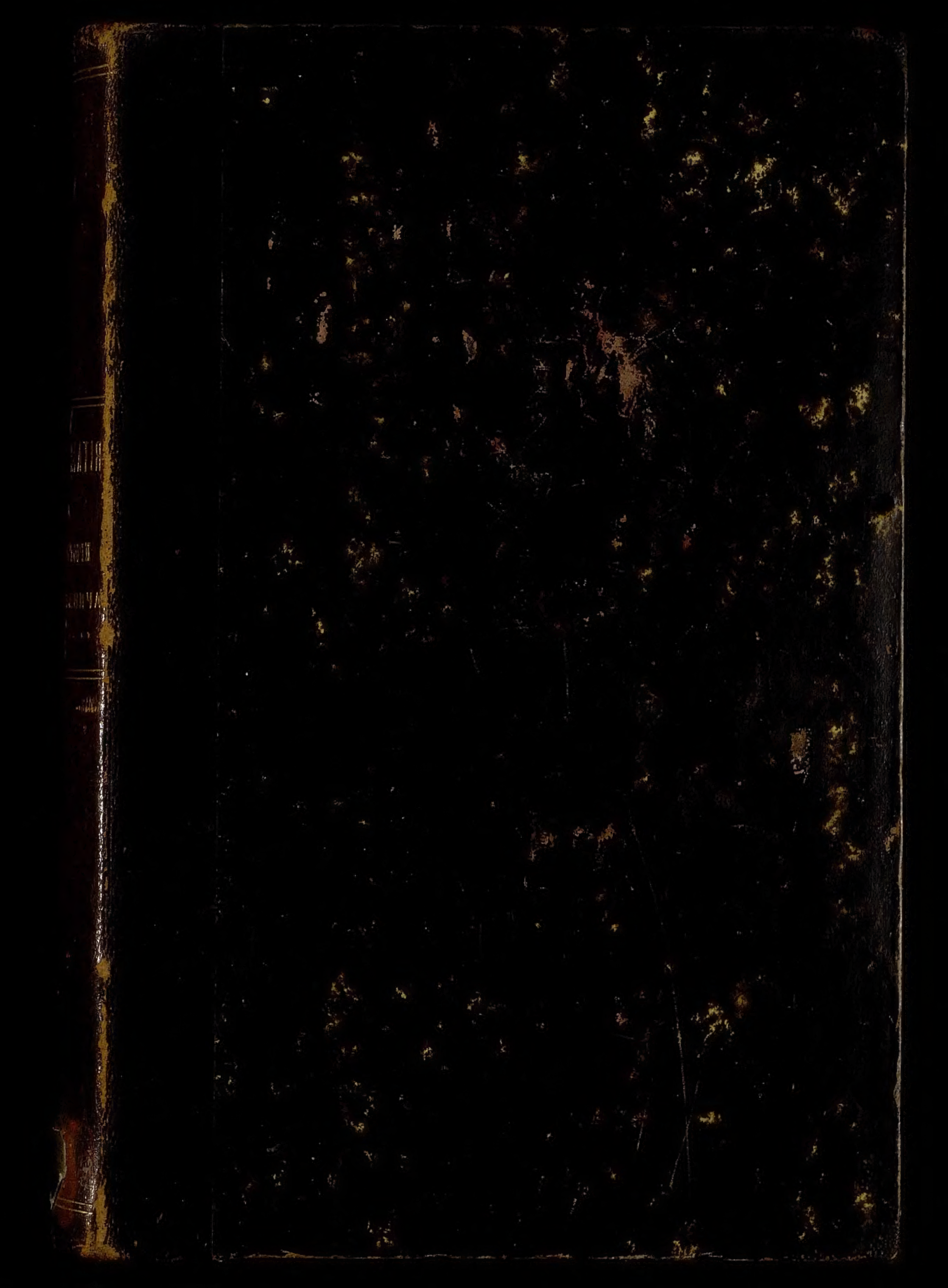

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

по

НОВОЙ И НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ и ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

СОСТАВИЛЪ

Я. Г. Гуревичъ,

преподаватель СПБ. Учительскаго Института, 3-й классической гимназіи и Михайловскаго артиллерійскаго училища.

Рекомендована (въ первомъ изданіи) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія какъ учебное пособіе и для выдачи ученикамъ старшихъ классовъ въ видѣ награды.

Рекомендована также Учебнымъ Комитетомъ IV Отдѣленія **КАКЪ ВЕСЬМА ПОЛЕЗНОЕ ПОСОБІЕ** при изученіи исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы МАРІИ.

Томъ I.

Изданіе второе, исправленное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке),
по Фонтанкѣ № 99.
1879.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Польза и необходимость исторической хрестоматіи успѣла уже настолько выясниться, что было бы излишнимъ останавливаться на этомъ вопросѣ. Мы считаемъ, однакожъ, необходимымъ указать на тѣ соображенія, которыми мы руководствовались при выборѣ матеріала для этой хрестоматіи, при расположеніи и формѣ изложенія его.

Во 1-хъ. Исходя изъ того мнѣнія, что историческая хрестоматія не исключаетъ вовсе необходимости хорошо составленнаго руководства, а должна составлять лишь дополненіе къ нему, мы старались дать мѣсто въ издаваемой нами хрестоматіи статьямъ, могущимъ разъяснить ученикамъ наиболѣе важные моменты, о которыхъ руководство не даетъ полнаго и яснаго представленія, а также пополнить наиболѣе существенные пробѣлы, такъ чтобы ученики могли уяснить себѣ постепенное возникновеніе важнѣйшихъ историческихъ явленій, ихъ послѣдовательный ходъ развитія и внутренній историческій смыслъ.

Во 2-хъ. Полагая, что наиболѣе образовательное вліяніе преподаванія исторіи въ старшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній состоитъ въ уясненіи учащимся причинной связи и строгой послѣдовательности историческаго хода событій, мы старались дать по каждому отдѣлу нашей хрестоматіи рядъ статей, которыя, при извѣстной законченности каждой отдѣльной статьи, могли бы въ совокупности представить непрерывную цѣльную картину постепеннаго и послѣдовательнаго развитія наиболѣе выдающихся явленій, давая такимъ образомъ возможность преподавателямъ пріучать учениковъ къ болѣе внимательному многостороннему изученію извѣстной эпохи или, по крайней мѣрѣ, извѣстнаго явленія.

Мы смѣемъ думать, что такое прагматическое изложеніе исторіи можетъ принести ученикамъ больше пользы и заставить ихъ серьезнѣе отнестись къ предмету, чѣмъ то поверхностное и частое перескакиваніе отъ одного явленія къ другому, къ которому ведетъ изложеніе предмета въ нѣкоторыхъ нашихъ руководствахъ по исторіи, въ которыхъ всеобщая исторія (средняя и новая) является какимъ-то скуднымъ и отрывочнымъ придаткомъ къ отечественной исторіи. Мы думаемъ также, что, не вдаваясь въ слишкомъ подробное систематическое изложеніе всей исторіи, слѣдовало бы пріучать учениковъ къ болѣе серьезному и внимательному изученію ея, по крайней мѣрѣ, хоть на немногихъ явленіяхъ, помимо требованія отъ нихъ отчетливаго знанія общаго, но болѣе сжатаго изложенія всего курса исторіи въ главнѣйшихъ ея явленіяхъ. Въ этомъ случаѣ письменныя работы на основаніи цѣлаго ряда статей изъ хрестоматіи съ указаніемъ тѣхъ сторонъ, на которыя особенно желательно обратить вниманіе учениковъ, могли бы всего ближе вести къ желанной цѣли *). Въ издаваемомъ нами первомъ томѣ исторической хрестоматіи мы постарались съ этою цѣлью дать достаточно матеріала для сопоставленія и сравненія между собою различныхъ личностей, дѣйствовавшихъ на одинаковомъ поприщѣ, а также болѣе или менѣе однородныхъ явленій.

Въ 3-хъ. Изъ желанія придать больше послѣдовательности и прагматичности нашей хрестоматіи мы считали необходимымъ предпослать эпохѣ открытій и изобрѣтеній, съ которой обыкновенно начинаютъ изложеніе новой исторіи, еще цѣлый рядъ статей, рисующихъ переходъ отъ средневѣковой жизни къ новой и изображающихъ такія важныя явленія, какъ упадокъ папства, феодализма и рыцарства послѣ крестовыхъ походовъ, возвышеніе средняго сословія и городовъ въ связи съ развитіемъ торговли и промышленности и усиленіе королевской власти. Для болѣе серьезнаго пониманія учащимися главнѣйшихъ явленій новой исторіи намъ казалось существенно необходимымъ остановить подольше вниманіе ихъ на явленіяхъ XIII, XIV и XV вѣковъ, представляющихъ какъ бы постепенную смѣну отжившихъ началъ средневѣковой жизни зарождаю-

*) О важности письменныхъ работъ при преподаваніи исторіи въ старшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній мы имѣли случай высказаться подробнѣе въ нашей статьѣ: «О преподаваніи исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ», помѣщенной въ журналѣ «Семья и Школа» за мартъ 1871 г., а также въ соч. «Опытъ методики исторіи», помѣщенномъ въ «Педагогическомъ Сборникѣ» за 1878 годъ.

щимися явленіями новой исторіи *). Намъ казалось тѣмъ болѣе необходимымъ дать въ нашей хрестоматіи рядъ статей относительно конца среднихъ вѣковъ, что единственная хрестоматія, имѣющаяся на русскомъ языкѣ по средневѣковой исторіи, именно г. Стасюлевича, доведена въ послѣднемъ (III-мъ) томѣ только до конца крестовыхъ походовъ.

Въ 4-хъ. Принимая во вниманіе, что изложеніе предмета въ нашихъ руководствахъ, въ особенности по новой исторіи, слишкомъ мало соотвѣтствуетъ способу научнаго уясненія его, мы старались, въ доступной по возможности формѣ изложенія для учащихся, познакомить ихъ съ современнымъ научнымъ воззрѣніемъ на важнѣйшія явленія; таковы, напр., отдѣлы относительно происхожденія и развитія реформаціи въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, въ которыхъ явленіе это представлено, главнымъ образомъ, какъ продуктъ общей совокупности условій народной жизни, *одновременно* и *самостоятельно* возникавшій въ каждой изъ упомянутыхъ странъ подъ вліяніемъ общихъ причинъ, а не какъ результатъ лишь иниціативы нѣсколькихъ реформаторовъ и чисто-личныхъ мотивовъ, какъ это обыкновенно представляется въ руководствахъ.

Въ 5-хъ. При составленіи этой хрестоматіи мы имѣли въ виду выработать такое пособіе, которое было бы годно не только для внѣкласснаго, домашняго чтенія учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, но и для класснаго чтенія, и потому мы позаботились о томъ, чтобы статьи, вошедшія въ хрестоматію, не превышали по объему половины печатнаго листа, такъ чтобы преподаватель могъ минутъ въ сорокъ прочитать ученикамъ отъ поры до времени ту или другую статью и имѣлъ бы еще время до конца урока выспросить у учениковъ содержаніе прочитаннаго. Что это вполнѣ возможно—въ этомъ имѣли мы случай убѣдиться на опытѣ.

---

*) Справедливо замѣчаетъ по этому поводу извѣстный французскій позитивистъ Литтре, говоря о переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени: «Когда начинаешь изучать какую нибудь великую эпоху, необходимо прежде всего спросить себя: чѣмъ нужно тамъ интересоваться и какъ отнестись къ паденію однихъ понятій и учрежденій и къ успѣху другихъ». Въ этомъ смыслѣ переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ «самая важная черта среднихъ вѣковъ та, что, приготовляя пути для религіозной и политической свободы и для науки, они не кончились, подобно древнимъ, катастрофой, а довели человѣчество посредствомъ правильной и естественной смѣны формъ до современной эры». (Литтре. «Варвары и средніе вѣка», стр. 306 и предисловіе XXIX стр.).

Такимъ образомъ, изъ сотни статей, вошедшихъ въ первый томъ хрестоматіи, не болѣе пятнадцати занимаютъ по объему около печатнаго листа и изъ нихъ лишь нѣсколько—болѣе листа, всѣ же остальныя по объему своему вполнѣ подходятъ для класснаго чтенія.

Въ 6-хъ. Имѣя въ виду, что историческая хрестоматія должна служить, главнымъ образомъ, для болѣе полнаго и сознательнаго ознакомленія съ самымъ предметомъ изложенія, а не для литературно-исторической цѣли, т. е. ознакомленія съ особенностями литературнаго изложенія лучшихъ историческихъ писателей, мы не считали необходимымъ, при составленіи этой хрестоматіи, передавать съ буквальною точностію въ переводѣ всѣ статьи, заимствованныя изъ иностранныхъ сочиненій, а видоизмѣняли и сокращали значительно ихъ изложеніе, приспособляясь къ степени умственнаго развитія учащихся и къ требованіямъ свободнаго литературнаго изложенія, стараясь, однакожь, сохранить при этомъ какъ можно ближе особенности литературнаго изложенія наиболѣе образцовыхъ и художественныхъ писателей. Вотъ почему въ нашей хрестоматіи больше статей, составленныхъ по различнымъ сочиненіямъ, чѣмъ переданныхъ въ подстрочномъ переводѣ, и встрѣчаются даже нѣкоторыя статьи, составляющія извлеченіе почти изъ цѣлыхъ томовъ *), или же статьи, составлвнныя по двумъ сочиненіямъ (какъ, напр., по Ранке и Гейссеру, или по Ранке и Мотлею).

Въ 7-хъ. Считая особенно важнымъ дѣломъ познакомить учениковъ старшихъ классовъ гимназій со всѣмъ тѣмъ, что представляетъ лучшаго и даже хорошаго наша, правда, еще небогатая русская оригинальная историческая литература относительно конца среднихъ вѣковъ и реформаціоннаго періода, мы дали въ этомъ томѣ хрестоматіи цѣлый рядъ статей, заимствованныхъ изъ сочиненій Кудрявцева, Грановскаго, Ешевскаго, Петрова, Вызинскаго, Новикова и нѣкоторыхъ другихъ, второстепенныхъ русскихъ авторовъ. Такой выборъ матеріала считали мы особенно подходящимъ для нашей цѣли еще по слѣдующимъ соображеніямъ: a) даже очень хорошій переводъ рѣдко читается такъ легко и съ удовольствіемъ, какъ хорошее оригинальное изложеніе; b) желательно возбудить въ нашихъ воспитанникахъ и воспитанницахъ старшихъ классовъ гимназій охоту къ историческому чтенію, но оно, за рѣд-

---

*) Таковы статьи о Колумбѣ, о Францискѣ Пизарро, о Савонаролѣ, о Гутенбергѣ. о Гусѣ, о Кальвинѣ и нѣкоторыя другія.

кими исключеніями, доступно для нихъ только на русскомъ языкѣ, потому что знаніе иностранныхъ языковъ, даже и въ старшихъ классахъ, еще далеко не достигаетъ той степени, чтобы ученики могли свободно читать на этихъ языкахъ серьезныя историческія сочиненія, с) мы полагаемъ, что русскіе историческіе труды представляютъ важный матеріалъ для русской исторической хрестоматіи и потому, что точка зрѣнія иностранныхъ и русскихъ писателей на нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ историческихъ явленій представляетъ извѣстныя различія и особенности; укажемъ для примѣра на значеніе личности Гуса и гуситства и отношеніе его къ лютеранизму, въ чемъ русская историческая литература значительно расходится съ нѣмецкою.

Въ 8-хъ. Мы считали необходимымъ, вмѣсто перевода какой-либо изъ существующихъ уже на иностранныхъ языкахъ хрестоматій, выработать самостоятельно планъ хрестоматіи примѣнительно къ требованіямъ нашей школы. И въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе распространенныя нѣмецкія хрестоматіи по новой исторіи, именно Пютца («Historische Darstellungen») и Шеппера («Characterbilder»), представляютъ по выбору статей явное стремленіе составителей ихъ поставить своихъ юныхъ читателей въ отношеніи всѣхъ явленій изъ сферы церкви на строго-католическую точку зрѣнія, и вслѣдствіе такой односторонности и тенденціозности, особенно въ хрестоматіи Шеппера, многія статьи заимствованы даже изъ второстепенныхъ сочиненій, но зато безукоризненно-католическихъ, что, очевидно, не удовлетворяетъ ни требованію научной объективности, ни педагогическимъ требованіямъ. Недавно же изданная нѣмецкая историческая хрестоматія Іастрома («Lebensbilder und Skizzen aus der Culturgeschichte»), посвященная главнымъ образомъ культурной жизни, въ отдѣлѣ средневѣковой и новой исторіи представляетъ преимущественно много матеріала для исторіи нѣмецкой культуры; такой выборъ, пожалуй, вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ нѣмецкой школы, но не могъ бы считаться подходящимъ и былъ бы во всякомъ случаѣ одностороннимъ для нашей школы. Къ тому же, и самый выборъ статей, заимствованныхъ имъ нерѣдко даже изъ руководствъ (Мюллеръ, Вельтеръ) не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Наиболѣе распространенная французская историческая хрестоматія Рафи («Lectures d'histoire moderne etc.») имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, ознакомить учащихся съ лучшими образцами литературнаго изложенія въ постепенномъ развитіи французской исторической литературы. Но

понятно, что образцы историческаго изложенія Боссюэта или Вольтера могутъ имѣть въ настоящее время значеніе только для французской школы.

Въ 9-хъ. Имѣя въ виду, что историческая хрестоматія можетъ служить подходящимъ пособіемъ и для самихъ преподавателей, особенно въ провинціальныхъ гимназіяхъ, гдѣ гимназическія библіотеки не всегда представляютъ достаточный выборъ матеріала для историческаго чтенія, мы дали мѣсто въ нашей хрестоматіи нѣкоторымъ статьямъ, имѣющимъ важное значеніе по своему научному содержанію, но, пожалуй, слишкомъ серьезнымъ для самастоятельнаго чтенія учениковъ. Такихъ статей найдется, впрочемъ, по нашему мнѣнію во всемъ первомъ томѣ хрестоматіи не больше десяти. Мы думаемъ, однако, что при нѣкоторой помощи со стороны преподавателя, и эти статьи могутъ быть доступны для лучшихъ учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній.

Я. Гуревичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Во второмъ изданіи перваго тома предлагаемой хрестоматіи сдѣланы слѣдующія измѣненія: 1) Нѣкоторыя изъ статей, вошедшія въ первое изданіе, опущены или замѣнены другими, болѣе соотвѣтствующими цѣли, какъ напр., статья «Игнатій Лойола», заимствованная для перваго изданія изъ соч. Гризингера, замѣнена соотвѣтствующей статьей изъ соч. Ранке. 2) Нѣкоторыя, слишкомъ объемистыя и сложныя по содержанію статьи значительно сокращены, какъ напр. статья: «Экономическія слѣдствія открытія Новаго свѣта и европейская колоніяльная система въ обѣихъ Индіяхъ» по Бланки, и нѣкоторыя другія. 3) Введены нѣкоторыя новыя статьи, какъ напр. «Характеристика Лойолы и основаннаго имъ ордена» изъ Губера, «Казуистика іезуитовъ» изъ Кольба, «Церковная политика королевы Елизаветы» по соч. Боккля: «Главы изъ исторіи царствованія Елизаветы», и нѣкоторыя другія. 4) Всѣ статьи, содержаніе которыхъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть вполнѣ доступно ученикамъ старшихъ классовъ гимназій лишь при помощи преподователя, напечатаны во второмъ изданіи особымъ шрифтомъ. Наконецъ многіе недосмотры и погрѣшности относительно изложенія, замѣченные нами въ первомъ изданіи, устранены.

Благодаря опущенію нѣкоторыхъ статей и сокращенію другихъ, мы имѣли возможность, не измѣняя плана хрестоматіи и несмотря на нѣкоторыя дополненія, сдѣланныя въ новомъ изданіи, значительно сократить объемъ перваго изданія и удешевить цѣну книги.

Я. Гуревичъ.

С.-Петербургъ
20 декабря 1878 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отдѣлъ I. Упадокъ папства, феодализма и рыцарства. Возвышеніе средняго сословія и городовъ въ связи съ развитіемъ торговли и промышленности и усиленіе королевской власти.

стр.

I. Высшая точка могущества папской власти и начало ея паденія. (по Вызинскому) 1

II. Великій расколъ западной церкви и его послѣдствія. (По Вызинскому) 8

III. Состояніе папства въ XIV и XV столѣтіяхъ. (По Ранке) 13

IV. Церковное состояніе Чехіи передъ появленіемъ Гуса. (По Бильбасову) 16

V. Жизнь и дѣятельность Гуса до Констанцскаго собора. (По Новикову) 21

VI. Констанцскій соборъ и осужденіе Гуса. (По Новикову) 26

VII. Вліяніе гуситства на реформаціонное движеніе въ Германіи. (По Ламанскому) 35

VIII. Придворно-рыцарское общество Германіи въ его цвѣтущее время и во время его упадка. (По Шерру) 38

IX. Рыцарское служеніе женщинѣ въ блестящій періодъ рыцарства и въ періодъ его упадка. (По Петрову) 48

X. Сила и богатство городовъ Западной Европы и бѣдственное положеніе крѣпостнаго класса въ концѣ среднихъ вѣковъ. (По Ешевскому) 56

XI. Характеръ политическихъ стремленій Западной Европы въ XV вѣкѣ. (По Гизо) 64

XII. Свѣтскія стремленія папъ и свѣтское направленіе церкви въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. (По Ранке) 69

XIII. Усиленіе торговли и мореходства въ Западной Европѣ съ крестовыхъ походовъ. (По Шерреру) 73

Отдѣлъ II. Эпоха открытій и изобрѣтеній XIV, XV и начала XVI вв.

XIV. Открытія Португальцевъ до Коломба. (По Риттеру) 81

XV. Христофоръ Коломбъ и открытіе Новаго Свѣта. (По Вашингтону Ирвингу) 88

стр.

XVI. Открытія Коломба, его послѣдующая судьба, его заслуги и заблужденія. (По Пешелю) . . . 99
XVII. Фернандо Кортесъ, открытіе Мексики и основаніе въ ней первой испанской колоніи. (По Прескотту) . . . 110
XVIII. Франциско Пизарро, открытіе и завоеваніе Перу. (По Прескотту). 129
XIX. Послѣдствія открытія Новаго Свѣта. (По Веберу) . . . 148
XX. Экономическія слѣдствія открытія Новаго Свѣта. (По Бланки) . . 151
XXI. Первое кругосвѣтное путешествіе и слѣдствія его. (По Дрэперу). 155
XXII. Историческое значеніе изобрѣтенія пороха. (По Боклю) . . . 158
XXIII. Письменность въ средніе вѣка, изобрѣтеніе книгопечатанія и Гутенбергъ. (По Зоцману) . . . 161
XXIV. Появленіе книгопечатанія и отношенія къ нему церкви и государства въ XV и XVI вв. (По Фойницкому) . . . 168

Отдѣлъ III. Эпоха возрожденія въ XIV, XV и XVI вв.

XXV. Значеніе эпохи возрожденія для Италіи. (По Петрову) . . . 173
XXVI. Данте, Боккачіо и Петрарка. (По Раумеру) . . . 177
XXVII. Пробужденіе классической древности и увлеченіе ею въ Италіи въ XIV и XV ст. (По Бурхардту) . . . 185
XXVIII. Странствующіе греческіе учителя въ Италіи и итальянскіе антикваріи въ эпоху возрожденія. (По Фойхту) . . . 190
XXIX. Козимо и Лоренцо Медичи. (По Осокину) . . . 200
XXX. Микель-Анджело Бонаротти, зодчій, ваятель и живописецъ. (По Прахову) . . . 204
XXXI. Савонарола, его жизнь, его политическая и общественная дѣятельность. По Осокину) . . . 218
XXXII. Эразмъ Роттердамскій. (По Петрову) . . . 239
XXXIII. Борьба Рейхлина съ невѣжествомъ и фанатизмомъ. (По Шлоссеру) 243
XXXIV. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. (По Кроненбергу) . . . 348

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отдѣлъ I. Реформація въ Германіи и Швейцаріи.

I. Настроеніе умовъ въ Германіи наканунѣ реформаціи. (По Циммерману) . . . 263
II. Происхожденіе оппозиціи противъ Рима въ Германіи. (По Ранке). 267
III. Лютеръ до вступленія его въ борьбу противъ индульгенцій. (По Гейссеру) . . . 272
IV. Борьба Лютера противъ индульгенцій. (По Гейссеру и Ранке) . . 278
V. Постепенное отпаденіе Лютера отъ католицизма. (По Ранке) . . . 283
VI. Соперничество Карла V и Франциска I за императорскую корону. Избраніе Карла императоромъ. (По Кудрявцеву) . . . 288
VII. Карлъ V. (По Ранке и Мотлею) . . . 292
VIII. Вормскій сеймъ и усиленіе реформаціоннаго движенія въ Германіи. (По Ранке) . . . 296
IX. Ѳома Мюнцеръ и отношеніе его къ Лютеру. (По Циммерману) . . 306
X. Великая крестьянская война. (По Ранке) . . . 313

стр.
XI. Судьбы религіознаго ученія въ Германіи отъ Вормскаго до Аугсбургскаго сейма. (По Кудрявцеву) 318
XII. Аугсбургское исповѣданіе. (По Кольраушу) 328
XIII. Параллель между Гусомъ и Лютеромъ. (По Новикову и Гильфердингу) 331
XIV. Ульрихъ Цвингли и реформація въ Швейцаріи. (По Гейссеру) . . 336
XV. Цюрихъ и Швейцарія послѣ введенія въ нихъ реформы Цвингли. (По Гейссеру) 344
XVI. Отношеніе Цвингли къ Лютеру и споръ ихъ объ эвхаристіи. (По Ранке) 348
XVII. Шмалькальденская война. (По Кудрявцеву) 354
XVIII. Карлъ V и Морицъ саксонскій. (По Кудрявцеву) 364
XIX. Отреченіе Карла V отъ престола. (По Мотлею) 374

Отдѣлъ II. Реформація въ Италіи и реакція католицизма.

XX. Подобіе протестантизма въ Италіи и попытки внутреннихъ реформъ. (По Ранке) 382
XXI. Инквизиція въ Италіи. (По Ранке) 388
XXII. Игнатій Лойола. (По Ранке) 392
XXIII. Уставъ ордена іезуитовъ. (По Гризингеру) 398
XXIV. Развитіе ордена іезуитовъ. (По Ранке) 401
XXV. Характеристика Лойолы и ордена іезуитовъ. (По Губеру) 408
XXVI. Казуистика іезуитовъ. (По Кольбу) 416
XXVII. Тридентскій соборъ и католическая реставрація. (По Гейссеру) . 421

Отдѣлъ III. Реформація и католическая реакція въ Испаніи и въ Нидерландахъ.

XXVIII. Филиппъ II. (По Мотлею) 426
XXIX. Протестантизмъ и инквизиція въ Испаніи. (По Прескотту) 430
XXX. Состояніе Нидерландовъ при Карлѣ V и при вступленіи на престолъ Филиппа II. (По Прескотту) 438
XXXI. Система управленія Филиппа въ Нидерландахъ и вызванная ею оппозиція. (По Прескотту) 445
XXXII. Вильгельмъ Оранскій и графъ Эгмонтъ. (По Шиллеру) 458
XXXIII. Святѣйшая инквизиція. (По Мотлею) 463
XXXIV. Заговоръ дворянства и Гёзы. (По Шиллеру) 475
XXXV. Герцогъ Альба въ Нидерландахъ, время террора и кровавый совѣтъ. (По Мотлею) 489
XXXVI. Военныя дѣйствія Альбы въ Нидерландахъ и геройская борьба ихъ за независимость. (По Кудрявцеву) 506
XXXVII. Отпаденіе Нидерландовъ отъ Испаніи и образованіе самостоятельной республики. (По Кольбу) 526
XXXVIII. Смерть Вильгельма Оранскаго и оцѣнка его личности и дѣятельности. (По Мотлею) 530

Отдѣлъ IV. Реформація и реакція католицизма во Франціи.

стр.
XXXVIII. Францискъ I и система его внутренняго управленія. (По Ранке) 539
XXXIX. Характеристика Франциска I. (По Ранке) 542
XL. Церковное состояніе Франціи въ началѣ XVI вѣка и возникновеніе реформаціонныхъ идей. (По Лучицкому) 548
XLI. Первыя проявленія церковныхъ нововведеній. (По Ранке) 554
XLII. Кальвинъ до начала его реформаторской дѣятельности. (По Кампшульте) 559
XLIII. Ученіе Кальвина сравнительно съ ученіемъ Лютера. (По Кампшульте) 566
XLIV. Церковно-политическія преобразованія Кальвина въ Женевѣ и общая оцѣнка его реформаторской дѣятельности. (По Гейссеру) . 572
XLV. Успѣхи кальвинизма во Франціи въ царствованіе Генриха II. (По Лаваллэ) 579
XLVI. Гизы и Бурбоны и подготовленіе религіозно-политической борьбы партій. (По Гизо) 581
XLVII. Начало религіозно-политическихъ войнъ при Карлѣ IX до Амбуазскаго мира 1567 г. (По Шлоссеру) 591
XLVIII. Варѳоломеевская ночь. (По Лучицкому) 607
XLIX. Борьба религіозно-политическихъ партій во Франціи при Генрихѣ III и борьба Генриха Наваррскаго за корону. (По Филиппсону) 613
L. Религіозные мирные эдикты Генриха III 1576—77 гг. и Нантскій эдиктъ Генриха IV. (По Анри Мартену) 625

Отдѣлъ V. Реформація въ Англіи.

LI. Генрихъ VIII, король Англіи, предъ столкновеніемъ его съ Римомъ. (По Грановскому) 631
LII. Генрихъ VIII и разрывъ его съ Римомъ. (По Гейссеру) 634
LIII. Бракоразводное дѣло Генриха VIII и политическое значеніе этого акта. (По Фроуде) 644
LIV. Настоящія причины происхожденія оппозиціи противъ Рима въ Англіи. (По Тэну) 648
LV. Религіозная реформа въ англійской церкви при Эдуардѣ VI. (По Ранке) 653
LVI. Особенности англиканской церкви и отношеніе ея къ коронѣ. (По Макколею) 662
LVII. Марія Тюдоръ. (По Мауренбрехеру) 665
LVIII. Королева Елизавета и ея церковная политика. (По Грину). . . . 672
LIX. Церковная политика королевы Елизаветы. (По Бокклю) 681
LX. Англія въ царствованіе Елизаветы. (По Грину) 687
LXI. Марія Стюартъ. (По Мауренбрехеру) 696

ЧАСТЬ I.

ПЕРЕХОДЪ

ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

къ

НОВОМУ ВРЕМЕНИ.

I. ВЫСШАЯ ТОЧКА МОГУЩЕСТВА ПАПСКОЙ ВЛАСТИ И НАЧАЛО ЕЯ ПАДЕНІЯ.

(Изъ соч. Вызинскаго «Папство и священная римская имперія въ XIV и XV вв.»).

Все XIII столѣтіе ознаменовано рядомъ постоянныхъ побѣдъ папства надъ свѣтскою властію. Еще разъ Римъ дѣлается владыкою міра, и это новое господство его затмѣваетъ своимъ блескомъ воспоминаніе о древнемъ. Громы Ватикана, папскіе легаты, папская милиція (монашескіе ордена) достигаютъ туда, куда никогда не доходили римскіе легіоны. Никогда еще въ исторіи не являлось такой всемогущей власти, такой грозной силы, такихъ всеобъемлющихъ притязаній.

По мановенію папы, цѣлые народы принимаютъ крестъ и мечъ и идутъ сражаться противъ каждаго, кого онъ назоветъ врагомъ своего имени. Въ XIII столѣтіи папа рѣшаетъ споры князей христіанскихъ, однимъ словомъ останавливаетъ или возбуждаетъ войны между ними, отнимаетъ и раздаетъ королевства, назначаетъ и низлагаетъ королей и императоровъ, разрѣшаетъ ихъ подданныхъ отъ присяги, государства европейскія дѣлаетъ ленами папскаго престола, королей—своими вассалами, буллами и интердиктами сокрушаетъ всякое сопротивленіе. Іоаннъ Безземельный присягаетъ папѣ въ ленной вѣрности, Филиппъ-Августъ смиряется передъ его волей въ дѣлѣ своего брака; то же дѣлаетъ король Альфонсъ, король Леона, Санко I, король Португаліи; Петръ II Аррагонскій объявляетъ себя данникомъ папы; Карлъ Анжуйскій принимаетъ Неаполь на правахъ папскаго вассала. Громы Ватикана носятся надъ головами самыхъ далекихъ королей, проникаютъ въ Венгрію, въ отдаленной Норвегіи поражаютъ незаконнаго похитителя престола. Папа торжествуетъ окончательно надъ вѣковымъ соперникомъ своимъ, императоромъ; низводитъ въ могилу династію Гогенштауфеновъ, поражая своимъ гнѣвомъ ея членовъ до четвертаго поколѣнія; украшаетъ себя всею добычею побѣды, самъ становится на мѣсто императора и присвоиваетъ себѣ его власть въ Германіи и Италіи. Папа господствовалъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, и въ этомъ мнѣніи коренилась глубоко идея единства церкви. Съ ужасомъ и отвращеніемъ взглянули другіе народы на еретиковъ альбигойскихъ,—это было для нихъ непонятное, неестественное, ненавистное явленіе. Въ рукахъ папы были страшныя средства. Онъ призвалъ другіе народы къ крестовому походу противъ альбигойцевъ—и со

всѣхъ сторонъ двинулись массы по первому его призыву. Эта рать шла съ такою готовностью, съ такимъ фанатизмомъ, съ такою жестокостью подавила ересь и одержала во имя Христа такую ужасную побѣду, что стало страшно самому папѣ. И эта временная опасность послужила папѣ только предостереженіемъ и способствовала къ утвержденію его власти на самыхъ надежныхъ основаніяхъ. Какъ послѣдствія альбигойской ереси явились инквизиція и нищенствующіе ордена францисканцевъ и доминиканцевъ, настоящее папское войско, которое доставило ему гораздо большія побѣды, нежели всѣ побѣды крестоносцевъ. Въ это время, когда на Западѣ подавлена была альбигойская ересь, другіе крестоносцы приготовляли папѣ новое торжество на Востокѣ. Византійская имперія, никогда не признававшая власти римскаго епископа, досталась въ руки латинскому рыцарству и латинскому духовенству. Такъ вездѣ торжествовало папство и сокрушало всѣ враждебныя или независимыя силы.

Рядомъ съ этими постоянными успѣхами развивалась и теорія папской власти, совершенствовались ея доктрины, притязанія достигали невѣроятныхъ размѣровъ. Изъ намѣстника Св. Петра (vicarius S. Petri), какъ называлъ себя еще Григорій VII, папа дѣлается теперь намѣстникомъ Христа или намѣстникомъ Бога (vicarius Christi или vicarius Dei). Намѣстникъ Христа на землѣ самъ занимаетъ богоподобное положеніе. Небо и земля, живые и мертвые, земная и загробная жизнь—все отъ него зависитъ. Иннокентій III не сомнѣвается сказать, что все, что онъ дѣлаетъ, дѣлаетъ черезъ него самъ Богъ. Толкователи папской теоріи прибавляютъ: «папа имѣетъ произволъ Бога, его рѣшеніе дѣлаетъ излишнимъ всякія доказательства». Потомъ съ дерзкою, переходящею всякіе предѣлы, діалектикою они предлагаютъ вопросъ: можно ли аппелировать на папу къ Богу? И отвѣчаютъ отрицательно,—ибо у Бога и папы общій судъ, нельзя же аппелировать на папу къ нему же самому. Въ отвѣтѣ своемъ королю Франціи, Филиппу-Августу, Иннокентій III говоритъ, что онъ удивляется замыслу короля ограничить власть папы,—власть, которую, напротивъ, увеличить уже больше невозможно. Очевидно, такія мнѣнія можно было высказать только тогда, когда папа не видѣлъ никого ни выше себя, ни рядомъ съ собою, и ниже себя не чувствовалъ никакой опасности и сопротивленія. И, дѣйствительно, побѣда папы казалась полною, неоспоримою. И, несмотря на это, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ по смерти послѣдняго Гогенштауфена, мы видимъ, что простой агентъ французскаго короля даетъ пощечину папѣ; еще нѣсколько лѣтъ позднѣе—и этотъ всемогущій папа попадаетъ подъ власть французскаго короля, живетъ въ Авиньонѣ подъ его надзоромъ и опекою, и дѣлается его орудіемъ.

Откуда такой неожиданный переходъ отъ Иннокентія III къ Бонифацію VIII и Клименту V? Отчего такое паденіе послѣ такой побѣды? Отвѣтъ не труденъ: очевидно, побѣда была мнимая, наружная, мгновенная. Императоръ и папа были неразлучны въ системѣ средневѣковой жизни. Паденіе одного изъ нихъ влекло необходимо за собою паденіе другаго. Каждый изъ нихъ представлялъ одну сторону жизни. Полная побѣда одного изъ нихъ, поглощеніе духовной сферы свѣтскою, или свѣтской духовною, повело бы къ азіятскому квіетизму, неподвижности, закоснѣнію. Въ Европѣ этого быть не могло—Европа не допускаетъ неподвижности; въ ней можетъ быть только соперничество, борьба, равновѣсіе силъ, жизнь и движеніе. Повидимому, папа одолѣлъ, но самъ онъ не безъ тяжелыхъ

ранъ вышелъ изъ этой страшной борьбы; побѣда досталась ему дорогою цѣною: она подорвала основы его собственнаго существованія. Въ борьбѣ своей съ императоромъ папа потерялъ тотъ высокій нравственный авторитетъ, то безусловное господство надъ общественнымъ мнѣніемъ, ту святость своего характера, которая служила главнымъ основаніемъ его власти. Можно сказать, что и побѣдитель, и побѣжденный сошли равными съ поля сраженія. Не стало соперника у папы, но онъ самъ сошелъ съ той идеальной высоты, на которой держался при началѣ спора, онъ самъ упалъ низко въ общественномъ мнѣніи. И не могло быть иначе. Тѣ средства, къ которымъ прибѣгалъ папа въ борьбѣ съ послѣдними Гогенштауфенами, страшно вредили ему въ глазахъ современниковъ. Современники были поражены при видѣ той неумолимой мести, съ какой мнимый намѣстникъ Христа на землѣ преслѣдовалъ безъ нужды потомство Фридриха II-го. Никакая великая идея уже не оправдывала этой вражды: борьба приняла характеръ личной ненависти. Ореолъ святости, который окружалъ до сихъ поръ главу церкви, теперь исчезъ. Папа явился человѣкомъ, и то человѣкомъ неумѣреннымъ въ порывахъ своихъ страстей, не разбиравшимъ средствъ для ихъ удовлетворенія, давшимъ просторъ всѣмъ дурнымъ наклонностямъ человѣческой природы. Для достиженія своихъ личныхъ, человѣческихъ цѣлей глава западной церкви прибѣгаетъ къ мірскимъ, низкимъ средствамъ, недостойнымъ орудіямъ, или, что еще хуже, для удовлетворенія своихъ личныхъ страстей пользуется средствами духовной своей власти, средствами, которыя нѣкогда служили Григорію VII и Иннокентію III для осуществленія высокихъ нравственныхъ идей. Папа расточаетъ теперь проклятія, цензуры, интердикты изъ мелкихъ, ничтожныхъ видовъ; противъ каждаго врага своего проповѣдуетъ крестовый походъ; даетъ въ руки крестъ и мечъ народнымъ массамъ для защиты своихъ мірскихъ интересовъ; щедро даритъ индульгенціями и обѣщаетъ награды въ будущей жизни за кровь своихъ противниковъ; именемъ вѣры, основаніемъ которой служитъ любовь къ ближнимъ, освящаетъ вражду, ненависть, месть и жестокость. Огромные денежные сборы со всего христіанства служатъ ему для побѣды надъ личными врагами.

Къ чему же вели всѣ усилія папъ?—къ достиженію свѣтской власти. Папа, недовольный духовнымъ владычествомъ, господствомъ надъ душами и совѣстью христіанства, стремился къ мірскому владычеству, хотѣлъ замѣнить императора въ Германіи и Италіи, подчинить себѣ всѣхъ другихъ королей европейскихъ; ему хотѣлось земной, осязательной власти съ большими матеріальными средствами, богатымъ доходомъ и множествомъ личныхъ выгодъ. Господствуя надъ умами, онъ хотѣлъ имѣть въ своихъ рукахъ и тѣла, и физическую силу, и сокровища христіанскаго міра. Но, стремясь къ такой цѣли, папа приходилъ во внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою. Мірской мечъ въ рукахъ перваго священника въ западномъ христіанствѣ былъ страннымъ, неестественнымъ явленіемъ. Свѣтскія притязанія папы глубоко противорѣчили его назначенію, самой природѣ его власти. Гонялясь за мірскими цѣлями, папа безсознательно работалъ надъ собственнымъ своимъ униженіемъ. Всякая примѣсь мірскаго элемента глубоко искажала духовное значеніе папы, вредила ему въ глазахъ современниковъ, унижала его въ общественномъ мнѣніи. Стремленіе къ свѣтскому владычеству все болѣе и болѣе увлекало папу въ сферу земныхъ, мірскихъ заботъ, матеріальныхъ интересовъ, ничтожныхъ ин-

тригъ и мелкихъ смутъ. Въ этихъ заботахъ исчезло прежнее нравственное величіе папы. Современники могли теперь видѣть во главѣ христіанства личное честолюбіе, любостяженіе, жадность, эгоизмъ, коварство; въ рукахъ его — мірскія, низкія средства. Приношеніями всѣхъ народовъ содержалось великолѣпіе папскаго двора и его войско; духовная власть служила къ подчиненію королей и народовъ. Вездѣ мірскія цѣли стали на первомъ планѣ: казалось, папа забылъ о своей высокой духовной роли и добровольно отъ нея отказывался. И онъ долженъ былъ забыть, ибо не стало болѣе того, кто постоянно напоминалъ папѣ о его настоящемъ назначеніи—не стало императора. Пока папа чувствовалъ противодѣйствіе могучаго соперника, каторый могъ располагать противъ него значительными матеріальными средствами, до тѣхъ поръ онъ удерживалъ себя на той идеальной высотѣ, на которой мы видимъ Григорія VII и Иннокентія III. Противъ матеріальныхъ силъ императора онъ долженъ былъ употреблять нравственныя средства, высокими идеями оправдывать свои притязанія; онъ старался затмить императора своимъ нравственнымъ превосходствомъ, унизить его своимъ духовнымъ величіемъ, личнымъ своимъ характеромъ и поведеніемъ возбудить расположеніе народныхъ массъ, окружить себя видомъ святости и такимъ образомъ господствовать надъ общественнымъ мнѣніемъ. Императоръ, можно сказать, былъ постояннымъ стимуломъ для папы. Но когда не стало болѣе этого стимула, великая роль папы кончилась. Онъ перестаетъ заботиться объ общественномъ мнѣніи, а заботится только о себѣ, о своихъ личныхъ выгодахъ. Передъ нимъ нѣтъ болѣе высокихъ идей.

Не разбирая средствъ, жертвуя духовными интересами для свѣтскихъ, папа, повидимому, достигъ цѣли; власть его, дѣйствительно, была огромная и въ свѣтскомъ, и въ духовномъ отношеніи. Но власть эта не имѣла никакихъ твердыхъ надежныхъ основъ: она не коренилась уже въ общемъ убѣжденіи, не имѣла за собою, какъ прежде, голоса народовъ, не внушала уже прежняго благоговѣнія. Въ нравственномъ отношеніи она ничѣмъ не отличалась отъ другихъ земныхъ властей, характеромъ своимъ никакъ не стояла выше ихъ, ничѣмъ не могла оправдать своихъ притязаній на всемірное господство. Народы начинали сознавать, что намѣстникъ Христа на землѣ во зло употребляетъ свое положеніе, именемъ вѣры прикрываетъ мірскія, человѣческія, эгоистическія цѣли. Съ негодованіемъ видѣли народы, какъ ихъ кровью окупалось свѣтское владычество папы, какъ ихъ приношеніями и жертвами поддерживался блескъ папскаго престола. Тяжелое сомнѣніе легло на всеобщее сознаніе, сомнѣніе въ законности такой власти, которая требовала такъ много и въ замѣнъ ничего не давала. Глухая оппозиція приготовлялась. Уже интердикты, проклятія, церковныя цензуры — обыкновенныя орудія папской власти — начинали терять свою силу, притуплялись отъ частаго употребленія. Папская власть держалась внѣшнимъ гнетомъ, тяжестью своихъ побѣдъ, умственнымъ несовершеннолѣтіемъ народовъ, силою преданія и факта, но не законностью своего существованія, не силою общаго признанія. Фактически власть папы была огромная, она казалась несокрушимою, вѣчною, но достаточно было одной неудачи, одного ложнаго шага со стороны папы, чтобъ онъ упалъ такъ низко, что потомъ уже никакими усиліями не могъ подняться изъ этого паденія и занять прежнее мѣсто.

И тѣмъ поразительнѣе, внезапнѣе, трагичнѣе было это паденіе, что

папы на вершинѣ своей всеобъемлющей власти не сознавали опасности своего положенія. Паденіе послѣдовало тогда, когда папы все еще стремились дальше и дальше, и все болѣе и болѣе обширный горизонтъ обнимали своимъ взоромъ.

Прежде, въ борьбѣ съ императоромъ, папа подавалъ руку народностямъ, поддерживалъ противъ него всякое стремленіе къ независимости, помогалъ каждому притязанію на самостоятельное существованіе. Теперь, когда удалось ему побѣдить императора, папа захотѣлъ остановить вдругъ все это движеніе, прекратить все развитіе, задержать время въ его теченіи. Теперь онъ хотѣлъ наложить на всѣ народы однообразныя оковы, замкнуть все въ неподвижныя формы теократической монархіи. Теперь-то папская власть явилась во всей крайности своего исключительнаго, антинаціональнаго характера, враждебнаго всякому самостоятельному развитію, отрицавшаго всякое независимое существованіе. Своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла государствъ папа посягалъ на ихъ свѣтскую независимость; въ церковномъ отношеніи онъ не допускалъ ни тѣни самостоятельности народныхъ церквей. Но напрасны были всѣ усилія папы. Стремленіе его оказалось запоздалымъ, несовременнымъ; онъ хотѣлъ силою удержать всѣ народы въ младенчествѣ и подъ покровомъ своей всеобъемлющей опеки, а между тѣмъ народы уже не нуждались въ такой опекѣ тѣмъ болѣе, что опекунъ ничѣмъ не былъ выше своихъ питомцевъ. Народы сильно почувствовали свою личность и искали для ней полнаго проявленія въ дѣйствительности. Подъ эгидою монархической власти слагались мало-по-малу крѣпкіе государственные организмы, народы достигали политической самостоятельности. Но движеніе не могло остановиться на половинѣ пути: за самостоятельностью политическою должна была слѣдовать независимость въ церковномъ отношеніи. Этого требовала простая логика; безъ такого освобожденія личность государства была не полная. До тѣхъ поръ, пока короли, подавивъ всѣ независимыя феодальныя силы, имѣли въ своемъ государствѣ другое государство—сильное духовное сословіе съ огромными территоріальными владѣніями, которое ускользало совершенно отъ ихъ вліянія, стояло въ независимости отъ внѣшней, посторонней власти, — до тѣхъ поръ короли не могли сказать, что они достигли цѣли. Мы видѣли, какимъ взоромъ они начинали смотрѣть на богатыя церковныя имѣнія. Папа, который налагалъ на духовенство разныхъ странъ огромныя подати и лишалъ такимъ образомъ королей богатаго источника доходовъ, назначалъ итальянскихъ прелатовъ на самыя отдаленныя епископства, уничтожалъ выборы народныхъ церквей и распоряжался по произволу всѣми церковными бенефиціями, и всѣ важныя дѣла, безъ различія свѣтскаго и духовнаго характера, требовалъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе въ Римъ,—папа находился въ явномъ противорѣчіи со всѣмъ направленіемъ новой монархической власти. Столкновеніе было неизбѣжно. Все, что было прежде въ союзѣ съ папою противъ императора, теперь обратилось противъ самого папы. Не для того вѣдь короли и народы помогали папѣ побѣдить императора, чтобы потомъ самимъ преклониться передъ нимъ и отдать себя въ его руки. Не стало императора, но былъ король французскій, англійскій, испанскій, Висконти въ Миланѣ, Венеціанская республика,—словомъ—всякая свѣтская власть, какова бы ни была ея форма. Все это возобновило теперь борьбу. Вмѣсто одного императора явилось

много императоровъ, и самыя условія борьбы теперь совершенно перемѣнились. Общественное мнѣніе было на сторонѣ королей: каждый изъ нихъ былъ силенъ сочувствіемъ своего народа. Между тѣмъ папа не обладалъ уже прежними могучими средствами къ борьбѣ. Не смотря на постоянное мнимое приращеніе внѣшней силы, власть его была подкопана глубоко. Одно пораженіе, одинъ сильный ударъ противника свергнулъ его съ высоты.

Иниціатива этого великаго дѣла принадлежитъ тому народу, которому суждено почти всегда стоять во главѣ всякаго новаго направленія на Западѣ. Французскій король Филиппъ Красивый, самый энергическій представитель новаго государственнаго начала, безпощадный истребитель началъ средневѣковыхъ, занялъ теперь мѣсто императора и то, что не удавалось сдѣлать цѣлымъ поколѣніямъ Франконцевъ и Гогенштауфеновъ, этого достигъ онъ однимъ разомъ. И тѣмъ поразительнѣе былъ ударъ, нанесенный въ это время папству, что на престолѣ римскомъ былъ человѣкъ, который своими безграничными притязаніями далеко оставилъ за собою Григорія VII и Иннокентія III. Никогда еще папа не поднималъ такъ высоко тона: Бонифацій VIII одержимъ былъ какимъ-то упоеніемъ своего всемогущества. Въ праздникъ юбилея 1300 года *), онъ явился въ императорскомъ облаченіи, передъ нимъ несли два меча, въ знакъ его духовнаго и свѣтскаго господства надъ вселенною. Въ такомъ видѣ, сидя на тронѣ, онъ принимаетъ посольство германскаго императора (Альбрехта): „Я самъ императоръ“, оканчиваетъ рѣчь свою гордый первосвященникъ. Какая-то необыкновенная вѣра въ непоколебимость, вѣчность папской власти видна во всѣхъ его поступкахъ и изреченіяхъ. Нигдѣ онъ не предвидитъ опасности и, казалось бы, не предполагаетъ даже возможности сопротивленія. Не обращая вниманія на измѣнившіяся условія, онъ раздаетъ королевства, низлагаетъ королей, отлучаетъ ихъ отъ церкви, призываетъ на судъ въ Римъ. Филиппу IV, сильнѣйшему монарху своего времени, онъ говоритъ въ простыхъ и краткихъ словахъ, безъ всякихъ оговорокъ, что король французскій подвластенъ папѣ въ дѣлахъ свѣтскихъ, равно какъ и духовныхъ. Никогда еще такъ ясно не было высказано такое мнѣніе. Бонифацій говоритъ въ знаменитой буллѣ «Uuam sanctam», что церковь есть одно тѣло съ одною главою; что она имѣетъ въ своемъ распоряженіи два меча, одинъ духовный, другой свѣтскій; что первый находится въ рукахъ первосвященниковъ, второй—въ рукахъ королей и воиновъ, которые употребляютъ его съ позволенія папы и по его предписаніямъ. Но надобно, чтобы мечъ былъ подъ мечемъ, чтобы власть свѣтская подчинена была духовной. Онъ оканчиваетъ объявленіемъ, что покорность всякой земной твари римскому престолу есть необходимый для спасенія членъ вѣры. Въ другой буллѣ Бонифацій говоритъ, что каждый человѣкъ, какое бы ни было его званіе и достоинство, призванный къ апостольскому трибуналу въ Римъ, обязанъ явиться лично—ибо такова воля папы, который, по волѣ Божіей, управляетъ вселенною.

---

*) Для увеличенія доходовъ своей казны папы придумали празднованіе юбилея рожденія Христа сначала чрезъ каждыя сто лѣтъ, а потомъ чрезъ каждые тридцать три года, то есть, по числу лѣтъ земной жизни Спасителя, при чемъ отсутствіе на юбилейномъ празднествѣ разрѣшалось папами желавшимъ имѣть отпущеніе грѣховъ лишь подъ условіемъ внесенія въ папскую казну предстоящихъ путевыхъ издержекъ въ Римъ и обратно. *Примѣчаніе составителя.*

Противъ такихъ безграничныхъ притязаній король французскій аппеллируетъ къ своему народу и находитъ отголосокъ во всѣхъ сословіяхъ. Сильный сочувствіемъ народнымъ, онъ сожигаетъ буллы папы, смѣется надъ папскими угрозами и проклятіями, рѣшается на неслыханное дѣло—выпускаетъ противъ папы своихъ легистовъ. Римскій первосвященникъ, который затмилъ своимъ высокомѣріемъ всѣхъ предшественниковъ, обруганный нагло, обиженный тѣлесно, оскорбленный въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, умираетъ въ порывахъ безсильнаго гнѣва.

Столѣтіемъ раньше такой неслыханный поступокъ, такое наглое насиліе, нанесенное главѣ церкви, намѣстнику Христа на землѣ, непремѣнно возбудило бы всѣ народы: со всѣхъ сторонъ посыпались бы удары на голову безбожнаго короля; Францію ожидала бы участь альбигойцевъ. Теперь ничего этого не было. Современники остаются равнодушны и спокойны; они какъ бы не видятъ во всемъ этомъ дѣлѣ ничего необыкновеннаго, ничего отступающаго отъ обычнаго порядка вещей. Возможность такого равнодушія показываетъ живо, какъ, при всемъ кажущемся внѣшнемъ могуществѣ, подорванъ былъ нравственный авторитетъ папы. Пощечина, данная Бонифацію, не была дѣломъ только личнаго насилія, наглой обидой, нанесенной лицомъ лицу: можно сказать, что великая поэтическая роль папы кончилась. Папа явился обыкновеннымъ человѣкомъ, слабымъ, несовершеннымъ существомъ; ореолъ святости и величія, которымъ окружена была его личность, исчезъ въ глазахъ современниковъ; представилось наглядно, какъ низко упалъ онъ съ прежней высоты своего положенія. Съ тѣхъ поръ мы замѣчаемъ явный поворотъ въ судьбахъ папской власти: она начинаетъ нисходящее движеніе.—Казалось, Бонифацій, плѣненный, жестоко оскорбленный, даже лишенный жизни вслѣдствіе насилія Филиппа,—короля, отлученнаго отъ церкви, короля, который до крайности простиралъ свое презрѣніе къ папскому авторитету,—имѣлъ полное право на месть своихъ преемниковъ. Должно было ожидать, что слѣдующіе папы будутъ продолжать борьбу по примѣру папъ гогенштауфенской эпохи. Случилось другое: наслѣдникъ Бонифація Бенедиктъ XI спѣшитъ примириться съ Филиппомъ, отказывается отъ дѣлъ своего предшественника. Это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе: оно показываетъ, что прежняя солидарность всѣхъ папъ прекращается, что на папскомъ престолѣ перестаетъ господствовать система, а являются простыя личности, которыя по временнымъ обстоятельствамъ перемѣняютъ образъ дѣйствія. Прежняя желѣзная послѣдовательность папской политики исчезаетъ: наступаетъ время уступокъ, сдѣлокъ, личныхъ соображеній, случайныхъ, минутныхъ интересовъ. Бенедиктъ XI, уничтожая буллы своего предшественника, принимая Филиппа въ нѣдра церкви и не настаивая на требованіи удовлетворенія, дѣйствовалъ согласно съ обстоятельствами; но онъ нанесъ такимъ образомъ рѣшительный ударъ папскому авторитету. Папская власть признала себя побѣжденною. Слѣдствія явились очень скоро. Филиппъ не замедлилъ воспользоваться своею побѣдою; ему удалось захватить въ свои руки папу. Второй наслѣдникъ Бонифація VIII, Климентъ V, избранный въ папское достоинство вліяніемъ Филиппа, по требованію его, переноситъ резиденцію въ Авиньонъ. Начинается 70-лѣтній періодъ униженія папъ, такъ называемое вавилонское плѣненіе церкви. Папа теряетъ внѣшнюю независимость и свободу, дѣлается креатурою, вассаломъ французскихъ ко-

ролей, живетъ въ Авиньонѣ подъ ихъ надзоромъ и опекою, нисходитъ на степень французскаго епархіальнаго епископа. Выборъ папъ зависитъ совершенно отъ французскаго короля; большинство кардиналовъ французы; почти всѣ папы авиньонскіе изъ той же націи. Фринцузскій король употребляетъ папу, какъ орудіе для своихъ видовъ, эксплоатируетъ папу и власть его надъ церквами другихъ народовъ, раздѣляетъ съ нимъ доходы церкви, диктуетъ ему прибыльныя буллы, вооружаетъ папу противъ своихъ политическихъ противниковъ.

II. ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

(*Изъ соч. Вызинскаго «Папство и священная римская имперія въ XIV и XV вв.»*).

Судя по всеобщему негодованію, которое возбуждала жизнь папъ въ Авиньонѣ, судя по тѣмъ нареканіямъ, которыя поднимались со всѣхъ концовъ Европы, казалось, что переполнилась мѣра. Но папство готовило христіанскому міру еще одно доселѣ небывалое зрѣлище: 1378 года начался такъ-называемый великій расколъ западной церкви.

Послѣдній изъ авиньонскихъ папъ Григорій XI, чувствуя, что при дальнѣйшемъ отсутствіи его, вся римская область можетъ ускользнуть отъ его власти, рѣшился, несмотря на сопротивленіе своихъ французскихъ кардиналовъ, перенести опять резиденцію въ Римъ. Въ 1377 году онъ возвратился туда;—шесть кардиналовъ не захотѣли сопровождать его и остались въ Авиньонѣ. Въ слѣдующемъ 1378 году папа Григорій XI умеръ. Коллегія кардиналовъ состояла большею частію изъ французовъ, неохотно послѣдовавшихъ за Григоріемъ въ Римъ—имъ принадлежало въ конклавѣ одиннадцать голосовъ изъ шестнадцати. Казалось несомнѣннымъ, что они выберутъ папою одного изъ своихъ и опять возвратятся съ нимъ въ Авиньонъ. Но римскій народъ, предвидя это, рѣшился не допустить новаго выбора француза. Произошло сильное волненіе — вооруженныя толпы окружили конклавъ и съ крикомъ и угрозами потребовали римлянина, или, по крайней мѣрѣ, итальянца. Стѣсненные кардиналы соединили свои голоса въ пользу архіепископа города Бари, Варѳоломея Приньяно, родомъ неаполитанца. Новый папа принялъ имя Урбана VI и былъ коронованъ. Всѣ кардиналы, даже тѣ, которые остались въ Авиньонѣ, присягнули ему и разослали по всему христіанству буллы, извѣщавшія о сдѣланномъ выборѣ. Урбанъ VI былъ человѣкъ ученый, ревностный въ дѣлѣ вѣры и богослуженія, твердой воли, неподкупной нравственности, врагъ всѣхъ злоупотребленій въ церкви, но при томъ гордый, строгій до жестокости, неумолимый, упрямый. Онъ хотѣлъ произвести реформу въ церкви, очистить ее отъ всѣхъ злоупотребленій, уничтожить симонію: но для этого ему недоставало надлежащей умѣренности и хладнокровія. Онъ вздумалъ начать реформу съ кардиналовъ и средствомъ для этого употребилъ ругательства, злословіе и угрозы. Онъ сталъ публично упрекать кардиналовъ въ безнравственности, дурной жизни, жадности къ деньгамъ и роскоши, а потомъ сталъ отнимать у нихъ бенефиціи. Обиженные кардиналы пожалѣли о сдѣланномъ выборѣ, удалились изъ Рима, объявили

выборъ Урбана вынужденнымъ, вслѣдствіе внѣшняго давленія и потому не каноническимъ и не дѣйствительнымъ, и избрали новымъ папою кардинала Роберта Женевскаго, извѣстнаго своею жестокостью и безчеловѣчіемъ предводителя кондотьеровъ. Онъ принялъ имя Климента VII и, разсчитывая на покровительство французскаго короля, поселился въ Авиньонѣ. Такимъ образомъ произошелъ великій расколъ въ церкви. Явилось двое папъ и два папскіе двора—одинъ въ Римѣ, другой въ Авиньонѣ. Западная Европа раздѣлились на двѣ половины: Франція, Шотландія, Савоія, Лотарингія, Кастилія, Аррагонія и Наварра признали авиньонскаго; Германія, Италія, Англія, Данія, Швеція, Польша, Пруссія — римскаго папу. Четыре дѣсятилѣтія продолжалось такое состояніе. Когда умиралъ который нибудь изъ папъ, или римскій, или авиньонскій, кардиналы избирали на его мѣсто другаго. Послѣ смерти Климента VII въ Авиньонѣ избранъ былъ Бенедиктъ XIII, въ Римѣ по смерти Урбана VI—Бонифацій IX, потомъ Иннокентій VII, наконецъ Григорій XII.

Оба папы доказывали законность своего выбора, мѣнялись ругательствами, возводили другъ на друга страшныя обвиненія, своею бранью наполняли всю Европу. Между Римомъ и Авиньономъ завязался странный діалогъ. Римъ поднялъ громкій крикъ противъ порчи Авиньона, Авиньонъ отвѣчалъ обвиненіями, не менѣе справедливыми. Все, что еще оставалось въ тайнѣ, теперь выведено было наружу, разглашено самими папами во всѣ концы міра; современники услыхали такія вещи, которыхъ даже и не подозрѣвали. Папы не усомнились дѣлать другъ на друга формальные доносы. Наконецъ противники стали проклинать другъ друга, обличать въ ереси и проповѣдывать одинъ противъ другаго крестовый походъ.

Злоупотребленія папской власти во время раскола превзошли всякое понятіе. Каждый изъ папъ дѣлалъ свои требованія, какъ единственный законный глава церкви; западное христіанство должно было содержать два папскіе двора, вмѣсто одного. Оба папы нуждались въ деньгахъ и прибѣгали къ самымъ стѣснительнымъ финансовымъ мѣрамъ. Авиньонскій папа Климентъ VII былъ въ совершенной зависимости отъ французскаго короля и раздѣлялъ съ регентомъ Людовикомъ Анжуйскимъ добычу церкви. Часто случалось, что кардиналы переходили отъ одного папы къ другому. Для того, чтобы увеличить преданность своихъ 36-ти большею частію французскихъ кардиналовъ и удержать ихъ при себѣ, авиньонскій папа Климентъ VII надѣлялъ ихъ постоянно лучшими вакантными мѣстами французской церкви, такъ что нѣкоторые соединяли въ своихъ рукахъ по 40 и 50 бенефицій. Наслѣдникъ Климента VII Бенедиктъ XIII превзошелъ его въ злоупотребленіяхъ разнаго рода. Римскій папа Урбанъ VI былъ честнѣе своихъ французскихъ соперниковъ, однакожъ ему принадлежитъ сокращеніе срока юбилея на 33 года. Но при преемникѣ Урбана Бонифаціи IX финансовыя мѣры римской куріи приняли наконецъ характеръ чистаго обмана. Бонифацій сталъ продавать одну и туже бенефицію или церковную должность шести, даже восьми разнымъ лицамъ, и то еще при жизни настоящаго ея обладателя; по смерти бенефиціанта являлось вдругъ нѣсколько претендентовъ, каждый съ купленною папскою экспектанціею въ рукахъ. Начинались тяжбы; это опять было выгодно для папы, потому что такія дѣла поступали въ Римъ и поддерживали доходы папской канцеляріи.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были производить

на современниковъ двое папъ. Народы христіанскіе съ незапамятныхъ временъ воспитаны были въ понятіяхъ о необходимомъ единствѣ церкви. Единство церкви есть главный членъ вѣры, первое условіе бытія церкви; понятіе единства неразлучно съ самою идеею церкви. Поколѣнія передавали поколѣніямъ это убѣжденіе. Въ папѣ народы западной Европы привыкли видѣть живой образъ, внѣшнее представленіе этого единства. Теперь, — не говоря уже о жалкомъ состояніи, о злоупотребленіяхъ церкви, — самое первое условіе ея бытія было нарушено, уничтожено. Масса христіанъ латинскаго обряда чувствовала себя оскорбленною въ завѣтныхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ своихъ. Глубоко затронута была совѣсть западнаго христіанскаго общества. Многочисленная паства римской церкви, привыкшая видѣть въ папѣ намѣстника Іисуса Христа на землѣ, не была теперь въ состояніи разузнать изъ противорѣчивыхъ доказательствъ и свидѣтельствъ, которому изъ недостойныхъ пастырей, ругавшихъ и проклинавшихъ другъ друга, законнымъ образомъ принадлежало управленіе церкви. Двое папъ! образъ этотъ, какъ страшное привидѣніе, носился надъ народными массами, порождалъ въ душахъ тягостное сомнѣніе, безпокоилъ совѣсть вѣрныхъ сыновъ церкви. Легко себѣ представить, какъ невыносимо было такое сомнѣніе въ эти вѣка свѣжаго и теплаго религіознаго чувства. Который изъ папъ истинный папа? Признавши одного изъ нихъ, можно было ошибиться, и тогда страшная опасность грозила душѣ христіанина: онъ добровольно навлекалъ на себя справедливый гнѣвъ Божій, сомнительнымъ становилось самое спасеніе въ будущей жизни.

При такомъ тревожномъ состояніи духа народныхъ массъ въ первый разъ идея церкви рѣшительно отдѣлилась въ народномъ сознаніи отъ ея внѣшняго представленія. Тогдашняя западная церковь, принявшая на себя совершенно мірской характеръ, раздираемая ссорами папъ и ихъ кардиналовъ, показалась современникамъ явнымъ отрицаніемъ настоящей церкви Христовой. Порча церкви, глубокое искаженіе ея назначенія сдѣлались очевидными для всѣхъ. Тогда со всѣхъ концовъ Европы поднялся одинъ мучительный крикъ, требовавшій исправленія реформы искаженной церкви и прежде всего прекращенія раскола, возстановленія единства. Всѣ взоры устремились на людей свѣдущихъ, ученыхъ, докторовъ богословія, членовъ университетовъ, свѣтила церкви. Общественое мнѣніе, голосъ народный обратился къ нимъ съ требованіемъ указать средства для прекращенія раскола, пріискать лѣкарство противъ страшной болѣзни церкви, подвинуть ее изъ глубокаго паденія. И естественно, люди свѣдущіе и ученые должны были знать нужды церкви, ея недостатки и настоящее значеніе; имъ, какъ здоровымъ частицамъ въ тѣлѣ церкви, и слѣдовало спасать частицы зараженныя.

Между всѣми университетами тогдашняго времени первое мѣсто занимаетъ парижскій. Другіе называли его alma mater, считали себя его колоніями, были устроены по его образцу. Парижскій университетъ имѣлъ всегда самыхъ лучшихъ профессоровъ богословіи и схоластической философіи; богословскій его факультетъ пользовался высшимъ авторитетомъ въ западномъ христіанствѣ. Огромное количество студентовъ стекалось къ нему со всѣхъ сторонъ Европы. Число ихъ доходило обыкновенно до двадцати тысячъ. Университетъ парижскій отличался всегда независимымъ духомъ и умѣлъ защищать свои права противъ папъ и государей. Уча-

стіе въ великихъ дѣлахъ церкви и государства, какъ напр. въ спорѣ Филиппа IV съ Бонифаціемъ VIII, въ дѣлѣ ордена тампліеровъ, чрезвычайно возвысило его значеніе. Въ несчастное правленіе Карла VI онъ принимаетъ самое живое и рѣшительное участіе въ дѣлахъ государственныхъ и становится во главѣ народнаго движенія. Теперь, въ смутное время раскола, университетъ парижскій, оправдывая всеобщія ожиданія, смѣло принимаетъ въ свои руки иниціативу въ великомъ дѣлѣ реформы церкви, дѣлается могучимъ органомъ общественнаго мнѣнія и, при упадкѣ и порчѣ всѣхъ установленныхъ законныхъ властей церкви, достигаетъ небывалаго и грознаго для самаго папскаго престола авторитета.

Три великія свѣтила церкви, три славные профессора и великіе писатели: Петръ д'Айли, Іоаннъ Жерсонъ и Николай Клеманжисъ, озаряли къ концу XIV и началу XV столѣтія особеннымъ блескомъ парижскій университетъ, давали ему тонъ, руководили его дѣйствіями. Эти великіе доктора и всѣ имъ подобные люди какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, давно уже со скорбію смотрѣли на плачевное состояніе церкви. Расколъ представилъ во всей наготѣ ея язвы, открылъ всѣмъ глаза и доставилъ возможность свободнаго и безпристрастнаго сужденія. Въ прежнія времена только отдѣльные голоса подымались противъ злоупотребленій папъ и духовенства. Теперь, въ виду раскола и его послѣдствій, всѣ лучшіе, образованные люди, самые ревностные поборники римской церкви сдѣлались противниками папской системы. Всѣ лучшіе люди отвратили свои взоры отъ печальнаго зрѣлища, которое представляла дѣйствительность, и устремили ихъ въ первыя времена существованія церкви. Тамъ они искали ея идеала, тамъ надѣялись найти средства и способы для прекращенія раскола и возстановленія первоначальной чистоты. Первое, что поражало каждаго, при такомъ сравненіи древняго состоянія церкви съ новымъ, было чрезмѣрное увеличеніе папской власти, неслыханныя узурпаціи и злоупотребленія римской куріи. Ничего подобнаго не было въ древнія лучшія времена церкви, въ эпоху ея евангельской чистоты. Естественно, что послѣ этого папа долженъ былъ показаться главнымъ виновникомъ всѣхъ золъ. Онъ былъ источникомъ всѣхъ злоупотребленій, онъ своимъ мірскимъ направленіемъ пагубнымъ образомъ подѣйствовалъ на всю церковь и низвелъ ее съ прямаго пути, онъ своимъ дурнымъ примѣромъ развратилъ духовенство, онъ уничтожилъ самостоятельность народныхъ церквей, онъ, наконецъ, былъ единственною причиною раскола. Папа—главный виновникъ порчи и искаженія церкви, въ чрезмѣрномъ преувеличеніи его власти лежитъ корень зла:—слѣдовательно, для того, чтобы исцѣлить церковь, возстановить ее въ первоначальной чистотѣ, слѣдуетъ уничтожить этотъ корень зла, ограничить власть папы;—для того, чтобы произвести реформу въ церкви, надобно прежде всего реформировать римскую курію. Вотъ главная мысль оппозиціоннаго движенія, возникшаго въ нѣдрахъ самой церкви вслѣдствіе раскола,—вотъ profession de foi всей либеральной партіи, желавшей реформы. Эта оппозиція, образовавшаяся въ нѣдрахъ самой церкви, не доходила еще до мысли о возможности совершеннаго устраненія папы. Убѣжденіе въ необходимости внѣшняго единства церкви было еще во всей силѣ. Папа былъ изображеніемъ этого единства, безъ папы оно казалось невозможнымъ. Либеральная партія внутри церкви считала возможнымъ ограниченіе папской власти безъ нарушенія единства церкви—и поставила задачею достиженіе такого ограниченія и возстановленіе единства, уничтоженнаго расколомъ.

Но какимъ путемъ достигнуть прекращенія раскола, какимъ путемъ ограничить власть папы и искоренить всѣ злоупотребленія римской куріи? Нельзя было, какъ это увидимъ впослѣдствіи, надѣяться на то, чтобы который нибудь изъ папъ, римскій или авиньонскій, добровольно отказался отъ престола и такимъ образомъ положилъ конецъ пагубному раздвоенію. Равнымъ образомъ трудно было ожидать, чтобы оба соперника согласились сложить съ себя власть и уступить ее третьему. Тѣмъ менѣе еще было надежды на то, чтобы папа добровольно отказался отъ всѣхъ преувеличеній своей власти, чтобы самъ ограничилъ ее и умѣрилъ свои притязанія. Невозможно было ожидать, чтобы иниціатива въ дѣлѣ реформы церкви вышла отъ папскаго престола, чтобы папа прекратилъ добровольно всѣ тѣ злоупотребленія, которыя были такъ полезны для римской куріи и приносили столько дохода. Напротивъ, интересъ папы былъ—удерживать все in statu quo и не допускать ни малѣйшаго отступленія отъ принятой однажды системы. На этомъ основывалось его значеніе какъ абсолютнаго монарха церкви. Plenitudo potestatis apostolicae, въ силу которой дѣйствовалъ папа, не допускала никакого ограниченія. Вся сущность папской власти, главнымъ образомъ, состояла въ ея неограниченности. Очевидно, что пока папа былъ признаваемъ высшею инстанціею въ церкви, пока ему приписывалось право исключительной иниціативы во всѣхъ законодательныхъ мѣрахъ, словомъ, покамѣстъ признавались истинными всѣ начала и понятія, легшія въ основу папскихъ декреталій XI, XII, XIII и XIV столѣтій, до тѣхъ поръ нельзя было думать ни о прекращеніи раскола, ни о реформѣ папской системы. Для достиженія того и другаго надобно было найти исходную точку, надобно было признать трибуналъ высшій, нежели папа, трибуналъ, который рѣшилъ бы окончательно споръ между Римомъ и Авиньономъ, законодательную же иниціативу перенести къ другому центру. Словомъ, отъ понятія абсолютной папской монархіи надобно было возвратиться къ болѣе свободнымъ началамъ древней церкви. Такъ и сдѣлала либеральная церковная оппозиція. Въ древней церкви она нашла готовое средство противъ всѣхъ золъ времени—вселенскіе соборы, на которыхъ рѣшались всѣ великія дѣла церковныя и предпринимались общія законодательныя мѣры. Вселенскіе соборы представляли собою всю церковь, были органомъ, посредствомъ котораго выражалась совокупная ея воля. Для прекращенія раскола и произведенія реформы необходимо было признать инстанцію высшую, нежели папа; естественно, что такою высшею инстанціею должна была показаться сама церковь, представляемая соборомъ, церковь, изъ среды которой избираемъ былъ папа. Не церковь существовала для папы, но папа для церкви. Церковь каждый разъ производила изъ себя новаго папу, она относилась къ нему, какъ нѣчто первоначальное, постоянное къ производному, случайному: слѣдовательно, ея совокупная воля, выраженная соборомъ, должна была имѣть перевѣсъ надъ личною волею папы. Свѣжіе историческіе факты, всѣмъ извѣстные, подкрѣпляли это мнѣніе. Филиппъ Красивый въ спорѣ съ Бонифаціемъ VIII, Людовикъ Баварскій въ борьбѣ съ авиньонскими папами аппелировали отъ пристрастныхъ приговоровъ папскаго престола къ собору, какъ къ высшему трибуналу. Чѣмъ отдаленнѣе прошедшее, тѣмъ болѣе представлялось примѣровъ, говорящихъ въ пользу соборовъ. Древній обычай приписывалъ императорамъ право въ случаѣ раскола, внутреннихъ раздоровъ въ церкви или внѣш-

нихъ опасностей, созывать соборы и предпринимать всѣ мѣры для возстановленія мира и единства. Императоры Фридрихъ Барбарусса, Генрихъ III и еще прежде Оттонъ I пользовались этимъ правомъ и были счастливы въ своихъ усиліяхъ. Въ то время, когда еще и не слышно было о римскомъ папѣ и его суприматѣ, вселенскіе соборы уничтожали расколы и ереси, издавали законы, обязательные для всей церкви, положили основаніе всему церковному устройству. Въ нихъ сосредоточивалась вся законодательная власть церкви. Папы, пользуясь обстоятельствами, мало-по-малу присвоили себѣ эту власть de facto и низвели соборы на степень совѣщательныхъ собраній. Но развѣ слѣдовало отсюда, что церковь de jure лишилась своего права вслѣдствіе папской узурпаціи? могла ли папская узурпація окончательно уничтожить природное право церкви, связанное съ самымъ ея началомъ, неразлучное съ ея существомъ и отнять безвозвратно законодательную власть у соборовъ? Такія мнѣнія все болѣе и болѣе распространялись даже между ревностными приверженцами римской церкви. Получая свое начало въ парижскомъ и другихъ университетахъ, они мало-по-малу дѣлались всеобщимъ достояніемъ. Требованіе собора сдѣлалось сигналомъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей. Подъ вліяніемъ продолжавшагося раскола, въ виду соблазна, производимаго папою и антипапою, либеральная церковная оппозиція мало-по-малу выработала изъ своихъ мнѣній цѣлую теорію, составила по своимъ началамъ новую систему церковнаго устройства. Начала, высказанныя главами этой оппозиціи, выразились потомъ на соборахъ въ Пизѣ, Констанцѣ и Базелѣ.

III. СОСТОЯНІЕ ПАПСТВА ВЪ ЧЕТЫРНАДЦАТОМЪ И ПЯТНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІЯХЪ.

(По соч. Ранке «Римскіе папы»).

Изъ всѣхъ народовъ Западной Европы французы первые оказали рѣшительное сопротивленіе притязаніямъ папы. Съ національнымъ единодушіемъ воспротивились они въ началѣ XIV вѣка отлучавшимъ ихъ отъ церкви булламъ Бонифація VIII. Всѣ народныя власти въ нѣсколькихъ сотняхъ совѣщательныхъ грамотъ одобрили предпріятія Филиппа Красиваго.

За французами послѣдовали нѣмцы. Какъ скоро папы съ прежнею горячностію начали нападать на императорскую власть, и этимъ подали поводъ къ иностранному вмѣшательству, то курфюрсты собрались на берегахъ Рейна, у своихъ каменныхъ замковъ на Рензенскомъ полѣ, чтобы согласиться на счетъ общей мѣры къ огражденію «чести и достоинства имперіи». Ихъ намѣреніемъ было оградить независимость имперіи отъ посягательствъ папъ торжественнымъ актомъ, который вскорѣ и состоялся отъ имени всѣхъ властей: императора, герцоговъ и курфюрстовъ; они единодушно опровергали основныя начала папскаго государственнаго права.

Отъ нѣмцевъ и французовъ не надолго отстала и Англія. Нигдѣ папы не имѣли столь большаго вліянія и нигдѣ не распоряжались произвольнѣе церковными доходами, какъ въ Англіи. Но когда (въ половинѣ XIV вѣка) Эдуардъ III не захотѣлъ, наконецъ, платить дани, къ которой обязались его предшественники, то парламентъ присоединился къ нему и

обѣщалъ ему свою поддержку. Король принялъ мѣры, чтобы предотвратить и прочія посягательства папской власти.

Мы видимъ, нація одна за другою начинаютъ сознавать свою самостоятельность и индивидуальность. Въ оффиціальныхъ сферахъ не хотятъ болѣе знать ни о какомъ высшемъ авторитетѣ; и въ среднихъ слояхъ общества папы также не находятъ болѣе союзниковъ; вмѣшательство ихъ рѣшительно отвергается государями и сословіями.

Между тѣмъ и само папство пришло въ такую слабость и разстройство, что сдѣлалось возможнымъ обратное вмѣшательство—свѣтской власти въ дѣла папъ. Наступилъ расколъ. Долгое время государи, смотря по своимъ политическимъ видамъ, приставали то къ одному, то къ другому папѣ. Духовная власть сама собою не имѣла средствъ уничтожить расколъ. Сдѣлать это была въ силахъ только свѣтская власть. Когда съ этой цѣлью открытъ былъ соборъ въ Констанцѣ, гдѣ голоса подавались уже не поголовно, какъ было прежде, а отъ каждой изъ четырехъ націй, то представители всѣхъ націй съ общаго согласія низложили папу на этомъ соборѣ. Новоизбранный папа долженъ былъ заключить конкордаты съ отдѣльными націями. Событія эти очень много способствовали упроченію преобладанія свѣтской власти и самостоятельности отдѣльныхъ государствъ.

Но, не смотря на все это, папа все еще имѣлъ большое значеніе: онъ пользовался общимъ повиновеніемъ. Императоръ водилъ подъ уздцы его коня. На сѣверѣ все еще собираема была лепта Св. Петра. Многочисленные пилигримы отовсюду стекались въ Римъ на юбилей 1450 г. къ апостольскимъ ступенямъ. Однако прежнія отношенія къ папѣ далеко уже не имѣли мѣста.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно вспомнить о рвеніи, съ которымъ шли на защиту Св. гроба и сравнить съ этимъ ту холодность, съ которою въ XV ст. принимаемо было воззваніе къ общему сопротивленію противъ турокъ. Теперь всѣмъ было гораздо нужнѣе защищать собственныя земли отъ опасности, которая постоянно грозила со стороны сосѣдей, чѣмъ думать о возвращеніи въ руки христіанъ Св. гроба.

Юношеское чувство рыцарскаго христіанства миновало, и ни одинъ папа не былъ въ силахъ его пробудить.

Другіе интересы управляли тогдашнимъ міромъ. Это былъ періодъ, въ который европейскія государства укрѣплялись послѣ продолжительной внутренней борьбы. Центральнымъ властямъ удалось преодолѣть партіи, до того времени колебавшія троны, собрать вокругъ себя всѣхъ своихъ подданныхъ, которые сдѣлались готовыми вновь повиноваться. Весьма скоро начали смотрѣть съ точки зрѣнія государственной власти и на папство, которое стремилось ко всеобщему господству и во все вмѣшивалось. Государство стало предъявлять болѣе обширныя притязанія, чѣмъ до тѣхъ поръ.

Многіе думаютъ, что папство до самой реформаціи было почти неограниченно. На самомъ же дѣлѣ уже втеченіи XV и въ началѣ XVI ст. государства присвоили себѣ немалую долю духовныхъ правъ и привиллегій.

Во Франціи посягательства римскаго престола были устранены болѣе всего прагматическою санкціею (Карла VII), на которую около полувѣка смотрѣли какъ на палладіумъ государства. Хотя Людовикъ XI, по своей притворной набожности, допустилъ, съ своей стороны, уступчивость въ

отношеніи къ папѣ, однако его преемники тѣмъ ревностнѣе возвратились къ означенному основному государственному закону. Когда затѣмъ Францискъ I заключилъ съ Львомъ X свой конкордатъ, то полагали, что римскій дворъ снова чрезъ это достигъ прежняго преобладанія. И, дѣйствительно, папа снова получилъ аннаты. Однако вмѣсто нихъ онъ долженъ былъ, съ своей стороны, утратить многіе другіе доходы, и, главное, онъ предоставилъ королю право назначенія епископовъ и другихъ высшихъ сановниковъ церкви. Безспорно, галликанская церковь утратила свои права, но гораздо менѣе въ пользу папы, чѣмъ въ пользу короля. Принципъ, изъ за котораго Григорій VII готовъ былъ перевернуть весь міръ, покинутъ былъ Львомъ X уже довольно равнодушно.

Въ Германіи недостаточно было для папы согласиться съ главою имперіи: надо было имѣть на своей сторонѣ и государственныя сословія. Архіепископы майнцскій и трирскій получили отъ папы право раздавать вакантныя духовныя мѣста; курфюрстъ бранденбургскій пріобрѣлъ полномочіе замѣстить три епископства въ своихъ владѣніяхъ; даже менѣе значительные города также получили подобныя права. Впрочемъ, общая оппозиція не была еще укрощена этимъ. Въ 1487 году все государство возстало противъ десятины, которую хотѣлъ наложить папа, и отвергло ее. Въ 1500 г. правительство ассигновало папскому легату лишь третью долю дохода съ индульгенцій: двѣ трети оно хотѣло взять себѣ и обратить на войну съ турками.

Въ Англіи пошли гораздо далѣе тѣхъ уступокъ, къ которымъ обязано было папство констанцскими постановленіями. Правомъ назначать кандидата на епископскія каѳедры Генрихъ VII пользовался уже безспорно. Онъ не довольствовался тѣмъ, что отъ него зависѣло повышеніе духовныхъ лицъ: онъ взялъ себѣ и половину аннатовъ. Насильственное закрытіе весьма многихъ монастырей въ Англіи рѣшилось еще прежде, чѣмъ возникла тамъ мысль о протестантизмѣ.

Между тѣмъ и южныя государства не отставали отъ прочихъ. Испанскій король также пользовался правомъ замѣщенія епископскихъ каѳедръ. Фердинандъ Католикъ, кромѣ того, нерѣдко сопротивлялся папскимъ сановникамъ. Въ Португаліи король Эммануилъ присвоилъ себѣ десятую часть съ духовныхъ имуществъ, выговоривъ себѣ право раздавать ее, по своему благоусмотрѣнію, за заслуги.

Короче, всюду, во всемъ христіанскомъ мірѣ старались ограничить права папы. Участіе въ пользованіи церковными доходами и раздача духовныхъ мѣстъ и имѣній были въ особенности предметами притязаній государственной власти. Папы противъ этого уже не оказывали серьезнаго сопротивленія. Они старались удержать за собою лишь то, что могли; въ остальномъ-же уступали. И въ Италію проникъ этотъ духъ оппозиціи. Самъ Лоренцо-Медичи говоритъ, что, слѣдуя примѣру сильныхъ государей, и онъ исполнялъ папскія повелѣнія только тогда, когда ему это хотѣлось.

Было-бы заблужденіемъ видѣть въ этихъ стремленіяхъ свѣтской власти только дѣйствіе личнаго произвола. Церковное направленіе не преобладало уже съ прежней силой въ жизни европейскихъ народовъ: на первый планъ выдвинулось развитіе національностей, организація государствъ. Необходимо было, чтобы вслѣдствіе этихъ новыхъ цѣлей, испытали преобразованіе и взаимныя отношенія духовной и свѣтской власти. Да и въ самихъ папахъ замѣчалась уже большая перемѣна.

IV. ЦЕРКОВНОЕ СОСТОЯНІЕ ЧЕХІИ ПЕРЕДЪ ПОЯВЛЕНІЕМЪ ГУСА.

(По сочиненію Бильбасова «Чехъ Янъ Гусъ»).

Эпоха реформаторскаго движенія Чехіи въ XV стол., запечатлѣнная жизненною дѣятельностію и мученическою смертію Яна Гуса, «когда чешскій народъ позвалъ на судъ римское духовенство и свою собственную латино-нѣмецкую гражданственность», — эта эпоха, со всею ея историческою, міровою многозначительностію, объясняется лишь присутствіемъ православной стихіи въ историческомъ организмѣ чешскаго народа.

Какъ самая личность Гуса, такъ равнымъ образомъ его дѣятельность и послѣдующая судьба гуситскаго движенія могутъ быть поняты лишь въ связи съ непрерывною преемственностію греко-восточныхъ преданій въ Чехіи.

Чехія до появленія въ ней солунскихъ братьевъ оставалась страною языческою, и крещеніе нѣсколькихъ чеховъ въ 845 г., какъ явленіе частное, вынужденное политическою необходимостію, не имѣло никакого вліянія на убѣжденія народа. Чешскій князь Боривой былъ крещенъ панонскимъ архіепископомъ Меѳодіемъ. Св. Кириллъ посѣтилъ Чехію въ 867 г., въ лютомышльскомъ храмѣ положилъ мощи св. папы Климента и трудился вмѣстѣ съ братомъ надъ распространеніемъ свѣта евангельской истины. Къ концу царствованія Боривоя православіе уже процвѣтало въ Чехіи: «христіанская вѣра, насажденная Кирилломъ, приверженцемъ греческой церкви, по обряду не римскому, а греко-восточному, съ каждымъ днемъ возрастала среди непрерывныхъ гоненій язычниковъ, и производила благотворное вліяніе на убѣжденія народа». Это были начатки, которымъ суждена была тяжелая борьба съ латинствомъ.

По смерти Боривоя (въ нач. X в.) совершается, не безъ сильныхъ потрясеній, важное событіе, обусловившее во всей послѣдующей исторіи Чехіи борьбу двухъ началъ, православнаго и католическаго: вслѣдствіе вторженія венгровъ, разорвавшихъ непрерывную связь славянскихъ племенъ отъ лѣсовъ чешской земли до береговъ Чернаго Моря, чешскій князь отдался подъ покровительство нѣмецкаго императора Арнульфа, что на средне-вѣковомъ языкѣ равнялось подчиненію не только политическому, но и религіозному.

Со времени Вячеслава, съ половины X стол., исторія Чехіи раздвояется; въ ней можно услѣдить какъ бы два церковно-религіозные потока: съ одной стороны—государи, дворянство и высшее духовенство отдаются всецѣло западной, латинской церкви, которая становится какъ бы государственною религіею Чехіи; съ другой—народъ и нисшее духовенство, свято хранятъ въ себѣ и оберегаютъ отъ внѣшняго гнета преданія греко-восточной церкви. Борьба этихъ двухъ началъ, борьба слишкомъ неравная, составляетъ внутреннее содержаніе чешской исторіи; лѣтописи и хроники, преимущественно латинскія, не оставили намъ указаній того народнаго потока чешской жизни въ средніе вѣка, который позже вызвалъ изъ народа Яна Гуса и въ теченіи многихъ лѣтъ давалъ кровавую пищу гуситскимъ волненіямъ; какъ православное начало въ Чехіи, такъ и борьбу его съ католическимъ началомъ можно прослѣдить лишь по немногимъ, скуднымъ указаніямъ, не всегда, впрочемъ, отрицательнаго только характера.

Въ XI стол., когда католичество распространилось по всей западной Европѣ, гонимое православіе все еще довольно сильно сказывается въ чешской

жизни. Элементъ православія нашелъ въ XI вѣкѣ, между прочимъ, сильнаго себѣ защитника въ чешскомъ князѣ Брячиславѣ I (1037—1055), который былъ другомъ не только славянской народности, но и православной вѣры, что въ то время начало уже разъединяться.

XIII столѣтіе представляетъ намъ полное торжество католичества въ Чехіи. Царствованіе Вячеслава II (1230—1253) есть время глубокаго паденія славянской народности и совершенной покорности папскому престолу. Лучшій изъ королей чешскихъ питаетъ глубокое отвращеніе ко всему православному Востоку. Между тѣмъ, это именно XIII столѣтіе имѣетъ особенное значеніе для гуситства, которое было вызвано преимущественно запрещеніемъ причащать мірянъ подъ обоими видами.

Въ 1215 году, постановленіемъ лютеранскаго собора, римская церковь уничтожила для мірянъ чашу; но въ Чехіи причащеніе подъ обоими видами доводитъ православный вопросъ до самого Гуса. Хотя въ источникахъ нѣтъ указаній на этотъ догматъ въ XIII стол., но религіозныя событія въ XIV столѣтіи не оставляютъ никакого сомнѣнія въ непрерывномъ его существованіи въ Чехіи; слѣдовательно, въ Чехіи былъ особенный рядъ православныхъ священниковъ, удержавшихся, не смотря на усилія западной церкви.

Въ XIV стол., преимущественно же въ царствованіе Карла IV, не смотря на молчаніе лѣтописей, становится уже легко прослѣдить раздѣленіе чешскаго народа на двѣ группы, католическую и православную, такъ какъ теперь православіе въ Чехіи приходитъ въ сознаніе своей силы, охватываетъ большую часть народа и все громче требуетъ права гражданства, при чемъ отличіе его отъ католичества все рѣзче и рѣзче выступаетъ наружу.

Римская церковь, утвердившая престолъ свой въ той славянской землѣ, которую современники съ гордостію называли разсадникомъ человѣческой и божественной мудрости, образцомъ христіанской религіи,—римская церковь носила въ себѣ самой зародыши паденія. Ослѣпленные внѣшнимъ великолѣпіемъ, католики не замѣчали той внутренней порчи, которая медленно, но съ ужасною силою заражала внутренность больнаго тѣла и подтачивала жизненныя силы. При внѣшнемъ богатствѣ изчезаетъ внутренній духъ христіанства. Всѣ великія вѣрованія, вынесенныя западною церковью изъ одного источника съ православіемъ, нисходятъ на степень обрядовъ: законъ милосердія подчиняется строгимъ формуламъ благотворительности; размножается поддѣлка святыхъ, и мощи святыхъ разносятся на торжищахъ алчными монахами; продажа индульгенцій усиливается; почитаніе святыхъ доходитъ до грубаго суевѣрія; новые угодники создаются мановеніемъ папы; строгая иконопись въ суровомъ византійскомъ стилѣ принимаетъ характеръ пластической чувственности, и иконы замѣняются статуями съ изящными формами человѣческаго тѣла. Кровавыя распри между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ отвращаютъ вниманіе Рима отъ православной стихіи въ Чехіи, которая сильно трудится надъ возстановленіемъ народнаго начала.

Православные чехи, меньшая гонимая часть чешскаго народа, сохранила чистоту евангельскаго ученія и регулировала по ней жизнь свою. Современники не безъ основанія называли чеховъ народомъ по преимуществу христіанскимъ и восхваляли ихъ религіозный характеръ; суровый католикъ папа Мартинъ V, отзывался о нихъ, какъ о вѣрнѣйшихъ хранителяхъ евангельскаго ученія. Дѣйствительно, во время феодальнаго варварства чехи могли служить образцомъ для западнаго человѣчества и считаться драгоцѣннѣйшимъ камнемъ въ тіарѣ римскаго первосвященника, еслибъ Римъ могъ понимать всю духов-

ную силу православія, воодушевлявшаго чеховъ. Чехія того времени не сохранила чистаго ученія восточной церкви; явные приверженцы греко-славянскаго церковнаго преданія были рѣдки; но, тѣмъ не менѣе, западная, римская вѣра не была въ Чехіи того времени нетолько всенародною, она не была даже просто народною: народъ жилъ иною вѣрою и иною жизнію, неумѣстившеюся въ латинской вѣрѣ и латинской образованности, неупомянутой въ латинскихъ памятникахъ, долго таившеюся подъ наружными формами западной образованности и, наконецъ, проложившею себѣ широкій путь къ самостоятельному развитію въ эпоху Гуса и гуситства. Въ началѣ XIV стол. православіе является въ Чехіи въ обширныхъ размѣрахъ,—народъ, духовенство и большая часть дворянства исповѣдуютъ уже вѣру отцовъ своихъ; на это указываетъ загадочное извѣстіе лѣтописца подъ 1301 годомъ. «Приходскіе священники были наемники, а не пастыри; они служили обѣдни и преподавали церковныя таинства по власти своихъ покровителей». Въ этомъ лѣтописномъ извѣстіи высказался тайный намекъ на причащеніе подъ обоими видами и на славянское богослуженіе, совершавшееся уже открыто подъ покровительствомъ сильныхъ вельможъ. Необходимость роднаго языка при богослуженіи до того сильно проникла въ убѣжденія народа, что вынудила основаніе славянскаго монастыря: эммаусская обитель была основана императоромъ Карломъ IV, который въ новомъ своемъ уложеніи провозглашалъ католическую вѣру единственною религіею въ Чехіи, присуждалъ еретиковъ и ослушниковъ западной церкви къ изгнанію, даже къ костру, и облекалъ не только духовныя, но и свѣтскія лица въ страшныя права инквизиціи! Что въ эммаусскомъ монастырѣ сохранялось причащеніе подъ обоими видами, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: «при входѣ въ церковь находишь поверхъ купели знаменательную надпись: эта церковь монастыря славянскаго католиковъ подъ обоими...» послѣднія слова нѣсколько стерлись.

Вся послѣдняя четверть XIV столѣтія отличается необыкновенною дѣятельностію во всѣхъ сословіяхъ чешскаго общества. Борьба между католическимъ и православнымъ началомъ, веденная въ Чехіи въ теченіи вѣковъ, близится къ развязкѣ. Чехія наполняется ересями, защитники православія явно отказываются отъ участія въ латинскомъ богослуженіи; по всѣмъ концамъ Чехіи происходятъ кровавыя сцены, предвѣстники ужасовъ таборитскихъ. «Вѣра и любовь исчезли», говоритъ лѣтописецъ, «люди предались удовольствіямъ міра, перестали поклоняться Богу и святымъ». Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду моровая язва опустошаетъ Чехію. Среди народныхъ бѣдствій, православіе вступаетъ въ открытую борьбу съ католичествомъ; чѣмъ ниже падаетъ римское духовенство, тѣмъ сильнѣе выступаютъ представители православнаго начала, бывшаго въ Чехіи началомъ народнымъ, тѣмъ опредѣленнѣе формулируютъ они свои требованія и настойчивѣе идутъ къ своей цѣли. XIV стол. представило цѣлый рядъ такихъ передовыхъ людей въ Чехіи, рядъ непрерывный настолько, что въ годъ смерти Конрада Щекны рождается Янъ Гусъ. Въ числѣ сторонниковъ перваго и предшественниковъ втораго обращаютъ на себя особенное вниманіе реформаторскимъ направленіемъ своей дѣятельности два славянина—моравъ Миличь и чехъ Матвѣй Парижскій.

Янъ Миличь Кремзирскій, секретарь и вице-канцлеръ чешскаго короля и императора Карла IV, отличался своимъ благочестіемъ, проявлявшимъ окраску аскетической строгости: онъ носилъ нерѣдко вериги, желѣзныя цѣпи на голомъ тѣлѣ. Его, какъ и многихъ въ то время, возмущала крайняя распущенность корыстолюбиваго латинскаго духовенства и занимала идея «быть послѣ-

дователемъ Христа въ благовѣствованіи Евангелія въ бѣдности и смиреніи». Дворъ одного изъ самыхъ роскошныхъ императоровъ съ его утонченнымъ развратомъ и грубымъ индифферентизмомъ сталъ невыносимъ для Милича: онъ отказался отъ всѣхъ своихъ почестей и имѣній, покинулъ столицу, удалился къ своимъ православнымъ братьямъ, которые не смѣли еще показаться въ Прагѣ, но уже близко подступали къ ней. По возвращеніи въ Прагу, Миличь говоритъ къ народу проповѣди на чешскомъ языкѣ, при чемъ его моравское произношеніе вызываетъ въ слушателяхъ сначала улыбку, даже насмѣшку; но скоро внутренній смыслъ проповѣди взялъ верхъ надъ внѣшнею странностію произношенія, и Миличь, удовлетворяя требованію народа, долженъ былъ проповѣдывать по нѣскольку, нерѣдко по пяти разъ въ день. Его проповѣдь была сурова: нападая на пороки духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, онъ не щадилъ никого и однажды доказывалъ императору въ глаза, что онъ великій антихристъ, за что и былъ заключенъ въ темницу. Обвиняемый пражскими богословами, Миличь аппелировалъ къ папѣ Урбану V и отправился въ Римъ, гдѣ, на глазахъ кардиналовъ, прибилъ къ дверямъ св. Петра объявленіе о бывшемъ ему божественномъ откровеніи, что антихристъ явился и сидитъ въ церкви Христовой. Римскій инквизиторъ тотчасъ же, въ самомъ храмѣ, арестовалъ его и заключилъ въ темницу къ миноритамъ, злѣйшимъ врагамъ Милича. Нищенствующіе монахи, убѣжденные, что Миличь не избѣжитъ на этотъ разъ казни, радостно объявляли съ пражскихъ каѳедръ о скоромъ сожженіи Милича. Но съ пріѣздомъ въ Римъ Урбана V все измѣнилось: неизвѣстно, о чемъ разговаривалъ папа съ проповѣдникомъ, но Миличь былъ немедленно освобожденъ и никогда уже болѣе не проповѣдывалъ явленія антихриста.

По возвращеніи въ Прагу, Миличь является «отчаяннымъ демагогомъ»: онъ исповѣдуетъ тысячи народа, кормитъ нищихъ, утѣшаетъ печальныхъ, предстательствуетъ за виновныхъ; сбросивъ съ себя личину католика, онъ громилъ нищенствующихъ монаховъ и все духовенство; заботясь о благѣ народномъ, онъ на закатѣ дней своихъ выучиваетъ нѣмецкій языкъ и начинаетъ проповѣдывать на этомъ языкѣ, убѣдившись, быть можетъ, на практикѣ, что нѣмецкіе обитатели Праги болѣе чешскихъ нуждаются въ наставленіи. Его слово было сильно, его рѣчь убѣдительна: по его настоянію, женщины перестали наряжаться, и особый кварталъ Праги, пріютъ разврата «Малая Венеція» преобразился въ «Малый Іерусалимъ». Особенно сильно громилъ Миличь нищенствующихъ монаховъ, подвергая такимъ образомъ самую свою жизнь опасности. Преслѣдовать Милича въ Прагѣ тайно или явно было уже въ то время невозможно, и враги послали на него доносъ къ папѣ, формулировавъ въ двѣнадцати статьяхъ свои обвиненія Милича въ еретичествѣ. Папа Григорій XI вызвалъ Милича къ суду, предписалъ архіепископу пражскому преградить путь дальнѣйшему распространенію ереси, и просилъ императора Карла IV принять мѣры къ истребленію лжеученія. Противъ мѣръ, предпринятыхъ пражскимъ инквизиторомъ, Миличь аппелировалъ къ папѣ и постомъ 1371 г. отправился въ Авиньонъ, гдѣ легко оправдался отъ взведенныхъ на него обвиненій, но простудился, заболѣлъ и умеръ (1374 г.).

Въ его проповѣди таится зародышъ ближайшихъ явленій, совершившихся въ началѣ XV стол.; въ лицѣ Милича православіе ступило огромный шагъ и стало твердою ногою на католической почвѣ доселѣ нетронутой Праги.

Ученикъ Милича въ пражскомъ университетѣ, Матвѣй закончилъ свое образованіе въ Парижѣ, гдѣ получилъ степень магистра, отчего и былъ извѣстенъ какъ «магистръ парижскій». Въ 1381 году папа Урбанъ VI особою буллою назна-

чилъ его каноникомъ пражскаго собора; постоянно сохраняя за собою это мѣсто, Матвѣй и умеръ исповѣдникомъ въ соборной церкви въ 1394 г. Бѣдная внѣшностію жизнь Матвѣя тѣмъ богаче и разнообразнѣе по своему внутреннему развитію, которое высказалось все въ его знаменитомъ трудѣ «о заповѣдяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта». Матвѣй не былъ, какъ Миличъ, практикъ и потому не подготовлялъ въ собственномъ смыслѣ реформаторскаго движенія въ Чехіи; но его сочиненія, въ особенности же вышеназванное, имѣли большое вліяніе на Гуса и современниковъ. Матвѣй бичевалъ въ немъ пороки міра и пророчески предсказывалъ, что «близко то время, когда будутъ уничтожены всѣ постановленія, вредныя для доброй нравственности». Въ одновременномъ существованіи двухъ папъ, Урбана VI въ Римѣ и Климента VII въ Авиньонѣ, Матвѣй прозрѣвалъ кару Божію за преступленіе католическаго духовенства и указаніе провидѣнія на необходимость реформировать римскую церковь во главѣ и членахъ. Онъ призывалъ народъ къ покаянію, убѣждалъ мірянъ къ ежедневному принятію св. причастія и преподавалъ его подъ обоими видами. Когда пражскій мѣстный соборъ въ 1388 г. заставилъ его отречься отъ необходимости ежедневнаго причащенія, Матвѣй не переставалъ причащать народъ тѣлу и крови Христа, какъ онъ то самъ свидѣтельствуетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоря: «я получилъ удостовѣреніе того отъ цѣлой массы людей, съ которыми и трудился отъ первыхъ дней моего священства въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (1380—1392), предлагая имъ въ пражскомъ каѳедральномъ соборѣ тѣло и кровь Іисуса, какъ представитель моего господина и отца во Христѣ, господина архіепископа вышеназванной церкви, отъ котораго я получилъ власть исповѣдывать». Уважая одинъ изъ основныхъ обычаевъ православной церкви, совершая богослуженіе по греческому обряду, Матвѣй, говоря о раздѣленіи церквей, открыто отдаетъ преимущество церкви греко-восточной. 1394 г. умеръ Матвѣй изъ Янова, парижскій магистръ; въ то время Гусу было уже 25 лѣтъ,—онъ не выступалъ еще на свою великую богословскую дѣятельность, но уже задумывался надъ первымъ своимъ трудомъ, надъ сочиненіемъ «De corpore Christi».

Отъ смерти Матвѣя изъ Янова до начала гусовой проповѣди, въ теченіе двадцати лѣтъ, представители католичества въ Чехіи не имѣли уже причинъ скрывать свою ненависть къ народной партіи, свято хранившей преданія греко-восточной церкви и вѣрно исполнявшей завѣты св. Кирилла и Меѳодія. Православное богослуженіе, по словамъ гуситскаго преданія, было изгнано изъ вышеградской церкви королевскаго замка и изъ всѣхъ храмовъ во всемъ королевствѣ; противъ исповѣдниковъ греческой вѣры начались страшныя насильственныя дѣйствія. Замѣтивъ, что ненавистная имъ литургія еще держится частію въ замкахъ вельможъ, не измѣнившихъ истинѣ, частію же въ глуши лѣсовъ, при стеченіи многочисленной толпы посѣтителей всякаго званія, и что церковныя проклятія не дѣйствуютъ, попы и монахи прибѣгли къ насилію, и, вооруженною рукою нападая на странниковъ, возвращавшихся изъ священныхъ собраній, преслѣдовали ихъ, грабили, уводили въ неволю, подвергали пыткамъ, истребляли огнемъ и мечемъ, бросали въ рудники Кутногорскіе. Таково было церковное состояніе Чехіи къ концу XIV стол., наканунѣ появленія Гуса на каѳедрѣ виѳлеемской часовни.

V. ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГУСА ДО КОНСТАНЦСКАГО СОБОРА.

(По сочиненію Новикова «Гусъ и Лютеръ»).

Янъ Гусъ родился 1373 года въ мѣстечкѣ Гусинцѣ (въ южной части Богеміи), отъ котораго получилъ свое имя, вслѣдствіе общаго обычая средневѣковаго называться по имени мѣсторожденія. Гусъ родился отъ бѣдныхъ, но свободныхъ по своему положенію поселянъ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ родительскомъ домѣ, приготовительное ученіе окончилъ въ Прахатицахъ, уѣздномъ городѣ своего округа. Все воспитаніе совершалось тогда въ чешскихъ школахъ исключительно подъ руководствомъ и надзоромъ латинскаго духовенства, ревностно оберегавшаго молодые умы отъ вліянія православныхъ преданій, сохранившихся въ Чехіи со временъ Кирилла и Меѳодія.

Отца своего, бывшаго, какъ полагаютъ, дровосѣкомъ, Гусъ лишился въ ранней молодости, и осталась у него одна мать, не имѣвшая даже средствъ одѣвать своего сына, такъ что въ прахатицской школѣ онъ воспитывался насчетъ принявшаго въ немъ участіе владѣльца помѣстья Гусинца. По окончаніи прахатицской школы Гусъ твердо рѣшился идти въ Прагу и поступить въ университетъ.

Гусъ считалъ себя очень счастливымъ, что въ Прагѣ ему удалось попасть къ одному профессору въ услуженіе, за что онъ получалъ столъ, необходимую одежду и право пользоваться огромной и отборной библіотекой профессора. Съ жадностью и юношескимъ пыломъ накинулся Гусъ на книги, особенно на тѣ изъ нихъ, которыя имѣли какую либо связь съ церковною исторіей. Изъ всего прочитываемаго имъ составлялъ онъ себѣ извлеченія, конспекты, въ которые заносилъ главные факты, и рядомъ съ ними отмѣчалъ имена и годы. По утрамъ и по вечерамъ повторялъ онъ свои конспекты, и если ему случалось забывать имя или годъ, то онъ самъ себѣ назначалъ наказанія различнаго рода. Любимымъ чтеніемъ его были житія святыхъ.

По прибытіи Гуса въ Прагу, еще на 17 году его жизни, ему пришлось быть свидѣтелемъ явленія, сильно возмутившаго его противъ католической церкви и духовенства. Это было торжество юбилея, назначеннаго буллой Бонифація IX въ вышградской церкви подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ, желающіе имѣть отпущеніе грѣховъ, объявили по совѣсти, на сколько простираются издержки путешествія ихъ въ Римъ сообща съ семействомъ туда и обратно; обязывавшіеся внести эту сумму въ папскую казну получали право совершать юбилей въ Вышеградѣ. Гусъ скоро достигъ высшей ученой степени, магистра свободныхъ наукъ, и будучи 23-хъ лѣтъ началъ уже читать лекціи въ двухъ факультетахъ. Это былъ человѣкъ безукоризненно чистой жизни, строгой нравственности, неспособный ни на какія уступки, ни на какія сдѣлки съ своей совѣстью, проникнутый стремленіемъ къ общественному благу, истый славянинъ по своимъ національнымъ стремленіямъ. Въ 1402 году Гусъ былъ сдѣланъ ректоромъ университета, и въ то же время проповѣдникомъ въ виѳлеемской часовнѣ въ Прагѣ, гдѣ, благодаря

своему краснорѣчію, получилъ вліяніе на народъ. Какъ духовникъ королевы Софіи, жены короля Венцеслава, Гусъ пользовался авторитетомъ среди высшихъ сановниковъ духовныхъ и свѣтскихъ; черезъ набожную королеву Гусъ имѣлъ вѣсъ при дворѣ. Былъ онъ также въ дружескихъ отношеніяхъ съ архіепископомъ пражскимъ (Сбинекомъ), который поручилъ ему даже доносить себѣ лично о всѣхъ отступленіяхъ отъ церковныхъ правилъ, какія удастся замѣтить Гусу. Но уже въ 1403 году начался разладъ его съ архіепископомъ, когда Гусъ на собраніи членовъ пражскаго университета и епархіи пражской сталъ отстаивать ученіе оксфордскаго профессора Виклефа, философскія и богословскія сочиненія котораго начали въ это время распространяться въ Чехіи*).

Познакомившись съ сочиненіями Виклефа, Гусъ восхвалялъ его вездѣ, какъ святаго человѣка, и проповѣдывалъ евангельское ученіе по воззрѣніямъ Виклефа. Въ 1403 г. Гусъ выступилъ впервые съ проповѣдью противъ индульгенцій или отпустительныхъ грамотъ. Проповѣди, говоренныя Гусомъ на чешскомъ языкѣ въ виѳлеемской часовнѣ, навлекли на него скоро ненависть высшаго духовенства, такъ какъ онъ очень рѣзко и смѣло выражался противъ безнравственной жизни латинскаго духовенства и нищенствующихъ монаховъ.

Между тѣмъ ученіе Виклефа такъ распространилось уже въ Чехіи, что церковная власть приняла энергическія мѣры. Магистрамъ пражскаго университета были предложены на обсужденіе 45 положеній, извлеченныхъ изъ сочиненій Виклефа. Защищать ихъ открыто не рѣшался никто изъ членовъ собранія, нѣкоторые же изъ чешскихъ магистровъ и между ними Гусъ стали доказывать, что положенія были извлечены изъ сочиненій Виклефа неточно и недобросовѣстно, но большинство магистровъ было противъ положеній Виклефа, и преподаваніе ученія его какъ частное, такъ и общественное было запрещено всѣмъ бакалаврамъ и магистрамъ пражскаго университета. Не смотря на это запрещеніе, ученіе Виклефа продолжало распространяться въ Богеміи. Пражскій архіепископъ потребовалъ къ суду нѣсколькихъ священниковъ магистровъ, изъ которыхъ одинъ былъ даже заточенъ въ тюрьму. Даже самого Гуса стали обвинять въ возбужденіи его проповѣдями ненависти противъ духовенства въ народѣ чешскомъ; но Гусъ, находя поддержку въ королевѣ и высшемъ чешскомъ дворянствѣ, продолжалъ свои нападенія на зло-

---

*) Въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ Виклефъ училъ, что хлѣбъ евхаристіи не представляетъ истиннаго тѣла Христова, а служитъ только символомъ его, возставалъ противъ таинства покаянія и священства, противъ монашескихъ орденовъ, особенно же противъ авторитета папской власти, противъ богатствъ духовенства, противъ права его на личную собственность, противъ вмѣшательства церкви въ свѣтскія дѣла. Виклефъ училъ также, что для христіанина надежнымъ руководствомъ для спасенія и источникомъ вѣры служитъ одна только библія. Его переводъ библіи на англійскій языкъ увлекъ всѣ классы англійскаго общества. Самъ Виклефъ умеръ прежде, чѣмъ церковь успѣла осудить его ученіе, такъ какъ правительство Англіи нѣкоторое время колебалось въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ противъ послѣдователей ученія Виклефа. Наконецъ церковь успѣла таки убѣдить правительство предоставить ей судъ надъ еретиками, и въ 1400 году появилось папское постановленіе «de haeretico comburendo» (о сожженіи еретика).

Въ началѣ XV столѣтія ученіе Виклефа имѣло уже многихъ послѣдователей и, проникши въ Богемію, оно даже открыто преподавалось съ каѳедры въ пражскомъ университетѣ, основанномъ еще въ 1348 году императоромъ Карломъ IV.

Примѣч. составителя.

употребленія церкви и даже провозгласилъ ересью полученіе священниками отъ народа какого либо вознагражденія за совершеніе таинствъ. Въ 1408 г. Гусъ былъ, по распоряженію архіепископа пражскаго, лишенъ права говорить проповѣди народу.

Но въ началѣ слѣдующаго года произошло въ Богеміи событіе, которому не мало содѣйствовалъ самъ Гусъ своимъ ходатайствомъ, и которое придало ему самому много силъ, а народу чешскому дало рѣшительный перевѣсъ надъ нѣмцами. Событіемъ этимъ было изданіе королемъ Венцеславомъ указа, которымъ во всѣхъ дѣлахъ пражскаго университета предоставлено было богемской націи три голоса, а тремъ остальнымъ націямъ вмѣстѣ только одинъ голосъ *). Этимъ указомъ дано было чехамъ то мѣсто въ университетѣ, которое прежде принадлежало нѣмцамъ. Послѣ этого указа нѣмцы всячески старались достигнуть отмѣны его и сговорились всѣ выселиться изъ Праги, въ случаѣ если не будетъ имъ возвращено ихъ прежнее положеніе; и такъ какъ ихъ желаніе не осуществилось, то множество нѣмецкихъ магистровъ, бакалавровъ и студентовъ навсегда оставили Прагу.

Удаленіе нѣмцевъ изъ Праги ослабило, правда, значеніе пражскаго университета въ научномъ отношеніи, но это же обстоятельство способствовало свободному развитію и распространенію ученія Гуса.

Когда на пизанскомъ соборѣ (1409 годъ) папою былъ выбранъ Александръ V, то архіепископъ пражскій донесъ ему, что въ Чехіи и Моравіи проповѣдь въ народныхъ часовняхъ и чтеніе книгъ Виклефа производитъ ереси, особенно относительно таинства евхаристіи. Тогда прислана была папою Александромъ V булла, которою онъ запретилъ проповѣдь во всѣхъ часовняхъ и позволялъ ее только въ соборныхъ, монастырскихъ и приходскихъ церквахъ, и далъ право архіепископу сжечь книги Виклефа. Но Гусъ не переставалъ проповѣдывать, говоря, что Слово Божіе свободно. Не смотря на то, что папа Александръ V скоро умеръ, архіепископъ приказалъ сжечь книги, а на Гуса изрекъ анаѳему. Тогда университетъ пражскій въ лицѣ своихъ членовъ, Яна Гуса и др., протестовалъ противъ сожженія и перенесъ дѣло на судъ новаго папы Іоанна XXIII; архіепископъ же, боясь, чтобы новый папа не отмѣнилъ буллы Александра V, поспѣшилъ предать сожженію всѣ книги Виклефа въ торжественномъ собраніи пражскаго духовенства при колокольномъ звонѣ и церковныхъ гимнахъ. При этомъ было сожжено также нѣсколько сочиненій самого Гуса и Іеронима пражскаго.

Сожженіе книгъ Виклефа и проклятіе Гуса вызвало открытую вражду со стороны послѣдняго, а озлобленіе народа было такъ велико, что на улицахъ Праги пѣлись ругательныя пѣсни про архіепископа и духовенство. Явное возмущеніе въ храмѣ помѣшало архіепископу повторить

---

*) Четыре націи или народности, на которыя дѣлились какъ студенты, такъ и магистры пражскаго университета, были: чешская, польская, баварская и саксонская; но, хотя нѣмецкихъ націй было по имени двѣ, на самомъ дѣлѣ ихъ было три, такъ какъ польская нація состояла преимущественно изъ уроженцевъ Силезіи, Пруссіи и Помераніи. Каждая нація имѣла одинъ голосъ при избраніи ректора и при рѣшеніи другихъ дѣлъ, общихъ для всего университета. Располагая большинствомъ голосовъ, нѣмцы присвоили себѣ самыя почетныя мѣста въ университетѣ и занимали одну за другою высшія церковныя должности въ Богеміи.

Примѣчаніе составителя.

всенародно приговоръ о запрещенiи проповѣди Гуса. Между сторонниками Гуса и латинскимъ духовенствомъ произошли нѣкоторыя схватки. Одинъ священникъ за свою проповѣдь едва не былъ убитъ гуситами; въ свою очередь и гуситы терпѣли побои метлами отъ многочисленныхъ причетниковъ соборной церкви. Король Венцеславъ ходатайствовалъ о Гусѣ передъ Іоанномъ XXIII. Однако же нареканія архіепископа взяли верхъ, и Гусу велѣно было явиться въ Римъ къ папскому двору, гдѣ Гусъ былъ уже заранѣе осужденъ.

Гуса въ это время не было уже въ Прагѣ: когда архіепископъ, разсчитывая на поддержку со стороны папскаго двора, наложилъ запрещеніе на виѳлеемскую часовню, въ которой проповѣдывалъ Гусъ, то король Венцеславъ, видя усилившееся волненіе между гуситами, выслалъ Яна Гуса изъ Праги осенью 1410 г. Съ этого времени произошелъ сильный поворотъ въ жизни и дѣятельности Гуса. Вся его жизнь до этого времени была какъ бы подготовкой къ той положительной дѣятельности его и борьбѣ съ римской церковью, которая началась съ изгнанія его и выразилась въ цѣломъ рядѣ лучшихъ его сочиненій отъ 1410 до 1414 года.

Требованіе Гуса на папскій судъ сдѣлало дѣло его народнымъ и государственнымъ. Король, дворянство чешское и университетъ пражскій отправляютъ посольство въ Римъ объявить о невозможности для Гуса явиться лично на зовъ папы по причинѣ предстоящей ему опасности на пути отъ его враговъ. Самъ Гусъ также извинялся передъ папою въ невозможности явиться лично. Гусъ отправилъ въ Римъ трехъ прокураторовъ ходатайствовать предъ папою, но ничего не помогло. Гусъ былъ объявленъ отлученнымъ отъ церкви. Но скоро обстоятельства перемѣнились. Когда Венцеславъ отказался отъ императорской короны въ пользу Сигизмунда, изъявившаго покорность Іоанну XXIII, то послѣдній снялъ осужденіе съ Гуса. Когда въ 1411 году умеръ заклятый врагъ Гуса архіепископъ Сбинекъ, Гусъ и Іеронимъ пражскій вернулись въ Прагу; но и въ отсутствіи Гусъ продолжалъ сноситься съ массою народа въ Прагѣ и вліялъ на нее, также и на университетъ. Присутствіе Гуса сдѣлалось скоро необходимымъ столицѣ. Теперь дѣло Гуса могло окончиться мирно, если бы онъ только дѣйствовалъ осторожнѣе; но продолжительные споры съ римскимъ духовенствомъ и не оправдавшіяся надежды на скорое преобразованіе церкви еще болѣе разожгли враждебное настроеніе Гуса противъ римской церкви. Пизанскій соборъ только усилилъ расколъ въ церкви. На папскомъ престолѣ утверждался Іоаннъ XXIII, одинъ изъ развратнѣйшихъ людей въ мірѣ. Гусъ все болѣе и болѣе углублялся въ ученіе Виклефа и все ближе подходилъ къ совершенному отрицанію папскаго авторитета. Скоро представился къ этому случай, когда Іоаннъ XXIII объявилъ крестовый походъ противъ неаполитанскаго короля, выступившаго на защиту свергнутаго папы Григорія XII. При этомъ папа обѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые помогутъ ему или деньгами, или какъ нибудь иначе. Когда папскіе коммисары явились также въ Прагу и стали открыто торговать индульгенціями (1412), не только въ Прагѣ, но по всѣмъ городамъ и областямъ начался соблазнительный торгъ: продавцы отпущенія грѣховъ выходили на площади и барабаннымъ боемъ сзывали желающихъ приносить подаянія. Въ самой Прагѣ были выставлены въ трехъ мѣстахъ крѣпко окованные ящики или кружки для сбора денегъ. Священники перекупали у па-

скихъ коммисаровъ право продавать индульгенціи отъ своего имени и въ свою пользу. Король Венцеславъ, личный врагъ короля неаполитанскаго, далъ письменное позволеніе продавцамъ индульгенцій дѣйствовать по своему произволу. Никто, даже университетъ не рѣшился оспаривать крестовой буллы папы. Тогда одинъ Гусъ безстрашно выступилъ обличителемъ незаконности продажи индульгенцій. Римскіе легаты убоялись проповѣди Гуса и стали опасаться за успѣхъ своего предпріятія между чехами. Призванный къ суду новаго архіепископа, Гусъ былъ спрошенъ, хочетъ ли онъ повиноваться повелѣніямъ апостольскимъ; онъ отвѣчалъ, что сердечно желаетъ исполнить предписанія апостоловъ, но только апостоловъ Христовыхъ, и, на сколько повелѣнія папы согласны съ этимъ ученіемъ и съ закономъ Іисуса Христа, по стольку онъ готовъ повиноваться и папѣ; «но, заключилъ Гусъ, если меня будутъ принуждать поступать противъ совѣсти, я повиноваться не стану, хотя бы угрожали мнѣ огненной смертью». Гусъ сдѣлалъ одну уступку: не возставая открыто противъ продавцовъ индульгенцій, онъ назначилъ ученое преніе о томъ, согласно ли съ славою Божіей, съ пользою народа и государства принятіе креста противъ короля неаполитанскаго? Положеніе свое или тезисъ Гусъ велѣлъ прибить ко всѣмъ дверямъ церковнымъ и монастырскимъ и вездѣ, куда наиболѣе сходилось народу, вызывая всѣхъ желающихъ возражать сойтись на богословское преніе въ коллегіи Карла. Въ рѣчи, произнесенной по этому случаю (Disputatio adversus indulgentias papales), Гусъ осязательными доводами изъ Священнаго Писанія и Святыхъ Отцовъ опровергнулъ по частямъ буллу Іоанна XXIII. На рѣчь его послѣдовали возраженія одного доктора богословія, защищавшаго папу на основаніи каноническаго права; говорили противъ Гуса и многіе другіе доктора, но каждая спорящая сторона еще словно болѣе убѣдилась въ своей правотѣ. Не смотря на диспутъ, продажа индульгенцій не прекращалась: тогда Гусъ уже прямо возсталъ на крестовую буллу и уже со скамьи проповѣдника и на чешскомъ языкѣ обличалъ ея незаконность. На другой день послѣ пренія народъ, расходясь по всѣмъ храмамъ, сталъ опровергать проповѣдниковъ индульгенцій. Друзья Гуса стали упрашивать его отстать отъ начатаго дѣла, унять движеніе народное, предвидя въ противномъ случаѣ страшное кровопролитіе. Гусъ обѣщалъ, по мѣрѣ возможности, умѣрить себя и успокоить народъ. Но первый поводъ къ открытой враждѣ поданъ былъ опять противниками Гуса. Трое молодыхъ ремесленниковъ возстали въ церквахъ противъ проповѣдниковъ, публично одобрявшихъ индульгенціи, за что, по приказу ратмановъ стараго города Праги, они были схвачены. Совѣтъ думы осудилъ ихъ на смерть, какъ нарушителей общественнаго спокойствія, и велѣно было бирючамъ прокричать, чтобы на слѣдующій день всѣ собрались на площади присутствовать при казни трехъ возмутителей спокойствія общественнаго. Когда узналъ объ этомъ Гусъ, то онъ со многими магистрами и студентами отправился къ думѣ и просилъ дозволенія переговорить съ совѣтниками ея. Будучи допущенъ къ нимъ, Гусъ просилъ ихъ не дѣлать никакого зла осужденнымъ юношамъ за ихъ возраженія проповѣдникамъ индульгенцій; сказалъ, что въ ихъ возраженіяхъ виноватъ онъ, и если хотятъ чѣмъ нибудь наказать этихъ юношей, то пусть прежде накажутъ его, потому что онъ первый всему виноватъ. Совѣтники обѣщались Гусу уважить его просьбу. Но, не смотря на то, при-

влеченные къ суду ремесленники были все-таки осуждены совѣтниками думы и подвергнуты смертной казни.

Простой народъ столпился, не обращая вниманія на нѣмцевъ-воиновъ, исполнявшихъ смертную казнь, взялъ тѣла казненныхъ юношей и понесъ въ виѳлеемскую часовню, воспѣвая имъ хвалебныя пѣсни, какъ прославленнымъ мученикамъ. Духовенство, приписывая Гусу вину въ прославленіи народомъ трехъ казненныхъ юношей, стало еще враждебнѣе относиться къ нему и жаловалось на него въ Римъ, какъ на человѣка, презирающаго апостольскія постановленія; тогда папа Іоаннъ XXIII произнесъ противъ Гуса проклятіе болѣе грозное, чѣмъ прежде, призывая всѣхъ схватить его живаго или мертваго разорить виѳлеемскую часовню, какъ разсадникъ ереси. Пражскіе нѣмцы два раза пытались сдѣлать это, но были отбиваемы чехами. Божественная служба совершалась въ Прагѣ, пока тутъ находился Гусъ. Между тѣмъ, по распоряженію папы, священники должны были предавать Гуса анаѳемѣ во всѣхъ церквахъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ при торжественномъ звонѣ колоколовъ и погашеніи свѣчей. Ему дано было названіе ересіарха или начальника ереси.

Куда бы Гусъ ни явился, на все время его пребыванія и цѣлыхъ три дня послѣ его удаленія запрещеніе тяготѣло надъ всѣми мѣстами, которыя будутъ осквернены присутствіемъ еретика. Никто, подъ опасеніемъ анаѳемы, не долженъ былъ предлагать Гусу ни пищи, ни крова; въ случаѣ смерти онъ долженъ былъ быть лишенъ христіанскаго погребенія. Въ Прагѣ священники прекратили богослуженіе и самыя нужныя требы: крещеніе младенцевъ и погребеніе мертвыхъ, пока Гусъ былъ въ Прагѣ. Папская булла встрѣчена была въ Чехіи язвительными насмѣшками и толкованіями со стороны гуситовъ. Король Венцеславъ для предупрежденія новыхъ смутъ приказалъ наконецъ Гусу оставить Прагу, пока не установится новый миръ.

По удаленіи своемъ изъ Праги, Гусъ жилъ сначала во владѣніяхъ одного вельможи, по смерти же его въ замкѣ Краковцѣ у другаго покровителя реформаціонныхъ стремленій, у дворянина, любимаго королемъ Венцеславомъ. Въ обѣихъ этихъ областяхъ говорилъ онъ народу проповѣди въ открытомъ полѣ и въ другихъ мѣстахъ, но не въ церквахъ, притомъ продолжалъ и письменно споры со своими врагами и написалъ въ это время нѣсколько большихъ сочиненій, какъ, напримѣръ, собраніе проповѣдей на чешскомъ языкѣ и трактатъ о латинской церкви. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ уже болѣе рѣзко выступалъ противъ пророковъ видимаго главы церкви *и указалъ на священное писаніе, какъ на единственное справедливое основаніе въ дѣлахъ вѣры и христіанскихъ обрядовъ.*

VI. КОНСТАНЦСКІЙ СОБОРЪ И ОСУЖДЕНІЕ ГУСА.

(Изъ соч. Новикова «Гусъ и Лютеръ»).

Гусъ жилъ еще у своего покровителя въ замкѣ Краковцѣ, когда пришелъ къ нему вызовъ на соборъ констанцскій, начало котораго относится къ августу 1414 года. Соборъ этотъ созванъ былъ, по общему мнѣнію католиковъ, для преобразованія церкви «во главѣ и въ членахъ»

и для прекращенія великаго раскола. Но самымъ памятнымъ дѣломъ этого собора было сожженіе Гуса, въ чемъ всѣ члены собора, раздѣлявшіеся на партіи по другимъ вопросамъ, высказали замѣчательно-постыдное единодушіе. Что отъ констанцскаго собора страждущая церковь Христова ожидала многихъ и важныхъ преобразованій, показываетъ и самая многочисленность членовъ этого собора, и огромное стеченіе народа: на соборъ этотъ съѣхалось 2300 человѣкъ чернаго и бѣлаго духовенства, до 150 герцоговъ и графовъ, 2000 рыцарей и дворянъ и вообще 80,000 міряиъ. Въ то же время рыцари навезли съ собою огромное количество музыкантовъ, шутовъ и балясниковъ. Какой благочестивый образъ жизни вело это общество, какъ-бы въ приготовленіи къ засѣданіямъ собора, видно изъ письма Гуса изъ Констанца къ друзьямъ своимъ въ Прагу. «Я слышалъ отъ швейцарцевъ, что ихъ городъ Констанцъ никакими искупительными жертвами впродолженіи 30 лѣтъ не можетъ быть очищенъ отъ совершенныхъ на соборѣ преступленій».

Скоро по открытіи констанцскаго собора прибылъ и папа Іоаннъ XXIII, который не только извѣстенъ былъ съ ранней молодости безстыдствомъ и развратомъ, но даже вмѣстѣ съ братьями промышлялъ морскимъ разбоемъ, отдавалъ въ ростъ награбленное добро, подкупомъ добылъ кардинальскую шапку, подкупомъ же и отравой своего предшественника Александра V добился папскаго престола; церковныя должности раздавалъ побочнымъ дѣтямъ. Вотъ этотъ-то человѣкъ, извѣстный еще какъ отъявленный безбожникъ, отвергавшій даже безсмертіе души, являлся теперь во главѣ собора судьею безукоризненно-чистаго Гуса. Въ сопровожденіи кардиналовъ и въ торжественномъ поѣздѣ вступилъ Іоаннъ XXIII въ Констанцъ. Все духовенство вышло ему на встрѣчу съ мощами святыхъ. При безчисленномъ стеченіи народа онъ въѣхалъ во дворъ епископа. Старшіе сановники вели его лошадь подъ уздцы, онъ ѣхалъ подъ золотымъ балдахиномъ; передъ нимъ несли дары, за нимъ шли кардиналы въ мантіяхъ и шапкахъ, соотвѣтствующихъ ихъ чину.

Прежде чѣмъ отправиться на соборъ въ Констанцъ, Гусъ захотѣлъ запастись въ Прагѣ документами, которые въ случаѣ необходимости могли бы свидѣтельствовать о невинности его передъ лицами собора. Народъ чешскій съ восторгомъ встрѣтилъ возвратившагося изгнанника. Глубоко убѣжденный въ своей невинности, Гусъ вызвался публично явиться на общій сборъ всего пражскаго духовенства и въ присутствіи архіепископа дать отчетъ въ своей вѣрѣ и выслушать всѣ обвиненія. Никто не явился на вызовъ. Гусъ снова объявилъ всенародно, что онъ отправляется для исповѣдыванія своей вѣры въ Констанцскомъ соборѣ, а потому приглашалъ всѣхъ чеховъ отправиться въ Констанцъ и тамъ на самомъ соборѣ высказать ему свои сомнѣнія и упреки насчетъ его ученія. Встрѣтивъ и на этотъ отвѣтъ одно холодное равнодушіе, Гусъ обратился къ верховному инквизитору Чехіи съ просьбою объявить во всеобщее свѣдѣніе, не находитъ ли онъ въ немъ какой либо ереси. Инквизиторъ тотчасъ выдалъ Гусу свидѣтельство въ правовѣріи. Снабженный такимъ документомъ, Гусъ надѣялся оправдаться на соборѣ. Между тѣмъ, враги Гуса ревностно собирали все нужное для его обвиненія, и всѣ улики, послужившія къ его осужденію, исходили, главнымъ образомъ, отъ чешскихъ измѣнниковъ, враговъ Гуса, изгнанныхъ ненавистію народной изъ Чехіи. Изъ Констанца тѣмъ временемъ по-

сланія одно за другимъ приходили въ Прагу, приглашая Гуса на соборъ, гдѣ, какъ увѣряли его, готовится настоящее преніе, основанное на доводахъ евангельскихъ. Гусъ положился слишкомъ довѣрчиво на это торжественное обѣщаніе. Въ порывѣ благородной ревности — сказать всю правду въ глаза всему міру христіанскому и отстоять передъ нимъ свое ученіе — Гусъ обѣщалъ добровольно явиться на соборъ безъ всякаго формальнаго вызова и даже безъ охраненія личной своей безопасности, хотя онъ имѣлъ возможность найти защиту и покровительство у преданныхъ ему чешскихъ дворянъ, которые отстояли бы его въ случаѣ надобности и отъ собора, и отъ Сигизмунда. Сигизмундъ сначала долженъ былъ принять Гуса подъ свое высокое покровительство, и опасная грамата Сигизмунда была, дѣйствительно, приготовлена для Гуса, хотя онъ и получилъ ее уже только по прибытіи въ Констанцъ. Согласно содержанію этой граматы, всѣ подданные Римской имперіи приглашались Сигизмундомъ принимать у себя Гуса на пути его въ Констанцъ, содѣйствовать всячески его путешествію и безопасности и предоставлять Гусу вездѣ оставаться на мѣстѣ или возвратиться, словомъ, ни въ чемъ его не задерживать. Кромѣ того, Сигизмундъ лично поручилъ тремъ чешскимъ вельможамъ провожать и защищать Гуса на пути его и по пріѣздѣ въ Констанцъ. Не смотря на все это Гусъ предчувствовалъ, что онъ идетъ на явную смерть, хотя это и не удержало его; да и многіе изъ чеховъ предостерегали его, стараясь внушить ему недовѣріе, къ Сигизмунду и къ его граматѣ. «Иные говорили мнѣ», пишетъ Гусъ, «король собственными руками выдастъ тебя». Одинъ чехъ сказалъ Гусу передъ отправленіемъ его въ путь: «Магистръ, знай навѣрно, что ты не избѣжишь осужденія». Другіе, провожая Гуса со слезами, указывали ему, что едвали онъ уцѣлѣетъ въ Констанцѣ. Но всѣ эти предостереженія не могли остановить Гуса, который никогда не останавливался на половинѣ дороги, не способенъ былъ колебаться въ святомъ для него дѣлѣ. Вѣра заглушала и страхъ, и мучительныя предчувствія. Въ письмѣ къ одному ученику своему, писанномъ передъ самымъ отъѣздомъ, Гусъ дѣлаетъ уже формальное завѣщаніе, распоряжается своимъ маленькимъ имуществомъ. На письмѣ была надпись, что оно должно было быть открыто только послѣ вѣсти о смерти Гуса. Вопреки ожиданіямъ Гуса, путешествіе его черезъ Германію отъ Праги до Констанца было для него рядомъ торжествъ, и рѣшительно нигдѣ католики нѣмцы и не думали затруднять его путешествіе. Во всѣхъ городахъ любопытные выходили на встрѣчу, на площадяхъ и на улицахъ толпились безчисленные зрители. Каждый день Гусъ совершалъ литургію, вездѣ проповѣдывалъ Гусъ, напирая въ проповѣдяхъ своихъ на то, что современное духовенство должно возвратиться къ евангельской нищетѣ апостоловъ. Когда Гусъ приближался къ Констанцу, множество любопытныхъ вышли ему на встрѣчу и проводили его до заранѣе назначеннаго ему жилища. Въ началѣ ноября Гусъ прибылъ со своими спутниками въ Констанцъ. Гусъ не нашелъ въ Констанцѣ ни одного земляка; уже позже пріѣхали противники его изъ чеховъ: Палечъ и др.

Между тѣмъ, на соборѣ начались уже пренія по дѣлу Гуса. Два епископа и одинъ докторъ попытались-было уговорить Гуса къ полюбовному соглашенію съ будущимъ приговоромъ собора: они боялись соблазна публичнаго допроса, въ которомъ личность Гуса могла бы явиться въ слиш-

комъ выгодномъ свѣтѣ, они боялись публичнаго отреченія Гуса и того впечатлѣнія, какое должно было это произвести на присутствующихъ. Они боялись пуще всего публичной аудіенціи, въ которой гласность отнимала возможность дѣйствовать неправдой. Гусъ проникъ ихъ намѣренія: онъ отказался. Онъ крѣпко надѣялся на Сигизмунда и былъ совершенно покоенъ. 25 дней жилъ онъ въ Констанцѣ на свободѣ въ бесѣдахъ съ друзьями, въ чтеніи и въ работѣ надъ знаменитымъ сочиненіемъ о необходимости причащенія чаши для мірянъ.

Въ концѣ ноября пріѣхали къ Гусу послы отъ собора съ требованіемъ, чтобы онъ немедленно явился къ папѣ и кардиналамъ дать отчетъ въ своей вѣрѣ. Гусъ не отказывался и отъ частнаго допроса, «надѣясь скорѣе умереть во славу Христову, чѣмъ отречься отъ истины».

Какъ скоро Гусъ явился къ допросу, предсѣдательствующій кардиналъ сказалъ ему, что онъ обвиняется въ ереси и что эти обвиненія не могутъ быть терпимы, если они основательны. Гусъ отвѣчалъ, что «*онъ боится ереси пуще смерти и что онъ готовъ смиренно принять наставленія отцевъ, если бы дѣйствительно оказались у него заблужденія*». Хотя отвѣтъ этотъ и понравился кардиналамъ, но допросъ кончился тѣмъ, что къ вечеру Гусъ былъ арестованъ и въ ту же ночь отведенъ въ домъ соборнаго пѣвчаго, гдѣ находился съ недѣлю подъ стражею вооруженныхъ, а затѣмъ переведенъ въ доминиканскій монастырь на берегу Рейна и брошенъ въ холодную, сырую темницу подлѣ самыхъ отхожихъ мѣстъ монастырскихъ. Защитники Гуса напрасно протестовали и публично, и частно противъ дѣйствія папы. Наконецъ, прибѣгая къ послѣднему средству, одинъ изъ покровителей Гуса писалъ обо всемъ къ Сигизмунду, находившемуся уже на дорогѣ въ Констанцъ. Сигизмундъ, негодуя на личное свое оскорбленіе, немедленно послалъ повелѣніе представителямъ своимъ на соборѣ освободить Гуса и, въ случаѣ сопротивленія, разломать двери темницы. Папа отказался отъ всякаго участія въ арестованіи Гуса, а на указъ Сигизмунда не обращено было никакого вниманія.

Между тѣмъ враги Гуса готовили противъ него обвиненія и предоставили папѣ восемь обвинительныхъ пунктовъ. Обвинительный актъ очень важенъ для насъ, такъ какъ онъ показываетъ намъ, за что духовенство католическое было такъ ожесточено противъ Гуса и за что возвело его на костеръ.

1) Первое заблужденіе Гуса, такъ гласитъ обвинительный актъ, касается таинства евхаристіи. Гусъ проповѣдывалъ о необходимости причащенія и для мірянъ подъ обоими видами (subutraque), что осуществлялось уже на дѣлѣ учениками Гуса въ Прагѣ. — Это обвиненіе было основано на фактахъ; но враги Гуса прибавили еще изъ злости вторую половину, блистательно опровергнутую потомъ на соборѣ Гусомъ, а именно, будто бы Гусъ училъ, что, и по освященіи хлѣба на алтарѣ, онъ все же оставался вещественнымъ хлѣбомъ. 2) Гусъ учитъ, что священнослужители не могутъ совершать таинствъ и низводить благодать, когда обрѣтаются въ смертномъ грѣхѣ и что міряне могутъ также хорошо совершать таинства. 3) Гусъ учитъ, что церковь не должна владѣть временными имуществами и что свѣтскіе владѣтели безнаказанно могутъ отнимать ихъ у церквей и духовныхъ. 4) Гусъ заблуждается въ ученіи о церкви, уничтожая различіе власти между пресвитерами, и отвергаетъ

изъятія въ пользу первосвященника и право ихъ на посвященіе духовныхъ. 5) Гусъ отрицаетъ у церкви власть ключей, т. е., право разрѣшать отъ грѣховъ и отлучать отъ церкви, когда представители церкви находятся въ смертномъ грѣхѣ. 6) Гусъ презираетъ отлученія церкви, преступая самъ неоднократно папскія буллы. 7) Гусъ не признаетъ постановленія церкви объ инвеститурахъ, приписывая всякому право облекать въ священство для спасенія душъ; по покровительству Гуса, многіе пражане получили приходскія церкви и даже правили ими безъ утвержденія папы и даже мѣстнаго духовнаго начальства. 8) Гусъ заблуждается, говоря, что разъ посвященный въ діаконы или пресвитеры никакимъ дѣйствіемъ церковной власти не можетъ быть удаленъ отъ проповѣди, что доказалъ Гусъ собственнымъ примѣромъ.

Далѣе исчислялись Гусу слѣдующія вины: a) изгнаніе нѣмецкихъ студентовъ изъ Праги, b) оправданіе и защита 45 положеній Виклефа, c) ослушаніе волѣ архіепископа, d) обличеніе грѣховъ духовенства, e) коварные совѣты, данные свѣтскимъ властителямъ объ отнятіи у духовенства церковныхъ имуществъ и десятинъ. Дѣйствительно, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Гусъ постоянно защищалъ три положенія Виклефа: 1) *объ отнятіи церковныхъ имуществъ у духовенства*, 2) *о незаконности дарованія ему свѣтской власти* и 3) *о томъ что десятины, платимыя церкви, суть чистая милостыня*, въ которой податели т. е. свѣтскіе владѣльцы, могутъ отказать духовенству. — Ко всему этому враги Гуса очень искусно растравляли свѣжія раны нѣмцевъ, имѣвшихъ на соборѣ самыхъ многочисленныхъ представителей.

Весь декабрь мѣсяцъ прошолъ въ ожиданіи Сигизмунда, безъ котораго члены собора не осмѣливались начать суда надъ Гусомъ.

По прибытіи въ Констанцъ Сигизмундъ сначала сгоряча потребовалъ было отъ членовъ собора освобожденія Гуса, опасаясь безславія за нарушеніе своего слова, боясь и гнѣва Венцеслава, и ненависти чеховъ; но суевѣрный фанатизмъ взялъ верхъ въ Сигизмундѣ надъ благородствомъ; наконецъ онъ успокоилъ свою совѣсть, когда духовенство внушило ему, что онъ не обязанъ держать слова, даннаго еретику, что онъ не имѣлъ даже права, безъ согласія собора, обѣщать Гусу опасную грамату. Онъ сдѣлалъ лишь одно ограниченіе въ пользу Гуса, объявивъ непремѣнную волю свою, чтобы онъ выслушанъ былъ въ полномъ засѣданіи собора на публичной аудіенціи.

Между тѣмъ, открывшаяся въ Констанцѣ, болѣзнь Гуса все болѣе усиливалась и дошла до того, что побудила папу прислать собственныхъ врачей для леченія его и перевести его въ темницу болѣе спокойную и здоровую (въ началѣ 1415 года). Друзья Гуса боялись, чтобы страданія физическія не поколебали въ немъ твердости духа при новыхъ истязаніяхъ враговъ, которые въ случаѣ нужды готовы были бы прибѣгнуть и къ пыткѣ. Думая заставить Гуса проговориться хотя въ чемъ либо, судьи его хотѣли воспользоваться времѳнемъ его болѣзни для новыхъ допросовъ. Назначенные для этого коммисары прибыли въ темницу, гдѣ Гусъ лежалъ въ сильной горячкѣ, и при немъ привели къ присягѣ свидѣтелей, большею частью выгнанныхъ пражскихъ священниковъ и монаховъ, личныхъ враговъ Гуса. 8 обвинительныхъ статей прочтены были Гусу. Гусъ просилъ себѣ адвоката, такъ какъ онъ не въ силахъ былъ защищаться; но ему отказали на томъ основаніи, что заподозрѣннымъ

въ ереси церковное право не дозволяетъ имѣть заступниковъ. Гусъ, убѣжденный, что на Сигизмундову грамату разсчитывать нечего, и что Сигизмундъ вполнѣ подчинился вліянію духовенства, придумалъ новое средство подѣйствовать на него. Онъ рѣшился обратить вниманіе Сигизмунда на то, какъ много содѣйствовалъ онъ, Гусъ, своимъ ученіемъ возвышенію императорской власти, защищая интересы ея передъ церковью, у которой отрицалъ, какъ мы видѣли, и право на имущества, и право на десятину, и даже право на свѣтскую власть. Но положеніе Гуса нисколько не улучшилось; напротивъ, оно было еще ухудшено, когда духовенство узнало о тайныхъ сношеніяхъ его съ Сигизмундомъ. Надзоръ за Гусомъ сдѣлался строже. До сихъ поръ онъ имѣлъ возможность переписываться съ своими друзьями при посредствѣ темничной стражи, привязавшейся къ нему; теперь же Гусъ узналъ съ ужасомъ, что врагами его было перехвачено одно письмо его, въ которомъ онъ называлъ папу антихристомъ. Съ этихъ поръ гонители Гуса не давали ему ни на минуту покоя. Они такъ много возводили на него ложныхъ обвиненій, что онъ едва успѣвалъ отвѣчать на нихъ. Но мысль о Богѣ укрѣпляла его въ немощахъ духа и тѣла, и опасность друзей его смущала его больше собственной участи, которая была куда какъ незавидна; лишенный книгъ, бѣдный плѣнникъ тѣшился отъ скуки стихами, которые дышатъ тою же вѣрою, тѣмъ же терпѣніемъ, какъ и письма его. Въ своемъ печальномъ одиночествѣ много времени проводилъ Гусъ въ молитвѣ. Долговременное заточеніе истощало и тѣлестныя силы его: скоро онъ снова заболѣлъ: появившаяся у него впервые каменная болѣзнь, рвота и лихорадка, довели Гуса до изнеможенія, такъ что стража съ минуты на минуту ждала его смерти. Но Гусу суждено было умереть не ествественной смертію, а смертію мученика за идею реформы церкви.

Когда въ Чехіи сдѣлалась извѣстна несчастная участь Гуса во всей ея наготѣ, то общее негодованіе охватило всю Чехію, какъ одного человѣка. Три посланія, одно за другимъ приходящія изъ Чехіи, одно другаго энергичнѣе и грознѣе, заставили не разъ призадуматься и короля, и епископовъ. Чехи настойчиво требовали освобожденія Гуса изъ темницы и доставленія ему возможности явиться на публичное засѣданіе собора, свободно говорить и защищать истину; въ этихъ же посланіяхъ Чехи съ гнѣвомъ отвергали многія изъ ложныхъ обвиненій, возведенныхъ на Гуса.

Между тѣмъ случилось событіе, которое, казалось, должно было содѣйствовать улучшенію судьбы Гуса: угрожаемый лишеніемъ папскаго престола и личной свободы, Іоаннъ XXIII бѣжалъ съ констанцскаго собора. За папой послѣдовало большинство кардиналовъ Италіи, а также и служители, которымъ поручено было охраненіе Гуса, которые, удаляясь изъ Констанца, передали темничные ключи Сигизмунду. Но онъ не воспользовался удобнымъ случаемъ освободить Гуса, который находился теперь въ полной власти его, а, напротивъ, посовѣтовавшись съ отцами собора, отдалъ Гуса во власть констанцкаго епископа, который ненавидѣлъ Гуса за то, что послѣдній въ письмахъ обличалъ его святокупство. Послѣ этого Гусъ переведенъ былъ изъ прежней тюрьмы въ близьлежащій замокъ на берегу Боденскаго озера, и заключенъ былъ въ высокую одинокую башню, днемъ закованный въ кандалы, по ночамъ прикованный даже руками къ стѣнѣ. До послѣдняго мѣсяца жизни томился Гусъ въ ужасной темницѣ, лишенный не только сообщества съ друзьями, но

даже насущнаго хлѣба, даже послѣдняго утѣшенія христіанина,—святаго причащенія.

По окончаніи продолжительнаго процесса папы Іоанна XXIII-го, соборъ занялся исключительно дѣломъ Гуса. Прибытіе Іеронима Пражскаго на соборъ и допросъ его не мало содѣйствовали къ усиленію ненависти противъ Гуса. Между тѣмъ враги его безсовѣстно искажали его сочиненія, извлекая изъ нихъ обвинительныя еретическія статьи для публичной аудіенціи. Гусъ часто жалуется въ письмахъ, что враги его безъ зазрѣнія совѣсти уродовали не только слова, но и смыслъ его рѣчи, что онъ часто не могъ узнать своей собственной мысли, извращенной до непонятности въ устахъ противниковъ.

Въ началѣ іюня 1415 г. было первое засѣданіе собора, на которое приглашенъ былъ для допроса Гусъ, хотя приговоръ былъ готовъ ему и подписанъ еще до начала засѣданія. Когда онъ приведенъ былъ къ допросу, ему представили сочиненія его. Онъ передъ всѣмъ соборомъ епископовъ призналъ ихъ своими и изъявилъ готовность исправить ихъ, если въ нихъ заключается какая-либо ересь. Началось чтеніе обвинительныхъ статей и свидѣтельствъ. Гусъ собирался отвѣчать на первую, но оглушительные крики собранія покрыли его голосъ. Всѣ доказательства Гуса изъ священнаго писанія и учителей церкви отвергались какъ недостаточныя; со всѣхъ сторонъ сыпались ругательства и насмѣшки. Когда же Гусъ, не видя возможности защищаться и перекричать столько голосовъ, замолчалъ, тогда все собраніе завопило въ одинъ голосъ. «Видите-ли, онъ молчитъ: вѣрный знакъ, что онъ самъ сознается въ своихъ заблужденіяхъ». Наконецъ болѣе умѣренные члены для прекращенія безпорядка потребовали закрытія засѣданія. Засѣданіе было отложено и Гусъ отпущенъ въ темницу.

Сигизмунда не было на первой аудіенціи, которая закрылась подъ громомъ ругательствъ и шумными криками присутствующаго духовенства.

Черезъ нѣсколько дней духовенство снова собралось въ монастырь францинсканскій, и Гусъ приведенъ былъ для слушанія подъ прикрытіемъ многочисленной стражи; сюда же явился и Сигизмундъ, въ сопровожденіи чешскихъ вельможъ. Началось чтеніе обвинительныхъ статей. Первымъ обвиненіемъ было поставлено ложно приписанное Гусу ученіе объ евхаристіи, по которому хлѣбъ, и по освященіи его на алтарѣ, все же остается вещественнымъ. Но Гусъ опровергъ эту клевету. «Призываю Бога въ свидѣтели, что я никогда не училъ этому. Преосуществленіе есть чудо, оно не подводится подъ законы естественные и истинно, дѣйствительно и всецѣло присутствуетъ въ таинствѣ евхаристіи то самое тѣло Христово, которое родилось отъ Дѣвы Маріи, страдало, распято, воскресло и сидитъ одесную Бога Отца Всемогущаго».

На второмъ засѣданіи собора повторились многіе безпорядки перваго засѣданія: такія же ругательства и насмѣшки посыпались было на Гуса, когда онъ послѣ блестящей защиты перваго обвинительнаго пункта, мужественно вызывалъ на возраженія своихъ обвинителей. Наконецъ, по данному Сигизмундомъ знаку, въ собраніи воцарилась тишина. Тогда Янъ Гусъ сказалъ во всеуслышаніе: «я надѣялся на этомъ соборѣ найти болѣе порядка, благочестія и благоговѣнія». «Такъ ли ты говоришь»? перебилъ Гуса съ досадой предсѣдательствующій кардиналъ; «въ готлибенскомъ замкѣ рѣчи твои были скромнѣе».—«Потому, отвѣчалъ Гусъ, что въ темницѣ я не слыхалъ такихъ отчаянннымъ воплей».

Прочтено было еще обвиненіе, будто Гусъ совѣтовалъ народу силою оружія смирять противниковъ его ученія. Гусъ отрекся отъ этихъ словъ. Послѣднее обвиненіе заключалось въ томъ, что ученіе Гуса произвело много соблазновъ въ народѣ, что оно: 1) поселило вражду между мирянами и духовенствомъ и подвергло послѣднее гоненію и несправедливому лишенію собственности, 2) что оно было главной причиной распаденія пражскаго университета. Но Гусъ снималъ съ себя вину во всемъ этомъ. «Король Венцеславъ поступилъ совершенно по завѣщанію отца его, Карла IV, когда утвердилъ за чехами право трехъ голосовъ, а нѣмцамъ оставилъ четвертый. Это было законно, и не сами ли нѣмцы обязались подъ клятвой и тяжелой денежной пеней никогда не возвращаться въ пражскій университетъ»? Наконецъ, дошла очередь до Сигизмунда, ибо король по обычаю долженъ былъ закрывать засѣданіе. Сказавъ нѣсколько словъ о личныхъ своихъ отношеніяхъ къ Гусу, Сигизмундъ, подобно кардиналамъ, сталъ убѣждать его не защищать упорно ничего, а смиренно подчиниться рѣшенію собора касательно всѣхъ обвиненій, которыхъ истина несомнѣнно доказана. Въ такомъ только случаѣ Сигизмундъ обѣщался, изъ уваженія къ брату своему Венцеславу и чешскому народу, ходатайствовать передъ соборомъ объ освобожденіи Гуса послѣ легкаго покаянія. «Если нѣтъ, не прогнѣвайся: дѣло собора поступить съ тобой по закону: я не могу потворствовать твоимъ заблужденіямъ и защищать нераскаяннаго еретика не намѣренъ; скорѣе собственными руками предамъ тебя огненной смерти. Такъ вотъ же тебѣ мой добрый совѣтъ: подчинись рѣшенію собора». Гусъ началъ-было отвѣтъ въ ироническомъ тонѣ, поблагодаривъ Сигизмунда за охраненіе его безопасности; но когда одинъ изъ друзей его покровителей чеховъ остановилъ его напоминаніемъ объ упорствѣ, то онъ продолжалъ уже въ болѣе смиренномъ тонѣ: «Призываю Бога въ свидѣтели, государь всемилостивѣйшій, что я не имѣлъ никогда въ помышленіи отстаивать ересь; я для того, по доброй волѣ, и явился на этотъ соборъ, чтобъ тотчасъ перемѣнить свое мнѣніе, если бы кто либо научилъ меня лучшему». «Ну, хорошо», возразилъ Сигизмундъ въ порывѣ великодушія, — «тебѣ предложатъ краткіе письменные вопросы, и ты будешь на нихъ отвѣчать». «Такъ будетъ въ слѣдующее слушаніе», прибавилъ предсѣдатель кардиналъ, и тотчасъ собраніе встало. Такъ кончилась вторая аудіенція. Усталый, измученный Гусъ воротился въ темницу и тотчасъ написалъ къ друзьямъ слѣдующія знаменательныя строки: «какія я терпѣлъ искушенія, одинъ Богъ знаетъ. Но Онъ же даровалъ мнѣ сердце доброе и неустрашимое, ибо всѣ они вопили, какъ іудеи на Іисуса Христа. Хорошо сдѣлали, что потребовали мою книгу для справокъ, потому что иные кричали уже—сжечь еретика». Второе засѣданіе собора было послѣдней попыткой, нельзя ли, избѣгая формальнаго допроса по статьямъ, убѣдить Гуса къ отреченію отъ ересей, которымъ онъ никогда не былъ причастенъ, не проливая безполезно крови его, заключить его въ четырехъ стѣнахъ монастырскихъ, откуда не раздавалась бы уже болѣе его опасная проповѣдь. Во второе и третье засѣданія отъ Гуса требовали безусловнаго отреченія. Гусъ отвѣчалъ: «если мнѣ докажутъ мои заблужденія словами библіи, то я охотно отрекусь; если же нѣтъ, то до конца моей жизни останусь вѣрнымъ моимъ мнѣніямъ». 6-го іюля 1415 г. Гусъ явился еще разъ передъ соборъ въ соборной констанцской церкви. Тутъ громко

были прочитаны написанныя противъ него обвиненія въ ереси. Гусъ хотѣлъ защищаться, но ему приказали молчать. На него надѣли священническое облаченіе и потребовали отреченія. Но Гусъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отречься отъ своихъ мнѣній, если не станетъ лгать. Тогда началось его растриженіе; сначала взяли изъ рукъ его чашу, потомъ совлекли всѣ одежды, произнося при каждомъ дѣйствіи грозныя заклинанія, наконецъ вымыли голову и выстригли на ней крестообразные слѣды. Послѣ того надѣли на его голову остроконечную шапку, на которой были нарисованы три діавола и сдѣлана надпись: «Се ересіархъ!» а Сигизмундъ приказалъ поступить съ еретикомъ по обычаю. Тотчасъ онъ былъ переданъ констанцскому намѣстнику, чтобъ тотъ велѣлъ его сжечь. Гусъ шелъ на казнь въ сопровожденіи 800 вооруженныхъ воиновъ. Огромная толпа народа валила за нимъ: весьма многіе были подъ оружіемъ и внушали опасеніе властямъ. Когда по дорогѣ на мѣсто казни Гусъ проходилъ мимо двора епископскаго, то увидалъ сожженіе книгъ своихъ, нарочно устроенное для того, чтобы предварить его казнь и въ послѣдній разъ поколебать его твердую волю. Но это зрѣлище вызвало только у Гуса улыбку презрѣнія. На пути онъ обращался ко всѣмъ проходящимъ, смиренно прося ихъ молитвъ и призывая Бога въ свидѣтели своей невинности. Гуса привели на лобное мѣсто за городомъ; дошедши до костра, онъ упалъ на колѣни и началъ громко молиться. Потомъ, обращаясь въ послѣдній разъ къ предстоящимъ, просилъ убѣдительно не считать его еретикомъ, не вѣрить его обвинителямъ. Народъ волновался. «Мы не знаемъ, въ чемъ онъ виновенъ, раздавались голоса,— знаемъ только, что онъ молится, что говоритъ, какъ истинный праведникъ». Гусу предложили исповѣдаться, онъ съ радостію согласился; но когда призванный священникъ объявилъ ему, что онъ готовъ исповѣдать его и причастить Св. Таинъ только подъ условіемъ отреченія, Гусъ отказался отъ исповѣди. Между тѣмъ, во время молитвы Гуса объ отпущеніи врагамъ его ихъ согрѣшенія, слетѣла съ головы бумажная шапка; онъ улыбнулся, но воины снова надѣли ее, приговаривая: «пусть сгоритъ онъ вмѣстѣ съ діаволами, которымъ служитъ онъ такъ усердно». Гусъ готовился-было говорить къ народу по — нѣмецки, но рѣчи его казались опасны католикамъ, и немедленно отданъ былъ приказъ о казни. Палачъ снялъ съ Гуса платье и привязалъ его мокрыми веревками къ столбу. Шея его была привязана къ столбу засаленной черной веревкой. Замѣтивъ ее, Гусъ улыбнулся: «Съ радостію принимаю это послѣднее униженіе», воскликнулъ онъ, «во имя Господа моего Іисуса Христа, понесшаго за меня еще болѣе тяжкія узы». Ноги его стояли на двухъ вязанкахъ дровъ, перемѣшанныхъ съ соломой, все тѣло отъ ногъ до головы обложено дровами. Сохранилось еще преданіе, что какая-то старуха передъ самымъ зажженіемъ дровъ подложила съ благоговѣніемъ послѣднюю вязанку, и Гусъ, пораженный этимъ зрѣлищемъ, воскликнулъ: «о, святая простота!»

Когда всѣ приготовленія кончились, въ послѣдній разъ подскакалъ къ Гусу имперскій маршалъ, посланный Сигизмундомъ уговорить его для спасенія жизни отречься отъ своихъ заблужденій. «Отъ какихъ заблужденій?» воскликнулъ Гусъ,—«я не знаю въ себѣ заблужденій! зачѣмъ возмущаете торжественный покой души моей? Да вѣдаетъ міръ, что я проповѣдывалъ покаяніе и оставленіе грѣховъ согласно съ истиной

евангельской и писаніями св. отцовъ. Я съ радостью иду на смерть». Посланный только пожалъ плечами и отъѣхалъ. Когда зажгли костеръ, Гусъ запѣлъ громкимъ голосомъ «Христе Сыне Бога живаго! помилуй мя грѣшнаго». Когда онъ въ третій разъ началъ ту же молитву, огонь, задуваемый вѣтромъ въ лицо ему, заглушилъ его голосъ, но онъ еще двигался въ облакахъ дыма и пламени столько времени, сколько нужно для троекратнаго чтенія молитвы Господней. Когда догорѣли дрова, открылась верхняя часть его тѣла, полуобгорѣлая, но не совсѣмъ еще сдѣлавшаяся жертвою пламени. Палачи повалили ее вмѣстѣ со столбомъ, разрубили голову въ мелкіе куски и подложили подъ нихъ новый огонь, чтобы скорѣе горѣли. Сердце его нашлось невредимымъ: они бичевали его палками, наткнули его на острую трость и изжарили особо. Они хотѣли воспользоваться платьемъ покойника; но этого не допустили власти: они приказали бросить его въ огонь. Когда тѣло сгорѣло до тла, собрали остатки костра, наложили ихъ въ телѣгу вмѣстѣ съ золою и пепломъ и бросили въ близъ протекающій Рейнъ, чтобы вѣрные ученики его не воздали имъ суевѣрнаго поклоненія. На мѣстѣ казни поднялся смрадъ отъ вьючнаго животнаго одного изъ кардиналовъ, которое съ умысломъ было зарыто на этомъ мѣстѣ. Но вѣрные чехи сгребли священную для нихъ землю, напоенную кровью мученика за правду, и съ благоговѣніемъ отвезли ее въ Прагу, въ виѳлеемскую церковь. Такъ кончилъ жизнь свою Гусъ въ 1415 г. 42 лѣтъ отъ рожденія. Въ слѣдующемъ году умеръ и другъ его Іеронимъ, также сожженный, по приговору собора. Іеронимъ во Псковѣ и въ Витебскѣ открыто перешелъ отъ католиковъ къ православнымъ, присутствовалъ при ихъ богослуженіи, кланялся русскимъ мощамъ и иконамъ, принималъ таинство по греческому обряду.

VII. ВЛІЯНІЕ ГУСИТСТВА НА РЕФОРМАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ГЕРМАНІИ.

(Изъ сочиненія Ламанскаго: «Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ». Славянскій сборникъ, т. I).

Чешское религіозное движеніе XV вѣка имѣло сильное вліяніе на Германію и вообще на Западъ. Мученическая смерть въ Констанцѣ Гуса и Іеронима, энтузіазмъ народный и одушевленіе даровитыхъ вождей при возстаніи чеховъ на отмщеніе ихъ замученныхъ учителей, святыхъ въ глазахъ народа, смѣлые и новые въ религіозномъ и соціальномъ отношеніяхъ манифесты и прокламаціи гуситовъ ко всѣмъ народамъ европейскимъ, чудныя побѣды ихъ надъ многочисленными арміями крестоносцевъ чуть не со всей западной Европы—имѣли непосредственное и рѣшительное вліяніе на одинокихъ независимыхъ людей и на народныя массы Запада, давно тяготившіяся разными церковными и феодальными порядками. Противъ нихъ все же первые чехи возстали такъ открыто и единодушно. И въ этомъ ихъ величайшая заслуга въ исторіи, къ сожалѣнію по достоинству не вполнѣ цѣнимая и слабо сознаваемая нынѣшними чехами. Въ разныхъ углахъ Германіи и Франціи стали обнаруживаться видимые знаки сочувствія и болѣе или менѣе рѣшительныя попытки къ подражанію гуситамъ.

Такъ, въ тридцатыхъ годахъ XV вѣка въ Пассау, Вормсѣ, Бамбергѣ и Магдебургѣ, и гораздо еще позже до начала XVI вѣка въ различныхъ мѣстностяхъ Саксоніи, Тюрингіи, въ рейнскихъ областяхъ, въ Баваріи происходятъ народныя движенія противъ духовенства и высшаго сословія съ явнымъ сочувствіемъ и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ гуситства. Можно указать въ Германіи съ начала XV до начала XVI вѣка, вплоть до самаго Лютера, цѣлый рядъ учениковъ и приверженцевъ Гуса: Іаковъ Юттербокъ (1465), Іоаннъ Везалія (1481), Андрей Пролесъ (1503), Гильтенъ, Греффенштейнъ и нѣкоторые другіе. Нѣмецкіе предшественники Лютера, глубоко имъ уважаемые, питали самое искреннее сочувствіе къ Гусу и находились подъ обаяніемъ чешскаго религіознаго движенія. Они служатъ звеньями, связующими Гуса съ Лютеромъ, какъ упомянутыя народныя движенія въ Германіи XV вѣка связываютъ соціальное движеніе гуситовъ съ крестьянскою войною въ Германіи (1525). Относительно сочувствія народныхъ массъ и одинокихъ людей въ Англіи къ религіознымъ и соціальнымъ идеямъ гуситовъ сохранились чрезвычайно любопытныя и важныя свидѣтельства современниковъ.

Гуситы и на базельскомъ соборѣ и послѣ неоднократно выражали свое сочувствіе восточной церкви, высказывали мнѣніе объ ея превосходствѣ и чистотѣ передъ римскою, оффиціально даже входили въ переговоры (1452) съ Цареградомъ о вступленіи въ общеніе съ восточною церковью. Чешско-моравскіе братья XVI и XVII вѣковъ объясняли себѣ гуситство вліяніемъ остатковъ бывшаго нѣкогда въ Чехіи и Моравіи православія и церкви славянской съ народнымъ богослуженіемъ и съ національною іерархіею. Какъ бы они ни ошибались въ приведеніи частностей и подробностей, но общее объясненіе ихъ важно уже въ субъективномъ отношеніи. Еще гораздо важнѣе въ этомъ случаѣ мнѣніе друга Гуса, Іеронима пражскаго. Выказавши свое сочувствіе и уваженіе къ восточной церкви, въ бытность свою въ Витебскѣ и Псковѣ, въ рѣчи своей на соборѣ констанцскомъ, онъ приводилъ ученіе Гуса въ связь съ древнею славянскою церковью въ Чехіи. Мысли Яна Гуса не разъ обращались къ восточной церкви. Онъ входилъ въ личныя объясненія съ греками (вообще православными) объ особенностяхъ ихъ церкви и не находилъ въ нихъ ничего, заслуживающаго обвиненія или порицанія. Такого же не строго римскаго, католическаго воззрѣнія на грековъ, схизматиковъ, былъ и одинъ изъ даровитыхъ предшественниковъ Гуса, Матвѣй Яновскій. Благодаря недавнему обнародованію новыхъ, прежде не вполнѣ извѣстныхъ источниковъ, оказывается, что православный обрядъ причащенія сталъ быть проповѣдуемъ въ Чехіи не въ послѣдніе годы жизни Гуса, какъ прежде обыкновенно думали, но еще до 1380 г. Оказывается, что приблизительно въ половинѣ XIV вѣка въ защиту и за необходимость этого православнаго обряда писалъ, проповѣдывалъ плебанъ пражской церкви Св. Маріи Николай мнихъ, весьма уважаемый позднѣйшими гуситами и умершій въ 1380 г. Къ числу заблужденій чешскихъ относили, между прочимъ, на базельскомъ соборѣ и слѣдующія распространенныя у чеховъ мнѣнія о томъ, что никакого чистилища нѣтъ, а есть только вѣчная слава, или вѣчное мученіе для душъ усопшихъ, что папа, и канонически избранный, не есть намѣстникъ Христа на землѣ, что Духъ Святой исходитъ только отъ Отца, а не отъ Сына, что тотъ не еретикъ, кто отвергаетъ filioque. Нѣкоторыя изъ этихъ ученій проповѣдывались въ Чехіи еще до констанцскаго собора людьми, изъ которыхъ уже немного оставалось въ живыхъ въ 1452 г. Да и вообще религіозное броженіе, возбужденность къ религіознымъ сомнѣніямъ и духовнымъ вопросамъ, недовольство связью Чехіи съ Римомъ, отрицательное отношеніе къ католицизму выступаютъ не разъ у чеховъ въ

теченіе цѣлаго столѣтія отъ половины XIII до второй половины XIV вѣка. Въ Италіи, Франціи, Германіи и Англіи въ теченіе XIII—XIV вѣковъ не мало находилось людей, которые въ своемъ недовольствѣ римскою іерархіею, при стремленіяхъ своихъ къ возстановленію или къ оживленію древняго христіанства, не обинуясь высказывали свое сочувствіе и почтеніе къ грекамъ, къ православному міру *). Тѣмъ болѣе чехи и моравяне, находившіеся въ XII, XIII и XIV вѣкахъ въ постоянныхъ живыхъ сношеніяхъ съ своими соплеменниками православными и имѣвшіе многочисленныхъ еретиковъ въ XIII и XIV вѣкахъ, не могли не имѣть сочувствій къ восточному христіанству, гораздо болѣе сознательныхъ и опредѣленныхъ, чѣмъ французы, англичане, итальянцы и нѣмцы.

Религіозное, соціальное и политическое чешское движеніе XV вѣка имѣло, безъ всякаго сомнѣнія, очень сильное вліяніе на позднѣйшее реформаціонное движеніе нѣмецкое.

Въ этомъ отношеніи для насъ особенно важны собственные многочисленные отзывы Лютера, доказывающіе какое высокое уваженіе и какую глубокую благодарность питалъ Лютеръ къ памяти и подвигу Яна Гуса. «Истина выходитъ наружу, на зло папистамъ, «говоритъ Лютеръ», и камни возопіютъ противъ гусовыхъ палачей. Вотъ уже сто лѣтъ, какъ паписты противодѣйствуютъ вліянію Гуса, и чѣмъ болѣе противодѣйствуютъ, тѣмъ сильнѣе открывается, что дѣло Гусово—дѣло святое». «Гусъ», говоритъ онъ въ другой разъ, «вырубилъ и искоренилъ изъ виноградника Христова нѣсколько терній, волчцевъ и пней, онъ обличилъ злоупотребленія и соблазны папистовъ, а я, Лютеръ, вступилъ на ровное, чистое, воздѣланное поле». Въ лицѣ Лютера и его предшественниковъ, нѣмецкихъ приверженцевъ Гуса, Германія начинала уже каяться въ своихъ преслѣдованіяхъ и притѣсненіяхъ славянъ.

Такъ, въ осужденіи и казни Гуса и Іеронима Лютеръ основательно видѣлъ общій грѣхъ нѣмецкой земли: «Богъ мнѣ свидѣтель», писалъ онъ въ 1522 г., «я боюсь, что слово евангельское исчезнетъ въ Германіи, и Господь ниспошлетъ на нее слѣпоту. Нѣмецкій народъ уже слишкомъ погрѣшилъ противъ истины. Онъ впервые осудилъ въ Констанцѣ Евангеліе и пролилъ кровь неповинную, кровь Янъ Гуса и Іеронима. О, несчастное племя! Долго ли быть тебѣ палачемъ антихриста надъ пророками божіими»? Въ своемъ знаменитомъ окружномъ посланіи къ императору Карлу и нѣмецкимъ дворянамъ Лютеръ, между прочимъ, требовалъ—«искать примиренія съ чехами, чтобы изгладить вину беззаконнаго участія нѣмцевъ въ сожженіи Гуса». Прежде, по собственному сознанію Лютера, и ему было ненавистно чешское имя, но потомъ, съ возрастаніемъ его сочувствія къ Гусу, постепенно измѣнилось его воззрѣніе на чеховъ и на грековъ. Позже Лютеръ уже называлъ чеховъ *благороднымъ племенемъ*, желалъ его очистить своими сочиненіями «отъ вѣковаго безславія и заклеймить всесвѣтнымъ позоромъ имя папистовъ». «Если изъ двухъ враждебныхъ сторонъ приложить къ которой нибудь названіе ересей»,, писалъ однажды Лютеръ, «то еретиками и схизматиками будутъ не чехи, не греки, а вы, римляне, которые гордо ссылаетесь на собственный вымыселъ, вопреки ясному слову божію». Вообще, великое религіозное движеніе чеховъ и само въ себѣ, и по рѣшительному вліянію своему на преобразовательную дѣятельность базельскаго собора и особенно на реформацію, безспорно, составляетъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ и великихъ явленій въ исторіи средневѣковой европейской образованности.

---

*) (Подробности объ этомъ смот. Славянскій сборникъ, т. I, 567—575 стр.)

VIII. ПРИДВОРНО-РЫЦАРСКОЕ ОБЩЕСТВО ГЕРМАНІИ ВЪ ЕГО ЦВѢТУЩЕЕ ВРЕМЯ И ВО ВРЕМЯ ЕГО УПАДКА.

(Изъ сочиненія Шерра: «Исторія цивилизаціи Германіи», перев. Невѣдомскаго).

Рыцарство.—Замки.—Внутренній и внѣшній видъ ихъ и устройство.—Утварь.—Пища и питье.—Одежда и моды.—Фигура модной дамы.—Роскошь.—Воспитаніе.—Гостепріимство, путешествія и общественные нравы.—Жизнь женщинъ и служеніе женщинамъ.—Празднества.—Танцы и хороводы.—Сеймы.—Турниры.—Свадьбы.—Паденіе рыцарства.—Одичаніе.

Рыцарство не имѣетъ національно-нѣмецкаго происхожденія. Всадникомъ или рыцаремъ (Ritter) назывался въ нѣмецкой имперіи до крестовыхъ походовъ каждый, кто, вооружившись на свой счетъ панцыремъ и оплечьями, шлемомъ и щитомъ, мечемъ и копьемъ, на конѣ являлся въ армію по призыву короля. Поэтому объ отдѣльномъ рыцарскомъ сословіи въ то время не было еще рѣчи, по крайней мѣрѣ въ Германіи. Мы должны искать первые слѣды рыцарства, какъ общественнаго учрежденія, въ другомъ мѣстѣ, именно въ южной Франціи и въ Испаніи, гдѣ частыя соприкосновенія съ мавританскою жизнію, богато развившеюся въ общественномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, впервые пробудили мысль объ украшеніи жизни прелестями высшей общительности. Цвѣтущее положеніе этихъ земель, весело-чувственная подвижность ихъ обитателей, мягкое вліяніе южной женской красоты, страстный энтузіазмъ къ героическому баснословію и веселымъ пѣснямъ—все это скоро ввело въ жизнь извѣстныя формы и обычаи дворянскаго обращенія, изъ которыхъ составился понемногу кодексъ рыцарскихъ приличій. Борьба за святую землю придала этимъ приличіямъ религіозное освященіе, которое въ духовныхъ рыцарскихъ орденахъ (іоанниты, храмовники, тевтонскій орденъ) слило воедино христіанское монашество и христіанское воинство. Значительное положеніе, которое эти духовные рыцарскіе ордена пріобрѣли себѣ въ скоромъ времени, содѣйствовало распространенію и усиленію идеи, возникшей во время крестовыхъ походовъ—идеи о христіанскомъ рыцарствѣ, какъ объ идеальномъ орденѣ; эта идея проявилась сильно и въ Германіи, когда обнаружились естественныя вліянія тѣхъ сношеній, которыя завязались между французскимъ и нѣмецкимъ дворянствомъ во время первыхъ двухъ крестовыхъ походовъ. Церковь не замедлила развить религіозный элементъ, вошедшій въ рыцарство подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ; она окружила церковными церемоніями вступленіе въ рыцарскій орденъ. Вступающій долженъ былъ приготовиться къ торжественному акту молитвою и ночнымъ бдѣніемъ на освященномъ мѣстѣ (veille des armes), а также исповѣдью и причастіемъ. Одѣтый въ бѣлую одежду, какъ новокрещенный, стоя на колѣнахъ передъ алтаремъ, онъ получалъ изъ рукъ священника рыцарскій мечъ. Затѣмъ въ кругу рыцарей и дамъ онъ давалъ рыцарскіе обѣты—клялся защищать и уважать по мѣрѣ силъ церковь, клялся быть вѣрнымъ, добросовѣстнымъ и усерднымъ относительно сюзерена, не вести несправедливой войны, защищать вдовъ и сиротъ и т. д. Затѣмъ на него надѣвали панцырь, наручники, наножники и тунику, къ ногамъ пристегивали

золотыя шпоры; его опоясывали рыцарскою перевязью, и затѣмъ онъ, стоя на колѣнахъ, получалъ отъ рыцаря посвященіе посредствомъ трехъ ударовъ обнаженнымъ мечемъ по плечу; наконецъ ему передавали шлемъ, щитъ и копье, къ нему подводили лошадь, и онъ долженъ былъ вскочить на нее въ полномъ вооруженіи безъ помощи стремени и произвести на ней различныя эволюціи. Все это, разумѣется, имѣло символическое значеніе. Ударъ, посвящавшій въ рыцари, означалъ, что послѣ него никакой ударъ не долженъ быть терпимъ, и т. д. Обыкновенно рыцарскій ударъ давался такимъ торжественнымъ образомъ при большихъ придворныхъ и церковныхъ празднествахъ, а въ болѣе простой формѣ—передъ началомъ сраженія, или послѣ побѣды на полѣ битвы. Приготовленіемъ къ рыцарству была служба въ качествѣ оруженосца, которую отправляли молодые дворяне въ свитѣ рыцаря. Дворы государей выбирались особенно охотно для такой школы, и тамъ оруженосцы назывались пажами; впослѣдствіи это слово получило, конечно, болѣе спеціально-придворное, чѣмъ воинственное значеніе. Съ XII ст. дворянское рожденіе, прямое происхожденіе отъ рыцаря, сдѣлалось основнымъ условіемъ для принятія въ рыцарство, хотя уже съ раннихъ поръ стали являться исключенія. Сначала рыцарское дворянство не давало никакихъ особенныхъ политическихъ правъ, какія давало наслѣдственное или бенефиціальное дворянство; уже впослѣдствіи къ почетнымъ правамъ рыцарства присоединились также и гражданскія. Но, такъ какъ рыцарство было особенно благопріятно развитію понятія личной чести, point d'honneur, и сословной чести, то дворянство скоро стало ревностно домогаться рыцарскаго достоинства, чтобы принять участіе въ идеальныхъ сословныхъ почестяхъ. Съ развитіемъ point d'honneur было тѣснѣйшимъ образомъ связано развитіе рыцарскаго этикета, котораго правила и предписанія обозначались въ своей совокупности словомъ courtoisie. Существенную часть куртуазіи составляло служеніе женщинамъ, имѣвшее, конечно религіозное основаніе въ поклоненіи Маріи, которое особенно сильно развилось во время крестовыхъ походовъ. Любовное служеніе, развившееся въ Германіи съ особенною задушевностію, составляетъ прекраснѣйшую сторону рыцарства. Во всемъ своемъ блескѣ рыцарство развернулось въ турнирахъ съ ихъ испытаніями предковъ и щитовъ, откуда произошли комично-торжественныя науки—генеалогія и геральдика. Изъ того, что мы до сихъ поръ сказали, слѣдуетъ, что рыцарство залючало въ себѣ четыре момента: религіозный (отношеніе къ церкви), политическій (отношеніе къ сюзерену), нравственный (отношеніе къ собственной чести и къ чести ордена) и эротически-общественный (отношеніе къ женщинамъ). Поэтому рыцарство, въ свой цвѣтущій періодъ, превосходно характеризуется извѣстнымъ французскимъ девизомъ: „богу мою душу, мою жизнь королю, мое сердце дамамъ, мою честь мнѣ самому“.

Если мы желаемъ приблизиться къ рыцарскимъ жилищамъ, то мы должны подняться на холмъ, или же спуститься въ луговыя низменности и отыскать озерную бухту или рѣчной островъ. Рядомъ съ горными замками были также и водяные замки, и какъ въ первомъ случаѣ холмы и утесы, такъ во второмъ—широкій ровъ, наполненный водою изъ рѣки, доставляли замку то изолированное положеніе, которое составляло основное условіе его годности. Строители прежде всего имѣли въ виду то обстоятельство, чтобы замокъ могъ укрывать своихъ владѣльцевъ. Ры-

царскія жилища различались между собою не только по своему положенію на высотахъ или въ равнинѣ, но также по своей большей или меньшей величинѣ и по своему болѣе простому или болѣе роскошному внутреннему убранству. Бѣднѣйшее рыцарское дворянство было принуждено строить себѣ для жилища небольшіе замки, такъ называемые *бургшталли*; болѣе богатые владѣтели строили себѣ обширные *гофбурги* и, такъ какъ сцены средне-вѣковыхъ рыцарскихъ стихотвореній большею частію помѣщаются именно въ такихъ замкахъ, то въ нашей фантазіи отпечатались только великолѣпныя картины этихъ жилищъ,—картины, которымъ дѣйствительность соотвѣтствовала въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Наружная ограда роскошнаго замка была составлена изъ такъ называемыхъ цингелей. Ворота замка находились между или возлѣ двухъ низкихъ и немного выдвинутыхъ впередъ башенъ, назначенныхъ для защиты этого передоваго укрѣпленія. Пройдя черезъ эти наружныя ворота, посѣтитель входитъ въ такъ называемый *цвингельгофъ* или *цвингеръ*, который называется также скотнымъ дворомъ, потому что здѣсь находились хозяйственныя строенія и стойла. Между цвингеромъ и настоящимъ замкомъ лежалъ глубокій ровъ, окружавшій замокъ со всѣхъ сторонъ; чрезъ этотъ ровъ переходили по подъемному мосту, а въ водяныхъ бургахъ по понтонному мосту. Такимъ образомъ доходили до калитки, надъ которою возвышалась стѣна, увѣнчанная *винтбергами*. Въ этихъ винтбергахъ хранились тѣ машины, которыми поднимались подъемный мостъ и опускная рѣшетка; они были снабжены узкою крышею, подъ которою тянулся проходъ, открытый по направленію къ замку, такъ называемый *веръ* или *леце*. Калитка за мостомъ вела въ галлерею, запиравшуюся опускною рѣшеткою и доходившую до внутренняго двора замка. Этотъ внутренній или почетный дворъ, въ хорошо построенныхъ замкахъ, былъ украшенъ лужайкою, колодцемъ и липою. Внутренній дворъ былъ окруженъ настоящими строеніями замка, изъ которыхъ были особенно замѣчательны два главныя: дворецъ или господскій домъ (palatium, palais, pfalz) и *берхфритъ* (berfredus, beffroi), высокая сторожевая башня, возвышавшаяся возлѣ стѣны отдѣльно отъ другихъ строеній, служившая сторожу замка жилищемъ и караульнымъ постомъ, и доставлявшая жителямъ замка послѣднее убѣжище въ случаѣ взятія приступомъ ихъ твердыни. *Берхфритъ* былъ ядромъ всего замка и считался настолько необходимымъ, что врядъ ли можно найдти хоть одно рыцарское жилище безъ такой сторожевой башни, между тѣмъ какъ, напротивъ того, весь замокъ очень часто состоялъ только изъ берхфрита и изъ окружной стѣны, снабженной веромъ, и калиткой. Въ большихъ замкахъ дворецъ состоялъ изъ главной залы и различныхъ *кеменатъ* (комнатъ). Главная зала была въ замкахъ тѣмъ, чѣмъ бываетъ въ нынѣшнихъ дворцахъ большая пріемная, настоящій праздничный и почетный покой. Эту комнату старались по возможности устраивать удобно и красиво. Въ торжественныхъ случаяхъ полъ устилался коврами и стѣны обивались шитыми обоями. Въ лѣтнее время полъ усыпался также цвѣтами, а въ другое время тростникомъ. Вдоль стѣнъ тянулись широкія лавки, на которыхъ лежали *культеры* (тюфяки) или *плумиты* (перины). Отъ дворца въ тѣсномъ смыслѣ отдѣлялось жилище женщинъ, которое называлось преимущественно кеменатою и заключало въ себѣ, по меньшей мѣрѣ, три покоя: комнату, служившую спальнею хозяйки, далѣе комнату, гдѣ хозяйка занималась вмѣстѣ съ

своими служанками женскимъ рукодѣльемъ, и, наконецъ, спальню служанокъ. Кромѣ упомянутыхъ до сихъ поръ помѣщеній, къ которымъ надо еще прибавить кухню, погребъ и кладовую, въ хорошемъ замкѣ должна была также быть часовня; наконецъ, надо также упомянуть о *лаубахъ* (такъ назывались продѣланныя въ толстыхъ стѣнахъ и покрытыя сводами оконныя ниши, съ каменными лавками, съ которыхъ женщины охотно смотрѣли на окрестности).

Утварь рыцарскихъ жилищъ была болѣе или менѣе полна, богата или бѣдна, изящна или неуклюжа, смотря по той степени цивилизаціи, которая была достигнута, смотря по богатству хозяина и по вкусу хозяйки. Вообще мебель дѣлалась изъ твердаго дерева, болѣе прочно, чѣмъ красиво. Впрочемъ, мы находимъ также тщательную рѣзьбу на столахъ, стульяхъ, лавкахъ и платяныхъ ящикахъ, которые замѣняли наши комоды. Дѣлались также кресла изъ дорогаго волнистаго дерева съ мягкими подушками; они служили почетными сѣдалищами для благородныхъ гостей. Большое вниманіе было обращено также на постели. Кухонная и столовая посуда по своей формѣ не отличалась особенно сильно отъ теперешней; но рыцари за столомъ должны были довольствоваться ложкою и ножемъ, потому, что вилки, какъ извѣстно, вошли въ употребленіе только въ концѣ XVI столѣтія. Лѣсъ и рѣка, поле, фруктовый садъ и огородъ доставляли къ столу свои произведенія. Въ обыкновенные дни кушанья были приготовлены очень просто и состояли большею частію изъ соленаго и копченаго мяса, стручковыхъ плодовъ и капусты; но въ торжественныхъ случаяхъ средневѣковое поваренное искусство показывало, что оно уже не было первобытнымъ. Тогда столы гнулись подъ крѣпко-приправленными лакомыми кусками и сложными супами, подъ искусно-сформированными печеньями и конфектами. Прежде чѣмъ садились за столъ, а иногда и по нѣскольку разъ во время обѣда обносились вода для умыванія рукъ и полотенце. Старый національный ячменный сокъ, котораго приготовленіе съ теченіемъ времени испытало многія усовершенствованія, всего чаще служилъ напиткомъ даже у достаточныхъ людей. Чтобы пить вино, надо было уже быть богатымъ человѣкомъ. Впрочемъ, вино рѣдко пилось чистое; обыкновенно къ нему примѣшивались разныя пряности. Въ дѣлѣ усовершенствованія туземнаго вина особенно отличались, какъ извѣстно, монахи. Въ германскихъ лѣсахъ пили изъ роговъ, которые впослѣдствіи смѣнились деревянными и оловянными кубками, а въ придворно-рыцарское время въ достаточныхъ домахъ стали появляться золотые, серебряные и хрустальные сосуды изящной или причудливой формы. Уже значительный объемъ ихъ доказываетъ блестящія способности того времени въ дѣлѣ питья. Рыцарскія чаши вмѣщали отъ полутора до двухъ штофовъ. Возрастающая роскошь любила выставлять на показъ всѣ имѣвшіеся въ домѣ бокалы, кружки и драгоцѣнные сосуды всякаго рода на такъ называемой *трезурѣ*, т. е. на эшафодажѣ, ставившемся возлѣ обѣденнаго стола. Очень изящно было обыкновеніе усыпать столъ цвѣтами и развѣшивать гирлянды, въ особенности розъ, надъ обѣденнымъ столомъ; головы гостей также часто украшались цвѣточными вѣнками. Каждый день было по двѣ главныя трепезы, ранняя и поздняя. Этими двумя главными трапезами опредѣлялось дѣленіе дня и ночи. Часы отъ вечерней трапезы до заутрени считались ночью, а часы отъ утренней трапезы до вечерней составляли день, который

посвящался дѣламъ, раздорамъ, охотѣ, военнымъ упражненіямъ мужчинъ, домашнимъ и ручнымъ работамъ женщинъ, между тѣмъ какъ ночное время, кромѣ сна, наполнялось слушаніемъ музыки и чтеніемъ, дружескою болтовнею, бражничаньемъ, игрою въ кости и въ шахматы и танцами.

Въ сравненіи съ нашимъ теперешнимъ, прозаически однообразнымъ мужскимъ костюмомъ и съ нашимъ часто безумнымъ дамскимъ туалетомъ, одежда придворно-рыцарскаго общества, на сколько она удерживалась отъ безвкусныхъ и безнравственныхъ крайностей, была, конечно, поэтическою одеждою, иногда великолѣпною, всегда яркою. Уже давно прошло то время, когда нѣмцы обнаруживали въ своемъ костюмѣ ту лѣсную первобытную простоту, которую описалъ Тацитъ; но изъ того времени сохранились до рыцарской эпохи двѣ главныя части костюма—кафтанъ и плащъ. Нѣмецкая торговля, которая въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ мало-по-малу вошла въ сношеніе съ Италіею и Испаніею, съ Византіею и съ Востокомъ, съ Западомъ и съ Сѣверомъ привозными продуктами, побудила туземную промышленность къ соперничеству и къ подражанію; здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ народъ отъ дикой свободы первобытно-естественной жизни переходитъ къ болѣе удобному порядку цивилизаціи, пробудилось чувство красоты и выразилось не только въ поэзіи и искусствѣ, но также въ домашнемъ убранствѣ и въ одеждѣ. Тканями для одежды были: холстина, которой самый тонкій, очень высоко-цѣнимый сортъ, такъ называемый сабенъ, получался изъ византійскихъ мануфактуръ; далѣе шерстяныя матеріи самыхъ разныхъ цвѣтовъ и шелковыя матеріи разныхъ сортовъ и цвѣтовъ, которыя часто были затканы золотыми и серебряными нитками, и, наконецъ, мѣха разныхъ родовъ (горностай, куница, боберъ, соболь и т. д.). Къ этому присоединились еще благородные металлы и драгоцѣнные камни, изъ которыхъ дѣлались дамскіе уборы и которыми украшалось оружіе мужчинъ. Оба пола любили въ своемъ костюмѣ игру цвѣтовъ, которая часто доходила просто до радужной пестроты и которую мужчины старались возвысить еще тѣмъ, что они въ одной и той же части одежды помѣщали различные цвѣта, такъ что, напримѣръ, одинъ рукавъ кафтана былъ зеленый, а другой голубой, или одна половина панталонъ была желтая, а другая красная. Впрочемъ, выборъ красокъ не вполнѣ былъ предоставленъ причудливому произволу; онъ обыкновенно соображался съ символикою красокъ. Внѣшній видъ человѣка долженъ былъ выражать его внутреннее настроеніе такимъ способомъ, о которомъ наша монотонная безцвѣтная мода не имѣетъ уже никакого понятія. Придворно-рыцарское общество остроумно выработало языкъ цвѣтовъ и преимущественно по отношенію къ любви. Такъ, зеленый цвѣтъ означалъ первое возникновеніе любви, бѣлый—надежду быть услышаннымъ, красный—яркое пламя любви, или также пылкое стремленіе къ славѣ и чести, голубой—ненарушимую вѣрность, желтый—осчастливленную любовь, черный—горе и скорбь. До XV и XVI столѣтія, когда появилась такъ называемая испанская одежда, кафтанъ и плащъ составляли верхнее платье обоихъ половъ. Въ Германіи уже рано вошло въ обычай носить подъ кафтаномъ рубашку. Мужчины носили панталоны, нѣмцы, какъ стыдливый народъ, сдѣлали ихъ существенною частью мужской одежды; панталоны образовали одно цѣлое съ чулками, но были составлены изъ двухъ половинокъ и прикрѣплялись подъ туникою къ ремню, опоясывающему тѣло. Въ

прежнее время кожаныя подошвы, прикрѣпленныя къ этимъ панталоночулкамъ, замѣняли башмаки, но впослѣдствіи башмаки стали отличаться самою пестрою роскошью красокъ. А во время верховой ѣзды мужчины носили очень высокіе сапоги. Лѣвое бедро мужчины было украшено мечемъ, который никогда не снимался, а съ правой стороны висѣлъ кинжалъ. Рукоятки и ножны этого оружія, а также перевязь были часто изукрашены самымъ расточительнымъ образомъ. Во времена упадка и разложенія рыцарскаго общества мода ввела въ кафтанъ многія перемѣны. Его стали разрѣзывать на боку, онъ укоротился, съузился и превратился въ *ленденеръ*. Затѣмъ стали употребляться такъ называемыя лоскутчатыя платья, состоявшія изъ множества лоскутьевъ, которыми заканчивались нижнія части мужской туники; рукава у обоихъ половъ были безсмысленно-широки. Еще позднѣе вошелъ въ моду разрѣзной костюмъ; тутъ панталоны и рукава кафтановъ, а иногда и все платье разрѣзывалось такъ, что подкладка другаго цвѣта выглядывала въ разрѣзахъ, и ее можно было вытащить наружу. Эта мода, какъ извѣстно, перешла потомъ, въ эпоху реформаціи, въ еще болѣе безсмысленную моду раструбчатыхъ панталонъ и раструбчатыхъ рукавовъ. Въ прежнія столѣтія, повидимому, у мужчинъ не было головныхъ уборовъ, кромѣ капюшоновъ, прикрѣпленныхъ къ верхнему платью, и въ то время, о которомъ мы говоримъ теперь, шляпы и береты самыхъ разнообразныхъ формъ составляли предметъ большой роскоши. Такъ называемыя косметическія средства далеко не были неизвѣстны придворно-рыцарскому времени; туалетныя уловки также были въ употребленіи. На усовершенствованіе кожи обращалось большое вниманіе, какъ это видно изъ того, что румяна употреблялись очень часто дамами рыцарскаго міра. Также заботились о волосахъ, въ чемъ, впрочемъ, мужчины, у которыхъ волосы и бороды пережили много различныхъ модъ, соперничали съ дамами, Послѣднія дѣлали проборъ на темени и держали этотъ проборъ въ порядкѣ посредствомъ ленты. Затѣмъ волосы завивались въ красивые локоны или расплетались въ косы, которыя убирались золотыми нитями и снурками, и спускались черезъ плечи на грудь, или свертывались различными узлами. У пояса придворная красавица носила обыкновенно небольшую сумочку, въ которой хранились деньги, флакончики съ духами и различныя мелочи; тутъ же висѣлъ ножикъ, доходившій часто до размѣровъ кинжала; кромѣ того, связка ключей, ножницы и веретено. Богато украшенныя и надушенныя перчатки составляли необходимую принадлежность въ костюмѣ такой дамы. Въ придворно-рыцарскомъ костюмѣ, конечно, не было недостатка въ уродливыхъ крайностяхъ. Къ такимъ моднымъ безобразіямъ среднихъ вѣковъ относились башмаки съ загнутыми носками и бубенчики на платьяхъ. На кончикахъ этихъ громадныхъ носковъ прикрѣплялись нерѣдко бубенчики, которые отсюда распространились на другія части костюма, такъ что поясы, наколѣнники и браслеты стали увѣшиваться бубенчиками и колокольчиками. Самый громкій звонъ этихъ украшеній относится, впрочемъ, къ XVI столѣтію, и здѣсь, повидимому, женщины уступили первенство мужчинамъ. Вообще же можно сказать, что оба пола, въ особенности во времена упадка придворно-рыцарскаго общества, усердно соперничали между собою въ безобразіяхъ и неприличіи моды. Многочисленныя городскія узаконенія о платьяхъ, появлявшіяся уже въ началѣ XIV вѣка, доказываютъ,

что безсмысленная роскошь одеждъ и безнравственныя моды уже тогда перешли отъ дворянства къ мѣщанству.

Общество, доразвившееся до указанной выше степени матеріальной культуры, безъ сомнѣнія, должно было также сдѣлать значительные успѣхи въ различныхъ отрасляхъ умственной жизни. Такъ какъ мы здѣсь говоримъ преимущественно объ общественной жизни придворно-рыцарскаго времени, то намъ нѣтъ надобности распространяться подробнѣе о его умственныхъ стремленіяхъ, и только касательно воспитанія мы должны сказать здѣсь нѣсколько словъ. Хотя по нашимъ теперешнимъ понятіямъ на этотъ предметъ было обращено мало вниманія, однако нельзя не отозваться съ похвалою о томъ, что дѣлалось тогда для образованія молодаго поколѣнія. У мальчиковъ, конечно, если они не должны были посвятить себя духовной карьерѣ, на умственное образованіе не обращалось вниманія. Чтеніе и письмо были „поповскими хитростями", о которыхъ не долженъ былъ заботиться образцовый рыцарь и которыя онъ даже имѣлъ право презирать. Даже величайшіе средневѣковые поэты, какъ напримѣръ Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ, не знали этихъ хитростей. Воспитаніе юношей имѣло главною цѣлію ловкость въ военномъ ремеслѣ и въ охотѣ, въ которой самою почетною и любимою отраслью была соколиная охота за цаплями; при этомъ требовалось также знаніе пріемовъ рыцарскаго общежитія, умѣнье выражаться на утонченномъ придворномъ языкѣ и также играть на арфѣ и на мандолинѣ; многія свидѣтельства доказываютъ, что на пирахъ гости по очереди должны были играть на струнныхъ инструментахъ и пѣть. Вообще считалось совершенно достаточнымъ, если подрастающій юноша зналъ наизусть «вѣрую», «отче нашъ» и исповѣдную формулу, и если, кромѣ того, ему были хорошо извѣстны турнирныя правила. Воспитаніе дѣвочекъ стремилось преимущественно къ усвоенію основательныхъ знаній по домашнему хозяйству и ловкости въ рукодѣльяхъ. На хозяйкѣ дома лежали не только веденіе домашняго хозяйства и заботы о кухнѣ и погребѣ, но и содержаніе гардероба въ должномъ порядкѣ, и здѣсь преимущественно открывался просторъ для женской заботливости и смѣтливости. Королевскія дочери поручались обыкновенно воспитательницамъ, и на время ученія къ нимъ присоединялась толпа дѣвочекъ-ровесницъ, которыя пользовались ученіемъ вмѣстѣ съ ними. Кто изъ богатыхъ людей не могъ такимъ образомъ помѣстить своихъ дочерей при дворѣ, помѣщалъ ихъ на воспитаніе въ женскіе монастыри, гдѣ, конечно, дѣвочки учились почти исключительно женскимъ рукодѣльямъ, молитвамъ, библейской исторіи и житіямъ святыхъ. Несомнѣнно то, что многія женщины умѣли разговаривать занимательно и остроумно о различныхъ предметахъ, что онѣ съ успѣхомъ занимались вокальною и инструментальною музыкою, что онѣ даже превосходили мужчинъ въ умѣніи читать и писать и обнаруживали живое и тонкое пониманіе поэтическихъ произведеній. Многіе тогдашніе поэты положительно высказывали, что они разсчитываютъ на читательницъ, и можно достовѣрно утверждать, что на уборныхъ столахъ многихъ знатныхъ дамъ лежали въ красивыхъ рукописяхъ книжки пѣсенъ; такъ какъ пергаментъ былъ слишкомъ дорогъ для вседневнаго употребленія, то писали на навощенныхъ дощечкахъ грифелями изъ дерева, стекла или благороднаго металла. Особенное искусство средневѣковыя писательницы обнаруживали, безъ сомнѣ-

нія, въ писаніи любовныхъ писемъ, и, въ самомъ дѣлѣ, забавно слышать, какъ получатели такихъ сладкихъ записочекъ должны были по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ носить ихъ при себѣ нечитанными и неотвѣченными, потому, что у нихъ не было подъ рукою писарей, которые могли бы разгадать ихъ содержаніе и составить отвѣты.

Средневѣковое гостепріимство часто доставляло женщинамъ случаи обнаруживать утонченность общественныхъ нравовъ. Тогдашній путешественникъ былъ просто принужденъ пользоваться гостепріимствомъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Гостинницы существовали только въ городахъ, и если онѣ и попадались кое-гдѣ въ деревняхъ, то онѣ со своею грязью и скуднымъ запасомъ пищи не могли быть привлекательны для благороднаго путника. Кромѣ того, недостаточная безопасность такъ называемой большой дороги вмѣняла въ обязанность каждому разсудительному человѣку искать себѣ по возможности для ночлега крѣпкій замокъ.

Строго-нравственныя домашнія и супружескія отношенія германской древности, какъ они описаны Тацитомъ, уже не существовали въ цвѣтущее время рыцарско-романтическаго общества. На ихъ мѣсто явились условныя формы и даже легкомысліе. Различіе между юридическимъ и соціальнымъ положеніемъ женщинъ въ средніе вѣка было очень значительно. По закону жена была совершенно подчинена мужу: жена была нѣкоторымъ образомъ служанкою, безусловно повинующеюся мужу, и даже въ любезной Франціи королевскій указъ давалъ мужу положительное право, въ случаѣ надобности, бить жену. Несмотря на то, женщины de facto возвысились до такого положенія и значенія, на которыя онѣ de jure не могли имѣть ни малѣйшаго притязанія. Рыцарская романтика сдѣлала женщину вѣнцомъ созданія и ввела женщину въ общество, какъ повелительницу всего, что ее окружаетъ; но при этомъ она также разорвала во многихъ отношеніяхъ узы благородной домовитости, чистой нравственности и настоящаго цѣломудрія, противопоставивъ свободную любовь неприкосновенности брачнаго союза. Вмѣстѣ съ соціальнымъ значеніемъ женщинъ возвысилось также соотвѣтствующимъ образомъ ихъ тщеславіе, и поэтому онѣ довели до невообразимой степени тѣ требованія, съ которыми онѣ обращались къ своимъ обожателямъ. Этой утонченной прихотливости женщинъ вполнѣ соотвѣтствовало безуміе влюбленныхъ мужчинъ, а всего нелѣпѣе вели себя рыцарственные поэты. Мы знаемъ, напримѣръ, что одинъ провансальскій трубадуръ Пейре Видаль, въ угоду своей возлюбленной, которую звали Лоба (волчица), зашилъ себя въ волчью шкуру и съ воемъ на четвереинькахъ ползалъ по горамъ, пока овчарки не обработали его ужаснѣйшимъ образомъ.

Средневѣковое высшее общество было разсѣяно по своимъ пфальцамъ и бургамъ. Чтобы собрать его и доставить ему наслажденіе высшей общительности, необходимы были частыя празднества. Когда владѣтельная особа приглашала къ себѣ гостей на праздникъ, то ея жилище дѣлалось немедленно шумною сценою разнообразныхъ приготовленій, отъ которыхъ зависѣло помѣщеніе и продовольствіе сотенъ гостей: вмѣстѣ со свитою число послѣднихъ часто считалось даже тысячами. Послѣ съѣзда гостей, послѣ первыхъ привѣтствій поклонами и напитками, торжественная обѣдня открывала собою рядъ забавъ. При звукѣ трубъ и литавръ общество направлялось къ церкви, и по дорогѣ рыцари состя-

зались между собою копьями въ честь дамъ, которыя шли или ѣхали верхомъ, образуя процессію, соотвѣтствующую всѣмъ требованіямъ придворнаго этикета. Послѣ возвращенія изъ храма садились за утренній завтракъ. Короткая охота или турниръ наполняли промежуточное время, пока трубы и рога подавали сигналъ къ обѣду. Въ тѣхъ мѣстахъ Германіи, куда еще не проникъ французскій обычай попарнаго сидѣнія мужчинъ и женщинъ, тамъ оба пола обѣдали въ отдѣльныхъ комнатахъ. Пиршество приправлялось веселою бесѣдою, иногда очень грубою и украшенною непристойными остротами. Иногда впускались толпы музыкантовъ и фигляровъ, или одинъ изъ многихъ странствующихъ миннезенгеровъ представлялъ на судъ гостей новѣйшія внушенія своей музы, къ которымъ онъ по большей части самъ сочинялъ мотивы, или же тѣ изъ гостей, которые умѣли пѣть и играть на цитрѣ, одинъ за другимъ показывали свое искусство.

Съ наступленіемъ вечера женщины отправлялись въ домовую капеллу для слушанія вечерни, и затѣмъ все общество снова собиралось. Игроки пробовали счастіе и искусство, бражники настойчиво изучали содержаніе хозяйскихъ погребовъ, и наконецъ веселые танцы еще разъ, передъ отходомъ ко сну, собирали всѣхъ въ одинъ кружокъ. Тогда различались танцы и хороводы. Придворный танецъ состоялъ въ томъ, что танцоръ, взявъ за руку одну или двухъ дамъ, обходилъ залъ скользящими ногами, при звукѣ струнныхъ инструментовъ и танцовальныхъ пѣсенъ, которыя сочинялись спеціально для этой цѣли и запѣвались пѣвцами или пѣвицами, шедшими впереди танцующихъ. — Напротивъ того, хороводъ производился на открытомъ воздухѣ, на улицахъ или лужайкахъ: тутъ не ходили, а прыгали, и при этомъ танцующіе старались отличиться особенно высокими и далеками прыжками, такъ что это тѣлесное упражненіе не могло бы показаться намъ особенно граціознымъ. Во времена упадка придворныхъ нравовъ, танцы превратились въ дикое и безобразное неистовство и бушеваніе, безстыдныя тенденціи которыхъ возбуждали великій соблазнъ. Сеймы, вѣнчанія королей и другія придворныя торжества давали придворно-рыцарскому обществу обильные поводы высказываться во всей полнотѣ своего великолѣпія. При такихъ случаяхъ стеченіе людей доходило до невѣроятныхъ размѣровъ, и при этомъ издержки доходили до такихъ суммъ, которыя для того времени были громадны. Главнымъ актомъ всѣхъ рыцарскихъ празднествъ являлся турниръ, котораго первые начатки вышли, вѣроятно, изъ воинскихъ упражненій древнихъ германцевъ и галловъ. Императоръ Генрихъ I превратилъ турниры въ кавалерійскія упражненія, затѣмъ они были снабжены во Франціи рыцарско-романтическими формами и дополненіями, съ которыми они совершались въ Германіи, начиная съ XII и до XVII вѣка. Въ цвѣтущее время рыцарства турнирное дѣло было организовано совершенно правильно. Въ Германіи существовали четыре большія турнирныя общества: швабское, франконское, баварское и рейнское, которыя въ свою очередь распадались на меньшіе круги. Князья названныхъ земель исправляли должность высшихъ турнирныхъ приставовъ, и на нихъ лежала обязанность объявлять турниры, устраивать турнирныя мѣста, заботиться о свитѣ и квартирахъ, производить осмотръ оружія и вообще завѣдывать турнирною полиціею. Турниры производились верхомъ, копьями и мечами, или пѣшкомъ, боевыми топорами, дубинами, пи-

ками и мечами; при этомъ цѣлыя толпы бросались другъ на друга, или рыцари шли одинъ на одинъ. Самымъ же употребительнымъ и любимымъ родомъ борьбы было ломаніе копей верхомъ на конѣ. Такъ называемое Stumpfrennen, при которомъ употреблялись тупые копья и мечи и имѣлись въ виду только забава и упражненіе, отличалось отъ Scharfrennen, при которомъ употреблялось острое оружіе и серьезная борьба становилась часто очень кровопролитною, такъ что, напримѣръ, на одномъ турнирѣ, происходившемъ близъ Кельна, въ 1241 г., шестьдесятъ рыцарей остались мертвыми на мѣстѣ. Такъ называемая турнирная награда сдѣлалась, при увеличивающейся роскоши, предметомъ соперничествующей изобрѣтательности. Она уже теперь не состояла, какъ прежде, въ простыхъ золотыхъ цѣпяхъ и вѣнкахъ, въ оружіи, шитьѣ или лошадяхъ, но подавала поводъ къ убыточному осуществленію разныхъ романтическихъ затѣй. Такъ, напримѣръ, на одномъ турнирѣ, данномъ въ Нордгаузенѣ маркграфомъ Генрихомъ Мейсенскимъ, свѣтлѣйшимъ было сдѣлано большое дерево съ золотыми и серебряными листьями; кому удавалось сломать копье противника, тотъ получалъ серебряный листъ, а кто выбрасывалъ противника изъ сѣдла, тому доставался золотой. При паденіи рыцарства бойцы начали держать между собою денежныя пари; искусные всадники и фехтовальщики ѣздили по странѣ, вызывали всѣхъ на бой и предлагали денежныя пари.

Къ этому вопіющему симптому упадка придворно-рыцарскаго общества стали присоединяться со второй половины XIII вѣка новые признаки въ постоянно возрастающемъ числѣ. Въ Германіи вся эта придворная культура не была выращена на мощномъ корнѣ національной жизни; поэтому за краткимъ процвѣтаніемъ наступило быстрое и отвратительное увяданіе. Искусственное и поддѣльное романское образованіе не нашло для себя твердой почвы въ характерѣ и духѣ нѣмецкаго народа. Оно одряхлѣло, какъ только утратилось внѣшнее условіе ея жизни— то господствующее положеніе, которымъ Германія пользовалась при Гогенштауфенахъ въ ряду другихъ державъ; оно погибло, по крайней мѣрѣ, въ своихъ высшихъ стремленіяхъ, въ то ужасное время, которое наступило послѣ смерти Фридриха II и сдѣлало сомнительнымъ существованіе какой бы то ни было культуры. Тогда нѣмецкое общество одичало неимовѣрно, и репутація нѣмецкаго рыцарства стала падать заграницею со ступеньки на ступеньку, пока, наконецъ, оно стало подвергаться тому презрѣнію, о которомъ многократно и настойчиво свидѣтельствуетъ классическій лѣтописецъ XIV в., Жанъ Фруассаръ. Онъ называетъ нѣмецкихъ рыцарей неуклюжими, невѣждами и грубіянами, безчувственными, жестокими и корыстолюбивыми. При этомъ, конечно, не надо упускать изъ виду, что Фруассаръ разсказываетъ также о Черномъ принцѣ самыя отвратительныя черты безчеловѣчности и жестокости и при этомъ все-таки величаетъ его «цвѣтомъ рыцарства». Именно при чтеніи этого рыцарственнаго лѣтописца мы видимъ ясно, что «рыцарская доблесть» означала именно то, что французы называли courtoisie, а нѣмцы Höffichkeit. Объ истинной нравственности, о настоящемъ чувствѣ справедливости и о дѣйствительной гуманности рыцарство нисколько не заботилось; иначе оно не могло бы такъ сильно погрязнуть въ пошлости, дикости и безобразіи, какъ это случилось съ нимъ въ нѣмецкихъ земляхъ, начиная съ вышеозначеннаго времени. Женщины предавались

грубо-чувственнымъ порокамъ или болѣзненному ханжеству. Мужчины отдавались безраздѣльно дикой страсти къ охотѣ и къ дракамъ. Утонченныя формы обращенія были забыты, или просто подвергались презрѣнію, и вмѣсто нихъ сталъ господствовать самый грубый и грязный тонъ. Дворянство, разорившееся тою роскошью, которую оно обнаруживало въ пищѣ и питьѣ, въ домашней утвари и въ одеждѣ, въ прислугѣ и въ лошадяхъ, на турнирахъ, сеймахъ и домашнихъ и общественныхъ праздникахъ всякаго рода, дошло наконецъ до такой нищеты, что принялось разбойничать по большимъ дорогамъ, чтобы снискать себѣ дневное пропитаніе. Дикая, разбойничья жизнь водворилась въ бургахъ; началась война всѣхъ противъ всѣхъ, и вслѣдствіе этого появилось такое презрѣніе ко всѣмъ церковнымъ и государственнымъ законамъ, что одинъ нѣмецкій князь осмѣлился выставить позорныя слова «другъ бога и врагъ всѣхъ людей», какъ смѣлое заявленіе рыцарской мужественности. Заводить ссоры изъ-за ничтожнѣйшихъ причинъ, или даже просто изъ желанія поживиться добычею—сдѣлалось дворянскимъ обычаемъ, въ особенности относительно городовъ, которыхъ процвѣтаніе возбуждало зависть дворянства и которыхъ жителей дворяне убивали и грабили, гдѣ только представлялся къ тому удобный случай. Въ такихъ распряхъ рыцарское чувство чести уже не оказывалось на столько сильнымъ, чтобы нападающій предварительно посылалъ противной сторонѣ объявленіе войны, какъ того требовало средневѣковое кулачное или военное право. Матеріальная нужда и бѣшеная безправственность, которыя должны были явиться неизбѣжными слѣдствіями водворившейся анархіи, еще увеличивались ужасными опустошеніями, которыя производились и въ Германіи въ XIV ст. моровою язвою, завезенною на западъ съ востока (великій моръ, черная смерть). Она превратила въ пустыни города и цвѣтущія области, погубила сотни тысячъ людей и разрушила всѣ святыя узы семейства и общества. Въ эти дикія времена увяла рыцарская поэзія. Поэтъ превратился въ паяца и паразита, придумывающаго грязные разсказы; онъ принужденъ былъ оспаривать скудный кусокъ хлѣба у настоящихъ шутовъ по ремеслу. На мѣсто придворныхъ развлеченій, состоящихъ въ изысканной рѣчи, музыкѣ и пѣсенныхъ состязаніяхъ, появились—чудовищное пьянство, безстыдные разговоры, грязные фарсы, разорительныя игры и тупоумная драчливость, обезчестившая рыцарскій обычай поединка. Такимъ образомъ все склонилось къ грубому и позорному. Но многія формы рыцарской романтики надолго пережили ея духъ; это можно сказать въ особенности о внѣшнемъ великолѣпіи празднествъ, которое скорѣе увеличивалось, чѣмъ уменьшалось, и въ особенности обнаруживалось блистательнымъ образомъ при княжескихъ свадьбахъ.

IX. РЫЦАРСКОЕ СЛУЖЕНІЕ ЖЕНЩИНѢ ВЪ БЛЕСТЯЩІЙ ПЕРІОДЪ РЫЦАРСТВА И ВЪ ПЕРІОДЪ ЕГО УПАДКА.

(Изъ соч. Петрова: «Очерки изъ всеобщей исторіи»).

Отечествомъ рыцарства со всѣми его законами и обычаями была, какъ извѣстно, южная Франція, или, точнѣе, вся область провансальскаго языка и образованія, въ которую входили не только собственно Про-

вансъ, но и смежныя съ нимъ сѣверныя части Испаніи и Италіи. Здѣсь возникла и развилась большая часть рыцарскихъ учрежденій—турниры, куртуазія, суды любви и служеніе избранной дамѣ. Отсюда же распространились они на сѣверъ и востокъ западной Европы, постепенно слабѣя въ своей внутренней силѣ и вліяніи на общество, чѣмъ далѣе удалялись они отъ этого центра рыцарской жизни.

Къ началу XII вѣка много разнородныхъ причинъ стеклось въ этомъ пунктѣ, чтобы сдѣлать изъ Прованса образцовую страну европейскаго рыцарства и, въ частности—чтобы породить въ ней такое высокое уваженіе и поклоненіе женщинѣ, какого до тѣхъ поръ не знала римско-германская Европа. Естественное и промышленное богатство этого прелестнаго южнаго края, рано развившееся образованіе и утонченность формъ общежитія, прекрасный звучный языкъ, столь способный къ поэзіи, болѣе сильное, чѣмъ гдѣ-либо, вліяніе уцѣлѣвшихъ здѣсь остатковъ классической культуры, особенно римскаго права съ его болѣе гуманнымъ и справедливымъ воззрѣніемъ на женщину, наконецъ, близкое знакомство съ очень развитою по тому времени мавританскою цивилизаціей сосѣдняго испанскаго калифата— составили, безъ сомнѣнія, тотъ общій фонъ или почву, на которой сдѣлались возможны явленія, подобныя рыцарской жизни. Вліяніе арабской культуры на происшедшія вскорѣ затѣмъ перемѣны въ общественномъ положеніи женщины, чрезвычайно важно, и едва ли не арабскимъ представленіямъ обязана южно-французская женщина тѣмъ поэтическимъ обаяніемъ, съ какимъ является она въ канцонахъ и альбахъ трубадуровъ. Поэзія же успѣла идеализировать, или, по крайней мѣрѣ, облагородить и самую распущенность нравовъ, которою отличался край этотъ еще со времени римскаго владычества. Опоэтизированной такимъ образомъ женщинѣ, даже во всѣхъ ея слабостяхъ, не доставало только какого-нибудь нравственнаго ореола, чтобы сдѣлаться кумиромъ общества. Такой ореолъ могла ей дать только церковь. Но церковь, подъ вліяніемъ аскетическихъ идей эпохи, учила смотрѣть на женщину, какъ на низшее, по преимуществу грѣховное, почти нечистое существо, какъ на источникъ соблазна и паденія. Однако, по странному стеченію противорѣчій, именно въ XII в., въ вѣкъ самаго напряженнаго и фанатическаго аскетизма, само духовенство проложило женщинѣ путь даже къ моральному владычеству надъ обществомъ, какъ ей принадлежало уже господство эстетическое. Въ это время достигаетъ полнаго своего развитія ученіе латинской церкви о Богоматери, поклоненіе которой быстро дѣлается господствующимъ, предпочтительно предъ всѣми другими культами святыхъ и угодниковъ. Пресвятая Дѣва на престолѣ предвѣчной славы, окруженная сонмами небесныхъ силъ, дѣлается общей заступницей молящихся и вмѣстѣ идеаломъ женственной чистоты и непорочности. Инстинктивное уваженіе къ дѣвственности, присущее еще древне-германскимъ понятіямъ, находитъ теперь новое оправданіе въ божественныхъ совершенствахъ небесной Дѣвы.

Перемѣны, исподволь развившіяся въ Провансѣ, остались бы, можетъ быть, изолированнымъ явленіемъ, еслибы начавшіеся съ конца XI вѣка крестовые походы не расширили круга ихъ вліянія почти на всю романскую и германскую Европу, и на первую преимущественно, такъ какъ для подобной перемѣны въ ней было болѣе сочувственныхъ элементовъ. Но не однимъ только распространеніемъ за предѣлы Прованса повліяли

крестовыя войны на измѣнившееся значенiе женщины. Онѣ во многомъ способствовали и самому ихъ дальнѣйшему развитiю. Ближайшее знакомство съ византiйскою и азiатско-арабскою культурой, большiй кругъ дѣйствiя, большее знакомство съ людьми и свѣтомъ, съ того времени какъ западное рыцарство пришло въ движенiе ради общихъ войнъ противъ невѣрныхъ, когда возникли общiе интересы и завязались новыя связи между людьми, вообще масса новыхъ идей, принесенныхъ крестоносцами изъ далекихъ и трудныхъ странствованiй,—все это постепенно измѣняло общiя отношенiя жизни, и въ томъ числѣ положенiе и роль женщины. Нужно прибавить, впрочемъ, что послѣдняя перемѣна коснулась Германiи менѣе, чѣмъ другихъ частей Европы, и что въ этой странѣ рыцарство, со всѣми его учрежденiями и со всѣмъ кругомъ своихъ особыхъ понятiй, никогда не достигало полнаго развитiя и блеска. Идеи о новыхъ правахъ и общественной роли женщины проникли, правда, и сюда, но, встрѣтившись здѣсь съ укоренившимися издревле понятiями о женщинѣ, составили довольно странную смѣсь свободы и рабства, поклоненiя и деспотизма, какiя мы видимъ въ отношенiяхъ между полами въ вѣкъ рыцарской Германiи. Теперь мы должны составить по возможности опредѣлительное понятiе о томъ, въ чемъ состояло это пресловутое «служенiе дамамъ», составлявшее неизбѣжную принадлежность каждаго истиннаго рыцаря.

«Служенiе женщинѣ» (Culte des femmes, Frauendienst), прежде всего было обычаемъ и модою вѣка. Никто изъ рыцарскаго круга не могъ отъ него уклониться, не рискуя прослыть невѣждой, чудакомъ или человѣкомъ отсталымъ. Каждый, по достиженiи юношескаго возраста и прiобрѣтенiи установленнымъ порядкомъ рыцарскаго достоинства, долженъ былъ избрать себѣ даму, знакомую или незнакомую, замужнюю или дѣвушку, и добиться у ней дозволенiя «служить ей», то-есть носить ея цвѣта, сражаться въ честь ея на войнѣ, или на турнирахъ, защищать ея славу и имя противъ всѣхъ и каждаго и быть готовымъ исполнить малѣйшiя ея желанiя. Не нужно воображать при этомъ, что выборомъ рыцаря руководила непремѣнно любовь или привязанность. Большею частiю онъ просто исполнялъ принятый обычай и удовлетворялъ своему самолюбiю, стараясь попасть въ рыцари какой-нибудь знатной дамы или же извѣстной красавицы. Красота, впрочемъ, рѣже входитъ въ разсчетъ, больше-же всего — порода, связи и знатность. Затѣмъ молодой рыцарь могъ быть женатъ или холостъ—все равно, это не освобождало его отъ дамской службы; но собственная супруга никогда почти не дѣлалась его избранною дамой и повелительницей. Разумѣется, что званiе рыцаря этой избранницы надо было сначала заслужить цѣлымъ рядомъ подвиговъ и испытанiй, иногда довольно продолжительныхъ. И когда *ищущiй* совершилъ ихъ довольно, чтобы поднять славу своей дамы и заслужить ея милость, наступалъ желанный обрядъ формальнаго принятiя въ ея рыцари,—обрядъ, совершенно напоминающiй церемонiю присяги въ вѣрности сюзерену. И тутъ точно такъ же, какъ при ленной присягѣ, гдѣ вассалъ на колѣняхъ, со сложенными на груди руками, произносилъ клятву въ вѣрности передъ своимъ сюзереномъ, — рыцарь на колѣняхъ же, получалъ отъ дамы въ ленъ свою жизнь, при чемъ тотъ же поцѣлуй и тотъ же перстень, какъ и при ленномъ обрядѣ, скрѣпляли заключенное условiе. Согласно съ такимъ феодальнымъ характеромъ при-

нятаго на себя «служенія»; рыцарь, какъ и всякій ленникъ, прежде и выше всего обязанъ былъ своей дамѣ «вѣрностію». Она же, какъ это бывало и съ патронами, не принимала на себя никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, обѣщая только вообще благоволеніе и милость. Такая чисто моральная связь, во избѣжаніе толковъ и злыхъ языковъ, должна была однако же оставаться тайной; но, разумѣется, это удавалось довольно рѣдко, и бывали случаи, когда рыцарь «служилъ» своей дамѣ прямо съ согласія ея мужа. — Провансальскіе поэты успѣли потомъ создать цѣлую регламентацію этихъ отношеній, отличить множество степеней дамской службы — *таящіеся, ищущіе, выслушанные и достигшіе* съ ихъ привилегіями и правами и вообще подчинить даму и рыцаря цѣлому кодексу условныхъ законовъ и правилъ. Но это было уже вырожденіемъ сначала чистаго и, въ сущности, идеальнаго культа,— идеальнаго въ томъ смыслѣ, что чувственныя побужденія и цѣли стояли здѣсь далеко не на первомъ планѣ. Тщеславіе играло въ нихъ большею частію главную роль. Ухаживая за знатною дамой, обыкновеннымъ путемъ сватовства и брака для него недоступной, рыцарь находилъ въ этомъ нѣкоторое вознагражденіе за тѣ ограниченія и лишенія, которыя налагала на него строгая классификація феодальнаго общества. И если всегда и вездѣ браки болѣе или менѣе условливались равенствомъ общественнаго положенія и богатства, то нигдѣ, быть можетъ, это не соблюдалось такъ строго, какъ въ рыцарскомъ сословіи. Не говоря уже о томъ, что союзъ или даже простая привязанность къ женщинѣ низшаго, не дворянскаго рода были для рыцаря совершенно немыслимы, даже въ предѣлахъ своего собственнаго круга онъ встрѣчалъ множество перегородокъ, которыя переступить было очень трудно. Служилый рыцарь, напримѣръ, не смѣлъ думать о дочери своего знаменоноснаго патрона, простой баронъ—о родствѣ съ владѣтельнымъ княземъ и т. д. А между тѣмъ, по теоріи и древнимъ воспоминаніямъ, всѣ рыцари, какъ рыцари, то-есть какъ члены корпораціи, отъ бѣднаго вассала до короля, считались равными. И вотъ личное достоинство, затертое гордостью сильныхъ и предразсудками общества, ищетъ себѣ удовлетворенія въ этихъ тайныхъ знатныхъ связяхъ. Вотъ почему, быть можетъ, обычай «служенія дамѣ» распространился такъ быстро и повсемѣстно, такъ какъ развитію его вездѣ способствовали одинаковыя условія общественныя. Вотъ почему также ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, возникъ онъ въ Провансѣ, самой образованной передовой странѣ тогдашней Европы, гдѣ очень рано проснулся свободный духъ сомнѣнія и критики и гдѣ общественное мнѣніе, устами національныхъ поэтовъ и религіозныхъ новаторовъ, уже въ XII вѣкѣ протестовало какъ противъ злоупотребленій іерархіи, такъ и противъ несправедливостей ленной организаціи. Но, выставляя на видъ этотъ соціальный мотивъ происхожденія дамской службы, мы не думаемъ утверждать, что увлеченіе и истинное чувство были совершенно ей чужды. Общество, о которомъ мы говоримъ, было бы какимъ-то страннымъ исключеніемъ, еслибъ ему были недоступны и эти побужденія; но любовь не была здѣсь непремѣннымъ условіемъ и стояла часто на второмъ планѣ, такъ какъ случалось, что рыцарь посвящалъ свою жизнь служенію дамѣ, которую никогда не видѣлъ въ глаза и о которой только наслышался отъ другихъ, однимъ словомъ, что обычай этотъ былъ происхожденія и характера, по преимуществу, соціальнаго.

Если мы постоянно будемъ имѣть въ виду такую точку зрѣнія, то намъ многое станетъ понятно въ «служеніи», что такъ дико и странно поражаетъ въ немъ на первый взглядъ. И прежде всего какая-то внѣшняя обрядность, какой-то формализмъ, замѣтный во всемъ... Рыцарь въ честь и въ угоду своей дамѣ, нерѣдко и по ея требованію, произноситъ разные, иногда очень оригинальные обѣты—молчать въ извѣстные дни, сражаться безъ забрала, отправиться за море въ крестовый походъ. Онъ одѣвается въ ея цвѣтъ и носитъ постоянно ея эмблему. Подаренный ею шарфъ или поясъ украшаетъ его сѣдло; рукавчикъ ея платья, привязанный къ древку копья, служитъ ему почетнымъ знаменемъ и источникомъ мужества въ бою. Ихъ личныя, конечно, оффиціальныя сношенія обставлены безконечными и скучными формальностями—поклонами, прижатіемъ рукъ къ сердцу, колѣнопреклоненіями. Рѣчь усѣяна приторными комплиментами и избитыми, условными эпитетами и фразами. Даже пѣсни, въ которыхъ рыцарь считалъ долгомъ прославлять свою даму, поражаютъ однообразіемъ и отсутствіемъ огня.

Но самымъ разительнымъ образомъ внѣшній формализмъ рыцарской любви выразился въ учрежденіи такъ называемыхъ «судилищъ любви» (cours d'amour), которыя мы встрѣчаемъ во Франціи. Знатныя дамы эпохи, какая-нибудь Элеонора аквитанская, бывшая замужемъ за Людовикомъ VII, а потомъ за Генрихомъ II англійскимъ, Эрменгарда, виконтесса нарбоннская и др., эти законодательницы нравовъ и моды своего времени, открывали при дворахъ своихъ полусерьезныя, полушуточныя судилища со всею обстановкой и процедурой обыкновенныхъ, настоящихъ судовъ, гдѣ дебатировались и рѣшались разные спорные вопросы, столкновенія и тонкости, возникавшія на практикѣ рыцарской галантеріи. Рѣшенія постановлялись не только на основаніи принятыхъ обычаевъ и совѣсти судей,—большею частію галантныхъ дамъ,—но и формальныхъ законовъ, существовавшихъ для подобныхъ случаевъ. До насъ дошли отрывки этого характернаго законодательства, а равно и множество приговоровъ, состоявшихся на этихъ судахъ. И тутъ-то мы видимъ всю шаткость и скользкость морали, порожденной обычаемъ дамскаго культа и руководившей обществомъ, среди котораго возможны были такія явленія. Вотъ нѣкоторые образчики этихъ странныхъ законовъ: 1) Causa conjugii non est amoris excusatio recta. 2) Qui non celat, amare non potest. 3) Novus amor veterem compellit abire и т. п. Правда, что въ наукѣ есть нѣкоторыя сомнѣнія въ достовѣрности этого памятника. Но, какъ бы то ни было, извѣстно, что вышеприведенныя правила дѣйствительно примѣнялись на практикѣ. Одна дама отказала рыцарю въ любви, потому что вышла замужъ за другаго. Графиня Эрменгарда приговорила ее къ продолженію прежней связи (на основаніи статьи I). Одна дама обѣщала рыцарю любовь въ случаѣ, если прекратится связь съ прежнимъ ея поклонникомъ; но вскорѣ она вышла замужъ за этого послѣдняго и доказывала, что такимъ образомъ связь ея не прекратилась. Элеонора, къ которой аппелировала обиженная сторона, рѣшила, что, напротивъ— прекратилась, такъ какъ между супругами не можетъ быть истинной рыцарской любви.

Сколько оскорбительнаго и безстыднаго должна была, по нашимъ понятіямъ, заключать въ себѣ уже одна гласность подобныхъ процессовъ, самое существованіе какихъ-то законовъ и правилъ, регламентирующихъ

любовь, эту святую тайну людскаго сердца. Не служитъ-ли это уже доказательствомъ, что рыцарское поклоненіе женщинѣ было какою-то внѣшнею игрою тщеславія, заключавшею въ себѣ всѣ условія холоднаго разврата? Высокое и свободное чувство, превратившееся въ схоластически тонкое искусство, которое можно было преподавать и которое дѣйствительно и преподавалось дамами ихъ пажамъ (Galanterie, Minnekunst), обставленное цѣлымъ церемоніаломъ обрядности, парада и показа, основанное сначала на самолюбіи, а потомъ просто на чувственныхъ мотивахъ и цѣляхъ,—вотъ что такое былъ этотъ пресловутый «культъ женщины» среднихъ вѣковъ.

Мы отнюдь не хотимъ быть несправедливыми къ рыцарству и охотно признаемъ за нимъ извѣстную степень цивилизующаго вліянія на грубые и жесткіе нравы средневѣковыхъ народовъ и, особенно, германскихъ. Мы допускаемъ также возможность и дѣйствительность множества случаевъ и безкорыстнаго, идеальнаго увлеченія, даже множества славныхъ подвиговъ, совершенныхъ во имя высокой идеи. Но принципъ, лежавшій въ основаніи взаимнаго отношенія между полами, былъ все-таки безнравственъ и ложенъ; а онъ-то и условливалъ поведеніе большинства. Безнравственность его, дѣйствительно, скоро и обнаружилась самыми печальными, самыми разлагающими послѣдствіями для общества. Бракъ превратился въ одну формальность, такъ какъ рыцарскій кодексъ открыто признавалъ, что въ супружествѣ невозможна любовь. Minnedienst, служеніе любви, по натурѣ своей нѣкогда чистое, по крайней мѣрѣ, отъ грубыхъ заблужденій, превратилось въ пошлое ухаживаніе. Развратные fabliaux и сладострастные романы (въ родѣ Амадиса или Ланселота) сдѣлались любимымъ чтеніемъ общества. Большіе города наполнились притонами разврата. Пилигримы и крестоносцы приносили съ Востока множество новыхъ утонченно-чувственныхъ обычаевъ и наслажденій. Къ концу XIII вѣка публичная мораль была уже въ полномъ разложеніи, и западная Европа съ высоты идеальныхъ порывовъ, проявившихся было въ первый вѣкъ крестоносныхъ движеній, ринулась въ такую возмутительную грязь, о какой въ наше время мы не имѣемъ и слабаго понятія. Бракъ былъ почти разрушенъ самимъ же рыцарствомъ, вслѣдствіе повсемѣстно распространившагося обычая служенія избранной женщинѣ. Даже отъ «дамской службы», все же вращавшейся въ приличныхъ и благородныхъ формахъ, въ половинѣ XIII вѣка осталась одна только каррикатура. Самый грубый матеріализмъ беззавѣтно овладѣлъ обществомъ.

Въ теченіи XIII вѣка въ различныхъ частяхъ Германіи и Европы почти одновременно совершился рядъ событій, неблагопріятныхъ для рыцарства и клонившихся къ упадку его обычаевъ и учрежденій. Умеръ ландграфъ Тюрингенскій Германъ, вартбургскій замокъ котораго долгое время для сѣверной Германіи былъ такою же академіей изящнаго вкуса и поэзіи, какою былъ дворъ Фридриха Австрійскаго для южной. Наконецъ, сама Гогенштауфенская фамилія, главная покровительница блестящей рыцарской жизни, сошла съ историческаго поприща. Настали тѣ смутныя и тяжкія времена, когда, въ теченіи цѣлаго поколѣнія, не было въ странѣ ни закона, ни порядка, ни государя—это такъ называемая эпоха великаго междуцарствія.

Посреди общаго смятенія и ужаса разомъ замолкли безчисленные голоса пѣвцовъ любви съ ихъ вѣчно праздничными мелодіями. Какъ

переполошенныя грозою птицы, разлетѣлась вся эта беззаботная и чужеядная стая миннезенгеровъ, жонглеровъ и мейстерзенгеровъ. Не до пѣсенъ было и не до провансальскаго ухаживанія за дамами, когда жизнь каждаго висѣла на волоскѣ и никто не могъ поручиться за завтрашній день, когда грозная невзгода бушевала надъ краемъ, сметая слѣды празднаго веселья и театральныхъ подвиговъ рыцарства. Нравы быстро грубѣли, и дикая сила снова царила надъ обществомъ. Полныя унынія и страха, дамы запираются въ своихъ опустѣвшихъ «кеменатахъ», замѣнивъ романъ Ланселота молитвенникомъ и роскошныя вырѣзныя платья—полумонашескимъ чернымъ уборомъ.

И изъ Франціи давно уже нѣтъ ни новыхъ модъ, ни новыхъ пѣсенъ и танцевъ, ни новыхъ сладострастныхъ романовъ: тамъ тоже не лучше. На самой родинѣ и въ гнѣздилищѣ рыцарской жизни—Провансѣ со временъ альбигойской войны лежитъ одно мрачное запустѣніе. Замолкли трубадуры, турниры и празднества, не слышно веселыхъ приговоровъ любовныхъ судилищъ. Только уголья тлѣютъ еще отъ недавнихъ костровъ инквизиціи, да торчатъ обгорѣлыя стѣны роскошныхъ замковъ.

Но неужели весь этотъ рыцарскій праздникъ, продолжавшійся два столѣтія, прошелъ безслѣдно для западной Европы, а чрезъ нее косвенно и для насъ, и неужели общественное значеніе женщины ничего не выиграло и не вынесло изъ него, кромѣ безплодныхъ воспоминаній? Такое заключеніе было бы, по меньшей мѣрѣ, одностороннe.

Мы не будемъ говорить здѣсь обо всѣхъ заслугахъ и благодѣяніяхъ, принесенныхъ рыцарствомъ для европейской культуры,—о чувствѣ личнаго достоинства и чести, объ облагороженіи военнаго дѣла, о болѣе изящныхъ и утонченныхъ формахъ общежитія, завѣщанныхъ намъ этими далекими европейскими праотцами,—и укажемъ только на одну великую перемѣну, совершенную, или, правильнѣе, начатую рыцарствомъ въ положеніи женщины. Она касалась не ея юридическихъ или домашнихъ правъ, а тѣмъ менѣе улучшенія ея нравственнаго состоянія. Все это осталось почти по прежнему, а моральная сторона стала даже и хуже. Она коснулась того, что есть въ женщинѣ самаго дорогаго и властительнаго, это—присущаго ей эстетическаго элемента.

Никогда еще, со временъ, быть можетъ, перикловской Греціи, не окружена была женщина такимъ высокимъ обаяніемъ изящнаго, какъ въ вѣкъ рыцарской славы. Все ея воспитаніе, вся ея обстановка и цѣлый складъ жизни направлены были, какъ нельзя болѣе благопріятно, къ развитію этихъ преимуществъ ея натуры. Начать съ того, что женщины того времени были вообще гораздо образованнѣе мужчинъ. Многія изъ нихъ были грамотны, а нѣкоторыя даже начитаны въ тогдашней литературѣ. Конечно, литература эта, наполненная волшебствомъ и чудесами, способна была скорѣе развить воображеніе, нежели умъ и сердце. Легенды о святыхъ мученикахъ, безконечныя пѣсни любви, эпическія произведенія своихъ и чужихъ поэтовъ, съ ихъ очарованными замками, великанами и драконами, слишкомъ далеки были отъ міра дѣйствительности, чтобы воспитать въ читателѣ сколько-нибудь правильный взглядъ на жизнь. Но именно это преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ и составляло чрезвычайно симпатичную почву для поэзіи.

Монастырское воспитаніе женщинъ, бывшее въ обычаѣ въ предшествующемъ періодѣ, дѣлается въ рыцарскую эпоху совершенно свѣт-

скимъ. Если родители не на столько богаты, чтобы дать своей дочери такое воспитаніе дома, то съ раннихъ лѣтъ ее отдаютъ ко двору какого нибудь знатнаго владѣльца, гдѣ дѣвочка, въ качествѣ подруги, растетъ и учится вмѣстѣ съ его собственными дочерьми и большею частію остается при нихъ до замужества. Всѣ тѣ образовательныя средства, которыми можетъ располагать какая-нибудь принцесса или княжна, дѣлаются такимъ образомъ доступными и для самой бѣдной дворянской дѣвушки.—А средства эти всѣ почти направлены къ развитію изящнаго вкуса и усвоенію утонченныхъ придворныхъ обычаевъ. Это—пѣніе, танцы, игра на лютнѣ и арфѣ, благородныя женскія рукодѣлія и извѣстный кодексъ нравственности. Умѣлыя въ этихъ искусствахъ гувернантки и придворные рыцари, а нерѣдко и странствующіе пѣвцы и артисты разнаго рода, обыкновенно толпившіеся при богатыхъ дворахъ, были въ нихъ наставницами и наставниками, а большіе пріемы гостей, безпрестанныя празднества, охоты и игры, преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы, представляли молодымъ особамъ, воспитывавшимся въ подобныхъ замкахъ, тысячи случаевъ наловчиться практически въ наукѣ свѣтскаго обращенія и изящныхъ маперъ. Самый костюмъ эпохи, слѣдовавшій, какъ и теперь, французскимъ образцамъ и модамъ, чрезвычайно благопріятствовалъ возвышенію природной женской граціи и красоты. А что же, если еще и природа надѣлила рыцарскую даму всѣми тѣми совершенствами и прелестями, какихъ искало въ женщинѣ чувство красоты, если ея движенія, взгляды и рѣчи дышали достоинствомъ, привѣтливостью и граціей, — если вокругъ нея вѣяло той нравственной чистотой, искренней, или искусно разыгранной, которою такъ прельщалось воображеніе рыцаря, искавшее труднаго и жаждавшее недоступнаго?

Такъ составился въ воображеніи средневѣковыхъ поэтовъ идеалъ женской красоты и безпредѣльнаго ей поклоненія, — идеалъ, воспѣтый въ безчисленныхъ пѣсняхъ современниковъ и увѣковѣченный, въ наши дни, безсмертными фресками Каульбаха. На картинѣ, изображающей штурмъ взятаго крестоносцами Іерусалима, на переднемъ планѣ, мы видимъ эту знаменитую германскую «Minne,» несомую въ носилкахъ на плечахъ мусульманскихъ рабовъ. Молодому рыцарю. идущему подлѣ, она указываетъ на стѣны дымящагося города; другая рука ея покоится въ его рукѣ, между тѣмъ какъ юноша, съ поднятымъ къ небу мечемъ и съ выраженіемъ энтузіазма на загорѣломъ мужественномъ лицѣ, клянется отдать всю кровь свою за одинъ ея взглядъ. И вѣдь эта идеальная сцена бывала нѣкогда дѣйствительностію и правдой. Рыцарь дѣйствительно отваживалъ свою жизнь ради избранной дамы и на служеніе ей посвящалъ всего себя. Жаль только, что при этомъ попиралась семейная связь и что, слѣдуя уродливымъ понятіямъ вѣка, онъ не столько подчинялся при выборѣ, голосу своего сердца, сколько аристократическимъ соображеніямъ знатности и породы.

X. СИЛА И БОГАТСТВО ГОРОДОВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И БѢДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КРѢПОСТНАГО КЛАССА ВЪ КОНЦѢ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

(Изъ соч. Ешевскаго т. III, изъ статьи.—«Женщина въ средніе вѣка въ западной Европѣ»).

Исторія городовъ въ западной Европѣ въ средніе вѣка распадается на два періода, въ которые положеніе городовъ было совершенно различно. Первый періодъ начинается съ послѣдняго времени Западной Римской имперіи и оканчивается X вѣкомъ. Это время постепеннаго паденія городовъ, постепеннаго подавленія и уничтоженія городскихъ правъ и значенія городской жизни. Второй періодъ, начинаясь XI вѣкомъ, представляетъ возникновеніе городовъ изъ ихъ подавленнаго, униженнаго состоянія, постепенное усиленіе ихъ богатства и значенія, возвышеніе городскаго сословія нетолько до свободы и независимости, но и до огромнаго государственнаго значенія. Города—въ началѣ средневѣковой исторіи почти собственность и добыча свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ, — въ концѣ среднихъ вѣковъ своимъ развитіемъ приводятъ къ ослабленію и уничтоженію феодальнаго быта, къ совершенному упраздненію политическихъ формъ средневѣковой жизни.

Города въ послѣднее время З. Римской имперіи потеряли свое государственное, политическое значеніе, были подавлены произвольными налогами и, однако, не смотря на это, сохранили еще до нѣкоторой степени свое внутреннее самоуправленіе. Во главѣ городскаго населенія стоялъ епископъ, котораго значеніе все болѣе и болѣе возрастало по мѣрѣ того, какъ падало значеніе центральной власти, какъ понижался и терялъ свою самостоятельность западный римскій императоръ, бывшій игрушкою въ рукахъ варварскихъ временщиковъ, возводившихъ и низводившихъ его по своему произволу. Гибель Римской имперіи и окончательное утвержденіе варваровъ въ областяхъ ея, несмотря на всѣ ужасы варварскихъ нашествій и опустошеній, на первое время не только не понизили еще болѣе положеніе городовъ, но даже улучшили его. Съ окончательнымъ паденіемъ центральной власти, съ паденіемъ Западной имперіи, города освободились отъ невыносимой тяжести падавшихъ на нихъ государственныхъ налоговъ. Представители городскаго населенія, епископы получили огромное вліяніе на варварскихъ королей и дружинниковъ, незнакомыхъ съ сложнымъ механизмомъ государственнаго управленія, нуждавшихся въ опытныхъ руководителяхъ и въ то же время имѣвшихъ инстинктивное уваженіе къ римской цивилизаціи и къ самому Риму, нѣсколько разъ ими взятому и разграбленному. И короли, и германскіе дружинники въ первое время и не жили въ городахъ. Они избѣгали ихъ; они чувствовали себя болѣе на свободѣ въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ ничто не стѣсняло ихъ, гдѣ они могли жить такъ, какъ жили они на своей суровой и бѣдной родинѣ. Но если первое время варварскихъ нашествій отозвалось благопріятно на жизни городовъ, то съ теченіемъ времени положеніе ихъ становилось все хуже и хуже. Съ постепеннымъ ослабленіемъ королевской власти и развитіемъ феодализма самые епископы, до сихъ поръ естественные и могучіе защитники и представители городскаго населенія, значительно измѣнили свои отноше-

нія къ нему и въ то время, какъ низшее духовенство было подавлено почти столько же, какъ сельское населеніе, высшее примкнуло къ феодальному сословію и само стало въ ряды феодаловъ. Можно указать на множество епископовъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ феодаловъ, также принимавшихъ участіе въ битвахъ, не иначе выѣзжавшихъ изъ своего жилища, какъ въ вооруженіи и со сворами охотничьихъ собакъ. Города утратили всякую самостоятельность, всякое самоуправленіе: они сдѣлались собственностью духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ; часто одинъ и тотъ же городъ былъ раздѣленъ между нѣсколькими владѣльцами, въ числѣ которыхъ всегда былъ епископъ, а иногда соборный капитулъ или игуменъ, аббатъ какого-нибудь монастыря. Феодальные владѣльцы стремились сгладить всякое различіе между горожанами и вилланами или сельскимъ населеніемъ, совершенно уже подавленнымъ. Городскіе чиновники, избиравшіеся прежде самими горожанами, теперь назначались тѣмъ или другимъ феодальнымъ владѣльцемъ. Они носили часто прежнее имя, но не имѣли уже и тѣни прежняго значенія. Выборное начало въ городахъ, прежде столь сильное, было совершенно отмѣнено. Бездна феодальныхъ повинностей всякаго рода была наложена на горожанъ. Движимое и недвижимое имущество, торговля и ремесла, наконецъ, пользованіе землею, водою и воздухомъ—все было обложено податями и повинностями всякаго рода. Горожанинъ платилъ подать, проходя черезъ городскія ворота, проходя черезъ мостъ, проѣзжая по дорогѣ изъ земель одного феодальнаго владѣльца въ землю другаго. Онъ платилъ при продажѣ, платилъ при покупкѣ, платилъ когда хотѣлъ строиться, платилъ, когда женился, платилъ, когда получалъ наслѣдство послѣ отца. Онъ не могъ свободно и безъ платы молоть свою муку, печь хлѣбъ свой. Однимъ словомъ, до X в. положеніе городовъ постепенно ухудшалось, постепенно они болѣе и болѣе подпадали гнету могущественныхъ феодаловъ. Тамъ и здѣсь обнаруживались попытки отстоять сколько-нибудь свою свободу, отбиться отъ постепенно увеличивавшейся тяжести; но эти попытки подавлялись, и подавлялись иногда страшнымъ образомъ.

Въ слѣдующемъ столѣтіи положеніе городовъ стало значительно измѣняться къ лучшему, а въ XII вѣкѣ мы находимъ города уже свободными и могущественными въ нѣкоторыхъ странахъ, стоящими наравнѣ съ феодальною аристократіею, въ другихъ даже подавившими и почти уничтожившими эту аристократію. Мы не можемъ останавливаться здѣсь на причинахъ и поводахъ, которые повели къ такому коренному измѣненію въ жизни городовъ и которые были чрезвычайно разнообразны и многосложны. Города умѣли воспользоваться и борьбою папъ съ императорами, и крестовыми походами, и естественнымъ стремленіемъ королей увеличить свою власть на счетъ своевольныхъ и могущественныхъ феодаловъ. Самая громадность тяжести, наложенной на городъ феодализмомъ, заставляла городское населеніе употреблять всѣ усилія для освобожденія отъ тяжкаго ига. Города покупали себѣ на вѣсъ золота привилегіи у феодальныхъ владѣльцевъ, спѣшившихъ отправиться на далекій Востокъ; открытымъ возстаніемъ и оружіемъ добывали себѣ эти права и вольности, заключали союзы съ королями, естественными противниками феодализма, союзы со всѣми врагами тѣхъ феодальныхъ владѣльцевъ, отъ которыхъ зависѣли. Если городамъ не удавалось купить вольностей у

своихъ владѣльцевъ, они не жалѣли золота, чтобы купить себѣ помощь противъ этихъ владѣльцевъ со стороны ихъ враговъ. Борьба городовъ съ феодальными владѣльцами была самая разнообразная, иногда крайне ожесточенная и упорная, и повела къ результатамъ неодинаковымъ въ разныхъ странахъ, потому, что не одинаковы были условія, при которыхъ она происходила. Всюду города освободились отъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ; но освобожденіе это совершилось не въ одно время и не въ одинаковой степени. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Италіи, въ южной Франціи, частію въ нынѣшней Голландіи и въ Бельгіи, города не только освободились отъ власти надъ ними феодаловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожили власть феодальной аристократіи и въ деревняхъ, заставили феодаловъ переселиться въ городъ, стать горожанами. Въ другихъ странахъ города стали совершенно свободны, но феодалы царствовали за стѣнами городовъ. Иногда города пріобрѣтали полную независимость и власть надъ окрестною страной, становились могущественными и богатыми республиками. Иногда они не имѣли полной свободы и въ своихъ собственныхъ стѣнахъ и сохраняли еще нѣкоторую зависимость отъ могущественныхъ владѣльцевъ своихъ сосѣдей. Всюду, вмѣстѣ съ освобожденіемъ, идетъ укрѣпленіе городовъ. Въ борьбѣ съ феодалами и для борьбы съ ними, города обносились высокими стѣнами, узкія улицы на ночь запирались на каждомъ перекресткѣ тяжелыми желѣзными цѣпями. Среди города строилась высокая башня (beffroi), гдѣ висѣлъ городской колоколъ, сзывавшій жителей на защиту въ виду опасности, откуда день и ночь сторожъ смотрѣлъ на окрестности, не завидитъ ли онъ приближающагося врага. Жители городовъ должны были вооружаться, составлять ополченія. Въ минуту опасности купецъ откладывалъ въ сторону свои счеты, вѣсы и аршинъ, запиралъ лавочку, ремесленникъ бросалъ инструменты, и горожане спѣшили на стѣны, чтобы отбить врага, или же выходили въ окрестныя поля мѣряться силами съ гордыми, закованными въ желѣзо, феодалами и рыцарями, которые часто гибнутъ въ битвѣ.

Прежде всего освободились города Италіи, благодаря ожесточенной борьбѣ папъ съ императорами. Они же и достигли высшей степени могущества, сдѣлавшись сильными и богатыми республиками, не разъ мѣрявшимися силами съ королями и императорами. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Италіи, гдѣ феодализмъ былъ слабъ, напримѣръ, въ Тосканѣ, освобожденіе городовъ совершилось легко и скоро. Въ другихъ борьба была тяжела и упорна, особенно въ Ломбардіи и королевствѣ обѣихъ Сицилій. Феодальное дворянство должно было въ нѣкоторыхъ областяхъ покинуть свои раззоренные замки, переселиться въ городъ и образовать городскую аристократію, слившись съ горожанами. Приморскіе города Италіи, пользуясь крестовыми походами, снаряжали огромные флоты, заводили торговлю и колоніи на Востокѣ и стали могущественными республиками. Италіянскіе города давали своимъ городскимъ чиновникамъ гордое имя консуловъ. То же мы видимъ и въ освободившихся городахъ южной Франціи. Число консуловъ было различно въ разныхъ городахъ; они выбирались народомъ и управляли съ помощію городскихъ совѣтовъ. Города сносятся съ феодальными владѣльцами, какъ равные съ равными. Городская аристократія часто принимаетъ рыцарское достоинство. Гордые члены городскаго управленія въ Тулузѣ называютъ себя баронами

Тулузы. Въ Перигорѣ члены городскаго совѣта даютъ себѣ оффиціальный титулъ: граждане, сеньйоры Перигора. Если на югѣ формы городскаго управленія до нѣкоторой степени напоминали древнее римское государственное устройство и возникли изъ сохранившихся остатковъ и воспоминаній изъ римскаго городскаго управленія, то на сѣверѣ западной Европы и источникъ, изъ котораго образовалось самостоятельное городское управленіе, и формы, въ которыя оно облеклось, были совершенно другіе. На сѣверѣ города носили названіе коммюнъ; они возникли изъ тѣхъ союзовъ и товариществъ, которые были въ нравахъ древнѣйшаго населенія Франціи и Германіи, которые у германцевъ носили названіе гильдъ, гильдій. Люди занимавшіеся однимъ ремесломъ, однимъ промысломъ, составляли между собою гильду, братство, обязанное помогать своимъ членамъ, защищать ихъ общими силами. Эти братства соединялись между собою, и это повело къ освобожденію городовъ, а самые города получили названіе коммюнъ или общинъ. Иногда законы городовъ носятъ названіе законовъ дружбы или мира. Коммюны или городскія общины особенно развились и достигли могущества въ нынѣшнихъ Бельгіи и Голландіи, по Рейну, въ сѣверной Германіи. Иногда нѣсколько городовъ заключали между собою братскій союзъ, дѣйствовали вмѣстѣ общими силами. Такова была знаменитая Ганза въ сѣверной Германіи, могущественный союзъ городовъ, который велъ счастливыя войны съ сосѣдними королями и герцогами.

Городское населеніе дѣлилось на разные классы. Почти во всѣхъ большихъ городахъ прежде всего мы находимъ три главные класса. Къ первому принадлежали люди благороднаго происхожденія. Положеніе ихъ въ разныхъ городахъ было весьма различно. Въ нѣкоторыхъ городахъ (напр., въ Генуѣ) благородные не допускались ни къ одной городской должности. Въ другихъ—было совершенно наоборотъ. Въ городахъ провинціи Дофине консулами въ теченіи многихъ столѣтій могли быть только благородные. Меры города Бордо также большею частію избирались изъ лицъ благороднаго происхожденія. Ко второму классу принадлежали купцы или же горожане, живущіе своими доходами. Этотъ классъ иногда назывался высшимъ сословіемъ народа. Наконецъ, къ третьему относились ремесленники и мелочные торговцы. Сверхъ того, жители городовъ дѣлились по занятіямъ или ремесламъ на корпораціи, искусства или цехи, число которыхъ было очень разнообразно.

Во Франціи городское сословіе скоро сдѣлалось, вмѣстѣ съ духовенствомъ и дворянствомъ, необходимымъ членомъ собранія государственныхъ чиновъ подъ именемъ третьяго сословія. Въ числѣ горожанъ короли Франціи находили самыхъ ловкихъ и самыхъ вѣрныхъ исполнителей своей воли. Филиппъ-Августъ, Людовикъ Святой, Филиппъ Красивый окружали себя лицами изъ городскаго сословія, совѣтовались съ ними, давали имъ непосредственное участіе въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Св. Людовикъ, во время своего втораго крестоваго похода, умеръ на рукахъ жены одного горожанина, сына суконнаго фабриканта, сдѣлавшагося однимъ изъ ближайшихъ къ нему придворныхъ чиновниковъ. Въ числѣ государственныхъ людей, управлявшихъ судьбою Франціи, мы найдемъ множество лицъ третьяго сословія, т. е. изъ горожанъ. Еще тѣснѣе сблизился съ горожанами король Людовикъ XI, заклятый врагъ феодальной аристократіи. Онъ любилъ общество горожанъ и предпочи-

талъ его обществу лицъ благороднаго происхожденія. Возвратясь въ Парижъ разъ вечеромъ послѣ битвы, онъ ужинаетъ не во дворцѣ, а среди своихъ пріятелей горожанъ. Часто онъ посѣщаетъ того или другаго изъ нихъ, пируетъ у нихъ запросто, по-домашнему.—Богатство городскаго сословія скоро далеко оставило за собой богатство феодальныхъ, благородныхъ владѣльцевъ. Напрасно, по настоянію высокомѣрныхъ дворянъ, короли Франціи рядомъ указовъ стараются ограничить роскошь средняго сословія, напрасно запрещаютъ они лицамъ не благороднаго происхожденія употреблять дорогіе мѣха, золото, серебро и драгоцѣнные камни на ихъ уборахъ и одеждахъ, напрасно они запрещаютъ горожанамъ ѣзду въ экипажахъ и опредѣляютъ, выше какой цѣны не должна смѣть шить себѣ платье женщина неблагороднаго происхожденія. Всѣ эти мѣры оказываются совершенно безполезными. Въ концѣ XIII вѣка ко двору короля французскаго явился по дѣлу одинъ купецъ изъ Валансьена, и такъ какъ стулья и скамейки предлагались только лицамъ духовнаго и благороднаго сословія, онъ снялъ съ себя дорогой плащъ, вышитый золотомъ и жемчугомъ, сложилъ его и усѣлся на немъ. Когда онъ уходилъ, королевскій служитель, видя плащъ забытымъ на полу, поднялъ его и подалъ купцу, который гордо отвѣчалъ, что не имѣетъ привычки уносить съ собою скамеекъ, и оставилъ плащъ служителю. Въ XIV столѣтіи на роскошныхъ пирахъ у другаго купца изъ того же города сходилась вся высшая французская аристократія, герцоги и графы, и короли Богемскій и Наварскій, бывшіе тогда во Франціи, а одинъ изъ епископовъ служилъ за дворецкаго. Лица средняго сословія нарочно выказывали свое богатство и роскошь, чтобы сбить спѣсь съ феодальной аристократіи. Когда Филиппъ Красивый съ королевой Анной посѣтилъ города Брюгге и Гентъ, горожане встрѣчали и угощали ихъ такъ роскошно, что растерявшаяся королева сказала: «я думала, что здѣсь я одна царица, а ихъ здѣсь я вижу болѣе шести сотъ». Любопытно читать исполненныя зависти и негодованія замѣчанія одной аристократки, удостоившей посѣтить жену одного изъ своихъ знакомыхъ парижскихъ купцовъ, только-что разрѣшившуюся отъ бремени. Она была поражена роскошью дома, меблировки, дорогихъ кипрскихъ ковровъ, покрывавшихъ стѣны, коврами на полахъ, великолѣпіемъ спальни родильницы, наконецъ ея богатымъ костюмомъ, уборкой постели и т. д. и вынесла изъ своего посѣщенія самое злобное чувство, тѣмъ болѣе, что вся эта роскошь, какъ она замѣчаетъ, была даже не у жены какого нибудь оптоваго торговца, негоціанта или банкира, а у жены простаго купца, который готовъ продать товару на 4 копѣйки. Она желаетъ, чтобы король прижалъ какъ можно болѣе этихъ купцовъ, чтобы ихъ жены не осмѣливались жить, какъ могутъ жить только королевы Франціи. Это было во второй половинѣ XIV вѣка.

Богатство высшихъ классовъ горожанъ, между которыми было значительное число лицъ благороднаго происхожденія, переселившихся въ города и вступившихъ въ городское сословіе, а также зажиточный и образованный классъ юристовъ и ученыхъ,—болѣе всего выразилось великолѣпными постройками. Ратуша и башня, на которой висѣлъ городской колоколъ, составляли роскошь каждаго города. Многія изъ ратушъ представляютъ самые великолѣпные образцы средневѣковой архитектуры. То же великолѣпіе мы видимъ и въ частныхъ домахъ богатѣйшихъ гражданъ. Но всего болѣе это великолѣпіе отразилось на постройкѣ и убран-

ствѣ церквей. Кромѣ великолѣпныхъ соборовъ и церквей, построенныхъ на деньги всего городскаго населенія, богатѣйшіе граждане ставили себѣ въ особенную честь и заслугу сооружать цѣлыя церкви на свой счетъ, или, по крайней мѣрѣ, строить въ существовавшихъ уже церквахъ особые придѣлы и часовни, гдѣ бы постоянно совершалась обѣдня за упокой членовъ ихъ фамиліи. Подобные придѣлы встрѣчаются во многихъ церквахъ. Городская аристократія дѣлала большіе взносы въ церкви, чтобы имѣть у себя особый ключъ отъ дверей и входить въ храмъ, когда вздумается, или чтобы имѣть особую дверь, или же, если домъ былъ подлѣ церкви,—окно въ церковь, черезъ которое можно было бы слушать обѣдню, не выходя изъ дому.

Съ внутреннею семейною жизнію зажиточнаго горожанина эпохи рыцарства и феодализма можно ознакомиться изъ любопытнаго памятника, въ которомъ ярко рисуется домашняя и семейная жизнь зажиточной горожанки. Это сочиненіе неизвѣстнаго горожанина начала XV столѣтія, носящее названіе «Парижскій хозяинъ», нѣчто въ родѣ нашего «Домостроя», написаннаго извѣстнымъ священникомъ Сильвестромъ, въ царствованіе Іоанна Грознаго. Горожанинъ, написавшій это сочиненіе, женился на пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ и очень любилъ ее. Жена просила его, въ случаѣ если она сдѣлаетъ какую нибудь ошибку или неловкость, не дѣлать ей замѣчаній и выговоровъ передъ гостями или даже передъ служителями, а, оставшись наединѣ, дать ей наставленіе. Съ цѣлію познакомить молодую жену съ хозяйственными и нравственными обязанностями и заботами, и написалъ горажанинъ свое сочиненіе. Оно состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой—содержатся всѣ нравственныя правила, во второй—всѣ наставленія относительно хозяйства и управленія домомъ. Очень часто онъ не ограничивался только правиломъ, а по поводу того или другаго правила, въ подтвержденіе его, онъ разсказываетъ случай или изъ своей жизни, или изъ жизни своихъ знакомыхъ; и эти-то разсказы особенно любопытны.

Прочитывая «Парижскаго хозяина», написаннаго неизвѣстнымъ горожаниномъ для своей молодой жены, чувствуешь себя какъ-то свободно, легко. И чувства, и разсчеты, и побужденія здѣсь человѣческіе, всѣмъ доступные, всѣмъ понятные. Со многими можно не соглашаться, многое кажется странно или смѣшно, но вездѣ виденъ живой человѣкъ, родной намъ, близкій намъ по своей природѣ. Парижскій горожанинъ предписывалъ своей женѣ строгую разсчетливость и осмотрительность, строгость относительно прислуги. Онъ говоритъ, что обѣдъ для прислуги долженъ быть сытный, но что его должно тотчасъ убирать со стола, какъ скоро начнутся разговоры. Онъ приводилъ пословицу: «какъ скоро слуга начнетъ проповѣдывать за столомъ, а лошадь прогуливаться въ рѣкѣ, выводи поскорѣе вонъ обоихъ; они уже были тамъ довольно»; совѣтуетъ хозяйкѣ не дозволять прислугѣ браниться между собою и употреблять грубыя и неприличныя выраженія. Въ то же время онъ говоритъ ей: «если кто нибудь изъ прислуги вашей сдѣлается боленъ, справедливость требуетъ, чтобы вы сами, оставивъ всѣ другія занятія, позаботились объ его лѣченіи». Какъ далеко это отъ того оскорбительнаго пренебреженія, съ какимъ феодалъ и рыцарь смотрѣлъ на всѣхъ, кто не принадлежалъ къ его сословію, особенно же на крестьянъ, рабовъ тѣломъ, какъ выражалось феодальное право, вилланов—слово, обозначавшее прежде крестья-

нина, но потомъ получившее значеніе всего низкаго и подлаго! Оттого-то, съ одной стороны, города и среднее, третье сословіе, съ другой—феодализмъ и рыцарство представляли два отдѣльные міра, не имѣвшіе между собою ничего общаго, кромѣ взаимной вражды и ненависти. Оттого-то въ городахъ и явилась та остроумная, ядовитая сатира, которая осмѣяла и втоптала въ грязь всѣ рыцарскіе идеалы, которая подкопала и подорвала всѣ основы этого ненавистнаго ей быта.

Перейдемъ къ низшимъ классамъ. Паденіе римской имперіи на первыхъ порахъ значительно облегчило ихъ участь. Анархія ослабила на время тяжелый гнетъ, падавшій на земледѣльческое сословіе. Германцы хотя имѣли рабовъ, однако смотрѣли на нихъ далеко не такъ, какъ римляне. Рабъ у германцевъ былъ не рабочимъ скотомъ, какъ у римлянъ, а слугою, младшимъ членомъ семьи. Оттого, послѣ завоеванія римскихъ областей германцами, рабы почти исчезаютъ и уступаютъ мѣсто крѣпостному сословію, во всякомъ случаѣ представляющему высшую ступень сравнительно съ рабствомъ.

Облегченіе было, впрочемъ, очень ненадолго. Безпрестанныя войны, вторженія сарациновъ и норманновъ во Францію и Италію, венгровъ въ Германію, загоняли низшія сословія къ стѣнамъ укрѣпленныхъ замковъ, и развивающійся феодализмъ всею тяжестью налегъ на него. Все земледѣльческое сословіе обратилось въ крѣпостныхъ, принадлежавшихъ или королямъ, или баронамъ, или епископамъ и монастырямъ. Положеніе крѣпостныхъ ухудшалось постепенно, пока не дошло до состоянія полной беззащитности и безнравственности. Крестьянинъ былъ прикрѣпленъ на вѣки къ землѣ; для него не было спасенія даже въ бѣгствѣ, потому что обычное право того времени обращало въ крѣпостнаго всякаго, кто прожилъ на чужой землѣ извѣстное время, а своей земли у земледѣльческаго сословія не было. Тяжелыя повинности всякаго рода падали на низшее сословіе, и значительная часть ихъ была не только тяжела, но вмѣстѣ съ тѣмъ унизительна, оскорбительна. Ни въ домѣ, ни въ семьѣ крестьянина не было ничего завѣтнаго и святаго, чего бы не могла коснуться рука феодальнаго владѣльца. Не будемъ останавливаться на массѣ безнравственныхъ, возмущающихъ человѣческое чувство, насилій феодальныхъ владѣльцевъ относительно подчиненнаго имъ крѣпостнаго населенія. Упомянемъ только о повинностяхъ относительно брака и притомъ ограничимся однимъ упоминаніемъ, не говоря ни слова болѣе. Когда крѣпостной одного владѣльца женился на крѣпостной женщинѣ другаго, дѣти дѣлились поровну между владѣльцами. Крестьяне или впадали въ какое-то скотское, безчувственное состояніе, или же иногда искали выхода въ страшныхъ возстаніяхъ, каковы были возстанія pastoureaux, жакерія во Франціи, крестьянскія войны въ Германіи. Для женщинъ не было даже и такого выхода. Деревни жались къ стѣнамъ феодальныхъ замковъ, а въ этихъ замкахъ жили толпы безсемейныхъ удальцовъ, составлявшихъ дружину барона и не меньше его съ презрѣніемъ смотрѣвшихъ на безправныхъ, беззащитныхъ виллановъ. Можно представить себѣ естественныя слѣдствія такого сосѣдства. Для крѣпостнаго сословія не было утѣшенія и въ религіи. Крѣпостное сословіе говорило или испорченнымъ латинскимъ языкомъ, изъ котораго образовались новѣйшіе романскіе языки, или же мѣстными нарѣчіями, не имѣвшими ничего общаго съ языкомъ латинскимъ. Между тѣмъ богослуженіе, чте-

ніе священныхъ книгъ и проповѣдь были на языкѣ латинскомъ, значитъ, какъ-бы не существовали для простаго народа, тогда какъ вѣра только и могла бы сколько-нибудь поддержать его въ этой невыносимой жизни. Душа искала вѣрованій, а церковь оставалась мертва и безмолвна передъ этимъ немолчнымъ кликомъ души. Въ началѣ народъ еще пытался осмыслить непонятное ему богослуженіе пѣніемъ во время службы духовныхъ пѣсенъ на родномъ языкѣ, установленіемъ разныхъ религіозныхъ церемоній. Скоро все это было запрещено, и церковь совершенно замкнулась для простаго народа, стала для него чѣмъ-то совершенно непонятнымъ, неимѣющимъ смысла и значенія. Оставленный церковью, какъ-бы забытый ею, если только дѣло не шло о сборѣ церковныхъ податей, простой народъ создалъ себѣ свой особый міръ религіозныхъ вѣрованій. Здѣсь сталкивались отрывки христіанскихъ вѣрованій съ темными остатками языческой старины, смѣшивались, переплетались, дополняли одни другіе. Все окружающее населилось цѣлымъ міромъ сверхъестественныхъ существъ, близко стоящихъ къ человѣку, принимавшихъ въ немъ теплое участіе, жившихъ одною съ ними жизнію; самая хижина поселянина не только посѣщается, но и обитаема разными демоническими существами.

Замѣчательно, что въ XIII вѣкѣ, когда положеніе крѣпостныхъ достигло до ужаснаго положенія, доводившаго ихъ до отчанія, въ ихъ вѣрованіяхъ пріобрѣтаетъ громадное значеніе сатана. До этого времени договоры съ дьяволомъ встрѣчаются очень рѣдко, послѣ—о нихъ слышно на каждомъ шагу. Съ этого времени начинаются шабаши, куда тысячами сходится народъ изъ окрестныхъ мѣстностей, гдѣ совершается пародія на обѣдню, гдѣ воздается поклоненіе злому духу, гдѣ ему молятся и приносятъ жертву. Съ этого же времени развивается колдовство и чернокнижіе, достигшія крайнихъ предѣловъ впослѣдствіи, пріобрѣтшія власть и надъ высшими сословіями. И женщина играла во всемъ этомъ главную роль, заслоняя собою совершенно мужчину. Одинъ изъ духовныхъ судей колдовства, Шпренгеръ (писавшій раньше 1503 года), замѣчаетъ: «надобно говорить ересь колдуній, а не колдуновъ; послѣдніе мало значатъ». Другой спеціалистъ въ этомъ дѣлѣ, жившій при Людовикѣ XIII, выражается еще рѣзче: «На одного колдуна приходится 10.000 колдуній». Съ XIII же вѣка начинается ожесточенное преслѣдованіе колдовства и чародѣйства. Фанатическіе, невѣжественные монахи, тупоумные, забитые схоластической наукой ученые то и дѣло производятъ процессы надъ чернокнижіемъ и безжалостно жгутъ тѣхъ, на кого падаетъ подозрѣніе. Если бы до насъ не дошли подлинные акты, если бы мы не имѣли подъ руками руководствъ для производства подобныхъ процессовъ и горделивыхъ повѣствованій самихъ судей объ ихъ подвигахъ, было бы невозможно вѣрить возможности подобныхъ явленій. Не говоримъ уже объ Испаніи, классической странѣ костровъ инквизиціи. Въ Трирѣ сожигаютъ слишкомъ 7000 колдуній и чародѣекъ, въ Тулузѣ также огромное число. Въ Женевѣ въ три мѣсяца 1513 г. сожигаютъ 500 человѣкъ. Въ небольшихъ епископствахъ Вюрцбургѣ и Бамбергѣ, гдѣ верховная власть находится въ рукахъ духовнаго лица, сожигаютъ въ первомъ—почти заразъ 800 человѣкъ, во второмъ—1500. Даже лѣта не спасаютъ отъ страшнаго наказанія: сожигаютъ, по обвиненію въ колдовствѣ, виновныхъ 11-ти лѣтъ, 15 и 17 лѣтъ, Одинъ изъ свѣтскихъ судей, осудивши во время своей судебной дѣятельности въ Лотарингіи болѣе 800 чел., горделиво гово-

ритъ: «Мой судъ былъ такъ хорошъ, что 16 изъ захваченныхъ и представленныхъ къ суду не дождались его и удавились»: Лучшей рекомендаціи, справедливости и основательности суда трудно придумать, и показаніе пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе важности, что идетъ отъ самого судьи, пользовавшагося притомъ огромною репутаціей. А сколько тысячъ несчастныхъ погибло въ душныхъ тюрьмахъ, въ страшныхъ in pace! Всѣ эти мѣры, однако, не привели ни къ чему. Колдовство не прекратилось; скажемъ болѣе: колдунья, безпощадно преслѣдуемая, часто сожигаемая, только пріобрѣла большее значеніе, только выросла въ глазахъ народа. Между прочимъ, она сдѣлалась почти единственнымъ врачемъ не только простаго народа, но и высшихъ сословій. И это понятно. Медицина находилась въ рукахъ, если можно такъ выразиться, невѣжественныхъ ученыхъ. Медикъ не зналъ болѣзней внутреннихъ, потому что трупоразъятіе считалось величайшимъ грѣхомъ; онъ не зналъ, по той же причинѣ, и строенія человѣческаго тѣла. Чтобы произвести хирургическую операцію, нерѣдко обращались къ палачу. Колдуньи являлись поэтому опасными соперницами ученыхъ врачей: онѣ знали цѣлебную силу травъ. Знаменитый медикъ XVI столѣтія Парацельсъ сжегъ въ 1527 г. всѣ свои медицинскія книги и объявилъ, что все, что онъ дѣйствительно знаетъ въ медицинѣ, онъ узналъ отъ колдуній.

Колдовство, чернокнижіе, продажа себя дьяволу и союзъ съ нимъ были только необходимыми слѣдствіями того отчаяннаго положенія, до котораго было доведено низшее, крѣпостное сословіе, и первую роль во всемъ этомъ, какъ мы уже сказали, играетъ женщина; подъ тяжестью гнета, подъ которымъ изнывало низшее сословіе, она или замирала въ рабствѣ, или же становилась злобною, страшною колдуньей. Но и въ эту мрачную эпоху тяжелой средневѣковой исторіи мы находимъ примѣры, когда изъ этого задавленнаго заботою и униженнаго крѣпостнаго сословія является женщина во всемъ обаяніи дѣвственной чистоты и прелести и въ то же время съ могучею, несокрушимою силой, имѣвшею огромное вліяніе на всю жизнь современнаго общества, на самый ходъ историческихъ событій. Достаточно указать на Орлеанскую дѣву, эту крестьянку изъ Домъ-Реми, которою спасена Франція.

XI. ХАРАКТЕРЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СТРЕМЛЕНІЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ XV ВѢКѢ.

(Изъ соч. Гизо «Исторія цивилизаціи Европы»).

Въ продолженіе среднихъ вѣковъ существенные элементы политическаго строя З. Европы, феодализмъ, духовенство, городскія общины, обнаруживали постоянное стремленіе къ раздѣльности, замкнутости въ самихъ себѣ, къ мѣстному, узкому существованію. Но чуть только эта цѣль, повидимому, была достигнута, чуть только эти элементы получили каждый свою отдѣльную форму, свое отдѣльное мѣсто, они направили свои усилія къ тому, чтобы сблизиться, соединиться, сложиться въ одно общество, образовать изъ себя націю, правительство. Но, при отсутствіи общихъ интересовъ и общихъ идей, всѣ государственные и общественные элементы средневѣковой Европы носили такой личный и мѣстный характеръ, что, безъ продолжительнаго и мощнаго дѣйствія

централизующей силы общество не могло расшириться и укрѣпиться, сдѣлаться въ тоже время и обширнымъ, и благоустроеннымъ. Таково было положеніе З. Европы въ концѣ XIV вѣка.

Конечно, стремленіе зап.-европейскихъ народовъ къ политической организаціи, къ національному единству не было вполнѣ сознательно: по истеченіи XIV вѣка З. Европа естественно и какъ бы инстиктивно вступила на путь централизаціи.—Отличительнымъ характеромъ XV вѣка является постоянное стремленіе къ такому результату, стараніе создать общіе интересы, общія идеи, уничтожить духъ замкнутости, мѣстности, установить единство въ матеріальной и умственной дѣятельности людей, возвысить ее на одинъ общій уровень, образовать наконецъ то, чего до тѣхъ поръ не существовало въ большихъ размѣрахъ—образовать правительства и народы. Появленіе этого факта относится уже къ XVI и XVII стол., но приготовленіе его—къ XV.

Чтобы поближе познакомиться съ политическими стремленіями XV вѣка, этого преддверья новѣйшаго общества, разсмотримъ тѣ политическія событія и перевороты, которые содѣйствовали образованію націй или правительствъ. Для простѣйшаго обзора политическихъ фактовъ прослѣдимъ послѣдовательно, какія перемѣны произошли въ теченіе XV вѣка въ сферѣ политической жизни каждаго изъ главнѣйшихъ государствъ З. Европы.

Начнемъ съ Франціи.—До восшествія на престолъ династіи Валуа во Франціи господствуетъ вполнѣ феодальный характеръ; нѣтъ еще ни французской націи, ни французскаго духа, ни французскаго патріотизма. Съ династіей Валуа начинается Франція въ собственномъ смыслѣ слова. Столѣтняя война съ Англіей и всѣ превратности ея въ первый разъ соединили дворянство, буржуазію и крестьянъ Франціи одною нравственною связью—связью общаго имени, общей чести, общаго желанія побѣдить чужеземныхъ враговъ. Напрасно, впрочемъ, было бы искать въ эту эпоху истинно-политическаго духа, великаго сознательнаго единства въ правительствѣ и въ учрежденіяхъ, какъ мы теперь понимаемъ ихъ. Для Франціи того времени единство заключалось въ ея національной чести, въ существованіи національной королевской власти, какова бы она ни была, лишь бы только въ ней не участвовали чужеземцы. Въ этомъ именно смыслѣ, борьба съ Англіей могущественно содѣйствовала образованію французской націи, стремленію ея къ единству.

Въ то самое время, когда совершалось нравственное образованіе, развитіе ея національнаго духа—въ то самое время она слагалась, такъ сказать, и матеріально, т. е. территорія ея устраивалась, расширялась, укрѣплялась. Это время присоединенія большей части провинцій, изъ которыхъ составилась Франція. При Карлѣ VII послѣ изгнанія англичанъ, почти всѣ, принадлежавшія имъ провинціи (Нормандія, Турень, Пуату и др.), окончательно сдѣлались французскими. При Людовикѣ XI къ Франціи присоединены были еще десять провинцій (Руссильонъ, Бургундія, Франшконте, Пикардія, Артуа, Провансъ и др.). При Карлѣ VIII и Людовикѣ XII присоединена была къ Франціи Бретань. Такимъ образомъ, въ одно и тоже время и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же событій образовались и территорія, и національный духъ; Франція нравственная и Франція матеріальная вмѣстѣ пріобрѣли силу и единство.

Если перейдемъ отъ націи къ правительству, то увидимъ, что и здѣсь совершаются подобные факты, готовится подобный результатъ. Никогда французское правительство не было до такой степени лишено внутренней связи, единства силы, какъ при Карлѣ VI и вначалѣ царствованія Карла VII. Въ концѣ этого царствованія положеніе дѣлъ совершенно измѣняется. Власть, очевидно, укрѣпляется, расширяется, организуется; всѣ главнѣйшія правительственныя силы—налоги,

войско и юстиція—создаются въ обширныхъ размѣрахъ. Это время образованія постоянныхъ войскъ, какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ. Съ помощію ихъ Карлъ VII возстановилъ нѣкоторый порядокъ въ провинціяхъ, раззоренныхъ насиліемъ и вымогательствомъ военныхъ людей, которые продолжали тяготѣть надъ страною, даже и по окончаніи военнаго времени.—Съ этого же времени прямой поземельный налогъ (la taille), одинъ изъ главныхъ доходовъ государственныхъ, становится постояннымъ и могущественно содѣйствуетъ благоустройству и силѣ правительства. Въ тоже время расширяется и организуется и другое важное орудіе власти—судебная администрація; число парламентовъ умножается; въ короткое время учреждается пять новыхъ парламентовъ (въ Греноблѣ, Бордо, Дижонѣ и пр.) Парижскій парламентъ *) получаетъ гораздо болѣе постоянства и важности какъ въ отправленіи суда, такъ и въ завѣдываніи исполнительною, полицейскою частію своего округа. Итакъ, въ XV вѣкѣ французское правительство пріобрѣло въ отношеніи всѣхъ элементовъ своей власти небывалый до того времени характеръ единства, правильности, опредѣленности; государственная власть рѣшительно заступаетъ мѣсто феодальныхъ учрежденій; ко второй же половинѣ XV вѣка относится и другая перемѣна, менѣе замѣтная, но не менѣе важная: это перемѣна, произведенная Людовикомъ XI въ способѣ пользованія правительственной властью. До Людовика XI правительство дѣйствовало почти исключительно силою, матеріальными средствами. Роль убѣжденія, ловкости, умѣнья обращаться съ умами, пользоваться ими для своихъ видовъ, т. е. роль политики въ собственномъ смыслѣ слова—политики лжи и обмана, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожности и умѣренности—была незначительна. Людовикъ XI замѣнилъ въ правительствѣ матеріальныя средства—умственными, силу—хитростію, политику феодальную—политикою итальянской. Это доказываетъ борьба Людовика XI съ Карломъ Смѣлымъ. Въ ней Карлъ, герцогъ Бургундскій, является представителемъ старой феодальной политики: онъ дѣйствуетъ только насиліемъ, безпрестанно прибѣгаетъ къ войнѣ; для него невыносимо терпѣніе, выжиданіе; онъ не умѣетъ обращать умы людей въ орудіе своего успѣха. Людовикъ XI, наоборотъ, старается избѣгать употребленія силы, овладѣвать людьми порознь, въ разговорѣ съ ними, посредствомъ искуснаго дѣйствія на ихъ умы и интересы. Онъ измѣнилъ не учрежденія, не внѣшнюю систему правленія, но тайный образъ дѣйствій, тактику власти. Новѣйшимъ временамъ предоставлено было предпринять еще болѣе важный переворотъ — введеніе въ политическія средства и цѣли справедливости вмѣсто эгоизма, гласности вмѣсто обмана. Но тѣмъ не менѣе отказаться отъ безпрестаннаго употребленія силы, обращаться преимущественно къ умственному превосходству — также значило сдѣлать большой шагъ впередъ. Этотъ именно шагъ и былъ впервые сдѣланъ Людовикомъ XI.

Если отъ Франціи перейдемъ къ Испаніи, то и здѣсь представится намъ подобное же явленіе. Національное единство Испаніи также образуется въ XV

*) Не слѣдуетъ смѣшивать парижскаго парламента и другихъ парламентовъ Франціи съ парламентомъ англійскимъ. Послѣдній есть искони учрежденіе представительное съ законодательнымъ характеромъ; французскіе же парламенты вообще были, главнымъ образомъ, высшими судебными инстанціями, юрисдикція которыхъ простиралась лишь на извѣстный округъ и члены которыхъ были назначаемы правительствомъ. Парижскій парламентъ получилъ, впрочемъ, впослѣдствіи, именно съ XVII ст., косвенное вліяніе и на законодательство, получивъ право давать силу королевскимъ указамъ посредствомъ внесенія ихъ въ свои протоколы (le droit d'enregistrement). *Примѣч. составителя.*

вѣкѣ. Въ это время прекращается завоеваніемъ Гренадскаго королевства продолжительная борьба христіанъ съ аравитянами: тогда же централизуется территорія; посредствомъ супружества Фердинанда Католическаго и Изабеллы соединяются подъ одною властію два главныхъ испанскихъ королевства: Кастиллія и Аррагонія. Какъ и во Франціи королевская власть расширяется и крѣпнетъ: опорой ей служитъ вмѣсто парламентовъ инквизиція. Она заключала въ себѣ зародыши всего того, чѣмъ сдѣлалась впослѣдствіи, но вначалѣ она отличалась другимъ характеромъ, болѣе политическимъ, нежели религіознымъ. Она должна была болѣе поддерживать порядокъ, чѣмъ защищать вѣру. Аналогія между обѣими странами простирается далѣе учрежденій: мы находимъ ее даже въ лицахъ. Фердинандъ Католическій близко подходитъ къ Людовику XI какъ по личному характеру, такъ и по правительственной системѣ, уступая ему только въ тонкости, подвижности ума, въ безпокойной, суетливой дѣятельности.

Такіе же аналогическіе факты находимъ мы и въ Германіи. Около половины XV вѣка (1438 г.) австрійскій домъ становится во главѣ имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ императорская власть пріобрѣтаетъ, небывалую прежде, опредѣленность. Съ этого времени избраніе служитъ только къ подтвержденію наслѣдственности. Въ концѣ XV вѣка Максимиліанъ I окончательно утверждаетъ преобладаніе своего дома и правильное отправленіе центральной власти. Какъ во Франціи Карлъ VII, такъ Максимиліанъ въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ первый образовалъ постоянное войско для поддержанія порядка; какъ Людовикъ XI во Франціи, такъ Максимиліанъ I въ Германіи первый ввелъ почту для писемъ, что дало возможность быстро передавать распоряженія центральной власти во всѣ концы обширнаго государства. Такимъ образомъ повсюду успѣхи цивилизаціи одинаково обращаются въ пользу центральной власти.

Перейдемъ къ Англіи. Ея исторія въ XV вѣкѣ представляетъ два главныхъ явленія: внѣ государства—борьбу съ Франціей, внутри — войну алой и бѣлой розы. Эти столь различныя войны привели къ одному и тому же результату. Борьба съ Франціей страстно поддерживалась англійскимъ народомъ; но этимъ воспользовалась одна только почти королевская власть. Въ царствованіе Генриха V королю предоставленъ былъ на всю жизнь съ самаго начала его правленія одинъ изъ значительнѣйшихъ налоговъ—таможенный сборъ. По прекращеніи внѣшней войны, междоусобная война продолжалась: дома Іоркскій и Ланкастерскій оспаривали другъ у друга престолъ. Когда же наступилъ конецъ и этой кровавой распри, высшая англійская аристократія увидѣла себя разоренною, малочисленною, лишенною возможности удержать свою прежнюю власть. Союзъ бароновъ уже не могъ господствовать надъ королями. На престолъ вступаютъ Тюдоры, и съ Генрихомъ VII въ 1485 г. начинается эра политической централизаціи, торжество королевской власти.

Въ Италіи королевская власть не установилась, по крайней мѣрѣ, подъ своимъ настоящимъ именемъ; но общій результатъ событій чрезъ это нисколько не измѣнился. Въ XV вѣкѣ падаютъ итальянскія республики: тамъ даже, гдѣ сохраняется это названіе, власть сосредоточивается въ рукахъ одной или нѣсколькихъ фамилій; республиканская жизнь исчезаетъ. Въ сѣверной Италіи почти всѣ ломбардскія республики сливаются въ Миланскомъ герцогствѣ; въ 1434 г. Флоренція подпадаетъ подъ власть Медичей; въ 1464 г. Генуя подчиняется Милану. Большая часть республикъ большихъ и малыхъ уступаютъ мѣсто самодержавнымъ домамъ. Вслѣдъ затѣмъ возникаютъ притязанія иностранныхъ державъ на сѣверѣ и на югѣ Италіи, на Миланское герцогство, съ одной, и на Неаполитанское королевство—съ другой стороны.

На какомъ бы европейскомъ государствѣ мы ни остановили наши взгляды, какую бы часть исторіи ни разсматривали—вездѣ, какъ въ народахъ, такъ и въ правительствахъ, въ учрежденіяхъ и въ территоріяхъ мы видимъ приближеніе къ концу прежнихъ элементовъ, прежнихъ формъ общества. Вѣковыя права и вольности исчезаютъ; возникаютъ новыя власти, болѣе правильныя и сосредоточенныя. Этотъ переворотъ былъ не только неизбѣженъ, но и полезенъ. Первоначальной системѣ западной Европы, древнимъ феодальнымъ и общиннымъ вольностямъ не удалось дѣло общественной организаціи: онѣ не могли дать обществу ни безопасности, ни прогресса, общество стало искать этихъ благъ въ другой системѣ, обратилось къ другимъ началамъ и средствамъ.

Къ этой же эпохѣ относится начало другаго факта, занимающаго важное мѣсто въ политической исторіи Европы. Въ XV вѣкѣ взаимныя сношенія правительствъ сдѣлались болѣе частыми, правильными, постоянными. Тогда въ первый разъ образовались эти обширные союзы то съ мирною, то съ воинственною цѣлію, изъ которыхъ впослѣдствіи произошла система политическаго равновѣсія. Дипломатія существуетъ въ Европѣ съ XV столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ этого столѣтія главные континентальные властители Европы—германскіе императоры, испанскіе и французскіе короли, сближаются, договариваются между собой, дѣйствуютъ за одно, заключаютъ союзы, уравновѣшиваютъ другъ друга. Такимъ образомъ, когда Карлъ VIII предпринимаетъ походъ для завоеванія Неаполитанскаго королевства, противъ него образуется обширный союзъ между Испаніею, папою и венеціанцами. Нѣсколько позже (1508 г.) составляется камбрейскій союзъ противъ венеціанцевъ. Въ 1511 г. онъ уступаетъ мѣсто священному союзу, направленному противъ Людовика XII. Всѣ эти союзы родились изъ итальянской политики, изъ желанія различныхъ государей сохранить свою долю итальянской территоріи и изъ опасенія, чтобы одинъ изъ нихъ не овладѣлъ ею исключительно и не упрочилъ тѣмъ самымъ за собой чрезвычайный перевѣсъ надъ прочими.

Этотъ новый порядокъ вещей былъ крайне благопріятенъ для развитія королевской власти. Внѣшнія сношенія государствъ, по самой природѣ своей, должны быть ведены только однимъ лицомъ или немногими лицами и притомъ съ соблюденіемъ извѣстной тайны. Съ другой стороны, для того, чтобы общество съ успѣхомъ могло принимать участіе въ дѣлахъ внѣшней политики, необходима высокая степень цивилизаціи, сильное развитіе политическаго такта и пріемовъ. Между XVI и XVIII столѣтіемъ народы далеко не соотвѣтствовали этимъ условіямъ, такъ какъ по политическому невѣжеству общества и неспособности его къ такого рода дѣламъ оно не могло принимать въ немъ правильнаго и дѣятельнаго участія. Вотъ почему дипломатія, при самомъ рожденіи своемъ, досталась въ руки королей. Одна только центральная власть могла вести внѣшнія сношенія съ нѣкоторою послѣдовательностію и здравымъ смысломъ. Убѣжденіе, что дипломатія принадлежитъ исключительно королевской власти, что народъ не можетъ вступаться въ дѣла внѣшнія — убѣжденіе это утвердилось въ умахъ почти всѣхъ европейцевъ, какъ общепринятый принципъ, какъ положеніе общенароднаго права.

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали политическую исторію Европы въ эту эпоху — во внутреннемъ ли состояніи государствъ, или во внѣшнихъ сношеніяхъ ихъ между собою—вездѣ мы находимъ одинъ и тотъ же характеръ, одно и тоже стремленіе къ централизаціи, къ единству, къ образованію и преобладанію общихъ интересовъ, общественной власти.

Такова скрытая работа XV вѣка, работа, не имѣвшая сначала никакого ви-

димаго результата, не совершившая никакой замѣтной перемѣны, но приготовившая всѣ будущіе перевороты.

XII. СВѢТСКІЯ СТРЕМЛЕНІЯ ПАПЪ И СВѢТСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ КОНЦѢ XV И ВЪ НАЧАЛѢ XVI ВѢКА.

(По соч. Ранке «Римскіе папы»).

Идея свѣтскаго господства папы таилась въ стремленіяхъ XV вѣка. Въ Италіи стали въ это время смотрѣть на свѣтскую власть папы совершенно иначе, чѣмъ прежде. Уже считалось въ порядкѣ вещей, если папа покровительствуетъ и всячески возвышаетъ своихъ родственниковъ, и того папу, который поступалъ бы иначе, стали бы даже за то укорять.

Направленіе это имѣло непосредственную внутреннюю связь съ событіями, совершавшимися въ тоже самое время; европейскія государства отняли у папы долю его величія, и самъ онъ началъ уже вращаться исключительно въ свѣтскихъ предпріятіяхъ. Онъ чувствовалъ себя прежде всего итальянскимъ государемъ.

Сикстъ IV началъ первый сознательно и съ постояннымъ успѣхомъ дѣйствовать въ этомъ направленіи; особенно энергично и счастливо продолжалъ его политику Александръ VI, но неожиданный оборотъ далъ этому направленію Юлій II.

Сикстъ IV (1471—1484) задумалъ основать для своего племянника герцогство въ прелестныхъ и богатыхъ равнинахъ Романьи. Еще до этого и другія итальянскія государства спорили между собою о преобладаніи въ этихъ земляхъ, или даже объ обладаніи ими; но какъ скоро дѣло шло о правахъ, то, конечно, папа имѣлъ, сравнительно со всѣми, наибольшія права. Онъ былъ лишь слабѣе другихъ государственными силами и военными средствами. Но онъ, не колеблясь, употребилъ свою духовную власть, которая, по своей природѣ и значенію, возвышалась надъ всѣмъ земнымъ: онъ обратилъ эту власть въ орудіе своихъ свѣтскихъ стремленій и рѣшился воспользоваться первыми же возникшими затрудненіями. Когда венеціанцы перестали помогать предпріятіямъ папскаго племянника, то папа мало того, что покинулъ ихъ въ войнѣ, въ которую самъ же вовлекъ, но еще отлучилъ ихъ отъ церкви за то, что они продолжали эту войну. Въ этомъ же духѣ поступалъ папа и въ Римѣ. Противниковъ племянника своего Колонновъ преслѣдовалъ онъ съ дикою злобой; онъ отнялъ у нихъ Марино; протонотарія Колонну, кромѣ того, онъ приказалъ взять приступомъ въ его собственномъ домѣ, арестовать и казнить.

Мать Колонны пришла въ церковь Св. Цельса, гдѣ лежалъ трупъ его и, взявъ за волосы отрубленную голову, воскликнула: «Это—голова моего сына; вотъ какова честность папы! Онъ обѣщалъ, когда мы отдали ему Марино, освободить моего сына. Теперь же папа имѣетъ Марино, а у меня въ рукахъ мой сынъ, но мертвый. Вотъ какъ папа держитъ свое слово!».

Вотъ къ какимъ средствамъ прибѣгалъ Сикстъ IV, чтобы одержать побѣду надъ своими врагами внутри и внѣ государства. Дѣйствительно,

ему удалось сдѣлать своего племянника владѣтелемъ Имола и Форли; но не подлежитъ сомнѣнію, что если его свѣтское значеніе отъ этого выиграло, то духовное безконечно болѣе потеряло. Сдѣлана была даже попытка созвать противъ него соборъ. Однако преемники Сикста далеко превзошли его. Вскорѣ послѣ него (1492 г.) на папскій престолъ вступилъ Александръ VI Борджіа.

Александръ во всю свою жизнь стремился лишь къ житейскимъ наслажденіямъ и удовлетворенію своихъ прихотей и своего честолюбія. Онъ считалъ верхомъ счастія, что достигъ наконецъ высшаго духовнаго сана и помышлялъ только о томъ, что могло принести ему пользу и чѣмъ онъ могъ доставить своимъ сыновьямъ высокія званія и богатыя владѣнія; ничто другое его серьезно не занимало.

Одни эти соображенія исключительно лежали и въ основаніи его политическихъ связей, имѣвшихъ столь большое вліяніе на міровыя событія.

Александръ увидѣлъ исполненнымъ свое горячее желаніе: мѣстные бароны были уничтожены, его домъ готовился основать въ Италіи большое наслѣдственное государство. Но ему самому пришлось узнать, что значитъ имѣть дѣло съ возбужденными страстями. Сынъ его Цезарь не хотѣлъ дѣлить своей власти ни съ своими родственниками, ни съ любимцами. Брата своего, который мѣшалъ ему, онъ приказалъ убить и бросить въ Тибръ; зятя своего онъ велѣлъ схватить на лѣстницѣ дворца, и онъ былъ раненъ. Папа велѣлъ приставить караулъ къ дому, чтобы защитить своего зятя отъ своего сына. Но когда больной сталъ уже поправляться, Цезарь ворвался въ его комнату, выгналъ жену и сестру, призвалъ своего палача и велѣлъ умертвить несчастнаго. Даже на личность отца, въ которомъ онъ видѣлъ лишь средство сдѣлаться могущественнымъ и знатнымъ, онъ не хотѣлъ обращать никакого вниманія. Онъ убилъ любимца Александрова—Перото, который думалъ было укрыться отъ него папскою мантіею, и кровь брызнула папѣ въ лицо.

Былъ моментъ, когда Цезарь имѣлъ въ своей власти Римъ и всю Папскую область. Римъ трепеталъ предъ однимъ его именемъ. Цезарь постоянно нуждался въ деньгахъ и имѣлъ много враговъ. Почти всякую ночь находили въ Римѣ убитыхъ. Не было человѣка, который бы не трепеталъ, опасаясь, что и до него дойдетъ очередь. Кого нельзя было взять силою, того отравляли ядомъ.

Случалось нерѣдко и прежде, что папская родня предавалась подобнымъ порокамъ; но никто не заходилъ такъ далеко. Цезарь является виртуозомъ преступленія.

Не было ли съ самаго начала однимъ изъ существеннѣйшихъ стремленій христіанства сдѣлать такую власть невозможною? Между тѣмъ, теперь мы видимъ эту власть возвышенною какъ бы самимъ христіанствомъ и тѣмъ положеніемъ, какое принялъ верховный глава церкви. Но, во всякомъ случаѣ, въ этихъ событіяхъ нельзя было не видѣть прямой противоположности всему христіанству, если бы на это и не указалъ впослѣдствіи Лютеръ. Почти тогда же слышался уже ропотъ, что папа «пріуготовляетъ путь антихристу, что онъ печется о водвореніи царства сатаны, а не царствія небеснаго».

Мы не станемъ здѣсь входить въ подробности исторіи этого папы. Александръ, какъ извѣстно, однажды намѣревался отдѣлаться посред-

ствомъ яда отъ одного изъ богатѣйшихъ кардиналовъ; но послѣднiй подарками и обѣщанiями умѣлъ тронуть папскаго повара: конфекта, которую приготовили для кардинала, была подана папѣ, и онъ умеръ самъ отъ яда, которымъ хотѣлъ погубить другаго. Послѣ его смерти изъ его предпрiятiй развился результатъ совершенно иной, чѣмъ онъ предполагалъ.

На престолъ вступилъ папа, который, хотя старался выказать себя въ противоположномъ свѣтѣ, сравнительно съ Борджiа, но въ сущности преслѣдовалъ тѣ же цѣли, хотя дѣлалъ это иначе. Папа Юлiй II нашелъ возможность мирнымъ образомъ удовлетворить притязанiямъ своей родни; онъ далъ ей наслѣдственное владѣнiе Урбино. Затѣмъ, уже нетревожимый болѣе близкою роднею, онъ могъ предаться своей страсти,—страсти вести войну, завоевывать въ пользу церкви, въ пользу папскаго престола. Другiе папы старались доставлять владѣнiя своимъ родственникамъ, своимъ сыновьямъ; онъ же поставилъ все свое честолюбiе въ томъ, чтобы расширить государство церкви.

Онъ нашелъ всѣ свои владѣнiя въ величайшемъ безпорядкѣ. Во всѣхъ областяхъ государства пробудилась борьба партiй; Юлiй былъ довольно ловокъ для того, чтобы отдѣлаться отъ Цезаря Борджiа, захватить его замки и овладѣть его герцогствомъ. Менѣе сильныхъ бароновъ онъ умѣлъ обуздать, на болѣе сильныхъ, которые отказывались повиноваться, онъ прямо нападалъ. Перуджiя и Болонья должны были признать надъ собою непосредственную власть папскаго престола.

При всемъ томъ, однако, Юлiй далеко еще не считалъ свою цѣль достигнутою. Большая часть прибрежьевъ Папской области принадлежала венецiанцамъ, которые и не думали уступать ихъ папѣ добровольно, имѣя надъ нимъ значительный перевѣсъ въ военныхъ силахъ. Папа, съ своей стороны, также не могъ не понимать, что нападенiемъ на нихъ онъ неминуемо возбудитъ движенiе въ Европѣ.

Какъ ни былъ старъ Юлiй, сколько ни страдалъ онъ въ теченiе своей долгой жизни отъ перемѣнъ счастiя и несчастiя, однако онъ былъ чуждъ страха и нерѣшительности, и въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ обладалъ великимъ качествомъ мужа—непоколебимою твердостiю. О современныхъ ему государяхъ онъ имѣлъ невысокое мнѣнiе и не питалъ къ нимъ уваженiя; онъ заботился лишь о томъ, чтобъ всегда имѣть деньги, чтобы быть въ состоянiи всегда воспользоваться удобною минутой; онъ хотѣлъ, какъ удачно выразился одинъ венецiанецъ, быть господиномъ и распорядителемъ всемiрной игры; онъ нетерпѣливо ждалъ исполненiя своихъ желанiй, но скрывалъ ихъ въ себѣ. Обсуждая положенiе, которое создалъ для себя папа, мы найдемъ, что онъ не боялся прямо провозгласить свой планъ: желанiе возстановить Церковную область тогдашнiй мiръ считалъ предпрiятiемъ славнымъ; находили даже, что это было бы дѣломъ религiознымъ, и всѣ дѣйствiя папы имѣли эту единственную цѣль. Такъ какъ онъ поставилъ на карту все, то счелъ необходимымъ выступить въ поле лично, и въ Мирандулѣ, которую завоевалъ, чрезъ замерзшiй ровъ прорвался въ брешь. Онъ отнялъ у венецiанцевъ не только свои прежнiя провинцiи, но въ сильной, возгорѣвшейся затѣмъ, борьбѣ прiобрѣлъ себѣ, наконецъ, Парму, Пiаченцу и даже Реджiю. Онъ основалъ столь могущественную державу, какою прежде папы никогда не обладали. Теперь прекраснѣйшая страна отъ Пiаченцы до Террачино сдѣлалась подвластною папѣ. Съ новыми подданными онъ обращался мудро и хорошо; этимъ онъ прiоб-

рѣлъ ихъ любовь и преданность. Остальной міръ не безъ опасенія взиралъ на покорность папѣ столь многихъ воинственныхъ народовъ. «Донынѣ—говоритъ Макіавелли—не было самаго ничтожнаго барона, который бы не презиралъ папскаго сана, теперь и французскій король чувствуетъ къ нему уваженіе».

Нѣтъ сомнѣнія, что и вся римская церковь должна была участвовать въ томъ направленіи, которое принялъ ея глава, содѣйствовать ему и, въ свою очередь, даже увлечься этимъ направленіемъ.

Не только на высшій духовный санъ, но и на всѣ прочія духовныя должности смотрѣли въ то время, какъ на свѣтскія синекуры. Папы назначали кардиналовъ по своему личному расположенію, или чтобы угодить какому нибудь государю, а иногда—просто за деньги. Можно ли было ожидать, чтобы такіе сановники соотвѣтствовали ихъ духовнымъ обязанностямъ? Сикстъ IV отдалъ своему родственнику одну изъ важнѣйшихъ должностей пенитенціарія, съ которою соединялась въ значительной мѣрѣ разрѣшающая власть. Кромѣ того, особою буллою онъ увеличилъ эту власть, и всѣхъ, кто дерзалъ выражать сомнѣніе въ законности этого распоряженія, онъ поносилъ какъ людей «непокорныхъ и исчадій зла». Слѣдствіемъ этого было то, что родственникъ папы смотрѣлъ на свою должность, какъ на оброчную статью, и считалъ себя въ правѣ увеличивать съ нея доходъ.

Въ это время епископства были раздаваемы во многихъ мѣстахъ уже не безъ значительнаго вліянія свѣтскихъ государей. Римская курія старалась лишь при замѣщеніи каждой вакансіи извлекать какъ можно болѣе выгодъ. Александръ бралъ двойныя аннаты; оставался одинъ шагъ до полной продажности. Споръ между государствомъ и куріей вращался, собственно говоря, ни на чемъ другомъ, какъ на этихъ поборахъ.

Принципъ этотъ, естественно, былъ присущъ всѣмъ поставляемымъ такимъ образомъ на должности, до самыхъ низшихъ ступеней. Отъ епископскаго сана иногда отказывались, но удерживали за собою доходы, присвоенные епископамъ, по крайней мѣрѣ въ большей части. Даже запрещеніе, въ силу котораго сынъ духовнаго лица не можетъ получить должности своего отца и что никто не долженъ передавать своего мѣста въ наслѣдство по завѣщанію, умѣли обходить. Такъ какъ каждый, если только не жалѣлъ денегъ, могъ получить себѣ въ помощники, коадъюты, кого хотѣлъ, то изъ этого въ дѣйствительности возникла нѣкоторая наслѣдственность должностей.

Отсюда само собою слѣдовало, что духовныя обязанности большею частію не исполнялись.

Исправленіе церковныхъ обязанностей повсюду лежало на людяхъ неспособныхъ, безъ призванія, безъ подготовки и безъ всякаго выбора. Такъ какъ владѣльцы церковныхъ доходовъ старались лишь о томъ, чтобы пріискать за себя, для исправленія должностей, самыхъ дешевыхъ наемниковъ, то нищенствующіе монахи оказались къ тому всего удобнѣе. Подъ титуломъ суфрагановъ управляли они епископствами, а подъ названіемъ викаріевъ—приходами.

Нищенствующіе ордена уже сами по себѣ имѣли весьма большія привилегіи; но Сикстъ IV, будучи самъ францисканцемъ, увеличилъ эти привилегіи еще болѣе. Право исповѣди, причастія, соборованія, погребенія на землѣ ордена и въ монашеской орденской одеждѣ,—права, до-

ставлявшія этимъ орденамъ значеніе и выгоды,—онъ даровалъ имъ во всей полнотѣ и угрожалъ строптивымъ приходскимъ священникамъ лишеніемъ ихъ должностей, еслибы они стали тревожить ордена, особенно въ отношеніи завѣщанія прихожанами имуществъ.

Такъ какъ нищенствующіе ордена вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли и управленіе епископствами и самыми приходами, то понятно, какимъ громаднымъ вліяніемъ они пользовались. Всѣ высшія мѣста и значительныя должности, а также пользованіе доходами были въ рукахъ важныхъ фамилій и ихъ приверженцевъ, любимцевъ двора и куріи; дѣйствительное же исполненіе должностей находилось въ рукахъ нищенствующихъ монаховъ. Къ тому же и папы имъ покровительствовали. Эти же ордена, между прочимъ, продавали отпущеніе грѣховъ, которое въ тѣ времена было необычайно распространено. Вообще, всѣ монашескіе ордена въ то время совершенно предались свѣтскому направленію. Какія интриги встрѣчаемъ мы въ самыхъ орденахъ изъ-за высшихъ мѣстъ! Какихъ мѣръ ни употребляли тамъ во время выборовъ, чтобы освобождаться отъ недоброжелателей и противниковъ! Однихъ старались высылать подъ предлогомъ проповѣди, управленія приходами; противъ другихъ не боялись прибѣгать къ мечу и кинжалу; часто дѣло доходило и до яда. Духовная благодать обращена была въ предметъ торга. Нанимаемые за ничтожную цѣну, нищенствующіе монахи были жадны на всякую случайную поживу.

«Горе намъ—восклицаетъ одинъ изъ прелатовъ:—кто дастъ глазамъ моимъ источникъ слезъ! И уединенные въ обителяхъ отпали, вертоградъ Господень опустѣлъ. Еслибы только они одни погибли, то это еще не было бы горемъ; но они распространены по всему христіанскому міру, какъ жилы по тѣлу, и паденіе ихъ необходимо влечетъ за собою гибель цѣлаго міра».

XIII. Усиленіе торговли и мореходства въ западной Европѣ съ крестовыхъ походовъ.

(По соч. Шеррера: «Allgemeine Geschichte des Welthandels»).

Еще до крестовыхъ походовъ западная Европа, главнымъ же образомъ Италія, вела торговлю съ Византіей и чрезъ нее отчасти съ Востокомъ. Но эти торговыя сношенія были ничтожны въ сравненіи съ тѣми оживленными сношеніями, которыя установились во время и послѣ крестовыхъ походовъ. Быстрое развитіе и процвѣтаніе торговыхъ городовъ Италіи, оживленіе торговаго пути по Дунаю, увеличеніе народонаселенія и образованности сосѣднихъ съ Византіею земель, устройство правильныхъ торговыхъ путей по всей западной Европѣ и, наконецъ, возникновеніе отдѣльнаго торговаго и ремесленнаго сословія, повлекшее за собою цѣлый рядъ измѣненій въ государственныхъ учрежденіяхъ,—вотъ результаты того великаго движенія, которое было вызвано глубоко-религіознымъ настроеніемъ массъ, вовсе и не подозрѣвавшихъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ оно привести.

Прійдя въ столкновеніе съ Востокомъ, европейцы научились цѣнить

произведенія его и перенесли въ Европу пріобрѣтенныя на Востокѣ привычки, породившія новыя потребности, удовлетворенію которыхъ могла содѣйствовать только торговля. Подъ вліяніемъ Византіи и Востока, нравы, образъ жизни и даже моды европейцевъ значительно измѣнились. Благодаря этому знакомству съ Востокомъ и съ роскошью греческаго двора, употребленіе шелковыхъ матерій и пряностей увеличилось, что, конечно, должно было содѣйствовать увеличенію ввоза этихъ предметовъ и, слѣдовательно, усилить торговыя сношенія. То, что прежде считалось роскошью и было доступно лишь богатымъ и знатнымъ лицамъ, теперь превращается почти въ общую потребность. Быстрое возвышеніе съ этого времени уровня благосостоянія многихъ городовъ западной Европы существенно измѣнило образъ жизни среднихъ классовъ населенія.

Не менѣе важное вліяніе оказали крестовые походы на расширеніе круга свѣдѣній въ области землевѣдѣнія: романтичная сторона крестовыхъ походовъ породила тѣ горячія стремленія къ дальнимъ путешествіямъ и къ изслѣдованію далекихъ странъ, которыми такъ характеризуется XIV и XV столѣтія и которыя послужили основою для отысканія морскаго пути въ Остъ-Индію и для открытія Америки.

Выгодами, принесенными развитіемъ торговли послѣ крестовыхъ походовъ, воспользовалась прежде всего Италія. Подвергшись жесточайшимъ ужасамъ опустошенія, выдержавъ напоръ сильнѣйшихъ волнъ переселенія народовъ, лишившись надолго національной независимости и политическаго первенства,—Италія все-таки не могла потерять преимуществъ своего географическаго положенія. Какъ только возстановлена была связь между Западомъ и Востокомъ, Средиземное и Черное моря должны были сдѣлаться ареной той же дѣятельности и движенія, какой они были въ древности. Эти моря и ихъ прибрежья, особенно Средиземное, служили, главнымъ образомъ, предѣлами возстановленнаго между тремя частями свѣта сообщенія, пока открытіе новаго полушарія, совершенно измѣнившее понятіе о землѣ, не создало совершенно новыхъ условій и путей для международныхъ сношеній.

Не смотря на огромный переворотъ, произведенный крестовыми походами въ сферѣ торговли и промышленности западно-европейскихъ народовъ и въ ихъ политической и общественной жизни,—вліяніе крестовыхъ походовъ, однакожь, не измѣнило характера и сущности всемірной торговли, которая и послѣ крестовыхъ походовъ качественно не отличалась отъ торговли, существовавшей въ древній періодъ и въ средніе вѣка до крестовыхъ походовъ.

Все, что совершилось новаго въ періодъ времени отъ крестовыхъ походовъ и до открытія Америки въ области всемірной торговли, какъ, наприм., расширеніе товаровѣдѣнія, различныя усовершенствованія и изобрѣтенія въ мореходствѣ, страхованіе товаровъ, учрежденіе банковъ и т. п.—все это имѣло, безъ сомнѣнія, огромное значеніе и подготовляло новый періодъ въ исторіи торговли; но этого все-таки было мало для того, чтобы измѣнить въ существѣ понятія того времени о всемірной торговлѣ. Какъ и въ древности, торговля была и теперь большею частію сухопутная; морская же торговля ограничивалась каботажнымъ, т. е. прибрежнымъ мореходствомъ.

Не смотря на увеличеніе потребностей возраставшаго населенія послѣ

крестовыхъ походовъ и на соотвѣтственное увеличеніе количества предметовъ ввоза съ Востока, разнообразіе этихъ предметовъ, привозившихся на европейскіе рынки, наприм. въ Брюгге, все таки не многимъ превосходило разнообразіе выбора тѣхъ предметовъ, которые привозились въ древности на александрійскій рынокъ. Только съ открытіемъ Америки потребленіе колоніальныхъ товаровъ сдѣлалось болѣе общимъ и, хотя еще до ея открытія Азія снабжала Европу небольшимъ количествомъ рису, сахару, чаю и кофе, однако всѣ эти предметы, вслѣдствіе незначительнаго ввоза ихъ, все еще считались предметами роскоши. Болѣе важное значеніе имѣли уже въ то время доставляемые Востокомъ сырые продукты, служившіе матеріаломъ для фабрикаціи и мануфактуръ, именно, шелкъ, хлопчатая бумага и красильныя вещества. Послѣднія отправлялись особенно въ Италію и въ Нидерланды, гдѣ промышленность достигла громадныхъ размѣровъ особенно относительно продуктовъ шерстяной фабрикаціи, и послужила основаніемъ для обширнѣйшей вывозной торговли и для послѣдующаго индустріяльнаго могущества Голландіи.

Конечно, уже и въ древности, и въ средніе вѣка нѣкоторыя отрасли промышленности достигли большей или меньшей степени совершенства и вызывали этимъ необходимость обмѣна и торговли; но ни въ древности, ни въ средніе вѣка не существовало ни того кредита, ни той промышленной сноровки и конкурренціи, какъ въ наше время. Торговля съ Индіей все еще оставалась пассивною, т. е. должна была оплачиваться наличными деньгами, такъ какъ европейская промышленность еще не была на столько развита, чтобы снабжать остальныя части свѣта своими фабричными произведеніями; напротивъ, индійскія мануфактуры привозились въ Европу. Наиболѣе благопріятный торговый балансъ представляла торговля Западной Европы съ сѣверо-восточными странами ея. Здѣсь существовалъ постоянный обмѣнъ сырыхъ продуктовъ этихъ земель на фабричныя произведенія.

Вліяніе крестовыхъ походовъ на оживленіе торговой дѣятельности Италіи отразилось болѣе всего на Венеціи. Географическое положеніе Венеціи необходимо должно было привести ея жителей къ мореходству и торговлѣ. Это-то положеніе, съ одной стороны, и безопасность его, съ другой, преимущественно содѣйствовали возвышенію и господству этого города надъ другими его итальянскими соперниками,—господству, длившемуся въ теченіе многихъ столѣтій. Особенно важное значеніе получаетъ исторія итальянской торговли точно такъ же, какъ и исторія литературы и искусства Италіи въ эпоху возрожденія.

Венеція, Амальфи, Пиза и Генуя были самыми блестящими представителями этой эпохи; начинается она въ концѣ двѣнадцатаго вѣка, достигаетъ высшей точки своего развитія въ срединѣ XV столѣтія и затѣмъ быстро падаетъ, пока, наконецъ, открытіе Америки и морскаго пути въ Остъ-Индію не отодвигаетъ ее совершенно на задній планъ. Тотъ крестовый походъ, во время котораго былъ завоеванъ Константинополь и Византія обращена въ Латинскую имперію, передалъ всю восточную торговлю въ руки Венеціи, которая своимъ флотомъ принимала въ этомъ походѣ значительное участіе. Генуя, конкуррировавшая въ теченіе нѣкотораго времени съ Венеціей, должна была наконецъ уступить пальму первенства своей могущественной соперницѣ. Послѣ паденія Византійской имперіи вся Европа стала обращаться за различными произведеніями

Востока къ торговымъ рынкамъ Италіи, гдѣ съ теченіемъ времени развились промыслы, учредились фабрики, и выработались торговыя положенія и торговое право, получившее впослѣдствіи широкое примѣненіе и въ другихъ странахъ. Городское сословіе окрѣпло; исключительное значеніе недвижимаго имущества было надломлено, движимое имущество пріобрѣтаетъ теперь силу; расцвѣтшее городское устройство ослабило феодальныя узы; купеческое сословіе освобождается отъ презрѣнія, въ которомъ оно находилось до того времени, и пріобрѣтаетъ значеніе и уваженіе согражданъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ Западная Европа становилась населеннѣе и цивилизованнѣе, торговыя сношенія ея начали мало по малу распространяться на сѣверъ и на западъ, особенно въ Германію и Нидерланды, гдѣ торговля въ скоромъ времени приняла такіе размѣры, что могла смѣло соперничать съ торговлей Италіи.

Водный путь по Дунаю до Константинополя давалъ возможность швабско-баварскимъ городамъ поддерживать прямыя торговыя сношенія съ Левантомъ; крупные же торговые обороты, совершавшіеся между Венеціей и Генуей, и охватывавшіе, кромѣ южно-нѣмецкихъ городовъ, главные торговые пункты Голландіи, вызвали процвѣтаніе торговли во всѣхъ этихъ странахъ и даже въ Англіи.

Брюгге и Антверпенъ впродолженіи трехъ столѣтій играли для всемірной торговли роль важнѣйшихъ рынковъ Европы. Всѣ извѣстные въ то время предметы торговли и произведенія промышленности стеклись въ эти города изо всѣхъ странъ и сохранялись здѣсь огромными партіями, до тѣхъ поръ пока итальянцы не присылали туда произведеній Востока, взамѣнъ которыхъ брали различныя произведенія сѣверныхъ странъ Европы и, между прочимъ, пріобрѣтшія уже тогда огромную извѣстность— шерстяныя издѣлія Фландріи и Брабанта. Дѣятельныя сношенія столь значительнаго числа національностей повели за собою не только быстрое увеличеніе благосостоянія страны, но также и поднятіе уровня умственнаго развитія и образованности. Торговля въ Голландіи пользовалась такою значительною долей свободы, какою не пользовалась она ни въ какой другой странѣ: нигдѣ торговля не была обложена меньшимъ количествомъ пошлинъ, нигдѣ не была она менѣе стѣснена привилегіями и монополіями, чѣмъ въ Голландіи. Равенство правъ для всѣхъ было основнымъ положеніемъ городскаго самоуправленія въ Нидерландахъ. Но, и помимо всего этого, торговля Голландіи уже по тому одному должна была имѣть и большіе размѣры, и большее значеніе, нежели торговля внутреннихъ городовъ сѣверной Германіи, что Голландія, по своему приморскому положенію, имѣла возможность вести свои торговыя сношенія моремъ. Такимъ образомъ голландскія суда надѣляли товарами весь сѣверъ Скандинавскаго полуострова, Остзейскій край, Англію и даже западную часть Франціи, и мы имѣемъ основаніе думать, что судоходство, охватывавшее такое значительное число мѣстностей, едвали могло быть менѣе значительнымъ, нежели судоходство Средиземнаго моря; такимъ образомъ въ теченіе долгаго времени Голландіи принадлежало исключительное господство на сѣверныхъ моряхъ и ихъ прибрежьяхъ.

Сѣверо-востокъ Европы долженъ также считать себя до извѣстной степени обязаннымъ крестовымъ походамъ успѣхами въ развитіи своей торговли. Крестовые походы вызвали появленіе въ свѣтъ тевтонскаго

ордена, который съ цѣлью обращенія язычниковъ покорилъ земли Пруссіи и вступилъ въ тѣсныя сношенія съ орденомъ меченосцевъ, преслѣдовавшимъ тѣ же цѣли въ Ливоніи. Оба эти нѣмецкіе ордена оказали значительную услугу германской торговлѣ. Произведенія странъ, въ которыхъ утвердились оба эти ордена, сдѣлались болѣе извѣстными другимъ странамъ, такъ что западная и южная части Европы выписывали ихъ произведенія, взамѣнъ чего отправляли на сѣверо-востокъ тѣ изъ своихъ товаровъ, въ которыхъ здѣсь чувствовалась нужда. Вскорѣ на нѣмецкомъ берегу Балтійскаго моря основались довольно большіе города, быстро населившіеся и принявшіе дѣятельное участіе въ торговомъ мореходствѣ. Нерѣдко соединялись они для общихъ предпріятій, доставляли другъ другу безопасность и защиту и дали такимъ образомъ первый толчокъ къ происхожденію того могущественнаго торговаго союза Ганзы, который въ весьма непродолжительномъ времени охватилъ весь сѣверъ, сѣверовостокъ и западъ Европы и долженъ считаться однимъ изъ самыхъ крупныхъ и поразительнѣйшихъ явленій въ исторіи торговли. Этотъ союзъ представляетъ собою блестящій памятникъ нѣмецкаго единомыслія; онъ служитъ могущественнымъ выразителемъ энергичнаго, предпріимчиваго и настойчиваго городскаго сословія того времени. Никогда еще Германія не достигала такого могущества на морѣ, какъ Ганза на тѣхъ моряхъ, гдѣ создала она флотъ для поддержанія своего торговаго владычества,—флотъ, предъ могуществомъ котораго почтительно склонялись многія государства. Такъ какъ въ ганзейскій союзъ входили не только приморскіе, но и внутренніе города, то Ганза помимо перевозки чужеземныхъ товаровъ на своихъ судахъ, вела еще очень дѣятельную, собственную торговлю, которую она при посредствѣ многочисленныхъ, складочныхъ пунктовъ и конторъ распространила отъ Россіи до Испаніи. Но какъ ни былъ хорошъ ганзейскій флотъ для того времени, какъ ни были искусны его матросы, тѣмъ не менѣе Ганза ровно ничего не сдѣлала для расширенія круга землевѣдѣнія. Ганзейцы были только купцами, но не людьми, которыхъ влечетъ въ далекія страны непреодолимая сила великихъ идей. Въ этомъ отношеніи ганзейскіе города походили на итальянскія торговыя республики, ограничивавшіяся сношеніями только съ извѣстными имъ морями и странами, покорявшія ихъ своему владычеству, монополизировавшія и эксплоатировавшія ихъ; различіе было только въ томъ, что въ Италіи каждая отдѣльная республика враждебно относилась ко всѣмъ остальнымъ и въ нихъ не проявлялось единства національнаго союза. Ареной дѣятельности ганзейскаго союза были: Сѣверное и Балтійское моря, острова этихъ морей и берега ихъ. Особенно дѣятельныя сношенія поддерживала Ганза съ Англіей, которая была тогда страной преимущественно сырыхъ продуктовъ, а не мануфактурныхъ произведеній; оттуда ганзейцы вывозили шерсть, привозили ее на нѣмецкія фабрики, гдѣ она переработывалась въ сукна и затѣмъ отправлялась обратно въ Англію. Ни одно ганзейское судно не рѣшалось вступить въ открытый океанъ, и даже мысль объ отправленіи экспедиціи для изслѣдованія болѣе отдаленныхъ морей и для провѣрки дѣлавшагося все болѣе и болѣе вѣроятнымъ предположенія о существованіи западнаго пути въ Индію, не приходила въ голову ни одному изъ членовъ Ганзейскаго союза.

Что касается до Англіи и Франціи, то онѣ въ этотъ періодъ игра-

ютъ второстепенную роль въ исторіи торговли. Только съ открытіемъ океана англійское мореходство начинаетъ развиваться съ поразительною быстротой.

Такимъ образомъ съ каждой ступенью, по которой подымались торговля и мореходство со времени крестовыхъ походовъ, мы все болѣе и болѣе приближаемся къ великому міровому событію; смутное представленіе о немъ развивается до яснаго убѣжденія, а убѣжденіе уже вызываетъ за собою рѣшимость на дѣло; это дѣло проявляется на крайнемъ западѣ Европы, въ той странѣ, взоры которой устремлены на безконечный океанъ. Эта страна—Испанія. Промышленность и торговля Пиренейскаго полуострова достигли значительной степени развитія лишь послѣ того, какъ перешли туда изъ Африки арабы и основали мавританское царство, гдѣ въ теченіе слишкомъ семи столѣтій мирныя искусства пользовались особеннымъ покровительствомъ. Вмѣстѣ съ науками здѣсь быстро развивались торговля, промышленная дѣятельность и земледѣліе. Арабамъ, по преимуществу, обязана Испанія воздѣлываніемъ сахарнаго тростника, риса, хлопчатой бумаги и шелка. Нѣкоторыя отрасли промышленности, какъ гренадскіе и севильскіе ковры и шелковыя матеріи, кожевенные товары Кордовы, толедское оружіе и бумага Ксативы, достигли цвѣтущаго состоянія. Особенную заботливость о развитіи торговли обнаружилъ калифъ Абдерахманъ, который во время своего долгаго правленія неусыпно старался о поднятіи благосостоянія страны проведеніемъ каналовъ, возстановленіемъ и расширеніемъ гаваней въ Таррагонѣ, Севильѣ и Кадиксѣ. Въ первое время испанскіе мавры вели торговлю съ своими единовѣрцами на Востокѣ; затѣмъ завязалась торговля съ сѣверной Испаніей, гдѣ на развалинахъ Вестготскаго государства возникли новыя государства, и, наконецъ, съ Италіей. По большей части торговля эта находилась въ рукахъ евреевъ, которые, благодаря жестокой религіозной нетерпимости христіанъ, принуждены были искать мирнаго убѣжища у мусульманъ. Но когда впослѣдствіи полумѣсяцъ былъ окончательно вытѣсненъ водвореніемъ креста, и Испанія достигла всемірнаго могущества, тогда является на сцену фанатизмъ инквизиціи и убиваетъ не окончательно еще окрѣпшую въ торговомъ отношеніи страну изгнаніемъ изъ нея трудолюбивыхъ и промышленныхъ мавровъ. Этотъ ударъ для Испаніи былъ такъ силенъ, что ее послѣ этого не могли спасти даже громадныя сокровища золота и серебра, доставляемыя ей ея американскими колоніями.

Сами испанскіе мавры не были, повидимому, охотниками до мореходства: въ гаваняхъ Малаги и Альмеріи, въ большинствѣ случаевъ, развѣвались чужеземные флаги, между которыми особенно выдавались съ XII столѣтія флаги Каталоніи и Кастиліи. Христіане, оттѣсненные въ Астурійскія горы, начали мало по малу отвоевывать себѣ небольшія области и, занявши земли между Пиренеями, съ одной стороны, и Эбро, Дуэро до Таго—съ другой, основали новыя государства, изъ которыхъ болѣе могущественными были Кастилія и Аррагонія. Военное дѣло и военное искусство были здѣсь преобладающимъ и почти исключительнымъ занятіемъ, и достиженіе славы на этомъ поприщѣ считалось благороднѣйшею задачей испанскаго рыцарства, которое при своемъ феодальномъ устройствѣ неблагосклонно относилось къ торговлѣ и промышленности. За то этотъ геройскій періодъ Испаніи создалъ то, неостанавливающееся ни

передъ какими трудностями, мужество, ту увѣренность и стойкость въ чемъ либо разъ предпринятомъ, то, наконецъ, страстное стремленіе къ неизвѣданнымъ новымъ приключеніямъ, которое было необходимо для осуществленія на дѣлѣ предчувствія, существовавшаго въ теченіе тысячелѣтій.

Еще въ IX вѣкѣ мы иногда встрѣчаемъ въ Бискайскомъ заливѣ испанскія суда, отправлявшіяся туда, главнымъ образомъ, для рыболовства, но гораздо большихъ размѣровъ достигаетъ испанское мореходство съ возникновеніемъ самостоятельности и могущества Кастиліи и Аррагоніи. Въ это время Барцелона превращается въ главнѣйшее складочное мѣсто испанской торговли, куда мавры начинаютъ свозить свои произведенія. Предметами вывоза были шерсть и выдѣлываемыя изъ нея въ Сеговіи сукна, хотя, впрочемъ, шерстяное производство въ Кастиліи стояло въ это время на гораздо низшей степени, чѣмъ въ Англіи.

Барцелона находилась въ довольно тѣсной связи съ Италіей при посредствѣ Генуи и Пизы, устроившихъ здѣсь значительное число своихъ факторій; но, кромѣ этой связи, она поддерживала еще прямыя сношенія съ сѣверною Африкой до Египта, а начиная съ конца XIII столѣтія, даже съ Малой Азіей и съ Константинополемъ, гдѣ ей пришлось вступить въ конкурренцію съ генуэзцами и даже съ венеціянцами,—конкурренцію, бывшую причиной непримиримой вражды между Барцелоной и этими городами; кромѣ того, каталонскія суда отправлялись черезъ Гибралтарскій проливъ въ Англію и Голландію, гдѣ на рынкахъ Лондона, Брюгге и Антверпена обмѣнивали произведенія юга на продукты сѣвера. Въ торговыхъ сношеніяхъ съ сѣверомъ Кастилія стала принимать дѣятельное участіе послѣ того, какъ Фердинандъ Святой въ 1248 году отнялъ Севилью у мавровъ. Во время завоеванія Севильи впервые появляется испанскій флотъ, снаряженный бискайцами на помощь своему королю. Торговый флотъ Барцелоны не уступалъ флоту Венеціи и Генуи; напротивъ, эти двѣ торговыя республики пользовались барцелонскими судами для переправы своихъ товаровъ во Фландрію или въ Англію. Іаковъ I Аррагонскій даровалъ этому городу множество привиллегій, оживлявшихъ духъ предпріятій: онъ издалъ торговыя положенія и портовыя правила, которыя въ скоромъ времени оказались столь выгодными, что вызвали повсемѣстное подражаніе. Такимъ образомъ, уже въ довольно раннее время мы видимъ въ Барцелонѣ всѣ учрежденія, характеризующія первоклассный торговый портъ: обширную и хорошо защищенную гавань, карабельныя верфи, магазины для склада товаровъ, арсеналъ, биржу и т. д. Это процвѣтаніе Барцелоны длится до конца XV столѣтія. Для него имѣло чрезвычайно важное значеніе то обстоятельство, что аррагонскіе короли вступили во владѣніе Сициліей (1282 г.) и забрали въ свои руки вывозъ огромнаго количества продуктовъ этого острова. Еще прежде (въ 1213 г.) Аррагонія присоединила къ себѣ Балеарскіе острова, откуда испанскія суда получали великолѣпныхъ матросовъ и лоцмановъ. Островъ Маіорка считался въ то время первою по достоинству школой мореплаванія; тамъ приготовлялись, подъ руководствомъ арабовъ, различные инструменты и морскія карты въ такомъ количествѣ, какое было потребно тогда для морскихъ путешествій.

Есть еще одна страна на Пиренейскомъ полуостровѣ, которая въ исторіи торговли этого періода пріобрѣла едва ли не большую славу,

чѣмъ Испанія. Ей принадлежитъ иниціатива судоходства по Атлантическому океану, ей принадлежитъ открытіе многихъ путей на западъ и на югъ; но всего замѣчательнѣе, что въ то время, когда властители другихъ государствъ употребляли свое время на разнаго рода войны и на борьбу съ феодализмомъ, занимаясь болѣе разрушеніемъ, нежели созиданіемъ, правители этой страны стремились поднять третье сословіе, давъ ему политическія права, стремились къ поддержанію и защитѣ торговли и доходили въ своей ревности къ благу страны даже до того, что сами лично изыскивали и изслѣдовали новые пути для этой торговли. Страна эта—Португалія. Въ древности и въ первое тысячелѣтіе по Р. Х. она раздѣляла всѣ судьбы Испаніи, пока, наконецъ, въ 1109 году, при Генрихѣ Бургундскомъ, не сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ. Занимая узкую береговую полосу, отдѣленную Гибралтарскимъ проливомъ отъ сообщенія съ Средиземнымъ моремъ, португальцы должны были естественно обратить свою предпріимчивость на то море, которое безконечно простиралось на западъ и неотступно наводило на предположенія о существованіи новаго свѣта, скрывающагося за этими водами.

Вотъ почему португальскіе короли болѣе заботились объ основаніи флота; всѣ свои попеченія обратили они на судоходство и морскую торговлю. Лиссабонъ, стоявшій у устья Таго, самой большой рѣки полуострова, сдѣлался главнымъ средоточіемъ торговли, которая, благодаря разумнымъ законамъ и цѣлесообразнымъ для того времени привилегіямъ, достигла уже около конца XIV столѣтія необычайнаго процвѣтанія. Нѣкоторыя права и преимущества, дарованныя купцамъ, привлекли сюда многихъ изъ итальянскихъ и въ особенности изъ генуэзскихъ купцовъ. Съ помощью послѣднихъ, португальскій флотъ достигъ такого сильнаго развитія, что иностранныя суда не могли выдержать конкуренціи съ ними ни въ ввозной, ни въ вывозной торговлѣ. Еще болѣе значительныя торговыя сношенія, чѣмъ съ Италіей, вела въ это время Португалія съ Англіей, куда уже тогда отправляла свои вина. Не менѣе часто появлялись португальскія суда въ голландскихъ гаванахъ, а въ Брюгге онѣ имѣли даже свою факторію.

Но все это не могло бы еще доставить Португаліи того почетнаго мѣста въ исторіи торговли, которое она занимаетъ въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ. Для этого нужны были совершенно другія заслуги,—заслуги, которыя опирались бы не на дѣятельности, ограниченной лишь опредѣленными тѣсными рамками и имѣющей лишь мѣстное значеніе; для этого требовалось открытіе совершенно новыхъ путей, открытіе, которое вызвало бы коренное измѣненіе всѣхъ существовавшихъ до того времени отношеній и имѣло бы значеніе міровое.

ЭПОХА ОТКРЫТІЙ И ИЗОБРѢТЕНІЙ XV В.

XIV. ОТКРЫТІЯ ПОРТУГАЛЬЦЕВЪ ДО КОЛОМБА.

(Изъ соч. Карла Риттера: «Исторія землевѣдѣнія и открытій»).

Особенное положеніе Португаліи на югозападномъ краю Европы, конечно, очень много способствовало развитію ея морскихъ силъ. По своей незначительной величинѣ страна эта, повидимому, не призвана была играть важную роль въ исторіи Европы; но она была порогомъ для входа въ океанъ,—и португальскій народъ позналъ свое назначеніе во всемірной исторіи и предался его выполненію съ ревностію и не безъ величія души. Счастливо веденныя войны за независимость противъ магометанъ вели португальцевъ на путь къ высшему развитію своихъ силъ и къ высокой славѣ на страницахъ всемірной исторіи.

Войны съ маврами долгое время наполняютъ исторію Португаліи. Съ тѣхъ поръ, какъ испанцы отняли у арабовъ пограничную провинцію Андалузію, португальцы не могли болѣе сражаться съ невѣрными въ Европѣ. Португальскіе рыцари и крестоносцы отправлялись тогда на корабляхъ искать враговъ своей вѣры за предѣлы отечества, — на противоположномъ прибрежьи сѣверной Африки и далѣе къ берегамъ морей, о которыхъ прежде и не знали или которые считали недоступными.

Сыновья португальскаго короля Іоанна І-го (1385 — 1433) начали завоеванія въ Африкѣ. Въ 1415 г. они завоевали Цеуту. Такимъ образомъ положено было основаніе господству въ Африкѣ. Завоеваніе Цеуты повело къ новымъ успѣхамъ,—она служила вратами для входа въ Африку и Индію. Въ 1471 г. завоеванъ былъ Танжеръ. Между пятью сыновьями Іоанна І-го особенно отличался предпріимчивостію и неутомимою дѣятельностію третій сынъ его, принцъ Генрихъ, гросмейстеръ ордена Христа. Онъ былъ храбръ, любознателенъ и до своей смерти систематически продолжалъ открытія на западномъ берегу Африки. Онъ извѣстенъ годъ именемъ мореплавателя. Онъ проложилъ морской путь въ Остъ-Индію и положилъ основаніе системѣ португальскихъ колоній, распространившихся мало-по-малу по обѣимъ Индіямъ. Важною побудительною причиною его предпріятій была сначала надежда отнять у арабовъ цвѣтущія и богатыя провинціи на западномъ берегу Африки, въ тогдашнемъ Марокксомъ царствѣ. Эта надежда обманула его.

Плоская возвышенность Атласа въ сѣверной Африкѣ слишкомъ укрѣплена была природою, такъ что португальцы не могли сдѣлать въ ней никакихъ значительныхъ и прочныхъ завоеваній. Она защищена была со всѣхъ сторонъ водами, горами и степями. Вслѣдствіе этого Марокко удержалось во время войнъ съ португальцами, которыя послѣдніе вели съ удивительнымъ религіознымъ воодушевленіемъ отъ конца XIV до конца XV столѣтія.

Землевѣдѣніе, однако, очень много выиграло отъ этихъ войнъ. Благодаря частымъ высадкамъ и плаваніямъ у береговъ Марокко, благодаря многимъ битвамъ въ области этого царства, распространилось мало-по-малу между португальцами множество извѣстій и разсказовъ объ этихъ неизвѣстныхъ странахъ,—особенно благодаря плѣннымъ арабамъ, евреямъ и неграмъ. Христіанскіе народы въ первый разъ узнали тогда, что за крайнимъ мысомъ Атласа, у южной границы Марокко, лежатъ еще гораздо большія, сильно населенныя земли. Они узнали, что оттуда происходили негры, что оттуда привозились золото и слоновая кость. Около 26° с. ш. къ югу отъ Канарскихъ острововъ самыя южныя цѣпи Атласа образуютъ Черный мысъ, характеристически отличающійся отъ бѣлаго песчанаго берега, мысъ Нонъ, за которымъ начинается пустыня Сахара. Мысъ этотъ считался самою южною границею возможнаго мореплаванія, и никто еще не отваживался за этотъ мысъ на югъ. Повсюду распространена была сказка, что кто переступитъ за этотъ мысъ, тотъ уже не вернется.

Одинъ португальскій корабль, подъ командою Іоанна Гонзалеса Зарко, былъ отброшенъ бурею отъ берега въ средину Атлантическаго океана. Такимъ образомъ случайно открытъ былъ островъ съ священною гаванью Porto Santo, на сѣверъ отъ Мадеры (1418). Прежде этотъ островъ былъ неизвѣстенъ, потому что мореплаватели до сихъ поръ всегда старались не упускать изъ виду береговъ. Въ 1420 г. замѣтили къ югу отъ острова Порто-Санто густой туманъ, и когда направились туда, то открыли прекрасный сосѣдній островъ Мадеру, который впослѣдствіи прославился гораздо болѣе Порто-Санто. Этотъ обширный островъ не имѣлъ названія и не былъ населенъ; его покрывалъ густой лѣсъ, въ которомъ гнѣздились безчисленныя стаи птицъ. Отъ обильныхъ лѣсовъ (materia) этотъ островъ получилъ названіе Мадеры (лѣсной островъ). Лѣса были сожжены. Семь лѣтъ продолжалось это выжиганіе лѣсовъ. Удобренная этимъ пепломъ земля заселена была колоніею. Это была первая колонія, поселенная принцемъ Генрихомъ, который снабдилъ ее разными сельскохозяйственными орудіями и домашнимъ скотомъ. Онъ пересадилъ туда изъ Сициліи сахарный тростникъ, который былъ тогда занесенъ арабами въ Сицилію и южную Испанію. Изъ Кандіи онъ перенесъ на Мадеру малвазійскій виноградъ, который оттуда перенесенъ былъ на Канарскіе острова. Оставшіеся еще лѣса Мадеры употреблены были Португаліей, бѣдной лѣсами, для ея флота. Такимъ образомъ островъ Мадера мало-по-малу заселился, обстроился и сталъ украшеніемъ португальской короны. Послѣ этого смѣлые мореходцы пускались и далѣе.

Въ то же время другіе португальцы, отправившіеся съ мыса Финистерре, по побужденію принца Генриха, который снарядилъ для этой цѣли два корабля, открыли въ 1432 г. первый изъ Азорскихъ острововъ, далеко на западѣ Атлантическаго океана. Такъ какъ на этой группѣ острововъ

не было жителей, то ее скоро же населилъ португальскій флотъ въ 16 кораблей. Отъ множества ястребовъ, Açores, острова эти получили названіе Азорскихъ.

Объѣхавъ мысъ Бояндоръ (1433), португальцы продолжали воевать и по ту сторону этого мыса съ магометанами, арабами и бедуинами, которые уже въ XIII вѣкѣ распространились на югъ и, оттѣснивъ негровъ до Сенегала и Нигера, сдѣлались и здѣсь повелителями селъ и городовъ и образовали множество мелкихъ государствъ съ мечетями и арабскими школами для образованія черныхъ. При этомъ они ежегодно грабили земли негровъ и торговали плѣнными на рынкахъ. Такимъ образомъ въ средней Африкѣ открылась постоянная борьба между послѣдователями корана и язычниками-неграми. Это обстоятельство много содѣйствовало счастливымъ успѣхамъ португальцевъ вдоль западнаго берега Африки, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить. Португальцы сначала встрѣчали въ неграхъ дружественныхъ союзниковъ противъ общаго врага — мавровъ. Всюду черные князья, при первомъ знакомствѣ съ португальцами, съ полною довѣренностью отдавали себя въ ихъ руки и старались пріобрѣсть ихъ дружбу.

Еще до открытія Зеленаго мыса и Сенегала (1456 г.) португальцы часто плавали по западному берегу Сахары, гдѣ они занимались ловлей рыбъ и ластоногихъ животныхъ и старались захватить въ плѣнъ магометанскихъ мавровъ, которыхъ они продавали въ рабство въ Лиссабонѣ и на другихъ рынкахъ Европы. Главною станціей ихъ, откуда они немного позже большею частію предпринимали свои экспедиціи, былъ островъ Аргуинъ къ югу отъ мыса Бланко, къ сѣверу отъ Сенегала. Этотъ островъ съ своею плодородною почвой представлялъ португальцамъ защиту противъ нечаянныхъ нападеній. Отсюда они безопасно могли продолжать свое плаваніе. Вслѣдствіе этого здѣсь рано образовалась вторая португальская колонія послѣ Мадеры, а съ 1452 года и африканское торговое общество.

Съ Аргуина португальцы стали предпринимать и сухопутныя путешествія черезъ пустыню для того, чтобы войти въ прямыя сношенія съ неграми въ камедныхъ лѣсахъ вдоль Сенегала. Такимъ образомъ возникли первыя торговыя сношенія мирнымъ путемъ. Всѣ народы къ сѣверу отъ Аргуина, съ которыми португальцы до сихъ поръ находились въ сношеніяхъ, были магометане. У Сенегала начинались уже, какъ и теперь, земли черныхъ. Венеціянецъ Кадамосто, объѣхавъ Зеленый мысъ, въ первый разъ увидѣлъ негровъ въ ихъ обширной, необозримой родинѣ. Онъ удивлялся ихъ многочисленности отъ Сенегала до мыса Пальмы и Гвинейскаго залива. Тутъ открылось совершенно новое поле для землевѣдѣнія и этнографіи. Португальцы удивлялись не только многочисленности народонаселенія, но и огромному числу находившихся тамъ царствъ. Эти царства занимали огромное пространство—вдвое больше всей Европы — къ югу отъ Сенегала и Гамбіи, черезъ Нигеръ до Конго и Замбезе. Драгоцѣнные продукты этихъ странъ вскорѣ возбудили живѣйшее чувство стяжанія португальскаго торговаго міра. Золотой песокъ, слоновая кость, перецъ, разныя пряности и рабы стали скоро лозунгомъ спекулянтовъ.

Принцъ Генрихъ-мореплаватель еще дожилъ до великаго успѣха своего народа, обогатившаго землевѣдѣніе открытіемъ половины части

свѣта. Онъ самъ въ началѣ столѣтія положилъ основаніе этимъ успѣхамъ своимъ предпріятіемъ противъ Цеуты. Когда онъ умеръ (1460), уже изслѣдованъ былъ берегъ Гвинеи (золотой, невольничій, слоновой кости, перцовый). Преимущественно благодаря усиліямъ Генриха, Африка изслѣдована была отъ Гибралтарскаго пролива до самаго экватора, на протяженіи, по крайней мѣрѣ, 500 геогр. миль.

По смерти Генриха страсть къ окрытіямъ пріутихла, а жажда стяжанія усилилась. Вскорѣ (1469 г.) образовались монополистическія компаніи для торговли съ Гвинеей, которыя послужили скорѣе ко вреду, нежели къ успѣху открытій, потому что лишь только эти компаніи получили привилегію на исключительную торговлю съ золотоносными берегами Африки, какъ уже нельзя было ни одному португальскому мореплавателю, ни одному частному человѣку появляться на берегахъ экваторіальнаго моря. Гвинейскій заливъ былъ запертъ, за что компанія платила правительству много золота. Въ 1471 г. построено было на золотомъ берегу укрѣпленіе ла-Мина для торговой конторы. Король португальскій удержалъ за собой монопольную торговлю слоновою костью и перцемъ.

Король Іоаннъ II скоро послѣ своего вступленія на престолъ снарядилъ (1481 г.) 12 кораблей въ Африку для продолженія завоеваній. При каждой высадкѣ на берегъ португальцы немедленно воздвигали кресты и домогались папскихъ буллъ для утвержденія ихъ господства во вновь открытыхъ земляхъ.

Въ глубинѣ Гвинейскаго залива, подъ 0°, открыты были въ 1472 г. острова Аннобомъ, Св. Ѳомы, Фернандо По и царство Бенинъ,—страны, черезъ которыя въ новѣйшее время старались проникнуть, не смотря на опасности тропическихъ земель, знаменитые изслѣдователи. Португальцы нашли здѣсь плодородныя и отлично орошаемыя земли, что совершенно не соотвѣтствовало прежнимъ предпріятіямъ. Они пересадили туда сахарный тростникъ и другія тропическія растенія, которыя дали отличные плоды, хотя стоили жизни многихъ людей. Португальскіе земледѣльцы не выдерживали полевой работы въ жаркихъ тропическихъ земляхъ. Многіе испанскіе евреи, переселившіеся во время жестокихъ гоненій изъ Испаніи въ Португалію, посланы были на острова Гвинейскаго залива, но не могли выдержать тамошняго климата и перемерли какъ мухи; такъ же скоро погибли тамъ переселенныя колоніи преступниковъ и плѣнные мавры, отправленные туда для работы. Одни черные переносили работу въ свойственномъ имъ тропическомъ климатѣ. Постоянное похищеніе людей на западныхъ берегахъ Африки доставляло огромное количество смуглыхъ и черныхъ плѣнныхъ, которыхъ продавали за высокія цѣны въ плантаціи и торговыя конторы Гвинейскаго берега, пока король Іоаннъ III не запретилъ торга невѣрными.

Обильно орошаемыя и плодородныя страны вдоль Сенегала и Гамбіи сильно привлекали португальцевъ, которые старались ознакомиться съ внутренностію этихъ странъ. Нѣкоторыя попытки не удались. Небольшія экспедиціи избиты были туземцами. Но постоянныя войны царей негровъ съ ихъ вассалами проложили португальцамъ путь къ открытію внутренней страны вдоль Сенегала до Тимбукту близъ Нигера.

Во время описаннаго распространенія и колонизаціи португальцевъ въ земляхъ негровъ къ сѣверу отъ экватора стремленіе къ дальнѣйшимъ

открытіямъ на югѣ океана, повидимому, немного охладѣло. Но эта страсть скоро опять возгорѣлась, благодаря изобрѣтенію корабельнаго астролябія Мартиномъ Бегаймомъ и открытіямъ Діэго Кама и Бартоломея Діаца, настоящихъ предшественниковъ Васко-де-Гамы.

Быстрые успѣхи, сдѣланные физикою и астрономіею въ концѣ XV столѣтія, содѣйствовали и усовершенствованію мореплаванія. Самая насущная потребность мореплавателей, конечно, уже удовлетворена была введеніемъ въ употребленіе компаса, который во время крестовыхъ походовъ, благодаря арабамъ, заимствовавшимъ его отъ китайцевъ, появился на берегахъ Средиземнаго моря и—въ видѣ буссоли, по Амальфи,—у генуэзцевъ и венеціянцевъ. Но все-таки не было еще возможности, при продолжительныхъ плаваніяхъ на открытомъ морѣ, вдали отъ материка, точно наблюдать истинную высоту каждаго мѣста и опредѣлить его положеніе на земной поверхности. Всѣ попытки, сдѣланныя до сихъ поръ для устраненія этого затрудненія, были тщетны. Наконецъ помогъ этому дѣлу Бегаймъ.

Мартинъ Бегаймъ, сынъ суконнаго фабриканта въ Нюрнбергѣ, былъ ученикомъ извѣстнаго въ свое время астронома и математика, который основалъ въ Нюрнбергѣ механическую мастерскую и призванъ былъ папою въ Римъ для пересмотра календаря. Будучи еще молодымъ купцомъ, Мартинъ Бегаймъ отправился черезъ Фландрію въ Португалію (1480 г.), гдѣ онъ принималъ такое живое участіе въ открытіяхъ того времени, что уже въ 1483 г. король назначилъ его членомъ коммисіи, которой поручено было улучшить морскія науки и обсудить предложенія Коломба относительно новыхъ открытій. Король зналъ, конечно, что посредствомъ компаса можно при плаваніи опредѣлить страны свѣта; но при этомъ мореходецъ не могъ знать, подъ какимъ градусомъ широты онъ находится. Король возложилъ на коммисію устраненіе этого неудобства. Инструментъ, который могъ бы служить для этой цѣли (астролябій для опредѣленія высоты солнца) не совсѣмъ чуждъ былъ португальцамъ, но онъ не могъ быть употребляемъ на качающихся корабляхъ, да притомъ онъ былъ слишкомъ великъ и приготовлялся изъ дерева. До сихъ поръ употребляли его лишь на материкѣ. Мартинъ Бегаймъ, выросшій въ механическихъ мастерскихъ Нюрнберга, въ которыхъ приготовлялись лучшіе компасы для всѣхъ европейскихъ мореходцевъ, изобрѣлъ другой астролябій, который можно было привѣшивать какъ маятникъ къ мачтѣ такимъ образомъ, что онъ при незначительной качкѣ оставался по своей тяжести въ надлежащемъ вертикальномъ положеніи.

Примѣненіе новаго астролябія повело къ самымъ блистательнымъ результатамъ, чему много содѣйствовали извѣстныя эфемериды Регіомонтануса,—астрономическія таблицы, на которыхъ вычислено было стояніе солнца и другихъ небесныхъ тѣлъ впередъ на 32 года (отъ 1474 до 1506), что было весьма важно для мореходцевъ. Всѣ великіе мореплаватели того времени, Коломбъ, Васко де-Гама, Каботъ, Магеланъ, осуществили свои открытія, благодаря изобрѣтенію астролябія.

Португальскій капитанъ Діэго Камъ, котораго Бегаймъ сопровождалъ въ качествѣ астронома во время плаванія вдоль западнаго берега Африки, съ помощію астролябія очень скоро проѣхалъ по направленію отъ С. къ Ю. 280 геогр. миль. Онъ открылъ рѣку Заиру, царство негровъ Конго и проникъ за 6° ю. ш. Онъ открылъ острова Св. Ѳомы и Принца

Діэго Камъ вывезъ изъ новооткрытаго царства Конго нѣсколько уроженцевъ, которые добровольно отправились съ нимъ въ Португалію. Въ Лиссабонѣ они охотно приняли крещеніе и подтвердили давнишнее предположеніе португальцевъ о существованіи среди язычниковъ обширнаго царства священника Іоанна. Владѣнія его, по ихъ показаніямъ, находились на 250 миль отъ берега, между Ниломъ Египта и землями черныхъ. По ихъ показаніямъ, царство Іоанна не менѣе другихъ царствъ негровъ сильно притѣсняемо магометанами. Безъ сомнѣнія, эти свѣдѣнія дошли въ Конго посредствомъ караванной торговли, которая тогда уже существовала во внутренней Африкѣ.

Въ концѣ августа 1486 года король Іоаннъ II отправилъ Бартоломея Діаца съ двумя кораблями, чтобы отыскать наконецъ неизвѣстное царство христіанскаго царя и священника, окруженное со всѣхъ сторонъ язычниками. Король приказалъ обходиться ласково со всѣми новыми народами и давать имъ дары для того, чтобы получить отъ нихъ нѣкоторыя извѣстія о царѣ-священникѣ и побудить ихъ доставить ему пріятное извѣстіе о скоромъ прибытіи его единовѣрцевъ. Бартоломей Діацъ направился прямо къ Конго, чтобы оттуда начать свои открытія. Но ему пришлось много бороться съ бурями и теченіями океана; сильныя юго-восточныя бури унесли его корабли отъ берега. Скоро экспедиція совсѣмъ потеряла изъ виду материкъ и стала блуждать по открытому морю. Затѣмъ Діацъ плылъ тринадцать дней обратно отъ запада къ востоку. Онъ переплылъ уже 36° ю. ш., слѣдовательно, находился уже за южной оконечностью Африки; онъ, дѣйствительно, обогнулъ ее, самъ того не замѣчая. Не видя материка, португальцы снова стали плыть къ сѣверу и лишь на этомъ обратномъ пути они увидѣли берегъ. Они пристали къ берегу въ заливѣ новооткрытой южной земли, который съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ подъ названіемъ Моссельбая. На островѣ, лежащемъ къ востоку отъ него, они водрузили, въ знакъ своего открытія и владѣнія, крестъ съ португальскимъ гербомъ. Поэтому островъ до сихъ поръ сохранилъ названіе Санта-Круцъ (Св. Креста). Жители береговъ бѣжали, такъ что не было возможности познакомиться съ ними. Португальцы плыли еще дальше на востокъ до устья большой рѣки, которая получила названіе Ріо Инфанте, въ честь капитана втораго корабля, Іоанна Инфанте. Это—нынѣшняя большая Рыбная рѣка.

Между тѣмъ матросы стали тяготиться трудностями плаванія, начинали роптать и требовать возвращенія. Съѣстные припасы, дѣйствительно, истощились. Діацъ долженъ былъ исполнить ихъ желаніе. На возвратномъ пути, по направленію къ западу, онъ увидѣлъ замѣчательный южный мысъ стараго свѣта, съ величественною Столовою горою, который онъ прежде, во время опасной бури, объѣхалъ незамѣтно. Теперь, дѣйствительно, открылся европейцамъ новый міръ земель и морей,—Индійскій. Въ память бурь, которымъ Діацъ подвергся у этого мыса, онъ назвалъ его Cabo tormentoso. Когда же онъ передалъ королю о своемъ великомъ открытіи, то король переименовалъ мысъ въ Cabo de Boa Esperança, въ надеждѣ открыть вскорѣ морской путь въ Индію. Діацъ употребилъ на свое плаваніе слишкомъ годъ и четыре мѣсяца и открылъ слишкомъ 270 геогр. миль берега. Такимъ образомъ онъ первый сдѣлалъ это открытіе, а не Васко де-Гама, которому приписывали это въ позднѣйшее время.

Удачное плаваніе Діаца вокругъ южнаго мыса вызвало такой энтузіазмъ всѣхъ мореходныхъ народовъ, особенно португальцевъ, что король Эмануилъ Великій (1495—1521) рѣшилъ отправить немедленно Васко де-Гаму въ Индію. Одновременное великое открытіе Коломба (1492) на западѣ Атлантическаго океана еще болѣе ускорило экспедицію Васко де-Гамы.

Чтобы предупредить испанцевъ съ востока въ завладѣніи Новымъ Свѣтомъ, португальцы поспѣшили своею экспедиціею въ Индію. Во второй годъ царствованія короля Эмануила (1497) Васко-де-Гама отправленъ былъ для открытія Остъ-Индіи и для заключенія союза съ царемъ-священникомъ Іоанномъ противъ общаго врага, мавровъ и арабовъ. Это необходимо было для того, чтобы обезопасить предполагаемую торговлю съ Индіею по Индійскому морю. Гостепріимныя гавани Абиссиніи при входѣ въ Красное море и Индійскій океанъ представлялись весьма важными для новыхъ предпріятій.

Васко-де-Гама плылъ весьма благополучно на трехъ корабляхъ съ 170 матросами и съ тѣмъ же лоцманомъ, который сопровождалъ Бартоломея Діаца. Эта экспедиція расширила землевѣдѣніе на цѣлую четверть глобуса. Васко первый изъ европейскихъ мореплавателей переплылъ Индійскій океанъ до его восточныхъ границъ точно такъ, какъ Коломбъ первый достигъ западныхъ границъ Атлантическаго океана. Осенью 1497 года Васко высадился на юго-западномъ берегу Африки, на разстояніи около $1^1/_2{}^0$ широты отъ мыса Доброй Надежды, въ заливѣ Св. Елены.

Вскорѣ Васко де-Гама отправился далѣе на югъ, и наконецъ 20-го ноября 1497 года, при чудномъ, ясномъ солнечномъ днѣ, съ громкимъ ликованіемъ, при звукахъ трубъ и литавръ, эскадра его объѣхала мысъ Доброй Надежды.

Въ восточныхъ заливахъ португальцы нашли множество людей и большія стада, а въ моряхъ имъ попадались тюлени и киты. На востокѣ Васко высадился на выдающійся берегъ, обитаемый племенами коричневаго цвѣта — каффрами. Названіе это португальцы заимствовали отъ своихъ сосѣдей—арабовъ. Такъ какъ они высадились на этотъ берегъ въ праздникъ Рождества Христова, то онъ получилъ названіе Terra Natal. Жители этого берега встрѣтили португальцевъ такъ дружески и радушно, что слѣдующій заливъ получилъ названіе de Boa Paz, заливъ мира, а берегъ, гдѣ теперь воинственные каффры постоянно враждуютъ съ европейцами, назвали они землей добрыхъ людей, de Boa Gente. Такимъ образомъ открыта была южная и восточная Африка.

Послѣ этого Васко направился къ сѣверу, къ экватору, придерживаясь близко восточнаго берега Африки. Такимъ образомъ онъ достигъ Мозамбика, Момбазы и Мелинда,—три города, въ которыхъ португальцы нашли хорошія зданія, рынки, корабли и даже довольно важную торговлю съ Индіей. Эти три царства основаны арабами, которыхъ колоніи достигли этихъ предѣловъ. Въ Мелиндѣ Васко нашелъ торговую колонію индійцевъ, которыхъ родину онъ искалъ. Ничто не могло быть важнѣе для достиженія его главной цѣли. Это была колонія баніановъ, т. е. изъ касты индійскихъ купцовъ и мореплавателей. Колонисты снабдили Васко лоцманами, при помощи которыхъ онъ благополучно переплылъ по направленію къ востоку Индійскій океанъ и высадился на Малабарскомъ берегу въ гавани Калькута (1488). Калькута была тогда резиденціею

одного браминскаго царя, у котораго португальцы просили аудіенцію. Португальцы нашли у него радушный пріемъ, что было для нихъ весьма важно, потому что они пріобрѣли въ немъ сильнаго союзника противъ мусульманъ. Впослѣдствіи они худо отплатили ему за гостепріимство: они свергли его съ престола и завладѣли его прибрежной страною.

Такимъ образомъ преграда между Западомъ и Востокомъ, которую образовалъ въ средніе вѣка магометанскій міръ, была наконецъ преодолѣна, и морской путь въ Остъ-Индію былъ проложенъ. Съ тѣхъ поръ раскрывается широкое поприще для дальнѣйшихъ открытій, колонизаціи и торговли.

XV. ХРИСТОФОРЪ КОЛОМБЪ И ОТКРЫТІЕ НОВАГО СВѢТА.

(По соч. Вашингтона Ирвинга).

Многіе города оспариваютъ честь называться родиной Коломба; но всего вѣрнѣе то, что онъ родился въ Генуѣ въ 1436 г. Отецъ его, простой ремесленникъ, былъ бѣдный, но честный и всѣми уважаемый человѣкъ. Христофоръ былъ старшій изъ его четверыхъ дѣтей. Воспитаніе онъ получилъ, хотя и не блестящее, но довольно основательное для небольшихъ средствъ его родителей и даже пробылъ нѣкоторое время въ высшемъ училищѣ въ Павіи, хотя уже 14-ти лѣтъ вышелъ оттуда. Еще съ ранняго дѣтства онъ обнаруживалъ сильнѣйшій интересъ къ географіи и непобѣдимое влеченіе къ морю и потому съ жаромъ изучалъ всѣ науки, которыя имѣли отношеніе къ морскому поприщу.

Чтобы понять такого рода направленіе въ молодомъ человѣкѣ, необходимо обратить вниманіе на общее настроеніе умовъ XV столѣтія, столь обильнаго открытіями и изобрѣтеніями. Возрожденіе древне-классической литературы много способствовало возбужденію интереса къ географическимъ изслѣдованіямъ. Особенное вниманіе обратили на себя сочиненія Птоломея, Плинія, Помпонія Мелы и Страбона, которыя послужили основаніемъ для дальнѣйшаго развитія землевѣдѣнія. Сочиненіе Птоломея имѣло даже въ короткое время два перевода и читалось нарасхватъ. Открытія португальцевъ вдоль западныхъ береговъ Африки еще усилили этотъ интересъ къ географіи, въ особенности же въ приморскомъ и торговомъ городѣ, какова была Генуя.

Генуя, окруженная со стороны твердой земли высокими горами, представляла небольшое поле для предпріятій на сушѣ, тогда какъ обширная торговля со стороны моря и неустрашимый флотъ, объѣзжавшій всѣ моря, естественно привлекали на волны ихъ молодыхъ людей смѣлаго и предпріимчиваго характера, каковъ былъ и Коломбъ. Онъ самъ говоритъ, что въ первый разъ отправился въ море 14-ти лѣтъ. Жизнь моряка на Средиземномъ морѣ состояла въ ту эпоху изъ ряда опасныхъ приключеній и отчаянныхъ схватокъ; морскіе разбои почти покровительствовались властями. Частые раздоры между итальянскими республиками, цѣлыя эскадры простыхъ искателей приключеній, то употребляемыхъ непріятельскими правительствами, то разъѣзжавшихъ по морямъ по своей охотѣ для незаконной добычи, экспедиціи, предпринимаемыя запад-

ными христіанами противъ магометанскихъ владѣній — все это дѣлало тѣсныя моря, на которыхъ было сжато все тогдашнее мореплаваніе, мѣстомъ жесточайшихъ встрѣчъ и страшныхъ бѣдствій. Эта суровая школа, которую прошелъ Коломбъ, доставила ему то практическое знаніе, ту непоколебимую рѣшимость, то постоянное умѣніе владѣть собой, которыми онъ отличался впослѣдствіи. Лишенія и препятствія не подавили его геніальной натуры.

Изъ разныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до насъ объ экспедиціяхъ Коломба въ ту эпоху, достовѣрно только то, что онъ былъ нѣкоторое время начальникомъ экспедиціи, снаряженной неаполитанскимъ королемъ противъ тунисскихъ пиратовъ. Въ ней онъ обнаружилъ тотъ духъ настойчивости и непреклонной твердости, который впослѣдствіи обезпечилъ успѣхъ его важнѣйшихъ предпріятій. На половинѣ пути экипажъ Коломба былъ встревоженъ извѣстіемъ о многочисленности пиратовъ и отказался плыть далѣе, требуя, чтобы судно возвратилось за подкрѣпленіемъ въ Марсель. Не имѣя возможности принудить экипажъ плыть далѣе, Коломбъ сдѣлалъ видъ, что согласился, перемѣнилъ направленіе корабля и поднялъ паруса. Дѣло было вечеромъ, а на другое утро они очутились на высотѣ Карѳагена, тогда какъ всѣ были убѣждены, что плывутъ въ Марсель.

Слава объ открытіяхъ португальцевъ, объ ихъ частыхъ экспедиціяхъ, отправляющихся въ море, привлекала въ Лиссабонъ толпы иностранцевъ, между которыми въ 1470 году оказался и Коломбъ. Онъ былъ въ то время уже въ полномъ развитіи своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Наружность онъ имѣлъ благородную и величественную, былъ высокъ ростомъ, строенъ и силенъ; объяснялся онъ свободно и краснорѣчиво и былъ чрезвычайно ласковъ въ обхожденіи со всѣми. Не смотря на природную раздражительность характера, Коломбъ умѣлъ умѣрять свои порывы душевной силой и отличался строгой религіозностью, соединенной съ тѣмъ благороднымъ энтузіазмомъ, которымъ былъ запечатлѣнъ весь его характеръ. Въ Лиссабонѣ Коломбъ познакомился съ дочерью покойнаго губернатора острова Порто-Санто, считавшагося однимъ изъ лучшихъ мореходцевъ при жизни принца Генриха. Знакомство обратилось во взаимную привязанность и закончилось бракомъ, который утвердилъ пребываніе Коломба въ Лиссабонѣ. Мать его жены, замѣтивъ сильный интересъ зятя къ морскимъ предпріятіямъ, разсказывала ему, что знала объ экспедиціяхъ своего мужа, и отдала ему всѣ карты и корабельные дневники покойнаго. Это были драгоцѣнные матеріалы для Коломба. Онъ сталъ изучать всѣ пути, которыми слѣдовали португальцы, и самъ принималъ иногда участіе въ экспедиціяхъ, посылаемыхъ на Гвинейскій берегъ. Возвращаясь въ Лиссабонъ, онъ занимался составленіемъ картъ и глобусовъ для продажи и этимъ добывалъ средства къ содержанію своего семейства. Составленіе вѣрной и исправной карты требовало въ то время необыкновенныхъ познаній и опытности. Карты XV вѣка представляли странную смѣсь истины и самыхъ дикихъ заблужденій, а потому и познанія и искусство такого географа, какъ Коломбъ, естественно обратили на него вниманіе ученыхъ того времени. Уже въ 1474 году онъ былъ въ перепискѣ съ извѣстнѣйшимъ флорентійскимъ ученымъ Пауло Тосканелли, и переписка эта много способствовала развитію великой идеи Коломба. Сравнивая безпрестанно карты, наблюдая

степени дальности путей и направленіе мореплавателей, онъ былъ пораженъ тѣмъ, что столь огромная часть земнаго шара остается неизвѣстною, и это навело его на мысль о возможности дальнѣйшихъ открытій. Переселившись по семейныхъ обстоятельствамъ на островъ Порто-Санто, онъ находился въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ путешественниками, отправлявшимися въ Гвинею или ѣдущими изъ нея обратно, и это давало постоянно новую пищу его соображеніямъ и планамъ. Всеобщее броженіе умовъ подъ вліяніемъ совершившихся открытій было таково, что часто порождало слухи о неизвѣстныхъ островахъ, замѣчаемыхъ на океанѣ, и нерѣдко поводомъ къ тому служили облака, разстилавшіяся неподвижно надъ горизонтомъ. Коломбъ, однако, не раздѣлялъ этихъ заблужденій и старался найти болѣе положительныя данныя для подтвержденія своихъ мыслей. Съ этой цѣлью онъ сталъ изучать все, что было написано по географіи съ древнѣйшихъ временъ, тщательно разбирая и провѣряя различныя теоріи, на основаніи собственныхъ опытовъ и современныхъ извѣстій.

Итакъ, Коломбъ основывалъ свою теорію на слѣдующихъ данныхъ:

1) Принимая за аксіому, что земля имѣетъ видъ шара, который можно объѣхать отъ востока на западъ, и что у насъ есть антиподы, Коломбъ, подобно Птоломею, раздѣлилъ поверхность земли по экватору на 24 часа, по 15° каждый. Сравнивая глобусъ Птоломея съ древнѣйшей картой Марино Тирскаго, онъ опредѣлилъ, что изъ числа этихъ 24-хъ часовъ древнимъ извѣстны были только 15, т. е. пространство отъ Гибралтарскаго пролива до города Фине въ Азіи. Португальцы же открытіемъ острововъ Азорскихъ и Зеленаго Мыса подвинули западную границу еще на одинъ часъ, но еще цѣлая треть земной поверхности оставалась неизвѣстной. Большая часть этого пространства могла быть занята, по мнѣнію Коломба, восточными странами Азіи, такъ что, отправляясь отъ востока на западъ, мореходецъ долженъ приплыть къ восточной окраинѣ Азіи или Индіи и открыть всѣ земли и острова, лежащіе на пути къ ней.

2) На основаніи сочиненій Аристотеля, Плинія и Страбона Коломбъ полагалъ, что междуземный океанъ не можетъ быть слишкомъ обширенъ и что переѣхать его не трудно, особенно если допустить мнѣніе арабскаго космографа, Альфрагена, который, уменьшивъ величину градусовъ, призналъ вмѣстѣ съ тѣмъ и меньшую величину земли. Повѣствованія путешественниковъ, Марко-Поло и Мандевиля, посѣтившихъ въ XIII и XIV столѣтіи восточныя страны Азіи гораздо далѣе описанныхъ Птоломеемъ, еще болѣе утвердили его въ убѣжденіи объ относительной близости азіятскихъ береговъ.

3) Возбужденный къ этому изслѣдованію, Коломбъ пользовался для подкрѣпленія своихъ мнѣній всѣми обстоятельствами, какъ бы темны и ничтожны они ни казались. Съ этой цѣлью онъ тщательно собиралъ различныя свѣдѣнія и показанія отъ моряковъ и жителей вновь открытыхъ острововъ. Таковы были, напримѣръ, разсказы объ отрубкѣ дерева, найденномъ въ водѣ на разстояніи 450 миль на западъ отъ мыса Санъ-Винцента и, видимо, отрубленномъ не желѣзнымъ инструментомъ; о тростникѣ необыкновенной толщины, пригнанномъ западнымъ вѣтромъ къ берегамъ вновь открытыхъ острововъ. Изъ описанія этого растенія Коломбъ вывелъ заключеніе, что это тотъ самый огромный тростникъ, о

которомъ упоминаетъ Птоломей, исчисляя произведенія Индіи. Еще большее значеніе имѣло показаніе жителей Азорскихъ острововъ объ обломкахъ исполинскихъ сосенъ неизвѣстной породы, заносимыхъ западными вѣтрами и, въ особенности, о двухъ человѣческихъ трупахъ, лица которыхъ не имѣли никакого сходства съ лицами людей всѣхъ извѣстныхъ породъ.

Переписка съ Тосканелли и присланная имъ карта еще болѣе воспламенили воображеніе Коломба. На картѣ этой, составленной частію по свидѣтельствамъ Птоломея, частію же по описанію Марко-Поло, восточный берегъ Азіи былъ означенъ противъ западныхъ береговъ Африки и Европы и отдѣленъ отъ нихъ небольшимъ пространствомъ океана, на которомъ были размѣщены предполагавшіеся острова Чипанго, Антиллы и др.

Странно, до какой степени успѣхъ этого предпріятія зависѣлъ отъ двухъ счастливыхъ заблужденій: отъ мнимаго протяженія Азіи по направленію къ востоку и отъ воображаемой малости земли.

Когда Коломбъ составилъ свою теорію, она укоренилась въ его умѣ съ удивительной силою и имѣла вліяніе на весь его характеръ и на всѣ его поступки. Онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ полнымъ убѣжденіемъ, и никакое препятствіе не могло отвратить его отъ твердаго и постояннаго преслѣдованія своихъ плановъ. Въ то же время, проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ, онъ смотрѣлъ на себя, какъ на посланника Божія, избраннаго для исполненія его великихъ предначертаній. Энтузіазмъ, которымъ онъ былъ воодушевленъ, сообщался его словамъ, самой осанкѣ.

Португальскій дворъ съ необыкновенной щедростью вознаграждалъ морскія предпріятія. Почти всѣ совершившіе отъ его имени отдаленныя экспедиціи были назначены губернаторами тѣхъ острововъ и земель, которыя они открыли, хотя многіе изъ нихъ были иностраннаго происхожденія. Ободренный этими примѣрами и страстнымъ желаніемъ короля Іоанна II проложить путь къ Индіи моремъ, Коломбъ предложилъ ему открыть путь самый короткій, если король снабдитъ его людьми и кораблями. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы, бросивъ африканскій берегъ, устремиться къ Индіи прямо на западъ черезъ Атлантическій океанъ. При этомъ онъ, подъ вліяніемъ описаній Марко-Поло, распространился о несмѣтныхъ богатствахъ острова Чипанго — первой земли, которую онъ надѣялся встрѣтить. Доводы Коломба произвели впечатлѣніе на короля, и онъ передалъ это предложеніе на разсмотрѣніе особой коммисіи, занимавшейся разсмотрѣніемъ всѣхъ дѣлъ, касающихся морскихъ открытій. Ученая коммисія объявила предположеніе Коломба нелѣпымъ и несбыточнымъ, и даже изъ среды ея стали возвышаться голоса противъ всякаго рода открытій. Не смотря на это, нѣкоторые изъ совѣтниковъ короля, замѣтивъ его недовольство ихъ рѣшеніемъ, уговорили его употребить хитрость, посредствомъ которой онъ могъ бы воспользоваться всѣми выгодами открытія, не унижая своего достоинства вступленіемъ въ формальныя условія насчетъ предпріятія, которое могло оказаться нелѣпымъ. Хитрость эта заключалась въ томъ, чтобы, не давая Коломбу положительнаго отвѣта, вытребовать отъ него подробный планъ предполагаемаго имъ путешествія съ картами и прочими документами, какъ-бы для разсмотрѣнія въ совѣтѣ, а между тѣмъ снарядить

корабль по указанному имъ направленію. Король, отличавшійся обыкновенно великодушіемъ и справедливостью, на этотъ разъ имѣлъ слабость поддаться пагубному вліянію и послѣдовать дурному совѣту. Корабль былъ отправленъ; но, проплывъ нѣсколько дней на западъ при бурной погодѣ и видя передъ собой безконечное пространство грозныхъ волнъ, лоцманы потеряли бодрость и возвратились въ Лиссабонъ, безусловно отвергая проэктъ Коломба. Узнавъ объ этой низкой измѣнѣ, Коломбъ былъ крайне возмущенъ и отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ, когда король хотѣлъ ихъ возобновить. Смерть жены его разорвала послѣднія связи его съ Португаліей, и онъ рѣшился оставить страну, гдѣ съ нимъ поступили такъ коварно. Въ концѣ 1484 г. онъ уѣхалъ изъ Лиссабона съ сыномъ своимъ Діего и прибылъ въ Геную, гдѣ повторилъ свое предложеніе генуэзскому правительству. Но генуэзская республика находилась въ такомъ положеніи, при которомъ не могла думать о подобныхъ предпріятіяхъ. Ея огромное складочное мѣсто въ Крыму—Кафора было только что завоевано турками, которые угрожали и самый флотъ генуэзскій изгнать изъ Архипелага. Такимъ образомъ, она уклонилась отъ предложенія, которое могло дать ей блистательныя выгоды и утвердить скипетръ торговли въ рукахъ Италіи.

Недалеко отъ приморскаго города Палоса, въ Андалузіи, находится древній францисканскій монастырь. Однажды у воротъ этого монастыря остановился пѣшій странникъ съ мальчикомъ и попросилъ у привратника немного хлѣба и воды для своего сына. Въ это время случайно проходилъ настоятель монастыря Пересъ-де-Морчена и былъ пораженъ наружностью незнакомца. Замѣтивъ по его произношенію, что онъ иностранецъ, настоятель вступилъ съ нимъ въ разговоръ и скоро узналъ главныя подробности его жизни. Этотъ странникъ былъ Коломбъ съ сыномъ своимъ Діего; онъ шелъ въ ближній городъ для свиданія съ своимъ зятемъ. Настоятель былъ человѣкъ образованный, онъ много занимался географіей и навигаціей, и встрѣча съ человѣкомъ, замышляющимъ такое великое предпріятіе, произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ просилъ Коломба погостить у него, пригласилъ своего друга, палосскаго врача Фернандеса, и втроемъ они много совѣщались по этому предмету. Убѣдившись, что предполагаемое предпріятіе можетъ принести величайшую пользу его отечеству, Хуанъ Пересъ обѣщалъ доставить Коломбу благопріятный пріемъ при дворѣ и совѣтовалъ ему немедленно представить свое предложеніе королю и королевѣ. Онъ далъ ему рекомендательное письмо къ духовнику королевы Талаберѣ, который пользовался ея величайшимъ довѣріемъ. Весною 1486 года, когда Фердинандъ и Изабелла прибыли въ Кордову для приготовленія своихъ войскъ къ походу противъ гренадскихъ мавровъ, Коломбъ отправился ко двору съ полной надеждой, что убѣдительное письмо Переса къ Талаберѣ исходатайствуетъ ему скорую аудіенцію. Однако и здѣсь онъ горько обманулся въ своихъ надеждахъ. Онъ не только не нашелъ себѣ немедленнаго покровительства двора, но даже не могъ добиться аудіенціи. Талабера взглянулъ на его планъ, какъ на вздорную мечту, бѣдность же его костюма и иностранное происхожденіе не могли служить хорошей рекомендаціей въ глазахъ придворныхъ. Несомнѣнно также, что положеніе дѣлъ въ Испаніи въ ту пору вовсе не благопріятствовало предложенію

Коломба. Война съ маврами была во всемъ разгарѣ, король и королева сами участвовали во всѣхъ походахъ, и дворъ представлялъ видъ передвижнаго воинскаго стана. Война требовала большихъ издержекъ, и трудно было рѣшиться на новыя затраты, производительность которыхъ еще не была доказана. Не смотря на всѣ неудачи, Коломбъ прожилъ лѣто и осень въ Кордовѣ, въ надеждѣ, что время и постоянство его усилій доставятъ ему наконецъ сильныхъ покровителей. Дѣйствительно, благородство его пріемовъ и чувство глубокаго убѣжденія, которымъ дышали его рѣчи, снискали ему друзей, изъ которыхъ главную роль играли: государственный казначей Кастиліи, папскій нунцій и братъ его—наставникъ королевскихъ дѣтей. Съ ихъ помощью онъ былъ представленъ знаменитому толедскому архіепископу и великому кардиналу Испаніи Мендосѣ. Этотъ человѣкъ былъ важнѣйшей особой при дворѣ, и ни одна мѣра не была предпринимаема безъ его совѣта. Подобно бо́льшей части ученыхъ своего вѣка, онъ имѣлъ ограниченныя понятія о космографіи и не чуждъ былъ религіознаго фанатизма. Убѣдившись, однако, въ томъ, что въ предложеніяхъ Коломба нѣтъ ничего противнаго религіи, ученый кардиналъ принялъ его благосклонно и понялъ величіе его идеи. По его протекціи, Коломбъ получилъ аудіенцію у Фердинанда и Изабеллы. Онъ явился передъ ними безъ замѣшательства, почитая себя орудіемъ, избраннымъ самимъ небомъ.

Возможность открытій гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, которыя прославили Португалію, возбуждала честолюбіе Фердинанда; но, всегда холодный и осторожный, онъ рѣшился прежде посовѣтоваться съ ученѣйшими людьми королевства и затѣмъ послѣдовать ихъ рѣшенію. Итакъ, онъ передалъ это дѣло Талаберѣ, уполномочивъ его собрать ученѣйшихъ астрономовъ и космографовъ для обсужденія теорій Коломба.

Любопытное совѣщаніе по поводу предложенія Коломба происходило въ Саламанкѣ, въ доминиканскомъ монастырѣ св. Стефана. Въ эту эпоху въ Испаніи религія и наука состояли между собою въ самой тѣсной связи. Сокровища литературы были заключены въ монастыряхъ, профессорскія каѳедры занимались исключительно духовными, и всѣ важнѣйшія должности находились въ рукахъ монаховъ.

Совѣтъ былъ составленъ изъ профессоровъ географіи, астрономіи, математики, также изъ многихъ сановниковъ церкви и нѣсколькихъ ученыхъ монаховъ. Передъ этимъ-то ученымъ собраніемъ явился Коломбъ для защиты своихъ доводовъ. Онъ былъ увѣренъ, что если только ему удастся высказаться передъ собраніемъ людей просвѣщенныхъ, онъ неминуемо сообщитъ ихъ умамъ то убѣжденіе, которымъ былъ проникнутъ самъ. Но большая часть ученой юнты была предубѣждена противъ него, какъ противъ бѣднаго просителя. Въ то же время многія возраженія, сдѣланныя Коломбу, служатъ доказательствомъ суевѣрія и предразсудковъ, которыми были проникнуты его слушатели. Вмѣсто ученыхъ доводовъ, которыхъ ожидалъ Коломбъ, ему приводили ложнотолкуемыя мѣста изъ библіи, Новаго Завѣта и другихъ священныхъ книгъ. Такъ, напримѣръ, предположеніе о существованіи антиподовъ въ южномъ полушаріи, вполнѣ принятое умнѣйшими людьми древности, было подвергнуто жесточайшимъ нападкамъ на основаніи сочиненій Лактанція: «Можетъ ли быть, восклицаетъ Лактанцій, что нибудь нелѣпѣй мнѣнія, будто есть

на землѣ люди, у которыхъ ноги въ обратномъ положеніи съ нашими, которые ходятъ ногами вверхъ, а головами внизъ, а дождь, снѣгъ и градъ падаютъ снизу вверхъ» и т. д. Но возраженія болѣе опасныя были приведены изъ св. Августина, который говоритъ, что «ученіе объ антиподахъ несходно съ основаніями религіи, потому что это значило бы утверждать, что есть люди, которые не происходятъ отъ Адама, ибо невозможно, чтобы они перешли черезъ океанъ, окружающій всю землю». Другіе, болѣе знакомые съ наукой, хотя и допускали сферическій видъ земли и существованіе полушарія діаметрально противоположнаго и обитаемаго, но, слѣдуя мнѣніямъ древнихъ, утверждали, что его невозможно достигнуть, вслѣдствіе нестерпимаго зноя жаркаго пояса. Наконецъ приводили возраженія такого рода, что еслибы и удалось кораблю достигнуть оконечности Индіи, то онъ никогда не могъ бы возвратиться оттуда, такъ какъ выпуклость шара представляла бы ему родъ необозримой горы, которую невозможно переѣхать.

Отвѣчая на возраженія, приведенныя изъ священнаго писанія, Коломбъ говорилъ, что священныхъ книгъ не должно понимать въ буквальномъ смыслѣ, что святые отцы не употребляли языка техническаго, подобно космографамъ, а говорили иносказательно и что, при всемъ своемъ уваженіи къ ихъ истолкованіямъ въ смыслѣ благочестивыхъ поученій, онъ не можетъ смотрѣть на нихъ, какъ на предположенія ученыя, которыя можно было бы допускать или отвергать.

Устранивъ такимъ образомъ опаснѣйшую часть преній и переходя къ опроверженіямъ, извлеченнымъ изъ древнихъ философовъ, онъ сталъ доказывать, что знаменитѣйшіе изъ нихъ вѣрили обитаемости обоихъ земныхъ полушарій, но полагали, что жаркій поясъ преграждаетъ всякое сообщеніе между ними. Но и это опроверженіе устраняется тѣмъ, что онъ самъ былъ въ Гвинеѣ почти подъ самой равноденственной линіей и удостовѣрился, что эта полоса земли обитаема и производитъ въ изобиліи растенія и плоды. Коломбу удалось, наконецъ, склонить на свою сторону просвѣщеннѣйшихъ людей университета, но большинство, исполненное закоренѣлаго невѣжества и педантической гордости, одержало перевѣсъ, не соглашаясь уступить доказательствамъ ничтожнаго пришлеца, неимѣющаго академическихъ дипломовъ.

Совѣщанія, начавшіяся въ Саламанкѣ, были прерваны отъѣздомъ двора въ Кордову весною 1487 года. Въ то время открывалась знаменитая кампанія противъ Малаги. Коломбъ всюду слѣдовалъ за дворомъ, надѣясь, что его потребуютъ снова. Ему пришлось перенести много насмѣшекъ и оскорбленій за это время. Одни называли его мечтателемъ, другіе пятнали именемъ шарлатана. Даже дѣти, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, указывали на голову, намекая на то, что онъ сумасшедшій. Наконецъ, зимою 1491 года, послѣ многихъ хлопотъ и усилій со стороны Коломба, совѣтъ былъ созванъ снова, и Талабера представилъ монархамъ донесеніе ученаго общества. Общимъ мнѣніемъ юнты предположеніе Коломба признано несбыточнымъ и нелѣпымъ. Не смотря на это, однако, нѣкоторые болѣе просвѣщенные члены совѣта, убѣжденные доводами Коломба, горячо вступились за него передъ Фердинандомъ и Изабеллой. Послѣдніе велѣли сказать Коломбу, что расходы войны не позволяютъ имъ въ настоящее время думать о новыхъ предпріятіяхъ, но по окончаніи войны они займутся его дѣлами.

Коломбъ принялъ это обѣщаніе за желаніе избавиться отъ его докучливости и уѣхалъ съ сердцемъ, исполненнымъ негодованія и горечи.

Потерявъ надежду на успѣхъ при дворѣ, онъ задумалъ склонить въ пользу своего предпріятія какого нибудь богатаго и могущественнаго вельможу. Въ Испаніи въ то время было много чрезвычайно сильныхъ грандовъ, скорѣе похожихъ на независимыхъ королей, чѣмъ на частныхъ владѣльцевъ. Одинъ изъ нихъ (Медина-Сели) уже готовъ былъ дать Коломбу 3 или 4 каравеллы, но мысль, что подобная экспедиція можетъ не понравиться королю и королевѣ, заставила его перемѣнить намѣреніе и ограничиться обѣщаніемъ употребить въ его пользу свое вліяніе при дворѣ.

Видя, что жизнь его въ Испаніи проходитъ въ безплодныхъ надеждахъ и безпрерывныхъ разочарованіяхъ, Коломбъ рѣшился наконецъ отправиться въ Парижъ, откуда онъ получилъ благопріятное письмо отъ французскаго короля; но предварительно онъ заѣхалъ въ Равидскій монастырь, чтобы взять оттуда сына своего Діего.

Когда Коломбъ явился снова въ этотъ монастырь послѣ шестилѣтнихъ безплодныхъ домогательствъ при дворѣ, достойный Пересъ былъ глубоко огорченъ его неудачей. Опасаясь, чтобы важное предпріятіе это не погибло безвозвратно для его отечества, онъ рѣшился употребить послѣднія усилія для этой цѣли. Онъ былъ когда-то духовникомъ королевы и зналъ, что люди его званія могутъ имѣть къ ней доступъ; поэтому онъ немедленно написалъ къ ней письмо и просилъ Коломба отсрочить свой отъѣздъ до полученія ея отвѣта. Изабелла уже была предрасположена въ пользу Коломба письмомъ герцога Медина-Сели; поэтому она отвѣтила Пересу просьбой пріѣхать ко двору, Коломбу же велѣла сказать, чтобы онъ ждалъ отъ нея увѣдомленія. Пересъ немедленно отправился въ путь. Еще никто не защищалъ идеи Коломба съ такимъ жаромъ и краснорѣчіемъ, какъ онъ. Онъ говорилъ о глубокой опытности и обширныхъ познаніяхъ Коломба, исчислилъ всѣ выгоды, которыя могло доставить это предпріятіе испанскому престолу. Изабелла обладала характеромъ болѣе пылкимъ и рѣшительнымъ, чѣмъ король: представленія Переса произвели на нее впечатлѣніе. Она потребовала Коломба къ себѣ и приняла его весьма благосклонно. Но это было въ пору сдачи Гренады, сопровождавшейся блистательными празднествами и всеобщимъ торжествомъ. Послѣ ожесточенной борьбы, продолжавшейся около восьми вѣковъ, на мѣсто полумѣсяца водворенъ былъ крестъ. Еще не скоро наступила минута, когда король и королева могли на свободѣ заняться предложеніемъ Коломба. Но вотъ, наконецъ, она назначила особыхъ коммисаровъ для заключенія съ нимъ условій. Коммисары приступили къ дѣлу, но въ самомъ началѣ переговоровъ представились неожиданныя затрудненія: Коломбъ былъ настолько проникнутъ величіемъ своего предпріятія, что потребовалъ условій истинно царскихъ. Онъ хотѣлъ, чтобы прежде отъѣзда его въ экспедицію онъ былъ облеченъ титуломъ и привилегіями адмирала и званіемъ вице-короля всѣхъ странъ, которыя онъ откроетъ; кромѣ того, онъ требовалъ десятой доли всей прибыли отъ своихъ открытій. Талабера, который всегда съ предубѣжденіемъ смотрѣлъ на Коломба, пришелъ въ сильное негодованіе и представилъ Изабеллѣ, что подобныя требованія даже при успѣхѣ предпріятія были бы непомѣрны, въ случаѣ же неудачи подадутъ поводъ къ

насмѣшкамъ надъ легковѣріемъ испанскаго двора и помрачатъ блескъ столь славной короны. Находясь подъ вліяніемъ своего духовника, королева согласилась, что требованія Коломба непомѣрны, и велѣла предложить ему условія болѣе умѣренныя. 18 лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ въ умѣ Коломба зародилась его высокая идея, и, не смотря на всѣ страданія, перенесенныя имъ за эти годы, онъ рѣшился лучше навсегда оставить Испанію, чѣмъ согласиться на постыдный для него договоръ. Когда немногіе друзья Коломба удостовѣрились въ его твердомъ намѣреніи оставить Испанію, они рѣшились на послѣднее усиліе для предотвращенія этого несчастья. Въ числѣ этихъ друзей были сборщикъ церковныхъ доходовъ Аррагоніи Сантъ-Анхель и государственный казначей. Они испросили аудіенцію у королевы и убѣждали ее не полагаться на увѣренія нѣкоторыхъ ученыхъ, которые называютъ этотъ проэктъ фантазіей мечтателя. Въ заключеніе они сообщили королевѣ о вызовѣ Коломба принять на себя восьмую часть издержекъ и объяснили, что все это великое предпріятіе требуетъ не болѣе двухъ кораблей и 300,000 куроновъ.

Воображеніе Изабеллы воспламенилось. Казалось, этотъ давно знакомый ей проэктъ только теперь представился ея уму во всемъ своемъ величіи, и она торжественно объявила себя покровительницей предпріятія.

Но представлялось еще затрудненіе: король смотрѣлъ на это дѣло довольно холодно, а государственные доходы были истощены войной. Но послѣ нѣкотораго колебанія Изабелла воскликнула съ энтузіазмомъ: «Я беру предпріятіе на счетъ своихъ собственныхъ кастильскихъ доходовъ и заложу свои брилліанты, чтобы собрать нужный капиталъ».

Сантъ-Анхель поспѣшилъ воспользоваться ея благороднымъ порывомъ и представилъ ей, что нѣтъ надобности закладывать брилліантовъ, потому что онъ готовъ выдать впередъ нужную сумму изъ церковныхъ доходовъ Аррагоніи. Его предложеніе было принято съ радостью. Послѣ этого королева тотчасъ же послала курьера вернуть съ дороги Коломба. Курьеръ догналъ его недалеко отъ Гренады. Узнавъ объ энтузіазмѣ, съ которымъ королева приняла его дѣло подъ свое покровительство, онъ немедленно возвратился съ полной довѣренностью къ ея благородной честности.

Въ скоромъ времени Коломбъ получилъ аудіенцію у королевы. Наконецъ и король далъ свое согласіе, хотя больше изъ уваженія къ королевѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ, которыхъ Коломбъ ожидалъ отъ своего предпріятія, было распространеніе христіанской вѣры въ обширной и великолѣпной имперіи великаго-хана. Почитая себя какъ-бы избраннымъ свыше для совершенія этого великаго подвига, онъ заранѣе описывалъ королю и королевѣ, какъ вслѣдствіе его открытія установятся дружескія связи съ этой величайшей имперіей, какъ всѣ народы хана стекутся подъ знамя церкви и какъ черезъ это исполнится предсказаніе Св. Писанія, что свѣтъ откровенія распространится до крайнихъ предѣловъ земли. Фердинандъ слушалъ съ удовольствіемъ разсказы Коломба. По понятіямъ того вѣка, всякое государство или страна, которыя не хотѣли признать истинъ христіанской религіи, составляли законную добычу перваго христіанина, который пожелаетъ завладѣть ими, и короля болѣе занимало описаніе богатствъ Манжи и Кафая, чѣмъ обращеніе самого хана съ его подданными въ христіанскую

вѣру. Изабелла же была исполнена святаго рвенія при мысли о совершеніи столь великаго подвига спасенія своихъ ближнихъ.

Кипящій энтузіазмъ Коломба не останавливался на этомъ. Въ одну изъ свободныхъ непринужденныхъ бесѣдъ съ ихъ величествами, онъ сообщилъ имъ о своемъ намѣреніи посвятить пріобрѣтенное такимъ образомъ богатство на благочестивый подвигъ освобожденія гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. И дѣйствительно, этотъ фактъ, на который никто не обратилъ вниманія, былъ одной изъ великихъ цѣлей его честолюбія, дѣломъ, которое занимало всѣ его мысли въ послѣдніе годы его жизни, и было предметомъ особеннаго распоряженія въ его духовномъ завѣщаніи.

Снаряженіе эскадры для экспедиціи было возложено на жителей Палоса, осужденныхъ за какое-то возмущеніе поставлять правительству каждый годъ по двѣ вооруженныхъ корабеллы для морской службы. Третью долженъ былъ снарядить самъ Коломбъ. Когда жители узнали о предположенной экспедиціи, по всему городу распространился неодолимый ужасъ и отчаяніе. Хозяева судовъ отказались дать корабля для такой службы, и самые неустрашимые моряки содрогнулись при вѣсти объ этомъ чудовищномъ предпріятіи. Въ такомъ положеніи дѣло находилось въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, не смотря на вторичный королевскій указъ.

Наконецъ явился Мартинъ Алонсо Пинсонъ, богатый и неустрашимый мореходецъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ на жителей Палоса, и вызвался принять личное участіе въ экспедиціи. Онъ и его братъ имѣли свои корабли и своихъ матросовъ, выставили на свой счетъ одно судно и приняли начальническія мѣста въ эскадрѣ. Примѣръ ихъ произвелъ чудесное дѣйствіе, и съ ихъ помощью къ началу августа всѣ три корабеллы были готовы къ отплытію въ море. Самая большая изъ нихъ Санта-Марія поступила подъ начальство Коломба, другія же двѣ, Пинта и Нина, находились подъ управленіемъ Мартина и Вицента Пинсона.

Коломбъ отплылъ изъ Палоса 3 августа 1492 года и направилъ путь къ Канарскимъ островамъ, откуда намѣревался устремиться прямо на западъ. Но здѣсь онъ принужденъ былъ простоять 4 недѣли для исправленія поврежденной Пинты. Потерявъ изъ виду послѣдній признакъ земли, матросы потеряли вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднюю бодрость. Адмиралъ употребилъ всѣ усилія, чтобы утѣшить ихъ и возбудить въ нихъ свои блистательныя надежды. Но, предвидя, что страхъ ихъ будетъ увеличиваться, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ отечества, онъ прибѣгнулъ къ хитрости, которую и продолжалъ во все время путешествія. Онъ велъ два корабельныхъ дневника, въ которыхъ записывалъ пройденное кораблемъ разстояніе и мѣсто его на морѣ: одинъ, вѣрный,—для короля и королевы, и этотъ журналъ хранилъ въ тайнѣ; другой же, въ которомъ могъ справляться весь экипажъ и въ которомъ ежедневно уменьшалъ по нѣскольку миль дѣйствительно пройденнаго разстоянія. Отклоненіе магнитной стрѣлки къ сѣверо-западу, замѣченное Коломбомъ въ 200 миляхъ отъ острова Ферро, послужило снова поводомъ къ ужасу и отчаянію матросовъ; имъ казалось, что они вступаютъ въ невѣдомый міръ, гдѣ измѣнялись законы природы и господствовали невѣдомыя вліянія. Коломбъ съ обычнымъ присутствіемъ духа объяснилъ имъ это явленіе движеніемъ самой полярной звѣзды, которая, подобно другимъ небеснымъ тѣламъ, имѣетъ

свои перемѣны и обращенія. Наконецъ они вступили въ полосу пассатныхъ вѣтровъ, дующихъ въ эту пору постоянно съ востока на западъ, но и самое это постоянство попутнаго вѣтра возбуждало опасеніе матросовъ. Они думали, что въ этихъ странахъ всегда дуетъ только восточный вѣтеръ, который не допуститъ ихъ возвратиться на родину. Однако, ихъ опасенія мало-по-малу разсѣялись, когда по временамъ сталъ дуть юго-западный вѣтеръ. Въ этой полосѣ они встрѣтили массу плавающихъ растеній, представляющихъ родъ подвижнаго луга, покрытаго множествомъ насѣкомыхъ, что было принято всѣми за признакъ близости земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ кораблей стали появляться стаи птицъ, и это еще болѣе подкрѣпило ихъ надежды. Подъ вліяніемъ этихъ надеждъ, они 25 сентября приняли вечернее облако за землю и съ восторгомъ принесли благодареніе Богу. Но заря разсѣяла, какъ сонъ, всѣ ихъ надежды и повергла ихъ еще въ большее уныніе. Напряженное ожиданіе, постоянныя колебанія между страхомъ и надеждой стали наконецъ переходить въ признаки открытаго недовольства и сопротивленія дальнѣйшему путешествію. Но Коломбъ съ обычной твердостью и спокойствіемъ умѣлъ удерживать ихъ въ границахъ повиновенія. Однихъ онъ обезоруживалъ ласковымъ обращеніемъ, въ другихъ возбуждалъ честолюбіе или жадность къ прибыли; самымъ же безпокойнымъ открыто угрожалъ примѣрнымъ наказаніемъ, если они покусятся въ чемъ нибудь препятствовать экспедиціи. Испанское правительство назначило пенсію въ 30 куроновъ (600 руб.) тому, кто первый увидитъ землю, и это послужило поводомъ къ неоднократнымъ сигналамъ открытія земли, которыя потомъ не осуществлялись. Чтобы положить конецъ этимъ ложнымъ извѣстіямъ, которыя наводили уныніе на экипажи, Коломбъ объявилъ, что каждый, подавшій фальшивый сигналъ, навсегда лишается права на награду. Въ началѣ октября признаки близости земли становились все чаще и очевиднѣе. Стаи маленькихъ птичекъ кружились надъ кораблями, потомъ улетали на юго-западъ. Цапля и утка пролетѣли въ томъ же направленіи. Травы, носившіяся около кораблей, были свѣжи и зелены, какъ будто только что вырванныя изъ земли. Воздухъ былъ такъ пріятенъ и благоухающъ, какъ въ апрѣльское утро въ Севильѣ. Потомъ пронеслась мимо нихъ терновая вѣтвь въ цвѣтахъ; далѣе они достали изъ воды тростникъ, небольшую доску и искусственно обрубленную палку. Вечеромъ 11 октября, послѣ вечерняго гимна Святой Дѣвѣ, Коломбъ произнесъ передъ экипажемъ трогательную рѣчь и затѣмъ предписалъ особенную бдительность матросамъ. Этотъ день онъ провелъ въ мучительной тоскѣ, хотя и старался казаться увѣреннымъ и довольнымъ, и, когда ночная тѣнь скрыла его отъ глазъ экипажа, онъ устремилъ безпокойный взоръ въ темную даль. Вдругъ онъ замѣтилъ вдали мелькающій свѣтъ. Опасаясь оптическаго обмана, онъ подозвалъ къ себѣ двухъ спутниковъ, которые хотя и подтвердили его замѣчаніе, но не придавали ему никакого значенія. Самъ же онъ смотрѣлъ на него, какъ на несомнѣнный признакъ близости земли обитаемой. Въ 2 часа утра 12 октября пушечный выстрѣлъ съ Пинты подалъ радостный сигналъ. Съ разсвѣтомъ дня корабеллы бросили якорь и спустили вооруженныя шлюпки. Коломбъ въ богатомъ пурпуровомъ адмиральскомъ мундирѣ, въ сопровожденіи братьевъ Пинсоновъ, нотаріуса эскадры и др. сошелъ на берегъ, неся передъ собой королевское знамя и торжественно взялъ островъ во

владѣніе на имя короля и королевы Кастиліи, назвавъ его въ честь Спасителя Санъ-Сальвадоромъ.

Такимъ образомъ Коломбъ совершилъ наконецъ свое великое дѣло. Тайна океана была открыта и навсегда осталась достояніемъ человѣчества.

XVI. ОТКРЫТІЯ КОЛОМБА, ЕГО ПОСЛѢДУЮЩАЯ СУДЬБА, ЕГО ЗАСЛУГИ И ЗАБЛУЖДЕНІЯ.

(По соч. Пешеля: «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen»).

Низменный островъ Гванагани, первый изъ острововъ Антильскаго архипелага, представился мореплавателямъ 12-го октября 1492 года. Коломбъ, Мартинъ и Вицентъ Пинсоны пристали къ берегу на вооруженной лодкѣ, съ развѣвающимися знаменами, и Коломбъ — отнынѣ Донъ Христофоръ Коломбъ, адмиралъ и вице-король—вступилъ во владѣніе новой землей. Довѣрчиво, безъ боязни подошли туземцы къ нему и были надѣлены колокольчиками, украшенными бусами, шнурками и другими бездѣлушками;—дикари же принесли взамѣнъ бумажной пряди, попугаевъ и все, что нашли у себя. «Они казались мнѣ бѣднымъ народомъ», пишетъ адмиралъ въ своемъ дневникѣ. «Всѣ они здѣсь, не исключая женщинъ, ходятъ совершенно нагими; тѣлосложеніе ихъ безукоризненно, фигуры полны граціи и выраженіе лица проникнуто добротой. Цвѣтомъ кожи они походятъ на жителей Канарскихъ острововъ. Тѣло они раскрашиваютъ иногда черной краской, иногда бѣлой—часто пестрыми; одни раскрашиваютъ все туловище; другіе—только лицо; нѣкоторые только носъ и части лица вокругъ глазъ. Оружія они никакого не носятъ и вообще имѣютъ слабое понятіе о немъ;—такъ напр., они схватили за лезвее мою шпагу и, конечно, поранили себя. Я спросилъ о причинѣ шрамовъ на тѣлѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ,—они знаками разъяснили мнѣ, что имъ приходится часто бороться съ жителями сосѣднихъ острововъ, которые нападаютъ на нихъ и побѣжденныхъ уводятъ плѣнными съ собой». Кусочки золота, продѣтые въ ноздри у большей части дикарей, сильно возбудили алчность испанцевъ; но Коломбъ не хотѣлъ останавливаться на островѣ для отысканія золота и, не теряя времени, направился къ югу, вдоль западнаго берега Гванагани. Внутри страны открылось озеро; на берегу виднѣлись хижины. «Какимъ образомъ эти незнакомцы сошли съ неба?» спрашивали вездѣ удивленные дикари,—и они падали на землю и, подымая руки къ небу, громкими криками приглашали, казалось, мореплавателей пристать къ ихъ берегамъ. Смыслъ этихъ вопросовъ и жестовъ былъ еще загадкой для всѣхъ,—наивные индѣйцы принимали странныя существа за дѣтей «Великаго солнца». Изъ Гванагани, получившаго въ память Спасителя названіе Санъ-Сальвадоръ, Коломбъ отправился къ островку Румъ-Кай, который назвалъ Санта-Маріей. Вѣсть о прибытіи чужестранцевъ стала наводить ужасъ на дикихъ островитянъ. Челнъ дикарей, видя приближеніе эскадры, поспѣшно обратился въ бѣгство и успѣлъ достичь берега, гдѣ дикари мгновенно скрылись и оставили пустой челнъ въ добычу догоняющимъ матросамъ. Завладѣвъ островомъ Румъ-Кай, Коломбъ отправился

къ острову Лонгъ-Эйландъ, который назвалъ въ честь государя островомъ Фердинанда. По увѣренію плѣнниковъ о. Гванагани, жители Лонгъ-Эйланда носили на затылкѣ, рукахъ и ногахъ цѣнныя золотыя пряжки; но этихъ украшеній испанцы нигдѣ не нашли. Коломбъ и его спутники посѣтили на Лонгъ-Эйландѣ нѣсколько разбросанныхъ на берегу рыбачьихъ хижинъ, и адмиралъ вывелъ изъ своихъ наблюденій заключеніе, что у дикихъ островитянъ, по мѣрѣ приближенія къ западу, является все больше признаковъ высшей культуры. Къ западу отъ острова Фердинанда открылись берега острововъ Саомете или Благоухающихъ, которые получили названіе острововъ Изабеллы. Благоуханіе цвѣтовъ и растеній, съ берега доходившее до кораблей, навело Коломба на мысль, что эти острова должны производить всѣ растенія и травы Индіи. Предсказанія плѣнныхъ индѣйцевъ не сбылись и на этихъ островахъ, — ни города, ни короля, ни золота не нашли мореплаватели, — одни опустѣлыя хижины представились имъ. Плѣнники увѣряли, что островъ Куба, гдѣ перебывало много странствующихъ купцовъ, осуществитъ всѣ надежды мореплавателей, что на немъ найдутъ они много золота. 24-го октября, Коломбъ оставилъ острова Изабеллы и послѣ трехдневнаго плаванія былъ достигнутъ сѣверный берегъ Кубы.

Осенній періодъ дождей уже приходилъ къ концу, и тропическая природа явилась во всемъ блескѣ юной красоты. Съ восторгомъ вслушивается Коломбъ въ чудныя пѣсни соловья; онъ сравниваетъ теплый климатъ Индіи съ андалузской весной, онъ любуется роскошной дикостью покрытыхъ растеніями береговъ, разнообразіемъ, богатствомъ тропическихъ лѣсовъ. Одинъ за другимъ, точно изъ глубины безпредѣльнаго океана, встаютъ предъ нимъ чудные острова, и каждый новый видъ кажется ему прекраснѣе предъидущаго. То «скалу любящихъ» видитъ онъ въ горахъ Кубы, то стройныя, воздушныя арабскія мечети, — и, воспріимчивый къ красотамъ природы, къ великимъ чудесамъ творенія, онъ созерцаетъ эту красоту съ чувствомъ отца, который глядитъ съ упоеніемъ въ сіяющія очи любимаго дитяти. Воображеніе рисуетъ предъ нимъ чудныя картины, которыя, въ опьяненіи успѣха, онъ принимаетъ за дѣйствительность,—онъ видитъ мастичное дерево въ лѣсахъ, золото свѣтится ему въ песчаномъ руслѣ рѣкъ, жемчугъ сіяетъ на днѣ океана,—всѣ необъятныя мечты, всѣ сны народовъ о счастливой Индіи являются осуществленными предъ нимъ! Мореплаватели пристали къ сѣверному берегу Кубы. Ночи становились все холоднѣй, и адмиралъ находилъ неудобнымъ «зимой продолжать дальнѣйшія изслѣдованія къ сѣверу»,—онъ рѣшился направиться къ юго-востоку, въ надеждѣ отыскать тамъ земли, богатыя «золотомъ и пряностями». Приходилось оставить берега Кубы; но до отплытія адмиралъ отправилъ во внутренность страны посольство для изслѣдованія ея продуктовъ, давъ ему въ проводники одного гванаганскаго плѣнника. Коломбъ снабдилъ пословъ инструкціями къ князю страны, котораго они должны были подготовить къ заключенію союза съ кастильскимъ королемъ. Посланники, вернувшись, сообщили, что въ 12-ти миляхъ отъ берега они нашли селеніе дикарей, — состоявшее изъ 50 хижинъ и тысячи человѣкъ. Туземцы весьма дружелюбно приняли иностранцевъ, пригласили ихъ сѣсть на стулья,—сами расположились па полу и внимательно слушали плѣннаго индѣйца, который говорилъ отъ имени пословъ. Пряностей, отвѣтили туземцы, страна ихъ не производила, но

они указывали на юго-востокъ. Пришли и женщины; онѣ цѣловали руки и ноги странныхъ пришельцевъ и съ удивленіемъ ощупывали тѣла ихъ. Далѣе 500 человѣкъ обоего пола сопровождало иностранцевъ, надѣясь, вѣроятно, видѣть ихъ восхожденіе къ небу. «Многіе изъ нихъ держали въ рукахъ раскаленные куски угля и какія-то травы, завернутыя въ сухой листъ на подобіе патроновъ; углемъ они зажигали одинъ конецъ свернутаго листа и изъ другаго конца втягивали дымъ. Эти патроны они называютъ «tabacos». Адмиралъ приказалъ схватить на берегу 12 дикарей, между которыми были и женщины. Этотъ насильственный поступокъ такъ запугалъ индѣйцевъ, что они вездѣ стали бросать жилища, какъ только съ берега видѣли приближеніе кораблей. Горсть дикарей однажды попыталась грозными жестами запугать иностранцевъ, но когда лодка стала приближаться къ берегу, они поспѣшно обратились въ бѣгство.

21-го ноября Мартинъ Алонзо удалился на своемъ кораблѣ къ востоку. Подозрѣвая его въ намѣреніи опередить другихъ и раньше достичь острова Бабекъ, Коломбъ посредствомъ фонаря, прикрѣпленнаго къ мачтѣ, подалъ Пинтѣ сигналъ; ночь была ясная, направленіе вѣтра благопріятное, но Пинта не отвѣтила на поданный сигналъ,—Пинсонъ исчезъ на своемъ кораблѣ.

Не смотря на противный вѣтеръ, Коломбъ направился къ восточной оконечности Кубы, и скоро роскошные хвойные лѣса явились во всей красотѣ предъ нимъ. Вглядываясь въ сильные, славные стволы деревьевъ, адмиралъ, казалось, ужь видѣлъ, какъ создавались здѣсь самые грандіозные флоты міра. Съ чувствомъ глубокаго восторга онъ описываетъ прибрежные склоны горъ Кубы, покрытые пальмами и хвойными деревьями, рисуетъ этотъ прелестнѣйшій уголокъ міра, гдѣ среди зелени свѣтится чистая, прозрачная вода и гдѣ ему казалось невозможнымъ разстаться съ этой дышащей жизнью красотой. Тысяча устъ не въ состояніи передать монарху дивныхъ картинъ новой природы, восклицалъ онъ, и призывалъ своихъ спутниковъ въ свидѣтели, что рука его, точно околдованная, отказывается служить ему въ описаніи этихъ красотъ.

На востокѣ виднѣлся новый берегъ,—холмы острова Тортуги показались на горизонтѣ и къ вечеру 6-го декабря пристань Св. Николая приняла мореплавателей. За зеленѣющими, прекрасно воздѣланными полями тянулись высокія цѣпи горъ; ночью безчисленные огни сверкали въ странѣ, а днемъ густые столбы дыма подымались со всѣхъ сторонъ, точно желая извѣстить сосѣдей о прибытіи странныхъ гостей. Огни предвѣщали густое населеніе, но до сихъ поръ только опустѣлыя хижины попадались по берегу. Наконецъ три матроса встрѣтили шайку дикарей, но, при видѣ странныхъ существъ, дикари мгновенно исчезли; только молодая, хорошенькая женщина не успѣла спастись и была приведена на корабль, гдѣ ее осыпали ласками и подарками; потомъ Коломбъ приказалъ высадить ее на берегъ, надѣясь, что ея разсказы разсѣятъ ужасъ дикарей. На слѣдующій день нѣсколько вооруженныхъ матросовъ, отправленныхъ для изслѣдованія страны, открыли большое селеніе. И здѣсь изумленные жители бѣжали, при видѣ иностранцевъ, но плѣнному индѣйцу удалось ободрить ихъ, и, когда нѣсколько туземцевъ, ликуя, принесли на плечахъ женщину, такъ щедро одаренную Коломбомъ, дикари совершенно успокоились. Послы, вернувшись, восторженно описывали красоту жен-

щинъ острова, которыя, казалось имъ, были не темнѣе смуглыхъ жительницъ Андалузіи.

15-го декабря мореплаватели пристали къ острову Тортугѣ, и посѣтивъ индѣйскую деревню, впервые завязали сношенія съ индѣйскимъ касикомъ; 18-го, въ день св. Маріи, на корабляхъ развѣвались знамена и раздавалась музыка,—ждали посѣщенія касика. На носилкахъ принесли его къ берегу и перенесли на корабль; во время посѣщенія онъ держалъ себя съ достоинствомъ, приличнымъ его сану, и весьма мало говорилъ, соблюдая индѣйскій этикетъ. Въ честь высокаго гостя, Коломбъ, провожая его, приказалъ выстрѣлить изъ пушекъ.

Оставивъ берега Тортуги, Коломбъ направился къ востоку, къ берегамъ острова Гаити, который онъ по сходству съ Андалузіей, назвалъ островомъ Испаньолы. Островъ Гаити внушалъ невыразимый ужасъ индѣйскимъ плѣнникамъ,—они увѣряли Коломба, что онъ населенъ людоѣдами, и умоляли не приставать къ нему. Cariba! все восклицали они.—Caniba! слышалось Коломбу, и названіе Caniba—Канибалы, вслѣдствіе недоразумѣнія Коломба, было потомъ примѣнено къ людоѣдамъ Америки. Медленно плыли корабли между берегами Гаити и Тортуги; на нихъ стали являться посланія индѣйскихъ вельможъ; на берегахъ толпились любопытные, и сотни лодокъ подвозили жизненные припасы, золото и хлопчатую бумагу. Куски золота становились все больше, по мѣрѣ удаленія кораблей къ востоку, золотыя издѣлія—все драгоцѣннѣй. Туземцы охотно обмѣнивали ихъ на стеклянныя бусы, на колокольчики и другія бездѣлушки. Болѣе 1500 туземцевъ посѣтили въ эти дни корабли,—многіе приходили изъ отдаленныхъ частей острововъ, чтобы видѣть чудныхъ иностранцевъ. Густое населеніе и бытъ жителей Испаньолы представляли ясныя доказательства культуры несравненно высшей, чѣмъ та, которую нашли испанцы на пустынномъ островѣ Кубы. Зданія были правильно расположены и составляли улицы; вездѣ проявлялось уже раздѣленіе народа на два класса; на подданныхъ и господъ. Другой языкъ, уже недоступный пониманію плѣнныхъ индѣйцевъ, былъ здѣсь въ употребленіи.

24-го декабря корабли объѣхали Св. мысъ. Нѣсколько дней тому назадъ Коломбъ приказалъ матросамъ на лодкѣ изслѣдовать море по ту сторону мыса,—теперь, вполнѣ увѣренный въ безопасности, онъ спокойно предался сну послѣ двухъ безсонныхъ ночей. Къ полуночи всѣ матросы уснули, и, не смотря на строгое приказаніе Коломба, руль былъ переданъ юнгѣ. Не понимая угрожающей опасности, не зная хорошо пути, юнга направилъ корабль къ мели; ему былъ не понятенъ тотъ странный шумъ воды, который предостерегалъ отъ близкихъ мелей и былъ слышенъ на разстояніи мили, и онъ понялъ весь ужасъ положенія только тогда, когда предотвратить несчастіе было невозможно и корабль сѣлъ на мель. Коломбъ первый явился на отчаянный крикъ юнги, и тотчасъ далъ матросамъ приказаніе спустить лодку и закинуть якорь, надѣясь спасти корабль,—но матросы такъ растерялись, что не исполнили даннаго приказанія, и спѣшили спастись на Нинѣ, которая находилась на разстояніи полумили отъ нихъ. Оттуда ихъ съ негодованіемъ возвратили къ исполненію ихъ обязанностей и послали лодку на помощь. Однако, не смотря на всѣ усилія, не смотря на то, что главная мачта была отрублена для облегченія корабля, Санта-Марію невозможно было спасти. Утромъ адмиралъ извѣстилъ о кораблекрушеніи касика Гуаканагари, послы

котораго нѣсколько дней тому назадъ посѣтили европейскіе корабли. Индѣйцы и кацикъ ихъ, со слезами на глазахъ, выслушали описаніе случившагося и тотчасъ изъявили готовность помочь иностранцамъ. На своихъ лодкахъ они перевезли имущество Санта-Маріи и выказали, по увѣренію мореплавателей, удивительную честность,—ни одного гвоздя не пропало во время перевозки, говоритъ адмиралъ.

Надежда, что островъ Гаити богатъ золотомъ, нѣсколько утѣшала мореплавателей,—они стали мечтать о пріобрѣтеніи богатства. Коломбъ и Гуаканагари посѣтили другъ друга. Кацикъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ; мылъ послѣ ѣды руки и теръ ихъ травами,—вообще велъ себя, пишетъ Коломбъ, какъ человѣкъ, который хочетъ выказать свое высокое происхожденіе. Желая познакомить знатнаго посѣтителя съ силою своего имущества,—отчасти въ угрозу ему,—Коломбъ приказалъ матросамъ стрѣлять изъ пушекъ, и заставилъ стрѣлка показать индѣйскому князю свое искусство въ стрѣльбѣ. Рубаха и перчатки, которыя были поднесены кацику, сильно обрадовали его. Коломбъ посѣтилъ кацика въ его столицѣ, гдѣ нашелъ его окруженнымъ своими придворными—пятью вассалами, и гдѣ былъ весьма торжественно принятъ; адмиралъ и кацикъ обмѣнялись подарками. Испанцы успѣли въ короткое время пріобрѣсти такъ много золотыхъ издѣлій, что стали благодарить провидѣніе, которое заставило ихъ потерпѣть кораблекрушеніе у береговъ этой богатой золотомъ страны. Съ остатками Санта-Маріи Коломбъ приступилъ къ сооруженію укрѣпленія со рвомъ и башней. Всѣмъ хотѣлось остаться въ богатой, привлекательной землѣ; Коломбъ оставилъ 40 человѣкъ, подъ предводительствомъ трехъ офицеровъ, въ маленькой крѣпости, которая по дню крушенія была названа Навидадъ, снабдивъ ихъ порохомъ, оружіемъ, сухарями, лодкой для продолженія береговыхъ изслѣдованій и нѣкоторыми товарами, предназначенными для мѣны съ дикарями. Коломбъ тѣшилъ себя надеждой, что найдетъ здѣсь несмѣтныя сокровища по возвращеніи и что черезъ три года пріобрѣтенное имъ золото дастъ средства кастильскимъ монархамъ предпринять крестовый походъ. Вполнѣ увѣренный, что ему удалось нѣкоторыми маневрами внушить туземцамъ сильный страхъ предъ могуществомъ европейцевъ, онъ оставилъ страну еще до окончанія работъ въ Навидадѣ и 4-го января направилъ Нину къ востоку.

Послѣ крушенія Санта-Маріи, отсутствіе Пинты стало еще чувствительнѣе,—было не безопасно съ однимъ кораблемъ предпринимать изслѣдованія неизвѣстныхъ береговъ. Къ тому же адмиралъ томился подозрѣніемъ, что Пинсонъ могъ опередить его, раньше прибыть въ Испанію и возбудить противъ него испанскій дворъ. Прежде онъ предполагалъ приступить къ обратному плаванію въ апрѣлѣ 1493 года, теперь же не хотѣлъ терять времени и рѣшился направиться къ родинѣ, не медля, не останавливаясь нигдѣ. 8-го января на горизонтѣ показался корабль,—Пинта плыла навстрѣчу Нинѣ. Мартинъ Алонзо извинился за долгое свое отсутствіе и тотчасъ сообщилъ Коломбу о сдѣланныхъ открытіяхъ. Коломбъ не выказалъ ему своего гнѣва; онъ «скрылъ его до возвращенія», признается онъ въ дневникѣ.

Въ ночь 21-го ноября Пинта направилась къ острову Бабекъ и къ востоку отъ Кубы открыла новую группу острововъ. Мартинъ Алонзо признался адмиралу, что достигъ острова Бабекъ, но золота онъ не на-

шелъ на немъ; а жители его указывали на богатый островъ Гаити, къ которому онъ присталъ три недѣли тому назадъ. Тамъ мореплаватели завязали очень выгодныя торговыя сношенія съ туземцами, — дикари обмѣнивали куски золота «толщиною въ два пальца» на булавки или другія бездѣлушки и часто приносили слитки золота величиной въ кулакъ. Коломбъ немного раньше Пинсона открылъ островъ Гаити,—пристали же они къ нему почти одновременно.

16-го января корабли направились къ родинѣ; плохое состояніе обоихъ кораблей сильно озабочивало адмирала и его спутниковъ.

12-го февраля поднялась буря; въ теченіи дня вѣтеръ все болѣе усиливался, бушующее море безжалостно играло кораблями. Ночью опасность приняла страшные размѣры, и въ эту ночь глубокаго отчаянья Пинта, до сихъ поръ отвѣчавшая на сигналы Нины, была оторвана бурей изъ ея кругозора и болѣе не возвращалась къ ней.

Утромъ 13 февраля положеніе казалось безвыходнымъ и Коломбъ предложилъ взволнованному экипажу дать обѣтъ предпринять странствіе въ Гваделупу, если Богу угодно будетъ спасти ихъ. Бросили жребій,— онъ палъ на адмирала. Въ эти минуты отчаянной борьбы жизни и смерти, Коломба неотступно преслѣдовала мысль, что съ нимъ погибнетъ никѣмъ не разгаданная тайна запада. Онъ вспомнилъ и двухъ сыновей своихъ, которымъ суждено осиротѣть, не зная о славѣ отца, не воспользовавшись его заслугами. Потомъ онъ горько упрекалъ себя за недостатокъ вѣры въ Провидѣніе, которое до сихъ поръ охраняло его. «Сердце мое было безсильно въ тѣ минуты»—признается онъ—«и не могло успокоиться». Опасность возрастала съ ужасающей быстротой, и адмиралъ, потерявъ надежду на возможность спасенія, рѣшился описать свои открытія на пергаментѣ; потомъ онъ запечаталъ свертокъ, надписалъ на немъ, что нашедшій его получитъ 1000 дукатовъ, если представитъ нераспечатаннымъ кастильскому двору и, уложивъ его въ боченокъ, бросилъ въ волны океана. Къ вечеру 14-го небо прояснилось, ночью и море успокоилось; на разсвѣтѣ показалась земля. Одни приняли ее за островъ Мадеру, другіе за берегъ Португаліи; скоро, однако, всѣ убѣдились, что находятся у одного изъ Азорскихъ острововъ. Море было еще такъ взволновано, что невозможно было пристать къ землѣ; Коломбъ отправилъ къ берегу матросовъ, которые возвратились съ извѣстіемъ, что земля, лежавшая передъ ними, есть островъ Санта-Марія и что на ней въ продолженіи 14-ти дней свирѣпствуютъ страшныя бури.

Запасшись водой и балластомъ и дождавшись попутнаго вѣтра, корабли направились къ родинѣ. Но испытанія ихъ еще не кончились. 3-го марта сильный вѣтеръ разорвалъ паруса, и опасность стала такъ велика, что моряки дали новый обѣтъ — отправиться по жребію на поклоненіе къ чудотворной иконѣ въ Гуэльбѣ; жребій и въ этотъ разъ палъ на Коломба. Ночью 4-го буря разыгралась съ страшной силой, и гроза пронеслась по океану. На разсвѣтѣ, при первой смѣнѣ караула, послышались крики: земля! земля! и къ утру адмиралъ узналъ Roco de-Cintra.

Коломбу хотѣлось избѣгнуть португальской пристани, но это было невозможно, и утромъ 4-го марта онъ присталъ къ Португаліи. Закинувъ якорь въ р. Teio, онъ тотчасъ же отправилъ къ португальскому королю Іоанну II письмо, въ которомъ просилъ позволенія прибыть на своемъ

кораблѣ въ Лиссабонъ и тамъ представиться двору. Множество лодокъ окружило корабль, и толпа посѣтителей съ радостнымъ выраженіемъ лицъ наполнила его. 8-го марта Коломбъ получилъ приглашеніе явиться въ замокъ Вальпараизо, куда, по причинѣ чумы, свирѣпствовавшей въ Лиссабонѣ, удалился португальскій дворъ. Коломбъ прибылъ во дворецъ поздно вечеромъ; король принялъ его весьма любезно, пригласилъ даже сѣсть и съ удивительнымъ искусствомъ прикрылъ маской веселости свою досаду. Вернувшись на корабль 12-го марта, Коломбъ отплылъ на слѣдующій день и 15-го марта присталъ наконецъ къ берегу Испаніи. Въ тотъ же вечеръ въ Палосъ прибылъ Пинсонъ на Пинтѣ. Онъ присталъ къ испанскому берегу нѣсколько ранѣе Коломба и тотчасъ отправилъ государю письмо, въ которомъ описывалъ сдѣланное открытіе и просилъ позволенія представиться двору. Холодное приказаніе явиться въ свитѣ адмирала было отвѣтомъ на это письмо. Заболѣвши еще дорогой, Пинсонъ не вынесъ немилости монарха и скоро умеръ. Память этого великаго моряка долгое время была затемнена ненавистью къ нему семьи Коломба.

Въ вербное воскресенье, 31-го марта, Коломбъ выѣхалъ въ Севилью и оттуда тотчасъ отправился по приглашенію двора въ Аррагонію. Шесть дикарей сопровождали его, — четыре остались въ Севильѣ. Предъ нимъ несли попугаевъ, слитки золота и разные продукты Новаго Свѣта, привезенные имъ. Улицы всюду наполнялись народомъ, всѣмъ хотѣлось видѣть мореплавателя и привезенныя изъ далекихъ странъ рѣдкости.

Монархи, занятые важными государственными дѣлами, только въ срединѣ апрѣля приняли адмирала,—въ Барселонѣ, гдѣ среди рынка былъ воздвигнутъ для нихъ тронъ. При появленіи Коломба король всталъ, подалъ ему руку для поцѣлуя и пригласилъ сѣсть на стулъ—самая высокая честь, которую испанскій король могъ оказать своему подданному. Коломба наградили гербомъ, осыпали ласками и подарками, почестями и торжественно подтвердили права и привиллегіи, которыя были ему обѣщаны до отплытія экспедиціи.

Но тайна запада оставалась неразгаданной,—ни геніальный мореплаватель, ни король, ни удивленная Испанія не могли предчувствовать новый великій материкъ, и только издали слышались робкіе голоса сомнѣнія въ томъ, принадлежатъ ли новооткрытые берега и острова дѣйствительно Восточному океану?

Блестящее описаніе Коломба вновь открытыхъ тропическихъ странъ побудило испанское правительство приняться съ большимъ жаромъ за снаряженіе новаго флота. Уже осенью 1493 г. адмиралъ стоялъ во главѣ эскадры въ 17 парусныхъ судовъ съ 1500 испанцами, которые, побуждаемые блестящими надеждами, покинули Кадиксъ, чтобы послѣдовать за Коломбомъ въ совершенно неизвѣстную страну. Вмѣстѣ съ ними перешли въ новый свѣтъ и самыя дорогія пріобрѣтенія европейской культуры, а именно: домашній скотъ и нашъ зерновой хлѣбъ, которые вскорѣ придали новому свѣту европейскій видъ.

Коломбъ отплылъ изъ Кадикса 25 сентября 1493 года и 2 ноября увидалъ оконечность острова, который назвалъ Доминикой (островомъ Воскресенія). Кромѣ того, результатами этого втораго плаванія было открытіе Порто-Рико и Ямайки. Вернувшись на островъ Гаити, гдѣ онъ оставилъ небольшую колонію въ Навидадѣ, Коломбъ нашелъ, что всѣ

возведенныя тамъ постройки сожжены и раззорены, а люди исчезли. Коломбъ основалъ здѣсь новую колонію съ тысячью жителей, которую назвалъ Изабеллой. Переселенцы, имѣвшіе въ виду покорять, угнетать и грабить туземцевъ и найти въ новооткрытыхъ земляхъ неистощимыя сокровища, убѣдились скоро, что тамъ можно упрочиться, лишь обезпечивъ себѣ помощь изъ Испаніи. Такимъ образомъ вскорѣ оказалось, что предпріятіе Коломба, вмѣсто немедленныхъ выгодъ, потребуетъ сначала большихъ расходовъ. Уже въ февралѣ 1495 года адмиралъ отправилъ назадъ 12 кораблей за разными предметами, въ которыхъ нуждался. Затѣмъ, поручивъ управленіе новою колоніею своимъ братьямъ Варѳоломею и Діэго, самъ Коломбъ также въ скоромъ времени возвратился въ Испанію. Когда плохое положеніе новыхъ колоній, стоившихъ громадныхъ суммъ, возбудило въ испанскомъ обществѣ сильное нерасположеніе къ нимъ, адмиралу пришла въ голову несчастная мысль населить новый край, который онъ представлялъ земнымъ раемъ, преступниками изъ Испаніи. 30-го мая 1498 года отплылъ онъ съ 6 кораблями изъ Испаніи. Достигнувъ меридіана Ферро, онъ отправилъ три корабля по ближайшему западному пути въ Гаити; самъ же съ остальными кораблями поплылъ къ экватору, потому что онъ находился еще подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія, что подъ одинаковыми градусами широты встрѣчаются одни и тѣ же произведенія; онъ надѣялся поэтому найти на широтѣ Гвинеи много золота и величайшія драгоцѣнности; такимъ образомъ онъ попалъ въ поясъ экваторіальнаго безвѣтрія; жара достигала здѣсь такой степени, что обручи на бочкахъ распались и оказался недостатокъ въ водѣ, годной для питья. Тогда онъ оставилъ югозападное направленіе и поплылъ съ помощію пассатнаго вѣтра прямо на западъ, гдѣ открылъ островъ Тринидадъ и пустынную дельту рѣки Ориноко, то-есть берегъ южной Америки, не подозрѣвая, впрочемъ, что этотъ открытый имъ берегъ составляетъ уже часть новаго материка. Но боязнь за судьбу гаитской колоніи, покинутой имъ полтора года тому назадъ, опасенія, что припасы, которые онъ долженъ былъ ей доставить, испортятся и недостанетъ денегъ на жалованье матросамъ, — заставили его отложить изслѣдованіе открытой имъ части материка и поплыть по ближайшему пути въ Гаити. Прибывъ туда, онъ засталъ въ колоніи полнѣйшую анархію и возмущеніе. Оставленный Коломбомъ на островѣ Гаити братъ его Варѳоломей не могъ ввести никакого порядка между гордыми и упрямыми гидальго и дерзкими авантюристами. Никто не хотѣлъ ни работать, ни повиноваться. На Гаити возникли недостатки и нищета, грабежи и насилія, Коломбъ же не съумѣлъ справиться съ возмутившимися колонистами, не съумѣлъ пріобрѣсти власти надъ этими смѣлыми искателями приключеній, привезенными имъ въ новый свѣтъ; многіе изъ нихъ, вернувшись въ Испанію больными, нищими и разочарованными, обвиняли Коломба въ присвоеніи имъ себѣ богатствъ и стремленіи къ пріобрѣтенію независимости съ помощію своихъ приверженцевъ. Правительство также видѣло ошибку въ томъ, что довѣрило власть надъ жизнью и смертію подданныхъ въ столь отдаленной странѣ человѣку, которому такая задача была, очевидно, не подъ силу.

Когда же Коломбъ самъ обратился къ правительству съ просьбою прислать «ученаго судью», монархи назначили правительственнымъ судьею Франческо де Бовадиллу, уполномочивъ его удалять всякаго, какого-

бы онъ званія ни былъ, если онъ сочтетъ это необходимымъ для пользы престола. Бовадилла прибылъ въ Гаити въ то время, когда Коломбъ былъ занятъ усмиреніемъ новыхъ возмущеній и старался строгостью исправить то, чего онъ по своей слабости не сдѣлалъ раньше. Новый регентъ потребовалъ выдачи всѣхъ заключенныхъ и акты, относившіеся къ слѣдствію, помиловалъ предводителей прежняго возмущенія, не церемонясь, занялъ квартиру адмирала и предоставилъ всѣмъ свободу разыскивать золото.

Послѣ того Бовадилла безъ всякаго суда и слѣдствія наложилъ на адмирала оковы и отправилъ его съ братьями въ Испанію. На пути капитанъ хотѣлъ освободить его отъ цѣпей, но Коломбъ не согласился на это; онъ хотѣлъ пристыдить своего государя и такимъ образомъ отплатить ему за его неблагодарность. По прибытіи Коломба въ Испанію, царственные супруги велѣли тотчасъ снять съ него цѣпи, и затѣмъ пригласили его явиться ко двору въ Гренаду. Рѣчь этого столь жестоко оскорбленнаго человѣка прерывалась рыданіями; монархи старались успокоить его, утверждая, что не уполномочивали Бовадиллу поступать съ такою жестокостью и что не намѣрены лишать адмирала ни его достоинства, ни его преимуществъ. Съ удовольствіемъ согласились они на его предложеніе отправиться съ 4 кораблями на новое открытіе. Управленіе Гаити было передано Овандо, который казался болѣе способнымъ для обуздыванія буйныхъ поселенцевъ молодой колоніи, нежели Коломбъ, не умѣвшій ни привлечь ихъ къ себѣ, ни пріучить къ повиновенію непослушныхъ.

Цѣлью послѣдняго предпріятія было найти западный путь въ Китай. Послѣ сравнительно скораго прибытія къ Караибскимъ островамъ, Коломбъ не могъ противостоять соблазну, явиться снова въ качествѣ адмирала въ С. Доминго, но не былъ допущенъ намѣстникомъ Гаити Овандо.

На дальнѣйшемъ пути Коломбъ открылъ Гондурасъ и Касто Рико (то-есть Золотой берегъ); отъ индѣйцевъ услышалъ онъ неопредѣленные намеки на существованіе Южнаго океана; но упорное слѣдованіе географіи Птоломея ввело его въ совершенное заблужденіе и заставило его принять Южный океанъ за Бенгальскій заливъ. Постоянные восточные и сѣверо-восточные вѣтры принудили его повернуть назадъ у самаго Панамскаго перешейка. Когда онъ въ іюнѣ 1503 года прибылъ въ Ямайку, то долженъ былъ высадить на берегъ экипажъ своихъ двухъ кораблей, такъ какъ отъ постоянныхъ бурь, перенесенныхъ ими, они оказывались негодными для дальнѣйшаго плаванія. Между тѣмъ матросы, высаженные на берегъ, истощенные холодомъ и лихорадкою, стали подозрѣвать, что адмиралъ хочетъ ихъ оставить колонистами на Ямайкѣ, и это вызвало между ними возмущеніе.

Вскорѣ туземцы перестали доставлять припасы, по причинѣ-ли недостатка въ нихъ, или же неудовольствія на требовательность возмутившихся испанцевъ. Тогда Коломбъ прибѣгнулъ къ хитрости, а именно, къ угрозѣ, что они скоро увидятъ на небѣ знаменіе гнѣва Божія. И когда, дѣйствительно, наступило лунное затмѣніе, извѣстное Коломбу по календарю, туземцы стали умолять его укротить гнѣвъ Божій. Онъ обѣщалъ имъ исполнить ихъ просьбу; и съ тѣхъ поръ эти суевѣрные индѣйцы не переставали доставлять испанцамъ съѣстные припасы. Между тѣмъ заболѣвшій адмиралъ принужденъ былъ возвратиться въ Испанію, что

случилось не задолго до смерти королевы Изабеллы. Наконецъ, смерть избавила его отъ увеличивавшихся физическихъ страданій. 21 мая 1506 года умеръ онъ въ Вальядолидѣ, не подозрѣвая, что «подарилъ королевству Кастиліи и Леону новый свѣтъ», какъ гласитъ надгробная надпись на его памятникѣ въ Севильскомъ Картезіанскомъ монастырѣ. Прахъ его, перевезенный потомъ въ церковь Санъ-Доминго, покоится съ 1796 года въ соборѣ Гаванны, главнаго города острова Кубы, куда испанцы перевезли его послѣ уступки Франціи Гаити.

Коломбъ является великимъ представителемъ того страстнаго, непреодолимаго стремленія раздвинуть тѣсныя границы Стараго Свѣта, которое составляетъ отличительную черту XV вѣка. Это страстное стремленіе къ Востоку, съ его несмѣтными сокровищами, оживляло, поддерживало мореплавателей до и послѣ Коломба. Можетъ быть, Америка была бы открыта—нѣсколько раньше или позже, во время путешествій португальцевъ въ Ост-Индію,—но то, что было бы тогда простой игрой слѣпаго случая, теперь являетея предъ нами, какъ грандіозное предпріятіе великаго человѣка, въ которомъ обширный умъ соединился съ сильнымъ воображеніемъ, котораго самый отдаленный намекъ наводилъ на предъугадываніе будущихъ событій или вводилъ въ поразительныя заблужденія. Только такой глубокій, живой умъ, какъ Коломбъ, въ которомъ самый слабый лучъ истины вызываетъ ясное пониманіе ея, могъ внутреннимъ созерцаніемъ постигнуть неизвѣстное, разоблачить его. Но неутомимаго изслѣдователя волновали также сильно ложные фантастическіе призраки, какъ и великія предчувствія и грандіозные планы, и вся дѣятельность Коломба представляетъ поразительное соединеніе истины съ заблужденіемъ.

Очевидецъ послѣдней борьбы испанцевъ съ арабами, Коломбъ страстно мечталъ о торжествѣ церкви и горячо надѣялся, что его индѣйское золото дастъ средства католическимъ монархамъ предпринять походъ ко гробу Христа. Все болѣе предаваясь религіозной мечтательности, онъ сталъ смотрѣть на свое открытіе, какъ на сверхъ-естественное явленіе, на свой духовный міръ, какъ на вѣяніе божественнаго духа, на себя, какъ на избранника—исполнителя высшаго рѣшенія. «Я повторяю», говорилъ онъ въ своихъ признаніяхъ, «что для успѣха предпріятія не нужны были ни глубокій умъ, ни математика, ни карты, — въ немъ просто исполнилось пророчество Исаіи». Во время болѣзни, въ припадкѣ лихорадки, онъ видитъ передъ собой божественнаго посланника, который возвѣщаетъ ему, что всѣ его великія страданія вырѣзаны на безсмертномъ мраморѣ и этимъ ободряетъ больнаго душой мореплавателя.

Натуры, духовный міръ которыхъ глубоко потрясенъ рѣшеніемъ великихъ вопросовъ, рѣдко обладаютъ способностью привлекать къ себѣ окружающихъ; съ ними люди трудно сближаются и всегда чувствуютъ какое-то стѣсненіе въ ихъ присутствіи; потому, вѣроятно, и Коломбу не удалось вызвать въ испанцахъ то страстное, слѣпое увлеченіе, съ которымъ они всегда слѣдовали за каждымъ изъ своихъ народныхъ вождей, преданные ему до безразсудства, готовые на самый отчаянный шагъ. Рукописи, оставленныя намъ Коломбомъ, даютъ возможность нѣсколько ближе подойти къ этому геніальному человѣку, и мы съ прискорбіемъ замѣчаемъ въ немъ полное отсутствіе уваженія къ врожденнымъ пра-

вамъ человѣка: съ свирѣпыми собаками охотится онъ за беззащитными людьми Новаго Свѣта, на которыхъ онъ смотритъ, какъ на собственность перваго человѣка, открывшаго ихъ. Коломбъ утверждалъ, что совершенно законно и справедливо обращать островитянъ въ рабство, особенно дикихъ и враждебныхъ караибовъ, въ наказаніе за ихъ нечеловѣческіе нравы. Онъ заходитъ даже далѣе, прося правительство не высылать ему на свой счетъ множество нужныхъ ему предметовъ, но лишь поощрять купцовъ перевозить ихъ въ Кубу. Тамъ, по его словамъ, купцы получатъ взамѣнъ товаровъ людей, которыхъ жители Изабеллы поймаютъ и продадутъ имъ въ рабство. Но если и теперь нерѣдко раздаются голоса, отрицающіе естественныя права нисшихъ, болѣе слабыхъ расъ, то не заслуживаютъ ли полнаго снисхожденія воззрѣнія человѣка XV вѣка, который только раздѣлялъ заблужденія большинства современниковъ? Нельзя не пожалѣть, впрочемъ, о томъ, что Коломбъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ благородныхъ и высокихъ душъ, которыя, подобно Изабеллѣ и добрымъ доминиканцамъ на островѣ Испаньолѣ, боролись и страдали за сохраненіе естественныхъ правъ туземнаго населенія. Тяжелое и прискорбное чувство охватываетъ насъ при чтеніи рукописи Коломба, когда мы на каждомъ листѣ его признаній встрѣчаемъ то страстныя мечты о монополіи, то мечты объ обогащеніи казны королевской, да и своей собственной — мечты, вызванныя ненасытимой алчностью;—даже въ паѳосѣ религіознаго бреда, даже въ порывахъ перваго восторга при созерцаніи новыхъ красотъ заатлантическаго міра, эти мечты давятъ, преслѣдуютъ его.

Но если даже допустить, что постигшая Коломба катастрофа выпала на долю его не вполнѣ незаслуженно съ его стороны, и что она какъ бы необходима была для того, чтобы оторвать его отъ тѣснаго круга недостойныхъ его заботъ и снова возвратить его къ настоящему его призванію, какъ это обнаружилось въ его послѣднемъ путешествіи, то все-таки темнымъ, несмываемымъ пятномъ въ блестящемъ царствованіи Фердинанда и Изабеллы навсегда останется то, что этотъ человѣкъ, подарившій Кастиліи цѣлый міръ, умеръ съ горькимъ чувствомъ, что онъ служилъ неумѣвшимъ оцѣнить его монархамъ. Смерть спасла великаго мореплавателя отъ удара, который заставилъ бы его сильнѣй страдать, чѣмъ цѣпи Бовадильи—онъ умеръ въ ложномъ заблужденіи, что ему удалось осуществить свои мечты, что путь къ землямъ Востока найденъ, что островъ Куба—одна изъ провинцій Китая и что Караибскій и Бенгальскій заливы, между которыми лежитъ цѣлое полушаріе, раздѣлены только небольшимъ перешейкомъ. Человѣкъ, открывшій Америку, умеръ, не предчувствуя своего открытія, — можетъ быть, онъ глубоко палъ бы духомъ, еслибъ за побѣжденнымъ океаномъ вдругъ всталъ предъ нимъ великій материкъ, преграждая ему дорогу, разбивая завѣтную его мечту — соединить морскимъ путемъ Западъ съ культурными странами Востока.

XVII. ФЕРНАНДО КОРТЕСЪ, ОТКРЫТІЕ МЕКСИКИ И ОСНОВАНІЕ ВЪ НЕЙ ПЕРВОЙ ИСПАНСКОЙ КОЛОНІИ.

(По соч. Прескотта: «Завоеваніе Мексики». Отеч. Записки 1840 г.).

Экспедиція въ Юкатанъ. — Фернандо Кортесъ. — Его молодость. — Жизнь его на Кубѣ. — Экспедиція въ Мексику. — Кортесъ во главѣ экспедиціи. — Характеристика Кортеса. — Испанцы въ мексиканской землѣ. — Свиданіе ихъ съ ацтеками. — Монтезума. — Состояніе его имперіи. — Странныя предзнаменованія. — Посольство и подарки. — Испанскій лагерь. — Смуты въ лагерѣ. — Планъ колоніи. — Ловкость Кортеса. — Походъ въ Семпоаллу. — Основаніе Вера-Круса.

Трудно нашимъ современникамъ, съ самаго дѣтства уже знакомымъ съ отдаленнѣйшими частями земнаго шара, вообразить себѣ чувства людей, жившихъ въ XVI столѣтіи. Страшная таинственность, такъ долго облекавшая своимъ покровомъ неизмѣримыя пустыни океана, была разсѣяна. Онъ уже не былъ обставленъ неопредѣленными призраками ужаса, какъ въ то время, когда Коломбъ смѣло пускался по его мрачнымъ и невѣдомымъ водамъ. Новый и великолѣпный міръ былъ открытъ; но точное мѣсто его, протяженіе, исторія, былъ ли онъ островомъ или материкомъ, — обо всемъ этомъ имѣли тогда самыя смутныя понятія. Многіе по невѣдѣнію слѣдовали слѣпо заблужденію, въ которое великій адмиралъ былъ вовлеченъ своими учеными разсчетами,—что новооткрытыя страны составляли часть Азіи; мореходецъ, направляя свою каравеллу среди Багамскихъ острововъ, или черезъ Караибское море, воображалъ, что вдыхаетъ въ себя роскошные ароматы острововъ — пряныхъ кореньевъ Индійскаго океана.

Подъ вліяніемъ рыцарскаго духа предпріимчивости, открытія распространились въ началѣ царствованія Карла V отъ Гондурасскаго залива, вдоль материка южной Америки, до Ріо-де-ла-Платы. Громадная преграда Панамскаго перешейка была пройдена и Тихій океанъ открытъ Васко Нуньесомъ де-Бальбоа, знаменитѣйшимъ послѣ Коломба изъ доблестныхъ «рыцарей океана». Багамскіе и Караибскіе острова были извѣданы такъ же, какъ полуостровъ Флорида. Къ этому послѣднему пункту прибылъ Себастіанъ Каботъ, спускаясь вдоль берега изъ Лабрадора въ 1497 году. Такимъ образомъ, передъ 1518 г. восточные берега обоихъ великихъ материковъ были уже извѣстны почти по всему своему протяженію. Прибрежья обширнаго Мексиканскаго залива, вдающіяся далеко во внутрь, были, однако, еще скрыты отъ взоровъ мореплавателей, вмѣстѣ съ богатыми царствами, которыя находились за ними. Теперь настало время и для этого открытія.

Вторымъ изъ открытыхъ испанцами острововъ былъ Куба; но на немъ при жизни Коломба не дѣлали попытокъ колонизаціи; самъ онъ, пройдя вдоль всего южнаго берега этого острова, умеръ съ убѣжденіемъ, что островъ составляетъ часть материка. Наконецъ, въ 1511 г., Діего, сынъ и преемникъ великаго «адмирала», имѣвшій резиденцію въ Испаньйолѣ, нашелъ, что золотые рудники этого острова уже истощились, а потому предложилъ правительству занять сосѣдній островъ Кубу. Онъ приготовилъ для завоеванія небольшую военную силу, надъ которой начальство поручилъ дону Діего Веласкесу.

Послѣ завоеванія Кубы, Веласкесъ, назначенный губернаторомъ, принялъ дѣятельныя мѣры для устройства благосостоянія острова. Онъ основалъ нѣсколько колоній, и сдѣлалъ Сан-Яго, на юговосточной оконечности, резиденціею правительства. Больше всего онъ занялся разработкою золотыхъ рудниковъ, которые обѣщали доставить на Кубѣ гораздо прибыльнѣйшіе результаты, чѣмъ въ Испаньйолѣ. Дѣла управленія не мѣшали ему, однако, смотрѣть жадными глазами на открытія, шедшія быстрыми шагами на материкѣ, и онъ жаждалъ случая предпринять одну изъ такихъ «золотыхъ» экспедицій. Случай къ этому скоро представился.

Гернандесъ де-Кордова, одинъ изъ поселившихся на Кубѣ гидальговъ, отправился съ тремя судами на одинъ изъ сосѣднихъ Багамскихъ острововъ за индѣйскими невольниками (1517 г.). Онъ встрѣтилъ сильныя бури, сбившія его далеко съ настоящаго пути, и черезъ три недѣли увидѣлъ себя у неизвѣстнаго берега. Выйдя на него и спросивъ у жителей имя страны, онъ услышалъ отъ нихъ отвѣтъ: «Тектетанъ», что значитъ: «я тебя не понимаю». Но испанцы, воображая это слово названіемъ страны, легко передѣлали его въ Юкатанъ.

Кордова вышелъ на сѣверо-восточной оконечности полуострова. Онъ удивился обширности и прочнымъ матеріаламъ зданій, сооруженныхъ изъ камня и извести и совершенно не похожихъ на легкія жилища островитянъ, составленныя изъ тростника и прутьевъ. Его поразила также хорошая обработка земли, тонкая ткань одежды туземцевъ и отдѣлка ихъ золотыхъ украшеній. Все здѣсь обнаруживало образованность гораздо выше той, какую случалось видѣть гдѣ-либо въ новомъ свѣтѣ; а воинственный духъ жителей ясно показывалъ, что они принадлежали къ совершенно другому племени. Вѣроятно, что до нихъ дошли уже слухи объ испанцахъ, ибо они безпрестанно спрашивали: «не съ востока ли они пришли»? Вообще, всюду, гдѣ только испанцы покушались пристать, ихъ встрѣчали смертельною враждою. Самъ Кордова получилъ ранъ двѣнадцать въ одну изъ стычекъ съ туземцами. Наконецъ, пройдя по полуострову вдоль берега до Кампича, онъ возвратился въ Кубу и вскорѣ умеръ. Привезенныя имъ извѣстія о новооткрытой странѣ, и еще больше, затѣйливо отдѣланныя золотыя вещи убѣдили Веласкеса въ важности этого открытія, и онъ поспѣшно сталъ готовиться въ новую экспедицію.

Веласкесъ снарядилъ для посылки въ новооткрытыя земли небольшую эскадру изъ четырехъ судовъ, и отдалъ ее подъ начальство своего племянника Хуана де-Грихальвы, на честность, благоразуміе и преданность котораго онъ полагался вполнѣ. Экспедиція взяла курсъ, которымъ шелъ Кордова; но ее снесло нѣсколько къ югу, и первый усмотрѣнный ею островъ былъ Козумель. Отсюда Грихальва вскорѣ перешелъ къ материку и поплылъ вдоль берега, приставая къ тѣмъ же мѣстамъ, куда заходилъ его предшественникъ. Подобно ему, и онъ былъ пораженъ доказательствами высшей степени просвѣщенія, особенно въ архитектурѣ. Его удивили также огромные каменные кресты, очевидно предметы поклоненія, которые попадались ему въ разныхъ мѣстахъ. Обстоятельства эти напомнили ему родину, и онъ далъ полуострову имя «Новой Испаніи», которое впослѣдствіи было присвоено гораздо обширнѣйшему пространству земли.

Гдѣ Грихальва ни приставалъ, его встрѣчалъ всюду тотъ же непріязненный пріемъ, какъ и Кордову, хотя онъ страдалъ отъ того меньше, будучи лучше приготовленъ. Когда онъ шелъ вдоль изгибовъ Мексиканскаго залива, одинъ изъ его капитановъ, Педро де-Альварадо, прославившійся впослѣдствіи при завоеваніи Мексики, входилъ въ рѣку, которую назвалъ своимъ именемъ. Во время плаванія по сосѣдней небольшой рѣкѣ, названной Ріо де-Бандерасъ, «рѣкою знаменъ», по множеству видѣнныхъ тамъ испанцами у жителей знаменъ, Грихальва встрѣтился въ первый разъ съ мексиканцами.

Управлявшій этою областью кацикъ получилъ извѣстіе о приближеніи европейцевъ, и объ ихъ необыкновенной наружности. Онъ пламенно желалъ собрать какъ можно больше свѣдѣній о цѣли такого посѣщенія, чтобъ передать ихъ своему повелителю, ацтекскому монарху. Обѣ стороны сошлись дружелюбно на берегу, куда Грихальва вышелъ со всѣмъ своимъ войскомъ, желая произвести приличное впечатлѣніе на умъ варварскаго вождя. Свиданіе продолжалось нѣсколько часовъ, въ продолженіе которыхъ они были принуждены объясняться знаками, такъ какъ не могли понимать языка другъ друга. Испанцы обмѣнялись однако съ туземцами подарками, и съ удовольствіемъ получили за нѣсколько пустыхъ бездѣлушекъ множество драгоцѣнныхъ каменьевъ, золотыхъ украшеній и сосудовъ фантастической формы и затѣйливой работы.

Грихальва разсудилъ, что этимъ прибыльнымъ мѣновымъ торгомъ,— успѣшнымъ свыше самыхъ пламенныхъ его надеждъ,—онъ достигъ главной цѣли экспедиціи, а потому отказалъ на отрѣзъ тѣмъ изъ своихъ спутниквоъ, которые убѣждали его основать тамъ колонію, считая такой шагъ противнымъ даннымъ ему инструкціямъ, по которымъ онъ долженъ былъ ограничиться только торгомъ съ туземцами. Вслѣдствіе этого онъ отправилъ Альварадо на одной изъ каравеллъ въ Кубу съ сокровищами и извѣстіями о великомъ государствѣ внутри земли, а самъ пошелъ далѣе вдоль берега. Наконецъ, послѣ почти шестимѣсячнаго отсутствія, прибылъ онъ благополучно въ Кубу. Грихальвѣ принадлежитъ слава перваго мореплвателя, ступившаго на берегъ Мексики и открывшаго сношенія съ ацтеками.

Достигнувъ острова Кубы, онъ узналъ съ удивленіемъ, что другая, гораздо сильнѣйшая экспедиція готовится въ открытыя имъ страны; вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ онъ повелѣніе губернатора, написанное въ довольно грубыхъ выраженіяхъ, явиться немедленно въ Санъ-Яго, гдѣ Веласкесъ принялъ его съ упреками за упущеніе такого удобнаго случая основать колонію въ странѣ, которую онъ посѣтилъ.

Когда Альварадо возвратился въ Кубу со своимъ золотымъ грузомъ и собранными отъ жителей извѣстіями о богатомъ мексиканскомъ государствѣ, сердце губернатора исполнилось восторгомъ при мысли, что такъ легко могутъ сбыться мечты его о богатствѣ и славѣ. Онъ рѣшился снарядить другую экспедицію, у которой бы достало силы на покореніе той страны.

Веласкесъ отправилъ своего духовника въ Испанію съ королевскою долей добытаго въ Мексикѣ золота и съ подробнымъ отчетомъ обо всемъ видѣнномъ въ тѣхъ краяхъ. Онъ выставлялъ свои многочисленныя заслуги и просилъ у двора полномочія завоевать и колонизировать новооткрытыя земли. Въ ожиданіи отвѣта, онъ занялся нужными приго-

товленіями, а прежде всего сталъ отыскивать человѣка, который могъ бы раздѣлить съ нимъ первоначальныя издержки на снаряженіе экспедиціи и былъ бы способенъ предводительствовать ею. Онъ нашелъ такого сотоварища въ лицѣ Фернанда Кортеса—человѣка, болѣе чѣмъ кто-нибудь способнаго для исполненія этого великаго предпріятія, но зато человѣка, которому Веласкесъ долженъ бы былъ меньше всего довѣрять, еслибъ могъ предвидѣть будущія событія.

Фернандо Кортесъ родился въ 1485 г. Онъ происходилъ отъ старинной испанской фамиліи. Отецъ его былъ человѣкъ небогатый, но съ незапятнанною честью. Въ дѣтствѣ Кортесъ былъ, какъ говорятъ, слабаго сложенія; но, по мѣрѣ того какъ выросталъ, онъ дѣлался крѣпче и крѣпче. Четырнадцати лѣтъ его послали въ Саламанку, потому что отецъ его, основывавшій большія надежды на быстрыхъ способностяхъ мальчика, предполагалъ воспитать его для законовѣдѣнія и разсчитывалъ, что онъ на этомъ поприщѣ выиграетъ больше, чѣмъ на какомъ-либо другомъ. Сынъ, однако, не оправдывалъ такихъ ожиданій: онъ обнаруживалъ мало пристрастія къ книгамъ и, прогулявъ два года въ училищѣ, возвратился домой къ большому огорченію родителей. Дома онъ жилъ въ бездѣйствіи, какъ малый слишкомъ своевольный, а между тѣмъ еще не избравшій себѣ цѣли въ жизни. Неугомонный характеръ его обнаруживался въ безпрестанныхъ шалостяхъ и своенравныхъ выходкахъ, вовсе не сообразныхъ съ степеннымъ образомъ жизни его родителей. Когда ему минуло 17 лѣтъ, онъ объявилъ родителямъ, что желаетъ опредѣлиться подъ знамена «великаго полководца», Гонзальва Кордуанскаго, а они, разсчитывая, вѣроятно, что жизнь, исполненная трудовъ и лишеній за границею, будетъ для него полезнѣе праздности дома, изъявили свое согласіе.

Юный гидальго, однако, все-еще колебался, идти ли ему искать счастья подъ начальствомъ этого побѣдоноснаго вождя, или отправиться въ Новый Свѣтъ, гдѣ предстояла возможность пріобрѣсти столько же золота, сколько славы, и гдѣ самыя опасности имѣли романическую таинственность, невыразимо плѣнительную для молодаго воображенія. Онъ рѣшился на послѣднее, къ чему скоро представился удобный случай, такъ какъ снаряжалась блестящая экспедиція подъ начальствомъ дона Николаса де-Овандо, преемника Коломба. Но постигшая Кортеса въ это время болѣзнь разрушила его замыслы. Онъ прожилъ дома еще два года, пока ему не представился случай отправиться на небольшой эскадрѣ, готовившейся идти къ вест-индскимъ островамъ. Ему было 19 лѣтъ, когда онъ простился съ родными берегами въ 1504 году.

Губернаторъ Испаньйолы уговорилъ Кортеса отказаться отъ своихъ великолѣпныхъ замысловъ, по крайней мѣрѣ, на время, увѣряя, что скорѣе можно осуществить свои мечты медленными, но вѣрными выгодами земледѣлія, имѣя даромъ землю и работниковъ, чѣмъ пустившись искать приключеній, которыхъ результаты такъ сомнительны. Вслѣдствіе этого Кортесу была отведена земля съ repartimiento индѣйцевъ.

Въ 1511 году, когда Веласкесъ предпринялъ завоеваніе Кубы, Кортесъ охотно оставилъ жизнь плантатора для тревогъ и опасностей новаго поприща, и принялъ участіе въ экспедиціи. Во все продолженіе военныхъ дѣйствій онъ обнаруживалъ храбрость и неутомимую дѣятельность, которыя пріобрѣли ему одобреніе начальника, а веселый нравъ и живое остроуміе сдѣлали его любимцемъ солдатъ.

Послѣ покоренія Кубы Кортесъ былъ, повидимому, въ большой милости у Веласкеса.

Но, нѣкоторое время спустя, оскорбленіе ли отъ Веласкеса, или какая-нибудь другая причина раздора охладила Кортеса къ его покровителю, и онъ присталъ къ многочисленной партіи недовольныхъ на островѣ. Они имѣли обыкновеніе собираться въ его домѣ и толковать о причинахъ своего неудовольствія. Наконецъ они рѣшились принести свои жалобы высшимъ властямъ Испаньолы, отъ которыхъ зависѣлъ Веласкесъ. Путешествіе было сопряжено съ опасностью, такъ какъ приходилось переѣхать на открытой лодкѣ черезъ рукавъ моря, шириною въ 18 лигъ; выборъ ихъ палъ на Кортеса, котораго безстрашіе было извѣстно всѣмъ. Заговоръ этотъ сдѣлался, однако, гласнымъ, и губернаторъ узналъ о немъ прежде отплытія посла, котораго немедленно велѣлъ схватить, заковать въ желѣзо и держать въ заточеніи подъ строгимъ надзоромъ. Но Кортесу удалось бѣжать, а впослѣдствіи между нимъ и губернаторомъ состоялось примиреніе. — Онъ получилъ щедрое repartimiento индѣйцевъ и обширный участокъ земли по сосѣдству Сан-Яго, въ которомъ вскорѣ былъ сдѣланъ алькальдомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ трудолюбивой жизни Кортесъ имѣлъ уже около двухъ или трехъ тысячъ castellanos, что тогда было важною суммой для человѣка въ его положеніи.

Когда Альварадо возвратился съ извѣстіями объ открытіяхъ Грихальвы и о великолѣпныхъ барышахъ торга съ жителями, губернаторъ, рѣшившись слѣдовать по стезѣ этихъ открытій съ болѣе значительною силою, сталъ искать человѣка, съ которымъ бы можно было раздѣлить расходы снаряженія и который бы былъ въ состояніи начальствовать экспедиціею.

Въ Сан-Яго было два человѣка, къ которымъ Веласкесъ имѣлъ большую довѣренность: Амадоръ де-Ларесъ, cantador, или королевскій казначей, и собственный секретарь губернатора, Андресъ де-Дуэро. Кортесъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ ними обоими и воспользовался ею, чтобъ они отрекомендовали его губернатору, какъ самаго лучшаго предводителя экспедиціи. Говорятъ даже, будто бы онъ подкрѣпилъ свои доводы обѣщаніемъ щедрой доли изъ будущихъ барышей. Какъ бы то ни было, оба они настаивали у губернатора за Кортеса со всѣмъ краснорѣчіемъ, къ какому только были способны.—Веласкесъ послушался доводовъ своихъ совѣтниковъ, послалъ за Кортесомъ и объявилъ ему намѣреніе свое сдѣлать его капитанъ-генераломъ армады.

Теперь Кортесъ достигъ цѣли своихъ желаній — цѣли, къ которой душа его стремилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ ступилъ на землю Новаго Свѣта. Онъ больше не будетъ осужденъ на жизнь копотливаго труженика, который бьется въ потѣ лица для жалкихъ денегъ; онъ не будетъ запертъ въ тѣсныхъ предѣлахъ ничтожнаго острова: ему предстоитъ новое и широкое поприще независимой дѣятельности; взорамъ его открывается перспектива безграничная, которая удовлетворитъ не только самымъ алчнымъ порывамъ корысти, но гораздо болѣе возвышеннымъ и безпокойнымъ влеченіямъ его предпріимчиваго ума и человѣколюбивой души. Онъ вполнѣ постигалъ всю важность новыхъ открытій и видѣлъ въ нихъ несомнѣнный признакъ существованія большаго государства на отдаленномъ западѣ. То была та самая страна, о которой разсказывали «великому

адмиралу», когда онъ былъ въ Гондурасскомъ заливѣ въ 1502 году, и до которой онъ бы дошелъ, еслибъ направился къ сѣверу, а не къ югу, для отысканія воображаемаго пролива. По собственному горькому выраженію Коломба, «онъ только отперъ ворота, чтобъ въ нихъ могли входить другіе». Настало, наконецъ, время войти въ эти ворота, и молодой искатель приключеній, волшебному копью котораго суждено было разрушить чары, скрывавшія такъ долго эти таинственные края, былъ готовъ на отважное предпріятіе.

Съ этого времени все существо Кортеса перемѣнилось. Мысли его сосредоточились вполнѣ на великомъ предметѣ, которому онъ себя посвятилъ, и онъ возвысился до восторженнаго энтузіазма, къ которому никто даже изъ очень короткихъ знакомыхъ не считалъ его способнымъ. Онъ немедленно употребилъ всѣ свои деньги на снаряженіе экспедиціи, заложилъ все свое имущество и, кромѣ того, занялъ денегъ у нѣкоторыхъ жившихъ на островѣ богатыхъ купцовъ, которые согласились ссудить его, взявъ обязательство въ уплатѣ долга и надѣясь быть вознагражденными съ избыткомъ успѣхомъ экспедиціи. Когда истощился его собственный кредитъ, онъ пустилъ въ дѣло кредитъ своихъ друзей. Добытые такимъ образомъ капиталы онъ употребилъ на покупку судовъ, провизіи, военныхъ припасовъ, на снаряженіе сподвижниковъ, которые были не въ состояніи приготовиться къ походу собственными средствами; кромѣ того, онъ привлекалъ подъ свои знамена щедрыми обѣщаніями богатой доли изъ предстоящей добычи.

Все закипѣло и засуетилось въ маленькомъ городкѣ Сан-Яго. Всякій старался такъ или иначе содѣйствовать успѣху предпріятія. Шесть судовъ были уже добыты, триста охотниковъ записались у Кортеса въ теченіе нѣсколькихъ дней, горя жаждою попытать счастья подъ знаменами отважнаго и любимаго вождя.

Не извѣстно въ точности, много ли самъ губернаторъ содѣйствовалъ издержкамъ снаряженія.—Если вѣрить друзьямъ Кортеса, почти вся тяжесть ихъ лежала на немъ одномъ, и даже губернаторъ продавалъ ему многіе изъ своихъ собственныхъ припасовъ съ непомѣрными барышами. Но должно отдать справедливость Веласкесу въ томъ, что инструкціи, данныя имъ Кортесу, какъ вести экспедицію, не могутъ быть обвинены въ мелочномъ и корыстолюбивомъ духѣ. Главнымъ предметомъ экспедиціи была мѣновая торговля съ туземцами, причемъ особенно предписывалось не дѣлать имъ зла, не обижать ихъ, но обращаться съ ними со всевозможною кротостью и человѣколюбіемъ. Кортесъ долженъ былъ помнить прежде всего, что первымъ желаніемъ испанскаго монарха было обращеніе въ христіанство индѣйцевъ. Онъ долженъ былъ внушать дикарямъ мысль о величіи и добродѣтеляхъ своего царственнаго повелителя, пригласить ихъ «покориться ему и выразить свое вѣрноподданство приличными приношеніями золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, которыя бы доказали ихъ собственное усердіе и доставили имъ милости его величества». Онъ долженъ былъ сдѣлать тщательную опись берега и промѣрить глубину его заливовъ и входовъ для пользы будущихъ мореплавателей. Ему предписывалось познакомиться съ естественными произведеніями земли, характеромъ населяющихъ ее различныхъ племенъ, съ ихъ общественными уставами и успѣхами просвѣщенія: подробные отчеты обо всемъ этомъ онъ долженъ былъ прислать домой, вмѣстѣ съ вещами,

которыя пріобрѣтетъ торгомъ съ жителями. Наконецъ, онъ долженъ былъ приложить самое тщательное стараніе не упускать ничего, что можетъ клониться въ пользу служенія Богу и королю.

Важность, которую пріобрѣлъ Кортесъ своимъ новымъ положеніемъ, начала тревожить склонное къ подозрѣнію воображеніе Веласкеса; онъ сталъ опасаться, что агентъ его, освободившись изъ-подъ надзора, вздумаетъ отбросить всякую зависимость отъ своего прежняго начальника, и задумалъ ввѣрить начальство надъ экспедиціею другому. Узнавъ объ этомъ, Кортесъ показалъ въ этомъ случаѣ ту же быструю рѣшимость, которая впослѣдствіи столько разъ выручала его изъ бѣды. Онъ снялся съ якоря прежде, чѣмъ губернаторъ могъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, хотя далеко не все было готово къ его отъѣзду.

Кортесу было въ то время 33 или 34 года. Ростомъ онъ былъ выше средняго; лицомъ блѣденъ; большіе черные глаза придавали наружности его степенность, которой трудно было ожидать отъ человѣка его веселаго характера. Обращеніе его, открытое и воинственное, скрывало самый холодный и разсчетливый умъ. Къ самому веселому расположенію духа у него примѣшивалось всегда выраженіе непоколибимой рѣшимости, которое заставляло всѣхъ, кто къ нему приближался, чувствовать, что они должны повиноваться, и которое внушало нѣчто въ родѣ страха самымъ близкимъ и преданнымъ изъ его сподвижниковъ. Таковъ портретъ, по описанію современниковъ, этого замѣчательнаго человѣка, котораго провидѣніе избрало орудіемъ—сѣять грозу и ужасъ между варварскими монархами западнаго міра и низвергнуть царства ихъ во прахъ.

Когда эскадра Кортеса пришла къ Сан-Хуану-де-Улуа, острову, названному такъ Грихальвою, погода была ясная и пріятная: толпы туземцевъ собрались на берегу материка и глядѣли съ изумленіемъ на невиданный феноменъ—суда испанцевъ, скользившія подъ малыми парусами по гладкой поверхности водъ. Вѣтерокъ дулъ на берега, и Кортесъ, которому понравилось это мѣсто, рѣшился стать на якорь у этого острова, разсчитывая, что онъ защититъ его отъ сѣверныхъ вѣтровъ, которые дуютъ здѣсь съ такою губительною силою зимою и даже иногда поздно весною.

Не успѣли суда бросить якоря, какъ отъ берега материка отвалила легкая «пирога», наполненная туземцами, и направилась прямо къ судну главнокомандующаго, которое отличалось отъ прочихъ развѣвавшимся на мачтѣ кастильскимъ штандартомъ. Индѣйцы вышли на палубу съ беззаботною довѣрчивостью, внушенною имъ разсказами объ испанцахъ тѣхъ изъ ихъ соотечественниковъ, которые торговали съ Грихальвою. Они привезли съ собою въ подарокъ пришельцамъ цвѣтовъ, плодовъ и маленькія золотыя украшенія, которыя съ удовольствіемъ промѣнивали на обычныя бездѣлушки.

При помощи своихъ переводчиковъ, Кортесъ вступилъ въ разговоръ съ пріѣхавшими къ нему посѣтителями. Онъ узналъ, что они мексиканцы, или, лучше сказать, подданные великой мексиканской имперіи, областью которой сдѣлалось недавно ихъ отечество. Государство это было подъ скипетромъ могущественнаго монарха Монтезумы, который жилъ на равнинахъ, среди горъ, внутри страны, въ разстояніи около 70 лигъ отъ моря; а этою прибрежною областью управлялъ одинъ изъ

его вельможъ, по имени Теухтлиле, жившій въ 8 лигахъ отъ берега. Кортесъ, съ своей стороны, увѣрилъ ихъ въ дружелюбной цѣли своего прихода, сообщилъ имъ желаніе свое увидѣться съ ацтекскимъ губернаторомъ, и отпустилъ ихъ съ щедрыми подарками, увѣрившись напередъ изъ ихъ разсказовъ, что внутри земли много золота, подобнаго тому, изъ котораго были сдѣланы ихъ украшенія.

Кортесъ, довольный своими посѣтителями и хорошими вѣстями объ ихъ отечествѣ, рѣшился расположиться тутъ на время. На слѣдующее утро онъ вышелъ на берегъ со всѣми своими сподвижниками, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ Вера-Крусъ.

То была пустая и гладкая равнина, за исключеніемъ мѣстъ, на которыхъ постоянно-дующіе сѣверные вѣтры скопили песчаные холмы; на холмахъ этихъ Кортесъ немедленно расположилъ свою артиллерію, чтобъ владычествовать надъ всею окрестною страною. Потомъ онъ велѣлъ воинамъ вырубить росшіе по близости деревца и кустарники и устроить себѣ убѣжище противъ непогодъ; въ этомъ содѣйствовали ему индѣйцы, повидимому, получившіе отъ своего начальника приказаніе помогать испанцамъ. Такимъ образомъ, общими силами воткнули они въ землю колья, накрыли ихъ вѣтками, цыновками и бумажными коврами, привезенными добродушными туземцами, и въ два дня устроили себѣ защиту отъ солнечныхъ лучей, нестерпимо раскаливавшихъ песокъ.

Пока испанцы трудились надъ устройствомъ своего лагеря, изъ окрестныхъ мѣстъ, довольно многолюдныхъ, стекались туземцы, влекомые естественнымъ любопытствомъ посмотрѣть на чудныхъ пришельцевъ. Они принесли съ собою въ изобиліи плодовъ, овощей, цвѣтовъ, разной дичи, кушаньевъ, состряпанныхъ по обычаю страны, а также много золотыхъ вещицъ и другихъ украшеній. Индѣйцы подарили испанцамъ много изъ принесеннаго, остальное промѣнивали на разныя бездѣлушки, такъ что лагерь Кортеса, оживленный пестрою толпою людей обоего пола и всѣхъ возрастовъ, казался веселою ярмаркой. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ Кортесъ узналъ, что губернаторъ намѣренъ посѣтить его на другой день. Теухтлиле явился до полдня въ сопровожденіи многочисленной свиты и былъ встрѣченъ Кортесомъ, который ввелъ его съ большою торжественностью въ свою палатку, гдѣ были собраны главные изъ его сподвижниковъ. Ацтекскій вельможа отвѣчалъ на привѣтствія съ церемонною вѣжливостью.

Первые вопросы Теухтлиле, предложенные черезъ переводчиковъ, были объ отечествѣ пришельцевъ и о цѣли ихъ прибытія. Кортесъ отвѣчалъ ему, что «онъ подданный могущественнаго государя за морями, который управляетъ неизмѣримымъ государствомъ и имѣетъ въ числѣ своихъ вассаловъ многихъ другихъ государей; что, узнавъ о величіи мексиканскаго императора, государь его пожелалъ вступить съ нимъ въ дружескія сношенія, почему отправилъ его посломъ къ Монтезумѣ, съ подаркомъ въ знакъ своей пріязни, и граматою, которую онъ долженъ вручить ему лично». Въ заключеніе онъ спросилъ у Теухтлиле, когда ему можно предстать передъ лицо великаго Монтезумы.

На это ацтекскій вельможа отвѣчалъ съ нѣкоторою надменностью: «Какъ это возможно, что ты, находясь здѣсь только два дня, уже требуешь счастья видѣть императора?» Но потомъ прибавилъ съ большею вѣжливостью, что «удивляется извѣстію о государѣ, столь же могуще-

ственномъ, какъ Монтезума; но если это правда, то онъ увѣренъ, что его повелитель почтетъ за удовольствіе имѣть съ нимъ сношеніе». Онъ присовокупилъ, что пошлетъ гонцовъ съ подаркомъ испанскаго вождя въ столицу и сообщитъ Кортесу волю Монтезумы, какъ только ее узнаетъ.

Тогда Теухтлиле велѣлъ своимъ невольникамъ принести подарокъ, назначенный испанскому генералу. Онъ состоялъ изъ десяти тюковъ тонкихъ бумажныхъ матерій, нѣсколькихъ плащей, затѣйливо сдѣланныхъ изъ перьевъ, которыхъ яркіе и нѣжные отливы могли спорить съ самою прекрасною живописью, и плетеную корзину, наполненную дорогими золотыми украшеніями—все это съ цѣлью внушить испанцамъ высокое понятіе о богатствѣ и искусствѣ мексиканцевъ.

Кортесъ принялъ эти подарки съ приличными знаками благодарности и велѣлъ одному изъ своихъ слугъ показать гостю вещи, привезенныя для Монтезумы. То были: кресла съ затѣйливою рѣзьбою, великолѣпно раскрашенною, алая суконная шапка съ золотымъ медальономъ, на которомъ было изображеніе св. Георгія и дракона, и множество ожерельевъ, браслетовъ и тому подобныхъ украшеній изъ стекла, которое въ странѣ, гдѣ о немъ не имѣли понятія, могло быть сочтено за драгоцѣнный матеріалъ. Теухтлиле замѣтилъ въ лагерѣ на одномъ солдатѣ блестящій позолоченный шлемъ, который напомнилъ ему шлемъ на головѣ бога Кветцалькоатля въ Мексикѣ; онъ изъявилъ желаніе показать его Монтезумѣ. Кортесъ изъявилъ согласіе на посылку этого шлема къ императору и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ надежду, что его возвратятъ наполненнымъ золотымъ пескомъ, потому что желаетъ сравнить мексиканскій золотой песокъ съ своимъ отечественнымъ золотомъ! Потомъ онъ увѣдомилъ губернатора,—какъ разсказываетъ его духовникъ,—что «испанцы имѣютъ сердечный недугъ, который можетъ быть вылеченъ однимъ только золотомъ!» «Короче», замѣчаетъ Лас-Казасъ, «онъ показалъ губернатору весьма ясно, что ему нужно какъ можно больше золота».

Пока происходили эти переговоры, Кортесъ замѣтилъ, что одинъ изъ свиты Теухтлиле трудится съ особеннымъ усердіемъ надъ какою-то работой съ карандашемъ въ рукѣ, какъ будто стараясь изобразить какой-то предметъ. Взглянувъ на его работу, онъ увидѣлъ, что это изображеніе на полотнѣ испанцевъ, ихъ костюмовъ, оружія и, короче, всѣхъ новыхъ и занимательныхъ для ацтековъ вещей, которымъ рисовальщикъ давалъ настоящую фигуру и цвѣтъ. То была знаменитая картинопись ацтековъ; Теухтлиле сообщилъ Кортесу, что рисовальщикъ снималъ всѣ эти предметы для представленія Монтезумѣ, который, такимъ образомъ, получитъ о нихъ гораздо живѣйшее понятіе, чѣмъ изъ описанія на словахъ. Идея эта понравилась испанскому генералу, и онъ, желая произвести еще больше эффекта, велѣлъ кавалеріи выѣхать на взморье, гдѣ на морскомъ пескѣ лошади могли ступать твердо. Смѣлыя и быстрыя движенія всадниковъ, продѣлавшихъ всѣ военныя эволюціи, легкость, съ какою они управляли горячившимися подъ ними сердитыми животными, блескъ оружія и рѣзкіе звуки воинской трубы—все это поражало зрителей изумленіемъ; но когда раздались громы пушекъ, изъ которыхъ Кортесъ велѣлъ выпалить залпомъ, когда ацтеки увидѣли клубы дыма и пламени, извергавшіеся изъ этихъ страшныхъ жерлъ, когда они услышали визгъ ядеръ и жужжаніе ихъ между деревьями со-

сѣдняго лѣса, у которыхъ онѣ раздробляли въ щепки сучья и стебли,— тогда ацтеками овладѣло просто отчаяніе, отъ котораго не былъ избавленъ и самъ Теухтлиле.

Наконецъ Теухтлиле удалился съ своею свитою изъ испанскаго лагеря съ такою же церемоніею, какъ и пришелъ туда, оставивъ народу приказаніе доставлять чужеземцамъ провизію и все нужное до прибытія изъ столицы новыхъ распоряженій.

Мы оставимъ теперь на время испанцевъ, расположившихся лагеремъ на берегу, и перенесемся въ отдаленную столицу Мексики, гдѣ прибытіе къ берегу чудныхъ пришельцевъ произвело значительное впечатлѣніе. На ацтекскомъ тронѣ возсѣдалъ въ то время Монтезума II. Онъ былъ избранъ на царство въ 1502 г., предпочтительно предъ своими братьями, за высокія достоинства, обнаруженныя имъ въ качествѣ воина и жреца. Въ ранней молодости онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ имперіи, хотя впослѣдствіи посвятилъ себя почти исключительно служенію храма, при чемъ исполнялъ въ точности всѣ тягостные церемоніалы ацтекскихъ религіозныхъ обрядовъ. Въ наружности своей онъ сохранялъ постоянно степенную важность, говорилъ мало, но обдуманно, и вообще держалъ себя такъ, что внушалъ всѣмъ идею о выспренней святости.

Въ первые годы своего правленія Монтезума былъ занятъ безпрестанными войнами и часто предводительствовалъ войсками самъ. Ацтекскія знамена развѣвались въ отдаленнѣйшихъ странахъ, прилегающихъ къ Мексиканскому заливу, и даже въ Никрагуѣ и Гондурасѣ. Экспедиціи ихъ были почти всегда успѣшны и границы имперіи расширились больше, чѣмъ когда либо въ предшествовавшія времена.

Между тѣмъ, новый монархъ не оставлялъ также безъ вниманія внутренняго управленія государствомъ. Онъ сдѣлалъ нѣкоторыя важныя преобразованія въ организаціи судилищъ, тщательно наблюдалъ за исполненіемъ законовъ и поддерживалъ ихъ съ неумолимою строгостью. Монтезума имѣлъ также привычку бродить переряженнымъ по улицамъ столицы, чтобы узнавать лично злоупотребленія; говорятъ даже, что онъ иногда испытывалъ правдивость судей, искушалъ ихъ богатыми подкупами и потомъ требовалъ на безпощадную расправу тѣхъ, кто соглашался покривить совѣстью. Онъ щедро награждалъ всѣхъ, кто ему служилъ; не жалѣлъ издержекъ на полезныя постройки; сооружалъ и украшалъ храмы; провелъ въ столицу воду посредствомъ новаго канала и учредилъ родъ инвалиднаго дома для изувѣченныхъ воиновъ.

Подобныя дѣянія, достойныя великаго государя, затемнялись, однако, другими, совершенно противоположнаго свойства. Смиреніе, которое онъ старался выказывать до своего возвышенія, замѣнилось нестерпимымъ высокомѣріемъ. Въ увеселительныхъ дворцахъ, домашнемъ хозяйствѣ и образѣ жизни онъ окружалъ себя пышностью, неизвѣстною его предшественникамъ. Онъ отдѣлилъ себя отъ общественной жизни, а когда показывался въ публикѣ, то требовалъ самаго рабскаго подобострастія; во дворцѣ допускалъ къ своей особѣ, даже для самыхъ низкихъ услугъ, только людей высокаго званія.

Отталкивая отъ себя сердца подданныхъ такою надменностью, Монтезума возбудилъ ихъ ненависть тяжкими налогами, которыхъ требовали

неимовѣрныя издержки двора. Тяжесть ихъ падала въ особенности на завоеванные города. Такія угнетенія вели къ частымъ возстаніямъ, и послѣдніе годы его царствованія представляютъ рядъ непрерывныхъ военныхъ экспедицій, въ которыхъ всѣ силы одной половины имперіи занимались постоянно подавленіемъ мятежей, безпрестанно вспыхивавшихъ въ другой. Къ несчастію, вновь пріобрѣтенныя области не сливались съ древнею монархіею и не составляли съ нею одного цѣлаго: отъ этого имперія, по мѣрѣ расширенія границъ, дѣлалась все слабѣе и слабѣе.

Таково было положеніе ацтекской монархіи въ эпоху прибытія Кортеса. Но все-таки государство было еще сильно волею своего монарха, привычнымъ уваженіемъ къ его власти, и храбростью и дисциплиною войскъ, хорошо свыкшихся съ тактикою индѣйской войны. Настало время, когда эта младенчествующая тактика и грубое оружіе варваровъ должны были столкнуться съ военнымъ искусствомъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ образованнѣйшаго изъ тогдашнихъ народовъ земнаго шара.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Монтезума рѣдко участвовалъ въ военныхъ походахъ, предоставлялъ ихъ своимъ военачальникамъ, а самъ занимался преимущественно духовными обязанностями. Ни при одномъ государѣ не пользовались жрецы бо́льшими привилегіями и бо́льшимъ уваженіемъ. Религіозныя торжества праздновались съ пышностью, которой до тѣхъ поръ не было примѣра. Къ оракуламъ прибѣгали въ самыхъ пустыхъ случаяхъ; а кровожадныя божества умилостивлялись несмѣтнымъ множествомъ жертвъ, приводимыхъ толпами изъ завоеванныхъ или усмиренныхъ областей. Религія или, правильнѣе сказать, изувѣрство Монтезумы было главною причиною его бѣдствій.

Быстрому завоеванію Мексики испанцами много способствовали народныя преданія насчетъ Кветцалькоатля, бога воздуха, котораго представляли съ бѣлымъ лицемъ и развѣвающеюся бородою; образъ, начертанный этимъ преданіемъ, совершенно сходенъ съ физіономіею индѣйцевъ. Говорятъ, что этотъ богъ, исполнивъ дѣло благодати между ацтеками, поплылъ по Атлантическому океану къ таинственнымъ берегамъ Тлапаллана. Отправляясь, онъ обѣщалъ возвратиться въ грядущія времена вмѣстѣ со своимъ потомствомъ и вступить снова во владѣніе своимъ государствомъ. Этого дня ожидали ацтеки со страхомъ или надеждою, смотря по обстоятельствамъ, но съ полнымъ убѣжденіемъ, во всемъ Анагуакѣ, что оно случится. Даже послѣ завоеванія индѣйцы долго не могли оставить этого убѣжденія, которое лелѣяли такъ же, какъ евреи, ожидающіе пришествія мессіи.

Во времена Монтезумы господствовала, повидимому, общая увѣренность, что близокъ періодъ возвращенія благодѣтельнаго божества и исполненія всѣхъ его обѣщаній; она, какъ говорятъ, усилилась отъ разныхъ сверхъестественныхъ случаевъ, о которыхъ разсказываютъ съ большею или меньшею подробностью старинные историки. Въ 1510 году большое озеро Тецкуко, безъ бури, землетрясенія или какой-либо видимой причины, вдругъ сильно заволновалось, выступило изъ береговъ, разлилось по улицамъ Мексики и смыло многія зданія. Въ 1511 году загорѣлась одна изъ башенокъ главнаго храма, также безъ видимой причины, и продолжала пылать, не взирая на всѣ усилія погасить пожаръ. Въ слѣдующіе годы видѣли три кометы, а незадолго до прибытія ис-

панцевъ показалось на востокѣ странное сіяніе, которое разстилалось широко по основанію своему на горизонтѣ и возвышалось въ пирамидальной формѣ до самаго зенита.—Въ то же время въ воздухѣ носились такіе жалобные звуки и зловѣщія стенанія, которые какъ будто предрекали страшное, таинственное бѣдствіе! Ацтекскій монархъ, испуганный этими небесными явленіями, рѣшился спросить мнѣнія Незагуальпили, глубоко изучившаго науку астрологіи; но царственный мудрецъ набросилъ на его душу еще мрачнѣйшее облако, прочитавъ въ этихъ чудесахъ знаки скорой гибели имперіи.

Таковы сохранившіяся въ сказаніяхъ лѣтописцевъ странныя повѣсти, въ которыхъ, пожалуй, можно отъискивать проблески истины. Прошло около 30-ти лѣтъ со времени открытія острововъ Коломбомъ и больше 20-ти съ тѣхъ поръ, какъ онъ посѣтилъ въ первый разъ материкъ Америки. Слухи, болѣе или менѣе смутные, о чудномъ появленіи бѣлыхъ людей, которые держатъ въ своихъ рукахъ громъ и молнію, что во многихъ отношеніяхъ сходно съ легендами о Кветцалькоатлѣ, должны были, весьма естественно, распространиться между всѣми индійскими племенами; они, безъ сомнѣнія, дошли до Мексики задолго до прихода испанцевъ къ американскимъ берегамъ и наполнили умы ожиданіемъ чего-то необыкновеннаго.

Когда въ столицѣ получили извѣстіе о приходѣ Грихальвы къ берегамъ, сердце Монтезумы наполнилось отчаяніемъ;, онъ чувствовалъ, что бѣда, тяготѣвшая такъ долго надъ его династіей должна обрушиться и лишить ее скипетра навсегда. Хотя отплытіе испанцевъ успокоило его до нѣкоторой степени, однако онъ велѣлъ разставить часовыхъ на всѣхъ высотахъ, и, когда испанцы возвратились съ Кортесомъ, онъ первый, вѣроятно, былъ увѣдомленъ объ этомъ нерадостномъ событіи. По его повелѣнію, губернаторъ области сдѣлалъ пришельцамъ такой гостепріимный пріемъ. Іероглифическое донесеніе о чудныхъ иноземцахъ, дошедшее до столицы, оживило всѣ прежніе страхи Монтезумы; онъ немедленно собралъ главныхъ своихъ совѣтниковъ и предложилъ этотъ затруднительный вопросъ на ихъ разсмотрѣніе.

Повидимому, мнѣнія собранія были разногласны: одни утверждали, что должно противиться чужеземцамъ силою или хитростью, другіе думали, что если это существа сверхъестественныя, то ни сила, ни хитрость не помогутъ, а если они, какъ сами увѣряютъ, дѣйствительно, послы неизвѣстнаго государя, то политика такого рода будетъ несправедлива и безчестна. Что они не принадлежатъ къ породѣ Кветцалькоатля — это вывели изъ враждебныхъ дѣйствій испанцевъ противъ религіи. Но Монтезума, основываясь больше на своихъ собственныхъ неопредѣленныхъ опасеніяхъ, предпочелъ держаться средины,—политики, какъ всегда бываетъ, самой неблагоразумной тамъ, гдѣ нужна твердость. Онъ рѣшился отправить къ пришельцамъ посольство съ великолѣпнымъ подаркомъ, который внушилъ бы имъ высокую идею о величіи его и ресурсахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ имъ приближаться къ столицѣ. Подобная мѣра могла только обнаружить его богатство и слабость.

Пока ацтекскій дворъ былъ такимъ образомъ взволнованъ прибытіемъ испанцевъ, они страдали отъ нестерпимыхъ жаровъ и удушливой атмосферы песчаной пустыни, за которой былъ расположенъ лагерь. Внимательность дружелюбныхъ жителей доставляла имъ всевозможныя облегче-

нія: они, по приказанію своего губернатора, устроили изъ вѣтвей и цыновокъ больше тысячи шалашей, въ которыхъ поселились по близости лагеря, и готовили безвозмездно разныя кушанья для Кортеса и его офицеровъ, тогда какъ солдаты добывали себѣ въ обмѣнъ за привезенныя ими для торга бездѣлушки все, что было нужно для продовольствія.

По прошествіи семи или восьми дней, мексиканское посольство снова явилось въ лагерь. Оно состояло изъ двухъ ацтекскихъ вельможъ, въ сопровожденіи губернатора Теухтлиле и ста невольниковъ, несшихъ царственные подарки Монтезумы.

Войдя въ палатку генерала, послы привѣтствовали его и испанскихъ офицеровъ знаками почтенія, обычными при свиданіяхъ съ высокими особами: они коснулись земли обѣими руками и потомъ приложили ихъ къ головѣ; въ это время воздухъ наполнился густыми облаками благоуханій изъ принесенныхъ слугами курильницъ. Потомъ раскинули нѣсколько затѣйливо-сплетенныхъ цыновокъ, и на нихъ невольники разложили всѣ разнородные подарки Монтезумы. Тутъ были щиты, шлемы, кирасы, съ набитыми на нихъ бляхами и украшеніями изъ чистаго золота, ожерелья и браслеты изъ того же металла, сандаліи, опахала, султаны и нашлемники изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, перевитые золотыми и серебряными шнурками и осыпанные жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; изображенія птицъ и звѣрей, изваянныя и отлитыя изъ золота и серебра, самой изящной отдѣлки; занавѣсы, покрывала и одежды изъ бумажной пряжи, тонкой, какъ шелкъ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и протканной сдѣланными изъ перьевъ узорами, которые по нѣжности обработки рисунковъ могли соперничать съ живописью. Въ добавокъ къ этому было больше тридцати кипъ бумажныхъ суконъ. Въ числѣ вещей былъ также посланный въ столицу испанскій шлемъ; его возвратили наполненнымъ до краевъ золотымъ пескомъ. Но больше всего возбудили удивленіе испанцевъ два круглыя блюда, золотое и серебряное, «величиною съ каретное колесо», золотое съ изображеніемъ солнца, окруженнаго фигурами растеній и звѣрей, означавшихъ, вѣроятно, іероглифы годовъ ацтекскаго столѣтія.

Испанцы не могли скрыть своего восторга при видѣ сокровищъ, такъ много превосходившихъ все, что имъ представляли самыя заносчивыя ихъ мечты. Какъ ни были богаты матеріалы, но ихъ превышали красота и великолѣпіе отдѣлки.

Когда Кортесъ и его офицеры осмотрѣли подарки, посланники передали съ вѣжливостью отвѣтъ Монтезумы. «Государю ихъ», говорили они, «очень пріятно быть въ сношеніяхъ съ такимъ могущественнымъ монархомъ, какъ испанскій король, къ которому онъ чувствуетъ самое глубокое уваженіе. Онъ сожалѣетъ только, что долженъ отказаться отъ личнаго свиданія съ испанцами: разстояніе до столицы слишкомъ велико, путешествіе сопряжено съ величайшими трудностями и опасностями отъ сильныхъ враговъ, почему предпринять его невозможно; а потому самое лучшее, что могутъ сдѣлать чужеземцы,—возратиться въ свое отечество со знаками его дружескаго расположенія».

Кортесъ, хотя сильно огорченный рѣшительнымъ отказомъ Монтезумы принять его, скрылъ свое неудовольствіе, какъ могъ, и выразилъ въ отборныхъ словахъ, что онъ глубоко чувствуетъ милость и щедроты мексиканскаго императора, но просилъ пословъ еще разъ передать Мон-

тезумѣ его прошеніе вмѣстѣ съ небольшимъ дополнительнымъ знакомъ его почтительности. Ацтекскіе посланники, однако, не обнаружили большой готовности взять на себя доставленіе подарка или прошенія испанскаго генерала. Оставляя лагерь, они сказали Кортесу, что считаютъ желаніе его совершенно неудобоисполнимымъ.

Великолѣпное сокровище, ослѣплявшее глаза испанцевъ, возбуждало въ нихъ различныя ощущенія, смотря по характеру и наклонностямъ каждаго. Въ однихъ оно зажгло пламенное желаніе отважиться и завоевать страну, наполненную такими несмѣтными богатствами; другіе видѣли въ этомъ доказательство могущества слишкомъ грознаго, чтобъ можно было дерзнуть бороться съ нимъ при настоящихъ незначительныхъ силахъ. А потому они считали благоразумнѣйшимъ возвратиться и донести о своихъ дѣйствіяхъ губернатору Кубы, гдѣ можно будетъ сдѣлать приготовленія, соразмѣрныя такому обширному предпріятію. Очень понятно, что ощущалъ геройскій духъ Кортеса: трудности скорѣе подстрекали его къ исполненію смѣлыхъ замысловъ, чѣмъ заставляли отказываться отъ нихъ. Но онъ весьма благоразумно молчалъ; по крайней мѣрѣ, при другихъ, и желалъ, чтобъ такой важный шагъ былъ сдѣланъ вслѣдствіе единодушнаго желанія всего войска, а не по одному только его личному побужденію.

Между тѣмъ, испанцы значительно страдали отъ неудобствъ своего положенія среди палящихъ песковъ и злокачественныхъ испареній сосѣднихъ болотъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ этихъ знойныхъ странъ, которыя не давали имъ покоя ни днемъ, ни ночью. Тридцать человѣкъ уже заболѣли и умерли—потеря весьма ощутительная въ такой маленькой дружинѣ. Къ довершенію неудовольствій, обнаружившаяся холодность мексиканскихъ вельможъ перешла и къ низшему разряду туземцевъ: доставка продовольствія въ лагерь не только значительно уменьшилась, но жители требовали уже за свои припасы непомѣрныя цѣны. Положеніе судовъ, стоявшихъ на якорѣ на открытомъ рейдѣ, было также невыгодно.

Обстоятельства эти заставили генерала послать два судна, подъ начальствомъ Франциско де-Монтехо и одного опытнаго лоцмана, для осмотра береговъ къ сѣверу, для отысканія безопаснѣйшаго порта для эскадры и удобнѣйшаго мѣста для лагеря.

По прошествіи десяти дней, возвратились мексиканскіе послы и привезли съ собою добавочный подарокъ изъ богатыхъ матерій и металлическихъ украшеній, которыя, впрочемъ, уступали въ цѣнности первымъ; отвѣтъ Монтезумы былъ въ сущности тотъ же, что и прежде. Онъ положительно воспрещалъ испанцамъ приближеніе къ столицѣ и выражалъ увѣренность, что они, получивъ то, чего наиболѣе желали, возвратятся безъ дальнѣйшаго безполезнаго отлагательства во-свояси. Кортесъ выслушалъ этотъ непріятный отвѣтъ учтиво, хотя нѣсколько холодно, и воскликнулъ, обратясь къ своимъ: «Дѣйствительно, это государь богатый и могущественный; однако, мы когда нибудь придемъ къ нему въ гости въ его столицу!».

Пока длились эти переговоры, заблаговѣстили къ вечернѣ. При звонѣ колокола, всѣ солдаты бросились на колѣни и произнесли обычную молитву, обратясь къ огромному деревянному кресту, водруженному въ пескахъ. Видя, что ацтеки смотрятъ на это съ любопытнымъ изумле-

ніемъ, Кортесъ счелъ такую минуту благопріятною для внушенія имъ того, что онъ считалъ первостепенною цѣлью экспедиціи. Отецъ Ольмедо объяснилъ посламъ, какъ только могъ кратче и яснѣе, великія основныя правила христіанства, коснувшись, вмѣстѣ съ тѣмъ, чистилища, страстей Господнихъ и воскресенія, и заключилъ увѣреніемъ, что они имѣютъ непреклонное намѣреніе искоренить языческіе обряды индѣйскихъ народовъ и замѣнить ихъ поклоненіемъ единому истинному Богу. Потомъ онъ вручилъ имъ маленькій образокъ Св. Дѣвы и Младенца, требуя, чтобы они поклонялись ему въ своихъ храмахъ, вмѣсто идоловъ ихъ кровожадныхъ божествъ. Когда кончилось поученіе добраго монаха, ацтеки удалились съ видомъ скрытой недовѣрчивости, нисколько не похожей на дружественную любезность, которую они обнаружили при первомъ свиданіи съ испанцами. Въ ту же ночь всѣ окружавшіе лагерь шалаши были покинуты поселившимися тамъ туземцами, и испанцы увидѣли себя безъ продовольствія среди совершенной пустыни. Поступокъ этотъ имѣлъ такой подозрительный видъ, что Кортесъ сталъ опасаться нападенія и принялъ нужныя предосторожности.

Наконецъ вся армія была обрадована появленіемъ Монтехо, который возвратился послѣ двѣнадцатидневнаго отсутствія. Онъ прошелъ по заливу до Пануко, гдѣ встрѣтилъ, стараясь обогнуть одинъ мысъ, такія страшныя бури, что его отнесло назадъ и едва не залило. Въ продолженіе всего своего крейсерства онъ нашелъ одинъ только портъ, довольно сносно защищенный отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Между тѣмъ, солдаты роптали больше и больше, по мѣрѣ продолженія пребыванія своего въ этой странѣ. Неудовольствіе ихъ увеличилось, когда они узнали намѣреніе генерала перейти въ портъ, открытый Францискомъ де-Монтехо. —«Пора воротиться», говорили они, «и донести обо всемъ губернатору Кубы, а не медлить на этихъ голыхъ берегахъ, пока на насъ рухнутъ всѣ силы мексиканской имперіи!» Кортесъ уклонялся, какъ могъ, отъ ихъ настойчивыхъ требованій и увѣрялъ, что еще не отъ чего приходить въ отчаяніе.

Пока это происходило, въ лагерь пришло пятеро индѣйцевъ, которыхъ немедленно ввели въ палатку генерала. Одеждою и наружностію они вовсе не походили на мексиканцевъ: они носили въ ушахъ и ноздряхъ золотыя кольца съ блестящими синими каменьями, а на нижней губѣ золотой листъ затѣйливаго узора. Они сказали, что пришли изъ Семпоаллы, главнаго города тотонаковъ, могущественнаго народа, который пришелъ на плоскую возвышенность много столѣтій тому назадъ. Земля ихъ была недавно завоевана ацтеками, которыхъ угнетенія сдѣлались для нихъ нестерпимыми. Они сообщили Кортесу много разныхъ подробностей и присовокупили, что слава объ испанцахъ достигла до ихъ государя, который послалъ пригласить чудныхъ иноземцевъ въ свою столицу.

Генералъ слушалъ ихъ съ жадностью: ему не были извѣстны подробности о внутреннемъ состояніи мексиканской имперіи, которую онъ воображалъ не иначе, какъ сильною и крѣпко связанною въ своихъ составныхъ частяхъ. Теперь умъ его озарился лучемъ важной истины, и онъ понялъ сразу, какимъ могучимъ союзникомъ можетъ ему служить духъ раздора, царствующій внутри этой варварской монархіи. Онъ принялъ предложеніе тотонаковъ весьма благосклонно и, освѣдомившись, по

возможности, о ихъ состоянiи и средствахъ, отпустилъ пословъ съ подарками, обѣщая въ скоромъ времени посѣтить ихъ столицу.

Между тѣмъ, личные друзья Кортеса старались убѣдить войско содѣйствовать его честолюбивымъ замысламъ, на которые онъ не имѣлъ разрѣшенiя Веласкеса. «Воротиться теперь», говорили они, «значило бы отказаться отъ предпрiятiя, которое при такомъ начальникѣ поведетъ неминуемо къ славѣ и несмѣтнымъ богатствамъ и передать жадности губернатора небольшiе барыши, прiобрѣтенные съ такими трудами и опасностями. Намъ остается одно: убѣдить генерала, чтобъ онъ устроилъ въ здѣшнемъ краю колонiю, которая будетъ управляться сама собою, къ выгодѣ каждаго изъ своихъ членовъ».

Подобныя совѣщанiя не могли сохраниться въ тайнѣ отъ друзей Веласкеса, которые возстали противъ нихъ и требовали, чтобъ генералъ принялъ скорѣйшiя мѣры къ возвращенiю войскъ въ Кубу, иначе, они отправятся сами со всѣми тѣми, кто остался вѣренъ губернатору.

Кортесъ, не оскорбясь нисколько такими высокомѣрными требованiями, отвѣчалъ съ кротостью, что «онъ вовсе не имѣетъ желанiя выходить изъ предѣловъ, данныхъ ему инструкцiей. Самъ онъ, дѣйствительно, предпочелъ бы остаться здѣсь и продолжать выгодныя сношенiя съ туземцами; но если войско думаетъ иначе, то онъ вполнѣ готовъ сообразоваться съ его желанiемъ и сдѣлаетъ немедленно нужныя распоряженiя къ отплытiю». На слѣдующее утро былъ объявлёнъ приказъ войску—готовиться сѣсть на суда и возвратиться на Кубу.

Приказъ генерала произвелъ въ лагерѣ большое волненiе. Многiе, даже изъ тѣхъ, которые съ шумомъ требовали этого, стали раскаяваться въ своей поспѣшности. Приверженцы Кортеса толпились вокругъ его палатки съ громкими криками, что генералъ обманулъ ихъ, и требовали отмѣны отданнаго имъ приказа.

Кортесъ принялъ это со смущеннымъ видомъ человѣка, вовсе не приготовленнаго къ подобному требованiю; онъ скромно попросилъ срока на размышленiе и обѣщалъ дать отвѣтъ на другой день. На слѣдующее утро онъ собралъ все войско и произнесъ ему краткую рѣчь. «Нѣтъ человѣка», говорилъ онъ, «преданнаго больше меня благу государей и славѣ испанскаго имени. Я не только истратилъ все, что имѣлъ, но даже вошелъ въ тяжкiе долги, устраивая и снабжая эту экспедицiю, въ надеждѣ вознаградить свои расходы продолженiемъ торга съ мексиканцами. — Но если солдаты предпочитаютъ дѣйствовать иначе, я охотно отлагаю свои выгоды для пользы государства». Онъ заключилъ изъявленiемъ готовности принять всѣ нужныя мѣры для основанiя колонiи, во имя испанскихъ государей, и для назначенiя магистрата, который бы управлялъ ею.

Всѣ эти переговоры послѣдовали одинъ за другимъ такъ быстро, что партiя губернатора была застигнута въ расплохъ и не успѣла составить никакого плана оппозицiи. — Когда послѣдняя мѣра была принята, они разразились бурнымъ ропотомъ негодованiя и называли всѣ эти дѣйствiя систематическимъ заговоромъ противъ Веласкеса; это повело къ жаркимъ возраженiямъ со стороны приверженцевъ Кортеса, и отъ словъ дѣло дошло почти до драки. Нѣкоторые изъ главныхъ рыцарей такъ дѣятельно подстрекали эти крамолы, что Кортесъ рѣшился прекратить ихъ смѣлымъ ударомъ: онъ приказалъ заковать зачинщиковъ и отправить

на суда. Потомъ, раздѣливъ бунтующихъ солдатъ, онъ отрядилъ многихъ изъ нихъ въ число сильной партіи, посланной подъ начальствомъ Альварадо для фуражировки по окрестностямъ и для снабженія провизіею лагеря.

Въ отсутствіе ихъ, Кортесъ употребилъ въ дѣло всѣ аргументы, какіе только могли убѣдить корысть и честолюбіе, чтобъ склонить на свою сторону строптивыхъ. Обѣщанія и даже золото сыпались щедрою рукою, пока, наконецъ, умы непокорныхъ не дошли до болѣе яснаго уразумѣнія дѣла. Когда возвратились фуражиры съ хорошимъ запасомъ зелени и живности и гласъ желудка былъ усмиренъ, бодрость возвратилась вмѣстѣ съ изобиліемъ, и враждебныя партіи обнялись, какъ соратники, посвятившіе себя одному великому предпріятію. Даже арестованные на судахъ высокомѣрные гидальги не могли долго выстоять противъ общаго потока примиренія и присоединились одинъ за другимъ къ новому правленію.

Такова была ловкость этого необыкновеннаго человѣка и вліяніе, которое онъ пріобрѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ надъ буйными умами своихъ неугомонныхъ сподвижниковъ! Искуснымъ превращеніемъ воинскаго стана въ гражданскую общину устроилъ онъ себѣ новое и болѣе вѣрное основаніе для дальнѣйшихъ операцій: теперь могъ онъ смѣло идти впередъ, признавая надъ собою власть одной только короны.

Возстановивъ такимъ образомъ доброе согласіе, Кортесъ отправилъ свою тяжелую артиллерію на суда и велѣлъ имъ идти вдоль берега къ сѣверу, на Чіагуитсалы, города, около котораго находится портъ, предназначенный для новой колоніи; самъ онъ рѣшился на пути туда берегомъ посѣтить Семпоаллу.

На пути своемъ испанцы прошли черезъ нѣсколько покинутыхъ селеній, въ которыхъ были индѣйскіе храмы; въ нихъ нашли они курильницы, разныя священныя принадлежности и картинописные манускрипты на бумагѣ изъ волоконъ agave, заключавшіе въ себѣ, вѣроятно, описаніе религіозныхъ обрядовъ туземцевъ. Они увидѣли также отвратительное зрѣлище, съ которымъ впослѣдствіи освоились,—изуродованные трупы жертвъ, умерщвленныхъ на богомерзкихъ алтаряхъ кровожадныхъ божествъ страны. Испанцы отворачивались съ негодованіемъ отъ этихъ противныхъ сценъ, такъ несвойственныхъ окружавшимъ ихъ очаровательнымъ красотамъ природы.

Они шли вдоль береговъ рѣки къ ея источнику, гдѣ были встрѣчены 12-ю индѣйцами, высланными касикомъ Семпоаллы, чтобъ указать имъ дорогу въ его столицу. Ночь они провели на бивуакахъ, на открытомъ лугу, гдѣ были въ изобиліи снабжены всѣмъ необходимымъ своими новыми друзьями, а на слѣдующее утро оставили за собою рѣку и, направясь къ сѣверу, достигли обширнаго пространства, покрытаго роскошными равнинами и живописными лѣсами, красовавшимися во всемъ блескѣ тропической растительности.

Приближаясь къ индѣйской столицѣ, они увидѣли заботливо-содержимые сады и огороды, тянувшіеся по обѣимъ сторонамъ дороги. Тутъ ихъ встрѣтили толпы туземцевъ обоего пола, которыхъ число возрастало съ каждымъ ихъ шагомъ. Мужчины и женщины, съ букетами и гирляндами въ рукахъ, вмѣшивались безбоязненно въ ряды солдатъ; они украсили цвѣтами шею боеваго коня Кортеса и надѣли на его шлемъ

розовый вѣнокъ. Вообще, народъ этотъ очень любилъ цвѣты и разводилъ ихъ съ большимъ стараніемъ и искусствомъ, въ чемъ много содѣйствовалъ теплый и влажный климатъ, возбуждавшій почву къ произращенію всякаго рода растительности. Тотъ же утонченный вкусъ господствовалъ, какъ мы увидимъ, и между воинственными ацтеками, и пережилъ униженіе народа въ лицѣ ихъ нынѣшнихъ потомковъ.

Многія женщины, судя по богатой одеждѣ и многочисленной свитѣ, принадлежали къ высшему классу; на нихъ были платья изъ тонкихъ бумажныхъ тканей, съ затѣйливыми узорами; платья эти доходили отъ шеи—у низшаго класса отъ пояса—до икръ. Мужчины носили родъ плаща изъ того же матеріала, по-мавритански накинутый черезъ плечи, и шарфы или кушаки на поясѣ. У обоихъ половъ были видны украшенія изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, а въ ушахъ и въ носу продѣты кольца изъ того же металла.

Передъ самымъ входомъ въ городъ, нѣсколько испанскихъ всадниковъ, выѣхавшихъ впередъ, возвратились съ изумительнымъ извѣстіемъ: «что они заглянули въ ворота и увидѣли тамъ дома, выложенные снаружи полированнымъ серебромъ!». Серебро это оказалось блестящимъ стюкомъ, которымъ были покрыты главныя зданія—обстоятельство, весьма позабавившее солдатъ насчетъ ихъ легковѣрныхъ товарищей. Такая готовность вѣрить чудесному можетъ служить доказательствомъ восторженнаго воображенія испанцевъ, которые видѣли золото и серебро во всемъ, что ихъ окружало. Первоклассныя строенія были сооружены изъ камня и извести, или изъ сушеныхъ на солнцѣ кирпичей; а бѣднѣйшія были глиняныя мазанки. Всѣ были покрыты пальмовыми листьями; хотя крыши эти казались слишкомъ легкими для такихъ зданій, но листья были переплетены между собою такъ искусно, что доставляли надежную защиту отъ непогодъ.

Городъ имѣлъ, какъ говорили, отъ 20 до 30 т. жителей. Молча и тихо шли испанцы по узкимъ и многолюднымъ улицамъ Семпоаллы, внушая туземцамъ столько же удивленія, сколько они ощущали сами при видѣ порядка и образованности, такъ далеко превосходившихъ все, что имъ встрѣчалось въ Новомъ Свѣтѣ. Кацикъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу на порогъ своего дома. То былъ человѣкъ высокій и дородный; онъ приблизился, опираясь на двоихъ приближенныхъ, и принялъ Кортеса и его сподвижниковъ съ величайшею ласкою. Послѣ краткаго обмѣна учтивостей онъ предложилъ испанцамъ сосѣдній храмъ, на широкій дворъ котораго выходило множество покоевъ, могшихъ служить солдатамъ превосходнымъ помѣщеніемъ.

Тутъ испанцы были вдоволь снабжены съѣстными припасами, разными мясными кушаньями, приготовленными по обычаю страны, и лепешками, испеченными изъ маисовой муки. Генералъ получилъ отъ кацика довольно цѣнный подарокъ, состоявшій изъ золотыхъ украшеній и тонкихъ бумажныхъ тканей. Несмотря на такой дружественный пріемъ, Кортесъ не ослаблялъ своей обычной бдительности и не упустилъ изъ вида ни одной военной предосторожности. По дорогѣ въ Семпоаллу онъ шелъ всегда въ боевомъ порядкѣ, готовый отразить всякое внезапное нападеніе. Здѣсь онъ разставилъ часовыхъ съ такою же заботливостью, помѣстилъ артиллерію на самомъ выгодномъ мѣстѣ для защиты входа и запретилъ солдатамъ, подъ опасеніемъ смертной казни, отлучаться безъ приказанія изъ лагеря.

На слѣдующее утро Кортесъ, въ сопровожденіи пятидесяти человѣкъ, отправился съ визитомъ къ владѣтелю Семпоаллы, въ собственную его резиденцію — обширное каменное зданіе, воздвигнутое на крутой земляной насыпи, на которую всходили по ряду каменныхъ ступеней. Построеніемъ своимъ оно могло походить на древнія зданія, находимыя и до сихъ поръ въ центральной Америкѣ. Кортесъ, оставя солдатъ во дворѣ, вошелъ въ чертоги съ однимъ изъ гидальговъ и съ прекрасною переводчицей, донною Мариной. Завязался продолжительный разговоръ, изъ котораго испанскій генералъ почерпнулъ много свѣдѣній касательно внутренняго состоянія страны. Сначала Кортесъ объявилъ кацику, что онъ подданный великаго государя, живущаго за морями; что онъ пришелъ къ ацтекскимъ берегамъ для уничтоженія господствующей тамъ безчеловѣчной вѣры и для наученія людей познанію истиннаго Бога. Кацикъ отвѣчалъ, что ихъ боги, которые ниспосылаютъ свѣтъ и дождь, по его мнѣнію, достаточно хороши; что и онъ данникъ могущественнаго государя, котораго столица находится на берегахъ озера, далеко отсюда, среди горъ—государя жестокаго, немилосердаго въ своихъ требованіяхъ, который, въ случаѣ непокорности, или какой бы то ни было вины, навѣрно отомститъ безпощадно,—уведетъ юношей и дѣвъ на закланіе своимъ божествамъ. Кортесъ объявилъ, что онъ накакъ не допуститъ до такого звѣрства, потому что посланъ своимъ государемъ для «искорененія зла и наказанія притѣснителей», и если тотонаки будутъ ему вѣрны, то онъ поможетъ имъ свергнуть ненавистное иго ацтековъ.

Кацикъ присовокупилъ, что на землѣ тотонаковъ можно насчитать около тридцати городовъ и деревень, которые могутъ выставить сто тысячъ воиновъ — число слишкомъ преувеличенное. Есть также другія области имперіи, говорилъ онъ, гдѣ правленіе ацтековъ столько же тягостно, какъ здѣсь; что между нимъ и столицею находится воинственная республика Тласкала, которая всегда сохраняла свою независимость отъ Мексики. Но все-таки онъ смотрѣлъ со страхомъ и сомнѣніемъ на разрывъ съ «великимъ Монтезумой», котораго войска, при малѣйшемъ поводѣ, низринутся со своихъ горъ, пронесутся, какъ вихрь, по равнинамъ и увлекутъ въ рабство и на закланіе несчастныхъ жителей.

Кортесъ пытался успокоить его и увѣрилъ, что одинъ испанецъ сильнѣе цѣлаго войска ацтековъ; онъ спросилъ, на содѣйствіе какихъ народовъ ему можно будетъ разсчитывать, чтобы знать, кого щадить въ истребительной войнѣ, которую онъ намѣревается начать. Ободривъ удивленнаго кацика такою ловкою похвальбой, онъ простился съ нимъ дружески, увѣривъ, что скоро опять съ нимъ увидится для совѣщанія о планѣ будущихъ дѣйствій, теперь же съѣздитъ осмотрѣть свои корабли въ близкій оттуда портъ и устроитъ тамъ постоянную колонію.

Мѣстность, избранная для новаго города, была не болѣе, какъ въ полу-лигѣ разстоянія, на обширной и плодородной равнинѣ; портъ могъ служить довольно сноснымъ убѣжищемъ для судовъ. Кортесу нужно было немного времени для опредѣленія окружности городской стѣны и мѣстъ для форта, провіантскихъ магазиновъ, ратуши, церкви и другихъ публичныхъ зданій. Дружелюбные индѣйцы помогали съ жаромъ своимъ новымъ союзникамъ и натаскали имъ вдоволь камня, извести, глины, лѣса и сушеныхъ на солнцѣ кирпичей. Всѣ принялись усердно за работу. Генералъ трудился вмѣстѣ съ послѣднимъ солдатомъ и поощрялъ всѣхъ сло-

вомъ и примѣромъ. Въ нѣсколько недѣль дѣло было сдѣлано, и воздвигся городъ, хотя и не совершенно достойный своего пышнаго имени, но соотвѣтствовавшій большей части потребностей своего назначенія. Онъ могъ служить хорошимъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ операцій, убѣжищемъ для больныхъ и раненыхъ, а также для самой арміи въ случаѣ, еслибъ она претерпѣла пораженіе; магазиномъ для разныхъ припасовъ или вещей, которыя могли бы прибыть изъ отечества или отсылаться туда; портомъ для судовъ и, наконецъ, достаточно крѣпкою позиціей для владычества надъ окрестною страною.

То была первая колонія въ Новой Испаніи. Простодушные туземцы привѣтствовали ее съ удовольствіемъ, надѣясь на спокойствіе и безопасность подъ ея охранительною сѣнью. Увы! они не могли читать въ будущемъ: иначе нашли бы мало причинъ радоваться этому предтечѣ переворота, болѣе грознаго, чѣмъ все, что имъ предсказывали ихъ барды и пророки. То былъ не благодѣтельный Кветцалькоатль, возвратившійся къ своему народу съ миромъ, свободой и просвѣщеніемъ. Правда, оковы ихъ будутъ разбиты; за обиды ихъ будетъ страшно отмщено гордымъ ацтекамъ, но все это сдѣлаетъ могучая рука, которая низвергнетъ въ прахъ и притѣснителей, и угнетенныхъ. Свѣтъ просвѣщенія озаритъ ихъ страну; но то будетъ свѣтъ пожирающаго пламени, предъ которымъ падутъ и исчезнутъ ихъ обычаи, ихъ варварская слава, ихъ народное существованіе, даже самое имя! Приговоръ былъ уже произнесенъ, лишь только нога бѣлаго человѣка ступила на ихъ почву....

XVIII. ФРАНЦИСКО ПИЗАРРО, ОТКРЫТІЕ И ЗАВОЕВАНІЕ ПЕРУ.

(По соч. Прескотта «Завоеваніе Перу», Отеч. Записки за 1848—49 годы).

Слухи о Перу.—Франциско Пизарро.—Первая экспедиція къ югу.—Возвращеніе въ Панаму.—Экспедиція Альмагро.—Вторая экспедиція.—Прибытіе свѣжихъ подкрѣпленій.—Новыя открытія и бѣдствія.—Пизарро на о. Галло.—Гнѣвъ губернатора.—Продолженіе путешествія.—Видъ Тумбеца.—Открытія вдоль берега.—Возвращеніе въ Панаму.—Поѣздка Пизарро въ Испанію.—Пріемъ, сдѣланный ему при дворѣ.—Договоръ съ правительствомъ.—Возвращеніе Пизарро въ Новый Свѣтъ.—Неудовольствія Альмагро. — Третья экспедиція. — Перу въ эпоху завоеванія. — Братья инки.—Споръ за престолъ.—Торжество и жестокости Атагуальпы. — Испанцы въ Тумбецѣ.—Движеніе во внутрь страны.—Переходъ черезъ Анды.—Посольство отъ Атагуальпы.—Испанцы въ Кахамалкѣ.—Свиданіе съ инками.—Отчаянное положеніе испанцевъ. — Отчаянный планъ Пизарро. — Страшное кровопролитіе. — Взятіе въ плѣнъ Атагуальпы.—Жизнь его въ заключеніи.—Слухи о возстаніи.—Судъ надъ Атагуальпой и казнь его.—Походъ на Куско.—Описаніе этого города.—Сокровища, найденныя въ немъ.

Подъ вліяніемъ духа морскихъ предпріятій, который господствовалъ въ Европѣ въ XVI вѣкѣ, американскій материкъ былъ осмотрѣнъ менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ спустя послѣ его открытія, начиная отъ Лабрадора и до Огненной Земли. Но между тѣмъ, какъ весь восточный берегъ Америки былъ уже осмотрѣнъ и въ центральной части ея заведены колоніи—даже по успѣшномъ окончаніи завоеванія Мексики—завѣса, скрывавшая золотые берега Тихаго океана, еще не была приподнята.

По временамъ доходили до испанцевъ неясные слухи о странахъ, лежащихъ на далекомъ западѣ и изобилующихъ металломъ, котораго они такъ жаждали; но первое опредѣлительное свѣдѣніе о Перу относится не ранѣе, какъ къ 1511 году, когда Васко Нунецъ де-Бальбоа, наслышавшись отъ дикарей о землѣ, гдѣ «пьютъ и ѣдятъ изъ золотыхъ сосудовъ и гдѣ золото такъ же дешево, какъ желѣзо», перебрался чрезъ горныя громады перешейка, раздѣляющаго два великіе океана.

Тутъ собралъ онъ болѣе точныя свѣдѣнія о Перуанскомъ государствѣ и услышалъ многое о его просвѣщеніи. Но хотя Бальбоа и направилъ корабеллу свою къ этимъ золотымъ берегамъ и даже распространилъ открытія свои лигъ на двадцать южнѣе залива св. Михаила, однакожь не ему суждено было окончить начатое: онъ палъ жертвою зависти своего начальника Педраріаса, которому испанское правительство ввѣрило управленіе золотой Кастиліи, страны, избранной Нунесомъ Бальбоа для открытій.

Но Педраріасъ, однакожь, не былъ равнодушенъ къ великимъ выгодамъ, которыя можно было извлечь изъ открытій Нунеца де-Бальбоа. Увидѣвъ неудобство Даріэна для дальнѣйшихъ экспедицій въ Тихій океанъ, онъ перенесъ столицу свою съ береговъ Атлантическаго океана въ Старую Панаму, лежавшую нѣсколько къ востоку отъ нынѣшняго города этого имени. Это мѣсто имѣло весьма выгодное положеніе для отправленія морскихъ экспедицій къ сѣверу и югу, вдоль неизвѣстнаго еще тогда западнаго берега Америки. Не смотря на это выгодное положеніе, прошло еще нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ направленіе открытій обратилось къ сторонѣ Перу, такъ какъ, по приказанію испанскаго правительства, экспедиціи долгое время были направляемы къ сѣверу отъ Панамы для розысканія мнимаго пролива, пересѣкавшаго, какъ думали, Панамскій перешеекъ.

Въ 1522 году была наконецъ снаряжена экспедиція по направленію къ югу отъ Панамы подъ начальствомъ Паскуаля Андагоіи, но онъ доѣхалъ только до Пуэрто де-Пиньясъ, откуда болѣзнь заставила его возвратиться.

Между тѣмъ, блестящее завоеваніе Мексики придало новую силу страсти къ открытіямъ, и въ 1524 году въ Панамѣ было три человѣка, у которыхъ духъ предпріимчивости подавлялъ мысль о трудностяхъ и опасностяхъ, сопряженныхъ съ предпріятіемъ. Изъ числа ихъ одинъ, по характеру своему, казался наиболѣе способнымъ для приведенія дѣла къ желаемому концу. Человѣкъ этотъ былъ Франциско Пизарро, игравшій при завоеваніи Перу такую же замѣчательную роль, какую игралъ Кортесъ при завоеваніи Мексики.

Франциско Пизарро родился въ Испаніи около 1470 года. Объ юности его извѣстно весьма немногое. Родители о немъ мало заботились, и онъ росъ безъ всякаго воспитанія. Выросши и услышавъ толки о Новомъ Свѣтѣ, онъ убѣжалъ отъ своихъ родителей въ Севилью—пристань, изъ которой обыкновенно отправлялись испанскіе авантюристы за тѣмъ, чтобы поискать счастія на западѣ.

Въ Новомъ Свѣтѣ мы находимъ его въ первый разъ въ 1510 г. на островѣ Испаньйолѣ, откуда онъ участвовалъ въ экспедиціи, предпринятой на твердую землю. Далѣе мы находимъ его вмѣстѣ съ Бальбоа, открывшимъ Тихій океанъ. Пизарро сопровождалъ Бальбоа въ страшномъ переходѣ его черезъ горы перешейка.

После смерти Бальбоа Пизарро вступилъ въ службу къ Педраріасу и былъ посылаемъ своимъ новымъ начальникомъ во многія военныя экспедиціи. Но всѣ эти экспедиціи доставляли много чести, а не золота, и, достигнувъ уже пятидесяти лѣтъ, капитанъ Пизарро владѣлъ только полосою нездоровой земли вблизи Панамы и небольшимъ числомъ туземцевъ.

Таково было положеніе Пизарро, когда въ 1522 году Андагоія возвратился изъ своей неоконченной экспедиціи къ югу отъ Панамы и привезъ болѣе точныя свѣдѣнія о богатствѣ страны, лежащей далеко впереди. Тогда возникла и въ Пизарро мысль объ экспедиціи на югъ. Но собственныя его средства были такъ ограничены, что онъ не могъ надѣяться на успѣхъ безъ сильнаго содѣйствія со стороны другихъ. Онъ нашелъ это содѣйствіе въ двухъ обитателяхъ колоніи. Одинъ изъ нихъ, Діего де-Альмагро, былъ выслужившійся офицеръ, а другой, Фернандо де-Лукъ, былъ священникомъ въ Панамѣ. Бо̀льшая часть издержекъ была принята Лукомъ на свой счетъ, Альмагро долженъ былъ заботиться о снаряженіи кораблей и пріисканіи людей, а Пизарро—начальствовать экспедиціею.

Когда были куплены два корабля и нанято около сотни людей, Пизарро принялъ начальство надъ своимъ отрядомъ и отплылъ отъ панамской гавани въ срединѣ ноября 1524 года. Альмагро долженъ былъ послѣдовать за нимъ на другомъ кораблѣ, по окончаніи оснащенія его.

Коснувшись острова Жемчужинъ, находящагося не въ дальнемъ разстояніи отъ Панамы, Пизарро пересѣкъ заливъ св. Михаила и направился почти прямо на югъ отъ Пуэрто де-Пиньясъ, мыса, служившаго предѣломъ путешествію Андагоіи.

Обогнувъ Пуэрто де-Пиньясъ, маленькій корабль вошелъ въ рѣку Биру. Проплывъ вверхъ по рѣкѣ лиги двѣ, Пизарро высадился со всѣми людьми своими, за исключеніемъ матросовъ, и отправился осматривать край. Не найдя въ немъ ничего, кромѣ болотъ и лѣса, странники возвратились на корабль, спустились по рѣкѣ и потомъ продолжали держаться южнаго направленія, плывя по безпредѣльному океану. Но тутъ они должны были бороться съ непрерывными бурями, сопровождаемыми такими ливнями, какіе встрѣчаются только въ тропическихъ странахъ. Въ продолженіе десяти дней несчастные путешественники носились по произволу безжалостныхъ стихій, и только непрерывными усиліями удалось имъ спасти судно свое отъ крушенія. Къ довершенію бѣдствія, запасы ихъ начали истощаться.

Измученные голодомъ и борьбою со стихіями, путники рады были, что имъ удалось, наконецъ, пристать къ берегу нѣсколько миль южнѣе устья рѣки Биру. Но страна имѣла самый безотрадный видъ, представляя низменную и болотистую почву съ вредными испареніями и покрытую непроходимыми лѣсами. Испанцы стали опасаться голодной смерти и, обвиняя предводителя своего во всѣхъ бѣдствіяхъ, требовали возвращенія въ Панаму. Пизарро готовъ былъ лучше бороться съ большими бѣдствіями, чѣмъ возвратиться въ Панаму, но вынужденъ былъ сдѣлать уступку своимъ спутникамъ и отослать судно свое на островъ Жемчужинъ за запасами. Порученіе это возложено было на одного офицера Монтенегро, который взялъ съ собой почти половину всего экипажа.

По отплытіи корабля, Пизарро, обозрѣвая страну, открылъ неболь-

шую индѣйскую деревню. Робкіе жители, испуганные внезапнымъ появленіемъ чужеземцевъ, оставили хижины, и испанцы начали съ жадностію хватать все въ нихъ находившееся. Найдены были скудные съѣстные припасы; но голодные испанцы, питавшіеся нѣсколько недѣль сряду только раковинами и ягодами, смотрѣли на нихъ съ восторгомъ. Удивленные туземцы не пробовали защищаться, но, ободрившись тѣмъ, что ихъ самихъ никто не трогалъ, они стали подходить къ бѣлымъ и объясняться съ ними знаками. Дикари имѣли на себѣ довольно тяжеловѣсныя золотыя украшенія, хотя и грубой работы; они подтвердили Пизарро справедливость часто слышаннаго имъ прежде о богатой странѣ, лежащей далѣе на югъ.

Наконецъ, по прошествіи болѣе чѣмъ шести недѣль, испанцы увидѣли возвращеніе отправленнаго корабля, и Монтенегро присталъ къ берегу съ обильными запасами для голодныхъ земляковъ своихъ, которыхъ онъ едва узналъ: такъ измѣнились они отъ истощенія.

Подкрѣпивъ свои силы сытною пищею, которой такъ долго были они лишены, испанскіе кавалеры съ жаромъ устремились на дальнѣйшіе подвиги. Посадивъ снова весь отрядъ на корабль, Пизарро покинулъ мѣсто, ознаменованное столькими бѣдствіями, которому онъ далъ названіе Пуэрто дель-Гамбръ, т. е. пристань голода. Благопріятный вѣтеръ сопутствовалъ кораблю по направленію на югъ.

Если бы Пизарро смѣло направилъ корабль свой въ открытое море и не держался берега, онъ кратчайшимъ путемъ достигъ бы мѣста своего назначенія. Но вмѣсто этого испанскіе моряки подвигались, такъ сказать, ощупью, приставая къ берегу на всякомъ удобномъ мѣстѣ, какъбы опасаясь пропустить какую нибудь плодоносную землю или рудникъ драгоцѣнныхъ металловъ, если не осмотрятъ берега по всей длинѣ его.

Держась южнаго направленія подъ прикрытіемъ берега, Пизарро, послѣ непродолжительнаго пути, былъ въ виду малолѣсной полосы земли, которая становилась возвышеннѣе по мѣрѣ удаленія своего отъ морскаго берега. Пизарро высадился съ небольшимъ числомъ людей и въ скоромъ времени очутился среди индѣйской деревни. Жители разбѣжались, увидѣвъ приближеніе чужестранцевъ, и испанцы нашли въ покинутыхъ хижинахъ значительное количество маиса и другихъ съѣстныхъ припасовъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими грубыми украшеніями, сдѣланными изъ золота и имѣвшими значительную цѣнность. Но тутъ представилось имъ зрѣлище, на которое они не могли смотрѣть безъ содраганія. На огнѣ жарились куски человѣческаго мяса, которое дикари готовили для своего отвратительнаго обѣда. Испанцы, догадавшись, что попали къ племени караибовъ, поспѣшно удалились.

Продолжая путь вдоль берега, испанцы дошли до крутаго мыса, который Пизарро назвалъ Пунта-Квемада и гдѣ велѣлъ онъ бросить якорь. Весь берегъ былъ покрытъ густымъ рядомъ манговыхъ деревьевъ, между которыми сдѣлано было нѣсколько просѣкъ, что заставило Пизарро думать, что страна обитаема, и онъ вышелъ съ большею частью своихъ людей, чтобъ осмотрѣть мѣстность. Дѣйствительно, здѣсь они нашли большой индѣйскій городъ, жители котораго сначала разбѣжались, но потомъ, вооруженные луками и дротиками, сдѣлали на испанцевъ нападеніе. Хотя послѣднимъ и удалось отразить нападеніе, но позиція, на которой они въ первый разъ встрѣтили сопротивленіе, потеряла въ ихъ

глазахъ всю привлекательность. Необходимо было помѣстить раненыхъ въ безопасномъ мѣстѣ; притомъ опасно было плыть далѣе на поврежденномъ отъ бурь кораблѣ. Поэтому Пизарро рѣшилъ возвратиться назадъ и донести губернатору о всемъ случившемся; но, не желая безъ полнаго успѣха явиться къ нему на глаза, онъ высадился въ поселеніи Чикамѣ, лежащемъ на материкѣ, не въ далекомъ разстояніи къ западу отъ Панамы.

Между тѣмъ, Альмагро, снарядивъ другой корабль, поплылъ по слѣдамъ Пизарро, но, не найдя его, возвратился также къ Чикаму. Здѣсь они рѣшили, чтобы Пизарро остался въ Чикамѣ, а Альмагро отправился въ Панаму, чтобы объяснить всѣ обстоятельства дѣла губернатору и испросить его покровительства продолженію предпріятія.

Губернаторъ съ трудомъ соглашался дать позволеніе на совершеніе новой экспедиціи. Онъ принялъ Альмагро съ явнымъ неудовольствіемъ, холодно выслушалъ разсказы объ его страданіяхъ, усомнился въ блестящихъ надеждахъ его на будущее и сурово потребовалъ отчета въ людяхъ, принесенныхъ въ жертву упорству Пизарро. Уступая, наконецъ, убѣжденіямъ Альмагро и де-Лука, онъ, хотя и неохотно, изъявилъ свое согласіе на продолженіе начатаго.

Получивъ позволеніе начать новую экспедицію, три соучастника живо начали готовить все нужное для путешествія. Куплены были два корабля, которые и по величинѣ, и по удобствамъ своимъ превосходили суда, служившія имъ въ первой экспедиціи. Набрано было около 160 человѣкъ, куплено нѣсколько лошадей, и запасовъ было заготовлено больше, чѣмъ прежде. Хотя все-таки этого количества людей и запасовъ было недостаточно для завоеванія цѣлаго государства, но больше нельзя было набрать отчасти по недостатку средствъ, отчасти же потому, что неудача первой экспедиціи и значительная смертность, господствовавшая между принимавшими въ ней участіе людьми, отвращали многихъ отъ принятія участія во второй экспедиціи.

Снарядясь такъ хорошо, какъ только позволяли обстоятельства, оба капитана, каждый на своемъ кораблѣ, снова отплыли отъ Панамы, подъ управленіемъ Варѳоломея Руица, опытнаго и смѣлаго кормчаго. Не подходя къ промежуточнымъ прибрежнымъ пунктамъ, экспедиція пустилась прямо въ море, направляясь къ рѣкѣ св. Хуана, составлявшей крайній предѣлъ путешествія Альмагро. Сопутствуемые благопріятнымъ вѣтромъ, испанцы въ нѣсколько дней достигли благополучно устья этой рѣки. Войдя въ нее, они увидѣли, что берега ея усѣяны индѣйскими поселеніями. Пизарро, предводительствуя частью солдатъ своихъ, вышелъ на берегъ и успѣлъ захватить врасплохъ небольшую деревеньку, гдѣ нашелъ по домамъ значительную добычу золотыхъ украшеній и нѣсколько туземцевъ.

Упоенные восторгомъ этого успѣха, оба предводителя не сомнѣвались въ томъ, что видъ богатой добычи, пріобрѣтенной въ столь короткое время, привлечетъ къ нимъ много охотниковъ изъ Панамы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они чувствовали болѣе, чѣмъ когда либо, необходимость имѣть съ собою значительныя силы для того, чтобы быть въ состояніи бороться съ многолюднымъ народонаселеніемъ края, въ который прибыли. Рѣшено было, чтобы Альмагро возвратился въ Панаму съ добычею и старался пріискать тамъ подкрѣпленія, а кормчій Руицъ, на другомъ кораблѣ,

продолжалъ обозрѣвать края къ югу и развѣдалъ, по какому направленію должно будетъ подвигаться. Пизарро съ остальными людьми вознамѣрился остаться по близости рѣки, ибо плѣнные индѣйцы увѣрили его, что вблизи, внутри страны, лежитъ открытая полоса земли, гдѣ онъ и люди его могутъ найти для себя всѣ удобства. Этотъ планъ немедленно былъ приведенъ въ исполненіе. Мы послѣдуемъ сначала за отважнымъ кормчимъ въ плаваніи его къ югу.

Придерживаясь берега великаго материка и пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, Руицъ прежде всего достигъ небольшаго острова Галло, лежащаго подъ вторымъ градусомъ сѣверной широты. Не выходя на землю, онъ проплылъ вдоль берега до мѣста, называемаго нынѣ заливомъ св. Матѳея. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался, край казался все лучше и лучше обработаннымъ и болѣе населеннымъ. Берегъ покрытъ былъ зрителями, которые не изъявляли ни страха, ни непріязни. Они любовались кораблемъ бѣлыхъ людей и воображали, что какія-то таинственныя существа спустились къ нимъ съ облаковъ.

Руицъ оставался въ виду берега недолго и пустился въ открытое море. Едва проплылъ онъ нѣкоторое разстояніе, какъ, къ величайшему удивленію своему, увидѣлъ судно, которое вдали казалось корабеллою значительной величины, снабженною широкимъ парусомъ, помощію котораго она тихо шла по морю. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что это было большое судно или, лучше сказать, плотъ, который называется туземцами «бальза» и состоитъ изъ толстыхъ бревенъ легкаго ноздреватаго дерева, плотно связанныхъ между собою и покрытыхъ въ родѣ дека легкою тростниковою настилкою. Двѣ мачты или два грубые шеста, поставленные въ серединѣ судна, поддерживаютъ широкій четыреугольный бумажный парусъ, между тѣмъ какъ руль грубаго вида и выдвижной киль, составленный изъ досокъ, пропущенныхъ между бревнами, позволяютъ направлять судно по произволу, безъ помощи веселъ.

Сойдясь бортъ съ бортомъ, Руицъ нашелъ на бальзѣ нѣсколько индѣйцевъ, мужчинъ и женщинъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли на себѣ богатыя украшенія и, сверхъ того, различныя вещи, выдѣланныя довольно искусно изъ золота и серебра, которыми они торговали въ различныхъ мѣстахъ, лежавшихъ по берегу. Всего любопытнѣе показалась шерстяная матерія, изъ которой сшита была ихъ одежда. Она была выткана весьма нѣжно, вышита изображеніями птицъ и растеній и раскрашена въ самые яркіе цвѣта. Руицъ замѣтилъ также на суднѣ вѣсы, которые служили для взвѣшиванія золота. Удивленіе его при видѣ этихъ образчиковъ смѣтливости и просвѣщенія, которые далеко превосходили все видѣнное имъ доселѣ, еще болѣе увеличено было тѣмъ, что онъ услышалъ отъ индѣйцевъ. Двое изъ числа ихъ ѣхали изъ Тумбеца, перуанской пристани, которая лежала на нѣсколько градусовъ къ югу. Индѣйцы эти разсказали Руицу, что у нихъ луга покрыты многочисленными стадами животныхъ, отъ которыхъ получается шерсть, и что золота и серебра во дворцахъ ихъ государя почти столько же, сколько и дерева. Руицъ рѣшился задержать нѣсколькихъ индѣйцевъ, и въ томъ числѣ уроженцевъ Тумбеца, для того, чтобы они повторили чудные разсказы свои въ присутствіи начальника экспедиціи и, сверхъ того, чтобы они, выучась кастильскому языку, могли впослѣдствіи служить переводчиками для сношеній съ ихъ земляками. Отправясь въ дальнѣйшій путь, Руицъ

доѣхалъ до *Пунта де-Пазадо*, мыса, находящагося на полградуса къ югу отъ экватора. Такимъ образомъ, Руицъ первый изъ европейцевъ пересѣкъ экваторіальную линію, плывя по этой части Тихаго океана. Достигнувъ этого предѣла, онъ возвратился назадъ и, направляясь къ сѣверу, успѣлъ послѣ отсутствія, продолжавшагося нѣсколько недѣль, достигнуть мѣста, гдѣ оставилъ Пизарро и его спутниковъ.

Мужество послѣднихъ подверглось, между тѣмъ, тяжкому испытанію. По отплытіи кораблей, Пизарро двинулся во внутрь страны, въ надеждѣ отыскать обѣтованный край, который сулили ему туземцы. Но съ каждымъ шагомъ лѣсъ становился гуще и темнѣе; деревья были такой вышины, какой испанцы никогда не видывали даже въ этомъ краю, гдѣ природа все создаетъ въ огромныхъ размѣрахъ. Холмы поднимались надъ холмами, а вдали виднѣлись вершины колоссальнаго Андійскаго хребта, которыя какъ будто соединяли небо съ землею. Нерѣдко нашимъ скитальцамъ приходилось спускаться въ глубокія долины, гдѣ испаренія сырой почвы смѣшивались съ благоуханіемъ цвѣтовъ, которые сіяли всевозможнымъ разнообразіемъ отливовъ. Птицы, въ особенности изъ породъ попугаевъ, отличались тою же прихотливою пестротою, сіяя цвѣтами столь же яркими, какъ и тѣ, которые украшали произведенія растительнаго царства. Обезьяны вертѣлись стадами надъ головами испанцевъ; чудовищныя пресмыкающіяся увивались вокругъ ногъ ихъ. Гигантскій боа обвивалъ стволъ деревъ, невидимый между ними, пока не представлялась ему возможность устремиться на свою добычу. Алигаторы грѣлись по берегамъ ручьевъ, или, скрываясь подъ водною поверхностью, схватывали неосторожную жертву свою прежде, чѣмъ она могла замѣтить ихъ приближеніе. Многіе изъ испанцевъ погибли на пути, другіе были захвачены туземцами, которые зорко слѣдили за всѣми движеніями бѣлыхъ и не пропускали благопріятнаго случая воспользоваться ихъ оплошностью. Голодъ присоединился къ другимъ страданіямъ, и съ трудомъ находили путники скудное пропитаніе въ лѣсныхъ растеніяхъ; иногда попадался имъ картофель, который росъ самъ собою, или дикіе кокосы, или—по берегу—солоноватые и горькіе манговые плоды. Эти страданія заставляли путешественниковъ, за исключеніемъ Пизарро и немногихъ другихъ отчаянныхъ головъ, думать только о возвращеніи въ Панаму.

Въ это бѣдственное время кормчій Руицъ прибылъ съ извѣстіемъ о блестящихъ открытіяхъ своихъ, и вскорѣ послѣ того Альмагро приплылъ съ съѣстными припасами и значительнымъ числомъ волонтеровъ.

Прибытіе новобранцевъ, которые рьяно желали продолженія экспедиціи, перемѣна въ положеніи, произведенная обиліемъ припасовъ, и блестящія описанія богатствъ, которыя ждали ихъ на югѣ,—все это ободрило спутниковъ Пизарро, упавшихъ духомъ.... Пользуясь этимъ, оба капитана сѣли на корабли и, подъ руководствомъ опытнаго кормчаго своего, пустились по тому же пути, который онъ недавно проѣхалъ.

Но благопріятное время для плаванія къ югу, продолжающееся на этихъ широтахъ только нѣсколько мѣсяцевъ въ году, уже прошло. Вѣтеръ постоянно дулъ къ сѣверу, и близъ берега было сильное теченіе, имѣвшее то же направленіе. Вѣтры часто превращались въ бури, и несчастные путники въ продолженіе нѣсколькихъ дней носились по произволу яростныхъ волнъ, пока, наконецъ, не удалось имъ найти безопасную гавань на островѣ Галло, который уже прежде былъ посѣщенъ

Руицомъ. Они вышли на берегъ и, не подвергаясь никакимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ со стороны туземцевъ, остались на островѣ въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати дней затѣмъ, чтобъ починить поврежденные корабли свои и отдохнуть отъ трудностей морскаго путешествія. Послѣ того, выйдя снова въ море, оба капитана поплыли къ югу, пока не достигли залива св. Матѳея. Они остановились передъ гаванью Такамеца, и испанцы увидѣли передъ собою городъ, въ которомъ было тысячи двѣ и даже болѣе домовъ, расположенныхъ улицами. На мужчинахъ и женщинахъ надѣто было множество золотыхъ украшеній и драгоцѣнныхъ камней. Однакожъ, испанцы были только у предѣловъ Перуанскаго государства; это былъ еще не Перу, а Квито. Эта страна изобиловала золотомъ, которое добывалось чрезъ промывку песковъ. Здѣсь также протекаетъ прекрасная Изумрудная рѣка, которая такъ называется по копямъ драгоцѣнныхъ камней, находящимся на берегахъ ея.

Испанцы съ восторгомъ смотрѣли на эти несомнѣнные признаки богатства; но воинственный духъ народа готовилъ имъ разочарованіе. Туземцы, зная свою силу, не расположены были уступать пришельцамъ. Нѣсколько лодокъ, нагруженныхъ воинами въ золотыхъ наличникахъ, даже выплыли къ нимъ на встрѣчу, маневрировали вокругъ кораблей и укрывались отъ преслѣдованія подъ защитою береговъ. Еще болѣе грозный отрядъ маневрировалъ на берегу, числомъ, какъ разсказываютъ испанцы, доходившій, по крайней мѣрѣ, до 10,000 чел., которые, какъ казалось, изъявляли величайшее желаніе сразиться съ пришельцами.

Очевидно было, что испанцы не были довольно сильны для вступленія въ бой съ столь многочисленными и столь благоустроенными силами туземцевъ. А потому рѣшено было, чтобъ Альмагро отправился въ Панаму за подкрѣпленіемъ, а Пизарро съ частью людей долженъ былъ ожидать его на островѣ Галло, который, по отдаленности своей отъ берега и малочисленности своихъ обитателей, представлялъ менѣе опасное, чѣмъ другія мѣста, убѣжище для несчастныхъ скитальцевъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Альмагро, Пизарро отправилъ и другой корабль въ Панаму, подъ тѣмъ предлогомъ, что его должно тамъ починить. Вѣроятно, онъ желалъ освободиться этимъ способомъ отъ большей части своихъ спутниковъ, которые, черезъ непослушаніе свое, сдѣлались для него болѣе тягостными, чѣмъ полезными сотоварищами въ его безотрадномъ положеніи. Онъ тѣмъ охотнѣе съ ними разстался, что весьма трудно было ихъ продовольствовать въ безплодномъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился.

Вскорѣ послѣ того Пизарро рѣшился перемѣнить мѣсто своего расположенія, которое, какъ онъ полагалъ, могло въ настоящее время подвергнуться нападеніямъ со стороны жителей, еслибъ послѣдніе провѣдали о маломъ числѣ оставшихся бѣлыхъ людей. По его приказанію, испанцы построили плотъ, на которомъ переѣхали на необитаемый островъ Горгону, лежавшій на 25 лигъ къ сѣверу отъ острова Галло.

Между тѣмъ, Альмагро и Лукъ снабдили небольшой корабль продовольствіемъ, оружіемъ и зарядами и отправили его на островъ. Вербовать людей для предпріятія губернаторъ имъ не дозволилъ и послалъ Пизарро приказаніе въ теченіе шести мѣсяцевъ возвратиться въ Панаму, каковъ бы ни былъ успѣхъ его предпріятія. Взявъ съ собою своихъ спутниковъ и уроженцевъ Тумбеца, Пизарро сѣлъ на корабль и рас-

простился съ «Адомъ», какъ названъ былъ испанцами этотъ островъ, въ воспоминаніе страданій, претерпѣнныхъ ими на немъ.

Слѣдуя указаніямъ индѣйцевъ, они направились прямо къ Тумбецу, котораго достигли послѣ двадцатидневнаго плаванія. Тумбецъ представился имъ городомъ значительной величины, построеннымъ большей частью изъ камня и глины и расположеннымъ среди цвѣтущаго луга. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега Пизарро увидѣлъ передъ собою нѣсколько большихъ бальзъ, наполненныхъ воинами, отправлявшимися въ экспедицію противъ жителей одного сосѣдняго острова. Подъѣхавъ къ индѣйской флотиліи, онъ пригласилъ нѣсколькихъ начальниковъ вступить на корабль. Перуанцы съ удивленіемъ смотрѣли на все, представлявшееся ихъ взорамъ, и въ особенности на своихъ земляковъ, съ которыми они не ожидали встрѣтиться тутъ. Послѣдніе разсказали имъ, какимъ образомъ они попались въ руки чужеземцевъ, которыхъ описывали, какъ чудную породу существъ, пришедшихъ не для того, чтобъ дѣлать вредъ, но чтобъ познакомиться съ краемъ и съ его обитателями.

Жители Тумбеца стояли толпами на берегу и съ неописаннымъ удивленіемъ смотрѣли на «плавающій замокъ», который, стоя на якорѣ, медленно качался въ водахъ залива. Съ жадностью слушали они разсказы возвратившихся земляковъ своихъ и тотчасъ же донесли обо всемъ случившемся окружному кацику, который, полагая, что пришельцы суть существа высшаго разряда, приказалъ немедленно доставить имъ съѣстные припасы, которыхъ они требовали.

Случилось, что въ это самое время въ Тумбецѣ находился благородный инка. Ему было очень любопытно посмотрѣть на чудныхъ чужеземцевъ, и для этого онъ пріѣхалъ на одной изъ бальзъ. Легко было догадаться, по великолѣпію одежды его и уваженію, съ которымъ относились къ нему всѣ окружавшіе его, что онъ былъ человѣкъ значительный, и Пизарро принялъ его со всѣми почестями. Онъ показалъ перуанскому принцу различныя части корабля, объяснилъ то, что привлекало его вниманіе, и отвѣчалъ на многочисленные вопросы его, какъ только могъ, съ помощію индѣйскаго переводчика. Оставшись на кораблѣ до самаго обѣда, индѣйскій принцъ раздѣлилъ пищу испанцевъ и на прощанье пригласилъ ихъ посѣтить Тумбецъ. Пизарро сдѣлалъ ему нѣсколько подарковъ и, между прочимъ, подарилъ ему желѣзный топорикъ, который въ особенности заслужилъ его удивленіе, потому что употребленіе желѣза такъ же мало было извѣстно перуанцамъ, какъ и мексиканцамъ.

На слѣдующій день испанскій капитанъ отправилъ на берегъ одного изъ своихъ людей, по имени Молину, съ подарками для кацика, состоявшими изъ нѣсколькихъ штукъ свиней и дворовыхъ птицъ, которыя неизвѣстны были въ Новомъ Свѣтѣ. Возвратившись на корабль, Молина разсказалъ чудную исторію. Когда онъ вышелъ на берегъ, онъ былъ окруженъ туземцами, которые дивились его одеждѣ, прекрасному цвѣту лица и длинной бородѣ. Особенно пораженъ былъ Молина красотою и привлекательнымъ обращеніемъ женщинъ. Окружающіе проводили потомъ Молину къ дому кацика, который жилъ весьма пышно, имѣлъ привратниковъ и обладалъ множествомъ золотой и серебряной посуды. Молина осматривалъ различныя части индѣйскаго города; видѣлъ крѣпость, подлѣ которой находился храмъ, и описанія украшеній этого храма показались дотого необычайными, что Пизарро, усомнившись въ справедливости

всего разсказа, рѣшился отправить человѣка болѣе хладнокровнаго и болѣе заслуживающаго довѣрія, чѣмъ Молина. Для этого онъ послалъ на берегъ кавалера Педро де-Кандію. Народъ оказалъ ему то же гостепріимство, какъ и Молинѣ, и описаніе, сдѣланное Кандіею о видѣнныхъ имъ чудесахъ, ни въ чемъ не уступало разсказамъ его предшественника.

Тумбецъ былъ любимымъ городомъ перуанскихъ государей. Онъ составлялъ важнѣйшій пунктъ на сѣверной границѣ государства, сопредѣльной съ недавно пріобрѣтеннымъ владѣніемъ Квито. Городъ снабженъ былъ водою посредствомъ множества водопроводовъ; плодородная долина, среди которой онъ былъ расположенъ, и океанъ, омывавшій края его, доставляли средства пропитанія для многочисленнаго народонаселенія. Услышавъ эти чудныя вѣсти о перуанскомъ городѣ, Пизарро вознесъ благодарственную мольбу небу, которое увѣнчало трудъ его столь блестящими результатами, но вмѣстѣ съ тѣмъ горько сѣтовалъ, что судьба лишила его средствъ воспользоваться пріобрѣтеннымъ успѣхомъ.

Собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, Пизарро снова направилъ корабль свой къ югу. Обогнувъ мысъ Бланко, онъ продолжалъ свою поѣздку и приставалъ къ берегу на всѣхъ замѣчательныхъ пунктахъ. Вездѣ онъ слышалъ разсказы о могущественномъ государѣ, который правилъ всею страною и жилъ въ средоточіи государства, на плоской возвышенности, гдѣ, какъ говорятъ, столица его сіяла золотомъ и серебромъ. За исключеніемъ Тумбеца, однако, испанцы нашли мало драгоцѣннаго металла у прибрежныхъ жителей.

Продолжая держаться южнаго направленія, Пизарро проплылъ мимо того мѣста, гдѣ теперь стоитъ цвѣтущій городъ Трухильйо, основанный имъ самимъ спустя нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, достигнувъ гавани Санты, лежащей почти подъ девятымъ градусомъ южной широты, Пизарро рѣшился возвратиться, чтобы донести панамскому губернатору объ успѣхѣ предпріятія и предложить ему снарядить экспедицію для завоеванія открытаго имъ края. Но, несмотря на успѣхи Пизарро, губернаторъ не убѣдился въ важности открытія и отвѣтилъ на его настоянія, что не станетъ болѣе жертвовать людьми, которыхъ и безъ того уже погибло довольно изъ-за ничтожнаго пріобрѣтенія нѣсколькихъ золотыхъ и серебряныхъ игрушекъ и индѣйскихъ овецъ.

Не добившись, такимъ образомъ, никакой помощи отъ губернатора, Пизарро рѣшился отправиться въ Испанію просить помощи у высшаго правительства. Весною 1528 года онъ оставилъ Панаму, взявъ съ собою нѣсколько туземцевъ, привезенныхъ имъ изъ Тумбеца, двѣ или три ламы, тонкія шерстяныя ткани, нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ украшеній и сосудовъ, какъ образчики просвѣщенія страны и доказательства справедливости его разсказа.

Въ началѣ лѣта 1528 года Пизарро пріѣхалъ въ Севилью и оттуда отправился въ Толедо, гдѣ нашелъ королевскій дворъ.

Пизарро, представивъ передъ королевскія очи доказательства справедливости заманчивыхъ слуховъ, которые по временамъ доходили до Кастиліи, былъ милостиво принятъ Карломъ V и получилъ отъ него право открыть и покорить провинцію Перу или Новую Кастилію. За это онъ долженъ былъ получить званіе губернатора провинціи и пользоваться почти всѣми правами и преимуществами, принадлежащими званію вице-короля; товарищамъ его также обѣщаны разныя права. Для совершенія

экспедиціи Пизарро имѣлъ право избрать и вооружить двѣсти пятьдесятъ человѣкъ; кромѣ того, правительство обѣщало содѣйствовать закупкѣ артиллерійскихъ орудій и военныхъ припасовъ. И вотъ, устроивъ такимъ образомъ всѣ дѣла, согласно своему желанію, Пизарро снарядилъ три корабля и отправился обратно въ Панаму, куда сопровождалъ его и его старшій братъ Фернандо Пизарро.

Въ Панамѣ Пизарро успѣлъ присоединить не много людей къ числу тѣхъ, которыхъ онъ привезъ съ собою изъ Испаніи. Все число отряда его не превышало 180 человѣкъ и 27 лошадей. Съ такими силами смѣлый военачальникъ рѣшился открыть дѣйствія, надѣясь на свое счастіе и на стараніе Альмагро, который остался на время для сбора подкрѣпленій. Призвавъ торжественно благословеніе неба на свое предпріятіе, Пизарро и его спутники въ началѣ 1531 года отправились въ третью и послѣднюю экспедицію для завоеванія Перу.

Намѣреніе Пизарро было направиться прямо къ Тумбецу; но противные вѣтры заставили его пристать къ берегу залива св. Матѳея, гдѣ онъ рѣшился высадиться и подвигаться сухимъ путемъ; между тѣмъ, корабли должны были продолжать путь свой въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Подвигаясь вдоль берега, они достигли городка Коакъ. Испанцы устремились на этотъ пунктъ, и жители, безъ малѣйшаго сопротивленія, разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ, предоставивъ свое имущество на произволъ пришельцевъ. Разсѣявшись по опустѣлымъ долинамъ, пришельцы нашли въ нихъ, кромѣ матерій разнаго рода и съѣстныхъ припасовъ, множество золота и серебра и большое изобиліе драгоцѣнныхъ камней, въ особенности изумрудовъ. Золотыя и серебряныя украшенія, похищенныя изъ домовъ, были сложены въ кучу, изъ которой одна пятая часть отдѣлена въ пользу правительства, а все остальное Пизарро раздѣлилъ, въ опредѣленной соразмѣрности, между офицерами и прочими людьми отряда. Между тѣмъ, испанцамъ и въ голову не приходило, что они дѣлаютъ дурное дѣло, что они не имѣютъ никакого права грабить жителей открытой ими страны, не сдѣлавшихъ имъ никакого зла. Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти каждый бралъ выпавшую на его долю часть добычи.

Давъ отдыхъ своимъ людямъ, Пизарро продолжалъ движеніе по берегу, а корабли отослалъ въ Панаму за подкрѣпленіемъ. На пути своемъ испанцы встрѣчали мало сопротивленія со стороны жителей, которые были научены примѣромъ Коака и спасались со всѣмъ своимъ имуществомъ въ лѣса и сосѣднія горы. На бѣлыхъ людей смотрѣли уже не какъ на добрыхъ существъ, снисшедшихъ съ неба, но какъ на безчеловѣчныхъ грабителей, неуязвимыхъ для индѣйца, которые несутся быстрѣе вѣтра на хребтахъ свирѣпыхъ звѣрей, держа въ рукахъ своихъ оружіе, которое мещетъ вокругъ себя огонь и гибель.

Продолжая движеніе свое по берегу, Пизарро достигъ небольшаго острова Пуны, лежащаго не въ дальнемъ разстояніи отъ Тумбецкой губы. Этотъ островъ онъ счелъ выгоднымъ мѣстомъ для расположенія и приготовленія къ десанту въ индѣйскій городъ.

Принятый гостепріимно на островѣ, Пизарро рѣшился не трогаться съ мѣста, пока не пройдетъ дождливое время года и не прибудутъ подкрѣпленія, съ которыми можно будетъ двинуться въ страну инковъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прибыли два корабля съ подкрѣплені-

емъ, состоявшимъ изъ ста волонтеровъ, кромѣ лошадей для кавалеріи. Съ этими новобранцами Пизарро чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ переправиться на твердую землю и начать военныя дѣйствія на настоящемъ театрѣ открытій и завоеваній.

Въ эту эпоху Перуанское государство находилось въ критическомъ положеніи: въ продолженіе нѣкотораго времени край раздирала междоусобная война между двумя сыновьями покойнаго инки Гуаскаромъ и Атагуальпой, изъ которыхъ послѣдній, за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія испанцевъ, взялъ въ плѣнъ своего старшаго брата и завладѣлъ престоломъ. Этотъ переворотъ весьма благопріятствовалъ намѣреніямъ испанцевъ: безъ него завоеваніе никакъ не могло бы быть докончено столь ничтожною горстью солдатъ.

Переправившись съ острова Пуны на материкъ, Пизарро основалъ въ 30 лигахъ къ югу отъ Тумбеца колонію Санъ-Мигуэль, гдѣ оставилъ часть своего отряда, а самъ съ остальными воинами направился къ югу, въ Кахамалку, гдѣ стоялъ лагеремъ инка Атагуальпа.

На пути онъ не встрѣчалъ сопротивленія и, напротивъ, пріобрѣлъ расположеніе туземцевъ кроткимъ обращеніемъ съ ними. Чтобы достигнуть Кахамалки, испанцамъ предстояло перейти черезъ Анды. Передъ ними возвышалась вершина надъ вершиною—съ покатостями, покрытыми вѣчно зеленѣющими лѣсами, кое-гдѣ пересѣченными террасообразными полосами воздѣланныхъ садовъ; нижнія хижины лѣпились по неровностямъ, снѣжныя вершины сіяли надъ облаками: все представляло такой дикій хаосъ величія и красоты, какого не можетъ представить ни одна горная страна въ цѣломъ свѣтѣ. Черезъ эту страшную преграду отрядъ долженъ былъ пройти по лабиринту проходовъ, которые могли быть обороняемы горстью людей противъ цѣлой арміи.

Совершивъ трудный переходъ черезъ Анды, испанцы прибыли въ Кахамалку и заняли дома, оставленные жителями. Отсюда Пизарро послалъ посольство, подъ предводительствомъ своего брата Фернандо, въ лагерь Атагуальпы.

Мѣстопребываніе инки состояло изъ открытаго двора, въ серединѣ котораго находилось легкое строеніе, или павильонъ, окруженный галлереями и имѣвшій позади себя садъ. Дворъ наполненъ былъ знатными индѣйцами въ богато украшенныхъ одеждахъ, прислуживавшими Атагуальпѣ, и женщинами, принадлежавшими къ его двору. Между всѣми ими нетрудно было замѣтить Атагуальпу, хотя одежда его была проще, чѣмъ на всѣхъ прочихъ. На немъ надѣта была пурпурная бахрома, которая, покрывая голову, спускалась до самыхъ бровей. Это былъ отличительный знакъ достоинства владѣтельнаго инки перуанцевъ, и Атагуальпа возложилъ его на себя не прежде, какъ побѣдивъ брата своего Гуаскара. Онъ сидѣлъ на низкомъ стулѣ или подушкѣ, какъ турокъ, окруженный знатными людьми и сановниками своими, которые стояли по старшинству, соблюдая строжайшій этикетъ.

Испанцы съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣли на инку, который мужествомъ своимъ достигъ до обладанія престоломъ. Но видъ его не показывалъ ни пылкихъ страстей, ни умственныхъ дарованій, которыя ему приписывались. Хотя осанка его была важна и выражала спокойное сознаніе могущества, однакожъ черты его ничего не обнаруживали, кромѣ равнодушія, столь характеризующаго всѣ американскія пле-

мена. Фернандо Пизарро съ двумя или тремя товарищами медленно подъѣхалъ къ инкѣ и, почтительно поклонившись, но не сходя съ лошади, объяснилъ, что онъ прибылъ посланникомъ отъ своего брата, предводителя бѣлыхъ людей, для того, чтобы извѣстить Атагуальпу о вступленіи этихъ людей въ Кахамалку. Они, подданные могущественнаго государя, живущаго за морями, пришли, сказалъ онъ, привлеченные молвою о великихъ побѣдахъ инки, предложить ему свои услуги и сообщить ученіе истинной вѣры, которое они исповѣдуютъ. Испанскій военачальникъ, заключилъ онъ, приглашаетъ Атагуальпу пожаловать къ нему въ гости.

На все это инка не отвѣчалъ ни слова и даже не подалъ ни малѣйшаго знака, что понялъ сказанное, хотя все это было переведено ему черезъ переводчика. Инка молчалъ, устремивъ глаза въ землю, но одинъ изъ сановниковъ его, стоявшій съ ними рядомъ, отвѣчалъ: «хорошо».

Фернандо Пизарро учтиво и почтительно просилъ инку отвѣчать самому и изъявить свою волю. На это Атагуальпѣ угодно было, наконецъ, сказать, съ легкою улыбкою на устахъ: «Объяви твоему предводителю, что я теперь пощусь, но постъ мой кончится завтра утромъ. Я тогда посѣщу его съ моими чиновниками. Между тѣмъ пускай онъ занимаетъ дома на площади, а не другіе, пока я не пріѣду и не прикажу, что дѣлать».

Почтительно распростясь съ инкою, кавалеры поѣхали обратно въ Кахамалку, разсуждая о всемъ видѣнномъ: о богатствѣ, пышности и многочисленности его арміи; о благоустройствѣ и дисциплинѣ, существующихъ въ ея рядахъ. Все это обнаруживало гораздо высшую степень цивилизаціи, а, слѣдовательно, и могущества, нежели какую имъ удалось видѣть въ низменной части края. Сравнивая все это съ своею малочисленностью и принимая въ соображеніе, что они зашли слишкомъ далеко и не могли ждать подкрѣпленія, воины чувствовали, что поступили безразсудно, проникнувъ въ самую глубь столь могущественнаго государства, и преисполнились опасеній насчетъ будущаго. Эти чувства скоро сообщились и ихъ лагернымъ товарищамъ.

Но въ этомъ малочисленномъ войскѣ билось одно сердце, въ которое не могли закрасться ни страхъ, ни уныніе. Это было сердце Пизарро, внутренно радовавшагося, что довелъ дѣло до той точки, къ которой издавна стремился. Въ головѣ его созрѣвалъ отчаянный планъ устроить для инки засаду и захватить его въ плѣнъ въ виду цѣлой его арміи. Это было предпріятіе, полное опасностей и внушенное, повидимому, отчаяніемъ. Лучше было смѣло броситься въ опасность, чѣмъ отступать тамъ, гдѣ не было пути для отступленія. Бѣжать было уже поздно. При первомъ шагѣ къ отступленію, вся армія инки поднялась бы на нихъ. Оставаться въ бездѣйствіи среди настоящихъ обстоятельствъ казалось почти столько же опаснымъ. Приглашеніе, которое инка такъ довѣрчиво принялъ, посѣтить испанцевъ въ мѣстѣ ихъ расположенія, составляло самое лучшее средство овладѣть этимъ драгоцѣннымъ залогомъ; захвативъ инку, нечего было опасаться его поданныхъ, оглушенныхъ неожиданностью событія; имѣя же Атагуальпу въ рукахъ своихъ, Пизарро могъ предписывать законы цѣлому государству.

Инка сдержалъ слово и прибылъ на другой день въ Кахамалку въ сопровожденіи многочисленной свиты, простиравшейся отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ. Сперва явилось нѣсколько сотъ слугъ, богато одѣ-

тыхъ и несшихъ разную мебель и туалетныя принадлежности для инки; за ними множество дворянъ, составлявшихъ ближайшую его прислугу и отличавшихся огромными золотыми серьгами; въ заключеніе шествовалъ золотой тронъ, на которомъ сидѣлъ Атагуальпа, украшенный разноцвѣтными перьями тропическихъ птицъ и несмѣтнымъ количествомъ изумрудовъ значительной величины.

Атагуальпа, прибывъ на средину площади, обозрѣвъ ее съ своего высокаго сѣдалища и не видя бѣлыхъ людей, спросилъ: «Гдѣ же чужестранцы?» Въ эту минуту выступилъ доминиканецъ Виценте де-Вальверде съ библіею въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой и, приблизясь къ инкѣ, объявилъ ему, что онъ является вѣстникомъ благодати и желаетъ обратить язычника въ истинную вѣру, спасительную для человѣческой души. Доминиканецъ не удовлетворился длиннымъ изложеніемъ исторіи христіанства и его догматовъ, но развилъ еще подробнѣе ученіе о власти папъ надъ цѣлымъ міромъ и заключилъ приглашеніемъ Атагуальпы обратиться въ христіанство и сдѣлаться вѣрнымъ слугою папы и вассаломъ кастильскаго короля. Перуанскій владыка, выслушавъ съ явнымъ нетерпѣніемъ длинную рѣчь доминиканца, съ гнѣвомъ отвѣчалъ ему, что онъ мало и худо понялъ эту рѣчь, но изъ того, что понялъ, заключаетъ, что бѣлые люди забываютъ должное къ нему уваженіе и что онъ не намѣренъ перемѣнить своей вѣры и сдѣлаться вассаломъ другаго короля или слугою папы. «Я очень вѣрю», говорилъ инка, «что кастильскій король—великій государь, и готовъ считать его за брата и союзника; что же касается до папы, то онъ не можетъ распоряжаться по своему произволу чужими землями». На вопросъ, по какому праву Вальверде смѣетъ дѣлать инкѣ такія предложенія, доминиканецъ указалъ на книгу, бывшую у него въ рукахъ. Атагуальпа взялъ книгу изъ рукъ монаха, осмотрѣлъ внимательно и, не видя въ ней ничего особеннаго, тутъ же громкимъ голосомъ потребовалъ къ себѣ начальника бѣлыхъ людей для отвѣта за причиненное такому великому государю оскорбленіе. Вальверде тотчасъ побѣжалъ назадъ и закричалъ Пизарро: «Гордый инка оскорбляетъ нашу религію; бейте язычниковъ; именемъ папы, даю вамъ разрѣшеніе!» Въ эту минуту Пизарро махнулъ шарфомъ, грянула сигнальная пушка съ крѣпостной стѣны, и испанцы хлынули изъ засады съ крикомъ: «бейте язычниковъ, съ разрѣшенія папы!» Грохотъ выстрѣловъ, крики испанцевъ, закованныхъ въ желѣзо, видъ и натискъ страшной конницы поразили индѣйцевъ паническимъ страхомъ. Пороховой дымъ повисъ сѣроватою тучею надъ мѣстомъ страшной бойни; закованные въ панцыри воины рубили направо и налѣво длинными мѣчами и разсѣкали пополамъ члены легко одѣтыхъ перуанцевъ, а сомкнутые ряды конницы топтали всѣхъ безъ разбора. Безоружные перуанцы искали спасенія въ бѣгствѣ; но выходъ съ площади былъ заваленъ грудою тѣлъ. Вѣрные дворяне густою толпою окружили своего государя, хватали лошадей за ноги и мужественно умирали подъ копытами коней и мечами всадниковъ; но мѣсто каждаго убитаго занимала тотчасъ же новая жертва. Вокругъ инки составилась гора труповъ, а онъ, какъ-бы ошеломленный неожиданнымъ ударомъ, безумно смотрѣлъ кругомъ съ высоты трона и не трогался съ мѣста, не давалъ никакихъ приказаній. Между тѣмъ солнце заходило, и воины, думая, что ночная темнота скроетъ отъ нихъ Атагуальпу, сдѣлали послѣднее отчаянное усиліе и

пробились до трона. Пизарро громкимъ голосомъ закричалъ, что казнитъ того, кто подниметъ мечъ на инку, и собственной рукою отразилъ ударъ, назначенный Атагуальпѣ. То была единственная рана, полученная испанцемъ въ этотъ достопримѣчательный день.

При отчаянномъ напорѣ пали многіе изъ дворянъ, несшихъ тронъ на плечахъ, и Атагуальпа грянулся на землю; при паденіи онъ попался на руки одного испанца, который, стиснувъ плѣнника на груди, сорвалъ съ головы несчастнаго монарха *борлу*. Тутъ подоспѣли другіе рыцари и отвели Атагуальпу подъ крѣпкимъ карауломъ въ жилище Пизарро.

Послѣ плѣненія инки никто не думалъ о сопротивленіи, и перуанцы думали только о спасеніи собственной жизни. Конница преслѣдовала и поражала бѣгущихъ, пока темная ночь не укрыла побѣжденныхъ отъ ярости побѣдителей, и Пизарро приказалъ трубнымъ звукомъ сзывать воиновъ обратно въ городъ.

Вся эта схватка продолжалась съ небольшимъ полчаса, а число убитыхъ перуанцевъ простиралось до 5,000 человѣкъ. При этомъ надо, однакожь, вспомнить, что у перуанцевъ не было никакого оружія и что они голыми руками должны были отражать удары длинныхъ мечей и защищаться отъ закованныхъ въ желѣзные панцыри латниковъ. Лучшимъ доказательствомъ безоружности индѣйцевъ служитъ то, что единственная рана, полученная испанцемъ въ эту схватку, была нанесена Пизарро собственнымъ солдатомъ.

Вечеромъ того же дня, когда происходила битва, Пизарро ужиналъ вмѣстѣ съ Атагуальпой. Ужинъ поданъ былъ на одномъ изъ дворовъ, обращенныхъ къ большой площади, которая за нѣсколько часовъ до того была театромъ убійства и которой мостовая еще была покрыта трупами подданныхъ инки. Плѣнникъ сидѣлъ подлѣ своего побѣдителя. Казалось, что онъ не вполнѣ понималъ великость своего несчастія. «Это участь войны», сказалъ онъ, и выразилъ свое удивленіе тому искусству, съ которымъ испанцы захватили его въ самой серединѣ арміи.

Атагуальпѣ было въ это время около тридцати лѣтъ. Онъ былъ хорошо сложенъ и крѣпче большей части своихъ единоземцевъ. Голова его была велика, и лицо можно было бы назвать прекраснымъ, если бы глаза его не были налиты кровью, что придавало свирѣпое выраженіе его чертамъ. Онъ былъ остороженъ въ словахъ своихъ, важенъ въ обращеніи, строгъ до суровости съ своими подданными, но съ испанцами привѣтливъ; иногда даже шутилъ съ ними.

Пизарро оказывалъ величайшее вниманіе своему плѣннику и старался облегчить его положеніе. Ему оказывалось уваженіе, должное его сану, и подданные его имѣли къ нему доступъ. Каждый день его посѣщали индійскіе вельможи, которые приносили подарки и изъявляли соболѣзнованіе. При этихъ посѣщеніяхъ знатнѣйшіе вельможи не осмѣливались явиться въ его присутствіе, не снявъ съ ногъ обуви и не надѣвъ на спину ноши, въ знакъ своего уваженія.

Атагуальпа вскорѣ открылъ въ испанцахъ жадность къ золоту и рѣшился воспользоваться ею для возвращенія себѣ свободы. Съ этою цѣлью Атагуальпа сказалъ однажды Пизарро, что если онъ выпуститъ его на волю, то онъ наполнитъ золотомъ комнату, въ которой они находились. Пизарро согласился на это предложеніе и заставилъ нотаріуса написать условія договора. Тогда Атагуальпа отправилъ гонцовъ въ Куско и дру-

гія важнѣйшія мѣста государства съ приказаніемъ собрать золотыя украшенія и сосуды изъ дворцовъ, храмовъ и другихъ публичныхъ зданій и немедленно перенести ихъ въ Кахамалку.

Между тѣмъ, Атагуальпа опасался, чтобы братъ его Гуаскаръ, находившійся еще въ плѣну, не освободился съ помощью испанцевъ и не занялъ опять престола; поэтому онъ отдалъ втайнѣ приказаніе умертвить Гуаскара. Приказаніе его было немедленно выполнено, и несчастный Гуаскаръ былъ утопленъ въ рѣкѣ. Умирая, онъ выразилъ надежду, что бѣлые люди отомстятъ за его смерть.

Прежде чѣмъ выкупъ инки былъ доставленъ, одно обстоятельство измѣнило положеніе испанцевъ и имѣло неблагопріятное вліяніе на судьбу Атагуальпы. Альмагро прибылъ въ Кахамалку въ началѣ 1533 года съ сильнымъ подкрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ 150 человѣкъ пѣшихъ и 50 конныхъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ для войны. Солдаты Пизарро вышли на встрѣчу своимъ землякамъ, и оба капитана обнялись съ изъявленіемъ сердечнаго удовольствія.

На Атагуальпу, однако, прибытіе испанцевъ произвело впечатлѣніе совершенно иное. Онъ смотрѣлъ на новыхъ пришельцевъ, какъ на новое стадо саранчи, которая готова все пожрать въ несчастной его отчизнѣ. Онъ понималъ, что, съ увеличеніемъ числа непріятелей вокругъ него, уменьшалась вѣроятность возвращенія его свободы. Между тѣмъ, въ это время обстоятельство, неважное само по себѣ, но превращенное въ нѣчто грозное суевѣріемъ инки, придало еще бо́льшую мрачность его положенію.

Солдаты увидѣли на небѣ что-то въ родѣ метеора или кометы и указали на это Атагуальпѣ. Онъ смотрѣлъ внимательно на небо въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ и потомъ воскликнулъ съ печальнымъ видомъ: «Такое же явленіе было видно на небѣ незадолго до смерти отца моего Гуайны Копака». Съ этой минуты уныніе овладѣло имъ, и онъ сталъ смотрѣть въ будущность съ безотчетнымъ страхомъ.

Между тѣмъ, въ Кахамалку стекались сокровища всей страны. Когда мѣра, предназначенная для выкупа инки, была уже почти полна, у испанцевъ не хватило терпѣнія ожидать далѣе, и они потребовали раздѣла добычи; а такъ какъ Пизарро хотѣлъ продолжать завоеванія и овладѣть столицею, то онъ и согласился немедленно раздѣлить добычу. Вся добыча представляла стоимость въ 22½ милліона рублей серебромъ на наши деньги. Пятая часть добычи была отдѣлена для казны, и на Фернандо Пизарро было возложено порученіе перевезти ее въ Испанію. Остальную добычу похитители раздѣлили между собою.

Нигдѣ въ исторіи не находимъ мы другаго примѣра, чтобы такая добыча досталась въ руки небольшой шайки военныхъ авантюристовъ, каковыми были завоеватели Перу. Замѣтимъ также, что это богатство, пріобрѣтенное такъ внезапно, отвратило испанцевъ отъ медленныхъ, но вѣрныхъ и неизсякаемыхъ источниковъ народнаго благосостоянія, и, наконецъ, само ускользнуло изъ ихъ рукъ и перешло къ бѣднѣйшимъ христіанскимъ народамъ.

По окончаніи между испанцами дѣлежа, ничто, повидимому, не препятствовало возобновленію непріятельскихъ дѣйствій и движенію прямо на Куско. Но что было дѣлать съ Атагуальпой? Освободить инку—значитъ, пустить на волю того человѣка, который могъ сдѣлаться самымъ

опаснымъ врагомъ, который могъ возстановить весь народъ противъ испанцевъ и заставить ихъ отказаться надолго, если не навсегда, отъ завоеванія края. Но держать его въ плѣну было почти столь же затруднительно: для охраненія такого важнаго плѣнника требовалось столько людей, что самый отрядъ этимъ ослаблялся; и можно ли было надѣяться, при всемъ этомъ, воспрепятствовать освобожденію инки, двигаясь по опаснымъ горнымъ проходамъ?

Очевидно, что Пизарро нужно было во что бы то ни стало отдѣлаться отъ Атагуальпы. Для приличія и освобожденія себя отъ отвѣтственности, онъ нарядилъ надъ плѣнникомъ судъ, который обвинилъ его въ томъ, что онъ похитилъ власть и умертвилъ брата своего Гуаскара; что онъ расточилъ государственные доходы, по завоеваніи края испанцами, и роздалъ ихъ своимъ родственникамъ и любимцамъ; что онъ предавался идолопоклонству и прелюбодѣянію, какъ это доказывается явнымъ его многоженствомъ; наконецъ, что онъ замышлялъ произвести народное возстаніе противъ испанцевъ.

Эти обвиненія, изъ числа которыхъ бо̀льшая часть касается народныхъ обычаевъ или личныхъ отношеній инки и до которыхъ испанцы не могли имѣть никакого дѣла, такъ нелѣпы, что, конечно, заслуживали бы смѣха, еслибъ не производили другаго, тяжелаго чувства; послѣдній изъ этихъ обвинительныхъ пунктовъ одинъ могъ имѣть важность, но несостоятельность его доказывается уже тѣмъ, что нашли необходимымъ подкрѣпить его другими обвиненіями. Одно исчисленіе этихъ пунктовъ достаточно объясняетъ уже, что судьба инки заранѣе была рѣшена. Дѣйствительно, инка былъ приговоренъ къ смертной казни и казненъ въ Кахамалкѣ въ концѣ августа 1533 года.

Плѣненіе Атагуальпы, запятнанное безчеловѣчіемъ и вѣроломствомъ, и ограбленіе его составляютъ, безъ всякаго сомнѣнія, самую темную страницу въ исторіи испанскихъ колоній; смерть Атагуальпы наложила неизгладимое пятно на испанское оружіе въ Новомъ Свѣтѣ.

Смерть Атагуальпы не только-что оставила престолъ безъ законнаго наслѣдника, но и возвѣстила перуанскому народу, что рука болѣе сильная, чѣмъ рука инковъ, овладѣла скипетромъ, и что династія «сыновъ солнца» прекратилась навсегда.

Слѣдствіемъ этого переворота было то, что древнее благоустройство государства исчезло вмѣстѣ съ властію, которая соблюдала его. Индѣйцы тотчасъ же перешли въ совершенную анархію. Деревни были преданы пламени, дворцы и храмы ограблены, и золото, въ нихъ заключавшееся, расхищено или скрыто. Отдаленныя области не признавали уже власти инковъ. Полководцы ихъ, предводительствовавшіе отдѣльными арміями, дѣйствовали по своему произволу.

Между тѣмъ, мысли всѣхъ испанцевъ съ жадностію устремлены были на Куско, столицу Перуанскаго царства, о которой между солдатами Пизарро ходили самые блестящіе разсказы: будто бы храмы и дворцы ея сіяли золотомъ и серебромъ. Съ воображеніемъ, разгоряченнымъ этими видѣніями, Пизарро и весь отрядъ его, простиравшійся почти до 500 чел., выступили въ началѣ сентября 1533 г. изъ Кахамалки.

Послѣ утомительнаго похода, сопряженнаго съ затруднительнымъ переходомъ черезъ кордильерскія высоты и со многими лишеніями, и послѣ нѣсколькихъ жаркихъ стычекъ съ туземцами, — стычекъ, изъ которыхъ,

однакожь, испанцы вышли побѣдителями,—достигли они наконецъ перуанской столицы.

Подъ вечеръ 14 ноября 1533 г. испанцы были въ виду Куско. Заходящее солнце озаряло величественный городъ, вмѣщавшій въ себѣ множество храмовъ, воздвигнутыхъ поклонниками въ честь этого свѣтила, почитаемаго ими за высочайшее существо. Было уже такъ поздно, что Пизарро рѣшился отложить вступленіе свое до слѣдующаго утра и рано утромъ 15 ноября приготовился къ вступленію въ перуанскую столицу.

При вступленіи небольшой арміи Пизарро въ Куско, предмѣстія его наполнены были безчисленнымъ множествомъ туземцевъ, которые сбѣжались изъ города и окрестностей посмотрѣть на невиданное и дивное зрѣлище. Всѣ съ жадностью смотрѣли на чужеземцевъ, которые за чудные подвиги свои были предметомъ молвы во всѣхъ предѣлахъ государства. Дивились блестящему оружію испанцевъ и ихъ красотѣ, которая, казалось, давала имъ право называться настоящими «сынами солнца». Перуанцы съ невольнымъ трепетомъ прислушивались къ трубнымъ звукамъ, перекатывавшимся по улицамъ столицы, и къ стону твердаго грунта подъ копытами лошадей.

Пизарро двинулся прямо на большую площадь, окруженную низкими рядами зданій, между которыми находились нѣкоторые изъ дворцовъ инковъ. Одно изъ этихъ прекрасныхъ зданій украшено было башнею; но нижніе этажи вездѣ состояли изъ одной или нѣсколькихъ огромныхъ залъ, подобныхъ находившимся въ Кахамалкѣ, въ которыхъ перуанскіе вельможи пировали въ ненастную погоду. Хотя эти зданія могли служить превосходными казармами, однакожь войска въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль жили въ палаткахъ, разбитыхъ ими на площади, въ полной готовности дать сильный отпоръ въ случаѣ нападенія со стороны перуанцевъ.

Столица инковъ, хотя и не была тѣмъ Эльдорадо, о которомъ мечтали легковѣрные испанцы, однакожь поразила ихъ красотою зданій, длиною и правильностью улицъ, благоустройствомъ и видомъ довольства, даже роскоши, многочисленнаго народонаселенія, число котораго, по словамъ одного изъ завоевателей, было въ самомъ Куско около 200,000, а въ предмѣстіяхъ еще гораздо болѣе. Но, предполагая это число даже преувеличеннымъ, мы все-таки знаемъ, что Куско былъ столицею обширнаго государства, постоянною резиденціею инки, мѣстомъ, куда стекались самые искусные художники и мастеровые, получавшіе тамъ заказы для своего ремесла, гдѣ находился многочисленный гарнизонъ, куда, наконецъ, стекались выходцы изъ самыхъ отдаленныхъ областей перуанской имперіи. Порядокъ и приличіе, соблюдавшіеся на площадяхъ, свидѣтельствовали о превосходномъ устройствѣ полиціи.

Лучшіе дома, которыхъ было очень много, выстроены были изъ камня или облицованы имъ. Царскія гробницы отличались отъ прочихъ зданій своимъ великолѣпіемъ. Каждый инка строилъ для себя новый дворецъ, который хотя и не былъ высокъ, однакожь занималъ обширное пространство. — Стѣны иныхъ домовъ выкрашены или размалеваны были яркими цвѣтами, а ворота, какъ увѣряютъ, нерѣдко сдѣланы изъ цвѣтнаго мрамора. «Въ изяществѣ каменной работы», говоритъ одинъ изъ завоевателей, «туземцы далеко превосходили испанцевъ, хотя крыши ихъ домовъ, вмѣсто черепицъ, были покрыты соломою, настланою весьма

искусно».—Теплый климатъ Куско не требовалъ болѣе прочнаго матеріала для защиты отъ непогоды.—Самое значительное строеніе была крѣпость, расположенная на скалѣ, высоко поднимавшейся надъ городомъ.—Крѣпость эта была построена изъ тесанныхъ камней, швы которыхъ были чрезвычайно тщательно обдѣланы. — Подступы обороняемы были тремя полукруглыми брустверами, выведенными изъ такихъ огромныхъ обломковъ скалъ, что работа походила на сооруженія, извѣстныя подъ названіемъ «циклопическихъ».

Длинныя и узкія улицы проведены были совершенно правильно, взаимно пересѣкаясь подъ прямыми углами; отъ большой площади расходились четыре главныя улицы, соединявшіяся съ большими общественными дорогами. Площадь и бо̀льшая часть города вымощены были мелкимъ щебнемъ. Посреди столицы протекалъ ручей чистой воды, или, лучше сказать, каналъ съ каменною набережною. Перекинутые черезъ ручей этотъ мосты, вымощенные широкими плитами, были въ такомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, что различныя части города имѣли удобное между собою сообщеніе.

При инкахъ самое великолѣпное зданіе во всемъ Куско былъ, безъ сомнѣнія, великій храмъ солнца; вокругъ него находились покои для жрецовъ съ садами и цвѣтниками, блестѣвшими золотомъ. Наружныя украшенія были всѣ уже захвачены завоевателями. Вѣроятно однакоже, что слухи о несмѣтныхъ богатствахъ, ходившіе между испанцами, были очень преувеличены. Въ противномъ случаѣ, должно полагать, что туземцамъ удалось скрыть свои сокровища отъ хищничества авантюристовъ. Впрочемъ, все-еще осталось много богатства не въ одномъ великомъ жилищѣ солнца, но и во второстепенныхъ храмахъ, которыхъ было множество въ столицѣ.

Пизарро, вступивъ въ Куско, запретилъ своимъ солдатамъ прикасаться къ имуществу и зданіямъ частныхъ лицъ. Но многочисленные дворцы такъ же, какъ и храмы, были тотчасъ же опустошены испанцами и доставили имъ богатую добычу. Они сорвали драгоцѣнные камни и богатые уборы, украшавшіе муміи инковъ въ одномъ изъ храмовъ. Приведенные въ ярость укрывательствомъ сокровищъ, испанцы нерѣдко подвергали жителей пыткѣ и старались добиться отъ нихъ указанія мѣста кладовъ, нарушали даже неприкосновенность могилъ, въ которыя перуанцы нерѣдко зарывали дорогія вещи; даже мертвые вырываемы были изъ земли съ корыстною цѣлію. — Не было мѣста, гдѣ бы не рылись завоеватели, и случай иногда доставлялъ имъ сокровища, вознаграждавшія ихъ за труды.

Въ одной пещерѣ, вблизи города, испанцы нашли множество сосудовъ изъ чистаго золота, на которыхъ означены были изображенія змѣй, саранчи и другихъ животныхъ. Между прочимъ, найдены были четыре золотыя ламы и 10 или 12 женскихъ статуй, нѣкоторыя изъ золота, а другія изъ серебра, «на которыя смотрѣть даже было очень пріятно», какъ говоритъ наивно одинъ изъ завоевателей. Кладовыя наполнены были разными роскошными издѣліями; въ нихъ находились ярко раскрашенныя одежды изъ бумаги и перьевъ, золотыя сандаліи, женскія туфли изъ того же металла, наконецъ уборы, составленные исключительно изъ золотыхъ пуговицъ.

При всемъ томъ, сокровища, найденныя въ Куско, не удовлетворили

пылкимъ ожиданіямъ завоевателей; но они успѣли вознаградить себя грабежемъ въ различныхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проходили.

Всѣ сокровища свалены были въ одну общую груду, изъ которой нѣсколько лучшихъ образцовъ отложено было для короны, а все остальное передано индѣйскимъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ для переплавки въ слитки однообразной формы. Раздѣлъ добычи произведенъ былъ на томъ же основаніи, какъ и прежде.

Вліяніе этого изобилія драгоцѣнныхъ металловъ на цѣны тотчасъ же обнаружилось. Самые обыкновенные предметы потребленія сдѣлались неслыханно дороги. Цѣнность на все возрастала по мѣрѣ того, какъ золото и серебро—представители всякой цѣнности, упадали въ цѣнѣ. Словомъ сказать, только золото и серебро и были дешевы въ Куско. Было, впрочемъ, между испанцами нѣсколько благоразумныхъ людей, которые возвратились на родину свою, довольствуясь пріобрѣтеннымъ. Тамъ богатство доставило имъ уваженіе и довольство, и вмѣстѣ съ тѣмъ судьба ихъ возбудила зависть въ ихъ землякахъ и увлекла многихъ искать счастія на томъ же поприщѣ.

XIX. ПОСЛѢДСТВІЯ ОТКРЫТІЯ НОВАГО СВѢТА.

(Изъ сочиненія Вебера: «Allgemeine Weltgeschichte für gebildete Stände», т. IX).

Открытіе Америки создало новое время; но какими жестокостями сопровождалось покореніе этой страны! Цвѣтное населеніе Вест-индскихъ островов, физически и нравственно безсильное, пало въ немного столѣтій жертвою варварскаго обращенія. Тѣ, которые избѣгали меча и разрушительнаго содѣйствія пороха, оспы и другихъ заразительныхъ болѣзней, завезенныхъ завоевателями въ Новый Свѣтъ, немилосердно изнурялись тяжелыми работами, которыя были не подъ силу ихъ слабому тѣлу, привыкшему къ растительной пищѣ. Намъ извѣстно безчеловѣчное учрежденіе «Repartimientos» *), принуждавшее туземцевъ каждый годъ работать 8 или 9 мѣсяцевъ на бѣлыхъ: они должны были обработывать плантанціи, которыя разводились завоевателями на ихъ землѣ; работать въ рудникахъ, открытыхъ жадными, корыстолюбивыми европейцами; они должны были обработывать поля и исполнять домашнюю службу; прорубать лѣса, уравнивать землю для европейскихъ культурныхъ растеній, для кофейныхъ и сахарныхъ плантацій, все болѣе и болѣе распространяемыхъ новыми переселенцами. Съ отчаянія многіе, даже цѣлыя семейства и общества, прибѣгали къ самоубійству, чтобы избавиться отъ невыносимо тяжелой работы, отъ жизни, которая ничѣмъ ихъ болѣе не привлекала. Самоубійствомъ и воспрепятствованіемъ рожденій, съ помощью имъ хорошо извѣстныхъ растительныхъ ядовъ, индѣйцы сами ускорили погибель цвѣтной расы. Исчезновеніе туземцевъ послѣ появленія въ Новомъ Свѣтѣ болѣе образованныхъ и

---

*) *Repartimientos* означали раздаваемые европейскимъ колонистамъ поземельные надѣлы изъ покоренной страны съ соотвѣтствующимъ количествомъ порабощенныхъ туземцевъ, дѣлавшихся почти полною собственностію переселенцевъ.

Примѣч. составителя.

сильныхъ людей произошло такъ быстро, что напоминаетъ намъ примѣры изъ геологическихъ періодовъ, когда природа заботливою рукою устраняла отжившія формы живыхъ существъ. Напрасно благонамѣренные доминиканцы, старавшіеся распространить христіанство и цивилизацію между дикими, увѣщевали обращаться съ ними кротко и человѣчно; напрасно старались они ученіемъ объ общемъ происхожденіи и спасеніи всѣхъ людей возстановить въ туземцахъ «подобіе Божіе» и выхлопотать для нихъ права человѣческія. Эгоизмъ ожесточилъ сердца европейцевъ и сдѣлалъ ихъ безчувственными къ истинамъ евангельскимъ; сила завоевателей, раздѣлившихъ между собою землю и туземцевъ, прикрѣпившихъ ихъ къ своей землѣ, обратившихъ ихъ въ невольниковъ, употребившихъ ихъ для жемчужной ловли и тяжелой горной работы, взяла верхъ надъ всѣми стремленіями духовенства и правительства въ пользу индѣйцевъ.

Когда доминиканецъ Монтесино, котораго раскаяніе побудило искать убѣжища въ монастырѣ, осмѣлился проповѣдывать противъ такой каторжной работы, между колонистами возникло такое неудовольствіе на Испаньйолѣ, что потребовалось вмѣшательство короля. Послѣдній совѣтовалъ быть человѣчнѣе и назначилъ чиновника для наблюденія за раздѣленіемъ страны, но не уничтожилъ учрежденія Repartimientos. Тогда благородный Ласъ-Казасъ, усердный защитникъ и заступникъ индѣйцевъ, совѣтовалъ, для облегченія туземцевъ, употреблять для тяжелыхъ работъ на плантаціяхъ болѣе крѣпкихъ негровъ, которыхъ уже, со времени управленія Овандо, покупали на португальскихъ рынкахъ и перевозили на вновь открытые острова. Но это не спасло индѣйцевъ, а только содѣйствовало распространенію торговли невольниками, сдѣлавшейся язвою черной расы. Человѣколюбивыя намѣренія этого благороднаго идеалиста, котораго «краткіе очерки разрушенія Индіи» развиваютъ передъ читателемъ картину страданій, крови и слезъ, обратились въ проклятіе для всего человѣчества, вслѣдствіе жестокосердія европейскихъ переселенцевъ.

Около половины XVI столѣтія число негровъ на Санъ-Доминго возрасло дотого, что стало даже возбуждать опасенія, между тѣмъ какъ туземное населеніе почти совсѣмъ исчезло.—Не лучшая судьба постигла жителей американскаго континента.

Перуанцы и мексиканцы должны были, по правиламъ «Repartimientos», работать, какъ крѣпостные испанскихъ колонистовъ; многіе изъ нихъ погибли подъ тяжестью такого непривычнаго труда. Сколько ацтековъ-дворянъ ходили теперь нищими въ странѣ, гдѣ ихъ предки царствовали! Прошло много времени, пока наконецъ перуанцы и мексиканцы, смѣшавшись съ бѣлыми переселенцами въ одну расу, не соединились съ нею для общей работы и дѣятельности на плантаціяхъ. Дикіе были изгнаны въ первобытные лѣса, гдѣ они продолжали жить попрежнему. Но топоръ новыхъ переселенцевъ, охотившихся на нихъ со своими собаками, отнималъ у нихъ одинъ участокъ за другимъ. Испанцы, португальцы, англичане и французы присвоили себѣ владычество, между тѣмъ какъ цвѣтные жители, индѣйцы и негры, присужденные къ покорности и рабству, «обратились въ безсмысленное стадо». Отъ прежнихъ культурныхъ государствъ остались только каменныя развалины. Дворцы въ царствѣ инковъ превратились въ пыль и мусоръ. Царскіе замки ацтековъ срав-

нены съ землею, и храмы ихъ должны были уступить мѣсто христіанскимъ церквамъ.

Едвали существуетъ еще преданіе о строителѣ этихъ когда-то великолѣпныхъ городовъ въ Хіапсѣ и Юкатанѣ, развалины которыхъ возбуждаютъ въ насъ удивленіе и восторгъ. Повсюду мечъ и большее образованіе дали бѣлому человѣку права господина надъ американцемъ.... Соприкосновеніе съ Европою способствовало быстрому уничтоженію значительныхъ индѣйскихъ государствъ. Велики были страданія и притѣсненія туземцевъ; но зато открытіе Америки направило стремленія страны и ея населенія къ болѣе достойнымъ цѣлямъ. «Какъ по волшебному знаку, исполнилось великое дѣло обращенія народовъ въ христіанство и основанія нравственныхъ началъ тамъ, гдѣ прежде господствовало первобытное состояніе со всѣми признаками ранняго разложенія: людоѣдство въ связи съ китайскою церемонностью, чопорность, простодушіе съ пороками изнѣженнаго общества, животность съ самымъ хитрымъ деспотизмомъ, гдѣ не было ни собственности, ни свободы, ни естественнаго чувства родства, ни стремленія къ совершенствованію!»

Вліяніе открытія Новаго Свѣта на нравы, культуру, общественную жизнь европейцевъ превзошло всякое ожиданіе. Произведенія вест-индскихъ колоній, перевезенныхъ въ Европу, не имѣли, правда, большаго значенія въ началѣ, но зато человѣкъ съумѣлъ воспользоваться тропическимъ климатомъ и плодородною почвою для разведенія культурныхъ растеній, которыя вскорѣ совершенно преобразовали тогдашній образъ жизни. Въ числѣ туземныхъ произведеній, уступленныхъ Новымъ Свѣтомъ Европѣ, только немногія, какъ маисъ, индѣйское зерно, индѣйскій пѣтухъ, пріобрѣли въ Испаніи и другихъ странахъ права гражданства тотчасъ же послѣ открытія; болѣе важныя, какъ табакъ, картофель и др., введены были гораздо позже. Англійскій морякъ Францъ Дрэке познакомилъ насъ съ картофелемъ, который начали постепенно разводить съ большимъ успѣхомъ во всей Европѣ и который сдѣлался необходимымъ предметомъ пищи для всѣхъ сословій. Только въ половинѣ XVI стол. стали встрѣчаться въ европейскихъ гаваняхъ матросы, курившіе табакъ; еще позже узнали пользу смоковницы, населенной кошенилью. Ваниль и какао стали входить въ употребленіе также въ позднѣйшее время. Съ другой стороны, культурныя растенія, разведенныя европейцами въ Америкѣ, какъ кофе и сахарный тростникъ, такъ хорошо развивались подъ вліяніемъ благопріятнаго климата, что съ тѣхъ поръ эти произведенія вошли во всеобщее употребленіе. Какое большое вліяніе имѣло на жизнь и цѣнность земли увеличеніе благородныхъ металловъ! Хотя золотые пріиски скоро изсякли на Испаньйолѣ и другихъ островахъ, но зато мексиканскіе, перуанскіе и серебряные въ Цакатекасѣ и Потози доставляли еще большую прибыль. И какъ сильно содѣйствовали процвѣтанію всей промышленности и торговли произведенія всѣхъ царствъ природы, которыя начали извлекать изъ молодой почвы, какъ, напримѣръ: хлопчатникъ, красильныя вещества (кошениль, индиго), всевозможные сорты дерева для изящной мебели; сколько кореньевъ, плодовъ и т. п.

Открытіе Америки и новыхъ морскихъ путей дало торговлѣ другое направленіе. Прежде центрами торговыхъ сношеній и богатства были итальянскіе приморскіе города и республики; теперь же ихъ мѣсто заступили западныя государства: Португалія, Испанія, Нидерланды и нѣ-

сколько позже Англія. Процвѣтаніе въ первыхъ изъ нихъ длилось недолго, потому что они въ самомъ началѣ наложили на торговлю тяжелыя оковы. Но промышленность и торговля преуспѣваютъ только при свободѣ; оба государства исключили другія націи изъ своихъ колоній, позволяли имъ вести торговлю только съ метрополіей и наложили на нихъ разныя стѣснительныя условія и налоги. Въ испанскихъ и португальскихъ колоніяхъ не существовало промышленнаго бѣлаго населенія, которое заработывало бы хлѣбъ въ потѣ лица своего; поэтому они никогда не могли достигнуть полнаго развитія и самостоятельности, а, не развивъ въ себѣ свободнаго гражданства, они, и относительно метрополіи своей, никогда не выходили изъ самой унизительной зависимости. Колоніи имѣли право продавать только сырые продукты: метрополія доставляла всѣ произведенія промышленности и искусства; вслѣдствіе этого первыя никогда не достигли ни развитія, ни силы, а вторая впала въ бездѣйствіе и слабость. «Золотой потокъ, который обогатилъ бы страну, чрезъ которую онъ протекалъ, если бы ему не было поставлено никакихъ преградъ, погубилъ ее наводненіемъ, происшедшимъ вслѣдствіе ограниченія торговли: жизнь, цвѣтъ ея завяли преждевременно. Земледѣліе, торговля, фабрики, всѣ отрасли промышленности слабѣли и наконецъ пришли въ полнѣйшій упадокъ; народъ былъ бѣденъ среди всѣхъ своихъ богатствъ».

Между тѣмъ какъ испанцы ежегодно вывозили въ свои приморскія гавани сокровища Америки, доставляемыя горными заводами въ Цакатекасѣ и Потози, ихъ собственные рудники приходили въ упадокъ; богатства, доставляемыя въ государственную казну изъ Новаго Свѣта, уничтожили послѣдніе остатки гражданской свободы, такъ какъ они давали королямъ-деспотамъ возможность уклоняться отъ созванія кортесовъ, безъ денежной помощи которыхъ они могли теперь обойтись; а со свободою исчезло и благосостояніе; умственная и физическая дѣятельность, единственные рычаги для народнаго развитія, ослабѣли подъ жестокимъ правленіемъ испанскихъ деспотовъ. Было еще много пагубныхъ явленій, происхожденіе которыхъ совпадало съ открытіемъ Америки, какъ, напр., нѣкоторыя заразительныя болѣзни. Желтая лихорадка, прежде водившаяся на берегахъ тропическихъ странъ, обратилась, со времени прибытія европейцевъ въ Мексику, въ эпидемію, все болѣе и болѣе распространявшуюся. Но несомнѣнны и выгоды, доставленныя открытіемъ Америки наукамъ, особенно естествовѣдѣнію и географіи, наблюденію и познанію космографическихъ и физическихъ явленій атмосферы. Европѣ, страдавшей отъ сильнаго увеличенія народонаселенія и отъ религіозныхъ преслѣдованій, Америка доставила хорошее убѣжище, особенно съ тѣхъ поръ, какъ стали проникать и въ глубь сѣверной Америки.

XX. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ СЛѢДСТВІЯ ОТКРЫТІЯ НОВАГО СВѢТА.

(Изъ соч. Бланки: «Исторія политической экономіи въ Европѣ», перев. Бибикова, т. I).

Чтобы уяснить себѣ громадныя экономическія слѣдствія открытія Америки, намъ необходимо представить, хотя бы въ бѣгломъ очеркѣ, переворотъ въ монетной системѣ, происшедшій вслѣдствіе открытія Новаго Свѣта.

Въ средніе вѣка драгоцѣнные металлы преимущественно употреблялись при

богослуженіи, въ церквахъ, въ которыхъ бросались въ глаза великолѣпные сосуды, огромные канделябры, лампады, перила, золотыя и серебряныя статуи. Облаченія священниковъ тоже не мало поглощали драгоцѣнныхъ металловъ, такъ что, въ сущности, для приготовленія новой и для возобновленія старой монеты, оставалось незначительное ихъ количество. Монета чеканилась тогда весьма плохо, а если судить по золотымъ и серебрянымъ издѣліямъ, современнымъ тогдашнему упадку монетнаго производства, то можно сказать, что золото и серебро не имѣли иного значенія, кромѣ приготовленія изъ нихъ драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ и священныхъ сосудовъ.

Когда Ричардъ попалъ въ плѣнъ въ Германіи, Людовикъ Святой — въ Египтѣ, а король Іоаннъ—въ Англіи, то для выкупа ихъ потребовалось забрать священную утварь и драгоцѣнности у церквей и дворянства. Англійскіе историки саксонской эпохи часто упоминаютъ о *живой монетѣ*, которая дозволялась закономъ и состояла изъ рабовъ и скота, которыми и уплачивалось за всѣ товары, находившіеся въ обращеніи. Впослѣдствіи, по мѣрѣ появленія металлическихъ денегъ, *живая монета* выходила изъ употребленія и допускалась только для уплаты недостающей части до всей суммы, какъ теперь мелкая монета; но въ такомъ случаѣ лошадьми, быками, коровами, баранами и рабами можно было платить только по взаимному соглашенію. Только казенныя взысканія и церковныя пени служили исключеніемъ изъ этого правила и уплачивались, по желанію, какъ деньгами, такъ и живыми существами. Надо, впрочемъ, отдать справедливость церкви, которая, въ видахъ прекращенія торговли рабами, отказалась, наконецъ, принимать ихъ въ уплату долга. Въ исторіи Англіи доктора Генри приведено нѣсколько любопытныхъ оцѣнокъ на наши деньги этой живой монеты. По его вычисленіямъ, рабъ стоилъ въ 997 году около 70 франковъ, лошадь 45 франковъ, корова 8 франковъ, баранъ полтора франка. По счетамъ, сохранившимся въ Страсбургскомъ соборѣ, поденная задѣльная плата каменьщиковъ, строившихъ эту церковь, составляла отъ 3—4 сантимовъ на теперешнія деньги (1 или 2 пфенинга).

Въ царствованіе Карла Великаго серебряный фунтъ (ливръ) состоялъ изъ 12 унцій металла и дѣлился на 12 су, въ каждомъ по 12 денье, а денье соотвѣтствовалъ приблизительно 6 су нынѣшней монеты. Хлѣбъ въ 4 фунта вѣсомъ продавался менѣе 5 сантимовъ, что можетъ дать довольно вѣрное понятіе о небольшомъ количествѣ монеты, находившейся тогда въ обращеніи. Мало по малу ливръ Карла Великаго упалъ въ цѣнѣ съ 80 на 10 франковъ. Крестовые походы вернули назадъ часть драгоцѣнныхъ металловъ, постоянно отливавшихъ на востокъ. Взятіе Константинополя крестоносцами доставило имъ огромныя металлическія богатства. Тѣмъ не менѣе, есть основаніе думать, что въ первое время существованія Іерусалимскаго королевства доходовъ его не хватало на содержаніе правительства, и что Европа ежегодно посылала значительныя суммы для его поддержанія. Всѣ эти обстоятельства весьма затрудняютъ вѣрное опредѣленіе количества звонкой монеты, обращавшейся въ эту эпоху въ Европѣ. Все, что мы можемъ сказать, это—что по прекращеніи толчка, даннаго передвиженіями крестоносцевъ, и продольствія, отправлявшагося въ святую землю, дѣла приняли свой прежній видъ, а количество денегъ попрежнему все уменьшалось во всѣхъ европейскихъ странахъ.

Открытіе рудниковъ Новаго Свѣта разомъ остановило это уменьшеніе. Масса драгоцѣнныхъ металловъ, пущенныхъ въ обращеніе этими рудниками, доставила въ нѣсколько лѣтъ въ 12 разъ больше той суммы, которая существовала до этого времени, въ особенности послѣ открытія, въ 1545 г., По-

тозійскихъ рудниковъ, самыхъ обильныхъ. Цѣны начали быстро возрастать, а среднее производство рудниковъ съ 1546 по 1600 г. можно опредѣлить въ 60 милл. франковъ ежегодно. Съ 1600 по 1700 г. производство это достигло почти до 80 милл. въ годъ, а съ 1750 до 1800 года ежегодно вывозилось изъ Америки въ Европу монеты болѣе, чѣмъ на 180 милл. франковъ. Но самый значительный ввозъ монеты былъ съ 1800 по 1810 г., ибо, на основаніи лучшихъ авторовъ, онъ простирался до 250 милл. франковъ въ годъ. Съ перваго взгляда кажется, что такое быстрое увеличеніе количества драгоцѣнныхъ металловъ должно было соотвѣтственно возвысить всѣ цѣны и разомъ измѣнить условія заработной платы; но въ самомъ дѣлѣ этого не случилось. Успѣхи промышленности, современные открытію американскихъ рудниковъ, потребовали большаго количества звонкой монеты, и, именно, во столько разъ больше, во сколько цѣнность ея понижалась вслѣдствіе самаго ея изобилія. Распространившееся всюду довольство позволило многимъ людямъ обратить свое сбереженіе на покупку золотой и серебряной утвари. Открытіе мыса Доброй Надежды, указавъ прямыя сообщенія съ азіятскимъ материкомъ, привыкшимъ ко ввозу золота и серебра, помѣшало этому монетному перевороту оказать полное свое дѣйствіе на цѣны,—дѣйствіе, которое, безъ этого отвлеченія, могло бы причинить большой вредъ Европѣ. Такимъ образомъ, съ самымъ увеличеніемъ количества звонкой монеты, потребность въ ней ощущалась все болѣе и болѣе; усилившіяся торговыя сношенія не допускали понижаться цѣнѣ звонкой монеты въ той пропорціи, въ какой увеличивалось ея количество. Экономисты не согласны насчетъ увеличенія цѣны товаровъ вслѣдствіе цѣнности денегъ. Одни (Ад. Смитъ) полагаютъ, что цѣна товаровъ увеличилась втрое, между тѣмъ какъ другіе (Гарнье) думаютъ, что она увеличилась въ два раза больше. Большая часть государей избрала именно это переходное время для искусственнаго возвышенія цѣнности денегъ. Во Франціи королевскими указами нарицательная цѣна серебряной марки была назначена въ 16 и 18 ливровъ, вмѣсто 8 и 10, какъ это было въ началѣ этого вѣка. Слѣдствіемъ обѣихъ этихъ причинъ, дѣйствовавшихъ разомъ на номинальную цѣну всѣхъ предметовъ общаго потребленія, было повышеніе ихъ цѣны, вслѣдствіе чего они оказались въ 10 и 12 разъ дороже противъ прежняго. Никто не могъ объяснить этого торговаго явленія, о которомъ была подана Екатеринѣ Медичи записка, напечатанная въ 1586 въ Бордо, подъ заглавіемъ: «Рѣчь о чрезвычайной дороговизнѣ, поднесенная королевѣ, матери короля, однимъ изъ ея вѣрноподданныхъ». Въ ней авторъ съ большою подробностью разсматриваетъ цѣны хлѣба, мяса, плодовъ, овощей, сѣна и другихъ предметовъ ежедневнаго потребленія, а также величину заработной платы, жалованья, поденьщины зимою и лѣтомъ, какими онѣ были за 60 или 70 лѣтъ, и замѣчаетъ, что въ его время большая часть этихъ цѣнъ увеличилась въ 10 и 12 разъ. Что же касается до недвижимой собственности, говоритъ онъ, стоитъ только взглянуть на дома, помѣстья, вотчины, пахатныя земли, луга, виноградники и другія имущества, въ которыхъ не было произведено никакихъ улучшеній, и между тѣмъ они продаются въ настоящее время въ шесть разъ дороже противъ прежняго.

Это увеличеніе цѣнъ обнаруживается во всѣхъ европейскихъ странахъ, по мѣрѣ того какъ расходились по нимъ золото и серебро Новаго Свѣта черезъ посредство испанцевъ. Въ сочиненіи «Тайны финансовъ» (приписываемомъ Фроманто) мы находимъ, что съ конца царствованія Людовика VII по 1581 г., когда напечатана была эта книга, то-есть въ 70-ти-лѣтній періодъ, всѣ налоги Франціи увеличились болѣе, чѣмъ въ пять разъ; такое же увеличеніе

налоговъ произошло и въ прочихъ странахъ и потребовало для своего удовлетворенія большее количество труда, а потому, быть можетъ, и столько же вслѣдствіе успѣховъ цивилизаціи вообще внезапно поднявшіяся цѣны остановились въ приличныхъ границахъ, несмотря ни на искусственное увеличеніе количества денегъ искаженіемъ ихъ, ни на естественное ихъ размноженіе посредствомъ ввоза новой монеты. Всѣ привычки измѣняются, задумываются смѣлыя предпріятія, возникаютъ новыя потребности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность ихъ удовлетворенія, болѣе широкія средства обмѣна облегчаютъ торговлю и спекуляціи. Какъ бы то ни было, еслибы Америка не была открыта, то золотыхъ и серебряныхъ денегъ было бы меньше противъ теперешняго, но зато онѣ имѣли бы большую цѣнность; между товарами и деньгами существовали бы отношенія, весьма отличныя отъ нынѣшнихъ: большее число предметовъ пріобрѣталось бы за меньшее количество денегъ, но производство долго оставалось бы въ жалкомъ положеніи, вслѣдствіе недостатка капиталовъ. Это доказывается, въ особенности, тѣмъ, что поощреніе, оказанное труду увеличившимся количествомъ драгоцѣнныхъ металловъ, не остановилось на этомъ первомъ шагѣ. Вскорѣ звонкой монеты оказалось недостаточно, билеты сохранныхъ и оборотныхъ банковъ и всякихъ другихъ общественныхъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій увеличили количество обмѣнныхъ знаковъ и дали новый сильнѣйшій толчокъ труду. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что изобиліе или рѣдкость звонкой монеты никогда не можетъ быть фактомъ одинокимъ и безотносительнымъ; равновѣсіе необходимо должно возстановиться. Изобиліе денегъ въ Испаніи вызвало болѣе живое желаніе потребленія, доставивъ ея гражданамъ возможность добыть въ сосѣднихъ странахъ все, что льстило ихъ вкусу, или соотвѣтствовало ихъ желаніямъ. Вся Европа начала производить для нихъ, и въ продолженіе почти цѣлаго вѣка одни испанцы были заказчиками труда и могущественнѣйшими возбудителями промышленности.

Естественно, что подобный переворотъ не могъ совершиться безъ потрясеній. Въ первое время тяжело было всѣмъ тѣмъ, которые жили неизмѣннымъ доходомъ, или ограниченной заработной платой, пока арендная, а затѣмъ и заработная плата не поднялись въ своей цѣнѣ соотвѣтственно съ повышеніемъ цѣны на всѣ предметы. Увеличеніе количества звонкой монеты оказываетъ въ такомъ случаѣ такое же дѣйствіе, какъ изобрѣтеніе какой нибудь машины, которая сначала отстраняетъ отъ дѣла извѣстное число работниковъ, пока усиленное требованіе на ея произведенія, вызванное пониженіемъ цѣнъ, не возвратитъ имъ работы. Этимъ объясняется, почему вмѣсто того, чтобы радоваться обстоятельству, которое, судя по общему мнѣнію, должно было всѣхъ обогатить, современники были только поражены дороговизной, дѣлавшей ихъ существованіе болѣе тягостнымъ. Мы знаемъ, какое мнѣніе было по этому вопросу во Франціи, въ Англіи и въ Испаніи; можно было бы составить весьма интересную книгу изъ тѣхъ жалобъ, которыя вызывались этимъ явленіемъ, то-есть, повышеніемъ цѣнъ, которое пугало тѣмъ болѣе, что его рѣшительно не понимали. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было тогда объяснить себѣ, почему бы съѣстные припасы и товары могли подняться въ цѣнѣ, когда ни количество ихъ не уменьшилось, ни требованіе на нихъ не увеличилось. Прежнее количество хлѣба обмѣнивалось на корову, или на извѣстное число барановъ; но, какъ только приходилось измѣрять цѣны этихъ товаровъ деньгами, то отношеніе между ними совсѣмъ измѣнялось; покупатель жаловался, что долженъ платить за нихъ дороже, забывая, что, продавая, самъ онъ получалъ теперь тоже болѣе противъ прежняго. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, тотъ, кто

производилъ болѣе, чѣмъ потреблялъ, видѣлъ, что доходъ его растетъ, если вычислять его на деньги; напротивъ того, человѣкъ, находившійся въ противоположныхъ условіяхъ простаго потребителя, съ прискорбіемъ замѣчалъ, какъ онъ бѣднѣлъ, получая все тотъ же доходъ, между тѣмъ какъ подымались въ цѣнѣ всѣ предметы потребленія. Но такъ какъ въ благоустроенномъ обществѣ всякій членъ, въ одно и то же время, и почти въ одинаковыхъ размѣрахъ, и потребитель, то стѣснительное положеніе съ каждымъ днемъ становилось менѣе чувствительнымъ, и равновѣсіе вызывало всеобще благосостояніе. Вслѣдствіе увеличившагося количества, деньги необходимо должны были понизиться въ каждой странѣ, когда изобиліе денегъ вызываетъ множество такихъ предпріятій, на которыя никто не рѣшился бы, еслибы изобиліе денегъ не способствовало приведенію ихъ въ исполненіе.

Гумбольдтъ исчисляетъ всю добычу американскихъ рудниковъ, отъ ихъ открытія до настоящаго времени, въ тридцать мильярдовъ фр. Не принимая безусловно на вѣру такой громадной цифры, мы полагаемъ, что только изобиліемъ этихъ рудниковъ покрыты были потребности обращенія, послѣ того какъ трудъ въ Европѣ получилъ толчокъ отъ ввезенныхъ въ нее первыхъ грузовъ золота и серебра. Благосостояніе Англіи, Голландіи, Германіи, Франціи, даже Россіи, должно приписать промышленному движенію, пробужденному въ этихъ странахъ ввозомъ американской звонкой монеты въ обмѣнъ за ихъ сырые матеріалы и за фабричныя издѣлія.

XXI. ПЕРВОЕ КРУГОСВѢТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ И СЛѢДСТВІЯ ЕГО.

(Изъ соч. Дрэпера: «Исторія умственнаго развитія Европы», переводъ Пыпина).

Со времени открытія морскаго пути въ Ост-Индію торговыя отношенія Европы совершенно измѣнились. Венеція лишилась своего торговаго первенства; ненависть Генуи была удовлетворена; благоденствіе покинуло итальянскіе города; Египетъ, имѣвшій до сихъ поръ столько выгодъ вслѣдствіе своего положенія на лучшемъ пути въ Индію, внезапно потерялъ свое значеніе; торговыя монополіи, такъ долго находившіяся въ рукахъ европейскихъ евреевъ, рушились. Открытіе Америки и пути кругомъ мыса Доброй Надежды были первыми шагами того громаднаго морскаго развитія, которое скоро обнаружилось въ западной Европѣ. А такъ какъ коммерческое благоденствіе постоянно влечетъ за собою различныя производства и богатства, и, сверхъ того, предполагаетъ энергическое умственное развитіе, то вскорѣ центръ народонаселенія, центръ богатства и центръ умственнаго развитія стали быстро отодвигаться на западъ. Видъ Европы внезапно измѣнился. Британскіе острова, до сихъ поръ находившіеся въ отдаленномъ положеніи внѣ центра, вдругъ стали во главѣ новаго движенія.

Коммерческое соперничество перешло отъ Венеціи и Генуи къ Испаніи и Португаліи. Споръ между этими двумя королевствами относительно Молукскихъ острововъ, откуда добывались мушкатный орѣхъ, гвоздика и разнаго рода пряности, привелъ къ кругосвѣтному путешествію, которое впервые совершилъ знаменитый Фердинандъ Магелланъ.

Ферд. Магелланъ находился на службѣ португальскаго короля, но по случаю отказа въ прибавкѣ полдуката къ его мѣсячному жалованью перешелъ на службу къ королю Испаніи вмѣстѣ съ своимъ другомъ Рюй-Фалеро, который слылъ въ народѣ за заклинателя и магика, но который на самомъ дѣлѣ обладалъ значительными астрономическими свѣдѣніями и посвятилъ себя открытію вѣрнаго способа опредѣлять положеніе корабля на морѣ. Магелланъ увѣрялъ испанское правительство, что Молукскіе острова могутъ быть достигнуты съ запада, такъ какъ португальцы уже прежде доѣхали до нихъ съ востока, и что если подобное предпріятіе удастся, то, согласно буллѣ Александра VI, Испанія будетъ имѣть на эти острова такое же право, какъ и Португалія. Съ этою цѣлью снаряжено было пять кораблей съ 237 матросами, и 10-го августа 1519 года Магелланъ выѣхалъ изъ Севильи. Корабль адмирала былъ «Троица,» но заслужить безсмертіе суждено было другому кораблю «Санъ-Витторія.» Магелланъ смѣло направился на юго-западъ, не поперегъ Атлантическаго океана, какъ Колумбъ, а вдоль его, такъ какъ его цѣлью было открыть въ американскомъ материкѣ проходъ, чрезъ который онъ могъ бы войти въ великій Южный океанъ. Семьдесятъ дней продолжался штиль на экваторѣ. Затѣмъ онъ потерялъ изъ виду сѣверную полярную звѣзду, но смѣло продолжалъ путь къ антарктическому полюсу. Онъ едва не погибъ въ бурѣ, «которая не прекращалась до тѣхъ поръ, пока не появились на снастяхъ кораблей три огня, названные с. Еленой, св. Николаемъ и св. Кларою.» Въ новой землѣ, названной имъ Патагоніею, онъ нашелъ великановъ хорошаго сложенія, одѣтыхъ въ зрѣриныя шкуры; одинъ изъ нихъ ужаснулся своего собственнаго изображенія, увидѣвъ его въ зеркалѣ. Между матросами, со страхомъ смотрѣвшими на разстояніе, проплытое ими, поднялся мятежъ, для подавленія котораго нужна была большая рѣшимость со стороны начальника. Несмотря на его бдительность, одинъ изъ кораблей покинулъ его и отправился обратно въ Испанію. Его твердость и рѣшимость были наконецъ вознаграждены открытіемъ пролива, названнаго имъ Санъ-Витторіею, въ честь своего корабля, но вскорѣ переименованнаго матросами въ «Магеллановъ проливъ.» 28 ноября 1520 года, годъ съ четвертью спустя по выѣздѣ, онъ вошелъ въ великій Южный океанъ, по словамъ Пигафетти, одного изъ свидѣтелей, проливая слезы радости при видѣ его нескончаемой обширности,— слезы радости, что Богу угодно было привести его на обширное море, съ опасностями котораго ему предстоитъ бороться. Любуясь его безконечною, но гладкою поверхностью, и восторгаясь при размышленіи о тайныхъ опасностяхъ, испытать которыя ему вскорѣ предстоитъ, онъ съ предупредительною вѣжливостью далъ этому морю названіе Тихаго океана, которое останется за нимъ на вѣки. Лавируя при входѣ въ этотъ океанъ, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ октябрѣ ночи продолжаются только четыре часа, и замѣтилъ, что «южный полюсъ не имѣетъ такой звѣзды, какъ сѣверный, что около него находятся два облака мелкихъ звѣздъ, болѣе темныхъ въ средней части, и крестъ изъ красивыхъ яркихъ звѣздъ; движеніе магнитной стрѣлки здѣсь дотого медленно, что ее приходится передвигать, чтобы придать ей падлежащее положеніе.»

Обойдя американскій материкъ, великій мореплаватель направилъ путь на сѣверо-западъ, стараясь достичь опять экватора. Три мѣсяца и двадцать дней онъ плылъ по Тихому океану и ни разу не видѣлъ на-

селенной земли. Онъ принужденъ былъ съ голоду сдирать кожу со снастей и, вымачивая ее въ морѣ и размягчая въ теплой водѣ, употреблять ее въ пищу; ѣлъ также помои съ корабля, пилъ гнилую воду, но тѣмъ не менѣе съ твердостью продолжалъ путь, несмотря на то, что ежедневно умирало нѣсколько матросовъ. Разсказываютъ, что у нихъ десны покрыли зубы и что они такимъ образомъ не могли принимать пищу. По его вычисленіямъ, онъ проплылъ по этому неизмѣримо-глубокому морю не менѣе 12,000 миль.

Во всей исторіи человѣческихъ предпріятій нѣтъ ни одного выше, а можетъ быть и ни одного равнаго путешествію Магеллана. Путешествіе Коломба никакъ не можетъ идти въ сравненіи съ нимъ. Это примѣръ сверхчеловѣческаго мужества, сверхчеловѣческой настойчивости, примѣръ рѣшимости, которую ничто, никакое страданіе не могло отклонить отъ цѣли. Не мудрено, что матросы пришли къ заключенію, что этотъ океанъ не имѣетъ конца и что они никогда не вернутся. «Но хотя церковь искони утверждала на основаніи писанія, что земля есть обширная плоскость, окруженная водами, Магелланъ, зная, что при затмѣніяхъ земля бросаетъ на луну круглую тѣнь, утѣшался соображеніемъ, что форма тѣни свидѣтельствуетъ о формѣ вещи». Только твердая душа, желѣзное сердце могли противъ такого авторитета имѣть вѣру въ тѣнь.

Его безпримѣрная рѣшимость встрѣтила наконецъ награду. Магелланъ достигъ группы острововъ къ сѣверу отъ экватора—это были Разбойничьи острова. Черезъ нѣсколько дней затѣмъ онъ узналъ, что его труды ненапрасны: онъ встрѣтилъ моряковъ изъ Суматры. Но хотя онъ такъ славно достигъ своей цѣли, ему не суждено было закончить кругосвѣтное путешествіе. На островѣ Зебу или Мутанъ онъ былъ убитъ или во время усмиренія мятежа своихъ матросовъ, какъ разсказываютъ одни, или, какъ говорятъ матросы, въ борьбѣ съ дикарями. «Генералъ», говорили они, «былъ очень храбръ, но получилъ смертельную рану въ лобъ, и дикари ни за какой выкупъ не согласились выдать его тѣла». Невѣроятно, чтобы онъ погибъ вслѣдствіе измѣны и мести, потому что это былъ твердый человѣкъ: только очень твердый человѣкъ могъ совершить такое смѣлое дѣло. Немедленно по его смерти, экипажъ узналъ, что онъ находился уже въ сосѣдствѣ Молукскихъ острововъ, и что цѣль путешествія достигнута. Съ восходомъ солнца 8 ноября 1521 г., пробывши два года и три мѣсяца на морѣ, они вошли въ Тидоръ, главную гавань Пряныхъ острововъ. Король тидорскій поклялся кораномъ въ вѣрности испанскому королю.

Я не стану упоминать о чудесахъ, представившихся ихъ глазамъ: вооруженные слоны, вазы и сосуды изъ фарфора, райскія птицы, которыя не летаютъ, а «носятся вѣтромъ», громадные запасы пряностей, мушкатнаго орѣха и гвоздики. Теперь они собирались возвратиться обратно въ Испанію, чтобы принесть извѣстіе о своемъ успѣхѣ. Лейтенантъ Магеллана, Себастіанъ де-Элкано, направилъ путь на мысъ Доброй Надежды и снова встрѣтилъ всевозможныя бѣдствія. Онъ потерялъ 21 челов. матросовъ изъ своего малочисленнаго экипажа. Наконецъ онъ обогнулъ мысъ, и 7 сентября 1522 г. его корабль «Санъ-Витторія» бросилъ якорь въ гавани Санъ-Лукара, близъ Севильи. Этотъ корабль совершилъ величайшее изъ предпріятій человѣческаго рода—онъ объѣхалъ вокругъ земли.

Итакъ Магелланъ погибъ въ своемъ предпріятіи, но зато онъ вдвойнѣ безсмертенъ! Онъ запечатлѣлъ свое имя на вѣки вѣковъ на землѣ и на небѣ, на проливѣ, соединяющемъ два великіе океана, и на тѣхъ звѣздныхъ пятнахъ, которыя видны на южномъ небосклонѣ. Онъ же опредѣлилъ наибольшую часть земной поверхности. Его лейтенантъ Себастіанъ де-Элькано получилъ всѣ награды, какія только можетъ дать король. Изъ всѣхъ знаковъ отличія, когда либо дарованныхъ за совершеніе великаго и отважнаго дѣла, онъ получилъ самые благородные знаки—изображеніе земнаго шара съ надписью: «Primus circumdedisti me!»

Если кругосвѣтное путешествіе Магеллана не повело къ такимъ блистательнымъ матеріальнымъ результатамъ, какъ открытіе Америки и обходъ мыса Доброй Надежды, то нравственныя послѣдствія его были гораздо важнѣе. Коломбу не хотѣли дать средствъ къ выполненію его замысла, потому что его намѣреніе считали противнымъ религіи. Клерикалы присвоили себѣ право окончательныхъ судей во всѣхъ философскихъ вопросахъ, и въ вопросѣ о формѣ земли они были противъ ея шаровидности. «Непогрѣшимость» никогда не можетъ исправлять себя, да и никогда не можетъ ошибиться. Римъ никогда не измѣняетъ чего бы то ни было и, каковы бы ни были послѣдствія, никогда не уступаетъ. Такимъ образомъ теологическое положеніе, «непогрѣшимость», вмѣшалось въ географическую задачу, которая во всякій моментъ могла быть разрѣшена положительно. Пока разрѣшеніе этой задачи оставалось въ предѣлахъ умозрѣній и пока его можно было обойти мистификаціей, дѣйствительное положеніе вопроса могло быть скрыто отъ всѣхъ, кромѣ самаго образованнаго класса людей; но когда кругосвѣтное путешествіе было на самомъ дѣлѣ совершено и было всѣмъ извѣстно, тогда, конечно, ничего не оставалось говорить. Теперь совершенно безполезно было бы приводить авторитетъ Лактанція и другихъ писателей насчетъ того, что мнѣніе о шаровидности земли есть мнѣніе нечестивое и еретическое. Съ этихъ поръ фактъ достаточно говорилъ самъ за себя; онъ могъ пересилить всякій авторитетъ, и поддерживать этотъ авторитетъ—значило бы вредить ему же. Осталось только дать спору перейти въ забвеніе; но и это не могло совершиться безъ того, чтобы въ наблюдательныхъ умахъ не запечатлѣлся тотъ фактъ, что физическія науки начинали получать большое преимущество надъ клерикальными понятіями и представляли несомнѣнные задатки того, что въ скоромъ времени онѣ одержатъ совершенную побѣду.

XXII. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ИЗОБРѢТЕНІЯ ПОРОХА.

(Изъ соч. Бокля: «Исторія цивилизаціи въ Англіи», т. I).

Изобрѣтеніе пороха сдѣлано, какъ говорятъ, въ XIII вѣкѣ, но не было въ общемъ употребленіи до XIV вѣка и даже до начала XV вѣка. Едва только оно было принято, какъ произвело важное измѣненіе какъ въ общей теоріи войны, такъ и въ способѣ ея веденія. До тѣхъ поръ почти каждому гражданину поставлялось въ обязанность готовиться къ военной службѣ для защиты своей страны или для нападенія на другія. Постоянныя войска были совершенно неизвѣстны; ихъ мѣсто занимала

грубая и варварская милиція, безпрерывно готовящаяся къ войнѣ и нисколько не расположенная приняться за мирныя занятія, тогда всѣми презираемыя, такъ какъ почти каждый гражданинъ былъ воинъ,—военнаго сословія отдѣльно вовсе не существовало,—или, выражаясь точнѣе, вся Европа была громадною арміею, поглощавшею всѣ прочія занятія. Единственнымъ исключеніемъ было духовенство, но и духовенство было заражено общимъ стремленіемъ и нерѣдко можно было встрѣтить многочисленныя войска, предводимыя епископомъ или аббатомъ, которымъ въ то время военное искусство было вполнѣ знакомо. Во всякомъ случаѣ, люди дѣлились между этими двумя сословіями; единственными занятіями были — война или теологія; если вы не хотѣли сдѣлаться служителемъ церкви, то должны были служить въ войскѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ всего этого было пренебреженіе къ занятіямъ существенно важнымъ. Было много военныхъ и священниковъ, битвъ и проповѣдей, но не было ни промысловъ, ни торговли, ни фабрикъ; не было ни наукъ, ни литературы; полезныя ремесла были неизвѣстны, и даже высшіе ряды общества были незнакомы не только съ обыкновеннымъ комфортомъ, но даже съ простѣйшими приличіями образованной жизни.

Но лишь только порохъ вошелъ въ употребленіе, положено основаніе важной перемѣнѣ. По прежней системѣ, человѣку нужно было владѣть только мечемъ или лукомъ, которые онъ обыкновенно наслѣдовалъ отъ отца, и онъ готовъ былъ выступить въ поле; но новая система потребовала новыхъ средствъ, и вооруженіе сдѣлалось дороже и затруднительнѣе. Во-первыхъ, нуженъ запасъ пороха; затѣмъ необходимо владѣть мушкетомъ, дорогимъ оружіемъ, обращеніе съ которымъ считалось труднымъ; затѣмъ являются другія изобрѣтенія, вызванныя изобрѣтеніемъ пороха: пистолеты, бомбы, мортиры, пушки, мины и т. п.

Все это, увеличивая сложность военнаго искусства, усиливало необходимость дисциплины и упражненія; въ то же время измѣненія, произведенныя въ обыкновенномъ оружіи, лишили большинство людей возможности добывать его. Согласно перемѣнившимся обстоятельствамъ должно было организовать новую систему; найдено было полезнымъ приготовить большія массы людей исключительно для войны и отдалить ихъ, насколько возможно, отъ другихъ занятій, которымъ прежде они иногда предавались. Такимъ образомъ возникли постоянныя войска; первое изъ нихъ набрано въ XV вѣкѣ, почти немедленно послѣ введенія пороха въ общее употребленіе. Тогда же появился обычай употреблять наемныя войска; не многіе примѣры такихъ войскъ мы встрѣчаемъ и прежде, но обычай установился не ранѣе послѣдней половины XIV в.

Важность этого движенія скоро обозначилась перемѣною, произведенною имъ въ раздѣленіи европейскаго общества на разряды. Такъ какъ регулярныя войска по своей дисциплинѣ были способнѣе въ дѣлѣ съ непріятелемъ, а также и правительственный надзоръ надъ ними былъ легче, то естественно, что, лишь только было сознано ихъ достоинство, сначала усомнились въ значеніи прежней милиціи, потомъ стали пренебрегать ею, отчего и самая численность этого рода войска замѣтно уменьшилась. Въ то же время уменьшеніе числа иррегулярныхъ войскъ лишило страну части ея военныхъ средствъ и потому побудило обращать болѣе вниманія на регулярныя и ограничивать ихъ еще исключительнѣе исполненіемъ военныхъ обязанностей. Тогда въ первый разъ

установилось рѣзкое различіе между солдатомъ и гражданиномъ, и появилось отдѣльное военное сословіе; такъ какъ оно состоитъ изъ сравнительно меньшей части общей суммы гражданъ, то остальные получили возможность заняться другими дѣлами. Такимъ образомъ, огромная масса людей была отучена отъ своихъ прежнихъ воинственныхъ привычекъ; силы ея, какъ-бы принужденныя обратиться къ гражданской жизни, сдѣлались полезными для осуществленія великихъ общественныхъ цѣлей и развитія мирныхъ искусствъ, прежде пренебрегаемыхъ. Поэтому умы Европы, вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, заниматься войною или теологіею, вышли на средній путь и создали тѣ отрасли знанія, которымъ новая цивилизація обязана своимъ началомъ. Съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ стремленіе къ отдѣльной организаціи становилось все болѣе и болѣе замѣтнымъ; польза раздѣленія труда уяснялась; соотвѣтственно развитію знаній, усиливалось значеніе среднихъ или образованныхъ классовъ. Каждое усиленіе ихъ значенія ослабляло вѣсъ двухъ другихъ классовъ и стѣсняло суевѣріе и воинственность, на которыхъ въ раннемъ состояніи общества сосредоточивался весь энтузіазмъ. Свидѣтельства о ростѣ и распространеніи этого образованнаго начала такъ многочисленны и рѣшительны, что можно было бы соединить въ одной картинѣ всѣ области знанія, показать приблизительно всѣ его послѣдовательные шаги. Въ настоящемъ случаѣ достаточно сказать вообще, что независимая, хотя все - еще неопредѣленная, дѣятельность этого третьяго, образованнаго класса, начинается въ XIV и XV вв.; что въ XVI в. эта дѣятельность, принимая опредѣленную форму, выразилась въ религіозныхъ волненіяхъ; что въ XVII энергія его, становясь болѣе практическою, обратилась противъ злоупотребленій правительствъ и породила рядъ волненій, которыхъ едва ли избѣгла хотя одна часть Европы, и, наконецъ, въ XVIII и XIX вв. оно распространилось на всѣ отрасли общественной и частной жизни, разливая образованіе, научая законодателей, надзирая за правителями и — что всего важнѣе — утверждая на прочномъ основаніи господство общественнаго мнѣнія, которому, собственно говоря, подчиняются въ наше время даже и деспотическія правительства.

Вопросы эти, по правдѣ, очень обширные, и безъ нѣкотораго знакомства съ ними никто не можетъ ни понимать современнаго состоянія европейскаго общества, ни составлять какія либо предположенія объ его будущемъ развитіи. Впрочемъ, сказаннаго достаточно, чтобы читатель постигъ тотъ путь, которымъ такое ничтожное дѣло, какъ открытіе пороха, способствовало ослабленію воинственнаго духа посредствомъ уменьшенія числа лицъ, привыкшихъ къ военнымъ пріемамъ. Были, конечно, другія побочныя обстоятельства, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи; но употребленіе пороха было самымъ важнымъ, ибо, усиливъ трудности войны и расходы военные, оно сдѣлало необходимымъ существованіе особаго военнаго сословія и, такимъ образомъ, обрѣзывая дѣйствія воинственнаго духа, заставило излишнюю незанятую силу, нашедшую путь къ мирнымъ занятіямъ, влить въ нихъ новую жизнь и начать сдерживать жажду завоеваній, которая является величайшимъ врагомъ знанія и самою роковою изъ тѣхъ болѣзненныхъ страстей, отъ которыхъ нерѣдко страдаютъ даже образованныя страны.

XXIII. ПИСЬМЕННОСТЬ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА, ИЗОБРѢТЕНІЕ КНИГОПЕЧАТАНІЯ И ГУТЕНБЕРГЪ.

(Извлечено изъ сочиненія Зоцмана: «Gutenberg und seine Mitbewerber», Historisches Taschenbuch von Raumer, II Jahrgang.

Въ средніе вѣка, пока образованіе сосредоточивалось преимущественно въ монастыряхъ и единственнымъ представителемъ его было духовенство, потребность въ священныхъ книгахъ и въ назидательномъ чтеніи удовлетворялась посредствомъ переписки книгъ духовнаго содержанія почти одними только монахами. Но, уже начиная съ учрежденія университетовъ, особенно же съ возрожденія классицизма, потребность въ образованіи все болѣе и болѣе увеличивается, и манускрипты пріобрѣтаютъ большую цѣнность, вслѣдствіе чего переписка становится занятіемъ весьма прибыльнымъ и постепенно переходитъ въ руки цѣлаго класса переписчиковъ, спеціально занимающихся этимъ ремесломъ.

Между этими переписчиками въ первой половинѣ XV вѣка замѣчается уже нѣсколько различныхъ по характеру своей дѣятельности категорій.

Первую категорію составляли калиграфы и художники миніатюрной живописи, которые совмѣстно занимались изданіемъ роскошныхъ рукописныхъ книгъ. Но такія книги были по своей дороговизнѣ доступны только знати и владѣтельнымъ князьямъ, для которыхъ (особенно во Франціи и въ Бургундіи) онѣ сдѣлались однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ роскоши и которые составляли изъ нихъ даже цѣлыя библіотеки. Такъ, напримѣръ, герцогъ бургундскій Филиппъ Добрый (около половины XV в.) обладалъ огромнымъ рукописнымъ заведеніемъ (scriptorium) въ Брюсселѣ и имѣлъ, по словамъ начальника этого заведенія, замѣчательнѣйшую коллекцію подобныхъ книгъ. Въ различныхъ библіотекахъ бургундскихъ герцоговъ находилось болѣе 3,000 экземпляровъ роскошныхъ рукописей, какъ, напримѣръ, рыцарскихъ романовъ, историческихъ хроникъ, сочиненій по астрологіи и т. п.; у большинства же знатныхъ лицъ имѣлись, по крайней мѣрѣ, роскошные молитвенники (Heures), написанные на пергаментѣ и украшенные картинами; эти молитвенники сохранялись обыкновенно въ сумкахъ или футлярахъ, привѣшиваемыхъ къ поясу, и переходили по наслѣдству изъ рода въ родъ.

Вторую категорію составляли переписчики научныхъ книгъ, отъ которыхъ требовалась не столько красота почерка, сколько правильность и точность письма. Прежде всего переписчики эти появились при университетахъ Франціи и Германіи, и число ихъ находилось въ прямомъ соотвѣтствіи съ числомъ слушателей университета.

Въ то время, какъ переписчики первой категоріи работали обыкновенно по заказу, или находились на постоянной службѣ у владѣтельныхъ князей и у знатныхъ лицъ, переписчики второй категоріи изготовляли книги на свой рискъ. Но значительный объемъ этихъ книгъ, обусловливаемый содержаніемъ ихъ, а вслѣдствіе этого и дороговизна ихъ не позволяли каждому нуждающемуся въ нихъ пріобрѣтать ихъ въ собственность, и большинство, напротивъ, должно было ограничиваться временнымъ пользованіемъ ими. Такимъ положеніемъ дѣлъ вызвано было по-

явленіе большаго числа библіотекъ, въ которыхъ можно было получать на-время нужныя книги за сравнительно небольшую плату.

Третья категорія переписчиковъ по характеру своей дѣятельности существенно отличалась отъ первыхъ двухъ категорій. Переписчики и книгопродавцы этой третьей категоріи, сосредоточенные въ столичныхъ и главныхъ торговыхъ городахъ (особенно въ Англіи и въ Германіи), занимались преимущественно изданіемъ для массы народа въ большомъ числѣ экземпляровъ церковныхъ молитвъ и книгъ религіознаго содержанія, украшенныхъ картинами, при ближайшемъ содѣйствіи особеннаго класса рисовальщиковъ. Такъ, напримѣръ, въ Англіи, а именно въ Іоркѣ, въ 1415 г. въ числѣ различныхъ ремесленныхъ цеховъ встрѣчаются также переписчики (escriviners) и рисовальщики (lumners); а въ Лондонѣ съ 1405 г. существовалъ особый цехъ переписчиковъ и книгопродавцевъ (stationer), издававшихъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ небольшія молитвы, какъ «Pater noster» («Отче нашъ»), «Credo» («Вѣрую») «Ave-Maria» и т. п. Эти книгопродавцы населяли въ Лондонѣ цѣлыя улицы, которыя даже получили отъ нихъ свое названіе, какъ, напримѣръ, Pater-noster-Row, Credo-lane, Ave-Maria-lane и т. п.

Около 1442 г. въ Голландіи уже появляются такъ называемые «печатчики» (prenters) и иллюминаторы (verlichters), которые послѣ изобрѣтенія и примѣненія ксилографическаго книгопечатанія (то-есть печатанія посредствомъ вырѣзыванія текста на деревянныхъ доскахъ) замѣняютъ прежнихъ переписчиковъ и рисовальщиковъ (Briefmaler).

Въ изданіи книгъ, предназначавшихся для массы народа, рисовальщики и иллюминаторы играли очень видную роль; значеніе ихъ выясняется еще болѣе при разсмотрѣніи условій, въ которыхъ находилось изданіе священныхъ книгъ до XV столѣтія. Такъ какъ латинскій языкъ былъ въ то время языкомъ церкви, то всѣ священныя книги были написаны только на этомъ языкѣ. Правда, библія еще и до Лютера существовала въ переводѣ на нѣкоторые изъ новыхъ языковъ; но тѣмъ не менѣе употребленіе ея въ этихъ переводахъ было строго воспрещено католическою церковью. Богослуженіе совершалось на латинскомъ языкѣ, и хотя содержаніе богослуженія отчасти переводилось тутъ же прихожанамъ на мѣстный языкъ, народу все-таки недоставало такой книги, которая давала бы ему возможность запомнить и усвоить себѣ существенную часть богослуженія.

Единственнымъ средствомъ, которое могло восполнить существовавшій въ то время недостатокъ въ священныхъ книгахъ, были картины и рисунки, изображавшіе различныя сцены изъ Библіи, Евангелія и др. назидательныхъ книгъ; и мы, дѣйствительно, видимъ въ то время появленіе большаго количества экземпляровъ книгъ съ рисунками,—такихъ книгъ, въ которыхъ текстъ играетъ только второстепенную роль. Онѣ издавались въ формѣ тетрадей, а чаще всего въ видѣ отдѣльныхъ листовъ; и въ послѣднемъ случаѣ назывались «письмами» (breve); отъ этого слова произошло нѣмецкое слово «Brief» (письмо). Эти-то письма (breve), подъ которыми въ средніе вѣка понималась всякая рукопись или рисунокъ, написанный на отдѣльномъ листкѣ, включая сюда даже и игральныя карты, занимали всего больше рабочихъ рукъ. Хотя, по мѣрѣ развитія карточной игры, производство ихъ увеличивалось, оно было, однако, ничтожно, сравнительно съ производствомъ различныхъ рисунковъ

духовнаго содержанія. Дѣйствительно, въ виду дешевизны этихъ послѣднихъ, люди, даже довольно бѣдные, могли пріобрѣтать ихъ въ собственность, и рѣдко кто отказывалъ себѣ въ покупкѣ изображенія Спасителя, Божьей Матери, Святаго своего имени и т. п. Изображенія эти или вкладывались въ книги, или же приклеивались на стѣнахъ комнатъ, считаясь чуть-ли не необходимымъ украшеніемъ каждаго жилища. При производствѣ этихъ послѣднихъ изображеній въ XV вѣкѣ почти не существовало раздѣленія труда: такъ какъ писцы не имѣли при этомъ достаточно дѣла для себя, то занятіе писца и письморисовальщика (Briefmaler), а нѣсколько позже—занятіе гравера и письмопечатчика (Briefdrucker) соединялось обыкновенно въ однѣхъ рукахъ.

Развивавшееся ксилографическое книгопечатаніе отодвигало писцовъ мало по малу на задній планъ; но не нужно думать, что въ это время писцы теряютъ всякое значеніе; такъ, мы видимъ, напримѣръ, въ это время сплошь и рядомъ появленіе такихъ книгъ, въ которыхъ рисунки напечатаны при посредствѣ деревянныхъ досокъ, а текстъ написанъ, или такихъ, гдѣ и рисунки, и текстъ напечатаны, но къ этому печатанному тексту приложенъ рукописный переводъ его на нѣмецкомъ языкѣ. Вообще же во всѣхъ случаяхъ, гдѣ утомительная и тяжелая работа гравера нехорошо оплачивалась, мы видимъ снова появленіе писцовъ на сценѣ издательской дѣятельности.

Эти писцы, безъ сомнѣнія, имѣли массу случаевъ еще въ XV стол. воспользоваться всѣми результатами рѣзьбы на деревѣ для наибольшаго и, въ виду сильной потребности, наивыгоднѣйшаго распространенія своихъ изданій, и хотя нѣкоторые историки думаютъ, что у ювелировъ, какъ людей, имѣвшихъ постоянно дѣло съ рѣзьбой на металлѣ, должна была впервые появиться мысль о рѣзьбѣ на деревѣ, тѣмъ не менѣе первая извѣстная гравюра на металлѣ есть гравюра св. Бернардина, сдѣланная въ 1459 году въ Парижѣ, между тѣмъ какъ первая гравюра на деревѣ, гравюра св. Христофа, относится къ 1423 году; изъ этого мы можемъ заключить, что рѣзьба на деревѣ предшествовала рѣзьбѣ на металлѣ.

Для насъ, впрочемъ, вопросъ этотъ не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ вопросъ о первомъ примѣненіи рѣзьбы къ печатанію. Честь этого примѣненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изобрѣтеніе подвижныхъ буквъ, а также хромолитографіи приписывается нѣкоторыми голландцу Костеру; другіе же, напротивъ, полагаютъ, что примѣненіе рѣзьбы къ печатанію принадлежитъ голландскимъ ювелирамъ и граверамъ (orfèvres-graveurs) и относится къ 1400 году. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что первенство въ изобрѣтеніи ксилографическаго книгопечатанія должно быть признано за голландцами. Мы имѣемъ объ этомъ довольно точныя указанія въ такъ называемой «Кельнской хроникѣ» (1494 г.), въ которой, между прочимъ, говорится, что хотя Гутенбергъ и изобрѣлъ книгопечатаніе между 1440 и 1450 годомъ, онъ взялъ, однако, для своего печатанія образцы, сдѣланные еще до него въ Голландіи.

На основаніи свидѣтельства «Кельнской хроники» нѣкоторые думаютъ, что образцы, бывшіе въ рукахъ у Гутенберга, были напечатаны при посредствѣ подвижнаго шрифта; но, просмотрѣвши все, что говорится въ этомъ источникѣ по вопросу о книгопечатаніи, можно убѣдиться въ томъ, что до 1440 года существовало въ Голландіи только

ксилографическое книгопечатаніе и что образцы, имѣвшіеся у Гутенберга, были оттиснуты съ цѣльныхъ досокъ.

Въ такомъ состояніи находилось книгопечатаніе, когда на поприще дѣятельности выступилъ Гутенбергъ.

Іоаннъ Гутенбергъ родился около 1400 года и происходилъ изъ патриціанской семьи Генцфлейшовъ въ Майнцѣ. Фамилію «Гутенбергъ» онъ получилъ по матери, которая была послѣднимъ отпрыскомъ знатнаго рода Гутенберговъ.

Первоначально все городское управленіе въ Майнцѣ было исключительно въ рукахъ патриціанскихъ семействъ; но, по мѣрѣ объединенія сословія простыхъ гражданъ и по мѣрѣ пріобрѣтенія имъ силы, оно постоянно приходило въ столкновеніе съ аристократіей, власть которой становилась для него нестерпимой; въ концѣ концовъ ему удалось взять управленіе городомъ въ свои руки. Все XIV и большая часть XV стол. протекли въ этомъ стремленіи цеховъ къ пріобрѣтенію политическаго значенія. Наконецъ, когда среднее сословіе достигло въ Майнцѣ равнаго съ аристократіей участія въ управленіи городомъ, произошли (въ 1420 году) новыя столкновенія, благодаря которымъ была изгнана изъ города значительная часть аристократическихъ семействъ и въ томъ числѣ и семейство Генцфлейшовъ.

Іоаннъ Гутенбергъ, въ то время еще очень молодой человѣкъ, жилъ въ Страсбургѣ и во всякое время имѣлъ право вернуться въ Майнцъ. Однако до 1440 года онъ туда не возвращался, хотя и не намѣревался сдѣлаться гражданиномъ Страсбурга.

Безпокойный, постоянно чего-то ищущій умъ Гутенберга, съ одной стороны, и бѣдность,—съ другой, побудили молодаго человѣка заняться различными механическими искусствами. Постоянныя же его сношенія съ извѣстной категоріей ремесленниковъ положили отпечатокъ на дальнѣйшую его дѣятельность.

Не слѣдуетъ, однако, смотрѣть на эти занятія его, какъ на нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго, какъ на пренебреженіе своимъ знатнымъ происхожденіемъ, свойственное геніальной натурѣ. Въ средніе вѣка знатныя лица пользовались правомъ чекана золотой и серебряной монеты, а для этой цѣли они обыкновенно составляли цѣлыя корпораціи. Въ Майнцѣ подобная корпорація состояла изъ 12-ти представителей знатныхъ родовъ, въ числѣ которыхъ были и Генцфлейши.

Кромѣ многихъ привилегій, которыми пользовались эти лица, они имѣли еще право монетной пробы, вывѣриванія вѣсовъ и мѣръ; въ ихъ рукахъ было также мѣняльное дѣло, и, наконецъ, они имѣли монополію на продажу серебра и золота, предназначенныхъ для превращенія въ звонкую монету. Подобныя занятія должны были, естественно, приводить аристократовъ къ сношеніямъ съ золотыхъ дѣлъ мастерами, и здѣсь же молодой Гутенбергъ имѣлъ случай присмотрѣться къ ихъ работѣ, замѣчать недостатки того или другаго способа въ производствѣ различныхъ предметовъ и, наконецъ, принялся самъ за работу, имѣвшую сначала довольно близкое отношеніе къ работѣ ювелировъ.

Торговля, находившаяся прежде въ крайнемъ небреженіи у аристократовъ, начала мало по малу пріобрѣтать ихъ уваженіе, такъ что къ тому времени, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, многія знатныя лица сами

занимались ею; нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго въ томъ, что Гутенбергъ, хотя и человѣкъ знатнаго происхожденія, во время своего пребыванія въ Страсбургѣ, занимался различными торговыми и промышленными предпріятіями. О дѣятельности Гутенберга, объ его промышленныхъ предпріятіяхъ и, наконецъ, объ его открытіи мы узнаемъ изъ актовъ судебнаго процесса, который начался, по смерти одного изъ товарищей Гутенберга, между нимъ и наслѣдниками покойнаго (въ 1439 году).

Поводомъ къ этому процессу было слѣдующее обстоятельство. Гутенбергъ вступилъ незадолго до того въ товарищество съ Андреемъ Дритценомъ и еще съ двумя другими лицами для фабрикаціи нѣкоторыхъ предметовъ на общія средства, причемъ способъ фабрикаціи былъ секретомъ, извѣстнымъ одному Гутенбергу. Онъ имъ сообщилъ свой секретъ, но взамѣнъ они должны были дать на это предпріятіе матеріальныя средства. Условіе заключено было между ними на пять лѣтъ въ такой формѣ, что если кто-либо изъ нихъ умретъ, то наслѣдникамъ его передается сто гульденовъ; остальной же капиталъ, вложенный въ предпріятіе, остается за товариществомъ. Дритценъ въ скоромъ времени умеръ, и братья его стали требовать чрезъ посредство суда, чтобы Гутенбергъ или принялъ ихъ въ товарищество, или возвратилъ имъ весь капиталъ, вложенный ихъ братомъ. Гутенбергъ доказывалъ, что умершій Дритценъ остался еще ему долженъ 85 гульденовъ, такъ что наслѣдники могутъ претендовать только на остальные 15 гульденовъ. Наслѣдники же доказывали, что это условіе не было сдѣлано законнымъ порядкомъ, и потому настаивали на присужденіи Гутенберга къ возвращенію всей доли покойнаго Дритцена. Однако свидѣтели подъ присягой показали, что документъ, имѣвшійся у Гутенберга, былъ бы навѣрно оформленъ, если бы Дритценъ не умеръ. Въ виду этого, судъ рѣшилъ отказать истцамъ въ ихъ требованіи и освободить даже Гутенберга отъ уплаты тѣхъ 15 гульденовъ, которые онъ былъ долженъ наслѣдникамъ Дритцена по условію. Изъ показаній одного свидѣтеля видно, что Гутенбергъ обучалъ сначала Дритцена искусству шлифовать камни; но здѣсь, очевидно, имѣлось въ виду шлифованіе драгоцѣнныхъ камней. Вѣроятнѣе всего, что Гутенбергъ училъ своихъ товарищей шлифованію такихъ камней, какъ агатъ, халцедонъ и др. Нѣсколько позже онъ принялъ въ товарищество еще двухъ лицъ и всѣхъ ихъ обучалъ приготовленію зеркалъ, за что Дритценъ и другой товарищъ обѣщали заплатить ему по 125 гульденовъ каждый.

Въ XV столѣтіи и еще гораздо раньше вмѣстѣ съ металлическими зеркалами были въ употребленіи маленькія ручныя стеклянныя зеркала. Эти послѣднія приготовлялись посредствомъ обливанія расплавленнымъ свинцомъ или оловомъ только-что вынутыхъ изъ плавильной печи стеклянныхъ плитъ; но такое приготовленіе возможно было только на стеклянномъ заводѣ, котораго, какъ извѣстно, Гутенбергъ не имѣлъ; поэтому есть основаніе предполагать, что Гутенбергъ умѣлъ амальгамировать стекло посредствомъ олова и ртути.

Если шлифованіе камней уже доставило этому небольшому товариществу нѣкоторыя выгоды, то отъ приготовленія и продажи такой любимой, но въ то же время такой дорогой и рѣдкой вещи, какъ зеркала, они могли ждать еще большихъ выгодъ, особенно въ виду Ахенской

ярмарки, которая должна была состояться въ 1439 году. Этотъ разсчетъ побудилъ ихъ сдѣлать большой запасъ подобныхъ зеркалъ. Дритценъ положилъ на это дѣло все свое наслѣдственное имущество: онъ былъ убѣжденъ, что проигрышъ здѣсь невозможенъ и что даже раньше года они вернутъ весь затраченный капиталъ.

Въ Ахенскомъ соборѣ уже издавна хранились высокочтимыя мощи и другіе предметы религіознаго почитанія, которые (какъ и теперь) черезъ каждыя семь лѣтъ выставлялись народу для поклоненія, и въ это время сюда стекалось множество пилигримовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1496 г. во время такого празднества въ Ахенѣ, ихъ насчитывалось до 142,000, а изъ кружки для пожертвованій было вынуто 80,000 гульденовъ. Празднество продолжалось съ 10 по 24 іюля; обыкновенное богослуженіе въ церквахъ на это время прекращалось; открывалась ярмарка; на улицахъ Ахена раздавались выстрѣлы; народъ веселился.

Но въ 1438 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что ярмарка отложена на 1440 годъ, и хотя это не влекло за собою для товарищества прямаго убытка,—потребность въ прибыльной дѣятельности была уже настолько сильна, а довѣріе къ способностямъ Гутенберга настолько упрочилось въ его товарищахъ, что они рѣшились принять участіе еще въ третьемъ предпріятіи его, которое до сихъ поръ сохранялось имъ въ тайнѣ. Такимъ образомъ, въ 1438 году между ними состоялось новое условіе на пять лѣтъ, по которому товарищи Гутенберга посвящались въ тайну третьяго предпріятія. Это предпріятіе было—книгопечатаніе.

Понимая всю трудность и все неудобство ксилографическаго книгопечатанія, Гутенбергъ стремился замѣнить его печатаніемъ посредствомъ подвижныхъ буквъ, такъ какъ онъ сознавалъ, что только этимъ способомъ есть возможность печатать книги любой величины и любаго формата; онъ желалъ поставить книгопечатаніе на ту высоту, на которой оно должно было стоять по своей огромной важности. Ксилографическіе образцы, напечатанные въ Голландіи, натолкнули его на эту мысль. Первымъ же шагомъ къ осуществленію его мысли—къ замѣнѣ прежнихъ досокъ, годившихся только для одной книги, подвижными буквами, было разрѣзываніе доски на столько частей, сколько находилось въ ней буквъ, и вставленіе ихъ въ формы.

Ученые очень долго спорили по поводу вопроса о томъ, есть ли возможность печатать деревянными буквами, но нѣкоторые спеціалисты-типографы, принявшіе участіе въ этомъ спорѣ, рѣшили, что печатаніе деревянными подвижными буквами возможно, но крайне затруднительно, потому что, во-первыхъ, деревянныя буквы быстро портятся, а, во-вторыхъ, набираніе ихъ, вслѣдствіе незначительности ихъ вѣса, весьма неудобно. Все это, естественно, должно было привести Гутенберга къ замѣнѣ деревянныхъ буквъ металлическими, которыя въ гораздо меньшей степени подвержены дѣйствію влажности и всякой порчѣ.

Война, веденная въ 1444 году императоромъ Фридрихомъ III противъ швейцарцевъ и коснувшаяся Страсбурга, заставила Гутенберга оставить этотъ городъ и переѣхать въ Майнцъ.

Идя постепенно впередъ въ своемъ изобрѣтеніи, Гутенбергъ постоянно совершенствовалъ способъ приготовленія буквъ, такъ что всякое новое усовершенствованіе заставляло его бросать весь накопившійся у него до того запасъ буквъ. Онъ уже давно думалъ о напечатаніи библіи, но

отлично понималъ, что для этого нужны такія средства, какими онъ не обладалъ, и вотъ въ 1450 году онъ вступаетъ въ товарищество съ Іоганномъ Фустомъ, который даетъ ему 800 гульденовъ; на эти деньги Гутенбергъ, по словамъ Фуста, обязался напечатать и издать библію, хотя бы изданіе обошлось ему и дороже. Несмотря на это, однако, черезъ два года Фустъ даетъ Гутенбергу еще 800 гульд., но въ 1455 г. начинаетъ съ нимъ процессъ, передъ самымъ выходомъ библіи въ свѣтъ и требуетъ возвращенія всѣхъ денегъ съ процентами. Повидимому, главными причинами къ возникновенію этого процесса были: 1) неаккуратность Гутенберга въ подробныхъ отчетахъ относительно затрачиваемыхъ денегъ и 2) желаніе Фуста отдѣлаться отъ Гутенберга, который въ предпринятомъ ими дѣлѣ игралъ первую роль, и соединиться съ своимъ работникомъ (а впослѣдствіи зятемъ) Шефферомъ, знавшимъ хорошо типографское дѣло.

Такимъ образомъ, Фустъ разорвалъ связь съ Гутенбергомъ и, соединившись съ Шефферомъ, устроилъ типографію, при чемъ воспользовался многими инструментами, которые, по приговору суда, перешли къ нему отъ Гутенберга. Что касается самой типографіи, то судъ не обязалъ Гутенберга передать ее въ руки Фуста. Выручка же, полученная Гутенбергомъ отъ продажи библіи, дала ему возможность не только уплатить долгъ Фусту, но и устроить новую типографію.

Типографія Фуста и Шеффера пошла весьма хорошо, благодаря изобрѣтательности послѣдняго, который сталъ отливать буквы изъ сплава свинца и сурьмы. Эти буквы по своей твердости были чрезвычайно удобны для печатанія, и въ 1459 году Фусто-Шефферовская типографія напечатала этими буквами сочиненіе епископа Дуранда (ум. 1244 г.) «Rationale», трактующее о происхожденіи и значеніи церковныхъ обрядовъ.

Благодаря этому измѣненію въ способѣ отливки буквъ, печатаніе пріобрѣло весьма совершенный видъ. Не нужно, однако, думать, что Гутенбергъ стоялъ внѣ этого усовершенствованія; весьма возможно, что Шефферу удалось провести только скорѣе Гутенберга ту мысль, на которую его натолкнулъ этотъ послѣдній, такъ какъ мы видимъ, что Гутенбергъ въ 1460 г. совершенно самостоятельно напечаталъ такимъ же мелкимъ и почти такимъ же красивымъ шрифтомъ «Catholicon» Іоаганна де Іануа—сочиненіе чуть ли не вдвое болѣе объемистое, нежели «Rationale».

Многіе отрицали важное значеніе Гутенберга, исходя изъ того, что подвижныя буквы были изобрѣтены до него, а окончательное усовершенствованіе въ изготовленіи и отливкѣ ихъ сдѣлано Шефферомъ. Но лучшимъ опроверженіемъ подобнаго взгляда могутъ служить слова самого Шеффера, который называетъ Гутенберга и Фуста первыми замѣчательными типографами, а Гутенберга называетъ прямо изобрѣтателемъ книгопечатанія посредствомъ подвижныхъ буквъ; себя же онъ считаетъ только мастеромъ, усовершенствовавшимъ отливаніе буквъ.

24-го февраля 1468 г., послѣ жизни, полной тяжелыхъ трудовъ, Гутенбергъ скончался въ своемъ родномъ городѣ почти безъ средствъ къ существованію. Не переставая трудиться надъ приведеніемъ въ исполненіе своей мысли, онъ вмѣстѣ съ Шефферомъ и Фустомъ довелъ книгопечатаніе до весьма совершеннаго вида; оно стало очень быстро распространяться, и скоро послѣ его изобрѣтенія открылись типографіи въ

Германіи (въ Бамбергѣ и Кельнѣ), Голландіи (въ Гаарлемѣ) и Италіи (въ Римѣ).

Быстрое распространеніе книгопечатанія и удешевленіе, вслѣдствіе этого, книгъ *) содѣйствовали поднятію уровня умственнаго и нравственнаго развитія европейскихъ народовъ и, когда появилась реформація, то главнымъ орудіемъ ея быстраго распространенія была уже значительно развившаяся пресса.

Благодаря книгопечатанію, успѣхи ума человѣческаго, нравственныя воззрѣнія передовыхъ личностей быстро передавались изъ одного мѣста въ другое, изъ одной страны въ другую, содѣйствуя такимъ образомъ къ уничтоженію невѣжества и мрака, господствовавшихъ въ массахъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

XXIV. Появленіе книгопечатанія и отношенія къ нему церкви и государства въ XV и XVI вв.

(По соч. Фойницкаго: «Моменты исторіи законодательства о печати». Сборникъ государственныхъ знаній, т. II).

Столица Франціи приготовилась слѣдить въ 1465 году за процессомъ о волшебствѣ, совершенно новомъ по своему содержанію. Нѣкто Иванъ Фустъ, майнцскій горожанинъ, пріѣхалъ въ Парижъ съ невиданными до тѣхъ поръ экземплярами Biblia latina, выдавалъ ихъ за рукописи и успѣлъ распродать часть ихъ съ большою для себя выгодою. Извѣстный покровитель наукъ и искусствъ, король Людовикъ XII, впослѣдствіи щедро заплатилъ за одинъ изъ нихъ. Но поразительное сходство экземпляровъ, замѣчательная по своей точности отдѣлка буквъ и гравюръ въ этомъ изданіи дали чиновникамъ города Парижа поводъ заподозрить здѣсь участіе сатаны, и Фустъ очутился въ тюрьмѣ. Наступившая чума (1466 года) похитила узника, и судебное преслѣдованіе типографскаго искусства, незадолго передъ тѣмъ открытаго Гутенбергомъ, осталось на этотъ разъ безъ послѣдствій **).

Но насколько таинственны были первые шаги типографскихъ произведеній, настолько же быстро вошло это искусство въ жизнь человѣчества. Масса условій, сложившихся къ тому времени, подготовила ему богатую почву и вызвала его какъ необходимое явленіе времени, какъ самую характерную черту эпохи. Зарожденіе книгопечатанія неразрывно связано съ періодомъ возрожденія наукъ; безъ него Гутенбергъ былъ бы немыслимъ, и имъ, можно сказать, созданъ Гутен-

---

*) Цѣна на книги уже скоро послѣ появленія книгопечатанія понизилась на 4/5 прежней стоимости своей, но и эта, значительно понизившаяся, цѣна все-таки была въ то время очень высока, по сравненію съ настоящею, если принять во вниманіе, что цѣна на библію доходила въ Парижѣ предъ изобрѣтеніемъ книгопечатанія до 500 франковъ. *Примѣч. составителя.*

**) Въ прежнее время печатныя книги выдавались за рукописи, съ цѣлію сбыть ихъ подороже; типографы направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы по формѣ онѣ какъ можно ближе напоминали рукописи, а общество, видя въ нихъ поддѣлку рукописей, избѣгало, какъ всякой другой поддѣлки. Лишь изрѣдка типографы рѣшались отмѣчать на напечатанныхъ книгахъ, что онѣ приготовлены «безъ пера и чернилъ» или «свинцовою рукою».

бергъ. Любовь къ чтенію, охватившая, вслѣдствіе открытія замѣчательныхъ произведеній классическаго міра, сначала Италію, затѣмъ Францію, Германію и Англію, побуждавшая папъ на симонію, а королей—на войны для захвата силою у своихъ вассаловъ такихъ сочиненій, которыя они не уступали добровольно,—достигаетъ своего апогея въ половинѣ XV стол. Рукописный трудъ оказался недостаточнымъ для удовлетворенія громаднаго запроса, поставленнаго на книгу *), Не только короли и владѣльцы замковъ, но даже мало-мальски зажиточные горожане стали чувствовать потребность въ книгѣ, какъ въ лучшемъ орудіи науки. Протестантизмъ не замедлилъ возвести эту потребность въ религіозную догму; соціальное броженіе того времени, выдвигавшее города и затемнявшее замки, сдѣлало ее политическою необходимостью; расширеніе торговаго рынка открытіемъ иныхъ, невѣдомыхъ до того времени, странъ свѣта, требовало удовлетворенія ея, какъ весьма важной коммерческой необходимости. Удовлетворяемыя долго весьма недостаточно, доросшія уже до значительныхъ размѣровъ, эти потребности подготовили широкое примѣненіе типографскому дѣлу. Гутенбергъ умеръ въ бѣдности и процессахъ за свое изобрѣтеніе, какъ бы подтверждая на себѣ тотъ законъ злаго рока, въ силу котораго великія изобрѣтенія приносятъ пользу всѣмъ, кромѣ ихъ творцовъ. У него оспаривали даже честь его изобрѣтенія, которое «отдѣляетъ старый міръ отъ новаго, открываетъ новый горизонтъ человѣческому генію и, благодаря тѣсной связи съ міромъ идей, образуетъ какъ бы новое чувство, которымъ мы одарены съ XV стол.» Но уже его ближайшіе преемники могли пожать обильные плоды съ посаженной имъ идеи, а въ настоящее время трудно найти уголокъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, который не считалъ бы типографію самою настоятельною потребностью жизни.

Едва-ли какое либо изобрѣтеніе было такъ обильно послѣдствіями, произведенными имъ въ судьбахъ человѣчества, какъ именно книгопечатаніе. Обнять ихъ во всей полнотѣ не можетъ самое богатое воображеніе.

Эпоха возрожденія подготовила типографскому искусству пріемъ самый дружественный. Власть какъ духовная, такъ и свѣтская отнеслись къ нему сначала весьма сочувственно, такъ какъ первая видѣла въ немъ прекрасное средство для распространенія идей религіозныхъ, вторая—орудіе благосостоянія народнаго, новое и весьма доходное производство, та и другая—путь къ истинному просвѣщенію путемъ изученія авторовъ классическаго міра. Французскій король Людовикъ XII, давшій многія льготы участникамъ типографскаго производства, не колебался назвать его «скорѣе божескимъ, чѣмъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ». Даже со стороны прежняго класса людей письма, по незначительности интересовъ, представляемыхъ ими, оно встрѣтило весьма слабый отпоръ. Упроченіе типографскаго производства, какъ предпріятія экономическаго, и перенесеніе на дѣятелей его тѣхъ же, иногда даже большихъ еще правъ и прерогативъ,

---

*) Доказательствомъ служатъ весьма высокія цѣны на рукописи въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. За рукопись Тита Ливія можно было купить дачу близъ Флоренціи; по вычисленію Дану, средняя цѣна за одну рукопись во Франціи въ XIV и XV стол. была отъ 400 до 500 франковъ; студенты Сорбонны платили своимъ профессорамъ за лекціи перепискою одного-двухъ сочиненій. Въ Россіи рукописи также были мало доступны по своимъ высокимъ цѣнамъ; въ 1288 году Владиміръ Васильковичъ, въ числѣ прочихъ вещей, пожертвовалъ въ церковь св. Георгія въ Любашѣ списанный молитвенникъ, оцѣненный въ 8 гривенъ кунъ; 7 гривенъ кунъ равнялись 10 рублямъ.

какія прежде принадлежали людямъ письма—такова характеристическая черта первоначальныхъ заботъ власти о книгопечатаніи. Имъ еще остается чуждъ авторъ, онѣ направлены къ интересамъ хозяевъ типографскаго предпріятія — типографовъ и книгопродавцевъ, на которыхъ переносится цеховой порядокъ, унаслѣдованный отъ вѣка письменности; имъ даются привилегіи на печатаніе различныхъ произведеній, съ цѣлію обезпечить ихъ отъ конкурренціи со стороны другихъ издателей, и если мы припомнимъ, что типографскіе станки въ первое время были заняты по преимуществу воспроизведеніемъ трудовъ классической литературы, или отцовъ церкви, то запоздалый приходъ автора къ пользованію экономическими выгодами книгопечатанія и сравнительно нескорое обезпеченіе законодательствомъ его гражданскихъ правъ въ печати станутъ для насъ совершенно понятными *).

Однако, въ соціальной атмосферѣ того времени нашлось очень много горючихъ элементовъ, для воспламененія которыхъ была достаточна едва тлѣющая искорка. Представители власти ждали отъ печатнаго станка помощи для религіи и науки; но эпоха возрожденія совпала съ броженіями религіознаго и политическаго свойства, а потому противники власти не замедлили воспользоваться тѣмъ же орудіемъ и открыли изъ типографій жаркую канонаду противъ папства и короны, поддерживавшихъ ее. Буря памфлетовъ и летучихъ листковъ, во множествѣ распространяемыхъ протестантскими типографіями, задѣвавшими не только римское духовенство, но и свѣтскіе дворы, не могли не оказать вліянія на отношенія государства къ печати. Лишь двадцать лѣтъ спустя послѣ того,

*) При особенномъ складѣ литературы въ средніе вѣка и при отсутствіи типографскаго станка, средневѣковая письменность кормилась авторами классической древности и священными книгами; списки книгъ, печатавшихся въ XV и первой половинѣ XVI вѣка, даютъ едва 5 новыхъ изслѣдованій на 95 сочиненій такого рода; авторы послѣднихъ, давно умершіе, не могли претендовать на участіе въ выгодахъ отъ своихъ книгъ, а въ массѣ ихъ совершенно тонуло незначительное число новыхъ изслѣдователей. Къ тому же, размноженіе произведеній мысли, которое могло бы обезпечить участіе въ выгодахъ отъ продуктовъ авторства, было трудомъ тяжелымъ; переписчиковъ въ этотъ вѣкъ найти было не легко, такъ что, напримѣръ, профессора университетовъ получали свой гонораръ со слушателей не деньгами, а перепискою опредѣленнаго числа сочиненій (обыкновенно двухъ). Кропотливость и медленность переписки, въ связи съ отсутствіемъ публикацій, которыя объявляли бы о выходѣ новыхъ книгъ, обѣщали автору лишь самое ничтожное вознагражденіе, котораго не стоило даже добиваться, и онъ ограничивался уваженіемъ, которымъ расплачивалось общество съ своими лучшими представителями за интеллектуальный трудъ. Съ изобрѣтеніемъ же книгопечатанія, положеніе дѣятелей литературнаго производства въ скоромъ времени измѣнилось. Печать впервые дала человѣку понятіе «автора» въ смыслѣ юридическомъ. Получивъ возможность отпечатать во множествѣ экземпляровъ свое произведеніе, онъ тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ весьма серьезное общественное значеніе: онъ говоритъ со всѣмъ обществомъ или съ весьма значительною его частію. Съ другой стороны, станокъ далъ автору или его представителямъ возможность получать экономическую выгоду отъ произведеній мысли: оттискиваемыя во множествѣ экземпляровъ, они могли въ продажѣ давать доходъ, значительно превышающій издержки на ихъ изготовленіе. Отсюда открывается, что авторскія права, подъ вліяніемъ изобрѣтенія книгопечатанія, должны были включить въ себя права авторства и такъ называемыя права литературной собственности.

какъ Франція, устами своего короля, назвала типографское искусство «изобрѣтеніемъ божескимъ», при другомъ королѣ ея, Францискѣ I, Сорбонна настойчиво подняла вопросъ объ уничтоженіи навсегда всѣхъ типографій, появившихся во Франціи, и о запрещеніи основывать когда бы то ни было новыя типографіи. Францискъ уже готовъ былъ подписать проэктъ Сорбонны, но былъ удержанъ представленіями парижскаго епископа Jean du Bellay и нѣкоего Guillaume Gudé, замѣтившихъ, что типографіи — орудіе обоюдоострое, которое можетъ быть употребляемо не только ко вреду, но и съ большою пользою для государства, и что «сохраненіе ихъ необходимо для того, чтобы имѣть возможность, при помощи типографскаго же станка, противодѣйствовать тѣмъ самымъ злоупотребленіямъ, на которыя со всѣхъ сторонъ слышатся справедливыя жалобы».

Къ концу вѣка письменности въ политикѣ римской куріи теократическая окраска мысли смѣняется мало по малу другимъ направленіемъ, широкое развитіе котораго принадлежитъ свѣтскимъ правительствамъ. Но въ обществѣ XV—XVI стол. религіозная идея имѣла едва-ли не большее значеніе, чѣмъ когда либо въ другое время. Тогда уже встрѣчаются, конечно, примѣры дѣятелей, которые видѣли въ вопросахъ религіозныхъ лишь политическое орудіе, весьма умѣстное для борьбы со своими врагами; но масса общества и значительнѣйшая часть его вождей относились къ нимъ съ горячею и безукоризненною искренностью. Нужно проникнуться вполнѣ духомъ того времени, нужно помнить, что, при ненасытной молодой жаждѣ къ знанію и окончательному рѣшенію множества представлявшихся ему вопросовъ, у него былъ почти единственный для того источникъ—религіозная наука да нѣсколько классическихъ сочиненій древнихъ авторовъ,—чтобъ понять, какъ глубоко волновала теологія умы тогдашняго общества, какъ безъискусственно и полно интересовались всѣ ея существованіемъ и неприкосновенностью отъ дерзкихъ посягательствъ. Въ этихъ условіяхъ лежитъ объясненіе замѣчательнаго факта: университеты, какъ вмѣстилище религіозной науки, постоянно имѣли на своей сторонѣ общественное вниманіе. Въ стѣнахъ ихъ постоянно происходила борьба тезисовъ и антитезисовъ, волновавшая не только ученыхъ богослововъ, но и простыхъ смертныхъ, смиренно испрашивавшихъ разрѣшеніе перешагнуть за университетскій порогъ. Побѣда или пораженіе тезисовъ имѣли тогда огромное значеніе: ими направлялись политика внутренняя и внѣшняя, народное просвѣщеніе, народное воспитаніе; они создавали эшафоты, воздвигали костры, наполняли тюрьмы. Когда въ 1543 г. профессоръ Сорбонны Рамусъ—личность, въ высшей степени замѣчательная своимъ трудолюбіемъ, начитанностію и высокою нравственностію — двумя своими сочиненіями («Animadversiones in diabolicam Aristotelis» libri XX и «Institutiones dialectae») выступилъ противъ славнаго въ то время Аристотеля и, во имя чистоты христіанской религіи, требовалъ изгнанія его сочиненій изъ преподаванія, то между докторами Сорбонны поднялась цѣлая буря, скоро увлекшая за собою парижское общество, парижскій парламентъ и короля Франциска I. Назначены были commissaires arbitres, одни для защиты греческаго мыслителя, другіе—для оцѣнки возраженій, приведенныхъ противъ него Рамусомъ. Послѣ оживленныхъ и продолжительныхъ дебатовъ Рамусъ былъ побѣжденъ, противъ него и его сочиненій поставлено третейское рѣшеніе коммиссаровъ, утвержденное парламентомъ (30 мая 1543 и 19 марта 1544 г.). Парламентъ приговорилъ оба сочиненія Рамуса къ сожженію, какъ наполненныя ложью, злословіемъ и непристойными выходками. Король, съ своей стороны, подтвердилъ рѣшеніе парламента и запретилъ Рамусу преподаваніе философіи «jusqu'à nouvel ordre». Появленіе его въ качествѣ ав-

тора было результатомъ его оффиціально-ученаго положенія какъ профессора; будучи же признанъ недостойнымъ авторомъ, онъ тѣмъ самымъ признается недостойнымъ профессоромъ. Общественное мнѣніе также высказалось противъ Рамуса, и театры очень долго забавляли имъ публику: говорятъ, на диспутѣ онъ былъ недостаточно остроуменъ и находчивъ *). Приведенный случай далеко не единственный, но въ немъ всего нагляднѣе отражается состояніе тогдашняго общества.

Впрочемъ, въ странахъ католическихъ вліяніе университетовъ на проявленія народной мысли сдерживалось духовенствомъ, и самые университеты считались лишь его слугами, его учеными агентами. Гораздо большее значеніе получили они въ странахъ протестантскихъ. Тамъ теологическіе факультеты скоро сдѣлались верховными хранителями и защитниками религіозной истины, ближайшими охранителями ея чистоты въ протестантской обрисовкѣ. Несмотря на то, что глава протестантизма—Лютеръ—настойчиво защищалъ свободу религіозной мысли и даже потребовалъ признанія вытекающихъ изъ нея выводовъ: права авторства и права литературной собственности **), протестантскіе университеты усвоили себѣ принципы инквизиціи римской куріи и привлекали къ своему суду всякую мысль, которая отступала отъ ихъ изложенія. Извѣстенъ споръ, получившій историческое значеніе, который въ первые же годы германскаго протестантизма разразился между богословами Галле и Виттенберга. Отъ протестантскаго фанатизма, черезъ посредство германскихъ университетовъ, впослѣдствіи пострадали, какъ извѣстно, многіе писатели. Въ Англіи университеты также имѣли религіозно-охранительную власть надъ книгами, хотя въ меньшей степени.

Это привлеченіе къ охранительной власти надъ мыслью университетовъ, которые, по характеру своего устройства и природѣ преслѣдуемыхъ ими задачъ, стояли въ гораздо болѣе тѣсной связи и зависимости отъ свѣтскихъ правительствъ, чѣмъ церковь разсматриваемой эпохи, было яснымъ свидѣтельствомъ состоявшагося измѣненія въ отношеніи государства къ мысли.

---

*) Во Франціи нападки на философію Аристотеля изъ-за религіозныхъ побужденій начались гораздо раньше Рамуса, именно съ XIII вѣка, и первоначально имѣли успѣхъ. Въ 1209 году книги Аристотеля о метафизикѣ были сожжены въ Парижѣ рукою палача, держаніе и чтеніе ихъ запрещено подъ страхомъ отлученія отъ церкви. Но уже въ 1215 году, благодаря заступничеству кардинала-легата, онѣ снова были допущены въ библіотеки. «Діалектика» же Аристотеля всегда пользовалась уваженіемъ.

**) Впрочемъ, и самъ Лютеръ не отличался въ этомъ отношеніи особенной послѣдовательностію: онъ настаивалъ у саксонскаго правительства на запрещеніи сочиненій Карлштадта, и когда послѣдній, по окончаніи крестьянскихъ войнъ, искалъ убѣжища въ Виттенбергѣ, то получилъ его отъ Лютера подъ непремѣннымъ условіемъ печатно отказаться отъ своихъ прежнихъ возраженій признать справедливость лютеранскаго ученія. Но еще гораздо большую нетерпимость обнаружилъ относительно своихъ противниковъ Кальвинъ. По настояніемъ его, въ октябрѣ 1553 года Серве за нѣсколько брошюръ, наполненныхъ нападками на таинство крещенія, на догматъ Св. Троицы и на божественную натуру Спасителя, былъ сожженъ въ Женевѣ вмѣстѣ со своими сочиненіями.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ XIV, XV и XVI вв.

XXV. ЗНАЧЕНІЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ ДЛЯ ИТАЛІИ.

(Изъ соч. Петрова: «Очерки изъ всеобщей исторіи»).

Съ именемъ эпохи возрожденія связывается представленіе о томъ памятномъ въ исторіи времени, когда изученіе древне-классическихъ языковъ и литературъ сдѣлалось впервые господствующею системою образованія. Эту систему образованія называли тогда гуманизмомъ, то-есть человѣчественнымъ воспитаніемъ, разумѣя подъ этимъ словомъ развитіе всѣхъ высшихъ, благороднѣйшихъ свойствъ человѣческой природы, основанное на изученіи памятниковъ греческаго и римскаго генія. Разносторонности свободнаго и плодовитаго знанія, гибкости развитаго и тонкаго ума, воспріимчивости къ великому и изящному, уваженія къ человѣческому достоинству, строгаго сознанія гражданскаго долга, всего, однимъ словомъ, что украшаетъ жизнь и придаетъ ей моральную цѣну и прелесть, думали достигнуть и отчасти дѣйствительно достигали этимъ путемъ. То было время безотчетнаго увлеченія, слѣпаго энтузіазма къ классической древности. Новооткрытый міръ этотъ, какъ все неизвѣстное, неудержимо манилъ воображеніе, подстрекалъ любознательность и энергію изслѣдованія. Въ немъ предполагали всю мудрость и совершенство, отъ него ждали рѣшенія всѣхъ вопросовъ и задачъ современности, закрывая глаза на его недостатки и съ презрѣніемъ относясь къ окружавшей дѣйствительности.

Образованіе это возникло въ XIV вѣкѣ на античной почвѣ Италіи, гдѣ и народный языкъ, и сосѣдство древней Византіи, и множество классическихъ воспоминаній, уцѣлѣвшихъ въ памятникахъ литературы и искусства, въ учрежденіяхъ и правѣ, представляли готовые для него элементы.

Его могучимъ инціаторомъ и типомъ является посреди этого столѣтія Петрарка, въ своемъ лицѣ и дѣятельности совмѣстившій уже почти всѣ тѣ направленія и черты, которыя свойственны вообще итальянскому гуманизму. Уже онъ высказалъ основной принципъ всей системы, доказывая, что развитіе человѣка должно быть всесторонне и гармонично, что наука, поэтому, одна, и что она тогда только имѣетъ смыслъ, когда ведетъ насъ къ нравственному совершенству. Вмѣсто цеховаго, школьнаго, ремесленно-хлѣбнаго знанія схоластиковъ, онъ первый потребовалъ единой, цѣльной, живой и свободной науки, увѣнчанной христіанской моралью. И такъ какъ матеріалъ и методъ для такого

образованія въ то время могли дать только древніе, то отсюда — его благоговѣйное поклоненіе античному міру. Геніальный диллетантъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній, Петрарка самъ стремился къ такому цѣльному и всестороннему развитію, былъ поэтомъ, филологомъ, юристомъ, естествовѣдомъ и теологомъ, предпочитая, вмѣстѣ съ тѣмъ, скромное имя христіанина славѣ величайшаго философа.

Такъ сказать, на зарѣ гуманистическаго образованія родилась эта руководящая мысль его, какъ первый даръ возрожденной древности. И какъ ни велики были впослѣдствіи ея искаженія на практикѣ, но уже важно было то, что историческій путь новой Европы, съ самаго же начала, освѣтился такимъ прекраснымъ идеаломъ. Но идеалъ этотъ, какъ всѣ идеалы, могъ, конечно, воплотиться только не вполнѣ и не вдругъ. Какъ мало доступенъ онъ былъ тогдашнимъ поколѣніямъ, это доказалъ самъ же Петрарка, его творецъ и провозвѣстникъ,—своею жизнію. Проповѣдуя въ трактатахъ и письмахъ пренебреженіе къ земнымъ благамъ, смиреніе, культъ тихой дружбы, простую созерцательную жизнь философа и всю суровую мораль древнихъ стоиковъ,—на дѣлѣ это былъ человѣкъ, полный тщеславія и гордости, гонявшійся за вѣнками и почестями, за дружбою и вниманіемъ знатныхъ, за доходными синекурами и пенсіями. Патріархъ итальянскаго и всего европейскаго гуманизма въ хорошихъ его чертахъ, онъ же первый показалъ примѣръ и обратной его стороны, того глубокаго разлада между теоріей и практикой, ученіемъ и жизнію, и цѣлой системы лицемѣрія и лжи, какія встрѣчаемъ мы почти во всѣхъ итальянскихъ гуманистахъ.

Въ Петраркѣ, однако, подлѣ такого оскорбительнаго противорѣчія между словомъ и дѣломъ, мы все-же находимъ еще и два почтенныхъ качества — патріотизмъ и уваженіе къ церкви. Но слѣдующія поколѣнія гуманистовъ, въ извѣстной степени, отрѣшились и отъ реальной почвы. Большая часть ихъ сдѣлалась какими-то абстрактными всемірными гражданами, настоящимъ отечествомъ которыхъ была ихъ «literarum respublica». Они кощунствовали надъ христіанствомъ, или же относились къ нему равнодушно, видя въ св. писаніи не источникъ нравственнаго обновленія, а просто литературный памятникъ. Неискренность же рѣчи и разладъ ея съ дѣломъ становятся въ нихъ еще поразительнѣе. Что представляетъ намъ, напримѣръ, жизнь Филельфо, Поджіо, Лоренцо Валы, этихъ корифеевъ классической учености въ вѣкъ Козимо Медичи и папы Николая V? Нахалъ и низкій попрошайка Филельфо, продававшій свое хвалебное перо кому угодно, очень серьезно убѣжденъ былъ въ своемъ превосходствѣ надъ Виргиліемъ и Цицерономъ потому только, что могъ писать отлично по-латыни и по-гречески въ стихахъ и прозѣ. Вала, по заказу покровителя своего, короля неаполитанскаго Альфонса, бывшаго во враждѣ съ римскимъ дворомъ, разражается противъ папства самою бурною инвективой и обнародываетъ весьма непріятныя для католической церкви критическія замѣчанія на вульгату; но нѣсколько лѣтъ спустя мы видимъ того же Валу на службѣ куріи и на хорошемъ жалованьи у Николая V. Такихъ и еще худшихъ примѣровъ можно было бы привести десятки и сотни изъ исторіи итальянскихъ гуманистовъ. И, однакожь, то были люди, въ своихъ сочиненіяхъ очень краснорѣчиво декламировавшіе о добродѣтели на манеръ Цицерона и Сенеки. Что же подумать затѣмъ о самомъ обществѣ, если его учители и апостолы новаго просвѣщенія отличались такою глубокою деморализацiей? Время гуманизма, въ нравственномъ отношеніи, есть дѣйствительно самое мрачное въ итальянской исторіи. Но моральная порча эта имѣла, конечно, другое происхожденіе и возникла ранѣе.

Въ нравственномъ отношеніи, стало быть, возрожденіе классической древности оказалось для Италіи безплоднымъ и скорѣе вреднымъ, чѣмъ благотворнымъ вліяніемъ. Посмотримъ теперь, какія послѣдствія принесло оно въ политикѣ и общественной жизни.

Дѣйствіе пробужденныхъ античныхъ воспоминаній на политическую сторону итальянской жизни было чрезвычайно могущественно. По мѣрѣ того, какъ ученые мало по малу знакомились съ римскими историками, ораторами и юристами, предъ ихъ изумленными взорами изъ тысячелѣтняго гроба подымался вѣнчанный призракъ древняго Рима съ его стройной организаціей, съ его славой и всемірнымъ владычествомъ. Неслыханный восторгъ овладѣлъ ими при этомъ зрѣлищѣ. Вѣдь это наши прямые праотцы! кричали гуманисты. Италія — наслѣдница Рима, его величія и исторической роли. Заальпійскіе варвары опять, какъ нѣкогда, должны склониться у нашихъ ногъ! Подъ вліяніемъ такихъ представленій, имъ показалось возможнымъ воскресить давно умершее прошедшее; въ ихъ экзальтированной фантазіи современная жизнь стала уже одѣваться въ античные цвѣта; подъ ихъ перомъ итальянскіе тиранны превратились въ Августовъ и Траяновъ, подравшіеся кондотьеры — въ Аннибаловъ и Сципіоновъ, даже христіанское небо—въ древній Олимпъ. Гуманистъ папа Пій II Пикколомини, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоритъ о какомъ-то усопшемъ, что онъ вмѣстѣ съ Христомъ и Богомъ пьетъ нектаръ безсмертія на небесахъ. Отъ этого, конечно, Сфорца и Альфонсъ Арагонскій не сдѣлались Августами, точно такъ же, какъ кондотьеры не сдѣлались дѣйствительными Сципіонами, и жизнь попрежнему продолжала идти и развиваться своимъ несовратимымъ путемъ. Болѣе трезвые умы, впрочемъ, сознавали, что для возстановленія древней славы Италіи и ея міроваго значенія нужно искать какихъ нибудь практическихъ, реальныхъ путей, а не античныхъ фантазій въ родѣ театральной попытки Коло-ди-Ріенци воскресить среди XIV вѣка «Senatus populusque romanus». Практическія средства эти навѣяны были патріотамъ тѣмъ же возрожденнымъ античнымъ міромъ. Они поняли, что нечего и думать о древнемъ величіи края, пока онъ разорванъ на множество мелкихъ политическихъ сферъ, ослаблявшихъ и терзавшихъ другъ друга. Они поняли также, что, при тогдашней нравственной порчѣ, невозможна въ немъ и общественная свобода, и потому указали на тираннію въ духѣ римскаго императорства, какъ на органъ и средство объединенія Италіи. «Libro del principe» Макіавелли есть ничто иное, какъ теоретическая обработка этихъ представленій. Въ глазахъ его, домъ Медичи, и, именно, тогдашній глава флорентійской республики, Лоренцо, былъ человѣкомъ, наиболѣе способнымъ къ роли такого спасительнаго всеитальянскаго тиранна. Въ назиданіе ему написалъ онъ и свой знаменитый трактатъ, гдѣ классическая идея о всемогуществѣ государства и о ничтожествѣ личности передъ этимъ всепоглощающимъ кумиромъ древности проведена съ тою неоглядною послѣдовательностію, которая не обращаетъ вниманія ни на голосъ христіанской любви къ человѣку, ни на правила обыденной морали. Такимъ образомъ, макіавеллизмъ съ его бездушной и безнравственной тираннiей, властвовавшей надъ Европой почти до временъ революціи, былъ довольно фатальнымъ подаркомъ «возрожденія». Ходъ европейской исторіи, начиная съ XV в., и безъ того, конечно, клонился къ повсемѣстному возвышенію абсолютной монархіи, и само ученіе Макіавелли потому только и получило значеніе, что совпадало съ естественнымъ теченіемъ времени; но нельзя, однако, не видѣть, что древне-римскія представленія о государствѣ, привившись къ новой монархіи, придали законному и, въ сущности, благодѣтельному процессу ея развитія какой-то суровый

и отталкивающій характеръ. Между тѣмъ, для самой Италіи античныя мечты Макіавелли и единомышленныхъ съ нимъ патріотовъ не принесли ожидаемыхъ плодовъ. Страна попрежнему осталась политически разорванною и безсильною, и, пользуясь этимъ, презираемые заальпійскіе варвары, вмѣсто того, чтобы склониться у ногъ царственной націи, три вѣка еще топтали ея прекрасную почву. Давно желанное объединеніе и освобожденіе совершились только теперь, на нашихъ глазахъ, и притомъ такими путями, съ которыми имѣютъ весьма немного общаго государственныя теоріи гуманизма.

Зато въ наукѣ, литературѣ и особенно искусствѣ произвело возрожденіе древности дѣйствительно великія явленія. Стоитъ вспомнить имена Микель-Анджело, Рафаэля, Леонардо да-Винчи, Корреджіо и Тиціана, чтобы представить себѣ такую блестящую эпоху художественнаго развитія, какой Европа не видала со временъ перикловской Греціи. Даже въ литературѣ это художественное направленіе сдѣлалось преобладающимъ. Итальянецъ прежде всего—артистъ, а потому и въ произведеніяхъ древности онъ увлекся не столько ихъ содержаніемъ, сколько изящною внѣшнею отдѣлкой. Стройность и благозвучіе античной рѣчи, музыка метрическаго стиха больше всего плѣнили его сначала и увлекли къ рабскому подражанію. Извѣстно, какъ бѣдны творчествомъ сочиненія гуманистовъ; но Пико делла-Мирандола, Полиціано, Бембо, Муретъ и десятки другихъ достигли такого совершенства древней версификаціи и владѣли такою безукоризненною цицероновской латынью, какая недоступна была даже самимъ римлянамъ послѣ того, какъ миновалъ золотой вѣкъ ихъ письменности. Въ пылу этого благоговѣйнаго поклоненія древности, національный языкъ и національный геній, еще въ началѣ XIV вѣка двинутые мощною рукою Данта, были задержаны въ своемъ полетѣ. Многіе стыдились даже писать по-итальянски. Патрарка, напримѣръ, смотрѣлъ на свои сонеты, какъ на пустую забаву и почти какъ на грѣхи своей юности. Потомство отомстило имъ за это пренебреженіе роднаго языка и родной стихіи. Кто знаетъ въ наше время о латинскихъ сочиненіяхъ Петрарки, за которыя его нѣкогда вѣнчали въ Капитоліи? Кто знаетъ даже объ его поэмѣ «Африка», гдѣ виргиліевскими гексаметрами воспѣлъ онъ вторую пуническую войну? Послѣ смерти знаменитаго автора гуманисты торжественно перенесли ее во Флоренцію, какъ непреходящій памятникъ отечественной славы; но, уже нѣсколько поколѣній спустя, она была совершенно забыта, какъ забыты десятки другихъ подобныхъ произведеній, между тѣмъ какъ его патріотическая канцона «Italia mia» и теперь еще заставляетъ биться итальянское сердце.

Наука также, съ гуманизмомъ, сдѣлала огромный и рѣшительный шагъ. Свѣдѣнія гуманистовъ по разнымъ отраслямъ въ очень значительной степени превосходили старую схоластику. Но не одною массою и правильностію новыхъ научныхъ понятій, почерпнутыхъ изъ классическихъ источниковъ, превосходили эти люди средневѣковыхъ ученыхъ. Что въ особенности давало имъ неизмѣримый перевѣсъ въ глазахъ общества, — это ихъ отношеніе къ наукѣ, ихъ пріемы и методъ. Схоластическая ученость эпохи давно уже превратилась въ пустое діалектическое развитіе, въ безцѣльное и безплодное перемалываніе традиціонно-установившихся авторитетовъ, гдѣ, за тонкостями и хаосомъ различеній, опредѣленій, подраздѣленій, коментаріевъ и цитатъ, погасла и потерялась живая мысль и ея практическое значеніе. Самые отвлеченные вопросы и столь же отвлеченные способы ихъ рѣшенія поглотили все вниманіе ученыхъ. Эразмъ Роттердамскій, въ знаменитой сатирѣ «Похвала глупости», осмѣиваетъ теолога старой школы, который передъ своими слушателями весьма простран-

но и съ большой эрудиціей доказывалъ божественность Спасителя тѣмъ, что его латинское имя «Iesus» склоняется только въ трехъ падежахъ, соотвѣтствующихъ идеѣ начала, средины и конца, т. е. божества. Вооруженный здравымъ практическимъ смысломъ, воспитаннымъ античными образцами, гуманизмъ повелъ неумолимую войну противъ этой мертвой, ремесленной, сухой и неприложимой науки, противъ ея исключительнаго церковнаго характера и, наконецъ, вытѣснилъ ее изъ школъ и жизни. Конечно, на мѣсто ниспровергнутыхъ средневѣковыхъ авторитетовъ, онъ на нѣкоторое время подчинилъ европейскую мысль другому, столь же стѣснительному авторитету древности; но обнаруженный имъ въ борьбѣ съ схоластикой смѣлый и свободный методъ долженъ былъ повести впослѣдствіи и къ самостоятельному богатому развитію, далеко оставившему за собой все, до чего, въ области мысли и знанія, могъ дойти древній міръ.

Гуманизмъ не выполнилъ всѣхъ надеждъ и не оправдалъ энтузіазма, съ какимъ его встрѣтили поколѣнія XIV и XV вѣка, но, посреди мрака предразсудковъ и невѣжества, въ виду безжизненнаго и узкаго схоластицизма эпохи, онъ все же былъ могучимъ, тогда единственнымъ, рычагомъ всесторонняго духовнаго развитія. Это было солнце, взошедшее надъ Европой изъ-за альпійскихъ вершинъ и наполнившее своими лучами Францію, Англію, Германію, далекую Венгрію и Польшу. Апостолы новаго образованія, итальянскіе ученые и литераторы, разнесли его сѣмена по всѣмъ этимъ странамъ, а великіе церковные соборы въ Пизѣ, Констанцѣ, Базелѣ и Флоренціи, такъ много вообще способствовавшіе взаимному обмѣну идей между западными націями, еще ближе познакомили съ нимъ Европу. Наконецъ, итальянскія войны и всесвѣтно монархическіе планы Карла V, сдѣлавшіе Италію средоточіемъ тогдашней политики, окончательно распространили его повсемѣстно. Въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ оно принимало тотъ или другой характеръ и породило весьма различныя явленія.

XXVI. ДАНТЕ, БОККАЧІО И ПЕТРАРКА.

(По соч. К. Раумера «Исторія воспитанія и ученія отъ возрожденія классицизма до нашего времени», пер. Весселя).

Въ умственной жизни Европы съ XV столѣтія начинается новая эпоха: схоластическое образованіе среднихъ вѣковъ постепенно уступаетъ мѣсто новому, — классическому. Итальянцы первые прокладываютъ путь, со страстью принимаются за изученіе древнихъ и начинаютъ имъ подражать Три итальянца: Данте (1265 — 1321), Боккачіо (1313 — 1375) и Петрарка (1304 — 1374) были первые, на которыхъ отразилось вліяніе новаго образованія.

Всѣ трое были дѣти флорентійскихъ гражданъ. Имъ принадлежитъ починъ созданія общаго для всей Италіи народнаго и литературнаго языка, и этого достигли они не какими-либо филологическими изслѣдованіями, а просто создали итальянскій языкъ одними своими поэтическими произведеніями. Имъ же троимъ принадлежитъ иниціатива серьезнаго изученія классиковъ, сдѣлавшаяся впослѣдствіи необходимѣйшимъ условіемъ истиннаго образованія. Достигнувъ истиннаго пониманія красотъ классическихъ произведеній, они отдались страстной любви къ древ-

нимъ. Но Данте и Петрарка знакомы были только съ римлянами, Боккачіо же зналъ также и грековъ.

Усвоенная средними вѣками манера писать по-латыни и слишкомъ своеобразное развитіе послѣдней безъ всякаго знакомства съ образцами классической литературы золотаго вѣка — съ этихъ поръ прекращается. Взамѣнъ этого начинается собираніе и изученіе классиковъ и стараніе подражать имъ. Всѣ наконецъ дотого привыкли къ подражанію, что не допускали даже мысли быть оригинальнымъ.

Несмотря на то, что Данте, Боккачіо и Петрарка обратили на развитіе и усовершенствованіе своего живаго отечественнаго языка, на которомъ они писали стихами и прозою, такое же вниманіе, какъ на изученіе классиковъ и подражаніе имъ, прошло болѣе столѣтія, пока явились новыя произведенія на итальянскомъ языкѣ.

Крайнее увлеченіе классиками доходило уже въ XIV вѣкѣ до того, что даже въ произведеніяхъ замѣчательнѣйшихъ итальянскихъ поэтовъ этого вѣка проявляется какое-то въ высшей степени странное смѣшеніе языческихъ и христіанскихъ словъ, образовъ, мыслей. Такъ у Данте:

О, прости, великій Зевсъ,
За насъ распятый на крестѣ!

Боккачіо называетъ Христа «сыномъ Юпитера, который грабитъ царство Плутона». Петрарка во время вѣнчанія его лавровымъ вѣнкомъ въ Римѣ въ храмѣ св. Петра за латинскую эпопею «Африка», помолясь у алтаря, приноситъ въ даръ апостолу свои вѣнки.

Это христіанско-языческое смѣшеніе у позднѣйшихъ итальянцевъ доходитъ до самой смѣшной каррикатуры.

Данте, Петрарка и Боккачіо сходятся между собою замѣчательнымъ образомъ въ своей полемикѣ противъ грязнаго и порочнаго образа жизни тогдашняго духовенства и въ своихъ безпощадныхъ нападкахъ на папство; рѣзкія же нападки Данте на продажу индульгенцій могутъ служить, такъ сказать, началомъ послѣдующей борьбы реформаціи съ католичествомъ.

Данте Аллигіери, изъ знатной флорентійской фамиліи, на пятомъ году отъ рожденія лишился отца. Учителемъ его былъ секретарь флорентійской республики Брунетто Латини, написавшій энциклопедію, въ которой, кромѣ философскихъ наукъ, помѣщены имъ также свѣдѣнія изъ географіи, астрономіи, исторіи и естествознанія, перемѣшанныя со странными народными преданіями, разсказами о духахъ, чертяхъ и чудесахъ природы. У такого учителя Данте положилъ основаніе своему замѣчательному, всестороннему образованію.

На девятомъ году своей жизни Данте встрѣтилъ 10-лѣтнюю дочь одного уважаемаго флорентійскаго гражданина, Беатриче Портинари. При видѣ ея онъ былъ, по его собственному выраженію, охваченъ могуществомъ любви. Видѣлъ онъ ее всего нѣсколько разъ — она умерла еще очень молодою (въ 1290 г.). Судя по произведеніямъ Данте, его любовь къ Беатриче походила на поклоненіе святой.

Во время Данте борьба между гибеллинами, сторонниками имперіи, и гвельфами, приверженцами папы, достигла высшей степени ожесточенія. Флоренція принадлежала къ гвельфамъ, но распадалась на двѣ партіи: черныхъ и бѣлыхъ; къ послѣднимъ принадлежалъ Данте. Онъ игралъ значительную роль въ своемъ родномъ городѣ, участвовалъ въ походахъ,

сражался и не разъ былъ посылаемъ какъ посланникъ. На 35-мъ году онъ былъ избранъ на одно изъ 12 главныхъ судейскихъ мѣстъ. Когда партію бѣлыхъ заподозрили въ солидарности съ гибеллинами, тогда Данте въ 1301 г. былъ посланъ въ Римъ для примиренія бѣлыхъ съ папою Бонифаціемъ VIII. Вѣроятно, тамъ онъ узналъ о занятіи Флоренціи, при помощи партіи черныхъ, Карломъ Валуа, а также и о томъ, что онъ съ своею партіею изгнанъ изъ города. Въ этомъ изгнаніи онъ прожилъ до самой смерти и узналъ, какъ тяжело, по его собственному выраженію, «ѣсть чужой хлѣбъ и соль и обивать чужіе пороги».

Только однажды блеснула ему надежда вернуться въ свое отечество, когда въ 1311 г. императоръ Генрихъ VII пришелъ въ Италію. Въ письмѣ къ императору Данте убѣждалъ его взять Флоренцію. Императоръ, дѣйствительно, расположился лагеремъ передъ городомъ, но долженъ былъ вскорѣ снять осаду и удалиться, а въ августѣ 1313 г. онъ умеръ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ Данте рѣшительно перешелъ на сторону императора и гибеллиновъ и дѣйствовалъ противъ Флоренціи, то возможность вернуться въ отечество для него навсегда была потеряна.

Послѣ долгаго безотраднаго скитальчества, въ послѣднихъ годахъ своей жизни, Данте нашелъ наконецъ радушный пріемъ и защиту въ Равеннѣ, у Гвидо де-Поленто.

Тамъ онъ и умеръ 56 лѣтъ отъ роду (14 сент. 1321 г.). Онъ былъ погребенъ, увѣнчанный лаврами, въ францисканской церкви.

Изъ всѣхъ произведеній Данте «Божественная комедія», безспорно, самое великое.

Какъ величественный Страсбургскій соборъ можетъ служить намъ выраженіемъ исполинскаго генія среднихъ вѣковъ, такъ и эта мощная поэма. Въ ней сосредоточенъ весь циклъ понятій среднихъ вѣковъ. Пору языческой древности и христіанства, имперію и папство, науки и искусства,—все обнимаетъ это произведеніе. Изъ мрака ада, гдѣ грозно являетъ себя правосудіе Божіе, поэтъ восходитъ на залитую солнечнымъ свѣтомъ гору чистилища, возвышающуюся антиподно Іерусалиму; съ этой горы онъ возносится къ небеснымъ сферамъ рая. Удивительная глубина умозрѣнія и тонкая чуткость изящнаго; фантазія, рисующая съ равною реальностію муки ада и блаженство рая, мрачныхъ бѣсовъ и лучезарныхъ ангеловъ; священный гнѣвъ и неукротимая лютость судьи ада и нѣжнѣйшая, ликующая любовь,—все это чудесно соединено въ этомъ геніальномъ произведеніи.

Если въ твореніяхъ Данте отразились во всей полнотѣ средніе вѣка, то въ нихъ въ то же время проявляются уже зачатки строя мыслей новаго времени.

Живя въ періодъ ожесточенной борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ и испытавъ въ продолженіе почти 20 лѣтъ безотрадное скитальчество послѣ изгнанія его вмѣстѣ съ его партіей изъ роднаго города, Данте глубоко былъ проникнутъ желаніемъ единства Италіи, какъ политическаго, такъ и нравственнаго. Поэтому въ своихъ произведеніяхъ онъ является поборникомъ преимущественно единства свѣтскаго управленія римской имперіи. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій «De Monarchia» онъ прямо отстаиваетъ права императора отъ притязаній папы, за что позже и было это сочиненіе предано въ Римѣ сожженію.

Въ своей «Божественной комедіи» Данте также опровергаетъ прин-

ципы свѣтскаго владычества папы. «Мечъ и пастырскій жезлъ, говоритъ онъ, несовмѣстимы въ одной рукѣ; папа долженъ вести родъ человѣческій къ вѣчному, императоръ же—къ временному блаженству».

Чѣмъ болѣе у него лежало на душѣ единство церкви, тѣмъ яростнѣе былъ его гнѣвъ противъ злыхъ папъ. Папу Анастасія помѣстилъ онъ между еретиками въ аду, Николая III и Бонифація VIII—между симонистами. Безпощадною рѣчью караетъ онъ алчность этихъ папъ. Такъ въ XXVII пѣснѣ «Рая» апостолъ Петръ говоритъ о Бонифаціи:

«Онъ въ Римѣ на моемъ возсѣлъ престолѣ
И путь къ спасенію паствѣ преградилъ,
Разгулъ грѣховный далъ страстямъ и волѣ;
Гробницу же мою онъ превратилъ
Въ клоакъ вонючій: онъ тогда смѣялся,
А нынѣ адъ уста его смежилъ».

Въ другомъ мѣстѣ—осужденный на вѣчную муку проклинаетъ Бонифація VII за то, что онъ обѣщаніемъ отпущенія грѣховъ прельстилъ его на измѣну и онъ слишкомъ поздно, только по смерти, узналъ, что діаволъ не обращаетъ никакого вниманія на подобное отпущеніе. Но, несмотря на такое жестокое осужденіе безбожныхъ папъ, Данте преклоняется передъ саномъ намѣстника Христова и громитъ страшнѣйшею анаѳемою Филиппа IV Красиваго за оскорбленіе, нанесенное тому же Бонифацію VIII.

Данте началъ свою «Божественную комедію» по-латыни, но вскорѣ перемѣнилъ латинскій языкъ на итальянскій. Онъ горячо любилъ свою Италію и страстно желалъ привести эту страну, раздробленную на столь многія независимыя владѣнія, въ которой говорили на 14 нарѣчіяхъ, при посредствѣ одного общаго имъ всѣмъ языка, къ сознанію народнаго единства. Хотя и были еще прежде сдѣланы попытки къ образованію общенароднаго итальянскаго языка, но только одному Данте принадлежитъ всецѣло честь созданія прекраснаго, общаго всей Италіи, книжнаго итальянскаго языка, примѣненіе котораго на дѣлѣ показалъ онъ въ своей «Comedia Divina», давъ такимъ образомъ великимъ умамъ Италіи послѣдующихъ столѣтій недостававшій ей до того времени высшій, народный языкъ.

Съ наступившимъ теперь рѣзкимъ отдѣленіемъ итальянскаго языка отъ латинскаго, кажется, какъ будто рождается новый способъ читать классиковъ, новая къ нимъ любовь, болѣе тонкое понятіе о цѣнности ихъ художественныхъ произведеній.

Въ XV же вѣкѣ это поклоненіе классикамъ доходитъ дотого, что итальянскіе ученые относятся съ презрѣніемъ къ своему родному языку. Такъ, итальянскій писатель XV вѣка Леонардо Аретини въ написанныхъ имъ по-латыни діалогахъ влагаетъ въ уста одного изъ извѣстныхъ государственныхъ мужей и ученыхъ Италіи въ эпоху возрожденія слѣдующія характеристичныя для того времени слова относительно Данте: «Я не постигаю, какъ могли Данте, дурно писавшаго на латинскомъ языкѣ, причислить къ поэтамъ и ученымъ и даже предпочесть его Виргилію; его бы слѣдовало предоставить мѣдникамъ, хлѣбникамъ и подобному народу, которымъ онъ, вѣроятно, прійдется по вкусу».

Самъ Данте ставилъ выше другихъ классическихъ писателей Виргилія, который въ «Божественной комедіи» служитъ ему проводникомъ

чрезъ адъ и чистилище. Что Данте хорошо былъ знакомъ съ Энеидою, видно изъ многихъ мѣстъ его «Божественной комедіи»; онъ также читалъ и Горація; но по гречески онъ не понималъ.

Въ 1373 г., т. е. спустя слишкомъ 50 лѣтъ со смерти Данте, Флоренція основала особую каѳедру для толкованія «Божественной комедіи» и отдала ее Джіованни Боккачіо.

Боккачіо родился за восемь лѣтъ до смерти Данте. Отецъ Боккачіо, флорентинскій купецъ, предназначалъ его къ купеческому званію; но, убѣдившись въ неспособности сына къ этому дѣлу, рѣшилъ посвятить его изученію каноническаго права, съ которымъ онъ промучился безуспѣшно шесть лѣтъ. На 25-мъ году своей жизни Боккачіо посѣтилъ гробницу Виргилія близъ Неаполя и тогда принялъ рѣшеніе посвятить себя наукѣ и искусствамъ. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ имѣла двоякое значеніе: 1) для изученія классиковъ и 2) для развитія итальянской прозы.

Онъ занимался собираніемъ твореній классическихъ писателей, дѣлалъ тщательныя съ нихъ копіи *) и написалъ генеалогію боговъ. Онъ учился по-гречески у Леонтія Пилата, родомъ изъ Калабріи, котораго онъ привезъ съ собою во Флоренцію. Боккачіо читалъ съ нимъ Гомера и исходатайствовалъ ему позволеніе публично комментировать этого поэта. Латинскія стихотворенія Боккачіо высоко цѣнились современниками, и его эклоги предпочитались Виргиліевымъ.

Въ настоящее время эти стихотворенія забыты, тогда какъ его лучшее произведеніе на итальянскомъ языкѣ «Декамеронъ» имѣло уже до 100 изданій и продолжаетъ производить громадное вліяніе на развитіе итальянской прозы. Слогъ «Декамерона», богатый благозвучными и граціозными оборотами рѣчи, представляетъ образецъ самаго утонченнаго разговорнаго языка образованнаго общества.

Въ «Декамеронѣ» Боккачіо описываетъ появившуюся во Флоренціи въ 1348 г. чуму и разсказываетъ по этому поводу, какъ семь дамъ и трое молодыхъ мужчинъ, изъ боязни заразиться, удалились изъ Флоренціи въ деревню и тамъ поочередно десять дней къ ряду разсказывали ежедневно по десяти новеллъ.

Въ нѣкоторыхъ новеллахъ Боккачіо сильно нападаетъ на церковную іерархію и монаховъ; такъ, напримѣръ, въ разсказѣ о парижскомъ евреѣ Авраамѣ. Одинъ христіанинъ уговариваетъ его креститься, и онъ соглашается, но, не желая поступить въ этомъ дѣлѣ опрометчиво, ѣдетъ въ Римъ, средоточіе высшихъ представителей христіанства. Тамъ находитъ онъ все духовенство на всѣхъ ступеняхъ церковной іерархіи погрязнувшимъ въ нечестивомъ безбожіи, алчности, въ обжорствѣ и пьянствѣ, развратѣ, позорномъ торгѣ священными предметами и т. д. Вернувшись въ Парижъ, онъ разсказываетъ своему другу-христіанину, что въ Римѣ онъ не нашелъ ни святости, ни даже внѣшней набожности, а, напротивъ, только одни пороки.

Между новеллами Боккачіо многія нецѣломудрены и даже въ высшей

---

*) О Боккачіо разсказываютъ, что онъ своею рукой, и даже не разъ, переписывалъ Теренція, Ливія, Цицерона, Тацита и Гомера.

Примѣч. составителя.

степени циничны; между тѣмъ авторъ многіе изъ циническихъ разсказовъ влагаетъ въ уста флорентинскихъ дѣвушекъ. По этому уже можно судить о страшномъ упадкѣ нравственности въ то время во Флоренціи. Можно было бы даже принять нѣкоторыя новеллы Боккачіо оскорбительной клеветой на женское общество Флоренціи, еслибы и Данте не указывалъ на то, что въ то время даже съ церковныхъ каѳедръ громился цинизмъ флорентинскихъ женщинъ.

Даже самъ Боккачіо, который въ позднѣйшіе годы своей жизни чувствовалъ глубокое раскаяніе въ легкомысліи своей молодости, умирая, заклиналъ отцовъ семействъ не давать «Декамерона» въ руки членамъ своихъ семействъ *).

Петрарка сынъ, флорентійскаго нотаріуса, родился послѣ изгнанія послѣдняго изъ роднаго города. Первые годы дѣтства жилъ онъ съ своими родителями въ Пизѣ, гдѣ учителемъ его былъ калабріецъ Варлаамъ, монахъ ордена св. Василія, знавшій греческій языкъ, такъ какъ въ этомъ орденѣ литургія читалась на этомъ языкѣ. На восьмомъ году Петрарка переселился съ родителями въ Авиньонъ, гдѣ проживалъ тогда папа со своимъ дворомъ. Здѣсь онъ нѣсколько лѣтъ учился грамматикѣ. риторикѣ и діалектикѣ; уже на 19 году онъ былъ отправленъ отцомъ въ Болонскій университетъ для изученія права. Съ сильнымъ отвращеніемъ покорился онъ настойчивому требованію отцовскому, но въ Болоньѣ, вмѣсто права, онъ занялся изученіемъ Цицерона и Виргилія. Когда узналъ объ этомъ отецъ Петрарки, онъ разсердился на него, жестоко разбранилъ и сжегъ у него нѣсколько рукописей и только на колѣняхъ, униженною просьбою и обѣщаніемъ исправиться удалось Петраркѣ спасти отъ подобной же участи Виргилія и Цицерона. Но по смерти отца Петрарка бросилъ Болонью и изученіе права, возвратился въ Авиньонъ и вступилъ въ духовное званіе.

Первыя поэтическія произведенія Петрарки были написаны имъ на его родномъ итальянскомъ языкѣ. Уже на 23-мъ году сталъ онъ воспѣвать въ звучныхъ сонетахъ и канцонахъ свою Лауру, предметъ его чистой поэтической любви, не перестававшей вдохновлять его до конца его жизни. Уже на 35-мъ году жизни началъ Петрарка большую эпопею

---

*) Странный случай произвелъ переворотъ въ жизни поэта уже на старости его. Распространеніе книги его «Декамеронъ» направленной, главнымъ образомъ, противъ духовенства, раздражило гнѣзда ихъ, католическіе монастыри, и рѣшено было добраться до поэта, но съ хитростью. Однажды картезіянскій монахъ, по имени Чіани, явился къ Боккачіо и объявилъ ему, что Пьетро Петрони, монахъ того же ордена, незадолго предъ тѣмъ умершій и пользовавшійся славою святаго, исповѣдуясь на смертномъ одрѣ, передалъ ему на духу тайну, что поэта ожидаетъ печальный и близкій конецъ, если только онъ не оставитъ своей литературной дѣятельности, вводящей многихъ въ соблазнъ,—что этотъ приговоръ прочиталъ новопреставленный въ своихъ предсмертныхъ видѣніяхъ, въ которыхъ ему было открыто все прошедшее, настоящее и будущее и т. п. Эта штука, къ удивленію, удалась. Состарѣвшійся гуляка допустилъ сманить себя, раскаялся, вступилъ даже въ духовное сословіе, сталъ изучать теологію и удалился въ отцовскій домъ, гдѣ онъ, не заботясь о чумѣ, распространившейся во Флоренціи, безучастный къ бѣдствіямъ войны, снова взялся за ученыя работы и написалъ свои латинскія сочиненія (De Genealogia deorum, Eclogae и пр.) (Исторія всеобщей литературы І. Шерра).

на латинскомъ языкѣ, названную имъ «Африка». Героемъ ея онъ избралъ прославленнаго Ливіемъ Сципіона Африканскаго Старшаго. Этимъ произведеніемъ Петрарка думалъ увѣковѣчить свое имя, но потомство судило иначе. Прошло 500 лѣтъ, а его итальянскія стихотворенія сохранили еще для потомства всю свою прелесть, тогда какъ о существованіи даже героической поэмы «Африка» знаютъ лишь немногіе Но современники Петрарки ставили его латинскую поэму несравненно выше, чѣмъ всѣ его итальянскія произведенія. Какое огромное значеніе придавали современники латинской поэмѣ «Африка», которой Петрарка самъ потомъ стыдился, можно уже судить по тому, что онъ за нее получилъ одновременно отъ канцлера Парижскаго университета и отъ римскаго сената приглашеніе прибыть къ нимъ для вѣнчанія его лавровымъ вѣнкомъ. Петрарка изъ этихъ двухъ приглашеній предпочелъ послѣднее, отправился въ Римъ. Здѣсь въ Свѣтлое Христово Воскресенье 1341 года поэтъ былъ увѣнчанъ въ Капитоліи. Самый обрядъ вѣнчанія Петрарки чрезвычайно характеристиченъ для того времени, замѣчательнаго для Италіи по своему благоговѣйному поклоненію классической древности.

Рано утромъ звукъ трубы возвѣстилъ жителямъ Рима о торжествѣ. Послѣ того, какъ у алтаря св. Петра была отслужена месса съ музыкою, началось торжественное шествіе въ Капитолій. Шествіе открывали 12 юношей въ алой одеждѣ, читавшихъ вслухъ стихи Петрарки; за ними шелъ онъ самъ, окруженный знатнѣйшими гражданами Рима, облеченными въ дорогія платья и имѣвшими на головахъ вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ. Затѣмъ Петрарка былъ посаженъ на высокую изящную колесницу, украшенную символическими аттрибутами поэзіи. Колесницу окружала толпа, одѣтая богами Олимпа, а на самой колесницѣ вмѣстѣ съ Петраркою помѣщались изображенія трехъ грацій, Бахуса и Терпѣнія. Колесницу везла четверка лошадей, а передъ нею шла поющая дѣвушка, позади же колесницы—Зависть, сопровождаемая плачущими сатирами, фавнами и нимфами. Въ Капитоліи Петрарка произнесъ рѣчь по-латыни на текстъ изъ Виргилія, въ которой просилъ себѣ лавроваго вѣнка. Затѣмъ, возгласивъ: «да здравствуетъ римскій народъ! да здравствуетъ сенатъ! да хранитъ Богъ всѣхъ въ ихъ свободѣ!» онъ преклонилъ колѣни передъ сенаторомъ графомъ д'Ангиллара и принялъ изъ рукъ его лавровый вѣнокъ, причемъ графъ воскликнулъ: «вѣнецъ этотъ—награда за заслуги». Вмѣстѣ съ этимъ онъ провозгласилъ Петрарку «за величайшаго поэта и историка» и, «въ силу глубочайшаго уваженія къ нему римскаго сената и народа», даровалъ ему какъ въ семъ святѣйшемъ градѣ, такъ и во всѣхъ другихъ земляхъ полнѣйшую свободу публичнаго ученія, право диспутировать, комментировать древнія и писать новыя книги, сочинять стихотворенія, которыя, говорилъ графъ, «съ Божіею помощію будутъ читаемы до скончанія вѣка», на что ему тотчасъ же и была вручена грамата. Послѣ этого увѣнчанный поэтъ продекламировалъ сонетъ въ честь героевъ Рима, на что въ отвѣтъ народъ, при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ, кричалъ: «да здравствуетъ Капитолій! да здравствуетъ поэтъ!» Друзья Петрарки проливали радостныя слезы.

Съ тою же торжественностью и въ томъ же порядкѣ кортежъ отправился въ соборъ св. Петра По дорогѣ Петрарка бросалъ народу деньги, подаренныя ему для этой цѣли аристократическою фамиліей Колонна. Графъ д'Ангилларо подарилъ Петраркѣ рубинъ въ 500 червон-

цевъ, римскій народъ—500 червонцевъ. Предъ алтаремъ св. Петра онъ сотворилъ молитву и принесъ въ даръ апостолу свой тройной вѣнецъ (изъ плюща, лавра и мирты), который и былъ повѣшенъ на сводѣ храма. Наконецъ процессія вернулась во дворецъ Колонновъ, и празднество было закончено великолѣпнымъ пиршествомъ и баломъ. Съ незапамятныхъ временъ еще ни одному смертному не выпадало на долю чести, подобной этому вѣнчанію. Да вообще едва ли какая знаменитость предшествовавшихъ столѣтій при жизни пользовалась въ такихъ широкихъ размѣрахъ почестями и находилась въ такомъ уваженіи у императоровъ, королей и итальянскихъ республикъ, какъ Петрарка.

По характеру своей ученой и литературной дѣятельности, Петрарка вполнѣ принадлежалъ новому времени и былъ предшественникомъ гуманистовъ. Цицерономъ онъ былъ очарованъ еще въ дѣтствѣ. «Въ раннемъ возрастѣ», пишетъ онъ, «когда содержаніе часто не было доступно моему молодому уму, меня плѣняли единственно плавность и удивительная гармонія его рѣчи». Съ такимъ же восторгомъ онъ относился къ Виргилію. Петраркѣ также хотѣлось выучиться греческому языку, чтобы имѣть возможность непосредственно ознакомиться съ классическою литературою древнихъ грековъ.

Уже на 38-мъ году жизни встрѣтился Петрарка въ Авиньонѣ съ своимъ бывшимъ учителемъ Варлаамомъ. Петрарка съ юношескимъ пыломъ накинулся на изученіе греческихъ ораторовъ, но новизна чуждаго языка и внезапный отъѣздъ учителя разстроили начатыя занятія.

Отношеніе Петрарки къ римскимъ классикамъ было восторженнымъ почитаніемъ итальянца, чтущаго въ нихъ геній своихъ предковъ. Петрарка обладалъ какою-то особенною чуткостью къ гармоніи рѣчи. Цицероновскіе періоды и Виргиліевы гексаметры производили на него чарующее впечатлѣніе. Древніе классики вдохновляли его: онъ жилъ ихъ жизнію, и понятно, что у него должно было родиться страстное желаніе подражать имъ.

Въ Петраркѣ, какъ и во многихъ его соотечественникахъ жило воспоминаніе о могуществѣ древняго Рима, порождавшее сильное желаніе видѣть вновь его процвѣтаніе. Когда въ 1346 году Коло-де-Ріенци провозгласилъ себя возстановителемъ римской республики, Петрарка писалъ восторженныя посланія къ римлянамъ и сравнивалъ Ріенци съ Брутомъ Старшимъ. Но этотъ реставраторъ, съ высокомѣріемъ вызывавшій къ своему трону императоровъ и королей и воображавшій себя обладателемъ семи даровъ Св. Духа, на слѣдующій же годъ былъ выгнанъ изъ Рима, и Петрарка испыталъ полное разочарованіе.

Проникнутый вполнѣ благоговѣйнымъ чувствомъ передъ величіемъ христіанства, Петрарка, близко присмотрѣвшійся къ жизни папъ во время пребыванія своего въ Авиньонѣ, сдѣлался заклятымъ врагомъ церковной іерархіи католической, и нападки его на нее особенно безпощадны. Тогдашнее мѣстопребываніе папъ—Авиньонъ—называетъ онъ Вавилономъ, а папу—антихристомъ; въ стихахъ и прозѣ онъ обнаруживаетъ его безобразіе. «Въ этомъ царствѣ алчности и скупости», пишетъ Петрарка, «ничто не считается постыднымъ и безнравственнымъ, если только оно доставляетъ какую нибудь матеріяльную выгоду. Деньги—ихъ кумиръ. Надежда на будущую жизнь и муки ада, ожидающія грѣшниковъ, для нихъ не болѣе, какъ побасенки. Истина для нихъ—глупость; стыдливость

считается за большой позоръ, разнузданная порочность—за проявленіе высокаго ума и личной свободы; чѣмъ циничнѣе и позорнѣе жизнь, тѣмъ она блестящѣе; чѣмъ болѣе преступленій, тѣмъ болѣе славы». Такъ описываетъ Петрарка папу и католическое духовенство не по наслышкѣ, а на основаніи личнаго знакомства съ бытомъ современнаго ему духовенства.

Къ схоластикамъ Петрарка относился съ какимъ-то отвращеніемъ; за то и они платили ему, гдѣ могли, свирѣпою ненавистью. Въ Венеціи они произнесли надъ его произведеніями приговоръ и безапелляціонно порѣшили, что въ немъ нѣтъ никакой учености. Его даже заподозрили въ чернокнижіи за то, что онъ прилежно занимался чтеніемъ Виргилія, слывшаго въ средніе вѣка за великаго колдуна, и сочинялъ стихи.

Нападая на схоластиковъ, Петрарка въ своихъ сочиненіяхъ нерѣдко сѣтуетъ, какъ нѣкогда сѣтовалъ Августинъ, на то, что многіе, предавшись ученымъ занятіямъ, не радѣютъ о своемъ спасеніи, болѣе заботятся о краснорѣчіи, чѣмъ о непорочной жизни, о славѣ, чѣмъ о добродѣтели. Къ сожалѣнію, жизнь самого Петрарки, провозвѣстника гуманизма, далеко не соотвѣтствовала созданному имъ идеалу.

Петрарка до конца своей жизни остался преданнымъ наукѣ. Съ необыкновенною заботою собиралъ онъ рукописи, списалъ многія самъ, другія же отдавалъ переписывать своему ученику, знаменитому впослѣдствіи учителю гуманисту Іоанну Равеннскому. Свою знаменитую библіотеку Петрарка подарилъ венеціянцамъ;она и послужила основаніемъ знаменитой впослѣдствіи библіотеки св. Марка.

Въ 1374 году, уже 70-ти-лѣтнимъ старикомъ, его нашли мертвымъ: голова его покоилась на фоліантѣ.

XXVII. ПРОБУЖДЕНІЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ И УВЛЕЧЕНІЕ ЕЮ ВЪ ИТАЛІИ ВЪ XIV И XV СТ.

(Составлено по соч. Бурхардта: «Die Cultur der Renaissanse in Italien»).

Греко-римская культура, имѣвшая съ XIV стол. столь могущественное вліяніе на итальянскую жизнь, оказала еще гораздо раньше вліяніе на нѣкоторыя земли внѣ Италіи: та образованность, представителемъ которой былъ Карлъ Великій и которую онъ старался собственнымъ примѣромъ привить къ своей имперіи, въ сущности была уже слабымъ возрожденіемъ древней культуры *), въ противоположность полному варварству, господствовавшему въ западной Европѣ въ VII и VIII стол. Но заботы Карла Великаго о просвѣщеніи не принесли существенныхъ результатовъ, такъ какъ направленіе его дѣятельности на пользу обра-

*) Основывая библіотеки, Карлъ собираетъ древнія рукописи отовсюду, особенно же изъ Рима. Послѣ своего похода въ Италію (787 г.) Карлъ вывозитъ оттуда учителей грамматики и счисленія и дѣятельно принимается за устройство школъ. Предпринимая постройку огромнаго Ахенскаго собора, Карлъ Великій для украшенія его перевезъ изъ Рима и Равенны дорогія античныя колонны и мраморъ, и т. д.
Примѣч. составителя.

зованія не находило себѣ поддержки въ тогдашнемъ обществѣ. Умственное движеніе начало пробуждаться въ западной Европѣ лишь съ крестовыхъ походовъ, расширившихъ кругъ понятій европейцевъ и давшихъ имъ случай ознакомиться съ арабскою и греческою образованностью. Четвертый крестовый походъ и основаніе латинской имперіи сблизили Италію съ Византіей, а гнетъ турокъ еще задолго до завоеванія Константинополя побудилъ нѣкоторыхъ греческихъ ученыхъ искать безопасности и средствъ къ жизни въ Италіи, гдѣ, при пробудившемся интересѣ къ древней культурѣ, они могли скорѣе всего разсчитывать на хорошій пріемъ.

Первые признаки возрожденія Италіи относятся уже къ XIII стол., но любовь къ древности сдѣлалась общею у итальянцевъ не ранѣе XIV вѣка. Для этого необходимо было развитіе городской жизни, какое мы встрѣчаемъ въ эту эпоху только въ Италіи, вслѣдствіе сильнаго развитія торговли уже съ крестовыхъ походовъ; необходимо было существованіе всесословнаго общества, имѣвшаго потребность въ образованіи и обладавшаго достаточными средствами и досугомъ для удовлетворенія этой потребности. Въ XV вѣкѣ Италія, вооруженная возрожденною древнею культурой, стала сознавать уже себя, не безъ основанія, передовою страною міра.

Отъ возрожденной классической древности, столь богатой объективными истинами, относящимися до всѣхъ областей человѣческаго духа, образованіе западно-европейскихъ народовъ вообще заимствовало и форму, и содержаніе. Но въ Италіи возрожденіе древней культуры имѣло другой характеръ, чѣмъ въ заальпійскихъ странахъ Европы. Въ Италіи, съ уничтоженіемъ варварства, въ народѣ возникаетъ сознаніе своего прошлаго, и онъ стремится возстановить это прошлое, возвратиться къ нему, тогда какъ внѣ Италіи возрожденіе состояло только въ заимствованіи отдѣльныхъ элементовъ древней культуры и въ увлеченіи духомъ свободнаго изслѣдованія классической литературы, составлявшемъ рѣзкую противоположность тому рабству мысли, которое существовало въ господствовавшей еще въ концѣ среднихъ вѣковъ схоластикѣ.

Но вліяніе возрожденія въ Италіи обнаружилось не только въ замѣчательныхъ памятникахъ литературы и искусства, какъ Рафаэля, Микель-Анджело, Данте, Петрарки и др., но и вообще въ благоговѣйномъ поклоненіи всему, что напоминало о древнемъ Римѣ и сохранилось еще отъ древней культуры.

Лѣтописцы различныхъ итальянскихъ городовъ старались доказать основаніе этихъ городовъ римлянами, а услужливые генеалоги указывали на происхожденіе римскихъ вельможъ отъ древнихъ римскихъ родовъ. Такъ, фамилія Массими производила свой родъ отъ Квинта-Фабія Максима, а фамилія Корнеро—отъ рода Корнеліевъ. Уваженіе къ древности превышало почитаніе святыхъ, такъ что дѣтямъ давали имена древнихъ героевъ, вмѣсто именъ христіанскихъ святыхъ: благородное семейство называло своихъ сыновей Агамемнонами и Ахиллесами, живописецъ называлъ своего сына Апеллесомъ, а дочь Минервой и т. д. Это не будетъ намъ казаться смѣшнымъ, если мы примемъ во вниманіе духъ вѣка.

Въ это время всеобщаго увлеченія древнеклассическими воспоминаніями развалины древняго Рима стали пользоваться особеннымъ значеніемъ, котораго не имѣли онѣ прежде. «Камни римскихъ стѣнъ заслу-

живаютъ благоговѣнія, и земля, на которой построенъ городъ, драгоцѣннѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ люди», говоритъ Данте.

Къ сожалѣнію, въ это время Римъ не имѣлъ уже тѣхъ памятниковъ древности, которые были въ немъ еще за нѣсколько столѣтій. Послѣднее разрушеніе потерпѣлъ Римъ въ началѣ второй половины XIII вѣка: во время политическихъ смутъ и борьбы политическихъ партій были разрушены около полутораста дворцовъ различныхъ вельможъ; при этомъ случаѣ были также срыты высочайшія, наиболѣе сохранившіяся, развалины, къ которымъ римскіе вельможи пристраивали свои дворцы. Но все-таки тогдашній Римъ имѣлъ еще гораздо болѣе остатковъ древности, чѣмъ настоящій.

Папы Николай V (1447—1455) и Пій II, проникнутые любовью къ классической древности, заботились о сохраненіи и описаніи развалинъ Рима. Пій II такъ уважалъ древность, что въ ожесточенной войнѣ съ Неаполемъ пощадилъ жителей города Арпинума только потому, что они были соотечественниками Марка-Туллія Цицерона и Кая Марія.

Въ это время естественно возникло и въ остальной Италіи усердіе къ собиранію римскихъ древностей, коллекціи которыхъ устраивались во всѣхъ значительныхъ городахъ.

Знакомство съ древнимъ Римомъ увеличилось и вслѣдствіе раскопокъ: уже при папѣ Александрѣ VI найдены такъ называемыя гротески, т. е. стѣнныя декораціи, и Аполлонъ Бельведерскій; при папѣ Юліѣ II найдены «Лаокоонъ», «Венера Ватиканская» и др.; дворцы вельможъ и кардиналовъ стали наполняться древними статуями.

Но болѣе важное значеніе, чѣмъ памятники древняго зодчества и скульптуры, имѣли памятники письменности, какъ греческой, такъ и латинской, считавшіеся источниками всего знанія.

Какъ ни велико было вліяніе древнихъ писателей на Италію XIV вѣка, но изъ нихъ извѣстны были немногіе. Нѣсколько латинскихъ поэтовъ, историковъ, ораторовъ и эпистолографовъ, да латинскіе переводы сочиненій Аристотеля, Плутарха и нѣкоторыхъ другихъ грековъ вотъ все, чѣмъ восхищалось поколѣніе Боккачіо и Петрарки. Послѣдній имѣлъ у себя и почиталъ греческаго Гомера, хотя не умѣлъ читать по-гречески; первый латинскій переводъ Иліады и Одиссеи былъ сдѣланъ уже Боккачіо, съ помощью одного калабрійскаго грека. Только съ XV столѣтія сдѣланъ рядъ новыхъ открытій, систематически устраиваются библіотеки и переводится многое съ греческаго языка. Благодаря только стараніямъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ собирателей, до насъ дошла большая часть тѣхъ греческихъ авторовъ, которыхъ мы знаемъ теперь. Папа Николай V еще монахомъ впалъ въ долги для удовлетворенія своей страсти къ собиранію книгъ и рукописей. Сдѣлавшись папой, онъ тратилъ большія суммы для удовлетворенія страсти къ книгамъ и изданіямъ. Перотто получилъ отъ него за латинскій переводъ Полибія 500, а Гварино за переводъ Страбона 1000 червонцевъ; онъ же положилъ основаніе Ватиканской библіотекѣ. Флорентинецъ Николо Николи, одинъ изъ ученыхъ друзей Козимо Медичи старшаго, истратилъ все свое состояніе на пріобрѣтеніе книгъ; наконецъ, когда у него уже ничего не было, Медичисы предоставили ему свои средства для этой цѣли. Съ неограниченнымъ довѣріемъ онъ ссужалъ многихъ своими книгами, дозволялъ также читать у себя и бесѣдовалъ потомъ о прочитанномъ. Его библіо-

тека, состоявшая изъ 800 томовъ, досталась по смерти его, чрезъ посредство Козимо, монастырю св. Марка, съ условіемъ сдѣлать ее доступною для публики.

До насъ дошли и свѣдѣнія о томъ, какъ тогда составлялись библіотеки. Купить древнюю рукопись считалось особеннымъ счастіемъ и удавалось рѣдко. Между переписчиками знавшіе греческій языкъ занимали первое мѣсто и носили почетный титулъ Scriptori (писцы); ихъ было не много, и имъ платили дорого. Остальные назывались просто *кописты*; большинство ихъ состояло изъ нѣмцевъ и французовъ. Когда Козимо Медичи хотѣлъ основать въ Фіезолѣ библіотеку, то, по его заказу, 45 переписчиковъ въ 22 мѣсяца переписали 200 томовъ. Списокъ книгъ для переписки Козимо получилъ отъ папы Николая V.

Греческая ученость сосредоточивается въ XV и началѣ XVI стол. во Флоренціи. Во времена Петрарки и Боккачіо изученіе греческой письменности носило еще характеръ диллетантизма; затѣмъ это изученіе прекратилось въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія, когда вымерла колонія ученыхъ выходцевъ изъ Греціи.

Кромѣ Флоренціи въ Римѣ, Падуѣ, Болоньѣ, Феррарѣ, Венеціи, Перуджіи, Павіи и въ другихъ городахъ состояли на жалованьи учителя греческаго языка. Особенно многимъ обязано изученіе греческой литературы типографіи Алдо-Манучи въ Венеціи, гдѣ важнѣйшіе греческіе авторы были въ первый разъ отпечатаны.

Одновременно съ классическими языками распространялось и изученіе восточныхъ. Съ догматической полемикой противъ евреевъ соединялось изученіе еврейскаго языка и всей еврейской науки; гуманистъ Пико-делла-Мирандола владѣлъ всѣмъ талмудическимъ и философскимъ знаніемъ ученаго раввина.

Кто же были тѣ, которые служили посредниками между древней культурой и новой и сдѣлали классическую древность главнымъ содержаніемъ образованія?—Это горсть писателей и гуманистовъ, составлявшихъ совершенно новый элементъ въ гражданскомъ обществѣ, знавшихъ, что знали древніе, старавшихся писать, какъ писали древніе, мысливших и чувствовавшихъ такъ, какъ мыслили и чувствовали древніе.

Многими новѣйшими писателями высказывается сожалѣніе о томъ, что начатки самостоятельнаго итальянскаго образованія, показавшіеся около 1300 года во Флоренціи, были впослѣдствіи совершенно подавлены гуманистами. Но необходимо имѣть въ виду, что сама культура XIV вѣка имѣла необходимымъ послѣдствіемъ побѣду гуманизма, и что именно величайшіе итальянскіе національные поэты, какъ Данте, Петрарка и Боккачіо, подготовили почву для гуманизма XV столѣтія.

Громадное вліяніе древней культуры на образованіе Италіи въ эпоху возрожденія обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что гуманисты овладѣли университетами. Большинство итальянскихъ университетовъ возникаетъ въ теченіе XIII и XIV столѣтій. Сначала они имѣли только три каѳедры: каноническаго и свѣтскаго права и медицины; со временемъ къ этимъ каѳедрамъ прибавлены еще каѳедры риторики, философіи и астрономіи. Гуманисты особенно добивались каѳедры риторики, но занимали и другія каѳедры. Каѳедры занимались тогда ненадолго: каждый профессоръ читалъ послѣдовательно въ цѣломъ рядѣ университетовъ и частныхъ институтовъ, возникшихъ въ то время и конкурри-

ровавшихъ съ университетами. Въ началѣ XV столѣтія, когда университетъ во Флоренціи былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, когда придворные папы Евгенія IV и Мартина V толпились въ аудиторіяхъ, когда читали Аретино и Филелфо, существовалъ не только почти полный второй университетъ у августинскихъ монаховъ въ монастырѣ Св. Духа, не только общество ученыхъ мужей въ монастырѣ Анджели, но и частные люди приглашали профессоровъ для публичныхъ лекцій по филологическимъ и философскимъ предметамъ.

Вообще тогдашнее высшее преподаваніе не было похоже на теперешнее. Личное общеніе преподавателей со слушателями, диспуты, постоянное употребленіе латинскаго, а иногда и греческаго языка, наконецъ, частая смѣна преподавателей и отсутствіе книгъ — все это придавало преподаванію особенный характеръ, совершенно отличный отъ нынѣшняго.

Латинскія школы существовали во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ. Латинскому языку начинали обучать непосредственно послѣ обученія чтенію, письму и счисленію, а затѣмъ слѣдовала логика. Эти школы зависѣли не отъ церкви, а отъ городскихъ управленій; многія были частными учрежденіями.

Нѣкоторыя изъ этихъ школъ достигли высшаго совершенства подъ руководствомъ гуманистовъ. Имъ же большею частію поручали итальянскіе государи воспитаніе своихъ дѣтей. Такъ, воспитаніе дѣтей двухъ верхнеиталійскихъ государей послужило поводомъ къ учрежденію институтовъ, которые можно назвать единственными въ своемъ родѣ. Это были школы Витторино-да-Фельтре въ Мантуѣ и Гварино въ Феррарѣ. Къ нимъ стекались со всей Италіи знатные молодые люди, которыхъ они воспитывали вмѣстѣ съ принцами и принцессами. Кромѣ того, они содержали на свой счетъ и обучали бѣдныхъ молодыхъ людей.

Затѣмъ заслуживаютъ вниманія тѣ, преимущественно флорентійскіе, граждане, которые сдѣлали главною цѣлью своей жизни изученіе классической древности и сдѣлались или великими учеными, или диллетантами, покровительствовавшими ученымъ. Они были первыми въ началѣ XV столѣтія покровителями гуманизма; папы и государи стали покровительствовать ему впослѣдствіи. Къ такимъ гражданамъ принадлежалъ особенно Николо Николи: красивый, изящный во всемъ существѣ своемъ, онъ и во всемъ его окружающемъ не терпѣлъ ничего, что не гармонировало бы съ античнымъ духомъ.

Въ этомъ же направленіи дѣйствовали Козимо и Лоренцо Медичи, имѣвшіе въ XV столѣтіи большое вліяніе на Флоренцію и на всю Италію. Козимо, считавшійся величайшимъ изъ итальянцевъ по образованію, первый указалъ своимъ современникамъ на важное значеніе философіи Платона, какъ лучшаго цвѣта античной мысли. Внукъ его, Лоренцо Великолѣпный (Magnifico), также глубоко изучилъ Платона и пришелъ къ убѣжденію, что безъ знанія этой философіи трудно быть хорошимъ гражданиномъ и христіаниномъ.

И въ нашемъ столѣтіи провозглашаютъ довольно громко цѣну образованія вообще и изученія античнаго міра и классическихъ языковъ въ особенности. Но такого энтузіазма къ этому изученію, какъ въ то время, когда оно стало первою потребностью ума, мы не находимъ нигдѣ, кромѣ Флоренціи и нѣкоторыхъ другихъ итальянскихъ городовъ въ XIV и XV столѣтіяхъ.

XXVIII. СТРАНСТВУЮЩІЕ ГРЕЧЕСКІЕ УЧИТЕЛЯ ВЪ ИТАЛІИ И ИТАЛЬЯНСКІЕ АНТИКВАРІИ ВЪ ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

(По соч. Фойхта: «Die Wiederbelebung des classischen Alterthums»).

Несмотря на рвеніе, съ которымъ въ Италіи, со времени Петрарки и Боккачіо, принялись за изученіе памятниковъ древней литературы, успѣхи этого изученія были очень незначительны, и распространеніе знаній шло медленными шагами. Цѣлое столѣтіе было необходимо, чтобы достигнуть тутъ тѣхъ результатовъ, которые въ наше время могутъ быть достигнуты за одно десятилѣтіе. Средства къ пріобрѣтенію и передачѣ знаній были очень скудны. Тотъ, кто не въ состояніи былъ тратить большихъ суммъ на покупку книгъ, или не имѣлъ возможности брать ихъ у кого-либо изъ либеральныхъ богачей, долженъ былъ довольствоваться однимъ Виргиліемъ да немногими сочиненіями Цицерона и только съ трудомъ могъ увеличить свои сокровища собственноручной перепиской. Старыя руководства по риторикѣ и грамматикѣ стали негодными для употребленія, а новыхъ еще не имѣлось. Постоянное чтеніе одного и того же, заучиваніе наизустъ древнихъ образцовъ и упражненія въ подражаніи имъ должны были замѣнять систематическое обученіе и замѣняли, конечно, весьма неудовлетворительно. Правда, кружокъ друзей, образовавшійся вокругъ Петрарки и Боккачіо, былъ очень великъ, но все-таки оказывался незначительнымъ въ сравненіи съ сотнями и тысячами людей, которые искали доступа къ наукѣ и встрѣчали препятствія на каждомъ шагу. Такъ какъ книгопечатаніе съ подвижными буквами еще не было изобрѣтено, то необходимъ былъ другаго рода двигатель для распространенія знаній.

За первыми дѣятелями возрожденія послѣдовало новое поколѣніе, именно поколѣніе странствующихъ учителей и передвижныхъ школъ. Подобное же странствованіе учителей и учениковъ предшествовало учрежденію высшихъ учебныхъ заведеній Италіи; и тогда, какъ и теперь, это были преимущественно преподаватели грамматики и риторики, которые переходили изъ города въ городъ въ качествѣ частныхъ учителей. Такимъ образомъ, классическое выраженіе «Ludi litterarii» сохранило вполнѣ свое значеніе и для этого времени. Къ стопамъ прославленныхъ учителей стекалась пестрая толпа. Здѣсь были люди разныхъ странъ, разныхъ возрастовъ и сословій; слѣдуя за учителями, переходившими съ одной каѳедры на другую, они странствовали по городамъ, изучая въ одномъ мѣстѣ искусство изящнаго слога или древнюю нравственную философію, въ другомъ—основы греческаго языка, въ третьемъ—слушая толкованія какого-нибудь автора. Эта разносторонность преподаванія, это передвиженіе и соприкосновеніе различныхъ элементовъ—развивали творческія силы слушателей и возбуждали въ нихъ живые и многосторонніе интересы.

Первымъ изъ странствующихъ учителей былъ одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Петрарки. Уроженецъ Равенны, бѣдный юноша Джіованни Мальпагино три года жилъ у стараго поэта въ качествѣ переписчика. Прежде всего онъ обратилъ на себя вниманіе Петрарки удивительной памятью, прекраснымъ почеркомъ и способностью къ терпѣливому, добросовѣстному труду; съ необыкновеннымъ изяществомъ переписывалъ онъ

произведенія своего учителя и вначалѣ отдался горячо этой работѣ. Но изъ покорнаго слуги и ученика Петрарки мало по малу выросталъ самобытный ученый; подвижной, безпокойный духъ его сталъ томиться бездѣйствіемъ; онъ не хотѣлъ, не могъ оставаться простымъ писцомъ,— кровь застыла въ немъ при мысли, что онъ, юноша полный силы, долженъ вести спокойный, безмятежный образъ жизни мирнаго старика. Онъ сталъ мечтать о Византіи, объ изученіи греческаго языка, о томъ, чтобъ собственнымъ трудомъ создать себѣ громкую будущность, прославить свое имя, отыскать счастье жизни, и рѣшился оставить свой тихій уголокъ. Сообщивъ свои планы старому учителю, юноша рѣзко отвергъ его отеческія увѣщанія и, сильно взволнованный, раздраженный, оставилъ его домъ. Онъ чувствовалъ, что могучая сила влечетъ его къ великой цѣли, а поэтъ обращался съ нимъ, какъ съ юнымъ, несложившимся ученикомъ. Старикъ не отвернулся отъ Джіованни, когда юноша оставилъ его; онъ продолжалъ заботиться о немъ, хотя и сталъ теперь смотрѣть на него, какъ на непостоянную натуру, какъ на буйнаго искателя приключеній. Правда, нужда, лишенія, неудачи скоро привели непокорнаго ученика въ домъ стараго учителя, но миръ продолжался недолго,—молодой равеннскій ученый вновь оставилъ уединенный уголокъ, вооружившись лучше прежняго для предстоящей борьбы. Ему хотѣлось изучить жизнь Италіи, хотѣлось ближе узнать людей и, сдѣлавшись учителемъ ихъ, сообщить имъ то, что пріобрѣлъ онъ въ тихіе дни своей уединенной жизни. Сдѣлавшись канцлеромъ при каррарскомъ дворѣ, онъ въ этомъ званіи написалъ два трактата: «о своемъ поступленіи на придворную службу» и «о счастьи при дворѣ»,—написалъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ тяготившаго его чувства стѣсненной свободы. Онъ чувствовалъ, что призванъ странствовать, бросать на пути сѣмена, не выжидая нигдѣ жатвы. Въ Венеціи, въ Падуѣ, во Флоренціи и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ онъ воздвигалъ свои каѳедры, толкуя Цицерона и лучшихъ римскихъ поэтовъ. Много замѣчательныхъ личностей вышло изъ его школы, много людей, которые своими обширными познаніями и своей дѣятельностью въ школахъ сильно содѣйствовали распространенію образованія въ Италіи. Сочиненія Джіованни Равеннскаго не заслуживаютъ вниманія: онъ въ нихъ не выходилъ изъ тѣсныхъ границъ слѣпаго подражанія извѣстнымъ образцамъ, отъ котораго его предупреждалъ еще Петрарка; но онъ умѣлъ, какъ говоритъ одинъ изъ учениковъ его, Леонардо Бруни, «точно одаренный божественной силой», вызывать въ своихъ слушателяхъ страсть къ изученію изящной словесности и возбуждать ихъ къ подражанію безсмертнымъ твореніямъ Цицерона.

Изъ многочисленныхъ учениковъ великаго учителя назовемъ только тѣхъ, которые особенно выдаются своими знаніями и литературными заслугами во Флоренціи—Карло Марзуппини, Поджіо Браччіолини и Леонардо Бруни, три литературныя знаменитости, выступающія впослѣдствіи въ званіи государственныхъ канцлеровъ; Гварино Веронскій и Витторино да-Фельтре, одинъ изъ болѣе извѣстныхъ странствующихъ учителей позднѣйшаго періода, и Франческо Барбаро, даровитѣйшій изъ его венеціанскихъ учениковъ.

При Бонифаціи IX въ Италіи появился византійскій ученый Эммануилъ Хризолорасъ въ сопровожденіи другаго ученаго, Димитрія Кидонія. Оба они прибыли отъ имени византійскаго императора съ цѣлію испро-

сить помощи у западныхъ народовъ противъ притѣсненій турокъ. Ихъ появленіе сильно взволновало умы во Флоренціи; всѣ взоры устремились на нихъ: теперь, казалось всѣмъ, удастся, наконецъ, при помощи образованныхъ грековъ овладѣть недоступными сокровищами эллинской литературы.

Два благородныхъ флорентійца, Джіакомо де-Скарпаріо и Робертъ де-Росси, увлеченные жаждой знанія, поспѣшили во Флоренцію. Но когда затѣмъ Хризолорасъ, потерпѣвъ неудачу въ исполненіи возложеннаго на него порученія, возвратился въ Константинополь, Джіакомо послѣдовалъ за нимъ, Росси же возвратился во Флоренцію, успѣвъ уже завязать сношенія съ Хризолорасомъ и познакомившись при помощи его, съ основами греческаго языка. Но хотя посольство Хризолораса оказалось въ политическомъ отношеніи безуспѣшно, такъ какъ итальянскіе государи и республики отнеслись къ дѣлу равнодушно, но тѣмъ блестящѣе былъ успѣхъ литературной миссіи, которую оба греческіе ученые приняли на себя не по порученію императора, а по собственному желанію. Хризолорасъ былъ долгое время единственнымъ истинно-ученымъ грекомъ, появившимся на Западѣ; притомъ онъ былъ въ состояніи дать своимъ ученикамъ грамматическую основу, истолковать имъ греческихъ классиковъ, а, главное, онъ могъ объясняться на латинскомъ языкѣ. Кромѣ того, онъ пользовался уже значительною степенью извѣстности. Гварино Веронскій, еще будучи юношей, провелъ пять лѣтъ въ Константинополѣ, чтобы изучить подъ его руководствомъ греческій языкъ. О распространеніи его славы заботился въ особенности Росси, который съумѣлъ возбудить въ лучшихъ изъ своихъ согражданъ сильное желаніе привлечь этого ученаго во Флоренцію. Наиболѣе ревностно взялся за это извѣстный флорентинскій писатель и канцлеръ Салутато; несмотря на свои 65 лѣтъ, онъ съ юношескимъ увлеченіемъ думалъ о возможности научиться теперь греческому языку и греческой философіи. Онъ вспомнилъ при этомъ о Катонѣ, который принялся за греческій языкъ и литературу въ еще болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ съ удовольствіемъ мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ добиваться отъ своего учителя разрѣшенія занимающихъ его вопросовъ, какъ будутъ смѣяться его сотоварищи при видѣ степеннаго государственнаго канцлера, съ трудомъ выговаривающаго греческія слова. Онъ просилъ своего друга Джіакомо де-Скарпаріо, который находился въ то время въ Константинополѣ, возвратиться оттуда не иначе, какъ нагруженному греческими книгами; онъ поручилъ ему купить всѣ историческія сочиненія, въ особенности Плутарха, всѣ поэтическія произведенія, особенно произведенія Гомера, четко написанныя на пергаментѣ, а также и словарей. Рядомъ съ Салутато, которому, впрочемъ, не пришлось уже воспользоваться уроками ожидаемаго учителя, особенно усердно хлопотали о призваніи Хризолораса во Флоренцію Палло-де-Строцци и Николо Николи.

Въ 1396 году послано было Хризолорасу оффиціальное приглашеніе. Ему назначили, какъ учителю греческаго языка, содержаніе въ 150 золотыхъ гульденовъ, которое было потомъ увеличено до 250 гульд.—И какихъ учениковъ видѣлъ Хризолорасъ ежедневно у своихъ ногъ? Почти всѣ они были прежде слушателями Джіованни Равеннскаго, а теперь подъ его руководствомъ принялись изучать греческій языкъ съ начальныхъ элементовъ. Здѣсь были Палло-де-Строцци и престарѣлый Робертъ де-Росси, какъ представители флорентинскаго дворянства; затѣмъ 18-ти-

лѣтній Поджіо, Леонардо Бруни и нѣкоторые другіе. Бруни передъ этимъ уже въ продолженіе четырехъ лѣтъ изучалъ гражданское право; но его уже давно привлекало также и изученіе греческой литературы и ея стилистики. Прибытіе ученыхъ грековъ возбудило въ немъ сильное колебаніе, побуждая его избрать ту или другую спеціальность. Но онъ разсудилъ такъ: «Теперь тебѣ можно бы было познакомиться съ Гомеромъ, Платономъ, Демосѳеномъ и со всѣми философами и ораторами, о которыхъ разсказываютъ такъ много удивительнаго. Упустишь ли ты этотъ случай? Въ продолженіе 700 лѣтъ никто въ Италіи не зналъ греческаго языка, и все-таки мы признаемъ, что греки положили начало наукѣ. Докторовъ по гражданскому праву достаточно,—этому ты всегда можешь научиться; но здѣсь есть теперь учитель греческаго языка,—онъ единственный у насъ». Окончательное рѣшеніе было принято: въ продолженіе двухъ лѣтъ слушалъ Бруни ученаго грека; то, что онъ выучивалъ въ продолженіе дня, бродило въ его головѣ, говоритъ онъ, и ночью, во время сна. Вотъ образчикъ того рвенія, съ которымъ предавались съ тѣхъ поръ изученію греческаго языка. Въ нѣсколько десятилѣтій дѣло дошло дотого, что даже на отличнаго латиниста смотрѣли, какъ на полуученаго, если онъ не зналъ греческаго языка. Хризолорасъ явился въ Римъ и открылъ здѣсь школу, какъ онъ это дѣлалъ во Флоренціи, Падуѣ, Миланѣ и Венеціи. Послѣ перерыва нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ на родинѣ, онъ снова явился въ Италію и отправился въ Констанцъ. Но здѣсь онъ умеръ въ апрѣлѣ 1415 года. Его слава и уваженіе къ нему современниковъ все болѣе обнаруживались и послѣ его смерти; его многочисленные ученики признавали всегда его достоинства, хотя новое поколѣніе и считало его ниже себя по отношенію къ изяществу стиля. Уже прошло 40 лѣтъ послѣ его смерти, когда его наиболѣе ревностному ученику Гварино, тогда уже 83-хъ-лѣтнему старцу, пришла въ голову мысль поставить литературный памятникъ «божественному, мудрѣйшему философу, своему любимому учителю», заслуга котораго въ дѣлѣ распространенія классической науки въ Италіи неоцѣнима. Онъ принялся собирать разсѣянныя письма Хризолораса въ одинъ томъ и обратился къ Поджію, единственному еще оставшемуся ученику «старой школы», съ просьбою содѣйствовать ему въ осуществленіи этой мысли. Даже во время Льва X, когда латинское образованіе стояло наравнѣ съ греческимъ, сохранились еще самыя живыя воспоминанія о первомъ достойномъ учителѣ греческаго языка. Послѣ такого блестящаго начала въ изученіи древне-классической литературы, какое мы видимъ въ результатахъ дѣятельности Хризолораса и другихъ первыхъ учителей, переходившихъ съ мѣста на мѣсто и возбуждавшихъ своимъ рвеніемъ страсть къ изученію классиковъ въ сотняхъ людей,—понятно, что ученики этихъ учителей, въ свою очередь, открывали школы, способствуя такимъ образомъ распространенію классицизма. Кромѣ того, и грековъ все болѣе и болѣе пріѣзжало въ Италію, а молодые итальянскіе гуманисты, отправлявшіеся доканчивать свое образованіе въ Константинополь, возвращались оттуда къ своимъ соотечественникамъ съ вновь пріобрѣтенными знаніями греческаго языка и съ новыми памятниками древней литературы.

Въ XV столѣтіи начинается такая кипучая дѣятельность въ литературномъ мірѣ, подобную которой въ наше время мы можемъ замѣ-

тить только въ мірѣ промышленномъ. Сигналъ, поданный Петраркою, находитъ сотни и тысячи отголосковъ. Повсюду начинаютъ разъискивать древнія рукописи, даже въ чужихъ краяхъ; ихъ сравниваютъ и исправляютъ, списываютъ и распространяютъ. Скромный ученый не работаетъ болѣе въ тиши уединенія, а тотчасъ же вступаетъ со своими открытіями и твореніями на публично-литературное поприще. Открываются каѳедры съ спеціальною цѣлью изученія древностей и классическихъ языковъ. Въ республикахъ и при дворахъ гуманисты играютъ важную роль и получаютъ здѣсь приличный окладъ жалованья. Они становятся прославленными героями вѣка. Они образуютъ тѣсно сплоченный, по своимъ внутреннимъ интересамъ, кружокъ, имѣющій, однако, множество развѣтвленій; они составляютъ какъ-бы ученую республику, доступъ къ которой открываютъ только талантъ и прилежаніе,—новое сословіе, свободное отъ всякаго кастоваго ограниченія, независимое и въ то же время высоко чтимое сильными міра сего. Всѣ помыслы и интересы этихъ людей были сосредоточены на древнемъ мірѣ: его литературныя произведенія, медали, статуи и камни собираются ими и почитаются какъ святыни; его дворцы, цирки, храмы и надгробные памятники получаютъ для нихъ значеніе какъ-бы живаго слова, живыхъ свидѣтелей прошлаго. Какъ только это одушевленіе возгорѣлось и сдѣланъ былъ первый приступъ, явилось прежде всего, какъ у Петрарки, желаніе спасти тѣ остатки древности, которые еще сохранились. Стали много думать и разсуждать о томъ, какъ бы счистить ту ржавчину, которую время наложило на памятники древности. Книги, хранившіяся въ монастыряхъ, даже внѣ Италіи, казались осужденными на погибель варварствомъ ихъ хранителей. Ихъ надо было или похитить, или переписать. Хотя опасенія и рвеніе ищущихъ отчасти и преувеличивали опасность, ими, въ общемъ, все-таки руководилъ вѣрный инстинктъ; опытъ, доказавшій, что многое изъ неоцѣненнѣйшихъ произведеній римской литературы пропало безвозвратно, научилъ ихъ, что нужно производить изысканія поспѣшно и осторожно. Боккачіо любилъ разсказывать о томъ, что случилось съ нимъ у бенедиктинцевъ въ Монте-Кассино. Желая осмотрѣть ихъ библіотеку, онъ обратился къ одному изъ монаховъ съ просьбою ее отпереть. Тотъ сухо указалъ ему на крутую лѣстницу: «иди наверхъ, она открыта», сказалъ онъ. И дѣйствительно, библіотека не была защищена ни замками, ни даже дверьми. Боккачіо съ жаромъ принимается за осмотръ рукописей, но, о ужасъ! видитъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ отрѣзаны края, у другихъ недостаетъ цѣлыхъ листовъ и, кромѣ того, всякія другія поврежденія. Плача съ досады, сходитъ онъ внизъ и спрашиваетъ перваго встрѣтившагося монаха, почему съ этими сокровищами обходятся такъ небрежно. Монахъ отвѣчаетъ, что нѣкоторые изъ его братій употребляли вырванный и вырѣзанный пергаментъ на молитвенники и псалтыри, которые они потомъ продавали за 2 или 3 солида женщинамъ и дѣтямъ. Если это могло произойти въ разсадникѣ просвѣщенія, какимъ считался этотъ монастырь, то чего же было ожидать отъ другихъ? Именно тѣ юноши и мужи, которые были слушателями Джіованни Равеннскаго и Хризолораса, продолжали дѣло розысканій съ неутомимымъ рвеніемъ и насладились торжествомъ счастливо достигнутаго результата. Литературныя сокровища, хранившіяся въ Италіи, были вскорѣ раскрыты. Розысканію этихъ сокровищъ въ другихъ странахъ содѣйствовалъ Констанцскій

соборъ, который такъ же, какъ и Базельскій, много способствовалъ соприкосновенію различныхъ націй. Нерѣдко легаты и нунціи римской куріи, представители духовнаго и монашескаго сословія, являлись, вмѣстѣ съ тѣмъ, піонерами литературы. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ кардиналы Бронда и Цезарини, были достаточно образованы для того, чтобы заниматься разыскиваніемъ древнихъ произведеній даже въ монастырскихъ библіотекахъ Германіи; другіе имѣли въ числѣ своихъ духовныхъ братьевъ секретарей-гуманистовъ. Во время Базельскаго собора легаты, какъ, напримѣръ, Цезарини и Альбергати, занимались, кромѣ церковныхъ и политическихъ дѣлъ, также и книжнымъ дѣломъ.

Въ этой дѣятельности особенную славу стяжалъ Поджіо Браччіолини. Онъ пріѣхалъ на Констанцскій соборъ въ качествѣ папскаго секретаря, но внутренно смѣялся, слушая, какъ ученые прелаты и доктора вдавались въ безконечные разсужденія и споры по поводу раскола или гуситской ереси. Ихъ рѣчи представлялись ему устарѣлыми и безсмысленными. Онъ предпочелъ совершенно отстраниться отъ нихъ и, поощряемый письмами своихъ флорентійскихъ и венеціанскихъ друзей, предался своей литературной миссіи, нисколько не заботясь ни о церковныхъ дѣлахъ, ни о своей апостольской должности. Покровительство нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ духовныхъ особъ и открыло ему доступъ въ библіотеки близлежащихъ монастырей. Суровая зима и занесенныя снѣгомъ дороги не остановили его. Первая поѣздка его была направлена въ бенедиктинскіе монастыри Рейхенау и Вейнгартенъ, откуда во время Констанцскаго собора было вывезено много прекрасныхъ рукописей, которыя были отданы во временное пользованіе ученыхъ отцовъ, но ужь не были ими возвращены. Но только въ Сен.-Галленѣ получилъ онъ блестящую награду за свои труды. Мрачными красками описываетъ онъ состояніе столь богатой библіотеки, до сихъ поръ еще пользующейся извѣстностью. Книги, говоритъ онъ, лежали въ темной комнатѣ башни, въ которую не посадили бы и преступника; онѣ были въ страшномъ безпорядкѣ, валялись въ мусорѣ, покрытыя толстымъ слоемъ пыли. Никто не заботился объ этихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ литературы, которые истлѣвали здѣсь въ темнотѣ. Поэтому Поджіо не иначе говоритъ о нѣмцахъ, какъ о варварахъ, и о монастырскихъ библіотекахъ ихъ, какъ о темницахъ. Съ этой точки зрѣнія, онъ считалъ своимъ долгомъ похитить нѣкоторыхъ изъ этихъ «благородныхъ заключенныхъ», гдѣ это было возможно, и возвратить ихъ отечеству по ту сторону Альпъ.

Важное значеніе его открытій оправдываетъ тотъ торжествующій тонъ, съ какимъ онъ возвѣщаетъ о нихъ. Сперва онъ нашелъ «Институціи Квинтиліана», хотя и не въ полномъ экземплярѣ. До того времени писатель этотъ былъ извѣстенъ въ самомъ неполномъ видѣ. Петрарка нашелъ въ 1350 г. во Флоренціи дурно составленный и искаженный экземпляръ рукописи, который хотя и давалъ понятіе о значеніи этого учителя римскаго краснорѣчія, но не давалъ возможности его изучить. И вдругъ во Флоренціи появляется изящно переписанный рукою Поджіо экземпляръ—работа, на которую Поджіо потратилъ 32 дня—и Бруни, по сличеніи его съ имѣвшеюся уже рукописью, находитъ возможнымъ возстановить цѣлое сочиненіе Квинтиліана, вполнѣ годное для чтенія и изученія его. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ произведеній,

которыхъ до тѣхъ поръ въ Италіи совсѣмъ не знали, и даже имена которыхъ пропали бы безслѣдно, если бы, по призыву Поджіо, они не воскресли изъ своихъ пыльныхъ и заплѣсневѣвшихъ гробовъ, чтобы снова вступить въ страну, языкъ которой они настолько совершенствовали и обогащали. Только теперь усердіе монаховъ IX ст. стало плодотворнымъ для міра. Изъ нѣмецкихъ и французскихъ монастырей снова появились на свѣтъ древніе поэты, какъ Лукрецій Каръ, въ поэтической формѣ поучающій «о природѣ вещей», хотя изъ его произведеній нашлись только отрывки. Сочиненія Витрувія объ архитектурѣ и Колумеллы о сельскомъ хозяйствѣ увеличили число древнихъ литературныхъ памятниковъ.

На исторію императорскаго періода пролитъ былъ отчасти свѣтъ Амміаномъ Марцеллиномъ, сочиненія котораго Поджіо нашелъ, правда, въ томъ же полномъ видѣ, въ какомъ мы и теперь ихъ имѣемъ. Николи тотчасъ же списалъ собственноручно эти книги такъ же, какъ и произведенія Лукреція и Колумеллы; его списки находятся еще и теперь въ Лаврентійской библіотекѣ. Въ монастырѣ Клюнюційскомъ въ Лангрѣ попала въ руки Поджіо рѣчь Цицерона, которой въ Италіи еще не имѣли, именно рѣчь за Цецину. Впослѣдствіи онъ нашелъ еще семь другихъ рѣчей Цицерона во время своихъ путешествій. Если вспомнить то почитаніе, которымъ пользовался Цицеронъ со временъ Петрарки, то тотъ энтузіазмъ, съ которымъ были приняты флорентійскимъ міромъ присланныя Поджіемъ рукописи и похищенные кодексы, будетъ вполнѣ понятенъ. Изъ собранія писемъ Амброджіо Траверсарія видно, съ какою ревностію предавались тамъ распространенію, перепискѣ и собиранію этихъ рукописей. Вскорѣ возникъ вопросъ о денежной поддержкѣ для путешествующихъ съ цѣлью литературныхъ изысканій, такъ какъ пріобрѣтеніе найденныхъ произведеній часто возможно было только при посредствѣ подкупа и обмана. Поджіо велъ однажды такимъ образомъ переговоры съ однимъ герсфельдскимъ монахомъ, находившимся въ безденежьи; послѣдній долженъ былъ похитить изъ своего монастыря и доставить въ Нюрнбергъ по одному экземпляру Амміана Марцеллина и Ливія и одинъ томъ рѣчей Цицерона. Позаботиться же о дальнѣйшей доставкѣ похищенныхъ сочиненій и вознаградить похитителя Поджіо бралъ ужь на себя. Когда нельзя было воспользоваться денежною помощію Козимо Медичи для литературныхъ предпріятій, а флорентійскіе друзья, сами по себѣ бѣдные, не въ состояніи были помочь, Поджіо имѣлъ возможность обратиться въ Венецію, къ содѣйствію двухъ богатыхъ меценатовъ—Леонарда Джустиніани и Франчески Барбаро. Послѣдній часто подстрекалъ Поджіо къ дальнѣйшимъ поискамъ и изслѣдованіямъ. «Ты, кажется, рожденъ для того, чтобы найти еще произведенія Цицерона о государствѣ, римскія древности—Варрона и Катона, исторію Рима Саллюстія и потерянныя декады Ливія». Подобнымъ же образомъ побуждалъ его и Леонардо Бруни: «Если твой трудъ и прилежаніе возвратятъ нашему вѣку уже потерянныя и осужденныя на погибель рукописи тѣхъ славныхъ мужей, то это, по истинѣ, доставитъ тебѣ славу. Камилла называли вторымъ основателемъ Рима, тебя же назовутъ вторымъ авторомъ найденныхъ сочиненій». Судьба привела Поджіо на нѣкоторое время въ Англію, но тамъ его поиски были безуспѣшны; съ тѣхъ поръ онъ уже не покидалъ болѣе Италіи. Съ радостью и гордостью смотрѣлъ онъ въ старости на авторовъ, «возвращенныхъ имъ латинскому міру».

Въ немъ навсегда сохранился къ этому дѣлу живѣйшій интересъ, хотя и пришлось испытать нѣсколько разочарованій. Однажды услышалъ онъ отъ своего португальскаго друга Веласкеса, что въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Алькабасѣ находятся различныя классическія произведенія, между прочимъ, «Аттическія ночи» Авла Геллія въ полномъ экземплярѣ. Тотчасъ же обратился онъ къ одному португальскому епископу съ просьбою тщательно заняться розысканіемъ и составить списокъ всѣхъ такъ называемыхъ «языческихъ книгъ». При этомъ онъ писалъ, что особенно желательно получить потерянныя сочиненія Цицерона и Ливія. Но прежде всего онъ просилъ его какъ можно точнѣе переписать сочиненія Ав. Геллія, не пропуская, какъ это обыкновенно дѣлалось, греческихъ цитатъ; въ благодарность за это онъ обѣщалъ епископу содѣйствовать распространенію его славы. Но епископъ, кажется, не заботился о такого рода славѣ. Въ другой разъ Поджіо былъ обнадеженъ однимъ нѣмецкимъ монахомъ изъ Трира тѣмъ, что потерянныя части исторіи Тацита могутъ быть исторгнуты изъ пыли и забвенія. Этотъ нѣмецъ говорилъ также съ большою увѣренностью о какомъ-то историческомъ произведеніи Плинія, въ которомъ разсказывалось о войнѣ римлянъ противъ германцевъ, и о сочиненіи Цицерона «О государствѣ». Но Поджіо обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Поэтому онъ и не хотѣлъ вѣрить въ существованіе произведеній Тацита и довольно равнодушно отнесся къ этому извѣстію. Но тѣмъ не менѣе извѣстіе было не безъ основанія: во время Льва X манускриптъ, содержавшій пять историческихъ книгъ, которыя считались невозвратно потерянными, былъ привезенъ изъ Германіи и помѣщенъ въ Лаврентійской библіотекѣ. Въ другой разъ Поджіо возъимѣлъ надежду, что недостающія декады Ливія могутъ быть найдены, и на этотъ разъ на дальнемъ сѣверѣ. При куріи папы Мартина V находился одинъ датчанинъ, который въ присутствіи Поджіо, кардинала Орсини и нѣкоторыхъ другихъ клялся, что онъ видѣлъ въ одномъ цистеріянскомъ монастырѣ въ Зеландіи два или три фоліанта, въ которыхъ, судя по надписи на одномъ изъ нихъ, содержатся всѣ 10 декадъ Ливія. Онъ увѣрялъ, что читалъ даже нѣкоторые отрывки изъ нихъ. Датчанинъ хотя и оказался легкомысленнымъ болтуномъ, но выдалъ себя за такого знатока, что можно было повѣрить его пониманію въ этомъ дѣлѣ, и не было никакого основанія видѣть въ этомъ открытую, безсовѣстную ложь. Кардиналъ Орсини хотѣлъ-было, по совѣту Поджіо, тотчасъ отправить посланнаго въ Зеландію для разъясненія этого дѣла; онъ обратился также къ содѣйствію Николи. Побуждаемый послѣднимъ, Козимо Медичи поручилъ своему агенту въ Любекѣ тотчасъ отправиться въ указанное мѣсто и разслѣдовать дѣло. Но означенныхъ книгъ въ монастырѣ не оказалось, хотя впослѣдствіи новый свидѣтель подтвердилъ показаніе датчанина. Потомъ указанъ былъ другой монастырь на сѣверѣ, и здѣсь, по настоянію Поджіо, произведено было розысканіе, но также напрасно.

Для насъ понятно, конечно, что послѣ нѣсколькихъ такихъ опытовъ высокіе покровители, поддерживавшіе эти изысканія, уже не такъ охотно выдавали деньги для этой цѣли; но все-таки мы находимъ естественнымъ, что Поджіо жалуется на князей и епископовъ, у которыхъ только деньги и пышная обстановка на умѣ, которые охотнѣе проводятъ дни въ войнахъ и пирахъ, чѣмъ въ заботахъ объ освобожденіи изъ темницъ

варваровъ (т. е. нѣмецкихъ монастырей) тѣхъ писателей, которыхъ мудрость и ученость ведутъ насъ къ истинному счастію и блаженной жизни. Ему казалось, что вся вселенная должна быть поражена радостнымъ удивленіемъ при его открытіяхъ; между тѣмъ, подобно людямъ, открывавшимъ землю, онъ постоянно наталкивался на холодность, мелочность, денежные разсчеты.

Выше мы назвали тѣ произведенія Цицерона, которыя въ продолженіе среднихъ вѣковъ никогда не приходили вполнѣ въ забвеніе. Этому содѣйствовалъ Петрарка, нашедшій письма и часть рѣчей его, сборникъ которыхъ значительно пополнилъ Поджіо. Какія перемѣны произошли подъ вліяніемъ этихъ писемъ и рѣчей въ литературѣ того времени, доказываютъ не только многочисленныя подражанія имъ, но и вообще цицеронизмъ, который, по прошествіи цѣлыхъ столѣтій, былъ еще лозунгомъ гуманистовъ и болѣе всего былъ примѣняемъ въ риторическомъ и эпистолярномъ стилѣ. Всякое новое произведеніе Цицерона, выведенное на свѣтъ какимъ бы то ни было случаемъ, было привѣтствуемо, какъ новое евангеліе. Леонардо Бруни былъ очень счастливъ, когда во время его пребыванія въ Пистойѣ былъ найденъ старый сборникъ писемъ Цицерона. Хотя онъ не содержалъ даже всѣхъ извѣстныхъ уже въ то время писемъ, но онъ былъ полезенъ для сравненія и исправленія ихъ текста. Потомъ случайно найденъ былъ однимъ епископомъ въ древнемъ соборномъ храмѣ въ Лоди очень древній сборникъ цицероновскихъ сочиненій, состоявшій изъ многихъ частей. Въ немъ заключалось, кромѣ двухъ уже ранѣе извѣстныхъ риторическихъ сочиненій, еще три полныхъ книги «Объ ораторѣ», «Брутъ» или «о знаменитыхъ ораторахъ» и «Ораторъ», произведеніе, посвященное Бруту. Между тѣмъ, до того времени извѣстны были только искаженные отрывки сочиненія «Объ ораторѣ», надъ которымъ Гаспарино упражнялся въ своемъ искусствѣ возстановлять и дополнять текстъ. Теперь же лодійскій сборникъ съ своею древнею рукописью оказался книгою о семи печатяхъ, предъ которою итальянскіе ученые останавливались въ безмолвномъ удивленіи, не смѣя приняться за нее до тѣхъ поръ, пока опытный дипломатъ Козьма Кремонскій не разобралъ книги «Объ ораторѣ» и затѣмъ во множествѣ копій распространилъ ее по Италіи, гдѣ ее повсюду принимали съ истиннымъ тріумфомъ.—Гаспарино имѣлъ честь получить первый списокъ. Молодой Флавій Біандо изъ Форли, пріѣхавшій по дѣламъ своего роднаго города въ Миланъ, съ необыкновеннымъ жаромъ и быстротой, какъ онъ самъ говоритъ, списалъ «Брута»; онъ послалъ его сперва Гварино Веронскому, потомъ въ Венецію Леонардо Джустиніани, и вскорѣ экземпляры этого произведенія разошлись по всей Италіи. Нельзя почти назвать преувеличеніемъ мнѣніе Біандо, что съ распространеніемъ означенныхъ сочиненій Цицерона, этого «источника питанія велерѣчія», начинается новая литературная эра. Великія открытія въ области римской литературы были завершены достойнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ, для этого столѣтія. То, что было еще найдено потомъ, является жалкими остатками. Теперь могли уже начаться усвоеніе, распространеніе и обработка собраннаго матеріала. Сверхъ того, возвратились еще тѣ итальянцы, которые отправились въ Византію, чтобы почерпнуть греческой мудрости изъ самаго ея источника и пріобрѣсти греческія рукописи. Они привезли богатыя сокровища. Правда, Гварино потерялъ на морѣ часть

своихъ греческихъ сборниковъ. Впослѣдствіи разсказывали, что его волоса посѣдѣли отъ этого горя. Ауриспа же привезъ, возвращаясь изъ Византіи въ 1423 г., коллекцію изъ 238 греческихъ рукописей, заключавшихъ только языческихъ авторовъ, такъ какъ о нихъ греки не заботились, тогда какъ на похищеніе священныхъ книгъ они жаловались императору. Между языческими книгами были, напримѣръ, произведенія Платона, Ксенофонта, Арріана, Діона Кассія, Діодора, Страбона и Лукіана. Также и Франческо Филельфо, возвращаясь въ 1427 г. въ Венецію, привезъ нѣсколько ящиковъ книгъ. Правда, знаніе греческаго языка, необходимое для чтенія такихъ книгъ, было достояніемъ только немногихъ счастливцевъ; но переводы сдѣлали вскорѣ доступнымъ новый матеріалъ и для латинскаго міра, и все яснѣе и лучезарнѣе выступалъ древній міръ изъ покрывавшаго его прежде мрака.

Подобно древнимъ сочиненіямъ, развалины, статуи, надписи, медали и монеты древняго времени также снова получили теперь значеніе. Недвижимые памятники древности стояли отнынѣ, какъ неприкосновенная святыня, подъ охраною національнаго чувства; движимыя же сокровища древности были мало по малу собраны въ кабинетахъ и галлереяхъ. И здѣсь также ревностное стремленіе къ сохраненію и собиранію уцѣлѣвшаго отъ древности предшествовало пониманію его, и какъ Поджіо явился какъ-бы духомъ, роющимся по пыльнымъ монастырскимъ библіотекамъ, такъ и древніе памятники имѣли своего удивительнаго изслѣдователя, странствующаго изъ страны въ страну для открытій, въ лицѣ гражданина Анконы Чиріако де-Пицциколли. Въ этомъ ученомъ туристѣ явились какъ-бы олицетворенными и безпокойная жажда знаній, и неутомимое разъискиваніе и изслѣдованіе, и торжество при нахожденіи, и тщеславіе, и легкомысліе, и хвастливость, словомъ все, что придало литературной дѣятельности этого періода и блескъ молодости, и недостатки ея. Вообразите себѣ гуманиста того времени, читающаго и пишущаго, при слабо-свѣтящейся лампѣ, съ возрастающимъ удовольствіемъ листъ за листомъ, книгу за книгой, торопливо переходящаго отъ одного драгоцѣннаго пріобрѣтенія къ другому; представьте себѣ, какъ его фантазія, словно въ чудномъ снѣ, переносится на эллинскій востокъ и далѣе по всему театру античной жизни—и вы представите себѣ живо то, что именно побуждало нашего анконійца, вѣчно готоваго въ путь, переходить отъ одного освященнаго исторической жизнію мѣста къ другому. Всякое мѣсто, гдѣ только можно было отъискать, или хотя бы только предполагать слѣды древности, было для него святой землей. О, еслибъ это былъ человѣкъ съ яснымъ умомъ и основательной эрудиціей! А то въ латинскомъ и греческомъ языкахъ онъ былъ самоучкой, и хотя свѣдѣнія его были довольно обширны, но они были такъ же перемѣшаны и запутаны, какъ и его жизнь. Сначала онъ, какъ кажется, странствовалъ въ качествѣ купца и авантюриста, потомъ въ качествѣ ученаго собирателя. Какъ путешественикъ по профессіи, находившійся при этомъ въ различныхъ сношеніяхъ съ венеціанскими и генуэзскими купцами, онъ умѣлъ всюду проложить себѣ дорогу. Три или четыре раза былъ онъ въ Греціи, и гдѣ только не перебывалъ онъ: и въ Византіи, и въ Мореѣ, и на Родосѣ, и на Критѣ, и на Кипрѣ, и на островахъ Архипелага. Онъ доходилъ до Бейрута и Дамаска и дважды посѣтилъ египетскую Александрію. Но мысли его устремлены были къ стовратнымъ Ѳивамъ,

къ Персіи и Индіи; затѣмъ является у него новый планъ добраться до Эѳіопіи, до оракула Аммонскаго и даже до Атласскихъ горъ. Все землевѣдѣніе древнихъ и новыхъ временъ носилось передъ нимъ мысленно, словно во снѣ. Даже по возвращеніи его въ Италію, мы видимъ его объѣзжающимъ ее вдоль и поперегъ: то онъ во Флоренціи, въ Феррарѣ, въ Миланѣ, то онъ опять мигомъ въ Неаполѣ, или въ Палермо.

Такой же неугомонной и разбросанной была и его дѣятельность. На Кипрѣ пріобрѣлъ онъ поэмы Гомера и трагедіи Эврипида. Въ Италіи посѣщалъ онъ дворы ученыхъ и занимался литераторствомъ. Во всякомъ городѣ, монастырѣ, селѣ разыскивалъ онъ древнія постройки, развалины, статуи и рельефы. Особенною его страстью было, между прочимъ, собираніе медалей и монетъ и списываніе надписей. Но, кромѣ того, онъ собиралъ также и безчисленное множество другихъ антикварныхъ предметовъ и рѣдкостей.

XXIX. КОЗИМО И ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ.

(Изъ соч. Осокина: «Савонарола и Флоренція»).

Съ именемъ Козимо и его внука Лаврентія Великолѣпнаго тѣсно соединяется представленіе объ одной изъ тѣхъ эпохъ, которыя рѣдко повторяются въ исторіи. Но, при всемъ своемъ величіи, эпоха возрожденія замѣчательна не столько сама по себѣ: литература ея не оставила безсмертныхъ произведеній; человѣческій умъ не сдѣлалъ какихъ либо гигантскихъ успѣховъ въ области знанія. Пятнадцатый вѣкъ замѣчателенъ болѣе, какъ фундаментъ нашего современнаго развитія, какъ сильный толчокъ, давшій такое блестящее направленіе Европѣ. Вспомнимъ, что при жизни Козимо, въ 1455 году, была напечатана первая книга, это—латинская библія, называемая нынѣ мазариновскою. Германскіе работники зашли и въ Италію. Въ октябрѣ 1465 года появилось въ типографіи субіакскаго монастыря изданіе Лактанція; говорятъ, что при немъ была приложена краткая Донатова грамматика. Этотъ первый трудъ итальянскихъ типографщиковъ теперь уже не существуетъ. Въ 1466 г. явилось Цицероново «de officiis» въ той же типографіи; въ 1467 г. «de oratore» Цицерона и «de civitate Dei» св. Августина. Въ тотъ же годъ типографія была перенесена въ Римъ; станки росли быстро. Появилась книга въ Венеціи, а тамъ и въ другихъ городахъ. Въ 1470 г. книгопечатаніе окончательно утвердилось въ Италіи. Въ теченіе періода времени отъ 1470—1500 года въ одной Италіи напечатано по крайней мѣрѣ 5,400 сочиненій; изъ нихъ въ первое десятилѣтіе (1470—1480 г.) около 1,300, слѣдовательно, въ два послѣдующіе десятка лѣтъ книгопечатаніе возрастаетъ въ значительно увеличивающейся прогрессіи. Во всей Европѣ до 1500 г. насчитываютъ болѣе десяти тысячъ изданій, книгъ и брошюрокъ; слѣдовательно, какъ видимъ, Италіи принадлежитъ половина. Цифры очень краснорѣчиво рисуютъ великое значеніе Италіи въ исторіи науки и литературы.

Козимо, отчасти изъ государственныхъ причинъ, но болѣе всего по своей личной склонности къ наукамъ и искусствамъ, покровительствовалъ всѣмъ, кто только ознаменовалъ себя чѣмъ либо въ области изящ-

наго или знанія. Подъ его постояннымъ чисто-отеческимъ попеченіемъ выросли всѣ знаменитости эпохи. «Вообще всѣ Медичи, говоритъ историкъ возрожденія (Фойгтъ), любили покровительствовать наукамъ и искусствамъ, но никто, даже самъ Лаврентій Великолѣпный, не возвышался до такихъ высокихъ и благородныхъ понятій, какъ Козимо. Трудолюбивые критики, которые списывали и разбирали рѣдкія рукописи, стихотворцы, создававшіе съ геніальною легкостью гексаметры, учители древнихъ языковъ, переводчики съ греческаго, глубокоученые богословы и философы, художники, сооружавшіе храмы, дворцы, виллы, мосты или украшавшіе городъ статуями и картинами, — всѣ они примыкали къ Козимо, какъ звенья къ цѣпи. Ихъ произведенія обогащали городъ, прославляли государство. Таланты высоко стояли надъ толпою; имъ всегда оказывали уваженіе; они были обременены наградами, но едва ли они сознавали, кого имъ слѣдуетъ благодарить — Козимо ли «отца отечества», или Козимо «частнаго человѣка».

Вообще изъ всѣхъ городовъ Италіи къ Флоренціи лучше всего идетъ эпитетъ «республика музъ». Чѣмъ былъ Римъ для церкви, Венеція для торговли, тѣмъ Флоренція для литературной и художественной жизни. Рядомъ съ этимъ умственнымъ могуществомъ шло и политическое значеніе. Роль Рима взяла теперь на себя Флоренція и, опираясь на свою силу, съ достоинствомъ поддерживала равновѣсіе между сѣверными и южными государствами Италіи. Къ чести флорентійскихъ гражданъ надо сказать, что они всѣ наперерывъ старались отличиться покровительствомъ литературѣ и искусству,— конечно, это относится къ вельможамъ и денежной аристократіи,—но Медичи являлись лучшими представителями этого благороднаго стремленія. Они совершенно отдавались всѣми своими роскошными средствами, всѣми своими массивными капиталами художникамъ и ученымъ того времени. Огромныя богатства служили главною поддержкою такого возвышеннаго направленія Медичи, пользовавшагося безпредѣльною любовью черни и средняго сословія. Народъ привыкъ считать представителей этого рода людьми умными и честными; онъ вѣрилъ имъ, вѣрилъ ихъ правительственнымъ способностямъ.

Но, при всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ, Медичи не были чужды честолюбія. Напрасно упоминать о томъ, что задушевная цѣль ихъ была— сдѣлаться полными властелинами Флоренціи. Мы не будемъ считать первыхъ Медичи героями чести, но вмѣстѣ съ тѣмъ не будемъ говорить про нихъ, какъ про деспотовъ. Они оставили флорентійцамъ бо́льшую часть ихъ личныхъ правъ, а на себя взяли лишь веденіе ихъ внѣшнихъ дѣлъ и отчасти внутреннихъ, служащихъ къ огражденію народной свободы. Прибавимъ, что и такая власть была только въ періодъ полнаго господства купцовъ-Медичи, около времени Лаврентія Великолѣпнаго; прежде имъ принадлежало денежное вліяніе на разныя факціи государства. Слѣдовательно, деспотами они никогда не заявляли себя. Управлять 70 лѣтъ свободнымъ народомъ, возвеличить его извнѣ, не загубивъ его жизненные соки, не заставляя его сожалѣть о потерѣ своихъ вольныхъ правъ,— огромная государственная заслуга. Что касается лично до Козьмы, то его богатства, нравственныя качества, важныя заслуги, оказанныя родинѣ, были вѣрнымъ залогомъ постоянной любви согражданъ. По однимъ его вилламъ въ Кареджи и въ Кафаджіоло можно было судить о его богатствѣ. Онъ имѣлъ на арендѣ всѣ рудники итальянскіе

и за одни романскіе платилъ сто тысячъ флориновъ ежегодно. Черезъ Александрію онъ велъ торговлю съ Индіею; его банки были во всѣхъ сколько нибудь важныхъ городахъ. Король англійскій, герцогъ бургундскій брали у него значительныя суммы. До насъ дошелъ списокъ цѣнныхъ вещей Козимо, относящійся къ 1464 г. Въ немъ оказывается множество медалей, колецъ, камеевъ, печатей и пр., цѣною слишкомъ на 2,600 золотыхъ флориновъ; драгоцѣнныя вазы и иныя вещи высокой цѣнности на 8,000 слишкомъ флориновъ; однѣхъ галантерейныхъ вещей было почти на 18,000 флориновъ. Здѣсь не считается еще огромное количество серебряной посуды. Не удивительно, что такія баснословныя для того времени средства позволили Медичи издержать менѣе, чѣмъ въ 40 лѣтъ (1431—1471), до 665 тысячъ флориновъ.

Путешествія Козимо по большей части европейскихъ государствъ доставили ему возможность изучить правителей и народы; личныя знакомства, черезъ вліятельнаго отца, съ монархами европейскими еще въ молодости открыли ему всѣ пружины политической жизни тогдашней Европы. Между тѣмъ, напрасно посланники и государственные люди думали проникнуть въ его тайны: онъ былъ недоступенъ для нихъ, всегда сводилъ рѣчь на модный разговоръ о древнихъ новооткрытыхъ рукописяхъ, объ итальянскомъ искусствѣ. Онъ самъ высказывался лишь въ своихъ поступкахъ, которые предпринималъ, лишь строго обдумавши ихъ результаты. Замѣчательна изворотливость ума его. Для примѣра приведемъ находчивость его при заключеніи мира съ королемъ неаполитанскимъ Альфонсомъ. Извѣстно, что рукопись Тита Ливія, присланная Козимо Альфонсу, прекратила ихъ продолжительную вражду. Король, страстный любитель древностей, съ жадностью бросился разбирать ветхія страницы оригинальнаго подарка. Онъ пришелъ въ восторгъ и нисколько не думалъ обращать вниманіе на предостереженіе своего врача, что листы могутъ быть отравлены его врагомъ. Альфонсъ не зналъ, какъ благодарить правителя флорентійской республики. Между Неаполемъ и Флоренціею, благодаря Титу Ливію, былъ немедленно заключенъ мирный договоръ.

Макіавелли въ слѣдующихъ выраженіяхъ очертилъ характеръ дѣятельности Козимо, одного изъ лучшихъ Медичи: «Козимо, говоритъ историкъ, не только поддержалъ доброе имя и богатства своего отца, но даже превзошелъ его. Онъ еще съ большею ревностью и съ большею свободою управлялъ государствомъ. Это былъ благороднѣйшій человѣкъ, пріятный и любезный въ обращеніи, либеральный, гуманный. Онъ заботился не объ однѣхъ партіяхъ, но старался снискать расположеніе всѣхъ гражданъ порознь. Щедростью онъ привлекъ на свою сторону множество флорентійцевъ. Короче сказать, замѣчаетъ Макіавелли, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ никогда не бывало не только во Флоренціи, но даже ни въ какомъ другомъ городѣ».

Лѣта и болѣзнь низвели Козимо въ могилу. 1 августа 1464 года не стало Козимо. Онъ умеръ 75 лѣтъ въ своей виллѣ Кареджи. Добрую и рѣдкую память онъ оставилъ по себѣ; въ теченіе тридцати лѣтъ онъ былъ главою, но не тиранномъ республики. Знаменитая въ философскомъ развитіи эпохи платоническая академія; библіотека, купленная этимъ правителемъ и значительно увеличенная; S. Marco, S. Lorenzo —храмы флорентійскіе; часовни работы Брунеллески и Микелоццо — остались

вѣчными памятниками «отца отечества», какъ въ приливѣ искренней благодарности называлъ его народъ флорентійскій. Рѣдко кто изъ правителей былъ болѣе достоинъ такого не громкаго, но многозначительнаго эпитета; рѣдко кто заслужилъ его такъ полно, такъ безупречно; рѣдко кто отдавался такъ всецѣлостно, всею силою души своей, пользѣ и благу отчизны.

Еще болѣе ревностнымъ покровителемъ возрождающихся литературы и искусства былъ внукъ Козимо Медичи, Лоренцо Медичи, по прозванію Великолѣпный, отличавшійся многосторонностію своего ума и образованія и утонченностію эстетическаго вкуса. Онъ никогда не упускалъ случая обогатить Флоренцію рѣдкими рукописями или предметами древняго искусства. Такъ, еще въ молодости, вскорѣ послѣ смерти отца, отправленный посломъ въ Римъ для присутствованія при короновании Сикста IV, Лоренцо бо̀льшую часть времени посвящаетъ музеямъ и рукописямъ. По возвращеніи во Флоренцію онъ привезъ съ собою двѣ мраморныхъ головы Агриппы и Августа—лучшія созданія римскаго искусства. Въ то же время онъ обогатилъ Флоренцію множествомъ медалей, камеевъ и прочихъ рѣдкихъ и дорогихъ вещей. При такомъ, по справедливости, «великолѣпномъ» правителѣ, ученые и художники въ большомъ числѣ стекались въ столицу Тосканы, гдѣ жили во дворцѣ Лаврентія, окруженные почетомъ и довольствомъ. Его приближенные, его застольные друзья состояли именно изъ такихъ людей. Они-то украсили Флоренцію изящными общественными зданіями и лучшими произведеніями живописи. Писатели обогатили вѣкъ Лаврентія прекрасными литературными произведеніями, какъ (важное для характеристики возрожденія) «Morgante maggiore» Пульчи; поэмы Полиціано, безчисленныя «rime» и «canzone» другихъ поэтовъ развивали итальянскій языкъ и изгоняли латинскій изъ употребленія. Онъ самъ въ подражаніе своему кружку писалъ красивые и изящные стихи и, кромѣ того, оставилъ записки, важныя для его біографіи и характеристики окружавшихъ его.

Изученіе древнихъ также весьма занимало Лаврентія; но въ классикахъ онъ искалъ чего-то болѣе возвышеннаго, нежели скучныхъ, хотя необходимыхъ изслѣдованій критики. Бо̀льшую часть времени онъ проводилъ въ своей виллѣ Кареджи, расположенной на скатѣ высокаго холма, на вершинѣ котораго чернѣлись развалины древней Фіезоле. Здѣсь, въ роскошныхъ садахъ, окруженный философами и писателями, Лоренцо диспутировалъ о Платонѣ и Аристотелѣ; конечно, весь кружокъ флорентійскихъ мыслителей стоялъ за обожаемаго ими Платона, въ честь котораго совершались праздники въ засѣданіяхъ академіи. Изъ густой зелени парковъ Кареджи красивый видъ раскидывается съ той и другой стороны. Внизу лежала Флоренція съ своими церквами, дворцами, колокольнями. Огромный куполъ каѳедральнаго собора, геніальное произведеніе Брунеллески, горделиво высился подъ ярко-голубымъ небомъ. А съ другой стороны тянулись необозримыя равнины, покрытыя роскошными садами, уходившія въ даль за горизонтъ. Тамъ желтыя струи Арно бѣжали къ своему устью.

И современники, и потомки имѣютъ полное основаніе считать Лаврентія украшеніемъ рода Медичи, и титулъ «Великолѣпнаго», которымъ они наградили его за блескъ и величіе его правленія, есть только, по выраженію одного изъ итальянскихъ историковъ, слабая дань похвалы,

которую вполнѣ заслужилъ Лаврентій. Все повиновалось ему въ городѣ. Аристократія потерпѣла полное фіаско въ борьбѣ съ Медичи. Среднее сословіе и простой народъ считали его лучшимъ своимъ другомъ, хотя невольно подчинялись ему, понимая его превосходство передъ прочими претендентами и видя постоянно возраставшую силу и могущество Флоренціи.

XXX. МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО БОНАРОТТИ, ЗОДЧІЙ, ВАЯТЕЛЬ И ЖИВОПИСЕЦЪ.

(Изъ статьи проф. Прахова: «Микель-Анджело Бонаротти и т. д.», Вѣстн. Европы 1875 г.).

Колоссальное откровеніе силы и фантазіи въ творчествѣ Бонаротти было кульминаціонною точкою въ развитіи флорентійскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего итальянскаго и, даже больше, всего европейскаго искусства въ эпоху возрожденія.

Въ области искусства первыми плодами возрожденія, въ смыслѣ обращенія къ высшимъ интересамъ при помощи образованности древняго міра, было появленіе четырехъ художниковъ: Гиберти, Брунеллески, Массачіо и Донателло. Гиберти, при помощи изученія антиковъ, дошелъ до значительнаго совершенства въ ваяніи и оставилъ по себѣ вѣчную память, создавъ врата для флорентійской церкви San-Giovanni; по словамъ Микель-Анджело, они были бы достойны служить преддверіемъ рая. Брунеллески старался воспользоваться тѣмъ же античнымъ искусствомъ для зодчества. Основательно изучивъ римскія руины и, между прочимъ, Пантеонъ, онъ первый постигъ античный способъ выводить своды и приложилъ свои свѣдѣнія при построеніи St. Maria del Fiory, которую онъ закончилъ первымъ куполомъ по античному образцу. Но всѣ эти три художника: и Гиберти, и Брунеллески, и Массачіо, посвятившій себя, главнымъ образомъ, живописи, трудились надъ достиженіемъ одного техническаго мастерства. Не техническое мастерство было задачею четвертаго члена этой художественной плеяды—Донателло, но выраженіе волновавшихъ его идей. Поэтому всѣ его работы носятъ на себѣ отпечатокъ неоконченности, но и необыкновенной живости. Онъ первый старался со всею энергіею схватить и передать дѣйствительность. Всѣ четверо, въ особенности Донателло, стояли въ тѣснѣйшей связи съ фамиліей Медичи. Донателло жилъ уже въ то время, когда запасъ художественныхъ произведеній древности возросъ до значительныхъ размѣровъ. Онъ навелъ Козимо Медичи на мысль сдѣлать собраніе такихъ произведеній и выставить ихъ публично. Такъ произошли знаменитые сады St. Marco, въ которыхъ получилъ свое образованіе Микель-Анджело.

Такимъ образомъ, ко времени выступленія на художественное поприще Бонаротти все уже было подготовлено какъ-бы систематически: Гиберти, Брунеллески и Массачіо выработали технику всѣхъ трехъ искусствъ, въ которыхъ ему предстояло создать все величайшее; Донателло первый вышелъ изъ цеховаго искусства, крѣпко связавъ его характеръ со свойствами и судьбами личности, и, наконецъ, изученіе древности, на которое прежніе художники были наводимы случаемъ и личнымъ инстинктомъ, стало теперь легко доступною и необходимою школою. Такова была ху-

дожественная обстановка, въ которую суждено было попасть Микель-Анджело.

Родъ Бонаротти Симони принадлежалъ къ числу самыхъ знатныхъ во Флоренціи; чрезъ своего предка Симона Каноссу онъ стоялъ въ родствѣ съ императорскою фамиліею. Но и въ самой Флоренціи многіе изъ предковъ Микель-Анджело занимали высшія государственныя должности. Отецъ его Лодовико былъ назначенъ подестою въ Кьюзи, куда и отправился вмѣстѣ со своею 19-ти-лѣтнею женою, которая была беременна, что, впрочемъ, не помѣшало ей сопровождать мужа верхомъ. На дорогѣ она была сброшена съ лошади, но, несмотря на все это, благополучно разрѣшилась (6 марта 1475 г.) сыномъ, которому дали имя Микель-Анджело. На слѣдующій годъ семейство вернулось уже во Флоренцію; Микель-Анджело былъ оставленъ въ одномъ небольшомъ мѣстечкѣ, не доѣзжая Флоренціи, на вскормленіе женѣ каменотеса, чѣмъ онъ впослѣдствіи, шутя, объяснялъ свое пристрастіе къ ваянію. Затѣмъ онъ отданъ былъ учиться грамматикѣ къ Франческо де-Урбино; несмотря ни на увѣщанія, ни даже на побои, дѣло съ грамматикой не шло далеко, и родители принуждены были согласиться отдать его въ мастерскую извѣстнаго тогда художника Гирландайо; съ нимъ онъ познакомился чрезъ своего сверстника и пріятеля Граначчіо. Попавъ къ Гирландайо, Микель-Анджело тотчасъ же очутился среди большой художественной работы, такъ какъ его патронъ расписывалъ въ это время капеллу въ одной изъ флорентійскихъ церквей. Небольшой набросокъ, сдѣланный новичкомъ и представлявшій лѣса съ работающими художниками, заставилъ учителя замѣтить: «малый больше смыслитъ, чѣмъ я самъ». Удивленіе перешло, впрочемъ, скоро въ зависть. Первою картиною Микель-Анджело была увеличенная копія масляными красками съ гравюры, представлявшей искушеніе св. Антонія; эту копію Гирландайо потомъ приписывалъ себѣ. Натянутыя отношенія были прерваны раньше трехъ лѣтъ, назначенныхъ по контракту, такъ какъ поддѣлка одного рисунка Гирландайо, которую самъ онъ не съумѣлъ отличить отъ своихъ оригиналовъ, показали, что ученикъ переросъ учителя. Чрезъ того же пріятеля Граначчіо Микель-Анджело попадаетъ въ сады St. Marco и становится извѣстенъ Лоренцо деи-Медичи, который въ это время стоялъ во главѣ своей фамиліи и правленія. Здѣсь онъ прежде всего свелъ дружбу съ каменотесами и, получивъ отъ нихъ кусокъ мрамора, сдѣлалъ первый опытъ въ ваяніи, вырубивъ маску стараго фавна, которому, по совѣту Лоренцо-Медичи, выбилъ для вящшей характеристики одинъ зубъ. Эта попытка заставила обратить на него вниманіе; Лоренцо-Медичи призвалъ стараго Лодовико и съ его согласія взялъ юношу къ себѣ во дворецъ, гдѣ обращался съ нимъ, какъ съ своимъ сыномъ, часто призывалъ его къ себѣ и пересматривалъ съ нимъ дорогія собранія камеевъ, монетъ и т. п., и слушалъ его сужденія. Ученый Полиціано вводилъ его въ то же время въ знаніе древности и однажды посовѣтовалъ ему изобразить въ рельефѣ борьбу Иракла съ кентаврами. Эта работа привела всѣхъ въ изумленіе. Художникъ Бертольдо, которому Лоренцо поручилъ надзоръ за молодежью, посѣщавшею его сады, знакомилъ его съ работами Донателло, обучалъ литейному искусству и вмѣстѣ съ другими заставлялъ рисовать съ Массачіо.

Такимъ образомъ, самые важные годы для развитія таланта Микель-

Анджело провелъ въ счастливѣйшей обстановкѣ; но скоро должны были наступить и бури, которыя оставили въ его характерѣ еще болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ эти ясные дни.

Власть Медичи, принужденныхъ, въ концѣ концовъ, пользоваться для своихъ цѣлей государственною казною, готова была перейти въ тираннію. Не было только силы, на которую могли бы опереться ихъ враги, Строцци, Содерини и другія знатныя фамиліи, такъ какъ народъ былъ совершенно закупленъ щедростью и либеральной политикой Медичи. Но эта сила вскорѣ была привлечена во Флоренцію самимъ Лоренцо. Извѣстный полигисторъ, Пико да-Мирандуло, обратилъ его вниманіе на замѣчательный талантъ молодаго проповѣдника Джироламо Савонаролы, который по настоянію Лоренцо, желавшаго имѣть вокругъ себя весь цвѣтъ итальянской образованности, былъ приглашенъ во Флоренцію и сдѣланъ пріоромъ монастыря св. Марка. Съ первыхъ же шаговъ новый пріоръ заявилъ свою независимость: не сдѣлалъ обычнаго посѣщенія Медичи, всѣ подарки отъ нихъ роздалъ бѣднымъ, возстановилъ древнее правило ордена, запрещавшее владѣть имуществомъ, и сталъ гремѣть противъ узурпаторовъ и всеобщаго разврата. Смыслъ его проповѣдей былъ тотъ, что настало время наказанія за господствующее язычество, но за этимъ наказаніемъ послѣдуетъ лучшее время для Италіи. Лоренцо, черезъ своихъ друзей, дѣлалъ увѣщанія новому пріору, но тотъ въ отвѣтъ ему пророчилъ скорое удаленіе изъ Флоренціи. И дѣйствительно, въ пасху 1492 года Лоренцо заболѣлъ и умеръ на 44 году жизни въ окрестностяхъ Флоренціи, въ Кареджи.

Огорченіе Микель-Анджело было такъ велико, что, вернувшись въ домъ отца, онъ долго не могъ приняться ни за какую работу. Вся Италія почувствовала смерть Лоренцо, какъ горькую утрату: съ нимъ вмѣстѣ исчезъ мудрый политикъ, который, по современному выраженію, былъ плотиною, сдерживавшею столкновеніе двухъ бушующихъ морей, а именно Ломбардіи и Неаполя.

Наслѣдникъ Лоренцо, Пьетро деи-Медичи, по выраженію отца «дуракъ», былъ пустой честолюбецъ, не скрывавшій своихъ поползновеній сдѣлаться герцогомъ Флоренціи. Онъ и о Микель-Анджело вспомнилъ, когда во Флоренціи выпало необыкновенно много снѣгу; снѣжная статуя, сдѣланная Микель-Анджело, такъ понравилась Пьетро, что молодой скульпторъ опять былъ возвращенъ въ свое прежнее помѣщеніе во дворцѣ и вошелъ во всѣ свои прежнія права. Пьетро даже гордился присутствіемъ Микель-Анджело; но онъ столько же гордился и своимъ скороходомъ, котораго онъ не могъ обогнать на лошади. Въ это время Микель-Анджело удалось сдѣлать статую Иракла и Распятіе для монастыря St. Spirito. Послѣдняя работа была особенно важна, такъ какъ при исполненіи ея настоятель монастыря предоставилъ въ распоряженіе Микель-Анджело трупъ, на которомъ онъ впервые ознакомился съ анатоміей,— занятіе, которому онъ впослѣдствіи предавался съ увлеченіемъ.

Между тѣмъ Пьетро позволилъ вовлечь себя въ борьбу, загорѣвшуюся между Миланомъ и Неаполемъ, сталъ на сторонѣ послѣдняго и такимъ образомъ навлекъ на Тоскану вторженіе французовъ подъ предводительствомъ Карла VIII. Еще до этого вторженія извѣстіе о пораженіи союзныхъ войскъ при Рапалло, вѣсти о томъ, что Карлъ двигается

на Романью, дурныя предзнаменованія и предостерегающія сновидѣнія, являвшіяся одному изъ самыхъ близкихъ лицъ къ семейству Медичи,— все это навело такую панику на флорентійцевъ и въ томъ числѣ на Микель-Анджело, что послѣдній бѣжалъ съ двумя друзьями въ Венецію. Недостатокъ въ средствахъ заставилъ ихъ, впрочемъ, скоро пуститься въ обратный путь. Въ Болоньи ихъ арестовали за несоблюденіе правилъ о входѣ въ городъ, и имъ грозила тюрьма; но счастливый случай свелъ Микель-Анджело съ богатымъ гражданиномъ Альдобранди, который освободилъ его и пригласилъ къ себѣ въ домъ въ качествѣ чтеца и скульптора.

Въ это же время прибылъ въ Болонью и Пьетро Медичи съ своимъ братомъ, изгнанные изъ Флоренціи Савонаролою. Въ Болоньѣ, гдѣ туземные тиранны встрѣтили братьевъ упреками, оставаться было не безопасно, и потому они бѣжали далѣе, въ Венецію, а Микель-Анджело, преслѣдуемый завистью и интригами мѣстныхъ художниковъ, также принужденъ былъ удалиться и возвратился въ отечественный городъ.

Флоренція измѣнилась въ этотъ короткій срокъ. Власть Медичи была вырвана съ корнемъ; дворецъ пустъ, сады св. Марка ограблены, и сокровища искусства проданы съ аукціона. Художники частью разбѣжались, а тѣ, кто оставался, подъ вліяніемъ проповѣдей Савонаролы, мучились угрызеніемъ совѣсти, считая свои художественныя произведенія за наущеніе діавола. Государство строго слѣдило за нравственностью въ нѣдрахъ самихъ семействъ; женщинамъ запрещено было наряжаться. Отъ внѣшней опасности, въ видѣ возвращенія Пьетро подъ прикрытіемъ французскихъ войскъ, откупились 120,000 золотыхъ дукатовъ и титуломъ «возстановителя и защитника флорентійской свободы», которые республика поднесла Карлу VIII. Савонарола внутри боролся противъ партіи Медичи и третьей, средней, носившей названіе аррабіатовъ, и громилъ Римъ въ своихъ проповѣдяхъ. Папа отвѣчалъ ему запрещеніями и грозилъ экскомуникацией.

Время было мрачное. Микель-Анджело нашелъ себѣ, однако, поддержку въ одномъ изъ оставшихся во Флоренціи членовъ фамиліи Медичи, Лоренцо, принявшемъ въ угоду народу прозвище Medici-popolani. Для него дѣлалъ въ это время Микель-Анджело отрока Іоанна Крестителя. Въ то же время, по собственному замыслу, онъ изваялъ «Спящаго Амура». Новый покровитель Микель-Анджело, въ восторгѣ отъ этого Амура, посовѣтовалъ ему придать статуѣ видъ древности и выдать за античное произведеніе, говоря, что за старое лучше заплатятъ. Хитрость удалась какъ нельзя лучше; но обманутымъ оказался не только покупатель, но и художникъ, такъ какъ посредникъ въ этомъ торгѣ изъ 200 полученныхъ дукатовъ выдалъ художнику только 30. Вскорѣ оба обмана открылись, и владѣлецъ подложнаго Амура, кардиналъ Ріаріо ди-Санъ-Джорджіо, вызвалъ Микель-Анджело въ Римъ. Это произошло въ 1496 году. Микель-Анджело былъ тогда 21 годъ отъ роду.

Знакомство съ кардиналомъ Санъ-Джорджіо не повело, впрочемъ, ни къ чему, такъ какъ послѣдній оказался изъ тѣхъ любителей, которые готовы преклоняться передъ разбитымъ горшкомъ, если этотъ горшокъ—современникъ пуническихъ войнъ, и не понимаютъ самаго геніальнаго созданія, если ему не исполнилось еще тысячи лѣтъ отъ дня появленія на свѣтъ. Нашлись, впрочемъ, другіе люди, съумѣвшіе оцѣнить

юное дарованіе. Такъ, для римскаго дворянина Якопо Галли Микель-Анджело сдѣлалъ въ это время мраморнаго Вакха больше человѣческаго роста. Нагой юноша лѣтъ 18 въ первомъ опьянѣніи, съ нѣжными, какъ-бы налитыми виномъ, членами, переступаетъ невѣрнымъ шагомъ, косясь сластолюбивыми очами на чашу съ виномъ, которую онъ держитъ въ правой рукѣ въ уровень съ устами, а въ опущенной лѣвой виситъ кисть винограда, съ которой крадетъ ягоды притаившійся сзади маленькій сатиръ. Характерный натурализмъ составляетъ разницу между этимъ новымъ Вакхомъ и античными изваяніями того же бога: въ греческомъ ваяніи характерное отступало на задній планъ, уступая мѣсто высшему началу красоты.

Первымъ произведеніемъ, которое вдругъ сдѣлало Микель-Анджело изъ уважаемаго скульптора первымъ ваятелемъ Италіи, была его la Pietà, заказанная однимъ французскимъ кардиналомъ. Къ изумительному мастерству въ исполненіи здѣсь присоединился еще оригинальный, трогательный замыселъ: Марія держитъ на своихъ колѣняхъ мертваго сына и съ глубокимъ выраженіемъ покорности высшей волѣ смотритъ на дорогое тѣло. Вы чувствуете печальныя думы этой мраморной головы и видите вмѣстѣ съ нею сына еще младенцемъ, какъ онъ игралъ на этихъ же самыхъ колѣняхъ.... И вотъ мать все та же цвѣтущая дѣва, а сынъ, уже обросшій бородою, лежитъ бездыханенъ.... Всѣ были въ восторгѣ, но одинъ острякъ замѣтилъ ядовито художнику: «гдѣ вы могли видѣть, чтобы мать была моложе сына?» «Въ раю», спокойно отвѣчалъ художникъ.

Въ 1499 году Микель-Анджело опять во Флоренціи, гдѣ въ это время произошли весьма важныя событія. Савонарола палъ и былъ сожженъ на кострѣ. Микель-Анджело хотя и не принадлежалъ открыто къ его послѣдователямъ, но не могъ, конечно, не быть его сторонникомъ; въ старости онъ прилежно изучалъ его сочиненія. Это были двѣ родственныя силы, двѣ бури, подъятыя для очищенія смраднаго, затхлаго воздуха, которымъ была заражена итальянская жизнь. Разница лишь въ томъ, что у одного это было сознательною задачею: нравственными проповѣдями онъ желалъ устроить на землѣ царство небесное; у другого великое, обновляющее и возвышающее дѣйствіе выходило изъ его произведеній, плодовъ непосредственнаго вдохновенія.

Прибывъ во Флоренцію, Микель-Анджело отливаетъ бронзовую Мадонну, задумчиво держащую между колѣнъ младенца Іисуса, слѣдовательно, какъ-бы символизируетъ ту думу, которая вложена въ его la Pietà и съ которою, дѣйствительно, это новое произведеніе имѣетъ много сходства въ типѣ Богородицы. Въ это же время появилось его «Святое семейство», писанная красками нѣжная семейная картина, проникнутая глубокимъ элегическимъ чаяніемъ грядущаго. Но, какъ-бы увлекшись своими скульптурными мечтами, онъ на этомъ же медальонѣ, въ глубинѣ, помѣстилъ полукруглый невысокій барьеръ и на немъ нѣсколько обнаженныхъ мужскихъ фигуръ, не имѣющихъ никакого отношенія къ «Святому семейству».

Но это были пробы въ сравненіи съ тѣмъ, что ему предстояло.

Въ это время флорентійская республика счастливо откупилась отъ внезапной опасности: подъ ея стѣнами явился Чезаре Борджіа и Пьетро

Медичи. Микель-Анджело получилъ по этому случаю колоссальную мраморную глыбу съ порученіемъ сдѣлать изъ нея «Давида», который представлялся идеальнымъ образомъ свободы, поразившей Голіаѳа тираннін. Въ короткое время изъ этой глыбы, которая была уже обтесана прежде для другой цѣли и считалась испорченною, выросъ юноша - гигантъ, гнѣвно смотрящій на невидимаго врага и машинально приготовляющій пращу. По долгомъ разсужденіи о томъ, гдѣ его поставить, онъ былъ помѣщенъ налѣво отъ входа во дворецъ синьоріи. Появленіе его было такимъ событіемъ, что съ этихъ поръ вошла въ употребленіе фраза: «столько-то лѣтъ послѣ постановки гиганта». И дѣйствительно, Давидъ флорентійской свободы поразилъ Голіаѳа: около этого самаго времени погибаютъ два главныхъ врага флорентійской республики: Чезаре Борджіа плѣнникомъ увезенъ былъ въ Испанію, по повелѣнію новаго папы; Пьетро Медичи утонулъ въ рѣкѣ, въ битвѣ при Гарильяно. Громкая слава вызвала зависть и породила Микель-Анджело много враговъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ безпощадно высказывалъ свой судъ надъ чужимъ искусствомъ. Образовалась враждебная партія художниковъ, сгруппировавшихся вокругъ другой звѣзды флорентійскаго искусства, Леонарда да-Винчи, въ это время вернувшагося, послѣ долгаго пребыванія въ Миланѣ, на родину. Чтобы удовлетворить соперника, республика, по предложенію гонфалоньера Содерини, поручила Леонардо расписать одну изъ стѣнъ въ залѣ, въ которой собирался флорентійскій парламентъ. Такимъ образомъ произошла знаменитая картина, отъ которой до насъ дошла лишь одна группа, и та въ гравюрѣ, представляющая свирѣпую схватку кавалеристовъ изъ-за знамени, въ которой принимаютъ такое же участіе и кони, вцѣпившіеся другъ въ друга зубами. Эта дикая свалка оставляетъ впечатлѣніе какого-то фантастическаго сна, горячечнаго бреда, какъ и многія другія произведенія этого изумительнаго демоническаго фантаста.

Республика не осталась, впрочемъ, въ долгу у Микель-Анджело, который, по предложенію того же Содерини, получилъ заказъ расписать другую стѣну. Впрочемъ, ему не удалось тотчасъ вступить въ это соревнованіе: его ожидала новая блестящая и громкая будущность.

Юлій II вступилъ въ это время на папскій престолъ. Уже преклонный старикъ, онъ съ ненасытною жаждою старался, какъ бы наверстать время, воспользоваться небольшимъ числомъ лѣтъ, которыя оставались еще въ его распоряженіи, и проэктъ кипѣлъ за проэктомъ въ его пылкой и нетерпѣливой головѣ. У него что было сказано, то должно было быть тотчасъ же и сдѣлано. Жившій въ Римѣ флорентійскій архитекторъ Санъ-Галло обратилъ вниманіе новаго папы на замѣчательный талантъ Микель-Анджело, и послѣдній долженъ былъ явиться въ Римъ. Впрочемъ, прошло много мѣсяцевъ, прежде чѣмъ папа нашелъ, чѣмъ его занять. Наконецъ, ему пришло въ голову заказать свою гробницу. Проэктъ въ рисункахъ приводитъ Юлія II въ восхищеніе. Гдѣ помѣстить такой памятникъ? Микель-Анджело указываетъ на перестраивавшуюся со времени Николая V древнюю базилику св. Петра, въ которой, впрочемъ, выведена была къ этому времени одна только трибуна. Эта мысль понравилась и папѣ; но что будетъ стоить это сооруженіе? Тысячъ 100 скуди—было мнѣніе Микель-Анджело: «200 тысячъ!» рѣшилъ папа. Санъ-Галло и Браманте заговорили о возможности полной перестройки базилики. Папа немедленно потребовалъ и на это проэкты; Браманте

поручена была полная перестройка храма, а Микель-Анджело спѣшилъ въ Каррару ломать мраморъ, сколько нужно для гробницы. Замыселъ былъ колоссальный. «Гробница должна быть открыта со всѣхъ четырехъ сторонъ; двѣ изъ нихъ, боковыя, предполагалось сдѣлать въ 18 локтей длиною; двѣ другія съ фронтовъ въ 12, такъ что площадь составляла полтора квадрата. Снаружи, со всѣхъ сторонъ, были ниши, предназначавшіяся для статуй, а внизу каждаго промежутка между двумя сосѣдними нишами выступало по четыреугольной базѣ; на нихъ должны были поставиться другія статуи въ видѣ плѣнниковъ, представлявшихъ искусство, живопись, ваяніе и зодчество. Этими статуями художникъ хотѣлъ показать, что вмѣстѣ съ папою Юліемъ всѣ искусства станутъ добычею смерти. Надъ этими нишами и статуями обходилъ вокругъ цимсъ; на его высотѣ помѣщались четыре большія статуи, къ числу которыхъ принадлежалъ Моисей, что теперь въ S. Pietro in Vincoli. Гробница, поднимаясь такимъ образомъ, заканчивалась плоскостью, на которой помѣщалось двое ангеловъ, державшихъ гробъ. Одинъ изъ ангеловъ, казалось, улыбался, какъ-бы радуясь тому, что душа папы принята въ число святыхъ, другой плакалъ, какъ будто скорбя о томъ, что міръ утратилъ такого человѣка. На одномъ изъ фронтовъ былъ входъ въ гробницу, ведшій въ небольшой покой, въ видѣ храмика, въ серединѣ котораго стоялъ большой мраморный гробъ, гдѣ и должны были быть положены бренные останки папы. На всей гробницѣ должно было быть болѣе 40 изваяній, не считая рельефовъ и бронзовыхъ украшеній». Микель-Анджело былъ въ самомъ одушевленномъ состояніи. Въ Каррарѣ, гдѣ ему пришлось провести восемь мѣсяцевъ, онъ задумалъ превратить цѣлую скалу, выдавшуюся въ море, въ человѣческую фигуру, чтобы она служила маякомъ. Когда мраморныя глыбы прибыли въ Римъ и остановились на площади св. Петра, весь Римъ изумился, а папа почувствовалъ такое расположеніе къ художнику, что зачастую приходилъ къ нему въ мастерскую и бесѣдовалъ какъ съ братомъ. Для бо̀льшаго удобства онъ велѣлъ даже выстроить крытый ходъ изъ своего дворца до мастерской Микель-Анджело.

Зависть дѣлала, между тѣмъ, свое дѣло. Браманте, главный архитекторъ, старался удалить Микель-Анджело, боясь, какъ бы онъ не открылъ недостатковъ при постройкѣ св. Петра; и вотъ онъ сталъ толковать папѣ, какое это дурное предзнаменованіе, когда кто нибудь задумаетъ строить себѣ гробницу при жизни. Начались натянутыя отношенія, дошедшія, наконецъ, дотого, что Микель-Анджело перестали пускать къ папѣ. «Въ такомъ случаѣ скажите вашему папѣ», замѣтилъ художникъ непускавшему его служителю, что если я ему теперь понадоблюсь, пускай онъ ищетъ меня гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ».

Собравшись на скорую руку, онъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Рима, такъ что пять папскихъ гонцовъ нагнали его уже на флорентійской землѣ, гдѣ они не смѣли тронуть его, какъ флорентійскаго гражданина. Несчастные просили, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, отвѣтилъ на папское письмо и ихъ избавилъ бы отъ бѣды. Папа писалъ: «тотчасъ же вернуться, по полученіи этого письма, подъ страхомъ нашей немилости». Микель-Анджело отвѣчалъ: «Никогда не вернусь. За мою вѣрную службу меня прогнали, какъ негодяя. О гробницѣ, ваше святѣйшество, не желаете больше и слышать: наши условія, слѣдовательно, нарушены, а въ новыя вступать не желаю».

Прибывъ во Флоренцію, Микель-Анджело принялся за начатый картонъ для залы парламента и окончилъ его ко всеобщему изумленію. Сюжетомъ онъ взялъ одинъ эпизодъ изъ войны съ Пизою, когда однажды флорентійцы въ жаркій день соблазнились искупаться въ Арно и были застигнуты врасплохъ непріятелемъ. Толпа нагихъ, одѣвающихся и полуодѣтыхъ мужскихъ фигуръ, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, вызванныхъ внезапнымъ переполохомъ—таково впечатлѣніе части этого картона, дошедшей до насъ въ гравюрѣ. Этотъ картонъ служилъ школою для всего слѣдующаго поколѣнія художниковъ, въ томъ числѣ и для Рафаэля. Впослѣдствіи онъ былъ кѣмъ-то разрѣзанъ на куски, и, по словамъ Кондиви, въ его время эти куски береглись, какъ реликвія.

Между тѣмъ, папа не терялъ надежды на возможность возвращенія Микель-Анджело въ Римъ и бомбардировалъ флорентійскую синьорію посланіями, требуя и угрозами, и ласками выдачи бѣглеца. — Микель-Анджело думалъ-было уже бѣжать къ султану, желавшему имѣть его у себя, но послѣ увѣщаній гонфалоньера онъ согласился ѣхать въ Римъ подъ охраною званія посланника флорентійской республики; но пришлось ѣхать въ Болонью: папа, преслѣдуя свои политическіе замыслы, выступилъ противъ Болоньи и вошелъ въ нее безъ боя, такъ какъ тамошніе тиранны, Бентиволья, бѣжали, а народъ привѣтствовалъ папу, какъ освободителя. И вотъ Микель-Анджело въ Болоньѣ. Одинъ изъ папскихъ слугъ, узнавъ его въ церкви, куда онъ отправился тотчасъ по пріѣздѣ, привелъ его къ папѣ, котораго они застали за завтракомъ. Увидѣвъ бѣглеца, папа грозно вскричалъ: «тебѣ бы слѣдовало придти и поискать насъ, а ты ждалъ, пока мы придемъ и тебя поищемъ». Папа намекалъ на положеніе Болоньи относительно Флоренціи. Микель-Анджело сталъ на колѣни, оправдывался и просилъ прощенія. Юлій сидѣлъ нахмурившись. «Ваше святѣйшество,—вмѣшался одинъ изъ монсиньоровъ, которому Содерини особенно рекомендовалъ Бонаротти, — не извольте гнѣваться за его проступокъ: онъ поступилъ такъ по невѣжеству. Живописцы, внѣ своего искусства, всѣ таковы». «Ты говоришь ему грубости,— закричалъ папа,—какихъ и мы бы ему не сказали. Невѣжа и бездѣльникъ ты, а не онъ. Долой съ моихъ глазъ!» Прислуга помогла оторопѣвшему монсиньору исполнить желаніе папы. Бурю пронесло... Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ папа поручилъ Микель-Анджело отлить его колоссальную статую, чтобъ поставить ее надъ фронтономъ церкви св. Петронія. Модель была готова еще до отъѣзда папы, и, когда послѣдній пришелъ на нее посмотрѣть, Микель-Анджело недоумѣвалъ, не дать ли статуѣ въ лѣвую руку книгу. «Какую книгу, — вскричалъ папа, — мечъ въ руку: я не буквоѣдъ!» Эта статуя впослѣдствіи была разбита во время народнаго возстанія.

Возвратившись во Флоренцію послѣ 16-ти-мѣсячной работы, Микель-Анджело готовъ былъ приняться за исполненіе другихъ давно обѣщанныхъ работъ, какъ папа снова вызвалъ его въ Римъ и, по наущенію Браманте и прочихъ враговъ Микель-Анджело, заставилъ его приняться за расписываніе потолка Сикстинской капеллы. Соперники думали погубить его славу, разсчитывая, что онъ погубитъ себя на поприщѣ живописи, либо, въ случаѣ отказа, навсегда поссорится съ папою. Ни ссылки на непривычку къ живописной техникѣ, ни предложенія вмѣсто себя Рафаэля, ни первыя неудачи — ничто не могло измѣнить рѣшенія папы.

Часто онъ самъ взбирался на подмостки, и тутъ, между небомъ и землею, въ присутствіи библейскихъ исполиновъ, происходили подобныя сцены: «Когда же ты кончишь съ этой капеллой?»—Когда будетъ возможно, ваше святѣйшество.—«Когда будетъ возможно? Ты, кажется, ждешь, пока я велю тебя сбросить съ подмостковъ!»

Колоссальное пространство, какъ потолокъ Сикстинской капеллы, было расписано однимъ человѣкомъ въ короткій срокъ—20 мѣсяцевъ, и какъ расписано! Съ начала до конца, отъ Бога-Отца до послѣдней фигурки, служащей просто архитектурнымъ украшеніемъ, все изобрѣтено самобытно, и отъ каждаго лица, отъ каждой позы вѣетъ могучимъ вдохновеніемъ. На этомъ потолкѣ впервые христіанская легенда кристаллизовалась въ образы, которые съ тѣхъ поръ сдѣлались каноническими. Съ тѣхъ поръ христіанское человѣчество не можетъ себѣ представить иначе Бога-Отца, какъ представилъ его Микель-Анджело, не можетъ себѣ представить иначе пророковъ и сивиллъ, въ смутномъ чаяніи чуявшихъ появленіе Богочеловѣка. Задачею своею художникъ избралъ весь Ветхій завѣтъ отъ сотворенія міра и провелъ его чрезъ всѣ важнѣйшіе моменты судебъ израиля, включительно до пророковъ и языческихъ сивиллъ, предсказывавшихъ пришествіе Мессіи. Эта задача—представить начало всего человѣческаго—такъ же шла къ юнымъ годамъ художника, какъ позже къ его глубокой старости шелъ замыселъ изобразить предстоящій конецъ человѣческаго существованія. Если вообще слова безсильны предъ созданіями наглядныхъ искусствъ, то это особенно вѣрно относительно великой эпопеи, развертывающейся на потолкѣ Сикстинской капеллы. Можно назвать только самое поразительное, какъ одухотвореніе Адама, или исполинскіе образы пророковъ Іереміи и Даніила, сивиллъ Дельфійской и Эритрейской и пр.

Когда половина работы была окончена, папою овладѣло такое нетерпѣніе, что онъ заставилъ Микель-Анджело прежде, чѣмъ тотъ наложилъ послѣдніе ретуши и позолоту, снять подмостки, и еще не успѣла улечься пыль, поднявшаяся отъ паденія громадныхъ лѣсовъ, какъ папа стоялъ уже въ капеллѣ и любовался чуднымъ созданіемъ вмѣстѣ съ сбѣжавшимся Римомъ. Браманте, видя, что вмѣсто ямы онъ устроилъ своему недругу небывалую славу, началъ хлопотать о томъ, чтобы окончаніе работы было отдано Рафаэлю. Но это ему не удалось. Когда вся работа была окончена и лѣса сняты, папа вспомнилъ о недостающей позолотѣ; художникъ отдѣлался шуткою: «тамъ изображены простые и бѣдные люди, которые никогда не носили на себѣ золота».

Въ 1513 г. Юлій II умеръ, поручивъ своимъ наслѣдникамъ, Ровере, позаботиться объ окончаніи его надгробнаго монумента. Но едва Микель-Анджело успѣлъ приняться за него, какъ новый папа, Левъ X, Джованни Медичи, вызвалъ его изъ Каррары и потребовалъ, чтобы онъ занялся сооруженіемъ фасада фамильной церкви Медичи, Санъ-Лоренцо, во Флоренціи. Съ этихъ поръ начинается бѣдственная для Микель-Анджело «трагедія надгробнаго памятника». Каждый изъ новыхъ папъ, за исключеніемъ Адріана VI (а ихъ Микель-Анджело пережилъ еще шестерыхъ), тотчасъ же по вступленіи на престолъ, старался занять художника работою для себя и, слѣдовательно, заставить его отложить всѣ начатыя, такъ что наслѣдникамъ Юлія II пришлось нѣсколько разъ перезаключать условіе съ художникомъ, пока наконецъ они не удовольствовались одною

статуей «Моисея». Затѣѣ Льва X предстояла еще худшая участь: фасадъ С.-Лоренцо никогда не былъ исполненъ Микель-Анджело.

Потрудившись нѣсколько лѣтъ надъ черною работою, надъ выборомъ и перевозкою мрамора, причемъ опять сказалась его неугомонно-предпріимчивая натура въ открытіи новыхъ каменоломень и сооруженіи цѣлой дороги, Микель-Анджело вдругъ долженъ былъ прекратить работу, такъ какъ и неистощимый карманъ Медичи долженъ же былъ наконецъ опустѣть. Въ самую блестящую эпоху, когда этой фамиліи особенно везло, на нее напала смертность. Въ 1516 году умираетъ Джуліано Медичи; въ 1519—Лоренцо Младшій, еще цвѣтущимъ юношею; родъ готовъ былъ вымереть. Оставались только папа, да кардиналъ Медичи, принявшій власть во Флоренціи. Измученный пошлыми дрязгами, вернулся Микель-Анджело во Флоренцію и занялся своей «трагедіей». Въ это же время онъ исполнилъ статую Христа, держащаго крестъ (въ St.-Maria sopra Minerva, въ Римѣ). Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ вымерли всѣ славные дѣятели блестящей эпохи: Рафаэль, Левъ X, Браманте—одинъ за другимъ сошли въ могилу. Наконецъ на папскомъ тронѣ снова появился Медичи, подъ именемъ Климента VII, человѣкъ, близко знавшій Микель-Анджело и давно заговаривавшій съ нимъ о новомъ предпріятіи, о памятникѣ Джуліано и Лоренцо Медичи въ сакристіи церкви С.-Лоренцо. Но едва прошли неизбѣжныя дрязги и переговоры съ фамиліей Ровере, обжаловавшей Микель-Анджело передъ Климентомъ, какъ наступило тяжелое время для Медичи. Двусмысленная политика, которую они вели относительно французскаго короля и германскаго императора, привела къ тому, что императорское войско, направленное противъ Флоренціи, внезапно появилось передъ Римомъ и разграбило его. Папа сидѣлъ у себя въ плѣну въ крѣпости Святаго Ангела шесть мѣсяцевъ. Незаконныя дѣти Джуліано и Лоренцо Медичи, Александро и Ипполито, прибывшіе-было во Флоренцію, оставили ее добровольно со всею своею партіею. Городъ получилъ прежнюю свободу, но ненадолго, такъ какъ едва папа почувствовалъ себя въ силахъ, какъ сейчасъ же направился противъ Флоренціи съ тѣми же самыми испанцами, которые держали его шесть мѣсяцевъ въ такомъ постыдномъ плѣну. Началась знаменитая осада Флоренціи, послѣдній актъ въ ея великой борьбѣ за свободу. Микель-Анджело назначенъ былъ главнымъ инженеромъ и начальникомъ всѣхъ укрѣпленій, и тутъ его геній показалъ себя съ новой стороны. Съ этою обороною роднаго города связано въ его жизни одно событіе, которое причиняло не мало безпокойствъ почитателямъ Микель-Анджело, а именно его внезапное бѣгство въ Венецію. Дѣло, впрочемъ, объяснилось весьма просто. Во всей этой потрясающей драмѣ послѣдней отчаянной борьбы на мрачномъ ея фонѣ вырѣзывается мрачная фигура предателя Малатесты Бальони, главнокомандующаго войсками флорентійской республики. Наемникъ, которому было все равно, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, былъ въ то же время и негодяемъ, который ловко и незамѣтно приготовилъ предательство. Микель-Анджело прежде всѣхъ понялъ этого человѣка и попытался предупредить совѣтъ, но былъ осмѣянъ; тогда, видя, съ одной стороны, грозящую измѣну, съ другой—совершенное ослѣпленіе, и считая дѣло совершенно проиграннымъ, онъ бѣжалъ въ Венецію. Предатель повелъ дѣло еще тоньше и, не выступая открыто, погубилъ республику въ рѣшительную минуту. Впрочемъ, че-

резъ короткое время Микель-Анджело, видя, что борьба еще возможна, опять вернулся въ отечество и со славою поддерживалъ свои укрѣпленія. Но и среди заботъ обороны онъ находилъ время для художественныхъ занятій, втайнѣ работая надъ гробницами Медичи. Медичи дотого были раздражены противъ него, въ особенности за обидное названіе, которое онъ предлагалъ дать площади, гдѣ былъ ихъ дворецъ,—назвавъ ее «площадью ублюдковъ» (намекъ на незаконное происхожденіе Александро и Ипполито), что, овладѣвъ наконецъ городомъ, они велѣли всюду искать его защитника. Микель-Анджело едва спасся на колокольнѣ одной церкви и вышелъ на свѣтъ лишь когда прошла первая ярость и папа обнародовалъ бреве, въ которомъ Микель-Анджело давалась полная амнистія подъ условіемъ—приняться за окончаніе ихъ фамильныхъ гробницъ. Какъбы стараясь забыться отъ постыднаго настоящаго, Микель-Анджело неистово набросился на эту работу и въ короткій срокъ создалъ памятникъ, принадлежащій къ числу оригинальнѣйшихъ произведеній новѣйшаго искусства. Въ нишахъ противоположныхъ стѣнъ сакристіи, надъ гробницами, онъ посадилъ по статуѣ, представляющей покойниковъ. Одна изъ нихъ, статуя Джуліано, и есть его знаменитый il Pensiero—«задумчивость», статуя, въ которой вылился вполнѣ меланхолическій, мрачный характеръ оригинала; подъ каждою изъ этихъ статуй расположились по двѣ фигуры, символизирующія всепоглощающее время въ четырехъ главныхъ его явленіяхъ: утра, дня, сумерекъ и ночи.

Но событія и тутъ обогнали предпріятіе, и эти гробницы никогда не были вполнѣ окончены. Новыя интриги наслѣдниковъ папы Юлія заставили Микель-Анджело явиться въ Римъ и искать посредничества папы, а еще больше—предлога не возвращаться во Флоренцію, такъ какъ герцогъ Александро, дикій и строптивый, всегда ненавидѣвшій Микель-Анджело, подъ конецъ имѣлъ еще новую причину ждать только удобнаго случая, чтобы отмстить ему. Дѣло было въ томъ, что Микель-Анджело отказался строить во Флоренціи цитадель, которая должна была служить оплотомъ тиранніи. Въ Римѣ папа задумалъ дать Микель-Анджело новую задачу, предоставивъ въ его распоряженіе главную стѣну Сикстинской капеллы. Въ это время стала мелькать въ головѣ Микель-Анджело первая мысль о «Страшномъ судѣ». Но Климентъ VII умеръ, не дождавшись «Страшнаго суда». Случай устроилъ, впрочемъ, такъ, что на папскій престолъ вступилъ человѣкъ, высоко цѣнившій геній художника. То былъ Павелъ III Фарнезе. Когда на его предложеніе осуществить задуманную идею, Микель-Анджело сталъ отказываться, приведя въ извиненіе контрактъ, заключенный съ Ровере, папа вспылилъ: «Тридцать лѣтъ ждалъ я этой минуты», вскричалъ онъ, «и теперь, когда я папа, мнѣ отказаться отъ завѣтной мечты?!... Гдѣ контрактъ, я разорву его!»

Микель-Анджело стоялъ на своемъ и думалъ даже оставить Римъ, но папа явился къ нему въ мастерскую съ восемью кардиналами и просилъ показать эскизы, уже сдѣланные «для Страшнаго суда». Микель-Анджело работалъ въ это время надъ «Моисеемъ»: «да одной этой статуи довольно, чтобы почтить папу Юлія!»—вырвалось у одного изъ кардиналовъ, и папа сдѣлалъ все, чтобы склонить Микель-Анджело на новый подвигъ. Такъ осуществилось, наконецъ, колоссальнѣйшее созданіе новѣйшаго искусства.

Во внѣшнемъ расположеніи картины художникъ остался вѣренъ типу, давно сложившемуся въ итальянскомъ искусствѣ. Снизу, слѣва, поднимаются оживающіе мертвецы, пробуждаемые трубами ангеловъ, составляющихъ центръ нижней половины этой фрески. Центромъ верхней является Христосъ съ Богоматерью, окруженный сонмомъ праведниковъ, надъ которыми, еще выше, летаютъ ангелы съ орудіями истязаній Іисуса. Правая сторона (отъ зрителя) занята грѣшниками, низвергающимися въ геенну огненную. Моментъ схваченъ самый потрясающій: среди всей сумятицы воскресающаго міра вдругъ раздаются громовые перекаты: «идите отъ меня, нечестивые, въ огонь вѣчный», и эти слова заставляютъ всѣхъ окружающихъ Христа оцѣпенѣть на мгновенье, и, какъ-бы въ знакъ мгновеннаго исполненія суда, демоны уже низвергаютъ свои жертвы въ бездну, гдѣ принимаетъ ихъ Харонъ и вытрясаетъ ихъ, какъ рухлядь, изъ лодки въ руки Вельзевулу.

Наконецъ пришелъ чередъ быть оконченнымъ и памятнику папы Юлія. Послѣ долгихъ переговоровъ и перезаключеній контрактовъ наслѣдники папы удовлетворились тѣмъ, чтобы Микель-Анджело сдѣлалъ одну статую, а остальное—другіе художники подъ его руководствомъ. Эта одна статуя и есть его знаменитый «Моисей.»

Надгробный памятникъ имѣетъ видъ одной изъ лицевыхъ сторонъ первоначальнаго плана, вставленной рельефомъ въ стѣну. Въ нишѣ, составляющей средину нижняго этажа, сидитъ Моисей. Направо и налѣво отъ него, также въ нишахъ, Рахиль и Лія, какъ символы дѣятельной и созерцательной жизни. Прямо надъ Моисеемъ,—лежачая статуя папы, по бокамъ которой двѣ мужскія, сидячія. Вся эта обстановка ничтожна сравнительно съ главною статуей.

Микель-Анджело былъ въ это время уже 60-ти-лѣтнимъ старикомъ, но судьба сулила ему въ эту позднюю пору испытать слабость первой взаимной любви.

Женщина, которою онъ былъ пораженъ и которая одна, можетъ быть, могла вполнѣ его понять, была знаменитая красавица и одна изъ первыхъ аристократокъ своего времени—Витторія Колонна. Рано овдовѣвъ, она провела нѣкоторое время въ уединеніи на островѣ Искіи, гдѣ въ ней открылся поэтическій талантъ, сдѣлавшій ее впослѣдствіи одною изъ популярнѣйшихъ поэтессъ своего времени. Переселившись потомъ въ Неаполь, она явилась однимъ изъ древнѣйшихъ адептовъ кружка, образовавшагося подъ вліяніемъ реформаціонныхъ идей, шедшихъ изъ Германіи,—кружка, душою котораго былъ пламенный проповѣдникъ Фрате Оккино. Когда папа вызвалъ его въ Римъ въ качествѣ своего духовника, вмѣстѣ съ нимъ переселилась и часть его свободной общины, а въ томъ числѣ и Витторія. То было свѣтлое время, послѣдняя вспышка свободнаго, полуязыческаго взгляда на міръ и идей возрожденія, вторгавшихся и кипѣвшихъ въ Италіи, время либеральнѣйшей политики относительно протестантовъ, какъ-бы свѣтлое затишье передъ бурею іезуитскаго фанатизма, которая уже давала себя знать въ лицѣ кардинала Караффы. Въ это время познакомились Микель-Анджело и Витторія, и ихъ горячая дружба не прекращалась даже послѣ смерти Витторіи. Такъ Микель-Анджело, уже глубокій старикъ, въ минуты откровенности выражалъ горькое сожалѣніе, что даже въ послѣднюю минуту жизни его подруги онъ не дерз-

нулъ поцѣловать ее въ уста и ланиты, но скромно и благоговѣйно припалъ только къ ея рукѣ. Витторія въ то время, когда она познакомилась съ Бонаротти, также была уже не первой молодости. Ихъ взаимная любовь выражалась самою нѣжною внимательностью, взаимными услугами, подарками и перепискою въ прозѣ и сонетахъ. Часто собирался около нихъ кружокъ образованныхъ и талантливыхъ людей, по римскому, не такъ еще давно исчезнувшему, обычаю, въ сакристіи какой нибудь церкви, и тутъ, въ прохладномъ полумракѣ, начиналась живая и остроумная бесѣда.

Это свѣтлое время продолжалось недолго. Витторія умерла и передъ смертію видѣла еще паденіе своей партіи и водвореніе іезуитовъ и инквизиціи. Члены этого просвѣщеннаго кружка одинъ за другимъ подвергались опалѣ, либо прямо бѣжали и дѣлались открытыми и заклятыми врагами римской церкви, какъ Фрате Оккино. Оставшихся не спасало никакое усиліе отъ инквизиціоннаго трибунала. Настало мрачное время реакціи и мракобѣсія. Къ этимъ общественнымъ бѣдамъ, которыя Микель-Анджело не могъ не чувствовать глубоко, присоединились еще домашнія: братья его частью умерли еще раньше; наконецъ умеръ и его дряхлый отецъ, для котораго онъ работалъ всю жизнь; новое поколѣніе, совершенно иного характера, окружило Микель-Анджело, и онъ, всегда склонный къ уединенію, замкнулся еще крѣпче. Всѣ его отношенія къ молодымъ художникамъ, считавшимся его учениками, какъ Деллапорта, Виньола, Амманати и др., ограничивались тѣмъ, что молодежь подражала его особенностямъ, которыя были имъ не подъ силу, а самъ онъ, стоя на высшей точкѣ славы и пользуясь неограниченнымъ авторитетомъ, старался каждому изъ нихъ быть полезнымъ, насколько можно. Въ его внутреннюю жизнь не было доступа больше никому. Наконецъ и физическія силы стали постепенно измѣнять, и Микель-Анджело оставляетъ, одну за другимъ, и живопись, и ваяніе. Послѣднимъ его значительнымъ живописнымъ произведеніемъ были двѣ фрески въ ватиканской капеллѣ Паолинѣ, которыя, впрочемъ, дошли до насъ въ крайне испорченномъ видѣ, благодаря позднѣйшимъ поправкамъ и реставраціямъ. Но въ эту пору глубокой старости геній художника развернулся въ небываломъ блескѣ на поприщѣ третьяго искусства—зодчества.

Когда послѣдовательно перемерли старшіе строители храма св. Петра, включительно до Санъ-Галло, Павелъ III старался склонить Микель-Анджело взять на себя это дѣло. Микель-Анджело согласился быть архитекторомъ, подъ условіемъ не получать никакого вознагражденія и вести всю постройку только для спасенія души. Это независимое положеніе дало ему возможность преодолѣть всѣ интриги, устранить всѣ плутовства тогдашнихъ архитекторовъ, смотрѣвшихъ на колоссальное сооруженіе, какъ на дойную корову, и привести великую задачу къ концу. Работа, выпавшая на долю Микель-Анджело, была самая главная во всей постройкѣ, а именно—выведеніе купола. Предчувствуя близкую смерть, художникъ сдѣлалъ самую тщательную модель своего проэкта, и по этой модели и былъ выведенъ куполъ, служащій съ тѣхъ поръ образцомъ для всѣхъ подобныхъ колоссальныхъ сооруженій.

Но до своей кончины Микель-Анджело пришлось еще пережить тяжелыя эпохи, въ которыя ему не разъ серьозно приходило на мысль распрощаться съ Римомъ. Такъ Караффа, вступивъ на папскій престолъ

подъ именемъ Павла IV, думалъ-было велѣть совсѣмъ уничтожить «Страшный судъ» и только изъ уваженія къ великому художнику приказалъ основательно прикрыть наготу. Микель - Анджело было даже передано желаніе папы, чтобы онъ самъ занялся этою душеспасительною работою; но художникъ просилъ передать въ отвѣтъ: «пусть его святѣйшество сперва міръ исправитъ, а за картинами дѣло не станетъ: онѣ не убѣгутъ». Этими моментами неудовольствія старался воспользоваться Козимо II, тогда уже наслѣдственный герцогъ Флоренціи, чтобы во что бы то ни стало переманить Микель-Анджело въ свою столицу; но ни просьбы, ни самыя блестящія предложенія, ни ходатайства учениковъ - друзей, ни высокій почетъ, который оказывали Микель-Анджело герцогъ и всѣ члены герцогской фамиліи всякій разъ, какъ кто либо изъ нихъ пріѣзжалъ въ Римъ, не могли заставить художника вернуться въ измѣнившійся родной городъ.

18 февраля 1564 года, на 89-мъ году жизни, великій художникъ скончался, въ полномъ сознаніи, кратко выразивъ свою послѣднюю волю: «мою душу отдаю въ руки Бога, мое тѣло землѣ, все что, имѣю, родственникамъ». Люди, окружавшіе его смертный одръ, сообщили объ его желаніи быть похороненнымъ на родной землѣ. Тогда, боясь противодѣйствій со стороны римлянъ, флорентійскій посолъ велѣлъ потихоньку вынести гробъ за городъ, выдавъ его за купеческій товаръ. 11 марта прибыло тѣло во Флоренцію. Послѣ 30-ти лѣтъ добровольнаго изгнанія Микель-Анджело вернулся трупомъ въ родной городъ. Лишь немногіе знали, кто былъ ввезенъ въ свинцовомъ гробѣ черезъ городскія ворота. Герцогъ велѣлъ держать дѣло въ тайнѣ. Гробъ былъ отнесенъ и поставленъ въ церкви St. Pietro Maggiore. Слѣдующій день было воскресенье. Къ вечеру художники собрались въ церкви. Богатый покровъ изъ чернаго бархата, расшитаго золотомъ, покрывалъ гробъ; на немъ лежало золотое распятіе. Тѣснымъ кружкомъ столпились художники; старшіе взяли въ руки зажженные факелы, молодые подняли гробъ на свои плечи, и процессія двинулась къ Santa Croce, гдѣ долженъ былъ быть погребенъ Микель-Анджело. Все дѣлалось безъ огласки, художники сошлись въ церковь поодиночкѣ; но тѣмъ не менѣе молва разнеслась по городу, и, когда печальная процессія выступила изъ церкви, ее встрѣтила уже громадная масса народа и молча провожала гробъ до Santa Croce. Здѣсь, въ сакристіи, гробъ былъ открытъ. Народъ ломился въ церковь. Несмотря на то, что прошло уже три недѣли со дня смерти, Микель-Анджело лежалъ безъ всякихъ признаковъ тлѣнія, какъ-будто онъ только-что скончался. Изъ сакристіи гробъ перенесли въ церковь къ готовой могилѣ, но долго не могли ее закрыть: такая была масса народу, а каждый хотѣлъ взглянуть на могилу. Но это были не тѣ флорентинцы, которые понимали, почему Микель-Анджело ушелъ и не хотѣлъ при жизни возвращаться, а потому опасенія герцога были излишни: прахъ великаго человѣка не произвелъ бы никакого политическаго волненія.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ были наконецъ окончены приготовленія къ похоронному празднеству, устроенному художниками. Племянникъ покойнаго, Леонардо Бонаротти, поставилъ своему великому дядѣ памятникъ въ Santa Croce изъ мрамора, подареннаго герцогомъ; онъ стоитъ теперь въ сосѣдствѣ съ гробницами Данте, Макіавелли и Альфіери...

XXXI. САВОНАРОЛА, ЕГО ЖИЗНЬ, ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(По соч. Осокина: «Савонарола и Флоренція»).

По-итальянски Джироламо, а по-латыни Іеронимъ, Савонарола родился въ Феррарѣ въ 1452 г. Отецъ его происходилъ изъ значительной падуанской фамиліи; дѣдъ съ успѣхомъ занимался физикою и медициною и прославился своими познаніями по всей Ломбардіи. Онъ съ любовью занимался всѣми внучатами, но особенно любилъ Джироламо. Съ дѣтства онъ предназначалъ его на свое медицинское поприще. Но впечатлительная душа ребенка стремилась къ чему-то другому, мучимая томительною мечтою. Характеръ Джироламо съ дѣтскаго возраста высказывалъ тѣ аскетически-восторженныя начала, которыя опредѣлились впослѣдствіи. Отъ природы молчаливый, онъ еще мальчикомъ искалъ уединенія и самоуглубленія. Страстью его было размышлять о метафизическихъ, отвлеченныхъ предметахъ. И мальчикъ, и юноша, онъ всегда чуждался своихъ товарищей, очевидно, не находя между ними никого, кто бы удовлетворялъ его строгимъ требованіямъ, воспитаннымъ уединеніемъ. Никогда не посѣщалъ этотъ кроткій, вѣчно спокойный, съ виду будто угрюмый юноша никакихъ гуляній, никакихъ публичныхъ собраній. Съ радостью бросался онъ на всѣ немногочисленныя и рѣдкія тогда книги. Особенно пристрастился будущій богословъ къ сочиненіямъ философскимъ и теологическимъ. Онъ нѣсколько разъ перечиталъ Аристотеля и Ѳому аквинскаго. Послѣдняго онъ полюбилъ всею душею. Его лучшая, задушевнѣйшая мечта была идти по слѣдамъ «святаго мыслителя». Съ грустью смотрѣлъ онъ на окружающую его обстановку. Онъ сознавалъ, что теперь далеко не та религіозность, не та обстановка, какая была при св. Ѳомѣ. Немного надо было проницательности, чтобы понять печальное общественное состояніе и религіозно-нравственное паденіе Италіи того времени. Краски были слишкомъ ярки, слишкомъ рѣзки....

Понятно, какъ тяжело все это должно было дѣйствовать на воспріимчивую душу молодаго Джироламо. До насъ дошли нѣкоторые изъ его стансовъ, посвященныхъ плачевному состоянію церкви. Въ нихъ видна вся скорбь молодой души, вся печаль о паденіи добрыхъ отношеній между людьми, все искреннее сочувствіе позорному положенію религіи. Хотя поэтическія произведенія не особенно удавались нашему автору, однако нельзя отнять у поэзіи Савонаролы теплаго, глубокаго чувства.

Всецѣло посвятивъ себя религіи, съ грустью, но безъ отчаянія убѣдился молодой мечтатель, что между нимъ и окружающимъ его обществомъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Казалось, онъ ждалъ только совершеннолѣтія, чтобы удалиться отъ міра. На двадцать третьемъ году Джироламо исполнилъ свой давнишній обѣтъ: онъ сдѣлался монахомъ....

Долго боролся Джироламо съ естественною привязанностью къ дому родительскому, съ мыслію, что онъ глубоко оскорбляетъ семью своимъ поступкомъ, что онъ лишаетъ ее и нравственной, и матеріальной под-

держки,—лишаетъ невозвратно, навсегда. Но сознаніе душевной правоты, убѣжденіе въ безкорыстіи стремленій, рѣшительно побудили его привести въ исполненіе свое задушевное желаніе. Въ 1475 г. онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома и ушелъ въ Болонью, въ тамошній доминиканскій монастырь. Св. Ѳома былъ доминиканецъ, а Джироламо еще въ юности старался ревностно подражать знаменитому схоластику и великому католическому богослову. Савонарола искалъ въ монастырской жизни не бичеванія, а глубины внутренней, умственнаго созерцательнаго стремленія. Потому-то онъ и выбралъ доминиканскій орденъ, въ которомъ обращали вниманіе не на умерщвленіе плоти, какъ, напр., картезіанцы, а на возвеличеніе духа, на развитіе моральной опоры будущему католичеству. Обязанность доминиканцевъ была гораздо важнѣе простаго физическаго самоотверженія. Имъ ставилось въ долгъ разносить слово Божіе по всѣмъ странамъ, какія только доступны человѣческой пропагандѣ. Самое названіе этого ордена было—проповѣдники (praedicatores).

Джироламо какъ нельзя болѣе удовлетворялъ этому требованію. Мы увидимъ впослѣдствіи, что это былъ величайшій проповѣдникъ, какой только встрѣчался въ исторіи церкви, что это былъ величайшій ораторъ Европы. Онъ могъ смѣло разсчитывать, что его краснорѣчіе будетъ замѣтно между доминиканцами. Ему надо было только поработать надъ своими физическими недостатками, которые могли повредить будущему оратору.

Черезъ два дня по прибытіи въ монастырь Джироламо послалъ къ отцу письмо съ цѣлію оправдаться въ своемъ рѣшительномъ и внезапномъ поступкѣ. Въ этомъ письмѣ рисуется весь Савонарола, со всѣмъ его увлеченіемъ, со всею страстію его восторженнаго характера.

На первой же страницѣ Джироламо прямо высказываетъ, что позорное положеніе общества, несправедливость людей, деспотизмъ, развратъ, разбойничество, гордость, идолопоклонство, «ужасное святотатство»—все соединилось, чтобы заставить его бѣжать изъ зараженной и гніющей нравственно среды. Въ заключеніе онъ проситъ снисхожденія отца къ его поступку, проситъ обратить вниманіе на ту борьбу, которая невольно застигла его, когда онъ кидалъ послѣдній прощальный взоръ на кровлю своего роднаго дома,—на все это онъ не рѣшился бы безъ особыхъ непреодолимыхъ побужденій.

Настоятель (пріоръ) монастыря позволилъ пришельцу удержать свое имя. Уважая ученость, его не обременили тѣми простыми, грубыми работами, которыя обыкновенно налагаютъ на послушниковъ. Среди невозмутимой тишины онъ могъ теперь свободно погрузиться въ мудрость св. отцовъ и богослововъ. Послѣднихъ онъ выучилъ почти наизусть.

Среди научныхъ занятій у Джироламо оставалось настолько времени, чтобы познакомиться съ позорнымъ состояніемъ, въ которомъ находилось окружавшее его монашество. Когда, черезъ годъ искуса, онъ былъ постриженъ въ иночество, то своею собственною суровою жизнью хотѣлъ показать примѣръ прочимъ монахамъ. Въ то время нищенствующее духовенство поведеніемъ ничѣмъ не отличалось отъ бѣлаго. Оно было далеко отъ той суровости нравовъ, которая была положена въ основаніе орденовъ францисканцевъ и доминиканцевъ. Болонскимъ «нищимъ по Богѣ» казалось страннымъ поведеніе молодаго «брата Іеронима».

Такъ, еще съ перваго же дня поступленія въ монастырь, онъ отказался отъ денегъ, которыя были съ нимъ. Даже книги онъ подарилъ монастырю, оставивъ себѣ только библію.

Особенно вооружался строгій инокъ противъ кассъ монастырскихъ. Міряне, любящіе церковь, разсуждалъ онъ, могутъ добровольно снабжать монастырь всѣмъ необходимымъ. Этимъ уничтожится всякій поводъ къ развитію роскоши въ стѣнахъ монастырскихъ.

Стойкая, несокрушимая энергія и твердость воли этой богатой отъ природы натуры одолѣла всѣ физическія побужденія, передъ которыми такъ безсильно большинство людей. Савонарола боролся съ ними съ самаго дѣтства и остался побѣдителемъ. Онъ пріучилъ себя умерщвлять и стоически презиралъ тѣло; онъ пріучилъ себя, болѣе нежели кто нибудь, быть rex sui. Его забота, его попеченія клонились только къ духу. Задачею своей жизни онъ поставилъ развитіе нравственныхъ и умственныхъ силъ. Все чувственное положительно отвергалось безъ всякаго сожалѣнія. Впрочемъ, онъ не требовалъ такого цѣломудреннаго воздержанія отъ другихъ.

Ученость и рѣдкій даръ слова молодаго монаха не могли не обратить на себя вниманія монастырскаго начальства. Своимъ мечтательнымъ, съ виду мрачнымъ и суровымъ, характеромъ отличался «братъ Іеронимъ» между всѣми монахами обители. Въ 1482 году его посылаютъ проповѣдывать въ города Ломбардіи. Между прочимъ, ему пришлось пробыть въ своемъ родномъ городѣ Феррарѣ. Но Джироламо не думалъ пользоваться удобнымъ случаемъ повидаться съ родными. Опасался ли монахъ за свою стойкость, желалъ ли избѣгнуть непріятныхъ сценъ съ отцомъ, который продолжалъ негодовать на самовольный поступокъ сына, — только онъ избѣгалъ всякаго повода къ свиданію. Потому-то Джироламо все время не выходилъ никуда, кромѣ церкви доминиканскаго монастыря, въ которомъ онъ поселился. Возвышенная жизнь духа, всецѣлое посвященіе себя великому дѣлу распространенія истиннаго христіанства, постоянная мысль о политическомъ преобразованіи общей итальянской отчизны, уже прорывавшаяся иногда въ устахъ пылкаго монаха,—все это естественно подавляло узкія отношенія семейной сферы.

Въ то самое время, когда Савонарола проживалъ въ Феррарѣ, кипѣла война между Венеціею и Флоренціею, двумя республиками, такъ противоположными по внутреннему характеру, такъ могущественными по внѣшней силѣ. Феррара держала сторону Флоренціи. Венеціанцы грозили осадой. Правительство, желая избавить доминиканцевъ отъ бѣдствій войны, разослало весь монастырь для проповѣди по разнымъ итальянскимъ городамъ. Савонарола долженъ былъ ѣхать во Флоренцію, гдѣ ему приказано было поступить въ вѣдѣніе пріора доминиканскаго же монастыря св. Марка.

Слава строгой жизни и рѣдкой богословской учености Савонаролы уже успѣла достигнуть до обитателей этого монастыря. Доминиканцы св. Марка передавали другъ другу слухи даже о дарѣ чудотворенія, которымъ будто бы одаренъ ихъ будущій товарищъ.

Наконецъ и онъ самъ прибылъ въ монастырь. Монахи теперь лично могли убѣдиться въ справедливости молвы народной. Пріоръ, убѣдившись въ богословской учености новаго подчиненнаго, тотчасъ же назначилъ его почетнымъ чтецомъ при братіи и вмѣстѣ съ тѣмъ наставни-

комъ послушниковъ. Эти должности Савонарола исполнялъ до самаго 1486 года. Публичная же проповѣдь не удалась Джироламо. На первый разъ онъ произвелъ непріятное впечатлѣніе. Слабый голосъ, невѣрную интонацію, неудачные жесты нельзя вознаградить ни образцовымъ выраженіемъ лица, ни даже увлеченіемъ. Къ концу проповѣди въ церкви почти никого не было. Всякое увлеченіе пало бы при этомъ роковомъ fiasco.

Но неудача могла только подстрекнуть Савонаролу, могла только разжечь его самолюбіе. Онъ во что бы то ни стало рѣшился исправить свои недостатки. Съ этою цѣлью онъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Санъ-Джеминано (небольшой городокъ къ ю.-з. отъ Флоренціи), куда былъ отправленъ, вѣроятно, для проповѣди. Тамъ Іеронимъ пробылъ около двухъ лѣтъ (1484—1486). Это время, какъ новый Демосѳенъ, онъ употребилъ исключительно для упражненія въ церковномъ ораторствѣ, для исправленія своихъ недостатковъ.

Не успѣлъ Джироламо возвратиться, какъ получилъ отъ своего пріора приказаніе возвратиться въ Ломбардію.

Въ 1486 году мы встрѣчаемъ Савонаролу уже въ Ломбардіи. Тамъ онъ пробылъ снова до 1490 года. Именно въ это самое время выяснилось Савонаролѣ его назначеніе, его историческое призваніе. Частое посѣщеніе большихъ и малыхъ городовъ, знакомство съ бытомъ земледѣльцевъ богатыхъ и бѣдныхъ, изученіе духовенства крупнаго и мелкаго, городскаго и сельскаго—не могли не убѣдить его въ необходимости общей реформы самаго всесторонняго свойства. Онъ хорошо узналъ и то общество, которое окружаетъ его, и что нужно для улучшенія его нравственности. Джироламо самъ говорилъ впослѣдствіи, что «прелаты не заботятся о своихъ паствахъ; что, напротивъ того, они развращаютъ ихъ дурнымъ примѣромъ. Священники расхищаютъ добро церковное; проповѣдники толкуютъ о пустякахъ. Паства перестала повиноваться своимъ прелатамъ. Отцы и матери перестали заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей. Монархи гнетутъ подданныхъ и враждуютъ между собою. Граждане и купцы заботятся только о барышахъ, женщины о пустякахъ», крестьяне о поживѣ; войско же погрязло въ безчинствѣ и святотатствѣ.

Требовалась всеобщая реформа. Самый центръ католичества, римскій дворъ, говорилъ про нее. Папы также сознавали ея необходимость, хотя, конечно, никто изъ нихъ не думалъ покушаться на догматы и уставы католическіе, которые должны были оставаться ненарушимыми. Реформація, въ томъ смыслѣ, какъ ее выразили протестанты, никогда не могла, не можетъ привиться въ Италіи. Она противорѣчитъ характеру этого страстнаго народа, который все воспринимаетъ не столько умомъ, сколько чувствомъ и сердцемъ; картинные обряды католицизма удовлетворяли именно свойствамъ натуры итальянца. Но папамъ подчинялась не одна Италія. Характеръ германской расы, напр., не представлялъ никакого сходства съ итальянскою. Нѣмецкіе, а также французскіе и англійскіе богословы любили вникать иногда въ вопросы болѣе серьезные. Тамъ уже не ограничивались разсужденіями объ исправленіи только духовенства; тамъ касались уже самой религіи. Еще была возможность остановить секретарство, которое скоро грозило нагрянуть на Римъ. Надо было стараться удовлетворить первымъ требованіямъ общества, когда новаторство

еще не заходило слишкомъ далеко. Но предотвратить совершенно распаденіе было немыслимо. Рано или поздно оно должно было случиться. Человѣческія усилія не могли побѣдить закона исторіи. Сами первосвященники уже давно предвидѣли грозу. Они умоляли духовенство обратить вниманіе на свое соблазнительное поведеніе. Такъ, папа Григорій IX еще на второмъ Ліонскомъ соборѣ (1274 г.) говорилъ, что прелаты будутъ причиною паденія всего христіанскаго міра. Онъ уже тогда убѣждалъ духовныхъ исправиться, дабы отклонить великое церковное бѣдствіе. Оно необходимо должно было послѣдовать, если люди, призванные быть блюстителями чистой христіанской нравственности, не откажутся отъ безнравственной жизни. Когда же явилось въ началѣ XV вѣка трое папъ, то безпокойство овладѣло всѣми. Католическій міръ находился въ эту минуту въ самомъ ужасномъ положеніи. Къ тому же, опасныя реформаторскія броженія явились въ народѣ; грозно подымаясь, они сильно тревожили будущее католичества. Достаточно вспомнить, что въ эту критическую минуту являются Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій. Тѣмъ болѣе было ненормальнымъ состояніе народа,—конечно, въ глазахъ католичества,—что ученіе Виклефа стало увеличивать число своихъ приверженцевъ, что общія сомнѣнія въ правотѣ католицизма давно уже высказывались, какъ общій голосъ толпы.

Какъ удовлетвореніе общему желанію, необходимо должно было явиться собраніе духовныхъ для сужденія о церковныхъ дѣлахъ. И вотъ въ 1414 году открылись засѣданія блестящаго констанцскаго собранія.

Соборъ этотъ не искалъ реформы религіозной, иначе онъ не сжегъ бы Гуса. Голосъ либеральной партіи былъ слишкомъ слабъ, чтобы его кто-либо услышалъ. Консервативная сторона одержала рѣшительный перевѣсъ. Лишь только новый папа Мартинъ V былъ выбранъ, какъ голоса либераловъ, встрѣчая общее равнодушіе въ членахъ собранія, замолкли окончательно. Напрасно ораторы парижскіе требовали введенія новыхъ узаконеній, которыя бы въ извѣстныхъ границахъ сдерживали свѣтскую жизнь духовенства. На ихъ требованія не обратили ни малѣйшаго вниманія. Собраніе, декретомъ Мартина V, было распущено, и новый папа, ничѣмъ не побуждаемый, окруженный массою проповѣдниковъ застоя, не заявилъ себя никакими распоряженіями, которыя могли бы остановить грозу, копившуюся въ Германіи. Конклавъ больше изъ приличія предлагалъ каждому кандидату на папскій престолъ—приступить къ реформѣ тотчасъ по своемъ избраніи. Но слова оставались словами. Лишь только новый папа болѣе или менѣе прочно укрѣплялся на первосвященническомъ престолѣ, то всѣ подобныя дѣла откладывалъ до своего преемника, который, въ свою очередь, поступалъ точно такимъ же образомъ.

На иниціативу папъ невозможно было положиться послѣ ихъ уклончиваго образа дѣйствій. Общество само изъ себя должно было теперь вырабатывать реформаторовъ. И вотъ, среди хладнокровныхъ, положительно-практичныхъ нѣмцевъ, явился Лютеръ; среди восторженныхъ утопистовъ итальянцевъ является Савонарола, въ которомъ, болѣе нежели въ комъ нибудь, сосредоточились условія, необходимыя для достиженія политическихъ цѣлей съ одной стороны и нравственно-новаторскихъ—съ другой. Сама природа дала ему умственное и нравственное превосходство. Энергическія усилія уничтожили въ конецъ физическіе недостатки. Теперь ничто не мѣшало его торжеству, какъ оратора. Высказать надо

было много и церковнаго, и политическаго. Правда, онъ говорилъ уже и прежде, еще задолго до 1490 года, но тогда трудно было отыскать слушателю стройную, законченную организацію въ его идеяхъ. Слышалось что-то особенно рѣзкое въ его сужденіяхъ. Эта рѣзкость, даже и въ ту пору, возмущала и волновала народъ. Въ толпѣ говорили, что смѣлому монаху не сдобровать. Въ то время Савонарола еще недостаточно выяснилъ себѣ свое призваніе, недостаточно былъ подготовленъ, чтобы съ несокрушимою вѣрою бороться за свои убѣжденія на жизнь и на смерть. Оттого онъ, убѣждаемый общими просьбами, пріостановилъ ходъ своего дѣла. Эти ранніе порывы могли только напрасно истратить его силы. Самая сфера была очень ограничена. Потому-то съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждалъ Джироламо возможности снова вернуться во Флоренцію.

Во время отлучки Савонаролы не многое перемѣнилось во Флоренціи. Тотъ же правитель, тѣ же власти, тотъ же вольный и страстный народъ, толпами посѣщающій церкви и съ благоговѣніемъ преклоняющійся передъ прелатами и монахами, та же аристократія, пренебрегающая посѣщеніемъ церквей, а занимающаяся своими торговыми дѣлами или же, въ свободное время, искусствами и чтеніемъ классиковъ. Въ небольшомъ, но красивомъ монастырѣ св. Марка та же братія предстала нашему Джироламо. Измѣнился только онъ одинъ для нихъ. Это былъ уже не прежній кроткій братъ Іеронимъ, всегда дичившійся людей, проводившій дни и ночи надъ монастырскими книгами. На каѳедрѣ явился не заикающійся, какъ прежде, не присвистывающій и весьма некстати махавшій руками монахъ, то говорившій едва слышнымъ голосомъ, то кричавшій изъ всѣхъ силъ,—нѣтъ—теперь на каѳедрѣ монастыря возвышался представительный, съ самоувѣренностью въ лицѣ, замѣчательно изящный и пластичный въ жестахъ и поступи доминиканецъ, въ которомъ сила и краснорѣчіе проповѣди вполнѣ гармонировали съ внѣшностью и выраженіемъ лица. «Ростъ Джираломо, говоритъ его первый біографъ, былъ немного ниже средняго. Лицо его удивительной бѣлизны горѣло по временамъ румянцемъ. Широкій, нѣсколько приподнятый лобъ омрачали развѣ морщины, изрѣдка набѣгавшія на него. Прекрасные голубые глаза его осѣнялись длинными рыжеватыми рѣсницами. Большой орлиный носъ придавалъ особенную выразительность его лицу. Это лицо довольно полное, нижняя губа нѣсколько приподнята. Вообще, стройный бюстъ и гармонія всѣхъ частей тѣла придавали ему замѣчательное изящество. Умѣренность, сдержанность пріемовъ, кротость, симпатичность въ обсужденіи сразу отличали его передъ другими. Большія сухощавыя руки его, при приближеніи къ свѣту, казались совершенно прозрачными. Походка его отличалась благородствомъ, увѣренностью, достоинствомъ».

Эти незатѣйливыя, безсвязныя слова современника совершенно вѣрно передаютъ то впечатлѣніе, какое оставляютъ портреты Савонаролы, разсѣянные по Италіи. Въ общемъ, это—впечатлѣніе сдержанности, женственности. Но всякій, при взглядѣ на выразительныя черты доминиканца, скажетъ, что онѣ способны удивительно видоизмѣняться, что эта видимая кротость скоро разразится страшною бурею. Это и случалось видѣть часто слушавшимъ его пылкія проповѣди, которыя начали скоро совершенно овладѣвать вниманіемъ жителей Флоренціи.

Мы говорили, что Джироламо проповѣдывалъ въ залѣ монастыря. Но когда зала оказывалась непомѣстительною для постоянно прибывающаго числа слушателей, то многіе просили пріора дать церковь въ распоряженіе Іеронима. Пріоръ согласился; но сверхъ всякаго ожиданія, послѣдовало сопротивленіе со стороны самого проповѣдника. Необходимы были убѣдительнѣйшія просьбы братіи и самого настоятеля, чтобы заставить его уступить общему желанію. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Савонарола имѣлъ основаніе такъ настойчиво отказываться. Онъ хорошо понималъ, что, съ перемѣною мѣста, измѣняется и значеніе, и вѣсъ его проповѣдей. Въ церкви слова его пріобрѣтали несравненно бо̀льшую силу, нежели въ простой залѣ. Въ послѣдней онъ былъ не проповѣдникъ, а профессоръ,—преподаватель богословія. Въ храмѣ же онъ былъ человѣкъ, вѣщавшій слово Божіе, хотя бы самая проповѣдь имѣла свѣтское значеніе. Густыя толпы постоянно окружали прежде мало посѣщаемый монастырь св. Марка. Аскетическій образъ жизни проповѣдника еще болѣе привлекалъ массу. Иные, не имѣя возможности пробиться въ церковь, желая хотя издали взглянуть на святаго человѣка, ловили минуту, когда онъ будетъ проходить изъ храма въ свою келью.

Но не одинъ народъ такъ горячо интересовался доминиканцемъ. О немъ разговаривали уже и въ богатыхъ палаццо флорентійскихъ аристократовъ. Самъ Лаврентій распрашивалъ иногда своихъ приближенныхъ про новую знаменитость. Разумѣется, придворные, задѣваемые часто за живое смѣлымъ и прямымъ проповѣдникомъ, не упускали случаевъ передавать своему повелителю всѣ политическіе намеки, срывавшіеся съ устъ увлекавшагося монаха. Но каково было удивленіе Лаврентія, когда услужливые синьоры сообщили ему проповѣдь Савонаролы, сказанную въ воскресенье перваго августа 1490 г. Въ ней заключались тѣ знаменитыя три положенія, которыя впослѣдствіи, развитыя еще болѣе, послужили точкою опоры всѣхъ его дальнѣйшихъ дѣйствій и отъ которыхъ онъ не отказался даже подъ висѣлицею, въ послѣдній день своей бурной жизни. Они заключались въ слѣдующемъ:

1) Скоро послѣдуетъ обновленіе церкви.

2) Передъ этимъ обновленіемъ Господь поразитъ своимъ гнѣвомъ всю Италію.—

и 3) Все это должно совершиться въ самомъ скоромъ времени.

Увѣренность, съ какою Савонарола высказывалъ эти совершенно неслыханныя во Флоренціи фразы, магически дѣйствовала на слушателей. Чѣмъ смѣлѣе, чѣмъ стремительнѣе шелъ впередъ проповѣдникъ, тѣмъ народъ болѣе привязывался къ нему. Что же касается до высшаго сословія, то оно съ каждымъ днемъ становилось враждебнѣе къ рѣчамъ дерзкаго смѣльчака, задѣвавшаго самые жизненные вопросы, притомъ съ совершенно другой, новой для нихъ, точки зрѣнія. Онъ касался въ своей проповѣди всѣхъ соціальныхъ и частныхъ отношеній, доходилъ до всѣхъ мелкихъ подробностей жизни общественной, не стѣсняясь изображалъ самыя щекотливыя сцены. Онъ еще, правда, не предлагалъ средства для излеченія ранъ флорентійцевъ, а съ ними и всѣхъ итальянцевъ, но только рисовалъ дѣло, какъ оно есть. Ораторъ нисколько не опасался вражды аристократовъ. Хорошо постигая ту истину, что масса простаго народа въ союзѣ съ среднимъ сословіемъ играетъ главную роль во всякой республикѣ, онъ, не озираясь, смѣло шелъ впередъ по избранной имъ дорогѣ—карать развратъ и произволъ. Такъ засталъ его 1491 годъ.

Въ іюлѣ этого года братія св. Марка избрала Савонаролу своимъ пріоромъ, не находя никого другаго, кто бы съ честью могъ занять это мѣсто. Поставленный теперь въ болѣе независимое положеніе, онъ могъ еще смѣлѣе высказывать и развивать занимавшіе его планы. Относительно попечителя монастырскаго, Медичи, онъ поставилъ себя очень самостоятельно и очень гордо. Онъ отказался отъ исполненія стариннаго обычая — явиться на поклоненіе Медичи. Напрасно убѣждали его старики съѣздить къ Лоренцо.

— Кто сдѣлалъ меня пріоромъ: Богъ, или Лаврентій Медичи?—спрашивалъ въ такихъ случаяхъ Джироламо.

— Конечно, Богъ, отвѣчали ему.

— Слѣдовательно, я долженъ благодарить Господа, а никакъ не его, рѣшалъ пріоръ.

Когда эти слова достигли ушей Лоренцо, онъ замѣтилъ своимъ приближеннымъ:

— Чужой монахъ пришелъ въ мой монастырь и не хочетъ явиться ко мнѣ.

Лоренцо, не дождавшись гордаго доминиканца, рѣшился самъ напроситься на свиданіе. Однажды утромъ онъ нарочно отправился къ обѣднѣ, а послѣ службы началъ гулять по монастырскому саду. Одинъ изъ братіи бросился предупредить объ этомъ настоятеля, думая сообщить ему тѣмъ радостную вѣсть.

— Развѣ онъ спрашивалъ меня? прервалъ его пріоръ своимъ спокойнымъ, твердымъ голосомъ.

— Нѣтъ, но....

— И прекрасно, пусть его прогуливается; не мѣшайте ему.

Убѣдившись, что такую крѣпкую натуру нельзя устрашить авторитетомъ власти, Лаврентій почувствовалъ къ Савонаролѣ невольное уваженіе, смѣшанное съ нѣкотораго рода боязнью. Дѣйствительно, кругомъ властителя все преклоняется по одному его слову, и вдругъ находится человѣкъ, который не думаетъ даже обращать на него никакого вниманія. Подобное обстоятельство могло бы заинтересовать и самаго закоренѣлаго деспота, а Лоренцо не принадлежалъ къ числу такихъ властителей. Неудавшіяся попытки еще болѣе усиливали желаніе Медичи ближе сойтись съ Савонаролою. Для начала Лаврентій прислалъ на имя пріора дары монастырю. По общему настоятельному требованію, Джироламо долженъ былъ принять пожертвованіе Лоренцо, хотя сперва суровый настоятель и въ этомъ случаѣ думалъ слѣдовать своему щепетильному обыкновенію—не допускать денегъ въ монастырь ни подъ какимъ предлогомъ. При всемъ томъ, часть присланной суммы онъ, несмотря на сопротивленіе братіи, препроводилъ городскимъ властямъ для раздачи бѣднымъ.

Между тѣмъ, проповѣди Савонаролы противъ развратной жизни духовенства съ каждымъ днемъ становились рѣзче и смѣлѣе. Лоренцо, изъ политическихъ видовъ не желая ссориться съ папою, подослалъ къ Джироламо депутацію изъ знатнѣйшихъ вельможъ города, съ цѣлью просить пріора быть умѣреннѣе и сдержаннѣе въ своихъ выраженіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается непосредственно церкви. Въ депутаціи участвовали Содерини, Веспуччи и другіе родовые аристократы. Всѣмъ имъ было приказано говорить отъ своего имени, не вмѣшивая Медичи въ это дѣло. Это обстоятельство показываетъ, что сила и вліяніе буду-

щаго пророка уже и въ то время были весьма значительны. Гордые родомъ патриціи являются съ поклонами къ простому монастырскому настоятелю, который, вдобавокъ, вмѣсто согласія, даетъ имъ слѣдующій смѣлый и пророческій отвѣтъ:

— Вы говорите,—замѣтилъ пріоръ, между прочимъ, —будто пришли отъ своего имени. Это вздоръ; вы подосланы. Ступайте лучше и скажите вашему владыкѣ Лаврентію Медичи, чтобы онъ каялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Господь уже простеръ руку свою для наказанія Лоренцо со всѣмъ домомъ его.

Убѣдившись въ безполезности всѣхъ усилій склонить на свою сторону пріора и замѣчая, что Іеронимъ не щадитъ въ своихъ нападкахъ и Медичи, Лаврентій, всегда чуждый мѣръ крупныхъ и насильственныхъ, рѣшился дѣйствовать другимъ образомъ. Лучшимъ средствомъ для борьбы съ своимъ отважнымъ противникомъ онъ считалъ униженіе его духовнаго авторитета. Съ этою цѣлью Медичи поручилъ августинскому священнику Маріано ди-Гинацциано въ одинъ воскресный день (1491 г.) произнесть проповѣдь на текстъ: «Non est vestrum nosse tempora vel momenta, quae Pater posuit in sua potestate». Очевидно, такой поступокъ служилъ вызовомъ Савонаролѣ, который и не замедлилъ принять его. На тотъ же самый текстъ онъ сказалъ свою проповѣдь. Конечно, побѣда осталась за Джироламо.

Такъ, твердость воли, энергія Савонаролы разстроила и уничтожила хитрость Лаврентія, принужденнаго прекратить борьбу и сдаться на великодушіе своего пріора. Нельзя не отдать справедливости благородному характеру правителя, всегда чуждавшагося грубой физической силы. Лоренцо имѣлъ сердце мягкое отъ природы, еще болѣе облагороженное гуманнымъ развитіемъ. Онъ привыкъ уважать все истинно-великое, хотя бы послѣднее проявлялось даже въ его личныхъ врагахъ.

Въ началѣ 1491 года Лаврентій предлагаетъ Савонаролѣ говорить проповѣди въ старинномъ храмѣ San Lorenzo, въ томъ самомъ, гдѣ девять лѣтъ тому назадъ Джироламо испыталъ неуспѣхъ. Теперь же, напротивъ, успѣхъ былъ блестящій въ полномъ смыслѣ этого слова. Біографы указываютъ на нѣсколько подробностей, которыя даютъ достаточное понятіе о силѣ и характерѣ проповѣдей пріора св. Марка. Они говорятъ, что его рѣчь противъ роскоши женскихъ нарядовъ была такъ увлекательна и произвела такое сильное впечатлѣніе, что всѣ дамы, бывшія въ церкви, начали незамѣтно уходить и вернулись уже безъ всякихъ украшеній, одѣтыя въ простыя черныя платья. А разъ, когда Іеронимъ говорилъ о несправедливо нажитомъ богатствѣ, то одинъ горожанинъ добровольно возвратилъ 3000 дукатовъ, которые, по его сознанію, долгое время послѣ проповѣди лежали тяжкимъ грѣхомъ на его совѣсти.

Въ то самое время, когда Савонарола пожиналъ лавры въ San Lorenzo, печальныя событія происходили въ виллѣ Кареджи, любимомъ мѣстопребываніи Медичи. Тамъ въ страшныхъ мученіяхъ умиралъ великій правитель республики. Чувствуя приближеніе смерти, не вѣря въ медицинскую помощь, онъ пожелалъ исповѣдаться и пріобщиться, но съ тѣмъ только, чтобы св. Дары принять изъ рукъ пріора своего монастыря, единственнаго духовника, прибавлялъ Лоренцо, которому онъ вѣритъ. Джироламо явился на этотъ зовъ. Въ настоящую минуту его звалъ не

пышный флорентійскій повелитель, а простой умирающій христіанинъ. 8 апрѣля 1492 года Лаврентія не стало.

Слѣдомъ за флорентійскимъ повелителемъ сошелъ въ могилу и другой итальянскій государь, Иннокентій VIII. Этотъ папа прошелъ совершенно безслѣдно по исторической аренѣ, какъ проходили десятки его предшественниковъ и преемниковъ. На зарѣ новаго времени безслѣдное существованіе папъ было болѣе чѣмъ нормально: оно какъ разъ удовлетворяло историческимъ выгодамъ человѣчества. Времена средневѣковыхъ бойцовъ папской идеи минули уже давно. Тіара теперь шла едва-ли не съ аукціона. Потому-то, когда въ 1492 г. собрался новый конклавъ, то разными подкупами и интригами, къ общему огорченію немногихъ благочестивыхъ итальянцевъ, на папскомъ престолѣ съумѣлъ появиться дворянинъ изъ Валенціи, Родриго Борджіа, — личность, навсегда оставившая по себѣ прочную извѣстность подъ именемъ Александра VI.

Никто не имѣетъ столько права быть вождемъ современнаго развратнаго духовенства, какъ Александръ VI, прославившійся своею развратною жизнью. Въ ней онъ является виртуозомъ своего рода. Новый папа дотого свыкся съ порокомъ и развратомъ, дотого стремился выказать въ нихъ совершенство и художественность, что представленія о немъ и о глубочайшей нравственной порчѣ сдѣлались синонимами. Умъ нерѣдко соединяется въ людяхъ съ пороками, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если рядомъ съ удивительною безнравственностью мы встрѣчаемъ въ Александрѣ VI и дѣятельность, и рѣдкую проницательность, или умѣнье вкрасться въ душу противника, изумительную ловкость....

И такого-то человѣка долженъ былъ признавать своимъ владыкою Савонарола. Но посмотримъ, что былъ такое новый флорентійскій правитель, наслѣдникъ Великолѣпнаго. Съ нимъ предстояло Джироламо войти въ ближайшія сношенія.

Извѣстно, что троимъ сыновьямъ своимъ,—Джіованни, Джуліано и Петру,—Лаврентій далъ особыя прозвища, по ихъ качествамъ. Одного онъ называлъ умнымъ, другаго добрымъ, а третьяго дуракомъ. Послѣдній нелестный эпитетъ относился именно къ наслѣднику его власти—Петру, и новый повелитель Флоренціи вполнѣ поддержалъ отзывъ своего отца. Его мѣсто было бы скорѣе въ рядахъ флорентійской милиціи; но предводительствовать въ синьоріи, руководить дѣлами народныхъ совѣтовъ—не могъ человѣкъ вздорнаго характера, весь преданный чувственнымъ удовольствіямъ. Между тѣмъ, такая личность, поверхностно коснувшаяся тогдашняго классическаго образованія, нисколько не знакомая съ государственною наукою, вздумала домогаться абсолютной власти и титула монарха. Въ первые же дни своего господства онъ запретилъ Савонаролѣ говорить проповѣди въ теченіе Филиппова поста, угрожая, въ противномъ случаѣ, высылкою изъ города.

Къ тому самому времени Джироламо получилъ приглашеніе навѣстить Болонью. Пользуясь этимъ, онъ могъ безъ всякаго шума исполнить желаніе Медичи. И вотъ пріоръ св. Марка, подъ видомъ временнаго отпуска, безпрекословно оставляетъ Флоренцію.

Въ бытность свою въ Болоньи Джироламо не разставался мысленно съ Флоренціею, которая сдѣлалась для него отечествомъ, съ которою

были связаны его лучшія мечты и планы. Онъ поддерживалъ постоянную частную переписку съ монахами св. Марка. Въ своихъ письмахъ онъ говоритъ съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми, наставляя ихъ въ подвигахъ монастырской жизни, умоляя не грустить о временной разлукѣ съ нимъ.

При первомъ удобномъ случаѣ Савонарола постарался возвратиться во Флоренцію. Теперь до самой смерти не приходилось ему покидать этотъ любимый имъ городъ. Съ минуты возвращенія онъ старается привести въ исполненіе свою задушевную мысль—осуществить идею нравственнаго и государственнаго преобразованія.

Дѣло нравственной реформы Іеронимъ началъ съ монастыря св. Марка. Чтобы удобнѣе достигнуть той цѣли, которую предназначилъ себѣ Савонарола, необходимо было полное отчужденіе отъ испорченнаго города: только тогда можно было бы надѣяться довести монастырь до такой степени совершенства и чистоты, чтобы онъ служилъ для современнаго духовенства образцомъ настоящей иноческой жизни, мало того—примѣромъ для всего человѣчества. Джироламо думалъ перенести монастырь за городъ, на Monte-Conte. Для того, чтобы внѣшность сколько-нибудь гармонировала съ внутреннею простотою, предполагалось построить церковь изъ грубаго камня. Кельи же рѣшено было сдѣлать деревянныя.

Какъ и слѣдовало ожидать, предложенный проэктъ вызвалъ большое неудовольствіе монаховъ. Молодые, вполнѣ сочувствовавшіе пріору и увлеченные имъ, еще соглашались; прочіе же, связанные въ городѣ роднею, а, можетъ быть, и дѣтьми,—что весьма могло быть при тогдашнемъ состояніи монастырской жизни,—въ одинъ голосъ объявили настоятелю, что они никогда не уступятъ своей обители. Савонарола долженъ былъ уступить оппозиціи, которая организовалась противъ него. Ему приходилось ограничиться одними частными преобразованіями. Такъ, онъ положительно обязалъ всѣхъ монаховъ работою. Въ источники средствъ для содержанія монастыря была положена выручка за продажу этихъ домашнихъ трудовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пріоръ распорядился продажею богатствъ, накопившихся въ монастырѣ. Вырученныя деньги были употреблены на раздачу бѣднымъ. Отнынѣ все должно было зажить новою жизнью.

Всѣми этими преобразованіями, а также благочестивыми бесѣдами Савонарола надѣялся хотя до извѣстной степени очистить жизнь монаховъ и укрѣпить духъ ихъ. Только послѣ того уже можно было провести въ нихъ, а за ними и во все общество, тѣ идеи, развитіе которыхъ онъ считалъ главнымъ призваніемъ своей жизни. Конечно, въ немъ самомъ болѣе всего должно было сосредоточиваться и полнѣе всего выражаться проводимое имъ направленіе. И дѣйствительно, Савонарола вполнѣ удовлетворялъ своей задачѣ. Онъ пріобрѣлъ авторитетъ почти святаго человѣка. Его уже явно предпочитаютъ папѣ, не только во Флоренціи, но во всей Италіи. Въ немъ видѣли единственное духовное лицо, которому можно, даже должно подражать. Всѣ указывали на монастырь св. Марка. «Только тамъ процвѣтаетъ истинная христіанская жизнь», говорили въ городѣ благочестивые граждане, и ихъ голосъ отдавался во всѣхъ концахъ полуострова. Когда Савонарола задумалъ основать отдѣльную конгрегацію доминиканцевъ въ Тосканѣ, то, несмотря на сопротивленіе ломбардскаго духовенства, къ нему примкнули не только тосканскіе мужскіе и женскіе монастыри, но даже иные ломбардскіе. Монахи и про-

стой народъ считали за особенное счастье подчиниться святому человѣку. Единодушно, безъ всякаго прекословія, былъ наименованъ братъ Іеронимъ Савонарола провинціаломъ новой тосканской доминиканской конгрегаціи. Конечно, такое званіе требовало еще утвержденія папы. Путешествіе Савонаролы, отправившагося посѣтить свою новую паству, было началомъ того народнаго энтузіазма, который безпрерывно сопровождалъ пророка до самаго роковаго 1498 года. Власти города, повинуясь распоряженіямъ высшаго духовенства, отказывали въ пріемѣ новому провинціалу, котораго они считали самозванцемъ; но народъ встрѣчалъ его съ громкими криками восторга и не обращалъ вниманія ни на увѣщанія своего духовенства, ни на угрозы гражданскихъ властей.

Папа первое время принялъ горячо это дѣло, но потомъ, убѣжденный доминиканскимъ генераломъ, кардиналомъ Караффою, поклонникомъ Савонаролы, сдѣлался какъ-то равнодушенъ къ выходкамъ отважнаго пріора, котораго самъ не могъ не уважать въ душѣ за его святость и безупречность. Хладнокровно сказалъ онъ: «что сдѣлано, того не воротишь», и успокоился. Онъ спокоенъ былъ даже тогда, когда услужливые враги Савонаролы показали ему копію съ одной изъ горячихъ проповѣдей Джироламо, направленной прямо противъ римскаго разврата; въ ней Римъ и Борджіа назывались источникомъ всякихъ преступленій. Александръ VI имѣлъ, по крайней мѣрѣ, ту хорошую черту, что не мстилъ каждый разъ за оскорбленіе своей репутаціи, не считалъ себя особенно честнымъ человѣкомъ. Такого качества, однако, не раздѣляли его приближенные. Они не замедлили выставить его святѣйшеству на видъ то пагубное вліяніе, какое флорентійскія проповѣди могутъ оказать на папскій авторитетъ въ Европѣ. Тогда Борджіа, придерживаясь опять совѣта Караффы, придумалъ слѣдующее.

Къ Савонаролѣ посланъ былъ нѣкто Людовикъ феррарскій, хитрый доминиканецъ и довольно искусный дипломатъ и діалектикъ. Ему поручено было убѣдить пріора въ мнимой неосновательности его оскорбленій. Если же это не подѣйствуетъ,—въ чемъ, впрочемъ, папа и Караффа очень хорошо были увѣрены,—то посланному поручено было представить пріору въ перспективѣ флорентійское архіепископство, а тамъ и кардинальскій пурпуръ, котораго онъ, Савонарола, вполнѣ достоинъ какъ по своей святой жизни, такъ и по глубокой учености. Разумѣется, будущій кардиналъ долженъ платить съ своей стороны молчаніемъ обо всемъ, что бы ни дѣлалось у Борджіа въ Римѣ.

Людовикъ имѣлъ въ продолженіе трехъ дней тайныя бесѣды съ пріоромъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, не могъ склонить Савонаролу на сторону Александра VI. Мало того, кардинальская шапка, такъ дерзко и нагло предложенная, подлила масла въ огонь. Джироламо, при первомъ удобномъ случаѣ, сказалъ новую, еще болѣе рѣзкую, проповѣдь. Въ ней онъ обнаружилъ всѣ продѣлки папы. Эта восторженная рѣчь кончалась слѣдующими словами:

— Я не хочу никакой другой красной шляпы, кромѣ шляпы мученика, обагренной моею собственною кровью.

Когда Александръ VI узналъ, что посольство Людовика не достигло своей цѣли, когда онъ убѣдился, что ни угрозы, ни лесть не могутъ сломить неустрашимаго доминиканца,—то сказалъ, что, вѣрно, это угодникъ Божій, и даже запретилъ впредь отзываться о немъ худо въ своемъ присутствіи.

Но всякій, кто зналъ характеръ Борджіа, не придавалъ большаго значенія словамъ папы. Завтра легко все могло перемѣниться, и симпатію папы могла замѣнить ненависть. Дальновидные политики и люди опытные были вполнѣ убѣждены, что погибель Савонаролы, при окружавшей его обстановкѣ, была неизбѣжна.

Между тѣмъ, наступила другая эпоха въ жизни нашего героя. Съ перемѣною обстоятельствъ, возникаетъ и измѣненіе дѣятельности. Каѳедру проповѣдника замѣняетъ ораторская трибуна и кресло государственнаго человѣка. Савонарола дѣлается политическимъ героемъ, представителемъ новой теоріи народной жизни.

Эта вторая эпоха, упрочившая за нимъ видное мѣсто въ ряду замѣчательнѣйшихъ дѣятелей всемірной исторической арены, открывается 1494 годомъ,—нашествіемъ французскаго короля Карла VIII на Италію.

Съ ноябрьскихъ дней 1494 г. флорентійская внутренная и внѣшняя исторія на цѣлыхъ четыре года сливается съ біографіею Савонаролы. Пріобрѣтеніе имъ такой господствующей роли находится въ тѣсной связи со вступленіемъ французовъ въ Италію и съ изгнаніемъ изъ Флоренціи деспотическаго правителя Петра Медичи.

Въ 1494 г. французскій король Карлъ VIII вступилъ съ большимъ войскомъ въ Италію. Это было начало такъ называемыхъ итальянскихъ войнъ, которыми открывается новая исторія Европы. Карлъ VIII прошелъ всю Италію и безъ труда занялъ королевство Неаполитанское, на которое у него были наслѣдственныя права.

При вступленіи французовъ въ Италію, Флоренція, управлявшаяся уже въ теченіе 60 лѣтъ домомъ Медичи, владѣла еще многими до тѣхъ поръ независимыми городами Тосканы и нѣсколькими пограничными крѣпостями, отнятыми у генуэзцевъ. Изъ этихъ городовъ Пиза и Ливорно были совершенно подчинены, а Лукка и Сіена хотя и удерживали свою независимость, но должны были опасаться гнѣва могущественной Флоренціи. Во время нашествія французовъ на Италію всѣ крѣпости Флоренціи были заняты ими. Пиза получила независимость, а Сіена была принята подъ покровительство Франціи. Во Флоренціи, между тѣмъ, Карлъ VIII не только не встрѣтилъ серьознаго противодѣйствія, но даже отчасти поддержку. Дѣло въ томъ, что образовавшаяся тамъ партія, враждебная Петру Медичи и состоявшая изъ богатыхъ аристократовъ, родовыхъ соперниковъ его фамиліи, рѣшилась просить содѣйствія французскаго короля для низверженія Медичи. Несмотря на такое положеніе дѣлъ, Петръ надѣялся еще вступить въ борьбу съ приближающимся непріятелемъ. Но когда и Савонарола, настоящій повелитель Флоренціи, принялъ сторону французовъ, считая присутствіе ихъ за удобный случай къ сверженію аристократическаго протекторства Медичи, — что было главною мечтою его и важнѣйшимъ призваніемъ его жизни,—тогда и Петръ увидѣлъ необходимость мира съ Карломъ VIII. Во главѣ большаго и блестящаго посольства отправился повелитель Флоренціи съ повинною головою во французскій лагерь и тамъ послѣ долгихъ переговоровъ подписалъ позорный для Флоренціи мирный договоръ, по предварительнымъ условіямъ котораго Петръ, отъ своего имени, обязывался отдать французамъ три главные стратегическіе пункта флорентійской территоріи, кромѣ того, дозволить непріятельской арміи безпрепятственно занимать Пизу и Ливорно,

и, наконецъ, выплатить именемъ республики двѣсти тысячъ флориновъ. Трактатъ, присланный Петромъ на ратификацію синьоріи, сдѣлался извѣстенъ всему городу. Все поднялось и громко зашумѣло. Оскорбленное чувство народной чести требовало мести недостойному правителю, такъ открыто позорившему тѣни своихъ великихъ предковъ. На этотъ разъ всѣ сословія слились въ одномъ желаніи: какъ только Петръ вернулся во Флоренцію, его сперва исключили изъ правительственной коллегіи города, которымъ онъ распоряжался деспотически, а затѣмъ, по древнему обычаю, призвали народъ къ свободѣ. Петру было не по силамъ противиться этой бурѣ; онъ бѣжалъ со своими братьями изъ Флоренціи, гдѣ его объявили предателемъ отечества и постановили приговоръ о вѣчномъ изгнаніи всей фамиліи Медичи и о конфискаціи ихъ имущества.

Когда Карлъ VIII вступилъ во Флоренцію, гдѣ онъ пробылъ отъ 17 до 28 ноября 1494 г., онъ настаивалъ сначала на возвращеніи Петра и его братьевъ; но вновь образовавшееся правительство, руководимое Савонаролой, съ твердостью отвергло это требованіе, такъ что король французскій долженъ былъ согласиться на очень умѣренныя условія. Онъ принялъ флорентійскую республику на вѣчныя времена подъ покровительство французской короны и обязался возвратить не позже двухъ лѣтъ всѣ занятые города. Правленіе, судъ и сборъ податей въ занятыхъ мѣстахъ оставались за флорентинцами, которые, съ своей стороны, обязались не мстить за отпаденіе Пизы.

По изгнаніи Петра, во Флоренціи были возстановлены республиканскія учрежденія, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Савонаролы, въ рукахъ котораго находилась въ это время вся судьба Флоренціи.

По предложенію Джироламо, въ генеральномъ совѣщательномъ собраніи двухъ великихъ народныхъ совѣтовъ (consiglio del popolo и consiglio del commune) рѣшено было избрать 20 довѣренныхъ лицъ для составленія окончательнаго проэкта новаго государственнаго устройства. Эти 20 человѣкъ (называвшіеся i reformatori — преобразователи, или accopiatori—соединители) были избраны по городскимъ кварталамъ, по пяти человѣкъ изъ каждаго. Коммисія accopiatori, въ спискахъ которой блестятъ всѣ литературныя и государственныя знаменитости Флоренціи, имѣла свои засѣданія въ продолженіе цѣлаго года и, наконецъ, представила результатъ своего труда, выработанный подъ сильнымъ вліяніемъ идей Савонаролы. Такимъ-то образомъ явилась въ республикѣ новая правительственная форма, гарантированная санкціею всего народа. Гонфалоньеръ, ежегодно смѣнявшійся, и синьорія, какъ власти исполнительныя, были оставлены въ прежнемъ видѣ; но ихъ контролировало новое громадное собраніе, еще не бывалое во Флоренціи,—это такъ наз. *великій совѣтъ* (il grande consiglio) изъ 3200 человѣкъ. Участвовать въ немъ могли только лица, способныя къ исполненію общественныхъ обязанностей и имѣвшія притомъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Въ этомъ совѣтѣ преобладалъ аристократическій элементъ, потому что кандидаты должны были имѣть между своими предками кого-нибудь изъ высшихъ правительственныхъ лицъ. Но только въ случаяхъ первой важности великій совѣтъ собирался въ полномъ своемъ составѣ. По прошествіи 18 мѣсяцевъ, должны были происходить новые выборы.

Такъ какъ такое многочисленное собраніе врядъ-ли могло быть способно къ рѣшенію сложныхъ государственныхъ дѣлъ, то въ первомъ же

засѣданіи великаго совѣта рѣшено было предложить членамъ избрать изъ среды себя лучшихъ и даровитѣйшихъ людей для составленія *совѣта осьмидесяти*. Въ рукахъ его было составленіе новыхъ законовъ, которые шли на окончательное утвержденіе великаго совѣта, такъ же, какъ и распредѣленіе налоговъ. Совѣту осьмидесяти было поручено, между прочимъ, завѣдываніе иностранными и военными дѣлами, и въ этомъ отношеніи онъ отдавалъ приказаніе синьоріи.

Вмѣстѣ съ введеніемъ этихъ двухъ новыхъ государственныхъ учрежденій, было разрушено все прежнее правительственное зданіе флорентійской республики. Вездѣ получили перевѣсъ люди, заявившіе себя хорошими нравственными качествами, что было необходимо въ виду тѣхъ новыхъ началъ, которыя Савонарола стремился положить въ основаніе общественной жизни своихъ согражданъ. Моральный уровень народа, въ виду такого оборота дѣлъ, значительно возвысился. Конечно, этому много способствовало безпредѣльное уваженіе къ личности Савонаролы. Изъ приведеннаго описанія новаго флорентійскаго государственнаго устройства ясно видно, что, при всѣхъ его демократическихъ началахъ, народъ не выступалъ на первый планъ. Савонарола не создалъ строго-демократической республики. Онъ опасался дать теперь же силу и власть простому народу, выжидая болѣе удобнаго времени. На первый разъ онъ удовольствовался только признаніемъ черни равноправными гражданами, отнимая у нея въ то же время право участія въ государственныхъ дѣлахъ республики. Благодаря дѣятельному вмѣшательству Джироламо въ дѣло организаціи новаго правительства, устранилась междоусобная рѣзня, которая бы непремѣнно имѣла мѣсто при тогдашнихъ обстоятельствахъ, если бы не благотворное вліяніе Савонаролы.

Но, чтобы совершенно успокоить народъ, чтобы дать ему прочное ручательство въ его будущемъ величіи, чтобы убѣдить массу въ ея нравственномъ превосходствѣ и, наконецъ, чтобы всегда имѣть въ своей власти эту вѣчно подвижную толпу, Савонарола главою устроенной имъ іерархіи объявилъ самого Іисуса Христа. Что могло быть радостнѣе и спокойнѣе для государства, когда оно было увѣрено, что интересы его непосредственно блюдетъ самъ Христосъ. Увѣренная въ непреложной истинѣ, возвѣщенной его пророкомъ, Флоренція безпрекословно признала Христа своимъ верховнымъ властителемъ, который будетъ заботиться о своемъ любимомъ городѣ точно такъ же, какъ Богъ Отецъ объ всемъ мірѣ. Но, какъ духъ, Господь не можетъ быть видимымъ для глазъ простыхъ смертныхъ: Ему необходимо надо имѣть посредника, который, передавая его святую волю правителямъ и народу, былъ бы вполнѣ достоинъ по своей святости имѣть непосредственныя сношенія съ Богомъ.

Такимъ избранникомъ могъ быть только Савонарола, уже давно вѣщавшій именемъ Господа. Ему, слѣдовательно, по понятіямъ народа, исключительно принадлежало мѣсто перваго министра въ этомъ мистическомъ царствѣ. Поэтому указаніямъ святаго монаха должны повиноваться всѣ власти флорентійскія, какъ указаніямъ, исходящимъ непосредственно отъ Бога. Всякое ослушаніе влечетъ за собою гнѣвъ Іисуса Христа. Такимъ образомъ вѣра народная тѣсно связала между собою понятія о Богѣ и его пророкѣ Джироламо, нарочно ниспосланномъ на землю для посѣянія великихъ истинъ, добра и правды.

Такъ понимала дѣло неразвитая толпа. Конечно, не такъ смотрѣли

на-него люди нѣсколько образованные, и совершенно иначе смотрѣлъ на все самъ Савонарола. Между тѣмъ, благодаря своей политической выдумкѣ, онъ смѣло могъ быть увѣреннымъ, что прочно закрѣплено его личное вліяніе и господство надъ республикою. Наконецъ, такое исключительное попеченіе Христа надъ любимымъ городомъ совершенно обезпечивало флорентійскаго реформатора въ успѣхѣ предпринятаго имъ радикальнаго обновленія общественной жизни и народной нравственности, важнѣйшаго его историческаго подвига, къ которому правительственная реформа послужила только введеніемъ.

Приступая къ ознакомленію съ общественною реформаторскою дѣятельностью Савонаролы, мы должны вспомнить то печальное нравственное состояніе, въ которомъ находилась въ эту эпоху Флоренція, занимавшая по своей внутренней испорченности самое видное мѣсто въ ряду итальянскихъ городовъ. Человѣку, развившемуся въ сторонѣ отъ общей сферы, жившему своею собственною внутреннею жизнью, горячо лелѣявшему выработанныя долгими душевными страданіями нравственныя убѣжденія,—такому человѣку страшно было столкнуться съ грязною и пошлою дѣйствительностью. Понятно, что такой пахарь начнетъ свое дѣло съ самаго корня, что онъ будетъ безжалостно докапываться и вспахивать вмѣстѣ съ безполезными и красивыя растенія, что онъ будетъ добиваться совершенной расчистки поля, густо заросшаго колючимъ терновникомъ.

Ясно, что Савонарола, при пылкости и энергіи своего закаленнаго страданіями и борьбою характера, не всегда могъ, въ минуты страстной борьбы, отличать безвредное отъ разрушительнаго, невинное человѣческое удовольствіе отъ разврата, мелодію игривой канцонеты отъ площадной балаганной пѣсни соблазнительнаго содержанія. Конечно, продолжительное духовное подвижничество не могло также, и съ своей стороны, не привить къ нему аскетическихъ и нѣсколько узкихъ взглядовъ отшельнической кельи. Савонарола дѣлался даже безжалостнымъ, безчеловѣчнымъ въ тѣ минуты, когда видѣлъ вокругъ себя грязь разврата. Онъ рѣшался прибѣгать въ такихъ случаяхъ даже къ крайнимъ, крутымъ мѣрамъ. Онъ положительно былъ увѣренъ, что если погубитъ десятерыхъ, то спасетъ тысячи однимъ страхомъ безпощаднаго примѣрнаго наказанія. Онъ приказывалъ жечь живыми обвиненныхъ въ грубомъ развратѣ, который тогда началъ распространяться между итальянцами вслѣдствіе превратнаго изученія нѣкоторыхъ римскихъ писателей. Отсюда явилось необходимымъ, по его понятіямъ, запрещеніе классиковъ, которые могутъ въ такой степени опошлить жизнь христіанина. Святотатцамъ и богохульникамъ онъ велѣлъ вырѣзывать языки. Желая прекратить сильно развившіяся азартныя игры, онъ предложилъ брать огромные штрафы съ игроковъ. Въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ даже къ шпіонству. Слугѣ выдавалась денежная награда, если онъ донесетъ на своего господина; рабы получали свободу за доносъ. Впослѣдствіи вся Флоренція заразилась шпіонствомъ.

Дѣйствуя съ такою рѣшительностью, не разбирая средствъ, сильно добиваясь давно уже задуманной цѣли, жертвуя для достиженія ея даже

личною репутаціею, Савонарола былъ твердо убѣжденъ, что достигнетъ исполненія своихъ завѣтныхъ желаній. Чѣмъ болѣе увеличивались препятствія, тѣмъ болѣе возрастала его энергія. И онъ добился...

Менѣе чѣмъ черезъ годъ трудно было узнать Флоренцію. Все повиновалось волѣ суроваго монаха. Вмѣсто веселыхъ, буйныхъ карнаваловъ, которыхъ, бывало, ожидала съ нетерпѣніемъ флорентійская молодежь, наступили только религіозныя процессіи. Вмѣсто шумящей, разодѣтой толпы, теперь грубыя черныя платья, четки, лица, истомленныя долгимъ бдѣніемъ и постомъ.

Для чего все это дѣлалъ повелитель Флоренціи? Если мы приняли его за представителя идей гражданской свободы, то какъ примирить съ этимъ аскетическій характеръ его нравственной реформы? Какъ можно было такъ слѣпо бороться съ исторіею, возстановляя какое-то апостольское христіанское братство? Вотъ вопросы, которые предложатъ намъ многочисленные противники Савонаролы.

Савонарола дѣйствовалъ такимъ образомъ съ цѣлью исправить народъ и приготовить его къ свободѣ. Только къ преобразованному и нравственно-очищенному обществу можно было привить гражданскія коммунистическія понятія Джироламо. Его сочувствіе къ пролетаріату, утѣсненіе богатыхъ, все направленіе этой христіанской общины—ясно указывало на зародыши соціальнаго развитія, которые всегда неразлучны съ подобными общественными реформами.

Подъ бѣлою рясою монаха-аскета билось теплое сердце ученика Ѳомы аквинскаго,— сердце, полное безконечной отеческой любви къ погибающему городу,—сердце мягкое и женственное. Это сердце любило, но иною, не простою мірскою любовью. Оно теплилось высокою гражданскою любовью, которой, вѣроятно, не рѣшится отнять у знаменитаго итальянца самый закоренѣлый врагъ его.

Проповѣди Савонаролы, представляя собою выраженіе чего-то новаго, увлекательныя по изложенію, скорѣе всего могли, конечно, дѣйствовать на воспріимчивыя натуры женщинъ и дѣтей. Съ неописаннымъ энтузіазмомъ клялись онѣ непреложно исполнять все, завѣщанное святымъ монахомъ, который, по ихъ словамъ, былъ тотъ самый «свѣтъ истины», о которомъ нѣкогда говорилъ Симеонъ, принимая младенца-Спасителя въ іерусалимскомъ храмѣ. Потому-то хоръ мальчиковъ имѣлъ обыкновеніе встрѣчать появленіе пророка на каѳедрѣ пѣніемъ словъ Богопріимца: «Lumen ad revelationem gentium et gloriam plebis tuae Israel».

Могущественное вліяніе на женщинъ и молодое поколѣніе дало Джироламо возможность проникать съ своими новаторскими планами въ самое сердце семействъ. Мальчики и дѣвочки выказали удивительную для своихъ лѣтъ преданность Савонаролѣ, доходившую даже до совершеннаго рабства. Они, съ свойственною дѣтямъ хитростью, подсматривали втайнѣ за своими родителями. Разыгрывались ежедневныя семейныя сцены. Мужъ исполнялъ малѣйшій капризъ жены изъ опасенія попасть подъ опалу правительства. Родители заискивали расположенія своихъ дѣтей. Всѣ вмѣстѣ боялись прислуги, которая, справедливымъ или фальшивымъ доносомъ, выигрывала вѣчную свободу и даже большія деньги. Понятно, что, при такихъ порядкахъ, легко могла образоваться ненависть къ правительству и Савонаролѣ въ особенности.

Но нельзя не остановиться съ полною признательностью и глубокимъ

сочувствіемъ на тѣхъ полезныхъ нововведеніяхъ, которыми, между прочимъ, ознаменовалась эпоха реформаторскихъ стремленій Савонаролы. Къ числу ихъ мы относимъ, напр., учрежденіе monte di pietá (ломбарда), съ цѣлью снабжать деньгами всѣхъ нуждающихся за самые ничтожные проценты, которыхъ едва хватало на содержаніе служащихъ лицъ.

Но не одни государственные и административные проэкты приводились въ исполненіе согласно желаніямъ Савонаролы. Его реформа искореняла народные вѣковые обычаи, привычки, казалось, совершенно сжившіяся съ обществомъ.

Подъ вліяніемъ своихъ благородныхъ идей преобразованія общества на новыхъ началахъ съ патріархальнымъ характеромъ, Савонарола рѣшился на странную, во всякомъ случаѣ, довольно оригинальную мѣру.

«На праздникъ Рождества, передаетъ очевидецъ, болѣе 1300 мальчиковъ и дѣвушекъ, отъ 16 лѣтъ и моложе, собралось въ каѳедральномъ соборѣ. Когда отошла обѣдня, исполненная на этотъ разъ съ особеннымъ торжествомъ, и когда священнослужители пріобщились, каждый сообразно своей степени и достоинству, то и эти молодые люди получили святые дары изъ рукъ двухъ канониковъ. Они исполнили этотъ обрядъ съ такою скромностью и съ такимъ благоговѣніемъ, что зрители, особенно иностранцы, проливали слезы, удивляясь, какъ молодежь, мало склонная къ религіознымъ обрядамъ по своему возрасту, одушевлена такимъ набожнымъ настроеніемъ».

Всѣ собравшіеся въ церкви мальчики были раздѣлены на четыре отряда по городскимъ кварталамъ. Въ каждомъ былъ избранъ свой старшина и четыре помощника. Такимъ образомъ организовалась юная Христова инквизиція. Маленькіе инквизиторы должны были бѣгать по городскимъ улицамъ и наблюдать, чтобы нигдѣ не играли въ карты, кости и не предавались другимъ непозволительнымъ удовольствіямъ. Мальчики смѣло обращались на улицѣ къ разодѣтымъ дамамъ и дѣвушкамъ, останавливали ихъ и говорили: «именемъ короля нашего Господа Іисуса Христа и нашей царицы Пречистой Дѣвы Маріи, мы повелѣваемъ вамъ бросить всю эту роскошь. Помните, что смерть можетъ легко постигнуть васъ».

Мало того, дѣтскіе легіоны врывались въ дома гражданъ и смѣло обирали изъ комнатъ игральныя карты и кости, тимпаны, арфы, мандолины, флейты, духи, помаду, зеркала, маски, безнравственныя книги, соблазнительныя картины сладострастнаго содержанія, статуи, самые разнообразные предметы роскоши и удовольствія,—все это предавалось огню на городскихъ площадяхъ съ самыми торжественными церемоніями, иногда въ глазахъ самого Савонаролы. Началась тираннія мальчиковъ. Несмотря ни на знатность, ни на заслуги, ни на полъ,—все передѣлывалось подъ одну монастырскую рамку душнаго аскетизма. Думая истребить циническія канцоны и сладострастныя новеллы Боккачіо, проповѣдникъ истреблялъ все, что только выработала лучшаго распускающаяся итальянская поэзія «возрожденія»; не пощадили даже тѣней великихъ представителей древняго міра. Зачѣмъ намъ Платонъ, говорилъ Савонарола, когда теперь послѣдняя христіанка умнѣе Платона? Происходило ли такое увлеченіе отъ слѣпаго фанатизма, или отъ стремленія построить общественную жизнь на новыхъ началахъ,—вопросъ, недоступный рѣшенію біографа. Отвѣтъ скрылся въ затаенной глубинѣ души знаменитаго новатора и скрылся навсегда отъ взора людскаго.

Прежде веселая и развратная столица великолѣпныхъ Медичи, въ годы самаго сильнаго развитія вліянія Савонаролы, приняла видъ большаго монастыря, въ которомъ воспрещалось все, что не относилось къ молитвѣ и религіи. И народъ, особенно простой и бѣдный, слѣпо подчинялся указаніямъ своего пророка. Ревностно исполнялъ онъ всевозможные религіозные обряды. Пороку не было мѣста въ этой святой обители. Онъ долженъ былъ укрываться отъ фанатическихъ преслѣдованій дѣятельнаго молодаго поколѣнія. «Благодаря проповѣдямъ Савонаролы, говоритъ Нарди, было введено во Флоренціи много новыхъ законовъ о наказаніи пороковъ и преступленій, въ видахъ преобразованія и улучшенія нравственности. Можетъ быть, изъ страха Господня, а можетъ быть, и изъ страха ужасныхъ наказаній, —только въ это время городъ нашъ сдѣлался болѣе похожъ, на христіанскій, нежели прежде или даже послѣ Савонаролы».

Такой результатъ, конечно, былъ исключительнымъ плодомъ стараній и усилій Джироламо, плодомъ его твердой воли. Число слушателей его проповѣдей съ каждымъ днемъ достигало до громадныхъ размѣровъ. Даже соборъ оказывался уже непомѣстительнымъ. Необходимо было противъ каѳедры устроить новый большой и высокій амфитеатръ, который достигалъ до самаго хора церкви. Замѣчательно, что этотъ амфитеатръ, предназначенный для дѣтей не моложе 12 лѣтъ, былъ весь и всегда занятъ молодыми слушателями, такъ что никогда не оставалось ни одного пустаго мѣста. Но, кромѣ флорентійцевъ, постоянныхъ и вѣрныхъ поклонниковъ своего учителя, соборъ сталъ чаще и чаще наполняться заѣзжими иностранцами, которые иногда пріѣзжали во Флоренцію только для того, чтобы взглянуть на ея ораторскую и государственную знаменитость. Иныхъ, говоритъ историкъ, влекло религіозное чувство, другихъ соблазняло услышать какое-нибудь пророчество Джироламо. Глубокое благоговѣніе всегда царствовало на лицахъ слушателей Джироламо.

Чужеземцы далеко разносили молву о флорентійскомъ героѣ. Флорентійскіе и венеціанскіе купцы, бывшіе всюду по своимъ торговымъ дѣламъ, съ сильнымъ увлеченіемъ и съ большими подробностями разсказывали о святомъ пророкѣ. Въ Лондонѣ, Ліонѣ, Брюсселѣ, говорятъ біографы Савонаролы, удивлялись монаху, который произвелъ революцію, измѣнилъ государственное устройство, исправилъ нравы и обычаи цѣлаго народа,—все это одною духовною силою слова.

Но не одна толпа легкомысленной и всегда непостоянной черни, не одни даже кружки болѣе развитыхъ сословій увлекались личностью Савонаролы. Масса способна увлекаться всѣмъ, что только выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Мы высоко ставимъ фигуру итальянскаго реформатора не вслѣдствіе восторговъ фанатической толпы, а по тѣмъ симпатіямъ, какія внушалъ онъ передовымъ людямъ тогдашней Италіи, представителямъ возрожденія. Надежнѣйшіе друзья Савонаролы, истинные цѣнители его, были эти благородные люди, которыхъ тѣсно соединяла между собою духовная любовь и безкорыстная преданность наукѣ и литературѣ. Вспомнимъ главнѣйшихъ представителей времени, связанныхъ живыми дружескими отношеніями съ Савонаролою. Знаменитый глава платонической академіи, обезсмертившій себя переводомъ Платона, передовой мыслитель тогдашней эпохи, другъ Козимо и Лоренцо Медичи, Марчелло Фичино; не менѣе замѣчательный философъ и необыкновенно

даровитый Джіованни Пико делла-Мирандола; лучшіе итальянскіе поэты того времени, какъ Анджело Полиціано, первоклассный историкъ Джакопо Нарди, блестящій, какъ писатель, и еще болѣе симпатичный, какъ человѣкъ; великій Микель-Анджело Бонаротти, обезсмертившій Савонаролу въ своемъ Моисеѣ, этомъ геніальномъ произведеніи итальянскаго рѣзца; одинъ изъ лучшихъ художниковъ времени, Баччіо делла-Порта, самъ приносившій, въ порывѣ религіознаго фанатизма, на костеръ, устроенный Савонаролою, чудныя картины своей работы; другія ученыя и литературныя знаменитости, для насъ, конечно, не важныя, но уважаемыя въ свое время, какъ Аччіяйоли, Нази, Веспуччіо и др.,—вся эта стройная фаланга передовыхъ дѣятелей великаго, по своему значенію, времени принадлежала къ числу пламенныхъ поклонниковъ Савонаролы. Всѣ они находились съ нимъ въ болѣе или менѣе постоянныхъ сношеніяхъ; всѣ они сочувствовали и понимали его, раздѣляя, если не вполнѣ его убѣжденія, то, по крайней мѣрѣ, преклоняясь передъ главными изъ нихъ. Конечно, представители блестящаго и полнѣйшаго развитія итальянскаго платонизма, какъ Пико и Фичино, не могли сочувствовать кострамъ и другимъ пуританскимъ проявленіямъ своего друга, но они очень хорошо знали, что все это не болѣе, какъ вспомогательное средство къ осуществленію его широкой программы преобразованія народной жизни на новыхъ, свѣжихъ началахъ.

Слѣдовательно, мы опять приходимъ къ убѣжденію, что Савонарола былъ вождемъ цѣлой партіи людей, стремившихся къ лучшему. Но такъ какъ эта небольшая партія людей была ничтожна числомъ своихъ представителей, такъ какъ эти представители не рѣшались открытою силою поддерживать свои начала, и такъ какъ ихъ нисколько не одобряла ни чернь, ни горожане, ни аристократы,—то дѣло ихъ должно было непремѣнно погибнуть, а главный виновникъ долженъ былъ пожертвовать за него своею жизнью. Такъ и случилось.

Однако, въ описываемое нами время трудно было предсказать паденіе и казнь флорентійскаго героя; трудно было уже потому, что онъ еще крѣпко опирался на преданную ему массу простаго и бѣднаго народа, который нелегко можно было безъ причины оттолкнуть отъ своего благодѣтеля. Для этого надо было вмѣшаться въ дѣло какому нибудь непреложному авторитету, который бы хотя нѣсколько своимъ вѣсомъ могъ поспорить съ генеральнымъ викаріемъ флорентійскимъ. Авторитета нравственнаго не оказалось, но за-то явился авторитетъ страшной силы, передъ которымъ еще никто не могъ устоять въ тѣ времена. То былъ папа.

Съ папою того времени, во всемъ его католическомъ всеоружіи, нельзя было долго бороться человѣку, на сторонѣ котораго была только честь, нравственная правота и сила ума, недостаточная, однакожь, для физической борьбы съ могучими средствами римской тіары. Савонарола, при всѣхъ такихъ невыгодныхъ условіяхъ, не думалъ уступать. Онъ рѣшился на отчаянную, рискованную борьбу, забывая, что соперникъ его спеціалистъ не въ одномъ развратѣ, но еще въ большей мѣрѣ въ интригахъ, низости и коварствѣ.

Съ замѣчательнымъ искусствомъ и притомъ довольно долго велъ онъ эту борьбу. Онъ очень хорошо зналъ о результатѣ, который долженъ будетъ послѣдовать за нею, но желалъ, по крайней мѣрѣ, заявить міру,

что можно бороться съ самимъ первосвященникомъ, опозореннымъ по всей Европѣ именемъ Борджіа. Но не одну войну съ духовными громами Ватикана приходилось вынести Савонаролѣ. Онъ долженъ былъ защищаться еще отъ тѣхъ, кого такъ безмѣрно и страстно любилъ, для кого готовъ былъ пожертвовать своею жизнью,—защищаться отъ народа флорентійскаго. Происками враждебныхъ ему партій республиканская чернь начинала иначе смотрѣть на своего прежняго идола. Безъ поддержки народа, безъ этой надежной опоры, нельзя было окончательно бороться съ Римомъ. Геройски отбиваясь, великій боецъ сложилъ оружіе...

Въ 1497 г. Савонарола, возмущенный новыми злодѣяніями папы, снова началъ рѣзкую проповѣдь противъ Александра VI и нравственнаго паденія церкви, требуя исправленія и очищенія ея и пророча, что церкви придется перенести много бѣдствій. Эти проповѣди и вліяніе доминиканскаго монаха сильно раздражили какъ папу, такъ и завистливыхъ францисканцевъ, которые соединились съ многочисленными врагами, нажитыми демагогомъ Савонаролою во Флоренціи, и помогли папѣ уничтожить фанатика. Они пожаловались на Савонаролу и его фанатическихъ учениковъ въ Римѣ. Папа запретилъ ему проповѣдывать. Но Савонарола началъ говорить еще болѣе рѣзко. Папа отлучилъ его отъ церкви, грозилъ тѣмъ же всѣмъ его слушателямъ и, наконецъ, потребовалъ отъ флорентійскаго правительства, чтобы оно арестовало и наказало Савонаролу, угрожая, въ противномъ случаѣ, интердиктомъ всему городу. Несмотря на это, Савонарола продолжалъ проповѣдывать въ соборѣ при огромномъ стеченіи народа.—Наконецъ францисканцамъ пришла мысль потребовать, чтобы Савонарола доказалъ огненнымъ испытаніемъ свое пророческое призваніе, пройдя чрезъ огонь, разложенный на площади. Савонарола не хотѣлъ принимать это предложеніе; но между преданными ему монахами нашлось нѣсколько фанатиковъ, готовыхъ вмѣсто него выдержать испытаніе, подъ условіемъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними пошелъ въ огонь кто-нибудь изъ францисканцевъ. Нѣсколько францисканскихъ монаховъ приняли вызовъ; но, когда уже костеръ пылалъ и народъ собрался смотрѣть на испытаніе, францисканцы вдругъ стали дѣлать разныя придирки относительно формы его, и испытаніе не состоялось.—Съ этого дня Савонарола потерялъ не мало приверженцевъ въ массѣ народа, который осыпалъ его даже насмѣшками и жестокими оскорбленіями. Два дня спустя, народъ, возбужденный распутниками, озлобленными на Савонаролу за его проповѣди, бросился въ монастырь св. Марка, разорилъ его, схватилъ Савонаролу и притащилъ въ тюрьму съ нѣсколькими его друзьями и учениками. Папа прислалъ вести процессъ генерала доминиканскаго ордена.

Инквизиціонный судъ, послѣ долгой и мучительной пытки надъ Савонаролой, приговорилъ его къ огненной смерти вмѣстѣ съ его двумя ревностнѣйшими послѣдователями, Бонвичини и Маруффи. 23 мая 1498 года совершена была надъ ними мучительная казнь посредствомъ повѣшенія надъ разведеннымъ подъ висѣлицей костромъ.

Когда уже петля обвила шею Джироламо, то онъ съ кроткимъ сожалѣніемъ произнесъ свои послѣднія знаменитыя слова: «Флоренція, Флоренція, что ты дѣлаешь?»

Когда костеръ началъ тухнуть и выяснились черныя кости сгорѣвшихъ мучениковъ, то приверженцы Савонаролы (piagnoni) черезъ ряды

войска неистово бросились къ эшафоту. Силою прогнавши стражу, которой поручено было бросить пепелъ и кости въ рѣку, они начинали сбирать и выхватывать изъ догоравшаго пламени эти драгоцѣнные для нихъ остатк і великаго вождя и его честныхъ друзей. Они, какъ звѣри, кидались на солдатъ и вырвали у нихъ все, что успѣли захватить.

Всѣ бра. и себѣ на память обгорѣлые куски висѣлицы или дровъ, обагренныхъ кровью святыхъ мучениковъ. Кости сложили, какъ съумѣли, и съ честью, орошая горячими слезами, ночью зарыли на кладбищѣ св. Марка.

XXXII. ЭРАЗМЪ РОТТЕРДАМСКІЙ.

(Изъ соч. Петрова: «Очерки изъ всеобщей исторіи»).

Въ Германіи гуманизмъ засталъ совершенно другія обстоятельства, чѣмъ въ Италіи: иныя политическія задачи, иной духъ и стремленія, но, въ свою очередь, умѣлъ послужить и имъ.

Между различными интересами, наполняющими средневѣковую жизнь этой страны, самое видное мѣсто безспорно занимаетъ исконное стремленіе нѣмецкой націи отбиться отъ тиранніи Рима. На континентѣ Европы едва-ли былъ другой народъ, который бы столько разъ и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ протестовалъ противъ теократическихъ притязаній и мірскаго характера римской епархіи. Плодомъ такого долгаго и общаго настроенія была, какъ извѣстно, реформація XVI вѣка. Гуманизмъ очень рано примкнулъ къ этому оппозиціонному движенію, сообщивъ ему и болѣе научный характеръ, и силу.

У самобытнаго классическаго образованія Германіи было общаго съ итальянскимъ только восторженное поклоненіе древности. Точно такъ же и здѣсь, какъ за Альпами, разыскивали, комментировали, переводили и издавали греческихъ и римскихъ писателей, покупая рукописи на вѣсъ золота и наивно считая безсмертнымъ каждаго замѣчательнаго латиниста. Во всемъ остальномъ оно стояло въ рѣзкой противоположности съ романскимъ духомъ Аппенинскаго полуострова. Гордая, цѣльная, почти безпримѣсная народность Германіи постоянно служила оплотомъ какъ чистотѣ публичной морали, такъ и стародавнему устройству общественному, проникнутому территоріальнымъ и племеннымъ партикуляризмомъ. Римская идея императорской, т. е. единой, всепоглощающей государственной власти, — идея, искусственно пересаженная на нѣмецкую почву,— никогда не пользовалась здѣсь прочнымъ сочувствіемъ.—Самъ Карлъ V, воспитанный античнымъ ученіемъ Макіавелли, при всемъ своемъ громадномъ могуществѣ, встрѣтилъ со стороны національныхъ элементовъ такой отпоръ, о который сокрушились всѣ его планы и силы.—Ясно, что при такомъ настроеніи патріотическаго большинства политическая литература древнихъ не могла здѣсь встрѣтить симпатическаго пріема.— Зато классическая философія, особенно идеализмъ Платона, очень удачно гармонировавшій съ духомъ и характеромъ націй, и воспитавшіеся на платонической морали отцы христіанской церкви стали властвовать надъ лучшими умами. Въ Германіи не было также того равнодушія къ религіи, какое мы видѣли за Альпами. Напротивъ то-

го, какъ филологическими работами, такъ и изученіемъ самаго содержанія древнихъ писателей нѣмецкій гуманизмъ весь направленъ былъ къ возстановленію первобытной чистоты христіанства, искаженнаго своекорыстной и мірской политикой папъ. Наконецъ, самое меценатство, ученая гордость гуманистовъ и ихъ аристократическое пренебреженіе къ народу—здѣсь далеко не были такъ оскорбительны, какъ въ Италіи. Въ Германіи, однимъ словомъ, классицизмъ попалъ въ иную среду и потому произвелъ иныя явленія и результаты. Всѣ почти церковные реформаторы, Лютеръ, Меланхтонъ, Цвингли, выросли на почвѣ національнаго классическаго образованія. Одинъ только Эразмъ совершенно усвоилъ себѣ направленіе итальянское.

Хотя Эразмъ роттердамскій по рожденію былъ голландецъ, по собственно не принадлежалъ никакой націи. Это былъ одинъ изъ тѣхъ абстрактныхъ ученыхъ, какихъ эпоха гуманизма породила довольно много, особенно въ Италіи. Нельзя даже назвать его и космополитомъ, потому что прямымъ отечествомъ его былъ одинъ только древній, классическій міръ или—правильнѣе—его врожденная литература. Всю жизнь свою переѣзжая съ мѣста на мѣсто, изъ одного края въ другой, и проживая иногда по цѣлымъ годамъ то въ Нидерландахъ, то во Франціи, то въ Англіи или Италіи, онъ, однакожь, остался совершенно чуждъ общественнымъ интересамъ этихъ странъ. Даже въ Швейцаріи, гдѣ онъ провелъ послѣднія пятнадцать лѣтъ своей жизни, не умѣлъ онъ привязаться ни къ чему и жилъ въ Базелѣ просто по привычкѣ, уставши подъ старость отъ кочующей жизни. Почти съ гордостью хвалился онъ тѣмъ, что не умѣетъ говорить ни по-итальянски, ни по-французски, ни по-англійски. Можно думать, что и по-голландски зналъ онъ также довольно плохо. Настоящимъ роднымъ его языкомъ былъ латинскій, на которомъ онъ писалъ и говорилъ съ такою легкостью, свободой и изяществомъ, что даже лучшіе итальянскіе гуманисты удивлялись ему и завидовали. Почти въ такомъ же совершенствѣ овладѣлъ онъ и греческимъ. Даже думалъ онъ не иначе, какъ на одномъ изъ древнихъ языковъ, преимущественно по-латыни.

Такихъ удивительныхъ познаній въ мертвыхъ языкахъ достигъ Эразмъ долгимъ и настойчивымъ самоиспытаніемъ, такъ какъ ни девентерская школа, гдѣ онъ началъ свое гуманистическое образованіе, ни парижскій университетъ, гдѣ онъ продолжалъ его, не могли дать ему и сотой доли того громаднаго знакомства съ древними литературами, какое усвоилъ онъ себѣ при необыкновенной памяти и неусыпномъ трудѣ. Всѣ его симпатіи съ ранней молодости стремились къ Италіи и тамошней гуманистической школѣ. Возможно большее распространеніе научныхъ свѣдѣній, борьба съ предразсудками и обскурантизмомъ монаховъ, примѣненіе филологической критики къ исправленію каноническаго текста библіи,—вотъ къ чему стремился Эразмъ. Изъ древнихъ писателей самое большое образовательное вліяніе на Эразма имѣлъ Лукіанъ, отрицатель и скептикъ, не вѣрившій ни во что и надъ всѣмъ смѣявшійся. Если мы прибавимъ къ этому женственное воспитаніе въ дѣтствѣ, моральный гнетъ не по убѣжденію принятыхъ монашескихъ обѣтовъ и хилое тѣлосложеніе, то получимъ довольно приблизительное понятіе объ условіяхъ, среди которыхъ сложился нравственный и ученый характеръ роттердамскаго мудреца. Сухимъ раціонализмомъ, безусловнымъ поклоненіемъ древнимъ

авторитетамъ, раздражительнымъ и чуткимъ самолюбіемъ и не всегда честнымъ заискиваніемъ у сильныхъ меценатовъ онъ совершенно напоминаетъ итальянскихъ гуманистовъ. Отъ этихъ же образцовъ заимствовалъ онъ и неутомимую жажду славы и земнаго безсмертія, бывшую, какъ извѣстно, какимъ-то лихорадочнымъ недугомъ тогдашнихъ итальянцевъ. Всѣ его усилія направлены лишь къ тому, чтобы разлить между своими современниками возможно-бо̀льшую массу научныхъ свѣдѣній. Съ этой цѣлію предпринимаетъ онъ цѣлый рядъ изданій классическихъ писателей и отцовъ церкви съ богатѣйшими критическими примѣчаніями и комментаріями, составляетъ громадные сборники древнихъ пословицъ и апофегмъ или замѣчательнѣйшихъ сентенцій и изреченій древнихъ философовъ и моралистовъ, возстановляетъ болѣе правильный латинскій текстъ новаго завѣта и издаетъ къ нему великолѣпнѣйшіе парафразы, полагая тѣмъ первое основаніе наукѣ библейской критики и экзегезы. Этимъ же господствующимъ побужденіемъ объясняется и его ожесточенная борьба съ обскурантизмомъ, схоластикой и ихъ опаснѣйшими представителями, тогдашними католическими монахами. Извѣстно, съ какимъ ѣдкимъ сарказмомъ осмѣивалъ онъ ихъ невѣжество, тупоуміе и развратъ въ своихъ діалогахъ, письмахъ и сатирѣ «Похвала глупости». А каково было дѣйствіе этой борьбы на умы и вообще успѣхъ этой дѣятельности— можно судить потому, что знаменитый памфлетъ еще при жизни автора выдержалъ восемь большихъ изданій и былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки, и что Германія, гдѣ въ половинѣ XV вѣка университетскіе профессора едва знакомы были съ греческимъ алфавитомъ и гдѣ было множество священниковъ, которые въ жизнь свою никогда не читали полнаго текста евангелія,—семьдесятъ лѣтъ спустя, классической ученостью могла уже потягаться съ самими итальянцами. Между дѣятелями и виновниками такого быстраго, почти внезапнаго, научнаго перерожденія нѣмецкаго общества Эразму роттердамскому безспорно принадлежитъ первое мѣсто и безсмертная историческая заслуга. Это былъ великій учитель обновленной «возрожденіемъ» Европы, и не даромъ общественное мнѣніе эпохи украсило его своими лучшими вѣнками. Въ наше время трудно себѣ представить то высокое уваженіе, какимъ онъ пользовался у современниковъ. Отъ Англіи до Италіи, отъ Польши до Венгріи, по выраженію одного изъ нихъ, шла его слава. Со всѣхъ сторонъ сыпались къ нему подарки, пенсіоны и почетныя приглашенія. Римская курія предлагала ему кардинальство. Въ его базельскомъ домѣ была цѣлая комната, сверху до низу уставленная цѣнными вещами, присланными къ нему изъ разныхъ странъ Европы. Могущественнѣйшіе государи—Генрихъ VIII англійскій, Францискъ I, папы, кардиналы, прелаты, государственные люди и первые ученые вѣка считали за счастіе съ нимъ переписываться. Баварское правительство готово было назначить ему огромное содержаніе только за то, чтобы онъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія Нюрнбергъ. Когда ему случилось однажды пріѣхать во Фрейбургъ, то магистратъ, цехи съ распущенными знаменами, университетъ съ привѣтственными рѣчами и дипломами и все населеніе города вышли къ нему на-встрѣчу, какъ къ какому-нибудь монарху. И дѣйствительно, это былъ властелинъ своего рода. Этотъ маленькій бѣлокурый старичокъ съ голубыми полузажмуренными глазками, полными тонкой наблюдательности, и съ саркастической улыбкой на устахъ, съ робкими манерами и

походкой, вѣчно больной и хилый, дрожавшій при словѣ «смерть», представлялъ собою великую нравственную силу, впервые тогда возникшую въ Европѣ и незнакомую ни среднему вѣку, ни древности, — силу общественнаго мнѣнія, предъ которымъ невольно склонялись сильные міра, пока не научились управлять имъ въ извѣстной степени.

Но что же дѣлалъ и какъ велъ себя Эразмъ во время начавшейся борьбы со старою церковью? Естественнѣе всего было ожидать, что онъ смѣло станетъ на сторону реформаторовъ. Вѣдь въ своихъ сочиненіяхъ тысячу разъ высказывалъ онъ тѣ же нападки на испорченность клира и учрежденій церковныхъ; а надъ выродившимся монашествомъ вѣка никто не смѣялся такъ зло и безпощадно, какъ онъ, никто не питалъ къ нему столько ненависти. Съ Лютеромъ онъ расходился только въ догматическомъ вопросѣ о благодати, во всемъ же остальномъ былъ съ нимъ совершенно согласенъ. И, однакожь, мы видимъ, что, посреди разыгравшагося движенія, онъ постоянно держится въ какомъ-то уклончивомъ и двусмысленномъ положеніи, осторожно и робко лавируя между спорными вопросами времени и не рѣшаясь открыто высказаться въ какомъ нибудь смыслѣ. Чаще всего старается онъ угодить и тому, и другому лагерю. Дастъ онъ, напримѣръ, по какому-нибудь случаю, благопріятный отзывъ о новыхъ теологахъ, какъ тотчасъ уже спѣшитъ оправдаться предъ папой и кардиналами. Онъ не прочь и отъ реформъ, но желалъ-бы ихъ путемъ добровольнаго и мирнаго соглашенія. Сначала онъ какъ будто поддерживалъ Лютера, переписывался съ нимъ, обмѣнивался взаимными комплиментами; когда же простой академическій споръ превратился въ общественный пожаръ и посреди волненія, охватившаго всю страну, послышались зловѣщіе крики о кострахъ, казняхъ, изгнаніяхъ и проклятіяхъ, — мало-по-малу отдѣлился отъ него и умылъ руки. «Демонъ овладѣлъ этимъ неукротимымъ человѣкомъ», писалъ онъ уже о реформаторѣ тотчасъ послѣ разрыва его съ папствомъ и скандальной полемики съ Генрихомъ VIII,—изъ страха прослыть еретикомъ, сочинилъ цѣлый трактатъ противъ его ученія и кончилъ тѣмъ, что не только отрекся отъ всякой съ нимъ солидарности, но, подъ конецъ жизни, примирился даже со злѣйшими своими врагами, нищенствующими монахами. Но, употребляя всѣ возможныя усилія, чтобы не подать и малѣйшаго подозрѣнія въ сочувствіи открытому возстанію противъ папства, онъ въ то же время продолжалъ потихоньку посмѣиваться надъ старыми грѣхами старыхъ грѣшниковъ папистовъ. Такимъ поведеніемъ, разумѣется, онъ не удовлетворилъ никого и былъ оставленъ обѣими партіями. Протестанты заклеймили его именемъ малодушнаго отступника, а монахи все-же не перестали твердить, что онъ-то и есть корень всего зла, что онъ положилъ яйцо, а Лютеръ его только высидѣлъ.

Вотъ роль, которую разыгрывалъ Эразмъ въ величайшемъ жизненномъ вопросѣ своего времени. Безучастнымъ и холоднымъ наблюдателемъ стоитъ онъ на берегу, глядя на мимо-несущіяся волны и заботясь только о томъ, какъ бы и его не подхватило теченіе. А между тѣмъ, какой огромный вѣсъ могъ бы имѣть голосъ такого человѣка посреди поднявшихся отовсюду сомнѣній, — какъ дѣятельно могъ бы онъ послужить реформѣ со своимъ всеевропейскимъ авторитетомъ и властью надъ умами!

Лучшіе историки нашего времени объясняютъ такое недостойное по-

веденіе роттердамца отчасти его болѣзненной и хилой организаціей, не позволившей въ немъ развиться сильному характеру, отчасти же тѣмъ, что, дорожа больше всего успѣхами гуманистическаго образованія, онъ боялся, что смуты и волненія реформаціи могутъ повредить этой, тогда еще не окрѣпшей, наукѣ. Оттого онъ и ограничился только отвращеніемъ отъ зла и указаніемъ пути къ его исцѣленію, но самъ не пошелъ по немъ. Но Лютеръ совершенно вѣрно понялъ и оцѣнилъ этотъ характеръ, сказавши, что, при всѣхъ его достоинствахъ и заслугахъ, ему все-таки не доставало главнаго, т. е. благодатной и плодотворной любви, какъ лучшаго источника истинно-человѣческой дѣятельности.

XXXIII. БОРЬБА РЕЙХЛИНА СЪ НЕВѢЖЕСТВОМЪ И ФАНАТИЗМОМЪ.

(Изъ Шлоссера: Всемірная Исторія).

Въ кружкѣ людей, которые, не нападая на церковную вѣру, старались улучшить жизнь и занятія наукой по итальянскому образцу, главную роль игралъ Іоганнъ Рейхлинъ. Значеніе его состоитъ въ томъ, что онъ положилъ въ Германіи начало изученію греческаго языка, въ чемъ ему помогли его друзья, и изученію еврейскаго — почти безъ посторонней помощи, созданію нѣмецкой сцены, а также отнятію у монаховъ образованія юношества.

Іоганнъ Рейхлинъ сперва приготовлялся къ юридической карьерѣ; воспитаніе его способствовало къ развитію въ немъ желанія ознакомиться со всѣми науками своего времени. Въ 1473 и 1474 годахъ онъ учился въ Парижѣ у одного нѣмца, который былъ равносиленъ въ грамматикѣ, философіи и богословіи и прославился сочиненіемъ о литургіи. Этотъ человѣкъ назывался въ Германіи Іоганнъ Гейнлинъ фонъ-Штейнъ, у французовъ де-ла-Пьеръ, и въ 1499 году онъ былъ ректоромъ въ Парижѣ. Въ одно время съ Гейнлиномъ читалъ въ Парижѣ лекціи греческаго языка Гермонимъ изъ Спарты, и Рейхлинъ, учившійся сперва у него, по пріѣздѣ въ 1475 году въ Базель, продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ другого грека Андроника Контоблакаса. Въ Базелѣ онъ встрѣтилъ благороднаго и набожнаго Іоганна Веселя изъ Гренингена. Послѣдній долженъ былъ оставить Парижъ по подозрѣнію въ отступничествѣ отъ католицизма. Рейхлинъ былъ обязанъ ему многимъ, и между прочимъ, первыми свѣдѣніями въ еврейскомъ языкѣ. Въ Базелѣ Рейхлинъ въ теченіе нѣскольких лѣтъ занимался изученіемъ новой науки, которую онъ и его друзья черпали изъ древнихъ писателей. Получивъ полное классическое образованіе, онъ отправился въ Орлеанъ и Пуатье, гдѣ господствовало изученіе древняго римскаго права, какъ классической науки, въ тѣсной связи съ тѣмъ, что мы называемъ теперь филологіей. И тамъ онъ продолжалъ заниматься до тѣхъ поръ, пока не отправился въ Тюбингенъ, какъ практическій дѣлецъ и юристъ. Графъ Эбергардъ Старшій или Набожный Виртембергскій взялъ его къ себѣ въ секретари. Въ 1428 году Эбергардъ отправился на богомолье въ Италію и взялъ съ собою Рейхлина. Тамъ Рейхлинъ пользовался уваже-

ніемъ, какъ государственный человѣкъ и ученый. Лоренцо Медичи и Марсилій Фицинъ подружились съ нимъ и посвятили его во всѣ тайны мистическаго платонизма. Его мистицизмъ и увлеченіе имъ относятся какъ разъ къ тому времени, когда онъ занимался юридическими и дипломатическими дѣлами Эбергарда и ѣздилъ къ императору Фридриху III и Максимиліану I, сдѣлавшимъ его членомъ своего тайнаго совѣта и давшимъ ему мѣсто и голосъ въ коллегіяхъ.

Со смертію Эбергарда, обстоятельства такъ измѣнились въ Виртембергѣ, что Рейхлинъ былъ принужденъ совершенно отказаться отъ дѣлъ и для поддержанія существованія заниматься литературой. Будучи другомъ набожнаго Эбергарда, онъ продолжалъ заниматься науками и языками не ради выгодъ и употребленія, но изъ удовольствія.—Послѣ смерти Эбергарда Рейхлинъ нашелъ въ наукѣ больше утѣшенія и славы, чѣмъ могли ему доставить титулы и почетныя должности. Впрочемъ, онъ приносилъ нѣмецкой наукѣ пользу и другимъ путемъ: его корреспонденція доказываетъ, что онъ умѣлъ воспользоваться знакомствами, составленными имъ во время путешествій и въ качествѣ министра Эбергарда; благодаря имъ, онъ обогатилъ Германію рѣдкими манускриптами классическихъ сочиненій. Въ то время, когда Рейхлинъ жилъ въ Вѣнѣ, въ качествѣ юриста и государственнаго человѣка, ученый талмудистъ Іаковъ Іегіель Лоансъ, котораго императоръ сдѣлалъ рыцаремъ и своимъ лейбъ-медикомъ, посвятилъ его во всѣ тонкости еврейской грамматики; еврейскій языкъ онъ самъ уже давно изучилъ *). Онъ до такой степени убѣдился въ необходимости пользоваться евреями для точнаго знакомства съ еврейскимъ языкомъ и объясненія ветхаго завѣта, что, несмотря на свой спокойный и осторожный характеръ, не поколебавшійся даже при появленіи Лютера, совершенно измѣнилъ себѣ, когда одинъ фанатическій инквизиторъ захотѣлъ истребить еврейскія книги. Мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе на этой исторіи, потому что она надѣлала много шуму, и исходъ ея былъ гибеленъ для нѣмецкаго обскурантизма, такъ какъ всѣ здоровые умы соединились противъ схоластическаго направленія школъ и осмѣяли стремленія своихъ невѣжественныхъ враговъ.

Споръ его изъ-за евреевъ находится въ связи съ исторіею еврея Іоганна Фефферкорна, перешедшаго въ христіанство и желавшаго зарекомендовать себя католическому духовенству преслѣдованіемъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Впрочемъ, Рейхлинъ совершенно невинно навлекъ на себя непріятности изъ-за евреевъ; кто читалъ появившееся въ 1505 году сочиненіе его: «Посланіе къ одному дворянину о томъ, почему евреи такъ долго пребываютъ въ бѣдственномъ положеніи», тотъ никогда не подумаетъ, что онъ былъ особенно расположенъ къ нимъ. По его мнѣнію, они вполнѣ заслужили всѣ бѣдствія, преслѣдовавшія ихъ полторы тысячи лѣтъ, тѣмъ, что отвергли Мессію и что книги ихъ заключаютъ въ себѣ богохульства. Не удивительно, что послѣ заявленія Рейхлиномъ такого мнѣнія крестившійся Фефферкорнъ, предпринимая родъ крестоваго похода противъ евреевъ, особенно разсчитывалъ на содѣйствіе Рейхлина, пользовавшагося покровительствомъ императора Максимиліана и имѣвшаго въ государствѣ большой вѣсъ; понятно также, что

*) Рейхлинъ первый сдѣлалъ доступною нѣмцамъ еврейскую грамматику своими грамматическими фольянтами—«Rudimenta hebraica».

Фефферкорнъ пришелъ въ бѣшенство, когда тотъ самый Рейхлинъ выступилъ противъ него. Фефферкорнъ, обратившійся въ христіанство въ 1506 г., занимался въ 1508 и 1509 г. тѣмъ, что старался своими проповѣдями побудить евреевъ послѣдовать его примѣру; но евреи не хотѣли и слышать о немъ. Фефферкорнъ приписалъ неудачу своихъ проповѣдей еврейскимъ ученымъ и ихъ книгамъ, что, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго мѣста, дѣлалъ и Рейхлинъ, съ тою лишь разницею, что не хотѣлъ, какъ Фефферкорнъ, уничтожить эти книги полицейскими мѣрами. Для осуществленія своего плана Фефферкорнъ отправился въ Италію, гдѣ въ то время находился императоръ, и убѣдилъ ученаго Максимиліана поручить ему сжечь всѣ еврейскія книги, содержавшія въ себѣ оскорбленія противъ христіанской религіи. 19 августа 1509 года, въ лагерѣ подъ Падуей, императоръ далъ ему этотъ указъ, но положительно исключилъ книги религіознаго содержанія. Фефферкорнъ, не знавшій даже по-латыни, самъ не добился бы этого, еслибы его не поддержали доминиканцы и особенно реквизиторъ ихъ ордена въ Кельнѣ. Впрочемъ, вначалѣ это дѣло считали продѣлкою начальниковъ доминиканской братіи и полагали, что они желаютъ воспользоваться указомъ для взятокъ, потому что въ то время во всѣхъ странахъ на евреевъ смотрѣли какъ на губки, которыя можно по временамъ выжимать; не было никакого сомнѣнія, что евреи выкупили бы свои книги за какую-бы то ни было цѣну. Мы предполагаемъ (хотя объ этомъ нигдѣ не сказано), что императоръ не хотѣлъ предоставить полицейскую часть сожженія книгъ исключительно Фефферкорну и доминиканцамъ; вѣроятно, онъ на словахъ приказалъ Фефферкорну обратиться къ Рейхлину; по крайней мѣрѣ, Фефферкорнъ тотчасъ же отправился къ послѣднему, чтобы попросить у него содѣйствія. Въ то время Рейхлинъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ людей Германіи, потому что въ теченіе одиннадцати лѣтъ исполнялъ должность судьи швабскаго союза и болѣе тридцати лѣтъ былъ совѣтникомъ и посланникомъ императора Фридриха и его сына, равно какъ и многихъ другихъ нѣмецкихъ государей и городовъ, и адвокатомъ безчисленнаго множества частныхъ семействъ и лицъ. Сверхъ того, онъ гораздо лучше Фефферкорна зналъ еврейскій языкъ и еврейскую литературу. Поддерживаемый двумя доминиканцами, Фефферкорнъ просилъ Рейхлина отправиться съ нимъ на Рейнъ, чтобы совершить публичное сожженіе книгъ. Рейхлинъ, конечно, отказался, и дѣло едва не было сдѣлано безъ него. Черезъ нѣсколько времени, по приказанію императора, къ Рейхлину обратились за совѣтомъ по поводу того, что евреи воспротивились намѣренію кельнскихъ богослововъ и Фефферкорна, и что курфирстъ майнцскій остановилъ сожженіе книгъ. Дѣло состояло въ томъ, что евреи обратились съ просьбою о помощи къ этому курфирсту, занимавшему должность канцлера имперіи, и къ императору, и курфирстъ, котораго Максимиліанъ назначилъ въ этомъ дѣлѣ императорскимъ коммисаромъ, потребовалъ въ 1510 году мнѣнія отъ Рейхлина и пяти университетовъ, чтобы, выслушавъ ихъ, увѣдомить императора, до рѣшенія котораго дѣло остановилось.

Это привело доминиканцевъ въ бѣшенство тѣмъ болѣе, что они уже давно превысили власть, предоставленную имъ императорскимъ полномочіемъ; мы заключаемъ это изъ того, что въ запросѣ курфирста дѣло шло уже не о сожженіи книгъ, поименованныхъ въ указѣ императора,

но о томъ, хорошо ли и полезно ли уничтожать книги, въ которыхъ заключались десять заповѣдей, законъ Моисея и пророчества. Рейхлинъ, человѣкъ крайне боязливый и осторожный, подалъ мнѣніе, какого слѣдовало ожидать отъ разсудительнаго человѣка. При этомъ онъ положительно говоритъ, что не могъ достать экземпляръ талмуда и не знаетъ никого, кому бы книга эта была знакома. Его мнѣніе было отправлено въ запечатанномъ конвертѣ въ октябрѣ 1510 года къ курфирсту майнцскому; Фефферкорнъ распечаталъ пакетъ, на что имѣлъ право по званію императорскаго прокурора (sollicitator) въ этомъ дѣлѣ, хотя Рейхлинъ оспариваетъ это. Содержаніе бумаги привело Фефферкорна въ такое негодованіе, что онъ съ своими фанатическими и грубыми кельнскими друзьями издалъ пасквиль подъ заглавіемъ: «Ручное зеркало» (Handspiegel), въ которомъ упрекалъ Рейхлина въ доброжелательствѣ евреямъ и еврейскому богохульству и въ участіи въ самыхъ опасныхъ заблужденіяхъ. Этимъ онъ началъ войну противъ приверженцевъ свѣта и истины,— войну, сдѣлавшую Рейхлина, помимо его воли, предшественникомъ Лютера, съ которымъ онъ впослѣдствіи, съ 1518 года, не хотѣлъ имѣть ничего общаго. Вскорѣ послѣ появленія пасквиля Максимиліанъ пріѣхалъ въ Рейтлингенъ; Рейхлинъ пожаловался ему на оскорбленіе, и разгнѣванный императоръ обѣщалъ поручить епископу аугсбурскому произвести слѣдствіе; но такъ какъ свой своему по неволѣ другъ, то епископъ не далъ дѣлу никакого хода. Тогда осторожный Рейхлинъ измѣнилъ своему характеру и выказалъ несвойственную ему смѣлость. Онъ взялся за перо для того, чтобы, по обычаю того времени, отвѣчать на рѣзкость, и осенью 1511 года издалъ нѣмецкое сочиненіе in quarto подъ заглавіемъ «Глазное зеркало» (Augenspiegel); оно было возраженіемъ на «Ручное зеркало» и впослѣдствіи, переведенное на латинскій языкъ, разошлось въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Въ этомъ сочиненіи авторъ упрекалъ Фефферкорна въ тридцати четырехъ лживыхъ показаніяхъ, между прочимъ, въ томъ, что будто бы Рейхлинъ дѣлалъ враждебныя нападки на знаменитѣйшихъ ученыхъ доминиканскаго и францисканскаго орденовъ. Кельнскій богословскій факультетъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ Арнольду Тангернскому разобрать сочиненіе Рейхлина съ тѣмъ, чтобы открыть въ немъ еретическія мысли.

Съ этой минуты Рейхлинъ велъ себя очень слабо. Онъ писалъ Арнольду Тангернскому и его товарищамъ льстивыя, извинительныя письма, показавшія, что онъ струсилъ, и потому имѣвшія совершенно другой результатъ, чѣмъ онъ думалъ. Съ тѣхъ поръ кельнскій факультетъ началъ обращаться съ нимъ весьма гордо и съ оскорбительнымъ снисхожденіемъ, какъ будто былъ его судьею. Онъ вступилъ въ длинную корреспонденцію съ Рейхлиномъ, не довольствовался никакими уступками и требовалъ, чтобы онъ гласно объявилъ, что раскаявается въ изданіи «Глазнаго зеркала» и беретъ назадъ все сказанное въ немъ. Осенью 1512 года кельнскіе богословы напечатали и распространили противъ Рейхлина сорокъ три обвинительныхъ пункта и собрали все, что, говоря ихъ собственными словами, было «злаго, пакостнаго и противнаго для благочестивыхъ ушей» въ поданномъ имъ мнѣніи и въ сообщенныхъ имъ объясненіяхъ его. Но тогда Рейхлинъ снова собрался съ силами, и его благородные друзья вооружились на войну съ мрачными богословами, искусившимися въ фабрикаціи еретиковъ. Рейхлинъ отвѣчалъ кельнцамъ

въ такомъ тонѣ, какого можно было ожидать отъ Гуттена или Лютера, но никакъ не отъ робкаго, дипломатическаго и осторожнаго Рейхлина. На пасхѣ 1513 года онъ издалъ апологію, обращенную къ императору Максимиліану, подъ заглавіемъ: «Защита противъ кельнскихъ клеветниковъ» (Defensio contra calomniatores Colonienses). Какъ въ началѣ, такъ и въ заключеніи были помѣщены самыя рѣзкія ругательства противъ кельнскихъ фанатиковъ. На заглавномъ листкѣ этой апологіи, написанной на латинскомъ языкѣ, сдѣлано на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее краткое указаніе на сущность содержанія книги (summarium libri): «тотъ, кто пишетъ и говоритъ, что я, нижеподписавшійся докторъ, въ мнѣніи объ еврейскихъ книгахъ, поданномъ по приказанію его императорскаго величества, поступилъ не какъ благочестивый и честный христіанинъ, тотъ лжетъ, какъ нестоющій довѣрія, легкомысленный и безчестный негодяй, котораго я намѣренъ хорошенько отдѣлать». Кельнцы затѣяли формальный инквизиціонный процессъ противъ Рейхлина, и, когда инквизиторъ потребовалъ его къ суду, онъ явился въ Майнцъ; но покровительство майнцскаго курфирста поставило его въ полную безопасность, и хотя нищенствующій орденъ сжегъ эту книгу въ Кельнѣ въ 1514 году, но это безсильное мщеніе имѣло лишь тотъ результатъ, что преслѣдователи подверглись всеобщему осмѣянію. Когда, спустя нѣсколько времени, жалкій Фефферкорнъ издалъ грубый пасквиль на человѣка, пользовавшагося въ Германіи общимъ уваженіемъ и бывшаго другомъ императора и знаменитымъ ученымъ, то самъ папа Левъ X прекратилъ процессъ кельнскихъ богослововъ. Пасквиль Фефферкорна былъ озаглавленъ такъ: «Возстаніе Іогансона Фефферкорна противъ нечестивыхъ евреевъ, враговъ тѣла Христова; возстаніе на стараго грѣшника Іоганна Рейхлина, приверженца лживыхъ евреевъ».

Лютеръ написалъ, по поводу пасквиля Фефферкорна, письмо къ Рейхлину и поздравилъ его съ такою рѣшимостью; а друзья новой науки, болѣе остроумные, чѣмъ Рейхлинъ, соединились и сочинили сатиру, выставившую въ самомъ смѣшномъ свѣтѣ его противниковъ, ихъ ученіе и жизнь. Заглавіе этой образцовой сатиры — «Письма темныхъ людей». Она появилась сначала въ 1516 г. съ ложнымъ указаніемъ на мѣсто печатанія и типографіи, и уже въ томъ же году оказалась надобность въ трехъ новыхъ изданіяхъ. Это сочиненіе было плодомъ союза, заключеннаго множествомъ замѣчательныхъ людей Германіи противъ монаховъ и монашескаго быта. Эти друзья и ихъ единомышленники въ Италіи своимъ одобреніемъ и значеніемъ не мало способствовали громадному успѣху превосходныхъ, написанныхъ на монашеской латыни, сатирическихъ писемъ о врагахъ Рейхлина, ихъ школахъ и обычаяхъ. Правда, въ мартѣ 1517 года папская булла предала эти письма проклятію, но это не помѣшало появиться въ томъ же году второй части ихъ, въ сочиненіи которой принималъ самое дѣятельное участіе Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Авторы изъ осторожности скрыли свои имена, и поэтому многіе изъ вышепоименованныхъ членовъ союза друзей свѣта были заподозрѣны совершенно неосновательно.

Главными и остроумнѣйшими сотрудниками въ этой враждебной для современнаго монашества и его ученія книгѣ были Кротусъ и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

XXXIV. УЛЬРИХЪ ФОНЪ-ГУТТЕНЪ.

(Изъ статьи Кроненберга, составленной по соч. Штрауса: «Ulrich von Hutten». Журналъ «Атеней» за 1858 г.).

Въ началѣ XVI вѣка Германія представляла интересную картину борьбы старыхъ и новыхъ общественныхъ элементовъ какъ въ сферѣ политической, такъ и въ сферѣ церковной и умственной жизни.

Государственное единство только - что начало возрождаться. Хотя власть императора и владѣтельныхъ особъ была еще слаба, но достаточна, чтобы хотя нѣсколько удержать рыцарей отъ ихъ обычнаго занятія—грабежа. Замки рыцарей до того времени были притонами грабителей, признававшихъ только право сильнаго, зараженныхъ сословными предразсудками, презиравшихъ купцовъ и ученыхъ, какъ людей, стоящихъ неизмѣримо ниже ихъ. Оттого первыми жертвами ихъ набѣговъ были города, въ особенности на сѣверѣ Германіи, — города, гдѣ развились торговля и промышленность, гдѣ свѣтлыя головы уже пробили брешь въ толстой стѣнѣ схоластики. Рудольфъ Агрикола и Іоаннъ Рейхлинъ положили начало школѣ гуманистовъ, цѣлью которой было основательное изученіе древнихъ языковъ. Знакомство съ древнею литературой быстро развило въ гуманистахъ прямой взглядъ на современное состояніе общества. Въ ихъ средѣ родилась идея о необходимости реформы. Недавно изобрѣтенное книгопечатаніе стало въ ихъ рукахъ благодѣтельнымъ орудіемъ распространенія живыхъ идей. Испугалось германское духовенство, въ рукахъ котораго находилось неограниченное владычество надъ умственнымъ образованіемъ народа,—владычество, которое поддерживалось только невѣжествомъ и рутиной. Напрасно пробовало оно въ 1486 г. учредить въ Майнцѣ цензуру; быстро развивалось книгопечатаніе и появились книги, въ которыхъ все сильнѣй и сильнѣй высказывалось сознаніе необходимости выйдти изъ ненормальнаго, удушливаго положенія. Слово гуманистъ, означавшее сначала просто человѣка, который посвятилъ себя изученію древнихъ языковъ, получило вскорѣ значеніе прогрессиста и, разумѣется, стало ненавистно людямъ, не желавшимъ видѣть перемѣну въ сословныхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, все было въ разложеніи: рыцари негодовали на владѣтельныхъ князей за ихъ усиливающуюся власть и на города, какъ на главную ихъ опору; города враждовали противъ рыцарей за ихъ грабежи, набѣги и за ихъ высокомѣріе; къ этой борьбѣ присоединилась борьба гуманистовъ съ обскурантами, главными представителями которыхъ были духовныя лица. Мало-по-малу характеръ этой послѣдней борьбы измѣнился: появились люди, которые стали непосредственно нападать на злоупотребленіе власти духовенства, на его развратную жизнь и корыстолюбіе, на самовластныя его распоряженія, какъ, напримѣръ, отпущеніе грѣховъ за деньги, и проч. И борьба, скромно начавшаяся изученіемъ древней словесности, разразилась наконецъ бурею реформаціи.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей этой эпохи. Человѣкъ неукротимо пылкій, желчный, рыцарь и гуманистъ въ одно время, онъ всегда былъ впереди движенія, рѣзко и смѣло обличалъ противную партію, и, при перемѣнѣ главнаго пункта

борьбы, когда она превратилась въ исключительную борьбу съ римскимъ духовенствомъ, сталъ въ ряду главныхъ двигателей реформаціи. Любопытна жизнь этого человѣка, которому суждено было, кажется, пройдти сквозь всѣ страданія и закалить свою душу въ борьбѣ съ болѣзнью, нищетою и людьми, — жизнь полная событій и замѣчательная по важной роли, какую игралъ Гуттенъ въ эпоху реформаціи.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, родившійся въ 1488 г. въ замкѣ отца своего (между Фульдою и Майномъ), происходилъ изъ знатнаго рыцарскаго рода Гуттеновъ. Родовыя владѣнія Гуттеновъ были невелики, и они жили отправленіемъ придворныхъ и другихъ должностей у болѣе богатыхъ сосѣдей (епископовъ и архіепископовъ вюрцбургскихъ, майнцскихъ и др.). Отецъ Ульриха былъ человѣкъ крутой, суровый, натура, сложившаяся подъ вліяніемъ «благородныхъ» рыцарскихъ занятій, какъ-то: охоты, войны или просто грабежа. Несмотря на то, что Ульрихъ былъ старшій въ родѣ, отецъ его рѣшился сдѣлать изъ него духовнаго и отправилъ его еще 11-ти-лѣтнимъ ребенкомъ въ бенедиктинское аббатство Фульду съ тѣмъ, чтобы онъ остался тамъ навсегда и постригся въ монахи. Но, какъ только появилось въ Гуттенѣ сознаніе своихъ потребностей, онъ сталъ стремиться вырваться изъ заключенія, въ которомъ не представлялось пищи для его дѣятельной и пылкой натуры, и рѣшился бѣжать изъ монастыря.

Когда, куда, какъ, съ кѣмъ бѣжалъ онъ -- неизвѣстно. Вскорѣ находимъ его въ кельнскомъ университетѣ вмѣстѣ съ другомъ его Кротономъ Рубіаномъ, который, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, помогъ ему бѣжать. Странно, что друзья, имѣвшіе въ виду изученіе древней классической словесности, выбрали кельнскій университетъ, который былъ гнѣздомъ схоластики и средневѣковой тьмы. При такой обстановкѣ, друзья не могли оставаться долго въ Кельнѣ, и Гуттенъ отправился въ Эрфуртъ, потомъ во Франкфуртъ на Одерѣ. Въ Эрфуртѣ Гуттенъ вступилъ въ кружокъ гуманистовъ, во главѣ котораго стояли тогда Рейхлинъ, Эразмъ и Муціанъ Руфъ. Общій интересъ долженъ былъ тѣсно связать между собою всѣхъ членовъ этого кружка передовыхъ людей противъ поклонниковъ старины. О нихъ уже говорили, какъ объ опасныхъ вольнодумцахъ. «Онъ поэтъ, онъ говоритъ по-гречески», значило: онъ плохой христіанинъ. Поэты—пагуба университетовъ, говорили гасильники. Называли ихъ также «философами», придавая этому слову значеніе порицанія.

Гуттенъ оставался въ Эрфуртѣ очень недолго и переѣхалъ во франкфуртскій университетъ. Тамъ появились первыя два стихотворенія, въ которыхъ еще нельзя видѣть Гуттена. Его желчная натура требовала внѣшняго толчка для возбужденія своей дѣятельности. Мы увидимъ, что въ этихъ внѣшнихъ толчкахъ у него не было недостатка.

Отецъ продолжалъ на него сердиться и не давалъ ему ни копѣйки; но родственники его присылали ему деньги.

Гуттенъ самъ себя называетъ animum irrequietum et versatilem. Путешествіе было для него необходимостью; онъ не могъ довольствоваться однѣми книгами; ему нужно было видѣть города и земли, наблюдать надъ живыми людьми, испытать свои силы въ борьбѣ съ живыми противниками. Самыя опасности, бури и бѣдствія страннической жизни были для него привлекательны. Сверхъ того, былъ онъ честолюбивъ, хотѣлъ пріобрѣсть значеніе въ свѣтѣ, а для этого надо было пуститься въ свѣтъ.

Въ немъ лилась кровь странствующаго рыцаря. И вотъ въ 1509 году отправился онъ въ сѣверную Германію. Что звало его именно туда, какъ онъ туда прибылъ, что испыталъ онъ на дорогѣ, — опять неизвѣстно. Появляется онъ у береговъ Балтійскаго моря совершившимъ опасное морское путешествіе, лишеннымъ всѣхъ средствъ къ существованію, больнымъ, питающимся подаяніемъ и, между тѣмъ, жадно пользующимся всякимъ случаемъ познакомиться съ какимъ-нибудь ученымъ. Такъ дошелъ онъ до Грейфсвальда, гдѣ ректоръ высшаго учебнаго заведенія внесъ его въ университетскій матрикулъ, какъ совершенно безпомощнаго человѣка. Профессоръ правъ Летцъ и отецъ его бургомистръ также приняли въ молодомъ человѣкѣ большое участіе. Первый даже одѣлъ его, далъ ему денегъ и былъ съ нимъ очень ласковъ. Но вскорѣ отношенія перемѣнились: Гуттена стали рѣже принимать, обращаться съ нимъ свысока, смѣяться надъ его гуманистическимъ направленіемъ, — словомъ, довели его до необходимости удалиться. Но Летцъ требовалъ обратно своихъ денегъ, на которыя онъ былъ такъ щедръ сначала, вѣроятно, надѣясь получить ихъ съ процентами отъ отца Гуттена. Долго не соглашался онъ отпустить Ульриха, наконецъ склонился на его доводы, что единственное средство для него добыть деньги для уплаты долга было—искать счастія въ другомъ мѣстѣ.

Больной, въ сильную стужу, пошелъ Гуттенъ пѣшкомъ въ Ростокъ, надѣясь на лучшій пріемъ въ мекленбургскомъ университетѣ. Но несчастіямъ его не суждено было кончиться. Въ глухомъ мѣстѣ, на замерзшемъ болотѣ, напала на него шайка людей, сняла съ него почти всю одежду, отняла даже тетрадку стиховъ, которую онъ носилъ при себѣ, и пустила полунагаго идти далѣе. То были люди стараго Летца, которому жаль стало подареннаго Гуттену платья. Можно себѣ представить, въ какомъ видѣ добрался онъ до Ростока. Тамъ онъ окончательно слегъ въ постель и лежалъ въ какой-то дрянной гостинницѣ, безъ всякихъ средствъ и знакомыхъ. Давши знать университетскимъ профессорамъ о своемъ положеніи, онъ показалъ имъ свои сочиненія и возбудилъ въ нихъ участіе. Профессоръ философіи Экбертъ Гарлемъ принялъ его въ свой домъ, не такъ, какъ Летцъ, а какъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ сострадательный, употребилъ всѣ средства къ его излеченію, далъ ему денегъ, и вскорѣ Гуттенъ сталъ преподавать bonas literas.

Въ продолженіе своего несчастнаго путешествія Гуттенъ совершенно возмужалъ. Первый толчокъ былъ данъ, желчь его заиграла, и его обличительное сочиненіе противъ Летцовъ носитъ уже характеръ его будущихъ полемическихъ и обличительныхъ образцовыхъ произведеній. Значеніе его сочиненій возрастаетъ въ той мѣрѣ, въ какой возрастаютъ предметы его гнѣва. Сначала дѣйствуютъ въ немъ только личные интересы, но мало-по-малу кругъ этихъ интересовъ расширяется, и врагами его становятся уже не Летцы, а всѣ враги истины и прогресса.

Пока Гуттенъ мѣнялъ одно мѣстопребываніе за другимъ, переѣзжалъ изъ Виттенберга въ Лейпцигъ, оттуда въ Вѣну, другъ его Рубіанъ старался помирить его съ упрямымъ отцомъ. Но старикъ былъ непреклоненъ; безусловное повиновеніе сына, возвращеніе его въ монастырь, можетъ-быть, помирило бы его съ нимъ, говорилъ онъ. Наконецъ рѣшился онъ сдѣлать уступку: пусть онъ оставитъ свои дурацкія погремушки (то-есть гуманистическія занятія) и, по крайней мѣрѣ, изучаетъ

право; тогда онъ можетъ быть полезенъ своимъ родственникамъ; къ тому же, одинъ изъ этихъ родственниковъ живетъ въ Италіи и пріобрѣлъ извѣстность, какъ юристъ: къ нему можно отправить Ульриха. Извѣщая Гуттена, Рубіанъ совѣтуетъ ему пріѣхать, чтобы самому разгадать дѣйствительныя намѣренія скрытнаго старика. Но Гуттенъ не рѣшился на эту опасную пробу.

Путешествіе въ Италію было въ то время нравственною необходимостью для каждаго гуманиста. Видѣть страну, въ которой развились древніе римляне, которой ясное небо внушало Горацію его поэтическія картины природы, видѣть своими глазами тотъ форумъ, гдѣ гремѣло когда-то слово Цицерона, — это было страстное желаніе людей, посвятившихъ себя изученію древняго міра. Гуттена влекло туда, можетъ быть, и желаніе уступить волѣ отца и заняться правовѣдѣніемъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, въ апрѣлѣ 1512 года слушалъ онъ въ Павіи лекціи знаменитаго правовѣда Язона Майнуса. Ломбардія была тогда въ рукахъ французовъ. Послѣ кровопролитной битвы при Равеннѣ 20,000 швейцарцевъ, призванные папою, осадили Павію. — Французы недовѣрчиво смотрѣли на подданныхъ Максимиліана и арестовали Гуттена въ его тѣсной комнатѣ. Но вскорѣ они должны были очистить Павію и впустить швейцарцевъ. Швейцарцы, въ свою очередь, видя въ Гуттенѣ союзника французовъ, ограбили его и едва отпустили. Въ іюнѣ отправился онъ въ Болонью, гдѣ снова очутился больной и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Не видя никакого исхода изъ этого бѣдственнаго положенія, онъ, несмотря на разстроенное здоровье, вступилъ въ военную службу. Каждая перемѣна, каждая новая обстановка въ жизненныхъ отношеніяхъ вызывала поэтическую дѣятельность Гуттена. Такъ, эта воинственная атмосфера, въ которой вращался онъ теперь, внушила ему книгу эпиграммъ *) къ императору Максимиліану, одно изъ самыхъ свѣжихъ и лучшихъ его произведеній. Это—собраніе совѣтовъ и мнѣній, написанныхъ въ различное время, подъ непосредственнымъ вліяніемъ разнообразныхъ происшествій. Всѣ эпиграммы касаются политическихъ военныхъ дѣлъ. То выражается въ нихъ надежда на побѣду, то опасеніе при видѣ неудачнаго хода войны и проч. Вотъ для примѣра содержаніе одной изъ этихъ эпиграммъ. Италія жалуется Аполлону, что на нее напали съ трехъ сторонъ—вѣроломные венеціанцы, пьяные нѣмцы и высокомѣрные французы. Если ужъ суждено мнѣ пасть, говоритъ она, то укажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, чье иго будетъ для меня сноснѣе. «Венеціанецъ всегда коваренъ, отвѣчаетъ Аполлонъ, французъ всегда кичливъ, нѣмецъ—не всегда пьянъ. Выбирай, кого хочешь».

Но замѣчательнѣе всего для исторіи дальнѣйшаго развитія Гуттена—то, что послѣднія эпиграммы его направлены противъ папы. Находясь въ Италіи, онъ могъ видѣть своими глазами, какъ Юлій II, въ противность своему священному сану, принималъ личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ самый годъ прибытія Гуттена въ Италію Юлій II лично распоряжался осадою Мирандолы и съ мечемъ въ рукахъ взошелъ на осадную лѣстницу. Здѣсь опять видимъ мы, что для Гуттена необходимо было личное столкновеніе, чтобы вызвать въ немъ потокъ кипучихъ

*) Эпиграммъ въ прежнемъ смыслѣ слова, то-есть, краткихъ сентенцій и афоризмовъ въ стихахъ.

чувствъ, который, однажды вырвавшись наружу, уже не переставалъ клокотать и уничтожать то, на что былъ направленъ. Въ своихъ эпиграммахъ онъ не ограничивается отвлеченною идеей о значеніи папы, о противоположности его духовнаго званія съ воинственными стремленіями; онъ прямо нападаетъ на Юлія II, на его нравы, на продажу индульгенцій и буллъ, на безсовѣстное обираніе Германіи. «Если бы возвратились титаны, говоритъ онъ, то Юпитеръ бы погибъ: Юлій продалъ бы имъ Олимпъ за деньги».

Голосъ не одного только Гуттена громилъ злоупотребленія церкви; все чаще и чаще стали появляться памфлеты, сатиры и т. п. Число ихъ увеличилось, когда умеръ Юлій II. Появились эпитафіи, сатирическіе разговоры въ царствѣ мертвыхъ и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій ошибочно приписываютъ Гуттену.

Въ 1514 году прибылъ онъ назадъ въ Германію. Отецъ и родственники, видя, что онъ возвратился изъ Италіи ничѣмъ, что курсъ правовѣдѣнія онъ выслушалъ, а степени никакой не получилъ, рѣшили, что онъ не достоинъ никакого вспомоществованія. Но судьба улыбнулась ему съ другой стороны. Благодаря покровительству ученаго рыцаря Эйтельвольфа фонъ-Штейна, вступившаго на должность къ архіепископу майнцскому въ качествѣ префекта г. Майнца и употреблявшаго все свое вліяніе для осуществленія своихъ гуманистическихъ стремленій, Гуттенъ сдѣлался извѣстенъ самому курфирсту майнцскому, отъ котораго получилъ даже денежный подарокъ за написанный въ честь его панегирикъ. Въ Майнцѣ нашелъ Гуттенъ и другаго покровителя въ лицѣ одного своего родственника, и потому онъ остался жить въ Майнцѣ. Тутъ же познакомился Гуттенъ въ первый разъ съ Эразмомъ, верховнымъ главою всѣхъ гуманистовъ, стоявшихъ тогда во главѣ движенія.

Такъ какъ Гуттенъ, по возвращеніи изъ Италіи, къ досадѣ своего отца, принялся опять за свое шутовское (съ точки зрѣнія тогдашняго дворянства) стихоплетство, то, чтобы отклонить его отъ этого постыднаго пути, отецъ и родственники предложили ему денегъ, если только онъ снова поѣдетъ въ Италію продолжать изученіе правъ. Архіепископъ майнцскій Альбрехтъ обѣщалъ также, съ своей стороны, помощь и мѣсто при дворѣ, когда онъ возвратится. Первые гуманисты нерѣдко присоединяли юридическія занятія къ занятіямъ по части древней литературы, но новое поколѣніе чувствовало отвращеніе къ правовѣдѣнію и хотѣло посвятить себя единственно любимой наукѣ. Только необходимость заставляла ихъ, какъ теперь Гуттена, измѣнять этой исключительности. Гуттенъ поѣхалъ въ Италію, и на этотъ разъ направился прямо въ Римъ.

Папскій Римъ не могъ произвесть хорошаго впечатлѣнія на гуманиста, а тѣмъ болѣе на человѣка, который, какъ Гуттенъ, съ гуманизмомъ соединялъ уже ненависть къ чрезмѣрной власти духовенства и къ его злоупотребленіямъ. Рядъ эпиграммъ, одна другой сильнѣй, были плодомъ этого впечатлѣнія. Въ особенности обличалъ онъ продажность всего въ мірѣ, преимущественно отпущеній грѣховъ. «Кто принесетъ деньги въ Римъ, говоритъ онъ, тотъ честнѣйшій человѣкъ; въ Римѣ покупаютъ и продаютъ добродѣтель и блаженство. Въ Римѣ можно откупить даже будущее преступленіе».

Вскорѣ, вслѣдствіе ссоры съ пятью французами за Максимиліана, Гуттенъ долженъ былъ оставить Римъ и отправился въ Болонью. Болѣзнь

не покидала его, занятія юриспруденціею были ему вовсе не по сердцу; однакожь онъ подчинился волѣ родителей и продолжалъ ихъ, не теряя, впрочемъ, изъ виду собственныхъ цѣлей. Такъ посвятилъ онъ въ Болоньѣ свое свободное время на изученіе греческаго языка и читалъ съ грекомъ Трифономъ Лукіана и Аристофана. Не прекратилъ онъ также своей поэтической дѣятельности и писалъ воззваніе къ Максимиліану противъ Венеціи *). Занятіе греческимъ языкомъ, въ особенности изученіе Лукіана, познакомило его съ разговорною формой произведеній словесности,—формой, которую съ этихъ поръ онъ особенно полюбилъ. Всѣ его лучшія сочиненія написаны въ видѣ разговоровъ. — Впрочемъ, было и другое, вредное вліяніе изученія греческой словесности на Гуттена: онъ взялъ привычку примѣшивать къ своей чистой и безукоризненной латыни греческія слова.

Еще въ Италіи Гуттенъ принялъ участіе въ знаменитомъ спорѣ Рейхлина съ кельнскимъ духовенствомъ, — спорѣ, къ которому обратилась отнынѣ вся его дѣятельность.

Въ 1516 году, между прочими сочиненіями по поводу Рейхлинова спора, появилась сатира, подъ названіемъ «Письма темныхъ людей» (Epistolae obscurorum virorum). Эта книга—одна изъ удачнѣйшихъ сатиръ, какія когда-либо были написаны. Лица, принадлежащія къ партіи обскурантовъ, схоластики и т. п., отчасти вымышленныя, отчасти дѣйствительныя, ведутъ между собой переписку, въ которой повѣряютъ другъ другу свои изслѣдованія и задушевныя мысли. Содержаніе и слогъ этихъ писемъ были такъ вѣрно схвачены съ натуры, что «темные люди» сначала не раскусили пилюли и приняли ихъ за дѣйствительное сочиненіе кого-нибудь изъ своей братіи, обрадовались, что появилась такая капитальная вещь противъ Рейхлина, и только изъ послѣдняго письма втораго тома увидѣли ясно, что они въ чистыхъ дуракахъ.

«Письма темныхъ людей» подвергаютъ бичу своей безпощадной сатиры самыя разнообразныя формы схоластическаго направленія. Кто-то, напримѣръ, съѣлъ яйцо и замѣтилъ въ немъ зародышъ. Вдругъ вспомнилъ онъ, что день былъ постный. Отсюда подробное изслѣдованіе вопроса: когда зародышъ начинаетъ быть скоромнымъ. Ученый Ортуинъ рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: слышалъ онъ отъ врача, хорошо знающаго естественную исторію, что черви принадлежатъ къ рыбамъ, а зародышъ цыпленка тотъ же червякъ. Такъ какъ рыба кушанье постное, то и зародышъ, пока онъ еще не развился, тоже постный. При обсужденіи подобныхъ задачъ, мнимые схоласты безпрестанно высказываютъ свое вопіющее невѣжество, перепутываютъ лица и эпохи. Между прочимъ, рѣшаютъ такой вопросъ: совмѣстно ли съ душеспасеніемъ изучать грамматику по свѣтскимъ поэтамъ, каковы Виргилій, Цицеронъ, Плиній и др.? Нѣтъ, потому что, по свидѣтельству Аристотеля, поэты много лгутъ; кто лжетъ, тотъ грѣшитъ, и кто все ученье основываетъ на лжи, тотъ основываетъ его на грѣхѣ; но что основано на грѣхѣ—нехорошо и про-

---

*) Максимиліанъ, увлеченный идеей о возстановленіи римской имперіи, хотѣлъ, по старому обычаю, идти на Римъ и короноваться, но венеціанцы не позволили ему пройти чрезъ ихъ владѣнія. Начатая съ ними по этому поводу война была, однакожь, безуспѣшна. Въ это время Гуттенъ написалъ свою Exhortatio, въ которой совѣтуетъ императору не прекращать военныхъ дѣйствій.

тивно Богу, который врагъ грѣху. Хороша также ихъ филологія. Magister, по ихъ мнѣнію происходитъ отъ magis и ter, потому что онъ долженъ знать втрое болѣе другаго, или отъ magis и terreo, потому что ученики его больше всего боятся, и т. д.

Сверхъ всѣхъ своихъ внутреннихъ достоинствъ, эти письма отличаются удивительною пародіей той латыни, какою дѣйствительно писали «темные люди».

А между тѣмъ чрезъ всѣ эти письма протянута одна связующая ихъ нить, дѣло Рейхлина. «Темные люди» то радуются минутному успѣху, то предаются гнѣву или отчаянію, смотря по обстоятельствамъ. Въ какой степени Гуттенъ участвовалъ въ составленіи этихъ писемъ—вопросъ нерѣшенный. «Письма темныхъ людей» возбудили безчисленные толки. Въ самой партіи гуманистовъ нашлись голоса, возстававшіе противъ излишней ихъ рѣзкости; даже Рейхлинъ былъ недоволенъ. Лютеръ, увидѣвъ письма, разсердился и назвалъ издателя гаеромъ (Hansvurst). Что же касается до «темныхъ людей», то, разчуявъ ѣдкость направленной на нихъ сатиры, они прибѣгли къ своему обычному аргументу,—къ власти папы, и купили (говорятъ, очень дорого) папскій указъ, которымъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, повелѣвалось каждому, у кого была эта книга, сжечь ее въ теченіе трехъ дней.

Возвратясь изъ Болоньи, Гуттенъ прибылъ въ Аугсбургъ въ одно время съ императоромъ. Тутъ совѣтовали ему поднести Максимиліану его итальянскія, еще неизданныя эпиграммы, а, между тѣмъ, Максимиліану разсказали о всѣхъ бѣдствіяхъ и талантахъ Гуттена, о томъ, какъ онъ чуть-было не погибъ отъ руки пятерыхъ французовъ, вступившись за честь своего государя, и проч. Слѣдствіемъ всего этого было торжественное возложеніе лавроваго вѣнка на голову Гуттена императоромъ, дарованіе ему титула придворнаго поэта и оратора, съ правомъ преподавать словесныя науки, гдѣ угодно, а въ изъявленіе особеннаго монаршаго благоговѣнія дарована ему привилегія быть подсуднымъ только самому императору и его совѣту. Но эта привилегія не давала ѣсть, и Гуттену все-таки надо было искать службы. Онъ нашелъ ее у того самаго майнцскаго архіепископа, который помогъ ему побывать въ Италіи.

Еще до вступленія въ эту службу издалъ Гуттенъ найденное имъ въ Болоньѣ сочиненіе Лаврентія Валлы о мнимомъ дарѣ Константина римскимъ епископамъ. Валла былъ извѣстный итальянскій гуманистъ половины XV столѣтія; уже одного этого было довольно, чтобъ обратить на эту находку вниманіе Гуттена; но самое содержаніе рукописи такъ гармонировало съ главнымъ направленіемъ его идей, что онъ рѣшился ее напечатать. Дѣло въ томъ, что Валла поражалъ въ своемъ сочиненіи папскую власть въ самое чувствительное мѣсто. Главною опорой всѣмъ притязаніямъ папъ служилъ мнимый эдиктъ императора Константина, въ силу котораго римскому епископу Сильвестру и его преемникамъ отдавались не только дворецъ въ Римѣ, но и городъ Римъ, вся Италія и вся Западная имперія. Валла очевидными краснорѣчивыми аргументами доказывалъ въ своемъ сочиненіи, что такого эдикта никогда не бывало и даже быть не могло. Къ изданію этого-то сочиненія Гуттенъ приложилъ посвященіе, которое только ему могло придти въ голову, посвященіе—самому папѣ Льву X. Подъ видомъ добродушія и чуть не

юродивости скрывается въ этомъ посвященіи самый злой сарказмъ. Гутенъ начинаетъ хвалить Льва X, говоритъ, что между нимъ и его предшественниками не можетъ быть сравненія. Тѣ запретили сочиненіе Валлы, но онъ, поборникъ истины, даже согласился съ тѣмъ, что говорилъ Валла. То, что сказано здѣсь о дурныхъ папахъ, къ нему не относится, потому что онъ хорошій папа. Дурные папы придумали этотъ небывалый подарокъ Константина, но Левъ X, разумѣется, какъ хорошій папа, не замедлитъ отказаться отъ того, что ему не принадлежитъ. Мира между грабителемъ и ограбленнымъ, прибавляетъ Гуттенъ, существовать не можетъ, пока первый не возвратитъ того, что награбилъ. Называя, такимъ образомъ, папъ грабителями, Гуттенъ убѣжденъ, что Левъ X не обидится этимъ; сомнѣваться въ этомъ было бы величайшимъ оскорбленіемъ для папы, который не имѣетъ ничего общаго съ предшественниками. Потомъ онъ перечисляетъ всѣ злоупотребленія и притѣсненія предшественниковъ Льва X. «Нельзя достаточно порицать тѣхъ людей, говоритъ онъ, которые пользовались малѣйшимъ предлогомъ, чтобы награбить себѣ денегъ,—торговали буллами, установили таксу на отпущеніе грѣховъ, сдѣлавъ, такимъ образомъ, источникъ доходовъ изъ наказанія грѣшника въ будущей жизни; продавали духовныя должности, не довольствуясь ежегодною обременительною податью; разсылали собирать деньги подъ разными вымышленными предлогами: то для войны противъ турокъ, то для построенія церкви св. Петра въ Римѣ, которая никогда не отстроится—людей, наконецъ, которые, поступая такимъ образомъ, титуловались святѣйшими и не терпѣли не только никакого поступка, даже никакого слова, направленнаго противъ ихъ дѣйствія. И если кто осмѣлится сравнить тебя съ этими разбойниками, съ этими чудовищными тираннами, не почтешь ли ты его, великій Левъ, твоимъ врагомъ заклятымъ?» Доводя иронію до высшей степени, Гуттенъ заключаетъ свое посвященіе тѣмъ, что онъ не сомнѣвается въ благосклонномъ пріемѣ своей книги со стороны папы, но все-таки проситъ его выразить публично эту благосклонность, для поощренія его къ отысканію еще какого-нибудь подобнаго сочиненія.

Въ лицѣ папы видѣлъ Гуттенъ главнаго врага прогресса, и гуманистъ началъ уже превращаться въ реформатора, хотя до сихъ поръ онъ не ожидалъ ничего хорошаго отъ монаха Лютера и выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ о спорѣ доминиканцевъ съ францисканцами: «Пожирайте другъ друга, да взаимно пожретесь!»

Еще годъ не прошелъ со времени его поступленія на службу къ майнцскому курфирсту, какъ уже придворная жизнь стала ему невыносима. Несмотря на страшную болѣзнь, несмотря на враговъ, которыхъ онъ могъ себѣ нажить этимъ, написалъ онъ картину придворной жизни своего времени, обращая, разумѣется, свое вниманіе преимущественно на темную ея сторону.

Надоѣла Гуттену придворная жизнь; сталъ онъ хлопотать, при помощи Эразма, объ исходатайствованіи себѣ средствъ жить на свободѣ, какъ важное политическое событіе дало новый поворотъ его жизни и дѣятельности: императоръ Максимиліанъ умеръ, и тотчасъ начались междоусобія. Ульрихъ Виртембергскій и Швабскій союзъ, во главѣ котораго стояли баварскіе герцоги, собирали войска и готовились напасть другъ на друга. Гуттены со многими другими франконскими рыцарями вос-

пользовались случаемъ отмстить своему врагу Ульриху Виртембергскому и стали въ ряды швабскихъ войскъ. Ульрихъ Гуттенъ, безъ сомнѣнія, не оставался сложа руки и сблизился при этомъ съ Францомъ фонъ-Зикингеномъ, чтобы не разлучаться съ нимъ до конца его бурной жизни.

Зикингенъ получилъ рыцарское, то-есть весьма плохое, воспитаніе; онъ не понималъ латинскаго языка, составлявшаго въ то время ключъ ко всѣмъ знаніямъ безъ изъятія, потому что все писалось тогда по-латыни. Отецъ его былъ казненъ, и онъ долженъ былъ поднять прежнюю славу Зикингеновъ. Храбрый и буйный, онъ дѣйствительно является защитникомъ угнетенныхъ, требуетъ удовлетворенія и, въ случаѣ отказа, идетъ на отказавшаго, который обыкновенно большою суммой денегъ откупается отъ него. При этомъ, какъ истинный рыцарь, Зикингенъ не обращалъ вниманія ни на нарушеніе правъ, ни на императорскія замѣчанія и выговоры; былъ бы походъ торжественно объявленъ съ совершеніемъ всего церемоніала, и совѣсть его была покойна. Онъ могъ играть роль независимаго владѣтеля, потому что власть императора была слишкомъ слаба, и онъ поневолѣ щадилъ рыцаря, который могъ быть ему сильнымъ и храбрымъ помощникомъ. Впрочемъ, Зикингенъ, хотя и не получившій порядочнаго воспитанія, по натурѣ своей не былъ чуждъ идеальныхъ стремленій; это доказывается его заступничествомъ за Рейхлина, его связью съ Гуттеномъ, вводившимъ его въ новый, еще незнакомый ему міръ идей. Эти двѣ личности дополняли другъ друга, одинъ—богатствомъ своего внутренняго міра, другой—внѣшнею силой, которая позволяла имъ на дѣлѣ защищать свои стремленія.

По смерти Максимиліана, Зикингенъ, равно какъ вообще всѣ гуманисты и передовые люди того времени, сталъ за избраніе Карла, между тѣмъ какъ папа, его легаты и обскуранты изо всѣхъ силъ домогались доставить престолъ французскому королю Франциску I. Карлъ былъ еще молодъ, братъ его Фердинандъ покровительствовалъ гуманистамъ, и потому избраніе Карла казалось имъ новою эрою возрожденія. Для Гуттена это была самая удобная минута поднять голосъ противъ самаго корня всѣхъ золъ—чужеземной власти въ Германіи, открыть глаза юному правителю и указать ему прямой путь къ прочной славѣ... Они не знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Между тѣмъ, Гуттенъ перемѣнилъ свое мнѣніе о Лютерѣ. Онъ уже не видѣлъ въ его дѣлѣ споръ монаха; онъ понялъ, что они ратуютъ за одно и то же, и гуманистъ окончательно превратился въ реформатора.

Между сочиненіями Гуттена, относящимися къ этому времени (1520—1521), первое мѣсто занимаетъ Вадискъ, или римская тройственность. Форма разговорная—любимая форма Гуттена; содержаніе—бесѣда Гуттена съ другомъ, только-что возвратившимся изъ Рима. Между прочимъ, Гуттенъ говоритъ ему, что какой-то Вадискъ написалъ памфлетъ на Римъ. Трехъ вещей въ Римѣ всякій желаетъ: краткихъ мессъ, стараго золота и роскошной жизни; о трехъ вещахъ тамъ не любятъ слушать: о реформѣ духовенства, всеобщемъ соборѣ и о томъ, что нѣмцы становятся умнѣе; три вещи до сихъ поръ препятствовали нѣмцамъ поумнѣть: тупоуміе правителей, паденіе науки и суевѣріе народа; въ Римѣ боятся трехъ вещей: чтобы государи не были единодушны, чтобы у народа не открылись глаза, чтобы римскіе обманы не обнаружились. Исправить Римъ могутъ только три средства: серьозная дѣятельность правителей,

нетерпѣніе народа, или турецкое войско у городскихъ воротъ.—Разговоръ кончается пламеннымъ воззваніемъ къ германцамъ.

Послѣднія сочиненія и изданія Гуттена обратили на себя всеобщее вниманіе. Похвалы, предостереженія, злобные укоры посыпались со всѣхъ сторонъ. Эразмъ убѣждалъ его обуздать пылъ своего пера, чтобы не потерять милости курфюрста; другіе говорили объ изгнаніи, темницѣ, даже о кинжалѣ и ядѣ; извѣстный Экъ, одинъ изъ упорнѣйшихъ противниковъ новаго движенія, послалъ въ Римъ доносъ на Гуттена; но Гуттенъ не обращалъ вниманія ни на что и нетерпѣливо ждалъ прибытія Карла, надѣясь на его поддержку. Наконецъ Карлъ прибылъ въ Нидерланды. Гуттенъ рѣшился ѣхать туда, лично представить Фердинанду свое посвященіе и дѣйствовать на Карла непосредственно. До сихъ поръ онъ не имѣлъ личныхъ сношеній съ Лютеромъ изъ уваженія къ курфюрсту Альбрехту. Теперь, когда настала минута дѣйствовать рѣшительно, Гуттенъ написалъ къ реформатору патетическое письмо, полное уваженія и удивленія къ его подвигу. На пути заѣхалъ онъ къ Эразму, получилъ отъ него рекомендательныя письма ко двору и увѣщанія — оставить сумасбродное предпріятіе. Неизвѣстны подробности его пребыванія въ Брюсселѣ; знаемъ только, что онъ долженъ былъ скоро уѣхать совершенно разочарованнымъ въ Фердинандѣ. Изъ Италіи шла на него грозная туча; друзья удивлялись, какъ онъ еще возвратился невредимымъ изъ Брюсселя, но не совѣтовали ему оставаться въ Майнцѣ, гдѣ непремѣнно ожидалъ его ядъ или кинжалъ. Гуттенъ удалился во Франкфуртъ и узналъ здѣсь, что папа требуетъ отъ всѣхъ владѣтельныхъ лицъ, въ особенности же отъ майнцскаго архіепископа, чтобы Гуттена задержать и въ цѣпяхъ препроводить въ Римъ. Гуттенъ видѣлъ, что рискуетъ головой; но смѣлѣе и смѣлѣе шелъ онъ впередъ, нисколько не помышляя объ опасности и готовый принести себя въ жертву своему дѣлу. «Наконецъ, пишетъ онъ одному пріятелю, запылало пламя, и можно считать истиннымъ чудомъ, если его не погасятъ моею кровью. Но во мнѣ больше храбрости, нежели въ нихъ силы. Впередъ, впередъ, напроломъ! Пора покончить мнѣ съ кроткими мѣрами; я вижу, что римскіе львы алчутъ крови. Но, если я не обманываюсь во всемъ, они сами скорѣе изойдутъ кровью, сами прежде истомятся въ оковахъ и тюрьмѣ, которыми мнѣ угрожаютъ». Это письмо писано изъ Штакельберга. Оставаться въ одномъ и томъ же мѣстѣ было опасно: съ часу на часъ могли Гуттена арестовать; но онъ нашелъ убѣжище, безопасное отъ всѣхъ угрозъ и преслѣдованій,—у своего друга Зикингена, который, оставивъ его въ своемъ замкѣ Эбернбургѣ, поѣхалъ встрѣчать Карла, передать ему записку Гуттена и употребить всѣ средства для его защиты. Записка эта была не прошеніе, а жалоба. Гуттенъ доводилъ до свѣдѣнія императора обо всемъ и просилъ его приказать считать недѣйствительнымъ требованіе папы, разосланное циркулярно ко всѣмъ владѣтельнымъ лицамъ Германіи, объ его арестѣ. «Что римскому епископу до нѣмецкаго рыцаря?» спрашиваетъ Гуттенъ. Дѣло, за которое онъ стоитъ, старается онъ представить дѣломъ самого Карла, говоритъ о противодѣйствіи духовенства его избранію, о безпрестанномъ нарушеніи правъ его, какъ независимаго государя, нисколько не отрицаетъ, что всѣ его сочиненія клонятся къ совершенному перевороту настоящаго порядка дѣлъ, но что онъ не видитъ никакого преступленія въ этой цѣли, направленной ко

благу отечества и самого Карла, и впередъ будетъ всѣ свои силы употреблять на ту же борьбу.

Вслѣдъ за этимъ идетъ перечисленіе злоупотребленій папской власти, и въ заключеніе Гуттенъ говоритъ, что хотя бы и былъ въ состояніи поднять на враговъ своихъ оружіе, но предпочитаетъ просить Карла о наказаніи ихъ императорскою властью. — Въ это же время написалъ онъ письмо къ курфюрсту Фридриху Саксонскому, на котораго было больше надежды, нежели на Карла. Къ своему курфюрсту Альбрехту и къ Лютеру Гуттенъ также отправилъ письма и наконецъ обнародовалъ воззваніе къ германцамъ всѣхъ сословій и состояній. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ возрастаніемъ препятствій, вмѣстѣ съ измѣненіемъ цѣли, которая принимала все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры, росла и энергическая дѣятельность Гуттена. Война была объявлена на жизнь или смерть. Булла папы противъ Лютера послѣдовала непосредственно за приговоромъ Гуттену, и имена ихъ стали нераздѣльны въ глазахъ народа. Появились памфлеты въ защиту того и другаго; послѣднія письма Гуттена, вышедшія изъ печати, расходились въ народѣ, несмотря ни на какія запрещенія; сочиненія Лютера были преданы огню, но изъ этого огня возникали новыя, гораздо сильнѣе прежнихъ. Дѣятельность Гуттена въ эту эпоху была изумительна. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ пущено пять памфлетовъ противъ папы. Тутъ въ первый разъ Гуттенъ сталъ писать по-нѣмецки, чтобы сочиненія его были доступны массѣ, не знавшей латинскаго языка. Къ числу самыхъ сильныхъ памфлетовъ его надо отнести толкованія на папскую буллу противъ Лютера. Она была издана съ папскимъ гербомъ и печатью, а между строками и на поляхъ находились замѣчанія, въ родѣ слѣдующаго, къ тому мѣсту, гдѣ папа говоритъ о сожженіи сочиненій Лютера: «Твое желаніе достигнуто, замѣчаетъ Гуттенъ:—они горятъ, горятъ въ сердцахъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей. Пламя—пагубное для тебя! Попробуй загасить его, если можешь!» Вѣрный своей новой мысли—знакомить съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ большинство, онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ почти всѣ свои латинскія сочиненія.

Отношенія Гуттена къ Лютеру обусловливались ихъ личностями. Они преслѣдовали одну общую цѣль; но Лютеръ видѣлъ въ этой цѣли торжество истины, освобожденіе слова Божія отъ плевелъ католицизма,— Гуттенъ видѣлъ въ ней независимость отечества, освобожденіе Германіи отъ чужеземной власти. Поэтому Лютеръ не одобрялъ дѣйствій Гуттена.

Въ Вормсѣ надлежало рѣшиться дѣлу Лютера. Приверженцы его не ждали уже ничего добраго отъ Карла, для котораго Испанія и Нидерланды были важнѣе Германіи, который, однимъ словомъ, не понялъ и не могъ понять важнаго значенія реформаціи. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ Гуттенъ за ходомъ дѣла на сеймѣ и, разумѣется, не сидѣлъ сложа руки. То выходили изъ-подъ пера его памфлеты противъ поборниковъ католицизма, то новое посланіе къ императору...Приговоръ надъ Лютеромъ нанесъ страшный ударъ Гуттену. Онъ не ослабилъ его энергіи, и, однакожъ, дѣятельность Гуттена съ этой минуты обратилась въ краснорѣчивыя, но тщетныя слова. Оставалась одна надежда — на Зикингена. Но реформа не была призваніемъ сильнаго рыцаря, — его увлекли въ это дѣло бесѣды съ Гуттеномъ; когда пришлось дѣйствовать, личные интересы взяли верхъ. Хотя онъ и не отступилъ отъ интересовъ

реформаціи, но не рѣшался выйти за нее въ поле. Готовилась война съ Франціей. Тутъ его служба Карлу могла доставить Зикингену существенныя выгоды, и угрозы, которыя Гуттенъ щедро разсыпалъ противной партіи, остались пустыми словами. Онъ долженъ былъ сознаться, что зашелъ уже слишкомъ далеко; что тѣ самые, за чьи интересы стоялъ онъ, оставили его и не хотѣли идти за смѣлымъ предводителемъ. Должно было покориться необходимости. Къ этому присоединилось новое неблагопріятное обстоятельство. Зикингенъ отправился въ походъ; вновь обнаружившіеся припадки болѣзни не позволили Гуттену сопровождать его, и онъ долженъ былъ скрываться въ тайномъ убѣжищѣ до возстановленія своего здоровья.

Въ началѣ 1522 года обстоятельства, казалось, перемѣнились къ лучшему. Отецъ Гуттена умеръ, Штакельбергъ долженъ былъ перейти къ нему и его братьямъ и могъ, по своему неприступному положенію, доставить ему вѣрное убѣжище. Зикингенъ окончательно объявилъ себя защитникомъ реформаціи: можно было возобновить борьбу. Но Гуттенъ не успѣлъ достигнуть обладанія Штакельбергомъ. Противъ него издавались приговоръ за приговоромъ, и до самой смерти не получилъ онъ достоянія предковъ. Карлъ, между тѣмъ, уѣхалъ въ Испанію, учредивъ въ Германіи верховный правительственный совѣтъ, въ которомъ участвовали представители курфюрстовъ, князей, прелатовъ, графовъ и проч., но гдѣ рыцарство не имѣло своихъ представителей и потому сильно негодовало. Города, съ другой стороны, были недовольны тѣмъ, что число депутатовъ, которыхъ предоставлено имъ было выслать въ верховный совѣтъ, не соотвѣтствовало ихъ силѣ и значенію. Такимъ образомъ, рыцари и города, эти вѣчные и непримиримые враги, встрѣтились въ общемъ чувствѣ неудовольствія. Предразсудокъ силенъ, предразсудокъ сословный чуть-ли не сильнѣе другихъ: какъ рыцарю подать руку какому-нибудь торговцу? Для этого нуженъ переворотъ во взглядахъ и мнѣніяхъ. Гуттенъ пожертвовалъ этимъ предразсудкомъ; онъ увидѣлъ, что тѣсный союзъ рыцарства съ городами можетъ придать важный вѣсъ церковно-политической реформѣ, и направилъ сочиненія свои къ примиренію враждующихъ сословій, доказывая купцамъ, что не всякій рыцарь грабитель, что есть между ними люди безкорыстные, готовые дѣйствительно вступаться за обиженныхъ, а рыцарямъ внушая, что союзъ съ городами необходимъ для сверженія политическаго и религіознаго ига, потому что свободное, неподначальное рыцарство должно было теперь уступить мѣсто власти владѣтельныхъ особъ и подчиниться общимъ законамъ. Бо́льшая часть этихъ особъ стояли за прежній религіозный порядокъ, были врагами реформы, и такимъ образомъ въ глазахъ рыцарей вопросъ церковный смѣшался съ политическимъ; ратуя за свободу исповѣданія, они ратовали и за свою независимость, дѣлали такимъ образомъ въ одно время шагъ впередъ по одной дорогѣ и шагъ назадъ по другой, потому что свобода рыцарства равнялась средневѣковой безурядицѣ. Зикингенъ, въ лицѣ котораго воплощены были всѣ хорошія и дурныя качества рыцаря, который былъ достаточно силенъ, чтобы стать въ ряду независимыхъ государей, созвалъ всѣхъ рейнскихъ рыцарей на совѣщаніе, гдѣ заключенъ былъ союзъ на шесть лѣтъ. Рыцари обязались признать надъ собой только судъ своихъ собратій, въ противномъ случаѣ идти вооруженною рукой на обидчика. Зикингенъ выбранъ былъ главою союза.

Самыя разнообразныя побужденія заставляли его дѣйствовать такимъ образомъ: личныя отношенія его къ императору, которыя въ послѣднее время стали нехороши; сословныя убѣжденія, вслѣдствіе которыхъ всѣ рыцари считали себя униженными; наконецъ, религіозныя начала, которыя могли быть средствомъ къ одушевленію войска. Онъ желалъ упрочить свою независимость во всѣхъ отношеніяхъ. Врага и предлогъ найти было нетрудно. Зикингенъ пошелъ на трирскаго архіепископа-курфюрста, своего личнаго врага и врага всѣхъ исповѣдуемыхъ имъ принциповъ. Походъ кончился отступленіемъ: Зикингенъ былъ побѣжденъ.

А Гуттенъ, противъ котораго воздвигалось страшное гоненіе, сначала скрывался тамъ и сямъ и, наконецъ, долженъ былъ бѣжать изъ Германіи. Неизвѣстно, гдѣ именно онъ скрывался, пока мы не находимъ его, томимаго болѣзнью, въ Базелѣ, подъ гостепріимнымъ покровительствомъ городскаго совѣта. Всѣ приняли его здѣсь съ почетомъ; городъ поднесъ ему подарокъ, правители посѣщали его; одинъ только человѣкъ не хотѣлъ его видѣть, человѣкъ,—котораго присутствіе, можетъ быть, заставило Гуттена избрать Базель своимъ мѣстопребываніемъ. Этотъ человѣкъ былъ Эразмъ.

Эразмъ видѣлъ въ Гуттенѣ, болѣе и болѣе примыкавшемъ къ реформаціи, дезертира изъ арміи гуманистовъ. Если сочиненія Лютера казались ему жесткими, то сочиненія Гуттена должны были привести его въ ужасъ. Гуттенъ, съ своей стороны, видѣлъ въ Эразмѣ человѣка, отрекшагося отъ началъ, которыя онъ самъ проповѣдывалъ всю жизнь, и хотѣлъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Базелѣ, чтобы побесѣдовать съ Эразмомъ и постараться раскрыть ему глаза. Но Эразмъ уже считалъ его за человѣка опаснаго, съ которымъ не слѣдовало имѣть сношеній, и не постыдился передать ему чрезъ третье лицо просьбу не компрометировать его своимъ посѣщеніемъ; что, впрочемъ, если онъ въ силахъ быть ему чѣмъ нибудь полезнымъ, Гуттенъ можетъ на него разсчитывать. Не для чего говорить о томъ, какъ принялъ Гуттенъ подобное предложеніе. Эразмъ лишился самаго жаркаго поклонника и пріобрѣлъ опаснаго врага.

Между тѣмъ Гуттенъ получилъ печальную вѣсть о смерти Зикингена: онъ палъ отъ раны, побѣжденный соединившимися противъ него князьями западной Германіи. Гуттена продолжали преслѣдовать и гнать; онъ долженъ былъ покинуть свое убѣжище и бѣжалъ въ Цюрихъ, гдѣ тогда находился Цвингли. Молодой реформаторъ принялъ несчастнаго подъ свое покровительство и помогалъ ему, сколько было силъ. А Гуттенъ былъ, дѣйствительно, несчастливъ. Яростно преслѣдуемый врагами, безъ всякихъ средствъ къ существованію, измученный болѣзнью, на чужой сторонѣ, онъ даже не имѣлъ надежды, что когда-нибудь положеніе его измѣнится къ лучшему. На островкѣ Уфнау, Цюрихскаго озера, началъ онъ новый и послѣдній курсъ леченія, но уже его нельзя было спасти. Предъ смертью довелось ему перенести еще одно горе—совершенно разочароваться въ Эразмѣ, который написалъ въ цюрихскій совѣтъ письмо, наполненное предостереженій противъ Гуттена.

Гуттенъ умеръ тридцати пяти лѣтъ. Скорбь друзей и радость враговъ были соразмѣрны той роли, какую онъ игралъ въ послѣднее время.

ЧАСТЬ II.

ПЕРІОДЪ

РЕФОРМАЦІИ И РЕАКЦІИ КАТОЛИЦИЗМА.

РЕФОРМАЦІЯ
ВЪ ГЕРМАНІИ И ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

I. НАСТРОЕНІЕ УМОВЪ ВЪ ГЕРМАНІИ НАКАНУНѢ РЕФОРМАЦІИ.

(Изъ Циммермана: «Исторія великой крестьянской войны»).

Пока древняя церковь оставалась вѣрна своему назначенію, она дѣлала много великаго и прекраснаго для народа и для государей, для бѣдныхъ и для богатыхъ, для несчастныхъ и для счастливыхъ. Но мало по малу служители церкви развратились отъ высшаго до низшаго; бо̀льшая часть духовенства въ жизни и поступкахъ отклонилась отъ принциповъ первоначальной церкви; церковь не могла помолодѣть сама собою: только сила могла произвести въ ней этотъ переворотъ. Проснувшійся духъ націи высказался сначала въ научной жизни и литературѣ, получившей двойное значеніе—для науки и для народа. Народная литература была двухъ родовъ—поучительная и сатирическая. Сочиненія Таулера *), Ѳомы Кемпійскаго **), Іоганна Весселя и другія были исполнены духомъ реформаціи; они выражали протестъ противъ современнаго порядка церкви и хотя дѣйствовали медленно, но производили на читателей глубокое впечатлѣніе, распространяясь со времени изобрѣтенія книгопечатанія въ массѣ публики. Съ другой стороны, насмѣшка ясно возставала на развращенное папство и на пороки своего времени, ведя малую войну за свободу ума и народа. Францисканецъ Мурнеръ ***) обошелъ съ 1500 г. почти всѣ германскіе округи и грубо, а часто не-

---

*) Іоаннъ Таулеръ—извѣстный глубокомысленный проповѣдникъ XIV столѣтія (умеръ 1361 г.). *Примѣч. составителя.*

**) Ѳома Кемпійскій, извѣстный нѣмецкій богословъ XV стол. (1380—1472 г.). Его знаменитое богословское сочиненіе «О подражаніи Христу» переведено на весьма многіе языки. Латинскій его подлинникъ выдержалъ до двухъ тысячъ изданій, а французскій переводъ до тысячи. *Примѣч. составителя.*

***) Томасъ Мурнеръ (1475—1536 г.), извѣстный сатирическій писатель, что видно уже изъ самаго названія его главнѣйшихъ произведеній: «Narrenbeschwörung» (Заклинаніе глупцовъ), «Schelmenzunft (Цехъ шельмъ). *Примѣч. составителя.*

пристойно, но въ высшей степени популярно бичевалъ пороки всѣхъ сословій. Не забудемъ и язвительнаго Генриха Бебеля, который въ кабакахъ и за столомъ прелатовъ, осмѣивалъ слабыя стороны церкви и ея служителей. Все доказывало, что умъ націи достигъ совершеннолѣтія. Во всѣхъ сферахъ церкви, какъ въ духовенствѣ, такъ и въ мірянахъ, какъ во главѣ ея, такъ и въ членахъ, совершались преступленія, погрѣшности и злоупотребленія, которыя достигли страшныхъ размѣровъ. Безмѣрная жадность была господствующимъ порокомъ этого времени, когда любовь охладѣла во многихъ сердцахъ. Духовенствомъ всѣхъ степеней и разрядовъ овладѣла страсть возвышать до крайней степени церковныя таксы, поборы и всевозможные доходы. Такимъ образомъ, люди, которые, по своему сану или рожденію, должны бы были служить примѣромъ христіанскому міру, отличались, напротивъ того, наибольшею безнравственностью *). Это подтверждается не только исторіей римскаго двора незадолго до реформаціи, но еще больше жизнью духовныхъ германскихъ государей. Революціонныя движенія XVI стол. были слѣдствіемъ этого продолжительнаго зла. Страшный общественный нарывъ созрѣлъ и наконецъ прорвался. Богослуженіе сдѣлалось для мыслящихъ людей тягостнымъ, потому что оно стало пустымъ обрядомъ, лишеннымъ всякой идеи. Такъ какъ духъ сомнѣнія былъ сильно возбужденъ, а невѣжество глубоко, то масса должна была придти или къ безвѣрію, или къ суевѣрію, или къ стремленію къ новой религіозной жизни. Суевѣріе было въ то время сильнѣе, чѣмъ когда либо. Священники охотно удовлетворяли религіознымъ потребностямъ этой эпохи, предлагая народу самыя странныя реликвіи. Они продавали молитвенники, чтеніе которыхъ давало отпущеніе грѣховъ на цѣлые годы и столѣтія... Многихъ охватилъ какой-то религіозный экстазъ, и вѣра въ сверхъестественное возобновилась

---

*) Въ 1503 г., слѣдовательно незадолго до появленія Лютера, одинъ изъ первыхъ германскихъ богослововъ описываетъ слѣдующимъ образомъ упадокъ духовенства. «Оно относится съ презрѣніемъ къ изученію богословія; оно пренебрегаетъ Евангеліемъ и прекрасными сочиненіями св. отцовъ; оно молчитъ о вѣрѣ, благочестіи, умѣренности и другихъ добродѣтеляхъ, которыя были восхваляемы даже нѣкоторыми изъ лучшихъ язычниковъ, оно не говоритъ о чудесахъ милосердаго Бога и заслугахъ Спасителя. И такимъ людямъ, не понимающимъ ни богословія, ни философіи, поручаютъ высшія должности церкви, ихъ назначаютъ пастырями душъ! Вотъ причина жалкаго упадка христіанскихъ церквей и презрѣнія къ духовенству! Безнравственная жизнь духовенства вселяетъ въ благомыслящихъ родителяхъ боязнь посвящать своихъ сыновей этому званію. Духовенство вполнѣ пренебрегаетъ изученіемъ священнаго писанія, теряетъ способность цѣнить красоту и силу его, дѣлается лѣнивымъ и нерадивымъ въ исполненіи своихъ обязанностей, стараясь какъ нибудь исполнить ихъ, сказать проповѣдь, пропѣть и, главное, скорѣе кончить дѣло. Съ должникомъ своимъ говоритъ оно серьознѣе и разумнѣе, нежели со своимъ Творцомъ! Отъ скуки оно, вмѣсто чтенія, предается игрѣ, кутежу и безнравственной жизни, не обращая ни малѣйшаго вниманія на всеобщее къ себѣ презрѣніе. Да и возможно ли, чтобы, при такихъ условіяхъ, міряне относились къ нему съ уваженіемъ? Евангеліе называетъ путь къ спасенію узкимъ, духовенство же дѣлаетъ его широкимъ и веселымъ». Что эти обвиненія нисколько не преувеличены, доказываютъ сотни достовѣрныхъ свидѣтельствъ другихъ современниковъ. (Kohlrausch, Geschichte Deutschlands u s. w.).

съ новою силою. Хотя представителями поэзіи были теперь не трубадуры, а живописцы и ваятели, тѣмъ не менѣе феодальный міръ, несмотря на свою грубость и кулачное право, возвысился до пониманія высокихъ идей; мы видимъ это въ рыцаряхъ, какъ Зикингенъ и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Но всѣ эти явленія были предсмертнымъ напряженіемъ силъ, послѣдней вспышкой жизни. Несмотря на всѣ усилія средневѣковаго духа спастись отъ смерти, внимательные люди уже слышали удары топора, которымъ она, незримая, готовила гробъ могуществу феодализма и духовенства. Убранства, которыми искусства украшали средневѣковую церковь, были ея погребальнымъ нарядомъ; въ немъ ее должно было постигнуть разложеніе. Множество людей предчувствовали и предсказывали приближеніе новаго времени. Снова пришли на память древнія пророчества; пронеслись и новыя. Были два великія пророчества, на которыхъ останавливались вѣра и надежда народа въ его мракѣ и горѣ, въ его тоскѣ и жаждѣ освобожденія. Одно предсказаніе касалось политики, другое—религіи. Существовало древнее пророчество: «На лебединой горѣ будетъ нѣкогда стоять корова и такъ громко мычать и ревѣть, что ее будетъ слышно въ Швейцаріи». Предсказаніе это обратилось въ поговорку и истолковывалось такъ, что современемъ вся Германія сдѣлается такою же, какъ Швейцарія, т. е. такъ же свободна. Другое предсказаніе заключалось въ словахъ, сказанныхъ будто бы умирающимъ Гусомъ, или Іеронимомъ. Слова эти, отчеканенныя на гуситской медали, были слѣдующія: «Черезъ сто лѣтъ вы отвѣтите Богу и мнѣ». Повсюду ожидали того, который будетъ человѣкомъ Божіимъ и народнымъ и свергнетъ тираннію папы и поповъ. Предсказаніе францисканца Іоанна Гильтена было гораздо опредѣленнѣе. Передъ тѣмъ, какъ его посадили въ Эйзенахѣ въ тюрьму, онъ сказалъ, ссылаясь на пророка Даніила: «Въ 1516 году начнутъ падать сила и власть папы». Какъ ни могущественно вліяніе на народъ умственной силы, но нельзя отрицать, что матеріальныя лишенія для него еще чувствительнѣе, чѣмъ духовныя. Непомѣрные поборы, обманы и грабительства римскаго двора и духовныхъ владѣтелей, а также отказъ духовенства участвовать въ платежѣ налоговъ, главнымъ образомъ, побудили народъ къ возстанію и расположили его къ республикѣ и реформаціи. Индульгенціи и юбилейные сборы, доставлявшіе римскому двору чудовищные доходы (во Франкфуртѣ въ одинъ годъ было собрано 1500 червонцевъ), не наносили матеріальнаго ущерба отдѣльнымъ лицамъ. Но безстыдство и грязная наглость, съ какими производилась эта торговля, обратили наконецъ на себя вниманіе, заставили призадуматься и вызвали сомнѣніе, сопротивленіе. Столь же безстыдны были обманы странниковъ, которые показывали за деньги перо первой попавшейся хищной птицы, выдавая его за перо изъ крыла архангела Михаила, или ящики, набитые сѣномъ, будто бы изъ яслей, въ которыхъ лежалъ Господь. Прикосновеніе къ этимъ святынямъ они выдавали за лекарство отъ чумы. При вакансіи епископствъ, римскому двору уплачивались громадныя суммы, называемыя аннатами. Для уплаты этихъ суммъ подданные облагались новыми разорительными налогами. Это случалось такъ часто, что высасывало изъ народа послѣдніе соки. Каждый прелатъ, при вступленіи въ должность, долженъ былъ внести отъ 15,000 до 20,000 и болѣе гульденовъ, и случалось, какъ, напр., въ Нассау, что въ восемь лѣтъ престолъ былъ три раза, а въ восемнадцать—четыре раза вакантнымъ,

такъ что въ этотъ періодъ пришлось платить аннаты 4 раза. Въ Майнцѣ въ семь лѣтъ, отъ 1505 по 1513, архіепископскій престолъ былъ трижды вакантнымъ, и каждый разъ на подданныхъ, и безъ того уже разоренныхъ налогами, налагался сборъ въ 20,000 гульденовъ. Римскій дворъ такъ дорого продавалъ прелатуры, чтобы имѣть возможность поддерживать свою роскошь и покрывать всѣ свои расходы, что съ несчастнаго народа приходилось сдирать послѣднюю шкуру. Вслѣдствіе всего этого народъ пришелъ къ тому убѣжденію, что религія духовенства заключается въ мірской страсти извлекать изъ всего деньги. Духовенство отказывалось въ столь тяжелое для крестьянъ время отъ всякаго участія въ общественныхъ налогахъ на томъ основаніи, что свѣтскіе и духовные законы и священное писаніе строжайше запрещаютъ обременять его таксами, податями и налогами. Опираясь на это, духовныя лица безъ зазрѣнія совѣсти перебивали у крестьянъ заработокъ, занимаясь корчемствомъ, мелочной торговлей и т. д. Тогда явился Лютеръ. Такой высоко одаренный человѣкъ, какъ Лютеръ, не могъ не встрѣтить сочувствія при общественныхъ отношеніяхъ того времени. Хотя число враговъ его было велико, однако еще больше было такихъ, которые дѣйствовали съ нимъ заодно и помогали ему. Съ нимъ были всѣ сыны проснувшагося столѣтія, всѣ друзья науки, всѣ умные люди того времени; опорой ему была вся нація. Многіе видѣли гораздо раньше самого Лютера религіозно-политическое значеніе его предпріятія. Большинство народонаселенія стонало подъ страшнымъ нравственнымъ и матеріальнымъ бременемъ и чувствовало себя униженнымъ, обращеннымъ въ вьючное животное, въ вещь. Долго держали народъ въ состояніи умственной и особенно духовной незрѣлости; на невѣжествѣ его держался деспотизмъ. Лютеръ возвратилъ народамъ библію, чтобы они могли руководствоваться ею, изучать ее и выводить свои заключенія. Деспотизмъ не могъ уже безнаказанно ссылаться и опираться на нее, какъ прежде, пока она была недоступна народу. Такимъ образомъ сдѣланъ былъ первый великій шагъ къ освобожденію; обманы, на которыхъ власти основывали свои притѣсненія, были обличены. Казалось, что истинно-христіанскій принципъ проникнетъ во всѣ жизненныя отношенія и преобразуетъ религію и государство. Человѣчество научилось мыслить, и можно было надѣяться, что оно не остановится на одномъ вопросѣ, но обниметъ мыслью всѣ общественныя отношенія. Стали сбываться пророчества. Все указываетъ на кровавыя движенія, писалъ Эразмъ въ 1522 г. На Рождествѣ 1517 г. курфюрстъ Фридрихъ, идя вечеромъ въ церковь, въ сопровожденіи своего двора, увидѣлъ на ясномъ небѣ, надъ дворцомъ, большое блестящее знаменіе въ видѣ пурпуроваго креста: «Много прольется крови за религіозные вопросы», сказалъ онъ.

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ОППОЗИЦІИ ПРОТИВЪ РИМА ВЪ ГЕРМАНІИ.

(По соч. Ранке: «Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation». «Отеч. Записки» 1844, т. XXXVI).

Различные моменты жизни народной соединились и внушили Германіи рѣшительную оппозицію противъ римскаго престола.

Власть папская болѣе всего потрясена была стремленіемъ послѣдняго десятилѣтія XV вѣка—дать народу правильное, самобытное правленіе: папа, имѣвшій сильное вліяніе на политическое состояніе государствъ, необходимо долженъ былъ столкнуться на этомъ пунктѣ съ требованіями народа. Первый шагъ къ оппозиціи сдѣланъ былъ въ 1487 г., когда къ папѣ отправлено было прошеніе объ уничтоженіи сбора десятой части доходовъ, которымъ онъ самовольно обложилъ всю Германію. Въ 1495 г., при мысли объ учрежденіи имперскаго совѣта, предполагалось постановить въ обязанность президенту, чтобъ онъ защищалъ народъ противъ тягостныхъ притязаній западной церкви. Когда въ 1498 году сословія соединились на самое короткое время съ императоромъ, тогда, съ общаго согласія, предположено было требовать у папы, чтобъ онъ предоставилъ собираемыя имъ въ такой огромной массѣ аннаты въ ихъ распоряженіе для войны съ турками. Въ 1500 г. (когда состоялся имперскій совѣтъ) отправились послы съ этимъ требованіемъ, къ которому присовокуплена была жалоба на незаконное вмѣшательство въ распоряженіе и пользованіе духовными бенефиціями; когда же явился папскій легатъ для празднованія юбилейнаго года новаго столѣтія, ему не позволили дѣйствовать безъ разрѣшенія имперскаго правительства, чтобъ не произошло чего нибудь противнаго его пользамъ. Легатъ настаивалъ на своемъ, и правительство дало ему коммисаровъ для сбора денегъ, долженствовавшихъ поступить въ казну государственную. Императоръ Максимиліанъ принялъ дѣятельное участіе въ соборѣ, созванномъ въ Пизѣ въ 1511 году, называлъ себя защитникомъ и блюстителемъ церкви, обѣщалъ членамъ собора покровительство и милость до заключенія ихъ переговоровъ, «которые, какъ онъ надѣется, будутъ угодны Богу и заслужатъ похвалу людей». Воскресла прежняя надежда, что положенія собора произведутъ благодѣтельныя перемѣны въ управленіи церкви; но недолго слабый Максимиліанъ былъ покровителемъ рождающихся идей: помирившись съ папою Юліемъ II, онъ потребовалъ у имперскихъ чиновъ пособія для потушенія ереси, возженной Пизанскимъ соборомъ. Итакъ, первая оппозиція не удалась, потому что не было истинной самобытной дѣятельности; но первая неудача не поселила отчаянія въ успѣхѣ: живо сохранилось въ сердцахъ стремленіе къ независимости, и жалобы на церковную тиранію раздавались все громче и громче. Геммерлинъ, котораго сочиненія вездѣ читались съ жаромъ, представляетъ огромный перечень обмановъ и хищеній папскаго двора. По-истинѣ, нельзя себѣ представить, до какой степени достигло корыстолюбіе западнаго духовенства: по разсчету, сдѣланному на сеймахъ, до 300,000 гульденовъ ежегодно переходили въ папскую казну, за исключеніемъ огромныхъ суммъ, платимыхъ епископами при ихъ посвященіи, за исключеніемъ сбора съ приходовъ, поступавшаго туда же.

Къ жалобамъ на корыстолюбіе духовенства присоединились споры относительно отправленія правосудія свѣтскаго и духовнаго, особенно въ Саксоніи,

гдѣ, кромѣ трехъ туземныхъ епископовъ, право суда имѣли архіепископы майнцскій и пражскій, епископы Вюрцбурга, Бамберга и др. Замѣшательство происходило преимущественно оттого, что всѣ распри между духовными и свѣтскими рѣшаемы были одними духовными судами, которые стѣсняли свѣтское правосудіе. Еще въ 1451 г. герцогъ Вильгельмъ жаловался на это стѣсненіе и представлялъ о томъ папѣ; въ 1490 году повторилась та же жалоба съ присовокупленіемъ замѣчанія, что народъ приходитъ въ нищету отъ безпрерывныхъ процессовъ. Наконецъ, въ 1518 г., герцоги обѣихъ линій, Георгъ и Фридрихъ, настоятельно требовали, чтобы духовные суды ограничились духовными дѣлами, чтобы одни свѣтскіе суды имѣли власть надъ свѣтскими, и чтобы сеймъ рѣшалъ, что должно относиться къ дѣламъ свѣтскимъ и что къ духовнымъ. Впрочемъ, не одна Саксонія желала подобныхъ измѣненій: это было всеобщимъ требованіемъ, поглотившимъ вниманіе всѣхъ послѣдующихъ сеймовъ.

Особенно города отягощены были привилегіями духовенства, и, дѣйствительно, что можетъ быть непріятнѣе для благоустроеннаго государства, какъ видѣть въ стѣнахъ своихъ особенное общество, которое не признаетъ его законовъ и не считаетъ себя обязаннымъ слѣдовать его постановленіямъ? Церкви были убѣжищами для преступниковъ, монастыри—сборищами преступной молодежи. Даже появились духовные, которые, пользуясь привилегіею не платить пошлины, занимались торговлею и, къ великому соблазну истинно-благочестивыхъ людей, заводили шинки; а если кто-нибудь вмѣшивался въ ихъ беззаконныя дѣла, тому они грозили проклятіемъ и отлученіемъ отъ церкви. При такихъ важныхъ злоупотребленіяхъ духовной власти, обнаружились и прочіе поступки недостойнаго духовенства: съ какимъ жаромъ ратуетъ Геммерлинъ противъ неслыханнаго приращенія богатства монаховъ, опустошающихъ цѣлыя деревни, противъ множества праздниковъ, противъ безбрачія, которое развратило нравы западнаго духовенства, противъ безчисленнаго множества священниковъ, которыхъ въ одномъ Констанцѣ посвящалось ежегодно до 200!

Безпорядки зашли такъ далеко, что самые обычаи духовенства оскорбляли общественную нравственность. Священники, жившіе въ беззаконныхъ связяхъ и обремененные дѣтьми, продавали разрѣшеніе грѣховъ, а потому, вмѣсто уваженія къ своему сану, возбуждали къ себѣ презрѣніе; бо̀льшая часть людей, вступавшая въ монашество, искала спокойной, безпечной жизни; всѣ говорили, что духовенство беретъ изъ всѣхъ сословій только одно пріятное и убѣгаетъ всего тягостнаго: у рыцарей прелатъ заимствуетъ блестящія одежды, огромную свиту, великолѣпные поѣзды, соколиную охоту; съ женщинами раздѣляетъ онъ красивые покои и сады, но не вѣдаетъ ни тяжести, ни трудовъ домохозяйства. Отсюда произошла на Западѣ и пословица: «кто хочетъ быть доволенъ на одинъ разъ, тотъ убей курицу; кто хочетъ составить себѣ спокойствіе на одинъ годъ, тотъ возьми себѣ жену, а кто на всю жизнь,—сдѣлайся священникомъ». Такихъ пословицъ ходило множество въ народѣ: ими наполнены брошюры того времени.

На литературѣ народной вполнѣ отразился оппозиціонный духъ, стремившійся поразить злоупотребленія, которыя становились невыносимыми. Чтобъ имѣть доказательства справедливости сказаннаго нами, достаточно назвать произведенія народной литературы Ганса Розенблюта и Себастіана Брандта: «Eulenspiegel» (Игры на Рождество Христово), передѣлку «Reineke Fuchs» (Лисица Рейнеке) и «Narrenschiff» *).

*) Себастіанъ Брандтъ (1458—1521), изъ Страсбурга, знаменитый сатирикъ своего времени. Въ своемъ сочиненіи «Narrenschiff» (Корабль глупцовъ) онъ рѣзко

Во всѣхъ этихъ твореніяхъ осмѣяны духовные, ихъ домашняя жизнь, ихъ общественныя отношенія—словомъ, все, что касается до католическихъ монастырей и монаховъ. Оппозиція, явившаяся въ формѣ шутки и находившая себѣ пищу въ понятіяхъ всего народа, сдѣлалась главнымъ элементомъ его, утвердилась крѣпко и непосредственно слилась со всѣми явленіями жизни. Замѣшательство и неустройство, видимыя вездѣ въ общественныхъ отношеніяхъ, пробудили естественнаго противника—здравый умъ человѣческій, который возникъ въ глубинѣ націи, и хотя онъ проявлялся въ мѣщанскихъ, прозаическихъ, низшихъ формахъ, но представлялъ собою истину, сдѣлался двигателемъ міровыхъ явленій.

Не одна, впрочемъ, народная литература подвизалась на поприщѣ оппозиціи: ученая приняла такое же, можетъ быть, еще болѣе рѣшительное, направленіе. Въ этомъ отношеніи важнѣе всего вліяніе Италіи: тамъ ни схоластика, ни романтическая поэзія не достигли совершеннаго преобладанія; въ Италіи сохранилось воспоминаніе древности, которое развилось въ XV вѣкѣ, заняло всѣ умы и дало новую жизнь литературѣ. Подобное развитіе подѣйствовало и на Германію: нѣмцы видѣли, что воспитанники итальянскихъ грамматиковъ и риторовъ презираютъ ихъ, и сами почувствовали, что говорятъ и пишутъ очень дурно. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что подвинутые соревнованіемъ умы рѣшились искать просвѣщенія, что молодежь толпами отправлялась въ Италію учиться мудрости и древнимъ языкамъ; изъ этой толпы возникъ человѣкъ даровитый, усвоившій себѣ все классическое образованіе того времени—Рудольфъ Гусманъ, прозванный Агриколою. Столь сильно было вліяніе, имъ пріобрѣтенное, что его въ школахъ уважали наравнѣ съ Виргиліемъ. Онъ и друзья его старались объ образованіи народномъ, завели школы поэзіи въ Нюрнбергѣ, Ульмѣ, Франкфуртѣ и другихъ городахъ. Трудно повѣрить, что эти словесники умѣли держать въ порядкѣ и посвящать въ таинства науки суровую молодежь, жившую большею частію подаяніемъ, не имѣвшую книгъ и странствовавшую изъ одного города въ другой, и что изъ среды этой молодежи могли явиться великіе ученые; достаточно уже и того, что они стремились всѣми силами къ распространенію общественнаго образованія. Между тѣмъ, схоластика университетовъ, овладѣвшая элементарнымъ преподаваніемъ, оставалась еще твердою на своемъ мѣстѣ, и, слѣдовательно, необходимо должны были возгорѣться распри между старымъ и новымъ, гуманнымъ способомъ преподаванія,—распри, которыя не могли ограничиться однимъ языкомъ, но должны были захватить всѣ области человѣческаго знанія.

Въ это время выступилъ на поприще дѣятельный человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою истребленію схоластики въ университетахъ и монастыряхъ,—первый писатель, принадлежавшій къ оппозиціи въ новѣйшемъ значеніи этого слова: Эразмъ Роттердамскій.

Всю обычную горечь противъ ханжества того времени, весьма понятную по обстоятельствамъ его жизни, излилъ Эразмъ въ своихъ произведеніяхъ,—не такъ, однакожъ, чтобъ это негодованіе казалось главнымъ его побужденіемъ; напротивъ, оно выражалось у него какъ-то косвенно, неожиданно, часто въ пылу

осмѣялъ пороки и нелѣпости своего времени, причемъ впалъ въ ругательно-политическій тонъ, свойственный вообще литературѣ дореформаціоннаго времени. Необыкновенная популярность «Корабля глупцовъ» доказывается тѣмъ, что одинъ знаменитый проповѣдникъ XV стол. избралъ отдѣльныя главы этого сочиненія текстами для своихъ проповѣдей. (См. соч. Шерра. «Всеобщая исторія литературы»)

ученаго диспута, но всегда съ увлекательнымъ, неподражаемымъ остроуміемъ. Въ своей сатирѣ «Похвала глупости» онъ выводитъ на сцену Морію, дочь Плутуса, родившуюся на счастливомъ островѣ, вскормленную виномъ и распутствомъ; она владычица сильнаго государства, которому принадлежатъ всѣ сословія свѣта. Она скрывается между всѣми сословіями, дольше и охотнѣе всѣхъ остается между духовными, хотя они, будучи ей всѣмъ обязаны, не хотятъ признавать ея благодѣяній. Она насмѣхается надъ лабиринтомъ діалектики, въ которомъ блуждаютъ ученые, надъ силлогизмами, которыми они вздумали поддержать западную церковь, какъ Атласъ поддерживаетъ небо, и надъ рвеніемъ и жестокостью, съ которыми они преслѣдуютъ каждое несогласное съ ними мнѣніе; далѣе, нападаетъ на невѣжество, нечистоту, странныя и смѣшныя потребности католическихъ монаховъ, ихъ грубыя и ругательныя проповѣди; смѣло задѣваетъ она также и римскій дворъ, и самого папу, объясняя, что онъ призваніемъ своимъ почитаетъ одни удовольствія.

Духъ времени ясно выразился въ этомъ сочиненіи. Потому-то оно и произвело необыкновенное дѣйствіе: еще при жизни Эразма разошлось 27 изданій этого творенія; оно переведено было на всѣ языки и послужило къ большому развитію анти-католическаго духа, характеризующаго ту эпоху. Вмѣстѣ съ вліяніемъ народнымъ Эразмъ соединилъ глубокое вліяніе ученое. Эразму понравилась идея итальянцевъ, что науками заниматься должно по древнимъ: географіею по Страбону, медициною по Иппократу, философіею по Платону, а не по сухимъ и неполнымъ учебникамъ, бывшимъ тогда въ общемъ употребленіи; онъ пошелъ еще далѣе,—требовалъ, чтобъ правила религіи преподавались не по книгамъ Скота и Ѳомы, но по писаніямъ св. отцовъ греческой церкви и преимущественно по книгамъ Новаго Завѣта. По примѣру Лаврентія Валлы, имѣвшаго большое вліяніе на философа роттердамскаго, Эразмъ доказывалъ, что невозможно придерживаться латинской библіи, наполненной множествомъ ошибокъ, и приступилъ самъ къ великому дѣлу изданія греческаго текста, который до тѣхъ поръ не былъ основательно извѣстенъ на Западѣ. Онъ желалъ, по его собственному выраженію, обратить теологію къ ея источникамъ; хитро-построенной системѣ онъ указалъ простоту начала, изъ котораго она произошла и къ которому необходимо должна возвратиться. Онъ тѣмъ болѣе могъ успѣть въ своихъ предпріятіяхъ, что показывалъ злоупотребленія, имъ порицаемыя, а за ними—не страшную пропасть, но улучшеніе вовсе незатруднительное, и сверхъ того тщательно остерегался оскорбить начала, на которыхъ основаны были религіозныя вѣрованія; остальное совершено его необыкновеннымъ литературнымъ дарованіемъ. Образъ его выраженія и нынѣ плѣняетъ читателя, а тогда увлекалъ, очаровывалъ каждаго.

Примѣръ Эразма служитъ уже доказательствомъ, какъ опасно было новое литературное направленіе для исключительнаго богословія факультетовъ; университеты вооружались, какъ могли. Если Кельнъ незадолго до этого съ ожесточеніемъ возсталъ противъ введенія новой элементарной книги, то можно судить, какія притѣсненія претерпѣли послѣдователи новой школы, и, несмотря на это, заря новаго ученія яркимъ лучомъ освѣтила мракъ схоластики.

Но міръ ученый не могъ преобразоваться вдругъ, безъ жаркаго боя.

Дивно было начало этого боя: онъ закипѣлъ не отъ грознаго врага, не отъ опаснаго нападенія, противъ котораго необходимо было бы изготовить оружіе: самому спокойному, самому мирному изъ всѣхъ неофитовъ судьба назначила раздуть пламя сокрушительной распри. Неофитъ этотъ былъ Іоганнъ Рейхлинъ.

Въ лицѣ Рейхлина литературная оппозиція одержала побѣду. Радостно смо-

трѣлъ вокругъ себя Эразмъ въ 1518 году; повсюду ученики и послѣдователи его втѣснились въ университеты, и всѣ были преподавателями литературы древнихъ. Во всѣ отрасли знанія вторгнулась новая жизнь. «О, славный вѣкъ! восклицаетъ Гуттенъ:—ученіе процвѣтаетъ, умы пробуждаются, жить такъ весело!» Преимущественно же это проявилось въ области богословія. Первое духовное лицо націи, архіепископъ майнцскій Альбрехтъ, привѣтствовалъ Эразма, какъ возстановителя теологіи.

Скоро настало совершенно другое движеніе. Не извнѣ должны были возникнуть опаснѣйшія противодѣйствія: въ самыхъ нѣдрахъ ихъ обнаруживалась вражда, долженствовавшая сокрушить могущество деспотизма католической церкви; внутри богослово-философскаго міра появились несогласія, съ которыхъ начинается новый періодъ жизни и мышленія. Мы не должны упускать изъ вида, что ученіе Виклефа, распространившееся изъ Оксфорда по всему западному христіанству и принявшее такой грозный характеръ въ Богеміи, имѣло большое вліяніе на Германію; долгое время послѣ того видны были слѣды его: въ Баваріи, Швабіи и Франконіи подозрѣвали существованіе гуситовъ, а въ Бамбергѣ считали за нужное отбирать у жителей присягу, что они не принадлежатъ къ послѣдователямъ Виклефа и Гуса, и даже въ Пруссіи, гдѣ наконецъ-таки и покорились, хотя только для вида, приверженцы этого ученія. Еще важнѣе то обстоятельство, что изъ дикихъ мнѣній и партій Гуса образовалось общество богемскихъ братій, которое старалось представить собою христіанскую общину, которой главный тезисъ, давшій новую религіозную жизнь оппозиціи, состоялъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ самъ есть краеугольный камень, на которомъ зиждется церковь, а не апостолъ Петръ и его преемники. Изъ тѣхъ странъ, гдѣ проявились германскіе и славянскіе элементы,—вѣстники новыхъ идей незамѣтно пробирались въ отдаленныя области и находили себѣ единомышленниковъ: Николай Кусъ въ Ростокѣ, получившій два такія посѣщенія, началъ (1511) открыто говорить противъ папы.

Наконецъ въ самыхъ университетахъ возникла оппозиція противъ владычества доминиканской системы. Партія эта была еще малочисленна и часто претерпѣвала гоненія отъ враговъ своихъ, бывшихъ владыками инквизиціонныхъ судовъ; но въ тишинѣ пускала она могучіе корни, становилась все сильнѣе и сильнѣе. Представителями ея явились Лютеръ и Меланхтонъ.

Но, можетъ быть, важнѣе всѣхъ разсказанныхъ нами перемѣнъ было принятіе въ XV вѣкѣ многими богословами строгаго августинскаго ученія.

Іоаннъ де-Везалія проповѣдовалъ о предопредѣленіи; онъ говорилъ о той книгѣ, въ которую заранѣе внесены имена избранныхъ. Ученіе его было также приготовленіемъ къ реформаціи, потому что онъ отвергалъ всѣ позднѣйшія постановленія западной церкви и совѣтовалъ слѣдовать древнимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривалъ право священниковъ разрѣшать и связывать, въ чемъ ясно высказывается идея невидимой церкви. Вообще о немъ можно сказать, что онъ былъ человѣкъ смѣлый и даровитый, потому и могъ играть нѣкоторое время важную роль въ такомъ университетѣ, каковъ былъ эрфуртскій; несмотря, однакожь, на уваженіе, которымъ пользовался, онъ не могъ удержаться на своемъ мѣстѣ: за сношенія съ богемскими выходцами его потребовали къ суду инквизиціи, и онъ умеръ въ одной изъ темницъ ея.

Правила оппозиціи, развиваясь болѣе и болѣе, приняли видъ ученой системы. Въ твореніяхъ Іоганна Весселя можно видѣть, какимъ образомъ новыя идеи прокладывали себѣ путь сквозь всѣ многочисленныя препятствія.

Вессель говоритъ утвердительно, что прелатамъ и докторамъ можно вѣрить тогда только, когда ученіе ихъ согласуется съ догматами св. писанія, единственными правилами вѣры, стоящими выше папы.

Къ довершенію успѣха, стремленія нововводителей не были раздроблены.

Во время Базельскаго собора августинскіе пустынники составили отдѣльное братство и съ тѣхъ поръ всѣми силами старались поддерживать строгій уставъ своего ордена, чѣмъ они обязаны были Андрею Пролесу, бывшему въ продолженіе полувѣка ихъ викаріемъ. Къ этому направленію въ началѣ XVI вѣка, присоединилось другое, родственное съ нимъ. Владычеству схоластики также враждебны были мистическіе взгляды на жизнь: проповѣди Таулера, полныя кроткой важности, глубокомыслія и истины, нашли себѣ многочисленныхъ читателей; слѣдствіемъ этихъ проповѣдей была явившаяся въ то время книга нѣмецкаго богословія, которая доказывала невозможность достигнуть совершенства посредствомъ собственнаго я и поучала искать внутренняго успокоенія въ вѣчной области. Много вліянія произвели эти идеи, распространенныя Іоганномъ Штаупитцомъ. Разсматривая его образъ воззрѣнія, когда онъ говоритъ, напримѣръ, о любви, «которой изучить нельзя ни самимъ собою, ни чрезъ другихъ, ни чрезъ св. писаніе, которая только посредствомъ Св. Духа нисходитъ на человѣка», легко можно замѣтить въ немъ тѣсное соединеніе божественнаго промысла, вѣры и свободной воли. Нельзя сказать утвердительно, чтобы всѣ монастыри августинскаго ордена или члены ихъ распространяли однѣ и тѣ же идеи; несомнѣнно только, что между ними возникли и развились идеи независимости, которыя поддерживали оппозицію противъ школьныхъ мнѣній того времени.

Въ 1502 г. Фридрихъ, курфирстъ саксонскій, основалъ университетъ въ Виттенбергѣ; съ разрѣшенія папскаго, онъ превратилъ придворную церковь въ аббатство и соединилъ званіе священника въ немъ съ званіемъ профессора; въ богословскомъ факультетѣ этого заведенія принималъ дѣятельное участіе знаменитый августинскій монастырь, находившійся въ городѣ. Необходимо вспомнить, что университеты были въ то время не только учебными заведеніями, но вмѣстѣ и высшими трибуналами ученаго міра; въ статутѣ виттенбергскаго университета Фридрихъ изъяснилъ, что это заведеніе основано для того, чтобы всѣ окрестные народы обращались къ нему, какъ къ оратору, «чтобы мы, говоритъ онъ, приносили туда свои сомнѣнія, рѣшали ихъ тамъ и возвращались домой полные вѣры».

Въ основаніи университета дѣятельное участіе приняли два человѣка, принадлежавшіе къ оппозиціи: докторъ Мартинъ Поллихъ, первый ректоръ, и Іоганнъ Штаупитцъ, деканъ богословскаго факультета. Въ 1508 году послѣдній оставилъ мѣсто молодому Лютеру.

III. ЛЮТЕРЪ ДО ВСТУПЛЕНІЯ ЕГО ВЪ БОРЬБУ ПРОТИВЪ ИНДУЛЬГЕНЦІЙ.

(По соч. Гейссера: «Geschichte des Zeitalters der Reformation»).

Мартинъ Лютеръ былъ вполнѣ сынъ того тревожнаго времени, въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ, истинный сынъ своего народа, вождемъ котораго ему суждено было сдѣлаться. Въ немъ отразились всѣ

отличительныя свойства нѣмецкой національности: правдивость, терпѣливость, сосредоточенность и склонность ко всему мистическому.

Ни въ одной исторической личности не выступаютъ съ такой рельефностью, какъ въ Лютерѣ, рѣзкія противоположности того переходнаго времени, къ которому относится его дѣятельность. Дѣтски-наивное добродушіе и крайнее упорство духа, мучительныя страданія души, запуганной сознаніемъ своей грѣховности, и замѣчательная смѣлость въ борьбѣ за свои религіозныя убѣжденія, мягкость, уступчивость при столкновеніяхъ съ практическими вопросами жизни и, рядомъ съ этимъ, непоколебимая, безпощадная строгость монаха — вотъ тѣ противоположности, которыя представляетъ характеръ Лютера.

Лютеръ родился въ 1483 г. въ горной мѣстности Тюрингіи, близъ Эйслебена, куда отецъ его, по ремеслу рудокопъ, отправлялся на работы. Крѣпость натуры, непринужденность, бодрость, живость духа—эти свойства сыновъ Тюрингіи замѣтно сказываются въ Лютерѣ на каждомъ шагу. Эти свойства беззаботнаго тюрингійца нерѣдко сталкивались въ его личности съ мрачнымъ настроеніемъ монаха средневѣковаго закала.

Невесела была жизнь Лютера въ родительскомъ домѣ: она ни въ какомъ случаѣ не могла способствовать развитію въ Лютерѣ той гармоніи, той бодрости духа, которая не оставляла его во всю его послѣдующую жизнь. Нелегко доставалось родителямъ Лютера воспитаніе дѣтей своихъ. Самъ Лютеръ разсказываетъ, какъ его мать таскала на спинѣ своей вязанки дровъ, а отецъ работалъ въ потѣ лица; это былъ человѣкъ нрава суроваго, энергическій и всею душей преданный вѣрѣ отцовъ своихъ и потому именно смертельно ненавидѣвшій нравственно-развращенное монашество того времени. Благодаря такой обстановкѣ, Лютеръ рано выучился пробивать себѣ дорогу собственными усиліями. Впослѣдствіи уже Лютеръ, возвращаясь мысленно къ своему прошлому, не разъ говорилъ о томъ, какъ много пришлось ему выстрадать, какъ часто — нравственно съеживаться, молча и терпѣливо переносить всякое горе, и какъ рано долженъ онъ былъ научиться уповать на Бога.

Несмотря на свою бѣдность, отецъ Лютера намѣревался сдѣлать изъ своего сына нѣчто болѣе, чѣмъ рудокопа. Но для этого родители Лютера, особенно же отецъ его, считали необходимымъ обращаться съ нимъ какъ можно строже. За малѣйшіе проступки онъ подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ. Онъ во всю свою жизнь не могъ забыть этой незаслуженной строгости, вслѣдствіе которой робкая мать не затруднялась собственноручно до крови сѣчь розгами сына изъ-за какого-нибудь съѣденнаго орѣха. «Крайняя строгость развила во мнѣ какую-то запуганность, говоритъ о себѣ Лютеръ, и я, не будучи долѣе въ силахъ переносить эту жестокость обращенія, поступилъ въ монастырь и постригся въ монахи. Конечно, у родителей моихъ были добрыя намѣренія, но они не съумѣли соблюсти должной умѣренности въ своихъ наказаніяхъ». Такъ изображаетъ самъ Лютеръ вліяніе на него полученнаго имъ воспитанія домашняго. Въ школѣ, въ Мансфельдѣ, гдѣ родители Лютера прожили почти отъ самаго рожденія Лютера до его 14-ти-лѣтняго возраста, было ему не легче: учителя обращались тамъ со своими учениками, какъ тюремщики съ заключенными. Лютеръ былъ однажды въ этой школѣ въ продолженіе одного дня пятнадцать разъ больно высѣченъ. Онъ всю жизнь вспоминалъ съ отвращеніемъ объ этомъ чистилищѣ, гдѣ дѣти

изъ-за какихъ-то грамматическихъ ошибокъ подвергались мученіямъ, и гдѣ эта страшная порка, развивая въ дѣтяхъ страхъ и робость, ни къ чему путному ихъ не приводила.

Воспитаніе Лютера было строго-религіозное. Если въ комъ либо еще жила живая искренняя вѣра въ средневѣковую церковь, то это было именно въ Лютерѣ. Онъ самъ не разъ говоритъ о томъ сильномъ вліяніи, какое имѣла на него католическая церковь. Это особенно замѣтно было въ немъ по переходѣ его изъ Мансфельда въ Магдебургъ (1497 г.).

Магдебургъ въ то время былъ самымъ значительнымъ городомъ сѣверной Германіи, резиденціей епископа, блестящимъ центромъ католической церкви на сѣверѣ. Здѣсь-то 14-ти-лѣтній Лютеръ поступилъ въ славившуюся въ то время школу францисканцевъ. Во время пребыванія Лютера въ этой школѣ испыталъ онъ на себѣ первыя неизгладимыя впечатлѣнія величія католической церкви. Ему довелось быть свидѣтелемъ потрясающей сцены, запавшей глубоко въ его душу: онъ видѣлъ, какъ нѣмецкій принцъ, сынъ князя Ангальтскаго, постриженный въ припадкѣ меланхоліи отцомъ своимъ въ монахи, босой, съ непокрытою головой, съ нищенскимъ посохомъ въ рукахъ ходилъ по широкимъ улицамъ города, истомленный постомъ, бдѣніемъ и бичеваніемъ, блѣдный, исхудалый, и Христа ради просилъ хлѣба у прохожихъ. Это зрѣлище не оттолкнуло Лютера; напротивъ, оно привело его въ такую экзальтацію, что онъ тогда же далъ себѣ обѣтъ пойти по той самой дорогѣ, по которой шелъ Ангальтскій принцъ. «Я былъ такъ настроенъ, что охотно стремился къ посту, бдѣнію, молитвѣ, добрымъ дѣламъ, дабы я могъ освободиться этимъ отъ грѣховъ своихъ». Онъ тутъ же далъ себѣ обѣтъ отправиться пилигримомъ въ Римъ и достигнуть благочестія.

Такимъ образомъ, проявившееся потомъ въ Лютерѣ оппозиціонное отношеніе къ католической церкви не вытекло у него изъ склонности къ скептическимъ мудрствованіямъ, какъ было это у гуманистовъ. Протестъ Лютера исходитъ изъ души, преданной господствующей церкви до тѣхъ поръ, пока ложь не открылась для нея *).

Изъ Магдебурга Лютеръ перешелъ въ Эйзенахъ. Здѣсь приходилось ему жить милостыней и подаяніемъ добрыхъ людей. Въ Тюрингіи до сихъ поръ сохранился обычай, что бѣднѣйшіе ученики поютъ духовныя пѣсни на улицахъ и за это получаютъ милостыню. Лютеръ разсказываетъ, что онъ самъ былъ въ числѣ такихъ попрошаекъ, обивалъ пороги, выпрашивая хлѣба и часто получая грубый отказъ. Хорошій прі-

*) «Пусть читатель не забываетъ, — говоритъ Лютеръ въ своемъ предисловіи къ полному собранію своихъ сочиненій, — что я былъ монахомъ и отъявленнымъ папистомъ, до такой степени проникнутымъ или поглощеннымъ доктриной папства, что, еслибъ могъ, готовъ былъ бы или самъ убивать, или желать казни тѣхъ, кто отвергалъ хотя на одну іоту повиновеніе папѣ. Защищая папу, я не оставался холоднымъ кускомъ льда, какъ Экъ и ему подобные, которые, право, сдѣлались, какъ мнѣ казалось, защитниками папы скорѣе ради своего толстаго брюха, чѣмъ по убѣжденію въ важности этого предмета. Даже болѣе: мнѣ и до сихъ поръ кажется еще, что они насмѣхаются надъ папою, какъ истые эпикурейцы. Я же отдавался доктринѣ всѣмъ сердцемъ, какъ человѣкъ, который страшно боится дня суднаго и, несмотря на то, желаетъ спастись, желаетъ этого съ трепетомъ, проникающимъ до мозга костей».

емъ встрѣтилъ онъ только въ домѣ богатаго Конрада Котта, жена котораго давала ему обѣдъ у себя и даже позволяла ему учиться вмѣстѣ съ ея дѣтьми. Въ этой семьѣ онъ впервые позналъ, что значитъ родительская любовь, семейная радость. Съ нимъ обращались, какъ съ роднымъ, и дали возможность получить дѣльное образованіе. Въ этомъ же домѣ сталъ онъ заниматься музыкой, которая ему впослѣдствіи доставила столько радостныхъ минутъ. Объ этихъ благодѣяніяхъ не разъ вспоминалъ потомъ Лютеръ и былъ очень радъ, когда могъ потомъ отплатить за нихъ сыну вдовы Котта, пришедшему къ нему въ Виттенбергъ.

Между тѣмъ, для молодаго Лютера наступило время для поступленія въ университетъ, и необходимо было выбрать какую нибудь спеціальность. Отецъ Лютера очень желалъ видѣть его юристомъ и, несмотря на свою строгую религіозность, меньше всего думалъ о духовномъ званіи для своего сына; на монашество же смотрѣлъ онъ, какъ на послѣднее дѣло. — И вотъ именно въ этомъ послѣднемъ пунктѣ Лютеръ впервые обнаружилъ непослушаніе относительно отца. Въ 1501 году Лютеръ поступилъ въ Эрфуртскій университетъ, славившійся какъ резиденція гуманизма. Юристы, медики, богословы—всѣ здѣсь были люди новаго направленія. Лютеръ прилежно изучалъ филологію; однако, нельзя сказать, чтобъ онъ въ этомъ видѣлъ свое жизненное призваніе. Онъ изучалъ юриспруденцію, но его душа не лежала къ этой наукѣ. Этимъ объясняется плохой успѣхъ его въ изученіи права. Его тянуло въ другую сторону. Онъ часто впадалъ въ грустное, меланхолическое настроеніе. Онъ чувствовалъ, что ничто его не удовлетворяетъ. Наступилъ періодъ возмужалости, тотъ переломъ въ нравственномъ существѣ здоровыхъ натуръ, когда онѣ чувствуютъ какое-то загадочное безпокойство, необъяснимое стремленіе къ чему-то неизвѣданному, когда человѣкъ вездѣ ищетъ удовлетворенія и нигдѣ его не находитъ. — Лютеръ не находилъ этого удовлетворенія ни въ изученіи классической древности, ни въ наукѣ права. Бѣдность, строгость обращенія съ нимъ въ его дѣтскіе годы, гнетъ домашняго воспитанія рано развили въ немъ внутреннюю сосредоточенность, а тщательное изученіе писателей, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ его религіозному настроенію, навело его на размышленіе о предметахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ правомъ. Онъ какъ-то самъ собою натолкнулся на теологію и предался изученію ея со всѣмъ пыломъ своей души. Онъ накинулся на изученіе твореній отцовъ церкви, мистиковъ и другихъ богослововъ, составлявшихъ рѣзкую противоположность съ направленіемъ господствовавшей церкви. Не съ сомнѣніемъ въ душѣ изучалъ Лютеръ богословіе, а съ полною вѣрой въ католицизмъ. Такимъ образомъ въ немъ росло убѣжденіе, что онъ долженъ посвятить себя изученію богословія, отказавшись отъ внѣшняго міра.—Разсказываютъ, что случившаяся въ это время внезапная смерть друга Лютера побудила его дать обѣтъ монашества. Нѣтъ сомнѣнія, что это обстоятельство могло послужить только поводомъ, но не причиной такого рѣшенія, которое является въ человѣкѣ не вдругъ, а складывается постепенно подъ вліяніемъ способствующихъ къ тому обстоятельствъ — Лютеру приходилось сильно бороться по поводу своего постриженія съ отцомъ своимъ, привыкшимъ къ строгому послушанію сына. Лютеръ рѣшилъ, что онъ не можетъ, что онъ не долженъ въ данномъ случаѣ слушаться отца. Ему казалось, что отъ этого зависитъ душевное его спасеніе. —Такъ совер-

шился разрывъ между Лютеромъ и его отцомъ, который въ отчаяніи махнулъ рукой на сына, считая его потеряннымъ для себя.—Лютеръ вступилъ въ орденъ августинскихъ отшельниковъ (1505), и едва ли кто-либо давалъ монашескій обѣтъ съ такимъ пламеннымъ желаніемъ сдѣлаться монахомъ въ полномъ смыслѣ слова, какъ Лютеръ. Онъ подвергалъ себя всевозможнымъ лишеніямъ, бичевалъ свое тѣло, морилъ себя по нѣскольку дней безсонницей, голодомъ и жаждой, подвергалъ себя, словомъ, всѣмъ тѣмъ монашескимъ пыткамъ, на которыя средніе вѣка были такъ изобрѣтательны. Онъ усвоилъ себѣ всѣ мрачныя стороны монашества: упорство, необщительность, презрѣніе ко всѣмъ жизненнымъ интересамъ, и бывали минуты въ его жизни, когда эти черты преобладали въ немъ исключительно.

Несмотря, однако, на это мрачное настроеніе духа, Лютеръ не переставалъ работать надъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Онъ продолжалъ ревностно изучать науки, что крайне не нравилось монахамъ. Они говорили, что его ученость приведетъ его къ господству надъ ними; но Лютеръ не обращалъ никакого вниманія на эти толки и продолжалъ заниматься.

Процессъ развитія, совершавшійся въ немъ, вращался вокругъ одного жизненнаго для церкви вопроса, который имѣлъ тогда особенное значеніе. Сознаніе грѣховности всего человѣчества, отсутствіе всякой возможности искупить первородный грѣхъ тѣми способами, которые для этого были тогда въ употребленіи, — вотъ вопросы, которые тяготили тогда его душу съ невѣроятной силой. Воззрѣнія господствовавшей церкви не давали ему отвѣта на эти вопросы. Его здѣсь пугалъ образъ мстительнаго ветхозавѣтнаго Бога, а, съ другой стороны, оскорбляло ученіе о томъ, что отпущеніе грѣховъ дается внѣшними дѣлами. Строгое покаяніе, подвергавшее мучительной пыткѣ его душу и тѣло, не могло принести ему утѣшенія, ибо онъ не могъ помириться съ мыслью, что правда Божія есть гнѣвъ Божій.

Подобную же душевную борьбу испытывали всѣ великіе умы христіанства, и никто изъ нихъ не испытывалъ ее въ такой степени, какъ Августинъ. Послѣ бурной, тревожной жизни, полной заблужденій и проступковъ, нашелъ онъ успокоеніе въ искренней вѣрѣ, плодомъ которой была выработанная имъ строгая догма. По ученію Августина, только искренняя вѣра можетъ спасти человѣка. Всѣ извѣстные мыслители мистической школы XIV и XV вѣковъ также учили, что нечего полагаться на добрыя дѣла. Это же ученіе овладѣло всѣмъ существомъ молодаго Лютера. Ни о чемъ онъ такъ часто не говоритъ, какъ объ этомъ внутреннемъ перерожденіи, озарившемъ его внутреннее существо. Дѣло шло не о схоластическомъ словопреніи въ области догматики: вопросъ шелъ о безплодной борьбѣ между строгимъ ученіемъ Августина и господствовавшимъ воззрѣніемъ католическаго духовенства, которое, не заботясь нисколько о вѣрѣ, о чистотѣ помышленія, о нравственномъ достоинствѣ, одно строгое исполненіе внѣшнихъ обрядовъ считало настоящимъ служеніемъ Богу. Именно XV вѣкъ и начало XVI въ отношеніи религіозномъ представляютъ чуть-ли не самый печальный періодъ въ исторіи церкви: тогда нравственное растлѣніе служителей церкви достигло крайнихъ предѣловъ, ученіе о Христѣ Спасителѣ было забыто, и наглое злоупотребленіе святыней господствовало всюду. Такое направленіе цер-

кви, исполненное внутреннихъ противорѣчій, преисполняло сердца однихъ вѣрующихъ страшною злобой, а въ другихъ создавало душевную пустоту. Поэтому человѣкъ, раскрывавшій эту внутреннюю ложь и стремившійся возстановить истинное пониманіе религіи и истинную вѣру, затѣвалъ не пустое схоластическое словопреніе, а совершалъ переворотъ, имѣвшій значеніе для всего христіанскаго міра. Такимъ образомъ, внутренняя борьба, испытанная Лютеромъ въ тихой кельѣ, была борьбою не за себя одного, а за весь тогдашній католическій міръ.

Въ монастырѣ въ Эрфуртѣ завершилось внутреннее развитіе Лютера. Онъ обрѣлъ душевное спокойствіе. Однако въ монастырѣ великіе дары природы заглохли бы въ немъ. Сила слова, какъ плодъ глубокаго убѣжденія, и магическое вліяніе, производимое его личностію на всѣхъ, кто съ нимъ сталкивался,—все это могло получить свое развитіе только въ столкновеніи съ дѣйствительною жизнью. Въ 1508 году представился для того счастливый случай. Онъ былъ назначенъ во вновь открывшійся университетъ въ Виттенбергѣ профессоромъ и проповѣдникомъ.

Мы видѣли, что до прихода Лютера въ Виттенбергъ настроеніе его было мрачное, сосредоточенное. Въ Эрфуртѣ онъ совершенно отказался отъ внѣшняго міра, подвизаясь во имя Бога и совѣсти. Несмотря, однако, на это, Лютеръ способенъ былъ дѣйствовать на міръ и людей съ такою силою, какъ лишь весьма немногіе, и новое его положеніе въ Виттенбергѣ выдвинуло его именно на такое поприще, для котораго онъ обладалъ всѣми природными средствами: внутренній огонь, сила слова и перо — все это могъ онъ развернуть въ своей настоящей дѣятельности. Онъ сначала даже и самъ не подозрѣвалъ, какъ богато онъ одаренъ былъ природой. Въ продолженіе цѣлаго года онъ не могъ отдѣлаться отъ давившей его робости. Еще въ 1519 году признавался онъ, что, только подчиняясь настояніямъ другихъ и волѣ Божіей, онъ остается проповѣдникомъ. Не мало стоило Лютеру труда и усилій преодолѣть въ себѣ ту робость, которую вынесъ онъ еще изъ родительскаго дома. Однако уже съ первыхъ шаговъ Лютеръ обратилъ на себя вниманіе. Литературная извѣстность въ тѣ времена росла не такъ быстро и легко, какъ теперь; но Лютеръ въ своемъ кругу, по крайней мѣрѣ, скоро сдѣлался извѣстнымъ. Его проповѣдь производила необыкновенное впечатлѣніе, и не столько содержаніемъ своимъ, сколько силою убѣжденія. Видно было, что слово исходитъ изъ глубины убѣжденной души, что оно есть плодъ глубокой внутренней тревоги и строго-взвѣшенной мысли. Во время его проповѣди церковь вся наполнялась народомъ, который прислушивался къ каждому слову Лютера съ крайне напряженнымъ вниманіемъ. Этотъ періодъ и для него самого имѣлъ не мало значенія. Онъ успѣлъ мало по малу отдѣлаться отъ необщительности и жесткости и вообще отъ многихъ непривлекательныхъ свойствъ, невольно пріобрѣтенныхъ въ монастырѣ. Онъ сдѣлался уже не тѣмъ монахомъ, какимъ былъ вначалѣ. Молодой преподаватель и проповѣдникъ сдѣлался баловнемъ и публики, и курфирста. Убѣжденія, выработанныя въ Эрфуртѣ, здѣсь еще болѣе выяснились и вполнѣ созрѣли. Ученіе объ искупленіи—главный пунктъ его богословской системы—было имъ здѣсь самостоятельно разработано. Онъ горячо принялся за изученіе той части Новаго Завѣта, въ которой наиболѣе говорится объ этомъ предметѣ. «Посланіе къ римлянамъ» сдѣлалось для него предметомъ тщательнаго изученія.

Въ 1510 году Лютеръ отправился въ Римъ. Цѣль этого путешествія достовѣрно не извѣстна: было ли то по порученію отъ своего ордена, или это было исполненіе даннаго еще въ дѣтствѣ обѣта? Можетъ быть, и то, и другое вмѣстѣ. Это путешествіе имѣетъ большое значеніе въ жизни Лютера. Оно заканчиваетъ первый фазисъ въ жизни реформатора. Монаху, жившему до тѣхъ поръ въ незначительномъ княжествѣ, пришлось увидѣть свѣтъ и людей. На пути въ Римъ онъ побывалъ въ большей части своего отчества, увидѣлъ южную Германію, Австрію, Италію и наконецъ знаменитый Римъ.

Нѣкоторые ошибочно думаютъ, будто одно это посѣщеніе Рима превратило Лютера изъ горячаго приверженца папизма въ смертельнаго врага его. Напротивъ, онъ и послѣ этого путешествія еще надолго оставался въ тѣхъ же строго-религіозныхъ отношеніяхъ къ авторитету папы, въ какихъ пребывалъ въ прежніе годы своей жизни. Даже въ 1517 и 1518 годахъ онъ не отрицалъ папства въ принципѣ, а только напиралъ па различіе между современнымъ ему папствомъ и тѣмъ назначеніемъ, которое оно имѣло въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ высшее главенство католической церкви. Онъ самъ разсказываетъ, что, увидя предъ собою въ первый разъ вѣчный городъ, онъ кинулся на землю и, простирая руки, воскликнулъ: «Привѣтствую тебя, священный градъ, трижды освященный пролитою здѣсь кровью мучениковъ!» Онъ прибавляетъ: «Не зналъ я тогда, что мнѣ суждено быть тѣмъ отшельникомъ, о которомъ пророчествовали, что онъ возстанетъ противъ церкви». Однако, нѣтъ сомнѣнія, что такой строгій наблюдатель, какъ Лютеръ, не могъ не заходить въ своихъ наблюденіяхъ нѣсколько далѣе, чѣмъ позволяло его благочестіе. Эти наблюденія не успѣли еще поколебать его основныхъ религіозныхъ воззрѣній. Онъ только впослѣдствіи убѣдился въ неисправимости старой церкви. На этотъ же разъ лишь рѣзко обнаружилось въ немъ нерасположеніе нѣмца къ итальянцамъ, обнаруженное потомъ не разъ въ сочиненіяхъ Лютера.

Такимъ образомъ до катастрофы 1517 года Лютеръ писалъ, изучалъ, проповѣдывалъ, по временамъ путешествовалъ, оставаясь въ существѣ тѣмъ же истинно-католическимъ проповѣдникомъ и учителемъ, какимъ былъ въ 1508 и 1509 годахъ.

Лютеръ выступилъ съ своими тезисами не противъ папства, а только противъ индульгенцій, къ которымъ онъ, по своимъ убѣжденіямъ, относился вполнѣ враждебно. Ничто такъ глубоко не возмущало его въ старой церкви, какъ это злоупотребленіе.

IV. БОРЬБА ЛЮТЕРА ПРОТИВЪ ИНДУЛЬГЕНЦІЙ.

(Составлено по сочиненіямъ Гейссера: «Geschichte des Zeitalters der Reformation» и по Ранке: «Deutschland im Zeitalter der Reformation»).

Ученіе объ отпущеніи, существовавшее въ древне-христіанской церкви, ни въ теоріи, ни на практикѣ не заключало въ себѣ ничего предосудительнаго. Тамъ главнымъ дѣломъ было нравственное покаяніе. Правда, уже и въ древней церкви придавалось значеніе внѣшнему покаянію и считалось возможнымъ замѣнить посты, умерщвленіе плоти, паломничанье

и т. п. денежными пожертвованіями. Но истинный смыслъ такихъ пожертвованій состоялъ не въ томъ, что они разрѣшаютъ отъ грѣховъ, а въ томъ, что они наводятъ на чистыя помышленія. Это-то древнее ученіе подверглось впослѣдствіи замѣчательнымъ измѣненіямъ, и уже въ XIV столѣтіи, во время вавилонскаго плѣненія папъ, дѣло отпущенія приняло совершенно внѣшній, денежный (фискальный) характеръ, отодвинувъ нравственный элементъ на задній планъ. Папы, живя въ изгнаніи въ Авиньонѣ, облегчали свое горе обогащеніемъ папскаго престола. Въ началѣ XV вѣка торговля индульгенціями достигла такихъ размѣровъ, что обратила на себя серьозное вниманіе. Члены Констанцскаго собора потребовали безусловнаго прекращенія такого соблазна, рѣзко осуждая папъ за установленіе таксы на грѣхи, какъ на предметъ торговаго обмѣна. Но и послѣ Констанцскаго собора, несмотря на обѣщаніе избраннаго имъ папы Мартина V прекратить продажу индульгенцій, зло это продолжало существовать. Протесты собора повели не къ искорененію зла, а лишь къ временному ограниченію его. Но вскорѣ безчиніе дошло дотого, что дѣло отпущенія грѣховъ получило даже правильную финансовую организацію: составлены были списки всевозможныхъ грѣховъ съ обозначеніемъ установленныхъ цѣнъ за индульгенціи на нихъ; цѣлыя области отдавались на откупъ купцамъ, банковымъ и вексельнымъ учрежденіямъ, которые занимались сборомъ денегъ за грѣхи. Требованія собора были забыты, и безобразія, наиболѣе возбудившія его протестъ, доведены были теперь до крайнихъ размѣровъ.

Съ другой стороны, зло было тѣмъ опаснѣе, что народъ не могъ не кинуться на приманку, предлагаемую продавцами индульгенцій. За деньги можно было пріобрѣтать высшія небесныя блага. Грѣшникъ могъ во всякое время примириться съ Господомъ и освободиться отъ ожидавшихъ его въ будущей жизни испытаній чистилища; кромѣ того, индульгенціи давали право избрать себѣ духовнаго отца, который могъ разрѣшать отъ всякихъ грѣховъ, освобождать отъ данныхъ прежде обѣтовъ; наконецъ, индульгенціями можно было освобождать изъ чистилища души умершихъ предковъ.

Въ продолженіе перваго десятилѣтія XVI вѣка наложены были быстро одинъ за другимъ пять чрезвычайныхъ сборовъ за индульгенціи, и это дѣлалось въ такое время, когда умы были наиболѣе возбуждены. Продавцы отпущеній провозглашали возмутительныя положенія въ родѣ слѣдующихъ: «Отпущеніе очищаетъ человѣка болѣе, чѣмъ самое крещеніе, и приводитъ въ состояніе болѣе безпорочное, чѣмъ состояніе Адама въ раю». «Дающій отпущеніе создаетъ больше праведныхъ, чѣмъ самъ св. Петръ», и т. п.

До такого безумія доходили злоупотребленія, и все это повторялось пять разъ на глазахъ одного и того же поколѣнія. Нѣмцы считали для себя крайне унизительнымъ, что именно Германія, благодаря своей государственной разрозненности, наиболѣе подвергалась постыднымъ вымогательствамъ со стороны папскихъ прислужниковъ. Послѣдніе, обирая народъ, прибѣгали ко всевозможнымъ предлогамъ: говорили о необходимости средствъ для войны съ невѣрными; убѣждали народъ жертвовать на построеніе храма св. Петра, необходимаго будто бы для защиты останковъ св. мучениковъ. Однако этимъ предлогамъ плохо вѣрили. Не вѣрили имъ прежде всего мѣстные духовные князья и епископы. Они говорили,

что деньги, потребныя будто бы для войны съ невѣрными, съ легкостію пера перелетаютъ за Альпы и массами уплываютъ въ Римъ, гдѣ ненасытность папъ не знаетъ границъ. Мѣстное духовенство не могло равнодушно смотрѣть на это: оно видѣло въ этомъ сильный ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Не удивительно также, что и свѣтскіе люди были недовольны исчезновеніемъ такой массы денегъ изъ страны безъ всякой производительности.

Папа Левъ X, при томъ положеніи, которое онъ занималъ, при тѣхъ видахъ, которые его домъ имѣлъ на всю территорію Италіи, заботился больше всего объ увеличеніи своихъ матеріальныхъ средствъ. Одновременно съ взиманіемъ десятины въ пользу папскаго престола дѣйствовали три коммисіи, завѣдывавшія индульгенціями и собиравшія обильную дань въ Германіи. Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сомнѣвался въ то время, что эти вымогательства имѣли цѣлью своею лишь одну личную наживу папы и его дома. И, дѣйствительно, нѣтъ сомнѣнія, что домъ Медичи, изъ котораго происходилъ папа Левъ X, сильно пользовался доходами его.

Единственнымъ средствомъ противъ поборовъ папскихъ были сопротивленіе и контроль со стороны мѣстныхъ властей. Такой контроль существовалъ, напримѣръ, въ Англіи и въ Испаніи, гдѣ папскіе сборщики обязаны были приносить присягу въ томъ, что собираемыя деньги отнюдь въ Римъ отосланы не будутъ. Такой же контроль существовалъ даже въ строго-католической Испаніи. Даже кардиналъ Хименесъ, духовный глава Испаніи, самый пламенный католикъ и поклонникъ папы, заявилъ (на Латеранскомъ соборѣ 1517 г.), что прежде, чѣмъ выдавать десятину въ пользу папы, необходимо точно уяснить себѣ, на какія потребности пойдутъ эти доходы. Но что же оставалось дѣлать Германіи, которая не имѣла самостоятельнаго представителя своихъ интересовъ? Въ Германіи императоръ, благодаря шаткости своей внѣшней политики, находился въ зависимости отъ вліянія папы. Вліятельный духовный курфюрстъ Альбрехтъ Майнцскій былъ лично заинтересованъ въ папскихъ доходахъ, такъ какъ часть ихъ поступала въ его собственную казну. Остальная Германія подчинена была въ отношеніи сборовъ одному римскому прелату и генералу францисканскаго ордена, преданному интересамъ римской куріи.

Таково было положеніе дѣлъ въ то время. Высокое представленіе о церкви, какъ общинѣ, вмѣщающей въ себѣ живыхъ и мертвыхъ, въ которой грѣхи отдѣльнаго члена могутъ быть прощены во имя заслугъ всѣхъ остальныхъ, — это поэтическое представленіе было положено въ основу теоріи, на которой основана была продажа индульгенцій. Прежнее возвышенное значеніе папства было втоптано въ грязь ради своекорыстныхъ временныхъ матеріальныхъ выгодъ. Папскіе коммисары, открыто нажившіеся съ собираемыхъ ими индульгенцій, думали, что, угрожая страшными церковными наказаніями, они могутъ зажать ротъ всякому, кто вздумалъ бы протестовать противъ ихъ наглости.

Однако они ошиблись въ своемъ разсчетѣ. Нашелся наконецъ человѣкъ, который осмѣлился имъ воспротивиться. То былъ Мартинъ Лютеръ. Въ то время, какъ онъ успѣлъ уже насквозь проникнуться своими новыми воззрѣніями о покаяніи и ревностно распространялъ ихъ въ монастырѣ на проповѣдяхъ и съ университетской каѳедры, въ окрестно-

стяхъ Виттенберга проводилась на практикѣ церковная теорія объ отпущеніи, противъ которой Лютеръ и его друзья такъ сильно возставали. Къ тому же постыдный торгъ индульгенціями производился въ окрестностяхъ Виттенберга доминиканскимъ монахомъ Тецелемъ, превосходившимъ наглостію всѣхъ остальныхъ сборщиковъ. Между покупателями были также и виттенбергцы, и Лютеръ такимъ образомъ почувствовалъ себя сильно оскорбленнымъ въ лицѣ своей собственной паствы. Такое столкновеніе діаметрально противоположныхъ направленій не могло кончиться мирно. 31 октября 1517 года, въ храмовой праздникъ мѣстной соборной церкви, Лютеръ прибилъ къ дверямъ послѣдней свои 95 тезисовъ, готовый защищать противъ всѣхъ и каждаго высказанное въ нихъ убѣжденіе о значеніи отпущенія.

Выступая съ своими тезисами, Лютеръ не думалъ отрицать вообще ученіе о церковной благодати, на которомъ основывалось ученіе объ отпущеніи; онъ отрицалъ только то значеніе, которое приписывали себѣ папы, какъ раздаватели церковной благодати. По мнѣнію Лютера, всякій христіанинъ и безъ посредства папы имѣетъ свою долю въ заслугахъ церкви. Раздавать же индульгенціи, не требуя покаянія, считалъ онъ прямо противнымъ христіанству. Шагъ за шагомъ опровергъ онъ инструкціи папы, дававшія полномочія на продажу индульгенцій.—Связанное съ ученіемъ о ключахъ св. Петра понятіе о власти папъ, разрѣшающей въ дѣлахъ совѣсти, Лютеръ признавалъ, но только не безусловно. По мнѣнію Лютера, здѣсь все зависитъ отъ того, въ какой степени человѣкъ покаялся: если раскаянія на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то никакія разрѣшительныя папскія грамоты дѣлу не помогутъ, ибо отпущеніе папы имѣетъ силу настолько, насколько оно выражаетъ милосердіе Божіе. Такимъ образомъ, нападенія со стороны Лютера оказались тѣмъ сильнѣе, что онъ боролся противъ злоупотребленій католической церкви ея же оружіемъ, ея же аргументаціей и вовсе еще не отрицалъ основнаго значенія папы, какъ намѣстника Христа и св. Петра. Лютеръ только рѣшительно отвергалъ ученіе о сосредоточеніи въ лицѣ одного папы всей власти церковной.

Къ этому протесту, вытекавшему первоначально изъ идеи чисто-религіозной, вскорѣ присоединился элементъ чисто-политическій. Фридрихъ Саксонскій не особенно былъ доволенъ папскими поборами. Извѣстно, что онъ удержалъ у себя деньги, слѣдовавшія папѣ съ Саксоніи, и объявилъ, что внесетъ ихъ тогда, когда, дѣйствительно, настанетъ та война съ невѣрными, на которую будто бы деньги эти собирались. Напрасно папа впослѣдствіи настоятельно требовалъ этихъ денегъ и лично, и чрезъ посредство императора. Фридрихъ стоялъ на своемъ, ибо онъ былъ убѣжденъ, что эти поборы составляютъ тяжелую дань для его подданныхъ. Вообще эти поборы были противны ему столько же по соображеніямъ финансовымъ, насколько Лютеру по соображеніямъ чисто-религіознымъ. Такъ совершился союзъ между Лютеромъ и курфюрстомъ. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ никакого видимаго соглашенія между ними не состоялось. Они до этого времени никогда не знали другъ друга; но совпаденіе интересовъ указало обоимъ одинъ путь. Смѣлый монахъ напалъ на папу, но недовольный курфюрстъ не обѣщалъ ему никакой помощи, ничѣмъ даже не ободрилъ его; онъ только не мѣшалъ и далъ совершиться факту. Въ этомъ отношеніи очень характеристиченъ разсказъ о снѣ, который

будто бы снился курфюрсту въ замкѣ Швейницъ въ ночь праздника Всѣхъ Святыхъ, когда Лютеръ прибилъ свои тезисы къ дверямъ соборнаго храма въ Виттенбергѣ. Фридрихъ видѣлъ, какъ монахъ что-то писалъ въ придворной церкви въ Виттенбергѣ такими огромными, рѣзкими буквами, что писанное можно было прочесть въ Швейницѣ. Перо монаха росло все болѣе и болѣе; вотъ оно наконецъ достигаетъ Рима, вотъ оно касается тіары на головѣ папы; тіара пошатнулась; Фридрихъ только-что протягиваетъ руку, чтобы поддержать зашатавшуюся тіару, какъ вдругъ въ это время просыпается.

Протестъ Лютера имѣлъ многознаменательное значеніе и совершенно соотвѣтствовалъ настроенію общества. Всѣми чувствовалась необходимость такого протеста. Но, съ другой стороны, протестъ вызвалъ немало противниковъ, интересы которыхъ были задѣты. Первый возразилъ Лютеру Іоаннъ Тецель, который въ своихъ тезисахъ старался отстоять силу папскихъ индульгенцій и значеніе папы, какъ единственнаго истолкователя св. писанія и всѣхъ возникающихъ религіозныхъ сомнѣній. Хотя Тецель и не называлъ Лютера по имени, однако довольно ясно говорилъ о немъ намеками, какъ объ упорномъ еретикѣ. Громы проклятій раздавались противъ Лютера и съ другой стороны: въ его сочиненіяхъ видѣли ядъ ученія Гуса и говорили, что такой еретикъ достоинъ смерти. Но Лютеръ не оставался въ долгу у своихъ противниковъ, и эта полемика выдвинула его еще болѣе. Богословскій міръ въ Германіи сильно зашевелился.

Среди голосовъ, раздававшихся противъ Лютера въ Германіи, послышался наконецъ и голосъ изъ Рима. Министръ папскаго двора, доминиканецъ Сильвестръ Мазолини, возвысилъ свой голосъ противъ Лютера. Хотя Лютеру нетрудно было опровергнуть Мазолини, однако то обстоятельство, что даже Римъ заговорилъ о Лютерѣ, произвело на него сильное впечатлѣніе.

Ему не хотѣлось прямо возстановлять противъ себя папу. 30 мая онъ отправилъ папѣ посланіе съ объясненіями къ своимъ тезисамъ. Въ этомъ посланіи онъ еще не прерываетъ связи съ преданіемъ и говоритъ, что ни отъ отцовъ церкви, ни отъ папскихъ декретовъ онъ никогда не думалъ отказываться... «Я могу ошибиться, восклицаетъ онъ, но еретикомъ я никогда не сдѣлаюсь, какъ бы ни свирѣпствовали противъ меня враги». Посланіе не помогло: возбужденіе противъ Лютера не уменьшилось. Между тѣмъ, въ Германіи недовольство противъ папы было уже сильно въ народѣ, хотя объ отдѣленіи отъ церкви никто еще не думалъ. Защитники папства потеряли значительную долю своего кредита въ глазахъ нѣмецкаго народа: догматъ о непогрѣшимости папы, сила и крѣпость его были значительно поколеблены, а стремленіе народа къ національному единству шло совершенно въ разрѣзъ съ интересами римскаго двора въ Германіи. Словомъ, оппозиція уже возникала, правда, сравнительно еще слабая, но находившая сильную поддержку въ настроеніи народа и въ могущественномъ курфюрстѣ Фридрихѣ Мудромъ, задѣтомъ нападками Тецеля и имѣвшемъ, такимъ образомъ, кромѣ общихъ мотивовъ, еще и личныя причины поддерживать дѣло Лютера.

V. ПОСТЕПЕННОЕ ОТПАДЕНІЕ ЛЮТЕРА ОТЪ КАТОЛИЦИЗМА.

(По соч. Ранке: «Deutschland im Zeitalter der Reformation»).

Въ то время, когда среди самой католической церкви происходили серьозныя религіозныя движенія, во главѣ ея стоялъ человѣкъ, который не придавалъ никакого значенія этимъ движеніямъ и относился къ нимъ совершенно равнодушно. Таковъ былъ папа Левъ X. Онъ даже не считалъ нужнымъ преслѣдовать Лютера за его агитацію. Онъ не предчувствовалъ, что изъ искры, брошенной невѣдомымъ монахомъ, вспыхнетъ пожаръ, который достигнетъ даже до его тіары. Не придавая дѣлу никакого важнаго значенія, онъ желалъ только, чтобы оно кончилось мирно, безъ шума.

Къ тому времени въ Аугсбургѣ собирался рейхстагъ, которому папскій нунцій долженъ былъ представить нѣсколько требованій, опять касавшихся кармана нѣмецкой націи. Дѣло шло о новыхъ поборахъ для предполагаемой будто бы большой войны съ невѣрными. При этомъ папой было принято во вниманіе, что порученіе, данное нунцію, встрѣтитъ гораздо меньше препятствій, если онъ отнесется къ Лютеру, находившемуся подъ покровительствомъ сильнаго курфюрста, не такъ враждебно. Въ виду этого соображенія, кардиналу-легату Каэтану приказано было порѣшить дѣло Лютера мирно: онъ долженъ былъ убѣдить Лютера прекратить свои протесты и не возбуждать раздоровъ въ лонѣ церкви. Но Каэтанъ не понялъ возложеннаго на него порученія: онъ явился не мудрымъ дипломатомъ, а надменнымъ прелатомъ, для котораго даже одна необходимость вступать въ переговоры съ крамольнымъ монахомъ считалась униженіемъ. Съ своей стороны, Лютеръ хотя въ началѣ бесѣды съ Каэтаномъ и держалъ себя скромно, робко, даже боязливо, но вскорѣ заговорилъ смѣло, горячо, и такимъ образомъ объясненіе изъ обыкновенной бесѣды перешло въ богословскій диспутъ. Объ отреченіи отъ своихъ убѣжденій Лютеръ и слышать не хотѣлъ. Такъ стороны разошлись, не прійдя ни къ какому соглашенію.

Такимъ образомъ первая попытка—покончить дѣло мирно—кончилась неудачей, и положеніе дѣлъ ничуть не измѣнилось. Но папа Левъ X и послѣ этого продолжалъ относиться къ протесту Лютера равнодушно и не считалъ его столь важнымъ, чтобы необходимо было прибѣгнуть къ какимъ либо рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ все-таки желалъ прекратить эти раздоры безъ шума. Для этого дѣла избранъ былъ фонъ-Мильтицъ, ловкій дипломатъ, хорошо знавшій свѣтъ и людей. По прибытіи своемъ въ Германію въ началѣ 1519 года, Мильтицъ, при встрѣчѣ съ Лютеромъ, вступилъ съ нимъ въ интимную бесѣду. Мильтицъ началъ съ того, что очень радъ видѣть въ знаменитомъ докторѣ Лютерѣ не стараго покроя теолога, а человѣка молодаго, полнаго жизни, и что онъ, Мильтицъ, въ сущности вполнѣ согласенъ съ воззрѣніями Лютера. Вкравшись такимъ образомъ въ довѣріе къ послѣднему, Мильтицъ продолжалъ, что, по его крайнему разумѣнію, однакожъ, не совсѣмъ ловко Лютеру, одиноко стоящему монаху, заявлять такіе протесты противъ папы; что это сильно огорчаетъ его святѣйшество, и что, наконецъ, всего лучше прекратить раздоры. Мильтицъ хорошо понималъ, что онъ все-таки имѣетъ дѣло

съ монахомъ, который еще дорожитъ церковью и не рѣшится прямо возставать противъ авторитета папы, столь чтимаго всѣми монахами. Онъ и затронулъ именно эту струнку въ Лютерѣ, будучи убѣжденъ, что такимъ путемъ онъ достигнетъ гораздо лучшихъ результатовъ, чѣмъ надменнымъ и повелительнымъ тономъ кардинала Каэтана. Мильтицъ не ошибся. Соглашеніе, по крайней мѣрѣ, формальное, было достигнуто и состоялось на слѣдующихъ условіяхъ: во-первыхъ, ни та, ни другая сторона не должны болѣе ни писать, ни проповѣдывать о предметѣ возникшаго раздора; во-вторыхъ, папа долженъ былъ поручить какому нибудь ученому епископу изслѣдовать спорные вопросы. Сообщая объ этихъ условіяхъ, Лютеръ, по поводу послѣдняго изъ нихъ, прибавляетъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Когда меня такимъ путемъ заставятъ сознать свои заблужденія, я откажусь отъ своихъ положеній, такъ какъ я отнюдь не желаю унизить честь и власть святой римской церкви». Мало того, Лютеръ готовъ былъ вторично написать письмо папѣ, извиниться въ своей прежней горячности и рѣзкости и объяснить, что никогда не имѣлъ намѣренія оскорблять самую церковь. Изъ соглашенія между римскою куріей и Лютеромъ видно, что времена сильно измѣнились. Церковь волей-неволей должна была сознаться, что въ лицѣ Лютера имѣетъ дѣло съ силою, съ которою ей не легко справиться. Она должна была пуститься на компромиссы, на сдѣлки, немыслимыя при прежнемъ порядкѣ вещей. Средневѣковая католическая церковь не знала подобныхъ уступокъ, требуя безусловнаго подчиненія.

Какъ бы то ни было, соглашеніе состоялось, враждебные лагери замолкли, и страсти, повидимому, на-время успокоились. Но не долго продолжался наступившій миръ. Онъ былъ нарушенъ слишкомъ ревностными защитниками римской куріи.

Лейпцигскій диспутъ. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ ревнителей папскаго авторитета, профессоръ ингольштадтскаго университета Экъ, открылъ въ 1519 году большой диспутъ въ Лейпцигѣ. Хотя онъ какъ будто Лютера и не затрогивалъ, а вызывалъ на богословскій диспутъ Карлштадта, сторонника и друга Лютера, но нетрудно было тотчасъ замѣтить, что стрѣлы его направлены были противъ самого Лютера. Диспутъ открытъ былъ въ концѣ іюня 1519 г. въ Лейпцигѣ. Сюда явились звѣзды первой величины тогдашней богословской учености: Экъ, Лютеръ, Меланхтонъ и Карлштадтъ съ своими друзьями. Диспутъ открытъ былъ съ тѣмъ торжествомъ и пышностью, какими отличались прежніе средневѣковые диспуты. Однако всѣ сознавали, что дѣло идетъ не о пустыхъ схоластическихъ словопреніяхъ, а о примиреніи противоположныхъ началъ, имѣющихъ всемірно-историческую важность. Изъ главныхъ противниковъ каждый въ своемъ родѣ былъ великолѣпный диспутантъ. Экъ былъ извѣстный въ то время боецъ въ подобныхъ богословскихъ турнирахъ, ловкій діалектикъ, сильный въ философіи и богословіи, превосходившій своими познаніями по исторіи церкви и церковному праву даже самого Лютера. Первая недѣля прошла въ спорахъ между Экомъ и Карлштадтомъ о свободѣ воли, то-есть о вопросѣ, находившемся въ прямой связи съ вопросомъ объ отпущеніи грѣховъ. Затѣмъ Экъ вступилъ въ споръ съ Лютеромъ. Сначала они затронули вопросъ о значеніи добрыхъ дѣлъ. Спорили объ этомъ два дня, но ни къ какому соглашенію не пришли. Вдругъ Экъ перевелъ споръ на вопросъ

о значеніи папскаго авторитета. Лютеръ прежде всего замѣтилъ, что подлежитъ еще большому сомнѣнію, дѣйствительно ли власть папы имѣетъ такое же древнее происхожденіе, какъ самая церковь Христова, и высказалъ даже, что, по его мнѣнію, власть папы съ значеніемъ непогрѣшимаго авторитета никакъ не старѣе четырехъ вѣковъ. Однако Эку удалось опровергнуть Лютера на этомъ пунктѣ, ибо подложность такъ называемыхъ лжеисидоровыхъ декреталій, на которыя ссылался Экъ, еще не была въ то время дознана. Но когда Экъ добавилъ, что происхожденіе папской власти и римской церкви относится къ одному времени, и что все, выходящее за предѣлы римской церкви, выходитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, за предѣлы самого христіанства и должно быть предано анаѳемѣ, то Лютеръ, въ свою очередь, поспѣшилъ воспользоваться такимъ абсурдомъ. Онъ тотчасъ возразилъ, что ни въ св. писаніи, ни въ ученіяхъ отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства нѣтъ ни малѣйшаго указанія на папство. Онъ спросилъ Эка, отвергаетъ ли онъ всю греческую церковь и считаетъ ли онъ такія свѣтила, какъ Григорій Назіанзинъ и Василій Великій, еретиками, недостойными царства небеснаго? Такимъ вопросомъ Экъ былъ поставленъ въ тупикъ. Однако онъ скоро оправился, сославшись на соборы. Онъ указалъ на то, что Констанцскій соборъ призналъ власть папы, и спросилъ Лютера, признаетъ ли онъ какую нибудь силу за соборами и справедливо ли Констанцскій соборъ осудилъ Гуса и его ученіе? Надобно замѣтить, что дурное впечатлѣніе, оставленное въ Саксоніи гуситскими войнами, было здѣсь еще весьма свѣжо въ памяти, и потому вопросъ Эка вызвалъ особенное вниманіе мѣстной публики. На диспутѣ присутствовали нѣкоторые князья, отцы которыхъ сложили свои головы въ борьбѣ съ гуситами. Лютеръ зналъ это и остановился на мгновеніе, но тотчасъ же отвѣчалъ Эку, что, по его мнѣнію, соборъ осудилъ нѣкоторыя такія мнѣнія Гуса, которыя стоятъ на почвѣ совершенно христіанской. Въ публикѣ пробѣжалъ шумъ отъ такого отвѣта. Экъ же сказалъ Лютеру: «въ такомъ случаѣ, почтеннѣйшій отецъ, вы для меня не лучше любаго язычника и мытаря!»

Такъ кончился знаменитый споръ. Направленіе Лютера выяснилось опредѣленно. Отдѣленіе его отъ церкви не подлежало болѣе сомнѣнію. Лютеръ самъ разсказывалъ, что однажды еще въ Эрфуртѣ попалось ему въ руки какое-то сочиненіе Гуса. Прочитавши нѣсколько мѣстъ, онъ вдругъ увидѣлъ, что во многомъ сходится съ сожженнымъ еретикомъ. Это обстоятельство его тогда такъ сильно испугало, что онъ быстро закрылъ книгу. Его именно поразило то, что ужасный еретикъ все-таки правъ былъ во многомъ. Но то было давно. Теперь, въ Лейпцигѣ, Лютеръ уже не боялся открыто стать на сторонѣ вѣроотступника Гуса и отвергнуть даже тотъ авторитетъ церкви, который такъ недавно еще признавалъ. Одинъ только непогрѣшимый авторитетъ остался теперь для Лютера — авторитетъ св. писанія. Отъ него онъ никогда не отрекался. Лейпцигскій диспутъ ясно показалъ ему, какъ горько онъ ошибался до сихъ поръ насчетъ своихъ отношеній къ римской церкви. Онъ увидѣлъ, что въ сущности связь съ послѣднею у него порвана была еще тогда, когда онъ вѣрилъ, что стоитъ еще на почвѣ старо-католической. Враждебность принциповъ выяснилась теперь вполнѣ. Не о мелочахъ толковалъ Лютеръ: онъ возсталъ и сдѣлалъ нападеніе на весь принципъ

папскаго авторитета, прямо отвергъ его историческое основаніе. Съ этого момента соглашеніе сдѣлалось невозможнымъ, если бы даже Лютеру грозила судьба Гуса.

Сочувствіе къ Лютеру въ массѣ росло все болѣе и болѣе. Онъ имѣлъ на своей сторонѣ всю партію гуманистовъ, цвѣтъ тогдашней учености. Ему стала сильно сочувствовать бурная молодежь, до сихъ поръ мало интересовавшаяся новымъ движеніемъ. Несмотря, однако, на это, Лютеръ и теперь еще продолжалъ бороться съ самимъ собой. Ему тяжело было сознаніе, что онъ окончательно разрываетъ связь съ церковью. Но, какъ бы то ни было, послѣдовательное изученіе исторіи церкви продолжало дѣйствовать на Лютера и съ непреоборимой силой влекло его по пути окончательнаго отпаденія отъ католицизма. Въ Лейпцигѣ онъ оспаривалъ авторитетъ папы и соборовъ въ дѣлахъ вѣры. Но вскорѣ онъ пошелъ еще дальше и отвергъ законодательную власть папы въ дѣлѣ церковномъ, его право на канонизацію и отлученіе отъ причастія.
Въ іюнѣ 1520 года Лютеръ издалъ свое «Обращеніе къ дворянству нѣмецкаго народа». Это было небольшое сочиненіе, насквозь проникнутое духомъ новой оппозиціи противъ Рима, написанное съ тѣмъ мастерствомъ, которымъ такъ отличался Лютеръ. Главная мысль этого сочиненія заключается въ томъ, что настала крайняя необходимость возстать противъ римской куріи, уничтожить тѣ преграды, которыми она окружила Германію, и что дворянство нѣмецкое призвано совершить это по истинѣ христіанское дѣло. Этимъ Лютеръ затронулъ самую живую струну нѣмецкаго народа. Недовольство народа противъ Рима и его злоупотребленій было велико. Нужна была только искра, брошенная сильною рукой. Агитація Лютера сразу должна была подорвать всю власть и силу римскаго духовенства. Онъ прямо заявилъ, что въ отношеніи священства всѣ христіане равны между собою, что всякій христіанинъ есть вмѣстѣ и первосвященникъ. Отсюда возможны были два вывода: во-первыхъ, что священникъ есть не болѣе, какъ исполнитель церковныхъ требъ; во-вторыхъ, что духовенство должно быть подчинено другой власти,—власти свѣтской, которой врученъ мечъ для каранія злыхъ и защиты благочестивыхъ. Такіе выводы сразу подрывали власть и значеніе духовенства и дали совершенно новую основу свѣтской власти. Замѣчательно, что въ своемъ «Обращеніи къ дворянству» Лютеръ утверждалъ еще, что нѣтъ даже основанія совершенно отвергать папство: оно можетъ оставаться, но должно быть сильно ограничено. Папа не долженъ считаться верховнымъ главой имперіи и не долженъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ всю духовную власть. На немъ лежитъ обязанность разрѣшать недоразумѣнія, возникающія въ средѣ духовенства, и контролировать послѣднее въ исполненіи имъ своихъ обязанностей. Далѣе Лютеръ требовалъ независимости національной церкви отъ Рима, требовалъ для Германіи особеннаго примаса съ его собственнымъ судомъ, какъ аппелляціонную инстанцію для всѣхъ епископовъ Германіи. Существованіе монастырей Лютеръ въ это время еще допускалъ, но только въ ограниченномъ числѣ, съ строго-опредѣленнымъ уставомъ. Далѣе для низшаго духовенства Лютеръ требовалъ права вступленія въ бракъ. Изъ всего этого видно, что и въ «Обращеніи своемъ къ дворянству» Лютеръ не разрываетъ еще единства латинской церкви, не требуетъ уничтоже-

нія ея учрежденій, а желаетъ только точнѣе очертить кругъ ея дѣятельности, установить границы ея власти. Но главною цѣлью Лютера въ это время было — создать національную нѣмецкую церковь, независимую отъ римской куріи.

Но не прошло и полугода, какъ Лютеръ пошелъ далѣе. Въ октябрѣ того же 1520 года онъ издалъ въ свѣтъ другое свое сочиненіе—«О вавилонскомъ плѣненіи папъ». Здѣсь онъ затрогиваетъ уже самыя коренныя основы господствующей церкви, указываетъ, насколько римская церковь расходится съ христіанствомъ первыхъ вѣковъ. Лютеръ отрицаетъ тутъ право папы лишать народъ чаши, ибо никто не имѣетъ права измѣнять то, что установлено самимъ Христомъ. Что касается таинствъ, то четыре изъ нихъ Лютеръ совсѣмъ отвергъ, оставляя только крещеніе, причастіе и покаяніе; но позже Лютеръ отвергъ и послѣднее таинство.

Лютеръ хорошо понималъ тѣ послѣдствія, которыя могутъ проистекать изъ такихъ идей. Онъ зналъ, что авторитетъ цѣлой массы сочиненій и лицъ долженъ неминуемо рухнуть, что вся система церковной обрядности должна подвергнуться измѣненіямъ. Но онъ не боялся этихъ послѣдствій. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на защитника св. писанія, которое, по его мнѣнію, одно заслуживало авторитета.

Въ то время, какъ Лютеръ строилъ свое зданіе церковной реформы, надъ нимъ собиралась въ Римѣ цѣлая гроза. Экъ убѣдилъ папу въ необходимости издать буллу противъ Лютера. Папа согласился, хотя и не особенно охотно. Но теперь времена были ужъ не тѣ. Булла принята была въ Германіи съ открытымъ неудовольствіемъ. Нѣкоторыя правительства боялись обнародовать ее; другія прямо заявили, что не считаютъ нообходимымъ подчиняться ей. Курфюрстъ Фридрихъ открыто отъ нея отказался. Виттенбергскій университетъ взялъ Лютера и Карлштадта подъ свою охрану. Ясно видно было желаніе стряхнуть оковы, наложенныя Римомъ. Дѣла приняли такой крутой оборотъ, что довели Лютера до того крайне-рѣшительнаго шага, который онъ совершилъ 10 декабря 1520 года. Онъ рѣшился публично сжечь папскую буллу, и онъ сжегъ ее торжественно, въ виду всѣхъ профессоровъ, студентовъ и гражданъ Виттенберга. Буллы, эти крайнія орудія папскаго гнѣва, которыми цари низверглись съ престоловъ, реформаторы возводились на костры, теперь предавались сожженію публично смѣлымъ монахомъ, котораго нельзя было обуздать ни увѣщаніями, ни совѣтами, ни предостереженіями, ни даже отлученіемъ.

Дѣло было столь великой важности, что обратило на себя всеобщее вниманіе. Лютеръ стоялъ прочно. Благодаря своимъ богословскимъ сочиненіямъ, отличавшимся замѣчательными достоинствами, онъ пріобрѣлъ массу сторонниковъ. Его сочиненія дѣятельно издавались и распространялись стараніями его друзей. О нихъ говорили съ церковныхъ каѳедръ. Всѣ силы церковной оппозиціи сгруппировались вокругъ Лютера. Литература видѣла въ дѣлѣ Лютера свое собственное дѣло. Вскорѣ стали появляться различные проэкты и планы будущихъ учрежденій и реформъ. Одни обратили исключительное свое вниманіе на отношеніе національной церкви къ церкви римской. Никакой другой языкъ, кромѣ нѣмецкаго, не долженъ былъ употребляться въ проповѣдяхъ. Всѣ прерогативы папства и связанные съ ними поборы должны были быть уничтожены. Отлученіе, исходящее изъ Рима, должно было отнынѣ потерять всякое

значеніе. Папскія граматы должны были получать значеніе для Германіи не иначе, какъ съ утвержденія собора высшаго національнаго духовенства. Другіе же обратили вниманіе на реформы въ средѣ самой церкви: требовали ограниченія числа праздниковъ, опредѣленнаго вознагражденія священникамъ, назначенія хорошихъ проповѣдниковъ, ограниченія числа постовъ и т. п.

Но для осуществленія всѣхъ этихъ плановъ и проэктовъ нужна была сильная рука, нужна была власть. Надежды всей Германіи обращены были на германскаго императора Карла V. Всѣ были того убѣжденія, что серіозныя реформы настоятельно необходимы и что безъ нихъ можетъ возникнуть страшная неурядица въ странѣ. Императоръ, по мнѣнію оппозиціи, долженъ былъ удалить отъ себя тѣхъ римскихъ клерикаловъ, которыми окружилъ себя, и призвать къ управленію національное нѣмецкое дворянство.

VI. ИЗБРАНІЕ КАРЛА V ИМПЕРАТОРОМЪ.

(Изъ статьи Кудрявцева: «Карлъ V.» «Рус. Вѣстн.» за 1856 г.).

Истекало второе десятилѣтіе XVI в. Максимиліанъ слабѣлъ и дряхлѣлъ съ каждымъ годомъ; открывались новые виды на самую почетную корону во всемъ образованномъ европейскомъ мірѣ. Не одно дотолѣ спокойное честолюбіе возбуждено было къ необычной дѣятельности приближавшеюся кончиной императора. Къ счастью для претендентовъ и къ несчастью для Германіи, никакое особенное право не ограничивало выборъ лица для замѣщенія нѣмецкаго королевскаго престола. Наслѣдственное право представлялось первое, но оно вовсе не имѣло безусловнаго значенія и, по волѣ курфюрстовъ, легко могло быть замѣнено свободнымъ избраніемъ. Отъ ихъ взаимнаго соглашенія зависѣло провозгласить императоромъ Германіи того или другаго короля, или даже принца, хотя бы онъ былъ чужестраннаго происхожденія. Прямое наслѣдственное право неоспоримо принадлежало Карлу испанскому; но Франція совершенно на равной ногѣ могла противопоставить ему,—если бы оно выпало на ея долю,—согласіе курфюрстовъ на избраніе ея короля въ нѣмецкіе императоры. Искусная дипломатическая интрига значила тутъ гораздо болѣе, чѣмъ законность, основанная на наслѣдственномъ правѣ.

Карлъ нисколько не обманывалъ себя насчетъ своихъ правъ престолонаслѣдія въ Германіи. Онъ хорошо понималъ, что ему, можетъ быть, пріидется имѣть дѣло съ самыми близкими своими союзниками, королями французскимъ и англійскимъ, и заранѣе принималъ мѣры, чтобы обезпечить за собою избраніе. Первая трудность заключалась въ волѣ самого Максимиліана, который желалъ передать послѣ себя нѣмецкій престолъ другому своему внуку, Фердинанду, считая Карла уже достаточно награжденнымъ. Это неудобство было отвращено, благодаря особенно содѣйствію папы, который, въ случаѣ раздѣленія австрійскаго дома, имѣлъ причины опасаться усиленія Франціи. Слѣдующія затѣмъ мѣры, принятыя Карломъ, относились къ князьямъ-избирателямъ. Съ этою цѣлью, въ августѣ 1517 года, нарочный посланный Виллингеръ отправленъ былъ изъ Нидерландовъ въ Германію. Онъ имѣлъ порученіе условиться по

тому же предмету съ императоромъ и старался склонить на сторону Карла князей имперіи. Для успѣшнѣйшаго дѣйствія, ему отданы были въ распоряженіе, сверхъ обыкновенныхъ, и нѣкоторыя чрезвычайныя средства. Такъ, онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ банковые билеты на значительную сумму на знаменитый аугсбургскій банкирскій домъ Фуггеровъ. Тремъ духовнымъ курфюрстамъ велѣно было обѣщать отъ имени Карла очень выгодныя бенефиціи въ Испаніи, а тремъ свѣтскимъ—пенсіоны по 2,000 гульденовъ; о четвертомъ не упоминалось въ инструкціи, потому, вѣроятно, что его считали слишкомъ честнымъ для подкупа: это былъ славный покровитель германскаго реформатора, Фридрихъ Саксонскій. Объ немъ вмѣстѣ съ герцогомъ баварскимъ и маркграфомъ бранденбургскимъ поручено было посланному развѣдать, не согласны ли они, можетъ быть, принять отъ Карла болѣе почетную награду—орденъ Золотаго Руна.— Другія значительныя лица въ имперіи также получили разныя лестныя обѣщанія, соотвѣтствующія ихъ положенію и вліянію.

При содѣйствіи Максимиліана, внутри имперіи дѣло Карла мало по малу устраивалось по его желанію. Задолго до наступленія кризиса онъ имѣлъ уже на своей сторонѣ бо̀льшую часть владѣтельныхъ князей Германіи. Нѣкоторое время можно было сомнѣваться за Фридриха Саксонскаго. Между тѣмъ, его голосъ принадлежалъ къ числу самыхъ рѣшительныхъ. Не столько по объему своей власти и силѣ, сколько по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, это былъ первый авторитетъ въ цѣлой имперіи. На его сторонѣ было и врожденное благоразуміе, и многолѣтняя опытность. Не разъ, въ отсутствіе императора, управлялъ онъ Имперіею и своими дѣйствіями заслужилъ себѣ всеобщее уваженіе. Прозваніе Мудраго, данное ему современниками, было не случайное: во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни Фридрихъ въ самомъ дѣлѣ отличался неизмѣннымъ здравомысліемъ. Для своего времени онъ былъ, безспорно, самымъ вѣрнымъ представителемъ лучшей стороны нѣмецкаго народнаго характера. Отсюда—почти всеобщая къ нему довѣренность и вниманіе къ каждому его дѣйствію. Потому и въ дѣлѣ избранія его рѣшеніе было бы самое важное: онъ могъ увлечь за собою многихъ единственно силой своего авторитета, который высоко цѣнился во всей Германіи. Фридрихъ долго не обнаруживалъ своего мнѣнія относительно выборовъ. Частью природное благоразуміе, частью же нѣкоторыя сомнѣнія, имѣвшія свой корень въ его патріотическомъ чувствѣ, не дозволяли ему прежде времени высказаться въ такомъ важномъ дѣлѣ. Онъ не имѣлъ ничего личнаго противъ Карла, но не совсѣмъ твердо увѣренъ былъ въ благовременности избранія его на германскій престолъ. Однако, благодаря личному вмѣшательству Максимиліана и его хорошимъ отношеніямъ къ Фридриху, и эта важная трудность была побѣждена. Когда на послѣднемъ аугсбургскомъ сеймѣ (1518 года) напомнили императору, какъ необходимо, при настоящихъ выборахъ, имѣть на своей сторонѣ согласіе саксонскаго курфюрста, Максимиліанъ отвѣчалъ съ довольною улыбкою: «я уже имѣю отъ него добрый совѣтъ».

Но и послѣ того оставалось еще сдѣлать очень многое для успѣха предположеннаго избранія. Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть Максимиліана обнаружила скрытыя доселѣ трудности во всей ихъ силѣ. Не только Францискъ, но и Генрихъ англійскій открыто выступили съ своими притязаніями на нѣмецкій престолъ. Генрихъ, правда, мало встрѣ-

тилъ себѣ сочувствія въ Германіи, но король французскій, съ помощью интригъ, денегъ и обѣщаній, успѣлъ составить себѣ значительную партію между нѣмецкими князьями и нашелъ себѣ партизановъ въ самой коллегіи курфюрстовъ. Когда князья съѣхались во Франкфуртъ на выборы, тогда особенно почувствовалась нерѣшительность положенія. Въ немъ не было болѣе ничего вѣрнаго и опредѣленнаго; ужъ готовы были жребіи, и одна минута могла положить конецъ всѣмъ сомнѣніямъ; но даже наканунѣ избранія никто не поручился бы, что оно падетъ на того, а не другаго претендента. Подъ конецъ ихъ осталось только два. Генрихъ VIII ограничился лишь тѣмъ, что въ собственноручномъ письмѣ къ курфюрстамъ искалъ чести избранія. Но Францискъ не хотѣлъ допустить ни одного лишняго шага впередъ со стороны короля Испаніи. Между тѣмъ, какъ посольство Карла расположилось на время выборовъ въ Гехстѣ (въ Нассау, близъ Майна), французское посольство съ конною свитой во сто человѣкъ стояло близъ Рейна, въ Кобленцѣ. Оба вліянія сходились во Франкфуртѣ и боролись между собой внутри самаго сейма. Избирательные голоса покупались на вѣсъ золота. Если одинъ изъ совмѣстниковъ давалъ много, то другой обѣщалъ еще болѣе. Такимъ образомъ, оба вліянія уравновѣшивались между собою на сеймѣ, слѣдствіемъ чего было то, что ни одно имя не могло соединить на себѣ большинства голосовъ. Тогда изъ самаго равновѣсія партій и невозможности подвинуть ихъ впередъ неожиданно возникло новое имя, гораздо болѣе скромное, чѣмъ громкія имена властителей Франціи и Испаніи, но всѣмъ хорошо знакомое и давно пользовавшееся заслуженнымъ уваженіемъ цѣлой имперіи. Это было имя Фридриха Мудраго, который одинъ изъ всѣхъ курфюрстовъ остался недоступенъ подкупу. Предложившій его собранію, архіепископъ майнцскій, конечно, разсчитывалъ больше на его отказъ, чѣмъ на согласіе, и имѣлъ притомъ совсѣмъ другіе виды. Но едва только предложеніе было пущено въ ходъ, какъ оно привлекло къ себѣ бо̀льшую часть голосовъ. Интрига падала сама собою передъ магическимъ дѣйствіемъ популярнаго имени. Ни папа, ни Генрихъ англійскій не были противъ такого выбора. Рѣшеніе было теперь въ рукахъ самого Фридриха. Отъ него зависѣло принять дѣлаемое ему приношеніе и предвосхитить вѣнецъ Германіи у своихъ неутомимыхъ и самонадѣянныхъ его искателей. До сихъ поръ Фридрихъ не высказывался передъ другими. Онъ молчалъ, потому что не могъ еще побѣдить всѣхъ своихъ сомнѣній. Но онъ не могъ болѣе упорствовать въ молчаніи, когда отъ него, именемъ государства и народа, требовали категорическаго отвѣта на сдѣланное ему предложеніе. Фридрихъ просилъ себѣ только срока на размышленіе.

Какъ мы дали замѣтить выше, мнѣніе саксонскаго курфюрста давно уже склонялось въ пользу Карла. Руководясь, главнымъ образомъ, мыслью о необходимости сильной руки для защиты имперіи отъ внѣшнихъ враговъ, благоразумный курфюрстъ отдавалъ въ этомъ отношеніи полное преимущество испанскому королю передъ французскимъ. Притомъ же онъ принималъ въ соображеніе все же болѣе нѣмецкое происхожденіе Карла въ сравненіи съ его совмѣстникомъ. Если у Фридриха еще оставались сомнѣнія, то они происходили отъ недостатка увѣренности, что у Карла, по вступленіи его на престолъ, найдется довольно доброй воли, чтобы сохранить старыя нѣмецкія привилегіи неприкосновенными; но

въ послѣднее время получены были изъ Гехста положительныя увѣренія въ готовности претендента подписать капитуляцію, которая будетъ предложена ему избирателями (Wahlcapitulation). Во мнѣніи папы симпатія къ австрійскому дому опять начали перевѣшивать наклонность къ французскому союзу. И все-еще, однако, Фридрихъ держалъ рѣшеніе въ своихъ рукахъ и могъ каждую минуту поворотить его въ ту сторону, куда хотѣлъ. Съ какимъ же замираніемъ сердца должны были ждать его рѣчи всѣ присутствующіе, когда, въ день, назначенный для окончательнаго выбора, онъ явился въ торжественное собраніе! Курфюрстъ майнцскій, дѣйствуя по соглашенію съ Фридрихомъ, опять выступилъ съ предложеніемъ въ императоры Карла австрійскаго, на что курфюрстъ трирскій держалъ отвѣтъ и старался, въ свою очередь, склонить мнѣніе въ пользу короля французскаго. Тогда возсталъ Фридрихъ саксонскій. «Въ годину опасности—сказалъ онъ, имѣя болѣе всего въ виду грозу турецкаго нашествія—мы должны желать себѣ властителя, съ которымъ намъ не страшны были бы никакія невзгоды». Далѣе Фридрихъ продолжалъ: «Пусть носитъ скипетръ тотъ, кто всѣхъ могущественнѣе, кто одинъ гораздо крѣпче, чѣмъ всѣ наши нѣмецкія силы, соединенныя вмѣстѣ. Изъ двухъ предложенныхъ кандидатовъ мы должны держаться одного: каждый изъ нихъ въ состояніи защищать насъ; но король испанскій происходитъ отъ нѣмецкой крови, имѣетъ свое мѣстопребываніе въ нѣмецкой землѣ (въ Нидерландахъ), носитъ титулъ наслѣдственнаго имперскаго князя и, по праву наслѣдства, владѣетъ въ Германіи тѣми самыми землями, которыя прямо подвергаются опасности нападенія; поэтому онъ имѣетъ больше правъ на насъ, чѣмъ король французскій, котораго исключаютъ наши законы, ибо онъ чуждъ намъ по крови и языку и не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ отечествомъ. Итакъ, да будетъ Карлъ императоромъ, а свобода и безопасность имперіи да оградятся твердыми постановленіями».

Когда Фридрихъ кончилъ, въ залѣ наступило глубокое молчаніе. Впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, было глубоко и сильно. Всякому изъ слушателей почувствовалось, что между ними упало тяжелое, полновѣсное слово, котораго тяжесть они могли понять и понести лишь соединенными силами. Рѣшалась судьба великаго народа, имперіи, въ нѣкоторомъ смыслѣ—судьба міра. Произнесено было слово неотразимаго рѣшенія, ибо оно вмѣстѣ было словомъ самоотреченія. Передъ такимъ словомъ не могло устоять никакое противорѣчіе. Скоро и курфюрстъ трирскій взялъ назадъ свой голосъ, лучше сказать—присоединилъ къ другимъ, которые Фридрихъ увлекъ за собою. Вскорѣ послѣ того дворянство и народъ созваны были въ церковь, и тамъ архіепископъ майнцскій объявилъ всенародно о послѣдовавшемъ избраніи Карла австрійскаго, на мѣсто умершаго Максимиліана, главою Римской имперіи. Событіе было великой важности не только для Германіи, но и лично для Карла. Онъ торжествовалъ въ одномъ изъ самыхъ щекотливыхъ для своего самолюбія положеній, но торжествовалъ благодаря не столько употребленнымъ имъ средствамъ, сколько благоразумію и великодушію третьяго лица, какъ безкорыстнаго посредника между нимъ и избирателями, и пройдя, сверхъ того, черезъ опасное совмѣстничество одного изъ своихъ прежнихъ союзниковъ. Въ продолженіе выборовъ была не одна минута, когда казалось, что германская корона не минуетъ рукъ побѣ-

дителя при Мариньяно. Не того хотѣлъ, не того ожидалъ Карлъ отъ своего союза съ Франціею. Напрасно Францискъ, смягчая начинавшееся раздраженіе, старался представить свое столкновеніе съ королемъ въ видѣ благороднаго соперничества двухъ рыцарей, заискивающихъ одинъ передъ другимъ благосклонности одной дамы, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ оставаться друзьями между собою. «Вашъ повелитель и я—говорилъ онъ испанскимъ посламъ — мы точно соперники, но отнюдь не враги между собою. У обоихъ насъ одна и та же властительница сердца, но, какъ слѣдуетъ благороднымъ любовникамъ, мы оспариваемъ другъ у друга обладаніе ею не въ кровавомъ бою, а стараемся превзойти одинъ другаго въ ея глазахъ ревностью нашего служенія и столько же нѣжнымъ, сколько почтительнымъ уходомъ за нею». Францискъ могъ говорить эти слова отъ полнаго сердца: они вытекали изъ его воспитанія и постояннаго образа мыслей. Но для Карла подобныя рѣчи не имѣли никакого смысла: онѣ были вовсе чужды его обыкновеннымъ понятіямъ и, не могли найти себѣ въ душѣ его отзыва. Одно только было понятно ему, что другіе хотѣли перебить у него дорогу, по которой онъ шелъ къ самой возвышенной цѣли своей, и что самое опасное совмѣстничество угрожало ему отъ ближайшаго сосѣда и союзника. Съ политической точки зрѣнія—а Карлъ не допускалъ другой—такой поступокъ казался измѣною, предательствомъ. Какъ бы ни велико было чувство самоудовлетворенія, испытанное Карломъ послѣ избранія, онъ не могъ простить Франциску покушенія устранить его отъ наслѣдственнаго престола Германіи. Сынъ Хуана особенно былъ чувствителенъ къ тѣмъ обидамъ, которыя считалъ своими личными. Онъ обыкновенно мало говорилъ о нихъ, потому что носилъ ихъ глубоко въ душѣ своей. Онъ могъ надолго подавить чувство своего оскорбленія и заставить его молчать въ себѣ, но никогда не отказывался отъ своего права на возмездіе. Кто хоть разъ имѣлъ несчастіе встрѣтиться на одной съ нимъ дорогѣ, тотъ заранѣе могъ быть увѣренъ, что никогда не заслужитъ себѣ отъ него полнаго прощенія.

VII. КАРЛЪ V.

(По соч. Ранке: «Государи и народы южной Европы и т. д.» и Мотлея: «Исторія нидерландской революціи»).

Герои древнихъ преданій описываются сидящими въ юности сиднемъ и цѣлые годы ничего недѣлающими; но, разъ взявшись за дѣло, они уже не знаютъ покоя и съ неутомимою радостью идутъ отъ подвига къ подвигу.

Вотъ настоящій портретъ Карла V, въ Испаніи—I-го. Скипетръ правленія вручили ему на 16-мъ году, но многаго ему недоставало еще для должнаго имъ распоряженія. Круа правилъ имъ и государствомъ. Войска его смирили Италію, не одинъ разъ торжествовали надъ врагами, а онъ спокойно сидѣлъ въ Испаніи, ни въ чемъ не принималъ участія и казался привыкшимъ подчиняться чужой волѣ. Такимъ его и почитали до 1529 года, до 30-ти-лѣтняго возраста, до того времени, когда онъ явился въ Италіи.

Тутъ онъ явился инымъ человѣкомъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ. Онъ сталъ заниматься дѣлами. Ни въ чемъ не спѣша, онъ все обдумывалъ и пересматривалъ; первое слово его было и послѣднимъ; всѣ приговоры были зрѣлы.

Съ того времени началъ онъ вести переговоры лично, командовать войскомъ самъ; началъ быстро ѣздить изъ страны въ страну, гдѣ только дѣла требовали его присутствія. Во главѣ войскъ переходитъ онъ чрезъ Альпы во Францію и наводняетъ солдатами Провансъ, приводитъ въ ужасъ Парижъ со стороны Марны. Часто плаваетъ онъ по Средиземному морю, а чаще всего по океану. А между тѣмъ его моряки производятъ открытія въ доселѣ неизвѣстныхъ моряхъ; его солдаты завоевываютъ доселѣ недоступныя земли. Такова жизнь его, разсматриваемая въ цѣломъ,—полная дѣятельность послѣ необыкновенно долгаго покоя.

Онъ долго обдумывалъ каждое дѣло, но, когда онъ рѣшалъ разъ, ничто въ свѣтѣ не могло заставить его перемѣнить приговоръ. Это всѣ знали. Говорили: «скорѣе погибнетъ міръ, нежели онъ согласится на какое нибудь принужденіе». Не было примѣра, чтобы заставила его сдѣлать что либо сила или опасность.

Самъ онъ говорилъ объ этомъ одному посланнику съ полною откровенностью: «Я отъ природы упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ». — Государь, отвѣчалъ тотъ, стоять на хорошей мысли не упорство, а твердость. «Но я, возразилъ Карлъ, иногда настойчивъ и въ дурныхъ».

Однако рѣшимость далеко не есть еще выполненіе. Рѣшившись на какое нибудь дѣло, онъ медлилъ такъ долго, пока дѣло подвергалось опасности. Таковъ онъ былъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ. Онъ наказывалъ послѣ долгаго обсужденія и никогда не спѣшилъ наградою. Впрочемъ, при всѣхъ выжиданіяхъ онъ не выпускалъ изъ глазъ враговъ своихъ. Наблюденія его были такъ точны, что даже послы удивлялись, какъ хорошо зналъ онъ правительства, какъ прекрасно судилъ онъ, что они должны дѣлать. Наконецъ выходилъ случай, ударялъ часъ или благопріятный, или крайній, тогда онъ выполнялъ то, что у него лежало на сердцѣ, можетъ быть, двадцать лѣтъ.—Такова была политика Карла V, которую враги его почитали достойною отвращенія, лукавою, а друзья—образцомъ мудрости.

Такой человѣкъ, исполненный спокойствія и увѣренности, довольно снисходительный, чтобы ужиться съ людьми, довольно тонкій, чтобы держать большинство въ повиновеніи, кажется, весьма способенъ управлять многими націями. Карлъ умѣлъ быть важнымъ съ испанцами, фамильярнымъ съ фламандцами, остроумнымъ съ итальянцами. Въ Мадридѣ онъ умѣлъ сразить быка на аренѣ, или выиграть призъ на турнирѣ; съ фландрскими дворянами онъ умѣлъ, сидя на конѣ, ловить копьемъ кольцо; съ антверпенскими горожанами—попадать въ цѣль съ лука и обмѣниваться грубыми шутками съ брабантскою чернью.

Но чѣмъ онъ могъ нравиться нѣмцамъ? По природѣ онъ былъ неспособенъ къ довѣрчивой откровенности, которую германцы любятъ и чтятъ въ своихъ знаменитостяхъ. Хотя онъ и старался принимать германскіе нравы, но нѣмцамъ онъ всегда казался чужестранцемъ, испанцемъ. Въ Германіи было ему неловко. Климатъ былъ вреденъ для его здоровья; на верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи говорилъ онъ неправильно; многочисленная разнородность націи не нравилась ему, и нація съ своей стороны не была расположена къ нему.

Жизнь его поздно получила начало самостоятельности и скоро достигла ея. Долго онъ не росъ, и уже прiискивали различныя снадобья, чтобы ускорить ростъ его. Развитiе его было необыкновенно неподвижно до 1521 года; тогда только замѣтили, что у него растетъ борода и что онъ становится мужественнѣе. Съ того времени росъ онъ нѣкоторое время въ полномъ здоровьѣ. Началъ чувствовать расположенiе къ охотѣ: въ толедскихъ лѣсахъ не одинъ разъ заходилъ онъ такъ далеко, что никто не слышалъ его рога. На лошади участвовалъ онъ въ аренѣ и въ турнирахъ; пѣшiй не отставалъ отъ другихъ. Есть портретъ, снятый съ него въ это время, съ закрытымъ, однако, повелительнымъ ртомъ, съ большими огненными глазами, со сжатыми чертами лица,—портретъ во весь ростъ. Но мало по малу какъ бы отдѣлилась у него верхняя половина лица отъ нижней и составила тѣмъ большею частiю рельефное выраженiе его характера. Нижняя челюсть выдалась впередъ, ротъ остался открытымъ, рѣсницы опустились.

Карлъ былъ деспотъ, необузданный и жестокiй въ употребленiи своей неограниченной власти. Единственный всепоглощавшiй вопросъ въ продолженiе большей части его царствованiя состоялъ въ соперничествѣ домовъ Габсбурговъ и Валуа. Восторжествовать надъ Францискомъ, оставить донъ-Филиппу наслѣдство богаче того, на какое могъ разсчитывать дофинъ,—вотъ возвышенныя цѣли той несравненной дѣятельности, которую обнаруживалъ Карлъ въ продолженiе большей и счастливѣйшей части своего царствованiя. Впослѣдствiи главнымъ занятiемъ его было уничтоженiе реформацiи во всѣхъ своихъ владѣнiяхъ, пока, наконецъ, ему не пришлось въ отчаянiи оставить поле борьбы. Благо и совершенствованiе подданныхъ никогда не входили въ его разсчеты, и окончательнымъ результатомъ его усилiй было полное разочарованiе, совершенное разрушенiе всѣхъ его плановъ, бѣдствiя и истощенiе его имперiи.

Карлъ не былъ фанатикъ. Онъ не вѣровалъ ни во что, кромѣ того, что предъ его императорскою волей и предъ интересами его императорскаго дома папы должны уступать, какъ и анабаптисты. Онъ сражался на смерть не противъ религiозной, а противъ политической ереси, которая скрывалась въ неподчиненiи религiозныхъ реформаторовъ догмату, преданiю и Богомъ поставленной свѣтской власти. Онъ былъ слишкомъ проницательный политикъ, чтобы не понять связи между стремленiями къ религiозной и къ политической свободѣ. Его рука была всегда готова подавить обѣ ереси сразу.

Никто, однако, не исполнялъ точнѣе его религiозные обряды. Онъ ежедневно бывалъ у обѣдни, каждое воскресенье и каждый церковный праздникъ выслушивалъ проповѣдь. Онъ исповѣдывался и причащался четыре раза въ годъ. Иногда его можно было видѣть въ полночь въ своемъ штатѣ, колѣнопреклоненнаго предъ крестомъ и съ поднятыми къ небу руками. Въ великiй постъ онъ не ѣлъ мяса и употреблялъ необыкновенныя средства, чтобы открыть и наказать всякаго, будь онъ придворный или простолюдинъ ,кт оне постился въ продолженiе всего поста.

Относительно военнаго генiя Карлъ не уступалъ ни одному полководцу своего времени. Онъ былъ безстрашенъ, энергиченъ и выносливъ. Онъ сохранялъ спокойствiе послѣ самыхъ жестокихъ пораженiй. Онъ соединялъ въ себѣ личную храбрость стариннаго рыцаря съ болѣе новыми познанiями искуснаго тактика.

Но хотя онъ былъ храбръ и воинственъ, въ немъ не было ничего рыцарскаго. Карлу не только недоставало всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя, вмѣстѣ съ храбростью и постоянствомъ, составляютъ идеалъ рыцаря: —покровительства угнетеннымъ, честности передъ другомъ и недругомъ, готовности жертвовать личными интересами для великихъ идей, благородства сердца и щедрости,—онъ даже презиралъ все это. Карлъ топталъ слабаго противника, будь то гражданинъ, или слабый монархъ; онъ былъ коваренъ и обманывалъ своихъ враговъ, которые полагались на его императорское слово.

Хотя онъ былъ неограниченнымъ властелиномъ державы, надъ которой никогда не заходило солнце, Карлъ жаждалъ новыхъ владѣній и былъ скупъ до мелочности. Его придворные и министры горько жаловались на это скряжничество; поэтому они весьма охотно пополняли свое скудное жалованье взятками, принимая ихъ отъ всякаго, кто могъ что нибудь дать. Самый приближенный къ нему изъ его министровъ, Гранвелла старшій, который велъ его переписку и давалъ за него аудіенціи, пользовался этимъ порядкомъ вещей для своихъ личныхъ выгодъ и накоплялъ себѣ на глазахъ императора громадныя богатства, торгуя императорской благосклонностью, но зато избавляя его величество отъ многихъ скучныхъ часовъ.

Карлъ рано состарился. На 40 году онъ чувствовалъ силы свои полуистощенными; тогда же посѣтила его подагра; потомъ развилась въ немъ страсть къ меланхолическому уединенію. Онъ видѣлъ, что вся его дѣятельность не привела ни къ чему и что онъ обманулся въ большей части своихъ плановъ. Пассаускій миръ смелъ всю паутину, сотканную Карломъ, и положилъ основаніе протестантской церкви.

Если бы императоръ продолжалъ жить и царствовать, ему пришлось бы вмѣшаться въ смертельную борьбу, по поводу религіознаго движенія въ Нидерландахъ, котораго онъ не могъ бы долѣе подавлять,—борьбу, завѣщанную имъ сыну, какъ кровавое наслѣдство. Карлъ, родившійся въ самомъ началѣ своего вѣка, былъ въ пятьдесятъ пять лѣтъ уже дряхлымъ старикомъ, тогда какъ славный вѣкъ этотъ, въ который человѣчество навсегда сбросило съ себя такъ долго опутывавшія его пеленки, только проснулся и созналъ свою силу.

Пора было императору удалиться со сцены: планы его рушились; счастье измѣнило; доходы не покрывали расходовъ; имѣнія были заложены; дѣла разстроены; умъ ослабѣлъ; память притупилась; здоровье безвозвратно утрачено. Меланхолическое настроеніе, страсть къ уединенію окончательно овладѣла имъ. Въ основаніи то была страсть его матери, пока она жила въ свѣтѣ и когда сдѣлалась чуждою ему. Карла не видалъ никто, развѣ по особенному приглашенію. Часто у него не было охоты подписывать дѣла. Въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ, освѣщенной семью факелами, стоялъ онъ по часу на колѣняхъ. По смерти матери чудилось ему, что онъ слышалъ голосъ ея, призывающій къ себѣ.

Въ такомъ положеніи онъ рѣшился отречься отъ власти и проститься съ жизнью, удалился въ монастырь св. Юста и вскорѣ умеръ.

VIII. ВОРМСКІЙ СЕИМЪ, ПЕРЕВОДЪ БИБЛІИ И УСИЛЕНІЕ РЕФОРМАЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ *).

Въ концѣ января 1521 г. Карлъ открылъ въ Вормсѣ свой первый рейхстагъ, на которомъ предстояло обсудить нѣкоторыя государственныя дѣла, касавшіяся устройства администраціи, суда и финансовъ имперіи, а также порѣшить дѣло Лютера. По этому поводу императоръ предложилъ рейхстагу проэктъ своего эдикта въ томъ смыслѣ, что Лютеръ, возставшій противъ Богомъ установленнаго порядка, долженъ быть арестованъ, а приверженцы его изгнаны. Но ему поставили на видъ, что такая мѣра можетъ привести къ печальнымъ послѣдствіямъ и что благоразумнѣе будетъ выслушать Лютера. Это возраженіе сдѣлано было князьями такъ единогласно, что ничего не оставалось дѣлать. Рѣшено было, однакожь, еще до приглашенія Лютера на сеймъ въ Вормсѣ сдѣлать попытку къ соглашенію путемъ мирнымъ. Роль посредника взялъ на себя духовникъ императора, францисканскій монахъ Глапіонъ, истый представитель строгаго испанскаго католицизма, горячо принимавшій къ сердцу интересы церкви и самъ считавшій необходимымъ поднять клиръ въ нравственномъ отношеніи; онъ не отвергалъ даже до извѣстной степени необходимости церковной реформы, но только при условіи неизмѣннаго сохраненія основъ римской церкви. Глапіонъ даже рѣшительно одобрялъ нападки Лютера на торгъ индульгенціями и на вопіющія злоупотребленія духовенства при совершеніи церковныхъ таинствъ; что же касается ученія Лютера о всеобщемъ священствѣ и объ отрицаніи церковнаго главенства папы и т. п., то, по мнѣнію Глапіона, этого не могъ одобрить ни одинъ христіанинъ. Сочиненія Лютера, въ которыхъ проводились такія еретическія мнѣнія, онъ долженъ былъ изъять изъ обращенія или же отречься отъ ихъ авторства. Для достиженія соглашенія Глапіонъ не считалъ непреодолимымъ затрудненіемъ даже и папскія буллы объ отлученіи: еслибъ Лютеръ показалъ себя уступчивымъ, то папа могъ бы взять ихъ назадъ, а спорные вопросы подвергнуть новому разсмотрѣнію со стороны компетентныхъ и безпристрастныхъ ученыхъ. Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли,—примиренія съ Лютеромъ, Глапіонъ обратился къ курфюрсту саксонскому, какъ къ единственному государю Германіи, который могъ еще дѣйствовать на мнѣнія Лютера. Но и это ни къ чему не привело. Какъ ни хитрилъ Глапіонъ, однако онъ ничего не могъ сдѣлать: Лютеръ оставался твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. «Не думайте, что я готовъ отказаться отъ своихъ мнѣній,—писалъ онъ въ это время одному изъ своихъ друзей: —если императору угодно меня погубить, то я и на это готовъ».

Въ такомъ настроеніи ждалъ Лютеръ рѣшенія великаго вопроса. Карлъ V не могъ не обратить наконецъ вниманія на положеніе дѣлъ и тре-

---

*) Пособіями при составленіи этой статьи служили слѣд. сочиненія: 1) Ranke: «Deutschland im Zeitalter der Reformation»; 2) Maurenbrecher: «Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit»; 3) Weber: «Allgemeine Weltgeschichte für gebildete Stände, B. VIII; 4) Schenkel: «Luther in Wittenberg und Wartburg; 5) Zimmermann: «Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges 3 Bde».

вожное настроеніе умовъ, и рѣшено было вызвать Лютера для отвѣта въ Вормсъ. «Мы постановили, мы и земскіе чины священной римской имперіи, выслушавъ твои объясненія по поводу твоего ученія и книгъ, тобою изданныхъ», писалъ императоръ въ приглашеніи къ Лютеру, котораго называлъ при этомъ «почтеннымъ, любезнымъ и благочестивымъ Мартиномъ Лютеромъ изъ ордена августинцевъ». Приглашеніе послано было съ императорскимъ герольдомъ, который долженъ былъ сопровождать Лютера.

Извѣстіе о приглашеніи Лютера императоромъ на сеймъ произвело въ Римѣ крайне непріятное впечатлѣніе. Тамъ не могли помириться съ мыслью, что вопросы вѣры обсуждаются свѣтскимъ собраніемъ и что человѣкъ, преданный анаѳемѣ, приглашается не къ отреченію отъ ереси, а къ публичному объясненію. Чтобы успокоить папистовъ, императоръ повелѣлъ властямъ отобрать всѣ сочиненія Лютера. Сторонники Лютера, видя, что паписты пріобрѣтаютъ все больше вліянія у Карла V, потеряли всякую надежду на его поддержку: они не вѣрили даже охранной граматѣ императора и стали опасаться за личную безопасность Лютера. Но въ этомъ критическомъ положеніи Лютеръ обнаружилъ всю твердость своей воли, всю несокрушимость своей вѣры. Онъ успокоивалъ своихъ опечаленныхъ друзей и продолжалъ дѣятельно работать надъ своими литературно-богословскими сочиненіями.

Лютеръ отправился въ Вормсъ, сопровождаемый друзьями и императорскимъ почетнымъ герольдомъ. Въ городахъ, лежавшихъ на пути, его встрѣчали съ оваціями, съ тріумфомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ онъ останавливался для проповѣди, которая всюду производила громадное впечатлѣніе и привлекала массы народа. Въ Эрфуртѣ получилъ онъ извѣстіе объ эдиктѣ, требовавшемъ выдачи всѣхъ его сочиненій; въ городахъ Тюрингіи нашелъ онъ эдиктъ этотъ уже обнародованнымъ. Это еще болѣе смутило друзей Лютера. Въ Вормсѣ же въ это время не только былъ уже провозглашенъ публично неблагопріятный для Лютера эдиктъ, но и сочиненія его сожжены. Но ничто не могло смутить Лютера. Еще на послѣдней станціи одинъ изъ друзей его, совѣтникъ курфюрста саксонскаго, предостерегалъ Лютера, чтобы онъ лучше не показывался въ Виттенбергѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ его легко можетъ постигнуть участь Гуса. «Гусъ былъ сожженъ, отвѣчалъ Лютеръ, но истина не погибла съ нимъ; я пойду впередъ, еслибъ даже на меня цѣлились столько дьяволовъ, сколько здѣсь черепицъ на кровляхъ».

Такъ прибылъ Лютеръ въ Вормсъ. 16 апрѣля 1521 года, около полудня, Лютеръ совершилъ торжественный въѣздъ въ Вормсъ. На встрѣчу ему выѣхали саксонскіе и многіе другіе графы и дворяне; на улицахъ толпились массы любопытнаго народа, съ нетерпѣніемъ ждавшаго видѣть удивительнаго монаха. Онъ сидѣлъ въ открытой повозкѣ, одѣтый въ свою августинскую рясу; впереди его ѣхалъ верхомъ почетный герольдъ въ мантіи съ императорскимъ гербомъ. Такъ проѣхали они посреди удивленной, взволнованной толпы народа. При видѣ ея Лютеръ почувствовалъ увѣренность въ успѣхѣ своего дѣла и сказалъ: «Богъ будетъ моимъ помощникомъ».

На другой день вечеромъ Лютеръ позванъ былъ въ собраніе имперскихъ чиновъ. Юный императоръ, сидѣвшіе по обѣимъ сторонамъ его курфюрсты и въ числѣ ихъ Фридрихъ Мудрый, курфюрстъ саксонскій,

множество свѣтскихъ и духовныхъ князей, множество графовъ, рыцарей и прелатовъ, знаменитые полководцы, друзья и противники реформаціи,— все это многочисленное величественное собраніе ожидало скромнаго монаха. Когда Лютеръ вступилъ въ залу засѣданія, то при видѣ этого блестящаго собранія онъ, по свойственной ему застѣнчивости и непривычности обращаться въ высшихъ кругахъ, былъ нѣсколько смущенъ. Онъ говорилъ довольно слабымъ, невнятнымъ голосомъ, такъ что многіе полагали, что онъ испугался. Когда Экъ прочелъ списокъ сочиненій Лютера и спросилъ, признаетъ ли онъ ихъ своими и желаетъ ли отречься отъ нихъ, то Лютеръ на первый вопросъ отвѣтилъ утвердительно; что касается втораго вопроса, то онъ попросилъ отсрочки для размышленія, «такъ какъ дѣло идетъ о словѣ Божіемъ и о спасеніи души». Императоръ, посовѣтовавшись съ своими совѣтниками, согласился на отсрочку. На слѣдующій день Лютеръ снова появился въ собраніи. Было поздно, когда его позвали. Зала освѣтилась множествомъ факеловъ; собраніе было еще торжественнѣе, чѣмъ наканунѣ; толпы народа были такъ многочисленны, что князья съ трудомъ могли дойти до своихъ мѣстъ. Всѣ готовились слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Но теперь въ Лютерѣ незамѣтно было и слѣда прежняго смущенія: на поставленные ему вопросы онъ отвѣчалъ твердымъ, мужественнымъ голосомъ, въ которомъ сказывалось непоколебимое убѣжденіе въ истинѣ. На повторенный ему вопросъ, желаетъ ли онъ отречься отъ своихъ сочиненій, Лютеръ отвѣтилъ длинною рѣчью. Онъ раздѣлилъ всѣ свои сочиненія на три категоріи: на книги о христіанскомъ ученіи, сочиненія противъ злоупотребленій римскаго двора и сочиненія полемическія. Отречься отъ первыхъ было бы дѣломъ неслыханнымъ: это значило бы отвергнуть самую истину; отречься отъ вторыхъ — значило бы дать поводъ папистамъ въ конецъ разорить Германію; затѣмъ остаются еще полемическія сочиненія, въ которыхъ онъ, какъ защитникъ евангелія, нападаетъ на нѣкоторыя личности, находящіяся подъ покровительствомъ Рима и защищающія папскую тираннію. Но и отъ этихъ сочиненій онъ отречься не можетъ, потому что это значило бы придавать силу врагамъ въ помраченіи истины и угнетеніи народа. Но, прибавилъ Лютеръ, такъ какъ онъ не больше, какъ человѣкъ, и, слѣдовательно, можетъ ошибаться, то онъ проситъ, чтобы писаніями пророковъ и апостоловъ ему доказали его заблужденія,—тогда онъ готовъ собственноручно бросить свои сочиненія въ огонь. При этомъ Лютеръ сослался на примѣръ самого Спасителя, который, на вопросъ первосвященника Анны объ ученіи его, отвѣчалъ: «Если я сказалъ худо, покажи, что худо». Затѣмъ Лютеръ высказалъ сожалѣніе, что дѣло дошло до раздоровъ и несогласій, которыя могутъ повести къ большимъ бѣдствіямъ для Германіи. Но тутъ оффиціалъ (судья) трирскій остановилъ Лютера, указавъ ему на то, что онъ отклонился отъ прямаго отвѣта на поставленный ему вопросъ; онъ указалъ Лютеру на то, что отреченіе отъ нѣкоторыхъ мнѣній не уничтожитъ еще всего имъ сдѣланнаго, что еще найдется, пожалуй, возможность спасти всѣ его книги, если онъ отречется отъ того только, что осуждено Констанцскимъ соборомъ и что онъ принялъ вопреки повелѣніямъ означеннаго собора». Но Лютеръ отвергъ непогрѣшимость соборовъ такъ же, какъ и непогрѣшимость папъ; онъ говорилъ, что и соборъ можетъ погрѣшать и что онъ готовъ доказать это настоящимъ и прошедшимъ. Тогда оффиціалъ

не продолжалъ болѣе настаивать и потребовалъ еще разъ отъ Лютера категорическаго отвѣта, всѣ ли свои мнѣнія считаетъ онъ сообразными съ вѣрою, или отречется отъ нѣкоторыхъ, и объявилъ, что если онъ не отречется, то собраніе знаетъ, какъ поступить съ еретикомъ. Однако же угрозы нисколько не устрашили смѣлаго монаха: убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла и явное сочувствіе большинства ободряли его. Онъ рѣшился бы, какъ говорилъ впослѣдствіи, лишиться тысячи головъ, еслибъ онѣ были у него, прежде, чѣмъ произнесетъ отреченіе. Онъ повторилъ снова, что если текстомъ Св. Писанія не докажутъ ему, что онъ заблуждается, то онъ не хочетъ и не можетъ отречься отъ словъ своихъ, «ибо нехорошо поступать противъ совѣсти». «На этомъ стою я, сказалъ онъ въ заключеніе:— иначе дѣйствовать я не могу; Богъ да поможетъ мнѣ. Аминь!»

Рѣчь Лютера произвела весьма сильное впечатлѣніе на собраніе. Особенно радостно забились сердца патріотовъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ военачальниковъ, присутствовавшихъ въ собраніи, пораженные неустрашимостью Лютера, выразили ему каждый посвоему свое одобреніе: старый Георгъ Фрундсбергскій потрепалъ его по плечу съ видимымъ одобреніемъ, храбрый Эрихъ Брауншвейгскій послалъ ему въ самую тѣсноту собранія пива въ серебряной чашѣ. При выходѣ его изъ залы собранія раздался голосъ: «какъ счастлива должна быть мать, родившая такого человѣка». Самъ Фридрихъ Мудрый былъ доволенъ своимъ профессоромъ и сказалъ о немъ Спалатину: «О, какъ хорошо говорилъ докторъ Мартинусъ передъ глазами императора и имперіи!» и прибавилъ: «только онъ очень смѣлъ».

Совершенно противоположное впечатлѣніе произвела рѣчь Лютера на Карла, союзъ котораго съ папой въ это время былъ уже дѣломъ рѣшеннымъ. Его раздражали упорство Лютера и смѣлость его рѣчей. Онъ высказалъ имперскимъ чинамъ свое мнѣніе относительно Лютера, объявивъ при этомъ, что болѣе выслушивать Лютера нѣтъ надобности, такъ какъ онъ его считаетъ еретикомъ; что и онъ, императоръ, и всѣ князья покроютъ себя вѣчнымъ позоромъ, если потерпятъ подобное оскорбленіе святой церкви, и что, наконецъ, онъ и жизни не пожалѣетъ для искорененія подобнаго зла.

По выслушаніи такого рѣшенія, князья пришли въ сильное безпокойство. И было изъ-за чего: возбужденіе умовъ было такъ сильно, что слѣдовало ежеминутно опасаться открытаго возстанія. На стѣнахъ городской ратуши было написано воззваніе къ народу взяться за оружіе противъ папистовъ. Въ виду этого рѣшено было еще разъ попытаться мирно покончить дѣло Лютера. Карлъ рѣшился дать ему еще три дня сроку на размышленіе. Между тѣмъ архіепископъ пригласилъ Лютера къ себѣ, убѣждалъ его не производить раскола въ церкви, ради единства церкви признать постановленія Констанцскаго собора и удержаться отъ распространенія своего ученія, и какъ бы въ награду за все это, предлагалъ ему мѣсто пріора въ своей епархіи. Но ничто не помогало: Лютеръ остался при своемъ. Когда его убѣждали признать судьями своими императора и имперскіе чины, то онъ объявилъ, что не людямъ судить слово Божіе, и заключилъ свой отвѣтъ тѣмъ, что если его дѣло не отъ Бога, то оно само погибнетъ, въ противномъ же случаѣ никакими силами не удастся его уничтожить. Такимъ образомъ примиреніе старой церкви съ Лютеромъ сдѣлалось невозможнымъ.

Въ виду непреодолимаго упорства Лютера, нѣкоторые изъ приближенныхъ къ Карлу лицъ совѣтовали поступить съ Лютеромъ, какъ поступлено было съ Гусомъ. Но Карлъ не рѣшился на это въ виду той симпатіи, которую дѣло Лютера успѣло возбудить во всѣхъ классахъ населенія, а также изъ уваженія къ Фридриху Мудрому. Онъ отослалъ Лютера въ Виттенбергъ въ сопровожденіи почетнаго герольда.

При отъѣздѣ, друзья намекнули Лютеру, что они его на-время отвезутъ въ безопасное убѣжище.

Въ концѣ апрѣля Карлъ опять обратился къ имперскимъ чинамъ съ запросомъ, какъ поступить съ «закоренѣлымъ еретикомъ». Члены рейхстага предоставили дѣло на усмотрѣніе императора.

Между тѣмъ въ Римѣ заключенъ былъ формальный союзъ между папою Львомъ X и Карломъ V: папа обязывался помочь Карлу изгнать французовъ изъ Италіи, а императоръ обязывался уничтожить въ Германіи враговъ католицизма и отмстить за оскорбленіе святой церкви. Въ это же время папскій легатъ Алеандеръ, находившійся при императорѣ, сочинилъ проэктъ эдикта противъ Лютера. Карлъ выжидалъ только удобной минуты для внесенія этого эдикта въ рейхстагъ. Дѣйствительно, Карлъ очень ловко воспользовался для своей цѣли отъѣздомъ курфюрстовъ саксонскаго и пфальцскаго, а также многихъ другихъ вліятельныхъ членовъ сейма. 25 мая онъ пришелъ въ залу собранія, высказалъ свою благодарность собранію за его труды по разнымъ отраслямъ управленія и при этомъ прибавилъ, что необходимо привести въ порядокъ еще нѣкоторыя дѣла. Затѣмъ императоръ пригласилъ наличныхъ членовъ въ свои покои и приказалъ Алеандеру прочесть составленный имъ проэктъ эдикта. Въ эдиктѣ этомъ говорилось, что такъ какъ всѣ кроткія примирительныя мѣры относительно Лютера истощены, то императоръ долженъ явиться прямымъ защитникомъ святой церкви. Лютеръ выставлялся въ эдиктѣ какъ живое олицетвореніе нечистаго духа. Онъ обвинялся, главнымъ образомъ, въ поруганіи святыхъ таинствъ и въ возбужденіи мірянъ противъ духовенства. Въ виду этого, Лютеръ и его приверженцы должны быть изгнаны, богопротивныя его сочиненія сожжены, и, во избѣжаніе на будущее время подобныхъ заблужденій, ни одна книга не должна была быть издана отнынѣ безъ духовной цензуры.

Выслушавъ чтеніе эдикта, члены рейхстага дали согласіе за себя и за отсутствующихъ. Алеандеръ тутъ же изготовилъ два экземпляра эдикта отъ 8 мая, т. е. заднимъ числомъ, когда курфюрсты были еще всѣ въ Вормсѣ. На другой день въ церкви, во время службы, императоръ подписалъ эдиктъ, поднесенный ему Алеандеромъ. Но, кромѣ того, императоръ повелѣлъ всѣмъ властямъ, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности, въ точности исполнять эдиктъ. Казалось, что Карлъ V однимъ почеркомъ пера повергъ въ прахъ стремленіе нѣмецкой націи къ религіозному возрожденію, которое лучшіе люди Германіи считали задаткомъ лучшаго будущаго. Но въ дѣйствительности Карлъ не въ силахъ былъ остановить могучаго потока реформаціи.

Извѣстіе объ императорскомъ эдиктѣ противъ Лютера вызвало въ Римѣ необычайную радость. По этому случаю были даже всенародно сожжены два изображенія Лютера. Но скоро агенты римскаго двора увидѣли, какъ мало пользы принесло имъ постановленіе, котораго они добились съ такимъ трудомъ. Въ нидерландскихъ владѣніяхъ, гдѣ Карлъ

присутствовалъ самъ, исполняли его повелѣнія и жгли сочиненія Лютера. Въ Германіи же императорскій эдиктъ оставался безъ приложенія. Мужество Лютера въ собраніи имперскихъ чиновъ снискало ему новыхъ друзей и служило для многихъ доказательствомъ истины его ученія.

Въ концѣ апрѣля Лютеръ выѣхалъ изъ Вормса въ сопровожденіи императорскаго герольда, отъ котораго ему удалось, впрочемъ, скоро освободиться. При этомъ Лютеръ вручилъ ему два посланія, обращенныя къ императору и къ князьямъ. Въ нихъ онъ увѣрялъ императора и князей въ своей вѣрноподданности и готовности повиноваться во всемъ, что не будетъ касаться его религіозныхъ убѣжденій. Какъ и на пути въ Вормсъ, Лютеръ на обратномъ пути въ нѣкоторыхъ городахъ останавливался и, по желанію жителей, проповѣдывалъ, хотя это и было ему строго запрещено. Но прежняго торжественнаго характера путешествіе его уже вовсе не имѣло. Въ душѣ его оставалось какое-то тяжелое, двойственное, неудовлетворенное чувство: съ одной стороны искренняя готовность пожертвовать собою за свои убѣжденія, съ другой — естественное чувство самосохраненія.

Между тѣмъ, по плану, составленному еще въ Вормсѣ Фридрихомъ Мудрымъ при содѣйствіи его близкихъ совѣтниковъ, на возвратномъ пути Лютера въ Виттенбергъ, въ то время, какъ онъ проѣзжалъ по лѣсистой дорогѣ, повозка его была остановлена, на него напали замаскированные саксонскіе рыцари, схватили его и, укутавъ въ плащъ, отвезли въ замокъ Вартбургъ, гдѣ онъ, въ качествѣ государственнаго саксонскаго преступника, содержался въ строгой тайнѣ подъ надзоромъ коменданта замка; а въ то же время распустили слухъ, что Лютеръ схваченъ врагами курфюрста и, вѣроятно, умерщвленъ. Народъ, опасаясь, что Лютеръ попалъ въ руки римской партіи, страшно волновался, особенно въ самомъ Вормсѣ, гдѣ Лютеръ еще такъ недавно былъ предметомъ всеобщаго вниманія. Въ Вартбургѣ жилъ Лютеръ въ уединеніи подъ именемъ рыцаря Георга. Онъ и сталъ носить рыцарскую одежду, отпустилъ бороду, отростилъ длинные волосы, такъ что сдѣлался, дѣйствительно, неузнаваемымъ.

Тяжело было въ это время душевное настроеніе Лютера. Онъ сознавалъ, что дѣло преобразованія церкви едва начато, что для утвержденія его нужно еще много и энергически дѣйствовать, а между тѣмъ онъ бездѣйствовалъ и томился въ какой-то почетной полуневолѣ, лишенный свободы дѣйствій. Не безъ основанія сравнивалъ онъ себя въ это время съ птицею, запертою въ клѣткѣ. Въ предисловіи къ одному изъ написанныхъ имъ въ Вартбургѣ сочиненій Лютеръ сравниваетъ мѣсто своего заключенія съ пустыней. Онъ слѣдилъ еще за ходомъ событій, узнавая о всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, касавшихся движенія реформы, чрезъ наиболѣе близкихъ друзей, знавшихъ о тайнѣ его заключенія. Извѣстія о ходѣ реформаціи сильно волновали его. Душа его рвалась къ дѣятельности. Ему хотѣлось самому взять въ руки дѣло реформы и руководить движеніемъ. Въ досадѣ на то, что обстоятельствами онъ былъ осужденъ на бездѣйствіе, въ смыслѣ общественной дѣятельности, Лютеръ нерѣдко брался за перо и обнаруживалъ лихорадочную литературную дѣятельность.

Но и его желѣзная физическая натура въ это время надломилась,

его стали опять мучить галлюцинаціи, и онъ оказывался иногда по цѣлымъ недѣлямъ неспособнымъ взяться за перо. Наконецъ поѣздки по окрестнымъ мѣстамъ, а особенно прогулка и охота по лѣсамъ освѣжили и укрѣпили его организмъ, и къ нему опять возвратилась бодрость духа. Тогда онъ задумалъ воспользоваться своимъ досугомъ въ Вартбургѣ для дѣла, имѣвшаго громадное историческое значеніе и важность котораго онъ и самъ сознавалъ, а именно для перевода библіи на нѣмецкій языкъ. Впрочемъ, сначала онъ не считалъ даже возможнымъ взяться одному за такой громадный трудъ, какъ переводъ всей библіи. Въ концѣ 1521 года онъ рѣшился перевести хоть одинъ только новый завѣтъ; въ началѣ же слѣдующаго года онъ уже собирался приняться и за переводъ ветхаго завѣта, но только при содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ его наиболѣе близкихъ виттенбергскихъ друзей. Въ основаніе переводнаго языка Лютеръ положилъ нарѣчіе, употреблявшееся въ саксонскомъ судопроизводствѣ, именно, верхненѣмецкое, сдѣлавшееся общимъ языкомъ образованнаго общества всей Германіи и языкомъ литературнымъ.

Лютеръ приступилъ къ переводу библіи съ тщательною подготовкою: онъ ревностно изучалъ греческій и еврейскій текстъ библіи; не менѣе важно было для него основательное знаніе нѣмецкаго народа, его образа мыслей и способа выраженія. Съ этой цѣлью онъ вращался въ простонародьи, чтобы прислушаться лучше къ его рѣчи.

Какія трудности и колебанія приходилось испытывать Лютеру при переводѣ библіи, видно изъ его послѣдующей переписки съ друзьями, въ которой онъ касается этого вопроса. Такъ, ему зачастую приходилось по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ доискиваться одного какого нибудь слова, чтобы можно было передать на нѣмецкомъ языкѣ текстъ ясно и толково. Изъ книги Іова, говоритъ Лютеръ, онъ съ Меланхтономъ и еще однимъ другомъ, усердно работая, едва успѣли перевести въ четыре дня три строки. Впрочемъ, въ Вартбургѣ Лютеръ перевелъ только пятикнижіе Моисея и Новый завѣтъ; весь же переводъ былъ оконченъ только въ 1534 году. Библія Лютера имѣла громадное значеніе по своему вліянію на послѣдующее развитіе германской націи: она сдѣлалась въ полномъ смыслѣ слова народной книгой, служившей объединяющимъ элементомъ при чрезвычайной политической раздробленности нѣмецкой имперіи, племенной обособленности нѣмцевъ, поддерживая сознаніе національнаго единства.

Одновременно съ приготовительными разботами для перевода библіи, Лютеръ трудился также надъ составленіемъ книги нѣмецкихъ проповѣдей. замѣчательныхъ по своей глубинѣ и задушевности. Переведенная Лютеромъ библія и книга проповѣдей сдѣлались скоро настольными книгами всякаго грамотнаго простолюдина-протестанта и всего болѣе способствовали быстрому возрастанію популярности Лютера.

Въ то время, какъ Лютеръ въ уединеніи своемъ въ Вартбургѣ занятъ былъ переводомъ Евангелія на нѣмецкій языкъ, услышалъ онъ о волненіяхъ въ Виттенбергѣ, вызванныхъ цѣлымъ рядомъ поспѣшныхъ и отчасти насильственныхъ нововведеній въ католическомъ богослуженіи и католическихъ обрядахъ, а также стремленіемъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, настроенныхъ въ духѣ новаго ученія, къ преобразованію на но-

выхъ началахъ не только церкви, но также государства и общества. Главными прадставителями этой партіи движенія выступили Карлштадтъ и Ѳома Мюнцеръ. Карлштадтъ, другъ Лютера, былъ сначала профессоромъ богословія, а потомъ деканомъ и ректоромъ въ Виттенбергскомъ университетѣ. Это былъ горячій эксцентричный ревнитель новаго ученія, который своимъ пламеннымъ и бурнымъ краснорѣчіемъ увлекъ за собой цѣлую толпу молодыхъ энтузіастовъ-слушателей. До Вормскаго сейма Карлштадтъ и Лютеръ долго жили и дѣйствовали дружно: оба легко увлекались мистицизмомъ, оба стремились къ реформаціи, были одинаково непреклонны въ своихъ убѣжденіяхъ и равно серьезно стремились къ достиженію своихъ цѣлей. Но они далеко расходились во взглядѣ на конечную цѣль реформаціи. Лютеръ хотѣлъ освободить новымъ евангеліемъ только души, а Карлштадтъ желалъ освобожденія христіанъ и въ земной жизни, Лютеръ думалъ дѣйствовать постепенно, умѣряя разсудкомъ порывы своей страстности; Карлштадтъ хотѣлъ идти быстро, все ниспровергая на пути. Лютеръ, желая очистить церковь, искалъ опоры въ государяхъ, Карлштадтъ—въ народѣ. Онъ хотѣлъ провести реформу снизу вверхъ. Онъ высоко цѣнилъ священное писаніе, но не считалъ обязательнымъ буквальный смыслъ его. Кабинетная ученая дѣятельность не удовлетворяла его, и онъ старался провести на практикѣ идею реформаціи.

Трудно было въ самомъ дѣлѣ предполагать, чтобы движеніе умовъ въ Германіи, проявившееся съ такою энергіею, какъ только разрывъ съ Римомъ былъ смѣло и открыто провозглашенъ самимъ Лютеромъ сожженіемъ папской буллы и отрицаніемъ авторитета папы и всего, что не оправдывалось буквальнымъ смысломъ священнаго писанія, — чтобы движеніе это довольствовалось лишь теоретическимъ признаніемъ новаго ученія. Было, напротивъ, совершенно естественно со стороны наиболѣе горячихъ ревнителей новаго ученія стремиться къ тому, чтобы отвергнуть главнѣйшія основанія старой церкви, непогрѣшимость папскаго авторитета и обязательную силу церковныхъ преданій, отвергнуть и преобразовать все то, что въ сферѣ старой церкви зиждилось на этихъ основаніяхъ, начиная съ церковныхъ обрядовъ.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было нападеніе двухъ священниковъ въ окрестности Виттенберга на безбрачіе духовныхъ, нападеніе, смѣло поддержанное Карлштадтомъ. Уничтоженіе безбрачія повело къ уничтоженію монашества: одинъ изъ монаховъ августинскаго ордена началъ произносить въ маленькой августинской церкви въ Виттенбергѣ пламенныя проповѣди противъ принципа иноческой жизни. Это произвело сильное волненіе въ монастырѣ, и нѣсколько августинцевъ тотчасъ же оставили его, а отсюда движеніе сообщилось и другимъ монастырямъ. Нововводители, и во главѣ ихъ Карлштадтъ, требовали также насильственно перемѣны въ богослуженіи и отмѣны частныхъ обѣденъ. Въ день Р. Х. 1521 г. Карлштадтъ говорилъ проповѣдь и тотчасъ совершилъ обѣдню, за которой молящіеся пріобщались св. таинъ подъ обоими видами, тѣла и крови Христовой. Не довольствуясь этимъ, Карлштадтъ шелъ каждый день отъ перемѣны къ перемѣнѣ: онъ уничтожилъ церковныя одежды; потомъ отвергнулъ необходимость исповѣди предъ священникомъ; постановилъ, чтобы всѣ приступали къ св. причащенію безъ предварительнаго приготовленія; наконецъ, онъ вооружился противъ постовъ и св. иконъ. Правда, самъ Карлштадтъ не принималъ

непосредственнаго участія въ насильственныхъ проявленіяхъ иконоборства, но возбужденные его проповѣдями, наиболѣе ревностные послѣдователи и помощники его увлеклись до такой крайности, что даже вламывались въ церкви, выбрасывали образа, раззоряли исповѣдни и алтари.

Сильное сочувствіе и поддержку въ насильственномъ осуществленіи церковныхъ нововведеній нашелъ Карлштадтъ въ вожакахъ вновь образовавшейся секты анабаптистовъ или перекрещенцевъ, отличавшейся крайнимъ фанатизмомъ. Лютеръ не удовлетворялъ потребностямъ этихъ людей и ихъ смѣлымъ утопическимъ мечтаніямъ. Они утверждали, что не слѣдуетъ буквально придерживаться библіи, что каждый вѣрующій можетъ вѣровать такъ, какъ учитъ «духъ»; въ своемъ фанатическомъ увлеченіи они утверждали, будто имъ самимъ назначено было свыше оправдать ихъ ученіе и будто «Небесный отецъ» самъ непосредственно внушаетъ имъ, что̀ имъ дѣлать, что̀ проповѣдывать. На этомъ основаніи они прежде всего требовали уничтоженія церковныхъ обрядовъ, особенно же крещенія дѣтей, такъ какъ о немъ не говорится въ библіи; они считали необходимымъ крещеніе только взрослыхъ, уже знакомыхъ съ религіею, и, исходя изъ этого, объявили вторичное крещеніе необходимымъ условіемъ, существеннымъ основаніемъ христіанства. Они проповѣдывали, что міру готовится конечное разореніе, но что затѣмъ настанетъ царство Божіе, «новый міръ», гдѣ, по истребленіи всѣхъ безбожниковъ, особенно всѣхъ безбожныхъ государей и господъ, будетъ царствовать справедливость. Перекрещенцы шли гораздо дальше Карлштадта они не довольствовались церковными преобразованіями; они мечтали о совершенномъ преобразованіи всего государственнаго и общественнаго строя, стали проповѣдывать общеніе имущества, уничтоженіе брака и т. п. Главнымъ преставителемъ перекрещенцевъ былъ горячій фанатикъ — Ѳома Мюнцеръ, ученый проповѣдникъ въ цвикауской церкви Богоматери, стремившійся къ полному преобразованію церкви и государства и возстановленію ихъ на новыхъ основаніяхъ.

Когда въ Виттенбергъ пришли товарищи Мюнцера, цвикаускіе пророки, Карлштадтъ не устоялъ противъ ихъ проповѣдей и предсказаній о наступленіи «новаго царства Божія» и увлекся ихъ стремленіемъ немедленно, быстро и насильственно утвердить на землѣ царство свободы и равенства. Цвикаускіе пророки, при появленіи своемъ въ Виттенбергѣ, нашли тамъ во всеобщемъ волненіи умовъ, стремившихся къ невѣдому новому, благодарную почву для своихъ проповѣдей, особенно послѣ того, какъ имъ удалось привлечь на свою сторону Карлштадта, который, за отсутствіемъ Лютера, игралъ теперь въ Виттенбергѣ первенствующую роль и руководилъ общественнымъ мнѣніемъ. Поэтому волненіе въ Виттенбергѣ достигло высшей степени неистовства, наиболѣе рѣзкимъ проявленіемъ котораго было истребленіе фанатическою молодежью иконъ и алтарей.

Когда Лютеръ въ Вартбургѣ, въ мартѣ 1522 г., узналъ о волненіяхъ, происшедшихъ въ Виттенбергѣ, онъ, не страшась опалы ни императора, ни папы, тотчасъ же оставилъ мѣсто своего заключенія, и поспѣшилъ туда, чтобы силою своего слова успокоить умы и побѣдить тѣ элементы разрушенія, которые готовы были потрясти все общественное зданіе. Лютеръ говорилъ друзьямъ, что ничто въ жизни не оскорбляло и не огор-

чало его такъ глубоко, какъ эти волненія, которыя казались ему поруганіемъ св. Евангелія и его собственныхъ мнѣній. Въ первое же воскресенье, послѣ прибытія своего въ Виттенбергъ, Лютеръ выступилъ съ энергическою проповѣдью, въ которой онъ опровергъ нѣкоторыя изъ произведенныхъ перемѣнъ, хотя и остерегался лично оскорбить нововводителей. «Слово сотворило небо и землю и всѣ вещи: то же Слово должно дѣйствовать и здѣсь, а не мы, бѣдные грѣшники», сказалъ Лютеръ. «Я хочу проповѣдывать, хочу говорить, хочу писать; но силою навязывать не хочу никому ничего, ибо вѣра должна быть принимаема безъ всякаго принужденія. Вступать въ бракъ, не поклоняться иконамъ, постригаться въ монахи, растригаться, ѣсть мясо въ постные дни—все это отдается на волю, и никто не можетъ этого запретить. Можешь все это соблюдать безъ отягощенія своей совѣсти—соблюдай, не можешь—не соблюдай. Есть много людей, которые поклоняются солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ. что же? должны ли мы хлопотать о томъ, чтобы низвергнуть съ неба солнце, луну и звѣзды?» Восемь дней проповѣдывалъ въ этомъ духѣ Лютеръ противъ слишкомъ поспѣшныхъ и насильственныхъ нововведеній его рьяныхъ послѣдователей, нападая, главнымъ образомъ, на обнаруженную ими нетерпимость и уклоненіе отъ заповѣди о любви къ ближнимъ. Передъ пламеннымъ краснорѣчіемъ Лютера стихли рьяные реформаторы и улеглись волненія въ Виттенбергѣ. Карлштадтъ и цвикаускіе пророки должны были покинуть Виттенбергъ, не будучи въ силахъ побороть громадное вліяніе Лютера на виттенбергскую общину; но, не разубѣжденные его проповѣдями, они оставили Виттенбергъ съ крайнимъ раздраженіемъ противъ Лютера, какъ противъ крайняго консерватора. Съ этого времени пути умѣренныхъ и крайнихъ проповѣдниковъ реформы еще болѣе разошлись.

Лютеръ былъ, конечно, правъ, когда онъ выступилъ въ Виттенбергѣ противъ насильственнаго проведенія церковной реформы и указывалъ на необходимость терпимости во имя проповѣдуемой Евангеліемъ любви къ ближнему. Скоро, однакожь, самъ Лютеръ оказался невѣрнымъ гуманнымъ принципамъ Евангелія, обнаруживъ крайнюю нетерпимость и даже нехристіанскую жестокость, какъ относительно Карлштадта и Мюнцера, такъ и вообще относительно проповѣдниковъ, несогласныхъ съ его воззрѣніями, словомъ всѣхъ тѣхъ, которые, не довольствуясь тѣсными рамками церковной реформы, связывали съ нею также и необходимость преобразованій съ сферѣ политической и общественной. Когда Карлштадтъ, вынужденный оставить Виттенбергъ, удалился въ Орламюнде, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ радостью, Лютеръ настоялъ на томъ, чтобы Карлштадту было запрещено говорить и писать и чтобы было наложено запрещеніе на изданныя сочиненія его. Лютера возстановлялъ, главнымъ образомъ, противъ Карлштадта начавшійся въ то время споръ о причастіи, такъ какъ Карлштадтъ отрицалъ тѣлесное присутствіе Христа въ причастіи. Наконецъ Лютеръ возбудилъ такое негодованіе противъ Карлштадта и его друзей, что они были изгнаны изъ Саксоніи. А между тѣмъ Лютеръ самъ вводилъ впослѣдствіи тѣ же нововведенія въ церкви, которыя началъ Карлштадтъ. Еще болѣе рѣзко выступилъ Лютеръ нѣсколько позже противъ Мюнцера и его послѣдователей: онъ яростно взывалъ къ мѣрамъ преслѣдованія противъ Мюнцера такъ же, какъ и противъ Карлштадта, и склонялъ правительства запрещать и истреблять

ихъ сочиненія и изгонять не только самихъ авторовъ, но и лицъ, печатавшихъ ихъ сочиненія. Такимъ образомъ Лютеръ даже противъ своихъ послѣдователей, отступавшихъ въ чемъ-либо отъ формулированныхъ имъ самимъ догматовъ, обнаружилъ крайнее озлобленіе. «Противъ ихъ скверностей и обмана, говорилъ онъ гласно, я допускаю всякія мѣры, ради спасенія душъ».

Горячо преданный дѣлу церковной реформы, въ которомъ ему, несомнѣнно, принадлежитъ иниціатива, Лютеръ не могъ допустить, чтобы возбужденное имъ движеніе перешло границы, которыя онъ опредѣлилъ ему. Лютеръ чувствовалъ себя по временамъ исполненнымъ божественнаго духа и, слушая себя, вѣрилъ въ эти минуты, что устами его говоритъ самъ Богъ. Убѣжденіе это тѣмъ болѣе укоренялось въ немъ, что его считали пророкомъ не только простые люди, считавшіе его «человѣкомъ Божіимъ», но и его ученые друзья, какъ, напр., Меланхтонъ. Въ этомъ убѣжденіи онъ самъ поставилъ себя авторитетомъ; только догматы католицизма замѣнилъ онъ новыми догматами. Самъ того не сознавая, Лютеръ желалъ самъ сосредоточить въ своемъ лицѣ все умственное движеніе реформаціи. А между тѣмъ главной идеей и исходнымъ пунктомъ возбужденнаго Лютеромъ реформатскаго движенія была свобода мнѣній, свободное толкованіе св. писанія. Но свобода мнѣній въ религіозныхъ вопросахъ по необходимости приводила къ тому же и въ вопросахъ политическихъ. Лютеръ, возставъ противъ такой свободы мнѣній, такимъ образомъ очутился въ явномъ противорѣчіи съ своей собственной основной идеей.

IX. ѲОМА МЮНЦЕРЪ И ОТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ ЛЮТЕРУ.

(*По соч. Циммермана: «Исторія великой крестьянской войны», т. I*).

Тяготѣвшее на народѣ иго было причиною нѣсколькихъ возмущеній еще задолго до реформаціи Лютера и постепенно подготовляло всеобщее возстаніе. Реформація только подлила въ огонь масла. Несмотря на то, что уже съ давнихъ поръ весь народъ терпѣлъ притѣсненія, ни одно изъ всѣхъ мѣстныхъ возстаній не сдѣлалось общимъ до тѣхъ поръ, пока религіозный вопросъ не затронулъ всего общества. Евангеліе стало знаменемъ, подъ которымъ угнетенный народъ соединился для общей цѣли.

Реформація распространила идею свободы и пробудила до тѣхъ поръ неизвѣстныя чувства, ожиданія и надежды; она сдѣлала любимымъ занятіемъ, даже потребностію—анализъ всего того, что люди считали до тѣхъ поръ святымъ. Смѣлость, съ которою она разбирала религіозныя истины и религіозные обряды, дала возможность обратиться столь же смѣло къ изслѣдованію гражданскихъ обычаевъ и правъ, возбудила пламенное чувство, выразившееся въ сочиненіяхъ и пѣсняхъ, которыми утѣшались крестьяне. Реформація не могла бы возбудить этихъ порывовъ безъ помощи долговременнаго гнета; но точно также и долговременный гнетъ не вызвалъ бы безъ помощи реформаціи всеобщаго возстанія.

Нельзя сказать, чтобы простой народъ не понялъ ученія Лютера, — нѣтъ; но онъ вѣрно понялъ ученіе другихъ проповѣдниковъ, несогласныхъ съ Лютеромъ и шедшихъ дальше его: они выразительно и ясно

предлагали новое евангеліе религіозной и гражданской свободы всѣмъ, стремившимся къ спасенію и освобожденію, и доказывали несовмѣстность крѣпостнаго состоянія съ ученіемъ Христа.

Въ то самое время, когда Лютеръ начиналъ умѣрять свои революціонныя вспышки, люди, бывшіе частью его сотрудниками, частью продолжателями, дѣйствовали одновременно съ Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ и по смерти его именно въ этомъ смыслѣ. Они дѣлали изъ слова Божія смѣлые политическіе выводы. То были люди съ сердцемъ теплымъ, горячо бившимся за народъ; но между ними были и дикіе фанатики.

Въ 1521—24 г. множество воззваній постепенно настраивали народъ въ революціонномъ смыслѣ. Но живое слово странствующихъ проповѣдниковъ дѣйствовало несравненно сильнѣе. Подобно апостоламъ, странствовали эти люди всѣхъ сословій, ученые и неученые, дворяне и недворяне, съ мѣста на мѣсто, изъ страны въ страну. Эти странствующіе проповѣдники были представителями демократическаго движенія. Цѣлью ихъ была революція и основаніе новой христіанской республики. Въ ихъ проповѣдяхъ политика сливалась съ религіей. Они разъясняли библейскими изреченіями положеніе народа и современные спорные церковные вопросы. Ихъ любимой темой была безпощадная критика правовъ свѣтскихъ и духовныхъ властей.

Первымъ и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи былъ Ѳома Мюнцеръ.

Онъ родился въ Штольбергѣ, у подножія Гарца, въ 1490 г.; повидимому, онъ рано лишился отца. Существуетъ сказаніе, что графы Штольберги приказали повѣсить его отца, бывшаго человѣкомъ зажиточнымъ.

Въ Мюнцерѣ рано проявились реформаторскія наклонности. Онъ учился прилежно, вѣроятно, въ Виттенбергѣ и Лейпцигѣ и достигъ степени доктора. Даже противникъ его, Меланхтонъ, сознавался, что онъ былъ очень искусенъ въ священномъ писаніи. Онъ могъ при всякомъ случаѣ подкрѣпить свои слова библейскими текстами. Совершенно независимо отъ Лютера и отъ всѣхъ прочихъ вождей реформаціи, Ѳома Мюнцеръ началъ дѣйствовать гораздо раньше ихъ и такъ рѣшительно, что сразу отдѣлился отъ государственной церкви и вступилъ съ нею въ борьбу. Еще до Лютера онъ считалъ библію единственнымъ источникомъ познанія и религіознаго ученія. Онъ полагалъ, что существованіе верховнаго главы видимой церкви и его высшихъ и низшихъ служителей противорѣчитъ тому идеалу Христовой церкви, который указанъ въ библіи.

Еще юношей, занимая мѣсто учителя въ одной латинской школѣ, онъ основалъ тайное общество съ цѣлію преобразованія духовенства. Число членовъ его было незначительно. Въ 1515 г. Мюнцеръ сдѣлался священникомъ одного женскаго монастыря близъ Ашерслебена. Уже тогда онъ отступалъ въ отправленіи своей должности и въ служеніи обѣдни отъ догматовъ римской церкви. Вскорѣ онъ сдѣлался учителемъ брауншвейгской гимназіи Мартина; въ 1519 г. сталъ снова духовнымъ отцомъ въ женскомъ монастырѣ близъ Вейсенфельда, а въ 1520 — проповѣдникомъ въ цвикауской церкви Богоматери. Здѣсь еще энергичнѣе, чѣмъ въ Галле и Брауншвейгѣ, началъ онъ проповѣдывать противъ «слѣпыхъ пастырей слѣпыхъ овецъ, которые во время своихъ безконечныхъ молеб-

ствій успѣваютъ прибрать къ рукамъ имущество вдовъ и у одра умирающихъ думаютъ не о религіи, а объ удовлетвореніи своей ненасытной алчности». Въ проповѣдяхъ Мюнцеръ ссылался на Евангеліе.

Въ то время Мюнцеръ былъ въ восторгѣ отъ Лютера. Онъ надѣялся, что докторъ богословія и виттенбергскій профессоръ, дѣйствуя подъ покровительствомъ могущественнаго имперскаго государя, можетъ имѣть болѣе значительные успѣхи, чѣмъ онъ въ своемъ незначительномъ положеніи и живя въ странѣ, владѣтель которой былъ такъ враждебенъ всякимъ нововведеніямъ.

Но вскорѣ Мюнцеръ замѣтилъ, что Лютеръ не дѣлаетъ всего, чего онъ ожидалъ отъ него. Лютеръ не дѣлалъ ни шагу къ тѣмъ реформамъ, которыя, по мнѣнію Мюнцера, были необходимы христіанамъ, а именно— полное преобразованіе государства и церкви и возстановленіе ихъ на новыхъ основаніяхъ. Мюнцеръ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости разрушить старую церковь до основанія и уничтожить всѣ существовавшія государственныя отношенія.

Дѣятельность Лютера побудила Мюнцера снова обратиться къ богословскимъ занятіямъ. Духъ сомнѣнія усиливался въ немъ.

Лютеръ отрекся отъ этой видимой церкви, но продолжалъ держаться многихъ догматовъ ея, защищая непогрѣшимость древнаго церковнаго ученія и ставя его наравнѣ съ библейскимъ.

Мюнцеръ видѣлъ эту непослѣдовательность Лютера. Обломки церковнаго преданія, за которые держался Лютеръ, не имѣли значенія въ глазахъ Мюнцера. Лютеръ считалъ ихъ непогрѣшимыми, между тѣмъ какъ самъ отрицалъ непогрѣшимость церкви.

Неудовлетворенный богословіемъ, недовольный христіанствомъ, Мюнцеръ бросился въ мистицизмъ. Онъ предался чтенію средневѣковыхъ мистиковъ. Мюнцеръ былъ поэтъ и эксцентрикъ. Чувствительность и воображеніе преобладали надъ его обширнымъ умомъ. Онъ читалъ преимущественно исторіи о такихъ личностяхъ, которымъ приписывались лицезрѣніе Бога и тайныя откровенія.

Въ это время Мюнцеръ съ успѣхомъ проповѣдывалъ въ разныхъ мѣстахъ. Простому народу нравилось, что онъ толкуетъ о дѣятельномъ христіанствѣ, о христіанской жизни, а не о вѣрѣ, какъ лютеране.

Еще въ Цвикау онъ понималъ, что церковная реформація должна обратиться въ національную революцію; однако публично онъ не высказывалъ этого прямо, хотя не скрывалъ, что въ религіозныхъ вопросахъ идетъ дальше Лютера, Онъ не приписывалъ большаго значенія отрицанію папской власти, индульгенцій, чистилища, заупокойныхъ обѣдень и другихъ злоупотребленій. Мюнцеръ желалъ больше энергіи, хотѣлъ полнаго разрыва съ церковію, требовалъ основанія вполнѣ чистой церкви истинныхъ дѣтей Божіихъ, которая имѣла бы въ себѣ духъ Божій и управлялась имъ самимъ. Онъ называлъ Лютера человѣкомъ изнѣженнымъ, любящимъ тѣшить плоть на пуховикахъ, и упрекалъ его въ томъ, что для него вѣра все, а дѣла ничего, и что онъ оставляетъ народъ въ его прежнихъ грѣхахъ. По мнѣнію Мюнцера, эта мертвая проповѣдь вѣры вреднѣе евангелію, чѣмъ ученіе папистовъ. Онъ говорилъ, что нужно чаще помышлять о Богѣ, который и теперь, какъ прежде, дѣйствуетъ на людей откровеніемъ.

Съ того самаго времени, какъ Мюнцеръ въ первый разъ началъ

размышлять и присматриваться, сердце его сильно сочувствовало «позору и бѣдствіямъ его народа». Онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе свыше освободить народъ и отмстить за него.

Враги его приписывали его дѣятельность честолюбію. Правда, въ немъ было честолюбіе; его желанія парили высоко, сливаясь съ его энтузіазмомъ; но славолюбіе не было главнымъ побужденіемъ въ его поступкахъ. Въ душѣ Мюнцера было много мрачнаго, дикаго, но въ этомъ мракѣ яркимъ пламенемъ горѣло жаркое чувство любви къ народу, къ человѣчеству. Честолюбецъ и мечтатель, онъ былъ честный человѣкъ.

Чѣмъ глубже вникалъ онъ въ ветхій и новый завѣтъ и его мистиковъ, тѣмъ больше казался ему контрастъ между существующимъ порядкомъ и тѣмъ, чѣмъ ему слѣдовало бы быть. Онъ полагалъ, что государство должно быть одушевлено духомъ христіанства. По его мнѣнію, общество и его нравы должны быть организованы по ученію Христа. Дабы осуществить, такимъ образомъ, христіанство въ мірѣ, слѣдовало обратить законы царства Божія въ государственныя постановленія и равенство людей передъ Богомъ—въ равенство ихъ на землѣ.

Въ своемъ юношескомъ увлеченіи Мюнцеръ забылъ, что невозможно сразу произвести такой переворотъ и что полное равенство вообще неосуществимо. Его влекли впередъ страстность его желаній и надеждъ для народа, его воображеніе и, быть можетъ, также честолюбивое стремленіе сдѣлаться освободителемъ своего народа. Эти чувства до того овладѣли имъ, что онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, дѣйствуетъ ли онъ по личному убѣжденію, или его влечетъ впередъ высшій духъ, вселившійся въ него. Онъ ожидалъ основанія Новаго Іерусалима не за гробомъ, не въ будущей жизни, а на землѣ, на германской почвѣ; царство свободы и радости должно было возникнуть, по его желанію, немедленно, быстро и насильственно. Въ немъ было что-то огненное, неудержимое, насильственное, Онъ принялъ безусловно завѣты мести и разрушенія, данные въ библіи израильтянамъ.

Мюнцеръ былъ не простымъ мечтателемъ, который способенъ только бредить и мечтать. Онъ дѣйствовалъ съ разсчетомъ, хотя ошибался въ немъ; онъ мыслилъ, разсуждалъ, создавалъ планы; онъ взвѣшивалъ шансы и дѣлалъ дѣло. Онъ вложилъ въ свои мечты и предначертанія всю свою полную душу, но политическій разумъ его былъ незрѣлъ; поэтому онъ рѣшился на такое дѣло, которое было не по силамъ ни ему, ни его вѣку.

Изъ Цвикау, гдѣ Мюнцеръ вступилъ въ сношенія съ фанатиками и мистиками, хотя и не вѣрилъ въ ихъ пророчества, онъ обратился прежде всего въ Богемію, эту колыбель ученія таборитовъ. Въ Прагѣ онъ издалъ воззваніе на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, названное имъ «Протестомъ». «Я хочу,—говорилъ онъ, между прочимъ,—огласить вмѣстѣ съ великимъ поборникомъ Христа, Яномъ Гусомъ, своды храма новымъ гимномъ. Долго голодали и жаждали люди святой справедливости, и сбылось надъ нимъ пророчество Іереміи: «Дѣти просили хлѣба, и никто не далъ имъ его». «Полный скорби и состраданія, я отъ всего сердца оплакиваю гибель истинной церкви Божіей; среди развалинъ ея христіанскій міръ не видитъ, что его объемлетъ египетскій мракъ. Когда народъ пересталъ избирать проповѣдниковъ, начался обманъ; съ тѣхъ поръ ученіе церкви и порядокъ перестали быть въ Германіи гласомъ

Божіимъ». «Но возрадуйтесь! заключаетъ онъ послѣ страшныхъ нападокъ на духовенство и ученіе церкви:—всходы вашихъ пашней побѣлѣли и готовы къ жатвѣ. Небо наняло меня въ поденщики по грошу въ день, и я точу мой серпъ, чтобы жать колосья. Голосъ мой возвѣститъ высшую истину, уста мои проклянутъ безбожниковъ; я пришелъ въ ваши благословенные предѣлы, о любезные чешскіе братья, чтобы обличить и истребить этихъ безбожниковъ. Не мѣшайте, но помогите мнѣ! Я обѣщаю вамъ великую славу и честь; здѣсь начнется новая апостольская церковь и изыдетъ отсюда во всѣ стороны міра. Церковь будетъ молиться не нѣмому, а живому, глаголющему Богу. Если я солгу въ живомъ словѣ Божіемъ, которое нынѣ исходитъ изъ моихъ устъ, то готовъ понести бремя Іереміи и предаться мукамъ здѣшней и вѣчной жизни».

Нужно было большое мужество, чтобы высказывать такія рѣчи, изъ которыхъ мы привели самыя умѣренныя слова, въ незнакомой, чужой странѣ, въ большомъ городѣ, среди духовенства, снова сдѣлавшагося могущественнымъ. Мюнцеръ—вполнѣ юноша, полный довѣрія къ себѣ, безразсудно отважный юноша; у него нѣтъ ничего, кромѣ самого себя, вѣры въ свое предназначеніе и убѣжденія, что настало время дѣйствовать. Но въ Богеміи онъ не нашелъ приверженцевъ: его встрѣтили презрѣніемъ, и онъ былъ принужденъ покинуть эту страну. Это не поколебало его вѣры въ самого себя и въ свое призваніе. Если бы имъ руководило только честолюбіе юношескаго легкомыслія, то встрѣченныя имъ препятствія устрашили бы его. Но Мюнцеръ серьозно желалъ исправить міръ; онъ безпрестанно помышлялъ о терновомъ вѣнцѣ спасителя народовъ и считалъ безбожнымъ не желать уподобиться страданіями Христу. Онъ былъ готовъ, какъ говорилъ въ заключеніи своего пражскаго воззванія, пожертвовать жизнью за свое дѣло; впослѣдствіи онъ доказалъ это на дѣлѣ.

Въ концѣ 1522 года онъ сдѣлался проповѣдникомъ въ Альтштедтѣ, въ Тюрингіи. Здѣсь онъ приказалъ отправлять богослуженіе на общепонятномъ нѣмецкомъ языкѣ; онъ постановилъ, чтобы въ церквахъ читали не только отрывки изъ Евангелія и посланій, но и всѣ прочія библейскія книги, чтобы говорили объ нихъ проповѣди. Изъ Эйслебена, Мансфельда и многихъ другихъ городовъ стекался народъ въ Альтштедтъ слушать проповѣди Мюнцера, какъ на богомолье.

Народу нравились его рѣзкія поученія духовенству и свѣтскимъ владѣтелямъ. Онъ быстрыми шагами шелъ впередъ, съ каждымъ шагомъ все болѣе увлекаясь. Онъ намѣревался даже склонить государей силою распространить новую проповѣдь. Мюнцеръ неоднократно настойчиво склонялъ къ тому саксонскихъ братьевъ, курфюрста Фридриха Мудраго и герцога Іоанна. «Драгоцѣнные и любезнѣйшіе правители, писалъ онъ имъ, если вы видите и понимаете бѣдствія христіанства, то вами должно овладѣть такое рвеніе, какъ царемъ Іудеевъ (Кн. Цар. 4, 9, 10). Поэтому долженъ возстать новый Даніилъ и показать вамъ откровеніе, и пророкъ этотъ долженъ, какъ учитъ Моисей (Пятикниж. 20), стать во главѣ народа. Онъ примиритъ гнѣвъ государей и негодующаго народа. Господь говоритъ: «Я пришелъ не съ миромъ, а съ мечомъ.—Но на что вамъ мечъ?—На то, чтобы истреблять и удалять злыхъ, препятствующихъ Евангелію; вотъ что вы должны дѣлать, если хотите служить Богу».

Теперь онъ энергически требовалъ того, на что сперва только намекалъ, а именно—освобожденія отъ ига буквы не только церковныхъ догматовъ, но и библіи. Онъ требовалъ, чтобы библію понимали и толковали съ духовной стороны; онъ даже прямо противоставилъ библейскому авторитету святой духъ, дѣйствующій въ человѣческой душѣ, даже просто разумъ человѣческій, который онъ считалъ чистѣйшимъ и непосредственнѣйшимъ источникомъ истины для человѣчества.

Увидѣвъ, что государи глухи къ его требованіямъ, Мюнцеръ обратился съ энергическими воззваніями къ народу, убѣждая его пособить самому себѣ. Онъ старался поддержать силу своихъ словъ устройствомъ обществъ. Онъ учредилъ тайное общество въ Альтштедтѣ, которое обязалось торжественной клятвою дѣйствовать заодно и основать новое царство Божіе, царство братскаго равенства, свободы и радости. Мюнцеръ считалъ единственнымъ средствомъ спасти человѣчество—возстановить первобытное равенство посредствомъ возвращенія христіанской церкви къ ея прежнему характеру. Для этого необходимо уничтожить все «губящее правленіе Христово», все, что повергаетъ народъ въ бѣдствіе и держитъ его въ нищетѣ — господъ, священниковъ и деспотію буквы; всѣ германскіе народы, всѣ христіане должны вступить въ общій союзъ, предпринять общими силами борьбу для освобожденія всего христіанства, самихъ себя и всего міра. Государей и господъ слѣдуетъ также приглашать вступить въ этотъ союзъ. Все должно быть общимъ—работа и имущество; каждому слѣдуетъ давать по нуждамъ и потребностямъ его.

Чтобы распространить свое общество, Мюнцеръ послалъ во всѣ германскія области довѣренныхъ людей, втайнѣ дѣйствовавшихъ въ его видахъ. Въ то же время онъ издалъ нѣсколько возмутительныхъ сочиненій. Эти сочиненія и проповѣди его сильно распространяли его ученіе въ простомъ народѣ. Онъ говорилъ почти всегда объ одномъ: о необходимости завоевать для народа свободу и для царства Господня власть на землѣ. Содержаніе его рѣчей и проповѣдей было не столько религіозное, сколько политическое съ религіознымъ оттѣнкомъ; онъ возвѣщалъ наступленіе новаго гражданственно-счастливаго времени, скорое исполненіе пророчествъ ветхаго и новаго завѣта и начало порядка, гдѣ не будетъ ни тирановъ, ни барщины, ни мертваго поклоненія буквѣ закона, ни духовнаго рабства, ни кастъ, гдѣ церковь и государство сольются въ царство свободныхъ и святыхъ, и настанетъ истинное священство,—священство всего рода человѣческаго. Онъ вмѣнялъ каждому въ обязанность всячески, словомъ и дѣломъ, содѣйствовать утвержденію этого порядка.

Мюнцеръ былъ очень краснорѣчивъ, хотя не такой великій ораторъ, какъ Лютеръ. Рѣчь реформатора, ясная, какъ солнце, могущественная, мгновенно создающая для каждаго понятія настоящее, понятное всѣмъ выраженіе, была несвойственна Мюнцеру. Лишь впослѣдствіи пріобрѣла его рѣчь ясность. Но для массы неясность его выраженій вполнѣ выкупалась декламаціей, полной пророческаго пыла, увлекавшаго и оратора, и слушателей. Онъ не только начитался древнихъ пророковъ, но имѣлъ въ самомъ себѣ ихъ духъ и чувство. Кромѣ прелести устной проповѣди, рѣчь его обладала другимъ блестящимъ свойствомъ, общимъ ему съ Лютеромъ. Вполнѣ знакомый съ священнымъ писаніемъ, онъ умѣлъ

выковывать изъ него орудіе для своей цѣли, громовыя стрѣлы противъ существующаго порядка, противъ церкви и государства, и, когда онъ гремѣлъ съ каѳедры пламенными текстами и картинами, народъ стоялъ очарованный и въ каждомъ движеніи устъ, въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ движеніи демократическаго проповѣдника узнавалъ своего пророка.

Такъ проповѣдывалъ онъ однажды противъ «идолопоклонства иконопочитанія». Богомольцы во множествѣ посѣщали меллербахскую капеллу близъ Альтштедта. Народъ, разгоряченный проповѣдями Мюнцера, началъ дѣлать грозныя заявленія противъ часовни. Мюнцеръ посовѣтовалъ келейнику, ожидавшему въ часовнѣ богослуженія, уйти, чтобы не потерпѣть отъ народной ярости. Келейникъ во время послушалъ Мюнцера: только-что онъ ушелъ, какъ пришли толпы альтштедтцевъ, разбили иконы и сожгли капеллу.

Фридрихъ и Іоаннъ Саксонскіе прибыли лично въ Альтштедтъ и приказали Мюнцеру произнести проповѣдь въ ихъ присутствіи въ замкѣ. Онъ говорилъ передъ ними такъ же смѣло, какъ всегда. Онъ снова убѣждалъ ихъ истребить идолослуженіе и ввести силою Евангеліе. «Безбожники не имѣютъ права жить,—говорилъ онъ,—развѣ только избранные захотятъ пощадить ихъ (Моис. II, 23); если государи не истребляютъ безбожниковъ, то Богъ отыметъ у нихъ мечъ».

Мюнцеръ считалъ себя настоящимъ ветхозавѣтнымъ пророкомъ, призваннымъ говорить, во имя Іеговы, тамъ, гдѣ всѣ молчатъ. Онъ напечаталъ свою проповѣдь. Но герцогъ Іоаннъ, недовольный ея изданіемъ, велѣлъ изгнать изъ страны мюнцерова типографа. Мюнцеръ былъ этимъ очень оскорбленъ. Онъ писалъ въ 1523 году, требуя, чтобы ему позволено было распространять между всѣми людьми то, что ему открыто свыше, и прося государей обратить вниманіе на его боговдохновенныя рѣчи.

Лютеръ издалъ противъ Мюнцера «посланіе къ курфюрсту саксонскому о мятежномъ духѣ». Онъ просилъ государей положить конецъ безчинствамъ и предупредить возстаніе, такъ какъ лжепророки не расположены ограничиться словами и обнаруживаютъ намѣреніе пустить въ ходъ кулаки и начать дѣйствовать противъ властей силою.

Мюнцеръ упрекалъ виттенбергскаго реформатора въ намѣреніи отдать церковь, исторгнутую изъ власти папы, въ руки государей и сдѣлаться новымъ папой. Лютеръ, говорилъ онъ, бранитъ только бѣдныхъ монаховъ, священниковъ и купцовъ, а безбожныхъ правителей не судитъ и не наказываетъ.

Лютеръ былъ раздраженъ противъ Мюнцера за его нападки на свою особу и свое ученіе; кромѣ того, ему не нравились революціонныя стремленія Мюнцера, потому что они могли имѣть невыгодное вліяніе на дѣло самого Лютера. Меланхтонъ писалъ Спалатину: они обращаютъ Евангеліе на служеніе мірской политикѣ. Лютеръ написалъ оффиціальное посланіе саксонскимъ государямъ, совѣтуя имъ «противиться духу мятежа».

16 августа курфюрстъ издалъ альтштедтскому совѣту строгое повелѣніе удалить проповѣдника изъ города. Въ городѣ еще прежде распространился слухъ, что хотятъ схватить Мюнцера и выдать «злѣйшимъ врагамъ Евангелія». Узнавъ объ этомъ, онъ надѣлъ панцырь, шлемъ и щитъ, взялъ алебарду и на ночь окружилъ себя друзьями для безопасности. Магистратъ, какъ вѣрные подданные, «болѣе уважалъ присягу и

обязанности свои, чѣмъ слово Божіе», и не заступился за Мюнцера; убѣдившись въ этомъ, Мюнцеръ понялъ невозможность оставаться долѣе въ Альтштедтѣ и въ ту же ночь удалился изъ города. Онъ отправился въ сосѣдній имперскій городъ Мюльгаузенъ. Лютеръ поспѣшилъ предостеречь мюльгаузенскій совѣтъ противъ Мюнцера и его ученія, совѣтуя ему не терпѣть въ городѣ ни пророка, ни его проповѣдей.

X. ВЕЛИКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

(*По соч. Ранке*: «*Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*». «*Отеч. Записки*» *1844 г.*)

Страшно подѣйствовали проповѣди Мюнцера на поселянъ, давно недовольныхъ своимъ состояніемъ; религіозное нововведеніе, потрясая авторитетъ духовенства, дало свободный путь недовольнымъ, возбужденнымъ фанатизмомъ. Не всѣ слѣдовали той консервативной системѣ, которой придерживался Лютеръ: изувѣры начали проповѣдывать невозможную свободу и, стараясь оправдать свои мысли, указывали голоднымъ толпамъ на богатые замки, намекая имъ, что онѣ имѣютъ равное право пользоваться богатствами знатныхъ. Отъ злоупотребленія духовенства проповѣдники перешли къ злоупотребленію власти князей и бароновъ и вывели нелѣпое заключеніе, что если первое противно истинной вѣрѣ, то и второе не лучше.

Первое волненіе поселянъ оказалось въ тѣхъ странахъ, которыя и прежде ознаменовались такимъ же стремленіемъ,—тамъ, гдѣ Шварцвальдъ отдѣляетъ истокъ Дуная отъ долины верхне-рейнской. Стеклось много причинъ къ возстанію въ этой области: близость Швейцаріи, съ которой жители находились въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, особенная строгость австрійскаго правительства, коммисія, жестоко преслѣдовавшая проповѣдниковъ новаго ученія, присутствіе самого Мюнцера и, наконецъ, слѣдствіе града, уничтожившаго, лѣтомъ 1524 года, всѣ надежды земледѣльцевъ. Въ августѣ того же года Гансъ Мюллеръ Бульгенбахъ собралъ огромную толпу крестьянъ и, водрузивъ трехцвѣтное знамя (черное, красное и бѣлое), требовалъ освобожденія земледѣльческихъ общинъ и соединенія всѣхъ германскихъ областей. Подданные графовъ Верденберга, Монфорта, Лупфена, Зульца возмутились тотчасъ же; къ нимъ присоединились жители города Цюриха. Войска эрцгерцога и швабскаго союза уничтожили мятежъ, но онъ возгорѣлся съ новою силою весною 1525 года.

Особенно отягощены были подданные аббата кемптенскаго: за тридцать лѣтъ предъ этимъ они возстали и съ трудомъ были усмирены, здѣсь же поселяне одержали первую побѣду, разумѣется, съ помощію гражданъ. Аббатъ не могъ удержаться въ замкѣ, куда онъ было-убѣжалъ: его привели въ городъ и заставили подписать всѣ условія, какія имъ вздумалось. Крестьяне удовольствовались добычею, награбленною ими въ монастырѣ; но этотъ успѣхъ ободрилъ ихъ единомышленниковъ: двѣ новыя толпы нанесли сильныя опустошенія—одна во владѣніяхъ аугсбургскаго, другая въ земляхъ швабскаго союза, занятаго тогда нападеніемъ герцога виртембергскаго; не скоро еще могли войска союза устремить оружіе свое противъ мятежниковъ, но наконецъ предводитель арміи

союза, Трухзесъ, въ половинѣ марта пошелъ противъ нихъ. Ему удалось отнять нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ и разбить нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ; но масса поселянъ была такъ сильна и многочисленна, что невозможно было уничтожить ее всю, тѣмъ болѣе, что многіе изъ возмутившихся сами нѣкогда находились въ рядахъ ландскнехтовъ и даже въ войскѣ непріятельскомъ имѣли единомышленниковъ. Къ нимъ безпрерывно присоединялись еще новыя толпы. Въ началѣ апрѣля все народонаселеніе Шварцвальда собралось подъ начальствомъ Ганса Мюллера изъ Бульгенбаха. Одѣтый въ красный плащъ и красный беретъ, шелъ онъ, какъ побѣдитель, изъ мѣста въ мѣсто, и за нимъ на повозкѣ, украшенной зелеными вѣтками и лентами, везли его боевыя знамена. Онъ обнародовалъ манифестъ въ двѣнадцати статьяхъ, въ которыхъ изложилъ требованія народа относительно свободы охоты и рыбной ловли, рубки лѣса и уничтоженія взысканій за потраву полей. Далѣе крестьяне требовали отмѣны нѣкоторыхъ новыхъ налоговъ, сильно ихъ тяготившихъ, и уничтоженія правъ, присвоенныхъ баронами въ общинахъ; наконецъ, они не хотѣли платить десятины, которая была, какъ говорили они, противна христіанству. Каждаго, противившагося этимъ постановленіямъ, объявляли они отлученнымъ отъ христіанства, отъ всякаго гражданскаго и духовнаго покровительства. Владѣтели замковъ, члены монастырей и настоятели принимались въ союзъ, если они соглашались жить подобно крестьянамъ и не отличаться отъ нихъ одеждою; въ такомъ случаѣ «они сохраняли все, что слѣдовало имъ по закону божественному»—такъ выражались мятежники. Въ концѣ марта обнаружилось возмущеніе во Франконіи. Въ одной долинѣ Оденвальда собралось до 2,000 крестьянъ и избрало предводителемъ своимъ трактирщика Георга Метцлера, человѣка развратнаго, привыкшаго къ разгульной жизни въ часто посѣщаемой имъ гостинницѣ. Затѣмъ въ Векингенѣ, въ Маргенгеймѣ и другихъ мѣстахъ возмутители обнародовали двѣнадцать статей, и толпы крестьянъ собрались отовсюду. Эти возмущенія легко было подавить на одномъ мѣстѣ; но, повторяясь въ столькихъ мѣстахъ, они необходимо пріобрѣли силу. Много содѣйствовали успѣху мятежа вѣстники, которыхъ установилъ Гансъ Мюллеръ и которые распространяли двѣнадцать статей, имъ составленныхъ; во Франконіи дѣйствовали согласно тому, какъ Мюллеръ дѣйствовалъ въ Шварцвальдѣ; франконскимъ поселянамъ было легче совершать свои грабительства и опустошенія, чѣмъ швабскимъ: на встрѣчу имъ не выслали союзнаго войска; владѣтели Розенберга, графы Гогенлоги и Левенштейны, принуждены были подчиниться условіямъ крестьянъ и подписать статьи договора. Ужасна была участь тѣхъ, которые сопротивлялись, подобно графу Гельфенштейну! При первомъ сопротивленіи, въ бунтующей черни закипѣла природная свирѣпость, дикая жажда крови: они поклялись истребить все, что носило шпоры; когда попалъ къ нимъ въ руки Гельфенштейнъ, напрасно супруга его, побочная дочь императора Максимиліана, съ ребенкомъ на рукахъ, упала въ ноги къ предводителямъ: при звукахъ трубъ и свирѣлей его подвергли жестокимъ истязаніямъ. Неистовства черни распространили всеобщій ужасъ: все дворянство отъ Оденвальда до швабской границы признало законы поселянъ. Желая скорѣе окончить свои дѣла, всѣ толпы направили силы свои противъ сильнѣйшаго владѣтеля Франконіи, епископа вюрцбургскаго. Дорогою они не только обогатились и

усилились, но пріобрѣли предводителей изъ числа рыцарей. Начальство надъ оденвальдскою толпою принялъ Гецъ фонъ-Берлихингенъ, частію потому, что опасно было сопротивляться разъяренной черни, частію потому, что воинская дѣятельность, составлявшая все его существованіе, могла быть устремлена противъ старыхъ враговъ его въ швабскомъ союзѣ. Другую толпу велъ Флоріанъ Гейеръ. 6-го и 7-го мая появились они съ различныхъ сторонъ передъ Вюрцбургомъ и радостно приняты были городскими жителями, которые поклялись имъ дѣйствовать съ ними заодно.

Въ это время, въ концѣ апрѣля и началѣ мая 1525 года, подобное же возстаніе совершилось въ Верхней Германіи и вездѣ съ такимъ же успѣхомъ.

Епископъ шпейерскій долженъ былъ принять ихъ условія; курфюрстъ пфальцскій былъ остановленъ ими на полѣ и обѣщалъ облегченіе ихъ участи на основаніи 12 статей; маркграфъ баденскій Эрнстъ сопротивлялся требованіямъ крестьянъ, но замки его взяли, и онъ самъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ; даже воинственный Трухзесъ, находившійся во главѣ войскъ швабскаго союза, долженъ былъ заключить договоры съ мятежными полчищами и признать мнимую справедливость ихъ требованій. Они шли отъ успѣха къ успѣху; франконское и швабское поселенія были совершенно возмущены, и множество городовъ приняло сторону крестьянъ: Страсбургъ принялъ мятежниковъ въ число гражданъ, Ульмъ поддерживалъ ихъ оружіемъ, Нюрнбергъ—провіантомъ, Майнцъ требовалъ прежнихъ правъ своихъ. Подобные успѣхи повели ко многимъ перемѣнамъ. Крестьяне франконскіе составили планъ преобразованія имперіи. Стремленіе это, можно сказать, лежало въ крови народа. Чего напрасно искали князья на столькихъ сеймахъ, къ чему стремился за три года предъ симъ Зикингенъ съ своими рыцарями, то думали крестьяне привести теперь въ исполненіе, разумѣется, въ томъ смыслѣ, который благопріятствовалъ ихъ возстанію.

Распространяясь все болѣе и болѣе, возмущеніе достигло Тюрингіи, гдѣ оно совершило новую степень своего развитія. Здѣсь причины религіознаго фанатизма были сильнѣе политическихъ. Мнѣнія, которыя отвергалъ Лютеръ въ Виттенбергѣ, отъ которыхъ онъ предостерегалъ своего государя, приняты были возмущенною чернію. Мюнцеръ возвратился въ Тюрингію и началъ снова проповѣдывать свое ученіе: онъ недоволенъ былъ Лютеромъ, который требовалъ, чтобы преобразованіе совершилось безъ насилія, силою слова и убѣжденія; онъ утверждалъ, что плевелы должно искоренять всѣми средствами, подобно тому, какъ Іисусъ Навинъ предавалъ острію меча народы земли обѣтованной; разрушеніемъ всего общественнаго порядка онъ мечталъ водворить царство истины и благодати; ему не довольно уже было ограниченія власти дворянъ: онъ требовалъ общаго равенства и порицалъ даже договоры, которые заключили крестьяне въ Швабіи и Франконіи. Въ Мюльгаузенѣ удалось ему снискать званіе властителя и пророка; тамъ предсѣдательствовалъ онъ въ совѣтѣ, предлагалъ разрушить монастыри и указывалъ, какія воинскія предпріятія начать въ Германіи. Прежде всего напали на священниковъ въ области герцога Георга, потомъ раззорили монастыри и замки дворянъ. Здѣсь не хотѣли и слышать объ условіяхъ, о будущемъ преобразованіи,—все безъ пощады жгли, разрушали и умерщвляли. «Лю-

безные братья, писалъ Лютеръ жителямъ горъ въ Мансфельдѣ, не допускайте въ себѣ чувства милосердія, хотя Исавъ вамъ и будетъ говорить ласковыя рѣчи; не обращайте вниманія на печаль безбожниковъ. Не давайте мечу вашему остывать отъ крови; закаляйте его на наковальнѣ Нимврода, свергните на голову враговъ скалу, пока есть еще время!»

Могущественно и грозно возсталъ Ѳома Мюнцеръ, изувѣръ и мечтатель. Мысли спиритуалистовъ прежняго времени проникнули его вмѣстѣ съ направленіями духовной и свѣтской реформы. Образовалось мнѣніе, по которому хотѣли уничтожить всѣ существующія власти и распространить безусловное повиновеніе лжепророку. Со всѣхъ горъ Тюрингіи и Мейссена собрались толпы народа, въ ожиданіи рѣшительнаго успѣха своему предпріятію, которое не осталось чуждымъ и для остальной Германіи.

Лютеръ, не принимавшій никакого участія въ дѣлахъ Зикингена, не хотѣлъ содѣйствовать и предпріятіямъ поселянъ. Сначала онъ старался склонить князей къ миру, но потомъ осудилъ возмущеніе, противное божественному и евангельскому закону и грозившее разрушеніемъ свѣтской власти имперіи; онъ твердо держался раздѣленія духовной и свѣтской власти: оно составляло принципъ его мыслей, его ученія: «Евангеліе освобождаетъ душу, говорилъ онъ, но не касается тѣла и имущества». Теперь, какъ и за три года передъ тѣмъ, Лютеръ не задумался броситься на встрѣчу опасности; онъ взывалъ къ владѣтелямъ, чтобы они смирили мятежниковъ, что настало время гнѣва и меча; тѣхъ, которые падутъ за правое дѣло, защищая своихъ государей, называлъ мучениками за вѣру Христову; какъ смѣло нападалъ онъ на одну сторону существовавшаго порядка, на духовную, такъ твердо отстаивалъ другую—свѣтскую.

Наконецъ, видя грозную, неминуемую опасность, свѣтскіе властители начали рѣшительнѣе дѣйствовать: прежде всѣхъ возсталъ побѣдитель Зикингена, юный ландграфъ гессенскій, Филиппъ; въ концѣ апрѣля созвалъ онъ своихъ рыцарей и вассаловъ; на вопросъ его, хотятъ ли они помогать ему, они поклялись жить и умереть за него. Прежде всего онъ обезопасилъ свои границы, что стоило ему большаго труда, хотя молва баснословно увеличила опасность; потомъ перешелъ чрезъ горы въ Тюрингію, на помощь родственникамъ своимъ, князьямъ саксонскимъ, съ которыми былъ всегда въ дружбѣ и союзѣ.

Въ то самое мгновеніе, когда сильнѣе всего бушевали бури народнаго возстанія, скончался курфюрстъ Фридрихъ. Онъ былъ всегда добрымъ господиномъ своихъ бѣдныхъ подданныхъ: передъ смертію просилъ онъ брата своего благоразумно и осторожно приступить къ управленію; онъ не страшился возможности, что крестьяне одержатъ верхъ, какъ ни важно для него было подобное событіе: безъ воли Божіей оно никогда не могло случиться. Эта увѣренность, руководившая имъ посреди движеній, произведенныхъ Лютеромъ, вдвойнѣ поддерживала его въ послѣдн я минуты. Въ немъ новое ученіе, развивавшееся подъ его покровительствомъ, было не свѣтскою властію, которая ищетъ утвердиться въ битвѣ и указываетъ новую будущность: для него оно заключалось въ божественномъ Евангеліи, благоговѣніи и чистотѣ души; человѣкъ оставлялъ міръ его суетамъ и возносился къ безконечному, возвращался въ

лоно Бога и вѣчности. Такъ скончался онъ 5-го мая 1525 года. «Онъ былъ дитя мира и мирно разстался съ жизнію», сказалъ врачъ его.

Много трудностей предстояло преемнику его, курфюрсту Іоганну, при вступленіи на престолъ посреди дикаго, опаснаго мятежа. Объ уступкахъ нечего было и думать: между нимъ и Фридрихомъ была такая же разница, какъ между первымъ и послѣднимъ сочиненіемъ Лютера, между сомнѣніемъ и рѣшительною враждою. Въ добрый часъ пришелъ къ нему на помощь Филиппъ-Гессенскій; герцоги Георгъ и Генрихъ также присоединились къ нимъ: четыре князя стояли противъ возмутившихся поселянъ.

Мюнцеръ занялъ мѣсто на возвышенности подъ Франкенгаузеномъ, съ которой видна была вся обширная долина; тамъ хорошо было проповѣдывать, но защищаться очень худо. Мюнцеръ выказалъ совершенную неспособность: онъ не позаботился запастись ни порохомъ, ни оружіемъ для людей. Лжепророкъ, говорившій такъ много о силѣ оружія, хотѣвшій истребить всѣхъ безбожниковъ остріемъ меча, видѣлъ себя принужденнымъ положиться на чудо, знаменіе котораго возвѣстилъ войску своему, указывая на разноцвѣтный кругъ,образовавшійся около солнца; когда загремѣли непріятельскія орудія, крестьяне запѣли духовную пѣснь и пошли въ битву. Они были разбиты на голову и большею частію погибли. Тогда всѣ области наполнилъ страхъ. Толпы поселянъ разбѣжались, города одинъ за другимъ признавали господство побѣдителей; даже Мюльгаузенъ палъ безъ большаго сопротивленія. Въ лагерѣ подъ Мюльгаузеномъ, гдѣ такъ долго владычествовалъ Мюнцеръ, совершилась и казнь его: казалось, что имъ до послѣдней минуты владѣлъ какой-то демонъ. Когда ему напомнили о безчисленномъ множествѣ людей, доведенныхъ имъ до гибели, онъ захохоталъ посреди мученій пытки и воскликнулъ: «они сами того хотѣли». Онъ не раскаялся даже тогда, когда его повели на казнь. Вслѣдъ за этимъ и съ другихъ сторонъ ополчились противъ мятежниковъ. Герцогъ лотарингскій Антонъ привелъ войска Шампаньи и Бургундіи на помощь правителю Эльзаса и 17-го мая разбилъ и уничтожилъ до 17,000 мятежниковъ. Виртембергъ перешелъ снова въ руки союза; предводитель союзнаго войска Трухзесъ уничтожалъ виртембергскихъ мятежниковъ, бралъ городъ за городомъ и, соединившись съ курфюрстами пфальцскимъ и трирскимъ, двинулся во Франконію.

Замокъ Вюрцбургъ, тѣснимый двумя толпами крестьянъ, твердо еще держался. Сначала жители согласились принять 12 статей, но условія капитуляціи, предложенныя осаждающими, были такъ унизительны, что осажденные рѣшились защищаться до послѣдней крайности. 15-го мая, въ день битвы съ Мюнцеромъ, приступили поселяне къ штурму при звукѣ трубъ, съ распущенными знаменами, и огласили воздухъ неистовыми кликами. Изъ замка отвѣчали имъ растопленною сѣрою, смолою и безпрерывными выстрѣлами изъ всѣхъ амбразуръ въ стѣнахъ и крѣпостяхъ. Торжественно и гордо стоялъ одинокій замокъ при заревѣ этихъ безчисленныхъ огней, которые сокрушали непріятеля, покорившаго Франконію и угрожавшаго всей Германіи. Орудія и здѣсь рѣшили битву: въ два часа по полудни крестьяне отступили.

О возобновленіи нападенія поселянъ нечего было и думать: со всѣхъ сторонъ получались извѣстія о низложеніи ихъ единомышленниковъ. Нѣсколько времени думали они дѣйствовать переговорами, старались от-

влечь Трухзеса, но уже было поздно: довѣренности къ нимъ не имѣлъ никто; слѣдовательно, имъ должно было—или побѣдить, или погибнуть.

Соединенное войско все подвигалось впередъ, замки сдавались безъ условій на произволъ князей. 2-го іюня настигли они первую толпу крестьянъ при Кенигсгофѣ. То была оденвальдская толпа, которая имѣла мужество встать противъ побѣдоноснаго врага, но была уже тогда слаба и дурно вооружена; одна конница разстроила ихъ ряды, и до прибытія ландскнехтовъ всѣ крестьяне были разсѣяны; вслѣдъ затѣмъ и другая толпа, получа ложное извѣстіе о побѣдѣ, оставила Вюрцбургъ и 4-го іюня была совершенно уничтожена рейтарами. Обѣ побѣды окончились ужасною рѣзнею—600 человѣкъ, взятые заложниками и содержавшіеся въ Ингольштадтѣ, были почти всѣ умерщвлены.

Послѣ столькихъ побѣдъ теперь необходимо было подумать объ окончательномъ уничтоженіи мятежниковъ. Труднѣе всего было укротить возстаніе въ верхне-рейнскихъ областахъ: здѣсь разгорѣлось возмущеніе, и здѣсь же оно пустило глубоко свои корни. Поселяне стояли въ полѣ, и въ рядахъ ихъ находилось множество ландскнехтовъ. Даже на громы орудій Трухзеса умѣли они отвѣчать и сдѣлали побѣду сомнительною; къ счастію, старый Георгъ Фрундсбергъ, испытанный въ столькихъ битвахъ, еще во-время пришелъ на помощь къ Трухзесу. Впрочемъ, онъ лично имѣлъ вліяніе на нѣкоторыхъ предводителей поселянъ, его старыхъ ратныхъ товарищей и подчиненныхъ, или, можетъ быть, въ толпахъ мятежниковъ оказался недостатокъ въ военныхъ снарядахъ: они разсѣялись и удалились въ горы. Трухзесъ поспѣшилъ за ними и началъ убивать ихъ и жечь ихъ деревни.

Правда, союзъ запретилъ ему такъ дѣйствовать, но онъ смѣялся надъ этимъ повелѣніемъ; онъ, по своему происхожденію, лучше зналъ свое ремесло: онъ былъ увѣренъ, что этимъ средствомъ заставитъ каждаго подумать о своей родинѣ. Онъ не дробилъ своего войска, и ему легко было уничтожать отдѣльныя толпы, по мѣрѣ ихъ приближенія. И здѣсь возстановлена была обычная покорность.

Такъ усмиренъ былъ великій мятежъ, грозившій конечною гибелью порядку Германіи; разрушились планы новаго управленія; исчезло мечтательное преобразованіе міра чрезъ содѣйствіе изувѣра-пророка.

Гдѣ рѣшило оружіе, установили военный судъ. Произведены были жесточайшія казни и утверждены законы еще утѣснительнѣе прежнихъ. Только тамъ, гдѣ дѣло не зашло такъ далеко, гдѣ не потерпѣли крестьяне совершеннаго низложенія, даны имъ были нѣкоторыя льготы.

XI. СУДЬБЫ РЕЛИГІОЗНАГО УЧЕНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ ОТЪ ВОРМСКАГО ДО АУГСБУРГСКАГО СЕЙМА.

(*Изъ статей Кудрявцева «Карлъ V». Русскій Вѣстникъ 1856 г.*)

Карлъ V очень ошибался, если, возвращаясь въ Германію послѣ восьмилѣтняго отсутствія, думалъ найти страну почти въ томъ положеніи, въ какомъ оставилъ ее вскорѣ послѣ Вормскаго сейма. Съ тѣхъ поръ въ ней многое измѣнилось, и что еще возможно было для центральной

власти въ 1521 году, надъ тѣмъ самымъ ей пришлось бы сильно задуматься въ концѣ того же десятилѣтія. Благопріятная минута была пропущена навсегда. Движеніе, съ которымъ нетрудно еще было управится въ началѣ, стало теперь великою общественною силою, противъ которой невѣрно было даже и употребленіе оружія. Убѣжденіе одного лица вошло въ общее сознаніе народа и не могло быть подавлено никакими насильственными средствами.

Въ восемь лѣтъ дѣло нѣмецкаго реформатора не только покорило себѣ большую часть умовъ въ Германіи, но и привлекло на свою сторону значительную часть политическихъ силъ въ имперіи. Направленіе опредѣлилось, многочисленное общество его послѣдователей получило правильную организацію и нашло себѣ надежную опору въ образовавшемся подъ вліяніемъ новаго ученія политическомъ союзѣ князей. Для законнаго существованія въ предѣлахъ Имперіи ему недоставало только признанія со стороны верховнаго ея авторитета.

Единственное важное послѣдствіе Вормскаго сейма, удаленіе Лютера со сцены, вмѣсто того, чтобы обратиться во вредъ реформаціи, послужило въ ея же пользу. Въ вартбургскомъ уединеніи реформаторъ положилъ начало великому труду, который долженъ былъ послужить оправданіемъ его стремленій передъ лицемъ нѣмецкаго народа и дать въ руки публикѣ могущественное орудіе противъ ухищреній римской доктрины. Извѣстно, какъ велико было дѣйствіе, произведенное на умы въ Германіи нѣмецкимъ переводомъ библіи, который отчасти исполненъ былъ Лютеромъ во время пребыванія въ вартбургскомъ замкѣ. Многое, что доселѣ принималось на вѣру реформатора, утверждалось теперь въ общемъ сознаніи по силѣ крѣпкаго разумнаго убѣжденія. Истина, столько времени закрытая отъ глазъ народа покровомъ чуждаго языка, стала доступна его слуху и понятна ему уму. Каждый могъ, по желанію, повѣрять слова виттенбергскаго богослова, и, не останавливаясь на буквѣ, входить въ самый духъ его ученія.

Кромѣ того, ученіе продолжало распространяться далѣе своею собственною силою, по принятымъ имъ прежде направленіямъ, ибо оно вышло изъ глубины нѣмецкаго духа и вполнѣ отвѣчало высшимъ умственнымъ требованіямъ народа. Это былъ протестъ противъ преобладанія внѣщности въ религіи, это было обращеніе къ лучшимъ силамъ человѣка именемъ внутренняго религіознаго чувства, почти совершенно вытѣсненнаго господствующимъ ученіемъ, которое полагало всѣ заслуги человѣка лишь во внѣшнихъ дѣлахъ. По счастію, Вормское собраніе слишкомъ мало придавало значенія новому ученію и даже не позаботилось поставить какіе либо предѣлы его распространенію. Не встрѣчая себѣ много внѣшнихъ препятствій, оное такъ же легко сообщалось народному духу послѣ Вормскаго сейма, какъ и до того времени. Каждый мѣсяцъ, каждая недѣля прибавляли что нибудь вновь къ его несомнѣннымъ успѣхамъ. Виттенбергъ попрежнему служилъ центромъ, откуда новое ученіе расходилось радіусами по всему протяженію Германіи. Движеніе совершало свой естественный оборотъ. Каждый пунктъ, пріобрѣтенный вновь реформаціонному ученію, пускалъ отъ себя его вѣтви далѣе. Всего яснѣе были успѣхи движенія на сѣверѣ и западѣ; впрочемъ, почти съ неменьшею быстротою оно простиралось впередъ и въ прочихъ направленіяхъ. Едва прошло нѣсколько лѣтъ послѣ вормскихъ рѣшеній, какъ уже реформаці-

онное ученіе не было новостью не только въ Брауншвейгѣ, Мекленбургѣ, Люнебургѣ, но даже и въ болѣе отдаленномъ Виртембергѣ, наконецъ въ Баваріи, Австріи и Пруссіи.

Движеніе было въ полномъ смыслѣ слова народное, потому что охватывало одно за другимъ почти всѣ сословія. Первые слѣдовали ему образованные классы. Черезъ нихъ мало по малу оно сообщалось и другимъ слоямъ общества. Съ особеннымъ успѣхомъ принималось оно между городскими жителями, но, не ограничиваясь чертою города, проникало отсюда даже въ массу сельскаго народонаселенія. Рыцарское сословіе участвовало въ движеніи въ той мѣрѣ, въ какой приготовлено было къ нему образованіемъ. Даже нѣкоторыя монашескія братства не остались вовсе чужды происходившему вокругъ нихъ обращенію новыхъ идей. Вездѣ заводились новыя школы, и умножалось число типографій. По словамъ Эразма, въ Германіи только и читали, что сочиненія въ защиту и противъ Лютера. Классическія занятія, которыя передъ тѣмъ были въ сильномъ ходу, все больше и больше уступали направленію, которое выходило изъ Виттенберга. Распространяясь, такимъ образомъ, вверхъ и внизъ, оно скоро пріобрѣло себѣ ревностныхъ приверженцевъ между довѣреннѣйшими совѣтниками князей и, наконецъ, между ними самими считало немало искреннихъ послѣдователей. Поколѣніе, защищавшее реформацію изъ политическихъ разсчетовъ, мало по малу уступало мѣсто другому, которое принимало ея интересы прямо къ сердцу. Таково было особенно замѣтное различіе между курфюрстомъ Фридрихомъ Мудрымъ и его преемниками,— Іоганномъ и Іоганномъ-Фридрихомъ.

Пока Карлъ отсутствовалъ изъ Германіи, реформаціи болѣе всего угрожала опасность отъ нея самой, то-есть отъ тѣхъ крайнихъ стремленій, которыя естественно соединяются со всякимъ умственнымъ движеніемъ, какъ его неумѣренныя и неразумныя послѣдствія. Реформація сильно расшатала систему старыхъ воззрѣній на міръ, на природу, на общество, такъ что ни одно изъ прежнихъ началъ не казалось уже довольно твердымъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого потрясенія было, между прочимъ, то, что все стало опять вопросомъ, и всякій считалъ себя въ правѣ не только произносить свое рѣшеніе, но и навязывать его цѣлому обществу. Со дна его поднялись самыя необузданныя страсти и увлекли большинство тѣхъ, которые уже выбиты были изъ старой колеи новымъ движеніемъ. Мечтатели, одинъ необузданнѣе другаго, безпрестанно выходили изъ толпы и, подъ предлогомъ необходимости перестроить общественный порядокъ, готовы были совершенно ниспровергнуть его. Споръ переносился изъ сферы религіозной въ соціальную. Подъ вліяніемъ Карлштадта, Мюнцера и другихъ, мирное теченіе реформаціи едва не превратилось въ бурный, разрушительный водоворотъ. Увлекаемая ими, она перерождалась въ страшную анархію, въ которой неминуемо должна была потеряться, погубивъ собою и само общество. Опасность была тѣмъ выше, что реформація, въ собственномъ смыслѣ, не успѣла вполнѣ опредѣлиться, то-есть не нашла еще твердыхъ границъ, которыя бы отдѣляли ее, съ одной стороны, отъ господствовавшихъ прежде направленій, а съ другой—отъ тѣхъ крайностей, которыя вытекали изъ ея началъ путемъ фантастическихъ выводовъ. Словомъ, она еще не отыскала своей окончательной формулы и потому легко могла быть смѣшана съ другими современными, хотя вовсе не родственными ей, явленіями. Но

обстоятельство, которое всего болѣе грозило ей гибелью, также обратилось въ ея пользу. Тотъ, кто былъ главнымъ виновникомъ реформаціи, носилъ въ душѣ своей и настоящую ея мѣру. Подъ оболочкою, часто мистическою, его рѣчей скрывался глубокій практическій смыслъ. Въ обступавшихъ его крайнихъ направленіяхъ онъ отыскалъ разумные предѣлы, которыхъ до того времени не доставало его ученію. Онъ тотчасъ замѣтилъ тонкую черту, гдѣ начиналось раздѣленіе, и поспѣшилъ обозначить ее, по своему обычаю, такими рѣзкими признаками, что никто не могъ смѣшать двухъ смежныхъ, но противоположныхъ между собою лагерей. Не только онъ не хотѣлъ поддерживать неумѣренныхъ нововводителей, но при всякомъ случаѣ старался энергически имъ противодѣйствовать. Чѣмъ больше они раздували фанатизмъ въ народѣ, тѣмъ настоятельнѣе былъ реформаторъ въ своихъ мирныхъ внушеніяхъ. Когда они проповѣдывали буйство и насиліе, онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей покорности и терпѣнія. Наконецъ, когда въ общемъ возстаніи Германіи они вздумали ниспровергнуть существующія отношенія между территоріальною властію и ея подданными, Лютеръ открыто принялъ сторону князей и своими патріотическими воззваніями много способствовалъ дѣлу порядка и спокойствія страны.

Нѣтъ ничего несправедливѣе тѣхъ упрековъ, которые дѣлаетъ иногда нѣмецкому реформатору новая исторіографія, поставляя ему въ вину то, что онъ ограничился чисто-религіозною реформою и рѣшительно отвергъ отъ себя всѣ другія попытки преобразованій. Напротивъ того, ничто столько не свидѣтельствуетъ въ пользу его мудрости и великаго практическаго смысла, какъ это умѣніе его держаться въ предѣлахъ одной задачи, тогда какъ легко было увлечься другими направленіями, не имѣвшими съ нею ничего общаго, кромѣ современности. Въ томъ и состоитъ его величіе, что среди всеобщаго волненія и смѣшенія всѣхъ понятій онъ остался вполнѣ вѣренъ своему истинному призванію и не хотѣлъ допустить въ него ничего посторонняго. Онъ понялъ, сначала инстинктомъ, а потомъ разумомъ, въ чемъ была величайшая, не терпящая никакого отлагательства, потребность времени, и, посвятивъ на удовлетвореніе ей всѣ силы своей души и всю ея энергію, исключилъ изъ своей дѣятельности все, что было въ современныхъ направленіяхъ мечтательнаго и потому несбыточнаго и обманчиваго. Смѣшавъ съ ними реформацію, онъ подвергъ бы и ее всѣмъ случайностямъ анархіи. Не менѣе вѣрно поняты были имъ и отношенія къ имперскимъ властямъ. Не забудемъ, что со времени Вормскаго сейма очень ясно опредѣлились отношенія реформатора къ высшему авторитету въ имперіи: отъ него реформа не могла болѣе ожидать себѣ ни поддержки, ни содѣйствія. Ставши къ нему прямо во враждебное отношеніе, нужно ли было реформатору рѣшиться также на разрывъ и съ территоріальными властями и такимъ образомъ лишить себя и послѣдняго покровительства? Не естественнѣе ли, не разумнѣе ли было съ его стороны, лишившись надежды на защиту главы имперіи, искать себѣ твердой опоры въ противоположномъ лагерѣ, тѣснѣе примкнуть къ князьямъ, которые составляли другую политическую силу въ государствѣ? Пристать же къ третьему, то-есть анархическому, элементу значило бы вооружить противъ реформаціи всѣ государственныя силы и тѣмъ самымъ легкомысленно обречь ее на совершенное пораженіе.

Вѣрный инстинктъ, христіанское чувство, практическій смыслъ—все указывало реформатору на тѣсный союзъ съ князьями въ борьбѣ ихъ съ возставшими сословіями, и онъ ни минуты не колебался въ выборѣ. Прочность территоріальной власти и успѣшный ходъ реформаціи слились въ одно общее дѣло. Какъ Лютеръ явился горячимъ защитникомъ княжескихъ правъ въ борьбѣ съ анархіею, такъ князья, принявшіе реформу, въ свою очередь, готовы были защищать ее противъ тѣхъ, которые захотѣли бы остановить ея свободное развитіе. Въ рукахъ своихъ покровителей реформація по необходимости принимала политическій характеръ, ибо, привлекая къ себѣ однихъ князей, въ то же время возбуждала противъ себя другихъ. Германія, какъ и все ея народонаселеніе, раздѣлялась на два противоположные лагеря. Но въ этой борьбѣ, въ предѣлахъ самой территоріальной власти, дѣятельная роль принадлежала уже не столько реформатору, сколько его сильнымъ покровителямъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ борьбѣ между политическими партіями, и въ этомъ случаѣ каждая изъ двухъ противоположныхъ сторонъ старалась обезпечить себя тѣснѣйшимъ соединеніемъ своихъ силъ въ одинъ общій союзъ. Католическіе князья, предоставленные, въ отсутствіе императора, самимъ себѣ, сдѣлали первый шагъ къ тому: герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій, герцогъ Георгъ Саксонскій и курфюрстъ Альбрехтъ Бранденбургскій вступили между собою въ соглашеніе для противодѣйствія успѣхамъ лютеранизма. Примѣръ былъ поданъ. Князья, приверженцы реформы, тѣмъ болѣе спѣшили ему послѣдовать, что имъ надобно было подумать о своей безопасности. Уже въ концѣ 1525 года происходили между ними по этому поводу совѣщанія; въ февралѣ же слѣдующаго года они кончились заключеніемъ формальнаго союза, извѣстнаго подъ именемъ торгаускаго. Главными участниками въ немъ были: курфюрстъ Саксонскій и ландграфъ Гессенскій. Но въ непродолжительномъ времени примкнули къ нимъ также многіе князья сѣверной Германіи. Союзники обязывались дѣятельно помогать другъ другу и стоять твердо за новое ученіе.

Легко было бы подавить этотъ союзъ въ первомъ его зародышѣ. Но кто въ Германіи могъ взять на себя подобное дѣло въ отсутствіе императора? Фердинандъ, который вмѣсто него управлялъ внутренними дѣлами имперіи, не имѣлъ для того ни довольно рѣшимости и воли, ни достаточно оффиціальнаго титула, ибо въ то время онъ не былъ еще избранъ римскимъ королемъ. Только-что возникавшій католическій союзъ не получилъ еще прочной организаціи и далеко не въ состояніи былъ выдержать своими силами открытую борьбу съ своими противниками. Нельзя сказать, чтобы императоръ не принималъ никакого участія въ событіяхъ, происходившихъ въ оставленной имъ Германіи. Напротивъ, онъ очень живо интересовался успѣхомъ католическаго союза; онъ приглашалъ многихъ князей отъ себя лично къ участію въ немъ; онъ постоянно внушалъ имъ ту мысль, что надобно стараться истребить ересь общими силами; онъ, наконецъ, писалъ имъ, что самъ намѣренъ въ скоромъ времени отправиться въ Римъ, чтобы принять противъ нея надлежащія мѣры. Даже въ статьяхъ мадридскаго договора упоминалось о необходимости двухъ великихъ общественныхъ предпріятій — наступательной войны противъ турокъ и чего-то въ родѣ крестоваго похода противъ послѣдователей реформы. Но все пока, съ его стороны, огра-

ничивалось только совѣтами и внушеніями, то-есть одними словами. Другаго, болѣе дѣятельнаго, участія не могъ онъ принять во внутреннихъ событіяхъ Германіи потому, что вниманіе его попрежнему было приковано къ Франціи. Но что можно было сдѣлать словами противъ вооруженнаго союза? Естественно, что, слыша направленныя противъ него угрозы, которыя, однако, не сопровождались употребленіемъ дѣйствительной силы, онъ старался еще болѣе укрѣпиться въ своихъ средствахъ и не пренебрегать никакими мѣрами, чтобы увеличить ихъ размѣры.

Враждебныя отношенія, которыя открылись между императоромъ и папою вскорѣ послѣ мадридскаго мира, также не замедлили отозваться на внутренней нѣмецкой политикѣ. Когда, въ іюнѣ того же (1526) года, имперскіе чины собрались на сеймъ въ Шпейерѣ, вопросъ о реформѣ занялъ самое видное мѣсто въ ихъ совѣщаніяхъ. Раздѣленіе между чинами не было еще такъ рѣзко, чтобы требованія однихъ, составленныя въ духѣ новаго ученія, могли встрѣтить рѣшительное противорѣчіе со стороны другихъ. Потребность реформы сознавали даже многіе члены католической партіи. Никто не хотѣлъ взять на себя защиты вормскаго эдикта; всякій, напротивъ, чувствовалъ необходимость смягчить прежнее суровое постановленіе, по крайней мѣрѣ, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія вопроса на предполагавшемся всеобщемъ соборѣ. Въ этомъ смыслѣ составлены были первыя,—впрочемъ, довольно робкія,—предложенія сейма императору. Отъ него зависѣло теперь дать тотъ или другой оборотъ совѣщаніямъ чиновъ; онъ могъ своимъ авторитетомъ склонить ихъ нерѣшительное мнѣніе въ ту или другую сторону. Но, во-первыхъ, самое уже отсутствіе его изъ Германіи внушало много смѣлости нововводителямъ; а во-вторыхъ, по своимъ тогдашнимъ отношеніямъ къ папскому престолу, онъ очень мало наклоненъ былъ поддерживать папскія притязанія внутри имперіи. Ему казалось крайне несообразнымъ съ здравою политикой воевать съ папой въ Италіи и въ то же время защищать его интересы въ Германіи. Долго колебался Карлъ дать положительный отвѣтъ депутаціи, посланной къ нему отъ сейма; наконецъ, въ письмѣ къ брату, онъ выразилъ желаніе, чтобы отмѣнены были понудительныя мѣры, положенныя вормскимъ эдиктомъ противъ нововводителей, для окончательнаго же рѣшенія спора открывалъ виды на возможность національнаго собора въ будущемъ. Въ заключеніе своего посланія онъ высказалъ надежду, что нѣмецкіе князья, конечно, въ знакъ своей признательности, не откажутся дѣятельно помогать ему, когда того потребуютъ обстоятельства, въ войнѣ ли противъ турокъ, или въ Италіи. Этихъ намековъ было достаточно, чтобы лишить католическую партію послѣдней возможности перевѣса на сеймѣ и оставить за рѣшеніями его неопредѣленный характеръ. Фердинандъ, правда, имѣлъ свои важныя причины быть противъ совершеннаго отмѣненія вормскаго эдикта; но, съ другой стороны, онъ не могъ воспротивиться такъ ясно выраженной волѣ императора. Такъ составилось «среднее» рѣшеніе, которое, впрочемъ, оказалось гораздо выгоднѣе для послѣдователей новаго ученія, чѣмъ для ихъ противниковъ. За недостаткомъ другихъ твердыхъ началъ, въ основаніе рѣшенія положенъ былъ принципъ мѣстной, или такъ называемой территоріальной власти, и потому принято на будущее время, въ ожиданіи опредѣленій собора, предоставить всѣмъ чинамъ имперіи поступать въ религіозныхъ дѣлахъ такъ, какъ внушитъ каждому изъ

нихъ собственная его совѣсть, или чувство долга по отношенію къ Богу и императору. Это значило признать за территоріальною властію, по крайней мѣрѣ на-время, право распоряжаться въ дѣлахъ, касающихся религіи, по своему собственному усмотрѣнію. Еще вормскій эдиктъ не былъ отмѣненъ формально, какъ уже реформа нѣкоторымъ образомъ получила право законнаго существованія въ Германіи.

Шпейерскія рѣшенія были необыкновенно важны какъ для внѣшнихъ успѣховъ реформы, такъ и для ея внутренняго развитія. Подъ ихъ покровительствомъ она невозмущаемо могла совершать свое дальнѣйшее кругообращеніе. Почти три года потомъ продолжалось отсутствіе императора изъ Германіи. Фердинандъ все это время былъ занятъ своими отношеніями къ Венгріи и своимъ домогательствомъ богемской короны, которую онъ получилъ не прежде, какъ въ 1527 году. Ему было не до того, чтобы противодѣйствовать успѣхамъ реформаціи въ предѣлахъ чужихъ владѣній. Изъ уваженія къ требованіямъ своихъ подданныхъ въ Богеміи, Моравіи, Саксоніи и Силезіи, которые исполнены были симпатій къ реформѣ, онъ нашелъ вынужденнымъ слѣдовать умѣренной политикѣ даже въ своихъ собственныхъ земляхъ. Конечно, его поведеніе нисколько не было обязательнымъ примѣромъ для другихъ католическихъ чиновъ имперіи. Тамъ съ каждымъ годомъ начала обнаруживаться все сильнѣе и сильнѣе реакція противъ реформы. Въ Баваріи, напримѣръ, проповѣдниковъ новаго ученія хватали на дорогахъ и предавали суду. Сначала реформисты могли откупаться деньгами; но когда герцога стали упрекать въ корыстолюбіи, тогда онъ принялъ другія мѣры. Съ 1528 года обвиненіе въ реформѣ влекло за собою въ Баваріи неминуемую смертную казнь. Такъ, въ Ландсбергѣ девять человѣкъ осуждено было на сожженіе, а въ Мюнхенѣ 29 —на потопленіе. Не доставало только, чтобы въ герцогствѣ формально была введена инквизиція со всѣми ея ужасами. Но насильственная инквизиціонная расправа никогда не была по духу нѣмецкаго народа. Баварскіе герцоги могли свирѣпствовать сколько имъ угодно въ своихъ несчастныхъ владѣніяхъ: ихъ безполезныя жестокости нимало не вредили успѣхамъ реформы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она находилась подъ покровительствомъ мѣстной власти и могла распространяться съ полною свободою. Тамъ она все глубже и глубже входила въ понятія народа; тамъ она, подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого реформатора и его ближайшихъ послѣдователей, наконецъ мало по малу выработала себѣ и опредѣленную внѣшнюю форму, согласно съ самымъ ученіемъ. Прежніе обряды уступали мѣсто новымъ, и вездѣ устанавливалось новое церковное управленіе.

Идея облекалась формою, отвлеченная мысль превращалась въ живой организмъ, и уже никакая внѣшняя сила не могла болѣе лишить ее права на бытіе. Начала реформы такъ глубоко уже залегли въ почвѣ народнаго духа, что преслѣдованіе, хотя бы оно вооружилось самою огромною матеріальною силою вѣка, не въ состояніи было искоренить ихъ безъ упорной и съ обѣихъ сторонъ ожесточенной борьбы. Въ такихъ обстоятельствахъ открылся второй шпейерскій сеймъ 1529 года.

Это собраніе означало новый оборотъ въ ходѣ событій. Впечатлѣніе, произведенное взятіемъ Рима, нѣсколько изгладилось. Императоръ замѣтно началъ склоняться къ миру съ папою, а союзъ между ними могъ

скрѣпиться не иначе, какъ на томъ условіи, чтобы противъ еретиковъ, какъ называли въ Италіи послѣдователей Лютера, приняты были болѣе рѣшительныя мѣры. Такое требованіе со стороны папы встрѣчаемъ уже въ концѣ 1528 года. Подъ этимъ вліяніемъ послѣдовало отъ императора приглашеніе нѣмецкимъ чинамъ собраться въ непродолжительномъ времени на сеймъ, опять въ Шпейерѣ. Главными предметами совѣщаній напередъ указаны были вооруженія противъ турокъ и, въ особенности, религіозныя нововведенія. Уже по самому тону пригласительнаго патента легко можно было видѣть, какого рода рѣшеній ожидали отъ собранія. Между имперскими чинами, явившимися на сеймъ, указанное направленіе также встрѣтило себѣ много сочувствія. Въ послѣдніе годы раздѣленіе между двумя партіями обозначилось довольно рѣзко, и, когда на открывшемся сеймѣ стали собирать голоса, рѣшительный перевѣсъ оказался на сторонѣ исключительныхъ католиковъ. Изъ курфюрстовъ только саксонскій былъ въ пользу реформы; между князьями имперіи пятеро духовныхъ и трое свѣтскихъ были рѣшительно противъ нея. Не удивительно, что распредѣленіе голосовъ вышло такъ неравномѣрно; не забудемъ, что въ курфюрстской коллегіи засѣдали три архіепископа, а между князьями было очень много епископовъ, которые всѣ, естественно, были преданы интересамъ римской церкви. И потому, когда императорскіе коммисары, ссылаясь на внутреннее настроеніе Германіи вслѣдствіе нововведеній, предложили отмѣнить рѣшенія прежняго шпейерскаго сейма и возстановить вормскій эдиктъ во всей его силѣ, большинство имперскихъ чиновъ объявило себя въ пользу предложенія. По существовавшему доселѣ порядку, рѣшеніе, принятое большинствомъ, становилось обязательнымъ закономъ для цѣлой имперіи. Но на этотъ разъ оно встрѣтило себѣ сильное противорѣчіе со стороны меньшинства. Послѣдователи реформы объявили, что они не могутъ допустить такого глубокаго вмѣшательства въ дѣла, касающіяся ихъ совѣсти. Они утверждали, что въ подобныхъ случаяхъ рѣшеніе не иначе можетъ имѣть силу, какъ съ ихъ согласія. Не забыто было ими и то, что какъ постановленіе прежняго шпейерскаго сейма, до сихъ поръ остававшееся въ силѣ, принято было всѣми, такъ и противоположное рѣшеніе не могло быть допущено противъ воли нѣкоторыхъ членовъ собранія. Саксонскій посланникъ прямо объявилъ предъ лицомъ всего сейма, что приговоры большинства не могутъ быть обязательны въ религіозныхъ дѣлахъ. Но Фердинандъ и императорскіе коммисары не хотѣли принять во вниманіе этого возраженія. Они сослались на прежній обычай и утвердили приговоръ католическаго большинства, какъ законное рѣшеніе, которому обязаны покориться даже и разногласящіе съ нимъ. Напрасно тѣ, которые оставались въ меньшинствѣ, просили себѣ хотя кратковременной отсрочки. Фердинандъ отвѣчалъ имъ, что онъ долженъ исполнить императорское повелѣніе и что считалъ все дѣло поконченнымъ. Такъ какъ послѣдователи реформы не въ состояніи были измѣнить принятаго рѣшенія и, однако, не могли покориться ему безъ насилій своей совѣсти и безъ ущерба своимъ правамъ, то имъ оставался только одинъ выборъ—протестація противъ приговора большинства. Они точно явились еще разъ въ собраніе и прочли состоявшееся между ними рѣшеніе. Протестъ былъ подписанъ курфюрстомъ Іоанномъ Саксонскимъ, маркграфомъ Георгомъ Бранденбургскимъ, ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ и нѣ-

которыми другими князьями. Ихъ же сторону приняли, сверхъ того, и многіе имперскіе города.

Случай былъ чрезвычайный, какъ отступленіе отъ обыкновеннаго порядка вещей; но и самое явленіе, которое выразилось въ немъ, также далеко не принадлежало къ числу обыкновенныхъ. Раздѣленіе между партіями и ихъ противоположность, такъ сказать, заявлены были оффиціально. Послѣдователи реформы, отнынѣ протестанты, составили внутри сейма оппозицію, которая представляла свои права на существованіе, независимое отъ большинства. Ее нельзя было обвинить въ непослѣдовательности: она осталась вѣрна началамъ, принятымъ, съ общаго согласія, на сеймѣ 1526 года. Точкою раздѣленія служилъ религіозный вопросъ; но между подписавшими протестъ былъ зародышъ особой политической силы въ государствѣ, и враждебное столкновеніе между нею и противоположною партіею стало отнынѣ неизбѣжно. Нельзя, конечно, поставить въ вину Карлу того, что нѣкоторымъ образомъ условлено было господствующими направленіями вѣка; однако нельзя также не замѣтить, что все это совершилось въ Германіи во время его отсутствія. За глазами у него произошло образованіе политической партіи изъ послѣдователей реформы; только пользуясь его отсутствіемъ, могли они достигнуть выгодныхъ для себя рѣшеній на первомъ шпейерскомъ сеймѣ; да и теперь, на второмъ собраніи, едва ли бы они рѣшились дѣйствовать такъ рѣзко, вопреки мнѣнію большинства, если бы совѣщанія происходили въ присутствіи самого императора, и всякій зналъ бы, что противорѣчіе не пройдетъ ему даромъ со стороны высшаго авторитета имперіи. Но Карлъ V находился еще тогда въ Испаніи и только готовился къ отъѣзду въ Италію. На сеймѣ предсѣдательствовалъ вмѣсто него Фердинандъ, который не имѣлъ никакихъ особенныхъ титуловъ на то, чтобы своимъ именемъ требовать отъ чиновъ имперіи подчиненія себѣ и надѣяться на исполненіе своей воли. Послѣдователи реформы очень хорошо знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, когда подписывали свой протестъ.

Легко видѣть, къ чему должна была повести такая обстановка партій внутри Германіи. Твердое, неизмѣнное убѣжденіе легло въ основу общества, которое приняло названіе протестантскаго. Его нельзя было болѣе разсѣять и уничтожить по произволу, а между тѣмъ, какъ меньшинство, оно не могло считать своего существованія обезпеченнымъ. Положеніе его было невѣрно, особенно потому, что противоположная партія имѣла на своей сторонѣ высшій авторитетъ имперіи. Внѣшняя война приходила къ концу, и императоръ, возвратившись въ Германію, могъ направить свои силы противъ протестантскихъ князей. Имъ необходимо было подумать о томъ, чтобы по возможности расширить свой союзъ и скрѣпить его прочною внутреннею организаціею. Къ этой цѣли, дѣйствительно, были направлены всѣ ихъ усилія послѣ втораго шпейерскаго сейма. Хотя назначеніе протестантскаго союза было чисто-оборонительное, однако, при тѣснѣйшемъ образованіи его, нельзя было не коснуться щекотливаго вопроса объ отношеніяхъ территоріальной или помѣстной власти къ императорской вообще и о возможности столкновеній между ними. Никто не подозрѣвалъ тогда, что, касаясь этого вопроса, затрогивали въ немъ главное зерно величайшихъ переворотовъ въ будущей исторіи Германіи. Любопытно также замѣтить, что

въ то самое время, какъ внутри протестантскаго союза начинало преобладать мнѣніе о правѣ сопротивленія со стороны князей, Лютеръ былъ рѣшительно противъ него: онъ оставался вѣренъ религіозному началу и ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ допустить, чтобы защитники взялись за мечъ. По этому уже можно судить, какъ далеко ушло протестантское дѣло въ своемъ развитіи отъ первыхъ своихъ началъ: въ эту минуту, по крайней мѣрѣ, самъ реформаторъ стоялъ уже на заднемъ планѣ; главными же представителями движенія были князья, подписавшіе протестъ на шпейерскомъ сеймѣ. Предположенный ими большой протестантскій союзъ не состоялся на первое время потому, что для него взяты были слишкомъ широкія основанія. Хотѣли соединить въ одно общее съ нѣмецкою реформою дѣло и параллельныя ей стремленія въ Швейцаріи, не понявъ того, что швейцарская реформа, во главѣ которой былъ Цвингли, имѣла свои существенныя отличія, которыя чувствовались тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе старались согласить ихъ съ ученіемъ Лютера. Попытка эта удалась, и союзъ, въ который, наравнѣ съ Магдебургомъ и Нюренбергомъ, должны были войти также Страсбургъ, Базель и Цюрихъ, не могъ составиться по первому предположенію. Меланхтонъ и Лютеръ были особенно противъ такого, какъ имъ казалось, незаконнаго соединенія. Но побужденіе осталось, и какъ нельзя было ожидать, чтобы обстоятельства измѣнились къ лучшему, то образованіе въ ближайшемъ будущемъ, во имя протестантскаго начала, значительнаго политическаго союза съ воинственнымъ характеромъ не могло болѣе подлежать никакому сомнѣнію.

Знамя было готово; въ теченіе нѣкотораго времени не доставало только опредѣленнаго изложенія доктрины, которая давала протестантскому обществу право на самостоятельное существованіе. Но, какъ мы уже замѣтили прежде, въ промежутокъ времени отъ вормскаго сейма до втораго шпейерскаго, идея протестантства созрѣла настолько, что нетрудно было найти ей и внѣшнее опредѣленное выраженіе. Протестанты почувствовали, что приближается время, когда они должны отдать передъ націею и передъ цѣлымъ міромъ разумный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и оправдать свое исключительное положеніе, и, чтобы не оставить мѣста никакому недоумѣнію, старались прежде всего перевести свои теоретическія понятія на опредѣленныя слова и заключить ихъ въ неизмѣнныя формулы. Самъ реформаторъ не годился на подобное дѣло: онъ шелъ въ глубину идеи, разрабатывалъ ея внутреннее содержаніе, мало заботясь объ ея внѣшности. Но, какъ во всемъ, время помогло реформѣ и въ этомъ отношеніи. Чѣмъ больше идея переходила во внѣшнее явленіе, тѣмъ больше и самые умы склонялись къ тому, чтобы искать для ней вѣрнаго отраженія въ буквѣ. Меланхтонъ какъ будто былъ созданъ на то. Благодаря его дѣятельности, идея германскаго протестантизма, доселѣ колебавшаяся между противоположными крайностями, получила ясное разграниченіе какъ по отношенію къ католицизму, такъ и къ другимъ параллельнымъ ей самой выраженіямъ того же духа и превратилась въ опредѣленное «исповѣданіе», которое, будучи предъявлено впослѣдствіи въ Аугсбургѣ, стало съ того времени извѣстно подъ именемъ «аугсбургскаго». Итакъ, въ началѣ 1530 года, какъ политическое, такъ и теоретическое образованіе протестантской пар-

тіи въ Германіи было кончено. Оставался только нерѣшеннымъ вопросъ о военной ея организаціи; но и его рѣшеніе могло быть только ускорено приближавшимся возвращеніемъ императора въ Германію.

XII. АУГСБУРГСКОЕ ИСПОВѢДАНІЕ.

(Изъ соч. Кольрауша: «Исторія Германіи съ древнѣйшихъ временъ»).

Въ 1530 году собрался великій аугсбургскій сеймъ, на которомъ присутствовалъ самъ императоръ, прибывшій изъ Италіи, согласно своему обѣщанію. Еще на дорогѣ встрѣтили его представители обѣихъ сторонъ, тѣ и другіе съ намѣреніемъ склонить его на свою сторону; но онъ не открывалъ имъ своихъ мыслей до самаго сейма. Вечеромъ, 22 іюня, императоръ съ великою пышностью въѣхалъ въ Аугсбургъ, въ сопровожденіи многихъ курфюрстовъ, князей и дворянъ. Карлъ явился теперь передъ ними уже не тѣмъ молодымъ, неизвѣстнымъ еще княземъ, какимъ онъ былъ въ Германіи въ первый разъ, десять лѣтъ тому назадъ; онъ явился императоромъ, которому равнаго не было со временъ Карла Великаго. Міръ полонъ былъ славою его великихъ доблестей. Передъ нимъ не устоялъ король самый могущественный, а Римъ не могъ противиться даже и одной части силъ его, не состоявшей подъ его прямымъ распоряженіемъ. Въ наружности его замѣчали теперь еще болѣе достоинства и мужественности, и уже это одно внушало къ нему уваженіе его противниковъ. Меланхтонъ, бывшій въ Аугсбургѣ вмѣстѣ съ курфюрстомъ Саксонскимъ, въ одномъ дружескомъ письмѣ такъ выражается о Карлѣ: «Всѣхъ замѣчательнѣе въ этомъ собраніи, безспорно, самъ императоръ. Его безпрерывное счастіе, конечно, и въ вашихъ странахъ сдѣлало его предметомъ удивленія; но въ немъ гораздо удивительнѣе то, что, при такомъ счастіи и успѣхахъ, онъ сохраняетъ столько умѣренности: ни однимъ словомъ, ни однимъ поступкомъ онъ не нарушаетъ ея. Назови мнѣ въ исторіи кого нибудь изъ королей или императоровъ, кого бы не измѣнило счастіе. Онъ одинъ неизмѣненъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда какой нибудь страсти, или высокомѣрія, или жестокости. Не говоря уже о другихъ, онъ всегда выслушиваетъ дружелюбно даже насъ, хотя наши противники приложили всѣ старанія, чтобы возстановить его противъ насъ въ дѣлѣ вѣры. Его домашняя жизнь полна прекрасныхъ примѣровъ воздержности, умѣренности и трезвости. Строгій семейный чинъ, нѣкогда соблюдаемый нѣмецкими князьями, нынѣ живетъ только въ домѣ императора. Порочный человѣкъ не можетъ вкрасться къ нему въ общество; друзья его— только великіе люди, которыхъ онъ избираетъ совершенно сообразно съ ихъ достоинствами. Сколько я ни видалъ его, мнѣ всякій разъ казалось, что я смотрю на одного изъ тѣхъ богатырей и героевъ, о которыхъ мы знаемъ только по преданіямъ давнихъ временъ. И кого не порадуетъ сочетаніе столькихъ добродѣтелей, особенно въ такомъ великомъ властителѣ?»

Но, несмотря на личность императора, внушавшую столько уваженія, несмотря на перевѣсъ его и католическихъ князей, князья протестантскіе, собравшіеся всѣ на-лицо въ Аугсбургѣ, показали столько твердости, что настаивали на своемъ, даже и во внѣшнихъ отношеніяхъ,

и принуждали императора отмѣнить многія повелѣнія. Такъ, онъ приказалъ, чтобы *всѣ* князья участвовали въ празднествѣ Frohnleichnam, приходившемся на другой день послѣ его прибытія въ Аугсбургъ; но въ самый день праздника утромъ протестантскіе князья верхами торжественно прибыли къ императору съ объявленіемъ, что они не согласны исполнить католическій обрядъ, и онъ долженъ былъ принять этотъ отказъ. Точно также воспротивились они приказанію императора, чтобы протестантское духовенство не проповѣдывало въ Аугсбургѣ, и уступили лишь на томъ условіи, чтобъ и католикамъ не велѣно было говорить проповѣдей и по воскресеньямъ, при божественной литургіи, читать только Евангеліе и посланія апостольскія. Изъ протестантскихъ князей всѣхъ рѣшительнѣе дѣйствовалъ курфюрстъ Іоаннъ Саксонскій, заслужившій тѣмъ имя твердаго, данное ему потомствомъ. Его не поколебала даже угроза императора отказать ему въ ленномъ владѣніи саксонскимъ курфюршествомъ, которое тогда еще не было ему совсѣмъ предоставлено. Іоаннъ, послѣдній изъ 4-хъ достойныхъ сыновей курфюрста Эрнеста, принадлежалъ къ числу простыхъ, но одаренныхъ твердою волею людей, которые всею силою души своей держатся разъ принятыхъ убѣжденій и за нихъ готовы всѣмъ жертвовать. Онъ зналъ, что ему, съ малыми его средствами, никакъ не устоять противъ могущественнаго императора; но, задавъ себѣ вопросъ: «отречься ли ему отъ Бога, или отъ міра», ни на минуту не усомнился въ томъ, какъ ему дѣйствовать. Много также подкрѣпляли его письма Лютера, который, находясь еще въ опалѣ, не могъ ѣхать дальше Кобурга и оттуда съ самыми тревожными чувствами слѣдилъ за аугсбургскими дѣлами. Говорятъ, что къ этому времени относится сочиненный имъ гимнъ: «Богъ—наша крѣпкая твердыня». Когда на засѣданіяхъ сейма дѣло дошло до вѣроисповѣданія, то протестантскіе князья открыто представили чинамъ свой символъ, въ которомъ коротко и ясно показаны были различія новой церкви отъ старой. Это исповѣданіе написано было Меланхтономъ въ духѣ свойственной ему умѣренности. Онъ взялъ 17 статей, написанныхъ Лютеромъ въ Швабахѣ, и много другихъ сочиненій, привезенныхъ съ собою протестантскими князьями, и составилъ изъ нихъ нѣчто цѣлое. Такъ возникло *аугсбургское исповѣданіе* вѣры, которое сдѣлалось основою протестантской церкви. Оно было читано саксонскимъ канцлеромъ Байеромъ 22 іюня въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Послѣ этого императоръ отвѣчалъ протестантскимъ князьямъ черезъ пфальцграфа Фридриха, что «онъ приметъ къ соображенію это дѣло, имѣющее великую важность, и велитъ объявить имъ о своемъ рѣшеніи».

Въ совѣтѣ Карла и въ совѣтѣ католическихъ князей мнѣнія по этому предмету были весьма различны. Папскій легатъ, большая часть епископовъ и герцогъ Георгъ Саксонскій требовали, чтобы Карлъ рѣшительно принудилъ протестантовъ отречься отъ ихъ ученія; другіе, и въ числѣ ихъ архіепископъ майнцскій, бывшій кардиналомъ, показали болѣе умѣренности. Они сознавали, что не легко заставить протестантовъ отречься отъ ихъ ученія, что такое принужденіе не можетъ обойтись безъ крови и междоусобной войны; они напоминали объ опасности, грозившей со стороны турокъ (которые еще въ 1529 году, при могущественномъ султанѣ Солиманѣ II, съ большими силами проникли до самой Вѣны и нападали на нее, хотя, къ счастію, безъ успѣха), и потому

совѣтовали путемъ убѣжденія и другими кроткими средствами склонить протестантовъ къ возсоединенію съ церковью; во всякомъ случаѣ, вести дѣло такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не нарушить мира внутри государства.

По ихъ совѣту, нѣкоторые католическіе богословы, и въ числѣ ихъ Экъ, сочинили опроверженіе аугсбургскаго исповѣданія; оно было прочитано протестантамъ, но тѣ объявили, что не могутъ принять его. Затѣмъ сдѣланы были новыя попытки къ примиренію и соглашенію. Люди миролюбивые съ обѣихъ сторонъ надѣялись на спокойный исходъ дѣла. Самъ Меланхтонъ писалъ папскому легату: «Кажется, что только небольшое различіе въ церковныхъ обрядахъ препятствуетъ возсоединенію. Но вѣдь и законы церкви говорятъ, что различіе въ обрядахъ не нарушаетъ единства церкви». Но въ это самое время люди фанатическіе мѣшали спокойному обсужденію вопроса; обѣ стороны дѣлали незначительныя уступки, а въ главномъ не могли согласиться. Многіе протестантскіе князья и вольные города примѣшали къ этому дѣлу вопросы житейскіе, такъ какъ дѣло шло о возстановленіи въ ихъ земляхъ епископской власти. Католики, съ своей стороны, упорно настаивали на томъ, въ чемъ уже прежде дѣлали уступки греческой церкви и гуситамъ, именно— на воспрещеніи священникамъ вступать въ бракъ и свѣтскимъ людямъ причащаться подъ обоими видами. Однимъ словомъ, попытки къ возсоединенію, вмѣсто того, чтобы сближать обѣ стороны, раздѣляли ихъ еще болѣе. Наконецъ императоръ велѣлъ сказать протестантамъ, «чтобы къ 15 числу будущаго апрѣля мѣсяца они обдумали спорныя статьи и объявили, послужатъ ли онѣ препятствіемъ къ возсоединенію протестантовъ съ христіанскою церковью, съ папой, съ императоромъ и прочими князьями, впредь до открытія новаго собора; до истеченія этого времени они не должны позволять печатать въ своихъ земляхъ ничего новаго и не привлекать въ свою секту ни своихъ, ни чужихъ подданныхъ. А такъ какъ между христіанами, дѣйствительно, съ давнихъ поръ могли вкрасться разныя злоупотребленія и неправда, то императоръ пригласитъ папу и всѣхъ христіанскихъ государей созвать въ теченіе шести мѣсяцевъ всеобщій соборъ, который начнетъ свои дѣйствія не далѣе, какъ по истеченіи года».

На это протестанты по обыкновенію возразили, что ихъ ученіе еще не опровергнуто священнымъ писаніемъ, что, слѣдовательно, совѣсть запрещаетъ имъ согласиться съ опредѣленіемъ сейма, препятствующимъ распространенію этого ученія; вмѣстѣ съ тѣмъ они представили императору апологію своего исповѣданія, и вслѣдъ затѣмъ бывшіе еще въ Аугсбургѣ протестантскіе князья выѣхали изъ города. Когда курфюрстъ саксонскій прощался съ императоромъ, послѣдній сказалъ ему: «дядя, дядя, я не думалъ, что мы такъ разстанемся!» Курфюрстъ не сказалъ ни слова въ отвѣтъ, но глаза его наполнились слезами. Онъ оставилъ дворецъ, а вслѣдъ затѣмъ и Аугсбургъ. Разрывъ обѣихъ сторонъ совершился. Въ опредѣленіи сейма, обнародованномъ послѣ этого, лютеранское ученіе порицалось въ сильныхъ выраженіяхъ и называлось ересью; строго было предписано возстановить всѣ отобранные монастыри и духовныя учрежденія; назначалась цензура надъ всѣми сочиненіями, касавшимися вѣры; ослушникамъ сейма грозила императорская и государственная опала.

Между тѣмъ, въ послѣдніе дни того же 1530 года протестантскіе

князья собрались въ Шмалькальденѣ и соединились между собою тѣснѣе и крѣпче. Нѣкоторые изъ нихъ тогда же готовы были поднять оружіе, но другіе сохраняли еще прежнее благочестивое чувство страха при мысли, что надо будетъ воевать съ братьями. Они благоговѣли еще передъ священнымъ, по ихъ собственному выраженію, лицомъ императора. Къ чести католическихъ князей должно сказать, что они также противились войнѣ, къ которой императоръ, подъ вліяніемъ Рима, начиналъ уже склоняться. Они не допустили объявить надъ протестантами государственную опалу, чтобы не дать императору оружія въ руки; они хотѣли, какъ тогда говорили, «не биться, но судиться», и надѣялись, съ помощью рейхскамергерихта, составленнаго для этой цѣли изъ католиковъ и усиленнаго шестью членами, привести въ исполненіе рѣшеніе сейма. Мы увидимъ скоро, какъ безсильно было и это средство.

XIII. ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ГУСОМЪ И ЛЮТЕРОМЪ.

(Составлено по сочиненіямъ Новикова: «Гусъ и Лютеръ» и Гильфердинга «Янъ Гусъ»).

Жизнь Гуса и Лютера представляетъ много сходства какъ въ общемъ ходѣ ихъ жизни, такъ и во внутреннемъ развитіи ихъ; но, при множествѣ совпаденій во внѣшнемъ и внутреннемъ теченіи ихъ жизни, представляется также и существенное различіе въ характерѣ и направленіи ихъ ученія и дѣятельности.

Какъ Гусъ, такъ и Лютеръ родились отъ бѣдныхъ, но свободныхъ по своему положенію поселянъ. Семейная жизнь начала, университетъ продолжалъ, трудная жизнь и опытъ довершили воспитаніе обоихъ. Какъ Гусъ, такъ и Лютеръ получили первоначальное образованіе подъ руководствомъ католическаго духовенства. Какъ Гусъ, такъ и Лютеръ терпѣли много горя и нужды въ своемъ дѣтствѣ; и тотъ, и другой обязаны своимъ образованіемъ не только своимъ собственнымъ усиліямъ и любознательности, но и покровительству постороннихъ лицъ, принявшихъ въ нихъ участіе: Гусъ—Николаю изъ Гусинца, на счетъ котораго онъ воспитывался въ прахатицкой школѣ, Лютеръ—семьѣ Конрада Котта, давшей пріютъ голодному Лютеру и помогавшей ему во время пребыванія въ эйзенахской школѣ. И Гусъ, и Лютеръ всего болѣе были увлечены богословскими вопросами: покончивши университетъ, и Гусъ, и Лютеръ сдѣлались сами профессорами университетовъ. Гусъ ослушался первоначальнаго вызова въ Римъ, ссылаясь на опасности отъ враговъ своихъ; Лютеръ по тѣмъ же причинамъ отклонилъ отъ себя путешествіе въ Римъ по зову папы (1518). Какъ Гусъ нашелъ покровительство въ королѣ Венцеславѣ, такъ Лютеръ—въ Фридрихѣ Мудромъ, курфюрстѣ саксонскомъ. Какъ Гусъ, преслѣдуемый духовенствомъ пражскимъ и изгнанный изъ Праги, скрывался въ замкѣ Краковцѣ, тайно поддерживаемый Венцеславомъ, королемъ чешскимъ, и чешскими рыцарями, такъ и Лютеръ, осужденный на соборѣ въ Вормсѣ, скрывается въ замкѣ Вартбургѣ, благодаря Фридриху Мудрому и рыцарямъ. Какъ снисходительность Іоанна XXIII по отношенію къ Гусу вызывалась отношеніями папы къ Венцеславу, королю чешскому, такъ и снисходительность Льва X къ Лютеру обусловливалась отношеніями папы къ курфюрсту саксонскому. Гусъ, когда настала пора

отстоять свои убѣжденія на Констанцскомъ соборѣ, отправился на соборъ, не дожидаясь охранной граматы, хотя и предчувствовалъ свою погибель; такая же торжественная минута настала для Лютера на вормскомъ сеймѣ, когда на предостереженіе Меланхтона не выѣзжать изъ города онъ отвѣчалъ: «Если бы они между Виттенбергомъ и Вормсомъ зажгли пламя высотою до небесъ и если бы въ Вормсѣ было столько же діаволовъ, сколько кирпичей въ городѣ, я не воротился бы назадъ». Путешествіе Лютера въ Вормсъ многимъ напоминаетъ путешествіе Гуса въ Констанцъ.—Какъ къ тому, такъ и къ другому выходили на встрѣчу изъ всѣхъ городовъ и заставляли ихъ проповѣдывать. Какъ Гусъ жилъ въ Констанцѣ подъ охраною двухъ рыцарей, такъ и Лютеръ былъ поставленъ Фридрихомъ Мудрымъ подъ покровительство рыцарей. Какъ нѣкогда соборъ въ Констанцѣ, такъ тайные совѣтники Карла V въ Вормсѣ совѣщались о нарушеніи охранной граматы; но Карлъ V вспомнилъ о постыдномъ вѣроломствѣ Сигизмунда по отношенію къ Гусу и объявилъ, что не хочетъ краснѣть, какъ Сигизмундъ. Допросы Лютеру напоминаютъ допросы Гусу въ Констанцѣ: тѣ же ковы предубѣжденныхъ судей, тѣ же ложныя извлеченія судьями статей изъ сочиненій Лютера, какъ изъ сочиненій Гуса, и тотъ же геройскій отвѣтъ: «Помоги мнѣ, Господи, ибо я не могу принести отреченія прежде, нежели убѣдятъ меня библейскими доводами»; та же навязчивость со стороны судей вслѣдствіе желанія вынудить отреченіе съ помощію частыхъ и утомительныхъ, но безполезныхъ вопросовъ. Кроткій Филиппъ Меланхтонъ и необузданный Гуттенъ напоминаютъ друзей Гуса, смиреннаго Младеновича и строптиваго, пылкаго Іеронима Пражскаго. Ученый Экъ, сначала другъ Лютера, потомъ измѣнникъ и виновникъ многихъ бѣдствій, постигшихъ Лютера на первыхъ порахъ, поражаетъ необычайнымъ сходствомъ съ отступникомъ отъ Гуса Палечемъ, явившимся самымъ ненавистнымъ и безсовѣстнымъ судьею Гуса на Констанцскомъ соборѣ, тогда какъ въ Прагѣ онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей его.

Въ самомъ ходѣ отношеній къ римской церкви и въ разрывѣ съ ней какъ со стороны Гуса, такъ и Лютера видна та же постепенность. Какъ Гусъ, такъ и Лютеръ относятся сначала съ полнымъ уваженіемъ какъ къ римской церкви, такъ и къ представителю ея, папѣ, и возмущаются только нѣкоторыми частными злоупотребленіями римской церкви. Когда Гусъ предъ сожженіемъ книгъ его (1409) былъ призванъ на судъ въ собраніе, состоявшее изъ архіепископа Сбинека и всего пражскаго капитула, и когда Сбинекъ просилъ Гуса отступить отъ ложнаго ученія, распространяемаго имъ въ народѣ, то Гусъ отвѣтилъ: «ученіе мое не отступаетъ ни въ чемъ отъ католической христіанской вѣры. Если я, святой отецъ, паче чаянія, по неразумію или забвенію впалъ въ погрѣшность, то я охотно исправлю свое заблужденіе». Точно также и Лютеръ относится сначала съ полнымъ уваженіемъ къ римской куріи. Въ одной рѣчи Лютеръ говоритъ: «Я началъ писать противъ индульгенцій не самонадѣянно, а хотѣлъ только сказать первое слово въ увѣренности, что найдутся другіе ученые, которые лучше меня порѣшатъ вопросъ». Въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій Лютеръ говоритъ, что онъ «возставалъ на злоупотребленіе индульгенцій, но не на сущность индульгенцій, и еще менѣе задѣвалъ папу или хоть волосокъ его головы, не понимая въ то время ни Христа, ни папы». Лютеръ говоритъ также въ одной изъ

своихъ рѣчей, сказанной имъ уже по окончательномъ разрывѣ съ церковью, что Богъ безъ вѣдома его и противъ воли вовлекъ его въ распрю, что онъ надѣялся даже на покровительство папы, и только тогда, когда папа заступился за продавцовъ индульгенцій, онъ вызвалъ этимъ его, Лютера, къ дальнѣйшему протесту. Наконецъ, въ этотъ и слѣдующій за нимъ періодъ онъ (Лютеръ) принималъ римскую церковь за единую, истинную и глубоко уважалъ ее отъ чистаго сердца. «Еслибъ я презиралъ папу, я не поручился бы, что земля не разверзнетъ предо мной свою утробу и не проглотитъ меня живаго». Какъ Гусъ, такъ и Лютеръ одинаково были вызваны къ борьбѣ съ римской церковью безпощадной продажей индульгенцій, не возставая, однакожь, сначала противъ истины папскаго отпущенія. Уже выступивши противъ продажи индульгенцій, Гусъ все-таки утверждаетъ, что онъ готовъ повиноваться повелѣніямъ папы, насколько они согласны съ ученіемъ Христа и апостоловъ. Точно также и Лютеръ неоднократно высказывалъ, что началъ писать противъ Тецеля, чтобы отстоять славу римской церкви, достоинство власти ключей, потому что видѣлъ, какимъ поруганіямъ подвергалась она со стороны папскихъ коммисаровъ. Какъ Гусъ, такъ и Лютеръ начали свой протестъ противъ римской церкви въ формѣ тезисовъ. Какъ Гусъ въ 1412 г., 6 іюня, велѣлъ прибить свои тезисы ко всѣмъ дверямъ церковнымъ и монастырскимъ и подробно опровергалъ индульгенціи, такъ и Лютеръ выступилъ со своими тезисами 31 октября 1517 г. Еслибъ папа уступилъ, хотя отчасти, требованіямъ Гуса и Лютера и самъ предпринялъ бы какія либо преобразованія въ римской церкви, прекратилъ бы, напримѣръ, соблазнительную продажу индульгенцій, то, навѣрно, и Гусъ, и Лютеръ не дошли бы до такого сильнаго, рѣзкаго и скораго разрыва съ римской церковью, и реформація была бы отсрочена еще на долгое время. Но неспособность римской церкви на какія либо уступки, нежеланіе признать за собою какую либо долю погрѣшимости и требованіе полнаго, абсолютнаго, слѣпаго повиновенія каждому слову, исходящему изъ устъ папы, защита римской церкви и папы со стороны ихъ ревностныхъ, но ослѣпленныхъ служителей, подозрѣніе и обвиненіе Гуса и Лютера въ ереси—все это привело какъ Гуса, такъ и Лютера къ полному разрыву съ римскою церковью. Упорство римской церкви и оспариваніе ея чести и непогрѣшимости фанатическими защитниками ея — все это только скорѣе вело къ гибели католицизма. Вызванные самими же папами, ихъ буллами объ отлученіи и неразборчивыми на средства папскими защитниками на борьбу съ римскою церковью, и Гусъ, и Лютеръ противопоставляютъ погрѣшимости преданій римской церкви и самихъ папъ непогрѣшимость св. писанія и опираются въ своихъ диспутахъ противъ римской церкви на осязательныхъ доводахъ изъ св. писанія. Но тогда какъ Лютеръ мало по малу доходитъ до полнаго отрицанія всего, что не можетъ быть доказано буквальнымъ текстомъ св. писанія, Гусъ признаетъ и авторитетъ св. отцовъ, и преданія вселенской апостольской церкви.

Не слѣдуетъ забывать однако, что, при всѣхъ этихъ внѣшнихъ чертахъ сходства какъ въ жизни, такъ и въ ходѣ развитія Гуса и Лютера, представляется, какъ было замѣчено выше, глубокое внутреннее различіе между этими двумя великими личностями и ихъ ученіями. Въ жизни и дѣяніяхъ Гуса обнаруживается почти на каждомъ шагу славянское происхожденіе его; онъ былъ представителемъ коренной славянской стихіи

въ исторіи Запада. Лютеръ же былъ представителемъ германской національности со всѣми ея хорошими и слабыми сторонами. Но, и кромѣ этихъ національныхъ особенностей, были также и индивидуальныя различія въ личности обоихъ реформаторовъ, обусловливавшія различіе въ направленіи ихъ.

Гусъ, рано лишившійся своего отца и выросшій на рукахъ своей матери, согрѣваемый въ своемъ дѣтствѣ и юношествѣ нѣжной любовью матери, сопутствуемый ею въ пражскій университетъ и напутствуемый въ жизни всюду ея благословеніемъ, во всей своей жизни и дѣятельности проявляетъ какую-то необычайную, можно сказать, женственную кротость и любовь ко всѣмъ близкимъ и дорогимъ его сердцу. Лютеръ же, выросшій въ строгой, непривѣтливой школѣ своего отца, натерпѣвшійся побоевъ въ домѣ родительскомъ и въ школѣ, и въ своей послѣдующей жизни и дѣятельности проявляетъ нерѣдко какую-то несимпатичную жестокость сердца и рѣзкость. Особенно обнаруживается подобная холодность и жестокость послѣ взрыва крестьянскихъ возстаній, когда Лютеръ, опасаясь за благопріятный исходъ задуманной имъ чисто-церковной реформы, проповѣдуетъ безпощадное истребленіе возмущающихся крестьянъ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Гусъ, не будучи связанъ монашескимъ обѣтомъ, обрекаетъ себя на подвигъ воздержанія; не будучи монахомъ, онъ проводилъ въ жизни идею монашества въ его чистѣйшемъ смыслѣ: не отрекаясь отъ міра, онъ отрекается отъ всего мірскаго. Лютеръ же, давши обѣтъ провести жизнь инокомъ, самъ же нарушаетъ этотъ обѣтъ.

Существенное различіе проходитъ также между сущностью ученія Гуса и Лютера. Реформа Гуса отличается своимъ народнымъ характеромъ: гуситство почти не распространилось за предѣлы земли чешской (если не считать примкнувшихъ къ нему моравцевъ и словаковъ) и даже тамъ было принято единственно природными чехами. Хотя, повидимому, потребность религіозной реформы могла быть одинаково ощутительна всѣмъ жителямъ края, и нѣмцы, жившіе десятками тысячъ въ Чехіи, составляли элементъ относительно болѣе развитый, чѣмъ туземцы-славяне, однако же ни одинъ нѣмецъ не сдѣлался тамъ послѣдователемъ Гуса. Къ тому же реформа Гуса захватывала жизнь несравненно глубже, чѣмъ нѣмецкій протестантизмъ: она произвела въ Чехіи полный переворотъ, не только религіозный, но также и политическій, и общественный. Это присутствіе народной стихіи въ гуситствѣ даетъ ему характеръ, совершенно своеобразный, существенно отличный отъ западнаго протестантизма: созданный Лютеромъ и Кальвиномъ западный протестантизмъ не ограничился однимъ народомъ, а водворился во многихъ странахъ, столь различныхъ между собою, какъ Англія и Венгрія, Франція, Германія и Польша, но нигдѣ непосредственно не совершалъ внутренняго общественнаго переворота, не потрясалъ существующаго государственнаго порядка и оставался вначалѣ въ области исключительно религіозной.

Отчего же такое существенное различіе въ дѣйствіи реформы Гуса и Лютера? Западный протестантизмъ былъ (какъ полагаютъ нѣкоторые ученые) реакціей личной религіозной мысли передовыхъ людей своего времени противъ церковнаго авторитета Рима. Такимъ образомъ, западный протестантизмъ не затрогивалъ непосредственно ничего, кромѣ цер-

кви, но и распространялся зато вездѣ, гдѣ мысль реформаторовъ, по религіозному состоянію и степени образованности страны, могла найти себѣ отголосокъ. Гуситство же было реакціей подавленной народности, нашедшей себѣ проявленіе въ мысли религіозной, и вотъ почему дѣло Гуса охватило все, что было въ землѣ чешской: и религію, и правительство, и общество, однимъ словомъ — весь существующій порядокъ вещей. Но, по тому же самому, внѣ предѣловъ народности, которой оно было выраженіемъ, и въ людяхъ, не принадлежавшихъ къ этой народности, хотя жившихъ въ той же землѣ, гуситство не могло имѣть послѣдователей.

Есть еще существенное различіе между гуситствомъ и западнымъ протестантизмомъ: западный протестантизмъ распространялся почти всегда сверху внизъ—отъ аристократіи и горожанъ въ массу простаго народа (иногда же, становясь достояніемъ высшихъ классовъ, оставался при нихъ, не проникая въ простой народъ, какъ было это въ Венгріи и Польшѣ), а чешская религіозная реформа Гуса сдѣлалась тотчасъ исповѣданіемъ простолюдиновъ, въ аристократіи же нашла немногихъ приверженцевъ.

Какъ гуситство было проявленіемъ одной народности, такъ и самая религіозная идея, въ немъ заключавшаяся, принадлежала исключительно этой народности и отличалась отъ религіозной идеи позднѣйшаго нѣмецкаго протестантизма. Протестантизмъ былъ преобразованіемъ церкви во имя разума, во имя раціонализма; протестантизмъ основанъ на отрицаніи преданія въ церкви и на свободномъ личномъ толкованіи св. писанія. Все, что не оправдывается разумомъ и не можетъ быть доказано изъ св. писанія, то отвергается Лютеромъ и другими западными реформаторами. На этомъ основаніи Лютеръ отвергъ поклоненіе иконамъ, святымъ, мощамъ и всѣ таинства, кромѣ крещенія и причащенія; но и въ этихъ догматахъ сдѣланы значительныя ограниченія: причащеніе младенцевъ отвергается Лютеромъ, какъ неоправдываемое способностью ребенка къ сознательному акту при евхаристіи. Протестантизмъ, чтобы быть вполнѣ послѣдовательнымъ, не ограничился, подобно римской церкви, требованіемъ для доступа къ причастію возраста, способнаго къ сознанію, но требуетъ дѣйствительнаго сознанія, доказаннаго испытаніемъ, которое составляетъ сущность конфирмаціи. Итакъ, протестантизмъ зиждется на личномъ раціонализмѣ, и, стало быть, связь протестантизма съ первобытной вселенской церковью порвана. Протестантизмъ, потерявши задерживающую, консервативную силу преданія и преемственности исторической, вступилъ на широкій, безконечный путь личнаго, индивидуальнаго толкованія и переработыванія: вмѣсто прежняго единства и абсолютизма римской церкви, протестантизмъ переработался въ безконечное многообразіе и носитъ въ себѣ задатки безконечнаго разчлененія, безконечнаго сектантства. Первоначальная же коренная идея гуситства — это возстановленіе вселенской церкви, какъ церкви, основанной на дѣйствительномъ преданіи, какъ церкви, исторически существовавшей въ землѣ чешской. Гусъ провозглашалъ опредѣленно и безусловно идею возстановленія вселенской апостольской церкви и съ тѣмъ вмѣстѣ славянской народности въ Чехіи. Такая идея возстановленія вселенской апостольской церкви была невозможна въ мірѣ германскомъ и къ нему непримѣнима, ибо понятіе о церкви дѣйствительной, исторической, отож-

дествлялось для германцевъ съ католицизмомъ; другой церкви, которая бы предшествовала католицизму, какъ въ Чехіи, германцы не знали. Такимъ образомъ, когда католицизмъ сталъ невыносимъ для германцевъ, по его матеріальному и нравственному гнету, то германцамъ оставался только одинъ выходъ изъ католической церкви въ построеніи новой церкви силами личнаго раціонализма. Тогда какъ идеалъ германскаго протестантизма былъ впереди, въ созданіи религіи и церкви на новыхъ началахъ, на началахъ разума и личной свободы толкованія, идеалъ гуситства былъ назади—въ возстановленіи первобытнаго христіанства, предшествовавшаго въ Чехіи водворенію католицизма и имъ подавленнаго, и въ возстановленіи забитой, задавленной нѣмецкимъ элементомъ стихіи славянской. Изъ этого различія идеаловъ, руководившихъ преобразовательной дѣятельностью Гуса и Лютера, проистекало то, что въ то время, какъ Гусъ въ своемъ протестѣ противъ римской церкви не доходилъ еще до полнаго, окончательнаго разрыва съ ней, стоялъ еще не почвѣ примиренія съ ней, ограничиваясь требованіемъ очищенія католичества отъ его злокачественныхъ наростовъ, Лютеръ сошелъ съ этой дороги примиренія и окончательно порвалъ всякую связь съ католицизмомъ, отбросивши въ своемъ преобразованіи церкви не только ея внѣшніе наросты, чуждые первобытному христіанству, но и нѣкоторыя органически связанныя съ нимъ части. Этотъ полный разрывъ протестантизма съ римской церковью обусловливался, однакожъ, не столько различіемъ въ характерѣ и направленіи Гуса и Лютера, сколько различіемъ въ общемъ ходѣ исторіи въ началѣ XV и XVI столѣтій и въ особенности хода развитія національностей чешской и германской.

Но, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе соприкосновенія гуситства съ западнымъ протестантизмомъ, личный раціонализмъ все болѣе и болѣе прививался къ гуситству. Въ 1567 году гуситы-чешники окончательно соединились съ лютеранами и кальвинистами, или же возвратились къ католицизму. Религіозное движеніе въ Чехіи кончилось полнымъ духовнымъ подчиненіемъ чеховъ латинскому и нѣмецкому міру.

XIV. УЛЬРИХЪ ЦВИНГЛИ И РЕФОМАЦІЯ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Обстановка и первоначальное образованіе Ульриха Цвингли. — Занятія древними классиками.—Цвингли—священникъ въ Гларусѣ (1506—1516).—Изученіе Новаго Завѣта.—Проповѣдь противъ наемничества.—Дѣятельность въ Эйнзиделѣ.—Вызовъ Цвингли въ Цюрихъ.—Реформація въ Цюрихѣ (1519—1525). —Проповѣди Цвингли въ каѳедральномъ цюрихскомъ соборѣ. — Постановленіе цюрихскаго совѣта отъ 1520 г.—67 тезисовъ Цвингли 1523 г.—Ходъ реформъ.

(По соч. Гейссера: «Geschichte des Zeitalters der Reformation»).

Лютеръ и Цвингли, эти въ сущности столь родственныя между собою натуры, различались, однако, рѣзко между собою по многимъ чертамъ своего характера, по семейной обстановкѣ и ходу первоначальнаго воспитанія, такъ же какъ и по характеру своей реформаторской дѣятельности. И тотъ, и другой происходили изъ крестьянскаго сословія; но родители перваго были люди, знакомые съ тяжелою нуждой, почти нищіе, кото-

рые, при всемъ желаніи сдѣлать изъ своего талантливаго ребенка нѣчто особенное, все-таки сами, безъ посторонней помощи, ничего не могли сдѣлать для его образованія. Напротивъ, родители другаго были люди весьма достаточные, вліятельные, пользовавшіеся почетомъ въ своей средѣ. Лютеръ рано познакомился съ горькимъ опытомъ и нуждой, съ ранняго дѣтства долженъ былъ пріучать себя къ самообладанію, мужественному терпѣнію и подавленію своихъ порывовъ; Цвингли же росъ въ довольствѣ, сознавая себя сыномъ перваго человѣка въ родномъ селѣ, и въ немъ рано развился духъ независимаго республиканца. Меланхолическое настроеніе Лютера привело его въ монастырь; бодрость и ясность духа Цвингли привязали его къ жизни и людямъ. Одинъ всѣмъ своимъ существомъ предался мистикѣ и изученію отцовъ церкви, другой сдѣлался ученикомъ гуманистовъ и занимался древними классиками. Основательное изученіе св. писанія привело Цвингли такъ же, какъ и Лютера, къ воззрѣніямъ, совершенно противорѣчившимъ господствующей церкви. Но между тѣмъ какъ Лютеръ, отличаясь глубиною религіозныхъ воззрѣній и мистическимъ направленіемъ ума, мучился религіозными сомнѣніями и былъ занятъ, главнымъ образомъ, изслѣдованіемъ догматовъ католической церкви и вообще богословской стороной реформы, Цвингли, съ своимъ практическимъ, разсудительнымъ, трезвымъ умомъ, обратилъ все свое вниманіе на преобразованіе внѣшняго церковнаго строя и вообще нравовъ и образа жизни швейцарцевъ. Оба впослѣдствіи отложились отъ господствующей церкви; но одному это стоило тяжкой душевной борьбы, съ какою другой никогда не былъ знакомъ. Лютеръ разорвалъ связь съ старою церковью потому, что, по воззрѣніямъ своимъ, былъ болѣе вѣренъ требованіямъ церкви, чѣмъ сама церковь; Цвингли же — потому, что вслѣдствіе критики гуманистовъ увидѣлъ непримиримое противорѣчіе между истинною и существующею, искаженною церковью.

Ульрихъ Цвингли родился 1 января 1484 г. въ Вильдгаузѣ, въ округѣ Тоггенбургъ. Отецъ его принадлежалъ къ небольшой сельской общинѣ, гдѣ онъ отправлялъ одну изъ почетныхъ должностей. Несмотря на незначительность общины, члены ея отличались храбростью и духомъ независимости. Они рано успѣли сбросить съ себя феодальныя оковы, и въ этой борьбѣ съ феодалами отецъ Цвингли игралъ важную роль, возбуждая духъ своихъ согражданъ своими смѣлыми, горячими рѣчами. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе зажиточныхъ членовъ общины. Среда, въ которой выросталъ будущій реформаторъ, отличалась всѣми прекрасными свойствами прямодушныхъ горцевъ: въ ней господствовала здоровая патріархальная простота въ образѣ жизни, прямота въ образѣ дѣйствій, трезвый практическій смыслъ и постоянная бодрость духа. Вотъ почему въ Цвингли не замѣчается и тѣни той склонности къ мистицизму, которая такъ рѣзко обнаруживается въ Лютерѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ у дяди своего, всѣми уважаемаго везенскаго священника. Дальнѣйшее образованіе Цвингли получилъ въ Базелѣ и Бернѣ, гдѣ усвоилъ себѣ элементы классическаго образованія. Надобно замѣтить, что въ Швейцаріи, которая тогда служила какъ-бы связующимъ звеномъ между Италіей и Верхней Германіей, гуманизмъ успѣлъ рано пустить свои корни, что, въ свою очередь, сильно способствовало развитію религіозной свободы. Какъ то, такъ и другое оказало рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ развитія Цвингли. Извѣстный въ то время талант-

ливый основатель классической школы въ Швейцаріи, Генрихъ Вельфлинъ, или Лупулусъ, какъ онъ самъ называлъ себя, былъ его руководителемъ въ Бернѣ, а Ѳома Виттенбахъ, смѣлый богословъ, который уже тогда открыто заявилъ, что «все ученіе объ отпущеніи грѣховъ, проповѣдуемое римскою церковію, есть не болѣе, какъ гнусный обманъ, ибо Христосъ самъ искупилъ своей жизнью, ученіемъ, смертію и воскресеніемъ грѣхи всего человѣчества», былъ учителемъ Цвингли въ Базелѣ. Научныя и религіозныя воззрѣнія, господствовавшія въ то время въ наиболѣе образованныхъ слояхъ швейцарскаго общества, представляли достаточно подготовленную почву для религіозныхъ реформъ, и Цвингли былъ въ правѣ сказать позднѣе своимъ обвинителямъ: «мы отдаемъ всю дань уваженія Лютеру, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ, что все, что у насъ есть общаго съ нимъ, составляло наше убѣжденіе еще въ то время, когда мы и имени Лютера не слыхали».

Въ 1499 г. 15-ти-лѣтній Цвингли поступилъ въ вѣнскій университетъ, рѣзко отвергнувъ предложеніе бернскихъ доминиканцевъ—постричься къ нимъ въ монахи. Получивъ, такимъ образомъ, отличное образованіе, изучивъ основательно всѣ гуманистическія науки, вполнѣ владѣя латинской прозой и поэзіей, Цвингли возвратился въ Базель, гдѣ вышеупомянутый Виттенбахъ оказалъ на него такое сильное вліяніе, что онъ весь отдался изученію богословія. Въ 1506 г. онъ получилъ степень магистра свободныхъ искусствъ и въ томъ же году былъ избранъ проповѣдникомъ въ Гларусѣ. Здѣсь онъ прожилъ 10 лѣтъ, продолжая неусыпно работать надъ самимъ собою; вообще дѣятельность его въ Гларусѣ отличается многосторонностью. Здѣсь онъ началъ заниматься тѣми строго-научными работами, которыя необходимы были ему для его послѣдующей дѣятельности въ качествѣ реформатора. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что научныя занятія Цвингли шли путемъ, рѣзко противоположнымъ занятіямъ Лютера. Въ первыхъ письмахъ его отъ этого времени виденъ гуманистъ, который только по званію принадлежитъ церкви, сердцемъ же всецѣло принадлежитъ великимъ умамъ древности. Онъ обставился сочиненіями Цицерона, Саллюстія, Сенеки, Валерія Максима (Старшаго), Горація; онъ принимаетъ живѣйшее участіе въ гуманистическомъ движеніи Германіи и Италіи, отъ всей души радуется пораженіямъ, понесеннымъ обскурантами въ Вѣнѣ, Базелѣ и Парижѣ со стороны гуманистовъ, и въ своемъ домѣ посвящаетъ юношей-поселянъ въ изученіе классиковъ съ такимъ успѣхомъ, что знаменитый Эразмъ выражаетъ по этому поводу свое удивленіе. Съ изученіемъ греческихъ классиковъ, серьезныя занятія которыми онъ впервые началъ здѣсь, для него открывается новый міръ; съ горячею ревностію онъ принялся за изученіе греческой грамматики Хризолораса. «Ничто, кромѣ Бога, пишетъ онъ къ одному другу, не удержитъ меня отъ изученія греческаго языка, не ради суетной славы, но ради св. писанія». Платона, Лукіана, Гомера, Пиндара онъ читаетъ съ восхищеніемъ; съ особеннымъ же вниманіемъ углубляется онъ въ чтеніе новаго завѣта, «съ тѣмъ, чтобы, какъ говоритъ онъ, изучить ученіе Христа по самому его источнику»; посланіе ап. Павла онъ списываетъ въ первоначальномъ текстѣ, на поляхъ тетради излагаетъ объяснительныя замѣчанія и заучиваетъ слово въ слово. Подобнымъ же образомъ онъ приступаетъ къ источнику откровенія, въ которомъ Лютеръ, будучи эрфуртскимъ монахомъ, нашелъ, наконецъ, свое душевное успокоеніе;

при этомъ онъ не прибѣгаетъ къ схоластическимъ изворотамъ, къ мистикамъ и отцамъ церкви, руководясь единственно собственнымъ умомъ, просвѣтленнымъ изученіемъ великихъ классическихъ писателей. Затѣмъ онъ, съ текстомъ точнаго перевода въ рукахъ, приступаетъ къ критикѣ древнихъ и новыхъ христіанскихъ мыслителей, славныхъ учителей церкви, а также и ученыхъ еретиковъ (Виклефа, Гуса). Такимъ-то путемъ мало по малу идеи Цвингли сложились въ систему независимыхъ убѣжденій, которая представляла для него прочную опору въ его реформаторскихъ стремленіяхъ и дѣятельности. Здѣсь собственно онъ окончательно созрѣлъ и сложился и впервые серьозно взглянулъ на глубокія соціальныя и политическія раны своего отечества, которыя озабочивали его столько же, сколько и церковныя дѣла.

Въ то время подобные священники въ Швейцаріи были такъ же рѣдки, какъ и вездѣ. Духовенство вполнѣ погрязло въ роскоши и лицемѣріи, а невѣжество его было такъ велико, что на одномъ соборѣ изо всѣхъ священниковъ союза нашлось не болѣе трехъ лицъ, которыя были болѣе или менѣе основательно знакомы съ библіей; всѣ же остальные признавались, что они не были вполнѣ знакомы даже съ новымъ завѣтомъ; проповѣди или читались по чужимъ тетрадямъ, или представляли сухую схоластику. А между тѣмъ соціальное устройство Швейцаріи ставило священнику и проповѣднику весьма серьозныя задачи. Какъ живой членъ общины и полноправный гражданинъ, онъ обязанъ былъ принимать участіе во всѣхъ соціальныхъ интересахъ страны. Цвингли былъ именно такимъ пастыремъ. Онъ былъ слишкомъ ревностнымъ республиканцемъ и общественнымъ дѣятелемъ, чтобы зарыться въ классиковъ и теологію и не обращать вниманія на различныя стороны государственной и народной жизни своего отечества. Онъ въ качествѣ полковаго священника участвовалъ въ двухъ походахъ швейцарцевъ въ Италію. Въ первый походъ (1512 г.) онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ швейцарцы съ тріумфомъ проходили черезъ Ломбардію; въ другой разъ (1515 г.) онъ долженъ былъ пережить позоръ, понесенный блестящимъ швейцарскимъ войскомъ: онъ видѣлъ, какъ одни, подкупленные французами, оставили населеніе своей родины беззащитнымъ въ виду непріятеля, и какъ другіе, вслѣдствіе раздоровъ и упадка духа, были разбиты на голову при Мариньано. Въ виду всего этого, юный проповѣдникъ бичевалъ въ своихъ проповѣдяхъ недостойное поведеніе своихъ согражданъ, проклиналъ наемничество, стараясь возбудить въ нихъ тотъ патріотизмъ и тотъ духъ чести и безкорыстія, которымъ нѣкогда такъ отличались швейцарцы; но слова его были безсильны противъ золота иностранцевъ.

Владѣтельные князья Германіи, находившіеся въ безпрерывныхъ распряхъ то и дѣло прибѣгали къ помощи храбрыхъ швейцарцевъ. Короли Франціи, римскіе папы, германскіе императоры, итальянскіе князья и республики наперерывъ старались завербовать къ себѣ храбрыхъ сыновъ Альпійскихъ горъ. Съ этою цѣлью они вступали въ договоры съ отдѣльными кантонами и общинами и старались подарками и раздаваніемъ почестей привлекать на свою сторону людей, пользовавшихся вліяніемъ въ народѣ. Интриги и подкупъ проникли въ города, села и даже семейства, союзъ какъ-бы осиротѣлъ, ибо сыны отечества забыли свои обязанности и свой долгъ и цѣликомъ отдались чужимъ интересамъ, служа чужому знамени за деньги. Возвращаясь изъ чужихъ краевъ, они

приносили съ собою деньги и добычу. Это возбуждало зависть въ остальныхъ гражданахъ, которые, въ свою очередь, кидались на наживу, слѣдствіемъ чего былъ общій упадокъ нравственности и отсутствіе всякой дисциплины. Напрасно голоса нѣкоторыхъ благородныхъ личностей раздавались противъ такой порчи; напрасно общественная власть издавала запрещенія противъ такого безстыднаго торга. Ничто не помогало: корысть брала свое, и граждане союза толпами уходили подъ чужое знамя, сражаясь и за, и противъ одного и того же дѣла, смотря по тому, какая сторона больше заплатитъ.

Впрочемъ, по странному стеченію обстоятельствъ, дѣлу реформы благопріятствовала именно эта пагубная страсть швейцарцевъ къ наемничеству. Дѣло въ томъ, что папа постоянно нуждался въ помощи храбрыхъ швейцарцевъ и вслѣдствіе этого, боясь лишить себя ихъ поддержки, не рѣшался рѣзко выступать противъ того духа нововведеній въ дѣлахъ церкви, который очень давно сталъ вѣять въ Швейцарскомъ союзѣ.

Между тѣмъ Цвингли не переставалъ дѣйствовать. Съ 1516 по 1518 г. онъ былъ священникомъ въ Маріа-Эйнзиделѣ (въ Маріинской пустыни), населеніе котораго было проникнуто грубымъ суевѣріемъ. Здѣсь онъ впервые сталъ проповѣдывать евангельское слово согласно съ своими убѣжденіями. Передъ толпами пилигримовъ, стекавшихся сюда въ надеждѣ получить исцѣленіе отъ болѣзней и отпущеніе грѣховъ, онъ рѣшился рѣзко заговорить противъ безсознательнаго служенія обрядности, стараясь внушить соотечественникамъ, что не путешествія ко св. мѣстамъ и суетные обѣты, а только нравственное исправленіе, чистота дѣйствій человѣка и искреннее раскаяніе ведутъ къ душевному исцѣленію.

Такія рѣчи Цвингли обратили на себя всеобщее вниманіе: старовѣры съ грустію качали головой, свободномыслящіе увидѣли въ Цвингли своего вождя и вступили съ нимъ въ болѣе тѣсныя отношенія. Въ самомъ Римѣ обратили вниманіе на эти проповѣди, и легатъ Пуччи лестью и щедрыми обѣщаніями наградъ старался вовлечь Цвингли въ интересы куріи. Цвингли все-еще стоялъ на почвѣ старой церкви; онъ старался только въ средѣ самой церкви возбудить духъ реформы, заставить папистовъ отрѣшиться отъ всѣхъ злоупотребленій, которыя унижали христіанство. Только тогда онъ, подобно Лютеру, открыто разорвалъ связь съ католицизмомъ, когда никакія предостереженія не помогли. Въ 1525 г. самъ Цвингли въ письмѣ къ одному другу подробно разсказывалъ, какъ онъ старался мирнымъ путемъ, безъ огласки, обратить вниманіе высшей духовной власти на необходимость принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ вопіющихъ злоупотребленій и предрекалъ, что, въ противномъ случаѣ, зло неизбѣжно само доведетъ себя до паденія, которое потрясетъ всю церковь. Ничто не помогало. Злоупотребленія продолжались, торгъ индульгенціями вооружалъ противъ себя всѣхъ благомыслящихъ людей, а старая церковь въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи продолжала шествовать по тому опасному пути, который неминуемо долженъ былъ привести къ расколу.

Начиная съ 1519 г., отношенія Цвингли къ римской церкви стали болѣе рѣзко выясняться. Онъ избралъ Цюрихъ мѣстомъ своихъ дѣйствій. Въ то время въ лѣсныхъ кантонахъ Швейцаріи появился монахъ Бернардинъ Самсонъ и открылъ, подобно Тецелю, торговлю индульгенціями. Цвингли узналъ, что онъ намѣренъ перенести эту гнусную торговлю и

въ Цюрихъ. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлалъ представленіе городскому собранію о необходимости изгнать изъ Швейцаріи дерзкаго монаха. Духовная власть настолько дорожила своими мирными отношеніями съ союзомъ, что хитрый епископскій викарій письменно заявилъ Цвингли свое одобреніе по поводу его протеста противъ Самсона и похвалилъ его за то, что онъ «прогналъ чужаго вола изъ роднаго стада».

Въ 1519 г. Цвингли выступилъ въ цюрихскомъ каѳедральномъ соборѣ съ цѣлымъ рядомъ проповѣдей, въ которыхъ толковалъ Евангеліе; онъ изъяснялъ св. Матвѣя, книгу Дѣяній Апостольскихъ, посланія ап. Павла и въ простой, доступной рѣчи, на родномъ языкѣ, говорилъ народу объ оправданіи путемъ вѣры въ Спасителя, бичевалъ какъ злоупотребленія, суевѣріе и лицемѣріе и другіе пороки отдѣльныхъ лицъ, такъ и общій упадокъ нравственности въ духовенствѣ и мірянахъ, возставалъ противъ несправедливости властей къ слабымъ и униженія предъ высшими, скорбѣлъ объ упадкѣ свободы и чести союза вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и наемничества, чужеземныхъ пенсій и папскихъ буллъ. Его простая, но сильная рѣчь производила глубокое впечатлѣніе: всѣ чувствовали, что слово его исходитъ изъ глубины души; его рѣчи производили сильное впечатлѣніе даже и на того, кто не соглашался съ его воззрѣніями.

Между тѣмъ, возобновленная война за миланское герцогство опять наводнила Швейцарію ненавистными вербовщиками. Французскому королю Франциску I понадобилась помощь, и швейцарцы кинулись на французское золото, вступая цѣлыми толпами въ ряды французскаго войска. Цюрихцы устояли противъ соблазна; казалось, что слова Цвингли на нихъ подѣйствовали. Но когда явились папскіе легаты и императорскіе послы и стали вызывать швейцарцевъ на защиту церкви, то и цюрихцы не удержались и ушли подъ чужое знамя. Тутъ-то Цвингли заговорилъ противъ Рима такъ рѣзко, какъ еще никогда не говорилъ. Въ этомъ постыдномъ наемничествѣ онъ видѣлъ весь ядъ, разъѣдавшій его отечество, и національное чувство его сильно заговорило. Разумѣется, политическіе и религіозные враги Цвингли не оставались у него въ долгу. Они называли его вторымъ Лютеромъ, возбуждали противъ него населеніе. Бывали минуты, когда Цвингли не былъ увѣренъ въ своей личной безопасности. Городской совѣтъ долженъ былъ поставить стражу у его дома для охраны его личности. Въ томъ же 1520 году папскій легатъ потребовалъ, чтобы сочиненія Лютера были сожжены въ Швейцаріи, а его приверженцы уничтожены. Швейцарскій сеймъ подчинился этому требованію, и въ Люцернѣ были произведены обыски. Всѣ сомнительныя (то-есть, собственно, непонятныя для сыщиковъ) книги и рукописи подлежали сожженію. Такимъ образомъ, одинъ изъ сыщиковъ отобралъ греческое изданіе новаго завѣта Эразма съ цѣлью сжечь его. Но цюрихскій совѣтъ съумѣлъ выйти изъ затрудненія. Онъ въ томъ же году издалъ приказъ, въ которомъ, повидимому, соглашается съ постановленіемъ сейма, но, въ сущности, дѣлаетъ большія уступки новому ученію; именно, онъ постановилъ, чтобы всѣ священники и проповѣдники вообще свободно, какъ это предписываютъ и папскія постановленія, проповѣдывали *св. Евангеліе и апостольскія посланія единообразно, по духу Божію и согласно съ истиннымъ божественнымъ писаніемъ ветхаго и новаго завѣта*, не вводя въ свою проповѣдь никакихъ другихъ случайныхъ

нововведеній и добавленій». Такимъ образомъ, дѣло реформы все-таки продолжало идти своимъ путемъ. Въ самомъ обществѣ началъ обнаруживаться сильный протестъ противъ тѣхъ злоупотребленій, отъ которыхъ римская церковь не хотѣла добровольно отказаться. Въ этомъ отношеніи достойно замѣчанія то, что здѣсь реформа началась не нападками на основные принципы старой церкви, какъ это сдѣлалъ Лютеръ, а только на внѣшнюю религіозную обрядность. Проповѣди Цвингли противъ поклоненія одной обрядности встрѣтили почти всеобщее одобреніе, и когда нѣкоторые изъ высшаго духовенства и монахи разныхъ мѣстностей протестовали противъ его рѣчей, то городской совѣтъ открыто сталъ на сторонѣ Цвингли. Послѣдній продолжалъ проповѣдывать въ томъ же духѣ. Дошедшая въ то время вѣсть о пораженіи, которое потерпѣли швейцарскія наемныя войска, подала поводъ Цвингли опять заговорить съ своими согражданами о наемничествѣ, о страсти къ чужому золоту, которое губитъ Швейцарію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнародовалъ 69 положеній, направленныхъ противъ старой церкви. Побѣдивъ послѣднюю въ вопросѣ о постахъ, Цвингли пошелъ далѣе и вооружился противъ безбрачія духовенства. Запрещеніе духовенству вступать въ бракъ вело къ крайне безнравственнымъ послѣдствіямъ. Чтобы составить себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе, стоитъ только указать, напримѣръ, на такой фактъ, что епископы формально установили поборы съ наложницъ и незаконныхъ дѣтей священниковъ. Цвингли, такимъ образомъ, не могъ не заговорить объ этомъ вопросѣ. Въ іюлѣ 1522 г. онъ вмѣстѣ съ другими своими единомышленниками два раза обращался письменно къ констанцскому епископу, прося его положить предѣлъ этимъ безобразіямъ.

Несмотря, однако, на такой образъ дѣйствій со стороны Цвингли, папа Адріанъ VI сдѣлалъ еще разъ попытку умиротворить смѣлаго швейцарца. Но Цвингли хотѣлъ во что бы то ни стало выяснить свое положеніе окончательно. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ совѣтъ съ просьбою объ открытіи публичнаго диспута, дабы онъ могъ прямо помѣряться съ своими противниками, съ св. писаніемъ въ рукахъ. Совѣтъ уступилъ просьбѣ и назначилъ диспутъ на 23 января 1523 года. Цвингли въ 67 тезисахъ обстоятельно изложилъ свои религіозныя воззрѣнія. Основная черта его воззрѣнія, выяснившаяся уже въ то время, состояла въ стремленіи исключить изъ области церкви и религіи все, что не подтверждается прямо св. писаніемъ. Онъ этимъ рѣзко отличается отъ Лютера, который оставилъ въ силѣ все, что не противорѣчитъ буквальному смыслу библіи. Религіозное міросозерцаніе Цвингли состояло, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Одно только Евангеліе есть основной религіозный законъ, и одинъ только Спаситель есть единственный глава всѣхъ вѣрующихъ. Церковь есть совокупность дѣтей Божіихъ, единство вѣрующихъ. Только эта совокупность и обладаетъ автономіей и самодержавною властью. Эта власть проявляется, однако, не въ формѣ непосредственныхъ народныхъ собраній, но черезъ представительство, такъ что каждая община, находясь подъ свѣтскимъ христіанскимъ главенствомъ, образуетъ самостоятельную единицу. Эта единица, въ свою очередь, пользуется автономіей и автократіей какъ въ дѣлахъ свѣтскихъ, такъ и въ дѣлахъ религіозныхъ, не подчиняясь никакой другой волѣ. Представители этой общины, довѣріемъ которой они призваны къ управленію дѣлами, занимаютъ свое опредѣленное мѣсто въ упомянутомъ религіозномъ и свѣт-

скомъ братствѣ. Эти представители избираются въ томъ предположенiи, что они будутъ блюсти всѣ законы божескiе и человѣческiе и наказывать всякое ихъ нарушенiе. Поэтому они могутъ быть отстранены, если сами будутъ преступать означенные законы. Эти представители въ дѣлахъ вѣры должны руководствоваться однимъ только св. писанiемъ, а потому всѣ ученiя, обычаи, учрежденiя, преданiя и постановленiя соборовъ, не основывающiеся на прямомъ смыслѣ писанiя, суть творенiя рукъ человѣческихъ и не имѣютъ права на существованiе. Право отлученiя отъ церкви и изгнанiя изъ общины принадлежитъ самой общинѣ, или епископу ея—и никому болѣе. Такое воззрѣнiе сразу подрѣзывало у самаго корня весь средневѣковый строй церкви и указало совершенно новое значенiе свѣтской власти. Папство, канонизацiя, монашество, безбрачiе духовенства, вся церковная мистика — должны были рухнуть и уступить мѣсто общинѣ и выборному началу.

Съ этими воззрѣнiями выступилъ Цвингли на диспутъ. На диспутъ стеклось до 600 человѣкъ. Цвингли предъ диспутомъ произнесъ краткую, но сильную рѣчь. «Вотъ ужь пять лѣтъ, сказалъ онъ, какъ я стараюсь распространить чистое, истинное слово Божiе, и, несмотря на это, меня обзываютъ еретикомъ, лгуномъ и обманщикомъ. Вотъ причина, заставившая меня наконецъ открыто заявить свои убѣжденiя, и я готовъ ихъ защищать противъ всякаго. Итакъ, во имя Господа, я начинаю». Епископскiй викарiй, выступившiй въ качествѣ противника, началъ возражать, заявилъ, что по его мнѣнiю, диспутъ по религiознымъ вопросамъ долженъ происходить въ присутствiи собора или, по крайней мѣрѣ, собранiя епископовъ или, наконецъ, ученыхъ, говорилъ о многихъ другихъ вещахъ, по собственно о предметѣ диспута, о тезисахъ Цвингли, не сказалъ ни слова. Когда Цвингли потребовалъ, чтобы онъ свои обвиненiя въ еретичествѣ доказалъ св. писанiемъ, то онъ упорно молчалъ, не находя возраженiй.

Такимъ образомъ, Цвингли вышелъ побѣдителемъ изъ диспута, кончившагося такъ печально для его противниковъ. Слѣдствiемъ этого было то, что 29 января цюрихскiй совѣтъ объявилъ слѣдующее: «Такъ какъ не нашлось никого, кто могъ бы магистру Ульриху Цвингли доказать его заблужденiе, то искреннее желанiе совѣта состоитъ въ томъ, чтобы Цвингли продолжалъ, какъ это дѣлалъ доселѣ, возвѣщать св. евангельское ученiе, чтобы и другiе священники дѣлали то же, и всякое оскорбленiе или клевета относительно ихъ будутъ строго наказаны». Такимъ заявленiемъ Цюрихъ сразу отдѣлился отъ констанцскаго епископства. Община получила права, которыя, по ученiю Цвингли, принадлежали ей; свѣтская власть духовенства, какъ неосновательное, по мнѣнiю Цвингли, притязанiе со стороны Рима, была фактически подорвана, и положено было основанiе той церковной политикѣ, которая состояла въ признанiи самодержавiя общины.

Все это привело къ важнымъ послѣдствiямъ: латинскiй языкъ въ молитвахъ и при совершенiи церковныхъ требъ уступаетъ мѣсто родному языку, доходы съ монастырей и другихъ церковныхъ учрежденiй обращаются на содержанiе низшихъ и высшихъ школъ, выходъ изъ монастырей дѣлается совершенно свободнымъ, священники открыто вступаютъ въ бракъ; принесенiе безкровной жертвы во время литургiи и поклоненiе иконамъ, какъ подававшiя поводъ къ недоразумѣнiямъ и суевѣ-

рію, были отмѣнены. 26 января 1524 года люцернскій сеймъ рѣзко высказался противъ реформъ; въ мартѣ явились въ Цюрихъ послы отъ 12 общинъ и вошли въ совѣтъ съ представленіями, но Цюрихская община не только не уступила требованіямъ этихъ пословъ, но съ весны 1524 года отважилась на еще болѣе рѣшительный шагъ на пути реформъ. Мессы, религіозныя процессіи, праздникъ тѣла Христова и почитаніе иконъ были отмѣнены; гробницы съ реликвіями были открыты и кости погребены, органы изъ церквей были вынесены; колокольный звонъ при похоронахъ и мессахъ, освященіе пальмовыхъ вѣтвей, соли, воды, свѣчей, а также мѵропомазаніе и проч., — словомъ, вся система церковной обрядности была отмѣнена, и въ великій четвергъ 1525 года на торжественной вечерѣ любви было установлено для всей общины причащеніе подъ обоими видами.

XV. ЦЮРИХЪ И ШВЕЙЦАРІЯ ПОСЛѢ ВВЕДЕНІЯ ВЪ НИХЪ РЕФОРМЫ ЦВИНГЛИ.

(*По соч. Гейссера*: «*Das Zeitalter der Reformation*»).

Послѣ неоднократныхъ попытокъ со стороны «старовѣровъ» къ возбужденію всего Швейцарскаго союза противъ еретиковъ, союзъ этотъ распался на два враждебныхъ лагеря; ересь же, которую старались уничтожить, распространилась далеко за предѣлы Цюриха и присоединилась къ тому общему броженію, которое возникло въ нравственныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ того времени. Образованная часть гражданъ большихъ городовъ, какъ Базель, Бернъ, Шафгаузенъ и Сенъ-Галленъ, и подготовленные либеральными проповѣдниками поселяне Аппенцеля, Гларуса, Граубюндена сопротивлялись подавленію новаго ученія, такъ что старовѣрческая партія могла сплотиться только въ пяти первобытныхъ кантонахъ: Люцернѣ, Цугѣ, Швицѣ, Ури и Унтервальденѣ, къ которымъ присоединились Фрейбургъ и Валлисъ. Средоточіемъ и опорою этой партіи была, естественно, патриціянская олигархія, господство которой и главнѣйшіе источники доходовъ изсякли бы, еслибъ религіозная демократія одолѣла, а папскія милости и пенсіи прекратились бы; между тѣмъ, все демократически-настроенное городское и сельское населеніе тяготѣло къ церковной реформѣ.

Настроеніе жителей подчиненныхъ земель опредѣлялось, главнымъ образомъ, настроеніемъ тѣхъ кантоновъ, которымъ эти земли были подвластны; въ Тургау, Рейнталѣ, Ааргау и др., находившихся подъ вліяніемъ Цюриха, Сенъ-Галлена и Берна, перевѣсъ былъ на сторонѣ реформаціи, между тѣмъ какъ въ Саргансѣ, Гастерѣ, Утцнахѣ и Баденѣ, также въ итальянскихъ округахъ, составляющихъ нынѣшній кантонъ Тессино, гдѣ вліяніе первобытныхъ кантоновъ было сильнѣе, всѣ жители, послѣ недолгихъ колебаній, остались на сторонѣ старой церкви.

Такимъ образомъ, вопросы церковные были тѣсно переплетены съ вопросами политическими, и положеніе Цвингли, какъ общественнаго дѣятеля, съ самаго начала существенно отличалось отъ положенія Лютера. Лютеръ строго держался въ границахъ церковной реформы, пути хотя

болѣе умѣреннаго, но въ то время для Германіи самаго разумнаго. Въ маленькой Швейцаріи подобная односторонняя реформація была невозможна.

Замѣчательная сообразительность и сила ума Цвингли ясно выражаются въ вѣрномъ пониманіи того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ ходомъ событій. Подчинивши дѣла церкви общинѣ, онъ стремился распространить державныя права общины на весь союзъ.

Онъ первый возъимѣлъ мысль—дать всѣмъ швейцарскимъ кантонамъ одно общее союзное управленіе, подобное современному демократическому представительному управленію, котораго Швейцарія, наконецъ, достигла, спустя цѣлыхъ три столѣтія послѣ попытокъ Цвингли; онъ хотѣлъ уничтожить противоестественный перевѣсъ маленькихъ первобытныхъ кантоновъ, вытѣснить ихъ изъ управленія фохтствами и дать большимъ кантонамъ то положеніе, которое должно было принадлежать имъ, сообразно ихъ величинѣ, могуществу, богатству и образованности. Равноправіе, благодаря которому маленькіе первобытные кантоны имѣли на сеймѣ такое же значеніе, какъ и большіе, — было безсмысленно и вредно въ политическомъ отношеніи. Въ то время идеи Цвингли были для многихъ непонятны и получили свое осуществленіе лишь въ настоящее время.

Вотъ почему какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ Цвингли можно считать величайшимъ изъ реформаторовъ, какой когда либо появлялся въ Швейцаріи, и нужно сказать, что лишь въ современномъ управленіи Швейцаріи, установленномъ 10—20 лѣтъ тому назадъ, идеи Цвингли нашли свое полное осуществленіе.

Таковы были реформаторскія стремленія Цвингли, и въ нихъ заключался одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ его пропаганды; хотя, съ другой стороны, они были также и главной причиною озлобленія на него противниковъ новаго ученія. Успѣхъ этого ученія ставилъ на карту существованіе первобытныхъ кантоновъ, и потому они смотрѣли на него не только какъ на ересь, но и какъ на мятежъ, революцію; борьба противъ старой церкви была, въ ихъ глазахъ, борьбою противъ всего существующаго порядка, съ которымъ было связано ихъ существованіе, и паденіе котораго обусловливало ихъ паденіе.

Наиболѣе замѣчательнымъ и рѣшительнымъ событіемъ этого времени была побѣда протестантской демократической партіи въ Бернѣ надъ господствовавшей олигархіей. Религіозная борьба вывела массу народа изъ состоянія пассивнаго послушанія. Во время выборовъ 1527 года реформаты вытѣснили наконецъ представителей замкнутой олигархіи изъ большаго совѣта. Преобразованное такимъ образомъ правительственное учрежденіе потребовало себѣ возвращенія тѣхъ правъ, которыхъ оно было лишено въ теченіе 20-ти лѣтъ, и затѣмъ къ новому 1528 году оно устроило торжественное религіозное преніе, въ которомъ ученіе Цвингли одержало новую побѣду. Результатомъ всего этого было не только общее гоненіе противъ иконъ и всей декоративной стороны богослуженія, но и полнѣйшій государственный переворотъ.

Оба совѣта (союзный и кантонный), представлявшіе доселѣ почти замкнутыя учрежденія, доступъ въ члены которыхъ обусловливался кумовствомъ, сдѣлались съ этого времени дѣйствительными представителями общинъ, вслѣдствіе введенія въ преобразованномъ союзѣ всеобщаго избирательнаго права, и позоръ полученія подачекъ въ видѣ пенсій, свя-

зывавшій съ Франціей всѣ могущественные доселѣ швейцарскіе роды, былъ наконецъ смытъ. Этотъ переворотъ повелъ, въ свою очередь, къ важнымъ послѣдствіямъ. Распространеніе новаго ученія получило теперь сильный толчокъ, такъ что реформаціонная буря, охватившая Швейцарію, проникла и въ первобытные кантоны, какъ ни крѣпко они были защищены со всѣхъ сторонъ своими неприступными горами. Положеніе этихъ кантоновъ становилось все болѣе непрочнымъ, и они, наконецъ, рѣшились прибѣгнуть къ отчаяннымъ мѣрамъ насильственной самозащиты. Еще въ 1526 году они публично сожгли одного реформатскаго проповѣдника, желая этимъ показать, что имѣющій быть черезъ нѣсколько дней религіозный диспутъ въ Баденѣ есть собственно не что иное, какъ судъ надъ еретиками; теперь же начались преслѣдованія въ широкомъ размѣрѣ: реформатскіе проповѣдники и ихъ приверженцы подвергались денежнымъ штрафамъ, тюремному заключенію, наказанію кнутомъ, изувѣченію и смертной казни; что касается до реформатскихъ кантоновъ, то къ ихъ чести нужно сказать, что они не запятнали себя насиліемъ противъ личностей, хотя почти каждая ихъ побѣда сопровождалась иконоборствомъ.

Эти постоянныя распри и столкновенія подготовляютъ, между тѣмъ, болѣе рѣшительную борьбу; она готова разразиться уже въ 1529 году, и первобытные кантоны заручаются союзомъ съ Габсбургскимъ домомъ, въ надеждѣ на то, что императору и въ Швейцаріи удастся выполнить то же, что онъ сдѣлалъ у себя, въ Австріи. Протестантскіе же кантоны находятъ себѣ поддержку въ своихъ верхнегерманскихъ единомышленникахъ; на сторонѣ реформатовъ становятся Констанцъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ и Филиппъ Гессенскій. Уже въ іюнѣ 1529 г. обѣ враждующія стороны, вооруженныя и готовыя къ битвѣ, стояли лицомъ къ лицу. На право необходимой обороны съ оружіемъ въ рукахъ Цвингли съ самаго начала далеко не такъ смотрѣлъ, какъ Лютеръ. Его взглядъ на это сказывается въ отвѣтѣ его своему другу Эколампадію на предостережности этого послѣдняго: «Ты не знаешь этихъ людей, сказалъ Цвингли: — мечъ обнаженъ, и я сдѣлаю все, что лежитъ на обязанности вѣрнаго стража.» Цвингли ясно сознавалъ, что миръ, котораго требуетъ новое ученіе, не можетъ быть достигнутъ безъ войны, и потому онъ хотѣлъ, чтобы война наступила какъ можно скорѣе, и чтобы можно было, воспользовавшись удобной минутою, рѣшить ее однимъ хорошо направленнымъ ударомъ, и вотъ онъ, какъ храбрый сынъ Альповъ, самъ садится на коня, вооружается алебардой и становится въ ряду своихъ послѣдователей, чтобы помочь имъ ниспровергнуть плохо вооруженнаго врага.

Впрочемъ, до войны дѣло не дошло. Нужно полагать, что цюрихцы, несмотря на ограниченную помощь со стороны союзниковъ и на неохотное участіе въ войнѣ со стороны Берна, имѣли въ данный моментъ относительно военной силы значительный перевѣсъ надъ своими врагами, потому что «общій миръ», на который охотно согласились пять первобытныхъ кантоновъ и который былъ заключенъ 25 іюня 1529 года въ Капеллѣ, свидѣтельствовалъ о признаніи съ ихъ стороны своего полнаго пораженія.

Ограничься этотъ споръ чисто - религіозной стороной, реформаты, вслѣдствіе общаго мира, состоявшагося къ Капеллѣ, надолго сохранили бы свои преимущества надъ первобытными кантонами, но споръ не ограни-

чивался чисто-религіозной стороной, а Цвингли лично былъ всего менѣе склоненъ къ отдѣленію вопросовъ церковныхъ отъ политическихъ. Вотъ вслѣдствіе этого-то послѣдняго обстоятельства, въ средѣ тѣхъ самыхъ элементовъ, которые въ религіозныхъ вопросахъ были единодушны, теперь, послѣ побѣды надъ первобытными кантонами, проявился разладъ въ вопросахъ политическихъ. Такъ, Бернъ и Цюрихъ были солидарны въ вопросахъ церковной реформы, но, какъ скоро дѣло дошло до рѣшенія вопроса объ устройствѣ въ Швейцаріи новаго союзнаго управленія съ новымъ кантономъ во главѣ, они разошлись во мнѣніяхъ, и ни тотъ, ни другой не желалъ сдѣлать никакихъ уступокъ.

Въ продолженіе трехъ столѣтій тянулся этотъ споръ, пока наконецъ, уже въ наше время, Цюрихъ рѣшился — замѣтимъ: не безъ громкихъ жалобъ — согласиться на то, чтобы резиденціей союзнаго управленія сдѣлался Бернъ. Въ то время рѣшеніе спора о преимуществахъ одного изъ нихъ было тѣмъ затруднительнѣе, что Цюрихъ, въ которомъ жилъ и впервые сталъ проповѣдывать свое ученіе Цвингли, игралъ въ церковной реформѣ роль вожака и, слѣдовательно, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи имѣлъ несомнѣнное преимущество передъ своимъ соперникомъ.

Миръ въ Капеллѣ вскорѣ повелъ къ новымъ столкновеніямъ. Обѣ стороны обвиняли другъ друга въ нарушеніи договора, и уже въ 1530 году, когда, казалось, приближался аугсбургскій взрывъ, отношенія между реформатскими и католическими кантонами были весьма натянуты, хотя открытаго разрыва еще не послѣдовало; но можно было заранѣе предвидѣть, что подобное состояніе долго длиться не можетъ и такъ или иначе должно разрѣшиться. И дѣйствительно, въ началѣ 1531 года жители Цюриха поднялись войной на первобытные кантоны, но имъ не удалось проникнуть туда, благодаря союзникамъ этихъ кантоновъ; тогда они порѣшили на городскомъ совѣтѣ, несмотря на разумныя предостереженія Цвингли, прибѣгнуть къ пагубнымъ полумѣрамъ—они рѣшились не допустить подвоза съѣстныхъ припасовъ въ бѣдные горные кантоны. Этой мѣрой горные кантоны были доведены до крайней степени ожесточенія, а цюрихцы, между тѣмъ, не приняли никакихъ мѣръ для обезпеченія себѣ во всякомъ случаѣ вѣрной побѣды.

Существуй между Цюрихомъ и Берномъ доброе согласіе, разумѣется, цюрихцамъ, при поддержкѣ со стороны своихъ союзниковъ, не потребовалось бы большихъ усилій для одержанія рѣшительной побѣды надъ гораздо слабѣйшими первобытными кантонами; но духъ вражды былъ здѣсь такъ же силенъ, какъ и въ Германіи, и этимъ-то съумѣли воспользоваться первобытные кантоны.

Въ началѣ октября они тайно собрали небольшое войско. Недостатка въ хорошихъ солдатахъ у нихъ не было, кадры были сформированы и готовы къ быстрому нападенію; силы ихъ были достаточно многочисленны, чтобы одолѣть порознь каждаго изъ союзниковъ-противниковъ.

Жители Цюриха были поражены ужасомъ, увидѣвши на своемъ озерѣ флаги первобытныхъ кантоновъ; у нихъ едва хватило времени на то, чтобы хоть кое-какъ вооружиться, и, пока на вершинѣ Альбиса медленно собирались кучки цюрихцевъ, внизу, при Капеллѣ, завязалась битва, въ которой участвовалъ самъ Цвингли, возбуждая мужество своихъ согражданъ. Ихъ было всего не болѣе 2,000 человѣкъ противъ вчетверо сильнѣйшаго непріятеля.

Такимъ образомъ, 11 октября 1531 года произошла битва при Капеллѣ; цюрихцы сражались храбро, и побѣда долгое время была сомнительна, но наконецъ цюрихцы должны были уступить значительно сильнѣйшему непріятелю. Побѣда, одержанная первобытными кантонами, имѣла огромное вліяніе на дальнѣйшее теченіе дѣлъ въ Швейцаріи. Самъ Цвингли погибъ въ послѣдней битвѣ, и въ этомъ обстоятельствѣ сказывается рѣзкая противоположность между міровоззрѣніями Цвингли и Лютера, который не признавалъ права вооруженной силы и послѣднимъ словомъ котораго было: «сохраняйте миръ». Поэтому нельзя судить обоихъ реформаторовъ по одному и тому же масштабу.

Съ дѣятельностію Цвингли связанъ всемірно-историческій принципъ церковнаго управленія: это—*самодержавіе общины*. Въ дѣлѣ религіозной реформы Цвингли рѣшительнѣе, чѣмъ Лютеръ, отвергъ всю обрядность старой церкви, а установленный имъ принципъ верховной власти общины далъ міру такой толчокъ, плодотворныя послѣдствія котораго сдѣлались неисчерпаемы не только для церкви, но и для государственной и общественной жизни.

XVI. ОТНОШЕНІЕ ЦВИНГЛИ КЪ ЛЮТЕРУ И СПОРЪ ИХЪ ОБЪ ЕВХАРИСТІИ.

(*Изъ соч. Ранке: «Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation». B. III*).

Если мы сравнимъ между собою Цвингли и Лютера, то увидимъ, что первому не приходилось переносить такихъ сильныхъ душевныхъ бурь, какія потрясали послѣдняго до глубины души. Такъ какъ Цвингли никогда не былъ безусловно преданъ существующей церкви, то и отдѣленіе отъ нея не стоило ему такихъ громадныхъ и болѣзненныхъ усилій, какъ Лютеру. Онъ сдѣлался реформаторомъ не вслѣдствіе болѣе глубокаго пониманія идеи христіанскаго ученія и его отношенія къ искупленію, что служило исходнымъ пунктомъ для Лютера, но прежде всего потому, что, при своемъ изученіи св. писанія, проникнутомъ глубокимъ стремленіемъ къ истинѣ, онъ увидалъ, что церковь и жизнь находятся въ противорѣчіи съ общимъ смысломъ писанія. Равнымъ образомъ Цвингли не былъ, подобно Лютеру, и университетскимъ ученымъ: онъ никогда серьозно не раздѣлялъ господствующихъ ученій. Задачу своей жизни онъ полагалъ въ томъ, чтобы преобразовать въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи принявшую его республику и возвратить союзъ швейцарскій къ его первоначальнымъ основамъ. Тогда какъ Лютеръ прежде всего стремился къ возвышенію ученія, предполагая, что затѣмъ само собою должно послѣдовать улучшеніе жизни и нравовъ, Цвингли, напротивъ, ставилъ цѣлью своихъ стремленій непосредственное улучшеніе жизни: онъ принималъ во вниманіе, главнымъ образомъ, практическое значеніе общаго смысла писанія; его исходная точка зрѣнія была морально-политическаго характера; несомнѣнно, что вслѣдствіе этого и его религіозныя стремленія получили своеобразную окраску.

Касаясь вопроса о первенствѣ по времени реформаторскихъ стремленій Цвингли, нельзя не признать, что онъ еще до 1517 года развивалъ такія мысли, высказывалъ такія положенія, которыя указывали уже на дальнѣйшую цѣль его стремленій. Но воззрѣнія, высказываемыя имъ, въ то время были

общи многимъ. Самую же существенную сторону дѣла составляла борьба съ церковною властью, отдѣленіе отъ римской церкви, и эту-то борьбу выдержалъ впервые одинъ Лютеръ; онъ впервые проложилъ путь своему ученію въ одно изъ значительныхъ нѣмецкихъ княжествъ и началъ дѣло освобожденія. Когда Лютеръ былъ уже отлученъ Римомъ, Цвингли получалъ еще отъ Рима пенсію. Лютеръ уже исповѣдалъ свое ученіе предъ императоромъ и цѣлымъ государствомъ прежде, чѣмъ Цвингли встрѣтилъ возраженіе на свое ученіе. Весь кругъ дѣятельности послѣдняго былъ совершенно иной. Тамъ въ борьбѣ участвуютъ высшія свѣтскія власти, здѣсь дѣло идетъ прежде всего объ отложеніи одного города отъ его епископства.

Какъ личное развитіе обоихъ реформаторовъ, такъ и внѣшнія условія ихъ дѣятельности (отношеніе къ нимъ властей и тѣ препятствія, съ которыми они должны были бороться) были весьма различны. Равнымъ образомъ и въ направленіи идей, и въ пониманіи евангельскаго ученія, при всей аналогіи, очень скоро оказалось существенное разногласіе въ воззрѣніяхъ того и другаго реформатора.

Главнѣйшее различіе заключается въ томъ, что Лютеръ желалъ удержать изъ существующаго церковнаго строя все, что прямо не отвергалось св. писаніемъ; Цвингли, напротивъ, положилъ отбросить все, что не доказывалось писаніемъ. Лютеръ опирался на существующія основы римской церкви: онъ желалъ только очистить ученіе церкви, согласить его съ Евангеліемъ; Цвингли, напротивъ, считалъ необходимымъ возстановить, насколько возможно, первоначальное простѣйшее церковное устройство; онъ стремился къ коренной реформѣ.

Мы знаемъ, насколько Лютеръ былъ далекъ отъ мысли объ уничтоженіи иконъ: онъ возставалъ только противъ суевѣрія, которое связывалось съ иконопочитаніемъ. Цвингли, напротивъ, смотрѣлъ на иконопочитаніе, какъ на идолопоклонство, и отвергалъ иконы совершенно. Согласно съ его мнѣніемъ высказался и городской совѣтъ въ день Св. Троицы 1524 г.: онъ отвергъ иконы, считая это богоугоднымъ дѣломъ. По счастью, при этомъ удалось избѣжать безпорядковъ, возникавшихъ при подобныхъ обстоятельствахъ во многихъ другихъ мѣстахъ. Три священника съ двѣнадцатью членами совѣта, по одному отъ каждаго цеха, отправились по храмамъ, чтобы подъ своимъ надзоромъ привести въ исполненіе рѣшеніе совѣта. Кресты съ главныхъ алтарей исчезли. Иконы были вынесены изъ алтарей, фрески на стѣнахъ были стесаны и стѣны выбѣлены. По селамъ въ различныхъ мѣстахъ даже самыя драгоцѣнныя иконы сожигались «во славу Божію». Равнымъ образомъ не пощажена была и игра на органѣ,—по причинѣ суевѣрія, которое связывалось съ ней. Богослуженіе должно было отличаться первоначальной простотой. Относительно всѣхъ церковныхъ обрядовъ имѣлось въ виду достиженіе той же цѣли. Былъ установленъ новый обрядъ крещенія,—безъ всѣхъ тѣхъ прибавленій, «которыя не основывались на словѣ Божіемъ». Затѣмъ приступлено было къ измѣненію мессы. Лютеръ удовольствовался опущеніемъ словъ, относящихся къ ученію объ агнцѣ (въ евхаристіи) и возстановленіемъ употребленія чаши. Цвингли—на Пасху 1525 года—устроилъ формальную вечерю любви. Участвующіе сидѣли въ особомъ отдѣленіи храма, между хоромъ и проходомъ, мужчины направо, женщины налѣво; хлѣбъ разносился въ большихъ деревянныхъ блюдахъ, и каждый отламывалъ себѣ кусокъ; затѣмъ разносилось вино въ деревянныхъ сосудахъ. Такимъ образомъ старались по возможности приблизиться къ первоначальному устройству вечери любви.

Здѣсь мы встрѣчаемъ еще болѣе глубокое различіе, которое касается не одного только примѣненія, но и пониманія словъ писанія, относящихся къ этому важнѣйшему изъ всѣхъ священнодѣйствій.

Извѣстно, какъ различно было понимаемо это таинство и въ прежнія времена, именно съ девятаго до одиннадцатаго столѣтія, прежде чѣмъ ученіе о пресуществленіи получило всеобщее признаніе. Неудивительно поэтому, если теперь, когда это ученіе было поколеблено, является новое разногласіе въ пониманіи.

Вскорѣ, послѣ того какъ Лютеръ отвергъ чудо пресуществленія, въ умахъ многихъ возникла идея о томъ, не слѣдуетъ ли, вообще, помимо этого, придавать иной смыслъ словамъ, произносимымъ при совершеніи таинства. Самъ Лютеръ признается, что онъ склонялся къ подобнымъ же воззрѣніямъ; но такъ какъ съ самаго начала во внѣшней и во внутренней борьбѣ его побѣдоноснымъ оружіемъ всегда являлся текстъ св. писанія, буквальное пониманіе его смысла, то и въ данномъ случаѣ онъ оставилъ свои сомнѣнія, твердо держась прямаго смысла текста, и призналъ присущность тѣла и крови Христова въ евхаристіи, не вдаваясь въ опредѣленіе того, какъ это происходитъ.

Но не всѣ были такъ сдержанны, такъ безусловно подчинены буквальному значенію текста, какъ Лютеръ.

Прежде всѣхъ осмѣлился выступить съ новымъ объясненіемъ Карлштадтъ, въ то время, когда онъ въ 1524 г. долженъ былъ бѣжать изъ Саксоніи; хотя объясненіе оказалось несостоятельнымъ съ экзегетической стороны и впослѣдствіи онъ самъ отказался отъ него, тѣмъ не менѣе онъ высказалъ при этомъ нѣсколько вѣскихъ аргументовъ и далъ новый сильный толчокъ движенію умовъ въ этомъ направленіи.

Въ Базелѣ скромный, благочестивый Эколампадіусъ, пришедшій къ подобнаго же рода воззрѣніямъ, сталъ стыдиться того, что такъ долго скрываетъ свои сомнѣнія, проповѣдуетъ ученіе, въ истинѣ котораго самъ не вполнѣ убѣжденъ, и наконецъ мужественно рѣшился не скрывать болѣе того, какъ онъ понимаетъ смыслъ словъ, произносимыхъ при совершеніи таинства евхаристіи.

Цвингли же, который при изученіи св. писанія вникалъ болѣе въ смыслъ цѣлаго, чѣмъ въ смыслъ отдѣльныхъ мѣстъ, и считалъ необходимымъ постоянно возвращаться къ классической древности, пришелъ къ тому убѣжденію, что слово «есть» въ словахъ, произносимыхъ при совершеніи таинства причащенія, означаетъ не что иное, какъ «знаменуетъ». Уже въ іюнѣ 1523 г. въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ заявляетъ, что истинный смыслъ евхаристіи можетъ быть правильно понятъ только тогда, когда хлѣбъ и вино, употребляемые при этомъ, будутъ разсматриваемы такъ же, какъ вода при крещеніи.

Когда онъ приступалъ къ измѣненію литургіи, то намѣревался также, какъ онъ говорилъ, возстановить настоящее значеніе евхаристіи.

Когда же Карлштадтъ высказалъ мнѣніе, весьма близко подходящее къ его собственному мнѣнію, хотя и не могъ доказать его болѣе вѣскими доводами, то Цвингли рѣшилъ, что онъ не можетъ и не долженъ долѣе молчать. Прежде всего онъ высказалъ свое объясненіе въ печатномъ письмѣ къ одному священнику въ Рейтлингенѣ (въ ноябрѣ 1524), а затѣмъ подробно изложилъ его въ своемъ сочиненіи «объ истинной и ложной религіи». Какъ ни мало придавалъ онъ значенія объясненію Карлштадта, тѣмъ не менѣе воспользовался нѣкоторыми изъ его аргументовъ, напр., тѣмъ, что тѣло Христово, находясь на небеси, не можетъ быть прямо, реально предлагаемо вѣрующимъ на землѣ. Главнымъ же образомъ онъ опирался на шестую главу Евангелія отъ Іоанна, которая, по его мнѣнію вполнѣ уяснила ему истинное значеніе евхаристіи.

1524 годъ является однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи западной христіанской церкви: въ этомъ году произошло отпаденіе евангелической церкви отъ католической, а вслѣдъ затѣмъ обнаружилось и то ученіе, которое, въ свою очередь, произвело рѣзкое раздвоеніе въ самой новоотдѣлившейся евангелической церкви.

Лютеръ нисколько не колебался объявить и Цвингли однимъ изъ тѣхъ мечтателей, съ которыми ему такъ часто приходилось бороться; онъ совершенно не принялъ во вниманіе того, что уничтоженіе иконопочитанія въ Цюрихѣ было санкціонировано авторитетомъ общественной власти и что Цвингли удалился отъ существовавшихъ доселѣ постановленій церкви только нѣсколькими шагами далѣе, чѣмъ онъ самъ. Вообще Лютеръ имѣлъ только смутное понятіе о положеніи дѣлъ въ Швейцаріи. Съ большой горячностью началъ онъ борьбу.

Здѣсь неумѣстно было бы приводить политическія сочиненія и аргументы, которыми обмѣнивались оба реформатора: мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями.

Несомнѣнно, что споръ не могъ быть рѣшенъ однимъ экзегетическимъ путемъ, т. е. толкованіемъ текста св. писанія. Что слово—«есть» можетъ имѣть переносное значеніе, этого въ сущности нельзя отвергать, и не отвергаетъ даже самъ Лютеръ. Онъ придаетъ подобное переносное значеніе, напр., выраженіямъ: «Христосъ есть камень, виноградная лоза,» потому что Христосъ не можетъ быть дѣйствительнымъ «камнемъ». Онъ отрицаетъ только, чтобы это слово имѣло и должно было имѣть такое же значеніе въ данномъ случаѣ.

Отсюда становится яснымъ, что причина разногласія заключалась въ общемъ пониманіи писанія.

Противъ буквальнаго пониманія текста Цвингли приводитъ прежде всего то возраженіе, что Христосъ самъ сказалъ: «я не всегда буду съ вами»; слѣдовательно, невозможно Его всегдашнее присутствіе и въ евхаристіи; далѣе, такъ какъ Онъ долженъ быть вездѣсущъ, то мѣстное вездѣсущіе немыслимо.

Лютеръ, вслѣдствіе какъ-бы врожденной боязни отступить отъ простаго, яснаго смысла текста, отвѣчаетъ обыкновенно, что онъ держится непреложнаго изреченія: для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Но несомнѣнно, что Лютеръ не остановился бы на этомъ, если бы, вслѣдствіе болѣе глубокаго пониманія смысла текста, не чувствовалъ себя выше подобныхъ возраженій. Въ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ и въ преніяхъ о немъ Лютеръ исходитъ изъ ученія о соединеніи во Христѣ божескаго и человѣческаго естества. Онъ находитъ, что это соединеніе болѣе тѣсное, чѣмъ соединеніе души съ тѣломъ: оно не могло быть разрушено и смертію. Человѣческое естество во Христѣ чрезъ соединеніе съ божескимъ стало превыше всей природы,—внѣ и надъ всѣмъ созданнымъ.

По ученію Лютера, тождество божеской и человѣческой природы Христа выражается въ евхаристіи. Тѣло Христово есть самъ Христосъ божескаго естества, стоящее выше условій всего созданнаго, и потому-то оно и можетъ быть сообщаемо вѣрующимъ въ хлѣбѣ. Возраженіе, что, по словамъ самого Христа, онъ не всегда будетъ на землѣ, Лютеръ съ полнымъ основаніемъ опровергаетъ тѣмъ объясненіемъ, что Христосъ разумѣлъ при этомъ только свое земное существованіе.

Мы неоднократно замѣчали, что Лютеръ уклоняется отъ установленныхъ положеній религіи лишь настолько, насколько его безусловно вынуждаютъ

къ этому слова писанія. Внести что либо новое, или ниспровергнуть существующее, если оно не прямо противорѣчитъ писанію,—это такія мысли, которыя чужды его душѣ. Онъ признавалъ бы латинскую церковь въ ея историческомъ развитіи, если бы ея ученіе не было искажено чуждыми, противорѣчащими прямому смыслу Евангелія, позднѣйшими измѣненіями и добавленіями; онъ признавалъ бы самую іерархію, если бы она допускала свободу слова. Но такъ какъ этого не могло быть, то онъ по необходимости принялъ на себя миссію—возстановить чистоту христіанскаго ученія. Не безъ сильной внутренней борьбы освободился онъ отъ случайныхъ и неоснованныхъ на писаніи добавленій, ибо душа его сжилась съ церковными преданіями. Но тѣмъ непоколебимѣе онъ стоялъ за евхаристію, насколько она согласовалась и подтверждалась словами писанія. Онъ въ состояніи былъ проникнуть въ тотъ глубокій смыслъ, который первоначально составлялъ основу таинства; онъ былъ воспріимчивъ къ величественной мистикѣ и былъ проникнутъ ею.

Несомнѣнно, что Лютеръ отпалъ отъ римской церкви, или, скорѣе, былъ отвергнутъ ею, и что онъ нанесъ ей вреда болѣе, чѣмъ какой либо другой человѣкъ. Тѣмъ не менѣе онъ никогда не отрекается отъ своей первоначальной коренной связи съ римскою церковью. Если мы вникнемъ во всемірно-историческое движеніе религіозной мысли и ученія, то увидимъ, что Лютеръ является органомъ, посредствомъ котораго римская церковь преобразовалась въ новую, болѣе свободную, менѣе іерархическую и снова ставшую внѣ противорѣчій съ первоначальными стремленіями христіанства.

Мы должны признать, что понятія Лютера, въ особенности въ данномъ случаѣ, заключали въ себѣ нѣчто индивидуальное, что̀ не каждому могло быть понятно, какъ не каждый могъ раздѣлять его положеніе. По настроенію своихъ мыслей Лютеръ остался болѣе вѣренъ церковнымъ воззрѣніямъ, чѣмъ кто либо изъ личностей съ глубокимъ и сильнымъ умомъ, принимавшихъ горячее участіе въ умственномъ движеніи вѣка. Какъ доводы Цвингли не могли убѣдить Лютера, такъ и воззрѣнія Лютера не могли произвести глубокаго впечатлѣнія на Цвингли.

Цвингли, какъ замѣчено, не былъ глубоко проникнутъ идеею католической церкви, связью съ доктринами протекшихъ столѣтій. Его, какъ природнаго республиканца, занимала мысль объ общинѣ и обо многомъ другомъ, ибо и теперь онъ старался скрѣпить свою цюрихскую общину строгой церковной дисциплиной. Онъ стремился удалить изъ общины преступниковъ, уничтожилъ дома терпимости, изгонялъ изъ города непотребныхъ женщинъ и нарушительницъ брака. Съ такими воззрѣніями онъ соединялъ свободное, чуждое всякаго предвзятаго догматизма, изученіе священнаго писанія. Если мы не ошибаемся, то онъ дѣйствительно выказалъ тонкое и глубокое пониманіе первоначальнаго смысла писанія. На евхаристію онъ смотрѣлъ, какъ на вечерю воспоминанія и любви, что показываетъ и введенный имъ обрядъ. Онъ основывался на словахъ апостола Павла, что «мы одно тѣло, потому что ѣдимъ единый хлѣбъ». Ибо каждый, говоритъ онъ, чувствуетъ себя членомъ общины, признающей Христа своимъ Спасителемъ, и въ которой всѣ христіане составляютъ какъ-бы единое тѣло: это есть именно община крови Христовой. По крайней мѣрѣ, самъ Цвингли не говоритъ, чтобы онъ считалъ евхаристію только за простой хлѣбъ. «Когда раздѣляется (между вѣрующими) хлѣбъ и вино, тогда,—говоритъ онъ,— не чувствуется ли, что предлагается какъ-бы самъ Христосъ?» Ему особенно было пріятно, что онъ этимъ путемъ непосредственно достигалъ практическаго результата. Ибо какимъ образомъ можно не радѣть о христіанской жизни и

христіанской любви, сознавая, что принадлежишь къ единому Тѣлу? Недостойный становится повиннымъ въ тѣлѣ и крови Христовой. И ему, дѣйствительно, привелось испытать счастіе видѣть, что введенный имъ обрядъ и смыслъ, вложенный въ него, способствовали прекращенію даже давнишней, закоренѣлой вражды между членами общины.

Хотя Цвингли самъ выставляетъ на видъ ту долю сверхъестественнаго пониманія, которое осталось еще въ его воззрѣніяхъ на евхаристію, тѣмъ не менѣе ясно, что евхаристія уже не есть для него то таинство, которое доселѣ служило средоточіемъ богослуженія въ латинской церкви.

Лютеръ съ перваго же момента своей реформаторской дѣятельности былъ очень рѣзко отвергнутъ римской куріей, тогда какъ къ Цвингли относились первоначально съ величайшимъ снисхожденіемъ: еще въ 1523 году онъ получилъ отъ Адріана VI чрезвычайно милостивое бреве, въ которомъ игнорировались всѣ цвингліевы нововведенія. Несмотря на это, ясно, что впослѣдствіи Цвингли явился болѣе рѣзкимъ и непримиримымъ противникомъ установленій римской церкви, чѣмъ Лютеръ. Служеніе и догма, выработавшіяся въ теченіе вѣка, болѣе не производили на него никакого впечатлѣнія: уклоненія, сами по себѣ несущественныя, но къ которымъ примѣшивались злоупотребленія, онъ отвергъ съ такою же рѣшительностію, какъ самыя злоупотребленія; онъ стремился возстановить древнѣйшіе обряды, въ которыхъ впервые выразился христіанскій принципъ; правда, онъ стремился къ возстановленію только формъ, а не сущности, но формъ первичныхъ, слѣдовательно, наиболѣе чистыхъ и наиболѣе соотвѣтствующихъ духу христіанскаго ученія.

Лютеръ, какимъ ни былъ горячимъ противникомъ папы и свѣтскаго господства іерархіи, оставался въ самомъ своемъ ученіи и обрядахъ, насколько возможно, консервативнымъ, глубоко чтущимъ всѣ учрежденія, возникшія исторически; онъ былъ глубоко проникнутъ значеніемъ таинства. Цвингли былъ рѣшительнѣе, радикальнѣе въ преобразованіи церковныхъ установленій; онъ болѣе обращалъ внимания на потребности обыденной жизни, былъ простъ, благоразуменъ.

Если бы Лютеръ остался одинъ съ своими учениками, то принципъ реформаціи скоро сдѣлался бы неподвижнымъ; его живая, прогрессивно развивающаяся сила, можетъ быть, скоро изсякла бы. Относительно Цвингли этого нельзя предположить. Но если бы возникло только одно его ученіе, то это было бы рѣзкимъ перерывомъ въ постепенномъ ходѣ историческаго развитія церковныхъ установленій.

Такимъ образомъ, уже какъ-бы божественнымъ провидѣніемъ было предназначено, чтобы эти два церковныхъ воззрѣнія развивались единовременно. И дѣйствительно, оба они, возникши и развившись каждое само по себѣ, въ силу своей внутренней необходимости, дополняли одно другое.

Но еще со времени возникновенія инквизиціонныхъ судилищъ и съ утвержденія господства догматической системы и свойственной ей нетерпимости укоренилось такое закоснѣлое понятіе о правовѣріи, что оба вновь возникшія исповѣданія прежде всего, оставляя въ сторонѣ своего общаго противника, католическую церковь, вступили между собою въ ожесточенную борьбу.

XVII. ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКАЯ ВОЙНА.

(Изъ статей Кудрявцева: «Карлъ V.» «Рус. Вѣст.» 1856 г).

Постоянно и много теряя въ своихъ внѣшнихъ предпріятіяхъ оттого, что все-еще не рѣшенъ былъ главный вопросъ во внутренней политикѣ, Карлъ наконецъ и самъ почувствовалъ необходимость заняться имъ предпочтительно передъ всѣми другими и такъ или иначе раздѣлаться навсегда съ протестантами. Это не было свободное рѣшеніе его воли, а вынужденная уступка обстоятельствамъ. И въ самомъ дѣлѣ, если Карлъ не хотѣлъ дождаться того, чтобы протестанты стали ему предписывать свою волю по разнымъ вопросамъ внутренней германской политики, то онъ не могъ болѣе откладывать послѣдняго разсчета съ ними, потому что дошло уже до того, что союзъ не признавалъ надъ собою никакого другаго авторитета, кромѣ императорскаго, да и съ нимъ постоянно находился въ оппозиціи и все чаще и чаще присвоивалъ себѣ вооруженную расправу, принадлежавшую высшей власти въ имперіи.

Въ 1542 г. главы протестантскаго союза, по соглашенію съ прочими его членами, издали отъ себя декларацію, въ которой объявляли, что не признаютъ болѣе надъ собою власти имперскаго суда и не намѣрены впредь подчиняться его приговорамъ, а когда, въ началѣ слѣдующаго года, сеймъ собрался въ Нюренбергѣ, они уже прямо потребовали, чтобы имперскій судъ былъ распущенъ, и прежніе его члены замѣщены новыми. Наконецъ, они не только не хотѣли подчиняться установленнымъ авторитетамъ, но и требовали преобразованія ихъ въ своемъ духѣ.

Прежде Карлъ, занятый своими воинственными планами, обращенными въ одно время противъ запада и востока, старался привлечь на свою сторону членовъ протестантскаго союза и не постоялъ даже за обѣщаніе устроить вновь имперскій судъ по ихъ желанію. Въ слѣдующемъ году, когда опять поднятъ былъ вопросъ о рѣшеніи спора на соборѣ, который съ папскаго согласія долженъ былъ въ скоромъ времени открыться въ Тридентѣ, они же, вопреки мнѣнію большинства и самого императора, настояли на томъ, что помимо собора,—какъ будто его и не существовало вовсе,—рѣшеніе опять предоставлено было будущему религіозному совѣщанію, и для этой цѣли назначены засѣданія особой коммисіи въ Регенсбургѣ.

Если бы еще эти уступки вели къ той цѣли, которую Карлъ постоянно имѣлъ въ виду, то-есть къ умиротворенію Германіи, или выкупались сторонними выгодами! Но до сихъ поръ выигрывали только протестанты и отъ однихъ требованій переходили къ другимъ. Карлу наконецъ открылись глаза на то положеніе, которое онъ составилъ для нихъ въ государствѣ своими уступками. Онъ увидѣлъ наконецъ то, что долженъ былъ бы понять съ самаго начала, то-есть что надобно или рѣшиться дѣйствовать энергически и обуздать протестантовъ силою, или обречь себя на полное торжество протестантовъ въ Германіи. Въ немъ утвердилось первое рѣшеніе.

Карлъ V рѣшился вступить въ открытую борьбу съ протестантами. Но мы отступили бы отъ исторической истины, если бы захотѣли все приписать однимъ только общимъ мотивамъ. Важнѣйшія рѣшенія Карла обыкновенно истекали прежде всего изъ личныхъ интересовъ, видовъ, желаній или симпатій; общіе же или государственные большею частію стояли уже на второмъ планѣ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Предѣлы круга, въ которомъ происходило обращеніе новыхъ религіозныхъ идей, въ послѣдніе годы раздвинулись очень ши-

роко во всѣхъ направленіяхъ. Особенно значительны были успѣхи, сдѣланные реформою на югѣ и на западѣ, то-есть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она, повидимому, всего менѣе могла ожидать себѣ сочувствія. Такъ, въ 1542 г. она введена была въ Регенсбургѣ. Примѣру Регенсбурга не замедлилъ послѣдовать и верхній Пфальцъ. Даже въ Австріи число приверженцевъ протестантизма увеличивалось съ каждымъ годомъ, особенно въ высшихъ сословіяхъ. Другое движеніе, выходя изъ Виртемберга и Вестфаліи, которые уже съ тридцатыхъ годовъ принадлежали новому ученію, все болѣе и болѣе захватывало прирейнскія земли. Протестантская община основалась въ Мецѣ, сильная наклонность къ реформѣ обнаружилась и въ Кельнѣ. Реформатское направленіе скоро получило здѣсь особенную важность. Во главѣ его сталъ самъ архіепископъ города, одно изъ первыхъ духовныхъ лицъ въ имперіи. Примѣры обращенія бывали и прежде между духовными князьями, но никому не приходило въ голову, чтобы протестантизмъ могъ найти себѣ приверженцевъ между духовными курфюрстами, которые составляли главную опору католицизма въ Германіи. Въ 1542 г. на собраніи мѣстныхъ чиновъ въ Боннѣ курфюрстъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи, а съ 1543 г. начались уже и самыя религіозныя нововведенія, совершавшіяся вездѣ подъ покровительствомъ самого курфюрста.

Изъ всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ протестантизмомъ внутри Германіи, это было самое чувствительное для императора. Во-первыхъ, непростительно было въ его глазахъ отступничество такого лица, какъ духовный курфюрстъ, ибо оно подавало самый дурной примѣръ другимъ. И въ самомъ дѣлѣ, епископъ мюнстерскій ждалъ только утвержденія реформы въ Кельнѣ, чтобы ввести ее и въ своихъ владѣніяхъ. Но всего болѣе тревожило Карла то неизбѣжное вліяніе, которое преобразованное курфюршество, какъ по своему положенію, такъ и нравственному значенію, должно было имѣть на сосѣдственныя нидерландскія провинціи. Нидерланды были дороги Карлу V во многихъ отношеніяхъ. Это была не только родная ему страна, гдѣ онъ выросъ и воспитался, и откуда вынесъ большую часть своихъ понятій и правилъ, но и самый вѣрный, если не самый главный, источникъ его финансовыхъ средствъ. Между тѣмъ, примѣру Кельна тогда же готовы были послѣдовать многіе города въ Нидерландахъ. Встревоженный Карлъ немедленно принялъ строгія мѣры, чтобы подавить броженіе въ самомъ его началѣ. Но всѣ эти мѣры были бы недѣйствительны, если бы реформа утвердилась въ Кельнѣ. Чтобы успокоить Нидерланды, надобно было положить прежде конецъ нововведеніямъ въ курфюршествѣ.

Обстоятельства расположились такъ, что, кромѣ внутренней войны, императору не оставалось другаго выхода. Чѣмъ болѣе налегалъ онъ на измѣнившаго католицизму курфюрста, думая сдержать его своимъ авторитетомъ и грозою внѣшняго принужденія, тѣмъ больше запутывались отношенія его къ членамъ протестантскаго союза, ибо давленіе, производимое на протестантизмъ на Рейнѣ, живо чувствовалось и въ Виттенбергѣ. Сначала Карлъ предостерегалъ курфюрста письменно; наконецъ, когда всѣ такого рода внушенія оказались безполезны, въ маѣ 1545 г. онъ самъ явился въ Кельнъ. Первымъ его дѣломъ въ столицѣ архіепископа было ободрить мѣстную оппозицію, которая, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ капитулѣ и въ духовномъ сословіи города. Затѣмъ послѣдовало запрещеніе распространять новое ученіе въ стѣнахъ Кельна и поднятъ вопросъ о возстановленіи инквизиціонной коммисіи. Самому же архіепископу дано было знать, что курфюршеское его достоинство нераздѣльно соединено съ епископскимъ саномъ, или, другими словами, что съ

переходомъ къ протестантизму онъ долженъ лишиться и самой своей власти,— и, чтобы въ намѣреніяхъ императора не оставалось никакого сомнѣнія, на курфюрста подана была жалоба въ Римъ и начатъ противъ него формальный процессъ. Нѣсколько времени спустя, Карлъ опять посѣтилъ Кельнъ и еще разъ имѣлъ свиданіе съ курфюрстомъ. Тутъ онъ могъ убѣдиться еще болѣе, что имѣлъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ непреклонныхъ характеровъ, на которые не дѣйствуютъ никакія угрозы. Когда императоръ напомнилъ ему, что въ случаѣ упорства, его ожидаетъ лишеніе курфюршескаго достоинства, то онъ очень спокойно отвѣчалъ ему, что въ крайнемъ случаѣ онъ готовъ возвратиться къ своему прежнему званію. Послѣ того Карлу не оставалось ничего болѣе, какъ совершенно устранить непокорнаго архіепископа и замѣстить его другимъ лицомъ, котораго преданность католицизму не подлежала бы сомнѣнію.

Въ концѣ 1545 года, на собраніи мѣстныхъ чиновъ въ Боннѣ, курфюрстъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи обратиться съ просьбою къ членамъ Шмалькальденскаго союза, чтобы они приняли участіе въ его дѣлѣ. Чины одобрили его мысль, и она тотчасъ приведена была въ исполненіе. Шмалькальденцы очень хорошо знали, какъ близко къ сердцу принималъ Карлъ вопросъ о кельнской реформѣ, но тѣмъ не менѣе обѣщали курфюрсту защищать его дѣло, какъ свое собственное, и тотчасъ сдѣлали о немъ сильное представленіе самому императору; когда же пронесся слухъ, что Карлъ намѣренъ, проѣздомъ на регенсбургскій сеймъ, явиться въ Кельнъ съ военною силою и низложить своею властію ослушника, они не постояли и за обѣщаніемъ дѣйствительной помощи своему новому союзнику, въ случаѣ направленнаго противъ него вооруженнаго нападенія. Это смѣлое вмѣшательство союза въ такое дѣло, котораго рѣшеніе Карлъ предоставлялъ себѣ лично, глубоко оскорбило его самолюбіе. Между тѣмъ, открывались уже новые виды на увеличеніе внѣшняго объема и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на приращеніе самыхъ силъ союза. Въ началѣ 1546 г. реформа была введена въ Пфальцѣ, и тамошній курфюрстъ также искалъ чести быть принятымъ въ число членовъ протестантской лиги. Наконецъ, съ перемѣною курфюрста въ Майнцѣ, и тамъ обнаружились подобныя же наклонности. Еще двατри такія пріобрѣтенія со стороны протестантизма, и католическое большинствс въ Германіи распалось бы само собою. Карлъ V живо почувствовалъ опасность и писалъ папѣ, что пришло время, когда оба они могутъ сказать о себѣ, что Германія не хочетъ ихъ знать болѣе. Съ своей стороны, папа не менѣе его былъ проникнутъ тѣмъ же самымъ сознаніемъ. На просьбу императора о денежномъ пособіи въ 100,000 дукатовъ онъ отвѣчалъ готовностію не только помочь ему втрое большею суммою, но и содѣйствовать его намѣреніямъ всѣмъ своимъ достояніемъ и не пожалѣть для него самой тіары. Передъ лицемъ сознанной общей опасности папѣ и императору легко уже было согласиться между собою и устранить всѣ недоразумѣнія. Сначала Карлъ уступилъ желанію римскаго двора относительно открытія собора въ Тридентѣ, которое и послѣдовало въ концѣ 1545 года. Затѣмъ, въ первыхъ мѣсяцахъ слѣдующаго года, папа принялъ условія императора и заключилъ съ нимъ тѣсный союзъ на войну съ протестантами.

Между тѣмъ, въ Германіи еще продолжались совѣщанія о мирѣ, религіозномъ и политическомъ. Казалось, обѣ стороны желали и надѣялись еще достигнуть соглашенія въ своихъ требованіяхъ. Императоръ весьма благосклонно принялъ ходатайство саксонскаго курфюрста за кельнскаго архіепископа и обѣщалъ не произносить иначе рѣшенія въ его дѣлѣ, какъ по соглашенію со всѣми членами имперіи. Встрѣтившись потомъ съ ландграфомъ въ Шпейерѣ,

на пути къ регенсбургскому сейму, онъ всячески старался увѣрить его въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ. На предстоявшемъ регенсбургскомъ сеймѣ, казалось, должны были разрѣшиться и послѣднія недоумѣнія. Но все это была только искусная стратегема со стороны Карла, готовившагося въ это время къ войнѣ съ Шмалькальденскимъ союзомъ, съ цѣлію отвести глаза протестантамъ. Но, рѣшаясь на открытую войну съ протестантами, Карлъ приносилъ въ жертву этому новому, вынужденному у него обстоятельствами предпріятію всѣ свои прежніе замыслы. Онъ отказывался даже отъ нѣкоторыхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ имъ прежде; онъ отрекся отъ своихъ завоевательныхъ плановъ на Турцію и унизился до постыднаго примиренія съ нею въ то самое время, когда она всего менѣе могла быть опасна для имперіи, но за то хотѣлъ вознаградить себя полнымъ и вѣрнымъ успѣхомъ въ войнѣ съ своими внутренними врагами. Чтобы отважиться поднять мечъ противъ протестантовъ, Карлу надобно было заранѣе обезпечить себя со всѣхъ сторонъ противъ неудачи. Иначе эта опасная игра не стоила бы свѣчъ въ его глазахъ. Онъ приносилъ на внутреннюю борьбу всѣ свои умственныя силы, всѣ свои дѣятельныя способности, свое личное мужество, неусыпную бдительность, искусство интриги, хитрость, притворство, вмѣстѣ съ огромными военными средствами. Чѣмъ далѣе продержался бы обманъ протестантовъ, тѣмъ лучше было бы для Карла: если бы ему и не удалось застать ихъ совершенно врасплохъ, все же онъ засталъ бы ихъ недовольно приготовленными.... И въ самомъ дѣлѣ, даже на регенсбургскомъ съѣздѣ 1546 года, поставленные лицомъ къ лицу передъ своими противниками, шмалькальденцы все-еще были въ заблужденіи насчетъ своего положенія. Безпрестанно слыша о вооруженіяхъ императора, ландграфъ въ объясненіе имъ могъ указать только двѣ цѣли—или Піемонтъ, или Алжиръ. Въ первый разъ Карлъ нѣсколько обличилъ свое рѣшеніе, когда на томъ же сеймѣ ему представили отвѣтъ протестантскихъ чиновъ на его требованія: онъ на минуту потерялъ свою обычную важность и засмѣялся.

Это было выраженіе самодовольнаго чувства, внушеннаго Карлу увѣренностію въ близорукости его враговъ и въ своемъ близкомъ торжествѣ надъ ними. Дѣйствительно, на его сторонѣ было множество выгодъ. Минута была выбрана очень благопріятная, и всѣ внѣшнія отношенія устроены такъ, что Карлъ ни съ какой стороны не могъ опасаться помѣхи себѣ. Мы уже сказали о перемиріи съ турками. Франціи тоже были связаны руки не столько Крепійскимъ миромъ, сколько продолжавшеюся войною съ Англіею. Новый трактатъ съ папою передавалъ въ руки Карла значительную часть ватиканскихъ сокровищъ. Располагая этими чрезвычайными средствами, Карлъ могъ въ одно и то же время производить вооруженія въ разныхъ частяхъ Германіи. Прежде чѣмъ протестантамъ открылись глаза на опасность, у него уже въ разныхъ частяхъ Германіи происходила дѣятельная вербовка ландскнехтовъ; вся Италія, отъ Тироля до Неаполя, занята была военными приготовленіями, и, сверхъ того, третья армія готовилась въ Нидерландахъ. Въ то же время онъ успѣлъ увеличить число своихъ союзниковъ въ самой Германіи. Между прочимъ, герцогъ Баварскій, доселѣ державшійся отдѣльно, не устоялъ противъ обольщенія заслужить курфюршеское достоинство, на которое онъ могъ имѣть виды въ случаѣ опалы курфюрста Пфальцскаго, и вступилъ въ тѣсный союзъ съ императоромъ. Но самое важное пріобрѣтеніе, безспорно, сдѣлано было Карломъ внутри самаго протестантскаго лагеря. Это была самая мастерская штука его дипломатическаго искусства. Онъ создалъ протестантамъ скрытаго и потому особенно опаснаго врага среди ихъ самихъ. По тонкому разсчету Карла, одно изъ не-

давнихъ и весьма важныхъ пріобрѣтеній Шмалькальденскаго союза должно было превратиться въ орудіе его конечнаго пораженія. Однимъ словомъ, незадолго до открытія войны, Морицъ, молодой герцогъ Саксонскій, вступилъ въ тайный союзъ съ главою имперіи противъ своихъ единовѣрцевъ.

У Карла былъ особенный даръ открывать и переманивать къ себѣ способныя орудія, которыя могли бы служить его цѣлямъ, даже изъ непріятельскаго лагеря. Такъ нѣкогда, переманилъ онъ къ себѣ Карла Бурбона отъ Франциска; такъ теперь умѣлъ онъ подготовить себѣ надежнаго союзника въ самомъ тылу у протестантовъ. Пока былъ живъ герцогъ Георгъ, католицизмъ имѣлъ въ немъ надежнаго покровителя себѣ въ саксонскихъ владѣніяхъ. Только-что заступившій мѣсто Георга братъ его Генрихъ открылъ протестантизму свободный входъ въ свои земли и самъ вошелъ въ союзъ съ шмалькальденцами. Но ему какъ будто суждено было только очистить дорогу для своего сына. Въ 1541 г. Генрихъ умеръ, и Морицъ принялъ послѣ него наслѣдство уже въ преобразованномъ видѣ. Съ Морицомъ вступало въ ряды владѣтельныхъ лицъ имперіи новое поколѣніе людей, то, которое уже было воспитано въ духѣ новаго религіознаго ученія. Для нихъ вопросъ о реформѣ не существовалъ болѣе: въ ихъ понятіяхъ это было уже рѣшенное дѣло, о которомъ излишне было бы вновь начинать безполезный споръ. Реформа предупредила въ нихъ всѣ сомнѣнія и стала дѣломъ привычки. Но, сравнительно съ своими предшественниками, второе поколѣніе не имѣло уже къ ней прежней горячности. Какъ тѣ даже на политическіе вопросы смотрѣли большею частію съ религіозной точки зрѣнія, такъ послѣдніе въ самыхъ религіозныхъ спорахъ болѣе наклонны были дѣйствовать на основаніи политическихъ побужденій. Мысль ихъ не была уже поглощена одною исключительною идеею; они легко отдѣляли свое убѣжденіе отъ политики. По тому самому въ нихъ опять сильнѣе могли заговорить личныя страсти, и врожденное властолюбіе снова начинало играть свойственную ему роль при рѣшеніи политическихъ споровъ. Таковъ былъ Морицъ, молодой герцогъ саксонскій. Въ немъ жилъ безпокойный духъ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ удовлетвориться даннымъ положеніемъ. Онъ не измѣнилъ бы своему убѣжденію изъ-за своихъ честолюбивыхъ видовъ, но и не сталъ бы стѣсняться въ нихъ ради убѣжденія. Природа его была въ высшей степени практическая, ему нуженъ былъ преже всего просторъ для дѣйствія,—и какъ владѣнія герцога тѣсно граничили съ землями саксонскаго курфюрста, то ему первому пришлось испытать на себѣ свободныя движенія своего безпокойнаго соседа. Между ними были нѣкоторые старые счеты, перешедшіе къ нимъ по наслѣдству; интересы ихъ раздѣлились еще болѣе, когда протестантскимъ князьямъ открылись виды утвердиться, подъ тѣмъ или другимъ титуломъ, въ Магдебургѣ и Гальберштадтѣ, освободившихся посредствомъ реформы отъ власти своего архіепископа. Тутъ обнаружилось впервые, что протестантская политика начинала высвобождаться изъ-подъ исключительнаго вліянія религіозныхъ побужденій. Морицъ нисколько не былъ расположенъ уступить преимущество старшему члену своего рода и смѣло простиралъ свои виды на Магдебургъ, даже съ опасностію нарушить единство протестантскаго союза и возмутить его внутреннее согласіе, которымъ онъ силенъ былъ противъ католическаго большинства. Если онъ тогда же не привелъ своихъ намѣреній въ исполненіе, то это лишь потому, что одинъ не въ состояніи былъ бороться съ курфюрстомъ Ему нужно было пособіе сильной руки... Сначала Гранвелла, а черезъ него довольно скоро и самъ императоръ оцѣнили природу этого человѣка и угадали его потребности. Правда, что онъ не спѣшилъ явно отдѣлиться отъ Шмаль-

кальденскаго союза, дѣйствовалъ заодно съ его членами и еще весною 1546 г. обѣщалъ имъ стоять за дѣло реформы до послѣдней возможности; но всѣ эти наружные признаки не обманули проницательности императора и его близкихъ совѣтниковъ и не помѣшали имъ отличить честолюбиваго герцога отъ прочихъ членовъ союза. По чувству взаимной нужды, съ обѣихъ сторонъ попробовали вступить въ переговоры. Морицъ обязался служить императору, а тотъ, въ свою очередь, обѣщалъ утвердить его во владѣніи Магдебургомъ и Гальберштадтомъ. Вопросъ о реформѣ умѣли обойти довольно искусно, такъ что онъ не помѣшалъ успѣху переговоровъ. Какъ бы то ни было, цѣль Карла V привязать къ себѣ въ предстоявшей борьбѣ самое энергическое лицо между приверженцами реформы была достигнута, и онъ былъ совершенно правъ, когда, черезъ нѣсколько дней потомъ, выражалъ полную увѣренность въ успѣхѣ своихъ замысловъ.

Передъ этимъ искусствомъ вести дѣла, передъ этою ловкостію интриги, какъ поразительна недальновидность протестантовъ, которые готовы были предостерегать отдаленный Піемонтъ, не замѣчая того, что гроза сбиралась прямо надъ ихъ головами! Хитрости и опытности они могли противопоставить только свою простоту и излишнюю довѣрчивость къ другимъ. Конечно, ихъ нельзя было застать совершенно врасплохъ: они давно были вооружены и всегда готовы принять вызовъ; въ этомъ отношеніи они даже превосходили своихъ противниковъ, которые должны были вновь собирать войска и дѣлать вооруженія. Но какъ незначительны были, даже взятыя вмѣстѣ, силы союза передъ тѣми, которыя должны были собраться подъ знаменемъ Карла! Извнѣ никакой помощи, внутри весьма чувствительное распаденіе и тайная измѣна.

Къ этому надобно еще присоединить недостатокъ строгаго единства, ибо союзъ имѣлъ нѣсколькихъ начальниковъ, но ни одного постояннаго главы. Наконецъ, передъ самымъ почти открытіемъ борьбы, онъ потерялъ того, кто по справедливости могъ считаться его душою. Виновникъ реформы сошелъ со сцены прежде, чѣмъ наступилъ рѣшительный кризисъ. Онъ умеръ во-время для себя. Его назначеніе было исполнено; мысль его осуществилась, приняла видимую форму; умственный подвигъ былъ конченъ; наступила пора испытанія другаго рода, гдѣ крѣпкая рука была нужнѣе, чѣмъ сильное слово. Но все же потеря его не могла не почувствоваться тѣми, которые были соединены его именемъ: въ немъ лишались они живаго начала, котораго присутствіе между ними восполняло недостатокъ внѣшняго единства и поддерживало согласіе внутри союза.

Увѣренность Карла V не обманула его: разсчетъ его дѣйствительно оказался вѣрнымъ, и предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Вся кампанія окончилась менѣе, нежели въ годъ. Она извѣстна подъ именемъ «Шмалькальденской войны» и занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нѣмецкой реформаціи. Въ началѣ войны шмалькальденцы имѣли значительныя выгоды передъ императоромъ, но или не умѣли, или не могли воспользоваться ими, какъ слѣдуетъ. Тутъ оказалось, что, хотя средства ихъ были довольно ограничены, они, однако, не даромъ носили названіе вооруженнаго союза. Въ самомъ дѣлѣ, едва только стали извѣстны намѣренія императора и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ совершенно изготовиться къ войнѣ, протестанты въ нѣсколько дней поставили на ногу два сильныя ополченія. Одно изъ нихъ, сѣверное, подъ начальствомъ курфюрста и ландграфа, занимало Тюрингію, откуда угрожало Баваріи и австрійскимъ владѣніямъ; другое, южное, направилось къ Тиролю, чтобы заградить путь чужеземнымъ войскамъ, которыя подходили къ императору изъ

Италіи. Этими движеніями союзники предупредили императора, который все-еще оставался въ Регенсбургѣ, среди тамошняго протестантскаго народонаселенія, ожидая подкрѣпленій и едва имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько сотенъ вооруженныхъ людей. Если бы у протестантовъ достало рѣшимости, они могли бы тогда же однимъ сильнымъ ударомъ окончить дѣло въ свою пользу. Карлу V угрожала серьозная опасность въ Регенсбургѣ. Но противники его сами связали себѣ руки своею излишнею осторожностію. Ничего не подозрѣвая о договорѣ Карла съ герцогомъ Баварскимъ, они еще надѣялись спасти себѣ въ немъ союзника и не смѣли нарушить неприкосновенности его владѣній, чтобы открыть себѣ дорогу къ Регенсбургу, или занять своими силами всѣ выходы изъ Тироля. Эта нерѣшимость союзниковъ и ложный взглядъ ихъ на политическія отношенія были причиною, что они напрасно потеряли самое удобное время для дѣйствія и дали возможность Карлу собрать свои силы и, съ своей стороны, начать дѣйствовать наступательно. Когда, наконецъ, протестанты, имѣя во главѣ своей самого Іоганна Фридриха, переправились на правый берегъ Дуная и двинулись съ своими силами къ Регенсбургу, Карлъ, въ свою очередь, перешелъ на лѣвый берегъ той же рѣки и скоро занялъ крѣпкую позицію близъ Ингольштадта.

Оттого, впрочемъ, дѣло протестантовъ далеко еще не было проиграно. Ничто не мѣшало имъ потомъ искать встрѣчи съ своимъ противникомъ въ полѣ и помѣриться съ нимъ силами въ открытомъ бою. Таково, повидимому, и было ихъ намѣреніе, когда они также перешли обратно черезъ Дунай и расположились противъ непріятельскаго лагеря. Но, во-первыхъ, тутъ уже обозначились тѣ выгоды, которыя доставило Карлу продолжительное бездѣйствіе его противниковъ: подойдя къ Ингольштадту, они нашли передъ собою лагерь, не только хорошо укрѣпленный, но и защищаемый крѣпостью, а во-вторыхъ, — каждый разъ, какъ только нужно было дѣйствовать рѣшительно, между протестантскими начальниками обнаруживалось несогласіе въ мнѣніяхъ, которое много вредило и единству самаго дѣйствія. Карлъ искусно пользовался этою нерѣшимостію союзниковъ и, выигрывая у нихъ шагъ за шагомъ, довелъ ихъ наконецъ дотого, что, слѣдуя за нимъ неотлучно, они гораздо болѣе сами подвергались опасности нападенія съ его стороны, чѣмъ сколько угрожали ему. У Ингольштадта къ арміи Карла присоединилось еще нидерландское ополченіе, и онъ могъ теперь, почти въ виду своихъ противниковъ, совершить движеніе къ Нордлингену, съ цѣлію прервать ихъ сообщенія съ Швабіею. Шмалькальденцы слѣдовали въ томъ же направленіи и скоро настигли непріятельское войско, но довольствовались только тѣмъ, что, въ виду его расположенія, заняли выгодную позицію на высотахъ. Тогда Карлъ, оставивъ ихъ ожидать нападенія, самъ двинулся къ Ульму. Это смѣлое наступленіе заставило протестантовъ еще разъ убрать свой лагерь и спѣшить на защиту одного изъ главныхъ своихъ опорныхъ пунктовъ. Они явились еще во время, чтобы спасти Ульмъ отъ неожиданнаго нападенія, но потеряли почти всю дунайскую линію и лишились всѣхъ выгодъ угрожающаго положенія. Война все больше и больше переносилась на протестантскую половину имперіи, точнѣе сказать, — на земли членовъ союза. Впрочемъ, подъ Ульмомъ произошла значительная остановка, и, казалось, ни та, ни другая сторона не могли льститься скорою развязкою. Два лагеря долго стояли одинъ противъ другаго, причемъ, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ сшибокъ и фальшивыхъ тревогъ, не произошло ничего замѣчательнаго.

Пока союзники стояли въ бездѣйствіи подъ Ульмомъ, тайный врагъ готовилъ имъ рѣшительный ударъ на сѣверѣ. До сихъ поръ Морицъ оставался

нейтральнымъ и не принималъ никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Не имѣя никакого подозрѣнія о договорѣ его съ императоромъ, саксонское правительство, поставленное курфюрстомъ на время своего отсутствія, думало даже ввѣрить герцогу защиту страны противъ возможныхъ покушеній со стороны Фердинанда. Между тѣмъ, Морицъ продолжалъ сноситься съ братомъ императора для своихъ цѣлей и сообща съ нимъ приготовлялъ военное занятіе курфюршества. Подѣливъ напередъ съ Фердинандомъ свое будущее пріобрѣтеніе, онъ немедленно собралъ свои силы и выступилъ съ ними къ саксонской границѣ. Это было въ концѣ октября 1546 года, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ въ императорскомъ лагерѣ изготовленъ былъ герцогу дипломъ на достоинство курфюрста. Такъ какъ никто не ожидалъ нападенія съ этой стороны, то Морицъ встрѣтилъ лишь самое слабое сопротивленіе и, съ помощію богемцевъ и венгровъ, въ короткое время завладѣлъ всею Саксоніею.

Извѣстія объ этихъ событіяхъ скоро достигли протестантскаго лагеря и распространили въ немъ сильную тревогу. Понятно, что курфюрстъ, котораго ударъ касался всего ближе, долженъ былъ безпокоиться болѣе другихъ. Курфюрсту не на кого было больше надѣяться, какъ только на самого себя. Онъ немедленно выступилъ изъ лагеря, спѣша на защиту своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Но вслѣдъ за нимъ и весь протестантскій лагерь пришелъ въ движеніе. Силы союзниковъ значительно уменьшились, и каждый изъ нихъ долженъ былъ подумать о своей безопасности.

Не распадаясь на части, протестантскій союзъ въ лицѣ своихъ членовъ, однако, разошелся въ разныя стороны, такъ что въ немъ не могло быть больше никакого общаго дѣйствія. Это важное преимущество, стоившее блистательной побѣды, досталось Карлу даже безъ битвы. Затѣмъ оставалось ему только побивать отдѣльныхъ членовъ союза, каждаго порознь, что уже не представляло много трудности. Самое главное для него было управиться съ саксонскимъ курфюрстомъ, который пользовался наибольшимъ авторитетомъ въ союзѣ и располагалъ самыми значительными силами. Пока императоръ былъ занятъ въ Швабіи, Іоганнъ Фридрихъ неутомимо дѣйствовалъ въ своей наслѣдственной области. Онъ привелъ съ собою 20,000 войска, легко вытѣснилъ Морица изъ курфюршества, и въ началѣ 1547 г. обратился уже къ Магдебургу и Гальберштадту, съ намѣреніемъ произвести въ нихъ давно задуманную секуляризацію. Морицъ не считалъ себя безопаснымъ даже въ своихъ владѣніяхъ. Вездѣ въ окрестныхъ странахъ протестантское движеніе пробуждалось съ новою силою. Въ короткое время Іоганнъ Фридрихъ, казалось, могъ надѣяться возстановить свое прежнее политическое значеніе въ сѣверной Германіи и опять стать во главѣ обширнаго союза, основаннаго на единствѣ религіозныхъ убѣжденій и крѣпкаго народными симпатіями. Соединивъ около себя весь протестантскій сѣверъ и опираясь на него, онъ въ состояніи былъ бы возобновить борьбу съ большею вѣроятностію успѣха, чѣмъ дѣйствуя на отдаленномъ югѣ и безпрестанно опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своихъ сообщеній.

Но прежде, чѣмъ союзъ могъ образоваться въ новой своей формѣ, Карлъ принялъ уже противъ него свои мѣры. Въ продолженіе зимы онъ успѣлъ утвердить свою власть въ юго-западной Германіи. Ульмъ и Аугсбургъ покорились ему первые. Герцогъ виртембергскій долженъ былъ униженно заискивать у него снисхожденія. Затѣмъ послѣдовало покореніе Франкфурта и Кельна. Курфюрстъ кельнскій остался вѣренъ принятому имъ направленію, но зато принужденъ былъ сложить съ себя свою власть. Къ веснѣ 1547 г. во всей западной Германіи не было ни одного пункта, гдѣ бы власть Карла не находила себѣ при-

знанія. Около того же времени судьба разрѣшила и всѣ сомнѣнія его относительно Франціи. Старый соперникъ Карла, Францискъ I-й, который до сихъ поръ стоялъ живою преградою всѣмъ властолюбивымъ его замысламъ, сошелъ въ могилу. Ничто не мѣшало ему теперь, занявъ гарнизонами главные пункты на юго-западѣ, обратить остальныя свои силы противъ сѣвера. Въ апрѣлѣ онъ началъ свое движеніе къ саксонскимъ границамъ и въ Эгерѣ соединился съ Морицомъ и съ братомъ своимъ Фердинандомъ. Курфюрстъ такъ мало былъ приготовленъ къ этому нечаянному движенію, что незадолго передъ тѣмъ отдѣлилъ часть своего войска, а самъ съ оставшимися при немъ силами занялъ позицію неподалеку отъ Мейссена. Онъ имѣлъ потомъ неосторожность допустить Карла подойти такъ близко къ себѣ, что отступленіе стало уже невозможностію. Какъ извѣстно, при Мюльбергѣ, на берегу Эльбы, произошло столкновеніе, кончившее однимъ ударомъ всю борьбу. Неравенство силъ было такъ велико, что, какъ скоро обѣ стороны вступили въ бой между собою, никакая счастливая случайность не могла уже спасти войско курфюрста отъ пораженія. Еще ему открыта была дорога въ крѣпкій Виттенбергъ, гдѣ онъ могъ найти себѣ вѣрное убѣжище, но онъ былъ столько добросовѣстенъ, что хотѣлъ дѣлить съ войскомъ всѣ опасности, и былъ взятъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ. Битва кончилась почти совершеннымъ истребленіемъ небольшой саксонской арміи.

Торжество Карла V было полное. Мюльбергъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою Павію: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ военное счастіе одинаково вѣрно служило императорскому знамени. И тамъ, и здѣсь битва кончилась совершеннымъ пораженіемъ непріятеля; и тамъ, и здѣсь побѣда Карла увѣнчалась взятіемъ въ плѣнъ самихъ знаменитыхъ вождей. Въ лицѣ ихъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ вѣрный залогъ, владѣя которымъ могъ предписывать условія мира по своему желанію. Въ первые дни послѣ Мюльберга Іоганну Фридриху угрожалъ даже смертный приговоръ, и только для успокоенія прочихъ князей имперіи измѣнили первое рѣшеніе и присудили плѣнника къ лишенію курфюршескаго достоинства и къ пожизненному заключенію.

Одного только не доставало мюльбергскому дѣлу для полнаго сходства въ успѣхѣ съ павійскимъ. Получивъ въ свои руки Франциска, Карлъ безраздѣльно располагалъ въ его лицѣ главою враждебной себѣ коалиціи. Не совсѣмъ такъ вышло при Мюльбергѣ. Плѣненіе Іоганна Фридриха развѣ въ половину только могло соотвѣтствовать плѣну Франциска. Протестантская лига составлена была изъ разнородныхъ политическихъ элементовъ. Кромѣ Іоганна Фридриха, въ нее входило много другихъ владѣтельныхъ особъ, и въ военной организаціи союза ландграфу принадлежала почти равная роль съ курфюрстомъ. Мюльбергская битва предала во власть императора только одного изъ двухъ главныхъ предводителей протестантской лиги. Чтобы побѣда была такъ же полна, какъ при Павіи, Карлу надобно было, во что бы то ни стало, достать въ свои руки и втораго вождя протестантской партіи, не участвовавшаго въ послѣднемъ сраженіи и сохранившаго свое независимое положеніе. Можетъ быть, убѣжденія ландграфа были не такъ глубоки и основательны, какъ у его несчастнаго товарища, но зато онъ былъ гораздо предпріимчивѣе его, бодрѣе духомъ, имѣлъ неоспоримое военное призваніе и вообще рожденъ былъ для дѣятельной роли. Пока онъ оставался цѣлъ и невредимъ, за нимъ могла быть довольно безопасна вся сѣверо-западная Германія. Словомъ, въ мюльбергской побѣдѣ оставался значительный пробѣлъ, который можно было пополнить только уравненіемъ участи обоихъ вождей протестантскаго союза.

Два средства могли служить Карлу для достиженія его послѣдней цѣли. Ему надобно было или продолжать войну и стараться одолѣть ландграфа открытою силою, или заманить его въ свои руки хитростью. Но первое средство представляло свои опасности. Ландграфъ имѣлъ болѣе времени приготовиться къ отпору нападенія, чѣмъ курфюрстъ, захваченный врасплохъ, и постоянно былъ настороже въ своихъ владѣніяхъ. Притомъ же главный вопросъ для Карла состоялъ не столько въ побѣдѣ, сколько въ томъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ извѣстное лицо. Гораздо безопаснѣе и надежнѣе казалось захватить его мирнымъ образомъ и получить возможность вполнѣ располагать его судьбою. Устроить это дѣло было тѣмъ легче, что ландграфъ хорошо понималъ трудность своего положенія и, чтобы выйти изъ него, съ своей стороны, не прочь былъ отъ мировой сдѣлки. Для полнаго успѣха Карлу нужно было только до времени искусно затаить свои настоящіе виды, или стараться скрыть ихъ подъ двусмысленными формулами, подтвержденными различнаго рода толкованіемъ— роль, которая прямо лежала въ его характерѣ и не требовала отъ него большихъ усилій. Онъ былъ не врагъ честнаго поведенія, пока оно совпадало съ его личными выгодами. Въ лагерѣ императора нашлись и посредники, готовые служить интересамъ той и другой стороны и стараться согласить ихъ между собою. Между ними самое выгодное мѣсто принадлежало Морицу, который имѣлъ свои, какъ личныя, такъ и политическія, причины искать примиренія обѣихъ сторонъ. Его участіе въ войнѣ было вызвано честолюбіемъ. Низложеніемъ Іоганна Фридриха и возведеніемъ его самого въ курфюршеское достоинство интрига его приходила къ концу. Далѣе требованія Морица пока не простирались: онъ никогда не желалъ истребленія протестантизма, которому принадлежалъ своими религіозными убѣжденіями, а теперь ничто не мѣшало ему болѣе принять даже нѣкоторое участіе въ судьбѣ своихъ единовѣрцевъ. Между ними ландграфъ былъ всѣхъ ближе къ нему по родственнымъ связямъ. Морицъ желалъ, по крайней мѣрѣ, спасти личную свободу своего тестя и избавить его отъ тяжкой опалы и, дѣйствительно, успѣлъ настоять на томъ, что Карлъ далъ свое слово, въ случаѣ покорности ландграфа, сохранить ему жизнь и не подвергать его вѣчному заключенію. На этомъ условіи состоялось примиреніе между ними. Черезъ два мѣсяца послѣ мюльбергской битвы ландграфъ явился ко двору императора, чтобы принести ему свою покорную голову и испросить у него себѣ прощенія. Карлъ, повидимому, былъ удовлетворенъ выраженіемъ его покорности. Но вечеромъ того же дня ландграфъ, позванный вмѣстѣ съ другими почетными гостями къ герцогу Альбѣ, былъ задержанъ у него, какъ государственный преступникъ, и потомъ принужденъ слѣдовать за дворомъ въ качествѣ плѣнника.

Съ этой минуты Мюльбергъ вполнѣ уравнялся съ Павіей. Карлъ держалъ въ своихъ рукахъ обоихъ предводителей враждебной ему партіи въ Германіи. Въ лицѣ ихъ онъ какъ-бы снялъ голову съ Шмалькальденскаго союза. Нѣтъ нужды говорить, что задержаніе ландграфа имѣло прямымъ слѣдствіемъ покореніе всего Гессена. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карлу открылись виды на преобладаніе на всемъ протестантскомъ сѣверѣ. Еще одно усиліе съ его стороны — и все должно было преклониться передъ его волею внутри имперіи; но послѣдній успѣхъ внушилъ ему столько самоувѣренности, что онъ не видѣлъ нужды спѣшить съ послѣднимъ ударомъ.

XVIII. КАРЛЪ V И МОРИЦЪ САКСОНСКІЙ.

(Изъ статей Кудрявцева: «Карлъ V». «Рус. Вѣстн.» 1856 г.).

Въ Шмалькальденской войнѣ разыгрался только первый актъ великой религіозной драмы въ Германіи. Пораженный въ лицѣ своихъ вождей, протестантизмъ, тѣмъ не менѣе, остался цѣлъ, какъ непреклонное религіозное убѣжденіе, какъ самый духъ народа. Многіе города легко покорились Карлу въ той надеждѣ, что ихъ религіозная совѣсть не потерпитъ отъ него никакого принужденія. До сихъ поръ онъ вѣдался, можно сказать, съ отдѣльными лицами; теперь ему надобно было имѣть дѣло со всенародною совѣстью. Но эту силу Карлъ могъ понимать всего менѣе. Да и хорошо ли понималъ онъ тѣхъ, съ помощію которыхъ надѣялся привести свое дѣло къ концу? Не обманывался ли онъ насчетъ своей опытности и знанія людей? У него достало проницательности, чтобы отыскать ловкаго союзника себѣ даже внутри непріятельскаго лагеря въ лицѣ Морица Саксонскаго; но самый этотъ успѣхъ долженъ былъ вразумить его, что на сцену выступала новая порода людей, съ которою надо было обращаться тѣмъ осторожнѣе, чѣмъ она казалась уступчивѣе и податливѣе на разныя приманки и обѣщанія. Примѣръ Морица служилъ явнымъ доказательствомъ, что личность начинала освобождаться отъ господствовавшихъ надъ нею явленій, и эгоистическіе интересы опять брали верхъ надъ другими побужденіями. Измѣна заступала мѣсто открытаго противодѣйствія, недостатокъ силъ восполнялся тонкимъ разсчетомъ и хитростью. А какое было ручательство, что эти новыя пружины, дѣйствію которыхъ Карлъ обязанъ былъ главнымъ своимъ успѣхомъ въ Шмалькальденской войнѣ, не будутъ также употреблены въ дѣло и его противниками?

Вообще положеніе Карла V послѣ Мюльберга требовало едва ли не большей осмотрительности и разборчивости на средства, чѣмъ прежде. Но онъ не устоялъ противъ искушенія: онъ обольстился своихъ успѣхомъ и предался самоувѣренности.

Звѣзда его ярче, чѣмъ когда нибудь, восходила надъ имперіею, бросая свѣтъ свой и на окрестныя страны. Другимъ путемъ, другими средствами онъ, однако, достигалъ того же идеала, которымъ постоянно одушевлена была его политическая дѣятельность отъ самыхъ первыхъ ея началъ. Не побѣдами надъ мусульманскимъ міромъ, какъ предполагалось сначала, но приведеніемъ къ покорности всей Германіи онъ высоко становился надъ всѣми современными властителями. Разрозненная религіозною враждою, страна снова соединилась единствомъ предписаннаго имъ закона. Никогда еще Карлъ не былъ такъ близокъ къ осуществленію идеи той власти, которая до сихъ поръ принадлежала ему по имени. Противорѣчія на имперскомъ сеймѣ, который онъ не разъ собиралъ около себя, находясь въ Аугсбургѣ, слышались рѣже и выражались весьма робко. Самые смѣлые изъ чиновъ теряли духъ въ присутствіи вооруженныхъ испанцевъ, которые были неотлучно при императорѣ и служили орудіемъ для введенія интерима *) въ непокорныхъ городахъ. Тѣмъ же,

*) Аугсбургскій *интеримъ* или *согласительный актъ*, обнародованный въ маѣ 1548 г. по волѣ императора, долженъ былъ служить закономъ для католиковъ и протестантовъ впредь до соборнаго рѣшенія. Интеримъ позволялъ протестантскимъ

которые, какъ курфюрсты Майнцскій и Трирскій, еще брали на себя смѣлость возражать противъ такого опаснаго нововведенія, тотчасъ дано было почувствовать, что они присвоиваютъ себѣ право, имъ не принадлежащее. Тѣмъ менѣе могли ожидать признанія или возвращенія своихъ правъ опальные князья, которые уже лишились однажды своей свободы. Съ ними поступали какъ съ военноплѣнными. Даже въ отношеніи къ ландграфу Гессенскому, такъ вѣроломно захваченному въ плѣнъ, Карлъ не хотѣлъ признать за собою никакихъ обязательствъ и продолжалъ держать его въ заключеніи. Тюрьма Филиппа становилась все тѣснѣе и тѣснѣе, и временное его заключеніе превратилось въ постоянное. Долгое время возили несчастнаго плѣнника съ мѣста на мѣсто; наконецъ, вопреки всѣмъ правамъ, была рѣчь даже о томъ, чтобы вовсе удалить его изъ Германіи и переправить въ Испанію, которая и должна была сдѣлаться его гробомъ. Карлъ считалъ уже свою власть настолько обезпеченною въ настоящемъ, что простиралъ свои виды даже на отдаленное будущее и думалъ на нѣсколько поколѣній впередъ обойти избирательный законъ имперіи. Если ему не удалось тогда же провести избраніе своего сына Филиппа въ римскіе короли, то потому только, что онъ встрѣтилъ противодѣйствіе въ своемъ братѣ, который самъ имѣлъ виды на императорскую корону и не хотѣлъ уступить своего права племяннику.

Такъ, подъ видомъ введенія интерима, осуществлялась идея того единства, которая соединялась съ понятіемъ императорской власти. Но была въ ней и другая, еще болѣе мечтательная сторона, которая, однако, столько же входила въ виды Карла, какъ и первая: власть «главы имперіи» была, по его представленію, первою властію въ христіанскомъ мірѣ и должна была простираться на всѣ отношенія, не исключая и духовныхъ. И дѣйствительно, онъ мечталъ уже употребить эту власть, какъ орудіе для возстановленія религіознаго единства въ цѣломъ католическомъ мірѣ.

Когда, такимъ образомъ, мысль Карла V занята была только единствомъ, сдерживаемымъ одною его властію, природа явленій, среди которыхъ онъ былъ поставленъ, требовала непремѣннаго раздѣленія, двойства. Въ этомъ состояло вѣчное его противорѣчіе съ духомъ времени. За то же и терпѣлъ Карлъ нерѣдко тяжелые удары, изъ которыхъ послѣдній былъ, конечно, самый чувствительный для его гордости и самолюбія. Ударъ этотъ приготовленъ былъ въ глубокой тайнѣ на сѣверѣ и разразился надъ головой Карла совершенно неожиданно. Двигателями его были прежнее недовольство, оставшееся послѣ Шмалькальденской войны, и то новое раздраженіе, которое произведено было въ умахъ насильственнымъ введеніемъ интерима. Способное орудіе для того, чтобы эти чувства стали дѣйствительно силою, нѣкоторомъ образомъ подготовлено было самимъ Карломъ въ Морицѣ Саксонскомъ. Онъ первый возбудилъ честолюбіе молодаго герцога и открылъ ему пути для дѣятельной роли

духовнымъ лицамъ удержать своихъ женъ и пріобщаться подъ обоими видами, не принуждая, вмѣстѣ съ тѣмъ, протестантовъ къ немедленному возвращенію захваченныхъ ими церковныхъ имѣній. Но такъ какъ и католики, и протестанты отвергли интеримъ, то императоръ рѣшился силою принудить къ его принятію.

Примѣч. составителя.

внутри имперіи; онъ, правда, думалъ воспользоваться этимъ орудіемъ исключительно для себя, но въ томъ самомъ оборотѣ, которымъ Морицъ привлеченъ былъ въ одну важную минуту на сторону императора, заключалась возможность и другой измѣны. Морица нельзя было привязать узами благодарности. Личные интересы всегда стояли у него на первомъ планѣ; а какъ со времени интерима онъ не находилъ имъ много удовлетворенія на той сторонѣ, которой принадлежалъ по своимъ политическимъ связямъ, то ему не стоило большаго усилія надъ собою повернуть въ другую сторону. Энергическая мысль его не могла успокоиться на одномъ успѣхѣ: возбуждаемая честолюбіемъ, она постоянно занята была отыскиваніемъ новыхъ путей для дѣятельности. Къ тому же онъ способенъ былъ почувствовать оскорбленіе, а въ дѣло ландграфа замѣшана была его собственная честь. Наконецъ, въ предпріимчивости Морицъ мало кому уступалъ изъ своихъ современниковъ: нисколько не пугаясь представлявшихся трудностей, онъ, напротивъ, любилъ занимать ими свое воображеніе. Нѣтъ спора, что природа его была крайне эгоистическая; но это самое открывало ему возможность такихъ средствъ, о которыхъ его строго-добросовѣстные предшественники, стоявшіе во главѣ протестантскаго дѣла, едва ли могли бы и помыслить: противъ своего личнаго противника Морицъ не задумался бы вступить въ тѣсный союзъ даже со врагомъ своего отечества. Справедливо замѣчаютъ, что чрезвычайныя обстоятельства порождаютъ и дѣятелей не совсѣмъ обыкновенныхъ. Морицъ былъ этимъ необычайнымъ орудіемъ, которому назначено было развязать, тѣмъ или другимъ способомъ, одинъ изъ самыхъ запутанныхъ узловъ своего времени.

По своему положенію Морицъ никогда бы, конечно, не могъ отважиться на борьбу съ могущественнымъ императоромъ: такъ велика была несоразмѣрность силъ между ними. Но и при совершенномъ равенствѣ средствъ исходъ борьбы былъ бы еще очень сомнителенъ, если бы на сторонѣ курфюрста не было превосходства въ томъ самомъ качествѣ, въ которомъ Карлъ до сихъ поръ не зналъ себѣ соперника: это его скрытность и умѣнье, такъ сказать, отводить глаза противниковъ. Врожденный талантъ скрытности и притворства Морицъ образовалъ въ себѣ до совершенства, до тончайшаго искусства. Сокровенныя думы его часто оставались неизвѣстны самымъ довѣреннымъ его совѣтникамъ. Онъ избѣгалъ сообщеній посредствомъ писемъ, говоря, что «изустный разговоръ или обмѣнъ мыслей гораздо лучше, чѣмъ писанная бумага». Онъ не держалъ у себя даже чужихъ писемъ, но отдавалъ ихъ на сохраненіе своей женѣ, и въ разговорѣ, вмѣсто того, чтобы прямо сообщить свою мысль другому лицу, онъ обыкновенно начиналъ съ противнаго предположенія. Въ его положеніи борьба съ Карломъ возможна была только хитростію и ловкостью. Но какъ побѣдитель при Мюльбергѣ и самъ былъ силенъ въ этомъ искусствѣ, то Морицу надобно было довести его до истиннаго мастерства, чтобы перехитрить противника. На все это у него достало умѣнья, и произведеніе, дѣйствительно, вышло мастерское — въ томъ смыслѣ, что предпріятіе было совершенно готово прежде, чѣмъ Карлъ получилъ о немъ подозрѣніе. Видимымъ образомъ онъ продолжалъ вести осаду Магдебурга, въ интересахъ столько же своихъ, сколько и императора; втайнѣ же онъ заводилъ новыя связи для защиты религіи и политическихъ правъ съ протестантскими князьями сѣверной Германіи

и сносился для той же цѣли съ Генрихомъ II французскимъ, который ждалъ только случая, чтобы вмѣшаться въ дѣла имперіи. Послѣдовавшая наконецъ сдача Магдебурга, повидимому, отдавала въ руки Карла и послѣдній оплотъ протестантизма; въ самомъ же дѣлѣ этимъ событіемъ окончательно утвердилось единство новаго протестантскаго союза на сѣверѣ, такъ что союзники вслѣдъ затѣмъ могли непосредственно приступить къ исполненію своего обширнаго плана и начать наступательныя дѣйствія противъ неприготовленнаго къ нимъ противника.

Какъ искусно было задумано это второе дѣйствіе религіозной войны, такъ быстро совершалось его исполненіе. Самая Шмалькальденская война могла бы показаться слишкомъ медленною передъ походомъ Морица въ южную Германію. Въ ноябрѣ 1551 года послѣдовала сдача Магдебурга. Въ началѣ слѣдующаго года подписанъ былъ договоръ съ Генрихомъ II, а чрезъ мѣсяцъ потомъ Морицъ выступилъ уже съ союзнымъ ополченіемъ изъ Тюрингіи во Франконію и держалъ съ нимъ путь прямо на Аугсбургъ. Карлъ V, между тѣмъ, спокойно оставался въ Инспрукѣ. Со времени взятія Магдебурга все вниманіе его обращено было на тридентскія событія. Онъ упорно отвергалъ всѣ доходившіе до него темные слухи о протестантскомъ союзѣ на сѣверѣ. Даже узнавъ о движеніи союзниковъ, онъ все-еще думалъ, что дѣло идетъ только объ освобожденіи ландграфа, и такъ далекъ былъ отъ всякой мысли объ опасности, что грозился, вмѣсто отвѣта, послать защитникамъ плѣнника разрубленныя его части. Это было почти въ то самое время, какъ союзники подступили къ Аугсбургу и съ торжествомъ вступили въ него, встрѣченные сочувствіемъ жителей. Еще шагъ Морица впередъ—и императору былъ бы отрѣзанъ входъ въ Германію съ юга. На западѣ было не лучше. По соглашенію съ союзниками, Генрихъ II также направилъ свои силы въ Германію. Монморанси подступилъ къ Мецу и занялъ городъ безъ сопротивленія. Карлу наконецъ открылись глаза на опасность, когда она почти уже подошла къ воротамъ его резиденціи. Онъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло не съ однимъ только оскорбленнымъ зятемъ ландграфа, но съ религіозными и политическими антипатіями цѣлой страны, которая боялась участи Испаніи. Недавно еще грознаго, императора могла спасти только быстрая, энергическая помощь. Но духовные курфюрсты, къ которымъ онъ прежде всего обратился за нею, сами чувствовали себя въ весьма затруднительномъ положеніи. Получивъ тотъ же отзывъ, Фердинандъ отвѣчалъ, что онъ долженъ употребить всѣ свои силы въ Венгріи, которой османы снова угрожали нападеніемъ. По своимъ труднымъ обстоятельствамъ, онъ отклонилъ отъ себя даже честь дать въ своихъ земляхъ временное убѣжище императору. Въ тылу у Карла было не больше опоры. Внутри Италіи Карлъ не видѣлъ для себя безопасности, а переправа черезъ море въ Испанію, въ случаѣ встрѣчи съ турецкими или французскими кораблями, могла стоить ему личной свободы. Можетъ быть, впервые въ цѣлой жизни у Карла дрогнуло его по истинѣ не робкое сердце. Онъ упалъ духомъ и видѣлъ для себя возможность спасенія только въ бѣгствѣ. Уже въ началѣ апрѣля онъ тайно собрался въ дорогу и съ немногими вѣрными спутниками пытался бѣжать во Фландрію.

Изъ признаній самого Карла въ письмѣ къ брату Фердинанду видно, что Карлъ рѣшился на бѣгство потому, что чувствовалъ себя въ самомъ

безпомощномъ состоянiи, и что для него гораздо менѣе было опасности бѣжать, чѣмъ оставаться на мѣстѣ. Въ ночь на 7 апрѣля онъ дѣйствительно выѣхалъ изъ Инспрука, въ сопровожденiи двухъ каммергеровъ и нѣсколькихъ служителей, надѣясь горными путями пробраться къ Ульму. Но на половинѣ дороги странники узнали, что Морицъ находится недалеко оттуда, и, чтобы не попасться ему въ руки, должны были поворотить назадъ, къ Инспруку. Тогда Карлу не оставалось ничего болѣе, какъ стараться отвратить отъ себя опасность какою нибудь сдѣлкою съ непрiятелемъ. По счастiю для императора, братъ его Фердинандъ успѣлъ до сего времени сохранить дружественныя отношенiя къ Морицу, и между ними, дѣйствительно, положено было открыть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ переговоры о мирѣ; въ ожиданiи же того времени обѣ стороны согласились наблюдать перемирiе. Но Карлъ былъ далекъ отъ мысли заключить миръ съ своимъ противникомъ при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ: онъ думалъ только воспользоваться состоявшимся перемирiемъ для того, чтобы выиграть время, и, какъ только собралъ нѣсколько денегъ, тотчасъ началъ дѣлать вооруженiя. Они происходили близъ Франкфурта и Ульма, главнымъ же сборнымъ пунктомъ назначено было мѣстечко Реитти, близъ Эренбергскаго горнаго прохода (на рѣкѣ Лехѣ), ибо Карлъ всего болѣе желалъ обезопасить для себя выходъ изъ Тироля. Будь Морицъ менѣе бдителенъ, онъ могъ бы въ короткое время лишиться всѣхъ выгодъ своего положенiя; но онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ движенiемъ Карла и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ сосредоточить свои силы, ударилъ на ту часть ополченiя, которая стояла лагеремъ у Реитти. Имперцы не выдержали натиска и бѣжали въ безпорядкѣ. Черезъ нѣсколько времени господствующее возвышенiе и самый горный проходъ были въ рукахъ Морица. Дорога къ Инспруку лежала открытою передъ нимъ, и только мятежное состоянiе войска, вдругъ потребовавшаго себѣ жалованья, остановило на-время его движенiе. Но Карлъ не могъ долѣе оставаться въ Инспрукѣ. На другой день послѣ дѣла при Реитти онъ призвалъ Iоганна Фридриха объявилъ ему свободу и, несмотря на припадокъ своей постоянной болѣзни, выѣхалъ изъ города. Уходя отъ Морица въ противоположномъ направленiи, онъ все болѣе и болѣе углублялся въ горы и остановился только въ Виллахѣ (въ Каринтiи). Черезъ пять дней потомъ Морицъ занялъ городъ, который недавно еще служилъ резиденцiею императору. Преобладающее влiянiе одной мысли и одной воли чувствовалось на всей линiи отъ Магдебурга до Инспрука.

Личная свобода Карла V была въ безопасности; но позора, пережитаго имъ въ Инспрукѣ и на пути отъ него къ Виллаху, онъ не могъ смыть во всѣ остальные дни своей жизни. Повелитель имперiи и нѣсколькихъ королевствъ, державшiй столько лѣтъ въ своихъ рукахъ судьбы нѣсколькихъ народностей, далъ застать себя врасплохъ новичку въ политическомъ искусствѣ! Карлъ V позволилъ сдѣлать себя смѣшнымъ въ глазахъ цѣлаго свѣта какому-нибудь Морицу саксонскому! Одна минута въ настоящемъ бросала черную тѣнь на все славное прошедшее. Но еще хуже было то положенiе, въ которомъ находился Карлъ послѣ бѣгства изъ Инспрука. Онъ долженъ былъ держаться вдали отъ всѣхъ, скрываться въ недоступномъ убѣжищѣ, когда внутри имперiи готовились величайшiя рѣшенiя, которымъ суждено было имѣть огромное влiя-

ніе на всю будущую судьбу ея; онъ не могъ подать прямо своего голоса, когда дѣло касалось важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики, которой онъ одинъ хотѣлъ давать направленіе.

Между тѣмъ, переговоры о мирѣ открылись въ Пассау. Сюда съѣхались всѣ курфюрсты и многіе какъ духовные, такъ и свѣтскіе князья имперіи. Не будучи правильнымъ сеймомъ, это собраніе, однако, должно было замѣнить его собою и, по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась имперія, пріобрѣтало особенную важность. Пользуясь отсутствіемъ главы, сходившіяся здѣсь партіи положили рѣшить спорные пункты прежде всего между собою. Благодаря такой независимой постановкѣ, обѣ стороны легко могли достигнуть соглашенія въ самыхъ главныхъ пунктахъ. Никто болѣе не настаивалъ на необходимости единства: всѣ, напротивъ, проникнуты были убѣжденіемъ, что надобно раздѣлить интересы партій и, во что бы то ни стало, положить конецъ внутренней войнѣ, которая неизбѣжна была при прежней системѣ. Къ тому клонились требованія протестантской партіи сначала, и если она бралась за оружіе, то единственно съ тою цѣлію, чтобы отстоять свое отдѣльное существованіе. Католическіе же чины, которые до сихъ поръ держались противоположнаго мнѣнія, принуждены были отказаться отъ него, потому что не имѣли болѣе поддержки со стороны императора и не надѣялись располагать прежнимъ большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ, протестантское начало, то самое, которое назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ вызвало шпейерскій протестъ и съ тѣхъ поръ было предметомъ преслѣдованія, нашло себѣ въ пассаускомъ собраніи общее признаніе со стороны имперскихъ чиновъ. Въ такомъ же духѣ составлены были и прочія рѣшенія. Бо̀льшая часть предложеній шла отъ самого Морица, которому вообще принадлежала самая видная роль въ собраніи. Мнѣніе курфюрста, что Тридентскій соборъ не можетъ считаться способнымъ орудіемъ религіознаго единенія, было принято и католическими чинами. Не отвергая вовсе возможности соглашенія въ будущемъ, они, впрочемъ, нисколько не противорѣчили Морицу въ томъ, что, каково бы ни было послѣднее рѣшеніе спора, ни въ какомъ случаѣ оно не должно служить поводомъ къ нарушенію внутренняго мира въ имперіи. Вопросъ религіозный все больше и больше отдалялся отъ политическаго. Это величайшей важности постановленіе, которымъ начало религіозной свободы обезпечивалось противъ возможныхъ случайностей, вскорѣ утверждено было и согласіемъ Фердинанда. Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ Морицъ, чтобы провести свою мысль о тѣхъ облегченіяхъ для протестантовъ, которыя зависѣли отъ состава имперскаго суда. За всѣ эти уступки католическихъ чиновъ протестанты обязывались, съ своей стороны, не покушаться на права духовныхъ князей, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые до того времени сохранили свои владѣнія.

Карлъ не принималъ непосредственнаго участія ни въ совѣщаніяхъ пассаускаго собранія, ни въ его рѣшеніяхъ, но, какъ всякій легко можетъ себѣ представить, былъ къ нимъ весьма неравнодушенъ. Онъ имѣлъ посредника въ своемъ братѣ, съ которымъ велъ постоянную переписку изъ Виллаха. Онъ не былъ рѣшительно противъ переговоровъ, потому что надѣялся черезъ нихъ выиграть время, и, въ самомъ дѣлѣ, не оставался въ продолженіе ихъ недѣятеленъ, на всякій случай производя въ разныхъ мѣстахъ посильныя вооруженія. Но, благодаря миро-

любивому духу, господствовавшему въ собраніи чиновъ, переговоры между ними сладились гораздо скорѣе, чѣмъ внѣшнее положеніе Карла сколько нибудь измѣнилось къ лучшему. Онъ по-прежнему ничего еще не былъ въ состояніи предпринять, когда ему предложены были состоявшіяся въ Пассау постановленія. Трудно представить себѣ положеніе болѣе тяжелое и почти безвыходное для того, кто недавно еще мечталъ обнять своею властію полміра. Принять пассаускія рѣшенія значило для него отказаться отъ системы, которая занимала всѣ его мысли, которой онъ посвятилъ столько трудовъ и усилій, для которой, наконецъ, пожертвовалъ грандіозными планами своей молодости. Къ политическому и религіозному единству Германіи приводился въ послѣднее время весь смыслъ его царствованія. Если бы оно не удалось, то къ чему служили всѣ жертвы, всѣ труды и подвиги прошедшихъ лѣтъ, наконецъ, самыя побѣды? Но что установлялось сдѣлкою, заключенною между чинами въ Пассау, какъ не начало раздѣленія? Карлъ не въ состояніи былъ уничтожить этихъ рѣшеній и, однако, не могъ отклонить ихъ отъ себя. Ему не оставалось почти никакого выбора. Тогда онъ, за недостаткомъ силы, противопоставилъ пассаускимъ предложеніямъ свое упорство, — загородился отъ нихъ рѣшительнымъ отказомъ. Онъ стоялъ на томъ, что вопросъ, какимъ способомъ лучше покончить религіозный раздоръ, можетъ быть рѣшенъ только на правильномъ сеймѣ, въ присутствіи самого императора, и соглашался на миръ лишь временно, въ ожиданіи будущихъ рѣшеній.

Протестанты поняли, что въ этомъ упорствѣ былъ свой разсчетъ, и что имъ не переломить его иначе, какъ развѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Неутомимый Морицъ, дѣйствительно, опять взялся за оружіе и нечаяннымъ нападеніемъ на Франкфуртъ, гдѣ было одно изъ сборныхъ мѣстъ императорскаго ополченія, думалъ подновить то впечатлѣніе, которое за нѣсколько времени передъ тѣмъ заставило Карла бѣжать изъ Инспрука. Притомъ же, владѣя Франкфуртомъ, онъ держалъ бы въ своихъ рукахъ сообщенія императора съ Нидерландами. На этотъ разъ, однако, счастіе измѣнило Морицу: онъ потерпѣлъ неудачу при нападеніи. Но это самое обстоятельство открыло ему глаза на перемѣну въ положеніи, изъ которой могли выросли для протестантовъ новыя опасности. Если Карлъ не въ состояніи еще былъ предпринять противъ нихъ наступательное движеніе, то, по крайней мѣрѣ, располагалъ уже достаточными силами, чтобы отразить возможное нападеніе съ ихъ стороны. Морицу оставался выборъ между новою сомнительною войною, въ которой онъ могъ встрѣтить между своими противниками и прежняго курфюрста, и принятіемъ измѣненныхъ условій мира, какъ они были начертаны въ Виллахѣ. Онъ предпочелъ послѣднее. Близъ Франкфурта же были подписаны Морицомъ предложенія, которыя шли отъ Карла чрезъ посредство Фердинанда, а примѣру курфюрста не замедлили послѣдовать и другіе члены протестантской лиги.

Повидимому, согласіемъ Морица устранялось послѣднее препятствіе къ примиренію, хотя бы оно было только временное и потому весьма ненадежное. Но Карлъ никогда истинно не раздѣлялъ мысли о мирѣ съ протестантами. Постоянная цѣль его была выиграть время переговорами и мало по малу занять прежнее положеніе въ имперіи. Чѣмъ больше переговоры приближались къ концу, тѣмъ больше онъ оправлялся отъ страха и получалъ довѣренности къ своимъ силамъ, и, когда ему оста-

валось только скрѣпить свои же условія мира, Карлъ обратился къ брату съ тайнымъ предложеніемъ, которое имѣло смыслъ вызова на войну съ протестантами. Но Фердинанду въ то время было лишь самому до себя. Турки снова угрожали ему въ Венгріи, а въ этихъ обстоятельствахъ для него всего дороже была помощь Морица, на которую онъ могъ разсчитывать только въ случаѣ мира. Получивъ рѣшительный отказъ брата, Карлъ наконецъ увидѣлъ себя вынужденнымъ подписать мирныя условія съ протестантами. Такъ состоялось знаменитое Пассауское перемиріе.

Сдѣлка была только временная и потому не рѣшала еще спора окончательно. Карлъ нисколько не связалъ себѣ руки на будущее. У него остались еще нѣкоторыя надежды на свое искусство, ловкость и опытность въ дѣлахъ; частію онъ могъ разсчитывать также, что, съ перемѣною обстоятельствъ, измѣнятся и самыя отношенія между нимъ и чинами имперіи, что вражда утихнетъ, и ему опять удастся привлечь на свою сторону прежнее большинство. Главною его заботою стало поэтому, какъ отдалить, какъ можно болѣе, созваніе большаго имперскаго сейма. Тѣмъ временемъ онъ хотѣлъ воспользоваться, чтобы завязать новыя связи въ имперіи и по возможности возстановить свою военную репутацію, которой также нанесенъ былъ сильный ударъ послѣдними событіями. Конечно, Германія была не въ такомъ положеніи, чтобы можно было думать о какомъ нибудь завоевательномъ предпріятіи: она сама терпѣла въ это время отъ чужаго нашествія и нуждалась въ крѣпкой оборонѣ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Но въ такихъ обстоятельствахъ не маловажною заслугою со стороны императора было бы даже успѣшное отраженіе непріятеля изъ предѣловъ имперіи, хотя бы оно не сопровождалось никакими новыми пріобрѣтеніями. Особенно больно было Карлу видѣть успѣхи французовъ на нѣмецкой землѣ; овладѣвши Мецомъ, они продолжали свои завоеванія далѣе. Какъ перемѣнились обстоятельства! Давно ли Карлъ торжествовалъ надъ Францискомъ и угрожалъ ему въ самомъ Парижѣ? И вотъ, черезъ какихъ нибудь пять лѣтъ послѣ его смерти, побѣдитель при Павіи не въ состояніи былъ ничего предпринять, чтобы защитить свои собственныя владѣнія отъ вторженія его сына! Надобно же было императору воспользоваться возстановленіемъ внутренняго мира хоть для того, чтобы отмстить Генриху II за его дерзкое покушеніе и возвратить имперіи отторгнутые имъ города.

Предпріятіе имѣло за себя всѣ вѣроятности успѣха. Къ тому времени у Карла собрались значительныя военныя силы. Соперникъ его не отличался особенными военными талантами. Протестантскіе князья, въ силу вновь заключеннаго перемирія, отступились отъ Генриха. Кромѣ того, Морицъ взялся помогать Фердинанду въ Венгріи, такъ что Карлъ, не опасаясь болѣе за свой тылъ, могъ обратить всѣ свои силы противъ французовъ. Кампанія открылась вскорѣ послѣ внутренняго замиренія. Карлъ лично принялъ начальство надъ войскомъ и повелъ его прямо противъ Меца. Гордый духъ его не могъ вынести мысли, чтобы этотъ старый имперскій городъ оставался еще въ рукахъ непріятеля. Въ возвращеніи Меца онъ видѣлъ, сверхъ того, необходимое средство для обезпеченія своихъ Нидерландовъ. Въ октябрѣ началась правильная осада города. Въ императорскомъ лагерѣ почти не сомнѣвались въ ея успѣхѣ, а на сторонѣ составилось даже такое убѣжденіе, что, какъ скоро Мецъ будетъ взятъ, Карлу не трудно уже будетъ совладать съ прочими сво-

ими противниками. Но, несмотря на всѣ усилія осаждающихъ, работы ихъ медленно подвигались впередъ. Карлъ дождался еще подъ стѣнами Меца наступленія 1553 года, но вскорѣ потомъ снялъ осаду и со стыдомъ удалился во внутреннія владѣнія. Это значило почти тоже, что отказаться отъ Меца навсегда.

Пораженіе внутреннее, униженіе передъ внѣшнимъ врагомъ... Такъ разбивались одна за другою великолѣпныя мечты Карла, такъ измѣняла ему самая дѣйствительность, и каждый годъ уносилъ что нибудь изъ того ореола, въ которомъ онъ обыкновенно являлся своимъ современникамъ. Можно себѣ представить, какъ все это должно было дѣйствовать на его духъ. Въ случаѣ успѣшнаго хода мецской осады, Карлу предсказывали покореніе и «прочихъ» его враговъ: неуспѣхъ ея, конечно, не менѣе долженъ былъ отразиться на внутреннихъ событіяхъ Германіи. Своимъ безсиліемъ въ имперіи Карлъ скоро былъ поставленъ въ весьма фальшивое положеніе. Вскорѣ по возвращеніи его изъ похода закипѣла вражда между Альбрехтомъ, воинственнымъ маркграфомъ Бранденбургскимъ, и нѣкоторыми духовными чинами, терпѣвшими отъ его самоуправства и насилія. Естественно было ожидать, что въ этомъ спорѣ императоръ приметъ сторону слабыхъ. Иначе, въ чемъ же бы состояло особенное значеніе высшаго авторитета въ имперіи? Но вышло наоборотъ: Карлъ остался на сторонѣ маркграфа, съ которымъ вступилъ въ связи во время мецскаго похода, между тѣмъ какъ Морицъ принялъ на себя защиту притѣсненныхъ католическихъ князей, несмотря на то, что отдѣлялся отъ нихъ своими религіозными убѣжденіями. Впрочемъ, когда дѣло дошло до открытой борьбы, Карлъ устранился отъ всякаго участія въ ней, такъ что союзъ съ нимъ не принесъ ни малѣйшей пользы маркграфу. Онъ принужденъ былъ защищаться лишь своими собственными силами и потерпѣлъ одно за другимъ нѣсколько пораженій. Союзъ съ императоромъ не спасъ его даже отъ приговора, который былъ произнесенъ надъ нимъ имперскимъ судомъ, и борьба кончилась тѣмъ, что стѣсненный со всѣхъ сторонъ Альбрехтъ бѣжалъ изъ Германіи и искалъ себѣ убѣжища во Франціи (1554). Подъ конецъ всего Карлу досталось еще утвердить собственноручною подписью тѣ распоряженія, которыми предписывалось неукоснительное исполненіе приговора, произнесеннаго надъ бывшимъ его союзникомъ.

Въ битвѣ при Сиверсгаузенѣ, гдѣ Альбрехтъ понесъ первое пораженіе, смертельный ударъ поразилъ и самаго опаснаго его противника. Морицъ жилъ только одинъ день послѣ сраженія, въ которомъ еще разъ доказалъ силу своей руки. Онъ умеръ, какъ жилъ, въ союзѣ со врагомъ своего отечества и не признавая надъ собою никакого высшаго авторитета въ имперіи. Какъ бы то ни было, протестантское дѣло лишилось въ немъ самой сильной руки и головы вмѣстѣ. Но таково уже было общее настроеніе умовъ въ Германіи, что самая смерть курфюрста не произвела никакой ощутительной перемѣны въ положеніи партій. Потребность мира взяла въ общемъ мнѣніи рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими интересами, и религіозное раздѣленіе никому не казалось болѣе серьознымъ препятствіемъ къ окончательному примиренію, и дальнѣйшая отсрочка давно обѣщаннаго сейма для принятія неизвѣстныхъ рѣшеній сдѣлалась болѣе невозможною. Наконецъ онъ назначенъ былъ на первые мѣсяцы 1555 года. Непремѣнное присутствіе на немъ импера-

тора составляло одно изъ главныхъ условій, на которыхъ Карлъ согласился принять пассаускія предложенія; но послѣ того надежды его упали до такой степени, что онъ отказался явиться на засѣданія сейма и поручилъ предсѣдательство на немъ своему брату. Онъ не ожидалъ болѣе ничего хорошаго для себя и хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, избавиться отъ стыда присутствовать при составленіи своего приговора и не быть въ состояніи ни отвратить его, ни дать ему другаго направленія.

Карлъ вовсе отступался отъ сейма и уполномочилъ брата дѣйствовать совершенно самостоятельно. Конечно, такое самоотреченіе обошлось его гордому духу весьма не дешево. И въ самомъ дѣлѣ, что другое оставалось ему дѣлать? Положеніе измѣнилось дотого, что онъ не могъ не сознаться въ своемъ безсиліи, а, между тѣмъ, взглядъ его на вещи, понятія и убѣжденія остались тѣ же самыя, и ему, который прошелъ съ ними бо̀льшую часть своей жизни, невозможно было переломить себя на старости лѣтъ. Мысль Карла такъ же мало вмѣщала въ себѣ религіозное раздѣленіе, какъ и политическое, и продолжала отвергать его теоретически, когда уже оно готово было утвердиться въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, когда въ Аугсбургѣ, на большомъ собраніи имперскихъ чиновъ, рѣшалась судьба Германіи, Карлъ V оставался въ Нидерландахъ. Отсутствіемъ его устранялось и послѣднее затрудненіе къ соглашенію между партіями, которыя давно уже склонялись къ миру между собою. Мы не будемъ излагать всего хода аугсбургскаго сейма 1555 года. Всего важнѣе рѣшеніе главнаго спорнаго пункта, котораго сущность состояла въ томъ—побѣдитъ ли единство, или одержитъ верхъ раздѣленіе. Соглашеніе относительно этого вопроса послѣдовало довольно скоро. Начало религіознаго раздѣленія, которое отчасти восторжествовало уже на пассаускихъ переговорахъ, одержало въ Аугсбургѣ окончательный верхъ. Не только подтверждена была вновь формула, принятая въ Пассау, но и постановленъ относительно религіозныхъ дѣлъ непреложнымъ образомъ «постоянный, неизмѣнный, безусловный, другими словами—вѣчный миръ» въ имперіи. Разногласіе обнаружилось между чинами, когда отъ основнаго начала перешли къ приложенію его въ частностяхъ; однако, и здѣсь, съ помощію взаимныхъ уступокъ, мало по малу успѣли достигнуть соглашенія. Независимость протестантскаго начала признана была во всемъ, только дальнѣйшее распространеніе подвергнуто нѣкоторымъ стѣснительнымъ условіямъ. Но это былъ вопросъ не столько настоящаго, сколько будущаго. Мѣры, принятыя относительно внутренней администраціи, также мало соотвѣтствовали видамъ императора: онѣ передавали въ руки чиновъ бо̀льшую часть исполнительной власти, какъ имъ уже принадлежала по праву почти исключительно и власть законодательная. Впрочемъ, оба эти вопроса, религіозный и внутренней политики, такъ тѣсно были связаны между собою, что торжество протестантскаго начала необходимо влекло за собою и возвышеніе территоріальной власти, или политическое раздробленіе Германіи.

Такъ совершилась развязка великаго религіознаго спора, нѣсколько десятилѣтій къ ряду державшаго въ напряженіи всѣ умственныя и матеріальныя силы Германіи. И не было ли это вмѣстѣ развязкою цѣлаго царствованія? Рѣшенія аугсбургскаго сейма не были ли и ему послѣднимъ приговоромъ? На протестантскомъ вопросѣ сосредоточены были въ

послѣднее время всѣ усилія Карла, ему пожертвовалъ онъ другими, болѣе привлекательными своими планами, на немъ надѣялся видѣть торжество своей внутренней политики и твердое основаніе для успѣховъ внѣшнихъ предпріятій, а, вмѣсто того, потерпѣлъ на немъ самое сильное пораженіе. Когда Карлъ надѣялся видѣть вѣнецъ своихъ усилій въ сохраненіи строгаго единства, вопросъ безвозвратно былъ рѣшенъ въ пользу раздѣленія. Всякая попытка измѣнить это рѣшеніе въ противоположномъ смыслѣ отнынѣ была бы безуміемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для Карла закрывалась почти всякая дѣятельность, ибо только при условіи крѣпкаго единства Германіи могъ онъ возобновить свои мечты о всемірномъ владычествѣ, только ея соединенныя силы могли дать ему средства для успѣшной борьбы съ внѣшними врагами, особенно съ Турціей. Ожидать всего отъ времени было уже поздно. Жизнь Карла склонялась уже къ закату, недуги его росли съ каждымъ годомъ, и самая мысль замѣтно теряла свою первоначальную энергію. Эму оставалось только постоянно питаться горькимъ чувствомъ своего униженія, безъ надежды новыми славными подвигами изгладить его изъ памяти современниковъ. Онъ, правда, сохранялъ свою власть въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ; при немъ оставались всѣ прежніе его титулы. Но къ чему бы они послужили ему впредь? Карлъ вовсе не былъ такъ суетенъ, чтобы довольствоваться одними громкими титулами. Душа его была славолюбива, она жаждала дѣятельности, она успокоивалась только въ стремленіи къ высоко-поставленной цѣли, а какая высокая цѣль еще возможна была въ его положеніи?

По всему надобно было ожидать какого-нибудь необыкновеннаго оборота. Сильная душа, недовольная міромъ, мститъ ему тѣмъ, что отворачивается отъ него. Такъ случилось и съ Карломъ послѣ аугсбургскаго сейма. Въ сентябрѣ произошло его закрытіе, а въ октябрѣ того же года Карлъ писалъ уже брату о намѣреніи своемъ отречься отъ престола какъ о дѣлѣ совершенно рѣшенномъ.

XIX. ОТРЕЧЕНІЕ КАРЛА V ОТЪ ПРЕСТОЛА.

(По соч. Мотлея: «Исторія нидерландской революціи», т. I).

25 октября 1555 года государственные чины Нидерландовъ собрались въ главной залѣ брюссельскаго дворца. Ихъ созвали присутствовать при отреченіи отъ престола Карла V, который уже давно рѣшился на это дѣло, долженствовавшее совершиться въ этотъ день. Подобно многимъ государямъ прежнихъ и позднѣйшихъ временъ, императоръ любилъ великія государственныя зрѣлища. Онъ зналъ, какое вліяніе имѣютъ они на народныя массы. Хотя его собственный, по большей части черный, костюмъ былъ обыкновенно простъ и поношенъ, но никто не умѣлъ лучше его устроивать подобныя зрѣлища съ поражающимъ артистическимъ эффектомъ. Послѣднюю сцену своего долгаго и энергическаго царствованія онъ глубоко обдумалъ и приготовилъ такъ, чтобы она могла произвести желаемое впечатлѣніе. Онъ хотѣлъ, чтобы конецъ его правленія и начало царствованія его любимаго Филиппа выразились въ драматической формѣ, достойной какъ возвышеннаго положенія са-

михъ актеровъ, такъ и великой сцены, на которой имъ приходилось играть свои роли.

Живая столица Брабанта, провинціи, пользовавшейся тогда либеральною конституціею, была достойна служить ареною предстоявшаго эффектнаго зрѣлища. Уже болѣе пяти вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Брюссель сталъ городомъ, и въ этотъ день въ немъ было около ста тысячъ душъ. Въ отличіе отъ большинства нидерландскихъ городовъ, расположенныхъ на обширныхъ равнинахъ, Брюссель выстроенъ по бокамъ и окраинамъ обрывистой горы. Подошву ея омываетъ небольшая рѣка Сеннъ, а неправильныя, но живописныя улицы подымались вверхъ по крутымъ склонамъ горы, какъ полукруги и лѣстницы амфитеатра. Почти въ самомъ центрѣ города возвышалась смѣлая, покрытая изящной рѣзьбой башня ратуши. Вершину горы занимали башни древняго дворца герцоговъ Брабантскихъ съ его обширнымъ лѣсистымъ паркомъ по лѣвую и съ величественными чертогами Оранскихъ, Эгмонтовъ и другихъ фламандскихъ вельможъ по правую руку.

Дворецъ, гдѣ въ нынѣшнемъ случаѣ собрались государственные чины, служилъ резиденціею герцоговъ Брабантскихъ съ начала XIV столѣтія. Главный входъ дворца велъ въ обширную залу, которая славилась громадностью и гармоніею размѣровъ и богатствомъ украшеній. Стѣны были покрыты аррасскими обоями, изображавшими жизнь и подвиги Гедеона. Въ настоящемъ случаѣ стѣны были, сверхъ того, украшены цвѣтами и гирляндами. На западномъ концѣ залы было выстроено обширное возвышеніе или платформа, на которую вели шесть или семь ступеней, а пониже находился рядъ скамей для представителей 17 провинцій. Надъ срединой платформы красовался великолѣпный наметъ, украшенный бургундскимъ гербомъ, а подъ нимъ стояли три золоченныя кресла. Платформа была пока пуста, но скамьи внизу, назначавшіяся для провинціальныхъ депутатовъ, были уже заняты. Многочисленные представители всѣхъ провинцій уже заняли свои мѣста. Важные судьи въ мантіяхъ и съ цѣпями на груди и должностныя лица въ блестящихъ парадныхъ костюмахъ, которыми славились Нидерланды, уже наполняли все предоставленное имъ пространство. Остальную часть залы занимала болѣе счастливая часть публики, которой удалось получить дозволеніе присутствовать при зрѣлищѣ. Стрѣлки и алебардщики лейбъ-гвардіи стояли на часахъ у всѣхъ дверей. Итакъ, театръ былъ уже полонъ; слушатели горѣли нетерпѣніемъ, но не было еще актеровъ.

Когда часы пробили три, герой піесы явился. Цезарь, какъ всегда называли Карла V на классическомъ языкѣ того времени, вошелъ, опираясь на руку Вильгельма Оранскаго, а вслѣдъ за ними явились Филиппъ Второй и королева Марія Венгерская. Затѣмъ вошли эрцгерцогъ Максимиліанъ, герцогъ Савойскій и другія знатныя особы, въ сопровожденіи блестящей толпы воиновъ, совѣтниковъ, губернаторовъ и кавалеровъ Золотаго Руна. На этой платформѣ, гдѣ теперь занавѣсъ долженъ былъ опуститься надъ могущественнѣйшимъ императоромъ со временъ Карла Великаго и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна была разыгрываться первая сцена длинной и страшной трагедіи царствованія Филиппа, собрались заранѣе, какъ-бы по начертанному плану, многія лица, уже достигшія знаменитости или которымъ предстояла еще извѣстность въ исторіи Нидерландовъ, — лица, имена которыхъ такъ знакомы всѣмъ изучавшимъ эту эпоху.

Тутъ былъ епископъ аррасскій, вскорѣ сдѣлавшійся извѣстнымъ всему христіанскому міру подъ болѣе знаменитымъ титуломъ кардинала Гранвеллы. Тутъ былъ цвѣтъ фламандскаго рыцарства, прямой потомокъ древнихъ фризскихъ королей, уже во многихъ сраженіяхъ отличавшійся храбростью, но еще не одержавшій тѣхъ двухъ знаменитыхъ побѣдъ, которыя вскорѣ сдѣлали имя Эгмонта громкимъ, какъ звукъ трубы. Высокій, въ великолѣпномъ костюмѣ, съ темными волнистыми волосами, мягкими карими глазами, пухлыми щеками, маленькими усами и чертами почти женскими — таковъ былъ храбрый и обреченный судьбою Ламораль д'Эгмонтъ. Графъ де-Горнъ съ смѣлымъ лицомъ, развивающейся бородой, храбрый, честный, недовольный, сварливый, непопулярный человѣкъ—вотъ лица, отличавшіяся среди этой блестящей толпы придворныхъ. Впереди всѣхъ испанскихъ грандовъ, возлѣ Филиппа, стоялъ прославленный любимецъ его, Рюй Гомесъ. То былъ человѣкъ съ южною физіономіею, съ черными, какъ смоль, волосами и бородой, искривившимися глазами, лицомъ, поблѣднѣвшимъ отъ постоянныхъ умственныхъ занятій, щедушный, но красивый собою, а возлѣ императора стоялъ безсмертный принцъ Оранскій.

Карлу V было тогда пятьдесятъ пять лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, но онъ былъ уже хилъ и слабъ отъ преждевременной старости. Онъ былъ средняго роста и когда-то атлетическаго и пропорціональнаго сложенія. Широкія плечи, высокая грудь, узкія бедра, мускулистыя руки и ноги давали ему возможность бороться со всякимъ противникомъ на турнирахъ или на гимнастическомъ ристалищѣ; онъ могъ собственной рукой побѣдить быка въ любимомъ народномъ увеселеніи испанцевъ. На походѣ онъ могъ исполнять обязанности и вождя, и простаго воина, переносить усталость и суровость стихій, подчиняться всякому лишенію, кромѣ голода. Теперь всѣ эти личныя преимущества прошли. Руки, колѣна и ноги его болѣли, и онъ съ трудомъ поддерживалъ себя костылемъ, опираясь въ то же время на чужое плечо. Черты его лица были всегда крайне некрасивы, а время, конечно, не улучшило его выраженія. Его волосы, когда-то свѣтлые, а теперь отъ старости бѣлые, были коротко острижены и торчали во всѣ стороны; сѣдая борода была груба и запущена. Лобъ былъ обширенъ и благороденъ; глаза темно-голубые, съ выраженіемъ величественнымъ, но въ то же время ласковымъ. Онъ имѣлъ орлиный, но кривой носъ. Нижняя часть его лица была извѣстна своимъ уродствомъ. Нижняя губа, бургундское наслѣдство, переходившее изъ рода въ родъ такъ же неизмѣнно и правильно, какъ герцогство и графство, была тяжела и отвисла; нижняя челюсть дотого выдавалась впередъ, что онъ не могъ ни сблизить оба ряда еще остававшихся у него немногихъ зубовъ, ни внятно произнести цѣлую фразу. Ѣда и разговоръ, два занятія, которымъ онъ всегда предавался охотно, съ каждымъ днемъ становились для него болѣе затруднительными вслѣдствіе этого прирожденнаго недостатка, который казался искусственнымъ уродствомъ.

Таковъ былъ собою отецъ. Сынъ, Филиппъ II, былъ небольшой, худощавый человѣкъ, низкаго роста, съ худыми ногами, узкою грудью и застѣнчивымъ, робкимъ видомъ человѣка, постоянно страдающаго тѣлесными недугами. Лицомъ онъ былъ живой снимокъ съ отца, съ такимъ же широкимъ лбомъ и голубыми глазами, съ такимъ же ор-

линымъ, хотя болѣе пропорціональнымъ носомъ. Нижняя часть лица сохранила и у него замѣчательное бургундское уродство. Его нижняя губа была также тяжела и отвисла, ротъ великъ, а челюсть безобразно торчала впередъ. Цвѣтъ его лица былъ бѣлъ, волосы свѣтлы и рѣдки, борода желтоватая, короткая и клинообразная. Наружностью онъ походилъ на фламандца, но имѣлъ чопорныя манеры испанца. На публичныхъ выходахъ онъ велъ себя тихо, молчаливо, почти мрачно. Во время разговора онъ обыкновенно смотрѣлъ внизъ, говорилъ мало, застѣнчиво и даже неловко. Это приписывали отчасти природному высокомѣрію, которое онъ иногда старался побѣдить въ себѣ, а отчасти почти постоянной боли въ желудкѣ, которая происходила отъ его необыкновеннаго пристрастія къ пирожному.

Таковъ былъ собою человѣкъ, въ руки котораго теперь должны были перейти судьбы полміра, воля котораго должна была вліять на судьбу всѣхъ присутствовавшихъ и многихъ другихъ людей въ Европѣ и Америкѣ.

Когда три вѣнценосныя особы усѣлись въ кресла, поставленныя подъ наметомъ въ видѣ треугольника, тѣ изъ присутствовавшихъ, которымъ были приготовлены скамьи, заняли ихъ, и церемонія началась. По приказанію императора, Филибертъ де-Брюссель, членъ тайнаго совѣта Нидерландовъ, всталъ и произнесъ длинную рѣчь. Онъ говорилъ о горячей любви императора къ странѣ, въ которой онъ родился, объ его сожалѣніи, что разстроенное здоровье и потеря силъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и умственныхъ, заставляютъ его сложить съ себя верховную власть и искать подкрѣпленія своего слабаго здоровья въ болѣе тепломъ климатѣ. Но онъ утѣшается тѣмъ, что сынъ его крѣпокъ и опытенъ, и что недавній бракъ его съ королевой англійской доставилъ провинціямъ столь важную союзницу. Затѣмъ ораторъ еще разъ упомянулъ о безграничной любви императора къ своимъ подданнымъ, и въ заключеніе обратился къ Филиппу съ энергическимъ, но совершенно излишнимъ увѣщаніемъ о необходимости хранить католическую вѣру во всей ея чистотѣ. Послѣ этой длинной рѣчи, сообщенной намъ сполна нѣсколькими историками, присутствовавшими при церемоніи, совѣтникъ сталъ читать уступительную грамоту, въ силу которой Филиппъ, уже владѣвшій Сициліею, Неаполемъ, Миланомъ и носившій титулъ короля Англіи, Франціи и Іерусалима, получалъ теперь всѣ герцогства, маркграфства, графства, бароніи, города, мѣстечки и замки, составляющіе бургундское наслѣдство, со включеніемъ, разумѣется, и семнадцати нидерландскихъ провинцій.

Когда де-Брюссель кончилъ свою рѣчь, по собранію прошелъ шумъ удивленія, смѣшанный, однако, съ выраженіями сожалѣнія, что въ такую опасную минуту, когда границамъ угрожаетъ уже объявившій войну французскій король со своей воинственной и безпокойной націей, провинціи будутъ лишены своего давнишняго могучаго защитника. Тогда поднялся императоръ. Опираясь на свой костыль, онъ знакомъ руки подозвалъ къ себѣ человѣка, на плечо котораго опирался, входя въ залу. Къ нему подошелъ высокій, красивый юноша двадцати двухъ лѣтъ, — человѣкъ, имя котораго съ тѣхъ поръ и впредь, пока будетъ существовать исторія, было и будетъ дороже всякаго другаго имени для каждаго нидерландца. Въ этотъ день онъ походилъ скорѣе на уроженца юга, чѣмъ на нѣмца или фламандца. Черты его были испанскаго типа, смуг-

лыя, тонко обрисованныя и правильныя. Небольшая голова изящно покоилась на плечахъ. Его волосы были каштановаго цвѣта, какъ усы и борода. Лобъ его, высокій и обширный, уже носилъ преждевременные слѣды заботъ и думъ. Большіе каріе глаза выражали глубокій умъ. На немъ былъ великолѣпный костюмъ, которыми нидерландцы славились передъ другими народами и котораго въ настоящемъ случаѣ требовалъ торжественный характеръ церемоніи. Такъ какъ присутствіе его считалось необходимымъ, то его недавно вызвали изъ лагеря на границѣ, гдѣ, несмотря на его молодость, императоръ назначилъ его главнокомандующимъ своею арміею, противопоставивъ его такимъ противникамъ, какъ адмиралъ де-Колиньи и герцогъ де-Неверъ.

Опираясь, такимъ образомъ, на костыль и на плечо Вильгельма Оранскаго, императоръ обратился съ рѣчью къ государственнымъ чинамъ, заглядывая по-временамъ въ мелко-исписанную бумажку, которую держалъ въ рукахъ. Въ немногихъ словахъ онъ охарактеризовалъ событія съ того дня, когда ему было семнадцать лѣтъ, по нынѣшній. Онъ говорилъ о своихъ девяти экспедиціяхъ въ Германіи, четырехъ во Франціи, десяти въ Нидерландахъ, двухъ въ Англіи, двухъ въ Африкѣ и о своихъ одиннадцати морскихъ путешествіяхъ. Онъ кратко описалъ свои разныя войны, побѣды и трактаты, увѣряя своихъ слушателей, что благоденствіе своихъ подданныхъ и безопасность римско-католической вѣры были всегда главными цѣлями его жизни. Пока Богъ даровалъ ему здоровье, продолжалъ онъ, одни только враги могли быть недовольны тѣмъ, что Карлъ живъ и царствуетъ; но теперь, когда всѣ силы его истощились и жизнь быстро уходитъ, его любовь къ государству, привязанность и попеченія о благѣ ихъ заставляютъ его удалиться. На мѣсто дряхлаго человѣка, одною ногой уже стоящаго въ гробу, онъ оставляетъ имъ монарха въ лучшей порѣ жизни и въ полномъ цвѣтѣ силъ. Обращаясь къ Филиппу, онъ замѣтилъ, что отецъ, завѣщая сыну такое государство при смерти, заслуживалъ бы полную благодарность его, но что если отецъ преждевременно и добровольно сходитъ въ гробъ и, хороня себя заживо, думаетъ достигнуть этимъ благоденствія своей державы и величія своего сына, — то такая заслуга должна, безъ сомнѣнія, считаться еще болѣе высокою. Онъ прибавилъ, что этотъ долгъ благодарности будетъ уплаченъ ему съ лихвой, если Филиппъ захочетъ руководствоваться въ управленіи провинціями мудрымъ и любящимъ вниманіемъ къ ихъ истиннымъ интересамъ. Потомство будетъ хвалить его за отреченіе, если сынъ его окажется достойнымъ этой любви; но этого результата Филиппъ можетъ достигнуть не иначе, какъ живя въ страхѣ Божіемъ и охраняя, какъ единственную основу своей державы, законъ, справедливость и католическую вѣру во всей ихъ чистотѣ. Въ заключеніе, императоръ просилъ государственные чины, а черезъ нихъ всю націю повиноваться своему новому государю, жить мирно и нерушимо хранить вѣру католическую, прося ихъ въ то же время простить ему всѣ ошибки или обиды, совершенныя имъ противъ нихъ въ продолженіе своего царствованія, и увѣряя ихъ, что онъ непрестанно будетъ поминать ихъ послушаніе и любовь въ своихъ молитвахъ Тому, Кому онъ посвящаетъ остальную часть своей жизни.

Столь выразительныя слова, столь сильныя увѣренія въ стараніи добросовѣстно исполнять свой долгъ, столь горячія надежды касательно

благодѣтельнаго управленія сына должны были подѣйствовать на чувствительность собранія, уже тронутаго и находившагося подъ величавымъ впечатлѣніемъ происходившаго. Рыданія раздались по всей залѣ, и слезы лились изо всѣхъ глазъ. Самъ императоръ, заключивъ свою рѣчь, чуть не въ обморокѣ упалъ на свое кресло. Смертельная блѣдность покрыла его лицо, и онъ заплакалъ какъ ребенокъ. Даже ледяной Филиппъ, который всталъ теперь, чтобы исполнить свою роль, былъ почти тронутъ. Упавъ на колѣни у ногъ отца, онъ почтительно поцѣловалъ его руку. Карлъ съ важностью положилъ руку на голову сына, перекрестилъ его, благословилъ во имя Пресвятой Троицы. Потомъ, приподнявъ его, онъ нѣжно обнялъ его, сказавъ окружавшимъ его вельможамъ, что искренно жалѣетъ сына, на плечи котораго свалилось бремя столь тяжкое, что, чтобы совладать съ нимъ, едва достанетъ неусыпныхъ трудовъ цѣлой жизни. Затѣмъ Филиппъ произнесъ нѣсколько словъ, въ которыхъ выразилъ свое повиновеніе отцу и любовь къ своему народу. Затѣмъ встала Марія, королева венгерская, бывшая правительницею Нидерландовъ въ продолженіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ; ей предстояло теперь сложить съ себя эту должность. Въ краткой рѣчи она выразила любовь свою къ народу, сожалѣніе о томъ, что ей придется оставить его, и надежду, что ей простятъ всѣ ошибки, которыя она сдѣлала во время своего долгаго правленія.

Этимъ кончилась церемонія. Императоръ, опираясь на принца Оранскаго и графа де-Бюрена, медленно оставилъ залу; вслѣдъ за нимъ удалились Филиппъ, королева венгерская и весь дворъ.

Спустя мѣсяцъ, безъ шума произошла передача Филиппу другихъ владѣній и достоинствъ. Испанія, Сицилія, Балеарскіе острова, Америка и другія страны свѣта перешли въ его руки безъ всякихъ формальностей. Въ имперіи встрѣтились нѣкоторыя затрудненія: Фердинанда уже увѣдомили, что братъ его отрекается въ его пользу отъ императорскаго престола, и Вильгельмъ Оранскій доставилъ ему императорскія регаліи. Кромѣ того, была отправлена депутація къ курфюрстамъ; она имѣла порученіе объявить курфюрстамъ рѣшеніе императора. Однако прошло два года, прежде чѣмъ это дѣло уладилось формально; помѣхою были—отчасти смерть трехъ курфюрстовъ, отчасти же война, вскорѣ вспыхнувшая въ Европѣ. Въ февралѣ 1556 г. курфюрсты собрались во Франкфуртѣ, чтобы принять отреченіе Карла и приступить къ избранію Фердинанда. Въ мартѣ Фердинандъ былъ коронованъ и немедленно отправилъ депутацію къ папѣ съ извѣстіемъ о своемъ вступленіи на престолъ. Всего менѣе можно было ожидать оппозиціи со стороны папы; но старый брюзга, занимавшій въ то время престолъ св. Петра, ненавидѣлъ Карла и всѣхъ его родныхъ; поэтому онъ отказался признать законность избранія Фердинанда, такъ какъ оно не было предварительно утверждено папой, отъ котораго зависѣли всѣ престолы. Фердинандъ, послушавъ нѣсколько времени черезъ своихъ пословъ смѣшныя разсужденія папы, прекратилъ наконецъ переговоры, обнародовавъ формальный протестъ противъ Павла IV. Но онъ добился признанія своего императорскаго достоинства только отъ преемника Караффы, Пія IV.

Карлъ V не дождался конца этихъ споровъ. Онъ прожилъ до августа 1556 г. въ Брюсселѣ, въ частномъ домѣ. 27 августа онъ написалъ изъ Гента рескриптъ призиденту шпейерской палаты, объявляя въ немъ

о своемъ отреченіи въ пользу Фердинанда и требуя, чтобы во время междуцарствія Фердинанду повиновались какъ самому императору. Десять дней спустя, Карлъ написалъ о томъ же императорскому сейму и 17 сентября 1556 г. отправился моремъ изъ Зеландіи въ Испанію. Однако эти отсрочки и затрудненія повели къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ: многіе считали отреченіе императора безпримѣрнымъ подвигомъ великодушія; но нашлись и такіе, которые не видѣли въ немъ ничего великаго и даже утверждали, что Карлъ вовсе не намѣренъ отказываться отъ престола имперіи. Такое мнѣніе свидѣтельствуетъ, какъ трудно вѣрилось въ то время такому необыкновенному поступку и какъ несообразенъ онъ казался съ истинными политическими потребностями. Однако современники прилагали всѣ старанія, чтобы узнать тайныя причины, побудившія Карла къ отреченію, и міръ до сихъ поръ не перестаетъ удивляться его поступку. Но было бы гораздо удивительнѣе, если бы, при своемъ характерѣ, Карлъ остался на престолѣ. Конецъ, не увѣнчавъ дѣла, развѣнчалъ дѣятеля. Первая и бо̀льшая часть его поприща была непрерывнымъ рядомъ тріумфовъ. Ему не удалось одно: осуществить завѣтную мечту своего дѣда и своей собственной юности, присоединивъ тронную тіару папъ къ своимъ наслѣдственнымъ вѣнцамъ. Но Карлъ былъ слишкомъ практичный фламандецъ, чтобы долго увлекаться химерами. Зато онъ покорилъ себѣ грозныхъ противниковъ и не только побѣждалъ, но даже бралъ въ плѣнъ почти каждаго государя, который вооружался противъ него. Онъ приковалъ къ своей колесницѣ Климента и Франциска, герцоговъ и ландграфовъ Клевскаго, Гессенскаго, Саксонскаго и Брауншвейгскаго и долго унижалъ и томилъ ихъ въ неволѣ. Но конецъ его царствованія омрачилъ всю его прежнюю славу; вся дѣятельность его не привела ни къ чему. Оказалось, что онъ обманулся въ большей части своихъ плановъ. Онъ унизилъ Франциска, но Генрихъ блистательно отомстилъ за отца. Онъ попралъ Филиппа Гессенскаго и Фридриха Саксонскаго, но одинъ изъ этихъ нѣмцевъ, Морицъ Саксонскій, которыхъ онъ называлъ «мечтателями, пьяницами, простяками», обманулъ хитрѣйшаго человѣка и обратилъ предъ собою въ позорное бѣгство побѣдителя всѣхъ народовъ. Ударъ, нанесенный императоромъ при Мюльбергѣ, былъ послѣднимъ. Турецкій султанъ Солиманъ-Великолѣпный владѣлъ большею частью Венгріи и готовилъ, въ союзѣ съ Франціею и папой, флотъ противъ Неаполя. Такимъ образомъ, противъ Карла соединились невѣрные, протестанты и святая церковь, и ему приходилось встрѣтить ихъ удары не съ гордымъ видомъ завоевателя, а съ жалкимъ — монарха побѣжденнаго, обманутаго, разочарованнаго.

Если бы императоръ продолжалъ жить и царствовать, ему пришлось бы вмѣшаться въ смертельную борьбу по поводу религіознаго движенія въ Нидерландахъ, котораго онъ не могъ бы долѣе подавлять,—борьбу, завѣщанную имъ сыну, какъ кровавое наслѣдство. Карлъ, родившійся въ самомъ началѣ своего вѣка, былъ въ пятьдесятъ пять лѣтъ уже дряхлымъ старикомъ, тогда какъ славный вѣкъ этотъ, въ который человѣчество навсегда сбросило съ себя такъ долго опутывавшія его пеленки, только-что проснулся и сознналъ свою силу.

Пора была императору удалиться со сцены: планы его рушились. Онъ понялъ, что̀ ни власть его, ни слава не могутъ увеличиться, если

онъ будетъ продолжать безполезно влачиться по тому пути, гдѣ впереди его ожидало только униженіе. Въ физическомъ отношеніи онъ былъ развалина; сорокъ лѣтъ безпримѣрнаго обжорства сдѣлали свое дѣло. Императоръ страдалъ подагрою, одышкою, желудочнымъ катарромъ, каменною болѣзнью; шея, руки и колѣна его тряслись; его безпокоила хроническая накожная сыпь. Аппетитъ остался, но желудокъ не могъ болѣе варить пищу и постоянно причинялъ ему страданія. Онъ давно намѣревался отречься передъ смертью отъ власти и условился съ императрицею, что подъ старость они разстанутся и будутъ проводить остатокъ жизни въ монастырѣ. Однажды, будучи еще сравнительно молодъ, онъ былъ глубоко пораженъ отвѣтомъ одного стараго служаки, котораго спросилъ, зачѣмъ онъ такъ настоятельно проситъ объ отставкѣ. «Затѣмъ,—сказалъ ветеранъ,—чтобы провести въ размышленіи промежутокъ времени между земною жизнью и загробною».

Это-то рѣшеніе Карлъ приводилъ теперь въ исполненіе, хотя еще медлилъ. Но пока, отрекшись отъ престола, онъ продолжалъ жить въ Брюсселѣ, на небѣ явилась комета, какъ-бы напоминая ему, что пора покончить съ жизнью. Въ продолженіе всей его жизни кометы и другія небесныя явленія имѣли сильное вліяніе на его поступки и предпріятія. Онъ зналъ, зачѣмъ пришла комета. Императоръ зналъ, говоритъ одинъ современный нѣмецкій лѣтописецъ, что она предвѣщаетъ моръ, войну и близкую смерть монарховъ. «Судьба моя зоветъ меня!»—воскликнулъ Карлъ и сталъ поспѣшно готовиться къ отъѣзду.

Къ сожалѣнію, поэтическая картина его философскаго уединенія въ монастырѣ Юста—не болѣе, какъ вымыселъ.

Онъ не только не былъ погруженъ въ глубокое набожное созерцаніе, далекое отъ всей мірской суеты, но, напротивъ, мысли его ни на минуту не покидали политической арены. Онъ читалъ только депеши, писалъ и диктовалъ только безконечные отвѣты на нихъ, самые тяжелые и многосложные, какіе когда либо выходили изъ-подъ его пера. Современная политика такъ занимала его, какъ будто міръ все-еще былъ въ его рукахъ. И не мудрено: Карлъ былъ исключительно человѣкъ дѣла. Онъ не имѣлъ тѣхъ склонностей и способностей, которыя могутъ сдѣлать человѣка великимъ и въ уединеніи; изъ устъ этого отшельника не вышло ни одной возвышенной мысли, ни одного благороднаго чувства, ни одного глубокаго замѣчанія. Карлъ писалъ жестокія инструкціи инквизиторамъ, поощряя спѣшить истребленіемъ еретиковъ. Онъ неистово взывалъ объ этомъ къ Филиппу, какъ будто Филиппъ нуждался въ поощреніи къ подобному дѣлу. Онъ писалъ ему, чтобы онъ принялся лично «искоренять ересь самыми рѣшительными и строгими мѣрами».

РЕФОРМАЦІЯ
ВЪ ИТАЛІИ И РЕАКЦІЯ КАТОЛИЦИЗМА.

XX. ПОДОБІЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА ВЪ ИТАЛІИ И ПОПЫТКИ ВНУТРЕННИХЪ РЕФОРМЪ.

(По соч. Ранке: «Римскіе папы»).

Въ то самое время, какъ въ Германіи возникло протестантское движеніе, въ Италіи появились литературныя собранія, принявшія нѣкоторый религіозный оттѣнокъ.

Когда при Львѣ X въ тонѣ общества было подвергать сомнѣнію и отрицать христіанство, въ противодѣйствіе этому, въ кругу умнѣйшихъ людей, которые вполнѣ владѣли образованностью своего времени, но не потерялись въ ней, возникла реакція. Было весьма естественно, что люди эти сблизились между собою.

Еще во времена Льва нѣкоторые достойные люди основали въ Римѣ, для обоюднаго назиданія, «ораторію божественной любви». Собирались они для богослуженія, проповѣди и духовныхъ упражненій въ Транстеверѣ, въ церкви св. Сильвестра и Доротеи, недалеко отъ того мѣста, гдѣ, какъ полагали, жилъ св. Петръ и руководилъ первыми сходками христіанъ. Членовъ «ораторіи» было отъ 50 до 60 человѣкъ. Контарини, Садолетъ, Джиберто, Караффа, которые всѣ были кардиналами, Липпомано, славный и дѣятельный духовный писатель, и нѣкоторые другіе замѣчательные люди принадлежали къ этому обществу; Юліанъ Бати, священникъ этой церкви, былъ центромъ союза.

Многаго, конечно, не доставало, чтобы направленіе этого общества, какъ легко заключить изъ мѣста его собранія, приблизилось къ протестантизму, но въ извѣстномъ отношеніи оно было однородно съ нимъ, именно—въ намѣреніи противодѣйствовать всеобщему упадку церкви обновленіемъ ученія и вѣры, откуда вышло также ученіе Лютера и Меланхтона. Союзъ этотъ состоялъ изъ людей, хотя развившихъ впослѣдствіи весьма различныя мнѣнія, но въ то время соединявшихся однимъ общимъ чувствомъ. Однако въ начавшемся движеніи весьма скоро обнаружились болѣе опредѣленныя и разнородныя стремленія.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ мы снова встрѣчаемся съ частію римскаго общества въ Венеціи.

Римъ былъ опустошенъ, Флоренція завоевана, Миланъ сдѣлался сборнымъ пунктомъ, гдѣ толпились арміи; среди общаго разрушенія, одна Венеція оставалась еще гостепріимною для иноземцевъ. Она считалась общимъ мѣстомъ убѣжища. Тамъ собрались разсѣянные римскіе литераторы, флорентинскіе патріоты, для которыхъ отечество ихъ было на вѣки закрыто. Въ средѣ ихъ обнаружилось теперь сильное духовное направленіе, между прочимъ, подъ вліяніемъ ученія Савонаролы, особенно между флорентинцами, какъ это видно на историкѣ Нарди, переводчикѣ библіи Бруччіоли. Это направленіе раздѣляли и другіе эмигранты, какъ, напр., Региналъдъ Поль, оставившій Англію, чтобы удалиться отъ нововведеній Генриха VIII. У своихъ венеціанскихъ друзей они встрѣтили теперь радушный пріемъ: въ Падуѣ, у Петра Бембо, который принималъ у себя эмигрантовъ, трактовали преимущественно объ ученыхъ вопросахъ, о цицероновской латыни; бесѣды болѣе глубокія были у учениковъ умнаго Григорія Кортезе, аббата церкви St. Giorgio Maggiore, близъ Венеціи; въ садахъ St. Giorgio Maggiore излагалъ свои разсужденія Бруччіоли. Недалеко отъ Тревизы быда вилла Тревилье, принадлежавшая Луиджи Пріули. Это былъ человѣкъ съ чисто-венеціанскимъ характеромъ, какихъ и въ наше время еще иногда случается встрѣчать,—полный спокойной воспріимчивости къ истиннымъ и высокимъ чувствамъ и къ безкорыстной дружбѣ. Здѣсь занимались преимущественно духовными изслѣдованіями и бесѣдами. Между прочимъ, былъ тамъ и бенедиктинецъ Марко Падуанскій, человѣкъ глубоко набожный. Но главою общества слѣдуетъ считать Гаспара Контарини, который, по словамъ Поля, знаетъ все, что только открылъ человѣческій духъ непосредственно или по благодати, и который былъ исполненъ добродѣтелей.

Если спросимъ, на какомъ основномъ положеніи сходились между собою эти люди, то увидимъ, что это было преимущественно то же самое ученіе объ оправданіи, которое у Лютера было началомъ всего протестантскаго движенія... Контарини написалъ объ этомъ особый трактатъ, который весьма одобряетъ также и Поль. Обращаясь къ Контарини, онъ говоритъ: «ты извлекъ на свѣтъ драгоцѣнный камень, который церковь хранила полускрытымъ». И самъ Поль находитъ, что св. писаніе въ глубинѣ своей сущности содержитъ лишь одно это ученіе; онъ называетъ своего друга счастливымъ, что онъ началъ выводить на свѣтъ эту «святую, плодотворную, необходимую истину». Къ кружку друзей, который къ нимъ присоединился, принадлежалъ также и Фламиніо. Онъ жилъ нѣкоторое время у Поля; Контарини хотѣлъ взять его съ собою въ Германію. Фламиніо излагаетъ свое ученіе уже весьма опредѣлительно. «Евангеліе —говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ — есть не что иное, какъ счастливая вѣсть, что единородный Сынъ Божій, воплотившись, оправдалъ насъ передъ правосудіемъ вѣчнаго Отца. Кто вѣритъ этому, тотъ внидетъ въ царствіе Божіе, получитъ полное отпущеніе грѣховъ, изъ существа тѣлеснаго сдѣлается духовнымъ, изъ сына гнѣва сдѣлается сыномъ милосердія, и въ этой жизни вѣрующій наслаждается спокойствіемъ своей совѣсти». Едва ли можно было выражаться по этому предмету болѣе лютеранскимъ образомъ.

Ученіе это распространилось по большей части Италіи въ видѣ литературнаго мнѣнія или тенденціи.

Замѣчательно, однако, какъ внезапно споръ о мнѣніи, о которомъ прежде лишь изрѣдка заходила рѣчь въ школахъ, теперь занялъ и наполнилъ собою цѣлое столѣтіе и вызвалъ къ дѣятельности всѣ лучшіе умы того времени. Въ

XVI стол. ученіе объ оправданіи произвело величайшія движенія, раздоры и даже перевороты. Теперь именно, въ противоположность свѣтскому направленію церкви, забывшей почти совершенно о непосредственномъ отношеніи человѣка къ Богу, этотъ вопросъ, касающійся глубочайшей тайны этого отношенія, занялъ всѣ умы.

Даже въ легкомысленномъ Неаполѣ вопросъ этотъ получилъ ходъ, и притомъ еще отъ испанца, секретаря вице-короля, Іоанна Вальдеца. Самыя сочиненія Вальдеца, къ сожалѣнію, всѣ погибли, но о томъ, за что порицали его противники, мы имѣемъ весьма точныя свидѣтельства. Около 1540 года явилась небольшая книжка «О благодѣяніи Христа», въ которой, какъ выражается одно донесеніе инквизиціи, соблазнительнѣйшимъ образомъ излагается ученіе объ оправданіи, унижаются дѣла и заслуги и все приписывается одной вѣрѣ; такъ какъ это былъ именно тотъ самый пунктъ, противъ котораго тогда весьма погрѣшали многіе прелаты и монашествующая братія, то эта книжка распространилась повсемѣстно. Старались узнать автора ея. Донесеніе инквизиціи указываетъ его опредѣлительно. Это былъ, говоритъ оно, монахъ изъ Санъ-Северино, ученикъ Вальдеца. Но кто бы ни былъ ея авторъ, она имѣла невѣроятный успѣхъ и сдѣлала на извѣстное время популярнымъ въ Италіи ученіе объ оправданіи. Слѣдуетъ замѣтить, что тенденція Вальдеца не была исключительно богословской: онъ, прежде всего, былъ значительнымъ свѣтскимъ сановникомъ, не основалъ никакой секты, и его книга о христіанствѣ была лишь плодомъ его литературныхъ занятій. Друзья его съ удовольствіемъ вспоминали о прекрасныхъ дняхъ, которые они проводили съ нимъ близъ Неаполя, «гдѣ природа красуется и улыбается въ своей пышности». Вальдецъ былъ человѣкъ кроткій, любезный и съ большими дарованіями. «Одна частица его души — говорятъ о немъ друзья — была необходима, чтобы оживлять его слабое, тощее тѣло; большею же ея частью, своимъ спокойнымъ, свѣтлымъ умомъ, онъ возносился къ созерцанію истины». Въ кругу дворянъ и ученыхъ Неаполя Вальдецъ пользовался чрезвычайнымъ вліяніемъ.

Живое участіе въ этомъ религіозномъ, духовномъ движеніи приняли также и женщины,—между прочими, Витторіа Колонна. По смерти своего мужа, Пескары, она совершенно предалась наукамъ. Въ ея стихотвореніяхъ такъ же, какъ и въ письмахъ, видна прочувствованная мораль, непритворная религіозность. Поль и Кантарини принадлежали къ ея самымъ близкимъ друзьямъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что она подвергала себя духовнымъ упражненіямъ по монашескому образцу. По крайней мѣрѣ Аретинъ весьма наивно пишетъ ей, что «онъ не думаетъ, чтобы она полагала спасеніе въ обѣтѣ молчанія, въ опущенномъ взорѣ и въ суровомъ одѣяніи, а, вѣроятно, полагаетъ его въ чистотѣ души». Домъ Колонновъ вообще преданъ былъ этому направленію, особенно Веспасіанъ, герцогъ Палліано, и супруга его Юлія, считавшаяся самою красивою женщиной Италіи. Вальдецъ посвятилъ Юліи одну книгу.

Но, кромѣ того, ученіе это распространено было и въ среднихъ классахъ.

Въ донесеніи инквизиціи, можетъ быть преувеличенномъ, говорится, что ему слѣдуютъ до 3000 учителей. Но если число ихъ было и менѣе, то, все-таки, какъ сильно должно было дѣйствовать оно на юношество и народъ!

Не менѣе сочувствія встрѣтило ученіе объ оправданіи и въ Моденѣ. Самъ епископъ Морони, близкій другъ Поля и Контарини, покровительствовалъ ему: книга «О благодѣяніи Христа» была напечатана и распространена въ большомъ количествѣ экземпляровъ прямо по его приказанію.

Время отъ времени въ Италіи называли даже протестантами людей, вы-

ступившихъ съ новыми мнѣніями, и о которыхъ мы упомянули. Дѣйствительно, эти люди усвоили себѣ нѣкоторыя мнѣнія, господствовавшія въ Германіи: они старались основать ученіе на свидѣтельствѣ св. писанія и въ догмѣ объ оправданіи весьма близко подходили къ лютеранскому воззрѣнію; но нельзя сказать чтобы они раздѣляли эти воззрѣнія и во всѣхъ другихъ предметахъ: чувство единства церкви, почитаніе папы слишкомъ глубоко впечатлѣлись въ ихъ умахъ, и нѣкоторые католическіе обычаи находились въ такой тѣсной связи съ національнымъ образомъ мыслей, что отрѣшиться отъ нихъ было трудно.

Фламиніо написалъ изъясненіе псалмовъ, догматическое содержаніе котораго встрѣтило одобреніе у протестантскихъ писателей; но въ посвященіи этого сочиненія онъ называетъ папу стражемъ и владыкой всего святаго, намѣстникомъ Бога на землѣ.

Джіованъ Батиста Фоленго приписываетъ оправданіе единственно благодати; онъ говоритъ даже, что грѣхи полезны, а это уже не очень далеко отъ ничтожности «добрыхъ дѣлъ»; съ горячностью ратуетъ онъ противъ мнѣнія о пользѣ постовъ, частной молитвы, обѣдни и исповѣди, даже противъ священства, монашества и епископства; однако, несмотря на это, онъ почти шестидесяти лѣтъ спокойно умеръ въ томъ самомъ бенедиктинскомъ монастырѣ, въ который поступилъ на 16 году.

Нѣсколько иначе подвизался довольно долгое время Бернардино Окино. Если вѣрить его собственнымъ словамъ, сначала глубокая потребность «небеснаго рая, который пріобрѣтается чрезъ божественную благодать», побудила его сдѣлаться францисканцемъ. Ревность его была столь искренна, что онъ весьма скоро перешелъ къ болѣе строгимъ обѣтамъ капуциновъ. Въ третьемъ и еще разъ въ четвертомъ капитулѣ этого ордена онъ былъ назначенъ генераломъ; въ этой должности онъ пріобрѣлъ себѣ чрезвычайное одобреніе; но, какъ ни строга была его жизнь, онъ всегда ходилъ пѣшкомъ, спалъ на своемъ плащѣ, никогда не пилъ вина и другимъ внушалъ въ особенности заповѣдь бѣдности, какъ лучшее средство къ достиженію евангельскаго совершенства,—однако онъ мало по малу убѣдился и проникся ученіемъ объ оправданіи благодатію. Убѣдительнѣйшимъ образомъ излагалъ онъ это ученіе при исповѣди и съ каѳедры. «Я открылъ ему мое сердце,—говоритъ Бембо,—какъ предъ самимъ Христомъ; мнѣ казалось, что я никогда не видѣлъ человѣка болѣе святаго». На его проповѣдь стекались цѣлые города, въ церквахъ недоставало мѣста; ученые и народъ, оба пола, старый и малый—всѣ были удовлетворены. Его грубая одежда, спускавшаяся на грудь борода, сѣдые волосы, блѣдное, тощее лицо и слабость, происходившая отъ его упорнаго поста, придавали ему видъ святаго.

Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ католицизма оставалась еще черта, за которую не переступали аналогіи съ новыми мнѣніями. Относительно священства и монашества въ Италіи не вступали прямо въ споръ; отъ нападенія на главенство папы были еще слишкомъ далеки. Да и могъ ли, напр., Поль не остаться вѣрнымъ папѣ, когда онъ бѣжалъ изъ Англіи потому единственно, что не хотѣлъ признать короля главою англиканской церкви? Отпаденіе отъ церкви эти люди считали за величайшее зло. Исидоръ Кларіо, который, съ помощію протестантскихъ трудовъ, исправилъ vulgato (латинскій переводъ библіи) и написалъ къ ней введеніе, подвергшееся запрещенію, въ особомъ сочиненіи отклонялъ протестантовъ отъ отпаденія отъ церкви. «Никакое зло —говоритъ онъ — не можетъ быть столь велико, чтобы оправдать отпаденіе отъ ея священнаго общества. Не лучше ли преобразовать то, что есть, чѣмъ от-

даваться невѣрнымъ попыткамъ произвести что нибудь новое. Нужно думать только о томъ, какъ улучшить и исправить отъ ошибокъ старый институтъ».

Новое ученіе съ этими видоизмѣненіями пріобрѣло себѣ въ Италіи множество приверженцевъ. Антоніо деи-Пальяричи, въ Сіенѣ, почитавшійся, между прочимъ, авторомъ книги «О благодѣяніяхъ Христа», Карнезекки изъ Флоренціи, слывшій приверженцемъ и распространителемъ ея, и почти въ каждомъ городѣ Италіи какое нибудь значительнѣйшее лицо примыкали къ новому ученію. Это было всеобщее мнѣніе, вполнѣ религіозное, умѣренно-церковное, волновавшее всю страну изъ конца въ конецъ, во всѣхъ кружкахъ общества.

Нѣтъ сомнѣнія, что самымъ полезнымъ и славнымъ дѣломъ Павла III, которымъ онъ ознаменовалъ вступленіе свое на престолъ, было то, что онъ призвалъ нѣкоторыхъ отличныхъ мужей въ коллегію кардиналовъ единственно изъ уваженія къ ихъ заслугамъ. Онъ началъ съ венеціанца Контарини, а этотъ предложилъ и прочихъ. Это были люди безукоризненной нравственности, славные своею ученостью и благочестіемъ и знакомые съ потребностями различныхъ странъ: Караффа, долго жившій въ Испаніи и Нидерландахъ, Садолетъ, епископъ Карпентраса во Франціи, Поль, бѣжавшій изъ Англіи, Джиберто, который послѣ того, какъ долгое время участвовалъ въ общемъ управленіи дѣлами, примѣрно управлялъ своею веронскою епархіей, Федериго Фрегозо, архіепископъ салернскій, это почти всѣ, какъ видимъ, члены «ораторіи божественной любви». Многіе изъ нихъ держались религіознаго направленія, склонявшагося къ протестантизму.

Эти-то кардиналы, по приказанію папы, разрабатывали проэктъ церковныхъ реформъ. Протестанты, узнавъ объ этомъ трудѣ, осыпали его насмѣшками. Сами они, конечно, между тѣмъ ушли гораздо далѣе; но нельзя отрицать, что для католической церкви чрезвычайно важно было уже и то, что нападеніе на ея злоупотребленія сдѣлано въ самомъ Римѣ, и что эти злоупотребленія верховной власти были выставляемы, какъ главный источникъ всеобщаго зла.

Но на одномъ этомъ не остановились. Сохранились нѣкоторыя небольшія сочиненія Гаспара Контарини, въ которыхъ онъ ведетъ жаркую войну преимущественно съ тѣми злоупотребленіями, которыя доставляли куріи доходъ. Обычай композицій, состоявшій въ томъ, что за полученіе даже духовныхъ милостей обязывали платить деньги,—онъ называетъ симоніей, которую слѣдуетъ даже считать нѣкоторымъ родомъ ереси. Когда разъ замѣтили ему, что онъ дурно дѣлаетъ, порицая прежнихъ папъ, онъ воскликнулъ: «Какъ, неужели мы должны заботиться объ именахъ трехъ-четырехъ папъ, а не стараться объ исправленіи того, что искажено, и не стараться пріобрѣсти самимъ себѣ добраго имени?» Дѣйствительно, было бы слишкомъ много, если бы защищать дѣла всѣхъ папъ.

На злоупотребленія отпущеніемъ грѣховъ нападаетъ онъ самымъ серьознымъ и энергическимъ образомъ. Онъ находитъ идолопоклонствомъ признавать, (что и дѣйствительно признавали), будто папа въ утвержденіи или отмѣнѣ положительнаго права не долженъ уважать никакихъ основаній и побужденій, кромѣ своей воли. Мнѣнія его объ этомъ предметѣ заслуживаютъ вниманія: «Законъ Христа — говоритъ онъ — есть законъ свободы и запрещаетъ столь грубое рабство, которое лютеране имѣли полное право сравнить съ вавилонскимъ плѣненіемъ. Но, и кромѣ того, можетъ ли называться управленіемъ такая система, гдѣ закономъ служитъ воля одного человѣка, всегда, по природѣ

своей, склоннаго ко злу и дѣйствующаго подъ вліяніемъ безчисленныхъ впечатлѣній? Нѣтъ, всякая власть есть власть разума. Она имѣетъ цѣлію правыми средствами приводить управляемыхъ ею къ общей цѣли, къ счастію. И власть папы есть тоже власть разума. Богъ далъ ее св. Петру и его преемникамъ, чтобы они ввѣренную имъ паству вели къ вѣчному блаженству. Папа долженъ знать, что тѣ, на которыхъ простирается его власть, суть люди свободные. Не по произволу долженъ онъ повелѣвать, запрещать или разрѣшать, но по законамъ разума, заповѣдямъ Божіимъ и любви,—по законамъ, которые все сводятъ къ Богу и общему благу, ибо не произволъ даетъ положительные законы: они рождаются отъ приспособленія естественнаго права и Божіихъ заповѣдей къ обстоятельствамъ. Только по этимъ же законамъ и по неотразимому требованію жизни они могутъ быть измѣняемы». «Твое святѣйшество — возражаетъ онъ Павлу III — да обратитъ вниманіе, чтобы не отступать отъ этихъ правилъ. Не обращайся къ безсильной волѣ, которая нерѣдко избираетъ злое, къ рабству, которое служитъ грѣху. Тогда будешь ты могуществененъ, свободенъ; тогда въ тебѣ будетъ сосредоточиваться жизнь христіанскаго общества».

Это была, какъ мы видимъ, попытка образовать раціональное папство. Она была тѣмъ болѣе замѣчательна, что исходила изъ того же самаго ученія объ оправданіи и свободной волѣ, которое послужило основаніемъ отпаденію протестантовъ.

Легко понять, что радикальное исправленіе злоупотребленій, съ которыми такъ тѣсно связано множество личныхъ правъ и притязаній, множество привычекъ жизни, было самымъ труднымъ дѣломъ, какое только можно было предпринять. Однако, тѣмъ не менѣе, папа Павелъ III, казалось, ревностно готовъ былъ приступить къ реформѣ.

Онъ нарядилъ уже коммисіи для осуществленія реформъ въ консультѣ, канцеляріи, судѣ и коллегіи пенитенціарія и снова принялъ къ себѣ Джиберто. Появились реформаторскія буллы; приготовлялись даже къ вселенскому собору, котораго такъ опасался и избѣгалъ папа Климентъ и котораго даже Павелъ III имѣлъ поводъ избѣгать по своимъ частнымъ обстоятельствамъ.

Но что бы было, если бы улучшенія дѣйствительно были произведены, если бы римскій дворъ преобразовался и злоупотребленія церковнаго управленія были устранены, если бы тотъ самый догматъ, изъ котораго исходилъ Лютеръ, сдѣлался началомъ обновленія жизни и ученія? Не было ли бы тогда возможнымъ примиреніе? Многимъ примиреніе это казалось возможнымъ, многіе возлагали серьозную надежду на религіозные переговоры.

По теоріи, папа не долженъ бы былъ одобрять ихъ, такъ какъ ими хотѣли рѣшить религіозные споры не безъ вліянія свѣтской власти, тогда какъ на окончательное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ имѣлъ притязаніе самъ папа. Онъ такъ и сдѣлалъ, но, тѣмъ не менѣе, допустилъ переговоры и послалъ на нихъ своихъ депутатовъ. При этомъ онъ приступилъ къ дѣлу съ большою осторожностью и выбралъ исключительно людей умѣренныхъ, которые впослѣдствіи, при многихъ случаяхъ, подозрѣваемы были даже въ протестантизмѣ.

Безспорно, никогда еще враждующія стороны не сближались такъ между собою, какъ въ 1541 году, на регенсбургскихъ переговорахъ. Политическія дѣла особенно тому благопріятствовали. Императоръ, который хотѣлъ воспользоваться силами имперіи для турецкой войны или противъ Франціи, также сильно желалъ примиренія. Для этихъ переговоровъ онъ выбралъ самыхъ умныхъ и умѣренныхъ людей между католическими богословами — Гроппера и

Юлія Флуга. Миролюбивый Буцеръ, гибкій Меланхтонъ явились со стороны протестантовъ.

То, что папа желалъ счастливаго результата, видно изъ выбора легата, котораго онъ посылалъ, именно того самаго Гаспара Контарини, котораго мы видѣли столь глубоко увлеченнымъ новымъ направленіемъ, принятымъ Италіей, и столь дѣятельнымъ въ начертаніи плана всеобщихъ реформъ. Исполненный кротости, внутренней правды и глубоко-религіознаго настроенія, умѣренный, почти сходящійся съ протестантами въ самомъ важномъ пунктѣ ученія, явился Контарини въ Германію; онъ надѣялся уладить расколъ посредствомъ возрожденія ученія, начиная съ этого пункта, и уничтоженіемъ злоупотребленій. Но не слишкомъ ли уже далеко зашелъ онъ и не слишкомъ ли глубоко пустили корни новыя мнѣнія?

Мы не хотимъ распространяться о степени возможности и вѣроятности этого примиренія; во всякомъ случаѣ, оно было весьма трудно; но если представлялась хотя малѣйшая надежда, то, конечно, стоило сдѣлать попытку. Дѣйствительно, мы видимъ, что къ такой попыткѣ вообще обнаружилась большая склонность и что съ нею связаны были несомнѣнныя надежды; но надежды эти, послѣ долгихъ преній, оказались неосновательными и тщетными: Контарини возвратился въ Римъ, не сдѣлавъ ничего.

XXI. ИНКВИЗИЦІЯ ВЪ ИТАЛІИ.

(Изъ соч. Ранке: «Римскіе папы»).

Когда увидѣли, что съ нѣмецкими протестантами не пришли ни къ какому соглашенію, что, между тѣмъ, и въ Италіи усилились споры о таинствахъ и сомнѣнія относительно чистилища и другія опасныя для римскаго обряда мнѣнія, то папа спросилъ однажды кардинала Караффу, какое бы онъ присовѣтовалъ противъ этого средство. Кардиналъ объявилъ, что единственнымъ средствомъ считаетъ всесильную инквизицію. Іоаннъ Альварецъ де-Толедо, кардиналъ бургосскій, поддержалъ это мнѣніе.

Старинная доминиканская инквизиція давно уже была въ упадкѣ. Такъ какъ избраніе инквизиторовъ предоставлялось монашескимъ орденамъ, то случалось, что избираемые нерѣдко раздѣляли мнѣнія, которыя должны были искоренять. Въ Испаніи уже отклонились отъ первоначальной формы тѣмъ, что учредили верховный инквизиціонный трибуналъ для этой страны. Караффа и кардиналъ бургосскій, оба старые доминиканца, люди столь же мрачные, сколько и справедливые, ревностные поборники чистаго католицизма, строгіе въ своей жизни, непреклонные въ своихъ мнѣніяхъ, посовѣтовали папѣ учредить въ Римѣ, по образцу Испаніи, всеобщій верховный инквизиціонный трибуналъ, отъ котораго бы зависѣли всѣ другіе. Такъ какъ св. Петръ, говорилъ Караффа, не въ иномъ мѣстѣ, а именно въ Римѣ побѣдилъ перваго ересіарха, то преемникъ св. Петра долженъ подавлять всѣ ереси міра въ Римѣ. Іезуиты относятъ къ своей славѣ, что основатель ихъ ордена Лойола поддержалъ этотъ проэктъ особеннымъ представленіемъ. 21 іюля 1542 года явилась объ учрежденіи инквизиціи булла.

Она назначаетъ шесть кардиналовъ, и въ числѣ первыхъ между ними Караффу и епископа толедскаго, коммисарами апостольскаго престола,

высшими и верховными инквизиторами въ дѣлахъ вѣры, по обѣ стороны Альповъ; папа даетъ имъ право, во всѣхъ мѣстахъ, по ихъ усмотрѣнію, назначать отъ себя духовныхъ лицъ съ подобною же властію, рѣшать аппеляціи по рѣшеніямъ этихъ лицъ и даже творить судъ однимъ, безъ участія ординарнаго духовнаго суда. Всѣ безъ исключенія, не взирая ни на состояніе, ни на санъ, должны подлежать этому суду; людей подозрительныхъ инквизиторы должны заключать въ тюрьмы, виновныхъ подвергать наказаніямъ, даже смерти, а имущество осужденныхъ продавать. Право наказанія принадлежитъ инквизиціи, право же миловать виновныхъ, которые обратятся на путь истины, предоставляетъ папа себѣ. Такимъ образомъ, на инквизицію возлагалось все—рѣшать и приводить въ исполненіе свои рѣшенія, преслѣдуя лишь одну цѣль—подавить и вырвать съ корнемъ заблужденія, проявившіяся среди христіанскаго общества.

Караффа тотчасъ же приступилъ къ исполненію этой буллы; хотя онъ не былъ самъ богатъ, однако считалъ потерею времени ожидать полученія денегъ изъ апостольской казны и на собственныя нанялъ домъ, устроивъ комнаты для служащихъ и тюрьмы и снабдивъ ихъ крѣпкими запорами и замками, блоками, цѣпями, оковами и всѣми другими ужасными орудіями инквизиціи. Затѣмъ назначилъ въ разныя страны генеральныхъ коммисаровъ. Первымъ, сколько извѣстно, въ Римъ назначенъ былъ теологъ самого Караффы, Теофило ди Тропеа, на строгость котораго кардиналамъ,—какъ, напримѣръ, Полю,—пришлось жаловаться.

Караффа предначерталъ, какъ самыя справедливыя, слѣдующія правила, изложенныя въ одномъ рукописномъ жизнеописаніи этого кардинала: во-первыхъ, въ предметахъ вѣры не должно медлить ни минуты, приступая къ дѣлу тотчасъ же, при малѣйшемъ подозрѣніи, и съ крайнею строгостью; во-вторыхъ, не должно обращать вниманія ни на герцоговъ, ни на прелатовъ, какъ бы они ни стояли высоко; въ-третьихъ, напротивъ, всего строже слѣдуетъ быть съ тѣми, которые попытались бы искать защиты у какого-нибудь владѣтельнаго лица, и поступать съ кротостью и отеческимъ состраданіемъ только съ тѣми, кто принесетъ искреннее сознаніе. Въ-четвертыхъ, относительно еретиковъ, и въ особенности кальвинистовъ, не должно унижаться ни до какой пощады.

Во всемъ этомъ видна строгость самая безпощадная, неумолимая,—до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ собственнаго признанія. Строгость страшная, особенно въ то время, когда мнѣнія невполнѣ еще развились, когда многіе еще старались примирить глубокое ученіе христіанства съ существовавшей тогда церковію. Слабые просто сдались и покорились, люди же болѣе сильные, напротивъ, только теперь собственно приняли противоположныя мнѣнія и старались избѣжать преслѣдованія власти.

Однимъ изъ первыхъ подсудимыхъ былъ Бернардинъ Окино. Уже нѣкоторое время замѣчалъ, что онъ не совсѣмъ тщательно исполняетъ свои монастырскія обя инности; въ 1542 г. его проповѣди возбуждаютъ недоразумѣніе. Рѣзчевсзаего бросалась въ глаза его проповѣдь о томъ, что оправдываетъ лишь одна вѣра; по поводу одного мѣста Августина, онъ воскликнулъ: «Тотъ кто сотворилъ тебя безъ твоего участія, неужели не сдѣлаетъ тебя, блаженнымъ также безъ твоего вѣдома!» Толкованія его о чистилищѣ казались также не совсѣмъ правовѣрны. Венеціанскій нунцій уже запретилъ ему на нѣсколько дней всходить на ка-

ѳедру. Затѣмъ Окино потребованъ былъ въ Римъ и дошелъ уже до Болоньи, наконецъ до Флоренціи, какъ вдругъ, опасаясь, вѣроятно, только-что учрежденной инквизиціи, рѣшился бѣжать. Исторіографъ его ордена разсказываетъ, какъ онъ, придя на С. Бернаръ, еще разъ остановился и вспомнилъ о всѣхъ почестяхъ, которыя ему оказывали въ его прекрасномъ отечествѣ, о безчисленныхъ слушателяхъ, встрѣчавшихъ его съ нетерпѣніемъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшихъ его проповѣди и съ чувствомъ удовлетворенности и удивленія провожавшихъ его домой. Дѣйствительно, ораторъ, оставляя отечество, теряетъ болѣе всѣхъ. Но все-таки Окино, несмотря на свои преклонныя лѣта, оставилъ свое отечество. Орденскую печать, которую онъ до сихъ поръ всегда носилъ при себѣ, передалъ онъ своему спутнику и отправился въ Женеву. Тѣмъ не менѣе убѣжденія его все-еще не были тверды: онъ впалъ въ необычайныя заблужденія.

Въ то же время оставилъ Италію и Петръ Вермильи. «Я вырвался—говоритъ онъ—изъ бездны лицемѣрія и спасъ свою жизнь отъ угрожавшей опасности.» Многіе изъ его учениковъ, которыхъ онъ воспитывалъ въ Луккѣ, вскорѣ послѣдовали за нимъ.

Въ Моденѣ уже разъ были волненія; теперь они пробудились снова Одинъ обвинялъ другаго; Филиппо Валентинъ бѣжалъ въ Тріентъ; Кастельветри также счелъ за лучшее, по крайней мѣрѣ на-время, укрыться въ Германіи, потому что въ Италіи повсюду разразились ужасы преслѣдованія. Взаимная ненависть партій явилась на помощь инквизиторамъ. Нерѣдко случалось, что послѣ тщетныхъ усилій отмстить противнику, прибѣгали къ обвиненію въ ереси. Упорные въ своихъ старыхъ понятіяхъ, монахи имѣли у себя въ рукахъ оружіе противъ всей партіи, державшейся новаго образа мыслей, дошедшей до религіозной тенденціи литературнымъ путемъ; обѣ эти партіи питали другъ къ другу одинаково сильную ненависть, и каждая обрекала своихъ противниковъ на мертвое молчаніе. Почти невозможно,—восклицаетъ Антоніо деи-Пальяричи,—будучи христіаниномъ, умереть на своей постели. Не одна лишь моденская академія прекратила свои ученыя занятія. И неаполитанскія академіи, увлеченныя духомъ времени, принявшіяся за богословскіе споры, также были закрыты по повелѣнію вице-короля.

Вся литература подвергнута была самому строгому преслѣдованію. Въ 1543 г. Караффа приказалъ, чтобы впредь никакая книга, какого бы ни была содержанія, новая или старая, не могла печататься безъ дозволенія инквизиторовъ; книгопродавцы обязаны были представлять имъ каталоги книгъ и безъ дозволенія инквизиторовъ не могли ничего продавать; таможеннымъ чиновникамъ было приказано не выдавать по адресу никакого ни рукописнаго, ни печатнаго сочиненія безъ предварительнаго просмотра его инквизицiей. Мало по малу пришли къ каталогамъ запрещенныхъ книгъ. Въ Левенѣ и Парижѣ поданы были первые примѣры. Въ Италіи Джіованни делла-Каза, пользовавшійся довѣріемъ фамиліи Караффы, напечаталъ въ Венеціи первый каталогъ, заключавшій въ себѣ до 70 заглавій запрещенныхъ книгъ. Болѣе подробные появились въ 1552 г.—во Флоренціи, въ 1554 г.—въ Миланѣ, и первый въ той формѣ, которая позднѣе употреблялась въ Римѣ,—въ 1559 г.; онъ содержалъ въ себѣ сочиненія кардиналовъ и стихи самого же делла-Каза.

Эти законы имѣли силу не только для содержателей типографій и книгопродавцевъ, но распространялись даже на совѣсть частныхъ лицъ, которыя были обязаны доносить о существованіи запрещенныхъ книгъ и содѣйствовать къ ихъ истребленію. Мѣры эти исполнялись съ невѣроятной строгостію. Какъ ни много напечатано было книги «О благодѣяніи Христа», но она совершенно исчезла, и ее нельзя было болѣе отыскать. Въ Римѣ сожигались цѣлые костры изъ отбираемыхъ экземпляровъ.

При всѣхъ этихъ учрежденіяхъ и мѣрахъ духовенство пользовалось поддержкою свѣтской власти. Папамъ было теперь весьма кстати, что они владѣли столь значительными областями; здѣсь они могли подавать примѣръ и образецъ. Правительства въ Миланѣ и Неаполѣ не могли противиться этому порядку, потому что сами замышляли ввести у себя испанскую инквизицію; въ Неаполѣ не была допущена лишь конфискація имуществъ; въ Тосканѣ инквизиція начала дѣлаться доступной свѣтскому вліянію, но и при этомъ основанныя ею братства оказали большое вліяніе; въ Сіенѣ и Пизѣ они выступили противъ университетовъ съ большею яростію, чѣмъ это ей подобало; въ Венеціи инквизиторъ, хотя не остался безъ надзора со стороны свѣтской власти, — въ его трибуналѣ, въ столицѣ, съ апрѣля 1547 года, засѣдали три венеціанскіе nobili, а въ провинціяхъ въ слѣдствіяхъ принимали участіе правители городовъ, а иногда призываемы были въ совѣтъ юристы, и въ важнѣйшихъ случаяхъ, когда обвиненіе касалось значительнаго лица, требовалось мнѣніе совѣта десяти,—однако все это не мѣшало въ сущности тому, что предписанія Рима приводились въ исполненіе. Такимъ образомъ, стремленіе уклониться отъ установленныхъ религіозныхъ мнѣній въ Италіи было подавлено и уничтожено силою. Почти весь орденъ францисканцевъ принужденъ былъ отречься отъ своихъ религіозныхъ мнѣній такъ же, какъ и бо́льшая часть приверженцевъ Вальдеца. Въ Венеціи оставляли еще нѣкоторую свободу иностранцамъ, нѣмцамъ, находившимся тамъ для торговли или для ученыхъ занятій; туземцы же, напротивъ, вынуждены были отказаться отъ своихъ мнѣній, и собранія ихъ были разсѣяны. Многіе бѣжали; эмигрантовъ этихъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ городахъ Германіи и Швейцаріи; тѣ, которые не хотѣли уступить и не нашли средства бѣжать, подпали преслѣдованію. Въ Венеціи ихъ топили, высылая изъ лагунъ въ море на баркахъ. Между двумя барками клали обыкновенную доску и на нее сажали осужденныхъ; по данному сигналу гребцы начинали грести, доска погружалась въ волны, несчастные еще разъ призывали имя Христа и тонули. Въ Римѣ предъ Санта-Марія алла-Минерва совершали ауто-да-фе во всей формѣ. Многіе скитались изъ города въ городъ съ женами и дѣтьми; нѣкоторое время пребываніе ихъ было еще извѣстно, но потомъ они исчезаютъ, попадая, вѣроятно, въ сѣти безпощадныхъ ловцовъ. Другіе отдавались, не стараясь укрываться. Герцогиню феррарскую, которая, если бы не было салическаго закона, была бы наслѣдницею французскаго престола, не спасли ни ея происхожденіе, ни ея высокій санъ. Даже мужъ ея былъ ея противникомъ. «Она не имѣетъ никого,—говоритъ Маротъ,—предъ кѣмъ бы излить свое горе; между нею и ея друзьями воздвиглись горы; она мѣшаетъ свою пищу со слезами».

XXII. ИГНАТІЙ ЛОЙОЛА.

(Изъ соч. Ранке: «Римскіе папы»).

Изъ всѣхъ рыцарствъ одно испанское сохранило еще отчасти духовный элементъ, который поддерживался въ немъ постоянными войнами съ маврами, какъ на полуостровѣ, такъ и въ Африкѣ, и близкимъ сосѣдствомъ съ покоренными уже маврами, съ которыми испанцы находились въ постоянной религіозной враждѣ; кромѣ того, испанцы предпринимали походы и противъ другихъ нехристіанскихъ народовъ по ту сторону океана, что также способствовало сохраненію въ испанскомъ рыцарствѣ духовнаго элемента. И литература идеализировала его въ произведеніяхъ, какъ, наприм., Амадисъ, исполненныхъ наивно-мечтательной благородной отваги.

Донъ Иньиго Лопесъ де-Рекальде, младшій сынъ фамиліи Лойола, родившійся въ замкѣ того же имени, происходилъ изъ рода, принадлежавшаго къ высшей аристократіи страны. Выросшій при дворѣ Фердинанда V Католика и въ свитѣ герцога Наваррскаго, Игнатій былъ проникнутъ рыцарскимъ духомъ. Онъ только и мечталъ о рыцарской славѣ. Хорошія лошади и оружіе, воинская слава, любовныя приключенія и поединки—имѣли для него столько же прелести, какъ и для всѣхъ подобныхъ ему; но въ немъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, обнаружилось и напряженное духовное настроеніе: онъ воспѣлъ перваго изъ апостоловъ въ своей рыцарской поэмѣ.

По всей вѣроятности, имя Игнатія стояло бы рядомъ съ именами тѣхъ многочисленныхъ храбрыхъ испанскихъ полководцевъ, которымъ Карлъ V давалъ столько случаевъ отличиться, если бы Игнатій не имѣлъ несчастія, въ 1521 г., при защитѣ Пампелуны противъ французовъ, быть раненымъ въ обѣ ноги и потомъ быть дурно вылеченнымъ. Онъ обладалъ такой твердостью характера, что когда его раненаго принесли домой, онъ выдержалъ двѣ операціи и, несмотря на жестокія боли, сжималъ лишь кулаки.

Онъ зналъ и любилъ рыцарскіе романы, особенно Амадиса; но теперь, во время выздоровленія, ему попалось въ руки жизнеописаніе Іисуса Христа и нѣкоторыхъ святыхъ.

Мечтательный по природѣ, вынужденный теперь оставить тотъ путь, на которомъ, повидимому, ожидала его блестящая карьера, осужденный на бездѣйствіе и экзальтированный отъ своихъ страданій, онъ впалъ въ самое ненормальное состояніе духа. Дѣянія св. Франциска и св. Доминика обольщали его воображеніе блескомъ духовной славы; онъ избралъ ихъ себѣ въ образцы для подражанія; читая жизнеописанія этихъ святыхъ, онъ почувствовалъ въ себѣ достаточно мужества и силы, чтобы состязаться съ ними въ самоотверженіи и строгости жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что идеи эти нерѣдко смѣнялись въ немъ вполнѣ мірскими помыслами: ему представлялось иногда, что онъ отыскалъ даму своего сердца, которая, какъ говоритъ онъ самъ, была не графиня и не герцогиня, а нѣчто выше, и что онъ будетъ привѣтствовать ее въ городѣ, гдѣ она живетъ, самыми изысканными и затѣйливыми рѣчами, будетъ доказывать ей свою преданность и въ честь ея совершать рыцарскіе

подвиги. Онъ увлекался поочередно то однѣми, то другими фантазіями; но, съ теченіемъ времени и чѣмъ хуже шло его леченіе, духовная мечтательность одерживала въ немъ верхъ; это послѣднее обстоятельство едва ли нельзя приписать, между прочимъ, и тому, что онъ мало по малу началъ убѣждаться въ неизлечимости своей болѣзни и, слѣдовательно, въ томъ, что онъ уже не будетъ способенъ къ военной службѣ и рыцарской роли.

Притомъ же это новое настроеніе Игнатія не было столь рѣзкимъ переходомъ вообще отъ его рыцарскаго настроенія, какъ, можетъ быть, многіе полагаютъ. Во время своихъ психическихъ упражненій, исходившихъ изъ созерцательнаго настроенія его фантазіи, предавшейся духовнымъ предметамъ, Игнатій постоянно представлялъ себѣ два военные лагеря: одинъ у Іерусалима, другой у Вавилона, лагерь Христа и лагерь сатаны; въ первомъ добрые, во второмъ злые ополчились другъ противъ друга; Христосъ, являющійся царемъ, возвѣщаетъ свое рѣшеніе покорить всѣ страны невѣрныхъ; но кто хочетъ вступить въ Христово войско, долженъ одѣваться и питаться такъ же, какъ и Онъ, нести тѣ же труды и бодрствовать; по мѣрѣ этого, онъ сподобится славы и воздаянія; пусть же затѣмъ каждый поклянется передъ Христомъ, св. Дѣвою и всѣми небесными силами, что будетъ вѣрнымъ послѣдователемъ Господа, раздѣлитъ съ Нимъ страданія и да послужитъ ему въ истинной духовной и тѣлесной нищетѣ.

Эти представленія фантазіи Игнатія создали въ немъ идею духовнаго рыцарства, къ осуществленію которой онъ и устремился, перейдя, такимъ образомъ, отъ одного рода рыцарства къ другому: идеаломъ Игнатія были подвиги и жизнь святыхъ. Мы видимъ, онъ покидаетъ отеческій домъ и родныхъ и удаляется на гору Монсерратъ для того, чтобы совершить подвиги, подобные тѣмъ, которыми прославились многіе святые, чтобы наложить на себя такія же, или еще болѣе тяжкія эпитиміи, чѣмъ тѣ, какимъ подвергались святые, и служить Богу въ Іерусалимѣ. Передъ иконою Богоматери повѣсилъ Игнатій свое оружіе и латы; стоя на колѣняхъ, съ молитвою, не оставляя своего странническаго посоха, стоялъ онъ теперь на иномъ ночномъ бдѣніи, чѣмъ рыцарское, но все-таки съ яснымъ воспоминаніемъ объ «Амадисѣ», гдѣ такъ подробно описаны рыцарскія упражненія; онъ уже перемѣнилъ свою рыцарскую одежду на грубое платье пустынниковъ, уединенныя кельи которыхъ высѣчены были въ этихъ голыхъ утесахъ. Выдержавъ здѣсь свое первое покаяніе, онъ отправился, но не прямо въ Барцелону, какъ бы требовало его іерусалимское служеніе, а, избѣгая быть узнаннымъ на большой дорогѣ, онъ направился сначала въ Манрезу, откуда, послѣ новаго покаянія, уже хотѣлъ достигнуть гавани.

Но здѣсь ожидали его новыя испытанія. Направленіе, которому онъ предался не болѣе какъ простому упражненію, теперь овладѣло имъ всецѣло. Въ кельѣ доминиканскаго монастыря онъ подвергъ себя самому глубокому покаянію: онъ вставалъ въ полночь и молился, ежедневно семь часовъ стоялъ на колѣняхъ и постоянно три раза въ день бичевалъ себя; однако все это ему казалось слабымъ и не удовлетворяло его, хотя онъ начиналъ уже опасаться за свою жизнь. Онъ провелъ на Монсерратѣ три дня въ безпрерывномъ покаяніи за грѣхи всей своей жизни; но и это было для него недостаточно: онъ повторилъ то же са-

мое въ Манрезѣ, припоминалъ всѣ свои забытые грѣхи, отыскивая самыя незначительныя житейскія мелочи. Но чѣмъ болѣе углублялся онъ въ свою душу, тѣмъ дѣлались мучительнѣе овладѣвшія имъ сомнѣнія. Ему представлялось, что Богъ не принимаетъ его покаянія, не прощаетъ его. Читая въ жизни св. отцовъ, что самый строгій постъ умилостивляетъ Бога, Игнатій отказался-было отъ пищи на цѣлую недѣлю, но духовникъ запретилъ ему это, и такъ какъ Игнатій ставилъ послушаніе весьма высоко, то подчинился приказанію своего духовника. Иногда меланхолическое настроеніе оставляло его, и онъ чувствовалъ себя легко, но вскорѣ прежнія мученія возвращались. Ему казалось, что вся жизнь его была соткана изъ грѣховъ. Случалось даже, что онъ покушался броситься изъ окна.

Однажды Игнатію представилось, что онъ пробуждается отъ сна и убѣждается осязательно, что всѣ его внутреннія страданія были искушеніемъ сатаны. Съ этой минуты онъ отрекся отъ всей своей прошедшей жизни и твердо рѣшился никогда болѣе не растравлять этихъ ранъ и не касаться ихъ. Это было не столько успокоеніе, сколько рѣшимость, скорѣе мысль, за которую держатся по собственному желанію, чѣмъ убѣжденіе, до котораго доходятъ и которому покориться чувствуютъ необходимость. Мысль эта не нуждалась въ св. писаніи, а основывалась на чувствѣ непосредственнаго сообщенія съ царствомъ духовъ. Лютеръ этимъ никогда бы не удовлетворился: онъ не искалъ ни вдохновенія, ни видѣній, отвергая вообще и то, и другое; онъ хотѣлъ яснаго писаннаго слова Божія. Лойола, напротивъ, весь погруженъ былъ въ фантазіи и внутреннее созерцаніе; онъ воображалъ, что видитъ собственными глазами то Христа, то св. Дѣву.

Разъ онъ остановился на лѣстницѣ церкви св. Доминика въ Манрезѣ и громко зарыдалъ, будучи пораженъ, какъ онъ увѣрялъ, созерцаніемъ таинства св. Троицы. Весь день затѣмъ онъ не говорилъ ни о чемъ другомъ, какъ только объ этомъ видѣніи, и былъ неистощимъ въ притчахъ. Внезапно представилось ему также въ мистическихъ символахъ таинство созданія; въ святыхъ дарахъ онъ увидѣлъ Богочеловѣка. Проходя однажды въ одну отдаленную церковь, онъ сѣлъ на землю и вперилъ свой взоръ въ глубину протекавшей передъ нимъ рѣки. Въ этотъ моментъ онъ какъ-бы наглядно понялъ таинство вѣры. Вставая съ мѣста, онъ почувсвтовалъ себя совершенно инымъ человѣкомъ. Послѣ того ему уже не были нужны болѣе никакія свидѣтельства, ни св. писаніе. Даже если бы ихъ вовсе не было, то и тогда Игнатій не задумался бы идти на смерть за вѣру, которой онъ теперь слѣдовалъ, которую, такъ сказать, видѣлъ въ очію.

Проникнувъ такимъ образомъ въ сущность этого столь необыкновеннаго явленія и понявъ это рыцарство воздержанія, эту рѣшимость мечтательности и фантастическій аскетизмъ, мы считаемъ уже излишнимъ слѣдить далѣе за каждымъ шагомъ жизни Лойолы. Онъ дѣйствительно отправился въ Іерусалимъ, въ надеждѣ укрѣплять тамъ вѣрующихъ и обращать невѣрныхъ. Но какимъ образомъ онъ могъ взяться за послѣднее, будучи человѣкомъ несвѣдущимъ, безъ товарищей и безъ полномочія? Намѣренія его остаться въ Св. Землѣ, кромѣ того, не могли состояться и потому, что ему отказали въ этомъ іерусалимскія власти, опираясь на то, что это было бы несогласно съ прямымъ разсчетомъ

папы. Съ возвращеніемъ въ Испанію, Игнатій и здѣсь долженъ былъ претерпѣть немало искушеній. Начавъ проповѣдывать свое ученіе и сообщать свои духовныя упражненія, онъ возбудилъ къ себѣ подозрѣніе въ еретичествѣ.

Препятствія и испытанія, встрѣчавшіяся Игнатію, имѣли на его жизнь рѣшительное вліяніе. Въ томъ положеніи, въ которомъ онъ тогда находился, т. е. безъ учености, безъ основательныхъ свѣдѣній въ богословіи, безъ всякаго политическаго такта, онъ не оставилъ бы по себѣ никакихъ слѣдовъ. Онъ долженъ бы былъ считать себя счастливымъ, если бы ему удалось обратить въ предѣлахъ Испаніи къ своему ученію двухъ-трехъ человѣкъ; но съ той минуты, какъ ему предложили въ Алкалѣ и Саламанкѣ заняться, въ теченіе четырехъ лѣтъ, изученіемъ богословія, прежде чѣмъ начать попытку проповѣдывать о важнѣйшихъ догматахъ, онъ вступилъ на тотъ путь, на которомъ начало открываться для его стремленія къ религіозной дѣятельности неожиданное поприще.

Игнатій отправился въ Парижъ, въ славнѣйшую школу того времени. Занятія представляли здѣсь для него особенную трудность. Прежде чѣмъ слушать богословіе, онъ долженъ былъ сначала посѣщать классы грамматики, которую онъ началъ еще изучать въ Испаніи, и философіи. Но и во время своихъ упражненій въ склоненіяхъ и грамматическомъ анализѣ Игнатій предавался религіознымъ восторгамъ, привыкнувъ такимъ образомъ соединять ихъ съ своими учебными занятіями. Между тѣмъ какъ занятія его въ школѣ открывали передъ нимъ новый міръ, онъ ни на минуту не оставлялъ своего духовнаго настроенія и даже старался подѣлиться имъ съ другими. Въ это время совершилъ онъ свои первыя прочныя, дѣйствительныя обращенія. Изъ двухъ своихъ товарищей, жившихъ съ нимъ въ одной комнатѣ, въ коллегіи св. Варвары, Лойолѣ удалось склонить на свою сторону одного—Петра Фавера изъ Савойи, который, выросши при стадахъ своего отца, однажды ночью принялъ обѣтъ посвятить себя Богу и ученію. Они вмѣстѣ повторяли уроки философіи, причемъ Игнатій открылъ ему свои аскетическія доктрины. Игнатій поучалъ своего юнаго товарища побѣждать въ себѣ грѣхи постепенно, одинъ за другимъ, не обольщаясь тѣмъ, чтобы побѣдить ихъ всѣ вдругъ, и преподавалъ ему, что всегда нужно стремиться преимущественно къ какой либо одной изъ добродѣтелей; онъ часто заставлялъ Фавера исповѣдываться и причащаться. Между ними завязалась самая тѣсная дружба; Игнатій дѣлился съ Фаверомъ обильными приношеніями, получаемыми имъ изъ Испаніи и Фландріи. Но труднѣе было Игнатію сладить съ другимъ изъ своихъ товарищей—Францискомъ Ксаверомъ изъ Пампелупы, въ Наваррѣ: этотъ жаждалъ только того, чтобы къ ряду славныхъ воинскихъ заслугъ своихъ предковъ, родословная которыхъ начиналась за 500 лѣтъ, присоединить имя ученаго; Ксаверъ былъ красивъ, богатъ, уменъ и уже принятъ при королевскомъ дворѣ. Игнатій не замедлилъ оказать ему честь, которой онъ желалъ, и даже позаботился, чтобы честь эту ему оказали и другіе: на первую лекцію Ксавера онъ собралъ довольно значительное общество. Примѣръ и строгость Лойолы, при личномъ знакомствѣ съ нимъ, не могли остаться безъ своего естественнаго вліянія. Онъ склонилъ, наконецъ, обоихъ своихъ товарищей, чтобы они совершали подъ его руководствомъ духовныя упражненія, причемъ онъ не щадилъ ихъ, за-

ставляя поститься по трое сутокъ, переносить голодъ и холодъ, и притомъ въ самую суровую зиму, когда даже замерзала Сена. Сблизившись съ обоими, Игнатій сообщилъ имъ вполнѣ свое ученіе.

Послѣ того какъ къ нимъ присоединились еще и другіе испанцы — Лайнецъ и пр., для которыхъ также Игнатій былъ и наставникомъ, и опорой, они отправились однажды въ монмартскую церковь. Фаверъ, бывшій теперь уже священникомъ, служилъ обѣдню. Здѣсь они принесли обѣтъ цѣломудрія и поклялись посвятить свою жизнь, по окончаніи курса, въ полнѣйшей нищетѣ, попеченію о христіанахъ въ Іерусалимѣ и обращенію сарацинъ; въ случаѣ же невозможности достигнуть Іерусалима или остаться тамъ, предложить свои услуги папѣ и отправиться, куда бы онъ ни повелѣлъ, безъ всякаго возмездія и условій. Послѣ этой клятвы каждый изъ нихъ причастился. Затѣмъ они раздѣлили у колодца св. Діонисія общую трапезу. Этотъ союзъ молодыхъ людей, хотя мечтательныхъ, но не обольщавшихъ себя слишкомъ большими надеждами, сперва организовался по первоначальнымъ идеямъ Игнатія, но потомъ уклонился отъ этихъ идей въ томъ, что теперь они начали сомнѣваться, будутъ ли въ силахъ выполнить эти идеи.

Въ началѣ 1537 г. мы находимъ всѣхъ ихъ, еще съ тремя другими товарищами, въ Венеціи, готовыми отправиться въ путь. Уже не одну перемѣну видѣли мы въ Лойолѣ: отъ свѣтскаго рыцарства онъ перешелъ къ духовному; впадая въ тяжелыя сомнѣнія, онъ освобождался отъ нихъ съ помощію фантастическаго аскетизма; теперь, наконецъ, сдѣлался онъ богословомъ и основателемъ фанатическаго общества. Стремленія его отнынѣ принимаютъ опредѣленное направленіе. Отъѣзду его сначала воспрепятствовала возгорѣвшаяся между Венеціей и турками война, почему была оставлена и самая мысль о пилигримствѣ, а потомъ онъ встрѣтилъ въ Венеціи учрежденіе, которое, можно сказать, впервые открыло ему глаза. Лойола въ это время сблизился тѣснѣйшимъ образомъ съ Караффою. Служа въ госпиталяхъ, состоявшихъ подъ вѣдѣніемъ Караффы, гдѣ пріучались къ духовнымъ упражненіямъ всѣ вновь поступавшіе, Лойола хотя и не вполнѣ былъ удовлетворенъ уставами общества, однако, во всякомъ случаѣ, учрежденія эти произвели на него весьма сильное впечатлѣніе.

Онъ видѣлъ здѣсь орденъ священниковъ, ревностно и строго посвящавшихъ себя исключительно клерикальнымъ обязанностямъ. Если, какъ онъ началъ все болѣе и болѣе убѣждаться, ему суждено остаться по сю сторону моря и попытать свою дѣятельность въ странахъ западнаго христіанства, то другаго пути ему и не предстояло.

И дѣйствительно, Игнатій и его товарищи приняли въ Венеціи священническій санъ. Въ Виченцѣ, послѣ сорокадневной молитвы, всѣ они начали проповѣдывать. Въ одинъ и тотъ же день и часъ появляются они на разныхъ улицахъ, становятся на возвышенія и, махая своими шляпами, громко кричатъ, убѣждая и призывая къ покаянію. Странными казались эти проповѣдники, изнуренные, оборванные и говорившіе на непонятной смѣси испанскаго и итальянскаго языковъ. Оставшись здѣсь въ теченіе положеннаго ими годичнаго срока, они пошли затѣмъ въ Римъ.

Намѣреваясь отправиться различными путями и, слѣдовательно, разставаясь другъ съ другомъ, они начертали для себя первыя правила,

чтобы по возможности соблюдать одинаковый образъ жизни. Но что они могли бы отвѣчать на вопросъ объ ихъ призваніи? Всѣ они сошлись на одной мысли, что они будутъ вести войну съ сатаною, какъ воины, и потому положили назваться Ротою Іисуса, подобно тому, какъ обыкновенно рота солдатъ называется именемъ своего командира; это было вполнѣ согласно съ старинными фантазіями Игнатія. Сначала и въ Римѣ положеніе ихъ было невыносимо. Игнатій говоритъ, что для него всѣ двери были заперты; здѣсь имъ пришлось еще разъ оправдываться отъ прежняго подозрѣнія въ ереси.

Но въ то же время ихъ образъ жизни, ихъ ревность къ проповѣди и поученію, ихъ попеченіе о больныхъ привлекли къ нимъ и множество приверженцевъ, такъ что, видя со всѣхъ сторонъ готовность присоединиться къ нимъ, они начали уже думать о формальномъ учрежденіи общества. Они принесли уже два обѣта; теперь принесли еще и третій—обѣтъ послушанія. Но какъ Игнатій постоянно считалъ послушаніе одною изъ важнѣйшихъ добродѣтелей, то они старались именно въ ней превзойти всѣ прочіе ордена. Хотя они положили уже избирать своего генерала всякій разъ пожизненно, но и это показалось имъ недостаточнымъ; они прибавили къ тому еще особое обязательство: «исполнять все, что ни повелѣлъ бы имъ всякій папа, идти всюду—къ туркамъ, язычникамъ и еретикамъ, куда бы онъ ни послалъ ихъ, безпрекословно, безусловно, безъ всякаго возмездія, немедленно. Это было совершеннымъ контрастомъ съ господствовавшимъ въ то время направленіемъ. Между тѣмъ какъ папа со всѣхъ сторонъ встрѣчалъ сопротивленіе и отпаденіе и могъ ожидать лишь дальнѣйшаго отпаденія, возникло само собою общество, исполненное рвенія и энтузіазма и посвятившее себя исключительно на служеніе папству. Папа не могъ колебаться и сначала, въ 1540 г., утвердилъ уставъ этого общества съ нѣкоторыми ограниченіями, а затѣмъ, въ 1543 г.—вполнѣ.

Между тѣмъ и общество совершило послѣдній шагъ, чтобы придать себѣ правильную форму. Шесть старѣйшихъ членовъ его собрались для избранія генерала, который, какъ говорилось въ представленномъ папѣ первомъ проэктѣ, «долженъ раздавать должности и степени, измѣнять уставы съ согласія сочленовъ общества, во всѣхъ же другихъ обстоятельствахъ повелѣвать своею личною властью: въ немъ обязано общество почитать какъ-бы самого присутствующаго Іисуса Христа». Единогласно избранъ былъ Игнатій, который, какъ написалъ на избирательной запискѣ Сальмеронъ, «воспиталъ всѣхъ ихъ во Христѣ и напиталъ млекомъ христіанства».

Іезуиты, кромѣ того, что не носили монашескаго одѣянія, отказались отъ общей молитвы, которая въ монастыряхъ отнимаетъ бо̀льшую часть времени, и отъ обязанности пѣть въ хорѣ. Затѣмъ они посвятили все свое время и всѣ свои силы наиболѣе существеннымъ обязанностямъ. Іезуиты занимались и уходомъ за больными, потому что чрезъ это они пріобрѣтали себѣ добрую славу, но они не ограничивали себя никакими условіями, а исполняли это со всевозможнымъ рвеніемъ, какъ и важнѣйшія свои обязанности. Въ числѣ этихъ послѣднихъ первое мѣсто занимала у іезуитовъ проповѣдь. Еще въ Виченцѣ, разставаясь, они дали другъ другу обѣщаніе проповѣдывать простому народу, заботясь не столько о краснорѣчіи, сколько о сил впечатлѣнія, что они и исполняли;

во-вторыхъ, исповѣдь соединяли они съ обязанностью направлять совѣсть и господствовать надъ нею, къ чему въ особенности служили сильнѣйшимъ средствомъ духовныя упражненія, соединявшія всѣхъ ихъ съ Игнатіемъ. Наконецъ, іезуиты взяли на себя обязанность обученія юношества. Еще при первоначальныхъ своихъ обѣтахъ они обязались къ этому особымъ постановленіемъ, и хотя оно тогда не было еще примѣнено, однако іезуиты особенно напирали на него въ своемъ уставѣ. Прежде всего они желали привлечь къ себѣ подростающее поколѣніе. Однимъ словомъ, они отбросили все второстепенное и посвятили себя трудамъ существеннымъ, дѣйствительнымъ, обѣщающимъ вліяніе.

Изъ фантастическихъ стремленій Игнатія выработалось такимъ образомъ направленіе, имѣющее преимущественно практическій характеръ; изъ его аскетическихъ обращеній возникли учрежденія, ведущія къ свѣтскимъ цѣлямъ, и успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Теперь онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ неограниченное управленіе обществомъ, которое усвоило себѣ его принципы и которое подчинилось ему въ духовномъ отношеніи такъ же, какъ и вообще оказывало повиновеніе, равное военной дисциплинѣ.

XXIII. УСТАВЪ ОРДЕНА ІЕЗУИТОВЪ.

(Изъ соч. Гризингера: «Іезуиты и т. д.», т. I).

«Кто желаетъ — такъ начинается уставъ іезуитскаго ордена, предложенный Лойолой папѣ—быть членомъ нашего общества, которое мы называемъ именемъ Іисуса, кто желаетъ сразиться подъ знаменемъ Христа и служить одному Господу Богу и его намѣстнику на землѣ, римскому папѣ, тотъ долженъ дать торжественный обѣтъ цѣломудрія и вѣчно помнить цѣли нашего общества. Оно основано единственно для того, чтобы совершенствовать людей въ христіанскомъ ученіи и жизни и распространять истинную вѣру проповѣдываніемъ слова Божія, духовными упражненіями и умерщвленіемъ плоти, подвигами любви, воспитаніемъ юношества и наставленіемъ тѣхъ, кто не имѣетъ истиннаго понятія о христіанствѣ, наконецъ, исповѣданіемъ вѣрующихъ и поданіемъ христіанскаго утѣшенія. Онъ никогда не долженъ упускать изъ виду Бога, или, точнѣе, цѣли учрежденія нашего ордена, ибо она одна представляетъ истинный путь къ Богу, и всѣми силами стараться осуществить эту цѣль. Каждый долженъ довольствоваться тою мѣрою благодати, которая дарована ему Святымъ Духомъ, и не долженъ питать неразумной ревности къ другимъ, которые, быть можетъ, одарены ею болѣе. Для того чтобы поддержать порядокъ, необходимый въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ, мы изъ среды нашей должны избрать себѣ главу или генерала, и онъ одинъ будетъ имѣть право рѣшать, на какое дѣло кто годенъ и кому поручить какое занятіе.

«Генералъ, съ согласія прочихъ членовъ ордена, долженъ имѣть право постановлять для общества извѣстныя правила и уставы, какіе сочтетъ нужными для цѣли общества; но онъ не можетъ ничего постановлять безъ вѣдома и совѣта прочихъ членовъ. Поэтому въ важныхъ случаяхъ, при установленіи общихъ правилъ и положеній, имѣющихъ для

ордена прочное и постоянное значеніе, генералъ долженъ созывать на совѣтъ всѣхъ членовъ общества или, по крайней мѣрѣ, бо́льшую часть ихъ, и тогда вопросъ рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ; въ менѣе важныхъ случаяхъ и особенно въ дѣлахъ, нетерпящихъ отлагательства, достаточно созвать на совѣтъ только тѣхъ членовъ, которые найдутся по близости. Но приводить уставы въ исполненіе, т. е. начальническая и исполнительная власть, принадлежитъ одному генералу.

«Да будетъ извѣстно всѣмъ членамъ нашего общества и да напишутъ они это неизгладимыми буквами не только на дверяхъ своихъ обителей, но и въ сердцахъ своихъ на всю свою жизнь: все наше общество и, слѣдовательно, всѣ и каждый, кто въ него вступаетъ, обязываются вѣрно повиноваться нашему святому отцу—папѣ и всѣмъ преемникамъ его и только съ этимъ условіемъ имѣютъ право трудиться для Бога. Хотя Евангеліе учитъ и потому церковь признаетъ догматомъ, что всѣ вѣрующіе во Христа обязаны повиновеніемъ и покорностью римскому папѣ, какъ видимому главѣ церкви и намѣстнику Іисуса Христа, тѣмъ не менѣе, чтобы показать великое смиреніе нашего общества вообще и полное самоотреченіе каждаго члена его въ особенности, чтобы всенародно засвидѣтельствовать рѣшительный отказъ нашъ отъ собственной воли, мы обязываемся принять особый обѣтъ послушанія. Обѣтъ этотъ долженъ состоять въ томъ, что мы обѣщаемъ всегда немедленно и безотвѣтно повиноваться всему, что прикажутъ намъ нынѣшній или будущіе папы—насколько это послужитъ для блага душъ и для распространенія религіи, какія бы порученія они намъ ни давали, хотя бы они послали насъ къ туркамъ или къ другимъ невѣрнымъ, даже въ самую Индію или къ еретикамъ-лютеранамъ, схизматикамъ и правовѣрнымъ. Поэтому всѣ, кто намѣренъ поступить въ наше общество, должны, прежде, чѣмъ принять на себя такое бремя, хорошенько взвѣсить и подумать, обладаютъ ли они для этого достаточною душевною силою, чтобы съ Божіею помощью взобраться на такую крутизну; они должны подумать, одарилъ ли ихъ на это дѣло Святой Духъ такою степенью своей благодати, чтобы они могли надѣяться при его помощи не пасть подъ великимъ бременемъ такого призванія. Но, разъ рѣшившись твердо быть Христовымъ воиномъ, они должны денно и нощно не снимать меча и каждый часъ быть готовыми выполнять свои обязанности.

«Никто изъ членовъ общества не долженъ увлекаться честолюбіемъ, самовольно брать на себя миссіи и должности и тѣмъ болѣе вступать отъ своего лица посредственно или непосредственно въ переговоры съ римскимъ престоломъ и вообще съ духовными властями; все это принадлежитъ одному намѣстнику Христа—папѣ и генералу ордена. Всѣ приказанія должны исходить отъ нихъ; но если членъ ордена получилъ какое либо порученіе, то ни подъ какимъ видомъ не долженъ отказываться отъ него и обязанъ немедленно его исполнять. Генералъ, съ своей стороны, обязывается не входить безъ вѣдома общества ни въ какія соглашенія съ папой по важнымъ миссіонерскимъ предпріятіямъ.

«Всѣ и каждый должны дать обѣтъ безусловно повиноваться генералу во всемъ, что касается уставовъ ордена; генералъ же обязывается давать только такія приказанія, которыя, по его мнѣнію, клонятся къ достиженію цѣли общества. Особенно онъ долженъ стараться о томъ, чтобы общество никогда не упускало изъ виду воспитанія юношества и

наставленія невѣжественныхъ взрослыхъ въ главныхъ основаніяхъ христіанскаго ученія: въ десяти заповѣдяхъ и прочихъ главнѣйшихъ положеніяхъ христіанства, болѣе или менѣе подробно, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста и по способностямъ лица. Это тѣмъ необходимѣе, что безъ основаній христіанской вѣры невозможна истинная добродетѣль. Генералъ и все общество должны обращать строгое вниманіе на то, чтобы никто изъ членовъ ордена не отказывался посвящать себя первоначальному обученію христіанъ, воображая, что онъ призванъ совершить нѣчто болѣе высокое, и считая такую дѣятельность слишкомъ ничтожною для своихъ способностей и познаній; между тѣмъ, ничто не можетъ быть полезнѣе этого первоначальнаго обученія, какъ для наставленія ближнихъ, такъ и для подвиговъ смиренія и милосердія и, наконецъ, для достиженія нашей цѣли. Словомъ, для пользы ордена и въ видахъ постояннаго упражненія себя въ смиреніи, члены общества должны во всемъ и всегда повиноваться генералу, по правиламъ общества, и чтить въ немъ представителя Христова.

«Опытъ учитъ, что только тѣ люди ведутъ чистую, назидательную и полезную жизнь, которые болѣе всего чужды яда алчности и всего болѣе приближаются къ евангельской бѣдности; далѣе извѣстно, что Господь Іисусъ Христосъ самъ заботится о питаніи, одѣяніи рабовъ своихъ, служащихъ царству небесному; поэтому всѣ и каждый членъ нашего ордена не станутъ присвоивать себѣ недвижимости, владѣній и доходовъ ихъ, а будутъ довольствоваться тѣмъ, что міряне добровольно пожертвуютъ имъ на ихъ бѣдность. Но они могутъ имѣть при университетахъ коллегіи и для этихъ коллегій могутъ нанимать имѣнія и другія имущества съ доходами и процентами съ нихъ, дабы обращать ихъ на пользу и надобности учащихся. Надзоръ за коллегіями и учащимися, управленіе ими и ихъ доходами принадлежатъ одному генералу и уполномоченнымъ отъ него братьямъ. Они завѣдываютъ всѣмъ, что касается принятія, увольненія, возвращенія и исключенія учителей, смотрителей и учениковъ, также веденія устава, правилъ и положеній, обученія и руководства для учащихся, наставленія ихъ, наказанія, пищи и одежды, словомъ всего, что касается воспитанія, попеченія и управленія. Такимъ образомъ всего удобнѣе предупредить злоупотребленія имуществами и доходами со стороны учениковъ; что же касается общества, то оно ни подъ какимъ видомъ не можетъ обращать коллегіальныхъ имуществъ въ свою пользу. Всѣ доходы съ коллегіяльной собственности должны употребляться на воспитаніе учениковъ; по достиженіи ими достаточныхъ познаній въ наукѣ, общество можетъ, по тщательномъ испытаніи, принимать ихъ въ свою среду и давать мѣста учителей.

«Всѣ члены ордена, посвященные въ священники, должны отправлять всѣ церковныя требы, хотя бы не имѣли ни прихода, ни вообще постоянной должности и доходовъ съ нихъ; они должны отправлять церковныя службы каждый особо, каждый самъ по себѣ, а не всѣ вмѣстѣ, какъ монастырская братія.

«Таковъ уставъ нашего ордена, составленный нами подъ покровительствомъ святаго отца Павла и представленный нами на утвержденіе апостольскаго престола. Это краткій очеркъ, но тѣмъ не менѣе довольно ясный для тѣхъ, кто интересуется нашими намѣреніями и дѣятельностью. Онъ можетъ служить руководствомъ всѣмъ, кто пожелалъ бы

вступить въ орденъ. Мы по опыту знаемъ, какимъ тяжкимъ испытаніямъ подвержена жизнь, подобная нашей, и потому постановили не допускать никого въ наше общество безъ предварительнаго искуса. Въ воинство Іисуса слѣдуетъ принимать только тѣхъ, кто выказалъ усердіе въ служеніи Христу и оказался чистъ въ жизни. Да ниспошлетъ Христосъ милость и благодать свою нашему слабому начинанію во славу Бога Отца, ему же слава во вѣки. Аминь».

Таковы были правила новаго ордена, утвержденнаго Павломъ III подъ именемъ Общества Іисуса съ условіемъ, чтобы число членовъ его не превышало шестидесяти. Но правила эти были лишь первымъ основаніемъ, лишь началомъ ордена іезуитовъ; главныя и важнѣйшія учрежденія и положенія были прибавлены впослѣдствіи.

XXIV. РАЗВИТІЕ ОРДЕНА ІЕЗУИТОВЪ.

(Изъ соч. Ранке: «Римскіе папы»).

Въ то время, когда противники римской церкви были устранены насиліемъ, догматы снова были утверждены согласно съ идеями, одержавшими верхъ, и церковная власть съ неотразимымъ оружіемъ въ рукахъ наблюдала за исполненіемъ догматовъ,—въ связи съ этою властію возвысился орденъ іезуитовъ.

Не только въ Римѣ, но и во всей Италіи пріобрѣлъ онъ необыкновенный успѣхъ. Хотя первоначально онъ предназначалъ себя для низшихъ классовъ народа, но теперь онъ нашелъ себѣ доступъ и къ высшимъ.

Въ Пармѣ оказывала покровительство іезуитамъ фамилія Фарнезе. Герцогини предавались духовнымъ упражненіямъ. Въ Венеціи Лайнецъ объяснялъ евангеліе св. Іоанна именно для nobili; съ помощію нѣкоего Липпомано ему удалось въ 1542 году уже положить основаніе іезуитской коллегіи. Іезуиты являлись всюду и пріобрѣтали себѣ приверженцевъ, учреждали школы и водворялись.

Но такъ какъ самъ Игнатій былъ испанецъ и притомъ проникнутъ національными идеями и изъ Испаніи пріобрѣлъ себѣ даровитѣйшихъ учениковъ, то и общество его, на которое перешелъ этотъ духъ, имѣло на Пиренейскомъ полуостровѣ гораздо болѣе успѣха, чѣмъ въ самой Италіи. И въ Португаліи они были приняты не менѣе радушно. Король, изъ двухъ присланныхъ по его просьбѣ іезуитовъ, отпустилъ въ Остъ-Индію лишь одного Ксавера, пріобрѣвшаго тамъ имя апостола и святаго; другаго же, Симона Родерика, онъ оставилъ при себѣ. При обоихъ дворахъ іезуиты пріобрѣли необыкновенный успѣхъ. Португальскій дворъ они преобразовали совершенно; при испанскомъ они тотчасъ сдѣлались духовниками государственныхъ людей, какъ, напр., президента совѣта Кастиліи, кардинала толедскаго.

Еще въ 1540 году Игнатій послалъ въ Парижъ нѣсколькихъ молодыхъ людей для обученія. Отсюда общество его распространилось по Нидерландамъ. Въ Левенѣ Фаберъ имѣлъ положительный успѣхъ; восемнадцать молодыхъ людей, успѣвшихъ пріобрѣсти степени баккалавровъ или магистровъ, вызвались, оставивъ свои дома, университетъ и родину, отправиться съ ними въ Португалію. Іезуиты появились также и въ

Германіи, и однимъ изъ первыхъ вступилъ въ орденъ, на 23 году жизни, Петръ Канизій, оказавшій ему столь важныя услуги. Этотъ быстрый успѣхъ, естественно, долженъ былъ оказать прямое вліяніе и на развитіе уставовъ самаго ордена. Уставы эти приняли слѣдующую форму:

Въ кружокъ своихъ первыхъ товарищей, профессовъ, Игнатій принялъ лишь немногихъ. Онъ убѣдился, что людей вполнѣ подготовленныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добрыхъ и благочестивыхъ, весьма немного. Въ первомъ же проэктѣ, который онъ представилъ папѣ, онъ выражаетъ свой планъ учредить при нѣкоторыхъ университетахъ коллегіи для подготовленія молодыхъ людей. Желающихъ явилось болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ противоположность профессамъ, они образовали классъ схоластиковъ.

Но весьма скоро оказалось въ этомъ одно неудобство. Такъ какъ профессы своимъ особымъ четвертымъ обѣтомъ обрекали себя на безпрерывныя путешествія для исполненія порученій папы, то съ этимъ не было согласно поручать ихъ надзору такое множество учрежденій, которыя могли преуспѣвать только при постоянномъ пребываніи этихъ наблюдателей. Поэтому вскорѣ Игнатій нашелъ необходимымъ между двумя упомянутыми классами учредить третій классъ—духовныхъ коадъюторовъ, также священниковъ съ научнымъ образованіемъ, которые преимущественно посвящали бы себя юношеству. Это было однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій, и учрежденіемъ, отъ котораго зависѣло процвѣтаніе общества іезуитовъ. Коадъюторы могли водворяться въ каждой мѣстности, пріобрѣтать вліяніе и руководить обученіемъ. Подобно схоластикамъ, они давали также три обѣта и—слѣдуетъ замѣтить—просто, а не торжественно. Это значило, что они сами могли отдѣляться отъ общества, если бы захотѣли этого; обществу же принадлежало право увольнять ихъ только въ извѣстныхъ случаяхъ.

Теперь было необходимо еще одно. Обученіе и вообще тѣ занятія, для которыхъ назначались эти классы, не достигали бы своей цѣли, если бы преподаватели должны были, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботиться и о своихъ матеріальныхъ нуждахъ. Профессы жили въ домахъ общества милостынею, коадъюторы же и схоластики были избавлены отъ этого. Такъ какъ коллегіи должны были имѣть общественные доходы, и управленія ими нельзя было возложить на профессовъ, потому что они въ силу своихъ обѣтовъ не могли ими пользоваться, то Игнатій, для попеченія о матеріальныхъ нуждахъ, принялъ еще свѣтскихъ коадъюторовъ, которые хотя точно также давали три простые обѣта, но должны были довольствоваться убѣжденіемъ, что они, помогая обществу, которое заботится о спасеніи душъ, служатъ тѣмъ Богу. Имъ не дозволялось домогаться ничего высшаго. Эти учрежденія, хорошо разсчитанныя, послужили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и основаніемъ іерархіи, которая, съ помощію своихъ различныхъ степеней, еще болѣе сковывала умы.

Если мы разсмотримъ правила, по которымъ постепенно развивалось общество іезуитовъ, то увидимъ, что въ основаніе ихъ, между прочимъ, полагалось совершенное отчужденіе отъ обычныхъ житейскихъ отношеній. Любовь къ роднымъ осуждается, какъ плотская склонность. Кто отказывается отъ своихъ имуществъ, чтобы вступить въ общество, тотъ не долженъ отдавать ихъ своимъ роднымъ, а оставлять бѣднымъ. Кто разъ вступилъ въ общество, тотъ не можетъ ни писать, ни получать писемъ

безъ того, чтобы начальствующій надъ нимъ не прочелъ ихъ предварительно. Общество требуетъ всего человѣка; оно стремится оковать всѣ его наклонности. Даже тайны его оно хочетъ раздѣлять съ нимъ. Вступающій приноситъ полную исповѣдь, при которой онъ долженъ высказать всѣ свои недостатки и добродѣтели. Духовникъ назначается ему старшимъ, которому предоставляется право отпущенія грѣховъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сочтетъ полезнымъ узнать ихъ. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы вполнѣ изслѣдовать подчиненнаго и распоряжаться имъ по усмотрѣнію; мѣсто всѣхъ другихъ мірскихъ отношеній, всякаго другаго побужденія къ дѣятельности, которое могъ бы предложить свѣтъ, въ этомъ обществѣ заступаетъ послушаніе, и послушаніе безусловное во всѣхъ отношеніяхъ. Никто не долженъ простирать притязаній далѣе той степени, на которой находится; свѣтскій коадъюторъ, если онъ не знаетъ грамоты, даже не можетъ учиться читать и писать безъ дозволенія. Съ совершеннымъ отреченіемъ отъ всякаго личнаго мнѣнія, съ слѣпою подчиненностію каждый обязанъ покоряться начальствующему, какъ неодушевленная вещь, какъ посохъ, который служитъ во всемъ, чѣмъ можно, тому, кто имѣетъ его у себя въ рукахъ. Въ начальствующихъ же проявляется божественный промыслъ.

Какова же была власть генерала, который руководилъ этимъ послушаніемъ въ теченіе всей своей жизни, не давая никому никакого отчета? По проэкту 1543 года всѣ члены ордена, находившіеся въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится генералъ, должны быть призываемы на совѣтъ даже въ маловажныхъ дѣлахъ. Проэктъ 1550 года, утвержденный Юліемъ III, освобождаетъ генерала отъ этой обязанности, если онъ самъ не признаетъ нужнымъ созваніе совѣта.

Только для измѣненія устава и закрытія уже учрежденныхъ домовъ и коллегій совѣщаніе оставалось необходимымъ. Во всемъ же остальномъ генералу предоставлялась вся власть, какую только онъ могъ находить полезной для управленія обществомъ. Въ провинціяхъ онъ имѣетъ ассистентовъ, которые, однако, должны заниматься только тѣмъ, что имъ поручаетъ генералъ; провинціальныхъ начальниковъ, настоятелей колеегій и домовъ генералъ назначаетъ по своему усмотрѣнію; онъ принитлаъ и увольняетъ, караетъ и прощаетъ; однимъ словомъ, онъ имѣетъ мѣчто въ родѣ папской власти, лишь въ меньшемъ размѣрѣ.

При этомъ, однако, не было упущено изъ виду опасеніе, что генералъ, имѣя столь огромную власть, можетъ отступить отъ принциповъ общества. Въ этихъ видахъ его подвергли извѣстному ограниченію. Но это ограниченіе въ дѣйствительности вовсе не имѣло того значенія, какое приписывалъ ему Игнатій, утверждая, что общество или его депутаты могли предписывать генералу даже правила для внѣшнихъ условій жизни, какъ, напр., относительно одежды, пищи, сна и проч. Однако все же важно было и то, что обладатель высшей власти лишенъ былъ свободы, которой пользуется самый обыкновенный человѣкъ. За генераломъ постоянно наблюдали ассистенты, которые назначались уже не имъ; кромѣ того, при немъ состоялъ особый совѣтникъ (admonitor); въ случаѣ важныхъ уклоненій, ассистенты могли созывать генеральную конгрегацію, которая въ такомъ случаѣ могла даже низложить генерала.

За генераломъ оставалось высшее руководство всѣмъ обществомъ и преимущественное наблюденіе за начальствовавшими, совѣсть которыхъ

онъ долженъ знать и которыхъ онъ назначаетъ самъ. Они, въ свою очередь, имѣли въ своемъ кругу подобную же власть и пользовались ею болѣе неограниченно, чѣмъ генералъ. Начальствующіе и генералъ нѣкоторымъ образомъ уравновѣшивали другъ друга. Генералъ долженъ былъ знать личность каждаго подчиненнаго, каждаго члена общества; если онъ при этомъ, какъ само собою разумѣется, могъ вмѣшиваться только въ важнѣйшіе предметы, — слѣдовательно, удерживалъ за собою лишь высшее наблюденіе. И, кромѣ того, профессы наблюдали, въ свою очередь, за генераломъ.

Подобно другимъ учрежденіямъ, которыя, образовывая собою особый міръ, отрывали своихъ членовъ отъ всѣхъ прочихъ отношеній, овладѣвали ими, воспитывая въ нихъ новые принципы жизни, и институтъ іезуитовъ также былъ разсчитанъ на это; особенная же черта его состояла въ томъ, что онъ, съ одной стороны, не только способствовалъ индивидуальному развитію, но и требовалъ его, а съ другой—совершенно овладѣвалъ имъ и поглощалъ его въ себѣ. Поэтому во всѣхъ своихъ отношеніяхъ орденъ опирается на личность, подчиненіе и взаимное наблюденіе. При всемъ этомъ онъ образуетъ строго-замкнутую, вполнѣ единую корпорацію; въ ней есть нервъ и дѣятельная сила. Именно чрезъ все это возвысилась до такой степени монархическая власть, установленная въ орденѣ; ей покоряются вполнѣ, иначе же самъ обладатель ея отпалъ бы отъ ея принципа.

Съ идеею этого общества весьма хорошо согласуется то, что никто изъ ея членовъ не долженъ былъ занимать никакихъ духовныхъ должностей: тогда имъ приходилось бы исполнять обязанности, входить въ отношенія, которыя сдѣлали бы всякое наблюденіе невозможнымъ. По крайней мѣрѣ вначалѣ этого правила держались самымъ строгимъ образомъ. Другая особенность общества іезуитовъ состоитъ въ томъ, что подобно тому, какъ весь орденъ освобождалъ себя отъ отяготительныхъ монашескихъ обычаевъ, предписывалось и отдѣльнымъ членамъ не доводить до крайности религіозныхъ упражненій, какъ, напр., поста, ночнаго бдѣнія и всякаго другаго способа умерщвленія плоти, чтобы не изнурять тѣла и чрезъ то не отнимать у себя слишкомъ много времени, посвященнаго на служеніе ближнему. Даже въ трудахъ совѣтуется умѣренность. «Бойкаго коня надо иногда шпорить, а иногда и сдерживать; не должно обременять себя такимъ множествомъ оружія, чтобы оно мѣшало имъ владѣть; не должно до такой степени обременять себя трудомъ, чтобы отъ этого страдала свобода духа». Ясно, что общество стремится овладѣть каждымъ изъ своихъ членовъ какъ-бы собственностью, но при этомъ желаетъ, чтобы каждый изъ нихъ достигалъ самаго высшаго развитія, какое только возможно въ предѣлахъ принципа ордена.

Дѣйствительно, это было необходимо для тѣхъ трудныхъ занятій, которымъ общество себя обрекло. Это были: проповѣдь, обученіе и исповѣдь. Въ исполненіи двухъ послѣднихъ обязанностей іезуиты слѣдовали особенной системѣ.

Обученіе находилось до сихъ поръ въ рукахъ литераторовъ, которые, въ теченіе долгаго времени, предавшись исключительно свѣтскому направленію, примыкали при этомъ и къ тому духовному направленію, которое сначала не совсѣмъ нравилось римскому двору, а потомъ было и окончательно имъ отвергнуто. Іезуиты поставили себѣ обязанностію

оттѣснить этихъ литераторовъ и занять ихъ мѣста. Іезуиты были прежде всего систематичнѣе, раздѣлили свои школы на классы; отъ начальныхъ основаній науки и до высшаго преподаванія они направляли учащихся въ одномъ и томъ же духѣ; кромѣ того, они наблюдали за нравственностію учениковъ и приготовляли хорошо воспитанныхъ людей, и наконецъ, при покровительствѣ, которое имъ оказывали правительства, они обучали безплатно. Городъ или государь основывали коллегіи, и затѣмъ частнымъ людямъ уже не было надобности ничего платить за обученіе іезуитамъ рѣшительно воспрещалось принимать какую бы то ни было плату и милостыню; какъ проповѣдь и богослуженіе, такъ и обученіе, были безплатны; у нихъ въ самой церкви не было даже кружки. Естественно, что это должно было привлекать къ нимъ многихъ, тѣмъ болѣе, что вообще они обучали столь же успѣшно, сколько ревностно. Ихъ школы были доступны въ равной степени бѣднымъ и богатымъ, говоритъ Орландини. Онъ свидѣтельствуетъ, какой необыкновенный успѣхъ имѣли іезуиты. «Мы видимъ, говоритъ онъ, что многіе изъ тѣхъ, которые недавно еще сидѣли передъ нами на школьныхъ скамьяхъ, блистаютъ нынѣ въ кардинальскомъ пурпурѣ; другіе въ городахъ и государствахъ участвуютъ въ правленіи; мы воспитали епископовъ и ихъ совѣтниковъ; даже другіе духовные ордена наполнены нашими учениками. Особенно выдающіеся таланты мы умѣли всегда привлекать въ свой орденъ. Мы образовали изъ себя сословіе учителей, которое пріобрѣло неизмѣримое вліяніе тѣмъ, что распространились по всѣмъ католическимъ странамъ, впервые сообщили обученію тотъ духовный оттѣнокъ, который оно съ тѣхъ поръ сохранило, и держались строгаго единства въ дисциплинѣ, методѣ и преподаваніи».

Но они еще болѣе усилили это вліяніе, умѣвъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, овладѣть исповѣдью и управленіемъ совѣстью. Никогда еще не было эпохи болѣе воспріимчивой къ тому и даже какъ-бы нуждавшейся въ этомъ. Кодексъ іезуитовъ предписывалъ имъ «давать отпущеніе грѣховъ извѣстнымъ способомъ, слѣдуя при этомъ одному и тому же методу, упражняться въ обращеніи съ совѣстью исповѣдника, привыкнуть къ краткости въ вопросахъ и противъ каждаго рода грѣховъ имѣть наготовѣ примѣры святыхъ, ихъ изреченія и другія средства». Нельзя не признать, что правила эти хорошо разсчитаны на природу человѣка. Однако этотъ необычайный успѣхъ, до котораго они довели свое вліяніе и который заключалъ въ себѣ пропаганду ихъ принциповъ, основывался еще на другой особенности.

Заслуживаетъ вниманія небольшая книга о духовныхъ упражненіяхъ, которую Игнатій хотя и не самъ написалъ, но обработалъ ее въ своемъ духѣ. Съ помощію этой книги онъ обобщилъ воедино всѣхъ своихъ первыхъ и позднѣйшихъ учениковъ и своихъ приверженцевъ и овладѣлъ ихъ умами. Вліяніе этой книги распространялось все болѣе и болѣе, можетъ быть, потому въ особенности, что она явилась къ случаю, въ минуту внутреннихъ сомнѣній, внутренней потребности. Это не ученіе, а руководство къ собственнымъ размышленіямъ. «Потребность души, говоритъ Игнатій, удовлетворяется не множествомъ знаній, а собственнымъ внутреннимъ созерцаніемъ».

Наставникъ указываетъ точки зрѣнія, упражняющійся долженъ отъ нихъ отправляться. Передъ тѣмъ, какъ идти ко сну, и тотчасъ по про-

бужденіи онъ долженъ сосредоточить свои мысли на нихъ, всѣ же прочіе помыслы строго отгонять отъ себя; закрывъ окна и двери, на колѣнахъ, простертый на землѣ, онъ совершаетъ созерцаніе. Онъ начинаетъ сознаніемъ своихъ грѣховъ, затѣмъ созерцаетъ, какъ ангелы за вину одного низвергнуты были въ адъ; за него же, хотя онъ совершилъ гораздо бо́льшіе грѣхи, святые предстательствуютъ передъ Богомъ, небо и звѣзды, твари и растенія ему служатъ; чтобы освободиться отъ грѣховъ и не подвергнуться вѣчному осужденію, онъ взываетъ къ распятому Христу и слышитъ его отвѣты; между нимъ и Христомъ происходитъ разговоръ, какъ друга съ другомъ, какъ раба съ господиномъ.

Затѣмъ упражняющійся предается созерцанію священной исторіи. «Я вижу,—говорится въ означенной книгѣ,—какъ божественная Троица обозрѣваетъ землю, населенную людьми, обреченными адскимъ мукамъ; она рѣшаетъ, что второе лицо, для искупленія людей, должно принять человѣческое естество; я окидываю взоромъ всю окружность земли и вижу въ одномъ концѣ хижину Дѣвы Маріи, отъ которой исходитъ спасеніе». Затѣмъ онъ постепенно обозрѣваетъ дальнѣйшія событія священной исторіи, представляя себѣ дѣянія во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Религіозной фантазіи, свободной отъ оковъ слова, представляется здѣсь величайшій просторъ: упражняющійся воображаетъ себѣ, что прикасается, цѣлуетъ одежды и слѣды святыхъ; въ этой экзальтаціи воображенія, чувствуя, какъ велико блаженство души, преисполненной божественной благодати и добродѣтелей, онъ возвращается къ разсмотрѣнію своего собственнаго положенія. Если предстоитъ еще избрать себѣ положеніе жизни, то оно избирается въ этотъ моментъ согласно съ потребностями сердца, имѣя передъ глазами единую цѣль сдѣлаться блаженнымъ во славу Божію, воображая, что стоишь передъ Богомъ и всѣми святыми. Если же выборъ уже сдѣланъ, то упражняющійся разсматриваетъ свой образъ жизни, свои отношенія къ людямъ, хозяйство, необходимыя издержки, что должно удѣлить на бѣдныхъ — и все въ томъ же смыслѣ, какъ-бы въ предсмертную минуту, не имѣя въ виду ничего иного, кромѣ того, что служитъ къ славѣ Божіей и собственному блаженству.

На упражненія эти должно быть посвящено тридцать дней. Созерцаніе священной исторіи, своего личнаго положенія, молитва и рѣшенія смѣняются одно другимъ. Душа постоянно напряжена и самодѣятельна. Наконецъ, представляя промыслъ Бога, «который, проявляя себя въ своихъ тваряхъ, какъ-бы трудится для людей,» еще разъ должно вообразить себя стоящимъ предъ лицомъ Божіимъ и его святыхъ, молить его о дозволеніи посвятить себя любви и почитанію его, приносить ему въ жертву свою свободу, посвящать ему свою память, умъ и волю. Такимъ образомъ заключается съ Богомъ союзъ любви. «Любовь состоитъ въ соединеніи всѣхъ способностей и добродѣтели». Въ награду за преданность Богъ даетъ душѣ благодать.

Для насъ достаточно и этого бѣглаго обозрѣнія названной книги. Во всей ея идеѣ, въ отдѣльныхъ положеніяхъ и ихъ общей связи лежитъ нѣчто крайнее, что хотя допускаетъ внутреннюю дѣятельность мысли, но замыкаетъ, сковываетъ ее въ тѣсномъ кругу. Для своей цѣли, для размышленія подъ преобладаніемъ фантазіи, книга эта задумана какъ нельзя лучше. Она вполнѣ достигаетъ этой цѣли, потому что основана на личныхъ опытахъ. Игнатій вносилъ въ нее постепенно живые

моменты своего пробужденія и своего духовнаго развитія съ самаго начала и до 1548 г., когда книга была одобрена папою.

Такимъ образомъ, тотъ фантастическій элементъ, который съ самаго начала оживлялъ Игнатія, развился до чрезвычайной силы и значенія. Но такъ какъ Игнатій, при всемъ этомъ, былъ и солдатъ, то именно съ помощію религіозной фантазіи онъ собралъ теперь постоянное духовное войско, подобранное человѣкъ къ человѣку, съ индивидуальнымъ развитіемъ, направленнымъ прямо для своей цѣли,—однимъ словомъ, войско, которымъ онъ командовалъ на службѣ папѣ. Онъ видѣлъ, какъ войско это распространялось по всѣмъ странамъ.

Когда Игнатій умеръ, общество его распространено было въ тринадцати провинціяхъ, кромѣ римской. Достаточно одного простаго взгляда, чтобы видѣть, гдѣ находился главный нервъ общества. Бо̀льшая половина, именно семь провинцій, принадлежали къ Пиренейскому полуострову и его колоніямъ. Въ Кастиліи было десять, въ Аррагоніи пять, въ Андалузіи также не менѣе пяти коллегій; въ Португаліи же пошли далѣе всѣхъ: тамъ были, кромѣ того, дома для профессовъ и новиціевъ. Португальскими колоніями іезуиты почти завладѣли. Въ Бразиліи были заняты 28 членовъ ордена, въ Остъ-Индіи около 100. Сдѣлали также попытку на Эѳіопію, пославъ туда провинціала, въ увѣренности счастливаго успѣха. Всѣ эти провинціи испанскаго и португальскаго нарѣчія и направленія были въ завѣдываніи генералъ-коммисара, Франциска Борджіа. Среди той націи, гдѣ возникла первая мысль общества, и вліяніе его было самое обширное. Однако и въ Италіи оно было не менѣе значительно. Итальянскаго нарѣчія было три провинціи: римская, находившаяся въ непосредственномъ вѣдѣніи генерала, съ домами для профессовъ и новиціевъ, съ коллегіями, римскою и германскою, которая, по совѣту кардинала Мороне, учреждена была собственно для нѣмцевъ, хотя не пріобрѣла еще значительнаго успѣха; Неаполь принадлежалъ къ этой же провинціи; сицилійская съ четырьмя уже устроенными и двумя лишь только основанными коллегіями и, наконецъ, собственно итальянская, обнимавшая верхнюю Италію, съ десятью коллегіями. Въ другихъ же странахъ успѣхъ былъ не такъ великъ: всюду противодѣйствовалъ іезуитамъ протестантизмъ, или уже выработавшіяся наклонности къ нему. Во Франціи была собственно лишь одна коллегія. Хотя считались также и двѣ нѣмецкія провинціи, но онѣ были только въ зародышѣ; верхняя вмѣщала въ себѣ Вѣну, Прагу, Ингольштадтъ, и успѣхи ея были еще весьма сомнительны; нижняя должна была обнимать Нидерланды, но Филиппъ II не допустилъ еще іезуитовъ водвориться тамъ законнымъ образомъ.

Однако и этотъ первый быстрый успѣхъ представлялъ обществу ручательство въ могуществѣ, къ которому оно себя предназначало. Столь рѣшительное вліяніе іезуитовъ въ странахъ чисто-католическихъ на обоихъ полуостровахъ было дѣломъ весьма важнымъ.

Мы видимъ, что такимъ образомъ, въ противоположность протестантскому движенію, распространявшемуся все далѣе и далѣе, и въ средѣ католицизма, въ Римѣ, вокругъ папы, также выработалось новое направленіе. Подобно протестантизму, оно было вызвано свѣтскимъ направленіемъ, которое приняла церковь, или, скорѣе, потребностью, возникшей вслѣдствіе этого въ умахъ.

Сначала оба эти направленія приближались другъ къ другу. Была минута, когда въ Германіи еще не рѣшались вполнѣ уничтожить іерархію, когда и въ Италіи расположены были ввести въ нее раціональныя измѣненія; но эта минута миновала.

Между тѣмъ какъ протестанты, опираясь на св. писаніе, все смѣлѣе возвращались къ первоначальнымъ формамъ христіанской вѣры и жизни, на другой сторонѣ рѣшились упрочить выработавшееся въ теченіе вѣковъ устройство церкви и лишь обновить его духомъ строгости.

Тамъ развился кальвинизмъ, еще болѣе противоположный католицизму, чѣмъ лютеранство; здѣсь съ сознательною враждебностью отвергли все, что вообще напоминало о протестантствѣ, и стали съ нимъ въ рѣзкую противоположность.

Совершенно такъ же зарождаются иногда на вершинѣ горы два источника въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ къ другому; но, какъ скоро потекли они по разнымъ склонамъ горы, они расходятся между собою на вѣки.

XXV. ХАРАКТЕРИСТИКА ЛОЙОЛЫ И ОРДЕНА ІЕЗУИТОВЪ.

(Изъ соч. Губера: «Der Jesuitenorden nach seiner Verfassung und Doctrine»).

Несомнѣнно, что Лойола находился подъ сильнымъ вліяніемъ ученія римской церкви, выражавшимся въ его, доходившей до фанатизма, религіозной ревности, и подъ вліяніемъ фантастической восторженности и болѣзненной мечтательности; тѣмъ не менѣе, судя безпристрастно объ его жизни и дѣятельности, мы не можемъ поставить этого замѣчательнаго человѣка на-ряду съ обыкновенными мистиками и фанатиками. Человѣкъ этотъ обладалъ желѣзною волей, неослабной энергіей какъ въ дѣятельности, такъ и въ перенесеніи всякаго рода лишеній, отважной предпріимчивостью и свято вѣрилъ въ свое назначеніе, не обнаруживая и тѣни малодушія и унынія; при пламенной фантазіи, кроткомъ благочестіи и сильной наклонности къ суевѣрію, онъ обладалъ проницательнымъ умомъ, способнымъ распознавать характеры людей, и сверхъ всего этого отличался мягкостью, гибкостью характера и обходительностью, благодаря которымъ онъ располагалъ къ себѣ и привлекалъ на свою сторону даже враговъ своихъ. Поэтъ и мечтатель, онъ въ то же время обладалъ умомъ, все взвѣшивающимъ, былъ искусный организаторъ и стратегъ, всѣми силами стремившійся создать мощную армію для великой войны за дѣло Божіе, дѣйствуя при этомъ съ величайшею осмотрительностію; при всемъ этомъ онъ имѣлъ сердце, полное состраданія, любви и готовности жертвовать всѣмъ для блага человѣчества,—вотъ тѣ великія черты, которыми характеризуется основатель іезуитскаго ордена. Этими только чертами характера объясняется возможность появленія его грандіознаго созданія, а равнымъ образомъ и согласіе біографовъ въ его характеристикѣ. Мы видимъ, что тщеславный, преданный мірскимъ удовольствіямъ, свѣтскій человѣкъ и воинъ беретъ на себя почти сверхъестественные труды и старанія, видимъ, что онъ промѣниваетъ блескъ и радости великосвѣтской жизни на скудную, презрѣнную жизнь бѣдняка и насмѣшки окружающихъ предпочитаетъ славѣ,—все это можно объяснить лишь глубокимъ, полнымъ раскаянія сосредоточеніемъ въ самомъ себѣ и твердой рѣшимостью, проникшими въ душу послѣ нравственнаго обновленія и возвышенія, непоколебимой силой вѣры и проникающимъ до глубины души религі-

ознымъ одушевленіемъ,—словомъ, полнымъ нравственнымъ перерожденіемъ. И протестантскіе историки церкви (какъ, напр., Гагенбахъ) замѣчаютъ, что благочестіе Лойолы было серьозно и искренне, что онъ (какъ въ свое время Лютеръ), ища внутренняго спокойствія, переживалъ сильную душевную борьбу и что, наконецъ, онъ, какъ согласится каждый имѣющій понятіе о душевной жизни, уже изъ собственнаго опыта до нѣкоторой степени зналъ о блаженствѣ души, исполненной любви къ Богу.

Отъ Лойолы дошелъ до насъ цѣлый рядъ поучительныхъ изреченій, проникнутыхъ глубокой моралью и убѣжденіемъ. «Отреченіе отъ собственной воли, говоритъ онъ, должно цѣниться выше, чѣмъ воскрешеніе мертвыхъ». «Никакая буря такъ не опасна, какъ штиль; опаснѣе злѣйшаго врага—вовсе не имѣть враговъ». «Если предметъ любви безконеченъ, то мы можемъ постоянно укрѣпляться и совершенствоваться въ ней». Вообще въ такихъ сентенціяхъ онъ обнаруживаетъ различныя стороны своего характера и убѣжденій, какъ, напр.: слѣпую преданность римской церкви, требуя, чтобы мы признавали бѣлое чернымъ, если только признаетъ его такимъ церковь; высокую важность безусловнаго послушанія, выражающуюся въ словахъ: «если бы Богъ поставилъ надъ тобой даже неразумное животное, то не противься слѣдовать за нимъ, какъ за своимъ наставникомъ и путеводителемъ, потому что такъ угодно Богу»; неутомимость въ исполненіи того, что онъ считаетъ служеніемъ Богу, говоря: «работающіе въ вертоградѣ Господнемъ должны лишь одной ногой стоять на землѣ, другой же всегда держаться наготовѣ для продолженія путешествія»; полное упованіе на Бога—въ слѣдующихъ словахъ: «человѣкъ долженъ имѣть такое упованіе на Бога, что не усомнится, за неимѣніемъ корабля, переплыть море на простой доскѣ». Но особеннаго вниманія заслуживаетъ и чрезвычайно характерно то значеніе (въ извѣстной степени даже противорѣчащее ученію о безусловной преданности волѣ Божіей), какое Лойола придаетъ уму въ дѣлѣ обращенія къ истинной вѣрѣ и въ руководительствѣ ко спасенію: «превосходный умъ—говоритъ онъ—«при не вполнѣ строгомъ благочестіи имѣетъ большее значеніе, нежели строгое благочестіе при недалекомъ умѣ». «*Истинный ловецъ душъ человѣческихъ* долженъ на многое не обращать вниманія, ко многому снисходить; но коль скоро онъ сталъ господиномъ воли подвизающихся на пути добродѣтели, то можетъ вести ихъ, куда пожелаетъ». «Съ людьми, всецѣло преданными мірской суетѣ, нельзя прямо начинать бесѣду о духовныхъ дѣлахъ: это было бы то же, что удить рыбу безъ прикорма».

Самъ Лойола въ дѣлахъ, касавшихся успѣховъ ордена, не разбиралъ средствъ и нерѣдко даже въ виду цѣли, которую онъ считалъ священной, допускалъ хитрость и ложь. Эти темныя стороны характера Лойолы станутъ вполнѣ ясны лишь съ обнародованіемъ всей переписки знаменитаго основателя еще болѣе знаменитаго ордена.

Житейская мудрость,—чтобы не дать ей болѣе рѣзкаго имени,—полагавшая, что и мірскія и нечистыя средства дозволительны и могутъ служить ad majorem Dei gloriam, при этомъ черты левитской, фанатической ревности въ борьбѣ противъ иновѣрцевъ, преимущественно еретиковъ, далѣе, мрачный, попирающій все мірское мистицизмъ и, при большомъ развитіи ума, сильная наклонность къ грубому суевѣрію, источникомъ котораго служило до извѣстной степени само ученіе римской церкви,—вотъ наиболѣе характеристическія черты, которыми яснѣе всего обрисовывается нравственная физіономія іезуитскаго ордена.

Общество Іисуса представляетъ собою духовное воинство, которое «подъ

знаменемъ креста сражается за и для Бога». Уже самымъ названіемъ Societas, равнозначащимъ испанскому Compania, основатель желалъ, какъ замѣчаетъ Орландини, указать на воинственную цѣль и духъ ордена. Писатели-панегиристы ордена особенно выставляютъ на видъ эту воинственную черту въ характерѣ ордена. Игнатій на эпитафіи сопоставляется съ великими полководцами—Помпеемъ, Цезаремъ и Александромъ и ставится при этомъ выше названныхъ завоевателей. Imago primi saeculi изображаетъ орденъ, какъ легіонъ Божій, и съ гордостію и поэтическимъ пареніемъ восхваляетъ храбрость при нападеніи, львиную неустрашимость, геройское презрѣніе къ опасности, которыя выказываютъ члены его. «Какой громъ войны, говорится въ другомъ мѣстѣ, какой цвѣтъ рыцарства, какой гарнизонъ, какую оборону и защиту для церкви представляютъ они собою? Каждый изъ нихъ стóитъ цѣлой арміи, а иной—одинъ побѣждалъ такія полчища враговъ, противъ которыхъ едва могло бы устоять многочисленное войско». Сага о дѣтяхъ, рождающихся въ шлемахъ, исполняется на всѣхъ членахъ ордена: они не только съ пламеннымъ геройскимъ сердцемъ, но и съ неослабѣвающей никогда силой должны бросаться на остріе меча, встрѣчать удары судьбы, грудью стоять противъ ярости враговъ, противъ всѣхъ бурь и бѣдъ, посылаемыхъ несчастіемъ. Какъ солдатъ каждое мгновеніе долженъ быть готовъ къ походу, такъ и для іезуита нѣтъ постояннаго мѣста жительства и родины: какъ слуга и посланецъ папы, онъ всегда долженъ быть готовъ отправиться въ путь. «Обители наши, говоритъ Суарецъ,—то же, что лагери». Вслѣдсвтіе такой бездомности и такого непостоянства, непрочности положенія, іезуиты не могли брать на себя обязанностей постояннаго духовнаго руководителя въ данномъ мѣстѣ, слѣдовательно не могли принимать на себя священническихъ обязанностей.

При такомъ характерѣ ордена, булла Павла III объ утвержденіи его отъ 27 сентября 1540 г., начинающаяся обращеніемъ къ воинствующей церкви (Regimini militandis ecclesiae), является вполнѣ соотвѣтствующею предмету.

Такъ какъ Лойола въ своемъ орденѣ создавалъ для папства новое духовное воинство, поэтому необходимо было, чтобы лица, вступавшія въ него, были, какъ воины, вооружены не только внѣшнимъ, такъ сказать, но и внутреннимъ оружіемъ. Для послѣдней цѣли Лойола употреблялъ свои такъ наз. «Exercitia spiritualia», которыя, какъ показалъ опытъ многихъ тысячъ, дѣйствительно способны были переносить человѣка въ новую, чуждую реальному міру, сферу мистическо-аскетической жизни. Система эта оказывалась дѣйствительною по отношенію къ самымъ различнымъ индивидуальностямъ; она увлекала и подчиняла себѣ какъ простыя, непосредственныя натуры, такъ и фантастически-мечтательныя, порочныя и чистыя.

Чтобъ понять и оцѣнить надлежащимъ образомъ идею, воодушевлявшую Лойолу, необходимо изучить его экзерциціи (духовныя упражненія). «Exercitia spiritualia» въ редакціи самого Лойолы не представляли еще строго-методическаго руководства и во многихъ важныхъ пунктахъ требовали дополненія и дальнѣйшяго развитія; поэтому уже первая генеральная конгрегація признала необходимымъ составленіе Directorium'а, т. е. руководства къ практическому примѣненію упражненій. Это руководство имѣло прежде всего въ виду руководителя упражненіями, предлагая ему нормы, какъ вести упражненія съ другими и какъ при этомъ вести себя. Существующій въ настоящее время «Directorium in exercitia spiritualia» окончательно составленъ и утвержденъ, послѣ многочисленныхъ и разностороннихъ опытовъ примѣненія упражненій, пятой генеральной конгрегаціей 1593—94 г.

Изъ плана духовныхъ упражненій видна вся сильная внутренняя, мужественная и честная, борьба самого Лойолы, а равнымъ образомъ и то, что онъ самъ пережилъ моменты Божьяго гнѣва и милосердія. Въ этихъ правилахъ Лойола является образцомъ аскетизма и вообще глубокимъ знатокомъ человѣческаго сердца, изслѣдовавшимъ всѣ его сокровеннѣйшіе изгибы, побужденія и увлеченія и знающимъ цѣну тѣхъ и другихъ. Онъ предписываетъ правила, чтобы затронуть различныя душевныя струны и такимъ образомъ узнать, будутъ ли издавать оии гармоническіе аккорды или звучать диссонансомъ; онъ, какъ діагностъ, изслѣдуетъ болѣзни и тревоги совѣсти и для успокоенія и укрѣпленія ея старается найти надежное средство, употребленіе котораго вело бы къ цѣли вѣрнѣйшимъ путемъ. Наконецъ, въ своихъ правилахъ онъ является образцовымъ глубокопроницательнымъ учителемъ христіанскаго аскетизма, причемъ онъ самъ все-еще стремится дѣлами милосердія, напр., раздачею милостыни, достигнуть высшаго нравственнаго совершенства.

Павелъ III постигъ важное значеніе новаго общества для римской церкви, и, когда былъ представленъ ему на утвержденіе статутъ новаго общества, онъ воскликнулъ: «hic est digitus Dei!» (здѣсь перстъ Божій). Лойола и его товарищи и послѣдователи задались такою широкою задачею, что включили въ кругъ своей дѣятельности почти всѣ спеціальныя цѣли прежнихъ орденовъ, поддержка которыхъ считалась еще полезной и необходимой для блага церкви. Уже благодаря этой универсальности, общество Іисуса отодвигало всѣ другіе ордена, какъ болѣе или менѣе излишніе, на задній планъ; но юное, горячее одушевленіе членовъ новаго общества, полное живой дѣятельности и силы, совершенно помрачало дѣятельность прежнихъ обществъ. Подобно древнему почтенному ордену бенедиктинцевъ, главная задача котораго состояла въ занятіяхъ наукою, обученіемъ и образованіемъ юношества, и іезуиты съ самаго же начала обратили вниманіе на эту область: обученіе юношества, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова, они приняли даже въ свой статутъ какъ особенный обѣтъ и дѣйствительно проявили замѣчательную дѣятельность въ этомъ отношеніи. Равнымъ образомъ они стремились подражать въ совершенной бѣдности обоимъ нищенствующимъ орденамъ, доминиканцамъ и францисканцамъ, и подобно тому, какъ первые проявляли особенную ревность (Domini canes) къ проповѣди между еретиками и невѣрными съ цѣлью обращенія ихъ или пораженія ихъ лжеученій, а вторые посвящали свою дѣятельность другимъ дѣламъ христіанскаго милосердія, и іезуиты обнаружили въ этомъ направленіи горячую, энергическую дѣятельность. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Лойола обратилъ вниманіе на спасеніе и воспитаніе падшихъ или близкихъ къ паденію женщинъ и основалъ съ этой цѣлью нѣсколько заведеній. Далѣе, оба нищенствующіе ордена стремились занимать каѳедры въ университетахъ и забирать въ свои руки преподаваніе философіи и теологіи, и іезуиты, съ своей стороны добивались того же и съ значительно бо́льшимъ успѣхомъ. Григорій IX, (1232—33 г.), какъ извѣстно, посылалъ доминиканцевъ, въ качествѣ постоянныхъ папскихъ инквизиторовъ; равнымъ образомъ и іезуиты, по буллѣ Григорія XIII отъ 10 сентября 1584 г., могли быть употребляемы какъ инквизиторы, но только съ согласія генеральнаго ордена. Ко всему этому нужно прибавить, что и въ дѣлѣ поощренія суевѣрія и грубаго культа, служащихъ такимъ сильнымъ средствомъ для господства надъ массами, іезуиты нисколько не уступали нищенствующимъ орденамъ. Соединяя въ себѣ, такимъ образомъ, характерныя черты почти всѣхъ остальныхъ орденовъ, іезуиты имѣли и свою отличительную черту, именно вытекавшую изъ ихъ обязанности ратовать за

церковное и свѣтское господство папъ; черта эта—преимущественно политическій характеръ ордена.

Іезуиты не желали быть монашескимъ орденомъ; тридентскій соборъ называетъ ихъ «Religio Clericorum Societatis Jesu», т. е. орденомъ клериковъ (духовныхъ) общества Іисуса. Поэтому они не носили монашескаго платья и могли снимать свое одѣяніе; они не обязаны были отправлять богослуженіе сообща, хоромъ, и не называли своихъ обителей монастырями. Альфонсъ Родригецъ сообщаетъ, что Лойола, основательно изучившій духъ и строй прежнихъ орденовъ, нашелъ, что всѣ они, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду духовную пользу своихъ членовъ и соотвѣтственно этому устраиваютъ свои аскетическія упражненія и богослуженіе; поэтому, въ виду иной цѣли своего общества, которое, какъ «эскадронъ или рота солдатъ», должно было бороться въ этомъ мірѣ съ ересью и пороками, онъ не ввелъ въ уставъ его общаго хороваго богослуженія и другихъ обрядностей, чтобы оно, какъ легкая кавалерія, было постоянно готово при первой тревогѣ ринуться на врага и защищать братьевъ. Въ виду той же цѣли, члены общества не обязаны были подвергать себя строгимъ аскетическимъ упражненіямъ, какъ ослабляющимъ и даже разрушающимъ физическія силы и потому скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, препятствующимъ достиженію болѣе высокихъ благъ, и прежде всего живой дѣятельной силѣ въ священной войнѣ.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, ни одинъ орденъ не получалъ отъ папъ столько привилегій, индульгенцій и льготъ, какъ общество Іисуса. Сводъ однѣхъ извѣстныхъ привилегій составляетъ довольно объемистую книгу, въ которую не вошли привилегіи *неизвѣстныя*, пользованіе которыми предоставлялось усмотрѣнію генерала ордена. Главною охраною привилегій служило то, что папы объявляли недѣйствительнымъ все, что было направлено противъ этихъ привилегій; затѣмъ они особенно рекомендовали орденъ правителямъ и настоятельно побуждали ихъ охранять привилегіи ордена, угрожали великимъ отлученіемъ (lata sententia) каждому, кто посягнетъ на эти привилегіи, и, наконецъ, одной изъ буллъ Пія V отъ 1571 г. устанавливалась даже полная неизмѣняемость и неограниченность привилегій; такъ, генералу ордена было предоставлено право возстановлять отмѣненныя или уменьшенныя—хотя бы то въ силу папской ревокаціи—привилегіи во всемъ ихъ первоначальномъ объемѣ. Въ довершеніе всего Григорій XIII снова подтвердилъ всѣ привилегіи ордена, такъ что дѣйствительно было дѣломъ доброй воли и власти іезуитовъ, если они позднѣе соглашались на нѣкоторыя ограниченія ихъ дѣйствій церковнымъ авторитетомъ. Такимъ образомъ, орденъ не только по отношенію къ свѣтскимъ властямъ, но и по отношенію къ самой папской юрисдикціи достигъ неприкосновенной самостоятельности; такъ, изъ буллы Павла III отъ 1543 г. и изъ позднѣйшихъ (отъ 1549, 1582 и 1684) видно, что іезуиты имѣли право, соотвѣтственно условіямъ мѣста и времени, измѣнять свои правила и законы, даже и не спрашиваясь объ этомъ у святаго престола; поэтому преобразованіе ордена папами въ силу закона являлось невозможнымъ.

Ясно, что такія непомѣрныя привилегіи противорѣчили прежнему строю церкви; но папы имѣли въ виду облечь іезуитовъ во всеоружіе духовнаго могущества не только для борьбы съ отступничествомъ, но и для того, чтобы создать себѣ въ іезуитахъ, такъ сказать, лейбгвардію, которая бы защищала и утверждала ихъ собственное абсолютное господство надъ церковію.

Въ силу своихъ привилегій общество имѣло право, — и ему не должны были препятствовать ни духовныя, ни свѣтскія власти, — повсюду учреждать

коллегіи, строить церкви и дома или принимать таковые въ даръ, и всѣ начальствующія лица ордена, генералъ, суперіоры и директора, имѣли право освящать (но только для потребностей самаго ордена) предметы, составляющіе принадлежность церквей, кладбищъ, алтарей и богослуженія. По буллѣ Павла III отъ 1545 г., іезуитамъ дозволено было всюду проповѣдывать, исповѣдывать, причащать и отправлять богослуженіе, не испрашивая на это позволенія мѣстныхъ епископовъ и священниковъ. Въ особенности въ широкомъ объемѣ было предоставлено іезуитамъ право отпущенія грѣховъ: они могли отпускать во всѣхъ случаяхъ, предоставленныхъ епископамъ и удержанныхъ за собою папами, исключая очень немногихъ. Въ отдаленныхъ же странахъ, среди невѣрныхъ, іезуиты не были связаны никакими ограниченіями. Они имѣли право на отпущеніе грѣховъ разбойникамъ, каторжникамъ и еретикамъ и могли замѣнять болѣе легкими почти всѣ обѣты, если это не наносило вреда другимъ; но, пользуясь этимъ полномочіемъ, они не должны были нарушать правъ епископовъ. Равнымъ образомъ они могли разрѣшать и отъ такихъ обѣтовъ, разрѣшеніе отъ которыхъ принадлежало лишь епископамъ; наконецъ они могли смягчать принятыя на себя обязанности, если это никому не наносило ущерба.

Еще въ большей степени право отпущенія грѣховъ принадлежало генералу ордена. Онъ могъ отпускать всѣ грѣхи членовъ, совершенные ими какъ до, такъ и послѣ поступленія въ орденъ, какъ отпаденіе въ ересь и схизму, подделку апостольскихъ писаній и перенесеніе запрещенныхъ вещей къ невѣрнымъ, и слагать, измѣнять, уменьшать или увеличивать церковные штрафы, эпитиміи. Равнымъ образомъ и настоятели домовъ и ректора уполномочены были, при обѣщаніи удовлетворенія и съ наложеніемъ эпитиміи, разрѣшать членовъ ордена отъ отлученія, отъ запрещенія отправлять богослуженіе и отъ интердикта. Тѣ, которые дали хотя только три первыхъ простѣйшихъ обѣта и затѣмъ самовольно возвратились въ міръ (т. е. вышли изъ ордена), подвергались отлученію отъ церкви и не могли получить разрѣшенія. Они подлежали наказанію какъ отступники, и заключенные ими браки и всевозможные договоры считались недѣйствительными. Генералъ ордена имѣлъ право обращаться за содѣйствіемъ къ свѣтской власти; такихъ отступниковъ арестовывали, заключали въ тюрьму, и такимъ образомъ они вынуждены были переносить наложенное орденомъ наказаніе. Даже въ томъ случаѣ, если такія лица находились при папскомъ дворѣ, ихъ имѣли право арестовывать и, по приказанію генерала, отлучать отъ церкви, и объ этомъ отлученіи извѣщались оффиціально всѣ прелаты; но прелаты, съ своей стороны, не могли подвергать такихъ іезуитовъ ни отлученію отъ церкви, ни запрещенію отправлять богослуженіе, ни интердикту; равнымъ образомъ не имѣли этого права и по отношенію къ служащимъ общества, пока они находились въ его обителяхъ.

Общество, его члены и имущество находятся внѣ всякой зависимости отъ епископовъ и состоятъ непосредственно подъ протекторатомъ св. престола. Это изъятіе распространялось и на тѣхъ лицъ, которыя дали только три простѣйшихъ обѣта; поэтому никто не имѣлъ права назначать такое лицо, безъ согласія его начальника, на какую-либо церковную должность, — даже если бы другихъ лицъ и не было для исправленія этой должности. Общество не платитъ никакихъ податей ни папѣ, ни князьямъ и свѣтскимъ властямъ; даже въ чрезвычайныхъ случахъ, какъ, напр., крестовые походы, защита отечества и т. п., оно не подлежало налогамъ. Оно свободно отъ всякихъ пошлинъ и всякихъ повинностей, хотя бы то съ общественною и общеполезною цѣлью, и короли, свѣтскіе правители, магистраты, университеты и пр., если дерзали налагать

повинности на лица или вещи ордена, хотя бы въ интересахъ общаго блага, подвергались отлученію отъ церкви и вѣчной анаѳемѣ. Какъ духовные, іезуиты вообще не были подчинены никакой свѣтской власти и поэтому не могли быть обвиняемы въ оскорбленіи величества. Къ числу привилегій, которыя были наиболѣе полезны и прибыльны іезуитамъ, принадлежитъ привилегія, данная имъ Григоріемъ XIII, по которой они имѣли право всюду производить торговлю и банковыя операціи. Члены общества не могли быть принуждаемы являться на соборы или синоды и участвовать въ процессіяхъ; они не обязаны были пѣть хоромъ каноническіе часы.

На церкви и дома ордена, коллегіи и все, что къ нимъ принадлежало, какъ, напр., парки, сады и проч., распространялось право убѣжища.

Орденъ владѣлъ самыми полными индульгенціями и отпустительными граматами, подобными тѣмъ, какія раздавались въ юбилейный годъ римской церкви. Всѣ вступившіе въ общество, даже слуги, при вступленіи, а также при смерти получали прощеніе всѣхъ грѣховъ и полное отпущеніе. Въ іезуитскихъ церквахъ можно было получать такое же отпущеніе, какъ и въ Римѣ, и при этомъ въ то же самое время. Іезуитскіе исповѣдники были уполномочены in articulo mortis давать полное отпущеніе. Всѣ охранители, основатели, защитники ордена и ихъ дѣти получали одинъ разъ при жизни, а другой при смерти полное прощеніе и отпущеніе грѣховъ.

Но всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ привилегій и льготъ оказывалось недостаточно, и вотъ папа Григорій XIII буллою отъ 3 мая 1575 г. постановилъ, что всѣ привилегіи другихъ орденовъ, какъ существующія, такъ и имѣющія быть, распространяются и на общество Іисуса, и преимущественно привилегіи нищенствующимъ орденамъ, ибо Лойола съ самаго начала наложилъ обѣтъ бѣдности не только на отдѣльныхъ членовъ, но и на все общество. Но еще при жизни Игнатія, именно въ 1550 г., Юлій III ограничилъ этотъ обѣтъ, утверждая его обязательность лишь на давшихъ монашескій обѣтъ (т. е. 4 обѣта іезуитскаго ордена) и на монастырскія зданія, и то съ значительнымъ смягченіемъ; генералъ же и коллегіи могли безпрепятственно пріобрѣтать имущества для ордена. Такимъ образомъ характеръ ниществующаго ордена по отношенію къ іезуитамъ являлся фиктивнымъ, и, нисколько не ограничивая ихъ правъ, онъ лишь расширялъ ихъ привилегіи.

Въ заключеніе нужно еще сказать, что всѣ привилегіи общества собственно принадлежали какъ-бы одному генералу, который изъ богатой сокровищницы ихъ или лично, или чрезъ делегатовъ распредѣлялъ ихъ по своему усмотрѣнію между отдѣльными членами. Это постановленіе еще болѣе обусловливало зависимость подчиненныхъ отъ своего главы.

Епископальная и приходская власть, привилегіи другихъ орденовъ, права университетовъ, наконецъ свѣтское господство и самое могущество и юрисдикція папы, какъ указано выше, во многомъ нарушались и даже совершенно теряли свое значеніе вслѣдствіе такихъ привилегій іезуитовъ. Папы, чтобы поддержать и упрочить свое церковное и свѣтское главенство, постепенно, въ теченіе среднихъ вѣковъ, достигнутое ими всѣми правдами и неправдами, предали церковь во власть новому ордену, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сами попали въ его руки. Даже самый обѣтъ безусловнаго послушанія по отношенію къ миссіи, который былъ обязателенъ для профессовъ, давшихъ четыре обѣта, являлся въ извѣстной степени призрачнымъ; правда, папа могъ посылать ихъ, куда хотѣлъ, но генералъ, съ своей стороны, имѣлъ право, когда ему угодно, отзывать ихъ. Между тѣмъ какъ папа безъ согласія генерала не могъ освободить

изъ ордена ни одного члена, генералъ могъ, по своему усмотрѣнію, отпустить каждаго и разрѣшить его отъ обѣтовъ. Ни одинъ іезуитъ безъ специальнаго дозволенія папы не имѣлъ права аппелировать къ нему на рѣшеніе генерала, но просить объ этомъ дозволеніи онъ могъ лишь съ согласія генерала. Такимъ образомъ папы сами сдѣлали все для того, чтобы создать изъ института Лойолы особое независимое государство въ самыхъ нѣдрахъ римской церкви, и нѣтъ ничего удивительнаго, что оно, при своей организаціи и богатствѣ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, пріобрѣло господство надъ церковію.

Уже самое названіе іезуитскаго ордена — «общество Іисуса»—возбуждало мысль объ особенномъ, преимущественномъ положеніи его въ церкви и о ближайшемъ отношеніи къ ея основателю и владыкѣ Господу Іисусу, такъ какъ самая церковь называется только по имени прозванія Іисуса Христовой. Это названіе ордена съ самаго же начала обратило на себя вниманіе и вызвало пререканія и возраженія. Сами же іезуиты говорили, что ихъ первый основатель и начальникъ Іисусъ, второй—Пресвятая Дѣва и третій—Игнатій, и что они, іезуиты, приняли имя въ честь своего перваго и истиннаго основателя.

Законность привилегій новаго ордена основывалась на признаніи или предположеніи права абсолютнаго господства папы надъ церковію и надъ мірскимъ обществомъ и его властями. Но такъ какъ это папское главенство и монархія были узурпаціей, то и вытекавшее изъ нихъ исключительное положеніе іезуитовъ въ церкви и государствѣ было также узурпаціей. Ратуя за такія притязанія папства, объявляя папу верховнымъ и непогрѣшимымъ властителемъ душъ всего христіанства, іезуиты, вмѣстѣ съ тѣмъ, ратовали за законность собственнаго института. Если папство опиралось на іезуитовъ, то и они, въ свою очередь, всѣмъ своимъ существованіемъ опирались на абсолютное духовное и свѣтское главенство папства. Ясно, что интересы ихъ переплетались самымъ тѣснымъ образомъ и взаимно обезпечивались. Поэтому, когда іезуиты стремились возвысить въ догматъ теорію папской системы о верховномъ владычествѣ, непогрѣшимости и о всемірномъ епископствѣ папы и когда они употребляли всѣ средства и усилія для того, чтобы добиться санкціи этихъ догматовъ вселенскимъ соборомъ; то они въ этомъ случаѣ дѣйствовали столько же изъ самосохраненія, сколько изъ почтенія къ св. престолу. Въ этомъ отношеніи они подражали только нищенствующимъ орденамъ, которые вслѣдствіе подобныхъ же мотивовъ ставили себѣ цѣлію укрѣпленіе и защиту папской системы, и ихъ теологія посвящена была — какъ это въ особенности ярко выступаетъ у Ѳомы Аквинскаго —главнымъ образомъ этой задачѣ. Изъ этого тѣснаго сплетенія интересовъ, изъ этого союза папства съ обществомъ Іисуса почти съ роковою необходимостью вытекаетъ дальнѣйшая исторія обоихъ институтовъ и католической церкви. Папство имѣло въ іезуитахъ крѣпкую защиту своего абсолютнаго режима и стало, такъ сказать, застраховано отъ всякой реформы, вытекающей изъ нѣдръ церкви. Общество Іисуса, взявши на себя дѣло папства и стремясь всѣми силами сохранить или доставить папству верховное господство, какъ духовное, такъ и свѣтское, подвергалось нравственной порчѣ, извращенію. Наконецъ сама церковь, древній строй и начальныя вѣрованія которой въ теченіе среднихъ вѣковъ болѣе и болѣе затемнялись и искажались, окончательно подчинилась руководству и власти римской куріи и созданной ею теологіи. Съ этихъ поръ такъ называемая католическая церковь носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ іезуитизма; іезуитизмъ же есть только послѣдовательный и крайній папизмъ.

XXVI. КАЗУИСТИКА ІЕЗУИТОВЪ.

(Изъ «Исторіи культуры» Кольба, Т. II).

Все зданіе іезуитства построено было на глубокомъ знаніи человѣческихъ слабостей и хитромъ умѣньи пользоваться ими. Вся ихъ организація клонилась къ достиженію господства надъ государствами и народами. Здѣсь управлялъ не узкій фанатизмъ, а, напротивъ того, вся организація ордена показываетъ, что іезуиты относились къ церковнымъ учрежденіямъ и предразсудкамъ съ тою свободою, которая въ такихъ предметахъ граничитъ съ полнымъ невѣріемъ. Конечно, въ орденѣ попадались ханжи и фанатики, но ими пользовались только какъ орудіемъ. Іезуитамъ нужно было овладѣть массою, и потому имъ какъ нельзя лучше пригодилось такое средство, какъ легкое отпущеніе грѣховъ, упоительно и пріятно дѣйствовавшее на умы невѣжественной толпы. Орудіями для нихъ служили и знатные люди, въ особенности правители; смотря по личности и по надеждѣ на успѣхъ, они иногда выказывали себя чрезвычайно строгими и налагали самыя унизительныя эпитеміи на государей, воспитанныхъ въ страхѣ и благочестіи, а иногда проповѣдывали самыя безнравственныя правила; нерѣдко они даже систематически поощряли къ разврату, лишь бы только крѣпче и вѣрнѣе держать въ своихъ путахъ могущественныхъ лицъ и помыкать ими. Они сообразовали свои поступки съ обстоятельствами. Иногда выказывали они крайнее смиреніе, а когда было нужно—крайнее нахальство; они не останавливались ни передъ какими средствами; правило: «цѣль освящаетъ средство», вездѣ проводилось на практикѣ, хотя и порицалось въ теоріи. Въ институтѣ общества—Institutum Societatis—нигдѣ не поднятъ вопросъ: хорошо или дурно такое-то дѣйствіе; а спрашивается только цѣлесообразно и полезно ли оно (num actio expediat, conveniat, opportuna sit), и считалось всегда хорошимъ, если служило къ возвышенію могущества ордена, а слѣдовательно содѣйствовало дѣлу Божьему. Ни одинъ духовный католическій орденъ не былъ, съ одной стороны, такъ прославляемъ, съ другой—такъ ненавидимъ; въ одномъ мѣстѣ іезуитамъ покровительствовали, въ другомъ—гнали. Страшное распространеніе этого учрежденія, обвившаго, подобно сѣти, и народы, и правительства, давало поддержку и крѣпость какъ каждому члену въ отдѣльности, такъ и всему обществу.

Слово іезуитъ вошло въ поговорку для обозначенія коварства, лживости, обольщенія, безсовѣстнаго обмана и гнуснѣйшаго поруганія надъ всякою нравственностью, обычаями и правомъ. Понятно, что протестанты были щедры на обвиненіе ордена, который въ продолженіе столѣтій боролся противъ нихъ съ такимъ успѣхомъ, тогда какъ бóльшая часть протестантскихъ пасторовъ въ умственномъ отношеніи далеко не доросла до іезуитовъ. Если бы обвиненія исходили только изъ этого источника, то мы бы имѣли право сомнѣваться въ ихъ справедливости; но главныя жалобы на іезуитовъ раздавались въ католическихъ странахъ: оттуда нанесены были имъ самые тяжелые удары. Во всякомъ случаѣ, нельзя, однако, упрекнуть іезуитскій орденъ въ томъ, что онъ показалъ склонность быть слѣпымъ орудіемъ монархическаго всевластія. Если мы станемъ доискиваться дѣйствительной причины того проклятія, которое пало на іезуитовъ, то окажется, что она кроется въ той своеобразной нравственной теоріи, которую усвоилъ орденъ и которая вела къ подрыву всякой нравственности.

Основу іезуитской морали составляетъ теорія «оправданія». Она вытекаетъ изъ того воззрѣнія, что каждое дѣйствіе можетъ быть совершено, если только допускается какимъ нибудь значительнымъ авторитетомъ, хотя бы большинство другихъ авторитетовъ было противъ этого и ихъ мнѣніе казалось справедливѣе. Патеръ Эскобаръ говоритъ: «Если какой нибудь знаменитый докторъ стоитъ за какое нибудь мнѣніе, то это мнѣніе уже по всѣмъ вѣроятіямъ должно считаться истиннымъ, хотя бы сотни другихъ были противъ него, потому что человѣкъ, посвятившій себя наукамъ, едва ли можетъ придерживаться такого мнѣнія, которое бы не имѣло какихъ либо особыхъ и важныхъ основаній». Въ томъ же духѣ высказались относительно этой теоріи и многіе другіе іезуитскіе авторитеты. Такъ знаменитый Санхецъ писалъ: «Если у кого нибудь явятся сомнѣнія насчетъ того, можетъ ли оправдываться извѣстный взглядъ авторитетомъ какого нибудь «почтеннаго и честнаго доктора» (doctor gravis et probus), я отвѣчу заранѣе: несомнѣнно». Всякое мнѣніе можетъ быть оправдано, когда оно имѣетъ не ничтожное основаніе, а мнѣніе ученаго и благочестиваго человѣка нельзя назвать ничтожнымъ основаніемъ. Если свидѣтельство великаго человѣка о томъ, что въ Римѣ произошло то или другое событіе, вполнѣ полновѣсно, то почему же въ сомнительныхъ случаяхъ нравственнаго ученія не можетъ быть полновѣснымъ то, что высказалъ объ этомъ благочестивый и свѣдущій человѣкъ». Doctor gravis, Эммануилъ Са, высказался еще опредѣленнѣе: «Можно дѣлать то, что согласуется съ теоріей «оправданія», хотя бы противное и было безопаснѣе для совѣсти. Достаточно мнѣнія какого нибудь почтеннаго доктора или же хорошій примѣръ».

Эта странная теорія была важнѣйшимъ средствомъ къ борьбѣ съ протестантствомъ и къ возвышенію іезуитскаго ордена надъ прочими орденами католической церкви. Протестантство вооружалось противъ ученія о значеніи добрыхъ дѣлъ и ставило непремѣннымъ требованіемъ: внутреннее усовершенствованіе человѣка. Строгость этого ученія проникала глубоко въ души людей, но слѣдовать ему было не такъ удобно и не такъ пріятно. И вотъ іезуиты противопоставили этой доктринѣ доктрины старой церкви: церковь можетъ давать отпущеніе грѣховъ и успокоивать болѣзненную совѣсть; но оставалась еще одна тягость, отклонявшая людей отъ католичества: тягость исповѣди и покаянія. Теорія «оправданія» представляла массѣ въ этомъ случаѣ наилучшее средство облегченія. Каждый заранѣе былъ увѣренъ, что за всякій грѣхъ нетрудно получить отпущеніе и успокоить совѣсть. Въ качествѣ духовныхъ отцовъ, іезуиты, на другихъ основаніяхъ, чѣмъ прочіе исповѣдники, судили грѣхи чрезвычайно снисходительно и съ такимъ остроуміемъ оправдывали ихъ, что довели мягкость въ этомъ отношеніи до послѣдней степени. Что за бѣда, если нравственность народа и сильныхъ міра сего будетъ подорвана въ корнѣ и пропитана ядомъ: этого каждый вѣрующій въ отдѣльности и не долженъ былъ доискиваться, лишь бы неизмѣримъ былъ успѣхъ ордена!

Не случайно, а, напротивъ, совершенно сообразно съ тѣми цѣлями, съ какими была создана теорія «оправданія», была она приложена и къ исповѣди. Патеръ Васкецъ положительно совѣтуетъ духовному отцу, для освобожденія своего духовнаго чада отъ какой нибудь грѣховной тягости, вопреки собственному своему мнѣнію, указывать на какой нибудь другой взглядъ, хотя бы менѣе правдоподобный. Такъ же смотрѣлъ на это и Эскобаръ, который говоритъ: «Если духовному отцу предложатъ вопросъ: какое мнѣніе справедливѣе, то онъ долженъ назвать то, какого онъ самъ придерживается; но когда рѣчь идетъ объ однѣхъ обязанностяхъ, то онъ можетъ высказать менѣе справедли-

вое мнѣніе; какъ совѣтникъ, онъ поступитъ благоразумнѣе, если посовѣтуетъ то, что можетъ быть исполнено легче и съ наименьшимъ вредомъ». Патеръ Бони говоритъ: «Если правило, по которому поступалъ духовный сынъ, согласно съ теоріей «оправданія», то духовный отецъ можетъ дать ему разрѣшеніе, хотя бы онъ самъ былъ противнаго мнѣнія, такъ какъ смертный грѣхъ—отказать въ разрѣшеніи тому, кто дѣйствовалъ сообразно съ теоріей «оправданія». Такъ учили Васкецъ, Санхецъ и Суарецъ».

Теорія «оправданія» выработалась и развилась самымъ утонченнымъ и чудовищнымъ образомъ. Защитники іезуитовъ могли всегда, при всякомъ ученіи, оскорбляющемъ нравственность, противоставить одинъ авторитетъ другому. «Когда кто-нибудь — замѣчаетъ Эллендорфъ—былъ противъ убійства, іезуиты доказывали ему изъ Васкеца, что убивать никакъ не слѣдуетъ, а кто хотѣлъ убійствомъ врага насытить свою месть, тому іезуиты подставляли Лессіуса или Эскобара, и онъ могъ, ссылаясь на авторитетъ этихъ doctorum gravium, совершить убійство. Лессіусъ говорилъ объ убійствѣ какъ язычникъ, а объ раздачѣ милостыни—какъ христіанинъ, а напротивъ Васкецъ объ убійствѣ—какъ христіанинъ, а о раздачѣ милостыни—какъ язычникъ».

На этомъ основаніи добро и зло становилось совершенно безразличнымъ: можно было совершить убійство потому, что doctor gravis Лессіусъ дозволяетъ это; можно было и пощадить врага, потому что Васкецъ такого мнѣнія. Іезуиты потакали благочестію и злодѣянію, добродѣтели и грѣху. Сотни казуистовъ отстаиваютъ такое-то мнѣніе, а сотни другихъ отвергаютъ его; даже въ одномъ и томъ же мнѣніи найдется множество различій и оттѣнковъ, уничтожающихъ одно другое; но все-таки суть дѣла въ томъ, что если какой нибудь doctor gravis оправдываетъ извѣстное мнѣніе, то этого достаточно для оправданія всякаго поступка.

Іезуитскіе казуисты дошли дотого, что примѣняли это ученіе къ различнымъ условіямъ жизни, какъ свѣтской, такъ и духовной. Григорій изъ Валенціи безъ зазрѣнія совѣсти подвергалъ разсмотрѣнію такой вопросъ: можетъ ли судья, обязанный соблюдать безпристрастіе, для пользы своего друга прибѣгнуть къ іезуитской теоріи «оправданія?» Онъ дошелъ до слѣдующаго вывода: если судья полагаетъ, что одно мнѣніе, на основаніи этого ученія, равносильно съ другимъ, то онъ, не задумавшись, имѣетъ право произнести такой приговоръ, который можетъ служить къ пользѣ его друга. Этого мало: желая услужить своему другу, онъ можетъ въ одномъ случаѣ руководствоваться однимъ мнѣніемъ, а въ другомъ—противоположнымъ; лишь бы изъ этого не выходило скандала. Объ избѣжаніи внѣшняго скандала іезуиты болѣе заботились, чѣмъ о вредныхъ послѣдствіяхъ самаго дѣла.

Равнымъ образомъ, остроумный патеръ Азоръ, а за нимъ Эскобаръ, говорили, что «если врачъ, знающій многія цѣлебныя средства противъ извѣстной болѣзни, за неимѣніемъ подъ рукою другаго, болѣе испытаннаго медикамента, даетъ наугадъ больному—въ выздоровленіи котораго онъ не сомнѣвается—и въ такомъ случаѣ, если бы даже считалъ болѣе вѣроятнымъ, что такое средство принесетъ вредъ то онъ не подлежитъ порицанію, потому что поступаетъ на основаніи вѣроятія». Такъ совѣтовали поступать и въ другихъ случаяхъ.

Тамъ, гдѣ доктрина «оправданія», несмотря на свою растяжимость, оказывалась неудобопримѣняемою, тамъ прибѣгали къ другой уловкѣ: къ такъ называемой: «Directio Intentionis».

Если при какомъ нибудь дѣйствіи или намѣреніи (считаемомъ по обычнымъ понятіямъ безнравственнымъ) можно ухватиться за какую нибудь черту позволительнаго свойства, тогда оправдывается все дальнѣйшее. Сообразно съ

этимъ можно совершить такой поступокъ, который на обыкновенномъ церковномъ языкѣ называется «грѣхомъ», если только при этомъ грѣхъ не составляетъ главной цѣли, а совершается для того, чтобы достигнуть другой, позволительной и похвальной цѣли. Казуисты объясняли это положеніе такимъ образомъ: «Пусть сынъ желаетъ смерти своего отца, чтобы завладѣть его имуществомъ; онъ долженъ только остерегаться, чтобы смерть отца не была въ его глазахъ конечною цѣлью, но можетъ вполнѣ желать и стремиться къ тому, чтобы завладѣть его имѣніемъ».

Къ этимъ двумъ уловкамъ іезуитской казуистики, какъ теорія «оправданія» и «directio intentionis» присоединялось еще ученіе объ «мысленной оговоркѣ» или двусмысленномъ выраженіи», reservatio или restrictio mentalis. На основаніи этого ученія можно все обѣщать и даже подтвердить обѣщаніе клятвою, не связывая себя никакимъ обязательствомъ: стоило только подобрать двусмысленныя слова и ввести ими другаго въ заблужденіе, или же промолчать, не досказать и дать словамъ своимъ другой смыслъ. Благоразумный Санхецъ—doctor gravis—развиваетъ слѣдующимъ образомъ это ученіе: «Первое правило состоитъ въ томъ, что если слова имѣютъ двоякій смыслъ и могутъ быть объяснены различными способами, то не будетъ лжи въ томъ, если ихъ выговорить въ такомъ смыслѣ, какой говорящій хочетъ имъ придать, хотя другіе, къ которымъ обращены эти слова, принимаютъ ихъ въ другомъ смыслѣ. Можно также, не прибѣгая ко лжи, употреблять и такія слова, которыя по своему значенію не двусмысленны и какъ сами по себѣ, такъ и при случайныхъ обстоятельствахъ не допускаютъ того смысла, который имъ хотятъ придать, а получаютъ его въ дѣйствительности только тогда, когда къ нимъ еще что нибудь прибавляется мысленно».

Напримѣръ, если кого нибудь спрашиваютъ о чемъ нибудь наединѣ, или передъ другими, и онъ, ради шутки, или для какой нибудь цѣли, клянется, что не дѣлалъ того, что онъ въ самомъ дѣлѣ дѣлалъ, а въ умѣ своемъ представляетъ что либо совсѣмъ другое, чего онъ дѣйствительно не дѣлалъ, или же представляетъ какой нибудь другой день, а не тотъ, въ который онъ совершилъ извѣстный поступокъ, или же вообще думаетъ въ это время о чемъ нибудь истинномъ, — то въ такомъ случаѣ онъ не лжетъ и не совершаетъ ложной клятвы: онъ только не говоритъ истины, которую выражаютъ его слова, а совершенно другую. Если бы кого нибудь обвиняли въ убійствѣ патера, котораго онъ дѣйствительно убилъ, онъ бы могъ отвѣтить: я не убилъ патера, а между тѣмъ думать о комъ нибудь другомъ, носившемъ то же имя, или же думать о томъ самомъ патерѣ, но съ такимъ «restrictio mentalis»: «до его рожденія я не убилъ его». «Такая хитрость, замѣчаетъ докторъ gravis Санхецъ приноситъ большую пользу, когда нужно скрывать то, что должно быть скрыто и что не можетъ быть утаено безъ обмана и клятвы никакимъ инымъ, какъ только упомянутымъ, способомъ. Вполнѣ законно прибѣгать къ такой хитрости въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится охранять свою личность, жизнь и честь, защищать свое достояніе или совершить какое нибудь доброе дѣло! «Филліукціусъ подаетъ благой совѣтъ, какъ употреблять практически это средство». Ты, напримѣръ, вчера совершилъ какой нибудь поступокъ, который надобно скрыть; тогда говори: «клянусь, что я... тутъ слѣдуетъ reservatio mentalis, ты думаешь про себя: сегодня—того или другаго не дѣлалъ».

Петръ Эскобаръ распространяетъ это средство и на даваемыя обѣщанія: «Мы не обязаны исполнять обѣщаній, учитъ онъ, если, давая ихъ, не имѣемъ дѣйствительнаго намѣренія ихъ сдержать».

Подобный арсеналъ уловокъ могъ быть вездѣ пригоденъ. Почти невѣроятно, какъ могли такія ученія формально проповѣдываться. Такимъ образомъ l'Ami выдумалъ доктрину, которая дозволяла убійствомъ врага предупредить тотъ вредъ, кокой бы онъ могъ нанести. Эта доктрина возбудила противъ себя общее изумленіе и негодованіе, и левенскій университетъ объявилъ ее противною христіанству. Нѣкоторые казуисты и орденъ приняли на себя защиту. Карамуэль и Царголи выказали особую дѣятельность, отыскивая повсюду новые доводы для подкрѣпленія этой доктрины; орденъ одобрялъ ихъ сочиненія.

На основаніи и теоріи оправданія, въ дѣлахъ касающихся чести можно, по словамъ Наварры, не вызывать на поединокъ и не принимать вызова, «когда представляется возможность тайнымъ убійствомъ противника сохранить свою честь и имущество, такъ какъ этимъ путемъ человѣкъ избавляется отъ опасности и даже предохраняетъ врага своего отъ грѣха, въ который бы тотъ впалъ, если бы принялъ вызовъ или самъ сдѣлалъ его». Іезуитскій орденъ, какъ показано выше, былъ установленъ съ цѣлью распространенія католической церкви и ея ученія, и члены ордена давали обѣтъ особаго послушанія папѣ; но достаточно замѣчанія, что, несмотря на это, іезуиты часто проводили свои правила вопреки уставамъ и распоряженіямъ церкви и папы. Католическая церковь повелѣваетъ слушать обѣдню по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а doctores graves et pii Ангелусъ и Розелла дозволяли нарушать эту обязанность. Церковь требуетъ, чтобы оставались въ церкви до конца обѣдни; Эскобаръ думаетъ, напротивъ, что достаточно прослушать три четверти. Генрихсецъ и Луго пошли еще далѣе, но Лайманъ перещеголялъ ихъ обоихъ въ либерализмѣ. Эскобаръ находитъ, что если войти въ церковь въ то время, когда четыре священника разомъ на четырехъ алтаряхъ совершаютъ обѣдню:—одинъ только начинаетъ ее, другой читаетъ евангеліе, третій освящаетъ св. Дары, а четвертый выноситъ причастіе,—то можно исполнить обязанность слушанія всей обѣдни, употребивъ четверть часа того времени, которое обыкновенно требуется на это. Подобнымъ образомъ толковали Санхецъ, Майоръ и Бузенбаумъ. Церковь требуетъ, чтобы вѣрные присутствовали при литургіи; а Бузенбаумъ, напротивъ, полагаетъ, что не великій грѣхъ болтать съ кѣмъ нибудь во время обѣдни, лишь бы только замѣчать, что происходитъ у алтаря. Кониxъ, Сильвій, Розелла и Медина утверждали что для исполненія церковной заповѣди достаточно наружно - почтительнаго поведенія при богослуженіи, хотя бы при этомъ вѣрующій умышленно предавался разсѣянности. Неподражаемый Эскобаръ дозволяетъ даже во время обѣдни имѣть дурныя мысли, а Бузенбаумъ говоритъ: «Если кто присутствуетъ при обѣднѣ изъ пустаго тщеславія или съ намѣреніемъ украсть что нибудь, то онъ все-таки исполняетъ церковную заповѣдь, хотя и грѣшитъ противъ другой заповѣди».

По отношенію къ исповѣди іезуиты дѣлали почти невѣроятныя вещи, лишь бы оправдать грѣхи своихъ духовныхъ чадъ. Тамбурини учитъ: «Исповѣдующійся можетъ многократно солгать на исповѣди.... Лгать относительно смертныхъ грѣховъ было бы тяжелымъ грѣхомъ только тогда, когда бы на это не было достаточно основаній, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ можно ограничиться отнѣкиваніемъ или же, во избѣжаніе какого нибудь второстепеннаго грѣха, можно отдѣлываться двусмысленными отвѣтами, которые можно заимствовать изъ ученія о двусмысленныхъ выраженіяхъ». Эскобаръ говоритъ: «Если кто часто впадаетъ въ тяжкія прегрѣшенія и желаетъ сохранить доброе о себѣ мнѣніе своего обычнаго духовника, тотъ можетъ найти себѣ другаго духовника и исповѣдывать ему важнѣйшіе грѣхи, а первому второстепенные».

Рядомъ съ такими ученіями, которыя, повидимому, истекали изъ совер-

шеннаго невѣрія, уживались такія, которыя могли удовлетворить самыхъ грязныхъ фанатиковъ. Напримѣръ, іезуиты разрѣшали отъ грѣха такого ревнителя вѣры, который, похитивъ у невѣрныхъ или еретическихъ родителей некрещенаго ребенка и желая избавить его навсегда отъ искушенія, бросить его въ рѣку, но произнесетъ при этомъ слова, употребительныя при крещеніи. Этого мало: они находили дозволительнымъ и такое дѣло, если бы кто нибудь облилъ ребенка кипяткомъ съ цѣлью вмѣстѣ окрестить его и умертвить.

Принципы легкой нравственности подорвали и совершенно испортили нравственность массы, принадлежавшей къ ордену. Между іезуитами возрасло до чрезвычайности число тѣхъ, которые запятнали себя самыми низкими рядовыми пороками, и это было не какимъ либо случайнымъ явленіемъ, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобнаго учрежденія.

XXVII. ТРИДЕНТСКІЙ СОБОРЪ И КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕСТАВРАЦІЯ.

(По соч. Гейссера: «Geschichte des Reformationszeitalters»).

Завѣтнымъ желаніемъ императора Карла V было созваніе собора въ предѣлахъ Германіи для того, чтобы однимъ уже мѣстопребываніемъ въ этой странѣ верховнаго судилища въ важномъ спорномъ вопросѣ церкви внушить нѣмцамъ довѣріе къ нему. Но получить на это согласіе Рима было невозможно. Самою крайнею уступкою со стороны папы въ этомъ отношеніи считалось созваніе собора въ Тридентѣ, который, по имени, принадлежалъ къ Германіи и епископъ котораго засѣдалъ въ рейхстагѣ, но, по языку и національному составу своего населенія, равно какъ по своему географическому положенію, примыкалъ болѣе къ Италіи, чѣмъ къ Германіи. Здѣсь навѣрное можно было ожидать большаго наплыва итальянскихъ прелатовъ, которые придадутъ совѣщаніямъ чисто-національный характеръ. Собраніе отсрочивалось въ продолженіе многихъ лѣтъ, частію потому, что вообще положеніе дѣлъ еще безпрестанно колебалось, частію же потому, что въ Римѣ все-еще не могли отдѣлаться отъ того призрачнаго страха, который внушенъ былъ обнаруженнымъ Констанцскимъ и Базельскимъ соборами поползновеніемъ къ верховному господству въ дѣлахъ церкви. Поэтому-то Римъ пользовался всякимъ предлогомъ, чтобы отдалить опасность, связанную для него съ созваніемъ собора.

Императоръ и папа руководствовались совершенно различными цѣлями по отношенію къ этому собору. Папа рѣшился задушить въ зародышѣ всякую оппозицію, тогда какъ императору было бы весьма желательно создать противовѣсъ всемогуществу куріи въ собраніи, предполагая, что послѣднее будетъ содѣйствовать осуществленію императорской программы.

Уже самое начало собора характеризуетъ положеніе римскаго престола. 13 декабря 1545 г. Марцеллъ Червинъ, Іоаннъ дель-Монте и Регинальдъ Поль открыли собраніе въ качествѣ папскихъ легатовъ. Прежде всего они постарались объ устраненіи толкованія, въ силу котораго «соборъ имѣетъ полномочіе отъ самого І. Христа», что, въ сущности, имъ и удалось. При этомъ, къ изумленію собранія, обнаружилось, что легаты не могли произнести никакого заключенія безъ соизволенія папы. Голосованіе по національностямъ также было устранено, при чемъ особенно напиралось на то, что собраніе находится не въ Констанцѣ или Базелѣ, и что на немъ предсѣдательствуетъ папа, въ лицѣ своихъ легатовъ.

Руководство преніями собора при обсужденіи различныхъ вопросовъ принадлежало, главнымъ образомъ, папской куріи. Что касается характера совѣщаній, то императоръ желалъ, чтобы соглашеніе съ протестантами было, по возможности, облегчено и чтобы были выставлены на первый планъ преимущественно тѣ пункты, которые свидѣтельствуютъ объ общности началъ въ устройствѣ обѣихъ церквей. Римъ же усмотрѣлъ въ этомъ послабленіе еретикамъ, на которое ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ дать согласія, и упорно держался на томъ, чтобы на первомъ планѣ было выставлено различіе ученій этихъ церквей.

Сообразно съ этимъ, первыя совѣщанія вращались около вопроса объ авторитетѣ св. писанія, о преданіи, о переводѣ и толкованіи библіи; затѣмъ послѣдовали вопросы объ отпущеніи грѣховъ и объ исповѣди, и къ тому же почти все въ такомъ духѣ, который, по возможности, затруднялъ соглашеніе съ протестантами. Относительно одного только пункта можно было сказать, что на собраніе нѣсколько повліяло новое направленіе—это было относительно ученія объ отпущеніи грѣховъ. Ученіе это уже не было принято въ томъ смыслѣ, который послужилъ основаніемъ торговлѣ индульгенціями Тецеля и его дерзкому зазыванію покупателей, но было исподоволь существенно измѣнено. Хотя ученіе Лютера также не было принято, но зато старались найти разумный компромиссъ между ученіемъ Пелагія и одностороннимъ ученіемъ св. Августина объ оправданіи и нашли среднее положеніе, въ силу котораго допускалось, что отпущеніе грѣховъ достигается вѣрою, но вмѣстѣ съ тѣмъ было сохранено и ученіе о добрыхъ дѣлахъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ его никогда не допустилъ бы Лютеръ.

Все это съ самаго начала заняло довольно много времени. Императоръ надѣялся, что прежде всего дѣло коснется реформъ, способныхъ уничтожить раздвоеніе церкви. Вмѣсто этого, старое ученіе съ догматическою неуступчивостію было рѣзко противопоставлено новому «ложному ученію», причемъ епископы заявили, что ихъ ученіе правильно, и что имъ нѣтъ никакого дѣла до намѣренно-ложнаго толкованія его со стороны противниковъ.

Нельзя, однакожь, сказать, чтобы церковныя преобразованія были оставлены совершенно въ сторонѣ Тридентскимъ соборомъ. Въ промежутокъ времени отъ созванія собора до закрытія его (т. е. отъ декабря 1545 г. до весны 1547 г.) въ этомъ отношеніи было сдѣлано слѣдующее: 1) епископамъ было предоставлено позаботиться о прісканіи болѣе способныхъ учителей и объ улучшеніи школъ; 2) преподаваніе Слова Божія вмѣнялось въ обязанность самимъ епископамъ; 3) установлены были взысканія за нерадѣніе ихъ къ своимъ обязанностямъ и, наконецъ, изданы были многія постановленія, которыми опредѣлялись необходимыя требованія, при раздачѣ епископскихъ должностей относительно лицъ, являющихся кандидатами на занятіе этихъ должностей.

Такимъ образомъ католическая церковь должна была подвергнуться реформѣ, устранявшей многія злоупотребленія, причемъ она, однакожь, не поступалась ничѣмъ изъ своего ученія.

Подобный ходъ дѣлъ на соборѣ возбудилъ особенное неудовольствіе императора. Въ томъ, что на соборѣ выдвинуты были на первый планъ спорные пункты, онъ усмотрѣлъ перчатку, брошенную ему самому и его планамъ; а въ дѣлѣ реформы, по его мнѣнію, представители Рима были слишкомъ мало искренни, слишкомъ много уже заботились о проклятіи еретиковъ, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду улучшеніе церкви.

Слѣдствіемъ этого было то, что императоръ началъ проявлять видимое

вліяніе на соборѣ, организовавъ въ немъ нѣчто въ родѣ оппозиціи Риму, причемъ коммисары его стали въ особенно хорошія отношенія съ протестантами и довольно ясно дали замѣтить намѣреніе воспользоваться ими для борьбы съ папою. Этого для Рима было достаточно, чтобы заявить настойчивое желаніе объ избавленіи собранія, какъ можно скорѣе, отъ вліянія германскихъ епископовъ и императорскихъ агентовъ. Обнаружившаяся въ это время въ Тридентѣ лихорадочная болѣзнь, хотя затѣмъ уже весьма скоро исчезнувшая, была признана достаточнымъ предлогомъ для перенесенія мѣстопребыванія собора изъ Тридента въ Болонью (весною 1547 г.). Противъ этого, однакожь, протестовали императорскіе коммисары и объявили, что рѣшенія такого жалкаго собора ничтожны и не имѣютъ никакой силы.

Споръ оставался нерѣшеннымъ многіе годы. Между тѣмъ Павелъ III умеръ (въ ноябрѣ 1549 г.). Престолъ его наслѣдовалъ, подъ именемъ Юлія III, кардиналъ дель-Монте, одинъ изъ папскихъ легатовъ на соборѣ. Съ нимъ, наконецъ, пришелъ къ соглашенію императоръ, послѣ чего въ маѣ 1551 года снова былъ открытъ соборъ въ Тридентѣ. Однако императору, ради его положенія въ Германіи, слишкомъ необходимо было жить въ мирѣ съ папою; миръ былъ возстановленъ въ то самое время, когда въ Германіи на императора надвинулась сильнѣйшая гроза, именно когда противъ него была организована курфюрстомъ Морицомъ церковная и политическая борьба, для противодѣйствія которой ему врядъ ли можно было разсчитывать на содѣйствіе тридентскаго собора. На соборѣ остались одни католики; протестантскіе элементы, вначалѣ имѣвшіе еще въ немъ своихъ представителей, теперь всѣ исчезли, когда наступилъ религіозный миръ 1552 года. Такой исходъ дѣла сдѣлалъ невозможною всякую дальнѣйшую надежду на соглашеніе съ еретиками. Результаты реформъ въ это бурное время были весьма незначительны, обсужденіе дѣлъ шло довольно вяло, какъ вдругъ было объявлено, что засѣданія собора должны быть снова отсрочены (1552 г.). Папа Юлій III умеръ уже въ мартѣ 1555 года, а преемникъ его, благородный кардиналъ Червинъ, избранный въ папы подъ именемъ Марцелла III, умеръ почти тотчасъ по избраніи. Ему наслѣдовалъ на папскомъ престолѣ кардиналъ Караффа, подъ именемъ Павла IV.

Павелъ IV былъ настоящій папа эпохи реставраціи, отличавшійся пламеннымъ, энергичнымъ характеромъ. Онъ не допускалъ никакихъ уступокъ, никакого соглашенія, а требовалъ непримиримаго разрыва съ новымъ ученіемъ и тѣмъ большей замкнутости старой церкви. Это былъ одинъ изъ способнѣйшихъ умовъ своего времени. Еще въ 1542 году онъ совѣтовалъ не дѣлать болѣе уступокъ, а возстановить инквизицію, творцомъ которой и сдѣлался впослѣдствіи. Онъ первый рѣшительно вступилъ на путь сильнѣйшей католической реакціи; онъ ввелъ въ Италіи испанскіе религіозные суды; онъ первый усилилъ цензуру, составивъ списокъ запрещенныхъ книгъ, и сталъ сильно поддерживать іезуитовъ въ интересѣ реставраціи.

Такой поворотъ въ дѣлахъ церкви былъ настоящимъ отвѣтомъ на германскій религіозный миръ. Такъ какъ протестанты не обращали болѣе вниманія на Римъ, то и католики, съ своей стороны, рѣшились устроить свои дѣла безъ протестантовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, соборъ, само собою разумѣется, оставался въ бездѣйствіи.

Павелъ IV совершенно открыто высказался, что обѣщанныя имъ реформы могутъ быть проведены и безъ собора, который онъ даже старался совершенно упразднить. Но это было сопряжено съ извѣстными трудностями. Даже свѣтскіе католическіе князья, правовѣрность которыхъ не подлежала ни малѣйшему

сомнѣнію, государи Франціи и Испаніи, король Фердинандъ и герцогъ Баварскій поставили опредѣленныя требованія, касавшіяся правъ мѣстныхъ церквей, выбора епископовъ, защиты противъ фискальныхъ продѣлокъ Рима, и даже потребовали отмѣны безбрачія духовенства. Дѣло дошло до различныхъ столкновеній, слѣдствіемъ которыхъ было то, что слѣдующій папа Пій IV (1559—1565) въ ноябрѣ 1560 г. снова созвалъ соборъ, такъ что въ ноябрѣ 1562 г. совершилось *третье открытіе* Тридентскаго собора.

Съ этого времени наступаетъ въ исторіи Тридентскаго собора рѣшительный періодъ, въ теченіе котораго начатая на немъ законодательная работа была приведена къ концу. Но если, при открытіи его въ первый разъ, еще можно было бы думать, что та или другая уступка въ состояніи обратить протестантовъ, то теперь объ этомъ уже не могло быть и рѣчи. Дѣло состояло исключительно въ томъ, чтобы придать новую силу основанію старой церкви и оградить ее болѣе надежными оплотами и болѣе прочными укрѣпленіями. Такого громаднаго противодѣйствующаго вліянія, какое имѣлъ прежде Карлъ V, теперь уже не могъ проявить ни одинъ государь. Курія творила верховный судъ и съ самаго начала, вопреки заявленію императора и Франціи, провела постановленіе, по которому соборъ этотъ долженъ былъ считаться продолженіемъ предъидущаго, т. е. чтобы всѣ прежнія рѣшенія, направленныя противъ протестантовъ, разъ навсегда имѣли дѣйствительную силу, такъ какъ никто и не думаетъ болѣе о соглашеніи съ ними. Затѣмъ было приступлено къ запрещенію книгъ и установленію цензурнаго указателя (index).

Наиболѣе даровитые представители высшаго духовенства съ большою энергіею защищали божественное происхожденіе и связанную съ нимъ непогрѣшимость духовнаго авторитета папы, въ противоположность требованіямъ свѣтскихъ князей, поднявшихъ сначала на соборѣ сильную бурю. Значительнѣйшимъ изъ этихъ духовныхъ лицъ былъ Іаковъ Лайнецъ, второй генералъ и настоящій учредитель іезуитскаго ордена.

Онъ былъ предводителемъ и главою строго-романистской партіи, рѣзко и искусно защищалъ воззрѣніе, по которому прежде всего необходимо возстановить «камень Петра», на которомъ зиждется единство установленнаго Богомъ церковнаго авторитета. «Церковь, говорилъ онъ, вѣчна, она покоится не на человѣческомъ, а на божественномъ словѣ; государства же суть созданія людей, преходящи и измѣнчивы, смотря по настроенію людей: церковь не создала себя сама, правительство ея также не образовало само себя, а Христосъ, ея князь и верховный владыка, впервые далъ ей законы. Государства же, напротивъ, свободно создали себѣ свое правительство: первоначально вся власть принадлежала общинамъ, которыя добровольно вручили ее своимъ начальствамъ, не лишая при этомъ самихъ себя этой власти».

Между тѣмъ, мнѣніе романистовъ было принято. Возстановленіе неприкосновенности папскаго авторитета было и осталось двигательнымъ началомъ всѣхъ постановленій собора. Все, что было сдѣлано имъ для преобразованія церкви, не имѣло почти никакого значенія, въ сравненіи съ дѣйствительными нуждами ея, и подавлялось вообще поговоркою о непогрѣшимости папскаго авторитета, которою сопровождались всѣ постановленія собора относительно церковной дисциплины и устраненія существующихъ злоупотребленій. Пій IV былъ правъ, сказавъ, что «отцы собора въ дѣлѣ преобразованія церкви обнаружили столько умѣренности и послабленій по отношенію къ нему, что преобразованіе это, если бы онъ долженъ былъ предпринять его самъ, вышло бы гораздо болѣе строгимъ».

Великая услуга, оказанная соборомъ единству католической церкви, состояла въ томъ, что онъ собралъ воедино въ законодательномъ кодексѣ, выработанномъ послѣдовательно изъ одной основной мысли, все то, что въ прежнее время было еще шатко и сомнительно, а потомъ, во время великаго религіознаго переворота, едва совсѣмъ не погибло. Вмѣсто часто возбуждавшихся спорныхъ вопросовъ были выработаны опредѣленные догматы, вмѣсто шаткихъ традицій—прочныя церковныя положенія; въ дѣлахъ вѣры и церковнаго благочинія было установлено недостававшее до тѣхъ поръ однообразіе, и, такимъ образомъ, расшатывающему духу сектантства и стремленіямъ къ нововведеніямъ противопоставленъ былъ непоколибимый оплотъ.

Когда это единство было установлено на прочныхъ основахъ, конечно, прежняя вселенская церковь распалась: одна значительная часть Западной Европы, заключавшая въ себѣ прежде самыхъ вѣрныхъ сыновъ католической церкви, совершенно порвала съ нею связь. Безусловно повиновались еще этой церкви только Аппенинскій и Пиренейскій полуострова, даже Франція принадлежала къ ней только отчасти, но въ предѣлахъ этой ограниченной области господство папы упрочилось болѣе, чѣмъ когда-либо; независимость его отъ соборовъ была провозглашена рѣшительнѣе, чѣмъ даже въ средніе вѣка; притязанія, подобныя выставленнымъ на соборахъ въ Констанцѣ и Базелѣ, національныя стремленія къ реформамъ, выступившія недавно съ такою силою, были разъ навсегда объявлены противозаконными.

Все это содѣйствовало проявленію могущества католической церкви и, такимъ образомъ, вознаградило ее за прежнія потери. Церковь эта въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ продолженіе столѣтій, получила, наконецъ, такую строгую организацію, отклоненіе отъ которой было бы равносильно уничтоженію ея основнаго характера.

Начало многообразнаго и разнообразнаго развитія, свободное, безпрепятственное проявленіе противоположныхъ началъ, которымъ новое ученіе дало полный просторъ, были несогласимы съ жизненнымъ началомъ католической церкви.

Такимъ образомъ, на Тридентскомъ соборѣ впервые была создана положительная правовая почва для католической церкви, для ея власти, законовъ и ихъ примѣненія. До того времени каноническое право вырабатывалось свободно, развиваясь историческимъ путемъ; поэтому оно естественно заключало въ себѣ немало противорѣчій и неясностей, вызывавшихъ сомнѣнія. Эти-то слабыя стороны и послужили новаторамъ во многихъ отношеніяхъ мишенью для справедливыхъ нападокъ; это отсутствіе связи и строгой послѣдовательности оказалось самымъ больнымъ мѣстомъ католической церкви. На Тридентскомъ же соборѣ она получила послѣдовательное законодательство, которое, насколько это было возможно, положило конецъ противорѣчіямъ или искусно скрывало ихъ и, такимъ образомъ, не только уменьшило число пробѣловъ, но создало также и крѣпкую броню для отраженія нападеній.

Реформы также не остались безъ послѣдствій. Для католическихъ странъ немаловажнымъ дѣломъ было уже и то, что были учреждены семинаріи для улучшенія образованія, установленъ надзоръ для улучшенія благочинія духовныхъ лицъ, регулировано богослуженіе, установлено причащеніе мірянъ и назиданіе путемъ проповѣди, и такимъ образомъ хотя до нѣкоторой степени наверстаны были католиками успѣхи, сдѣланные протестантами на пути церковныхъ реформъ. Но главнымъ результатомъ было установленіе неприкосновенности и непогрѣшимости папскаго авторитета, какъ основы вновь достигнутаго единства.

РЕФОРМАЦІЯ
И КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ВЪ ИСПАНІИ И ВЪ НИДЕРЛАНДАХЪ.

XXVIII. ФИЛИППЪ II.

(*По соч. Мотлея: «Исторія нидерландской революціи», т. I*).

Еще до вступленія на престолъ испанскій Филиппъ II получилъ неаполитанскій престолъ и герцогство Миланское; отъ императорской короны пришлось ему отказаться. Эрцгерцогство Австрія и другія наслѣдственныя германскія владѣнія его отца были переданы императоромъ своему брату Фердинанду по случаю его бракосочетанія съ единственною сестрою венгерскаго короля Людовика, Анною. Десять лѣтъ спустя, Фердинандъ былъ избранъ римскимъ королемъ. Онъ отказался потомъ уступить племяннику свой престолъ и права на имперію, несмотря на убѣжденія испанскаго двора. За этимъ исключеніемъ, Филиппъ наслѣдовалъ всѣ владѣнія своего отца. Онъ сдѣлался королемъ всеиспанскимъ и обѣихъ Сицилій, носилъ титулъ короля Англіи, Франціи и Іерусалима; былъ неограниченнымъ властителемъ, «Dominator», Азіи, Африки и Америки, герцогомъ миланскимъ и обѣихъ Бургундій и наслѣдственнымъ государемъ семнадцати нидерландскихъ провинцій.

Такимъ образомъ, эти провинціи перешли къ новому монарху, иностранцу по происхожденію и воспитанію; онъ не говорилъ ни слова на ихъ родномъ языкѣ и ни на одномъ изъ тѣхъ, которые понимала масса населенія. Тѣмъ не менѣе онъ получилъ надъ ними верховную власть, потому что происходилъ, по женской линіи, отъ «добраго» Филиппа Бургундскаго, который, за сто лѣтъ назадъ, пріобрѣлъ бо̀льшую часть этихъ провинцій деньгами, хитростью, силою или по наслѣдству. Необходимо сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, которому была вручена судьба столькихъ народовъ.

Филиппъ родился въ маѣ 1527 г., такъ что ему было тогда двадцать восемь лѣтъ. На семнадцатомъ году онъ былъ обвѣнчанъ съ своею двоюродною сестрою, Маріею Португальскою, дочерью Іоанна III и сестры Карла V. Въ слѣдующемъ (1544) у нихъ родился знаменитый и несчастный Донъ-Карлосъ; въ то же время Филиппъ овдовѣлъ. Въ 1548 году

Филиппъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Нидерланды. Нидерландскіе города соперничали въ великолѣпіи церемоній, среди которыхъ Филиппъ присягалъ соблюдать многочисленныя вольности и провинціальныя хартіи и, въ свою очередь, принималъ присягу отъ своихъ будущихъ подданныхъ. Филиппъ клялся безусловно соблюдать всѣ національныя вольности и привилегіи, тогда какъ отецъ и дѣдъ его обязывались подчиняться только хартіямъ, дарованнымъ или утвержденнымъ Филиппомъ и Карломъ Бургундскими. Вслѣдствіе безусловной присяги Филиппа, обрадованные фламандцы, брабантцы и бельгійцы встрѣчали его съ распростертыми объятіями. Празднества, устроенныя по случаю прибытія его въ Валансьенъ, были великолѣпны; но радостный въѣздъ, приготовленный ему въ Антверпенѣ, превзошелъ ихъ пышностью. На встрѣчу ему за городскія ворота вышла процессія правительственныхъ лицъ и знаменитѣйшихъ гражданъ въ красныхъ бархатныхъ одеждахъ, окруженная прислугою въ пышныхъ ливреяхъ и сопровождаемая четырьмя тысячами милиціи въ парадныхъ мундирахъ. Двадцать восемь тріумфальныхъ арокъ было разставлено по всѣмъ улицамъ и площадямъ; словомъ, народъ истощилъ всѣ средства для выраженія своей любви и преданности императору и наслѣдному принцу. Богатый, цвѣтущій городъ, не предчувствуя своей будущей участи, какъ-бы покрылся гирляндами цвѣтовъ въ честь своего властелина. Но Филиппъ былъ холоденъ, какъ ледъ, принимая всѣ эти выраженія любви, и высокомѣрно взиралъ съ высоты своего недоступнаго величія на народное веселье. Впечатлѣніе, произведенное имъ на нидерландцевъ, не могло назваться благопріятнымъ, и Филиппъ вернулся на болѣе сродную ему почву Испаніи, испытавъ неудачу въ своихъ видахъ на имперію, отъ которыхъ такъ тяжело было отказаться и ему, и его отцу. Въ 1554 г. онъ снова уѣхалъ изъ Испаніи, чтобы вступить въ бракъ съ Маріею Тюдоръ; отецъ его благодушно отказался въ его пользу отъ этой чести. Бракосочетаніе совершилось въ Уэстминстерѣ, и если бы для счастія брачнаго союза достаточно было сходства во вкусахъ, то союзъ этотъ былъ бы необыкновенно счастливъ. Супруги равно считали единственною цѣлью своей жизни поддерживать господство римской церкви; священнѣйшею обязанностью помазанниковъ— казнить невѣрующихъ; вѣрнѣйшимъ средствомъ заслужить вѣчное блаженство—обращеніе въ земной адъ подвластныхъ имъ государствъ.

По наружности Филиппъ II былъ человѣкъ худощавый, низкаго роста, съ худыми ногами, узкою грудью и застѣнчивымъ, робкимъ видомъ человѣка, постоянно страдающаго тѣлесными недугами. «Его тѣло, говоритъ его систематическій панегиристъ, было бренною клѣткою, гдѣ, несмотря на ея узкость и тѣсноту, обитала душа, для полета которой неизмѣримое пространство неба было слишкомъ тѣсно». Лицомъ онъ былъ живой снимокъ съ отца, съ такимъ же широкимъ лбомъ и голубыми глазами, съ такимъ же орлинымъ, хотя болѣе пропорціональнымъ, носомъ. Нижняя часть лица сохранила и у него замѣчательное бургундское уродство. Его нижняя губа была такъ же тяжела и отвисла, ротъ великъ, а челюсть безобразно торчала впередъ. Цвѣтъ его лица былъ бѣлъ, волосы свѣтлы и рѣдки, борода желтоватая, короткая и клинообразная. Наружностью онъ походилъ на фламандца, но имѣлъ чопорныя манеры испанца. На публичныхъ выходахъ онъ велъ себя тихо, молчаливо, почти мрачно. Во время разговора онъ обыкновенно смотрѣлъ

внизъ, говорилъ мало, застѣнчиво и даже неловко. Это приписывали отчасти природному высокомѣрію, которое онъ иногда старался побѣдить въ себѣ, а отчасти почти постоянной боли въ желудкѣ, которая происходила отъ его необыкновеннаго пристрастія къ пирожному. Таковъ былъ собою человѣкъ, въ руки котораго теперь должны были перейти судьбы полміра, воля котораго должна была вліять на судьбу всѣхъ присутствовавшихъ и многихъ другихъ людей въ Европѣ и Америкѣ.

Обращеніе Филиппа было далеко не привлекательно, и въ этомъ отношеніи онъ представлялъ рѣзкую противоположность своему отцу. Филиппъ произвелъ самое тяжелое впечатлѣніе при первомъ путешествіи своемъ, въ 1548 г., по разнымъ своимъ владѣніямъ. Итальянцы, говоритъ посолъ Суріано, нашли его непріятнымъ; онъ возбудилъ къ себѣ отвращеніе въ фламандцахъ и ненависть въ нѣмцахъ. Его считали человѣкомъ слабымъ. Это былъ постоянно выздоравливающій больной, и его считали столь же апатичнымъ, робкимъ и неспособнымъ къ военнымъ предпріятіямъ, сколько онъ былъ хворъ и тщедушенъ.

Безпристрастные современники единогласно говорятъ, что въ немъ не было никакой предпріимчивости. Его упрекали даже въ недостаткѣ честолюбія, находя его въ этомъ отношеніи ниже отца, какъ будто желаніе присвоить владѣнія сосѣдей и страсть возбуждать между ними войны и раздоры можно считать добродѣтелью. Люди, наиболѣе склонные открывать въ Филиппѣ достоинства, напоминали, что было время, когда и Карла V считали слабымъ и безпечнымъ, и ожидали, что придетъ время, когда и Филиппъ явится предъ очами міра въ славѣ завоевателя и героя. Но такихъ было немного; общее и болѣе справедливое, какъ оказалось, мнѣніе было то, что Филиппъ ненавидитъ войну, что онъ не способенъ лично отличаться на полѣ сраженія, а если и будетъ пожинать лавры, то черезъ своихъ генераловъ. Тогда какъ Карлъ только и мечталъ о великихъ предпріятіяхъ, Филиппъ старался избѣгать ихъ. Императоръ никогда не останавливался передъ опасностію, а сынъ его былъ остороженъ, подозрителенъ, способенъ потерять престолъ изъ нерѣшительности и робости. Отецъ былъ неутомимо-дѣятеленъ, сынъ любилъ покой. Карлъ «выслушивалъ мнѣніе каждаго, но оставался при своемъ» и, обдумавъ, шелъ къ своей цѣли съ неутомимою энергіею; Филиппъ слѣдовалъ чужимъ указаніямъ, колебался въ рѣшеніяхъ и, принявъ рѣшеніе, медлилъ исполнить его.

Понятно, что, при такомъ характерѣ, Филиппъ не могъ показаться героемъ въ этотъ воинственный вѣкъ. Умъ его, необыкновенно узкій, никому не казался блестящимъ; другія способности его были ниже посредственности. Онъ съ дѣтства отличался мелочной страстью къ пустымъ подробностямъ и всю жизнь не научился обобщать. Филиппъ не понялъ, что одному человѣку, будь онъ образецъ дѣятельности, невозможно войти во всѣ подробности общественной и частной жизни пятидесяти милліоновъ людей. Онъ былъ, правда, дѣятеленъ, но проводилъ жизнь въ томъ, что писалъ депеши и кропалъ комментаріи на тѣ, которыя получалъ. Онъ проводилъ по четыре и по пяти часовъ въ совѣтѣ и почти не выходилъ изъ кабинета. Онъ очень охотно давалъ аудіенціи посланникамъ и депутатамъ и внимательно выслушивалъ все, что ему говорили, давая обыкновенно односложные отвѣты. Филиппъ говорилъ только по-испански, и то очень рѣдко; зато неутомимо строчилъ. Онъ терпѣть не могъ раз-

говоровъ, но былъ способенъ написать письмо въ восемнадцать страницъ человѣку, сидѣвшему въ сосѣдней комнатѣ, и о предметѣ, который способный человѣкъ исчерпалъ бы въ шести словахъ. По его мнѣнію, міръ долженъ былъ идти по его протоколамъ и комментаріямъ; событія не имѣли права рождаться въ его владѣніяхъ безъ его предварительныхъ акушерскихъ пособій. Онъ никакъ не могъ убѣдиться, что земля продолжаетъ вращаться вокругъ своей оси, пока онъ пишетъ программу того, куда ей слѣдуетъ повернуться. Филиппъ медленно принималъ свои рѣшенія и долго таилъ ихъ. Онъ былъ многорѣчивъ не отъ обилія, а отъ скудости мысли; поэтому онъ прибѣгалъ къ туману многословія, иногда чтобы затаить настоящее значеніе своей мысли, а чаще чтобы прикрыть отсутствіе всякой мысли, обманывая такимъ образомъ не только другихъ, но и самого себя. Онъ имѣлъ одно основное убѣжденіе, въ которомъ былъ непоколебимъ. Впрочемъ, то былъ скорѣе инстинктъ, чѣмъ убѣжденіе, потому что оно было врожденное, а не выработанное. Онъ былъ орудіемъ принципа, которому слѣдовалъ не по свободному выбору и не съ живымъ пониманіемъ его, а слѣпо и безотчетно. Филиппъ былъ воплощеніемъ испанскаго рыцарскаго духа и религіознаго энтузіазма въ самомъ крайнемъ и безобразномъ выраженіи ихъ. Бургундскій и австрійскій элементы его крови какъ будто испарились; его одушевлялъ тотъ пылъ, который нѣкогда горѣлъ въ героическіе вѣка въ готскихъ войнахъ Испаніи. Но восторженный поэтическій энтузіазмъ, которымъ отличались поборники креста въ долгихъ войнахъ противъ полумѣсяца, замѣнился въ характерѣ Филиппа узкимъ фанатизмомъ. То, что нѣкогда составляло славу націи, стало позорно въ государѣ. Къ христіанскимъ еретикамъ питали болѣе непримиримую ненависть, чѣмъ къ маврамъ и евреямъ въ самыя фанатическія времена; Филиппъ былъ послѣднимъ и полнѣйшимъ воплощеніемъ этого вѣковаго энтузіазма, этой не умирающей ненависти. Въ этомъ отношеніи онъ всегда былъ чистосердеченъ; всѣ вѣрили, что честолюбіе его жаждетъ не распространять свои владѣнія, а оправдать свой титулъ «католическаго» короля; никто не сомнѣвался, что, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи онъ окажется послушнымъ сыномъ и свято выполнитъ уставы своего отца.

По рожденію, воспитанію и характеру, онъ былъ слишкомъ испанецъ, чтобы быть способнымъ правителемъ страны, которая такъ рѣзко отличалась отъ Испаніи національными чувствами и обычаями. Въ Брюсселѣ Филиппъ былъ болѣе чужой, чѣмъ даже въ Англіи; ему была противна веселая, шумная, энергическая жизнь брабантцевъ и фламандцевъ. Болтливость нидерландцевъ была постояннымъ упрекомъ его молчаливости. Воспитаніе укоренило въ немъ старинную, непримиримую международную ненависть испанцевъ къ фламандцамъ; эта ненависть, изгладившаяся отчасти въ провинціяхъ, въ столицѣ постоянно возрастала. Испанцы не забыли мотовство и развратъ Филиппа Прекраснаго, наглость и алчность его фламандскихъ царедворцевъ, а Филиппъ II не прощалъ дѣду его иностранное происхожденіе. Сумасшедшая бабка его, Іоанна, которая много лѣтъ забавлялась травлею кошекъ въ пустынной башнѣ, куда ее заключили, только-что умерла; ея пышные похороны, торжественно совершенные обоими сыновьями ея, Карломъ въ Брюсселѣ, а Фердинандомъ въ Аугсбургѣ, пробудили въ эту минуту почти забытое прошлое и вызвали воспоминаніе о монархіи кастильской, которую долгое время держалъ въ тѣни блескъ императорскаго престола.

Филиппъ получилъ весьма неполное образованіе. Въ то время, какъ всѣ короли и знатныя лица говорили на нѣсколькихъ языкахъ, онъ не говорилъ ни слова ни на одномъ, кромѣ испанскаго; его познанія во французскомъ и итальянскомъ были весьма слабы, такъ что только впослѣдствіи онъ выучился бѣгло читать на нихъ. Онъ имѣлъ кое-какія свѣдѣнія объ исторіи и географіи, любилъ скульптуру, живопись и архитектуру. Не любить ихъ было неестественно; человѣку, рожденному въ началѣ XVI вѣка, королю Испаніи, Италіи и Нидерландовъ, было мудрено не имѣть въ себѣ хотя искры того огня, который такъ ярко освѣщалъ въ тотъ золотой вѣкъ эти благословенныя страны.

Король велъ правильную жизнь. Слабое здоровье предписывало ему діэту, хотя онъ очень любилъ лакомства и пирожное. Онъ много спалъ и велъ жизнь сидячую, такъ что доктора присовѣтовали ему чаще охотиться.

Филиппъ очень строго соблюдалъ церковные обряды и, какъ монахъ, не пропускалъ ни одной обѣдни, проповѣди и вечерни; многіе очень набожные католики находили это даже неприличнымъ для его сана и возраста. Нѣсколько монаховъ ежедневно проповѣдывали въ назиданіе ему, и онъ любилъ разсуждать съ ними о разныхъ темныхъ богословскихъ вопросахъ. Онъ совѣтовался съ своимъ духовникомъ о малѣйшихъ поступкахъ, заботливо освѣдомляясь, не обременяютъ ли они его совѣсть. При всемъ томъ Филиппъ былъ страшно развратенъ: любимымъ удовольствіемъ его было ходить, переодѣвшись, по ночамъ въ самые грязные притоны и предаваться тамъ грубѣйшему разврату. Въ Брюсселѣ это составляло его единственное развлеченіе среди важныхъ государственныхъ дѣлъ. Онъ не былъ скупъ; полагаютъ даже, что онъ былъ бы щедръ, если бы не встрѣтилъ недостатка въ деньгахъ при вступленіи на престолъ. Во время одной холодной зимы онъ щедрою рукою раздавалъ милостыню брюссельскимъ бѣднымъ. Въ кругу близкихъ лицъ онъ любилъ шутки и хохоталъ во все горло, но въ публикѣ морозилъ веселость своею ледяною важностію. Одѣвался онъ обыкновенно по-испански, носилъ камзолъ на крючкахъ, штаны съ буфами и короткій плащъ; но иногда позволялъ себѣ надѣвать болѣе щегольской французскій или бургундскій костюмъ, камзолъ съ пуговицами и шляпу съ перьями. Сначала его не считали жестокимъ и, выражаясь оффиціальнымъ слогомъ, которымъ обыкновенно разсказываютъ о характерѣ государей, называли его «добрымъ, благодушнымъ и мягкосердечнымъ». Время показало, насколько правды было въ этихъ эпитетахъ.

XXIX. ПРОТЕСТАНТИЗМЪ И ИНКВИЗИЦІЯ ВЪ ИСПАНІИ.

Реформація въ Испаніи.—Протестантскія книги.—Расширеніе власти инквизиціи.—Открытіе протестантовъ.—Аресты.—Auto-da-fe.—Описаніе auto-da-fe въ Вальядолидѣ.—Процессія. — Сцена на площади.—Служба и присяга. —«Примиренные».—Мученики.—Карлосъ де-Сасо.—Доминго де-Рохосъ.—Уничтоженіе ереси въ Испаніи.—Результаты преслѣдованія.

(По соч. Прескотта: «Исторія царствованія Филиппа II», т. IV.)

Прошло немного дней со времени возвращенія Филиппа изъ Нидерландовъ на родину (1559 г.), и оно ознаменовано было потрясающимъ

зрѣлищемъ, которое, къ несчастью Испаніи, можетъ быть названо народнымъ зрѣлищемъ. То было auto-da-fe. Жгли не евревъ, не мавровъ, какъ бывало прежде, а испанцевъ, принявшихъ протестантское ученіе. Реформація тихо и незамѣтно проникла въ Испанію, а извѣстіе объ этомъ было единственной причиной поспѣшнаго отъѣзда короля изъ Нидерландовъ. Непродолжительная и несчастная попытка произвести религіозную реформу въ Испаніи—до такой степени важное событіе, что историкъ не можетъ пройти его молчаніемъ.

Несмотря на свое уединенное положеніе, Испанія во времена Карла V находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ другими государствами Европы и не могла не почувствовать толчка, который потрясъ эти государства до основанія. Она была въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тѣми странами, гдѣ впервые были посѣяны сѣмена реформаціи. Въ XVI столѣтіи въ Испаніи было обыкновеніе отсылать молодыхъ людей въ германскіе университеты; ученые, сопровождавшіе императора, знакомились съ основаніями протестантскаго ученія, уже распространившагося въ Германіи и Фландріи; испанскія войска узнавали о религіозной реформѣ отъ германскихъ наемниковъ, съ которыми такъ часто служили подъ однимъ знаменемъ. Такимъ образомъ проникали въ Испанію шаткія, иногда не совершенно-точныя, мнѣнія и, возбуждая любопытство народа, приготовляли умы къ принятію великихъ истинъ, оживившихъ другія европейскія націи. Люди съ серьознымъ образованіемъ, возвращаясь на родину, находили средства распространять эти истины. Составлялись тайныя общества, учреждались сходки, и на этихъ сходкахъ, среди всевозможныхъ предосторожностей, какъ въ первые дни христіанства, читалось и объяснялось евангеліе, и число слушателей постоянно возрастало. Недостатокъ книгъ составлялъ величайшее затрудненіе; но предпріимчивость нѣсколькихъ самоотверженныхъ друзей протестантизма устранила это затрудненіе.

Вскорѣ въ Испаніи появились кастильскій переводъ библіи, напечатанный въ Германіи, и разныя протестантскія сочиненія, переведенныя съ нѣмецкаго. Экземпляръ подобнаго сочиненія, принадлежавшій частному лицу, случалось, переѣзжалъ безпрепятственно границу Испаніи; но этого было мало. Одинъ испанецъ, по имени Жуанъ Гернандесъ, жившій въ Женевѣ и занимавшій тамъ должность корректора при типографіи, побуждаемый единственно религіозною ревностью, рѣшился доставить въ свое отечество большой запасъ запрещеннаго плода.

Съ необыкновенной ловкостью миновалъ онъ бдительныхъ таможенныхъ чиновниковъ и еще болѣе бдительныхъ шпіоновъ инквизиціи и вывезъ на берегъ двѣ огромныя бочки запрещенныхъ книгъ, которыя тотчасъ же были разсѣяны между членами новой церкви. Другіе послѣдовали примѣру Гернандеса и такъ же успѣшно. Благодаря этимъ книгамъ и вдохновеннымъ проповѣдникамъ, число протестантовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Между ними было гораздо болѣе людей просвѣщенныхъ и пользовавшихся высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что они имѣли возможность посѣщать тѣ страны, гдѣ протестантизмъ проповѣдывался открыто. Такимъ образомъ, протестантская церковь расширилась и благоденствовала—не такъ, конечно, какъ

въ свободной атмосферѣ Германіи или Англіи, но сколько позволялъ тяжелый гнетъ инквизиціи—какъ нѣжное растеніе, поставленное въ тѣни и ожидающее только благопріятнаго времени, чтобы дать цвѣтъ и плодъ. Такого времени не дождалась Испанія!

Читателю можетъ показаться страннымъ, что появленіе и распространеніе реформаціи такъ долго скрывалось отъ взоровъ инквизиціи. Однакожь не подлежитъ сомнѣнію, что испанскіе инквизиторы получили первое извѣстіе объ этомъ отъ своихъ братій, бывшихъ за предѣлами Испаніи. Католическіе священники, находившіеся при Филиппѣ, подозрѣвая нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ въ ереси, донесли на нихъ правительству. Они были арестованы, отправлены въ Испанію и преданы въ руки инквизиціи. По строгомъ изслѣдованіи оказалось, что подсудимые вели долгую переписку съ нѣкоторыми лицами, раздѣлявшими ихъ убѣжденія. Такимъ образомъ было открыто существованіе испанской реформаціи, хотя, впрочемъ, число послѣдователей ея еще не было извѣстно.

Около этого времени, именно въ февралѣ 1558 г., папа Павелъ IV, начавшій преслѣдованіе протестантовъ въ своихъ владѣніяхъ, прислалъ верховному инквизитору грамату, которою повелѣвалъ не щадить усилій въ дѣлѣ преслѣдованія и искорененія возрастающаго зла и уполномочивалъ его судить и предавать казни всѣхъ подозрѣваемыхъ въ ереси, кто бы они ни были — епископы, архіепископы, дворяне, хотя бы короли и императоры.

Испанскій король не обратилъ вниманія на оскорбительный тонъ этого апостольскаго посланія и тотчасъ же издалъ чудовищный законъ, основанный, главнымъ образомъ, на нидерландскихъ эдиктахъ, по которому всѣ читавшіе, покупавшіе и продававшіе запрещенныя книги подвергались сожженію.

Въ январѣ слѣдующаго года Павелъ усилилъ дѣйствительность этого закона буллой, повелѣвавшей, чтобъ священники приказывали своимъ прихожанамъ на исповѣди доносить на тѣ лица, хотя бы и на ближайшихъ своихъ родственниковъ, которыя повинны въ преступленіяхъ, упомянутыхъ въ эдиктахъ Филиппа. Неисполненіе этого повелѣнія грозило священникамъ отлученіемъ отъ церкви. Чтобъ возбудить ревность доносчиковъ, Филиппъ, съ своей стороны, возобновилъ забытый законъ, которымъ четвертая часть имущества обвиненнаго укрѣплялась за обвинителемъ. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ издалъ третью буллу. Онъ уполномочивалъ инквизиторовъ не освобождать тѣхъ изъ кающихся еретиковъ, искренность которыхъ можетъ быть подвержена сомнѣнію. Такимъ образомъ, жизнь и имущество несчастнаго подсудимаго были отданы на произволъ судей, которые находили выгоду въ доказываніи его виновности. Недавніе враги подали другъ другу руки, и между тѣмъ, какъ папа разставлялъ сѣти, король придумывалъ средства, чтобъ загонять въ нихъ добычу.

Въ то время во главѣ инквизиціи стоялъ человѣкъ, совершенно способный къ исполненію этихъ безчеловѣчныхъ эдиктовъ. То былъ Фернандо Вальдесъ, кардиналъ-архіепископъ севильскій, суровый, неумолимый фанатикъ, не уступавшій въ фанатизмѣ самому Торквемадѣ. Вальдесъ тотчасъ привелъ въ дѣйствіе страшную машину, отданную въ его вѣдѣніе. Какъ можно осторожнѣе, чтобъ не пробудить ничьего вниманія, повелъ онъ свои траншеи. И это было нетрудно: онъ былъ главою су-

дилища, окруженнаго непроницаемой таинственностью, дѣйствовавшаго посредствомъ невидимыхъ агентовъ. Онъ долго и молча работалъ, и, когда взорвалъ мину, она поразила всѣхъ враговъ его.

Шпіоны инквизиціи были разсѣяны не только въ Испаніи, но и за ея предѣлами. Они проникали въ общества людей, заподозрѣнныхъ въ ереси, втирались къ нимъ въ довѣренность. Наконецъ, благодаря измѣнничеству однихъ, боязни или религіозному сомнѣнію другихъ, Вальдесъ узналъ, гдѣ сосредоточивались послѣдователи новой религіи и какъ велико число ихъ. Число же ихъ далеко превосходило его ожиданія. Впрочемъ, испанская реформація была страшна не столько многочисленностью своихъ послѣдователей, сколько ихъ характеромъ и общественнымъ положеніемъ. Многіе изъ нихъ принадлежали къ духовенству, обязанному блюсти за чистотою вѣры. Самое большее число протестантовъ было открыто въ Аррагоніи, которая по своему географическому положенію легко могла поддерживать сношенія съ французскими гугенотами въ Севильѣ и въ Вальядолидѣ, гдѣ реформація была распространена нѣсколькими лицами, пользовавшимися извѣстностью.

Лишь только получено было извѣстіе о такомъ состояніи религіозныхъ мнѣній и общій планъ дѣйствій былъ обдуманъ, дано было приказаніе арестовать всѣхъ подозрѣваемыхъ въ ереси. Это распоряженіе какъ громъ упало на головы несчастныхъ жертвъ, до послѣдней минуты не подозрѣвавшихъ опасности. Инквизиція не встрѣтила ни малѣйшаго противодѣйствія. Мужчины и женщины, духовные и свѣтскіе, люди всѣхъ сословій — короче, всѣ, имѣвшіе несчастіе подать самый ничтожный поводъ къ подозрѣнію, были схвачены и заключены въ тайныя инквизиціонныя тюрьмы. Число арестованныхъ было такъ велико, что ихъ негдѣ было помѣщать: монастыри и частные дома превратились въ темницы. Въ Севильѣ въ первый день было арестовано восемьсотъ человѣкъ. Страхъ и усиленная стража уничтожали всякую возможность побѣга.

Этимъ еще не кончилось. Выведенные изъ своихъ мрачныхъ темницъ, поставленные предъ тайнымъ судомъ инквизиціи, одинокіе, лишенные совѣта и помощи, не знающіе даже именъ своихъ обвинителей, не видя никакой возможности защищаться, несчастные подсудимые принуждены были признаваться во всемъ и обвинять другихъ. Показанія ихъ служили основаніемъ для новыхъ поисковъ и арестовъ. Если признаніе подсудимаго почему бы то ни было не нравилось судьямъ, употребляли въ дѣло станокъ, веревку и блоки и, когда всѣ суставы несчастнаго были переломаны, приказывали остановить на-время пытку, такъ какъ эти страданія были свыше силъ человѣческихъ. Такъ мучилъ человѣкъ человѣка во имя Бога и религіи, и все это оставалось глубокой тайной, ибо, если какой нибудь рѣдкій свидѣтель этихъ потрясающихъ сценъ и выходилъ живой, открытіе тайнъ инквизиціи грозило ему неминуемою гибелью.

Прошло восемнадцать мѣсяцевъ со времени перваго ареста. Надъ многими лицами судъ былъ оконченъ, и необходимо было исполнить надъ ними приговоръ, потому что тюрьмы были переполнены арестантами. Вальядолидъ избранъ былъ мѣстомъ перваго auto-da-fe, во-первыхъ, какъ столица, во-вторыхъ, какъ резиденція двора, который своимъ присутствіемъ могъ придать зрѣлищу болѣе торжественности. Въ маѣ 1559 г. регентша Іоанна, юный принцъ астурійскій донъ-Карлосъ, всѣ знатнѣйшіе вель-

можи и придворные были свидѣтелями этого зрѣлища. Знакомя такъ рано наслѣдника престола съ своими дѣйствіями, священное судилище, вѣроятно, имѣло намѣреніе пріобрѣсть такимъ образомъ его расположеніе. Но, мы думаемъ, эти страшныя сцены не могли произвести на юную душу иного дѣйствія, какъ только внушить ей негодованіе и отвращеніе.

Послѣ того въ Гренадѣ, Толедо, Барцелонѣ, Севильѣ, словомъ, во всѣхъ двѣнадцати городахъ, гдѣ находились инквизиціонныя судилища, отпразднованы были auto-da-fe съ такимъ же торжествомъ. Другое auto-da-fe отложено было до прибытія Филиппа. Дѣйствительно, надъ многими лицами приговоръ былъ произнесенъ за нѣсколько мѣсяцевъ до назначеннаго срока, а потому есть основаніе думать, что жизнь ихъ продлили только затѣмъ, чтобъ присутствіе короля придало зрѣлищу болѣе эффекта.

Auto-da-fe — актъ вѣры — было самою назидательною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самою страшною изъ всѣхъ церемоній, утвержденныхъ римско-католической церковью Въ ней нельзя не видѣть оскорбительнаго для христіанскаго чувства смѣшенія римскаго тріумфа съ ужасами страшнаго суда. Она напоминаетъ кровавыя игрища, которыми привѣтствовали цезарей въ Колизеѣ. На религіозную важность этой церемоніи указывало уже и то, что для отправленія ея избиралось обыкновенно воскресенье, или другой какой-либо праздничный день. Сверхъ того, папа объявлялъ сорокадневную индульгенцію всѣмъ присутствовавшимъ при сожженіи несчастныхъ жертвъ, какъ будто бы стремленіе толпы видѣть страданія ближняго требовало поощренія, и особенно въ Испаніи, гдѣ до настоящаго времени не искоренились народныя зрѣлища, отличающіяся кровожадностью.

Мѣстомъ втораго auto-da-fe въ Вальядолидѣ избрана была обширная площадь предъ соборомъ св. Франциска. На одномъ концѣ ея возвышалась платформа, покрытая богатыми коврами, пестрѣвшая разными орнаментами, по которымъ можно было догадаться, что здѣсь будутъ возсѣдать члены священнаго судилища. Возлѣ нея была устроена галлерея для короля и его свиты; посреди площади возвышался обширный эшафотъ, на которомъ несчастные мученики должны были кончить свое земное поприще.

Въ шесть часовъ утра со всѣхъ церквей раздался звонъ колоколовъ, и по улицамъ Вальядолида потянулась торжественная процессія, выступившая изъ инквизиціоннаго замка. За небольшимъ отрядомъ войска, очищавшимъ дорогу, шли обвиненные, сопровождаемые двумя членами инквизиціи и двумя монахами, принуждавшими ихъ отречься отъ своихъ заблужденій. Монахи были облачены въ траурныя ризы, а осужденные—въ широкой мѣшокъ изъ жолтой матеріи, san benito; головы ихъ были покрыты коническими колпаками, сдѣланными изъ папки. На колпакахъ и на платьяхъ изображались адскія муки, ожидающія еретиковъ на томъ свѣтѣ. За ними слѣдовали члены городскаго магистрата, судьи, духовенство, дворяне, ѣхавшіе верхомъ, потомъ члены инквизиціи. Одинъ изъ нихъ несъ красное знамя, на которомъ были нарисованы съ одной стороны аттрибуты власти священнаго судилища, съ другой—изображенія его основателей: Сикста V и Фердинанда Католическаго. Возлѣ находилось множество должностныхъ лицъ, состоявшихъ при инквизиціи. Между ними были дворяне изъ разныхъ провинцій, исполнявшіе обязанность тѣлохранителей и гордившіеся своей службой. Шествіе заключала

несмѣтная толпа народа, жаднаго ко всякаго рода зрѣлищамъ. Въ настоящемъ случаѣ его столько же привлекало желаніе видѣть своего новаго государя, какъ и честь присутствовать при auto-da-fe. Число зрителей, по свидѣтельству современника, въ этотъ день было несравненно больше, чѣмъ обыкновенно: оно простиралось до двухсотъ тысячъ человѣкъ.

Когда процессія вступила на площадь, инквизиторы возсѣли на приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ; осужденныхъ взвели на эшафотъ. Въ галлереѣ помѣстился Филиппъ, окруженный членами своего семейства. Возлѣ него находились принцесса Іоанна, послѣдняя регентша въ Испаніи, сынъ его донъ-Карлосъ, племянникъ Александръ Фарнезе, иностранные посланники, гранды и высшія духовныя особы, бывшія при дворѣ его. Это было блестящее собраніе всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ въ государствѣ.

Но зритель, носившій въ своей груди хоть искру человѣколюбія, долженъ былъ съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія обратить взоръ отъ этой великолѣпной обстановки къ бѣдному страдальцу. И въ этомъ многочисленномъ сборищѣ были люди, раздѣлявшіе такое чувство. Но ихъ было слишкомъ мало въ сравненіи съ тѣми, которые видѣли въ обвиненномъ врага Бога, а въ его мученической смерти—торжество креста.

Церемонія началась тѣмъ, что епископъ Замора произнесъ рѣчь—«рѣчь о вѣрѣ». Содержаніе ея соотвѣтствовало случаю: она была наполнена текстами священнаго писанія и длинными отрывками изъ отцовъ церкви. Когда епископъ кончилъ, всѣ присутствующіе, преклонивъ колѣни, произнесли за великимъ инквизиторомъ клятвенное обѣщаніе защищать инквизицію, хранить чистоту вѣры и не скрывать отступниковъ католицизма. Вслѣдъ затѣмъ Филиппъ повторилъ клятву подобнаго же содержанія и, вставъ съ своего мѣста, обнажилъ мечъ, какъ-бы желая показать, что рѣшился не только словомъ, но и дѣломъ защищать священное судилище. Замѣтить надо, что въ прежнія времена, когда сжигали мавровъ и евреевъ, короли никогда не произносили подобныхъ унизительныхъ клятвъ.

Послѣ того секретарь инквизиціоннаго суда прочиталъ актъ, въ которомъ излагались всѣ обвиненія противъ подсудимыхъ и приговоры суда. Признанные покаявшимися становились на колѣни и, положивъ руку на требникъ, торжественно отрекались отъ своихъ заблужденій, послѣ чего верховный инквизиторъ произносилъ разрѣшеніе грѣховъ. Впрочемъ, разрѣшеніе было далеко не полное: однихъ ожидало вѣчное тюремное заключеніе, а другихъ болѣе или менѣе продолжительное покаяніе, и у всѣхъ были конфискованы имѣнія. Послѣдній пунктъ былъ слишкомъ важенъ для благосостоянія священнаго судилища, и судьи никогда не забывали его. Во многихъ случаяхъ обвиненные и ихъ непосредственные потомки объявлялись неспособными къ занятію какихъ бы то ни было общественныхъ должностей, и имена ихъ заклеймлялись вѣчнымъ безчестіемъ. Люди, лишенные такимъ образомъ имущества и гражданскихъ правъ, на нѣжномъ языкѣ инквизиціи назывались «примиренными».

Когда эти несчастные были отданы подъ стражу и отведены въ тюрьмы, общее вниманіе обратилось къ небольшому числу мучениковъ, одѣтыхъ въ san benito, съ веревкой на шеѣ. Они ожидали приговора, держа въ рукахъ крестъ или опрокинутый факелъ, служившій выраженіемъ ихъ печальной участи. Интересъ зрителей въ настоящемъ случаѣ

возбуждался еще и тѣмъ, что въ числѣ этихъ жертвъ были люди, не только занимавшіе высокія гражданскія должности, но пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, извѣстные своими талантами и добродѣтелью. Въ ихъ дикихъ взорахъ, на ихъ изможденныхъ, страдальческихъ лицахъ, на членахъ, искалѣченныхъ пыткой, можно было прочитать потрясающую исторію мученій, перенесенныхъ ими во время заключенія, длившагося болѣе года. Но на этихъ лицахъ не было замѣтно ни тѣни страха или унынія; напротивъ, въ нихъ виденъ былъ святой энтузіазмъ, твердая рѣшимость запечатлѣть свои убѣжденія страданіями и смертью.

Когда та часть приговора, въ которой излагались обвинительные пункты, была прочитана, верховный инквизиторъ передалъ страдальцевъ въ руки градоначальника, сказавъ, чтобъ съ ними поступали со всею кротостію и милосердіемъ. Эта сладкая, но въ сущности безчеловѣчная фраза не заключала въ себѣ никакого выговора гражданскому сановнику; она означала, что инквизиторъ желаетъ, чтобъ надъ приговоренными былъ исполненъ жестокій законъ, для чего ужъ сдѣланы были всѣ приготовленія за недѣлю передъ тѣмъ.

Изъ тридцати человѣкъ, приговоренныхъ въ этотъ день, шестнадцать были примирены, остальные нашли успокоеніе въ рукахъ свѣтской власти, то-есть преданы городскому магистрату для исполненія надъ ними приговора. Но они согласились исповѣдаться передъ смертію, вслѣдствіе чего страданія ихъ были облегчены: они были задушены посредствомъ желѣзнаго ошейника (garrote) и потомъ брошены на костеръ. Только двое изъ нихъ и въ виду костровъ сохранили непоколебимую твердость, отказавшись отъ всякихъ снисхожденій. Имена ихъ записаны на страницахъ исторіи.

Одинъ изъ нихъ донъ-Карлосъ де-Сасо, флорентійскій дворянинъ, нѣкогда пользовавшійся благосклонностью Карла V. Женившись на испанкѣ, де-Сасо переѣхалъ въ Испанію и жилъ постоянно въ Вальядолидѣ. Отступивъ отъ католицизма и склонивъ свое семейство къ принятію лютеранскаго ученія, онъ началъ ревностно распространять его между жителями столицы. Короче, это былъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и неутомимыхъ тружениковъ въ дѣлѣ распространенія новой религіи и потому прежде другихъ сдѣлался извѣстнымъ инквизиціи.

Пятнадцать мѣсяцевъ томился онъ въ тюрьмѣ и въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ не лишился твердости духа. Въ ночь наканунѣ его смерти ему прочитали приговоръ суда. Де-Сасо потребовалъ, чтобъ ему позволили писать. Ему позволили, воображая, что онъ намѣренъ умилостивить судей признаніемъ всѣхъ своихъ заблужденій. Но онъ написалъ другаго рода признаніе: онъ смѣло обличалъ злоупотребленія и заблужденія католической церкви, высказывая въ то же время рѣшительное убѣжденіе въ истинности протестантскаго ученія. Когда его вели на костеръ, онъ остановился возлѣ королевской галлереи и, обратясь къ Филиппу, грустно воскликнулъ: «Зачѣмъ ты мучишь своихъ невинныхъ подданныхъ?»—«Еслибъ мой сынъ былъ еретикъ, я самъ сложилъ бы костеръ, чтобъ сжечь его!» отвѣчалъ король.

Глубоко убѣжденный въ истинѣ великаго дѣла, за которое переносилъ страданія, де-Сасо даже на кострѣ не упалъ духомъ. Когда пламя, медленно подымаясь, начало охватывать его члены, онъ, чтобъ ускорить смерть, приказалъ стоявшимъ возлѣ него солдатамъ подбросить больше хвороста. Солдаты исполнили послѣднюю волю погибающаго героя.

Другой былъ Доминго де-Рохосъ, сынъ маркиза Позы, который видѣлъ смерть пяти членовъ своего семейства, включая и старшаго сына, присужденнаго инквизиціей за еретическія мнѣнія къ унизительному покаянію. Де-Рохосъ былъ доминиканецъ. Замѣчательно, что въ этомъ орденѣ, доставлявшемъ инквизиціи самыхъ дѣятельныхъ членовъ, нашлось значительное число послѣдователей протестантскаго ученія. Де-Рохосъ былъ возведенъ на эшафотъ въ монашеской рясѣ. Когда прочитали приговоръ, ряса была снята, и среди громкаго смѣха и восклицаній толпы на него надѣли san benito. Наряженный такимъ образомъ, де-Рохосъ обратился къ зрителямъ, толпившимся вокругъ эшафота, и началъ громкимъ голосомъ рѣчь противъ изувѣрства и жестокости Рима; но Филиппъ въ негодованіи остановилъ его, приказавъ зажать ему ротъ. Приказаніе было въ точности исполнено: ему надѣли gag, кусокъ надколотаго дерева, который, причиняя страшную боль, лишалъ въ то же время возможности говорить. Это орудіе пытки, противъ обыкновенія, оставлено было въ устахъ страдальца даже и тогда, когда его ввели на костеръ: какъ будто бы враги его опасались, чтобы сила краснорѣчія не восторжествовала и надъ самой смертію.

Quemadeto—мѣсто сожженія, какъ тогда говорили, было избрано внѣ городской стѣны. Филиппъ рѣшился выразить свою совершенную преданность инквизиціи, оставшись до конца этой потрясающей драмы. Прибывъ на мѣсто казни, тѣлохранители короля смѣшались съ толпою инквизиціонныхъ служителей и стали собирать въ кучи хворостъ, заранѣе приготовленный.

Такое страшное зрѣлище, прикрытое маской религіозной ревности было, по мнѣнію современниковъ Филиппа, самымъ приличнымъ церемоніаломъ для встрѣчи католическаго монарха, возвращающагося въ свои владѣнія. И въ продолженіе всей этой церемоніи, съ шести часовъ утра до двухъ по полудни, зрители не выразили ни малѣйшаго признака нетерпѣнія и ни малѣйшаго сочувствія къ страданіямъ своихъ ближнихъ. Трудно было бы придумать лучшее средство къ извращенію всѣхъ понятій о нравственности и истребленію въ народѣ всякаго чувства.

Между тѣмъ, костры, зажженные инквизиціей, яростно пылали по всей странѣ. Въ 1570 году были сожжены послѣдніе протестанты. Съ этого времени жертвами инквизиціи сдѣлались евреи и магометане, и если въ спискахъ казненныхъ попадается иногда имя протестанта, то это такое же случайное явленіе, «какъ уцѣлѣвшій колосъ на сжатой нивѣ».

Никогда преслѣдованіе не было такимъ всеобщимъ и такимъ успѣшнымъ. Говорятъ обыкновенно, что кровь мучениковъ взростила сѣмена новой церкви—но только не въ Испаніи. Дикая злоба преслѣдователей до конца истребила испанскихъ протестантовъ, подобно тому какъ въ XIII столѣтіи были истреблены альбигойцы. Здѣсь выжжено было все живое, такъ что для будущаго не осталось ни одного зерна. Филиппъ могъ быть убѣжденъ, что на Пиренейскомъ полуостровѣ нѣтъ поборниковъ Лютера. Но какой дорогой цѣной было куплено это убѣжденіе! Онъ не только пожертвовалъ жизнію нѣсколькихъ тысячъ своихъ подданныхъ, но приготовилъ несчастную участь и для будущихъ поколѣній. Инквизиція удалила Испанію отъ умственнаго движенія остальной Европы и скрыла все, что было выработано другими народами въ сферѣ науки. Геній народа изнемогъ подъ вліяніемъ злобнаго, никогда не смежавша-

гося взора, подъ невидимымъ оружіемъ, всегда готовымъ пасть на голову каждаго испанца.

Для испанца, лишеннаго права мыслить, закрылся путь, ведущій въ область науки, гдѣ главное условіе—движеніе впередъ, гдѣ прошлое служитъ назиданіемъ для будущаго, гдѣ старое заблужденіе падаетъ предъ новой истиной. Въ Испаніи не стало ничего, кромѣ обломковъ прошедшаго; тамъ старая ложь пріобрѣла права истины потому, что она стара; тамъ реформа сдѣлалась невозможною потому, что всякая реформа есть преступленіе. Инквизиція провела черту и сказала: «ни шагу далѣе!» и Испанія остановилась на той степени развитія, на которой застали ее эти грозныя слова.

XXIX. Состояніе Нидерландовъ при Карлѣ V и при вступленіи на престолъ Филиппа II.

(Изъ соч. Прескотта: «Исторія царствованія Филиппа II», ч. I).

При вступленіи на престолъ Филиппа II, около половины XVI столѣтія, Нидерланды, или Фландрія, какъ называли эту страну, состояли изъ семнадцати провинцій, занимавшихъ территорію нынѣшнихъ королевствъ Голландскаго и Бельгійскаго, съ небольшой частью земель, лежащихъ нынѣ внѣ ихъ предѣловъ. Эти провинціи издревле были совершенно независимыми государствами. Система управленія и учрежденія въ нихъ были почти одинаковы и отличались тѣмъ, что предоставляли гражданамъ такія преимущества, какими не пользовался тогда ни одинъ народъ въ христіанскомъ мірѣ. Такъ, напр., подати могли быть налагаемы не иначе, какъ съ согласія собранія, состоявшаго изъ духовенства, дворянства и городскихъ представителей. Иностранцы и даже уроженцы другихъ провинцій не допускались къ государственнымъ должностямъ.

Вообще Нидерланды въ средніе вѣка, по своему политическому устройству, превосходили всѣ другія государства Европы. Этому способствовалъ характеръ народа, или, вѣрнѣе, тѣ исключительныя обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ образовался этотъ характеръ. Занимая пространство земли, подверженное постояннымъ вторженіямъ океана, фламандцы принуждены были вести непрерывную борьбу со стихіями и рано свыклись съ опасностями. Фламандскіе моряки пускались въ дальнія путешествія по невѣдомымъ морямъ и прославились своей неустрашимостью. Обширная торговля расширяла кругъ наблюденія и опыта. Смѣлость и самостоятельность древняго фламандца соединялись съ необыкновенной предпріимчивостью и съ такимъ обширнымъ и основательнымъ взглядомъ на вещи, что онъ могъ принять участіе въ рѣшеніи вопросовъ, касавшихся цѣлаго государства. Возникали города и села; въ нихъ кипѣла самая оживленная торговая дѣятельность; богатство текло къ нимъ ручьями. Помощь, которую эти маленькія общества могли доставлять своимъ государямъ, дала имъ возможность вытребовать отъ нихъ важныя политическія привилегіи, составляющія основаніе гражданской независимости.

Такое положеніе дѣлъ могло скорѣе содѣйствовать разъединенію про-

винцій, нежели сліянію ихъ въ одно политическое цѣлое. Сверхъ того, онѣ были населены разными племенами, говорившими на разныхъ языкахъ: въ однѣхъ провинціяхъ говорили по-французски, въ другихъ господствовало нарѣчіе языка германскаго. Все это возбуждало между ними соперничество, а иногда вовлекало ихъ и въ открытую войну. Слѣдствія этой вражды продолжались даже и послѣ того, какъ исчезли причины, и поддерживали разъединеніе, такъ что, когда въ XV вѣкѣ бо̀льшая часть нидерландскихъ провинцій соединилась подъ управленіемъ бургундскихъ герцоговъ, сліяніе ихъ въ одинъ народъ оказалось невозможнымъ. Даже Карлъ V, несмотря на всю свою силу и вліяніе, принужденъ былъ отказаться отъ мысли скрѣпить отдѣльныя государства въ одну монархію и ограничился тѣмъ, что былъ признанъ главою республики, или, говоря точнѣе, конфедераціи республикъ. Это, конечно, не слишкомъ нравилось испанскому деспоту.

Впрочемъ, послѣ того, какъ Нидерланды признали надъ собою власть одного государя, явились нѣкоторыя гражданскія учрежденія, которыя должны были способствовать сліянію провинцій. Такъ, сверхъ судилищъ, находившихся въ каждой провинціи, въ Мехельнѣ учреждено было верховное судилище, принимавшее апелляціи на первыя. Точно также, независимо отъ законодательныхъ собраній, существовавшихъ во всѣхъ республикахъ, духовенство, дворянство и представители городовъ изъ всѣхъ провинцій составляли генеральные штаты. Въ этомъ собраніи, которое, впрочемъ, созывалось очень рѣдко, разсматривались вопросы, касавшіеся всей конфедераціи. Но оно не имѣло законодательной власти, и вся его дѣятельность ограничивалась представленіемъ прошеній объ уничтоженіи существующихъ злоупотребленій. Оно не могло рѣшать вопросовъ о податяхъ безъ согласія провинціальныхъ собраній. Такая форма правленія замедляла дѣйствія исполнительной власти и не допускала той быстроты и энергіи, которыхъ требуютъ военныя предпріятія. Но если она не соглашалась съ характеромъ Карла V, зато какъ нельзя лучше шла къ характеру народа и вполнѣ удовлетворяла условіямъ мира. Фламандцы не питали честолюбивыхъ замысловъ: мирными занятіями достигли они благоденствія и только миромъ, а не войною старались его поддерживать.

Въ теченіе долгаго управленія бургундскихъ герцоговъ, и особенно во времена Карла V, Нидерланды испытали на себѣ вліяніе тѣхъ событій, которыя во всѣхъ другихъ государствахъ Европы утвердили систему централизаціи и разрушили феодализмъ. Такимъ образомъ, государи пріобрѣли право избирать высшихъ духовныхъ сановниковъ, иногда назначали судей въ провинціальные суды, и верховный трибуналъ мехельнскій находился въ такой зависимости отъ нихъ, что всѣ его члены назначались отъ короны и получали отъ нея жалованье. Власть государя распространилась такъ далеко, что онъ нерѣдко вмѣшивался въ выборы членовъ магистрата, несмотря на то, что независимостью въ этомъ дѣлѣ фламандцы наиболѣе дорожили. Что касается дворянъ, то такой государь, какъ Карлъ V, открывшій имъ обширное военное поприще, долженъ былъ пріобрѣсти огромное вліяніе.

Характеръ и исключительное положеніе Карла V способствовали еще большему расширенію верховной власти. Онъ былъ фламандецъ по рожденію, по наклонностямъ, по образу жизни. Первые дѣтскіе годы свои

провелъ онъ въ Нидерландахъ и любилъ возвращаться на родину, лишь только позволяли обстоятельства: тамъ искалъ онъ отдыха отъ трудовъ и отъ торжественной церемоніальности кастильскаго двора. За это предпочтеніе фламандцы платили своему государю самой искренней привязанностью.

Но были и другія, болѣе существенныя причины, порождавшія въ нихъ глубокое чувство благодарности къ императору. Не только въ Нидерландахъ, но даже и въ Испаніи высшія должности занимали фламандцы. Нидерландская пѣхота и кавалерія, дѣлившія съ Карломъ военную славу, считались лучшимъ войскомъ въ его арміи. Обширность его владѣній, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ земнаго шара, распространила торговлю Нидерландовъ, и Карлъ, несмотря на то, что иногда прибѣгалъ къ насильственнымъ и жестокимъ мѣрамъ, былъ столько благоразуменъ, что щадилъ матеріальные интересы страны, доставлявшей ему громадныя средства. Въ его время промышленность и торговля Нидерландовъ развивались совершенно свободно. Вся страна была усѣяна обширными и цвѣтущими городами: около половины XVI столѣтія тамъ насчитывали до трехъ сотъ большихъ городовъ, а меньшихъ — болѣе шести тысячъ трехсотъ. Эти города не служили убѣжищемъ для монаховъ и нищихъ, какъ въ другихъ континентальныхъ государствахъ: въ нихъ обитало дѣятельное, трудолюбивое населеніе. Въ Нидерландахъ не было людей, питавшихся подаяніемъ. Въ то время въ Гентѣ считалось 70,000 жителей, въ Брюсселѣ 75,000, въ Антверпенѣ 100,000; около того же времени народонаселеніе Лондона не превышало 150,000 человѣкъ.

Вся страна была прорѣзана безчисленными каналами, которые были снабжены шлюзами и служили къ оплодотворенію почвы; они и въ настоящее время обращаютъ на себя общее вниманіе, а въ половинѣ XVI вѣка не имѣли ничего себѣ равнаго ни въ одномъ государствѣ Европы, исключая южную Испанію, гдѣ подобныя сооруженія остались отъ мавровъ. Промышленный духъ народа выразился въ развитіи механическихъ искусствъ и въ необыкновенной изобрѣтательности, которая можетъ составить характеристику фламандцевъ. Въ каждомъ важнѣйшемъ городѣ процвѣтала преимущественно одна какая нибудь отрасль промышленности: Лиль славился шерстяными матеріями, Брюссель — шпалерами и коврами, Валансьенъ — камлотомъ; города Голландіи и Зеландіи доставляли сыръ, масло и соленую рыбу. Всѣ эти продукты, равно какъ и фабричныя издѣлія, привозились обыкновенно два раза въ годъ на рынки большихъ городовъ, гдѣ собиралось несмѣтное множество туземныхъ жителей и иностранцевъ.

Въ XIII и XIV столѣтіяхъ фламандцы вывозили изъ Англіи огромное количество шерсти для выдѣлки матерій; но современемъ эмигранты перенесли въ Англію этотъ родъ мануфактурной промышленности, и въ царствованіе Филиппа II Англія ежегодно отсылала въ Нидерланды шерстяныхъ матерій почти на пять милліоновъ кронъ. Уже по этой цифрѣ можно судить объ обширности нидерландской торговли въ XVI столѣтіи.

Но торговыя сношенія фламандцевъ не ограничивались сосѣдними государствами: они распространялись почти по всему земному шару. Съ ранняго дѣтства житель Нидерландовъ привыкалъ къ борьбѣ съ волнами, и волны становились его природной стихіей. «Насколько природа стѣснила ихъ владѣнія на сушѣ, восклицаетъ одинъ изъ современныхъ пи-

сателей, настолько они распространили ихъ на водѣ». Дѣйствительно, нидерландскіе корабли можно было встрѣтить на всѣхъ моряхъ: они плавали по Средиземному морю, проникали въ Понтъ Эвксинскій, соперничали съ венеціанцами и генуэзцами, оспаривали первенство у англичанъ и даже у испанцевъ на всѣхъ моряхъ въ открытомъ океанѣ.

Богатство, которое, благодаря этой обширной торговлѣ, стекалось въ государство, скоро выразилось въ роскоши главнѣйшихъ городовъ. Первое мѣсто между ними, безспорно, принадлежало Антверпену, который въ XVI вѣкѣ имѣлъ для Нидерландовъ такое же значеніе, какъ Брюгге въ XV, то-есть онъ былъ коммерческой метрополіей. У его набережныхъ могли нагружаться вдругъ двѣсти пятьдесятъ кораблей; въ его ворота ежедневно проѣзжало двѣ тысячи нагруженныхъ телѣгъ изъ Франціи, Германіи и Лотарингіи, и въ то же время у береговъ Шельды тѣснилось множество кораблей, прибывшихъ съ разныхъ концовъ свѣта.

Какъ Антверпенъ, такъ и другіе города въ Брабантѣ пользовались разными политическими привилегіями, что привлекало туда множество иноземцевъ. Разсказываютъ, будто въ Брабантъ пріѣзжали беременныя женщины изъ другихъ частей Нидерландовъ, чтобы дѣти ихъ имѣли право пользоваться льготами, дарованными жителямъ этой провинціи, которые очень дорожили ими и, присягая новому государю, всегда объявляли, что нарушеніе привилегій освобождаетъ ихъ отъ присяги.

Подъ покровъ этихъ муниципальныхъ правъ въ Антверпенъ стекалось множество иностранцевъ. Здѣсь, кромѣ англійской факторіи, находились многія компаніи: итальянская, португальская, ганзейскихъ городовъ, наконецъ, турецкая, поддерживавшая торговлю съ Левантомъ. Здѣсь же производилась обширная мѣновая торговля. Короче, Антверпенъ былъ банкирскимъ домомъ Европы; капиталисты, Ротшильды того времени, входившіе въ сношенія съ вѣнценосцами, селились въ Антверпенѣ, который для Европы XVI вѣка былъ тѣмъ же, чѣмъ теперь Лондонъ, — центромъ торговыхъ операцій.

Въ 1531 году въ Антверпенѣ была выстроена биржа — великолѣпнѣйшее зданіе, какого до того времени нигдѣ не видывали. Городъ былъ наполненъ прекрасными зданіями. Громаднѣйшее изъ нихъ—каѳедральный соборъ—сгорѣло вскорѣ послѣ открытія биржи, но было возобновлено и до настоящаго времени остается удивительнымъ памятникомъ тогдашняго искусства. Позднѣе эти стѣны были украшены безсмертными произведеніями Рубенса и его учениковъ, которые поставили фламандскую школу въ уровень съ величайшими итальянскими живописцами.

Быстро увеличившееся богатство города стало замѣтно въ образѣ жизни его гражданъ. Антверпенское купечество состязалось въ великолѣпіи одежды и роскоши жилищъ съ высшимъ дворянствомъ другихъ государствъ. Это отражалось на среднемъ сословіи; даже люди, занимавшіе въ обществѣ самыя скромныя мѣста, пользовались удобствами, приближавшимися къ роскоши и обращавшими на себя вниманіе иноземцевъ. Одинъ современный итальянскій писатель съ особеннымъ удовольствіемъ говоритъ о порядкѣ и опрятности, господствовавшихъ въ ихъ домахъ, и удивляется, что женщины не только исполняютъ лежащія на нихъ домашнія обязанности, но даже могутъ вести такія дѣла, которыя обыкновенно предоставляются мущинамъ.

Низшій классъ народа, находившійся тогда во всей Европѣ въ са-

момъ жалкомъ состояніи, чувствовалъ на себѣ вліяніе этого общаго благосостоянія и соединенныхъ съ нимъ успѣховъ цивилизаціи. Рѣдко можно было встрѣтить, говоритъ современникъ, человѣка, незнакомаго съ начальными основаніями грамматики: почти каждый крестьянинъ умѣлъ читать и писать. Это было въ то время, когда въ другихъ странахъ Европы грамотность не была общимъ достояніемъ даже высшаго сословія.

Очень естественно, что, при такихъ условіяхъ, фламандцы не могли оставаться безучастными зрителями великой религіозной реформы, возникшей въ Германіи и быстро распространившейся по всему христіанскому міру. Близкое сосѣдство съ Германіей и торговыя сношенія съ другими народами способствовали ихъ знакомству съ началами протестантизма. Иностранцы, жившіе въ Нидерландахъ, швейцарскіе и германскіе наемники, долго остававшіеся въ провинціяхъ, разсѣвали въ народѣ сѣмена новаго ученія; наконецъ, фламандское дворянство имѣло обыкновеніе отправлять молодыхъ людей въ Женеву учиться и такимъ образомъ доставляло имъ средства слышать новую проповѣдь изъ устъ самихъ реформаторовъ. Сѣмена реформаціи были разсѣяны по всей странѣ и глубоко пустили корни въ эту хорошо подготовленную почву. Флегматическій характеръ жителей сѣверныхъ провинцій особенно располагалъ ихъ къ принятію новой религіи и противился вліянію католицизма, который, съ своей великолѣпной обстановкой, дѣйствующей на страсти, лучше шелъ къ подвижному характеру и живому воображенію южныхъ народовъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, Карлъ, проведшій всю свою жизнь въ войнѣ съ германскими протестантами, не могъ терпѣливо смотрѣть на распространеніе ихъ ненавистной ереси въ его собственныхъ владѣніяхъ. Онъ боялся этого нововведенія, какъ ревностный католикъ и какъ государь. Опытъ доказалъ, что свободное обсужденіе вопросовъ религіи приводило къ такому же свободному изслѣдованію политическихъ злоупотребленій, и что реформаторы считали свое дѣло неконченнымъ, если осталось еще что нибудь требующее преобразованія не только въ церкви, но и въ государствѣ. Карлъ, руководимый инстинктомъ испанскаго деспота, сталъ отыскивать средства въ самовластіи, къ которому уже не разъ прибѣгалъ.

Въ мартѣ 1520 года издалъ онъ варварскій эдиктъ противъ протестантовъ. За нимъ послѣдовало еще нѣсколько написанныхъ въ такомъ же духѣ и возобновлявшихся время отъ времени въ теченіе его царствованія. Послѣдній явился въ сентябрѣ 1550 года. Такъ какъ этотъ эдиктъ отмѣнялъ всѣ предшествовавшіе эдикты, съ которыми, впрочемъ, не различался по существу своему, и такъ какъ онъ послужилъ впослѣдствіи основаніемъ законодательству Филиппа, то мы считаемъ не лишнимъ представить читателю его главныя положенія.

Этимъ эдиктомъ, или «объявленіемъ», какъ ихъ тогда называли, Карлъ объявилъ всѣхъ обличенныхъ въ ереси преступниками, подлежащими смертной казни—«на эшафотѣ, въ ямѣ, или на кострѣ», другими словами, отсѣченію головы, сожженію, или погребенію заживо. Такимъ же жестокимъ наказаніямъ эдиктъ подвергалъ всѣхъ продававшихъ, переписывавшихъ и покупавшихъ протестантскія сочиненія; всѣхъ присутствовавшихъ на сходкахъ, или открывавшихъ для нихъ свои дома, всѣхъ публично или частнымъ образомъ споривших о св. писаніи, наконецъ,

всѣхъ проповѣдывавшихъ или защищавшихъ ученіе протестантовъ. Имѣнія казненныхъ должны быть конфискуемы и отдаваемы тѣмъ, кто доносилъ на нихъ. Лицо, заподозрѣнное въ ереси, лишалось права дарить или продавать свою собственность и располагать ею въ духовномъ завѣщаніи. Наконецъ, судебнымъ мѣстамъ было строго подтверждено не оказывать ни малѣйшаго снисхожденія, и друзья подсудимаго, домогавшіеся прощенія или смягченія приговора, подвергались наказанію.

Чтобы дать этимъ законамъ возможно-обширный кругъ дѣйствія, Карлъ положилъ основаніе новому учрежденію, напоминавшему инквизицію, съ которой онъ хорошо познакомился въ Испаніи. Прежній наставникъ его, папа Адріанъ VI, назначилъ верховнаго инквизитора, съ правомъ допрашивать людей, обвиненныхъ въ ереси, заключать ихъ въ тюрьмы, подвергать пыткѣ, конфисковать ихъ имущества, наконецъ, ссылать и казнить. Этой страшной властью, по словамъ буллы, должно быть облечено свѣтское лицо, извѣстный юристъ и непремѣнно членъ брабантскаго совѣта. Но верховный инквизиторъ такъ ревностно началъ исполнять свою обязанность, что возбудилъ негодованіе своихъ соотечественниковъ и вскорѣ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ.

На мѣсто бѣжавшаго, папа другой буллой опредѣлилъ четырехъ инквизиторовъ, которые избирались изъ бѣлаго духовенства, а не изъ доминиканскаго ордена, какъ въ Испаніи. Всѣ должностныя лица обязаны были содѣйствовать имъ въ отъисканіи приверженцевъ протестантизма, которые должны были содержаться въ общественныхъ тюрьмахъ.

Повидимому, замѣна одного инквизитора четырьмя не могла измѣнить положенія народа, но, въ сущности, онъ выигралъ очень много. Рѣшительное возстаніе противъ верховнаго инквизитора, дѣйствовавшаго вопреки конституціи, принудило Карла удерживать новыхъ инквизиторовъ въ предѣлахъ закона. Въ теченіе двадцати лѣтъ степень ихъ власти, кажется, не была точно опредѣлена; но въ 1546 году Карлъ объявилъ, что инквизиторъ не имѣетъ права объявить своего приговора, если приговоръ не утвержденъ совѣтомъ провинціи. Такимъ образомъ, нидерландцы могли быть увѣрены, что эти варварскіе законы будутъ приводиться въ исполненіе народными судилищами.

Таковы были мѣры, принятыя Карломъ къ истребленію протестантизма въ Нидерландахъ. Новое учрежденіе, несмотря на названіе инквизиторовъ, вовсе не походило на страшную испанскую инквизицію, съ которой его нерѣдко смѣшиваютъ. Священное судилище представляло обширную и сложную машину, искусно приспособленную къ кастильскимъ учрежденіямъ. Можно сказать, оно составляло часть правительства. Хотя первоначальное назначеніе инквизиціи было довольно ограниченно, однакожъ съ теченіемъ времени она сдѣлалась такимъ же грознымъ орудіемъ въ дѣлѣ политики, какъ и въ дѣлахъ религіозныхъ. Всякій инквизиторъ пользовался такой обширной властью, что самъ король трепеталъ передъ нею; въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть его даже превышала королевскую. Инквизиціонныя судилища, помѣщавшіяся въ громадныхъ зданіяхъ, были разсѣяны по всей странѣ, и судъ въ нихъ производился съ торжественностью, свойственной гражданскимъ трибуналамъ. Во всѣхъ значительныхъ городахъ воздвигались гигантскія тюрьмы, похожія на неприступныя крѣпости; при нихъ находились толпы чиновниковъ и служителей, обязанныхъ исполнять велѣнія судей. Гордые испанскіе дво-

ряне считали за честь занимать какую нибудь должность въ священномъ судилищѣ. Внѣшняя торжественность и непроницаемая таинственность, устрашающая воображеніе, вооружали эти суды какой-то сверхъестественной силой. Человѣкъ исчезалъ съ лица земли, и никто не зналъ, гдѣ онъ; спустя нѣкоторое время, онъ снова являлся, но уже въ роковомъ платьѣ san benito, въ трагической сценѣ auto-da-fe... Эти сцены, соперничавшія въ великолѣпіи съ тріумфами древняго Рима и превосходившія ихъ мистической важностью церемоніи, были торжествомъ инквизиціи. Онѣ возбуждали энтузіазмъ испанцевъ, которые, въ своемъ фанатическомъ увлеченіи, воображали, что эти жертвоприношенія пріятны Богу. Инквизиція не противорѣчила характеру испанцевъ; потому-то въ Испаніи она и разрослась въ такіе громадные размѣры.

Но она была совершенно противна духу нидерландцевъ, развившихся несравненно самостоятельнѣе, привыкшихъ къ независимости и считавшихъ свободу мысли своимъ неотъемлемымъ, естественнымъ правомъ, и введеніе ненавистныхъ испанскихъ обычаевъ, какъ посягательство на это право, встрѣчено было проклятіемъ. Здѣсь инквизиція не могла войти въ систему государственныхъ учрежденій, навсегда осталась болѣзненнымъ прививкомъ къ здоровому дереву, не приносила никакихъ плодовъ и, рано или поздно, должна была погибнуть.

А между тѣмъ она дѣлала свое дѣло: по словамъ современниковъ, въ царствованіе Карла V пятьдесятъ тысячъ фламандцевъ погибли отъ руки палача за религіозныя мнѣнія. Эту чудовищную цифру повторяютъ всѣ историки, почти съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея точности и безъ всякаго желанія повѣрить ее—одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, какъ легко люди принимаютъ самые страшные результаты, особенно когда эти результаты сводятся въ цифру.

Въ настоящемъ случаѣ нетрудно найти опроверженіе. Лоренто, знаменитый секретарь инквизиціоннаго судилища, котораго нельзя обвинить въ желаніи уменьшить число жертвъ инквизиціи, утверждаетъ, что въ первыя восемнадцать лѣтъ послѣ учрежденія священнаго судилища въ Кастиліи, то-есть въ періодъ самой энергической его дѣятельности, было казнено около десяти тысячъ человѣкъ. Нужно припомнить, что преслѣдованіе было тогда направлено преимущественно на евреевъ—на это злополучное племя, отъ котораго каждый набожный католикъ желалъ очистить свою страну огнемъ и мечемъ. Едва ли можно повѣрить, чтобы въ такой странѣ, какъ Нидерланды, въ теченіе сорока лѣтъ погибло въ пять разъ болѣе,—въ Нидерландахъ, гдѣ на подобныя преслѣдованія смотрѣли не какъ на торжество креста, а какъ на прямое нарушеніе правъ народа. Мы смѣло можемъ сказать, что такое множество мучениковъ вѣры произвело бы рѣшительное возстаніе, которое сокрушило бы могущество Карла, и Филиппъ, вѣроятно, наслѣдовалъ бы отъ отца гораздо меньшую часть Нидерландовъ, чѣмъ та, которую оставилъ своему сыну.

Частое возобновленіе эдиктовъ—а они возобновлялись десять разъ въ теченіе царствованія Карла—достаточно доказываетъ, что дѣятельность инквизиціи была неудовлетворительная. Въ нѣкоторыя провинціи, какъ, напр., въ Люксембургъ и въ Гренингенъ, ея вовсе не вводили. Смѣлое противодѣйствіе Брабанта, видѣвшаго, что его торговля, и особенно торговля Антверпена, столицы Брабанта, должна пострадать отъ этого нововведенія, принудило Карла смягчить свои эдикты и совер-

шенно уничтожить названіе «инквизиторъ». Нанести вредъ торговлѣ значило возбудить негодованіе народа, а Карлъ вовсе не желалъ прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Онъ былъ слишкомъ благоразуменъ, извлекалъ слишкомъ большія выгоды изъ благосостоянія своихъ подданныхъ, и потому нельзя думать, чтобы онъ намѣренно разорялъ ихъ, даже ради католицизма. Въ этомъ заключается различіе между нимъ и Филиппомъ.

Несмотря на случайныя злоупотребленія власти, на неуваженіе къ гражданскимъ правамъ подданныхъ, правленіе Карла, какъ мы сказали выше, было благодѣтельно для ихъ торговыхъ интересовъ; зато Нидерланды доставляли ему громадныя средства, необходимыя для исполненія его честолюбивыхъ замысловъ. По свидѣтельству одного современника, Нидерланды въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ заплатили Карлу двадцать четыре милліона червонцевъ, и вся эта сумма была употреблена на такія предпріятія, которыя не принесли фламандцамъ ни малѣйшей выгоды. Доходами нидерландскими была покрыта бо̀льшая часть издержекъ во время войны, начавшейся по вступленіи на престолъ Филиппа. «Здѣсь», восклицаетъ венеціанскій посланникъ Соріано «заключаются дѣйствительныя сокровища испанскаго короля; здѣсь его неистощимые рудники, его Индія, доставившая Карлу средства вести войну съ Франціей, Германіей и Италіей, сохранять цѣлость и достоинство своей монархіи».

Таково было состояніе Нидерландовъ въ то время, когда Карлъ V передалъ правленіе въ руки Филиппа II. Обширныя равнины изобиловали сырыми произведеніями; города были населены искусными ремесленниками; корабли фламандцевъ плавали по всѣмъ морямъ и приносили въ отечество драгоцѣнныя произведенія всѣхъ странъ. Народъ нидерландскій «наслаждался такимъ обиліемъ во всемъ», говоритъ одинъ иностранецъ, видѣвшій его благосостояніе, «что не было человѣка, который не казался бы богатымъ въ своемъ даже самомъ скромномъ положеніи». При такомъ развитіи матеріальныхъ средствъ, пытливый умъ фламандцевъ естественно обратился къ великимъ религіознымъ вопросамъ, волновавшимъ сосѣднія государства—Германію и Францію. Всѣ усилія Карла подавить эту пытливость были тщетны, и въ послѣдній годъ своего царствованія онъ съ горестью увидѣлъ, что старанія его остановить распространеніе ереси въ Нидерландахъ были совершенно безполезны. Счастливъ былъ бы его наслѣдникъ, еслибъ воспользовался этимъ примѣромъ и замѣнилъ безполезную систему преслѣдованія кроткими мѣрами! Но кроткость была не въ характерѣ Филиппа.

XXX. СИСТЕМА УПРАВЛЕНІЯ ФИЛИППА ВЪ НИДЕРЛАНДАХЪ И ВЫЗВАННАЯ ЕЮ ОППОЗИЦІЯ.

(*Изъ соч. Прескотта: «Исторія царствованія Филиппа II», ч. I*).

Филиппъ не былъ совершенно неизвѣстенъ нидерландцамъ. Еще юношей пріѣзжалъ онъ въ Нидерланды и былъ представленъ будущимъ своимъ подданнымъ. При этомъ случаѣ онъ произвелъ на народъ самое невыгодное впечатлѣніе своею непроницаемой скрытностью и сосредоточенностью, составлявшими рѣзкую противоположность съ общежительностью Карла и принятыми за надменность. Карлъ съ прискорбіемъ замѣчалъ

это, и только его отеческія увѣщанія принудили Филиппа измѣнить свое поведеніе во время пребыванія въ Англіи. Но характеръ лежитъ въ человѣкѣ гораздо глубже, чѣмъ внѣшняя манера обращенія, и когда Филиппъ возвратился, чтобы принять отъ отца нидерландскую корону, поведеніе его казалось такъ же холоднымъ и отталкивающимъ, какъ и прежде.

Первымъ его дѣломъ послѣ отреченія Карла было посѣтить разныя провинціи и принять отъ нихъ присягу въ вѣрности. Никогда не представлялся ему болѣе удобный случай пріобрѣсть расположеніе народа. Повсюду встрѣчали его празднествами; вездѣ онъ видѣлъ выраженіе самой искренней радости. Ворота городовъ широко растворялись передъ нимъ; народъ собирался несмѣтными толпами, чтобы выразить ему свою преданность.

Но среди всеобщаго ликованія одно лицо оставалось мрачнымъ— лицо Филиппа. Сидя въ экипажѣ, онъ, казалось, хотѣлъ укрыться отъ своихъ новыхъ подданныхъ, толпившихся вокругъ него, чтобы уловить хотя одинъ взглядъ юнаго монарха. Онъ велъ себя такъ, какъ будто хотѣлъ показать, что этотъ энтузіазмъ для него непріятенъ. Охладивъ, такимъ образомъ, первый порывъ искренняго чувства, Филиппъ оттолкнулъ отъ себя всю націю, которая готова была отдать ему всю любовь свою.

Карлъ, пріѣзжая въ Нидерланды, возвращался на родину, говорилъ на родномъ языкѣ, одѣвался и жилъ по обычаямъ страны.

Филиппъ, напротивъ того, во всѣхъ отношеніяхъ былъ испанецъ: говорилъ только по-испански, строго соблюдалъ испанскій этикетъ и чопорную церемоніальность, былъ окруженъ почти одними испанцами, и только испанцы могли пріобрѣсть его довѣріе. Карлъ внушилъ неудовольствіе испанцамъ, оказывая видимое предпочтеніе своимъ соотечественникамъ. Филиппъ, наоборотъ, предпочелъ испанцевъ, и фламандцы съ горестью увидѣли, что судьба ихъ отечества перешла въ руки иностранца.

Во время своего путешествія Филиппъ приказалъ представлять себѣ подробные отчеты о народонаселеніи, торговлѣ и промышленности посѣщаемыхъ имъ провинцій. Отчеты эти заключали въ себѣ необъятную массу статистическихъ данныхъ, которыя онъ разсматривалъ съ свойственнымъ ему вниманіемъ. Возвратясь въ столицу Нидерландовъ, онъ приступилъ къ обсужденію мѣръ въ защиту религіозныхъ интересовъ, возобновилъ законы Карла объ инквизиціи и въ слѣдующемъ году утвердилъ эдиктъ противъ ереси. Въ этомъ дѣлѣ Филиппъ руководился предусмотрительнымъ совѣтомъ Гранвеллы, который убѣждалъ его сохранить въ эдиктѣ тонъ и выраженія Карловыхъ законовъ, чтобы не навлечь на себя обвиненія во введеніи ненавистныхъ для народа мѣръ.

Но главный предметъ, наиболѣе занимавшій Филиппа, было преобразованіе системы церковнаго управленія, которое, дѣйствительно, нуждалось въ коренной реформѣ. Странно кажется, что въ Нидерландахъ до того времени были только три епархіи: аррасская, торнейская и утрехтская. Значительная часть населенія восточныхъ провинцій принадлежала къ сосѣднимъ германскимъ епархіямъ. Нидерландскія епархіи были чрезмѣрно обширны. Къ утрехтской, напримѣръ, принадлежали триста городовъ и тысяча сто церквей. Ясно, что, при такомъ устройствѣ, никакой епископъ, какъ бы онъ ни былъ дѣятеленъ, не могъ узнать потребностей своей паствы, такъ далеко раскинутой, или даже слѣдить за самимъ

духовенствомъ, въ которомъ господствовалъ упадокъ дисциплины и нравственности.

Изъ того, что епископская власть принадлежала иностранцамъ, вытекало другое, еще худшее, зло. По незнанію нидерландскихъ учрежденій, они нерѣдко нарушали народныя права. Сверхъ того, жители, принадлежавшіе къ германскимъ епархіямъ, въ дѣлахъ, касавшихся религіи, принуждены были обращаться къ иноземнымъ судилищамъ, что во время войны едва-ли было возможно.

Отъ проницательнаго взгляда Карла V не ускользнулъ этотъ недостатокъ, имѣвшій сильное вліяніе на основные законы нидерландскихъ провинцій. Чувствуя необходимость реформы, онъ обращался къ папѣ съ просьбою о дозволеніи учредить еще шесть епархій, независимо отъ существовавшихъ. Но другія дѣла вскорѣ отвлекли вниманіе Карла, и онъ не успѣлъ привести въ исполненіе своего плана. Филиппа, напротивъ, никакое дѣло не могло отвлечь отъ интересовъ религіи. Онъ задумалъ совершить преобразованіе въ несравненно-бо́льшихъ размѣрахъ и просилъ папу Павла IV о разрѣшеніи учредить четырнадцать епархій и три архіепископства. Главное затрудненіе заключалось въ отъискиваніи средствъ для содержанія новыхъ епископовъ. По совѣту Гранвеллы, который не былъ извѣщенъ о предположеніяхъ Филиппа прежде, чѣмъ вступилъ въ сношенія съ Римомъ, положено было обратить въ пользу епископовъ доходы съ земель, принадлежавшихъ аббатствамъ, находившимся въ ихъ епархіяхъ, и самихъ аббатовъ подчинить контролю пріоровъ или начальниковъ, которые, въ свою очередь, должны находиться въ зависимости отъ епископовъ. Легко было предвидѣть, что это преобразованіе встрѣтитъ сильную оппозицію не только со стороны духовенства, имѣвшаго существенныя причины защищать прежній порядокъ, но и со стороны дворянъ, которые недружелюбными глазами должны были смотрѣть на вступающихъ въ ихъ ряды новыхъ сановниковъ, самымъ положеніемъ своимъ рабски привязанныхъ къ интересамъ короны.

Окончивъ эти распоряженія, Филиппъ естественно обратился къ Испаніи, куда также призывали его интересы католицизма.

Оставляя Нидерланды, Филиппъ долженъ былъ избрать лицо, которому можно было бы ввѣрить управленіе этой страною. Было нѣсколько лицъ, готовыхъ принять на себя тяжкую обязанность управленія Нидерландами. Извѣстнѣйшимъ изъ нихъ былъ Ламораль, принцъ Гаврскій, графъ Эгмонтъ, герой Сенъ-Кентена и Гравелина. Знатность породы, рыцарскій духъ, открытый нравъ и простота въ обращеніи, вмѣстѣ съ военными доблестями, сдѣлали его идоломъ народа. Нѣкоторые современники утверждали, что подвиги его обличали въ немъ скорѣе счастливаго воина, чѣмъ великаго полководца, и, хотя онъ могъ хвастаться своими военными заслугами, однакожь онѣ не доказывали его способности къ отправленію такой важной гражданской обязанности, какъ управленіе государствомъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что такое назначеніе было бы съ радостью принято народомъ... Это-то именно и не нравилось Филиппу, который не имѣлъ духа вручить регентство никому изъ фламандскихъ вельможъ.

Лицо, избранное Филиппомъ и заслужившее его довѣріе, была Маргарита, герцогиня Пармская, побочная дочь Карла V. Она обладала здравымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ, имѣла достаточно гибкости,

чтобы примѣниться къ своему положенію, и искусно управляла дѣлами. Послѣднее достоинство пріобрѣла она, вѣроятно, въ школѣ итальянскихъ дипломатовъ. Строгость ея въ дѣлахъ религіи могла удовлетворить требованіямъ Филиппа. Знаменитый Игнатій Лойола былъ нѣкогда духовникомъ ея, и его проповѣди о смиренномудріи не были безплодны. Ежегодно, на страстной недѣлѣ, герцогиня умывала грязныя ноги двѣнадцати бѣднымъ дѣвушкамъ и такимъ образомъ превосходила самого папу въ христіанскомъ смиреніи. Такова была Маргарита, герцогиня Пармская, призванная Филиппомъ въ самую критическую минуту управлять Нидерландами.

Въ началѣ іюня 1559 года Маргарита Пармская прибыла въ Нидерланды и торжественно вступила въ Брюссель, гдѣ встрѣтилъ ее Филиппъ, окруженный испанскимъ и фламандскимъ дворянствомъ, среди котораго находились герцогъ Савойскій и герцогъ Пармскій, супругъ регентши. Назначеніе это было принято съ удовольствіемъ нидерландцами, видѣвшими въ Маргаритѣ свою соотечественницу и потому ожидавшими отъ нея сочувствія къ ихъ интересамъ. Ея прибытіемъ не менѣе доволенъ былъ и Филиппъ, котораго влекла къ себѣ Испанія. Первымъ дѣломъ его было представить регентшу народу; а потому онъ тотчасъ же повелѣлъ созвать генеральные штаты въ Гентѣ и самъ отправился туда со всѣмъ дворомъ своимъ.

Двадцать пятаго іюля Филиппъ достигъ древней столицы, носившей на себѣ со временъ Карла слѣды страшнаго опустошенія, которое, однакожь, не смирило гентскихъ гражданъ. По прибытіи короля, начались общественныя празднества, продолжавшіяся три дня.

Восьмаго августа собрались генеральные штаты. Смѣлые граждане, участвовавшіе въ этомъ собраніи, прибыли въ Гентъ вовсе не съ дружественнымъ расположеніемъ къ правительству. Были многія причины неудовольствія, которое долгое время таилось въ груди каждаго изъ нихъ, и теперь это неудовольствіе вылилось въ формѣ самыхъ одушевленныхъ и смѣлыхъ диспутовъ. Народъ былъ до крайности встревоженъ явнымъ намѣреніемъ правителей поддерживать систему религіозныхъ преслѣдованій, что доказывалось преимущественно возобновленіемъ законовъ противъ ереси и подтвержденіемъ законовъ объ инквизиціи. Ходили слухи, можетъ быть преувеличенные, о намѣреніи короля увеличить число епархій. Несмотря на явную необходимость этой реформы, народъ видѣлъ въ ней новое средство, придуманное правительствомъ для легчайшаго преслѣдованія протестантизма. Говорили, что различные народы должны управляться различными законами, и если какая нибудь мѣра полезна въ Испаніи, то это еще не доказываетъ, что она будетъ полезна и въ Нидерландахъ; что инквизиція не можетъ найти примѣненія въ странѣ, гдѣ люди отъ колыбели привыкли къ свободѣ мысли и самостоятельности въ поступкахъ; что въ дѣлахъ совѣсти преслѣдованіе неумѣстно; что, наконецъ, заблужденія въ религіи должно исправлять не насиліемъ, а мѣрами кротости и убѣжденіемъ.

Но ничто не возбуждало такого бурнаго гнѣва фламандскихъ ораторовъ, какъ присутствіе въ Нидерландахъ многочисленнаго отряда иноземныхъ войскъ. Послѣ заключенія шато-камбрезійскаго мира, Филиппъ распустилъ свои войска, за исключеніемъ трехъ или четырехъ тысячъ испанской пѣхоты, расположенной въ западныхъ провинціяхъ. Это было

сдѣлано, какъ говорилъ Филиппъ, для того, чтобы защитить провинціи отъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Франціи. Дѣйствительная же причина заключалась въ невозможности заплатить имъ жалованье. Но штаты объяснили иначе намѣренія Филиппа: они утверждали, что король держитъ войска, чтобы имѣть средство подавить противодѣйствіе, которое онъ встрѣтитъ при исполненіи своихъ плановъ. Эти войска, подобно германскимъ и швейцарскимъ наемникамъ, служили столько же изъ-за платы, сколько изъ-за грабежа, и такъ же мало уважали права своихъ союзниковъ, какъ и права враговъ. Расположенныя на квартирахъ въ домахъ мирныхъ обитателей провинцій, они вознаграждали себя за неполученное жалованье насиліемъ и грабежомъ, приводившимъ въ отчаяніе бѣдныхъ фламандцевъ, которые нерѣдко должны были вступать въ открытыя схватки съ солдатами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне отказывались исправлять каналы, предохранявшіе страну отъ разлитія рѣкъ, предпочитая наводненіе хищничеству испанцевъ. Послѣ продолжительныхъ преній генеральные штаты представили королю подписанное правителями всѣхъ сословій прошеніе, въ которомъ просили, чтобы король не нарушалъ правъ народа и отослалъ войска въ Испанію.

Филиппъ, присутствовавшій при этихъ собраніяхъ вмѣстѣ съ сестрою, вовсе не ожидалъ встрѣтить въ фламандскихъ гражданахъ такой независимости и смѣлости. Его королевское ухо не привыкло слышать изъ устъ подданныхъ такого рѣшительнаго протеста. Не будучи въ состояніи или не желая скрывать своего гнѣва, король всталъ съ трона и быстро вышелъ изъ залы.

Въ настоящемъ случаѣ Филиппъ былъ благоразумнѣе Карла I, короля англійскаго: онъ не заточилъ въ тюрьмы оппозиціонныхъ ораторовъ, не подвергъ ихъ преслѣдованію, и даже смѣлый синдикъ города Гента остался невредимъ. Онъ обратилъ вниманіе на тѣхъ, кто былъ болѣе достоинъ его гнѣва—на представителей высшаго сословія, возбуждавшихъ духъ противорѣчія въ членахъ собранія. Самымъ дѣятельнымъ изъ нихъ былъ Вильгельмъ Оранскій. Замѣтить надо, что Вильгельмъ былъ въ числѣ заложниковъ, отправленныхъ ко двору Генриха II для обезпеченія точнаго исполненія шато-камбрезійскаго договора. Здѣсь французскій король открылъ ему важную тайну, что Филиппъ, при посредствѣ герцога Альбы, заключилъ съ нимъ тайный трактатъ объ уничтоженіи протестантизма въ своихъ владѣніяхъ. Это неосторожное признаніе Генриха было, по всей вѣроятности, слѣдствіемъ убѣжденія, что Вильгельмъ ревностный католикъ и пользуется довѣріемъ Филиппа. Каковы бы ни были религіозныя убѣжденія Вильгельма, достовѣрно то, что онъ не пользовался довѣріемъ своего государя. Притомъ же онъ обладалъ одною изъ христіанскихъ добродѣтелей, которая равно была чужда и Филиппу, и Генриху — вѣротерпимостью. Пораженный этимъ открытіемъ, Вильгельмъ тотчасъ же сообщилъ его своимъ нидерландскимъ друзьямъ. Одно изъ его писемъ, къ несчастію, попало въ руки Филиппа. Вскорѣ послѣ того принцъ, по приказанію Филиппа, возвратился на родину съ твердой рѣшимостью, какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ оправданіи, выгнать изъ нея эту испанскую сволочь. Филиппъ, отлично понимавшій характеръ Вильгельма, слѣдилъ за его дѣйствіями и зналъ, гдѣ скрывается причина или, по крайней мѣрѣ, одна изъ причинъ оппозиціи генеральныхъ штатовъ. Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ разгнѣванный король

оставилъ залу собранія, одинъ изъ испанскихъ придворныхъ далъ замѣтить принцу Оранскому и графу Эгмонту, что имъ слѣдуетъ вести себя какъ можно осторожнѣе; что лица, подписавшія прошеніе объ удаленіи испанскихъ войскъ, взяты на замѣчаніе, и Филиппъ съ своимъ совѣтомъ рѣшилъ, при первомъ удобномъ случаѣ, подвергнуть ихъ строгой отвѣтственности за ихъ дерзость.

Впрочемъ, Филиппъ былъ такъ благоразуменъ, что уступилъ желанію народа и обѣщалъ вывести войска. Но никакія силы не могли бы поколебать его въ исполненіи плановъ, касавшихся интересовъ религіи, или смягчить хоть на одну іоту жестокіе эдикты противъ протестантовъ. Когда одинъ изъ его министровъ, который, какъ видно, былъ посмѣлѣе другихъ, замѣтилъ, что такая политика можетъ стоить ему нидерландской короны, онъ отвѣчалъ: «лучше вовсе не царствовать, чѣмъ царствовать въ странѣ, населенной еретиками». Въ этомъ отвѣтѣ одни видѣли выраженіе необыкновеннаго величія, другіе—выраженіе крайняго фанатизма. Съ какой стороны мы ни взглянули бы на него, для насъ онъ служитъ объясненіемъ политики, которой слѣдовалъ Филиппъ въ отношеніи къ Нидерландамъ.

Передъ закрытіемъ собранія король, не владѣвшій голландскимъ языкомъ, поручилъ епископу аррасскому произнести отъ его имени рѣчь. Въ этой рѣчи онъ распространялся о своей горячей привязанности къ доброму нидерландскому народу и о томъ, какъ высоко цѣнитъ вѣрность его императору и ему. Онъ повелѣвалъ нидерландцамъ оказывать такое же уваженіе регентшѣ, ихъ соотечественницѣ, которой онъ ввѣряетъ управленіе государствомъ, и убѣждалъ ихъ уважать законы и хранить общественное спокойствіе. Ничто, по его мнѣнію, не могло бы такъ много способствовать этому, какъ точное исполненіе эдиктовъ. Онъ утверждалъ, что содѣйствіе истребленію еретиковъ—заклятыхъ враговъ Бога и ихъ государя—есть священная обязанность каждаго изъ подданныхъ. Въ заключеніе Филиппъ обѣщалъ въ скоромъ времени возвратиться въ Нидерланды или прислать вмѣсто себя своего сына, принца Карлоса.

Депутаты отвѣчали спокойно и почтительно. Они не сдѣлали ни малѣйшаго намека на предполагаемыя церковныя реформы, такъ какъ самъ Филиппъ не упоминалъ о нихъ, но возобновили свою просьбу вывести испанскія войска и удалить иностранцевъ отъ государственной службы, ибо это противъ коренныхъ законовъ Нидерландовъ. Послѣдняя часть просьбы была направлена противъ Гранвеллы, занимавшаго одну изъ высшихъ должностей и пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ короля. Въ отвѣтъ на это Филиппъ повторилъ свое обѣщаніе вывести войска въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Что же касается иностранцевъ, состоявшихъ на службѣ въ провинціяхъ, то король вовсе не обратилъ вниманія на просьбу депутатовъ. Впрочемъ, мнѣніе его объ этомъ предметѣ видно изъ словъ, сказанныхъ имъ одному министру: «я тоже иностранецъ: не откажутся ли они повиноваться и мнѣ, какъ государю?»

Регентша раздѣляла заботу правленія съ тремя совѣтами, издавна существовавшими въ Нидерландахъ: одинъ изъ нихъ—финансовый совѣтъ—занимался, какъ показываетъ его названіе, вопросами, касавшимися администраціи; другой — дѣлами судебными и вообще всѣмъ касающимся внутренняго состоянія страны; третій имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи внѣшнія сношенія Нидерландовъ. Въ послѣднемъ, извѣстномъ подъ именемъ го-

сударственнаго совѣта, какъ въ высшемъ государственномъ учрежденіи, кромѣ нѣкоторыхъ фламандскихъ вельможъ, въ числѣ которыхъ были Вильгельмъ Оранскій и графъ Эгмонтъ, засѣдали графъ Барлемонтъ, президентъ финансоваго совѣта, Вигліусъ, президентъ судебнаго совѣта, и, наконецъ, Гранвелла, епископъ аррасскій.

Гранвеллѣ было только двадцать пять лѣтъ, когда онъ занялъ аррасскую каѳедру. Рѣдко епископская митра украшала голову столь молодаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь честолюбиваго человѣка. Онъ не питалъ отвращенія къ земнымъ благамъ и вовсе не казался безчувственнымъ къ величію и блеску. Онъ хотѣлъ жить роскошно, и это желаніе заставило его искать величія и власти. Вскорѣ онъ достигъ и того, и другаго.

Оставляя престолъ, Карлъ рекомендовалъ сыну Гранвеллу, какъ человѣка, вполнѣ достойнаго его довѣрія. Но Гранвелла зналъ, что ничья рекомендація не можетъ быть такъ дѣйствительна, какъ его собственная. Онъ сталъ прилежно изучать характеръ своего новаго государя и обнаружилъ удивительную способность примѣняться къ настроенію Филиппа. При этомъ случаѣ честолюбивый министръ доказалъ, что вовсе не былъ чуждъ того искусства, къ которому такъ часто прибѣгаютъ малые, а иногда и великіе люди, чтобы упрочить свои успѣхи на поприщѣ придворной жизни.

Впрочемъ, ему не всегда приходилось насиловать свои убѣжденія. Подобно Филиппу, онъ медленно шелъ къ своей цѣли, разсматривалъ предметъ со всѣхъ сторонъ и долго обдумывалъ прежде, чѣмъ рѣшался произнесть свой окончательный приговоръ. Подобно Филиппу, онъ былъ трудолюбивъ, и мы можемъ сказать, что оба они находили отдохновеніе въ трудѣ. Притомъ же онъ не уступалъ Филиппу въ ревности къ католицизму, хотя, впрочемъ, его спокойная натура могла указать другія мѣры, не похожія на тѣ, которыя были избраны суровымъ, непреклоннымъ королемъ.

Обворожительныя манеры кардинала не мало способствовали пріобрѣтенію вліянія на короля. Его тонкая, вкрадчивая рѣчь, казалось, могла расплавить даже ледяную, сосредоточенную душу Филиппа. И онъ умѣлъ сохранить это вліяніе, высказывая свои мнѣнія такъ искусно, что королю могло казаться, будто они принадлежатъ ему самому. Боясь возбудить ревнивое чувство въ Филиппѣ, онъ управлялъ имъ, не давая ему того замѣтить.

Вскорѣ Гранвелла убѣдился, что, со вступленіемъ на престолъ Филиппа, положеніе его нисколько не измѣнилось. Несмотря на кажущееся раздѣленіе власти между регентшей и нѣсколькими совѣтами, Филиппъ, утверждая новое устройство правительства въ Нидерландахъ, сосредоточилъ всю власть въ рукахъ Гранвеллы. Такимъ образомъ, Гранвелла представляетъ собою рѣдкій примѣръ временщика при двухъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ государяхъ. Но онъ не избѣжалъ участи, общей всѣмъ временщикамъ, и, вслѣдствіе ли обыкновеннаго хода событій, или, какъ утверждаютъ другіе, отъ недостатка скромности, но не было человѣка, который бы возбудилъ такую общую и такую глубокую къ себѣ ненависть, какъ Гранвелла.

Передъ отъѣздомъ изъ Нидерландовъ Филиппъ назначилъ правителей провинцій; впрочемъ, назначеніе это большею частью утверждало прежній выборъ. Эгмонту поручено было управленіе Фландріею и Артуа, Виль-

гельму Оранскому—Голландіею, Зеландіей, Утрехтомъ и Западной Фрисландіею. Въ повелѣніи, данномъ по этому случаю Вильгельму, было, согласно обыкновеннымъ формамъ, упомянуто объ его «вѣрной, усердной и полезной службѣ императору и королю». Командованіе двумя батальонами испанскихъ войскъ вручено было двумъ знатнымъ фламандцамъ—жалкая уступка для утѣшенія народа, который долженъ былъ терпѣть въ своемъ отечествѣ этихъ ненавистныхъ хищниковъ.

Филиппъ нетерпѣливо ожидалъ папской буллы; еще нетерпѣливѣе ждалъ ея Гранвелла. Онъ чуялъ приближеніе грозной бури и думалъ, что присутствіе короля смиритъ ея ярость и облегчитъ борьбу. Но римскій дворъ, вѣрный своему обыкновенію, медлилъ; папскій нунцій прибылъ наканунѣ отъѣзда Филиппа. Такимъ образомъ, король не былъ свидѣтелемъ обнародованія буллы.

Окончивъ дѣла въ Нидерландахъ, Филиппъ отправился въ Зеландію, къ порту Флюшингу, гдѣ находился флотъ изъ пятидесяти испанскихъ кораблей и другихъ судовъ, хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для продолжительнаго плаванія. Король прибылъ на берегъ въ сопровожденіи множества фламандскихъ вельможъ, иностранныхъ пословъ, герцога Савойскаго и его супруги. Здѣсь разыгралась любопытная сцена, записанная современникомъ. Обратясь внезапно къ Вильгельму Оранскому, Филиппъ сказалъ ему рѣшительнымъ тономъ, что онъ былъ причиной оппозиціи генеральныхъ штатовъ. Пораженный неожиданностью нападенія, Вильгельмъ отвѣчалъ, что оппозиція была дѣломъ не одного лица, но что сами штаты были недовольны. «Не штаты, а вы, вы, вы!»—воскликнулъ раздраженный монархъ, схвативъ его за руку и сильно встряхнувъ его. Повтореніе слова *вы*, выражающее на кастильскомъ языкѣ презрѣніе, придавало восклицанію короля еще болѣе горечи. Вильгельмъ понялъ, что всего благоразумнѣе было не отвѣчать, и не пошелъ за королемъ на корабль, куда онъ пригласилъ свою свиту.

Двѣнадцатаго августа 1559 года испанскій флотъ поднялъ якорь, и Филиппъ, простясь съ герцогомъ и герцогиней Савойскими и провожавшими его фламандцами, оставилъ берега, къ которымъ никогда уже не возвращался.

Свидѣтели быстраго распространенія новаго ученія, видѣвшіе, какъ оно ниспровергало всѣ препятствія, какъ подъ его знамена собирались народы, нѣкогда безгранично преданные, могущественные вассалы Рима, нисколько не сомнѣвались, что не позже, какъ къ концу XVI вѣка, протестантизмъ распиритъ свое господство на весь христіанскій міръ. Къ счастью для католицизма, сильнѣйшій изъ европейскихъ государей всею душою былъ преданъ его интересамъ. Филиппъ II вполнѣ понималъ важность своего положенія. Вся жизнь его доказываетъ, что возстановленіе колеблющихся основъ католической церкви и пресѣченіе стремительнаго потока реформаціонныхъ идей, увлекающаго за собой народы и государства, по его убѣжденію, было его призваніемъ.

Мы видѣли, какія употребилъ онъ средства для истребленія испанскихъ протестантовъ. То былъ первый сильный ударъ реформаціи. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ католическихъ писателей рѣшительно утверждаетъ, что «могущество и искусство Филиппа II составляли главнѣйшее противодѣйствіе протестантизму и воспрепятствовали ему распространиться

на всю Европу». Ударъ былъ нанесенъ, и съ этого времени реформація одержала немного побѣдъ.

Нельзя было предполагать, что Филиппъ, такъ рѣшительно и жестоко истреблявшій еретическое ученіе въ одной части своихъ владѣній, именно въ Испаніи, допуститъ его существованіе въ другой и особенно въ Нидерландахъ. Онъ мало заботился о томъ, будутъ ли мѣры, употребленныя имъ въ Испаніи, дѣйствительны въ Нидерландахъ. Католицизмъ былъ однимъ изъ элементовъ жизни испанца; онъ былъ дорогъ ему не только какъ форма его религіозныхъ убѣжденій, но какъ нравственный принципъ, какъ основаніе его національности. За него Испанія вела восьмивѣковую войну. Почти каждый вершокъ своей родной земли испанецъ завоевалъ у невѣрныхъ. Войны Испаніи были войнами религіозными. Она внесла духъ нетерпимости въ войны съ американскими дикарями. Короче, исторія Испаніи есть исторія безпрерывныхъ крестовыхъ походовъ. Могъ ли этотъ неутомимый боецъ церкви оставить ее въ такую критическую минуту?

При такихъ условіяхъ Филиппу не стоило большаго труда принудить свой народъ къ повиновенію,—народъ, всегда отличавшійся покорностью своимъ властителямъ. У подножія Пиренеевъ замирали удары, потрясавшіе Францію и другія государства Европы, и если на испанскую почву упадало нѣсколько сѣмянъ новаго ученія, то инквизиція истребляла ихъ прежде, чѣмъ они успѣвали пустить корни и укрѣпиться на ней.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ находились Нидерланды. Они походили на долину, принимающую въ себя воды, скатывающіяся съ окружныхъ высотъ. Въ Нидерланды былъ открытъ входъ всѣмъ разнороднымъ мнѣніямъ, волновавшимъ сосѣдніе народы. На югѣ фламандцы встрѣчались съ германскими лютеранами; на западѣ—съ французскими гугенотами; на сѣверѣ предъ ними лежалъ открытый путь въ Англію и въ прибалтійскія земли, гдѣ реформатское ученіе уже пріобрѣло право гражданства. Войска, остававшіяся на ихъ территоріи, матросы, наполнявшіе ихъ гавани, купцы, вывозившіе ихъ товары—всѣ несли съ собою сѣмена реформаціи. Французскія и нѣмецкія книги ходили по рукамъ въ народѣ, въ которомъ, какъ замѣтилъ современный историкъ, не было безграмотныхъ.

Новыя идеи сдѣлались насущнымъ вопросомъ людей, привыкшихъ мыслить и дѣйствовать, не подчиняясь авторитетамъ. Отъ вопросовъ религіи они перешли къ вопросамъ политики. Это былъ естественный переходъ, повторявшійся вездѣ, куда проникала реформація. Свобода мысли, поколебавшая основы церкви, колебала основы правительства, и тотъ, кто осмѣливался подвергать критикѣ свои отношенія къ церкви, скоро переходилъ къ обсужденію правъ королей и обязанностей подданныхъ.

Духъ независимости находилъ опору въ государственныхъ учрежденіяхъ. Въ Нидерландахъ господствовали убѣжденія, свойственныя республиканскимъ народамъ, хотя они и не имѣли республиканскаго устройства. Во многихъ отношеніяхъ Нидерланды напоминали свободныя государства Италіи среднихъ вѣковъ. Во времена государей слабыхъ и незначительныхъ они пріобрѣли хартіи, которыя послужили началомъ конституціонной свободы. Особенно славился Брабантъ своей хартіей—*Joyeuse Entrée*, даровавшей гражданамъ его такія льготы и привилегіи, какими не пользовалась ни одна провинція. Когда же всѣ провинціи

соединились подъ скипетромъ одного государя, государь этотъ не имѣлъ тамъ постоянной резиденціи, и правленіе ввѣрялось вице-королю. Съ тѣхъ поръ, какъ Нидерланды соединились съ Испаніей, во главѣ ихъ находились по большей части женщины, которыя своимъ авторитетомъ не могли подавить духа независимости фламандцевъ.

Однакожъ Карлъ V, при всемъ пристрастіи къ своимъ соотечественникамъ, не могъ переносить спокойно стремленія ихъ къ самостоятельности. Но, подавляя это стремленіе, онъ щадилъ ихъ матеріальные интересы, боялся ослаблять ихъ силы, а тѣмъ болѣе доводить до крайности. Когда королева венгерская, его сестра, предостерегала его, что изданные имъ законы слишкомъ тягостны для народа, онъ не замедлилъ смягчить ихъ. Эдикты его—говоритъ современникъ—были написаны кровью; но частыя повторенія ихъ доказываютъ, что они исполнялись неточно. Это еще болѣе подтверждается благосостояніемъ народа, процвѣтаніемъ всѣхъ отраслей промышленности, обширной торговлей и кипучей дѣятельностью. Въ началѣ царствованія Филиппа, въ 1560 году, оконченъ былъ каналъ между Антверпеномъ и Брюсселемъ, потребовавшій тридцати лѣтъ и милліона восьмисотъ тысячъ флориновъ.

Исполненіе такого обширнаго предпріятія было дѣломъ не правительства, а народа, и оно служитъ лучшимъ доказательствомъ, что граждане нидерландскіе владѣли обширными средствами и, что еще важнѣе, разумно пользовались ими.

Самымъ благопріятнымъ временемъ для Нидерландовъ былъ конецъ царствованія Карла, когда регентша Марія писала брату, намѣревавшемуся отречься отъ престола, что она не намѣрена жить въ Нидерландахъ, а тѣмъ болѣе управлять народомъ, характеръ котораго такъ измѣнился: «въ немъ», заключаетъ она, «нѣтъ уваженія ни къ Богу, ни къ государю».

Философъ, разсматривающій состояніе Нидерландовъ при вступленіи на престолъ Филиппа II, можетъ легко убѣдиться, что терпимость въ дѣлѣ вѣры какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ духомъ народа, съ его развитіемъ и характеромъ его учрежденій. Но Филиппъ не былъ философъ, а вѣротерпимость была въ то время непризнанной добродѣтелью не только у католиковъ, но и у кальвинистовъ. Вопросъ, слѣдовательно, состоитъ не въ томъ, вѣрно ли Филиппъ избралъ цѣль—въ наше время объ этомъ никто спорить не станетъ—а въ томъ, вѣрны ли средства, употребленныя Филиппомъ для достиженія этой цѣли. Съ этой точки зрѣнія мы и станемъ разсматривать дѣйствія Филиппа въ Нидерландахъ.

Главная его ошибка заключалась въ томъ, что онъ предоставилъ слишкомъ большое участіе въ правленіи иностранцу Гранвеллѣ, между тѣмъ какъ передъ нимъ былъ цѣлый рядъ людей, происходившихъ отъ знатныхъ предковъ: имена ихъ жили въ памяти народа; они пріобрѣли уваженіе и любовь своихъ согражданъ собственными заслугами. Нѣкоторымъ изъ нихъ Филиппъ былъ обязанъ побѣдами на поляхъ Гравелина, подъ стѣнами Сенъ-Кентена и заключеніемъ мирнаго договора, окончившаго вражду Испаніи съ Франціею. Едва ли возможно было предположить, что эти гордые представители фламандской аристократіи, сознававшіе свои права, привыкшіе занимать высшія должности и пользоваться почетомъ въ своемъ отечествѣ, смиренно подчинятся власти иностранца, происходившаго изъ темной фамиліи и обязаннаго своимъ возвышеніемъ милостивому вниманію императора.

Кромѣ высшей аристократіи, въ Нидерландахъ былъ многочисленный классъ дворянъ и кавалеровъ. Многіе изъ нихъ служили подъ знаменами Карла V и сдѣлались грозою враговъ. Положеніе этихъ людей, привыкшихъ къ войнѣ, а теперь оставленныхъ безъ дѣла, одинъ изъ новѣйшихъ писателей сравниваетъ съ положеніемъ солдатъ, переживших славу Наполеона. Сверхъ того, многіе изъ нихъ, равно какъ многіе члены высшей аристократіи, были обременены долгами, въ которые вовлекли ихъ продолжительная военная служба или честолюбивое соперничество съ хвастливыми испанцами. «Многіе изъ фламандскихъ дворянъ, полагаетъ одинъ современникъ, обременены огромными долгами и принуждены платить непомѣрные проценты. На свои дворцы, на мебель, свиту, богатыя ливреи, банкеты—словомъ, на всякаго рода излишества—тратятъ они вдвое болѣе, нежели могутъ. Такимъ образомъ, недовольство распространилось по всей странѣ, и всѣ нетерпѣливо ожидали перемѣны существующаго порядка». Была и другая причина неудовольствія, чувствовавшаяся всѣми классами народа: это—ненависть къ испанцамъ, которую не легко было обуздать даже во времена Карла V, всегда отдававшаго первенство своимъ нидерландскимъ подданнымъ. Теперь, когда правленіе перешло въ руки государя, расположеннаго въ пользу ихъ соперниковъ, она сдѣлалась еще сильнѣе. Безъ сомнѣнія, непріязненное чувство должно быть объяснено различіемъ характеровъ этихъ двухъ націй, не имѣющихъ ни одной сходной черты; но его усилило поведеніе испанцевъ, которые въ своемъ отечествѣ обнаруживали много благородныхъ чертъ, а пріѣзжая въ чужую землю, казалось, старались открыть иностранцамъ самыя отталкивающія стороны своего характера. Холодные, безчувственные, куда бы ни являлись они,—въ Италію, въ Англію, въ Нидерланды, къ врагамъ, или къ союзникамъ,—они принимали оскорбительный тонъ превосходства надъ другими націями и всюду внушали къ себѣ отвращеніе. Находясь подъ однимъ скипетромъ, они были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нидерландцами; слѣдствіемъ этого было соперничество и тысячи причинъ къ раздору.

Всѣ эти затрудненія увеличивались состояніемъ сосѣднихъ государствъ, гдѣ все было приведено въ броженіе религіозной реформою. Всюду атмосфера была насыщена электричествомъ, предвѣщавшимъ приближеніе бури. Ясно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, только осторожная и кроткая политика, основанная на уваженіи къ общественному мнѣнію и почтеніи къ народнымъ учрежденіямъ, могла сохранить спокойствіе Нидерландовъ.

Первымъ поводомъ къ неудовольствію послѣ отъѣзда Филиппа изъ Нидерландовъ послужили испанскія войска. Необходимо замѣтить, что король обѣщалъ генеральнымъ штатамъ вывести эти войска изъ провинціи не позже, какъ черезъ 4 мѣсяца. Между тѣмъ, срокъ этотъ давно прошелъ, а они все-еще оставались на прежнихъ квартирахъ. Присутствіе ненавистныхъ иноземцевъ, оскорблявшее народъ, вызвало негодованіе, которое съ каждымъ днемъ возрастало. Въ Нидерландахъ все было спокойно; извнѣ нельзя было ожидать нападенія; народъ не видѣлъ никакой необходимости содержать въ готовности войска, тѣмъ болѣе иностранныя. Оставалось одно объясненіе, что король, не довѣряя своимъ фламандскимъ подданнымъ, содержитъ этихъ наемниковъ единственно съ тою цѣлью, чтобы предупредить волненія и, опираясь на нихъ, вводить

самопроизвольныя преобразованія. Нидерландцы, гордые своею независимостью, возмутились отъ такого предположенія и настоятельно потребовали, чтобы испанцы очистили провинціи.

Гранвелла, понимавшій, что Филиппу было бы весьма пріятно, если бы въ провинціяхъ оставались войска, на помощь которыхъ можно было положиться, находилъ это невозможнымъ. «Войска должны быть выведены, пишетъ онъ, и какъ можно скорѣе, или начнется возмущеніе». «Штаты, продолжаетъ онъ, откажутся отъ необходимаго денежнаго пособія, если они будутъ оставаться долѣе. Вильгельмъ и Эгмонтъ сложили съ себя командованіе этими войсками, порученное имъ самимъ королемъ, боясь (прибавляетъ министръ) потерять довѣріе народа».

Поведеніе испанскихъ солдатъ еще болѣе затрудняло дѣло. Они набирались изъ массы народа, часто изъ его низшаго слоя, и военная жизнь нисколько не улучшила ихъ нравственности. Въ полѣ подчинялись они строгой дисциплинѣ, которая значительно ослаблялась, когда военныя дѣйствія прекращались. Пользуясь досугомъ, они изыскивали средства удовлетворять своимъ развратнымъ побужденіямъ и истощали несчастныя провинціи, въ которыхъ квартировали.

Но Филиппъ медлилъ отвѣтомъ на докучливыя письма регентши и министра и наконецъ отвѣчалъ довольно уклончиво, что у него нѣтъ денегъ и что войска могутъ быть выведены только тогда, когда получатъ жалованье. Казна, дѣйствительно, была истощена, и въ Испаніи еще болѣе, чѣмъ въ Нидерландахъ; однако же едва ли возможно повѣрить, будто бы кредитъ правительства упалъ дотого, что оно не въ состояніи было уплатить жалованье тремъ или четыремъ тысячамъ наемниковъ. Регентша сознавала, что ей необходимо дѣйствовать, не дожидаясь никакихъ инструкцій. Нѣсколько членовъ совѣта поручились за уплату недоимокъ, и войска были собраны въ Зеландіи, откуда ихъ должно было отправить въ Испанію. Но неблагопріятный вѣтеръ удержалъ ихъ еще на два мѣсяца, которые они провели на берегу или на судахъ. Здѣсь затѣяли они ссоры съ людьми, работавшими на плотинахъ. Жители, опасаясь еще, что король дастъ приказаніе не выводить войскъ, рѣшились оставить работы и, такимъ образомъ, открыть страну наводненіямъ. Но они не были доведены до этой крайности. Въ январѣ 1561 года, спустя болѣе года послѣ истеченія срока, опредѣленнаго Филиппомъ, нидерландцы освободились отъ своихъ непрошенныхъ гостей.

Лишь только первая причина неудовольствія нидерландцевъ была устранена, какъ явилась другая, не менѣе серьозная: то было учрежденіе новыхъ тринадцати епархій. Мѣра сама по себѣ благоразумная, вызванная положеніемъ государства, должна была, вслѣдствіе общаго запутанія дѣлъ, встрѣтить сильное противодѣйствіе, если не возбудить открытаго возстанія. Этого ожидали Филиппъ и его министръ и хранили свои намѣренія въ глубокой тайнѣ. Только въ 1561 году король рѣшился открыть ихъ нѣкоторымъ членамъ государственнаго совѣта. Но уже задолго передъ тѣмъ проэктъ его сдѣлался извѣстенъ и произвелъ сильное волненіе во всемъ государствѣ.

Народъ смотрѣлъ на нововведенія Филиппа, какъ на попытку учредить въ Нидерландахъ ту же самую систему церковнаго управленія, какая существовала въ Испаніи. Епископы, уже по самому положенію своему, обладали въ нѣкоторой степени властью инквизиторовъ, которая

была значительно расширена королевскими эдиктами. Расположеніе Филиппа къ инквизиціи было всѣмъ извѣстно: едва ли во всемъ государствѣ было можно найти дитя, которое не знало бы, какимъ страшнымъ auto-da-fé Филиппъ отпраздновалъ свое возвращеніе на родину. На предполагавшіяся перемѣны смотрѣли, какъ на часть огромнаго плана ввести въ Нидерланды испанскую инквизицію. Есть, однакожь, достаточное основаніе думать, что эти ложныя предположенія поддерживались людьми, знавшими ихъ безосновательность.

Дворянство имѣло другія причины противиться этому распоряженію правительства. Епископамъ предстояло занять въ законодательныхъ собраніяхъ мѣста, принадлежавшія прежде аббатамъ, избиравшимся монастырями, между тѣмъ какъ новые прелаты будутъ обязаны своимъ назначеніемъ коронѣ. Дворяне съ ужасомъ видѣли, что ихъ независимости грозитъ опасность отъ вмѣшательства людей, не имѣющихъ съ ними ничего общаго и привязанныхъ къ интересамъ правительства. И дворянство было право: правительство, дѣйствительно, разсчитывало на эти выгоды, что видно изъ письма Гранвеллы, въ которомъ онъ говоритъ объ аббатахъ, какъ «о людяхъ развратныхъ, способныхъ только управлять своими монастырями и ищущихъ случая противиться волѣ короля».

Вопросъ о содержаніи епископовъ возбудилъ еще большее неудовольствіе. Рѣшено было подчинить имъ аббатовъ, а монастырскіе доходы обратить на ихъ содержаніе. Отвѣтственность за эту экономическую мѣру падаетъ, главнымъ, образомъ на Гранвеллу, который долженъ былъ сдѣлаться нидерландскимъ примасомъ, занять мехельнскую каѳедру и отъ одного аффлигенскаго аббатства, богатѣйшаго въ Брабантѣ, получать дохода до пятидесяти тысячъ дукатовъ.

Неудовольствіе духовенства и всѣхъ, кто прямо или посредственно былъ связанъ съ его интересами, достигло крайнихъ предѣловъ. Правительство слишкомъ произвольно обращало суммы не на тѣ предметы, на которые онѣ были даны учрежденіямъ, находившимся подъ покровительствомъ національныхъ хартій, и брабантскій народъ обратился къ своей Joyeuse Entrée. Знаменитѣйшіе юристы изъ разныхъ странъ Европы были приглашены къ обсужденію законности этой мѣры. Въ Брабантѣ опредѣлена на это сумма въ тридцать тысячъ флориновъ, и рѣшено отправить къ римскому двору агента, чтобы представить его святѣйшеству состояніе дѣла и просить защиты отъ самопроизвольныхъ поступковъ испанскаго правительства.

Предъ самымъ выѣздомъ Филиппа изъ Нидерландовъ получена была булла, которою папа уполномочивалъ короля учредить новыя епархіи. Но это было не такъ легко: необходимо было сдѣлать нѣсколько предварительныхъ распоряженій, которыя затруднялись препятствіями, встрѣченными въ самыхъ провинціяхъ, и обыкновенною медлительностью римскаго двора, такъ что не ранѣе, какъ черезъ три года, папа Пій IV прислалъ окончательное утвержденіе. Тогда свободный духъ фламандцевъ поставилъ почти неодолимую преграду. Народъ воображалъ, что папа и король составили заговоръ уничтожить религіозную свободу. Утрехтъ, Гельдернъ и другіе города положительно отказались принять епископовъ, которые, дѣйствительно, никогда тамъ не являлись. Граждане Антверпена послали къ королю прошеніе, въ которомъ представляли, какое разрушительное дѣйствіе произведетъ на ихъ торговлю учрежденіе епи-

скопствъ и испанской инквизиціи. Прошелъ годъ, а король даже не намекнулъ объ этомъ прошеніи; наконецъ онъ удостоилъ мятежныхъ гражданъ отвѣтомъ—отложилъ рѣшеніе дѣла до прибытія своего въ Нидерланды. Такимъ образомъ, Антверпенъ спасся отъ епископа.

Въ другіе города епископы въѣхали, пользуясь временнымъ отсутствіемъ дворянъ. Этимъ они были обязаны Гранвеллѣ. Нигдѣ не принимали ихъ съ энтузіазмомъ; напротивъ, всюду выражали къ нимъ холодность и недовѣріе. Архіепископъ мехельнскій, торжественно въѣхавшій въ столицу своей епархіи, не услышалъ ни одного привѣтствія. Словомъ, эти епископы походили болѣе на волковъ, украдкой пробирающихся къ стаду, нежели на добрыхъ пастырей, идущихъ охранять его.

XXXI. ВИЛЬГЕЛЬМЪ ОРАНСКІЙ И ГРАФЪ ЭГМОНТЪ.

(Изъ соч. Шиллера: «Исторія отпаденія Нидерландовъ», перев. Полеваго).

Въ числѣ нидерландскихъ вельможъ, которые могли бы заявить притязанія на мѣсто оберъ-штатгальтера, нація отличала двоихъ: графа Эгмонта и принца Оранскаго, и между ними-то равномѣрно распредѣлялись желанія и ожиданія націи, такъ какъ равно-знатное происхожденіе открывало имъ дорогу къ такому высокому назначенію, совершенно равныя заслуги давали имъ на это право, и равная любовь народа призывала ихъ къ занятію этого поста. Блестящее положеніе приблизило ихъ обоихъ къ трону, и если бы монарху вздумалось оглянуться кругомъ себя и поискать въ числѣ достойнѣйшихъ,—взоръ его непремѣнно упалъ бы на одного изъ этихъ двухъ вельможъ.

Вильгельмъ I, принцъ Оранскій, происходилъ изъ нѣмецкаго княжескаго Нассаускаго дома, который процвѣталъ уже цѣлыхъ восемь столѣтій сряду въ Германіи, боролся даже нѣкоторое время съ австрійскимъ домомъ за преобладаніе въ ней и въ числѣ представителей своихъ могъ даже указать на одного германскаго императора, происходившаго изъ Нассаускаго дома. Сверхъ различныхъ богатѣйшихъ владѣній въ Нидерландахъ, которыя доставляли Вильгельму право гражданства въ этомъ государствѣ и дѣлали его природнымъ вассаломъ Испаніи, ему же принадлежало во Франціи независимое герцогство Оранское. Вильгельмъ родился въ 1533 году въ Дилленбургѣ, въ графствѣ Нассаускомъ, отъ нѣкоей графини Штальбергъ. Его отецъ, графъ Нассаускій, тоже Вильгельмъ по имени, принялъ протестантство, въ которомъ приказалъ воспитать и сына своего; а Карлъ V, который уже очень рано получилъ особенное расположеніе къ этому мальчику, взростилъ его въ убѣжденіяхъ католическихъ. Монархъ этотъ, уже въ отрокѣ предугадавшій будущаго великаго человѣка, цѣлыхъ девять лѣтъ продержалъ его около себя, удостоивалъ его личныхъ занятій съ нимъ дѣлами правленія и оказывалъ ему при этомъ довѣріе не по лѣтамъ; ему одному, напримѣръ, дозволялось оставаться при особѣ императора, когда тотъ принималъ чужеземныхъ пословъ,—и это можетъ уже служить доказательствомъ того, что онъ, еще будучи мальчикомъ, уже начиналъ заслуживать свое славное, впослѣдствіи утвержденное за нимъ, прозвище «Молчаливаго». Императоръ не счелъ даже вовсе стыдомъ для себя однажды публично

признаться въ томъ, что этотъ юноша часто даетъ ему такіе совѣты, которые развѣ только ему самому могли придти въ голову. Можно себѣ представить, какія надежды долженъ былъ подавать по уму и способностямъ своимъ человѣкъ, образовавшійся въ такой школѣ!

Вильгельму было всего 23 года, когда Карлъ отрекся отъ престола, что не помѣшало ему удостоиться отъ лица императора двухъ явныхъ доказательствъ величайшаго уваженія къ себѣ. Устранивъ всѣхъ своихъ придворныхъ, онъ избралъ его для выполненія весьма почетной обязанности—для передачи императорской короны брату императора, Фердинанду. Когда герцогъ Савойскій, предводительствовавшій императорскою арміею въ Нидерландахъ, былъ вынужденъ, по своимъ частнымъ дѣламъ, отправиться въ Италію, императоръ довѣрилъ Вильгельму главное начальство надъ войсками, вопреки всѣмъ представленіямъ военнаго совѣта, которому казалось слишкомъ смѣлымъ это противопоставленіе юноши опытному французскому полководцу. Такимъ образомъ, монархъ предпочелъ его, отсутствовавшаго въ то время и никѣмъ не выставляемаго на видъ, всей лаврами украшенной толпѣ своихъ героевъ,—и исходъ дѣла не заставилъ его въ томъ раскаяться.

Особая милость, какою принцъ пользовался при отцѣ, уже сама по себѣ была бы достаточно важнымъ поводомъ къ тому, чтобы онъ не пользовался никакимъ довѣріемъ при сынѣ. Казалось вообще, что Филиппъ поставилъ себѣ задачею—вознаградить испанское дворянство за все то предпочтеніе, которое, въ ущербъ испанцамъ, Карлъ V оказывалъ постоянно дворянству нидерландскому. Но еще гораздо болѣе важными были тѣ побудительныя причины, которыя удаляли его отъ принца. Вильгельмъ Оранскій принадлежалъ къ числу тѣхъ блѣдныхъ и тщедушныхъ людей, какъ называетъ ихъ Юлій Цезарь, которые не спятъ по ночамъ и слишкомъ много думаютъ, и передъ которыми колеблются самые безстрашные. Тихое спокойствіе всегда невозмутимаго лица его скрывало душу дѣятельную и пламенную, которая никогда не волновала той внѣшности, подъ которою жила и творила, и была одинаково недоступна и хитрости, и любви. И, при такой душѣ, принцъ былъ одаренъ разнообразнымъ, плодотворнымъ, никогда не утомляющимся умомъ, достаточно мягкимъ и гибкимъ для того, чтобы мгновенно усвоивать себѣ формы, настолько устойчивымъ и опытнымъ, чтобы ни одной изъ нихъ не предаться вполнѣ, и настолько твердымъ, чтобы перенести всѣ перемѣны счастія. Никто въ одинаковой съ Вильгельмомъ степени не обладалъ искусствомъ насквозь видѣть людей и обладать ихъ сердцами; не то, чтобы онъ, по придворному обычаю, заставлялъ уста свои высказывать не то, что было въ его гордомъ сердцѣ, но онъ такъ разумно умѣлъ распоряжаться внѣшними заявленіями своего расположенія и уваженія къ людямъ, не будучи ни слишкомъ скупъ, ни слишкомъ щедръ на нихъ, что запасъ тѣхъ средствъ, какими обыкновенно привязываютъ къ себѣ сердца людей, въ его рукахъ казался неистощимымъ. Насколько медленно способенъ былъ производить его умъ, настолько же совершенны были всѣ его произведенія, и хотя очень поздно созрѣвало въ немъ рѣшеніе, но зато оно всегда стойко и непоколебимо приводилось въ исполненіе. Признавъ однажды извѣстный планъ дѣйствій правильнымъ, онъ уже не останавливался ни передъ какимъ сопротивленіемъ, и никакія случайности не могли разстроить задуманнаго плана, потому что всѣ эти

случайности уже были давно предугаданы имъ, задолго до своего дѣйствительнаго наступленія. Насколько духъ его стоялъ выше возможности ужасаться или радоваться, настолько же онъ былъ постоянно способенъ пугаться всего; но испугъ обыкновенно дѣйствовалъ на него гораздо ранѣе наступленія опасности, и онъ оставался спокойнымъ среди всеобщей суматохи, ибо трепеталъ уже тогда, когда всѣ были спокойны. Вильгельмъ щедро сыпалъ кругомъ себя свое золото, но зато дрожалъ надъ каждою секундою своего времени. Часъ обѣда былъ единственнымъ его свободнымъ часомъ, но зато этотъ часъ вполнѣ посвящался его сердечнымъ изліяніямъ, семейству и друзьямъ; эту скромную долю своего времени онъ позволялъ себѣ похищать у своей отчизны. Здѣсь-то расходились морщины на челѣ его за виномъ, которое приправляли веселость и воздержаніе, и никакія важныя заботы не смѣли тутъ помрачать яснаго настроенія его ума. Домашній бытъ его былъ великолѣпенъ; блескъ и многочисленность прислуги, внѣшность и объемъ свиты, окружавшей его, уподобляли его домъ палатамъ царствующаго государя. Блестящее гостепріимство, великая притягательная сила каждаго демагога, было главнымъ божествомъ въ его дворцѣ. Чужеземные принцы и послы находили здѣсь такой пріемъ и угощеніе, какой превосходилъ все, что могла имъ представить роскошная Бельгія. Почтительнымъ смиреніемъ по отношенію къ правительству искупалъ онъ всѣ тѣ порицанія и подозрѣнія, какія подобный образъ жизни могъ бы возбудить относительно его намѣреній. А между тѣмъ эта расточительность поддерживала блескъ его имени въ народѣ, которому ничто такъ не нравится, какъ выставка на показъ передъ иностранцами сокровищъ его отчизны; а та высокая степень счастія, въ какой всѣ его видѣли, еще болѣе возвышала цѣну и значеніе обходительности, до которой онъ рѣшался снисходить. Никто, конечно, болѣе Вильгельма Молчаливаго не былъ способенъ стать во главѣ заговора. Проницательный и твердый взглядъ на прошедшее, настоящее и будущее, умѣнье быстро пользоваться случайностями, преобладать надъ всѣми умами, умѣнье набрасывать громадные планы, которые только дальнозоркому наблюдателю могли являться въ своемъ настоящемъ видѣ и въ полномъ соотвѣтствіи частей своихъ, способность составлять и основывать на дальнемъ будущемъ самые смѣлые разсчеты—все это въ Вильгельмѣ подчинено было просвѣщенной и свободной доблести, которая, твердою стопою приступая къ дѣлу, колеблется на самой границѣ.

Человѣкъ, подобный ему, могъ остаться совершенно непонятнымъ для своихъ современниковъ, но не для великихъ знатоковъ человѣческаго сердца, не для недовѣрчивыхъ представителей своего вѣка. Филиппъ II быстро и глубоко успѣлъ проникнуть въ характеръ человѣка, который, несмотря на свое добродушіе, болѣе всего походилъ на его собственный. Если бы онъ не съумѣлъ такъ превосходно понять его, то было бы необъяснимо, почему именно не удостоилъ онъ своимъ довѣріемъ человѣка, который въ лицѣ своемъ соединялъ почти всѣ качества, какія онъ ставилъ выше всего и лучше всѣхъ умѣлъ оцѣнивать. Но Вильгельмъ еще и съ другой стороны соприкасался съ Филиппомъ II, и эта точка соприкосновенія ихъ была еще болѣе важна, нежели сходство характеровъ. Они учились вмѣстѣ, у одного и того же учителя, искусству управленія государствомъ—и Вильгельмъ былъ едва ли не болѣе способнымъ уче-

никомъ этого учителя. Не потому, чтобы самъ Вильгельмъ посвящалъ себя изученію «Государя» Маккіавелли, но именно потому, что ему удалось воспользоваться живымъ преподаваніемъ монарха, который въ жизни, на практикѣ, примѣнялъ типъ Маккіавелли,—именно потому онъ и былъ знакомъ съ тѣми опасными чарами, при помощи которыхъ возвышаются и падаютъ престолы. Филиппъ, слѣдовательно, имѣлъ, въ лицѣ Вильгельма, дѣло съ человѣкомъ, который былъ уже вполнѣ приготовленъ къ его способу управленія государствомъ и который бы, конечно, не затруднился въ выборѣ средства для достиженія своихъ цѣлей. И вотъ это-то послѣднее обстоятельство и объясняетъ намъ, почему изъ всѣхъ современныхъ ему смертныхъ онъ именно этого такъ непримиримо ненавидѣлъ и такъ естественно опасался.

Недовѣріе, которое и безъ того уже возбудилъ къ себѣ принцъ, возросло еще болѣе вслѣдствіе двусмысленнаго мнѣнія объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Вильгельмъ вѣрилъ въ папу, пока былъ живъ императоръ, его благодѣтель; но не безъ основанія опасались того, что онъ не вполнѣ успѣлъ отрѣшиться отъ того предпочтенія, которое еще въ раннемъ возрастѣ было внушено ему по отношенію къ новымъ, улучшеннымъ ученіямъ религіознымъ. Какой бы церкви онъ, однако же, ни отдавалъ преимущество въ извѣстные періоды своей жизни, каждая изъ обѣихъ церквей могла бы совершенно успокоить себя тѣмъ, что онъ ни одной изъ нихъ и никогда не принадлежалъ вполнѣ. Мы видимъ, что позже онъ такъ же равнодушно переходитъ на сторону кальвинизма, какъ въ раннемъ дѣтствѣ перешелъ изъ лютеранства въ католичество. Противъ испанской тиранніи онъ скорѣе защищалъ человѣческія права протестантовъ, нежели ихъ религіозныя мнѣнія; не вѣрованія ихъ, а ихъ страданія сроднили его съ ними.

Эти общіе поводы къ недовѣрію, повидимому, подтвердились еще тѣмъ открытіемъ, которое случайно пролило свѣтъ на истинный образъ мыслей его. Вильгельмъ оставленъ былъ во Франціи заложникомъ по миру въ Шато-Камбрези, заключенію котораго онъ много способствовалъ, и тутъ-то, благодаря неосторожности Генриха II, который принималъ Вильгельма за довѣренное лицо испанскаго короля, узналъ о тайныхъ замыслахъ, какіе французскій дворъ, заодно съ испанскимъ, затѣвалъ противъ протестантовъ въ обоихъ государствахъ. Это важное открытіе принцъ поспѣшилъ сообщить своимъ друзьямъ въ Брюссель, такъ какъ оно ихъ очень близко касалось, и письма, которыми онъ обмѣнялся съ ними по этому поводу, къ несчастью, попались въ руки короля испанскаго. Филиппъ не столько былъ удивленъ этимъ положительнымъ разъясненіемъ религіозныхъ воззрѣній Вильгельма, сколько разгнѣванъ разстройствомъ своего замысла; но испанскіе вельможи, которые никакъ не могли простить принцу той минуты, когда величайшій изъ императоровъ въ послѣднія мгновенія своей жизни покоился на его плечѣ, не упустили, конечно, этого благопріятнаго случая, чтобы окончательно подорвать въ королѣ своемъ доброе мнѣніе о человѣкѣ, который рѣшился нарушить государственную тайну.

Не ниже Вильгельма по происхожденію былъ Ламораль графъ Эгмонтъ, принцъ Гаврскій, потомокъ тѣхъ герцоговъ Гельдернскихъ, о воинственномъ духѣ которыхъ такъ долго сокрушались всѣ усилія австрійскаго дома. Родъ его блисталъ въ лѣтописяхъ страны; одинъ изъ

предковъ его уже при Максимиліанѣ былъ штатгальтеромъ въ Голландіи. Женитьбой своей на герцогинѣ Сабинѣ Баварской Эгмонтъ еще болѣе возвысилъ блескъ своего рода и сдѣлалъ его могущественнымъ при помощи обширныхъ и важныхъ связей. Карлъ V возвелъ его въ 1546 г., въ Утрехтѣ въ рыцари Золотаго Руна; войны этого императора послужили Эгмонту школой для его будущей славы, а битвы при С. Кентенѣ и Гравелингенѣ возвысили его до значенія героя своего времени. Всѣ блага мирнаго времени, которыя съ особенною благодарностью умѣютъ ощущать народы торговые, напоминали о побѣдахъ, ускорившихъ заключеніе его, и фламандская народная гордость, какъ суетная мать, съ особенною пріязнью взирала на замѣчательнѣйшаго изъ сыновъ своихъ, которому изумлялась вся Европа. Девятеро дѣтей, расцвѣтавшихъ на глазахъ своихъ соотечественниковъ въ семьѣ графа, еще болѣе усложняли и скрѣпляли его связи съ отчизною, и, взирая на эту семью, которая была для графа дороже всего на свѣтѣ, сограждане чувствовали къ нему еще болѣе пріязни. Каждое появленіе Эгмонта въ обществѣ было какъ-бы торжественнымъ шествіемъ; въ каждомъ взорѣ, обращенномъ на него, уже можно было прочесть исторію всей его жизни; дѣянія его еще живы были въ разсказахъ его сослуживцевъ-воиновъ; матери указывали на него своимъ дѣтямъ во время рыцарскихъ игръ. Вѣжливость, благородныя манеры и обходительность—эти прекрасныя свойства истиннаго рыцаря—придавали особенную прелесть его достоинствамъ. Его открытое чело являло открытую душу; откровенность его точно такъ же неспособна была къ сохраненію его тайнъ, какъ и доброта неспособна была къ сохраненію его имущества, и едва онъ что нибудь задумывалъ, какъ мысль его тотчасъ же становилась извѣстна всѣмъ и каждому. Религіозность его была самаго мягкаго и человѣчнаго свойства, но въ то же время довольно неопредѣленна, ибо она болѣе принадлежала его сердцу, нежели разуму. Графъ Эгмонтъ былъ скорѣе совѣстливъ, нежели твердъ въ своихъ принципахъ; голова его не сама себѣ предписала извѣстный кодексъ правилъ, а скорѣе заучила его; поэтому уже и одного упоминанія о дѣйствіи достаточно было для того, чтобы отбить у него всякую охоту дѣйствовать. Люди, по его мнѣнію, были или добрыми, или злыми, а не совмѣщали въ себѣ доброе и злое. По его нравственнымъ понятіямъ, между порокомъ и добродѣтелью не было никакихъ посредствующихъ, переходныхъ степеней; а потому часто достаточно было и одной какой нибудь хорошей стороны, чтобы привлечь его на сторону человѣка. Эгмонтъ соединялъ въ себѣ всѣ преимущества истиннаго героя; какъ воинъ, онъ стоялъ выше принца Оранскаго, но далеко ниже его, какъ человѣкъ государственный: тотъ видѣлъ жизнь такою, какою она является въ дѣйствительности, а Эгмонтъ видѣлъ ее постоянно только сквозь волшебное зеркало всеукрашающей фантазіи. Люди, неожиданно изумленные быстрымъ и благопріятнымъ для нихъ оборотомъ счастья, къ которому они не видятъ естественнаго повода въ своихъ дѣйствіяхъ, легко поддаются соблазну слѣдующаго рода: они забываютъ о необходимой связи между причиной и слѣдствіемъ и въ естественную послѣдовательность вещей вносятъ ту высшую, чудесную силу, которой, наконецъ, и довѣряются вполнѣ, очертя голову, какъ Цезарь своему счастью. Къ этому разряду людей принадлежалъ Эгмонтъ. Упоенный собственными своими заслугами, которыя, къ тому же, еще были

преувеличены благодарностью соотечественниковъ, онъ постоянно былъ отуманенъ этимъ сладкимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, словно пріятнымъ сновидѣніемъ. Онъ ничего не боялся, ибо довѣрялся вполнѣ тому невѣрному залогу любви народной, который послала ему судьба, и вѣрилъ въ справедливость людскую, потому что былъ счастливъ. Даже испытавъ на себѣ страшное вѣроломство испанцевъ, онъ не могъ потомъ подавить въ душѣ своей этого убѣжденія, а на самомъ эшафотѣ надежда была послѣднимъ его чувствомъ. Нѣжныя опасенія за спокойствіе семьи налагали на его патріотическое мужество оковы мелкихъ обязанностей, а такъ какъ ему приходилось трепетать за свою жизнь и имущество, то ужь, конечно, онъ немного могъ сдѣлать для блага республики. Вильгельмъ Оранскій разорвалъ всѣ сношенія съ трономъ, потому что произволъ возмущалъ его гордость; а Эгмонтъ былъ настолько тщеславенъ, что придавалъ значеніе монаршей милости. Первый былъ гражданиномъ міра, а Эгмонтъ всегда былъ и могъ быть только фламандцемъ.

Филиппъ II былъ еще въ долгу у побѣдителя при С. Кентенѣ, и званіе оберъ-штатгальтера нидерландскаго казалось единою достойною наградою блестящихъ заслугъ Эгмонта. И происхожденіе, и значеніе личное, и голосъ націи, и личныя способности такъ же громко говорили въ пользу Эгмонта, какъ и въ пользу принца Оранскаго, и если послѣдняго можно было обойти, то только для того, чтобы замѣстить его первымъ.

Филиппъ, конечно, могъ бы затрудниться при выборѣ одного изъ этихъ двухъ вельможъ, столь равныхъ по заслугамъ и значенію, если бы ему хоть когда нибудь пришло въ голову назначить на вышеупомянутое мѣсто одного изъ нихъ. Но уже тѣ самыя преимущества, которыя давали имъ право на это мѣсто, въ его глазахъ были самымъ важнымъ поводомъ къ ихъ исключенію, и всѣ притязанія ихъ на званіе оберъ-штатгальтера были окончательно подорваны именно тѣмъ, что нація заявляла пламенное желаніе видѣть одного изъ нихъ въ этомъ званіи. Филиппу не могъ быть нуженъ въ Нидерландахъ такой штатгальтеръ, которому бы народъ готовъ былъ во всякое время служить и доброй волею своей, и силами. Происхожденіе Эгмонта отъ герцоговъ Гельдернскихъ уже дѣлало его прирожденнымъ врагомъ испанскаго дома, и весьма опасною казалась высшая власть въ рукахъ человѣка, который, пожалуй, вздумалъ бы выместить притѣсненія, вынесенныя его родоначальникомъ, на сынѣ самого притѣснителя. Самая нація и оба ея любимца также не имѣли повода оскорбиться тѣмъ, что король устраняетъ ихъ обоихъ отъ занятій этого поста—вѣдь все бы, конечно, сказали, что король обходитъ ихъ обоихъ только потому, что ни одного изъ нихъ не рѣшается предпочесть другому.

XXXII. СВЯТѢЙШАЯ ИНКВИЗИЦІЯ.

(Изъ соч. Мотлея: «Исторія нидерландской революціи», т. II).

Главною причиною возстанія, которому предстояло вспыхнуть чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Нидерландахъ, была инквизиція. Почти незачѣмъ доискиваться другихъ причинъ, когда на первомъ шагу встрѣчаемъ столь достаточный поводъ къ революціи. Вернувшись въ Испанію, Филиппъ

составилъ подробный планъ искорененія религіозныхъ убѣжденій, уже заразившихъ бо́льшую часть его нидерландскихъ подданныхъ. Надъ провинціями вдали собиралась туча, пророчившая бѣдствія несравненно ужаснѣе всѣхъ, перенесенныхъ ими до той поры. Подобно тому, какъ на свѣтлыя долины Сициліи падаетъ громадная пирамидальная тѣнь Этны, грозный призракъ вѣчнаго врага, грозящаго огнемъ и разрушеніемъ, — такъ зарею царствованія Филиппа легла тѣнь инквизиціи на богатыя, веселыя нидерландскія провинціи—призракъ, грозившій болѣе истребительнымъ огнемъ и разрушеніемъ, чѣмъ всѣ физическія силы природы.

Много было споровъ о разныхъ родахъ инквизицій. Разница, которую старались найти между папскою, епископальною и испанскою инквизиціями, не могла подѣйствовать въ XVI вѣкѣ на людей, не зараженныхъ софизмами и не вѣрившихъ таинствамъ какой бы то ни было инквизиціи. Въ какомъ бы видѣ она ни являлась и какъ бы ни называлась, она всегда была средствомъ допытываться до самыхъ сокровенныхъ мыслей человѣка и жечь его, если открытіе неблагопріятно. Настоящая испанская инквизиція, т. е. позднѣйшая система инквизиціи, установленная папою Александромъ VI и Фердинандомъ Католическимъ, несомнѣнно представляетъ болѣе совершенное орудіе тиранніи, нежели папская и епископальная инквизиціи, устроенныя менѣе искусно. Испанская инквизиція была изобрѣтена вначалѣ противъ евреевъ и мавровъ, которыхъ христіанство того вѣка не признавало людьми, но не могло изгнать изъ испанскихъ провинцій, не опустошивъ ихъ.

Но вскорѣ, вмѣсто язычниковъ, инквизиція принялась за еретиковъ. Доминиканецъ Торквемада былъ первый монахъ, засѣвшій на этотъ престолъ огня и крови, и съ тѣхъ поръ «святѣйшая инквизиція» почти исключительно сосредоточилась въ рукахъ этого ордена. Въ теченіе восемнадцатилѣтняго управленія Торквемады было заживо сожжено десять тысячъ двѣсти двадцать человѣкъ и девяносто семь тысячъ триста двадцать одинъ наказаны лишеніемъ чести, конфискаціею имущества или пожизненнымъ заключеніемъ, такъ что общее число семействъ, уничтоженныхъ или осиротѣлыхъ, благодаря одному этому монаху, простирается до ста четырнадцати тысячъ четырехъ сотъ одного. Съ теченіемъ времени вѣдомство инквизиціи было расширено. Оно пріучило дикарей Индіи и Америки содрогаться при одномъ имени христіанства. Трепетъ, который она внушала, не дозволялъ первымъ еретикамъ Италіи, Франціи и Германіи выходить изъ церкви. Судилище это не зависѣло ни отъ какой свѣтской власти, не признавало надъ собой никакого суда; это былъ безапелляціонный судъ монаховъ, имѣвшій своихъ лазутчиковъ въ каждой семьѣ, знавшій тайны каждаго очага, судившій и выполнявшій свои страшные приговоры безъ всякой отвѣтственности. Инквизиція осуждала не только за поступки, но и за помыслы. Она проникала въ совѣсть людей и наказывала за преступленія, которыя будто бы открывала въ глубинѣ ея. Судопроизводство ея было доведено до ужасающей простоты. Она брала подъ арестъ по подозрѣнію, пытала до сознанія и потомъ казнила огнемъ. Достаточно было двухъ свидѣтелей, и то по двумъ разнымъ фактамъ, чтобы приговорить жертву къ возмутительному заточенію, гдѣ узника плохо кормили, запрещали ему говорить и даже пѣть, —къ чему, впрочемъ, едва ли у него являлась и охота; такимъ образомъ онъ

сидѣлъ, пока голодъ и тоска не истощали его окончательно. Когда полагали, что онъ уже совершенно упалъ духомъ, его допрашивали. Если онъ сознавался и отрекался отъ ереси, даже не будучи повиненъ въ ней, то могъ надѣть священную рубаху и отдѣлаться конфискаціею всего имущества. Если же упорствовалъ въ утвержденіи своей невинности, то двухъ свидѣтелей достаточно было, чтобы послать его на костеръ и одного, чтобы подвергнуть пыткѣ. Осужденному объявляли, въ чемъ онъ обвиняется, но никогда не давали очной ставки съ обвинителемъ. Этимъ обвинителемъ могъ быть сынъ, отецъ, жена, потому что всѣ были обязаны, подъ страхомъ смерти, доносить инквизиторамъ о всякомъ подозрительномъ словѣ, вырывавшемся изъ устъ даже ближайшихъ родственниковъ. Составивъ на этомъ основаніи обвинительный актъ, арестованнаго предавали пыткѣ. Судьями были орудія пытки, адвокатомъ осужденнаго— его мужество, потому что номинальный адвокатъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ заключеннымъ, не получалъ ни документовъ, ни права приводить свидѣтельства,—словомъ, былъ не болѣе, какъ кукла, усиливавшая беззаконность дѣйствія пародіею законныхъ формъ. Пытка совершалась въ полночь, въ мрачной темницѣ, слабо освѣщенной факелами. Жертву,— будь это мужчина, женщина или молодая дѣвушка, раздѣвали до нага и клали на деревянную скамью. Вода, огонь, гири, блоки, винты,—всевозможные аппараты, которыми можно напрягать мускулы, не давая имъ лопнуть, бить по костямъ, не разбивая ихъ, утонченно терзать тѣло, не изгоняя изъ него духъ,—все это употреблялось въ дѣйствіе. Палачъ, облеченный съ головы до ногъ въ черную одежду и глядѣвшій на жертву черезъ двѣ дыры въ капишонѣ, закрывавшемъ ему лицо, пробовалъ по очереди всякія пытки, придуманныя дьявольскою изобрѣтательностью монаховъ. Воображеніе отказывается рисовать эту страшную дѣятельность. Яркій свѣтъ, разлившійся на эту эпоху, болѣе чѣмъ оправдываетъ ненависть къ инквизиціи и возстаніе нидерландцевъ. Не было закона, который опредѣлялъ бы срокъ, на который можно было ежедневно подвергать жертву пыткѣ. Она могла кончиться только сознаніемъ, такъ что эшафотъ былъ единственнымъ спасеніемъ отъ нея. Бывали примѣры, что людей пытали въ продолженіе пятнадцати лѣтъ и наконецъ сожигали.

За сознаніемъ слѣдовала казнь; но ее разрѣшалось откладывать, чтобы накопить больше жертвъ къ какому нибудь великому празднику: ихъ всегда ознаменовывали торжественнымъ auto-da-fe! Это было самымъ пріятнымъ и вдохновляющимъ зрѣлищемъ для государя, высшихъ правительственныхъ лицъ, духовенства и черни. Въ день, назначенный для казни, жертву выводили утромъ изъ темницы. На нее надѣвали желтое платье съ рукавами, въ родѣ одежды герольдовъ, съ вышитыми по немъ фигурами дьяволовъ. На голову надѣвали высокую коническую митру изъ бумаги, съ изображеніемъ человѣка въ пламени, окруженнаго чертенятами. Ротъ забивали клиномъ такъ, что осужденный не могъ ни открывать, ни закрывать его. Снарядивъ его такимъ образомъ, ему подавали передъ выходомъ изъ тюрьмы самый изысканный завтракъ и насмѣшливо приглашали утолить голодъ. Вслѣдъ затѣмъ его выводили на площадь. Пышная процессія открывалась воспитанниками школъ, за которыми шли осужденные въ описанныхъ страшныхъ и ужасныхъ костюмахъ. Потомъ слѣдовали правительственныя лица и дворяне, прелаты и другіе духовные чины. Инквизиторы со всѣмъ своимъ штатомъ и служи-

телями ѣхали верхами, подъ краснымъ знаменемъ «Святѣйшей Инквизиціи», на которомъ были изображены, съ одной стороны, портретъ папы Александра, съ другой—короля Фердинанда, этой достойной четы, придумавшей инквизицію. За процессіею бѣжала чернь.

По прибытіи къ эшафоту, всѣ располагались въ должномъ порядкѣ, и толпа выслушивала проповѣдь, преисполненную похвалами инквизиціи и оскорбленіями осужденнымъ. Имъ читали, каждому особо, приговоры, потомъ духовенство затягивало пятьдесятъ пятый псаломъ, и вся толпа подтягивала ему въ ужасающемъ miserere. Если въ числѣ осужденныхъ находилось духовное лицо, то съ него снимали носимое имъ облаченіе и скребли ему руки, губы и бритое темя кускомъ стекла, въ знакъ того, что съ него стирается мѵропомазаніе, послѣ чего его присоединяли къ общему стаду.

Прощенныхъ преступниковъ и тѣхъ, чья казнь еще была отложена, отдѣляли отъ обреченныхъ жертвъ. Послѣднихъ взводили на эшафотъ, гдѣ ихъ ожидалъ палачъ, чтобы вести на костеръ. Инквизиторы сдавали ихъ ему на руки съ ироническимъ внушеніемъ обращаться съ ними кротко, безъ кровопролитія и оскорбленій. Упорствовавшіе до конца сжигались живьемъ, а отрекавшіеся передъ смертію отъ заблужденій удавливались предварительно веревкою.

Такова была *испанская инквизиція.* По словамъ біографа Филиппа II, это была «небесная цѣлительница», ангелъ при дверяхъ рая, львиный ровъ, гдѣ Даніилъ и другіе праведники могли ничего не опасаться, но грѣшники терзались въ куски. Это было верховное, безапелляціонное судилище, не признававшее надъ собою никакихъ законовъ, никакой власти, ни земной, ни небесной. Никакое званіе, какъ бы оно ни было высоко или низко, не спасало отъ его всемогущества. Оно не уважало ни королевскаго семейства, ни хижины бѣдняка. Самая смерть не ограждала отъ него. Святая инквизиція проникала въ дворцы къ государямъ и въ убѣжище нищаго. Тѣла умершихъ еретиковъ изувѣчивались и сжигались. Инквизиторы опустошали гробы и оскверняли прахъ усопшихъ.

Инквизиція привѣтствовала пышнымъ торжествомъ возвращеніе Филиппа въ Испанію. Извѣстіе объ этихъ страшныхъ auto-da-fe, въ которыхъ погибло столько знаменитыхъ жертвъ, закланныхъ передъ глазами своего государя, пришло въ Нидерланды почти одновременно съ буллою о новыхъ епархіяхъ. Королевскія забавы не могли расположить нидерландцевъ къ новымъ учрежденіямъ.

Испанская инквизиція привилась только за Пиренеями. Или, можетъ быть, король и Гранвелла были искренни, увѣряя, что никогда не имѣли намѣренія вводить ее въ Нидерландахъ, хотя трудно вѣрить словамъ такихъ людей. Дѣло въ томъ, что инквизиція уже издавна существовала въ этихъ провинціяхъ. Правительству оставалось только утвердить и расширить ее. Мы уже видѣли, что это было приведено въ исполненіе относительно епископальной инквизиціи посредствомъ умноженія числа епископовъ, изъ которыхъ каждый былъ главнымъ инквизиторомъ въ своей епархіи и имѣлъ двухъ подчиненныхъ ему офиціальныхъ инквизиторовъ. Казалось, такой системы и эдиктовъ было достаточно для подавленія ереси. Но этимъ не ограничились. Въ Нидерландахъ существовала и правильная папская инквизиція, бывшая, подобно эдиктамъ, — даромъ Карла V. Невозможно составить себѣ вѣрнаго понятія о нидерландскомъ

возстаніи, не вникнувъ въ его главную причину,—въ религіозное гоненіе, тяготѣвшее надъ страною въ продолженіе полувѣка и которое, не случись возстанія, привело бы націю или къ истребленію, или къ совершенному отупѣнію. События немногихъ годовъ, которые мы просмотримъ въ этой и слѣдующихъ главахъ, покажутъ, какъ въ Нидерландахъ ежедневно возрастало броженіе умовъ отъ дѣйствія причинъ, которыя существовали уже давно, но получали новую силу по мѣрѣ развитія политики новаго царствованія.

Можно сказать, что до вступленія на престолъ Карла V инквизиція не существовала въ Нидерландахъ. Частные случаи, приводимые, въ доказательство противнаго, юристами Маргариты Пармской, доказываютъ скорѣе отсутствіе, чѣмъ существованіе такой системы.

Въ царствованіе Филиппа Добраго викарій генералъ-инквизитора осудилъ нѣсколькихъ еретиковъ, которые и были сожжены въ Лиллѣ, въ 1448 г. Якобинскій монахъ Петръ Труссаръ осудилъ на смерть въ 1459 г. многихъ вальденцевъ и нѣсколькихъ важнѣйшихъ гражданъ Артуа по обвиненію въ ереси и колдовствѣ. Онъ дѣйствовалъ, впрочемъ, въ качествѣ инквизитора епископа аррасскаго, такъ что казни эти были дѣломъ не папской, а епископальной инквизиціи. Вообще, когда въ Нидерландахъ являлась надобность въ инквизиторахъ, ихъ приходилось вызывать изъ Германіи или изъ Франціи. Возраставшее гоненіе потребовало домашняго штата, и тогда Карлъ V прибѣгнулъ въ 1522 г. къ своему бывшему воспитателю, котораго возвелъ на папскій престолъ.

Впрочемъ, императоръ уже за годъ до этого назначилъ Франца Ванъ-деръ-Гульста генералъ-инквизиторомъ Нидерландовъ. Генералъ-инквизиторъ получилъ право требовать къ суду, брать подъ арестъ, заключать въ тюрьму и пытать еретиковъ безъ соблюденія законныхъ формальностей; приговоры его были безапелляціонны.

Папа Адріанъ утвердилъ Ванъ-деръ-Гульста въ званіи генералъ-инквизитора всѣхъ нидерландскихъ провинцій; но его должность не отмѣняла, какъ было положительно сказано, инквизиторской должности епископовъ въ епархіяхъ. Такимъ образомъ, въ Нидерландахъ была введена папская инквизиція. Такая презрѣнная личность, какъ Ванъ-деръ-Гульстъ, не могъ примирить нидерландцевъ съ учрежденіемъ, ненавистнымъ по самой своей сущности. Впрочемъ, онъ не усидѣлъ и двухъ лѣтъ на своемъ мѣстѣ: императоръ отставилъ его за фабрикацію фальшивыхъ документовъ. Въ 1525 г. Климентъ VII назначилъ на его мѣсто инквизиторами Бюденса, Гузо и Коппена.

По смерти Коппена, въ 1537 г., папа Павелъ III назначилъ на его должность Рюварда Таппера и Михаила Друтіусо; прочіе двое остались на своихъ мѣстахъ. Власть папскихъ инквизиторовъ постепенно расширялась, такъ что съ 1545 г. они не только стали совершенно независимы отъ епископальной инквизиціи, но и пріобрѣли право суда надъ самыми епископами и архіепископами, которыхъ они могли брать подъ арестъ и заключать въ тюрьму. Имъ предоставлено было также избирать себѣ, по собственному усмотрѣнію, намѣстниковъ или субъ-инквизиторовъ. Этимъ-то лицамъ и слѣдуетъ приписать бо̀льшую часть дѣйствій инквизиціи; изъ нихъ наиболѣе знамениты: Барбье, де-Монте, Тительманъ и нѣкоторые другіе. Императоръ издалъ рядъ строгихъ инструкцій въ руководство папскимъ инквизиторамъ. Одинъ взглядъ на ихъ со-

держаніе даетъ понять, что это учрежденіе не было пустою формальностью.

Инквизиторамъ предоставлялось право преслѣдовать и наказывать всѣхъ еретиковъ и всѣхъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ ереси, а также ихъ покровителей. Они были обязаны собирать, съ помощью нотаріусовъ, по всѣмъ провинціямъ письменныя свѣдѣнія о лицахъ, «зараженныхъ ересью или сильно заподозрѣнныхъ въ оной». Они имѣли право призывать въ свидѣтели всѣхъ подданныхъ его величества, какъ бы они высоко ни стояли по званію или положенію, и требовать отъ нихъ показаній противъ заподозрѣнныхъ лицъ. Тѣхъ, кто не подчинялся этимъ требованіямъ, предписывалось казнить. Императоръ повелѣлъ всѣмъ своимъ президентамъ, судьямъ, шерифамъ и другимъ должностнымъ лицамъ «оказывать всякое содѣйствіе инквизиторамъ и слугамъ ихъ въ святомъ дѣлѣ инквизиціи, когда бы они этого ни потребовали», подъ страхомъ, въ случаѣ ослушанія, наказанія какъ-бы за покровительство ереси, т. е. смертью. Инквизиторы имѣли право арестовать на мѣстѣ всякое лицо, уличенное въ ереси, предписавъ сдѣлать это мѣстному судьѣ или кому другому, по своему усмотрѣнію. Ослушники наказывались смертью на кострѣ или на плахѣ. Если виновный былъ духовнаго званія, то инквизиторъ обязанъ былъ дѣйствовать быстро, «безъ шума и формальностей, предписавъ императорскому совѣтнику составить приговоръ или оправданіе». Если же подсудимый былъ свѣтскаго званія, то инквизиторъ поручалъ провинціальному совѣту постановить приговоръ на основаніи эдиктовъ. Въ случаяхъ, когда лица свѣтскаго званія были заподозрѣны, но не уличены въ ереси, инквизиторъ подвергалъ ихъ наказанію «по соглашенію съ совѣтникомъ или съ какимъ нибудь другимъ юристомъ».

Въ заключеніе императоръ предписываетъ инквизиторамъ «объявлять, что они исполняютъ не свое личное дѣло, а дѣло Христа, и стараться всѣхъ убѣдить въ этомъ». Но это предписаніе было, вѣроятно, трудно исполнять, такъ какъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сомнѣвался, что если бы Христосъ снова воплотился, то немедленно былъ бы вторично распятъ или сожженъ за живо, гдѣ бы ни явился, во владѣніяхъ Карла или Филиппа. Богохульство, съ которымъ эти люди злоупотребляли именемъ Христа для своихъ безобразныхъ жестокостей, было не послѣднимъ изъ преступленій ихъ.

Въ дополненіе къ этимъ постановленіямъ, 28 апрѣля 1550 г. было издано особое повелѣніе всѣмъ должностнымъ лицамъ оказывать, по первому требованію, всякое содѣйствіе инквизиторамъ, арестовать и задерживать всѣхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ ереси. Сообразно съ инструкціями, данными инквизиторамъ, въ предписаніи было прибавлено, что все это должно исполняться, *не взирая ни накакія льготы и хартіи.* Словомъ, инквизиторы не были подчинены никакимъ гражданскимъ властямъ, но всѣ гражданскія власти были подчинены имъ. Императорскій указъ уполномочивалъ ихъ «наказывать, разжаловывать, доносить и выдавать еретиковъ свѣтскимъ судьямъ для наказанія; заключать въ тюрьму и брать подъ арестъ безъ всякаго обычнаго письменнаго акта, сообщая объ этомъ только одному совѣтнику, *который обязанъ постановлять приговоръ, сообразно съ желаніемъ инквизитора и помимо обычныхъ судей*».

Всѣ эти инструкціи инквизиторамъ были возобновлены и подтверж-

дены Филиппомъ *въ первый же мѣсяцъ* его царствованія (28 ноября 1555 г.). Гранвелла нашелъ, что и тутъ, какъ въ эдиктахъ, слѣдуетъ прибѣгнуть къ мнимой магической силѣ имени императора, чтобы освятить всю эту систему гоненій, бывшую въ страшной силѣ въ продолженіе большей части царствованія Карла. Ослабленная во время французской войны, она была возобновлена потомъ съ усиленною жестокостью. Изъ инквизиторовъ наиболѣе славился Петръ Тительманъ, владычествовавшій, въ этомъ званіи, надъ Фландріею, Дуэ и Турнэ, т. е. самыми богатыми и населенными провинціями Нидерландовъ. Онъ исполнялъ свои гнусныя обязанности съ такою быстротою, ловкостью и даже игривостью, которыя кажутся почти невѣроятными. Этотъ человѣкъ отличался какимъ-то страшнымъ юморомъ. Современные лѣтописцы изображаютъ его въ видѣ какого-то уродливаго, но страшнаго бѣса. Разсказываютъ, будто онъ день и ночь разъѣзжалъ по странѣ совершенно одинъ, размозжалъ дубиною головы трепещущимъ поселянамъ, далеко распространялъ вокругъ себя ужасъ, хваталъ заподозрѣнныхъ у домашняго очага или съ постели, бросалъ ихъ въ тюрьму, пыталъ, вѣшалъ, жегъ, безъ всякой тѣни слѣдствія, суда или письменнаго акта.

Однажды съ нимъ встрѣтился на дорогѣ свѣтскій судья, котораго народъ обыкновенно называлъ «Краснымъ жезломъ», по знаку его достоинства.—Онъ съ удивленіемъ спросилъ Тительмана: «Какъ вы рѣшаетесь ѣздить одни, или въ сопровожденіи одного или двухъ человѣкъ, арестуя направо и налѣво? Что до меня, то я не смѣю приступить къ исполненію моихъ обязанностей иначе, какъ съ вооруженнымъ конвоемъ, и то съ опасностью жизни.

«Э! Красный жезлъ! отвѣчалъ шутливо Тительманъ:—вамъ приходится имѣть дѣло съ дурнымъ народомъ, а мнѣ бояться нечего: я вѣдь хватаю только невинныхъ и безобидныхъ, которые не сопротивляются и даются какъ овечки».

«Прекрасно, сказалъ тотъ;—но если вы будете арестовывать всѣхъ хорошихъ людей, а я—всѣхъ дурныхъ, то кто же наконецъ избѣжитъ наказанія?» Неизвѣстно, что отвѣчалъ инквизиторъ, но несомнѣнно, что, какъ человѣкъ твердый, онъ продолжалъ дѣлать свое дѣло.

Онъ былъ самымъ дѣятельнымъ агентомъ религіознаго гоненія въ описываемую эпоху и уже задолго до того исполнялъ должность инквизитора. Нидерландская мартирологія полна кровью его жертвъ. Онъ жегъ людей за необдуманныя слова, за подозрительныя мысли, рѣдко дожидаясь дѣйствій, какъ онъ самъ наивно сознавался. Провѣдавъ, что одинъ школьный учитель, по имени Гелейнъ Мюллеръ, изъ Уденарде, «*позволяетъ себѣ читать библію*», онъ призвалъ его и обвинилъ въ ереси. Учитель требовалъ, чтобы, если онъ виновенъ, его судили судьи его роднаго города. «Я васъ арестую, сказалъ Тительманъ:—вы должны отвѣчать мнѣ, а не кому другому». Инквизиторъ принялся его допрашивать и вскорѣ, убѣдившись въ его ереси, потребовалъ, чтобы онъ немедленно отрекся отъ нея. Учитель отказался. «Развѣ вы не любите своей жены и дѣтей?» спросилъ коварный Тительманъ.

«Такъ люблю, отвѣчалъ еретикъ, что если бы весь міръ былъ изъ золота и принадлежалъ мнѣ, то я отдалъ бы его за то, чтобы быть съ ними, хотя бы мнѣ пришлось жить въ тюрьмѣ на хлѣбѣ и на водѣ». «Для этого вамъ стóитъ только отречься отъ своихъ заблужденій», ска-

залъ инквизиторъ. «Ни для жены, ни для дѣтей, ни для чего въ мірѣ не отрекусь я отъ моего Бога и отъ истинной вѣры», отвѣчалъ подсудимый. Тительманъ приговорилъ его къ костру. Осужденнаго удавили и бросили въ пламя.

Около того же времени одинъ турнэскій ткачъ, Томасъ Бальбергъ, попалъ подъ судъ къ тому же инквизитору и былъ уличенъ въ списываніи гимновъ изъ книги, изданной въ Женевѣ. Его сожгли живымъ. Другое лицо, имя котораго не сохранилось, былъ убитъ семью ударами заржавленной сѣкиры въ присутствіи своей жены, которая тутъ же на мѣстѣ умерла отъ ужаса прежде мужа. Преступленіе его состояло въ анабаптизмѣ, смертномъ грѣхѣ того времени. Въ томъ же году нѣкто Вальтеръ Капель былъ сожженъ за ересь. Это былъ человѣкъ съ состояніемъ, жившій въ Дикемуйде, во Фландріи, и любимый тамъ бѣднымъ народомъ, которому онъ помогалъ. Въ то время, какъ помощники инквизитора привязывали его къ столбу на кострѣ, какой-то бѣдный идіотъ, котораго онъ часто кормилъ, закричалъ имъ: «Разбойники, кровопійцы! Этотъ человѣкъ не сдѣлалъ ничего дурнаго; онъ кормилъ меня». Съ этими словами онъ бросился въ пламя, чтобы умереть вмѣстѣ со своимъ благодѣтелемъ, и прислужники съ трудомъ вытащили его оттуда. Спустя день или два послѣ того, идіотъ пришелъ къ столбу, гдѣ еще оставался обгорѣлый скелетъ Вальтера Капеля и, взваливъ его себѣ на плечи, пронесъ по улицамъ къ дому бургомистра, гдѣ въ то время происходило засѣданіе нѣсколькихъ судей. Онъ ворвался въ присутствіе и, положивъ свою ношу къ ногамъ судей, воскликнулъ: «Вотъ вамъ, убійцы! Вы съѣли его тѣло, съѣшьте теперь его кости»! Неизвѣстно, отправилъ ли его Тительманъ на тотъ свѣтъ къ его другу; судьба такой скромной жертвы не могла сохраниться на страницахъ исторіи нидерландскихъ мучениковъ, переполненныхъ извѣстными именами.

Такія дѣла, повторявшіяся ежедневно, не могли расположить народа къ инквизиціи и къ высочайшимъ указамъ. Эта система, разумѣется, многихъ устрашала; но чаще всего она внушала благородное сопротивленіе деспотизму, въ особенности религіозному деспотизму. Мужество, выказанное нѣкоторыми страдальцами передъ грозными инквизиторами, равнялось жестокости послѣднихъ.

Въ слѣдующимъ году Тительманъ велѣлъ арестовать въ Росселѣ, во Фландріи, Робера Ожіе, съ женою и двумя сыновьями. Вина ихъ состояла въ томъ, что они не ходили къ обѣднѣ и молились по-своему у себя дома. Они сознались въ этомъ, прибавивъ, что они не въ состояніи переносить оскверненія имени ихъ Искупителя идолопоклонническими обрядами. Ихъ спросили, какіе же обряды совершаютъ они дома, на что одинъ изъ мальчиковъ отвѣчалъ: «Мы становимся на колѣни и просимъ Бога, чтобы онъ просвѣтилъ сердца наши и отпустилъ намъ наши грѣхи. Мы молимъ Его за государя, чтобы онъ послалъ ему мирное и благополучное царствованіе, молимся за всѣхъ нашихъ судей и начальниковъ, чтобы Богъ сохранилъ и защитилъ ихъ всѣхъ». Простое краснорѣчіе мальчика вырвало слезы даже у судей, такъ какъ инквизиторъ отдалъ это дѣло на разсмотрѣніе гражданскаго суда. Тѣмъ не менѣе отецъ и старшій сынъ были приговорены къ сожженію. «Небесный Отецъ нашъ! молился юноша на кострѣ:—прими въ жертву жизнь нашу во имя твоего возлюбленнаго Сына»! — «Лжешь, плутъ! свирѣпо прервалъ монахъ,

подкладывавшій огонь:—не Богъ, а дьяволъ отецъ вашъ». Когда пламя окружило жертвы, мальчикъ снова воскликнулъ: «Смотри отецъ, все небо открылось; милліоны ангеловъ ликуютъ надъ нами! Возрадуемся! мы умираемъ за истину»! — «Лжешь! лжешь! снова крикнулъ на него монахъ: это адъ открылся, и милліоны демоновъ тащутъ васъ въ вѣчный огонь»! Спустя недѣлю, были сожжены жена и второй сынъ Ожіе, такъ что отъ этой семьи не осталось ничего.

Таковы были способы дѣйствій въ одной части Нидерландовъ. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ видно, что инквизиторъ Тительманъ вполнѣ заслужилъ свою страшную славу. Его называли Сауломъ Гонителемъ; всѣ хорошо знали, что онъ самъ былъ зараженъ вначалѣ тою ересью, которую онъ потомъ столько лѣтъ неумолимо преслѣдовалъ. Въ изображаемую нами эпоху политика, заявленная правительствомъ, подстрекнула его рвеніе къ новымъ подвигамъ, которые должны были затмить всѣ его прошлыя дѣла. Однажды онъ ворвался въ одинъ частный домъ, въ Риссель, схватилъ тамъ Іоанна Сварта съ женою и четырьмя дѣтьми, двѣ новобрачныя четы и еще двухъ лицъ, обличилъ ихъ въ чтеніи библіи и въ домашнихъ молитвахъ и всѣхъ немедленно присудилъ къ сожженію.

Тому же самому подвергались тысячи людей въ нидерландскихъ провинціяхъ. Мужчины, женщины и дѣти сожигались на кострахъ, и прахъ ихъ бросался въ воду за непочтительные отзывы о Римѣ, произнесенные за нѣсколько лѣтъ до того, за молитвы въ своихъ домахъ, за непреклоненіе колѣнъ предъ св. дарами, за мысли, которыхъ они никогда не заявляли, но отъ которыхъ имѣли честность не отрекаться, когда ихъ допрашивали. При такомъ способѣ дѣйствій, продолжавшемся цѣлые года въ нидерландскихъ провинціяхъ и проявившемся съ удвоенною силою подъ управленіемъ человѣка, которому самая корона, казалось, была дана только на то, чтобы онъ могъ удобнѣе мучить своихъ ближнихъ,—нельзя удивляться возстанію людей, а надобно удивляться, какъ не возстали камни на улицахъ.

Мы видимъ изъ всего этого, насколько были искренни Филиппъ и Гранвелла въ своихъ увѣреніяхъ, что они никогда не намѣревались вводить въ Нидерландахъ испанской инквизиціи,—увѣреніяхъ, которымъ въ послѣднее время придается такое значеніе. Едва ли была нужна такая мѣра, при указахъ и нидерландской инквизиціи, въ томъ видѣ, какъ мы ее описали.

Единственная разница между двумя инквизиціями состояла въ томъ, что испанская инквизиція быстрѣе открывала тѣхъ, кто былъ расположенъ къ отреченію отъ католической церкви, и вначалѣ направлялась преимущественно противъ невѣрныхъ, болѣе трусливыхъ и менѣе добросовѣстныхъ, нерѣдко прятавшихся въ безвѣстныхъ мѣстахъ или только для вида отрекавшихся отъ своихъ заблужденій; испанская инквизиція имѣла цѣлую шайку хитрыхъ лазутчиковъ, втиравшихся въ каждый домъ, грѣвшихся у каждаго очага. Такимъ образомъ семейныя дѣла каждаго изъ подданныхъ были извѣстны инквизиціи и государю, и ни одинъ невѣрный, ни одинъ еретикъ не могъ укрыться. Въ Нидерландахъ не было особенной нужды въ подобной системѣ. Тамъ было сравнительно легче истреблять этихъ «гадовъ», — по выраженію одного современнаго валлонскаго историка,—нужно было только держать въ исправности механизмъ, истреблявшій этихъ вредныхъ животныхъ, по мѣрѣ того какъ

ихъ открывали. Нидерландскіе еретики собирались другъ у друга для совершенія обрядовъ, описанныхъ съ такою трогательною простотою Балдуиномъ Ожіе и навлекавшихъ такія страшныя наказанія въ силу указовъ. Испанская система инквизиціи была излишнею съ людьми столь мало осторожными и столь мало расположенными скрывать свои убѣжденія. «Смѣшно читать, — пишетъ Гранвелла, случайно взглянувъ на инквизицію съ католической точки зрѣнія,—наставленія, какъ ловить еретиковъ, даваемыя намъ изъ Испаніи королемъ, какъ будто мы не знаемъ здѣсь цѣлыхъ тысячъ виновныхъ». «Желалъ бы я имѣть столько дублоновъ въ карманѣ, прибавляетъ онъ, сколько въ Нидерландахъ явныхъ еретиковъ. Несомнѣнно, что въ глазахъ такихъ людей, какъ онъ, инквизиція была превосходнымъ учрежденіемъ». «Безпристрастно говоря, замѣчаетъ тотъ же валлонскій историкъ, хорошая инквизиція—учрежденіе похвальное и не менѣе необходимое, какъ и всѣ другія свѣтскія учрежденія епископовъ и римскихъ папъ». Для Нидерландовъ было достаточно папской епископальной инквизиціи съ содѣйствіемъ указовъ, при точномъ примѣненіи и полномъ развитіи этихъ учрежденій. Достаточно было даже однихъ указовъ. «Инквизиція и указы составляютъ одно и то же», замѣтилъ принцъ Оранскій. Если въ Нидерландахъ гражданскіе суды не были такъ совершенно устранены, какъ въ Испаніи, то это составляетъ скорѣе различіе въ формѣ, чѣмъ въ фактѣ.

Мы видѣли, что свѣтскіе судьи находились въ полномъ распоряженіи инквизиторовъ. Шерифамъ, тюремщикамъ, судьямъ, палачамъ,—всѣмъ предписывалось, подъ страхомъ самыхъ жестокихъ наказаній, исполнять ихъ волю. Читателю уже извѣстно, что такое были указы; извѣстны ему также и инструкціи, данныя Карломъ и Филиппомъ папскимъ инквизиторамъ.

Мы уже говорили, что Филиппъ, какъ лично, такъ и письменно, употребилъ всѣ усилія, въ концѣ своего пребыванія въ Нидерландахъ, къ тому, чтобы эти инструкціи примѣнялись во всей строгости. Четырнадцать новыхъ епископовъ съ двумя офиціальными инквизиторами при каждомъ были назначены для осуществленія великаго плана, которому Филиппъ посвятилъ свою жизнь. Способъ, какимъ эти гонители еретиковъ исполняли свою обязанность, былъ бѣгло очерченъ нами въ описаніи одного изъ нидерландскихъ инквизиторовъ, Петра Тительмана. Изъ этого способа видно, что Филиппу и его министрамъ незачѣмъ было пересаживать на нидерландскую почву экзотическаго растенія Пиренейскаго полуострова. Самъ Филиппъ, не имѣвшій таланта выражать много въ немногихъ словахъ, выразилъ въ этомъ случаѣ все дѣло въ одномъ замѣчаніи: «Для чего вводить испанскую инквизицію? сказалъ онъ, *нидерландская гораздо безпощаднѣе*». Такова была система религіознаго гоненія, начатая Карломъ и продолженная Филиппомъ. Честь изобрѣтенія принадлежала въ этомъ случаѣ императору, а не испанскому королю. Но этимъ нимало не уменьшается отвѣтственность послѣдняго въ невыразимыхъ бѣдствіяхъ, причиненныхъ продолженіемъ императорскаго плана. Было время, въ которое вся эта система пришла въ относительное ослабленіе. Она была въ высшей степени противна нидерландскимъ обычаямъ и учрежденіямъ и возмущала даже католиковъ въ этихъ провинціяхъ. Первымъ возстало противъ нея высшее дворянство, принадлежавшее исключительно къ католической церкви. Однимъ словомъ, въ

Нидерландахъ инквизиція была только терпима, но никогда не была принята. Мало того, она никогда не была введена въ Люксембургѣ и въ Гренингенѣ. Въ Гельдерландѣ она не допускалась въ силу договора, по которому эта провинція была присоединена къ владѣніямъ императора, а Брабантъ постоянно съ успѣхомъ сопротивлялся ей. Поэтому Филиппъ не можетъ быть оправданъ въ глазахъ исторіи, не взирая на то, что онъ, по хитрому совѣту Гранвеллы, прикрылся именемъ императора, подтвердивъ слово въ слово его указы и инструкціи.

Гранвелла уже съ начала 1562 г. былъ крайне непопуляренъ въ Нидерландахъ. «Кардиналъ всѣмъ ненавистенъ», писалъ сэръ Томасъ Грисгемъ. Въ ту пору между нимъ и вліятельною знатью уже началась борьба. Народъ справедливо связывалъ его имя со всею возмутительною системою гоненій, которую онъ если и не изобрѣлъ, то избралъ цѣлью своихъ стремленій. Виліусъ и Барлемонъ были его креатурами. Съ остальными членами государственнаго совѣта онъ не удостоивалъ совѣщаться, по ихъ собственному торжественному увѣренію, о которомъ мы уже говорили, хотя въ то же время онъ старался взвалить на нихъ отвѣтственность за правительственныя мѣры. Даже регентша жаловалась на то, что кардиналъ захватилъ почти всю власть и рѣшалъ безъ ея вѣдома многія важныя дѣла. Она даже заподозрила, что ей пришлось разыгрывать роль куклы; въ ней уже ослабѣла та почтительная привязанность къ Гранвеллѣ, которую она чувствовала въ то время, когда добивалась для него кардинальской шапки.

Но Гранвелла твердо рѣшился осуществить планъ своего государя. Мы уже видѣли, какъ настойчиво принялся онъ за учрежденіе новыхъ епархій, вопреки общей ненависти и сопротивленіямъ. Онъ понуждалъ и поощрялъ инквизиторовъ всѣхъ провинцій въ исполненіи ихъ «святаго дѣла». Однако, несмотря на всѣ усилія его, ересь продолжала распространяться. Зараза была особенно сильна въ валлонскихъ провинціяхъ, гдѣ судьи и палачи были запуганы мятежными демонстраціями, вызывавшимися каждою казнью. Жертвамъ на пути къ эшафоту выражались всевозможные знаки сочувствія и одобренія. Гимны Маро пѣлись при инквизиторахъ. Особенное подозрѣніе навлекали на себя въ ту пору, въ Валансіеннѣ, два министра—Фаво и Малларъ. Губернаторъ этой провинціи, маркизъ Бергенъ, ненавидѣвшій всею душою систему гоненій, находился въ постоянной отлучкѣ. За это нерадѣніе Гранвелла безпрестанно писалъ на него тайные доносы королю. «Маркизъ явно говоритъ, сообщалъ кардиналъ, что никто не имѣетъ права проливать кровь за религіозныя убѣжденія. Можете себѣ представить, ваше величество, какъ успѣшно должно идти съ такими людьми наше дѣло». По мнѣнію Гранвеллы, необходимо было казнить валансіенскихъ министровъ.

Они были явными еретиками и читали проповѣди, не будучи докторами богословія. Сверхъ того, ихъ обвиняли,—разумѣется, совершенно нелѣпо,—въ томъ, что они будто бы выдавали себя за чудотворцевъ. Разсказывали, будто они брались въ присутствіи многихъ свидѣтелей, изгонять бѣсовъ; ихъ и арестовали на основаніи подобнаго обвиненія. Въ сущности вина ихъ состояла въ чтеніи библіи нѣкоторымъ изъ своихъ друзей. Гранвелла послалъ Филиберта изъ Брюсселя въ Валансіеннъ съ тѣмъ, чтобы немедленно осудить и казнить обоихъ проповѣдниковъ. Онъ понукалъ инквизиторовъ и судей и строго предписалъ

маркизу Бергену вернуться, наконецъ, къ своему посту. Арестованные были осуждены осенью 1561 года, но судьи не рѣшались приводить въ исполненіе приговора. Гранвелла не переставалъ упрекать ихъ въ трусости и ежедневно писалъ письма, въ которыхъ обвинялъ судей въ томъ, что они сами причиною пугавшихъ ихъ волненій. Однако съ народнымъ раздраженіемъ нельзя было шутить. Осужденные провели въ тюрьмѣ около полугода, и въ это время народъ день и ночь толпился на улицахъ, съ угрожающими криками противъ властей, или тѣснился передъ окнами тюрьмы, поощряя своихъ любимыхъ проповѣдниковъ и обѣщая выручить ихъ въ случаѣ, если бы покусились исполнить надъ ними приговоръ. Наконецъ Гранвелла прислалъ строгое предписаніе немедленно казнить осужденныхъ на кострѣ. 24 апрѣля 1562 г. Фаво и Маллара вывели изъ тюрьмы на площадь, гдѣ были сдѣланы приготовленія къ казни. Симонъ Фаво вскричалъ, когда палачъ привязывалъ его къ столбу: «О! Отецъ Небесный!» Въ эту же минуту какая-то женщина изъ толпы сняла башмакъ и бросила его въ костеръ. Это было условнымъ знакомъ. Толпа взволновалась и сильнымъ напоромъ сбила ограду, устроенную вокругъ костра. Одни растаскивали уже зажженныя дрова и разбрасывали ихъ по всѣмъ направленіямъ, другіе вырывали плиты изъ мостовой или ломали ограду. Палачей удержали отъ совершенія казни, но гвардіи удалось, благодаря быстротѣ и рѣшимости, увести осужденныхъ обратно въ тюрьму. Мѣстныя власти были въ страхѣ и нерѣшимости. Инквизиторы настаивали, чтобы проповѣдниковъ казнили въ тюрьмѣ и выбросили потомъ ихъ головы на улицу. Судьи совѣщались до самаго вечера. Народъ, между тѣмъ, ходилъ по городу, распѣвая Давидовы псалмы и не зная, что ему предпринять; но наконецъ онъ рѣшился освободить осужденныхъ. Послѣ долгихъ колебаній густая толпа подступила къ тюрьмѣ. «Нужно было видѣть эту подлую чернь, разсказывалъ одинъ очевидецъ:—она подходила, останавливалась, отступала, волновалась какъ море подъ дѣйствіемъ противоположныхъ вѣтровъ». Напоръ былъ силенъ, а защита слаба, потому что городское начальство не ожидало такой бурной демонстраціи, несмотря на угрозы, которыя давно уже слышались въ народѣ. Осужденные были освобождены и успѣли скрыться изъ города. День этой неудачной казни былъ прозванъ «днемъ недожженныхъ» (Journée des maubrulés). Одинъ изъ проповѣдниковъ, Симонъ Фаво, не устрашенный этимъ висѣвшимъ надъ нимъ мученичествомъ, продолжалъ свою еретическую дѣятельность и былъ снова арестованъ, спустя нѣсколько лѣтъ. «На этотъ разъ, шутливо замѣчаетъ тотъ же лѣтописецъ, онъ былъ дожженъ», на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его спасли въ первый разъ.

Отчаянное сопротивленіе деспотизму имѣло минутную удачу, благодаря тому, что, не взирая на ропотъ и угрозы, предшествовавшіе бурѣ, мѣстное начальство не вѣрило, чтобы народъ былъ способенъ дойти до такихъ крайностей. Еретики, по словамъ самого Тительмана, уже много лѣтъ отдавались какъ овцы въ руки своихъ палачей. Страхъ судей смѣнился вскорѣ яростью. Брюссельское правительство пришло въ крайнее озлобленіе, узнавъ о случившемся; рѣшено было немедленно отмстить кровавымъ возмездіемъ за оскорбленіе инквизиціи. 29 апрѣля, въ Валансіеннъ были присланы отряды полковъ Боссю и Бергена и одна рота полка герцога Аршота. Тюрьмы тотчасъ переполнились мужчинами и

женщинами, арестованными за дѣйствительное или мнимое участіе въ мятежѣ. Изъ столицы пришло предписаніе быстро судить и строго наказать всѣхъ виновныхъ. 16 мая началась бойня: кого жгли, кого обезглавливали; число жертвъ было ужасно. «Правительство употребляло всѣ средства къ исправленію и наказанію этого жалкаго народа», одобрительно замѣчаетъ одинъ очевидецъ. Судьи и палачи долго работали безъ отдыха. Надо полагать, что когда, наконецъ, рѣзня прекратилась, то за «день недожженныхъ» было вполнѣ отомщено, и «жалкій народъ» получилъ достаточный урокъ.

Такія сцены не могли усилить любви націи къ государю и популярности правительства. На Гранвеллу изливалось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ненависти. Нидерландцы видѣли въ немъ воплощеніе религіознаго гоненія, которое становилось съ каждымъ днемъ невыносимѣе.

XXXIV. ЗАГОВОРЪ ДВОРЯНСТВА И ГЁЗЫ.

(Изъ соч. Шиллера: «Исторія отпаденія Нидерландовъ отъ испанскаго владычества», перев. Полеваго, изданіе Гербеля).

До 1565 года, какъ кажется, принцъ Оранскій, графъ Эгмонтъ, графъ Горнъ и ихъ друзья желали только того, чтобы всюду поддержалось спокойствіе. Они въ этомъ отношеніи столько же руководились желаніемъ служить общему благу, сколько и стремленіемъ доставить *истинныя* выгоды королю, своему государю; по крайней мѣрѣ всѣ ихъ стремленія, всѣ дѣйствія ихъ не противорѣчили ни той, ни другой изъ этихъ цѣлей. До того времени, дѣйствительно, еще не произошло ничего такого, что бы не согласовалось съ ихъ вѣрностью своему государю, что бы могло дать возможность заподозрить чистоту ихъ намѣреній или подмѣтить въ нихъ склонность къ возстанію. Все, что было сдѣлано — было сдѣлано ими какъ обязательными членами республики, какъ представителями и защитниками націи, какъ совѣтниками короля, какъ людьми правдивыми и честными. Представленія, скромныя жалобы и прошенія были единственнымъ орудіемъ, которымъ они рѣшались бороться противъ высокомѣрія двора. Ни въ какомъ случаѣ не позволяли они себѣ увлекаться правдивѣйшимъ рвеніемъ къ своему дѣлу настолько, чтобы отвергнуть благоразуміе и умѣренность, которыя обыкновенно такъ легко переступаются духомъ партій. Однако же далеко не всѣ дворяне въ республикѣ повиновались этому голосу благоразумія, не всѣ оставались въ границахъ умѣренности.

Между тѣмъ какъ въ государственномъ совѣтѣ обсуждался важный вопросъ о томъ, должно ли націю подвергнуть величайшимъ бѣдствіямъ, или нѣтъ; между тѣмъ какъ ея присяжные руководители собирали на помощь ей всѣ доводы разума и справедливости, а граждане и народъ искали себѣ удовлетворенія въ пустыхъ жалобахъ, угрозахъ и проклятіяхъ,—къ дѣйствію собственно обратилась часть націи, менѣе всѣхъ другихъ вынужденная къ тому и на которую менѣе всего было обращено вниманія до того времени. Бо̀льшая часть бѣднаго дворянства ожидала отъ Филиппа повышенія и отличій, и не изъ одного стремленія къ почестямъ, а по гораздо болѣе матерьяльнымъ поводамъ. Многіе изъ

нихъ вошли въ неоплатные долги, изъ которыхъ имъ собственными силами оказывалось уже невозможнымъ выбраться. Слѣдовательно, Филиппъ, обойдя ихъ при замѣщеніи должностей разными лицами, нанесъ имъ оскорбленіе выше оскорбленія чести; онъ воспиталъ въ этихъ голякахъ цѣлую толпу праздныхъ наблюдателей и безжалостныхъ судей своимъ дѣйствіямъ, недоброжелательныхъ собирателей и распространителей всякаго рода новостей. Такъ какъ ихъ состояніе далеко не соотвѣтствовало ихъ гордости, то они по необходимости вынуждены были пускать въ ходъ свой единственный капиталъ, который растратить было невозможно, а именно — благородство и республиканскую важность своихъ именъ, и пустили въ оборотъ такую монету, которая можетъ имѣть цѣну только въ подобные періоды—свою протекцію. Съ сознаніемъ собственнаго достоинства, которому они тѣмъ болѣе давали простору въ душѣ своей, что оно составляло ихъ единственное имущество, они стали смотрѣть на себя, какъ на весьма важную посредствующую силу, стоящую между государемъ и гражданами, и вообразили себя призванными на то, чтобы подать помощь угнетенной республикѣ, которая будто бы съ нетерпѣніемъ ожидала ея, какъ послѣдней своей поддержки. Купцы-протестанты, въ рукахъ которыхъ находилась бо̀льшая часть нидерландскаго народнаго богатства и которые выше всего цѣнили возможность безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру, не упустили случая извлечь единственно возможную пользу изъ этого класса народа, являвшагося совершенно непроизводительнымъ на ихъ рынкѣ. Люди, на которыхъ они во всякое другое время взглянули бы, можетъ быть, съ гордостью богачей, могли теперь оказать имъ важныя услуги своею многочисленностью, горячностью, своимъ значеніемъ въ глазахъ толпы, озлобленностью противъ правительства, даже своею нищенскою гордостью и своимъ отчаяніемъ. На этомъ-то основаніи купцы ревностно старались приблизить ихъ къ себѣ, тщательно питали въ нихъ духъ мятежа, поддерживали въ нихъ высокое мнѣніе о себѣ и, что всего важнѣе, старались подкупить ихъ бѣдность своевременнымъ денежнымъ пособіемъ и блестящими обѣщаніями. Не многіе изъ этихъ дворянъ были настолько незначительны, чтобы не обладать хоть какимъ нибудь вліяніемъ, хотя бы по родственнымъ отношеніямъ къ знати, а всѣ они вмѣстѣ, если бы кому посчастливилось соединить ихъ, могли поднять противъ короны страшный вопль. Многіе изъ нихъ уже принадлежали къ новой сектѣ или были ей втайнѣ преданы; но даже и тѣ между ними, которые были ревностными католиками, все же имѣли достаточно и политическихъ, и частныхъ причинъ для того, чтобы объявить себя противниками инквизиціи и тридентскихъ положеній. Наконецъ, всѣ они были подстрекаемы даже своею суетностью на то, чтобы не пропустить единственный моментъ, въ теченіе котораго имъ бы, можетъ быть, удалось также сыграть какую нибудь роль въ республикѣ.

Но если и можно было многаго ожидать отъ соединенія этихъ людей во едино, то все же совершенно неосновательно и даже смѣшно было бы основывать какую бы то ни было надежду на одномъ изъ нихъ; да и не легко было заставить ихъ соединиться. Для такого сліянія ихъ воедино потребовались бы необычайныя обстоятельства. По счастью, обстоятельства эти представились сами собою. Въ Брюсселѣ въ это время праздновались свадьбы принца Александра Пармскаго и графа Монтиньи, одного

изъ знатнѣйшихъ нидерландскихъ дворянъ, и къ празднествамъ этимъ собралась въ Брюсселѣ бо́льшая часть нидерландскаго дворянства. Здѣсь завязывались новыя дружественныя отношенія и возобновлялись старыя; говорили о бѣдствіяхъ страны. А между тѣмъ вино и веселье развязывали языки и открывали сердца; стали проговариваться о необходимости всѣмъ соединиться какъ братьямъ, заключить союзъ съ иностранными державами. Эти случайныя сходки вскорѣ привели къ сборищамъ преднамѣреннымъ—и мало по малу общественные разговоры обратились въ тайныя совѣщанія. Не мѣшаетъ прибавить, что въ это же время проживали въ Нидерландахъ два нѣмецкихъ барона, графъ фонъ-Голле и фонъ-Шварценбергъ, которые не упускали случая къ возбужденію больших надеждъ на помощь сосѣдей. Уже незадолго передъ тѣмъ графъ Лудвигъ Нассаускій съ тою же самою цѣлью лично посѣщалъ нѣкоторые изъ германскихъ дворовъ.

Трудно было себѣ представить политическій моментъ, болѣе удобный для попытки какого нибудь переворота. Государствомъ правитъ женщина; провинціальные штатгальтеры недовольны правительствомъ и склонны къ потворству; нѣкоторые изъ членовъ государственнаго совѣта совершенно неспособны къ какой бы то ни было дѣятельности; никакой арміи въ провинціяхъ; немногія войска, какія въ нихъ находились, уже давно были недовольны невыдачею имъ жалованья и притомъ слишкомъ много разъ обмануты обѣщаніями, чтобы ихъ можно было привлечь новыми; сверхъ того, войска эти находились подъ начальствомъ такихъ офицеровъ, которые ненавидѣли инквизицію отъ всего сердца, и покраснѣли бы при одной мысли, что имъ прійдется поднять за нее мечъ; въ казнѣ не было денегъ, чтобы быстро набрать новыя войска или нанять войска иноземныя. Брюссельскій дворъ и всѣ три совѣта—все это одинаково разъединено раздорами и испорчено безнравственностью; у правительницы—никакой безусловной власти въ рукахъ, а король далеко; приверженцевъ у короля въ провинціяхъ мало, да и тѣ невѣрные и малодушные; народная же партія сильна и могущественна; двѣ трети народа возбуждены противъ папства и жаждутъ перемѣны. Какое несчастное, безпомощное положеніе правительства, и, что всего хуже, эта безпомощность слишкомъ хорошо извѣстна ея врагамъ!

Недоставало еще только того, чтобы всю эту толпу соединить въ одно разумное цѣлое, дать ей вождя и связать ее съ нѣсколькими значительными именами, дабы придать вѣсу ея начинаніямъ въ глазахъ республики. И то, и другое нашлось въ графахъ Лудвигѣ Нассаускомъ и Генрихѣ Бредероде; и тотъ, и другой принадлежали къ знатнѣйшимъ дворянамъ нидерландскимъ и оба по собственной охотѣ становились во главѣ предпріятія. Лудвигъ Нассаускій, братъ принца Оранскаго, соединялъ въ себѣ многія блестящія качества, которыя давали ему возможность достойно выступить на такой важной сценѣ. Въ Женевѣ, гдѣ обучался Лудвигъ, онъ вмѣстѣ съ ученіемъ всосалъ въ себя ненависть противъ іерархіи и привязанность къ новой религіи и при возвращеніи въ отечество не замедлилъ собрать около себя приверженцевъ этихъ мнѣній. Республиканскія стремленія, которыя почерпнулъ духъ его въ той же школѣ, поддерживали въ немъ жгучую ненависть ко всему, что называлось *испанскимъ*, и эта ненависть, одушевлявшая каждое дѣйствіе его, покинула его только съ послѣднимъ вздохомъ. Папство и испанское

управленіе въ его сознаніи являлись однимъ и тѣмъ же предметомъ, какъ оно и на самомъ дѣлѣ было, и отвращеніе, которое питалъ онъ къ одному изъ этихъ политическихъ явленій, усиливало въ немъ отвращеніе къ другому.

Генрихъ фонъ-Бредероде, баронъ Віанскій и бургграфъ Утрехтскій, производилъ свой родъ отъ древнихъ голландскихъ графовъ, нѣкогда правившихъ этою провинціею съ значеніемъ полновластныхъ государей. Такой важный титулъ придавалъ ему особенную цѣну въ глазахъ народа, который еще помнилъ своихъ прежнихъ государей и тѣмъ болѣе цѣнилъ его, чѣмъ болѣе сознавалъ, какъ мало выигралъ онъ вслѣдствіе перемѣны. Этотъ наслѣдственный блескъ былъ какъ нельзя болѣе кстати для человѣка, у котораго никогда не сходили съ языка слова его предковъ и который тѣмъ охотнѣе обращался къ обломкамъ прошлаго великолѣпія, чѣмъ менѣе утѣшительнымъ представлялось ему его настоящее положеніе. Исключенный отъ всѣхъ должностей и мѣстъ, на какія, повидимому, давало ему полное право высокое мнѣніе о самомъ себѣ и древность дворянскаго рода, онъ ненавидѣлъ правительство и позволялъ себѣ постоянно преслѣдовать всѣ мѣры его самыми безпощадными насмѣшками. Этимъ привязывалъ онъ къ себѣ толпу. И онъ тоже втайнѣ склонялся къ евангелическому исповѣданію, не потому однако же, чтобы вынуждали его къ этому убѣжденія, а скорѣе потому, что это тоже выражало собою отрицаніе правительственной программы. Онъ былъ скорѣе говоруномъ, нежели ораторомъ, и скорѣе наглымъ, нежели мужественнымъ человѣкомъ; онъ былъ, пожалуй, и храбръ, но болѣе потому, что не вѣрилъ въ опасность, нежели потому, чтобы онъ съумѣлъ поставить себя выше опасности. Лудвигъ Нассаускій сгоралъ жаждою служенія дѣлу, котораго защиту онъ взялъ на себя, а Бредероде—жаждою славы, которую ему могла принести эта защита; тотъ довольствовался дѣятельностью въ пользу своей партіи, а послѣднему хотѣлось непремѣнно стоять во главѣ ея. Никто болѣе его не годился въ передовые люди возстанія.

Кромѣ этихъ двухъ, къ союзу дворянства приступили еще изъ числа знатнѣйшихъ нидерландцевъ молодой графъ Карлъ фонъ-Мансфельдъ, графъ фонъ-Куилембургъ, графъ фонъ-Бергенъ, графъ фонъ-Баттенбургъ, Іоаннъ фонъ-Марниксъ—владѣтель Тулузскій, Филиппъ фонъ-Марниксъ—владѣтель С. Альдегонды; самый союзъ былъ заключенъ въ ноябрѣ 1565 года, въ домѣ нѣкоего фонъ-Гаммеса, гроссмейстера Золотаго Руна. Здѣсь-то шесть человѣкъ рѣшили судьбу своего отечества — зажгли пламенникъ сорокалѣтней войны и положили основаніе свободѣ, которою имъ самимъ никогда не суждено было воспользоваться. Цѣль братскаго союза выражена была въ слѣдующей формѣ присяги, подъ которою прежде всѣхъ другихъ подписался Филиппъ фонъ-Марниксъ:

«Послѣ того какъ нѣкоторыя злонамѣренныя лица, прикрываясь личиною благочестиваго рвенія, а на самомъ дѣлѣ лишь по влеченію собственной корысти и властолюбія, съумѣли понудить короля, нашего всемилостивѣйшаго государя, ко введенію въ здѣшней странѣ ужаснаго и отвратительнаго инквизиціоннаго суда (суда, который не только противорѣчитъ всѣмъ человѣческимъ, но и всѣмъ божескимъ законамъ, и по безчеловѣчію далеко превосходитъ всѣ варварскія учрежденія слѣпаго язычества, а вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняетъ инквизиціи всякую иную власть,

унижаетъ людей до постояннаго рабства и своимъ способомъ преслѣдованія подвергаетъ и правдивѣйшаго изъ гражданъ вѣчному страху смерти), рѣшились мы заключить союзъ ради охраненія безопасности нашихъ семействъ, нашихъ имуществъ и нашей личности. Съ этою цѣлью мы обязались и соединились въ священное братство, и поклялись торжественною клятвою, что будемъ противиться введенію этого суда въ здѣшней странѣ всѣми нашими силами, какъ бы ни старались ввести его — тайно или явно, и подъ какимъ бы то ни было именемъ. Въ то же время объявляемъ, что мы этимъ самымъ нимало не думаемъ затѣвать что-либо противозаконное противъ короля, нашего государя; напротивъ того, нашимъ непремѣннымъ намѣреніемъ попрежнему остается поддержка и защита его королевскаго правленія, поддержаніе мира и, по возможности, подавленіе всякаго возстанія. Сообразно этому намѣренію, мы уже поклялись — и теперь еще разъ клянемся — свято чтить правительство и щадить его на словахъ и на дѣлѣ, и въ томъ призываемъ всемогущаго Бога въ свидѣтели!

«Далѣе—обязуемся и клянемся обоюдно защищать и оборонять другъ друга всегда, всюду и противъ чьего бы то ни было нападенія, относительно тѣхъ пунктовъ, которые обозначены въ этомъ обязательствѣ. Симъ обязуемся мы сверхъ того, что никакое обвиненіе со стороны нашихъ гонителей, какимъ бы названіемъ оно ни было украшено—названіемъ ли бунта, возстанія или другаго чего—не должно нарушить нашей клятвы по отношенію къ одному изъ обязывающихся вмѣстѣ съ нами, или освободить насъ отъ обѣщанія, даннаго ему. Никакое дѣйствіе, направленное противъ инквизиціи, не можетъ заслуживать названія возстанія; а потому, если бы кто изъ-за подобной причины подвергнутъ былъ заключенію, тому мы этимъ самымъ обязываемся, по мѣрѣ нашей возможности, помогать и возвратить ему свободу всякими дозволенными способами. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ правилахъ нашего соглашенія, въ особенности же по отношенію къ суду инквизиціи, мы представляемъ дѣло на разрѣшеніе общественному мнѣнію всего союза или на заключеніе тѣхъ, которыхъ мы единогласно назовемъ своими совѣтниками или предводителями.

«Во свидѣтельствованіе сего и въ подтвержденіе этого созыва, мы взываемъ къ святому имени Бога живаго, Создателя неба и земли, и всего, что на небѣ и на землѣ, испытующаго сердца, совѣсти и мысли, и вѣдающаго чистоту нашихъ намѣреній. Мы молимъ Его о помощи его Св. Духа, дабы счастіе и честь увѣнчали наши намѣренія, въ прославленіе имени Его, а нашему отечеству на благо и вѣчный миръ».

Этотъ договоръ былъ тотчасъ же переведенъ на многіе языки и быстро разнесся по всѣмъ провинціямъ. Каждый изъ заговорщиковъ собралъ всѣхъ своихъ друзей, родныхъ, приверженцевъ и слугъ, дабы какъ можно скорѣе увеличить массу участвующихъ въ союзѣ. Начались шумные пиры, продолжавшіеся по цѣлымъ днямъ—непреодолимый соблазнъ для чувственнаго, распутнаго класса людей, въ которомъ и глубочайшая бѣдность не могла заглушить стремленія къ довольству. Кто попадалъ на эти пиры—а тамъ рады были всякому—тотъ непремѣнно разнѣживался подъ вліяніемъ предупредительныхъ увѣреній въ дружбѣ, разгоряченный виномъ, увлекался чужимъ примѣромъ и поддавался огненнымъ потокамъ яростнаго краснорѣчія. Многимъ водили руку при

подписи; сомнѣвающихся встрѣчали бранью, робкихъ—угрозами, твердыхъ въ своемъ убѣжденіи старались перекричать; иные даже и вовсе не знали, подъ чѣмъ собственно приходилось имъ подписываться, и стыдились потомъ объ этомъ распрашивать. Общій круговоротъ не давалъ никому времени даже и задуматься надъ выборомъ; многіе по одному только легкомыслію приставали къ партіи, нѣкоторыхъ привлекало къ ней блестящее товарищество, трусливыхъ ободряла многочисленность. Употреблена была въ дѣло еще и слѣдующая хитрость: имена и печати принца Оранскаго, графовъ Эгмонта, Горна, Мегена и многихъ другихъ были фальшиво поддѣланы,—и этой уловкой союзъ привлекъ къ себѣ не одну сотню человѣкъ. Особенное вниманіе обращено было на офицеровъ арміи, чтобы на всякій случай и съ этой стороны обезпечить себя, если бы дѣло дошло до насилія. Посчастливилось привлечь многихъ изъ числа офицеровъ, особенно младшихъ, на сторону партіи, и Бредероде даже, говорятъ, обнажилъ шпагу противъ одного прапорщика, который хотѣлъ-было одуматься. Подписывались подъ вышеприведеннымъ договоромъ люди изо всѣхъ классовъ общества. Не смотрѣли и на различіе въ вѣроисповѣданіи: даже католическіе священники приступали къ союзу. Побудительныя причины не для всѣхъ были одинаковы, но предлогъ былъ одинъ и тотъ же у всѣхъ: католики заботились исключительно о смягченіи эдиктовъ и уничтоженіи инквизиціи, протестанты имѣли въ виду неограниченную свободу совѣсти. Нѣкоторыя, наиболѣе смѣлыя, головы затѣвали ни болѣе. ни менѣе, какъ полнѣйшій переворотъ въ настоящемъ образѣ правленія; а самые ничтожные въ числѣ заговорщиковъ питали въ себѣ низкія надежды воспользоваться общей неурядицей.

На прощальный обѣдъ, который около самаго этого времени былъ данъ графами фонъ-Шварценбергъ и фонъ-Голле, сначала въ Бредѣ, а потомъ въ Готстратенѣ, съѣхались въ эти оба города многіе изъ знатнѣйшихъ нидерландскихъ дворянъ, и въ числѣ ихъ находились многіе изъ успѣвшихъ уже предварительно подписаться подъ договоромъ. Принцъ Оранскій, а также и графы Эгмонтъ, фонъ-Горнъ и фонъ-Мегенъ тоже присутствовали на этомъ пиршествѣ, впрочемъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія и безъ всякаго участія въ союзѣ, хотя одинъ изъ собственныхъ секретарей Эгмонта и нѣкоторые люди изъ свиты остальныхъ графовъ уже въ это время успѣли открыто приступить къ союзу. Во время этого пиршества оказалось около 300 человѣкъ, подписавшихся подъ договоромъ, и даже поднятъ былъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ обратиться къ правительницѣ—съ оружіемъ ли, или безъ оружія въ рукахъ, съ прошеніемъ, или просто съ рѣчью. Горнъ и принцъ Оранскій (Эгмонтъ ни за что не хотѣлъ мѣшаться въ это предпріятіе) были при этомъ избраны въ судьи для разрѣшенія вопроса и порѣшили его такъ, что не слѣдуетъ покидать пути смиренія и покорности; это, однако же, не помѣшало тому, чтобы впослѣдствіи взведено было на нихъ обвиненіе въ томъ, что они почти открыто приняли умыселъ заговорщиковъ подъ свое покровительство. Итакъ, порѣшили не вооружаться и войти къ правительницѣ съ прошеніемъ, для чего и назначенъ былъ день, въ который всѣ должны были собраться въ Брюсселѣ.

Первый извѣстилъ правительницу о заговорѣ дворянства графъ фонъ-Мегенъ, тотчасъ по возвращеніи своемъ съ этого празднества. «Гото-

вится важное предпріятіе — такъ позволилъ онъ себѣ проговориться:— участвуютъ въ немъ 300 дворянъ; это касается религіи; участники считаютъ себя обязанными клятвою; много разсчитываютъ на иноземную помощь—остальное вскорѣ откроется само собой». Больше онъ ничего не сказалъ, какъ она ни настаивала. «Мнѣ довѣрилъ эти свѣдѣнія одинъ дворянинъ подъ зарокомъ молчанія, и я ему честнымъ словомъ обязался молчать», такъ отвѣчалъ графъ. Собственно же говоря, его не столько воздерживала отъ дальнѣйшихъ объясненій деликатность отношеній по честному слову, сколько отвращеніе отъ инквизиціи, которой онъ ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ былъ оказать услуги. Вскорѣ послѣ того графъ Эгмонтъ передалъ правительницѣ списокъ вышеупомянутаго договора, причемъ назвалъ ей, за весьма немногими исключеніями, всѣхъ заговорщиковъ по именамъ. Почти въ то же самое время написалъ ей принцъ Оранскій: «набирается, какъ слышно, войско; четыреста офицеровъ уже назначено, и вскорѣ двадцать тысячъ человѣкъ будутъ уже подъ ружьемъ». Такимъ образомъ, слухъ о заговорѣ преднамѣренно преувеличивался, и опасность возрастала, переходя изъ устъ въ уста.

Правительница, отуманенная первымъ впечатлѣніемъ ужаса при этомъ извѣстіи и руководимая только страхомъ, поспѣшно сзываетъ всѣхъ, кто только изъ членовъ государственнаго совѣта на ту пору находился въ Брюсселѣ, и въ то же время приглашаетъ самымъ убѣдительнымъ письмомъ принца Оранскаго и графа фонъ-Горна вновь занять въ сенатѣ покинутыя ими мѣста. Еще прежде ихъ прибытія она уже совѣщается съ Эгмонтомъ, Мегеномъ и Барлэмонтомъ о томъ, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ тягостномъ положеніи. Вопросъ заключался въ слѣдующемъ: должно ли тотчасъ взяться за оружіе, или же уступить необходимости и принять прошеніе отъ заговорщиковъ, или же постараться обѣщаніями и мнимою уступчивостью воздержать ихъ до тѣхъ поръ, пока не выиграно будетъ настолько времени, чтобы добыть себѣ изъ Испаніи положительныя указанія, какъ слѣдуетъ вести себя съ заговорщиками, да къ тому же успѣть запастись и деньгами, и войсками.

Правительница рѣшается ожидать мнѣнія, которое будетъ высказано въ общемъ собраніи государственнаго совѣта; однако же, въ ожиданіи засѣданія, она не останется праздною. Укрѣпленія въ важнѣйшихъ городахъ осматриваются по ея приказанію, и всѣ поврежденія въ нихъ исправляются; посланники ея при иностранныхъ дворахъ получаютъ отъ нея приказанія удвоить свою дѣятельность; приготовляются легкія суда къ отплытію въ Испанію. Въ то же время правительница пытается опять возобновить слухъ о скоромъ прибытіи короля и во внѣшнемъ обращеніи выказать твердость и равнодушіе человѣка, который хотя и ожидаетъ нападенія, однако же не думаетъ, повидимому, поддаться врагу.

Въ исходѣ марта, слѣдовательно ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ составленія заговорщиками вышеприведеннаго акта, собрался въ Брюсселѣ государственный совѣтъ въ полномъ своемъ составѣ. Въ немъ присутствовали: принцъ Оранскій, герцогъ Аршотъ, графы Эгмонтъ, фонъ-Бергенъ, фонъ-Мегенъ, фонъ-Арембергъ, фонъ-Горнъ, фонъ-Барлэмонтъ и другіе, подъ предсѣдательствомъ Виглія. Тутъ уже оказались на-лицо разныя письма, въ которыхъ сообщались ближайшія свѣдѣнія о планѣ заговора. Крайность, въ которой находилась правительница, придавала недовольнымъ такое значеніе, которымъ они теперь не преминули вос-

пользоваться и при этомъ случаѣ высказались довольно рѣзко послѣ долгой сдержанности. Стали дозволять себѣ горькія обвиненія и противъ самаго двора, и противъ управленія. «Еще недавно», рѣшился высказать принцъ Оранскій, «король отправилъ сорокъ тысячъ гульденовъ золотомъ королевѣ шотландской для поддержки ея предпріятій противъ Англіи, а своимъ Нидерландамъ предоставляетъ погибать подъ бременемъ ихъ долговъ». При этомъ случаѣ принцъ не могъ не намекнуть на скрытую ненависть, которую, повидимому, король питалъ по отношенію ко всей Нассауской фамиліи и, въ особенности, по отношенію къ нему лично. По примѣру принца, заговорили графъ Горнъ и многіе другіе, которые горячо и рѣзко стали распространяться о своихъ заслугахъ и о неблагодарности короля. Правительницѣ стоило большаго труда унять шумъ и вновь заставить всѣхъ обратить вниманіе на дѣйствительный предметъ разсужденій засѣданія. Вопросъ заключался въ томъ, слѣдуетъ ли принимать прошеніе отъ заговорщиковъ, которые, какъ извѣстно было, собирались обратиться съ прошеніемъ ко двору? Герцогъ Аршотъ, графы Арембергъ, фонъ-Мегенъ и Барлэмонтъ отвѣчали отрицательно. «Для чего же непремѣнно пятистамъ человѣкамъ передавать небольшую записочку?» сказалъ послѣдній. «Это сопоставленіе смиренія и наглости не предвѣщаетъ ничего добраго. Пусть они присылаютъ къ намъ изъ среды своей человѣка почтеннаго, безъ всякаго блеска, безъ всякаго высокомѣрія, и этимъ путемъ передадутъ намъ свое прошеніе. А не то—такъ слѣдуетъ передъ ними и двери на запоръ. Если же ихъ впустить, такъ слѣдуетъ строго наблюдать за ними и наказать смертью за первую дерзость, въ которой кто нибудь изъ нихъ провинится». Графы фонъ-Мегенъ и Арембергъ также затруднялись принять прошеніе отъ заговорщиковъ; а принцъ Оранскій, графы Эгмонтъ, фонъ-Горнъ и многіе другіе настоятельно подавали голоса въ пользу принятія. Итакъ, на основаніи того, что бо̀льшая часть голосовъ была за это мнѣніе, рѣшили допустить заговорщиковъ, само собою разумѣется, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они явились невооруженными и вели себя скромно. Перебранка между членами совѣта отняла въ этомъ засѣданіи бо̀льшую часть времени, такъ что дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса надо было отложить до слѣдующаго собранія, которое и было открыто на слѣдующій же день.

Дабы не упустить изъ виду главнаго предмета изъ-за безполезныхъ жалобъ, какъ въ засѣданіи предшествующаго дня, правительница на этотъ разъ тотчасъ поспѣшила приступить къ главной цѣли собранія. «Какъ намъ сообщаютъ, сказала она, Бредероде долженъ войти къ намъ отъ имени союза съ прошеніемъ объ уничтоженіи инквизиціи и смягченіи эдиктовъ. Общій приговоръ моего сената долженъ будетъ рѣшить, что именно я должна буду отвѣчать ему; но, прежде нежели вы изложите ваши мнѣнія, позвольте мнѣ предпослать имъ нѣсколько словъ. Мнѣ сказываютъ, что многіе, даже и между вами, открыто порицаютъ религіозные эдикты императора, отца моего, и представляютъ ихъ народу безчеловѣчными и варварскими. Теперь спрашиваю васъ самихъ, кавалеры Золотаго Руна, совѣтники государственные и его величества, не вы ли сами подавали голоса въ пользу этихъ эдиктовъ, и. самыя сословія царства не признали ли ихъ вполнѣ законными? Зачѣмъ же теперь порицаютъ то, что прежде объявлено было закономъ? Ужь не по-

тому ли, что это теперь, болѣе чѣмъ когда либо, стало необходимо? Да и давно ли инквизиція въ Нидерландахъ стала чѣмъ-то необыкновеннымъ? Развѣ императоръ не учредилъ ея шестнадцать лѣтъ тому назадъ, и въ чемъ она можетъ быть болѣе жестокою, нежели эдикты? Теперь говорите смѣло: я вовсе не желала бы, чтобы рѣчь моя стѣсняла васъ въ вашемъ заключеніи; но вы, съ вашей стороны, должны озаботиться о томъ, чтобы заключеніе это было безпристрастно».

Государственный совѣтъ, какъ и всегда, раздѣлился на двѣ стороны въ мнѣніяхъ; но тѣ немногіе, которые говорили въ пользу инквизиціи и буквальнаго исполненія эдиктовъ, были совершенно подавлены большинствомъ голосовъ противной партіи, во главѣ которой стоялъ принцъ Оранскій. «Если бы Богу было угодно, такъ началъ онъ рѣчь свою, чтобы мои представленія сочтены были достойными разсмотрѣнія, пока они выражали собою не болѣе, какъ отдаленныя опасенія, то мы бы никогда не были доведены до того, чтобы рѣшаться на крайнія средства; да и тѣ люди, которые находились въ заблужденіи, вѣроятно бы тоже не стали еще глубже погрязать въ нихъ именно изъ-за тѣхъ самыхъ мѣръ, которыя примѣнялись къ нимъ, чтобы извлечь ихъ отъ мрака заблужденія. Всѣ мы, какъ видите, совершенно сходимся въ главной цѣли. Мы бы всѣ хотѣли видѣть католическую религію внѣ всякой опасности; если этого нельзя достигнуть безъ помощи инквизиціи, тогда—извольте, мы готовы за нее жертвовать и жизнью, и имуществомъ; но именно съ этимъ-то, какъ видите, бо́льшая часть изъ насъ и не можетъ согласиться.

«Намъ нужна теперь не жестокость, а снисходительность. Мы видимъ недовольство народа, которое мы должны стараться смягчить, если мы не желаемъ дожить до возстанія. Вмѣстѣ со смертью Пія IV полномочіе инквизиторовъ окончилось; новый папа еще не присылалъ подтвержденія этого полномочія, безъ котораго еще ни одинъ папа до сихъ поръ не рѣшался вступать въ исправленіе своей должности. Слѣдовательно, теперь именно наступило время, когда ее можно отрѣшить, не нарушая ничьего права.

«То, что я сказалъ объ инквизиціи, можетъ быть отнесено и къ эдиктамъ. Они были вызваны потребностью времени, но время это уже миновало. Такой продолжительный опытъ долженъ же былъ наконецъ доказать намъ, что противъ ереси нѣтъ средства безплоднѣе костровъ и меча. Вѣдь какіе огромные успѣхи сдѣлала въ теченіе немногихъ последнихъ лѣтъ новая религія въ провинціяхъ! И если мы прослѣдимъ причины этихъ успѣховъ, то найдемъ, что важнѣйшею была достославная твердость тѣхъ, которые пали жертвами новой религіи. Увлеченные жалостью и пораженные изумленіемъ, свидѣтели смерти ихъ потомъ начинали про себя обдумывать, что ужь вѣрно истиной должно быть то, что̀ люди утверждаютъ съ такимъ непреодолимымъ мужествомъ. Но именно этимъ-то путемъ и идетъ всегда ересь. Если на нее смотрятъ съ презрѣніемъ, то она распадается въ ничто. Это—то же, что желѣзо, которое ржавѣетъ отъ покоя и изощряется отъ употребленія. Стоитъ только отвернуться отъ ереси, и она теряетъ всю свою прелесть, очарованіе новизны и запретности. И почему же намъ не удовольствоваться тѣми мѣрами, которыя оправдываемы бывали многими великими правителями? Примѣры лучше всего должны руководить нами.

«Самъ Филиппъ, нашъ всемилостивѣйшій государь, прежде, повиди-

мому, склонялся къ пощадѣ; но совѣты какого нибудь Гранвеллы и подобныхъ ему заставили его иначе смотрѣть на вещи. Въ какой степени это справедливо, сами можете себѣ представить; а мнѣ уже издавна всегда казалось, что законы должны сообразоваться съ нравами, а правила съ временемъ, если только желаютъ законамъ успѣха».

На этотъ разъ принцъ Оранскій обязанъ былъ не истинѣ и непреложности своихъ доводовъ, поддержанныхъ самымъ положительнымъ большинствомъ сената, тѣмъ, что представленія его остались не совсѣмъ безъ значенія: этому гораздо болѣе способствовало жалкое положеніе военной силы и истощеніе казны. Чтобы отразить первый напоръ бури и выиграть время, порѣшили удовлетворить часть требованій заговорщиковъ. Порѣшено было смягчить указы императора о наказаніяхъ въ такой степени, въ какой бы онъ самъ смягчилъ ихъ, если бы могъ встать теперь изъ могилы. Инквизицію слѣдовало не вводить туда, гдѣ ея еще не было, а куда она была введена, тамъ предполагалось поставить ее на болѣе снисходительную ногу, или даже совсѣмъ прекратить ея дѣйствія, такъ какъ инквизиторы еще не были утверждены новымъ папою въ своихъ должностяхъ. Тайному совѣту поручено было немедленно изготовить на бумагѣ это заключеніе сената. Приготовившись такимъ образомъ, стали выжидать, что будетъ далѣе съ заговорами.

Сенатъ еще не успѣлъ разойтись, какъ уже по всему Брюсселю распространилось извѣстіе, что лигисты приближаются къ городу. Ихъ было всего двѣсти человѣкъ конныхъ; но молва преувеличила ихъ число. Правительница, совершенно смущенная, ставитъ вопросъ такъ: запереть ли ворота передъ вступающими въ городъ, или спасаться отъ нихъ бѣгствомъ? И то, и другое предложеніе отвергается всѣми; да къ тому же и мирный въѣздъ дворянъ вскорѣ опровергаетъ всѣ опасенія насильственнаго нападенія. Въ первое утро по прибытіи въ Брюссель они собираются въ домѣ Куилембурга, гдѣ Бредероде требуетъ отъ нихъ вторичной клятвы въ томъ, что они, сверхъ всѣхъ остальныхъ обязанностей, должны защищать другъ друга и оружіемъ, если бы то понадобилось. Тутъ же было имъ показано письмо изъ Испаніи, въ которомъ значилось, что одинъ протестантъ, котораго всѣ они знали и уважали, былъ сожженъ на медленномъ огнѣ. Назначенъ былъ слѣдующій день, 5 апрѣля 1566 года, для передачи прошенія.

Число заговорщиковъ въ это время простиралось отъ трехъ до четырехъ-сотъ человѣкъ. Между ними находилось много дворянъ, состоявшихъ въ ленной зависимости отъ знати, а равно и многіе изъ свиты самого короля и герцогини. Предводимые графами Нассаускимъ и Бредероде, они направились шествіемъ, по четверо въ рядъ, ко дворцу; весь Брюссель, въ молчаливомъ изумленіи, смотрѣлъ на необычайное для него зрѣлище. Всѣ видѣли передъ собою людей, которые выступали настолько бодро и смѣло, что ихъ нельзя было принять за просителей, и притомъ во главѣ ихъ шли два человѣка, которыхъ никто не привыкъ видѣть просящими; съ другой стороны, въ рядахъ ихъ замѣтно было столько смиренія и спокойствія, что ни о какомъ бунтѣ и рѣчи быть не могло. Правительница принимаетъ шествіе, окруженная всѣми своими совѣтниками и кавалерами Золотаго Руна. «Эти благородные нидерландцы, — почтительно обращается къ ней Бредероде,— которые здѣсь являются вашему высочеству, и многіе другіе, которые должны сюда же явиться

вскорѣ, желаютъ вамъ представить прошеніе, о важности коего, равно какъ и о ихъ смиреніи, можетъ свидѣтельствовать вамъ это торжественное явленіе ихъ передъ вашимъ высочествомъ. Я, какъ лицо, на которое возложена обязанность вести рѣчь съ вашимъ высочествомъ, умоляю васъ принять это прошеніе, не заключающее въ себѣ ничего такого, что бы не согласовалось съ благомъ отечества нашего и съ достоинствомъ короля».

— «Если это прошеніе, — отвѣчала Маргарита, — дѣйствительно, не заключаетъ въ себѣ ничего несогласующагося съ благомъ отечества и достоинствомъ короля, то нѣтъ и сомнѣнія въ томъ, что оно будетъ удовлетворено». И затѣмъ она отпустила лигистовъ до слѣдующаго дня, когда имъ надлежало получить отъ нея отвѣтъ на ихъ прошеніе, о которомъ она теперь еще разъ отправилась совѣтоваться съ кавалерами.

«Никогда,—такъ гласило это прошеніе,—никогда не отрѣшались мы отъ вѣрности своему королю, да и теперь весьма далеки отъ этого; однако же мы желаемъ лучше подвергнуться опасности попасть въ немилость къ своему государю, нежели оставить его въ невѣдѣніи тѣхъ дурныхъ послѣдствій, какія угрожаютъ нашему отечеству вслѣдствіе насильственнаго введенія инквизиціи и настоятельной поддержки эдиктовъ. Долго успокоивали мы себя надеждою на то, что настоящее собраніе штатовъ избавитъ насъ отъ этихъ тягостей; теперь же, когда уже нельзя болѣе питать этой надежды, мы считаемъ своею обязанностью предупредить правительницу о томъ, что дѣло можетъ кончиться дурно. А потому и просимъ ваше высочество отправить въ Мадридъ благонамѣренное лицо, хорошо знакомое съ нашимъ положеніемъ, которое бы могло побудить короля, сообразно единогласному желанію націи, уничтожить инквизицію, отрѣшить эдикты и, вмѣсто нихъ, приказать общему собранію штатовъ составить новые и болѣе человѣчные. А между тѣмъ, пока рѣшеніе короля не будетъ обнародовано, мы просимъ не приводить въ исполненіе эдиктовъ и прекратить дѣйствія инквизиціи. «Если же—такъ заключалось прошеніе—на смиренное прошеніе наше не будетъ обращено вниманія, то мы беремъ Бога, короля, правительницу и всѣхъ ея совѣтниковъ въ свидѣтели что мы съ нашей стороны сдѣлали все возможное, какія бы несчастныя послѣдствія ни произошли изъ этого».

На слѣдующій день лигисты явились точно такимъ же шествіемъ предъ правительницей, дабы услышать отъ нея рѣшеніе. Рѣшеніе это было написано сбоку прошенія и гласило: «Не въ моей власти—отрѣшить совершенно инквизицію и эдикты; однако же я согласна, сообразно желанію просящихъ, послать въ Испанію одного изъ дворянъ и поддержать всѣми силами ихъ ходатайство предъ королемъ. Одновременно съ этимъ должно быть отдано приказаніе инквизиторамъ, чтобы они отправляли обязанности свои съ возможною умѣренностью; въ возмездіе за это ожидаю отъ вашего союза, что онъ воздержится отъ всякихъ насилій и ничего не будетъ предпринимать противъ католической религіи». Какъ ни былъ этотъ общій и нерѣшительный отвѣтъ неудовлетворителенъ по отношенію къ лигистамъ, тѣмъ не менѣе онъ представлялъ собою все, что они могли ожидать съ какимъ нибудь вѣроятіемъ. Исполненіе или неисполненіе прошенія, собственно говоря, не имѣло ничего общаго съ дѣйствительною цѣлью союза. Для настоящаго времени достаточно было уже и того, что было хоть что-нибудь, чѣмъ можно было попугать, въ слу-

чаѣ нужды, правительство. А потому и лигисты поступили вполнѣ сообразно своему плану, удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ и предоставивъ остальное на разрѣшеніе короля. Такъ какъ весь фокусъ этого прошенія былъ придуманъ только для того, чтобы подъ личиною просителей скрывать болѣе смѣлые планы союза до тѣхъ поръ, пока онъ настолько окрѣпнетъ, что ему можно будетъ выказать себя въ настоящемъ свѣтѣ, то лигисты должны были заботиться о томъ, чтобы удержать на себѣ подольше эту личину. А потому въ новомъ прошеніи, которое они подали черезъ три дня послѣ перваго, они стали настаивать на положительномъ свидѣтельствѣ правительницы въ томъ, что *они ничего не совершили, кромѣ исполненія своихъ обязанностей, и что ими руководило лишь вѣрноподданническое рвеніе къ королю.* Когда же герцогиня стала уклоняться отъ объясненія, то они, не сойдя еще съ лѣстницы, отправили къ ней кого-то, кто долженъ былъ повторить передъ нею ту же просьбу: «Одно только время и ваше будущее поведеніе — отвѣчала герцогиня посланному — могутъ доказать намъ чистоту вашихъ намѣреній».

Пиры дали начало этому союзу, и пиръ же придалъ ему внѣшнюю форму и законченность. Въ тотъ же самый день, когда подано было второе прошеніе, Бредероде угощалъ заговорщиковъ въ домѣ Куилембурга; присутствовало около 300 человѣкъ гостей; опьяненіе придало имъ много отваги, и храбрость ихъ возрастала съ числомъ. Тутъ только припомнили нѣкоторые изъ нихъ, что слышали, какъ графъ Барлэмонтъ шепнулъ по-французски правительницѣ, которая, повидимому, поблѣднѣла при передачѣ прошенія: «вы не должны бояться горсти этихъ *нищихъ* (gueux)». И дѣйствительно, бо̀льшая часть изъ нихъ упала такъ низко вслѣдствіе дурнаго управленія своими дѣлами, что вполнѣ оправдывала названіе, данное графомъ. Такъ какъ въ это самое время затруднялись всѣ выборомъ названія для братства, то это выраженіе графа и было жадно подхвачено всѣми, такъ какъ оно подъ видомъ смиренія скрывало заносчивость ихъ замысловъ и въ то же время болѣе всего было близко къ правдѣ. Тотчасъ же стали они поздравлять другъ друга подъ этимъ именемъ, и всѣ кричали съ особеннымъ удовольствіемъ: «да здравствуютъ *гезы* (нищіе, оборвыши, бѣдняки)». По окончаніи стола, явился среди нихъ Бредероде съ сумою, какія тогда носили странствующіе богомольцы и нищенствующіе монахи, повѣсилъ ее себѣ на шею, выпилъ за здоровье всѣхъ присутствующихъ изъ деревянной чаши, благодарилъ за вступленіе въ союзъ и заявилъ, что готовъ жертвовать жизнью и добромъ за каждаго изъ нихъ. Всѣ громко кричали то же самое; кубокъ пошелъ въ круговую, и каждый, поднося его къ губамъ, произносилъ ту же фразу. Затѣмъ каждый получилъ по нищенской сумѣ и повѣсилъ ее на своемъ гвоздикѣ. Шумъ, произведенный этою потѣхой, привлекъ вниманіе принца Оранскаго, графовъ Эгмонта и фонъ-Горна, случайно проѣзжавшихъ мимо дома; они вошли въ домъ, тутъ Бредероде, какъ хозяинъ, приступилъ къ нимъ съ шумными заявленіями, прося ихъ остаться и выпить съ ними стаканъ вина. Прибытіе этихъ троихъ именитыхъ гостей вновь подзадорило всѣхъ къ веселью, и оно стало доходить до полнаго разгула. Что рѣшили подъ вліяніемъ опьянѣнія, то въ трезвомъ видѣ привели въ исполненіе. Народъ воочію долженъ былъ видѣть своихъ защитниковъ, и ревность партіи слѣдовало

поддержать какимъ нибудь видимымъ знакомъ: для этого не было лучшаго средства, какъ открыто носить названіе *гезовъ* и отъ него произвести внѣшніе признаки братства. И вотъ, черезъ нѣсколько дней послѣ того, весь городъ Брюссель кишѣлъ пепельно-сѣрыми одеждами, какія обыкновенно носили нищенствующіе монахи и кающіеся. Все семейство и вся домашняя челядь каждаго изъ заговорщиковъ ничего не носили, кромѣ этого одѣянія. У иныхъ на шапкахъ прикрѣплены были деревянныя блюда, обтянутыя тонкимъ слоемъ серебра, такіе же кубки и ножи—полное хозяйство нищенствующей братіи; другіе вѣшали тѣ же вещи на поясъ; на шею вѣшали они золотую или серебряную медальку—впослѣдствіи извѣстную подъ названіемъ *пфеннинга гезовъ*—на которой съ одной стороны выбито было грудное изображеніе короля, съ подписью: «королю преданъ;» на другой сторонѣ видны были двѣ тѣсно сжатыя руки, держащія мѣшокъ, съ подписью подъ ними: «до нищенской сумы». Этой-то подписи приписываютъ многіе происхожденіе названія *гезовъ*, которое впослѣдствіи носили въ Нидерландахъ всѣ отпавшіе отъ папства и взявшіеся за оружіе противъ короля.

Прежде нежели лигисты разошлись, они еще разъ явились къ герцогинѣ, чтобы напомнить ей о необходимости мягко относиться къ еретикамъ до полученія отвѣта отъ короля, дабы не довести народъ до крайностей.

На это правительница отвѣчала имъ, что надѣется принять мѣры къ уничтоженію всякой возможности безпорядковъ; если же, несмотря на это, произойдутъ какіе нибудь безпорядки, то она вынуждена будетъ приписать ихъ никому иному, какъ лигистамъ. А потому она и совѣтуетъ имъ серьозно, чтобы они точно также постарались выполнить свои обѣщанія, а въ особенности не принимали бы въ свой союзъ никакихъ новыхъ сочленовъ, не заводили бы болѣе сходокъ, не затѣвали бы никакихъ нововведеній. Дабы въ то же время успокоить ихъ, велѣно было тайному секретарю Берти показать имъ письма, въ которыхъ предписывалось инквизиторамъ и свѣтскимъ судьямъ соблюдать возможную умѣренность по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, которые не увеличатъ своей еретической виновности никакимъ преступленіемъ противъ гражданскихъ законовъ. Передъ тѣмъ, какъ удалиться изъ Брюсселя, они назначили изъ среды своей четырехъ представителей для управленія дѣлами союза и, сверхъ того, особыхъ лицъ для управленія дѣлами въ каждой провинціи. Въ самомъ Брюсселѣ были оставлены нѣкоторые изъ гезовъ для того, чтобы зорко слѣдить за всѣми дѣйствіями двора.

Тотчасъ послѣ принятія прошенія отъ дворянъ правительница приказала тайному совѣту набросать новую форму эдиктовъ, которые должны были составлять какъ-бы нѣчто среднее между указами короля и требованіями, заявленными со стороны лигистовъ.

Положеніе дѣлъ около этого времени такъ измѣнилось, и шагъ, сдѣланный дворянствомъ, такъ ускорилъ приближеніе полнѣйшаго разрыва съ правительствомъ, что принцу Оранскому и друзьямъ его показалось невозможнымъ держаться долѣе той средней, примирительной политики, которую поддерживали они между республикой и дворомъ. То недовѣріе, съ которымъ Филиппъ смотрѣлъ на нихъ, то невниманіе, съ какимъ уже давно принималось ихъ мнѣніе, и та сдержанность, какую постоянно видѣли они со стороны герцогини,—все это способствовало

охлажденію ихъ служебнаго рвенія и увеличенію трудности той роли, которую они приняли на себя съ такимъ отвращеніемъ. Къ тому же изъ Испаніи дошли слухи, на основаніи которыхъ нельзя было сомнѣваться въ томъ, что король разгнѣванъ прошеніемъ дворянства и недоволенъ поведеніемъ членовъ государственнаго совѣта въ данномъ случаѣ; а потому и слѣдуетъ съ его стороны ожидать такихъ мѣръ, которыя они—какъ опора отечественной свободы и какъ люди, по большей части находившіеся въ дружественныхъ и родственныхъ связяхъ съ лигистами—никогда бы не могли рѣшиться привести въ исполненіе. Изъ этого опаснаго затрудненія они могли выйти, только совершенно удалившись отъ дѣлъ; этотъ путь, уже однажды ими избранный, и въ настоящемъ случаѣ былъ для нихъ почти обязательнымъ. На нихъ смотрѣла вся нація. Неограниченное довѣріе къ ихъ настроенію, всеобщее почтеніе къ нимъ, близкое къ поклоненію, — все это облагораживало то дѣло, которое они называли своимъ, и уничтожало тѣхъ, которые рѣшались это дѣло покинуть. Ихъ участіе въ управленіи государствомъ, хотя бы оно и было лишь пустымъ словомъ, все же обуздывало враждебную имъ партію. *Ихъ* неодобреніе, даже если бы оно было и не совсѣмъ искренно, все же смущало и лишало бодрости партію противниковъ, которая поднялась бы во всей своей силѣ, если бы могла разсчитывать, хоть издалека, на столь важное для нея одобреніе.

Всѣ эти поводы побудили теперь принца оставить правительницу и покинуть окончательно занятія дѣлами государственными.

Между тѣмъ гезы разсѣялись по всѣмъ провинціямъ и всюду распространяли благопріятнѣйшія извѣстія объ успѣхѣ своего предпріятія. По увѣреніямъ ихъ, свобода вѣроисповѣданій была теперь уже навсегда утверждена, и тамъ, гдѣ ихъ увѣреніямъ не вполнѣ довѣряли, они дополняли разсказы свои ложью. Такъ, напримѣръ, они показывали поддѣльное письмо кавалеровъ Золотаго Руна, въ которомъ имъ торжественно заявляли, что отнынѣ никому болѣе уже не слѣдуетъ опасаться изъ-за вѣроисповѣданія ни тюрьмы, ни ссылки, ни смертной казни; и въ случаѣ, если, при различіи въ вѣроисповѣданіи, кто нибудь провинится даже въ политическомъ преступленіи, то судьями его должны быть только лигисты; и такіе порядки должны были длиться до тѣхъ поръ, пока король, съ согласія сословій, не измѣнитъ этого распоряженія. Какъ ни старались кавалеры Золотаго Руна, при первомъ извѣстіи о такомъ обманѣ, вывести націю изъ заблужденія, въ которое она впала, все же эта выдумка въ самое короткое время успѣла оказать важныя услуги лигистамъ. Не говоря о томъ, что слухъ этотъ посѣялъ нѣкоторое недовѣріе между правительницей и кавалерами и подкрѣпилъ мужество протестантовъ новыми надеждами—онъ всѣмъ тѣмъ, которые стремились къ нововведеніямъ, далъ въ руки нѣчто въ родѣ права. Въ теченіе того краткаго періода времени, пока ему вѣрили, онъ подалъ поводъ къ множеству буйствъ, способствовалъ распространенію своеволія и необузданности въ нравахъ гражданъ. Тотчасъ послѣ распространенія этого извѣстія, протестанты, бѣжавшіе изъ отечества отъ преслѣдованій и разставшіеся съ нимъ такъ неохотно, вернулись въ отечество; всѣ скрывавшіеся въ самомъ отечествѣ, тотчасъ вышли на свѣтъ божій изъ своихъ убѣжищъ; тѣ, которые преклонялись доселѣ лишь въ глубинѣ сердца своего на сторону новой религіи, ободренные терпимостью

новыхъ актовъ, стали признавать ее прямо и открыто. Имя гезовъ пріобрѣло въ провинціяхъ громкую извѣстность; ихъ стали называть опорами религіи и свободы; партія ихъ возрастала безпрестанно, и многіе купцы стали носить ихъ знаки. Учрежденіе союза гезовъ придало всему совсѣмъ иной оборотъ. Ропотъ подданныхъ, дотолѣ безсильный и ничтожный, потому что это былъ не болѣе, какъ говоръ отдѣльныхъ лицъ, теперь грозно сплотился въ одно тѣло и, благодаря тѣсной связи, получилъ силу, направленіе и стойкость. Каждая задорная голова могла теперь видѣть въ себѣ одного изъ участниковъ почтеннаго и грознаго цѣлаго и надѣялась придать болѣе значенія своей долѣ безумной смѣлости, внося ее, какъ составную часть, какъ вкладъ, въ это скопище, служившее выраженіемъ всеобщаго недовольства.

XXXIV. Герцогъ Альба въ Нидерландахъ, время террора и кровавый совѣтъ.

(Изъ соч. Мотлея: «Исторія нидерландской революціи», т. II).

Вооруженное занятіе Нидерландовъ было необходимымъ послѣдствіемъ всѣхъ предшествовавшихъ событій. Причины такого долгаго замедленія этого неизбѣжнаго результата заключались скорѣе въ непонятной медлительности характера Филиппа, чѣмъ въ обстоятельствахъ дѣла. Никогда никакой монархъ не держался такъ упорно жестокаго намѣренія и не шелъ такъ вяло, такими окольными дорогами, къ своей цѣли. Онъ уже сбросилъ маску кротости и вѣроятнаго милосердія, но еще поддерживалъ лживую надежду на свой пріѣздъ въ провинціи. Онъ увѣрялъ правительницу, что будетъ руководствоваться ея мнѣніемъ и что,—такъ какъ она сдѣлала необходимыя приготовленія для встрѣчи его въ Зеландѣ,—онъ и высадится въ Зеландіи.

Между совѣтниками Филиппа выдавались, какъ и прежде, тѣ же два человѣка — князь Эболи и герцогъ Альба. Они все-еще представляли собою совершенно противоположныя идеи и, по свойствамъ, нраву и событіямъ всей ихъ жизни, были антитезисомъ одинъ другаго. Политика князя была миролюбива и способна примѣняться къ обстоятельствамъ; политика герцога неуступчива и свирѣпа. Рюи Гомецъ былъ расположенъ помѣшать, если возможно, вооруженной миссіи Альбы и уже открыто совѣтовалъ королю исполнить давно данное обѣщаніе явиться лично передъ возмутившимися поддаными.

Наконецъ было рѣшено, что нидерландская ересь будетъ побѣждена силой оружія. Нападеніе походило вмѣстѣ и на крестовый походъ противъ невѣрныхъ, и на грабительскій набѣгъ охотниковъ за кладами въ золотоносной Америкѣ,—подвиги, которыми такъ часто прославляло себя испанское рыцарство. Знамя креста должно было развѣваться на стѣнахъ трехъ сотъ завоеванныхъ невѣрныхъ городовъ, и потокъ богатствъ, обильнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя текли изъ розсыпей Мексики или Перу, долженъ былъ потечь въ королевскую казну изъ ежегоднаго источника конфискацій. Кто же годился въ Танкреды и Пизарро этой двуцвѣтной экспедиціи болѣе герцога Альбы, человѣка, который съ самаго ранняго

дѣтства на гробѣ своего отца посвященъ войнѣ противъ невѣрующихъ, который пророчествовалъ, что, какъ только еретикамъ воздастся должное, сокровища польются изъ Нидерландовъ потокомъ глубиною въ ярдъ? Немедленно была составлена отборная армія: изъ Неаполя, Сициліи, Сардиніи и Ломбардіи вызваны были четыре легіона, а на мѣсто ихъ были отправлены недавно набранныя войска. Такимъ образомъ собралось около десяти тысячъ отличныхъ, опытныхъ солдатъ, предводителемъ которыхъ былъ назначенъ герцогъ Альба.

Фердинанду Альварецу-де-Толедо герцогу Альба былъ тогда шестидесятый годъ. Онъ былъ самый счастливый и опытный генералъ въ Испаніи и даже въ Европѣ. Никто не изучалъ военной науки глубже и не упражнялся въ ней постояннѣе. Въ самомъ важномъ искусствѣ этой эпохи онъ былъ самымъ совершеннымъ художникомъ. Въ единственной почетной профессіи того вѣка онъ былъ самымъ знающимъ и самымъ педантическимъ профессоромъ. Никто, со временъ Димитрія Поліоркета, не осаждалъ такого количества городовъ. Со временъ Фабія Кунктатора не было генерала, который бы избѣжалъ стольких сраженій; не было солдата, какъ бы мужественъ онъ ни былъ, который достигъ бы такого высокаго равнодушія къ порицанію и клеветѣ. Сознавая, что держитъ войска вполнѣ въ своей волѣ силою несравненной дисциплины и очарованіемъ имени, прославленнаго сотнею побѣдъ,—онъ могъ терпѣливо и добродушно переносить ропотъ солдатъ, когда ему приходилось отказывать имъ въ сраженіи.

Онъ родился въ 1508 г. въ семьѣ, которая хвалилась происхожденіемъ отъ императоровъ. Одинъ изъ Палеологовъ, братъ какого-то византійскаго императора, завоевалъ Толедо и передалъ его имя, какъ фамильное прозвище, своимъ потомкамъ. Отецъ Фердинанда, донъ Гарсіа, былъ убитъ въ сраженіи противъ мавровъ, когда его сыну было только четыре года. Ребенокъ былъ воспитанъ своимъ дѣдомъ, донъ Фридерикомъ, и съ самаго нѣжнаго дѣтства пріученъ владѣть оружіемъ. Ненависть къ невѣрнымъ и рѣшимость отмстить за кровь отца, взывавшую къ нему изъ могилы на чужой сторонѣ, были его первыми инстинктами. Еще юношей онъ былъ извѣстенъ своею храбростью. Его дѣвственная шпага была обновлена при Фонтарабіи, гдѣ на него смотрѣли какъ на человѣка, который своимъ терпѣніемъ въ перенесеніи трудностей, своей блестящей, отчаянной храбростью и примѣромъ военной дисциплины не мало способствовалъ успѣху испанскаго оружія. Въ 1630 г. онъ сопровождалъ императора въ походѣ противъ турокъ. Карлъ, инстинктомъ отгадывая достоинства юноши, которому суждено было на всю жизнь императора сдѣлаться товарищемъ его трудовъ и славы, отличалъ его своею милостью съ самаго начала карьеры. Въ 1535 г. онъ сопровождалъ императора въ его памятной экспедиціи въ Тунисъ. Въ 1546 и 1547 годахъ, въ войнѣ противъ Шмалькальденской лиги, онъ былъ генералиссимусомъ. Самымъ блестящимъ его военнымъ подвигомъ былъ переходъ черезъ Эльбу и Мюльбергское сраженіе, совершенное несмотря на горькіе и гнѣвные упреки Максимиліана и ужасную возможность пораженія.

Вообще Альба не уступалъ ни одному изъ генераловъ своего времени. Какъ строгій блюститель дисциплины, онъ занималъ первое мѣсто въ Испаніи и, можетъ быть, въ Европѣ. Расточительный на время, онъ былъ скупъ на кровь, и это, можетъ быть, въ глазахъ человѣчества, его

главная добродѣтель. «Время и я работаемъ заодно», было частой поговоркой Филиппа, а его любимый генералъ считалъ это правило такъ же приложимымъ къ войнѣ, какъ къ политикѣ. Таковы были его качества, какъ главнокомандующаго. Какъ государственный человѣкъ, онъ не имѣлъ ни дарованій, ни опытности. Какъ частный человѣкъ, онъ имѣлъ несложный характеръ. У него не было большаго разнообразія пороковъ, но тѣ, которые онъ имѣлъ, были колоссальны, а добродѣтелей онъ не имѣлъ вовсе. Онъ не былъ ни развратенъ, ни невоздерженъ, но его присяжные хвалители признаютъ за нимъ огромную скупость; что же касается общаго мнѣнія, то давно принято, что такая сумма лукавства и свирѣпости, терпѣливой мстительности и неограниченной кровожадности не попадалась ни въ какомъ дикомъ лѣсномъ звѣрѣ и только очень рѣдко находилась въ человѣческой груди. Его исторія должна была показать теперь, что предыдущая бережливость на человѣческую жизнь происходила вовсе не отъ любви къ себѣ подобнымъ. Лично онъ былъ суровъ и надмененъ. Такъ же недоступный, какъ самъ Филиппъ, онъ былъ высокомѣрнѣе его съ тѣми, кто допускался къ нему. Имѣя право не снимать шляпы въ присутствіи испанскаго короля, онъ съ трудомъ отказался отъ этого права передъ германскимъ императоромъ. Онъ принадлежалъ къ знаменитой фамиліи, но его земли были не очень обширны. Герцогство его было мало и давало не больше 14,000 кронъ годоваго дохода и 400 солдатъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ всю свою жизнь бережливымъ финансистомъ и никогда не оставался безъ порядочной суммы наличныхъ денегъ, отданныхъ на проценты. За десять лѣтъ до его прибытіи въ Нидерланды полагали, что онъ увеличилъ свой доходъ до сорока тысячъ въ годъ помѣщеніемъ своихъ денегъ въ Антверпенѣ. Какъ мы уже говорили, его военныя качества были иногда совершенно непонятны.

Часто на него смотрѣли скорѣе какъ на педанта, нежели на практическаго полководца, болѣе способнаго толковать о сраженіяхъ, нежели выигрывать ихъ. Несмотря на то, что его долгая жизнь была почти непрерывнымъ походомъ, на него часто взводили смѣшное обвиненіе въ трусости. Но вообще Альба выказывалъ самое философское презрѣніе къ мнѣніямъ, выражаемымъ по поводу его воинской славы, и въ особенности пренебрегалъ сужденіями своихъ солдатъ. Наружностью онъ былъ высокъ, худъ, прямъ, съ небольшой головой, длиннымъ лицомъ, черными блестящими глазами, смуглъ, съ черными жесткими волосами, длинной, черной съ просѣдью бородой.

Таковъ былъ человѣкъ, поставленный во главѣ десяти тысячъ избранныхъ ветерановъ, предназначавшихся для вооруженнаго занятія Нидерландовъ. Четыре полка изъ Ломбардіи, Сардиніи, Сициліи и Неаполя составили въ сложности около 9,000 человѣкъ лучшихъ пѣхотинцевъ Европы. Ими командовали опытные и извѣстные генералы. Кавалерія, которой было около 1,200 чел., находилась подъ начальствомъ побочнаго сына герцога, дона Фердинандо де-Толедо, пріора рыцарей Св. Іоанна Калатравскаго. Съ этой-то арміей, хотя организованной въ небольшихъ размѣрахъ, но превосходной во всѣхъ частяхъ, герцогъ отплылъ 10 мая изъ Картагены.

Въ 12 дней армія перешла Бургундію, а еще въ 12—Лотарингію. Прежде половины августа достигла она Тіонвилля, на границѣ Люксам-

бурга, пройдя въ послѣдній день два лье по лѣсу, который, казалось, нарочно былъ созданъ для того, чтобы слабая оборонительная армія могла смѣшать и уничтожить наступательную. Не было, однако, и попытки сопротивленія, и испанцы наконецъ стали лагеремъ на нидерландской территоріи, совершивъ свой отважный походъ вполнѣ безопасно и въ совершенномъ порядкѣ.

Въ своихъ тайныхъ письмахъ къ Филиппу герцогиня Пармская продолжала выражать неудовольствіе по поводу предпріятія, ввѣреннаго Альбѣ. Она горько жаловалась на то, что теперь, когда страна была умиротворена ея усиліями, посылали другаго, чтобы пожать всю славу или, можетъ быть, чтобы разрушить все, чего она съ такимъ трудомъ и такъ успѣшно достигала. Она представила своему брату, въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ, что имя Альбы было до такой степени ненавистно, что могло сдѣлать ненавистной нидерландцамъ и всю испанскую націю. Она не могла найти достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить свое удивленіе по поводу того, что король рѣшился на мѣру, которая, очевидно, повлечетъ за собой гибельныя послѣдствія, не посовѣтовавшись съ ней и въ противность тому, что было неизмѣннымъ ея мнѣніемъ. Она писала также прямо Альбѣ, умоляя, приказывая и грозя, но съ одинаково дурнымъ успѣхомъ.

Герцогъ зналъ очень хорошо, кто теперь повелитель Нидерландовъ,— сестра ли его короля, или онъ; а къ впечатлѣнію, которое произвело вооруженное занятіе на провинціи, онъ былъ въ высшей степени равнодушенъ. Онъ вошелъ завоевателемъ, а не посредникомъ: «я укрощалъ желѣзныхъ людей на своемъ вѣку,—говорилъ онъ съ презрѣніемъ,—неужели мнѣ трудно будетъ раздавить этихъ людей изъ масла!»

Тѣмъ не менѣе онъ былъ оффиціально встрѣченъ въ Тіонвиллѣ, отъ имени правительницы. Кромѣ того, къ нему начали являться депутаціи отъ различныхъ городовъ съ неискренними и боязливыми привѣтствіями и просьбами не гнѣваться на все, что въ прошломъ могло показаться оскорбительнымъ. Всѣмъ этимъ посольствамъ онъ отвѣчалъ въ неопредѣленныхъ и условныхъ выраженіяхъ, говоря, однако, тѣмъ изъ окружающихъ, которымъ довѣрялъ: «я здѣсь,—это вѣрно,—а что до того, желанный я гость или нѣтъ, мнѣ мало дѣла». Въ Тирлемонтѣ онъ былъ встрѣченъ графомъ Эгмонтомъ, пріѣхавшимъ изъ Брюсселя, чтобы выказать ему надлежащее почтеніе, какъ представителю своего государя, Графа сопровождало нѣсколько дворянъ, и онъ привезъ въ подарокъ герцогу нѣсколькихъ прекрасныхъ лошадей. Альба принялъ его, но холодно, потому что онъ не умѣлъ сразу приладить маску къ своему лицу такъ искусно и плотно, какъ слѣдовало. Когда доложили объ Эгмонтѣ, онъ сказалъ, обращаясь къ свитѣ и настолько громко, что графъ могъ слышать: «вотъ величайшій изъ еретиковъ». Даже послѣ того какъ они обмѣнялись привѣтствіями, онъ обратился къ нему съ различными замѣчаніями, сказанными тономъ на половину шутливымъ, на половину колкимъ, говоря, между прочимъ, что «его сіятельство могъ бы избавить его отъ труда дѣлать на старости такое длинное путешествіе». Было еще нѣсколько замѣчаній въ томъ же родѣ, которыя возбудили бы подозрѣніе во всякомъ, кто не рѣшился, какъ Эгмонтъ, оставаться глухимъ и слѣпымъ. Однако Альбѣ скоро удалось овладѣть собой. Онъ ласково обнялъ рукою величавую шею, которую онъ обрекалъ на плаху, и

такъ какъ графъ заранѣе рѣшился стать въ хорошія отношенія съ новымъ вице-королемъ, они вдвоемъ поѣхали рядомъ, дружески разговаривая, въ сопровожденіи полка пѣхоты и трехъ эскадроновъ легкой кавалеріи, которые состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ герцога. Альба, все сопровождаемый Эгмонтомъ, вступилъ въ Брюссель черезъ Лувенскія ворота, у которыхъ они разстались на нѣсколько времени. Квартира для герцога была приготовлена въ сосѣдствѣ дворца Эгмонта. Оставивъ здѣсь большую часть свиты, главнокомандующій, не сходя съ лошади, отправился прямо во дворецъ—засвидѣтельствовать свое почтеніе герцогинѣ Пармской.

Правительница уже три дня разсуждала съ своимъ совѣтомъ о томъ, прилично ли будетъ отклонить всякое посѣщеніе человѣка, на присутствіе котораго она справедливо смотрѣла, какъ на немилость и личную обиду. Въ награду за восьмилѣтнюю преданность и исполненія приказаній своего брата, ее смѣнялъ подданный, пришедшій приложить къ дѣлу ту политику, которую она настоятельно отклоняла; трудно было ожидать отъ дочери императора, чтобы она охотно подчинилась униженію и приняла своего преемника съ улыбающимся лицомъ. Но вслѣдствіе покорности выраженій, въ которыхъ обращался къ ней герцогъ въ послѣднихъ своихъ сношеніяхъ съ ней, предлагая, съ настоящей кастильской вѣжливостью, хотя не имѣвшей никакого значенія, привести къ ногамъ ея свою стражу, свою армію и самого себя,—она рѣшилась принять его со свитой или безъ свиты.

Явившись въ три часа пополудни въ спальню герцогини, гдѣ она имѣла обыкновеніе давать конфиденціальныя аудіенціи, онъ встрѣтилъ, какъ и надо было ожидать, холодный пріемъ. Герцогиня, неподвижно стоя посреди комнаты, окруженная Барлэмонтомъ, герцогомъ Аршотомъ и графомъ Эгмонтомъ, приняла его привѣтствія съ спокойной строгостью. Ни она, ни кто изъ ея свиты не сдѣлалъ ни шагу на встрѣчу ему. Герцогъ снялъ шляпу, но она, спокойно признавая его право, какъ испанскаго гранда, настояла, чтобы онъ остался въ шляпѣ. Съ полчаса продолжался принужденный формальный разговоръ, въ продолженіе котораго всѣ оставались на ногахъ. Герцогъ былъ почтителенъ, но съ трудомъ скрывалъ негодованіе и высокомѣрное сознаніе будущаго торжества. Маргарита была сдержанна, холодна и величава, прикрывая бѣшенство и оскорбленіе покровомъ императорской гордости.

На слѣдующій день онъ, какъ слѣдовало, представилъ свое назначеніе. Въ этомъ документѣ, помѣченномъ 31 января 1567 г., Филиппъ назначалъ его «генералъ-капитаномъ, помощникомъ любезной сестры его величества, герцогини Пармской, занятой другими дѣлами, относящимися до управленія». Онъ просилъ герцогиню содѣйствовать ему, отдать приказанія, чтобы ему повиновались, и повелѣть всѣмъ нидерландскимъ городамъ принять такіе гарнизоны, какіе онъ назначитъ.

Окружныя посланія, подписанныя Филиппомъ, которыя Альба привезъ съ собою, были отправлены къ нѣсколькимъ мѣстнымъ муниципалитетамъ. Въ этихъ посланіяхъ городамъ особенно приказывалось принять гарнизоны и удовлетворять нуждамъ арміи, которой дѣйствительная служба, король надѣялся, не потребуется, и которую онъ отправилъ впередъ, чтобы приготовить себѣ мирный въѣздъ. Онъ предписывалъ полнѣйшее повиновеніе герцогу Альбѣ до его пріѣзда, который долженъ

послѣдовать почти немедленно. Эти посланія сопровождались короткимъ офиціальнымъ циркуляромъ, подписаннымъ Маргаритой Пармской, въ которомъ она объявляла о пріѣздѣ своего любезнаго кузена Альбы и требовала безусловнаго подчиненія его власти.

Исполнивши такимъ образомъ то, чего требовала форма и внѣшнія приличія, негодующая герцогиня въ частныхъ письмахъ къ брату, написанныхъ по-итальянски, дала наконецъ волю гнѣву, который до того частью сдерживала. Она снова выразила Филиппу свое глубокое сожалѣніе о томъ, что онъ не далъ ей увольненія, котораго она недавно и такъ усиленно просила. Она отрицала возможность зависти къ полной власти, ввѣренной теперь Альбѣ, но находила, что его величество могъ бы ей позволить оставить страну прежде, нежели герцогъ пріѣхалъ съ такой необыкновенной и такой унизительной для нея властью.

Герцогиня вовсе не дѣлала тайны изъ своего негодованія противъ того, какимъ образомъ ее замѣняли и, по ея мнѣнію, оскорбляли. Она открыто выражала свое неудовольствіе. Иногда она была внѣ себя отъ гнѣва. Ея чувства возбуждали общую симпатію, потому что всѣ ненавидѣли герцога и содрогались отъ прихода испанцевъ. День искупленія за всѣ когда либо совершенныя преступленія, казалось, наступалъ для Нидерландовъ. Мечъ, такъ давно висѣвшій надъ ними, казалось, готовъ былъ упасть. Съ одного конца провинцій до другаго было одно и тоже чувство холоднаго и безнадежнаго страха. Тѣ, кто еще имѣлъ возможность покинуть эту обречонную землю, толпами бѣжали за границу. Всѣ иностранные купцы оставили центры торговли. Города стали мертвы, какъ будто знамя чумы развѣвалось надъ каждымъ домомъ.

Генералъ-капитанъ въ это время методически продолжалъ свою работу. Онъ распредѣлилъ свои войска между Брюсселемъ, Гентомъ, Антверпеномъ и другими главными городами. Какъ необходимую мѣру и знакъ крайняго униженія, онъ потребовалъ, чтобы муниципалитеты передали ему свои ключи. Магистратъ Гента сдѣлалъ ему смиренное возраженіе па такую обиду, и Эгмонтъ былъ настолько благоразуменъ, что сдѣлался органомъ ихъ представленій, которыя, нечего и говорить, остались безуспѣшны. Между тѣмъ, пробилъ часъ его собственной расплаты.

Какъ уже замѣчено, прибытіе Альбы во главѣ иностранной арміи было естественнымъ послѣдствіемъ всего того, что было прежде. Еще поддерживали лживыя обѣщанія королевскаго пріѣзда и продолжали высказывать наклонность къ милосердію, а монархъ спокойно сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, не имѣя ни малѣйшаго намѣренія оставлять Испанію, и посланники его скопившейся и долго скрываемой ярости уже спускались на свою жертву.

Когда герцогъ отправился въ Нидерланды, обдуманнымъ намѣреніемъ Филиппа было предать смерти всѣхъ вождей антиинквизиціонныхъ партій и всѣхъ принимавшихъ участіе когда бы то ни было и какимъ бы то ни было образомъ въ оппозиціи правительству или въ разборѣ его дѣйствій. Было рѣшено, что провинціи должны подчиниться неограниченной власти испанскаго совѣта, небольшаго кружка иностранцевъ, находящихся на другомъ концѣ Европы, юнты, въ которой нидерландцы не должны были имѣть ни голоса, ни вліянія. Деспотическое управленіе въ испанскихъ и въ итальянскихъ владѣніяхъ короля должно было распространиться и на фламандскія земли, которыя такимъ образомъ должны быть доведены

до безнадежной зависимости отъ *иностранной* и *неограниченной короны*. Инквизиція должна быть преобразована на тѣхъ основаніяхъ, которыя пытались дать ей прежде начала смутъ, вмѣстѣ съ вторичнымъ введеніемъ и значительнымъ усиленіемъ знаменитыхъ эдиктовъ противъ ереси. Таковъ былъ планъ, который предложили Гранвелла и Эспиноза и который долженъ былъ исполнить Альба. Какъ часть этого плана, на тайныхъ собраніяхъ въ домѣ Эспинозы было, передъ отправленіемъ герцога, принято рѣшеніе арестовать и немедленно казнить всѣхъ вельможъ, на которыхъ такъ много жаловалась герцогиня Маргарита, и особенно принца Оранскаго и графовъ Эгмонта, Горна и Гохстратена. Сверхъ того, было рѣшено, что всѣ дворяне, принимавшіе участіе въ конфедераціи или въ соглашеніи, должны быть преслѣдуемы по обвиненію въ государственной измѣнѣ, не обращая вниманія на дарованное герцогиней прощеніе.

Такъ какъ общія черты великаго проэкта были такимъ образомъ опредѣлены, тогда же были сдѣланы нѣкоторыя необходимыя приготовленія. Чтобы Эгмонтъ, Горнъ и другія знатныя жертвы не встревожились и не ускользнули отъ приготовленной имъ участи, въ Нидерланды были отправлены королевскія увѣренія, которыми разгонялось ихъ уныніе и разсѣевались сомнѣнія. Филиппъ написалъ Эгмонту полное благосклонности и довѣрія собственноручное письмо. Онъ написалъ его послѣ того, какъ Альба выѣхалъ изъ Мадрида исполнять свое назначеніе мстителя. Тѣ же коварныя мѣры были употреблены съ другими. Принцъ Оранскій не былъ способенъ попасть въ королевскія сѣти, какъ бы ни были они осторожно разставлены. По несчастью, онъ не могъ сообщить своего благоразумія друзьямъ.

Трудно представить себѣ такой пылкій темпераментъ, какъ тотъ, которому Эгмонтъ обязанъ своею гибелью. Не одинъ принцъ Оранскій предсказывалъ ему его участь. Графа предостерегали со всѣхъ сторонъ, и эти предостереженія теперь часто повторялись. Конечно, онъ не былъ спокоенъ, но его рѣшеніе было принято: онъ хотѣлъ вѣрить королевскому слову и королевской признательности за услуги, оказанныя имъ не только противъ Монморанси и де-Терма, но и противъ фландрскихъ еретиковъ. Однако онъ сильно измѣнился. Онъ преждевременно постарѣлъ. Въ сорокъ шесть лѣтъ его волосы посѣдѣли, и онъ никогда не спалъ безъ пистолетовъ подъ подушкой. Тѣмъ не менѣе онъ выказывалъ и иногда ему удавалось чувствовать беззаботность, которая удивляла всѣхъ окружающихъ. Говорятъ, что одинъ португальскій дворянинъ, синьоръ де-Бильи, который раннимъ лѣтомъ возвратился изъ Испаніи, куда его посылала съ секретнымъ порученіемъ герцогиня Пармская, много разъ предупреждалъ Эгмонта объ его опасномъ положеніи. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда въ Брюссель онъ сдѣлалъ визитъ графу, не выходившему тогда изъ дома вслѣдствіе ушиба, причиненнаго паденіемъ его съ лошади. «Постарайтесь поскорѣе выздоровѣть, сказалъ ему де-Бильи, потому что про васъ разсказываются дурныя сказки въ Испаніи». Эгмонтъ при этомъ замѣчаніи искренно разсмѣялся, какъ будто ничего не могло быть нелѣпѣе подобнаго предупрежденія. Другъ его,—потому что де-Бильи, говорятъ, чувствовалъ настоящую привязанность къ графу,—настаивалъ на своихъ предвѣщаніяхъ и замѣтилъ ему, что «птицы гораздо лучше поютъ на свободѣ, чѣмъ въ клѣткѣ», и что онъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы уѣхалъ изъ Нидерландовъ до пріѣзда Альбы.

Эти предостереженія почти каждый день повторялись тѣмъ же де-Бильи и другими, которые все болѣе и болѣе удивлялись ослѣпленію Эгмонта. Несмотря на все это, онъ не обратилъ вниманія на ихъ увѣщанія и отправился встрѣчать герцога въ Тирлемонтъ. Даже тогда изъ холодности перваго пріема и непочтительности испанскихъ солдатъ, которые сначала не только не хотѣли привѣтствовать его, а еще вслухъ ворчали, что онъ лютеранинъ и измѣнникъ, онъ могъ бы увидѣть, что вовсе не былъ такимъ любимцемъ въ Мадридѣ, какимъ желалъ быть. Впрочемъ, послѣ первыхъ минутъ Альба измѣнилъ обращеніе, а Виттелли и другіе главные офицеры приняли графа съ большою вѣжливостью съ перваго же свиданія. Великій пріоръ, Фердиналъ де-Толедо, побочный сынъ герцога, уже извѣстный воинъ, кажется, чувствовалъ горячую и непритворную привязанность къ Эгмонту, блестящіе военные подвиги котораго возбуждали юношескій восторгъ и погибели котораго онъ долженъ былъ тѣмъ не менѣе сдѣлаться невольнымъ орудіемъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ прибытія новаго правителя казалось, что все шло мирно. Великій пріоръ и Эгмонтъ чрезвычайно тѣсно сблизились и проводили вмѣстѣ время въ пирахъ, маскарадахъ и игрѣ такъ беззаботно, какъ будто воротились веселые дни, слѣдовавшіе за трактатомъ Камбрези. Герцогъ также выказывалъ самое дружеское расположеніе, не забывая присылать въ подарокъ графу множество испанскихъ и итальянскихъ плодовъ, которые часто получалъ съ правительственнными курьерами.

Отдавшись этой роковой безпечности, Эгмонтъ не только забылъ про свои опасенія, но, къ несчастью, ему удалось внушить и Горну часть своей довѣрчивости. Горнъ еще оставался въ своемъ уединенномъ жилищѣ, въ Вертѣ, несмотря на хитрыя мѣры, употребленныя, чтобы выманить его изъ этой «пустыни». Странно, что тотъ самый человѣкъ, который, по словамъ одного современника-католика, имѣвшаго вѣрныя свѣдѣнія, усерднѣе всѣхъ предупреждалъ Эгмонта объ опасности, былъ первымъ орудіемъ ареста адмирала. На другой день послѣ своего пріѣзда де-Бильи писалъ Горну, что король въ высшей степени доволенъ его службой и поведеніемъ.

Нѣсколько времени спустя, Альба и сынъ его Фердинандъ отправили Горну письма, наполненныя выраженіями пріязни и довѣрія. Адмиралъ, отправившій съ привѣтствіями къ герцогу одного изъ своихъ дворянъ, отвѣчалъ изъ Верта, что онъ чувствуетъ доброту, которую ему выказываютъ, но что по причинамъ, которыя вполнѣ изложитъ секретарь его де-Лалоо, онъ долженъ пока извиниться, что не можетъ явиться лично въ Брюссель. Секретарь былъ принятъ Альбой съ большой вѣжливостью. Герцогъ выражалъ крайнее сожалѣніе о томъ, что король еще не вознаградилъ графа Горна за услуги такъ, какъ онъ заслуживалъ, говорилъ, что годъ назадъ онъ высказалъ его брату Монтиньи, какъ велика его дружба къ адмиралу, и просилъ Лалоо сказать своему господину, что онъ не долженъ сомнѣваться въ королевской признательности и великодушіи. Правитель прибавилъ, что, если-бы онъ могъ лично увидѣть графа, онъ сообщилъ бы ему вещи, которыя были бы ему пріятны и которыя доказали бы, что его друзья не забываютъ его. Лалоо имѣлъ потомъ длинный разговоръ съ секретаремъ герцога, который увѣрялъ его, что герцогъ питаетъ къ графу Горну величайшее расположеніе и что если дѣла графа такъ разстроены,—ему легко доставить должность миланскаго губернатора или

неаполитанскаго вице-короля, такъ какъ мѣста эти скоро освободятся. Секретарь прибавилъ, что герцогъ обиженъ тѣмъ, что его не посѣтили многіе знатные дворяне, которыхъ онъ былъ вѣрнымъ другомъ и слугой, и что графу Горну слѣдовало бы пріѣхать въ Брюссель, если не для важныхъ дѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы сдѣлать дружескій визитъ генералъ-капитану. «Послѣ всего этого — сказалъ честный де-Лалоо — я отправлюсь сейчасъ же въ Вертъ и буду настаивать, чтобы его сіятельство уступилъ желанію герцога».

Эти ученые маневры, въ соединеніи съ настоятельными убѣжденіями Эгмонта, произвели наконецъ свое дѣйствіе. Адмиралъ оставилъ Вертъ, чтобы попасть въ сѣти, такъ искусно разставленныя его врагами въ Брюсселѣ.

Ночью 8 сентября Эгмонтъ получилъ новое, самое знаменательное и таинственное предостереженіе. Какой-то испанецъ, повидимому, одинъ изъ высшихъ офицеровъ, тайкомъ пришелъ въ его домъ и торжественно просилъ его бѣжать прежде, чѣмъ наступитъ день. Тѣмъ не менѣе Эгмонтъ остался такъ же слѣпо довѣрчивымъ, какъ и прежде.

На слѣдующій день, 9 сентября 1567 года, великій пріоръ донъ-Фердинандъ давалъ великолѣпный обѣдъ, на который были приглашены Эгмонтъ, Горнъ, Нуаркармъ, виконтъ де-Гентъ и многіе другіе знатные дворяне. Пиръ былъ оживляемъ собственной военной музыкой Альбы, который прислалъ ее, чтобы забавлять общество. Въ три часа онъ прислалъ просить дворянъ, по окончаніи обѣда, пожаловать къ нему въ домъ, такъ какъ онъ желалъ посовѣтоваться съ ними насчетъ плана цитадели, которую онъ предполагалъ построить въ Антверпенѣ.

Въ это мгновеніе великій пріоръ, сидѣвшій рядомъ съ Эгмонтомъ, прошепталъ ему на ухо: «встаньте, графъ, сію же минуту, возьмите самую лучшую лошадь на вашей конюшнѣ и бѣгите, не теряя минуты». Эгмонтъ, сильно встревоженный, вспомнилъ многочисленныя предсказанія и увѣщанія, на которыя онъ не обращалъ вниманія, всталъ изъ-за стола и пошелъ въ другую комнату. За нимъ пошли Нуаркармъ и двое другихъ дворянъ, замѣтившіе его волненіе и хотѣвшіе узнать его причину. Графъ повторилъ имъ таинственныя слова, которыя только-что шепнулъ ему великій пріоръ, прибавляя, что онъ рѣшился слѣдовать этому совѣту, ни на минуту не останавливаясь. «А, графъ—вскричалъ Нуаркармъ—не довѣряйтесь такъ легко и безусловно этому иностранцу, который даетъ вамъ совѣтъ на вашу гибель. Что скажутъ герцогъ Альба и всѣ испанцы о такомъ внезапномъ бѣтствѣ? Развѣ они не скажутъ, что ваше сіятельство бѣжали потому, что сознавали себя виновнымъ? И развѣ ваше бѣгство не будетъ истолковано какъ признаніе въ государственной измѣнѣ?»

Этотъ совѣтъ безвозвратно рѣшилъ судьбу измѣнчиваго Эгмонта. Онъ всталъ изъ-за стола, рѣшившись слѣдовать совѣту великодушнаго испанца, рисковавшаго жизнью для спасенія друга. Теперь онъ возвратился, слушаясь совѣта соотечественника, фламандскаго дворянина, равнодушно принявъ благонамѣренное предостереженіе, и сѣлъ за пиръ,— послѣдній, который долженъ былъ почтить своимъ присутствіемъ.

Въ четыре часа кончился обѣдъ, и Горнъ, Эгмонтъ и другіе дворяне отправились въ занимаемый Альбой домъ Жасси, чтобы принять участіе въ предполагавшихся совѣщаніяхъ. Они были приняты герцогомъ очень

привѣтливо. Вскорѣ вошелъ инженеръ Пьетро Урбино и положилъ на столъ большой пергаментъ, содержащій планъ и чертежъ цитадели, которая должна была строиться въ Антверпенѣ. Скоро поднялся по этому поводу горячій споръ, и Эгмонтъ, Горнъ, Нуаркармъ и другіе принимали въ немъ участіе. Черезъ нѣсколько времени герцогъ Альба, подъ предлогомъ внезапнаго нездоровья, вышелъ изъ компаты, оставивъ собраніе еще горячо занятымъ доказательствами спора. Совѣщаніе длилось почти до семи часовъ вечера. Когда оно окончилось, Донъ Санхо Д'Авила, капитанъ герцогской стражи, попросилъ Эгмонта остаться на минуту послѣ другихъ, такъ какъ онъ имѣетъ кое-что сообщить ему. Когда они остались вдвоемъ, испанскій офицеръ, послѣ одного или двухъ незначительныхъ замѣчаній, попросилъ Эгмонта отдать свою шпагу. Графъ, встревоженный и, несмотря на все, что было, застигнутый врасплохъ, не зналъ, какъ ему отвѣчать. Донъ Санхо повторилъ ему, что имѣетъ приказаніе арестовать его, и снова потребовалъ его шпагу. Въ это время отворились двери сосѣдней комнаты, и Эгмонтъ увидѣлъ себя окруженнымъ ротой испанскихъ мушкетеровъ и алебардщиковъ. Очутившись такимъ образомъ въ западнѣ, онъ отдалъ шпагу, съ горечью говоря, что она, однако, оказала кое-какія услуги королю въ былое время. Его привели потомъ въ комнату въ верхнемъ этажѣ дома, гдѣ была приготовлена для него временная тюрьма. Окна были заставлены, дневной свѣтъ не попадалъ въ комнату, вся она была обтянута чернымъ. Онъ прожилъ здѣсь четырнадцать дней. Во все это время ему не дозволено было никакого сообщенія съ друзьями. Его комната была освѣщена днемъ и ночью свѣчами, и ему въ строгомъ молчаніи прислуживали испанцы, а стерегли его испанскіе солдаты. Караульный офицеръ отодвигалъ каждую полночь занавѣсы его кровати и будилъ его, чтобы смѣнявшій его офицеръ могъ удостовѣриться въ его личности.

Графъ Горнъ былъ при томъ же случаѣ арестованъ, когда проходилъ по двору, по окончаніи совѣта. Онъ былъ заключенъ въ другой комнатѣ этого дома, и съ нимъ обходились точно такъ же, какъ съ Эгмонтомъ. 23 сентября (1567) ихъ обоихъ перевезли подъ сильнымъ конвоемъ въ Гентскій замокъ.

Въ тотъ же день успѣшно совершились два другихъ важныхъ ареста, составлявшіе часть той же программы. Баккерцель, частный секретарь и довѣренный человѣкъ Эгмонта, и Антоній Ванъ Страленъ, богатый и вліятельный бургомистръ Антверпена, были взяты почти одновременно. По просьбѣ Альбы, герцогиня Пармская пригласила бургомистра явиться по дѣламъ въ Брюссель. Кажется, онъ подозрѣвалъ ловушку, потому что, садясь въ карету, въ которой отправлялся въ путь, былъ закутанъ въ такое множество одежды, что его едва можно было узнать. Тѣмъ не менѣе, какъ только онъ выѣхалъ въ поле, далеко отъ жилья, его вдругъ окружилъ отрядъ изъ сорока солдатъ. Въ тотъ же часъ и съ неменьшей ловкостью взяли Баккерцеля.

Альба, сидя за столомъ совѣта съ Эгмонтомъ и Горномъ, былъ тайно увѣдомленъ, что эти важныя лица, Баккерцель, Ванъ Страленъ и, сверхъ того, частный секретарь адмирала, Алонзо де-Лалоо, такъ успѣшно арестованы. Онъ съ трудомъ могъ скрыть свое удовольстіе и сейчасъ же вышелъ изъ комнаты, чтобы захлопнуть ловушку за двумя главными жертвами его вѣроломства. Онъ самъ расположилъ всѣ подробности

этихъ двухъ важныхъ арестовъ и принудилъ своего побочнаго сына, пріора дона Фердинанда, наблюдать за исполненіемъ. Замыселъ былъ превосходный и исполненъ такъ же успѣшно, какъ умно задуманъ. Никто, кромѣ испанцевъ, не былъ употребленъ для участія въ дѣлѣ. Высшіе офицеры арміи его величества исполняли обязанность шпіоновъ и полицейскихъ съ большою ловкостью, и нечего было бояться, чтобы такая должность показалась имъ унизительной, когда пріоръ рыцарей св. Іоанна былъ главнымъ распорядителемъ при исполненіи, когда генералъ-капитанъ Нидерландовъ устроилъ весь планъ и когда всѣ, начиная съ послѣдняго подчиненнаго до вице-короля, получили точнѣйшія наставленія для этого обдуманнаго вѣроломства отъ великаго начальника испанской полиціи, сидѣвшаго на престолѣ Кастиліи и Аррагоніи.

Какъ только эти дворяне были заключены, секретарь Альборнозъ отправился въ дома графа Горна и Баккерцеля, гдѣ всѣ бумаги были тотчасъ схвачены, описаны и потомъ вручены герцогу. Такимъ образомъ, если среди самыхъ тайныхъ сношеній Эгмонта и Горна или ихъ корреспондентовъ можно было подглядѣть хоть одну измѣнническую мысль, то только въ случаѣ крайней неудачи изъ нея нельзя было свить веревку, достаточно крѣпкую, чтобъ задушить ихъ всѣхъ.

Въ ту же ночь герцогъ написалъ его величеству торжествующее письмо. Онъ извинялся, что такъ долго откладывалъ эти важные аресты, объясняя, что считалъ полезнымъ сразу захватить всѣ эти руководящія лица.

Смятеніе въ провинціяхъ стало всеобщимъ, когда эти аресты стали извѣстны. Большая популярность и замѣчательныя заслуги Эгмонта ставили его такъ высоко надъ массой гражданъ и, сверхъ того, его приверженность къ католической религіи была такъ извѣстна, что было очевидно, что никто не могъ чувствовать себя въ безопасности, если такіе люди, какъ онъ, были во власти Альбы и его мирмидоновъ. Ненависть къ испанцамъ возрастала съ часу на часъ. Герцогиня притворялась негодующею за арестъ этихъ двухъ дворянъ, хотя ниоткуда не видно, чтобы она попыталась сказать слово въ ихъ защиту, или впослѣдствіи пошевелила пальцемъ, чтобъ ихъ спасти. Она не заботилась о томъ чтобы омыть руки отъ крови двухъ невинныхъ человѣкъ; она была только оскорблена тѣмъ, что ихъ арестовали безъ ея позволенія. Правда, герцогъ извѣстилъ ее объ арестѣ, какъ только онъ былъ произведенъ, съ благовиднымъ оправданіемъ, что желалъ избавить герцогиню отъ всякой отвѣтственности и народнаго неудовольствія за эту мѣру. Однако ничто не могло утишить ея ярость при этомъ и при всякомъ другомъ признакѣ презрѣнія, съ которымъ Альба, казалось, смотрѣлъ на сестру своего государя. Она каждый день жаловалась на его поведеніе всѣмъ, кого принимала. Подавленная сознаніемъ личнаго униженія, она, повидимому, на минуту смѣшала себя съ угнетенными провинціями. Она, повидимому, вообразила себя поборницею ихъ вольностей, и нидерландцы на минуту раздѣлили это заблужденіе. Потому что она негодовала на дерзость герцога Альбы въ отношеніи къ ней, добрые граждане начали вѣрить ея сочувствію къ обидамъ и вреду, наносимымъ имъ. Она выразила рѣшимость переѣзжать изъ города въ городъ, пока не придетъ отвѣтъ на ея просьбу объ увольненіи. Она позволяла своимъ приближеннымъ прямо ругать испанцевъ при всякомъ случаѣ. Даже ея домашній капелланъ

позволилъ себѣ, въ проповѣди при ней въ дворцовой капеллѣ, назвать всю націю породой измѣнниковъ и грабителей и за этотъ проступокъ получилъ отъ герцогини только выговоръ и приказаніе удалиться навремя въ свой монастырь, и то она сдѣлала по неволѣ. Она не пыталась скрывать свое неудовольствіе при каждомъ шагѣ герцога. Во всемъ этомъ было много горячности, но очень мало достоинства, и не было ни искры дѣйствительнаго сочувствія къ милліонамъ угнетенныхъ и ни одного движенія естественной женской жалости къ участи, грозившей двумъ вельможамъ. Она усмирила провинціи, а другой пришелъ пожать славу—вотъ ея главнѣйшая жалоба. Трудно было, когда непогребенныя кости еретиковъ еще висѣли, по ея приговору, на балкахъ своихъ разрушенныхъ церквей, заставить признать за собой качества кроткой и милостивой правительницы. Но несомнѣнно, что ужасы управленія герцога были благопріятны для репутаціи Маргариты и, можетъ быть еще болѣе, для репутаціи кардинала Гранвеллы. Слабые и невѣрные лучи человѣколюбія, иногда свѣтившіе въ теченіе ихъ управленія, должны были погаснуть въ такомъ глубокомъ и мрачномъ хаосѣ, что эти послѣдніе лучи свѣта, отъ противоположности, казались ярче и благодѣтельнѣе.

Удовольствіе короля было безгранично, когда онъ узналъ о славномъ подвигѣ Альбы, и онъ тотчасъ же написалъ ему, выражая свое одобреніе, въ самыхъ сумасбродныхъ выраженіяхъ. Кардиналъ Гранвелла, напротивъ, притворялся удивленнымъ тѣмъ образомъ дѣйствій, который самъ втайнѣ совѣтовалъ. Онъ увѣрялъ его величество, что никогда не думалъ, чтобы Эгмонтъ питалъ чувства, противныя католической религіи или интересамъ короны, до самаго его отъѣзда изъ Нидерландовъ. Что касается до другихъ арестованныхъ, никто, говорилъ онъ, не сожалѣетъ объ ихъ участи. Кардиналъ прибавлялъ, что предполагали, будто онъ самъ подстрекалъ къ этимъ арестамъ, но что онъ не тревожится ни этимъ, ни какимъ либо другимъ обвиненіемъ подобнаго рода.

Въ разговорахъ съ окружающими онъ часто выражалъ сожалѣніе, что принцъ Оранскій былъ слишкомъ хитеръ, чтобы попасть въ сѣти, въ которыя его болѣе глупые товарищи такъ безъисходно запутались. Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ извѣстіи, что въ Брюсселѣ арестованы многія знатныя лица, кардиналъ съ горячимъ любопытствомъ спросилъ, взятъ ли Молчаливый, потому что онъ этимъ именемъ всегда называлъ принца. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ выразилъ крайнюю досаду, прибавивъ, что если ускользнулъ Оранскій, значитъ, никого не взяли, и что его арестъ былъ бы полезнѣе ареста кого бы то ни было въ Нидерландахъ.

Петръ Тительманъ, знаменитый инквизиторъ, который, удалившись отъ участія въ дѣлахъ, жилъ щедротами Филиппа, ободренный дружескими письмами монарха, выражалъ то же мнѣніе. Узнавъ, что Эгмонтъ и Горнъ схвачены, онъ съ безпокойствомъ спросилъ, взятъ ли также и «мудрый Вильгельмъ»; ему, конечно, отвѣчали, что нѣтъ. «Въ такомъ случаѣ наша радость будетъ кратковременна», сказалъ онъ. «Горе намъ, потому что придетъ на насъ мщеніе изъ Германіи».

Въ той же депешѣ, которою увѣдомлялъ Филиппа объ арестѣ Эгмонта и Горна, герцогъ писалъ ему о своемъ рѣшеніи учредить новый судъ для разбирательства преступленій, совершенныхъ въ продолженіе недав-

пихъ волненій. Этотъ удивительный трибуналъ былъ организованъ безъ всякаго замедленія. Онъ былъ названъ «Совѣтомъ по поводу безпорядковъ», но скоро получилъ ужасное имя, подъ которымъ онъ навсегда будетъ извѣстенъ въ исторіи,—имя «Кроваваго Совѣта». Онъ заступилъ мѣсто всѣхъ прочихъ установленій. Всѣмъ судамъ, начиная съ городскихъ магистратовъ и до высшихъ провинціальныхъ совѣтовъ, было запрещено разбирать впредь какія бы то ни было дѣла, вытекающія изъ послѣднихъ волненій. Государственный совѣтъ, хотя не былъ формально распущенъ, впалъ въ полное бездѣйствія; чины его иногда созывались, безъ всякой правильности, во внутреннія комнаты герцога, и главныя его обязанности были захвачены Кровавымъ Совѣтомъ. Не только граждане всѣхъ провинцій, но и городскія общества, и сами высшіе провинціальные штаты принуждены были явиться отвѣтчиками, какъ смиренныя частныя лица, передъ этимъ новымъ и чрезвычайнымъ трибуналомъ. Не нужно говорить о совершенномъ такимъ образомъ безусловномъ нарушеніи всѣхъ хартій, законовъ и привилегій, потому что самое учрежденіе совѣта было смѣлымъ и грубымъ объявленіемъ, что эти законы и привилегіи уничтожаются. Функція этого внезапно учрежденнаго суда была двоякая. Онъ опредѣлялъ и наказывалъ преступленіе измѣны. Опредѣленіе, выраженное въ 18-ти статьяхъ, объявляло измѣной: поданіе или подписаніе всякаго прошенія противъ новыхъ епископовъ, инквизиціи или эдиктовъ; допущеніе въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ публичныхъ проповѣдей; неоказаніе сопротивленія иконоборству, загороднымъ проповѣдямъ или представленію дворянами прошенія; объявленіе по сочувствію или «увлеченію», что король не имѣлъ права лишать провинціи ихъ вольностей; утвержденіе, что новый судъ былъ обязанъ уважать какимъ нибудь образомъ какіе бы то ни было законы и хартіи. Въ этихъ простыхъ и краткихъ, но ясныхъ выраженіяхъ было опредѣлено преступленіе государственной измѣны. Наказаніе за него было еще болѣе кратко, просто и ясно установлено: во всякомъ случаѣ немедленная смерть! И такъ хорошо новое ужасное орудіе исполняло свое дѣло, что меньше чѣмъ въ три мѣсяца со времени его учрежденія 1800 человѣческихъ существъ претерпѣли смерть по его сокращенному судопроизводству. Не одинъ изъ знатнѣйшихъ, благороднѣйшихъ, доблестнѣйшихъ гражданъ этой страны былъ въ этомъ числѣ; но и тогда оно не выказывало ни малѣйшаго признака остановки на этомъ страшномъ пути.

Между тѣмъ, странно сказать, этотъ ужасный судъ, основанный, такимъ образомъ, на развалинахъ всѣхъ прежнихъ учрежденій страны, не получилъ даже номинальной власти изъ какого-бы то ни было источника. Король не даровалъ ему ни хартіи, ни грамоты, и даже герцогъ Альба думалъ, что не стоитъ давать какое нибудь предписаніе, отъ своего ли имени, или въ качествѣ генералъ-капитана, кому нибудь изъ членовъ, составляющихъ присутствіе. Кровавый Совѣтъ былъ просто справочнымъ клубомъ, котораго герцогъ былъ постояннымъ президентомъ, а другіе члены избирались имъ же.

Изъ этихъ совѣтниковъ только двое имѣли право голоса, но и ихъ рѣшеніе должно было во всякомъ случаѣ получить утвержденіе Альбы; другіе же члены не подавали голоса вовсе. Вслѣдствіе этого Совѣтъ ни въ какомъ отношеніи не имѣлъ свойствъ судебнаго, законодательнаго или

исполнительнаго трибунала; онъ былъ только совѣщательнымъ комитетомъ, который иногда облегчалъ кровавую работу герцога въ ея подробностяхъ, не снимая съ его плечъ ни малѣйшей части власти или отвѣтственности. Герцогъ оставилъ за собою право окончательнаго рѣшенія всѣхъ дѣлъ, производившихся въ Совѣтѣ, и съ страшной простотой опредѣлялъ причины, по которымъ такъ дѣйствовалъ: «двѣ причины», писалъ онъ королю, «заставили меня ограничить такимъ образомъ власть этого судилища,—первая, что, не зная членовъ, я легко могу быть обманутъ ими,—вторая та, что *законники* осуждаютъ *только за доказанныя преступленія,* между тѣмъ какъ вашему величеству извѣстно, что государственныя дѣла ведутся по правиламъ, очень не похожимъ *на законы, которые они здѣсь имѣютъ*».

Если, слѣдовательно, цѣлью герцога было составить кружокъ людей, которые бы помогали осуждать ему за такія преступленія, которыя *не могли* быть доказаны, и нарушать статуты, которыхъ не слѣдовало признавать, надо согласиться, что онъ не былъ несчастливъ въ выборѣ своихъ совѣтниковъ. Въ этомъ онъ имѣлъ помощника въ опытномъ Виліусѣ.

Этотъ ученый законовѣдъ, по характеристической непослѣдовательности, отклонилъ отъ самого себя эту опасную честь, но назвалъ нѣсколько лицъ, изъ которыхъ герцогъ пополнилъ свой списокъ.

Нельзя не смотрѣть съ презрѣніемъ на поведеніе знаменитаго фриза въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ. Думая только о спасеніи себя, своей собственности и своей репутаціи, онъ не поколебался преклониться предъ «святѣйшимъ герцогомъ», какъ онъ всегда называлъ его съ подлымъ и раболѣпнымъ почтеніемъ. Отказываясь омочить руки въ невинной крови, которая должна была течь потоками, онъ согласился принять участіе въ совершеніи предварительныхъ таинствъ въ великомъ жертвоприношеніи въ Нидерландахъ. Его пристойное и разборчивое поведеніе кажется болѣе преступнымъ, чѣмъ радость дѣйствительныхъ убійцъ. Хотя вся жизнь его прошла въ судебныхъ и административныхъ занятіяхъ, онъ, не краснѣя, ссылается, въ вопросахъ о конституціонныхъ законахъ, на авторитетъ такихъ юрисконсультовъ, какъ герцогъ Альба и его двѣ испанскія ищейки,—Варгасъ и Дель-Ріо. Онъ часто думалъ, говорилъ онъ, о средствахъ возстановить благоденствіе провинцій, а на дѣлѣ онъ только по мѣрѣ силъ своихъ помогалъ герцогу устроить Кровавый Совѣтъ. Онъ желалъ добра своей родинѣ, но больше заботился о благосклонности Альбы.

Благодаря его помощи, списокъ кровавыхъ совѣтниковъ былъ скоро пополненъ. Никто изъ тѣхъ, кому была предложена эта должность, не отказался. Нуаркармъ и Барлэмонтъ приняли ее съ величайшей готовностью. Было назначено нѣсколько президентовъ и совѣтниковъ изъ различныхъ провинціальныхъ трибуналовъ, но всѣ нидерландцы были пѣшками. Два испанца, Дель-Ріо и Варгасъ, были единственными членами, имѣвшими право голоса; но и ихъ рѣшенія, какъ уже сказано, подвергались пересмотру Альбы. Дель-Ріо былъ человѣкъ безъ характера и безъ дарованій, простая кукла въ рукахъ своихъ начальниковъ; одинъ Хуанъ де-Варгасъ былъ не призракомъ, какъ всѣ другіе, а страшной дѣйствительностью. Во всей Европѣ нельзя было найти лучшаго человѣка для должности, на которую его назначили. Лить человѣческую кровь было, по его мнѣнію, единственнымъ важнымъ дѣломъ и единствен-

нымъ веселымъ препровожденіемъ времени въ жизни. Его юность была запятнана ужасными преступленіями. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ находилъ удовольствіе только въ убійствѣ. Онъ исполнялъ кровавое дѣло Альбы съ нечеловѣческимъ трудолюбіемъ и съ весельемъ, которое пристыдило бы демона. Его отвратительныя шутки раздавались среди крови и дыма и предсмертныхъ криковъ этихъ дней непрерывнаго жертвоприношенія. Онъ гордился тѣмъ, что не уступалъ желѣзному сердцу герцога и дѣйствовалъ такъ постоянно въ согласіи съ его видами, что право пересмотра осталось только номинальнымъ. Не могло быть возможности столкновенія тамъ, гдѣ подчиненный заботился только о томъ, чтобы превзойти своего несравненнаго начальника. Фигура Варгаса встаетъ предъ нами сквозь туманъ трехъ столѣтій съ ужасной ясностью.

Составленный такимъ образомъ Кровавый Совѣтъ имѣлъ первое засѣданіе 20 сентября 1567 г. въ жилищѣ Альбы. Явившись взрослымъ и съ головы до ногъ вооруженнымъ изъ головы своего изобрѣтателя, новый судъ, съ самаго рожденія пользуясь полными силами зрѣлости, сталъ тотчасъ выказывать страшную дѣятельность въ исполненіи своего назначенія. Когда совѣтники поклялись «хранить вѣчно въ тайнѣ все, что будетъ происходить въ Совѣтѣ, и доносить на каждаго изъ своихъ товарищей, если бы кто нарушилъ эту клятву», судъ былъ признанъ организованнымъ. Альба работалъ въ немъ по семи часовъ въ день. Можно повѣрить, что подчиненные не были пощажены и что ихъ служба не оказалась синекурой. Ихъ работа, однако, не была затруднена устарѣлыми формами. Такъ какъ этотъ высшій и единственный для всѣхъ Нидерландовъ трибуналъ не имѣлъ другаго полномочія, кромѣ воли генералъ-капитана, то казалось совершенно лишнимъ учреждать сводъ правилъ и порядковъ, который былъ бы полезенъ для менѣе независимыхъ судовъ. Формы судопроизводства были кратки и безъискуственны. Толпа коммисаровъ, дѣйствующихъ въ качествѣ низшихъ чиновниковъ Совѣта, была разсыпана по провинціямъ, и дѣло ихъ состояло въ собираніи справокъ обо всѣхъ, кто могъ быть обвиненъ въ участіи въ недавнихъ волненіяхъ. Величайшимъ преступленіемъ было—быть богатымъ, и его не могли искупить никакія доблести, какъ бы онѣ не были очевидны. Альба хотѣлъ доказать, что онъ былъ на столько же отличный финансистъ, насколько неоспоримо великій полководецъ, и обѣщалъ своему повелителю ежегодный доходъ въ 500,000 дукатовъ съ конфискацій, которыя должны были сопровождать казни.

Было необходимо, чтобы кровавый потокъ протекъ сразу по всѣмъ Нидерландамъ для того, чтобы обѣщанная золотая рѣка глубиной въ ярдъ, какъ хвалился герцогъ, начала орошать жаждущую почву Испаніи. Очевидно изъ основныхъ законовъ, которыми учрежденъ Совѣтъ и въ то же время опредѣлено преступленіе измѣны, что всякій могъ быть во всякую минуту призванъ въ этотъ судъ. Каждый, невинный и виновный, папистъ и протестантъ, чувствовалъ, что у него голова шатается на плечахъ. Если онъ былъ богатъ, ему не оставалось другаго спасенія, кромѣ бѣгства, которое, въ свою очередь, было почти невозможно вслѣдствіе тяжелыхъ взысканій, назначенныхъ новымъ эдиктомъ всѣмъ носильщикамъ, судохозяевамъ и извощикамъ, которые стали бы помогать бѣгству еретиковъ.

Извѣстному числу коммисаровъ было спеціально поручено собирать

справки объ измѣнѣ принца Оранскаго, Лудовика Нассаускаго, Эгмонта, Горна, Бергена и Монтиньи. На основаніи этихъ справокъ, долженъ былъ начаться короткій процессъ противъ этихъ знаменитыхъ вельможъ. Каждымъ изъ этихъ важныхъ дѣлъ распоряжался особенно назначенный для этого членъ Кроваваго Совѣта, но коммисары должны были доносить въ первой инстанціи самому герцогу, который потомъ отсылалъ бумагу своимъ подчиненнымъ.

Относительно менѣе важныхъ и мелкихъ дѣлъ, которыхъ ежедневно начиналось въ этомъ трибуналѣ невѣроятное множество, наблюдался тотъ же предварительный порядокъ, въ подражаніе судопроизводству судебныхъ мѣстъ. Альба отсылалъ совѣтникамъ для пересмотра возы донесеній, которыя ежедневно представлялись ему, но которыхъ ни онъ, ни кто другой не имѣлъ времени прочесть. Подчиненнымъ, не имѣвшимъ, какъ уже сказано, права голоса, поручалось приготовленіе докладовъ. Ничто не могло быть короче. Слѣдствіе надъ однимъ или надъ сотнею человѣкъ помѣщалось въ одной бумагѣ. Герцогъ посылалъ эту бумагу въ Совѣтъ, а низшіе совѣтники докладывали ее Варгасу. Если докладъ заключался мнѣніемъ, что этого человѣка или этихъ сто человѣкъ слѣдуетъ осудить на смерть, Варгасъ тотчасъ же утверждалъ его, и казнь одного или сотни осужденныхъ совершалась въ теченіе сорока восьми часовъ. Если докладъ *имѣлъ какое нибудь другое заключеніе,* онъ тотчасъ отсылался для пересмотра, а докладчикъ осыпался выговорами президента.

Можно себѣ предположить, что, при такомъ способѣ производства, совѣтникамъ не позволяли ослаблять своего страшнаго прилежанія. Регистраторами каждаго города, деревни и деревушки, по всѣмъ Нидерландамъ, представлялись ежедневные списки мужчинъ, женщинъ и дѣтей, принесенныхъ въ жертву у алтаря демона, получившаго господство надъ этой несчастной землей. Не часто случалось, чтобы лицо имѣло достаточно значенія для того, чтобы быть судимымъ (если это можетъ назваться судомъ) самимъ этимъ демономъ. Находили болѣе удобнымъ для скорости отправлять всѣхъ въ печь вязанками. Такъ, напримѣръ, 4 января были осуждены 74 валансіенскихъ жителя; въ другой разъ 95 человѣкъ всѣхъ классовъ изъ разныхъ частей Фландріи; потомъ 46 человѣкъ изъ Мехельна; потомъ 35 человѣкъ изъ разныхъ мѣстностей, и такъ далѣе.

Вечеръ въ первый день масляной, одинъ изъ самыхъ любимыхъ праздниковъ въ Нидерландахъ, доставилъ случай арестовать и уничтожить большое число обреченныхъ лицъ однимъ махомъ. Правильно было разсчитано, что бюргеры, налитые виномъ и васселемъ, которымъ тогдашнія обстоятельства придавали, можетъ быть, лишнюю и страшную возбудительную силу, легко могли быть захвачены въ постеляхъ и всѣ вмѣстѣ отданы Совѣту. Замыселъ былъ остроуменъ и сѣти хорошо разставлены; многіе изъ обреченныхъ были, однако, счастливымъ случаемъ предупреждены объ ужасной развязкѣ своихъ увеселеній и удалились на нѣсколько времени въ безопасное мѣсто. Добыча приблизительно изъ пяти сотъ плѣнниковъ была слабой наградой за хорошую выдумку. Излишне прибавлять, что всѣ они были немедленно казнены. Утомительна и отвратительна задача перерывать заплѣсневѣвшіе трехсотлѣтніе протоколы, чтобы отыскать темныя имена тысячи людей, принесенныхъ такимъ образомъ въ жертву. Мертвые погребли своихъ мертвецовъ и за-

быты. Также нѣтъ почти надобности прибавлять, что всѣ процессы производились въ Совѣтѣ при закрытыхъ дверяхъ и въ отсутствіи обвиняемаго, и что за слѣдствіемъ почти неминуемо слѣдовалъ смертный приговоръ. Иногда даже случалось, что усердіе совѣтниковъ опережало прилежаніе коммисаровъ. Случалось, что приговоръ шелъ прежде доноса. Такъ, въ одномъ случаѣ процессъ какого-то человѣка поступилъ въ Совѣтъ, но до начала изслѣдованія оказалось, что онъ казненъ. Бѣглый пересмотръ бумаги доказалъ притомъ же, какъ и обыкновенно, что обвиненный не совершилъ никакого преступленія. «Ничего, шутя сказалъ Варгасъ, если онъ умеръ невинный, тѣмъ лучше будетъ для него, когда его будутъ судить на томъ свѣтѣ».

Но хотя совѣтники могли допускать эти милыя шутки между собой, было очевидно изъ самаго опредѣленія измѣны, что невинность невозможна. Практика согласовалась съ закономъ, и каждый день казнили людей подъ безсмысленными предлогами, что было хуже, чѣмъ казнить безъ всякаго предлога. Такъ, Петръ Де-Витъ, изъ Амстердама, былъ обезглавленъ за то, что во время смутъ въ этомъ городѣ онъ убѣдилъ одного мятежника не стрѣлять въ судью. Это показалось достаточнымъ доказательствомъ того, что онъ пользовался вліяніемъ между возмутившимися, и вслѣдствіе этого его осудили на смерть.

Даже смерть не всегда избавляла преступника отъ казни. Эрбертъ Мейнарцонъ, занимавшій высокую должность, былъ осужденъ вмѣстѣ съ двумя товарищами за то, что дѣлалъ сборъ въ лютеранской церкви. Онъ умеръ въ темницѣ отъ водяной. Старшій судья вознегодовалъ на медика, потому что, несмотря на укрѣпляющія лекарства, виновный проскользнулъ у него между пальцами, прежде чѣмъ попалъ въ руки палача. Онъ утѣшился, посадивъ трупъ на кресло и обезглавивъ мертваго вмѣстѣ съ его товарищами.

Вся страна обратилась въ живодерню; похоронный звонъ ежечасно раздавался въ каждой деревнѣ; не было семьи, которая не оплакивала бы самыхъ дорогихъ своихъ членовъ, между тѣмъ какъ оставшіеся въ живыхъ безцѣльно бродили призраками самихъ себя вокругъ развалинъ своихъ прежнихъ домовъ. Бодрость народа чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ прибытія Альбы казалась безнадежно разбитой.

Кровь лучшихъ и храбрѣйшихъ изъ нихъ окрасила эшафоты; люди, у которыхъ привыкли искать руководства и защиты, были мертвы, въ тюрьмѣ или въ изгнаніи. Покорность стала безполезной, бѣгство было невозможно, и духъ мщенія погасъ у каждаго очага. Все населеніе въ траурѣ бродило по улицамъ по цѣлымъ днямъ, потому что едва ли былъ хоть одинъ домъ неопустошенный. Эшафоты, висѣлицы, костры, удовлетворявшіе требованіямъ обыкновеннаго времени, представляли теперь совершенно недостаточныя орудія для безпрестанныхъ казней. Столбы и колонны по всѣмъ улицамъ, косяки дверей частныхъ домовъ, изгороди на поляхъ были обременены остатками задушенныхъ, сожженныхъ, обезглавленныхъ людей. Въ деревенскихъ садахъ на многихъ деревьяхъ висѣли отвратительные плоды—человѣческіе трупы. Нидерланды были раздавлены и, если бы не строгость тиранніи, которая заперла ихъ ворота, были бы покинуты населеніемъ. Трава начинала расти на улицахъ городовъ, которые недавно кормили столько ремесленниковъ. На всѣхъ большихъ мануфактурныхъ и промышленныхъ рынкахъ, гдѣ бился съ такой

силой приливъ человѣческой жизни, царствовали теперь молчаніе и мракъ полуночи. Въ это-то время ученый Виліусъ писалъ своему другу Гопперу, что всѣ благоговѣютъ передъ благоразуміемъ и кротостью герцога Альбы. А таковы были первые плоды этого благоразумія и кротости!

Герцогиня Пармская держалась въ постоянномъ состояніи раздраженія. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она не переставала просить освобожденія отъ ненавистнаго положенія нуля въ странѣ, гдѣ она такъ недавно была полновластной, и наконецъ получила его. Филиппъ отправилъ согласіе на ея увольненіе съ тѣмъ же самымъ курьеромъ, который привезъ повелѣніе герцогу быть главнымъ правителемъ вмѣсто нея.

Ужасы послѣдующаго управленія оказались выгодными для ея репутаціи. На мрачномъ полѣ послѣдующихъ годовъ строки, которыми разсказывается ея исторія, кажутся написанными буквами свѣта. А между тѣмъ ея поведеніе въ Нидерландахъ представляетъ мало причинъ для одобренія и многое для негодующаго охужденія. Что она не была лишена совсѣмъ женской мягкости и чувства добра, доказываетъ ея прощальное посланіе брату. Въ этомъ письмѣ она указываетъ ему дорогу кротости и прощенія и напоминаетъ, что чѣмъ ближе короли, по своему положенію, къ Богу, тѣмъ болѣе они обязаны подражать его милосердію. Но языкъ ея прощанія мягче, нежели былъ духъ ея управленія.

Тщетно было бы также искать въ атмосферѣ доброты, проникающей ея посланіе, какой нибудь особенной просьбы за тѣхъ знатныхъ и несчастныхъ дворянъ, которыхъ привязанность къ ея особѣ и рыцарскія добросовѣстныя усилія исполнять ея приказанія поставили на край пропасти, куда ихъ скоро должны были столкнуть. Люди, помѣшавшіе ей обезчестить себя бѣгствомъ съ опаснаго поста, подвергавшіе опасности свою жизнь изъ повиновенія ея именнымъ повелѣніямъ, давно уже томились въ одиночествѣ заключенія, которое должно было кончиться для нихъ только смертью измѣнниковъ, — а мы напрасно ищемъ добраго слова въ ихъ пользу.

XXXV. Военныя дѣйствія Альбы въ Нидерландахъ и геройская борьба ихъ за независимость.

(Изъ соч. Кудрявцева: «Осада Лейдена». Сборникъ учено-литературныхъ статей въ воспоминаніе 12 января 1855 года).

Кровавой памяти герцогъ Альба свирѣпствовалъ въ Нидерландахъ. Миссія его состояла въ томъ, чтобы водворить миръ въ смятенныхъ провинціяхъ; онъ же не принесъ съ собою ничего, кромѣ духа вражды и ненависти. Казнями и другими жестокими мѣрами думалъ онъ снова уравнять и совершенно сгладить то глубокое внутреннее раздѣленіе, которое произошло въ самыхъ вѣрованіяхъ жителей и ихъ понятіяхъ. Дѣло умиротворенія превратилось въ безпощадное мщеніе. Права, религія, собственность, самая жизнь гражданъ—все подпало суровому закону мстителя. Но чѣмъ больше умножалось число жертвъ его, тѣмъ больше исчезала возможность примиренія. Все дальше и дальше раздавались края пропасти, отдѣлявшей сѣверныя провинціи отъ юго - западныхъ, и вре-

менный разрывъ, увеличенный во сто кратъ насильственными мѣрами, угрожалъ перейти въ совершенное распаденіе. Отчужденіе, сначала непроизвольное, съ каждымъ днемъ утверждалось глубже въ сознаніи жителей страны, какъ необходимость, и наконецъ окрѣпло въ нихъ дотого, что не могло быть болѣе побѣждено никакими усиліями.

Долго тянулся кровавый процессъ между двумя противными сторонами, стоившій Нидерландамъ неисчисленныхъ жертвъ. Никто не былъ такъ далекъ отъ мысли, что рано или поздно посѣянное зло возрастетъ сторицею, какъ главный виновникъ его. Располагая превосходными силами, онъ ни разу не усомнился въ успѣхѣ своего дѣла, и тѣмъ больше учащалъ свои удары, чѣмъ больше встрѣчалъ сопротивленія. Но въ противникахъ его жилъ не менѣе крѣпкій духъ. Падавшіе на нихъ удары встрѣчали подъ легкою бронею мужественныя сердца, которыя восполняли недостатокъ численныхъ силъ энергіею и еще болѣе закалялись въ насчастіяхъ. Ихъ не испугало бы никакое лишеніе. Самыя тяжелыя пожертвованія не казались имъ обременительными. Любовь къ родинѣ и независимости служила для нихъ неизсякаемымъ источникомъ героическаго вдохновенія. Борьба неминуемо должна была продлиться, пока каждый вновь наносимый ударъ вызывалъ лишь новыя силы съ одной стороны и еще не истощены были всѣ усилія съ другой.

Въ первомъ періодѣ борьбы положеніе голландскихъ патріотовъ, защищавшихъ свои религіозныя убѣжденія противъ фанатическаго преслѣдователя, было самое отчаянное. Главныя ихъ надежды возложены были на знаменитаго представителя Нассаускаго дома, Вильгельма принца Оранскаго, о которомъ умный кардиналъ Гранвелла говорилъ совѣтникамъ Филиппа II, что если они не будутъ имѣть его въ своихъ рукахъ, то имъ не сдѣлать ничего. Вильгельмъ не охотникъ былъ говорить, зато умѣлъ дѣйствовать. Въ душѣ его жили великіе замыслы, а холодная наружность скрывала за собою много рѣшимости и безстрастія. Ему по плечу было самое несбыточное предпріятіе. Недоступный увлеченію, онъ ни минуты не ослѣпленъ былъ насчетъ трудностей своего положенія, не презиралъ опасностями, не смѣялся надъ ними, но своимъ умомъ и разсчетомъ всегда почти умѣлъ поравняться съ трудными обстоятельствами своего времени, иногда даже стать выше ихъ. О всякомъ дѣлѣ, за которое брался Вильгельмъ, смѣло можно было сказать, что оно находится въ вѣрныхъ рукахъ. Но врагъ и противникъ его былъ равно неусыпенъ и никогда не давалъ застать себя врасплохъ. Споръ могъ быть рѣшенъ только оружіемъ, а испытанная храбрость испанскихъ войскъ въ бою и извѣстная опытность герцога Альбы въ военномъ дѣлѣ склоняли перевѣсъ на его сторону. Поэтому первая попытка Вильгельма утвердиться въ Нидерландахъ вооруженною рукою рѣшительно не имѣла никакого успѣха. Графъ Людвигъ Нассаускій, который съ передовымъ отрядомъ открылъ походъ и началъ его довольно счастливо, былъ первый разбитъ на голову, а черезъ нѣсколько времени потомъ и самъ принцъ Оранскій, послѣ тщетныхъ попытокъ вызвать своего противника изъ укрѣпленнаго лагеря, нашелся принужденнымъ распустить свое войско, собранное съ большими пожертвованіями, и, почти не обнажая меча, отказаться отъ своего предпріятія.

Вторая попытка была по началу своему гораздо счастливѣе, и дѣйствіе ея несравненно обширнѣе. Между тѣмъ и другимъ событіемъ прошло

два года. Все это время, впрочемъ, Вильгельмъ не оставался недѣятельнымъ. Онъ жилъ попеременно то въ Германіи, то во Франціи, иногда съ опасностью жизни мѣняя мѣсто своего пребыванія и вездѣ стараясь завязать новыя связи для успѣха своего труднаго начинанія. Мысль объ освобожденіи Нидерландовъ отъ безчеловѣчнаго Альбы не оставляла его ни на минуту. Въ то же время онъ продолжалъ поддерживать тайныя сношенія съ жителями страны и даже позволялъ себѣ нѣкоторыя внутреннія распоряженія, направленныя къ той же самой цѣли. Первые голландскіе каперы, которые начали дѣйствовать противъ испанцевъ съ моря, имѣли отъ него письменныя дозволенія. Денежные сборы по городамъ также производились большею частію отъ его имени. Дипломатическая дѣятельность принца Оранскаго простиралась еще далѣе. Пока онъ лично, или черезъ своего брата, велъ переговоры во Франціи и въ Германіи, особыя посольства отправлялись отъ него въ Данію и Швецію съ цѣлію заискать ихъ дружеское расположеніе. Если не всѣ тронутыя пружины приведены были въ дѣйствіе, то многія, по крайней мѣрѣ, не замедлили принести желаемую пользу. Неожиданно счастливый случай ускорилъ исполненіе предпріятія почти противъ намѣренія самого зачинателя. Королева Елисавета, которая тогда имѣла еще причины беречь миръ съ Испаніею, по настоятельному требованію герцога Альбы дала приказаніе, чтобы голландскіе каперы, уже извѣстные подъ именемъ морскихъ гейзовъ, покинули англійскія гавани, гдѣ они до сихъ поръ имѣли свое главное убѣжище. Лишенные всякаго безопаснаго пристанища, гейзы волею или неволею должны были обратиться вспять, къ своимъ роднымъ берегамъ, и стараться утвердиться на нихъ прочнымъ образомъ. Командуя двадцатью четырьмя судами, предпріимчивый Лумей вышелъ въ море и сначала направился къ Текселю; но вѣтеръ скоро подулъ къ юго-западу и пригналъ мореплавателей къ устью Мааса. По лѣвую сторону его, между однимъ рукавомъ рѣки и самымъ моремъ, лежитъ островъ Ворне съ укрѣпленнымъ городомъ Брилемъ. До сихъ поръ этотъ важный постъ постоянно занятъ былъ испанскимъ гарнизономъ; по незадолго передъ тѣмъ, по распоряженію самого Альбы, стоявшій здѣсь отрядъ войска переведенъ былъ въ Утрехтъ, гдѣ расположеніе жителей въ послѣднее время оказалось довольно сомнительнымъ. Приведенные въ ужасъ именемъ гейзовъ, граждане Бриля сначала затворили передъ ними ворота, однако скоро одумались, и Лумей, имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе какъ 252 человѣка, занялъ городъ безъ сопротивленія. Альба понялъ свою ошибку и спѣшилъ поправить ее. Штатгальтеру Голландіи, Боссю, велѣно немедленно было идти къ Брилю и взять его силою. Но было уже поздно: гейзы, утвердившись въ своемъ новомъ владѣніи, дали мужественный отпоръ нападающему. Прикрываясь сами водою, они сожгли у непріятеля нѣсколько судовъ и принудили его возвратиться назадъ. Боссю выместилъ потомъ свою неудачу на Роттердамѣ, который былъ преданъ имъ на разграбленіе. Выдержавъ ударъ, защитники Бриля ободрились еще болѣе и поклялись стоять за принца Оранскаго, котораго провозгласили, на мѣсто Боссю, королевскимъ штатгальтеромъ въ Голландіи.

Занятіемъ Бриля положенъ былъ первый камень независимости сѣверныхъ провинцій. Въ самомъ дѣлѣ, движеніе тогда только могло сдѣлать успѣхи внутри страны, когда она имѣла въ тылу у себя хотя одинъ твердый пунктъ, обезпеченный противъ нападенія. Бриль, хорошо защи-

щенный съ моря и съ суши, соединялъ всѣ необходимыя для того условія. Смотря на него, зеландскіе города одинъ за другимъ слѣдовали его примѣру и также поднимали у себя оранское знамя. По примѣру зеландскихъ островов, Голландія мало по малу увлекалась тѣмъ же движеніемъ. Еще Амстердамъ стоялъ непоколебимо на сторонѣ герцога Альбы, какъ уже въ отдаленномъ Энкейзенѣ развѣвалось оранское знамя. Поводомъ послужило во время обнаруженное намѣреніе Альбы ввести въ городъ испанскій гарнизонъ. Граждане воспротивились принятію его и съ помощью гейзовъ, которые подошли съ моря, успѣли отвратить угрожавшую имъ опасность. Не прошло и мѣсяца послѣ того, какъ вся западная Фрисландія и Ватерландъ объявили себя въ пользу принца Оранскаго и приняли назначеннаго отъ него намѣстника. Между тѣмъ какъ эти взрывы происходили одинъ за другимъ на сѣверѣ, другой, еще менѣе ожиданный, ударъ послѣдовалъ съ юга-запада, угрожая отрѣзать сообщенія Альбы съ тыла. Графу Людвигу Нассаускому, который проживалъ послѣднее время въ Парижѣ, а между тѣмъ не спускалъ глазъ съ Нидерландовъ, удалось наконецъ войти въ сношенія съ жителями Монса и съ ихъ помощью овладѣть самымъ городомъ. Отсюда онъ могъ дѣйствовать на Брабантъ и на другія провинціи. Эта значительная диверсія въ тылу герцога Альбы, отвлекавшая вниманіе и силы его отъ Зеландіи и Голландіи, рѣшила отпаденіе въ нихъ другихъ городовъ, которые до сихъ поръ медлили, удерживаемые страхомъ скораго мщенія. Тогда же присталъ къ общему движенію и городъ Лейденъ, лежащій далѣе на сѣверъ, въ небольшомъ разстояніи отъ моря. Докторъ Павелъ Буисъ, занимавшій въ немъ должность пенсіонарія, былъ душею совѣта, который рѣшилъ тогда отпаденіе. Тогда и Дордрехтъ склонился на ту же сторону. Наконецъ не устоялъ и богатый Гарлемъ. Далѣе лежали города, отторгнутые еще въ началѣ переворота, Энкейзенъ и другіе. Почти въ то же время сила удара сообщилась и восточнымъ провинціямъ, лежащимъ по ту и по другую сторону Исселя. Даже отдаленная Фрисландія, лежащая по ту сторону Зюйдерзе, не хотѣла отстать отъ прочихъ областей. Въ ней также обнаружилось расположеніе въ пользу общаго дѣла.

Не такъ быстро переносится пламя, раздуваемое вѣтромъ, съ одного мѣста на другое, какъ разносились во всѣ стороны искры пожара, произведеннаго жестокими и неполитическими мѣрами герцога Альбы. Одинъ ненавистный налогъ, такъ называемый «десятый пфеннингъ», лишилъ его не одного десятка добрыхъ городовъ. Когда же пронесся слухъ, что Филиппъ II, и самъ недовольный своимъ намѣстникомъ, рѣшился отозвать его отъ управленія провинціями, тогда и самые робкіе отстали, начали открыто выставлять оранское знамя. Прошло еще нѣсколько времени, и города Роттердамъ, Дельфтъ, Верденъ и Шонговенъ примкнули къ союзу. Въ Голландіи удержался изъ большихъ городовъ лишь Амстердамъ, куда бросился Боссю съ бывшими у него испанскими полками. Между тѣмъ, союзъ прочихъ городовъ смыкался все тѣснѣе и тѣснѣе для общаго дѣйствія. Въ Дордрехтѣ открылось собраніе голландскихъ штатовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, главнымъ виновникомъ всего зачинанія опять былъ докторъ Буисъ, извѣстный уже намъ пенсіонарій города Лейдена. Онъ же потомъ былъ и самымъ важнымъ органомъ собранія въ качествѣ его адвоката. Филиппъ фонъ-Марниксъ, сеньоръ Сент-Альдегонде, одинъ изъ самыхъ умныхъ и ревностныхъ поборниковъ нидерланд-

ской реформы, принимавшій въ судьбахъ ея самое горячее участіе, явился на сеймъ отъ имени принца Оранскаго, требуя признанія его штатгальтеромъ Голландіи, Зеландіи, Фрисландіи и Утрехта и графа фан-деръ-Марка его намѣстникомъ. Штаты не только изъявили полное согласіе на его требованіе, но, сверхъ того, еще приняли на себя обязательство доставлять принцу необходимыя вспоможенія для веденія войны. Эти рѣшенія положили основаніе политическому союзу сѣверныхъ провинцій и ихъ будущей независимости.

Самая природа страны, въ которой, главнымъ образомъ, сосредоточилось движеніе, представляла многія очень выгодныя условія для дальнѣйшихъ его успѣховъ. Зеландія, состоящая вся изъ острововъ, образуемыхъ устьями Мааса и Шельды, была, по самому своему положенію, почти неприступна для дѣйствія сухопутныхъ силъ. Немногіе пункты, гдѣ еще оставались испанскіе гарнизоны, были отрѣзаны водою отъ подкрѣпленій, которыя могли-бы быть подвинуты къ нимъ на помощь изъ внутреннихъ областей. Голландія также имѣла свои собственныя средства защиты. Прикрытая тройною преградою рѣкъ Мааса, Валя и Лека съ юга, Исселемъ съ востока и Гарлемскимъ озеромъ съ сѣвера, она не легко подвержена была нападеніямъ извнѣ. Но, если бы даже непріятелю удалось проникнуть внутрь страны, онъ нашелъ бы тамъ для себя новыя препятствія во множествѣ рѣкъ, рукавовъ, озеръ и каналовъ, которыми провинція, особенно сѣверо-западная часть ея, прорѣзана въ различныхъ направленіяхъ; тогда какъ для туземцевъ они же могли-бы послужить превосходнымъ средствомъ защиты, потому что всѣ эти внутреннія воды сообщаются между собою и открываютъ выходъ въ море. На этой почвѣ трудно было дѣйствовать даже пѣхотѣ, а конница вовсе не могла быть употреблена въ дѣло. Кромѣ того, на случай крайней нужды, жители Голландіи имѣли въ своемъ распоряженіи одно отчаянное средство: имъ стоило только открыть шлюзы, чтобы впустить къ себѣ море и, застигнувъ непріятеля врасплохъ, угрожать ему потопленіемъ, или, по крайней мѣрѣ, лишить его всякой свободы движенія. Съ моря же Голландія была недоступна для большихъ военныхъ кораблей по мелководію. Здѣсь можно было съ пользою употреблять лишь небольшія суда, а голландцы всегда имѣли ихъ въ изобиліи. Располагая въ такомъ множествѣ естественными средствами обороны, чего не могло сдѣлать твердое и мужественное народонаселеніе страны, преданное своему дѣлу и непреклонное въ своихъ убѣжденіяхъ? Всего опаснѣе было бы для Голландіи зимнее время: она вдругъ лишалась всѣхъ выгодъ своего положенія, какъ скоро поверхность водъ ея покрывалась ледяною корою; но до зимы было еще далеко, и событія могли до того времени принять такой оборотъ, что всѣ опасенія были бы излишними.

Ужь готовы были и военныя силы, чтобы прикрыть сѣверныя провинціи вооруженною рукою и предупредить нападеніе на нихъ. Принцъ Вильгельмъ Оранскій не даромъ оставался въ Германіи. Пользуясь своими связями съ протестантскими князьями имперіи, онъ успѣлъ собрать довольно сильное ополченіе, и только недостатокъ въ деньгахъ замедлилъ нѣкоторое время походъ его къ нидерландскимъ границамъ. Наконецъ онъ получилъ возможность привести въ исполненіе давно задуманный планъ. Получивъ вспоможенія отъ голландскихъ штатовъ, отъ тотчасъ двинулся впередъ съ войскомъ, въ которомъ было 17,000 пѣхоты и 7,000

конницы, и безпрепятственно перешелъ Рейнъ у Дюисбурга. Отсюда онъ направился къ Роремонде, взялъ его штурмомъ и открылъ себѣ переходъ черезъ Маасъ. Въ Брабантѣ, кажется, вовсе не ожидали его появленія. Большіе города, какъ-то: Мехельнъ, Левенъ, Дистъ, весьма мало расположенные въ его пользу, сдавались почти безъ сопротивленія. Другіе были взяты силою. Переправа черезъ Шельду также была въ рукахъ Вильгельма. Онъ могъ по произволу перейдти рѣку и двинуться къ Генту, Брюгге, или, оставаясь на правомъ берегу Шельды, ударить прямо на Брюссель, который еще менѣе былъ закрытъ отъ него.

Вдругъ дѣла приняли неожиданный оборотъ. Противникъ Вильгельма былъ не изъ тѣхъ, которыхъ можно застать неприготовленными или которые теряются при видѣ угрожающей имъ опасности. Герцогъ Альба не потому не принималъ особенныхъ мѣръ для защиты Брабанта, чтобы не чувствовалъ себя въ силахъ дать отпоръ своему врагу, но потому, что дѣйствовалъ по другому, прежде обдуманному, плану. Своимъ вѣрнымъ взглядомъ онъ скоро понялъ, что ключъ къ твердой позиціи въ Нидерландахъ находился тогда въ Монсѣ, и, мало заботясь о сѣверныхъ провинціяхъ, противъ него направилъ свои главныя усилія. Монсъ былъ точкою соединенія голландскихъ патріотовъ и французскихъ гугенотовъ. Черезъ Монсъ они подавали другъ другу руку и всегда могли разсчитывать на взаимную помощь. Лишь благодаря французскому вспомогательному отряду, графъ Нассаускій могъ утвердиться въ этомъ городѣ. Пока тѣ, которые владѣли Монсомъ, угрожали съ тыла, испанцы ничего не въ состояніи были сдѣлать въ сѣверныхъ провинціяхъ. Поэтому первымъ дѣломъ Альбы было отправить къ Монсу сильный отрядъ подъ начальствомъ Дона Фадрика Толедскаго и Нуаркарма, съ приказаніемъ обложить городъ и отрѣзать ему всѣ сообщенія. Помощь, которой защитники города ожидали себѣ изъ Франціи, не могла болѣе проникнуть къ нимъ, между тѣмъ какъ осаждающіе черезъ нѣсколько времени получили новое значительное подкрѣпленіе. Даже появленіе съ войскомъ принца Оранскаго въ нидерландскихъ предѣлахъ нисколько не измѣнило намѣреній Альбы. Онъ продолжалъ заниматься приготовленіями къ осадѣ Монса. Многіе гарнизоны были вновь выведены изъ Голландіи, чтобы увеличить ими силы осаждающихъ. Дотого простиралась твердая рѣшимость герцога во что бы то ни стало овладѣть Монсомъ, что онъ не побоялся ни присутствія принца Оранскаго въ самомъ Брабантѣ, ни даже опасности, угрожавшей Брюсселю, и отправился въ лагерь, чтобы лично управлять осадными работами и скорѣе привести все дѣло къ окончанію. Вспыхнувшая тогда Варѳоломеевская ночь въ Парижѣ убила и послѣднія надежды осажденныхъ на дѣятельное вспоможеніе со стороны Франціи. Вмѣсто того, чтобы идти къ Брюсселю, принцъ Оранскій долженъ былъ поспѣшить на помощь къ Монсу, который находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Скоро войско его показалось въ виду испанскаго лагеря, но напрасно старался онъ выманить своего противника изъ его укрѣпленій. Герцогъ Альба не измѣнилъ себѣ и на этотъ разъ: сохраняя свое обычное хладнокровіе, онъ оставался неподвиженъ внутри лагеря, и все дѣло ограничивалось лишь нѣкоторыми частными стычками. Между тѣмъ, положеніе Вильгельма съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе: средства его истощались, а войско требовало денегъ. Послѣ долгаго выжиданія, онъ рѣшился самъ атаковать испанцевъ въ

ихъ укрѣпленной позиціи, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Попытка ввести въ Монсъ подкрѣпленія также не удалась ему. Онъ отошелъ на нѣсколько миль въ сторону, въ надеждѣ лучше скрыть свое намѣреніе отъ непріятеля. Но за нимъ слѣдилъ неусыпный глазъ. Донъ Фадрикъ, сынъ Альбы, высланный имъ для наблюденій за движеніями принца, приблизился ночью къ его лагерю, а начальникъ передоваго отряда, Ромеро, проникъ почти до самой ставки Вильгельма и произвелъ въ непріятельскихъ рядахъ страшное смятеніе. Въ ночной схваткѣ, которая продолжалась цѣлый часъ, принцъ Оранскій потерялъ много людей и долженъ былъ вовсе отказаться отъ своего намѣренія. Едва дождавшись разсвѣта, онъ бросилъ всѣ свои тяжести и началъ отступленіе. Перейдя обратно Маасъ и Рейнъ, принцъ Оранскій распустилъ свое ополченіе.

Монсъ держался послѣ того лишь нѣсколько дней и наконецъ сдался на капитуляцію. Тогда началась пацификація Брабанта. Беззащитные города, которые имѣли несчастіе видѣть въ своихъ стѣнахъ принца Оранскаго и волею или неволею принимали (хотя на нѣсколько дней) его сторону, должны были дорого поплатиться за эту невыгодную честь. Примѣрное наказаніе совершено было надъ городомъ Мехельномъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ призвалъ къ себѣ принца, собственно же зато, что не хотѣлъ содержать у себя испанскаго гарнизона. Онъ былъ преданъ трехдневному разграбленію, которое сопровождалось убійствами и насиліями всякаго рода. Не только разграблено все имущество,—гвоздя не уцѣлѣло въ стѣнахъ. Но хуже всего тѣ невыносимыя мученія, которымъ подвергнуты были многія замужнія женщины, даже мальчики и дѣвочки, чтобы выпытать отъ нихъ, гдѣ скрыто было серебро и золото. Нѣкоторыя были такимъ образомъ замучены до смерти. Мнѣніе самого Альбы, впрочемъ, было таково, что жители Мехельна заслуживали еще бо̀льшаго наказанія. Какъ бы то ни было, страшный примѣръ скоро подѣйствовалъ: всѣ прочіе города спѣшили изъявленіемъ совершеннѣйшей покорности отклонить отъ себя гнѣвъ страшнаго мстителя, и въ короткое время во всемъ Брабантѣ не осталось никакихъ видимыхъ слѣдовъ недавняго движенія.

Теперь пришла очередь другихъ провинцій. Къ несчастію для нихъ, критическая минута наступила въ такое время, когда уже приближалась зима и страна съ каждымъ днемъ становилась доступнѣе для внѣшняго нападенія. Положено было начать съ Гельдерна, какъ съ ближайшей и вмѣстѣ самой открытой области. Въ совѣтѣ, который былъ созванъ въ концѣ октября (1572 г.), герцогъ Альба рѣшилъ отправить Дона Фадрика съ войскомъ къ Цутфену, а самъ вмѣстѣ съ герцогомъ Медина-Сели хотѣлъ остаться на нѣкоторое время въ Нимвегенѣ. Цутфенъ прежде другихъ привлекъ на себя грозу за то особенно, что въ послѣднее время служилъ мѣстопребываніемъ Вильгельму, который укрывался здѣсь съ небольшимъ остаткомъ своего ополченія. Судьба несчастнаго города рѣшилась довольно скоро. На другой же день послѣ совѣщанія Донъ Фадрикъ выступилъ изъ Нимвегена, потомъ, переправившись черезъ Рейнъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ переходилъ принцъ Оранскій, явился передъ Цутфеномъ и обложилъ его со всѣхъ сторонъ, между прочимъ, съ тою цѣлью, чтобы не выпускать никого изъ города. Онъ имѣлъ отъ отца положительное приказаніе—не оставлять въ живыхъ ни одного человѣка и зажечь самый городъ въ нѣ-

скольких частяхъ. Воля герцога Альбы была исполнена почти буквально. Онъ самъ разсказываетъ о событіи въ письмѣ къ королю. Цутфенъ держался не долго; не болѣе какъ черезъ пять дней послѣ открытія осады испанцы проникли во внутренность города. По словамъ самого Альбы, жители оказали лишь слабое сопротивленіе; несмотря на то, приговоръ, произнесенный надъ ними заранѣе, былъ исполненъ во всей точности. Бóльшая часть изъ нихъ были избиты на мѣстѣ, какъ попало, а нѣкоторые, болѣе значительные плѣнники, повѣшены за ноги. Спаслись только тѣ, которые успѣли бѣжать заблаговременно. Къ этому извѣстію надобно прибавить, что, какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, граждане Цутфена думали предупредить угрожающую имъ катастрофу и ужь изъявили готовность сдаться; но испанцы нарочно сдѣлали видъ, что берутъ городъ приступомъ, и вошли не въ ворота, а черезъ валъ, чтобы имѣть нѣкоторое право на жестокое обращеніе съ жителями.

Несчастная участь, постигшая Цутфенъ, скоро отозвалась на всей странѣ, лежащей по правую сторону Исселя. Всякая тѣнь сопротивленія должна была исчезнуть передъ превосходными силами испанцевъ и ихъ презрѣніемъ къ самымъ первымъ основаніямъ народнаго права. Принцъ Оранскій нѣкоторое время еще не терялъ надежды удержать за собою хоть часть Гельдерна и Овериссель, но скоро онъ былъ опечаленъ вѣстью, что даже намѣстникъ его въ этихъ провинціяхъ, графъ фанъ-деръ-Берге, которому поручено было ихъ управленіе и защита, бѣжалъ изъ Кампена со всѣмъ семействомъ и имуществомъ, и что всѣ почти гельдернскіе города покинуты своими гарнизонами. Тогда оказалась полная невозможность держаться въ Овериссельѣ, со всѣхъ сторонъ открытомъ непріятельскому нашествію. Вслѣдъ затѣмъ потеряна была и Фрисландія. Единственный отрядъ нассаускихъ войскъ, стоявшій въ Фрисландіи, былъ разбитъ и разсѣянъ, и намѣстникъ Вильгельма принужденъ былъ оставить ввѣренную ему провинцію, послѣ чего города снова объявили себя испанскими. Возвратное движеніе сообщилось даже области Велау, лежащей по другую сторону Исселя и сопредѣльной съ Утрехтомъ. Устояла лишь западная половина провинціи, или собственный Утрехтъ, отдѣляющійся отъ Велау небольшою рѣкою.

Вильгельму не оставалось ничего болѣе, какъ искать убѣжища въ Голландіи и стараться спасти ее вмѣстѣ съ Зеландіею отъ разлива вторичнаго испанскаго завоеванія и сопровождавшихъ его ужасовъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ еще время созвать голландскіе штаты въ Гарлемѣ и принять вмѣстѣ съ ними нѣкоторыя мѣры для защиты страны. Отсюда онъ отправился въ Лейденъ, по близости котораго собралъ бóльшую часть своихъ морскихъ силъ, находившихся до сего времени у зеландскихъ береговъ. Между тѣмъ, гроза подвигалась все ближе и ближе. Герцогъ Альба вовсе не думалъ пугаться трудностей, которыя ожидали его въ двухъ остальныхъ провинціяхъ. Намѣреніе его привести къ покорности всю Зеландію и Голландію было неизмѣнно. Но главный свой ударъ Альба направлялъ противъ Голландіи. Ужь въ концѣ ноября, на новомъ нимвегенскомъ совѣтѣ, гдѣ въ послѣдній разъ присутствовалъ герцогъ Медина-Сели, послѣ того окончательно разладившій съ Альбою, рѣшено было наступательное движеніе противъ Голландіи. Предпріятіе было отложено на нѣкоторое время лишь потому, что наступила оттепель; но скоро опять начались морозы, Маасъ покрылся льдомъ словомъ—пришла

пора, когда походъ въ Голландію могъ состояться безъ особенныхъ трудностей. Герцогъ Альба и на этотъ разъ не счелъ нужнымъ лично находиться при арміи: онъ остался до усмотрѣнія въ Нимвегенѣ и поручилъ начальство надъ экспедиціоннымъ отрядомъ сыну своему, Дону Фадрику Толедскому.

Никто не былъ достойнѣе Дона Фадрика носить имя своего отца. Онъ былъ правою рукою герцога Альбы и вѣрнымъ исполнителемъ его предначертаній. Путь его долженъ былъ лежать на Амстердамъ, гдѣ еще держалась испанская партія съ помощію стоявшаго тамъ отряда испанскихъ войскъ. На этомъ пути единственный твердый пунктъ былъ городъ Нарденъ у южнаго берега Гарлемскаго озера. Незадолго передъ тѣмъ Боссю, находившійся въ Утрехтѣ, требовалъ отъ него сдачи, но получилъ отказъ. Жители удержали силою гарнизонъ, который весь состоялъ не болѣе какъ изъ 300 человѣкъ, и затворили ворота города. Они никакъ не ожидали скораго появленія Дона Фадрика, въ надеждѣ, что ему еще долго придется простоять подъ стѣнами крѣпкаго Бюрена, по другую сторону Рейна. Вдругъ узнаютъ, что онъ ужь на разстояніи лишь нѣсколькихъ миль. Бѣдные нарденцы упали духомъ и поспѣшили отправить въ испанскій лагерь депутацію, чтобы предложить ключи города и просить о пощадѣ. Но было уже поздно. Депутатовъ переняли на дорогѣ и воротили ихъ назадъ съ обѣщаніемъ, что жизнь и собственность гражданъ останутся неприкосновенными. Между тѣмъ, Донъ Фадрикъ пошелъ къ городу, самъ сталъ у однихъ воротъ, а двое другихъ поручилъ стеречь Юліану Ромеро, который находился у него подъ командою. Герцогъ Альба увѣряетъ въ своемъ донесеніи, что жители Нардена оказали нѣкоторое сопротивленіе и что испанцы вошли въ городъ силою; но мѣстные историки положительно утверждаютъ, что городъ былъ взятъ обманомъ, причемъ никто не думалъ сопротивляться. Какъ бы то ни было, Юліанъ Ромеро, вступивъ въ городъ, пригласилъ жителей и остававшійся въ немъ гарнизонъ,—впрочемъ, безъ оружія,—собраться въ одной церкви для принесенія присяги. Бо̀льшая часть гражданъ явилась на призывъ. Тогда имъ объявлено было, что они должны немедленно готовиться къ смерти. Началось страшное смятеніе. Въ это самое время вооруженные испанцы ворвались внутрь зданія и съ яростью напали на беззащитныхъ. Никогда еще помостъ христіанскаго храма не обагрялся такимъ множествомъ неповинной крови. По словамъ нидерландскихъ историковъ, изъ всего многочисленнаго собранія лишь четыре человѣка спаслись отъ избіенія; но Альба хвалится, что не спаслось ни одного. Еще не насытившись кровью, такъ безчеловѣчно пролитою въ виду святыни, солдаты разсыпались по городу, чтобы добывать себѣ новыхъ жертвъ. Они нашли ихъ во множествѣ и долго еще тѣшились надъ ними, какъ дикіе звѣри, не разбирая ни пола, ни возраста. Однихъ кололи, другихъ рубили въ куски, нѣкоторыхъ располосовали, какъ рыбу. Не было пощады ни больнымъ, которые не могли поднять руки на свою защиту, ни беременнымъ женщинамъ, ни малолѣтнимъ дѣтямъ. Рядомъ съ убійствомъ свирѣпствовало скотское насиліе. Ему тоже равны были всѣ возрасты, оно тоже не смущалось никакимъ положеніемъ женщины. Но закроемъ скорѣе отъ глазъ эту отвратительную картину: ее не можетъ выносить долго, даже только по воспоминанію, образованная мысль нашего времени. Лишь ради исторической вѣрности мы должны приба-

вить, что эти позорящія человѣчество сцены засвидѣтельствованы несомнѣнными показаніями современниковъ. Въ заключеніе всего, Нарденъ былъ зажженъ со всѣхъ концовъ, и зарево пожара освѣтило послѣднія буйныя вакханаліи Юліана Ромеро и его достойныхъ сподвижниковъ.

Чтобы нѣсколько очистить свою совѣсть передъ Филиппомъ, который уже выразилъ свое неудовольствіе за разграбленіе Мехельна, герцогъ Альба писалъ ему, что, конечно, только «попущеніемъ Божіимъ» жители Нардена были дотого ослѣплены, что рѣшились противопоставить ему сопротивленіе, ибо никому бы другому на ихъ мѣстѣ не пришло въ голову защищаться въ такомъ городѣ, который не имѣетъ для того почти никакихъ средствъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, сами они привлекли на себя наказаніе, которое вполнѣ заслуживали. Дополняя этими чертами свое донесеніе, Альба не догадывался, что писалъ самъ на себя обличеніе передъ судомъ потомства!

Нѣмой ужасъ овладѣлъ всей Голландіей при вѣсти о нарденскихъ происшествіяхъ. Навсегда порваны были послѣднія связи между провинціею и ея фанатическими притѣснителями. Каковы бы ни были впредь успѣхи испанскаго оружія въ Голландіи, оно уже не въ состояніи было возстановить утраченныя симпатіи ея народонаселенія. Къ религіозному раздѣленію присоединилась еще ненависть политическая. Вражда проникла до самой глубины народнаго духа, и зло было болѣе неисправимо. Отнынѣ до окончательной развязки возможна была только борьба на жизнь и смерть между двумя противными сторонами. Отчаяніе внушало мужество самымъ робкимъ сердцамъ. Гдѣ недавно еще господствовало уныніе, тамъ явилась непреклонная рѣшимость сопротивленія до тѣхъ поръ, пока не будутъ истощены всѣ возможныя человѣческія усилія. Самые беззащитные города находили себѣ героическихъ защитниковъ въ своихъ мирныхъ жителяхъ. Лучше честно пасть на валахъ или стѣнахъ роднаго города,—думали они,—чѣмъ недостойно погибнуть отъ руки безчеловѣчнаго палача, и смѣло шли на встрѣчу всѣмъ опасностямъ, нерѣдко удивляя своимъ мужествомъ и самоотверженіемъ самыхъ опытныхъ воиновъ. Не иначе, какъ дорогою цѣною,—страшною потерею людей и безполезною тратою времени,—приходилось испанцамъ покупать свой шагъ впередъ, а между тѣмъ возрастающее число жертвъ лишь увеличивало ожесточеніе туземцевъ, и надежда на возстановленіе испанскаго авторитета въ прежнемъ его значеніи и силѣ съ каждымъ днемъ становилась несбыточнѣе.

Первые города, стоявшіе на роковой очереди послѣ Нардена, были Гарлемъ и вслѣдъ за нимъ Лейденъ. Оба они такъ глубоко замѣшаны были въ дѣло независимости Голландіи, что ни одинъ изъ нихъ не могъ надѣяться избѣжать преслѣдованія отъ руки того же безпощаднаго мстителя. Бѣдствіе, постигшее Нарденъ, грозило повториться надъ ними еще въ большей степени. Въ самомъ дѣлѣ, еще на рукахъ Дона Фадрика не остыла кровь отъ нарденскихъ убійствъ, какъ онъ уже двинулся съ своимъ ополченіемъ далѣе въ глубину Голландіи. Путь его лежалъ на Амстердамъ, единственный пунктъ въ цѣлой провинціи, гдѣ еще испанцы находили себѣ нѣкоторое сочувствіе, благодаря торговымъ разсчетамъ жителей. Непріятель могъ потерпѣть вредъ, развѣ только передъ самымъ вступленіемъ въ городъ, отъ дѣйствія голландской флотиліи; но былъ уже декабрь мѣсяцъ, вода около плотины покрылась льдомъ, и суда должны

33*

были держаться въ значительномъ отдаленіи отъ нея. Прибывши въ Амстердамъ, Донъ Фадрикъ ждалъ изъявленія покорности со стороны другихъ городовъ, которые особенно имѣли причины опасаться его скораго мщенія; но надежды его сбылись только въ половину. Гарлемъ, которому угрожало первое нападеніе, сначала поддался невольному страху и выслалъ отъ себя въ Амстердамъ трехъ депутатовъ, прося лишь нѣсколько дней на размышленіе. Между тѣмъ, въ ожиданіи отвѣта, граждане Гарлема собрались снова, и чувство страха мгновенно исчезло передъ неожиданнымъ взрывомъ патріотическаго негодованія. На вызовъ Вайбута фанъ-Рипперды вспомнить участь Мехельна, Цутфена и Нардена и лучше защищаться до послѣдней крайности, чѣмъ ждать пощады отъ вѣроломнаго врага, немедленно послѣдовало согласіе всего многочисленнаго собранія. Тотчасъ открыты были сношенія съ принцемъ Оранскимъ, находившимся тогда въ Дельфтѣ, и приняты необходимыя мѣры для обороны. Вильгельмъ не заставилъ гарлемцевъ долго ждать отвѣта. По его распоряженію, отрядъ войска, состоявшій изъ нѣмецкихъ и валлонскихъ ратниковъ и занимавшій до сего времени Ватерландъ, былъ подвинутъ на югъ, и одна часть его вступила въ Гарлемъ, а другая расположилась гарнизономъ въ Лейденѣ, которому грозило то же самое бѣдствіе. Жребій былъ брошенъ, и гарлемцы, затворивъ ворота своего города и занявъ ведущіе къ нему проходы, спокойно ждали приближенія грознаго непріятеля. Героическая защита Гарлема безспорно принадлежитъ къ числу величайшихъ оборонительныхъ подвиговъ въ новой исторіи. Рѣдко гдѣ истощено было столько единодушныхъ усилій осажденными противъ искуснаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ непріятеля, рѣдко когда упорство осаждающихъ встрѣчало противъ себя столь настойчивое и непоколебимое мужество при недостаточныхъ средствахъ искусственной обороны. Самъ герцогъ Альба не присутствовалъ лично при осадѣ, оставаясь большею частію въ Нимвегенѣ; но опытный глазъ его неуклонно слѣдовалъ за всѣми ея операціями, которыми управлялъ сынъ его, Донъ Фадрикъ Толедскій, пользовавшійся полною довѣренностью своего отца. Съ Дономъ Фадрикомъ были и всѣ лучшіе капитаны той же арміи, Нуаркармъ, Ромеро и другіе, все люди испытанной храбрости, давно уже заслужившіе себѣ извѣстность въ бояхъ. Нечего говорить о самомъ войскѣ, которое было подъ начальствомъ этихъ вождей: по мужественной твердости, строгой дисциплинѣ и военной опытности, оно справедливо считалось тогда первымъ въ Европѣ. Число всѣхъ войскъ, бывшихъ подъ командою Дона Фадрика во время осады, простиралось до 30,000. Что могли противопоставить этимъ силамъ осажденные? Свои старыя стѣны съ башнями и рвами и нѣсколько вновь возведенныхъ укрѣпленій, да отъ 3 до 4,000 наемныхъ ратниковъ, большею частію нѣмцевъ и валлонцевъ. Гарлемцы думали-было заградить путь испанцамъ на высокой Спарендамской плотинѣ, которая ведетъ къ городу отъ Амстердама: они мужественно встрѣтили испанскій авангардъ и, можетъ быть, успѣли бы остановить его; но въ это время Юліанъ Ромеро съ другимъ отрядомъ обошелъ плотину по льду, ударилъ въ тылъ противникамъ и заставилъ ихъ отступить съ большимъ урономъ. Еще ничего не видя, малочисленный гарлемскій гарнизонъ потерялъ уже до 300 человѣкъ. Между тѣмъ, принцъ Оранскій успѣлъ собрать въ Лейденѣ отъ 4 до 5,000 пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ конницы при четырехъ орудіяхъ и выслалъ ихъ

подъ начальствомъ извѣстнаго Лумея, или графа фанъ-деръ-Марка, на выручку гарлемцамъ. Но едва только онъ показался въ виду города, какъ Нуаркармъ, Ромеро и самъ Донъ Фадрикъ напали на него съ различныхъ сторонъ, сбили и разсѣяли весь отрядъ и отняли у него какъ артиллерію, такъ и весь багажъ. Самъ Лумей едва спасся бѣгствомъ. Ободренные первыми своими успѣхами, испанцы не сомнѣвались, что однимъ смѣлымъ и быстрымъ ударомъ можно покончить все дѣло. Послѣ нѣсколькихъ дней сильнаго бомбардированія назначенъ былъ приступъ къ городу. Напоръ былъ страшенъ своею стремительностью; но здѣсь впервые испанцы грудь съ грудью столкнулись съ настоящими защитниками Гарлема и встрѣтили столько же сильный отпоръ. Главная оборонительная сила осажденныхъ заключалась не столько въ малочисленномъ гарнизонѣ, сколько въ нихъ самихъ, въ ихъ собственномъ единодушіи, мужествѣ и самоотверженіи. Они дѣлили съ солдатами всѣ опасности и дѣйствовали заодно съ ними внутри укрѣпленій. Днемъ они стояли на стѣнахъ, ночью закладывали проломы и насыпали новые валы позади старыхъ. Во время приступа, пока они сражались, другіе, стоя на стѣнахъ, сыпали съ нихъ горячую золу, лили кипящую смолу, масло и растопленный свинецъ на осаждающихъ. Испанцы понесли чувствительную потерю въ людяхъ и должны были повести правильныя траншеи и мины. Но осажденные не хотѣли уступить имъ ни шагу: то безпокоили ихъ вылазками, то сами вели подкопы. Работы осаждающихъ шли довольно медленно; холодныя зимнія ночи производили свое опустошеніе въ незащищенномъ отъ морозовъ испанскомъ лагерѣ; Донъ Фадрикъ потерялъ терпѣніе и велѣлъ готовиться къ новому приступу. Нападеніе было сдѣлано во время глубокой ночи; бо́льшая часть осадныхъ войскъ была призвана къ участію въ дѣлѣ; приступъ къ городу послѣдовалъ вдругъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Однако неутомимые защитники Гарлема и на этотъ разъ не дали застать себя врасплохъ. На всѣхъ пунктахъ нападающіе встрѣтили ту же неусыпную бдительность и то же стойкое мужество. Ужъ на одномъ крылѣ они овладѣли рвомъ, взобрались на стѣну и думали, что скоро весь городъ будетъ въ ихъ власти, какъ, подвигаясь далѣе, къ удивленію своему, увидѣли другой, внутренній ровъ, гдѣ ожидало ихъ гораздо болѣе упорное сопротивленіе. Завязавшаяся здѣсь новая борьба кончилась отступленіемъ осаждающихъ. Другое крыло имѣло еще менѣе успѣха. Оно попало на мину, которая своимъ удачнымъ взрывомъ разстроила непріятельскіе ряды и остановила дальнѣйшее ихъ движеніе. Потерявши много людей и ничего не сдѣлавши, испанцы должны были ударить отбой и возвратиться на свою прежнюю позицію. Герцогъ Альба, донося объ этомъ дѣлѣ Филиппу II, не могъ скрыть передъ нимъ своего опасенія за успѣшный исходъ всего предпріятія.

Героизмъ защитниковъ Гарлема сообщился и самимъ женщинамъ. Онѣ также не хотѣли уступить мужьямъ въ мужествѣ и не только помогали имъ при оборонѣ, но сами становились въ ряды и защищались съ оружіемъ въ рукахъ. Особенно прославилась между ними своею неустрашимостью Кеннава Симонсъ Гасселаръ, женщина 46 лѣтъ, вдова одного изъ жителей Гарлема. О подвигахъ ея съ удивленіемъ говорятъ даже тѣ писатели, которые явно держатъ сторону испанцевъ. Подъ начальствомъ Кеннавы дѣйствовалъ цѣлый особый отрядъ, состоявшій изъ 300 гарлемскихъ женщинъ. Онѣ несли всю военную службу наравнѣ съ

солдатами, сражались на городскихъ стѣнахъ и участвовали въ самыхъ вылазкахъ. Ими предводительствовала обыкновенно сама героиня, вооруженная копьемъ и шпагою и даже огнестрѣльнымъ оружіемъ. Какъ могли упасть духомъ мужественные защитники города, когда женщины подавали имъ примѣръ доблести?

Въ испанскомъ лагерѣ, напротивъ того, все больше и больше распространялось уныніе. Разочарованіе осаждающихъ было тѣмъ сильнѣе, что они принесли съ собою самое невыгодное понятіе о своихъ противникахъ. Два неудачные приступа нанесли сильный ударъ ихъ гордой самонадѣянности. Между тѣмъ, погода стояла очень суровая, и такъ какъ лагерь представлялъ очень мало защиты отъ холода, то число больныхъ въ немъ безпрестанно увеличивалось, а между здоровыми начались побѣги, которые не было возможности прекратить. Была одна минута, когда уныніе до такой степени овладѣло самимъ предводителемъ, что онъ писалъ къ отцу о необходимости снять осаду. Но герцогъ Альба былъ непреклоненъ. Ему оскорбительна казалась самая мысль объ отступленіи. Навѣрно можно сказать, что въ другое время онъ самъ принялъ бы начальство надъ осадою; но какъ болѣзнь продолжала удерживать его въ Нимвегенѣ, то онъ довольствовался лишь тѣмъ, что написалъ къ сыну, что вызоветъ мать его изъ дома и поручитъ ей вести предпріятіе. Донъ Фадрикъ устыдился позора и взялся за дѣло съ новою ревностію.

Долго еще потомъ тянулась борьба съ перемѣннымъ счастіемъ и съ перемѣнными успѣхами. Не только ни одна сторона не хотѣла уступить, но каждая еще далѣе хотѣла расширить кругъ своихъ дѣйствій, такъ что къ Гарлему приливали тогда всѣ жизненныя силы Голландіи и къ нему же притягивались всѣ средства, какими только враги его могли располагать въ нидерландскихъ провинціяхъ. Съ одной стороны, герцогъ Альба истощалъ всѣ усилія, чтобы увеличить свои денежныя средства новыми пособіями и умножить численныя силы осаждающихъ. Въ своихъ письмахъ къ Филиппу II онъ непрестанно и неотступно требовалъ отъ него вспоможеній какъ деньгами, такъ и войсками. 5000 лучшихъ испанскихъ войскъ, какія только были въ Ломбардіи, вызваны были имъ вновь въ Голландію. Съ другой стороны, впрочемъ, и принцъ Оранскій не оставался безъ дѣйствія. Онъ старался, въ свой чередъ, всѣми возможными мѣрами увеличить средства защитниковъ Гарлема и развлечь непріятеля: высылалъ къ нимъ военные запасы, возбуждалъ къ содѣйствію другіе города, снаряжалъ цѣлыя флотиліи и посылалъ ихъ тревожить осаждающихъ и отрѣзывать у нихъ сообщенія. Борьба происходила столько же подъ стѣнами города, сколько и въ окрестностяхъ, на значительномъ отъ него разстояніи. Гарлемцы поддерживали постоянныя сношенія съ Вильгельмомъ посредствомъ голубиной почты и знали о всѣхъ его распоряженіяхъ, пока испанцы не угадали секрета и не перестрѣляли воздушныхъ почтальоновъ. Но мужественные защитники города и послѣ того не потеряли духа. Какъ скоро чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ или порохѣ, цѣлыя партіи удальцовъ, съ мѣшкомъ на шеѣ и двумя пистолетами за поясомъ, выходили изъ города, съ помощью длинныхъ шестовъ перескакивали черезъ рвы и канавы и старались незамѣтно проскользнуть между испанскими часовыми. Кто попадался въ руки къ испанцамъ, тотъ былъ неотмѣнно повѣшенъ· но многіе невредимо возвращались назадъ съ полными мѣшками.

Приближавшаяся весна, казалось, должна была измѣнить взаимное положеніе противниковъ. Ждали, что, когда вскроются рѣки и каналы, осаждающіе лишатся возможности держать городъ въ тѣсной блокадѣ со всѣхъ сторонъ, и подвозъ въ него припасовъ будетъ гораздо свободнѣе. Но, къ сожалѣнію, событія не оправдали ожиданій. Донъ Фадрикъ принялъ самыя энергическія мѣры, чтобы отнять у гарлемцевъ послѣднія надежды. Первымъ сильнымъ ударомъ для нихъ было пораженіе голландскаго флота и находившагося на немъ отряда войскъ, который назначался на вспоможеніе осажденнымъ, послѣ чего они не могли болѣе ожидать себѣ ни помощи, ни подвоза со стороны Гарлемскаго озера. Остатки разбитаго флота только тѣмъ спаслись отъ преслѣдованія, что ушли въ Лейденскій каналъ и стали подъ защитою береговыхъ укрѣпленій. Вильгельмъ надѣялся отплатить осаждающимъ тою же монетою и принялъ свои мѣры, чтобы заградить въ ихъ лагерь подвозъ припасовъ, которые шли къ нимъ по Димерскому озеру. Для этой цѣли возведены были въ нѣсколькихъ мѣстахъ окопы, и въ двухъ изъ нихъ поставлены вооруженные отряды. Но ни то, ни другое укрѣпленіе не могли долго держаться. Амстердамцы разорили первое, а испанскій отрядъ, вышедшій изъ Утрехта, сорвалъ второе. Жителямъ Бюрена также не удалось ихъ отчаянное предпріятіе прорвать плотину р. Лека, чтобы затопить окрестную страну и отрѣзать подвозъ въ лагерь съ юга. Такимъ образомъ, Гарлемъ лишился всѣхъ естественныхъ выгодъ своего положенія.

Наступило время тяжелыхъ нуждъ и лишеній. Помощи со стороны не предвидѣлось ни откуда. Нѣкоторое время принцъ Оранскій простиралъ свои виды на Англію; но герцогъ Альба умѣлъ предупредить его и связалъ руки Елисаветѣ во время заключенною съ нею дружелюбною конвенціею, хотя и вопреки волѣ короля. Въ осажденномъ городѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе чувствовался недостатокъ продовольствія. Запасъ хлѣба наконецъ дотого истощился, что едва доставало его для гарнизона; что же касается жителей, то они должны были питаться чѣмъ попало. Мололись въ муку зерна, которыя никогда не назначались въ пищу; лошадиное мясо становилось лакомымъ кускомъ. Когда до Вильгельма дошли вѣсти о крайнемъ положеніи мужественныхъ защитниковъ Гарлема, онъ рѣшился сдѣлать еще одно усиліе, чтобъ помочь имъ въ нуждѣ. Изъ Дельфта, гдѣ до сихъ поръ было его мѣстопребываніе, онъ переѣхалъ въ Лейденъ и учредилъ военный лагерь въ Зассемѣ (почти на срединѣ пространства между Лейденомъ и Гарлемомъ). Ко всѣмъ голландскимъ городамъ сдѣлано было воззваніе, чтобы «кто любитъ принца» шелъ въ Зассемъ. Призывъ остался не безотвѣтнымъ. Принимая живое участіе въ судьбѣ своихъ братій и зная, что паденіе Гарлема лишитъ ихъ послѣдняго оплота, города наперерывъ высылали къ принцу ополченія, вновь набранныя изъ самихъ гражданъ. Но болѣе всѣхъ показали усердія жители Лейдена: кромѣ 400 человѣкъ ополченія, высланныхъ ими въ Зассемъ, они взяли на себя выставить 400 лошадей и произвести своими силами нѣкоторыя трудныя работы для укрѣпленія плотинъ. Въ распоряженіи принца были, сверхъ того, довольно значительныя военныя силы изъ людей другихъ націй. Цѣлый мѣсяцъ длились приготовленія, происходили передвиженія войскъ. Наконецъ назначенъ былъ день нападенія; оно должно было послѣдовать вдругъ съ нѣсколькихъ сторонъ, при содѣйствіи осажден-

ныхъ. Все зависѣло отъ быстроты и нечаянности удара; но, къ сожалѣнію, прежде чѣмъ началось движеніе, весь планъ его, открытый случаемъ, былъ уже въ рукахъ непріятеля. Этого только недоставало, чтобы испанцы, которые были сильнѣе военною опытностью и дисциплиною, получили полное превосходство надъ противникомъ. Они не только приготовились дать отпоръ войску Вильгельма, но въ то же время умѣли отвлечь вниманіе осажденныхъ. Послѣ того безполезно было все мужество нападающихъ. Они вездѣ встрѣчены были сильнымъ огнемъ и на всѣхъ пунктахъ отражены съ одинаковымъ успѣхомъ. Борьба оказалась неровная и скоро превратилась для голландцевъ въ совершенное пораженіе. Ихъ преслѣдовали потомъ до самаго Зассема. Они потеряли много людей и почти всю свою артиллерію.

Гарлемцы могли видѣть со стѣнъ своего города, какъ погибала послѣдняя ихъ надежда. Тогда родилась въ нихъ мрачная рѣшимость— выйти всѣмъ изъ города и съ женами и дѣтьми пробиваться силою черезъ непріятельскій лагерь. Немногаго недоставало, чтобы это отчаянное намѣреніе приведено было ими въ исполненіе. Донъ Фадрикъ, до котораго дошли вѣсти о рѣшимости осажденныхъ, тотчасъ далъ знать имъ, что они могутъ еще ожидать отъ него милости, если добровольно сдадутъ городъ. Обѣщаніе милости, когда никто болѣе не ожидалъ ея, отчасти произвело свое дѣйствіе. Еще граждане были непоколебимы, но гарнизонъ рѣшительно отдѣлился отъ нихъ. Первые отказались идти вонъ изъ города нѣмцы; ихъ примѣръ подѣйствовалъ и на валлонцевъ. Щадя жизнь своихъ женъ и дѣтей, граждане также должны были измѣнить свое прежнее рѣшеніе. Положено было безусловно покориться побѣдителю; лишь отъ грабежа граждане могли откупиться заранѣе условленною суммою денегъ. 1573 года, іюля 12 дня, черезъ семь мѣсяцевъ отъ начала осады, ворота Гарлема отворились передъ испанцами. Не знаемъ, въ какой степени Донъ Фадрикъ, овладѣвши городомъ, расположенъ былъ даровать пощаду его жителямъ, мужеству которыхъ онъ самъ отдавалъ должную справедливость, говоря, что они дѣлали все, что только было въ силахъ человѣческихъ, нисколько не уступая лучшимъ солдатамъ въ мірѣ. Но вотъ что писалъ къ нему отецъ черезъ два дня послѣ сдачи Гарлема: не оставлять ни одного человѣка въ живыхъ изъ валлонцевъ, французовъ и англичанъ, какіе только найдутся въ городѣ; изъ нѣмцевъ предать смерти всѣхъ офицеровъ, а солдатъ раздѣть донага и въ такомъ видѣ отпустить ихъ изъ города; часть гражданъ наказать, а надъ прочими показать образецъ милости. Почти не нужно говорить, что приказаніе его исполнено было въ точности. Мы имѣемъ собственное донесеніе герцога Альбы Филиппу II о казняхъ, совершенныхъ, по его повелѣнію, въ Гарлемѣ. Валлонцы, французы и англичане, находившіеся въ городѣ, были избиты въ числѣ 2,300 человѣкъ; нѣмцы, въ числѣ 600, были высланы къ нидерландской границѣ. Потомъ схвачены были всѣ лучшіе граждане Гарлема, бургомистры и другіе городскіе чины, поставленные или утвержденные принцемъ Оранскимъ. Но самъ Альба не договариваетъ всего: боязнь ли Филиппа II, или какое другое чувство воспрещаетъ сказать ему всю правду. Вопреки его показанію, что изъ гражданъ должны были подвергнуться казни лишь пять или шесть человѣкъ, мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что очень многіе изъ нихъ имѣли одну участь съ валлонскими солдатами.

Кто погибъ отъ меча, кто на висѣлицѣ. Пять палачей работали надъ несчастными жертвами нѣсколько дней сряду. Кромѣ того, 300 человѣкъ, съ руками, связанными назади, попарно были загнаны въ Гарлемское озеро и безъ всякой жалости потоплены въ немъ. Тогда только утолился гнѣвъ свирѣпаго мстителя. Въ августѣ Донъ Фадрикъ имѣлъ свой торжественный въѣздъ въ городъ, и вслѣдъ затѣмъ объявлена была гарлемцамъ амнистія, изъ которой, однако, исключалось болѣе 50 человѣкъ.

Теперь наступила очередь Лейдена. Ему не избѣжать было тѣхъ же самыхъ бѣдъ, какія испыталъ на себѣ Гарлемъ, какъ потому, что онъ стоялъ за то же самое дѣло, такъ еще болѣе по дѣятельному участію его во всѣхъ мѣрахъ, которыя принимаемы были въ видахъ пособить гарлемцамъ во время ихъ нужды. Нѣсколько разъ уже встрѣчали мы имя Лейдена и лейденцевъ въ исторіи гарлемской осады. По близкому ли сосѣдству, или по общему патріотическому духу, между тѣмъ и другимъ городомъ, въ самомъ дѣлѣ, была очень тѣсная и какъ-бы родственная связь. Лейденцы дѣлали все, что только было въ ихъ средствахъ, для помощи осажденнымъ и развлеченія силъ осаждающихъ. Изъ Лейдена и Дордрехта имѣли осажденные часть своей артиллеріи. Въ Лейденскомъ каналѣ обыкновенно укрывались голландскія суда, преслѣдуемыя испанскими, между тѣмъ какъ раненые въ сраженіяхъ съ испанцами искали себѣ убѣжища въ самыхъ стѣнахъ Лейдена. Отсюда же выходили всѣ распоряженія принца Оранскаго, когда онъ въ послѣдній разъ собиралъ всѣ силы на выручку гарлемцевъ. Мы видѣли уже, какое горячее участіе принимали лейденцы въ этомъ предпріятіи. Когда же потомъ войско Вильгельма понесло пораженіе, то разбитые остатки ополченія также бросились въ Лейденъ, въ надеждѣ укрыться въ немъ отъ преслѣдованія; но имъ отказано было въ пріемѣ, потому что на бѣглецовъ смотрѣли, какъ на измѣнниковъ. Наконецъ, по взятіи Гарлема, опасность, угрожавшая Лейдену, казалась такъ неминуема, что принцъ Оранскій поспѣшилъ усилить гарнизонъ его, чтобы городъ могъ выдержать нападеніе со стороны непріятеля.

Но судьба отвела еще на нѣокторое время ударъ, который, повидимому, готовъ былъ разразиться надъ Лейденомъ. Прежде чѣмъ двинуть противъ него свои силы, испанскіе вожди сочли за нужное довершить покореніе сѣверной Голландіи, Ватерланда и западной Фрисландіи. Для этой цѣли Донъ Фадрикъ повелъ свои войска на сѣверъ отъ Гарлема, и самъ герцогъ Альба переѣхалъ сначала въ Утрехтъ, а потомъ въ Амстердамъ, чтобы наблюдать ближе за ходомъ военныхъ дѣйствій. Въ то же время испанско-голландской флотиліи, подъ начальствомъ Боссю, назначено было дѣйствовать со стороны Зюдерзе. Ожидали, что первое нападеніе послѣдуетъ на Энкейзенъ, съ котораго началось отпаденіе Голландіи; но планъ скоро перемѣнился, и Донъ Фадрикъ выступилъ съ войскомъ къ Алькмару, который, нѣкоторымъ образомъ, составляетъ ключъ къ Ватерланду. Въ концѣ августа городъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ, такъ что,—говоря словами герцога Альбы въ донесеніи его къ королю,—и воробью неоткуда было проникнуть въ него. Алькмару грозило бѣдствіе, которое должно было превзойти нарденскіе и гарлемскіе ужасы. Свирѣпое сердце Альбы ожесточалось все болѣе и болѣе. Долгая гарлемская осада истощила все его терпѣніе. Ему невыносима была

самая мысль о томъ, что тотъ или другой городъ можетъ еще заставить его простоять нѣкоторое время передъ своими воротами. Поэтому, встрѣтивъ сопротивленіе въ жителяхъ Алькмара, онъ заранѣе осудилъ ихъ всѣхъ на истребленіе. «Если городъ будетъ взятъ силою,—писалъ онъ Филиппу II,—въ немъ не оставлено будетъ ни одной живой души: всѣ они будутъ перерѣзаны за то, что видѣли участь Гарлема и нисколько не сдѣлались отъ того благоразумнѣе». Въ городѣ было не болѣе 900 человѣкъ гарнизона, и страшная участь, на которую онъ былъ заранѣе обреченъ своими врагами, казалась неотвратимою.

По счастію, не всегда отъ воли самого Альбы зависѣло исполненіе его рѣшеній. Кромѣ мужественнаго сопротивленія голландскихъ патріотовъ, ему часто надо было бороться съ природою. Наконецъ самая судьба какъ-бы утомилась его жестокостями и хотѣла положить имъ предѣлъ тамъ, гдѣ онъ надѣялся еще поразить всѣхъ новымъ дѣломъ своего безчеловѣчія. Осада Алькмара испанцами начата была съ обычною ихъ энергіею. Какъ только артиллерія прибыла на мѣсто, они повели правильныя осадныя работы, устроили нѣсколько батарей и открыли сильную канонаду по городу. Въ нѣсколько дней пробита была брешь въ городской стѣнѣ, и войскамъ отданъ приказъ готовиться къ приступу. Здѣсь еще разъ испанская гордость испытала невѣрность военныхъ предпріятій и повстрѣчалась съ неудачею. Къ удивленію нашему, узнаемъ что первая причина неуспѣха лежала въ самихъ осаждающихъ, особенно въ ослабленіи дисциплины между ними. По словамъ самого Альбы, офицеры исполнили свой долгъ, но солдаты отказали имъ въ повиновеніи и не хотѣли идти на приступъ. Это было тѣмъ неожиданнѣе, что осадное войско состояло большею частію изъ испанскихъ ветерановъ и что ими начальствовали люди испытанной храбрости, самъ Донъ Фадрикъ Толедскій и за нимъ Нуаркармъ и Юліанъ Ромеро. Волею или неволею осаждающимъ пришлось бить отбой и на-время оставить непріятеля въ покоѣ, чтобы возстановить порядокъ въ своемъ собственномъ лагерѣ. Такъ разсказываетъ ходъ дѣла герцогъ Альба въ своемъ донесеніи королю. Но мы имѣемъ причины думать, что, по своему обычаю, онъ скрылъ нѣкоторыя важныя подробности. Каковъ бы ни былъ духъ испанскаго войска подъ стѣнами Алькмара, извѣстія нидерландскихъ историковъ, однако, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что приступъ дѣйствительно состоялся, какъ было предположено, и что испанцы съ страшными криками устремились къ пролому, но встрѣтили на валахъ и стѣнахъ города неодолимое сопротивленіе и принуждены были отступить послѣ троекратнаго неудачнаго нападенія. Женщины и даже дѣвушки принимали участіе въ защитѣ города, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ стояли на стѣнахъ и безпрестанно лили на осаждающихъ кипящую воду, смолу, известь, свинецъ и другія растопленныя и горючія вещества. Цѣлые четыре часа продолжалось нападеніе и отраженіе, причемъ нападающіе потеряли до 1,000 человѣкъ убитыми и ранеными. По замѣчанію нидерландскихъ историковъ, лишь съ этого времени начинается упадокъ духа въ войскѣ осаждающихъ, и они, дѣйствительно, не показывали потомъ большаго желанія идти снова на приступъ. Ихъ извѣстіе подтверждается невольнымъ признаніемъ герцога Альбы въ томъ же донесеніи, что если въ два или три дня послѣ того не удастся взять городъ, то придется, можетъ быть, вовсе снять осаду.

Его вынужденное предсказаніе сбылось, хотя и не такъ скоро, какъ предполагалось имъ самимъ. Время стояло очень бурное и дождливое. Вся почти голландская низменность наполнилась водою, и сообщенія день ото дня становились затруднительнѣе. Къ довершенію бѣдствій осаждающихъ, алькмарцамъ удалось прорвать одну плотину, отчего вода на поверхности земли поднялась до такой степени, что во многихъ мѣстахъ около города можно было плавать на лодкахъ. Линія непріятельскихъ укрѣпленій вокругъ Алькмара была разорвана. Прежде чѣмъ испанцы нашли какое нибудь средство помочь этому злу, перехвачено было письмо принца Оранскаго, изъ котораго они узнали, что окрестные жители точно такъ же готовы поступить и съ другими плотинами. Осаждающіе въ одно утро могли проснуться окруженные со всѣхъ сторонъ водою. Надобно отложить всякую мысль о вторичномъ приступѣ и стараться заблаговременно вывести тяжелую артиллерію. Повидимому, Донъ Фадрикъ не успѣлъ еще окончить всѣхъ своихъ распоряженій для снятія осады, какъ послѣдовало новое несчастіе на морѣ. Испанская флотилія, подъ начальствомъ храбраго Боссю, встрѣтилась неподалеку отъ Энкейзена съ голландскою. Противники схватились на абордажъ, и закипѣлъ жестокій бой. Несмотря на численное превосходство испанскихъ судовъ (ихъ было 30 противъ 24), голландцы скоро взяли верхъ надъ ними. Пораженіе флота и плѣнъ Боссю окончательно рѣшили участь алькмарской осады: она была совершенно снята, и войско отведено на югъ, въ окрестности Гарлема.

Одна неудача не могла поколебать твердой рѣшимости герцога Альбы и измѣнить планъ его дѣйствій. За то, что Алькмаръ ушелъ отъ его рукъ, другіе города должны были поплатиться не менѣе дорогою цѣною. Алькмарская осада и безславная развязка ея видимо увеличили его злобу. Черезъ нѣсколько дней послѣ отступленія отъ города, извѣщая Филиппа II объ этомъ непріятномъ оборотѣ дѣлъ, Альба, въ порывѣ горькой откровенности, писалъ къ нему, что, по его личному мнѣнію, равно какъ и по мнѣнію его главныхъ совѣтниковъ, нѣтъ лучшаго средства для скорѣйшаго приведенія войны къ окончанію, какъ предать огню всѣ тѣ мѣста въ Голландіи, которыя не могутъ быть заняты королевскими войсками. «Нѣкоторые изъ совѣтниковъ,—прибавляетъ онъ,—видя, что дѣла идутъ не къ лучшему, отступились отъ своего прежняго мнѣнія; но я твердо стою на томъ, что эта мѣра непремѣнно должна быть приведена нами въ исполненіе, хотя бы нужно было потомъ восемь или десять лѣтъ, чтобы страна могла сколько нибудь поправиться». Нѣкоторое время еще Альбѣ были связаны руки крайнимъ недостаткомъ въ деньгахъ и усиливающимся волненіемъ войска, которое требовало себѣ уплаты жалованья. Удовлетворивъ кое-какъ этимъ нетерпѣвшимъ отлагательства нуждамъ, онъ долженъ былъ потомъ озаботиться размѣщеніемъ войскъ по удобнымъ зимнимъ квартирамъ. Но наступившее зимнее время напоминало также и о томъ, что пришла пора возобновить наступательныя дѣйствія съ бо́льшими надеждами на успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, скоро началось движеніе войскъ къ югу отъ Гарлема. Подвигаясь здѣсь по берегу моря, передовые испанскіе отряды заняли Гагу и нѣкоторые другіе города въ южной Голландіи. Между тѣмъ, главный отрядъ, подъ начальствомъ самого Дона Фадрика, углублялся во внутрь страны, имѣя направленіе на большіе города. Такимъ образомъ, и Лейденъ не могъ болѣе избѣжать осады. Въ ожиданіи приближенія непрія-

теля; лейденцы успѣли только порубить деревья и сжечь дома, находившіеся за стѣнами города, но не имѣли довольно времени, чтобы увеличить свои оборонительныя средства. Когда началась осада, у нихъ было не болѣе какъ отъ 800 до 900 человѣкъ гарнизона. Плотины не могли имъ принести никакой пользы по зимнему времени. Не менѣе были безопасны осаждающіе со стороны принца Оранскаго, который далеко еще не оправился отъ нанесеннаго ему пораженія. Другой же помощи осажденнымъ ожидать было неоткуда. Повидимому, лейденцамъ приходилось почти позавидовать участи гарлемцевъ: что для тѣхъ уже прошло, для нихъ только-что наступало.

До того, впрочемъ, не дошло на первый разъ, чтобы Лейденъ испыталъ всѣ ужасы тяжелаго осаднаго положенія. Кто сказалъ бы, что надъ нимъ все-еще свѣтила его благодѣтельная звѣзда. Неудача алькмарскаго приступа много охладила жаръ осаждающихъ, и они мало расположены были повторить тотъ же опытъ. Поэтому планъ Дона Фадрика состоялъ въ томъ, чтобы держать городъ въ самой тѣсной блокадѣ и принудить его къ сдачѣ голодомъ. Разсчетъ казался тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что лейденцы не успѣли надолго обезпечить себя жизненными припасами; но, во всякомъ случаѣ, нужно было много времени, чтобы покорить крѣпкій городъ одною тѣсною блокадою. Между тѣмъ какъ осаждающіе осуждали себя на проволочку времени, во главѣ испанскаго управленія провинціями произошла очень важная перемѣна, которая неминуемо должна была замедлить ходъ осады еще болѣе. Въ половинѣ ноября 1573 года прибылъ въ Нидерланды Донъ Луисъ до Реквезенсъ, вновь назначенный королевскимъ намѣстникомъ на мѣсто герцога Альбы, который отзывался обратно въ Испанію.

Перемѣна готовилась давно и даже для самого Альбы не была большою нечаянностью. При всей своей довѣренности къ намѣстнику, Филиппъ II, однако, далеко не былъ доволенъ его дѣйствіями. Прошло уже около шести лѣтъ послѣ того, какъ Альба вступилъ въ управленіе провинціями, а, между тѣмъ, надежды на возстановленіе мира нисколько не подвинулись впередъ. Его крутыя и прямо враждебныя народонаселенію мѣры привели лишь къ тому, что неудовольствіе, до сихъ поръ глухо бродившее въ странѣ, вспыхнуло въ ней общимъ пожаромъ и распространилось на самыя отдаленныя ея области. Еще менѣе приближали къ миру тѣ жестокости, которыми сопровождалось покореніе голландскихъ городовъ, открыто державшихъ сторону принца Оранскаго: вырывая съ корнемъ одну часть народонаселенія, онѣ оставляли въ другой неизгладимое впечатлѣніе ужаса и отвращенія. Филиппъ II получалъ донесенія о ходѣ происшествій въ Нидерландахъ не только отъ самого Альбы, но и отъ другихъ членовъ и секретарей испанскаго управленія въ провинціяхъ. Изъ ихъ полупризнаній онъ могъ довольно ясно видѣть, что непопулярность его намѣстника росла съ каждымъ годомъ и производила въ жителяхъ отчужденіе, противъ котораго безсильны были самые успѣхи оружія. Между тѣмъ, Филиппъ II продолжалъ получать изъ Нидерландовъ сообщенія, которыя бросали очень невыгодную тѣнь на политику намѣстника. Военныя и финансовыя средства намѣстника все больше и больше истощались, такъ что онъ принужденъ былъ въ каждомъ своемъ письмѣ къ королю просить о скорѣйшей высылкѣ вспоможеній и войсками, и деньгами, а между тѣмъ, несмотря на кажущіеся успѣхи за-

воеванія внутри Голландіи, дѣло нисколько не подвигалось впередъ и приводило въ отчаяніе тѣхъ, которые не были совершенно ослѣплены страстью.

При всемъ своемъ нежеланіи оскорбить намѣстника, Филиппъ II не могъ долѣе оставлять въ его рукахъ управленіе Нидерландами. Вопросъ былъ, очевидно, поставленъ такъ, что надобно было или пожертвовать имъ, или вовсе отказаться отъ надежды на сохраненіе провинцій. Прямыя выгоды короны требовали перваго, и потому отозваніе Альбы давно уже рѣшено было въ мысляхъ короля, но нѣкоторое время недоставало еще къ тому благовиднаго повода. Наконецъ онъ представился. Герцогъ Альба, замѣтивъ возрастающую холодность Филиппа II и почувствовавъ себя оскорбленнымъ, заслуги же свои непризнанными по достоинству, обратился тотчасъ съ жалобами къ королю, и, конечно, въ той увѣренности, что не найдется человѣка, которымъ бы можно вполнѣ замѣнить, его, кончилъ уничиженною просьбою объ увольненіи его отъ службы. Этого довольно было Филиппу II, чтобы приступить къ исполненію давно задуманнаго рѣшенія. Вмѣсто прямаго отвѣта намѣстнику, онъ далъ приказаніе Реквезенсу, великому коммодору Кастиліи, бывшему тогда правителемъ миланской провинціи, готовиться къ отъѣзду въ Нидерланды. Въ особомъ королевскомъ письмѣ къ нему были изъяснены и самыя причины вновь состоявшагося распоряженія. Филиппъ II писалъ, что его сильно начинаетъ безпокоить ходъ дѣлъ въ нидерландскихъ провинціяхъ, что онъ столько же для успокоенія своей совѣсти, сколько и для сохраненія страны счелъ необходимымъ принять рѣшительныя мѣры для возстановленія мира въ ней, и что наконецъ, поручая ему, Реквезенсу, эту важную миссію, онъ вполнѣ полагается на его опытность, благоразуміе и неусыпную заботливость. О герцогѣ Альбѣ лишь глухо упомянуто было, что король не могъ отказать ему въ просьбѣ объ его отставкѣ.

Рѣшеніе короля было неизмѣнно, но онъ еще хотѣлъ всячески щадить дѣйствующаго намѣстника и потому, даже назначивши ему преемника, не спѣшилъ, однако, удаленіемъ его отъ должности. Притомъ онъ могъ еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что нѣкоторыя трудныя предпріятія, которыя уже герцогъ Альба началъ и какъ-бы принялъ на свою отвѣтственность, имъ же должны быть приведены къ окончанію. Сюда въ особенности принадлежали переговоры съ Англіею, въ видахъ лишить принца Оранскаго очень важнаго для него союзника, и продолжительная осада Гарлема, отъ исхода которой зависѣли дальнѣйшіе успѣхи испанскаго оружія въ Голландіи. Весьма вѣроятно также, что новый намѣстникъ не могъ скоро оставить своего прежняго поста въ Италіи, съ которымъ тоже соединены были важныя обязанности; наконецъ, положительно извѣстно, что онъ долго затруднялся принять предложеніе изъ опасенія оскорбить герцога. Какъ бы то ни было, лишь въ началѣ октября 1573 г. король снова возвратился къ своему рѣшенію, и Реквезенсу высланы были патенты и инструкціи на управленіе Нидерландами. Почти въ то же время король писалъ къ герцогу Альбѣ, извѣщая его о скоромъ прибытіи въ Нидерланды новаго намѣстника, причемъ предоставлялось на волю самого герцога сдать управленіе провинціями, когда ему самому вздумается. Нельзя было лучше дать почувствовать удаляемому намѣстнику, что онъ далеко не оправдалъ возложенной

на него довѣренности, но что прежнія его заслуги пріобрѣли ему право на уваженіе, которое ставитъ его выше формальной немилости.

Такимъ образомъ, давно задуманная перемѣна по управленію нидерландскими провинціями много замедлилась; но наконецъ, въ половинѣ ноября, новый намѣстникъ прибылъ на мѣсто своего назначенія, и Альба не могъ болѣе удерживать власти, которая по нраву принадлежала уже другому. Альбѣ оставалось только благополучно выбраться изъ страны, гдѣ онъ посѣялъ столько вражды и ненависти (Извѣстно, что, уѣзжая въ Испанію, Альба хвалился самъ, что число всѣхъ жертвъ, погубленныхъ ихъ во время управленія провинціями, простиралось не менѣе какъ до 18,000 человѣкъ).

XXXVI. ОТПАДЕНІЕ НИДЕРЛАНДОВЪ ОТЪ ИСПАНІИ И ОБРАЗОВАНІЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ.

(Изъ соч. Кольба: «Исторія человѣческой культуры». Т. II, перев. Бѣлозерской).

Мѣсто Альбы заступилъ Реквезенсъ-и-Цунига (въ концѣ 1573 года), дѣльный полководецъ, человѣкъ благоразумный и менѣе жестокій, чѣмъ Альба. Послѣднее свойство доставило ему возможность образовать вокругъ себя партію въ южныхъ провинціяхъ, державшихся католицизма. Но сѣверъ упорно противился. Осада города Лейдена служитъ тому разительнымъ примѣромъ. Доведенный до крайности, городъ не могъ уже долѣе отбиваться. Тогда голландцы прорвали плотины, которыя защищали ихъ страну отъ моря. Морскія волны ринулись на плодородныя равнины; испанцы едва спаслись быстрымъ бѣгствомъ; еще до этого тысячи ихъ погибли отъ климата въ нездоровыхъ низменностяхъ. Лейденъ былъ спасенъ (осада продолжалась отъ 26 мая по 3 октября 1574 г.), хотя морскія волны разрушили его стѣны. Опытные воины Реквезенса одержали повсюду верхъ надъ ландскнехтами Оранскаго. Но побороть упорство народа, боровшагося за свои внутреннія убѣжденія и за свое достояніе, было почти невозможно. Борьба эта стала борьбою между солдатами по призванію и милиціею. Испанцы поднимали ропотъ, когда имъ не уплачивали обѣщаннаго жалованья, а защищавшіе свою страну голландцы добровольно переносили всякія лишенія и невзгоды. Реквезенсъ въ отчаяніи писалъ королю: «До моего прибытія сюда мнѣ было непонятно, какимъ образомъ мятежники могутъ содержать такія значительныя флотиліи, тогда какъ ваше величество не въ состояніи снарядить одну. Теперь я вижу, что люди, которые сражаются за свою жизнь, семейство, достояніе, за свою ложную религію, однимъ словомъ — за дѣло, которое считаютъ своимъ дѣломъ, довольствуются однимъ скуднымъ продовольствіемъ, не требуя никакого жалованья».

Реквезенсъ неожиданно умеръ (5 марта 1576 года). Еще никто не былъ назначенъ послѣ него главнокомандующимъ; въ это время поднялись наемныя войска, которымъ не платили жалованья. «Чистыя деньги или городъ», стало ихъ лозунгомъ. Они позволяли себѣ всякія хищничества, грабежъ, убійства, обезчещеніе и тому подобные ужасы. Всего болѣе нанесли они вреда цвѣтущему и богатому Антверпену. Между тѣмъ, мятежныя сѣверныя провинціи наслаждались въ это время спокойствіемъ и безопасностью. Даже самые усердные католики южныхъ провинцій смотрѣли съ завистью на тамошнее положеніе дѣлъ.

Святость, которую придавали въ католическихъ штатахъ Нидерландовъ всѣмъ

религіознымъ предметамъ вообще а слѣдовательно, и церковнымъ спорамъ и состязаніямъ, имѣла такое дѣйствіе, что набожное населеніе южныхъ провинцій молча переносило нарушеніе земскихъ привилегій, неразлучное съ гоненіемъ еретиковъ. Однако страшное своеволіе солдатчины заставило всѣхъ подумать о защитѣ старыхъ правъ. Государственный совѣтъ былъ принужденъ созвать генеральные чины въ противность королевскому повелѣнію. Сначала они прибыли изъ Брабанта и Геннегау, а затѣмъ примѣру этихъ провинцій послѣдовали и другія, исключая Люксембурга. Этотъ шагъ, на который втихомолку оказывалъ вліяніе благоразумный Оранскій, долженъ былъ раздражить до крайности деспота; предвидя это, генеральные чины обратились заранѣе къ голландцамъ за помощью. Прежде всего надлежало избавить отъ испанскихъ солдатъ страну, въ которую они вступили вопреки правамъ страны. Но ихъ изгнаніе было возможно только при содѣйствіи голландцевъ. Оранскій обѣщалъ свою помощь, но съ условіемъ, если южныя провинціи соединятся съ сѣверными. Голландскія войска появились въ сентябрѣ 1576 года подъ гентскою цитаделью, которая была тогда главнымъ пунктомъ испанской тиранніи; цитадель принуждена была сдаться.

Послѣ этого между сѣверными и южными провинціями заключенъ былъ въ ноябрѣ оборонительный договоръ, подъ именемъ «Гентской пацификаціи». Главные ея пункты были слѣдующіе: 1) Всеобщая амнистія и дружественный союзъ на будущее время. 2) Удаленіе испанцевъ изъ Нидерландовъ. 3) Созваніе генеральныхъ штатовъ для приведенія въ порядокъ религіозныхъ дѣлъ на сѣверѣ и передачи тамошнихъ укрѣпленныхъ мѣстъ. 4) Возстановленіе свободной торговли и сношеній между обѣими половинами государства. 5) Объявленіе недѣйствительными всѣхъ эдиктовъ противъ еретиковъ до того времени, когда генеральные штаты произнесутъ по этому вопросу рѣшеніе. 6) Неприкосновенность католической религіи тамъ, гдѣ она сохранилась. 7) Признаніе принца Оранскаго намѣстникомъ (штатгальтеромъ) въ Голландіи и Зеландіи до тѣхъ поръ, пока, по изгнаніи испанцевъ, генеральные штаты не сдѣлаютъ окончательнаго распоряженія.

Такимъ образомъ, съ церковной почвы споръ перенесенъ былъ на свѣтскую. Общіе интересы и общая вражда заставили соединиться различныя народныя племена, несмотря на церковную рознь. Но, къ сожалѣнію, религіозныя распри слишкомъ долго поддерживались и потому не могли скоро исчезнуть.

Въ это время въ Нидерландахъ появился новый испанскій намѣстникъ. То былъ знаменитый побѣдитель турокъ при Лепанто, Донъ Хуанъ Австрійскій, незаконный сынъ Карла V. Генеральные штаты не хотѣли ему повиноваться до тѣхъ поръ, пока онъ не удалитъ испанскихъ войскъ и не признаетъ гентской пацификаціи. Донъ Хуанъ сначала противился этому, но демонстрація цѣлаго народа указала ему на необходимость уступки. Въ февралѣ 1577 года былъ изданъ «Вѣчный эдиктъ», даровавшій Нидерландамъ согласіе на всѣ ихъ требованія. Филиппъ II торжественно утвердилъ его, но черезъ три мѣсяца эдиктъ этотъ былъ нарушенъ. Фландрское дворянство, страшась могущества Оранскаго, содѣйствовало намѣстнику противъ воли народной массы. Донъ Хуанъ утвердился на своемъ мѣстѣ при посредствѣ вновь призванныхъ испанскихъ солдатъ, но вскорѣ увидѣлъ, что ему нечего разсчитывать на поддержку со стороны Испаніи; къ тому же онъ навлекъ на себя немилость короля и умеръ 1 октября 1578 года, вѣроятно, отъ отравы, тайно данной ему по приказанію деспота.

Преемникомъ Донъ Хуана былъ Александръ Фарнезе, герцогъ Пармскій

сынъ бывшей намѣстницы Нидерландовъ Маргариты, незаконной дочери Карла V. Это былъ послѣднiй изъ знаменитыхъ полководцевъ, которыми такъ богата Испанiя въ XVI вѣкѣ; Фарнезе, кромѣ того, извѣстенъ какъ государственный человѣкъ. Явившись въ Нидерланды съ значительнымъ войскомъ, онъ повелъ войну побѣдоносно. Самое блестящее его военное дѣло было взятiе важнаго и богатаго города Антверпена послѣ долгой замѣчательной борьбы. Югъ большею частiю покорился еще прежде: дворянство содѣйствовало этому; сѣверу грозила крайняя опасность.

Голландцы не могли долѣе обольщаться; они увидѣли, что стремленiя юга были совершенно иныя, нежели ихъ собственныя, и что между ними нельзя ожидать въ будущемъ внутренней искренней связи *). Чѣмъ болѣе распространялось это сознанiе и чѣмъ грознѣе становилась опасность, тѣмъ болѣе видѣли они необходимость прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ и искать спасенiя въ собственныхъ силахъ.

Въ январѣ 1579 года семь сѣверныхъ провинцiй заключили между собою такъ называемую «Утрехтскую унiю». Къ Голландiи и Зеландiи присоединились Гельдернъ, Цутфенъ, Утрехтъ, Овериссель и Грепингенъ. Въ новые вѣка это было первое соединенiе самостоятельныхъ провинцiй въ одно федеративное государство. Хотя первый опытъ такого рода былъ во многихъ отношенiяхъ недостаточенъ, но эта форма, при всемъ своемъ несовершенствѣ, дала возможность небольшому голландскому народу развить въ себѣ небывалую силу, передъ которою стушевалось могущество испанскаго единодержавнаго абсолютнаго государства, господствовавшаго надъ двумя частями земнаго шара. Хотя этотъ федеративный строй образовался съ цѣлью временнаго спасенiя, но просуществовалъ болѣе двухъ столѣтiй, возвелъ немногочисленный народецъ на такую высоту богатства и могущества, которая превысила все то, что могли представить собою совершенныя монархiи.

Семь провинцiй соединились навсегда для взаимной защиты. Для этой цѣли основана была общая военная касса, общее войско, которое составлялось общимъ наборомъ и содержалось на счетъ общихъ налоговъ. Всѣ общiя дѣла рѣшались на общемъ сеймѣ; каждая провинцiя въ отдѣльности отрекалась отъ права заключать особые договоры. Напротивъ того, внутреннiя условiя, включая сюда и церковь, для каждой провинцiи, города и земли, оставались своеобразныя, по прежнимъ привилегiямъ. Это былъ только вѣчный союзъ для взаимной защиты и отпора, а не соединенiе воедино государства. Пока еще голландцы не смѣли окончательно свергнуть съ себя господство испанскаго короля, грамата союза была составлена «во имя короля». Это была та фикцiя, которая такъ часто встрѣчается и впослѣдствiи въ исторiи конституцiонныхъ государствъ,—на дѣлѣ было совсѣмъ иное.

Эта фикцiя не могла удержаться надолго. Опасность усиливалась съ каждымъ днемъ. Чтобы избѣжать окончательнаго пораженiя и порабощенiя, нужно

*). Необходимо имѣть въ виду, что сѣверные и южные штаты Нидерландовъ были раздѣлены не только различiемъ нацiональнаго происхожденiя населенiя и его вѣроисповѣданiя, но и различiемъ политическаго строя сѣверныхъ и южныхъ штатовъ: въ то время, какъ на сѣверѣ Нидерландовъ господствовала демократiя, валлоны, жившiе на югѣ, находились, кромѣ фабричныхъ городовъ, подъ властiю сильной аристократiи. Ненавистью южныхъ штатовъ къ демократiи и религiи сѣвера съумѣлъ искусно воспользоваться Александръ Фарнезе для уничтоженiя гентскаго союза между сѣверными и южными провинцiями. *Примѣч. составителя.*

было идти еще далѣе. Въ іюнѣ король Филиппъ объявилъ мятежникомъ стоявшаго во главѣ нидерландцевъ принца Оранскаго, назначилъ 25,000 кронъ награды тому, кто выдастъ его живаго или мертваго, обѣщалъ заранѣе исполнителю прощеніе за всѣ преступленія, какія бы онъ ни совершилъ прежде, и, сверхъ того, сулилъ ему дворянское званіе. Всѣмъ подданнымъ строго воспрещалось доставлять пищу, воду и огонь опальнымъ.

Но это была только вспышка безсильной злобы, побудившая голландцевъ идти далѣе на предначертанномъ пути. Въ іюлѣ 1581 г. послѣдовалъ формальный отказъ голландцевъ повиноваться Филиппу II. Соединенныя провинціи предпочли власти короля принципъ народнаго права и провозгласили у себя самостоятельную республику.

Всѣ чиновники, желавшіе остаться на службѣ, обязаны были содѣйствовать исполненію акта независимости, формально сложить съ себя присягу, данную королю, и присягнуть республикѣ.

Борьба велась съ перемѣннымъ счастіемъ. Голландцы получали поддержку изъ Франціи и Англіи; много помогали имъ войны, которыя эти государства вели съ Испаніею. Въ Голландіи и Зеландіи принцъ Вильгельмъ имѣлъ верховную власть, но не носилъ королевскаго титула, дѣлался полновластнымъ только на время войны. Наконецъ одному изъ многихъ убійцъ, которые, по іезуитскому подстрекательству, пытались умертвить принца Оранскаго, а именно Бальтазару Жерару, удалось заколоть его 10 іюля 1584 года.

Мѣсто убитаго заступилъ сынъ его Морицъ, скоро выказавшій себя знаменитѣйшимъ полководцемъ своего вѣка. Онъ не далъ ни одной рѣшительной битвы, но вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы; сѣверныя провинціи были очищены отъ непріятеля; удалось даже сдѣлать нѣкоторыя завоеванія въ южныхъ провинціяхъ. Еще значительнѣе сухопутныхъ силъ развивалась у голландцевъ морская сила, особливо когда пала морская сила испанцевъ, вслѣдствіе неспособности предводителей изъ высшей аристократіи и неудачныхъ битвъ съ англичанами и голландцами. Лѣтомъ 1588 г. совершилось уничтоженіе «Непобѣдимой Армады». Голландцы не довольствовались грабежомъ испанскихъ судовъ, но въ концѣ XVI ст. предприняли завоеваніе испанскихъ и португальскихъ (Португалія принадлежала тогда Филиппу II) колоній и затѣмъ пустились на открытіе новыхъ земель. Геемскеркъ искалъ сѣвернаго пути въ Индію черезъ Ледовитое море. Въ 1595 г. Гоутманъ отнялъ у португальцевъ открытые ими острова Пряностей (нынѣ Моллукскіе). Въ это же время голландцы захватили въ свои руки хлѣбную торговлю между плодородными сѣверными и южными винодѣльными странами. Имъ удалось посредствомъ хитрости обезпечить за собою доступъ въ Японію, послѣ того какъ раздраженіе противъ іезуитовъ-миссіонеровъ побудило японцевъ изгнать всѣхъ христіанъ изъ своего края.

Какъ ни сильно было взаимное раздраженіе, однако чрезвычайныя жертвы, поглощенныя войною, расположили наконецъ обѣ стороны въ пользу мира. Испанцы должны были убѣдиться въ безплодіи своихъ усилій къ порабощенію народа, отстаивавшаго свою свободу и достояніе. Въ Нидерландахъ республиканская партія была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и партіею мира, тогда какъ приверженцы Морица желали продолженія войны: они надѣялись такимъ путемъ возсоздать тронъ для своего героя, который выказывалъ явную наклонность къ абсолютизму. Республиканцы убѣдились, что развитіе морской силы, въ связи съ морскою и сухопутною торговлею, несравненно болѣе содѣйствуютъ значенію и благосостоянію свободнаго государства, чѣмъ военные успѣхи на сухомъ пути;

притомъ же нидерландцы послѣ такихъ сильныхъ напряженій нуждались въ успокоеніи.

Главное препятствіе къ возстановленію мира состояло въ томъ, что высокомѣріе испанскаго двора не хотѣло и теперь признать независимости голландцевъ. Между тѣмъ, главный предводитель испанскаго войска, Спинола, пытался заключить на многіе годы перемиріе съ голландцами, чтобы имѣть возможность перенести оружіе въ Германію. Сообразно съ этимъ желаніемъ, въ 1605 и 1606 годахъ въ семи соединенныхъ провинціяхъ распространялись во множествѣ летучіе листки, настоятельно требовавшіе перемирія.

Въ мартѣ 1607 г. заключено было перемиріе на восемь мѣсяцевъ, которые предполагалось употребить на переговоры о дальнѣйшемъ мирѣ. Но переговоры эти сильно затянулись вслѣдствіе того, что испанскій дворъ все-еще не хотѣлъ признать самостоятельности новаго государства и видѣлъ въ немъ только свои мятежныя провинціи. Пришлось пока ограничиться продолженіемъ военнаго перемирія. Принцъ Морицъ и его партія (монархисты) не хотѣли окончанія войны. Но эта партія была побѣждена энергическими усиліями «патріотовъ» (республиканцевъ), въ особенности «пенсіонарія» (главнаго государственнаго совѣтника и синдика) Ольденъ-Барневельда, поддерживаемаго такими людьми, какъ Гуго Гроцій (пенсіонарій роттердамскій). 9 апрѣля 1609 г. заключено было перемиріе на 12 лѣтъ, которое собственно и было окончательнымъ миромъ, хотя вообще этого названія избѣгали. Испанское правительство принуждено было признать чины семи провинцій въ качествѣ представителей отъ «людей, которыхъ оно признавало свободными». Каждая сторона осталась при тѣхъ владѣніяхъ, которыя у ней были въ рукахъ. Это послѣднее условіе оказалось весьма выгоднымъ для Голландіи, такъ какъ она владѣла значительною частью южныхъ провинцій: это были такъ называемыя «генералитетныя земли». Наконецъ, въ 1648 г., по Вестфальскому миру, признана была государственная независимость Голландіи.

XXXVII. Смерть Вильгельма Оранскаго и оцѣнка его личности и дѣятельности.

(По соч. Мотлея: «Исторія нидерландской революціи», т. III).

Объявленіе принца Оранскаго внѣ закона принесло свои плоды; на жизнь его дѣлались постоянныя, хотя и безуспѣшныя, покушенія, въ видахъ пріобрѣтенія обѣщанной награды. Въ продолженіе двухъ лѣтъ было сдѣлано пять покушеній на жизнь принца, и иниціатива всѣхъ ихъ принадлежала испанскому правительству. Вскорѣ послѣдовало и шестое.

Лѣтомъ 1584 г. Вильгельмъ Оранскій жилъ въ Дельфтѣ, гдѣ жена его родила въ предъидущую зиму сына, знаменитаго впослѣдствіи штатгальтера Фредерика Генриха. Французскій дворъ прислалъ въ Дельфтъ нарочнаго съ извѣстіемъ о смерти герцога Анжуйскаго. Въ воскресенье утромъ, 8 іюля 1584 г., принцъ Оранскій еще въ постели прочелъ депеши и велѣлъ привести къ себѣ привезшаго ихъ курьера, чтобы порасспросить его о болѣзни герцога Анжуйскаго. Курьера тотчасъ же ввели въ спальню принца; онъ оказался нѣкіимъ Франциском Гюйѳномъ, какъ онъ самъ назвалъ себя. Въ началѣ весны человѣкъ этотъ

обращался—и не безуспѣшно—къ принцу Оранскому съ просьбою о пособіи на томъ основаніи, что онъ сынъ одного безансонскаго протестанта, казненнаго за свою вѣру, и самъ ревностно преданъ реформатской религіи. Онъ казался юношей набожнымъ, способнымъ только распѣвать псалмы, преданнымъ кальвинистомъ, который не выходилъ на улицу иначе, какъ съ библіей или молитвенникомъ подъ мышкою, слушалъ проповѣдь съ примѣрнымъ благоговѣніемъ. Тихій, не навязчивый 27-лѣтній юноша, маленькаго роста, худощавый, съ ничего неговорящей, весьма обыденной наружностью, онъ казался личностью совершенно ничтожною. Всякій, кто давалъ себѣ трудъ подумать о невзрачномъ, робкомъ бургундцѣ, приходилъ къ заключенію, что это личность совершенно безобидная, но въ то же время неспособная ни къ какому сколько нибудь серьозному дѣлу; вообще онъ ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія. А между тѣмъ, подъ этой невзрачной внѣшностью скрывался смѣлый и отчаянный духъ; эта мягкая, безобидная натура носилась въ теченіе семи лѣтъ съ страшнымъ умысломъ, выполненіе котораго откладывать долѣе было невозможно.

Францискъ Гюйонъ, этотъ кальвинистъ и сынъ замученнаго кальвиниста, былъ на самомъ дѣлѣ Бальтазаръ Жераръ, фанатическій католикъ, отецъ и мать котораго были еще живы и находились въ Бургундіи. Несовершеннолѣтнимъ юношей онъ возъимѣлъ уже умыселъ убить принца Оранскаго, «который въ продолженіе всей своей жизни долженъ былъ, повидимому, остаться врагомъ католическаго короля и старался всѣми силами нарушить покой римско-католической апостольской религіи».

Какъ только принцъ Оранскій былъ объявленъ внѣ законовъ, Бальтазаръ, сгорая желаніемъ осуществить свою завѣтную мечту, уѣхалъ изъ дома и прибылъ въ Люксембургъ. Тутъ онъ узналъ, что его предупредилъ Жорегуай. Извѣстіе это обрадовало его: оно давало ему возможность не подвергаться лично опасности. Считая принца убитымъ, онъ поступилъ клеркомъ къ секретарю графа Мансфельда, губернатора Люксембурга. Вскорѣ распространилось извѣстіе о безуспѣшности покушенія Жорегуая; при этомъ извѣстіи, «закоренѣлое рѣшеніе» Жерара заговорило въ немъ съ большею силою, чѣмъ когда либо.

Въ мартѣ 1584 года Бальтазаръ покинулъ Люксембургъ и прибылъ въ Тревъ. Тутъ онъ сообщилъ свой замыслъ регенту іезуитской коллегіи. Сей достойный мужъ выразилъ полное сочувствіе предпріятію, далъ Жерару свое благословеніе и обѣщалъ сопричесть его къ лику мучениковъ, если онъ падетъ жертвою своего покушенія.

Герцогъ Пармскій давно подъискивалъ человѣка, способнаго убить принца Оранскаго. Подобно Филиппу, Гранвеллѣ и всѣмъ прежнимъ губернаторамъ, онъ сознавалъ, что это единственное средство сохранить за королемъ хоть часть страны. Время отъ времени къ нему являлись охотники до убійства съ предложеніемъ своихъ услугъ, и Александръ, герцогъ Пармскій, переплатилъ не мало денегъ разнымъ итальянцамъ, испанцамъ, шотландцамъ, англичанамъ; но всѣ они растрачивали полученныя деньги, не попытавшись на покушеніе. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ выжидали, повидимому, удобной минуты для совершенія преступленія, и въ это самое время, въ Дельфтѣ находилось четыре человѣка, незнакомые другъ другу и принадлежавшіе къ различнымъ національностямъ: всѣ они искали случая убить Вильгельма Молчаливаго.

Наконецъ обратился къ герцогу Пармскому съ предложеніемъ своихъ услугъ Жераръ. Этотъ маленькій бѣглый клеркъ показался, однакожь, герцогу совершенно неспособнымъ на такое важное предпріятіе, требовавшее силы и энергіи, и, вскорѣ по полученіи его письма, онъ отпустилъ его. Но убѣжденія приближенныхъ герцога заставили его взглянуть на дѣло другими глазами, и онъ послалъ къ незнакомцу своего довѣреннаго агента разузнать о подробностяхъ замысла. Агентъ убѣдилъ Жерара изложить свой планъ письменно.

Въ письмѣ этомъ Жераръ объяснялъ, что намѣревается представиться принцу Оранскому въ Дельфтѣ, въ качествѣ сына казненнаго кальвиниста, заявить ему, что самъ горячо, хотя втайнѣ, преданъ реформатской религіи, и проситъ принца принять его къ себѣ на службу, чтобы этимъ избавить его отъ преслѣдованій папистовъ. Затѣмъ онъ повторялъ, что его побудила взяться за это дѣло исключительно ревность къ вѣрѣ и истинной религіи, охраняемой пресвятой матерью, католической, апостольской и римской церковью, и усердіе къ службѣ его величества.

Безъ сомнѣнія, Жераръ былъ экзальтированный энтузіастъ, но не исключительно энтузіастъ. Онъ убѣдилъ себя, что задуманное имъ дѣло —дѣло доблестное, и ни мало не страшился за его послѣдствія. Однакожь онъ далеко не былъ такъ безкорыстенъ, какъ старался выказать себя въ письмахъ. Напротивъ того, при свиданіяхъ съ агентомъ герцога Пармскаго, онъ говорилъ ему, что не имѣетъ никакихъ средствъ къ существованію и задумалъ это дѣло, чтобы обогатиться; что онъ полагается въ этомъ отношеніи на герцога Пармскаго, который, конечно, выхлопочетъ ему награду, обѣщанную тому, кто умертвитъ принца Оранскаго. Наконецъ Жераръ приступилъ къ осуществленію своего давнишняго замысла. Пріѣхавъ въ Дельфтъ, онъ добился того, что былъ принятъ въ свиту принца Оранскаго.

10 іюля 1584 г., въ исходѣ двѣнадцатаго часа, принцъ шелъ подъ руку съ женою, въ сопровожденіи членовъ своего семейства, въ столовую. Жераръ появился на порогѣ столовой и сталъ просить паспорта. Принцессу поразила блѣдность и взволнованный видъ молодаго человѣка, и она съ безпокойствомъ спросила у мужа, что это за человѣкъ. Принцъ небрежно замѣтилъ, что «это просто человѣкъ, которому нуженъ паспортъ», и тотчасъ приказалъ своему секретарю изготовить этотъ паспортъ. Принцесса не успокоилась и замѣтила, что «никогда не видала такой непріятной наружности». На самого Оранскаго наружность Жерара не произвела никакого впечатлѣнія, и онъ во все время обѣда сохранялъ свою обычную веселость, разговаривая преимущественно съ бургомистромъ Леварденомъ, единственнымъ гостемъ за этимъ семейнымъ обѣдомъ, о политическомъ и религіозномъ положеніи Фрисландіи. Въ два часа общество встало изъ-за стола. Принцъ шелъ впереди, направляясь во внутренніе покои наверху. Столовая находилась въ нижнемъ этажѣ и сообщалась съ маленькою четыреугольною переднею, изъ которой былъ выходъ на дворъ. Изъ этой же передней шла деревянная лѣстница въ слѣдующій этажъ. Налѣво отъ лѣстницы, въ стѣнѣ находилась глубокая ниша, полузакрытая дверью; изъ этой ниши былъ выходъ въ переулокъ. Лѣстница освѣщалась широкимъ окномъ. Выйдя изъ столовой, принцъ сталъ медленно подыматься по лѣстницѣ. Едва занесъ онъ ногу на вторую сту-

пеньку, какъ изъ ниши вышелъ человѣкъ и, на разстояніи одного или двухъ футовъ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Три пули попали въ принца; одна изъ нихъ пронзила его навылетъ и ударилась съ силою о противоположную стѣну. Почувствовавъ рану, принцъ воскликнулъ по-французски: «О, Боже мой, умилосердись надо мной! О, Боже, умилосердись надъ этимъ бѣднымъ народомъ!»

Это были послѣднія слова, произнесенныя имъ; только когда сестра его Екатерина Шварцбургъ спросила его, предаетъ ли онъ душу свою Іисусу Христу, онъ глухо отвѣчалъ: «да». Принца на минуту посадили на лѣстницѣ, гдѣ онъ тотчасъ же впалъ въ забытье. Затѣмъ его перенесли въ столовую, на диванъ, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ на рукахъ жены и сестры.

Вильгельму Оранскому въ день его смерти было 51 годъ слишкомъ. Принцъ былъ погребенъ въ Дельфтѣ, оплакиваемый всѣмъ народомъ. Ничья смерть не оплакивалась такъ искренно, такъ горячо и такъ заслуженно.

Жизнь и труды принца Оранскаго дали освобожденной странѣ прочныя основанія; но смерть его отняла всякую надежду на соединеніе всѣхъ Нидерландовъ въ одну республику. Усилія недовольныхъ дворянъ, религіозные раздоры, замѣчательныя политическія и военныя способности Пармы, все соединилось вмѣстѣ съ невозвратимою смертью Вильгельма Молчаливаго, чтобы оторвать навсегда южныя и католическія провинціи отъ сѣверной конфедераціи. Пока принцъ жилъ, онъ былъ отцомъ всей страны; Нидерланды, за исключеніемъ только валлонскихъ провинцій, составляли одно цѣлое. Несмотря на раздоры и бѣдствія продолжительной гражданской войны, страна была все-таки объединена; существовало одно сердце, одинъ руководящій умъ, на которые возлагала надежды патріотическая партія всей страны. Филиппъ и Гранвелла не ошиблись, разсчитывая на выгоды, которыя доставитъ имъ смерть принца, разсчитывая на то, что рука убійцы окажется дѣйствительнѣе всѣхъ оковъ испанскихъ и итальянскихъ дипломатовъ, всѣхъ войскъ, которыя въ состояніи выслать Испанія. Выстрѣлъ ничтожнаго Жерара уничтожилъ для Нидерландовъ возможность объединенія, тогда какъ при жизни Вильгельма было единство въ политикѣ, единство въ исторіи страны.

На слѣдующій годъ Антверпенъ, бывшій до сихъ поръ центромъ, вокругъ котораго сосредоточивались народные интересы и историческія событія, палъ передъ усиліями герцога Пармскаго. Городъ, бывшій такъ долго самою свободною и самою богатою столицею Европы, навсегда упалъ на степень провинціальнаго городка. Его паденіе, въ связи съ другими обстоятельствами, довершило окончательное отдѣленіе Нидерландовъ. Голландія и Зеландія, со смертью Оранскаго, провозгласили себя независимыми. Страна, которую Вильгельмъ навсегда освободилъ отъ гнета испанской тиранніи, продолжала существовать въ теченіе двухъ столѣтій слишкомъ, въ качествѣ большой и цвѣтущей республики, подъ послѣдовательнымъ управленіемъ его сыновей и потомковъ.

Жизнь его дала существованіе независимой странѣ, смерть опредѣлила ея границы. Еслибъ онъ прожилъ еще 20 лѣтъ,—вмѣсто семи провинцій, она состояла бы, можетъ быть, изъ семнадцати; имя испанцевъ было бы забыто въ нижней Германіи и кельтической Галліи. Хотя еще двумъ поколѣніямъ пришлось пережить всѣ ужасы войны до тѣхъ поръ,

пока Испанія согласилась признать свое правительство, но и до этого признанія соединенные штаты сдѣлались уже первою морскою державою и превратились въ одну изъ могущественныхъ республикъ въ мірѣ. Религіозную же и гражданскую свободу и политическую независимость страна пріобрѣла еще при жизни Вильгельма; иноземная тираннія была на вѣки сломлена на его глазахъ. Республика существовала de facto со времени провозглашенія отложенія въ 1581 г. Исторія развитія Нидерландской республики есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и біографія Вильгельма Молчаливаго.

Принцъ Оранскій былъ высокаго роста, крѣпкаго и мускулистаго сложенія, довольно худощавъ. Глаза, волосы, борода были темные; цвѣтъ лица смуглый, маленькая, симметрическая, сжатая, подвижная голова обличала воина; высокій лобъ, преждевременно изборожденный морщинами—государственнаго человѣка и мудреца. Изъ нравственныхъ качествъ Оранскаго самымъ выдающися была набожность. Онъ былъ въ высшей степени религіознымъ человѣкомъ. Упованіе на Бога поддерживало и утѣшало его въ наиболѣе тяжелыя минуты жизни. Безусловно полагаясь на благость и премудрость Всемогущаго, онъ съ улыбкою встрѣчалъ опасность и сохранялъ, при постоянныхъ трудахъ и испытаніяхъ, почти сверхъ естественную ясность духа. Но, несмотря на всю свою набожность, Вильгельмъ Оранскій былъ терпимъ къ заблужденіямъ другихъ. Искренно, сознательно преданный реформатской религіи, онъ, тѣмъ не менѣе, готовъ былъ предоставить свободу вѣроисповѣданія католикамъ съ одной стороны, анабаптистамъ — съ другой, понимая какъ нельзя лучше, что нѣтъ ничего гнуснѣе религіознаго реформатора, который становится гонителемъ въ свою очередь. Твердость его не уступала набожности. Стойкость, съ которою онъ выносилъ на своихъ плечахъ все бремя неравной борьбы, вызывало удивленіе даже въ его врагахъ. Скала на океанѣ, «спокойная среди бушующихъ волнъ», была любимою эмблемою, которою друзья изображали его стойкость.

Высокое званіе, почти царственное состояніе,—онъ всѣмъ пожертвовалъ для блага родины и сдѣлался почти нищимъ, былъ объявленъ внѣ законовъ. Спустя десять лѣтъ послѣ его смерти, счеты между его душеприкащиками и братомъ Іоанномъ доходили до 1.400,000 флориновъ. Деньги же были взяты имъ у графа подъ залогъ различнаго недвижимаго и движимаго имущества. Кромѣ того, онъ задолжалъ и всѣмъ остальнымъ своимъ родственникамъ, такъ что имущество его перешло къ дѣтямъ, обремененное долгами. Расточая на служеніе странѣ огромныя суммы денегъ и рѣшительно отказываясь отъ заманчивыхъ предложеній королевскаго правительства, онъ, съ другой стороны, доказывалъ свое безкорыстіе, упрямо отстраняясь изъ года въ годъ отъ верховной власти надъ провинціями и принявъ передъ самою смертью, когда отказъ сдѣлался рѣшительно невозможнымъ, только ограниченную конституціонную власть надъ тою частью провинцій, которою въ настоящее время управляютъ его наслѣдники. Онъ жилъ и умеръ не для себя, а для своей страны; предсмертныя слова его были: «Боже, умилосердись надъ этимъ народомъ!».

Умственныя способности его были сильно развиты и многосторонни. Онъ обладалъ практическими способностями великаго полководца, и друзья его утверждаютъ, что во всей Европѣ не было равнаго ему по воен-

ному генію. Отзывъ этотъ, безъ сомнѣнія, преувеличенъ личною привязанностью, но самъ императоръ Карлъ былъ высокаго мнѣнія объ его военныхъ способностяхъ. Вѣчными памятниками блестящихъ военныхъ способностей принца Оранскаго останутся его укрѣпленіе Филипевиля и Шарлемонта въ виду непріятеля, переходъ черезъ Маасъ на глазахъ Альбы, его неудачная, но превосходно задуманная кампанія противъ этого полководца, великолѣпный планъ выручки города Лейдена, начертанный имъ и успѣшно приведенный въ исполненіе подъ его руководствомъ въ то время, какъ онъ самъ лежалъ больной въ постели. Болѣе чѣмъ кто-либо обладалъ онъ великими достоинствами солдата—стойкостью въ бѣдствіи, преданностью долгу, твердостью духа въ неудачѣ. Цѣлымъ рядомъ неудачъ онъ достигъ рѣшительной побѣды. Онъ основалъ свободную республику, подъ батареями инквизиціи, наперекоръ самой могущественной монархіи. Онъ былъ побѣдителемъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, потому что завоевалъ свободу и право на національное существованіе цѣлому народу. Борьба продолжалась долго, и принцъ палъ въ ней, но побѣда осталась за погибшимъ героемъ, а не за оставшимся въ живыхъ монархомъ. Не слѣдуетъ забывать, что ему приходилось бороться далеко не равными силами. Войска его состояли обыкновенно изъ наемниковъ, способныхъ къ возмущеніямъ наканунѣ сраженія, между тѣмъ какъ противниками онъ имѣлъ самыхъ лучшихъ ветерановъ Европы, предводительствуемыхъ первѣйшими полководцами того времени. Не имѣя при себѣ ни одного знающаго или опытнаго офицера, кромѣ своего брата Людовика, а со смертью его оставшись совершенно одинокимъ, Вильгельмъ Оранскій поборолъ Альбу, Реквезенса, Донъ-Жуана и Александра Фарнезе—людей, имена которыхъ стоятъ въ ряду самыхъ громкихъ именъ военной исторіи. Это одно уже служитъ блестящимъ доказательствомъ его военныхъ способностей. Въ минуту его смерти только двѣ провинціи остались подъ властью Испаніи; только Артуа и Геннегау подчинялись Филиппу; остальныя же пятнадцать провинцій находились въ состояніи открытаго возмущенія и торжественно отложились отъ своего короля.

Его политическія способности стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ былъ положительно первымъ государственнымъ человѣкомъ своего времени. Быстрота соображенія соединялась въ немъ съ осмотрительностью, которая побуждала его зрѣло обдумывать послѣдствія своихъ наблюденій. Онъ былъ глубокимъ знатокомъ человѣческой природы. Онъ игралъ на страстяхъ и чувствахъ великой націи, какъ на инструментѣ, и рукѣ его рѣдко не удавалось извлечь гармонію изъ самыхъ дикихъ звуковъ. Мятежный Гентъ, не признававшій надъ собой никакой власти, котораго самъ гордый императоръ могъ только сокрушить, а не обуздать, покорно смиряется подъ рукою Оранскаго. При жизни Оранскаго Гентъ былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ бы былъ навсегда остаться — оплотомъ народной свободы, какъ прежде былъ его колыбелью. По смерти принца, онъ сдѣлался ея могилою. Умѣнье Оранскаго управлять людьми проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Онъ былъ краснорѣчивъ и говорилъ иногда съ увлеченіемъ, но предпочиталъ холодную аргументацію и всегда былъ логиченъ. Впечатлѣніе, которое онъ производилъ на своихъ слушателей, было безпримѣрно въ исторіи этой страны или эпохи; однако же онъ никогда не унижался до лести народу, не слѣдовалъ за нимъ,

а направлялъ его на путь долга и чести и чаще громилъ пороки, чѣмъ поддѣлывался подъ страсти своихъ слушателей. Скупость, зависть, своеволіе, измѣна всегда подвергались имъ заслуженной карѣ. Онъ безстрашно являлся передъ штатами и народомъ въ минуты крайняго раздраженія ихъ и говорилъ имъ правду въ лицо. Суровый каратель общественныхъ пороковъ, слишкомъ честный для того, чтобы льстить, — онъ обладалъ въ то же время краснорѣчіемъ, способнымъ увлекать и убѣждать. Онъ умѣлъ затрогивать умъ и сердце своихъ слушателей. Его рѣчи, импровизированныя или приготовленныя, его письменныя посланія къ генеральнымъ штатамъ, къ провинціальнымъ властямъ, къ городскимъ совѣтамъ, его частная переписка съ людьми всѣхъ сословій, начиная съ императоровъ и королей и кончая секретарями и даже дѣтьми,—отличаются легкостью слога и полнотою мысли, силою выраженій, рѣдкою въ то время исторической эрудиціею, богатствомъ фантазіи, теплотою чувства, широтою взглядовъ, ясностью мысли—словомъ, всѣми достоинствами, которыя поставили бы его на ряду съ лучшими мыслителями его времени, еслибъ онъ не оставилъ по себѣ другихъ памятниковъ, кромѣ памятниковъ своего краснорѣчія. Плодовитость его въ этомъ отношеніи была замѣчательна. Самъ Филиппъ не могъ превзойти его трудолюбіемъ; самъ Гранвелла не могъ поспорить съ нимъ плодовитостью. Оранскій говорилъ и писалъ одинаково хорошо по-французски, нѣмецки и фламандски; кромѣ того, онъ зналъ испанскій, итальянскій и латинскій языки. Одной его переписки хватило бы на то, чтобы наполнить жизнь дюжиннаго человѣка. Цѣлые томы его рѣчей и писемъ напечатаны, и, кромѣ того, въ нидерландскихъ и германскихъ архивахъ хранится еще много документовъ, написанныхъ его рукою, которымъ, вѣроятно, никогда не суждено увидѣть свѣтъ.

Усилія, предпринятыя самымъ трудолюбивымъ и дѣятельнымъ изъ тиранновъ на погибель Нидерландовъ, поборoли дѣятельность самаго неутомимаго изъ патріотовъ. Трудно найти въ немъ какія либо черты, заслуживающія серьезнаго порицанія; но враги его изобрѣли для этого весьма простой способъ: не будучи въ состояніи найти въ его характерѣ мелкихъ недостатковъ, они рѣшились очернить его цѣликомъ. Брилліантъ подъ ихъ рукою оказался поддѣльнымъ. Патріотизмъ его былъ лицемѣріемъ, самоотверженіе и великодушіе—лицемѣріемъ. Имъ руководило только честолюбіе, только стремленіе къ личному возвышенію. Они не пытались отрицать его талантовъ, его трудолюбія, его громадныхъ пожертвованій; они осмѣивали только мысль, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ безкорыстныхъ побужденій.

Одинъ Богъ знаетъ сердце человѣка; онъ одинъ въ состояніи проникать въ запутанную сѣть человѣческихъ побужденій и открывать тайныя побужденія человѣческихъ дѣйствій. Но тщательное изученіе неоспоримыхъ фактовъ и различныхъ оффиціальныхъ и частныхъ документовъ показываетъ, что, судя по всѣмъ вѣдомостямъ, не было человѣка, который бы дѣйствовалъ подъ вліяніемъ болѣе безкорыстнаго патріотизма.

Былъ ли принцъ Оранскій труслив ъ отъ природы или нѣтъ, но до самой послѣдней минуты онъ выказывалъ изумительное мужество: при осадахъ и на полѣ битвы, въ смертоносной атмосферѣ зараженныхъ эпидеміей городовъ, при истощеніи ума и тѣла усиленными трудами и тревогами, среди постоянныхъ замысловъ убійцъ—онъ ежедневно подвер-

гался смерти во всѣхъ ея видахъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ было открыто пять покушеній на его жизнь. Знатность и богатство предлагались всякому злодѣю, который лишитъ его жизни. Разъ онъ получилъ почти смертельную рану въ голову. Даже и храбрый человѣкъ, поставленный въ такія условія, сталъ бы подозрѣвать ловушку на каждомъ шагу, кинжалъ въ каждой рукѣ, ядъ въ каждомъ сосудѣ. Оранскій же, напротивъ, былъ всегда веселъ и не принималъ никакихъ особыхъ мѣръ предосторожности. «Господь въ своей благости, говорилъ онъ съ безъискусственною простотою, поддержитъ мою невинность и честь въ продолженіе моей жизни и на будущіе вѣка; я давно уже посвятилъ свое состояніе и жизнь на служеніе Ему. Онъ поступитъ, какъ ему будетъ угодно, для прославленія собственнаго имени и моего спасенія». Даже зловѣщая наружность Жерара, когда онъ въ первый разъ показался въ дверяхъ столовой, не возбудила его подозрѣній. Онъ посмѣялся пророческому страху жены при видѣ убійцы и до послѣдней минуты былъ веселъ, какъ всегда. Онъ обладалъ тѣмъ, что языческій философъ считалъ высшимъ благомъ— здоровымъ умомъ въ здоровомъ тѣлѣ. По смерти организмъ его былъ найденъ въ такомъ превосходномъ состояніи, что онъ прожилъ бы еще долго, несмотря на всѣ перенесенныя имъ испытанія. Отчаянная болѣзнь его въ 1574 г., страшная рана, нанесенная ему Жорегуа въ 1582 г., не оставили по себѣ слѣдовъ. Доктора нашли организмъ его въ совершенномъ порядкѣ. Онъ былъ веселаго темперамента: за столомъ, умѣренныя наслажденія котораго служили ему единственнымъ отдыхомъ, онъ былъ всегда оживленъ и веселъ; эта веселость была частью естественная, частью притворная. Въ минуты самыхъ тяжелыхъ испытаній для страны онъ надѣвалъ на себя маску веселости, далеко не соотвѣтствовавшую его душевному настроенію, и эта кажущаяся веселость въ критическія минуты вызывала осужденіе со стороны тупоумныхъ глупцовъ, которые не въ состояніи были понять ея глубокаго смысла и не могли помириться съ легкомысліемъ Вильгельма Молчаливаго. Въ продолженіе всей своей жизни онъ несъ съ улыбкою бремя народнаго бѣдствія. Имя этого народа было его послѣднимъ словомъ, за исключеніемъ его простаго «да», которымъ солдатъ, сражавшійся всю жизнь за правое дѣло, умирая, предалъ душу «своему великому полководцу — Христу». Народъ относился къ нему съ любовью и признательностью; онъ довѣрялъ «отцу Вильгельму», и никакая черная клевета не въ состояніи была затмить передъ нимъ блескъ высокаго ума Оранскаго, отъ котораго народъ этотъ привыкъ ждать совѣта въ минуты самыхъ тяжелыхъ бѣдствій. Онъ былъ путеводною звѣздою доблестной націи, и, когда онъ умеръ, дѣти на улицахъ плакали о немъ.

РЕФОРМАЦІЯ

и

РЕАКЦІЯ КАТОЛИЦИЗМА ВО ФРАНЦІИ.

XXXVIII. ФРАНЦИСКЪ I И ЕГО СИСТЕМА ВНУТРЕННЯГО УПРАВЛЕНІЯ.

(Изъ соч. Ранке: «Frankreich im Zeitalter der Reformation», B. I).

По смерти Людовика XII французскій престолъ достался молодому Франциску Ангулемскому, изъ второй линіи Орлеанскаго дома.

Онъ прежде всего, какъ это обыкновенно дѣлаютъ всѣ наслѣдники престола, обратилъ вниманіе на темныя стороны предшествовавшаго правленія. Мать его, Луиза Савойская, руководившая его юностью, женщина энергическая, съ умомъ и властолюбіемъ, находилась въ явной оппозиціи со дворомъ. И мать, и сынъ были одинаково убѣждены, что Людовикъ XII дѣлалъ слишкомъ много уступокъ въ правахъ королевской власти; они были въ высшей степени недовольны его уступчивостью относительно парламента и особенно его политикой въ духовныхъ дѣлахъ. Въ самомъ судебномъ сословіи были люди, которые настаивали на измѣненіи этой системы; они искали сближенія съ Ангулемскимъ домомъ. Первымъ правительственнымъ дѣйствіемъ Франциска I было то, что онъ назначилъ канцлеромъ государства знатнѣйшаго изъ этихъ людей, Антуана Дюпра, который когда-то, въ присутствіи Людовика XII, заводилъ объ этомъ предметѣ разговоръ съ тогдашнимъ канцлеромъ.

Затѣмъ Францискъ обратилъ свое вниманіе на иностранныя дѣла и рѣшился привести въ исполненіе планъ похода противъ Милана, такъ какъ даже уже его предшественникъ все приготовилъ для этого похода, хотя это стоило ему необыкновенныхъ усилій и напряженія.

«Я приду,—говорилъ Францискъ I венеціанцамъ, которые въ то время ничего больше не желали, какъ только его прибытія,—одержу побѣду, или умру». Онъ провелъ свои войска черезъ Альпы по дорогѣ, по которой до тѣхъ поръ не отваживался пройти ни одинъ военный отрядъ. Молодому королю суждено было въ первомъ же дѣлѣ окружить себя

блескомъ личной храбрости. Кто не знаетъ о томъ, что онъ во время ночи, которая прервала битву при Мариньяно, отдыхалъ въ полномъ вооруженіи на лафетѣ и что на слѣдующее утро онъ съ новымъ мужествомъ продолжалъ сраженіе и одержалъ побѣду? Слѣдствіемъ этой побѣды было обратное завоеваніе Ломбардіи; утверждаютъ, будто только отъ него одного зависѣло сдѣлаться властителемъ всей Италіи.

Но на этотъ разъ его намѣренія не простирались такъ далеко: онъ остановился на половинѣ своей дороги; онъ не оказалъ поддержки флорентинцамъ, которые ждали отъ него своего освобожденія отъ владычества Медичи, а напротивъ поспѣшилъ въ Болонью, чтобы заключить здѣсь съ главою этого дома, папою Львомъ X договоръ для прекращенія какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ споровъ. Подобно тому, какъ онъ швейцарцамъ возвратилъ слѣдуемыя имъ пенсіи и заключилъ съ ними вѣчный союзъ, не обращая вниманія на издержки, возможное уменьшеніе которыхъ входило въ систему предшествующаго царствованія, такъ и вообще онъ заботился не о томъ, чтобы осуществлять намѣренія своего предшественника и возобновлять его связи и отношенія, но о томъ, чтобы навсегда основать прочное положеніе.

Переговоры съ папой имѣли тѣмъ большее значеніе, что они касались основнаго закона государства. Во Франціи думали, что король, въ качествѣ побѣдителя, заставитъ наконецъ папу принять прагматическую санкцію *). Однако, очень сомнительно, было ли это возможно. Этотъ законъ уже нѣсколько разъ былъ осужденъ папами. И могъ ли Левъ X подчиниться ему вслѣдствіе пораженія, понесеннаго его союзниками и причиненнаго этимъ временнаго затрудненія, и тѣмъ стать въ противорѣчіе съ своими предшественниками, съ церковнымъ соборомъ, преданнымъ римскому престолу, и съ интересами куріи? Окружающіе короля увѣряли, что папа скорѣе объявитъ Францію еретическою, возстановитъ всѣ державы въ мірѣ противъ французовъ и прежде всего затруднитъ для нихъ возвращеніе въ отечество. Но король самъ былъ противникомъ прагматической санкціи; онъ съ намѣреніемъ поручилъ веденіе переговоровъ своему новому канцлеру, который также былъ противникомъ ея.

Вслѣдствіе этого и произошло то, что совѣщанія повели не къ утвержденію этого закона, какъ всѣ ожидали, но къ отмѣнѣ его. Политическая необходимость совпала здѣсь съ желаніемъ произвести существенную перемѣну въ государствѣ. Если соглашеніе, которое было достигнуто, именно конкордатъ 1516 г., и было выгодно для папства теоретически и практически, — теоретически потому, что полагало конецъ притязаніямъ соборовъ стать выше папы, заявленнымъ и утвержденнымъ на базельскомъ соборѣ, а практически потому, что возвращало ему высшую церковную юрисдикцію, пользованіе прежними доходами и наконецъ аннаты,—то оно принесло еще бо̀льшую выгоду авторитету ко-

*) Въ силу прагматической санкціи, то-есть указа, изданнаго въ 1438 г. Карломъ VII, на основаніи постановленій церковнаго собора, созваннаго въ Буржѣ, авторитетъ папы долженъ былъ подчиниться авторитету вселенскихъ соборовъ; папы лишались права получать изъ Франціи аннаты, а также права пожалованія духовныхъ мѣстъ, съ которымъ связаны были различные поборы въ пользу римской куріи; наконецъ, запрещалось принятіе и опубликованіе во Франціи папскихъ буллъ иначе, какъ съ разрѣшенія короля. *Примѣч. составителя.*

ролевской власти. Въ то время во Франціи считалось 10 архіепископствъ, 83 епископства, 527 аббатствъ, и король, съ незначительными ограниченіями, получалъ право производить назначенія на эти всѣ мѣста.

Прагматическая санкція составляла часть системы умѣренной монархіи, системы свободы выборовъ и совѣщаній, господствовавшей во Франціи. Привилегіи, дававшіяся этимъ закономъ, служили предметомъ гордости; съ ними соединялись разнообразныя прерогативы корпораціи и частныхъ лицъ, и потому извѣстіе объ его отмѣнѣ могло быть встрѣчено не иначе, какъ съ неудовольствіемъ. Противъ отмѣны возставали духовенство, университетъ и парламентъ. Но духовенство король адресовалъ къ папѣ, съ которымъ оно и могло спорить, если хотѣло. Парламенту же онъ объявилъ, что онъ не желаетъ имѣть у себя венеціанскаго сената; законы и учрежденія только потому имѣютъ силу, что этого желали его предшественники: онъ имѣетъ точно такую же власть, какую имѣли они, и постановляетъ теперь другіе законы. Когда парламентъ рѣшился наконецъ внести конкордатъ въ свои протоколы, то замѣтилъ при этомъ, что соглашается на это только потому, чтобы избѣжать еще бо̀льшаго несчастія. Послѣ того, какъ дѣло устроилось такимъ образомъ, сопротивленіе университета уже не имѣло никакого значенія.

Съ принятіемъ конкордата, королевская власть рѣшительно оставила тотъ путь, по которому она шла до сихъ поръ. Она отреклась отъ духовныхъ принциповъ, которые были усвоены ею 80 лѣтъ назадъ въ великую минуту и съ тѣхъ поръ прочно укрѣпились и съ которыми Франція сжилась. Неограниченное вліяніе королевской власти сдѣлало успѣхи, имѣвшіе обширное значеніе.

Такимъ образомъ, въ первые же годы царствованія Францискъ I пріобрѣлъ авторитетъ въ своей странѣ, невиданный до сихъ поръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ блестящее положеніе въ Европѣ. Его превозносили, какъ героя, и онъ пользовался славой, которая была гораздо выше его заслугъ. Сочинялись разговоры между Цезаремъ, первымъ покорителемъ гельветовъ, и королемъ Францискомъ, вторымъ Цезаремъ, побѣдителемъ и усмирителемъ швейцарцевъ, «Я ходила пѣшкомъ, говорила его мать, Луиза, къ Богоматери Фонтенской, чтобы поручить ей того, котораго я любила больше, чѣмъ самое себя; это мой сынъ, славный и торжествующій Цезарь, покоритель гельветовъ».

Для королевской власти прежде всего было выгодно то, что французское духовенство вслѣдствіе конкордата стало къ ней въ весьма зависимое положеніе. Кардиналы составляли часть придворнаго штата Франциска I; онъ выбралъ своихъ посланниковъ изъ духовнаго и высшаго судебнаго сословія; онъ помѣщалъ своихъ ветерановъ въ монастыри и приказывалъ давать имъ содержаніе; главнымъ же образомъ онъ собиралъ съ церкви значительныя суммы.

До сихъ поръ духовенство платило подать на государственныя потребности; однако, на взиманіе слѣдующихъ съ него десятинъ всегда требовалось предварительное разрѣшеніе папы. Въ 1532 г. Климентъ VII сдѣлалъ затрудненіе для этого разрѣшенія. Франциск I, возмущенный этимъ тѣмъ болѣе, что свиданіе съ Генрихомъ VIII особенно расположило его къ оппозиціи св. престолу, по возвращеніи своемъ съ этого свиданія, безъ всякаго разрѣшенія предписалъ уплату десятины. Духовенство не отважилось отказать въ ней. Съ тѣхъ поръ вошло въ обыкновеніе, что ко-

ролю платилась такая десятина, какую онъ считалъ нужнымъ требовать. Десятинный сборъ составлялъ 400,000 франковъ, но въ нѣкоторые года онъ доходилъ до 500,000. Духовенство не всегда собиралось, чтобы вотировать ее; обыкновенно король разсылалъ по всѣмъ епископскимъ резиденціямъ бумагу только за своей подписью и со своей печатью и въ ней обозначалъ сумму, какая нужна была въ пособіе коронѣ. Капитулъ раскладывалъ эту сумму на всѣ приходы; она немедленно уплачивалась и отсылалась. Король говорилъ, что онъ самъ хорошо знаетъ, что онъ не имѣетъ права налагать подати на духовенство, но вѣдь нигдѣ же не запрещено просить добровольной уплаты податей; онъ, раздающій всѣмъ духовныя мѣста, приносящія доходы, можетъ же принять что нибудь отъ людей, облагодѣтельствованныхъ имъ этимъ способомъ. Папа смолчалъ на это, и нунцій не сопротивлялся.

При Франциске I была въ обычаѣ продажа судебныхъ мѣстъ въ парламентѣ. Начали съ того, что стали дозволять старѣйшимъ членамъ передавать свои мѣста даже менѣе достойнымъ преемникамъ, если только при этомъ уплачивалась извѣстная сумма; затѣмъ дошло дотого, что стали учреждать новыя мѣста съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность продавать ихъ. Замѣчательно, что Дюпра, исчисливши всѣ основанія, говорящія противъ такого порядка, въ то же время давалъ инструкціи, чтобы онъ былъ введенъ, такъ какъ онъ былъ необходимъ для удовлетворенія потребностямъ казны; опасности войны оправдывали все. Подобно судебнымъ, были продаваемы и административныя мѣста. Существуетъ, говоритъ Марино Кавалли, безчисленное множество чиновниковъ, которые купили себѣ свои мѣста: сборщики податей и казначеи, совѣтники и президенты, королевскіе адвокаты въ каждомъ маленькомъ мѣстечкѣ; ихъ такъ много, что достаточно было бы и половины, и все-таки число ихъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Ежегодный доходъ отъ продажи мѣстъ онъ считаетъ въ 400,000 франковъ. Но и этихъ чрезвычайныхъ доходовъ было недостаточно; подати, которыя платилъ народъ, увеличились вчетверо и даже въ пять разъ.

Французскіе короли считались самыми неограниченными государями въ свѣтѣ; народъ исполнялъ все, что они требовали. Императоръ Максимиліанъ со свойственною ему наивностью сказалъ однажды, что онъ, императоръ, есть король королей, потому что никто не считаетъ себя обязаннымъ повиноваться ему; испанскій король есть король людей, потому что ему хотя и дѣлаютъ возраженія, но все-таки повинуются; французскій же король есть король какъ будто надъ животными, потому что никто не осмѣливается отказать ему въ повиновеніи. Однажды въ разговорѣ венеціанскій посланникъ упомянулъ объ этихъ словахъ императора; Францискъ I сильно расхохотался при этомъ, такъ какъ, дѣйствительно, эти слова оказывались очень мѣткими, если сравнить пренія имперскаго сейма, въ которыхъ императоръ являлся просто только председателемъ, и бурныя пренія съ оппозиціей партій кортесовъ Аррагоніи и Кастиліи съ положеніемъ дѣла во Франціи, гдѣ сословія созывались только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и воля короля рѣшала все, и потому Франциску I пріятно было чувствовать превосходство своей власти и видѣть признаніе его другими.

Если же онъ дѣйствительно думалъ, что онъ можетъ дѣлать все, что ему лично угодно, то это была ошибка, и онъ забылъ о прежнихъ временахъ.

Въ исторіи прежней королевской власти, какъ она нѣкогда существовала у романскихъ и германскихъ націй, это вообще одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, какъ относился авторитетъ, лично принадлежавшій государю, къ авторитету, вытекавшему для него изъ обстоятельствъ и положенія вещей, или какъ относилось добровольное повиновеніе къ вынужденному. Тайна власти заключалась въ томъ, чтобы оба авторитета совпадали вмѣстѣ. Въ государѣ изъ древняго рода, связавшаго свою жизнь съ судьбою страны, нація видѣла ручательство за все совершившееся, гарантію своей будущности, и съ довѣріемъ ввѣряла себя его управленію. Безъ этого естественнаго авторитета нельзя было бы ничего сдѣлать, но и личность государя такъ же должна была соотвѣтствовать высокому призванію, возложенному на него.

XXXIX. ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАНЦИСКА I.

(Изъ соч. Ранке: «Frankreich im Zeitalter der Reformation»).

При первомъ взглядѣ на Франциска I въ немъ былъ виденъ прежде всего энергическій, красивый мужчина. Своею наружностью онъ выдавался передъ всѣми; онъ былъ высокъ ростомъ, имѣлъ широкія плечи и широкую грудь, темные волосы, покрывавшіе всю голову, и свѣжій цвѣтъ лица. Въ его выраженіи не было, можетъ быть, извѣстной мягкости и нѣжности, но зато все дышало въ немъ мужественностью и полнотою жизни, какою-то сознававшею себя царственностью.

Короли тогда еще не имѣли постоянной резиденціи, но постоянно, разъѣзжая по странѣ, были, однако, окружены многочисленнымъ и блестящимъ дворомъ; дворяне, признававшіе короля своимъ особеннымъ главою, считали своею обязанностью и своимъ преимуществомъ слѣдовать за нимъ такъ часто и такъ долго, какъ это позволяли ихъ обстоятельства. Но и люди другихъ сословій и другихъ профессій также старались присоединиться ко двору. Обыкновенно при дворѣ насчитывалось 6,000 лошадей, а въ мирное время, когда все стремилось ко двору, 12,000 и даже иногда до 18,000. Глаза всѣхъ устремлены были на короля, и всякій чувствовалъ свою зависимость отъ его хорошаго мнѣнія и расположенія, даже въ своихъ частныхъ дѣлахъ, и тѣмъ болѣе еще, что король лично могъ раздавать столько милостей. Дворъ представлялъ собою собраніе всего, что было въ націи знаменитаго, блестящаго и стремившагося впередъ; все это постоянно мѣнялось, а дворъ оставался такимъ же.

Францискъ I заботился о томъ, чтобы не было недостатка въ дамахъ, безъ которыхъ дворъ представлялся ему, какъ лугъ безъ цвѣтовъ. Это же заставляло его обращать особенное вниманіе на свою наружность. Въ общество дамъ онъ любилъ являться въ золототканномъ камзолѣ, сквозь отверстія котораго выступало тончайшее бѣлье, въ шитомъ плащѣ съ золотыми кистями. Онъ желалъ дѣлать впечатлѣніе своей личностью. Едва ли справедливо все то, что разсказываютъ объ его чувственности; по крайней мѣрѣ, это не надежные разсказы. Однако мы имѣемъ достаточно фактовъ для того, чтобы сказать, что онъ, не соблюдая границъ цѣломудрія и нравственности, подавалъ собою дурной примѣръ современникамъ и потомству.

Онъ любилъ физическія упражненія, которыя составляли обязанность по понятіямъ обновленнаго рыцарства. Въ самыя жгучія жары онъ занимался военными играми; онъ охотно выбиралъ самыхъ сильныхъ противниковъ, чтобы помѣряться съ ними силою и искусствомъ; однажды онъ въ теченіе одного дня 60 разъ ломалъ свое копье. Будучи самымъ красивымъ, онъ ставилъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы показать себя самымъ сильнымъ и самымъ искуснымъ въ обществѣ. Однажды въ Амбуазѣ онъ приказалъ поймать въ лѣсу кабана и пустить его на дворъ около дворца, чтобы потѣшить своихъ приближенныхъ картиною напрасной ярости этого животнаго; но кабанъ черезъ дурно запертую дверь ворвался во дворецъ. Всѣ разбѣжались въ страхѣ, но король побѣжалъ навстрѣчу ворвавшемуся животному и ловко нанесъ ему глубокую рану, отъ которой оно въ нѣсколько минутъ истекло кровью во дворѣ; онъ ни за что бы не потерпѣлъ, чтобы кто-нибудь другой сдѣлалъ эту опасную штуку. Онъ былъ страстно преданъ удовольствіямъ охоты. Во время охоты жизнь его нерѣдко подвергалась опасности; однажды олень рогами выбилъ его изъ сѣдла, однако это нисколько не напугало его. Буря и непогода ничего не значили для него; онъ проводилъ ночи въ самыхъ жалкихъ лачугахъ. Когда онъ постарѣлъ и пополнѣлъ, тогда сталъ ѣздить на охоту на мулѣ. Однажды венеціанскій посланникъ хотѣлъ отговорить его, чтобы онъ, чувствовавшій себя не совсѣмъ здоровымъ, не ѣздилъ на охоту въ холодное время. «Мой другъ, отвѣчалъ онъ, это даетъ мнѣ здоровье».

Однако уже давно извѣстно, и Францискъ I прославился этимъ, что онъ зналъ еще другія занятія, что онъ имѣлъ вкусъ и большую воспріимчивость къ болѣе чистымъ умственнымъ удовольствіямъ и умственной дѣятельности. Еще въ ранней юности въ немъ обнаружилось это направленіе; но, только когда онъ сталъ королемъ, въ немъ живѣе всего выступили разнообразные слѣды вліянія болѣе развитой итальянской культуры на французскій геній. Онъ весь былъ проникнутъ стремленіемъ своего вѣка возродить изученіе классической литературы и вообще свѣтскую ученость. Многіе профессора языковъ или римскаго права, такъ же, какъ и многіе поэты и археологи, получали лично отъ него содержаніе и принадлежали къ его двору. Ученые итальянскіе эмигранты находили у него убѣжище для себя; король поощрялъ ихъ дѣятельность и награждалъ ихъ труды. Нигдѣ, по словамъ одного изъ современниковъ Франциска, нельзя было научиться столь многому, какъ тамъ, при французскомъ дворѣ; здѣсь былъ даже французскій Ѳукидидъ. У короля Франциска было хоть смутное представленіе о той независимости, на которую имѣютъ право чисто-ученыя занятія; онъ хотѣлъ отдѣлить ихъ отъ университетовъ, предназначенныхъ для образованія теологовъ и практическихъ юристовъ, или, лучше, основать при нихъ чисто-ученый институтъ, который долженъ былъ быть академіей и вмѣстѣ учебнымъ заведеніемъ. Эта мысль, даже осуществленная въ половину, произвела бы значительное дѣйствіе; но у него была еще другая ближайшая цѣль и мысль, имѣвшая, быть можетъ, еще большее вліяніе. Францискъ I отличался безграничною жаждою знаній: чѣмъ больше онъ узнавалъ — а онъ о многихъ вещахъ говорилъ съ пониманіемъ и умомъ — тѣмъ больше онъ желалъ учиться и, въ особенности, читать классиковъ; но такъ какъ онъ не былъ настоящимъ ученымъ, то приказывалъ дѣлать переводы съ древнихъ языковъ

для своего собственнаго употребленія. Но этимъ самымъ онъ оказалъ большую услугу и всей своей націи, потому что весьма многіе находились въ такомъ же умственномъ положеніи, какъ и онъ; они слѣдовали его примѣру; короля совершенно справедливо хвалили за то, что этимъ, главнымъ образомъ, онъ извлекъ свой народъ изъ стараго невѣжества. На итальянскій умъ классическіе образцы подѣйствовали такимъ образомъ, что возбудили подражаніе ихъ формамъ; нѣмецкій же умъ путемъ изученія классическихъ языковъ пришелъ къ письменнымъ источникамъ вѣры и къ пониманію ихъ въ духовномъ смыслѣ, а французскій умъ сталъ въ непосредственное соприкосновеніе съ разнообразнымъ содержаніемъ древнихъ авторовъ, преимущественно же съ историческимъ. На форму французской литературы древніе не имѣли въ то время особеннаго вліянія: тонъ ея главнымъ образомъ опредѣлялся настроеніемъ общества, собиравшагося во дворцѣ около короля. Его собственныя письма и стихотворенія показываютъ, что онъ понималъ и живо чувствовалъ то удовольствіе и то благотворное вліяніе на умъ, которое производитъ хорошее общество; однажды онъ назвалъ это удовольствіе величайшимъ счастьемъ на землѣ. Одинъ памятникъ этого общества сохранился до нашего времени, и изъ него видно, о чемъ оно говорило и какъ оно выражалось; это — разсказы королевы наваррской, которая иногда жила уединенно, но большею частью слѣдовала за дворомъ своего брата и всегда играла въ немъ роль. Ея разсказы составляютъ древнѣйшее произведеніе французской прозы, которое нація читаетъ и въ настоящее время; въ своей главной основѣ они, какъ извѣстно, не вполнѣ оригинальны, но, по своему развитію и по манерѣ, они задуманы и написаны въ чисто-французскомъ духѣ.

Художникамъ Францискъ I покровительствовалъ столько же, сколько ученымъ, и даже еще больше. Иногда эти люди были съ общимъ образованіемъ, напр. Леонардо-де-Винчи; про него король говорилъ, что не видалъ еще человѣка, который бы понималъ и зналъ больше его. Король звалъ его съ собою изъ Италіи не только за его художественныя заслуги, но и за его прекрасныя личныя качества; Леонардо былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для универсальной жажды къ знанію у короля, который съумѣлъ вполнѣ оцѣнить его. Онъ привлекъ къ себѣ еще нѣсколько другихъ итальянскихъ художниковъ, открылъ для нихъ мастерскія, посѣщалъ ихъ здѣсь и оказывалъ имъ личное благоволеніе. Иногда претензіи ихъ казались ему несносными, и тогда онъ старался образумить ихъ добрыми словами. Онъ давалъ имъ понять, что вѣдь онъ собственно даетъ имъ случай развивать ихъ таланты; но въ то же время онъ считалъ себя счастливымъ, что не только одна древность произвела великія и прекрасныя художественныя творенія, но и современникамъ его, при ея вліяніи и покровительствѣ, удалось произвести подобныя же творенія. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ преувеличенно цѣнилъ произведенія своихъ художниковъ; его время и его дворъ не представляли элементовъ и условій, изъ которыхъ могло бы возникнуть что-нибудь чисто-классическое. Картины, изображающія исторію Александра Великаго, написанныя, по его приказанію, въ Фонтенбло, имѣютъ совершенно новый характеръ. Однако нѣкоторыя произведенія, особенно по части архитектуры, были вполнѣ удачны: стóитъ вспомнить только о Луврѣ, который возбуждаетъ удивленіе величіемъ и простотою своихъ

формъ. Но наконецъ, независимо отъ удачи, одно стремленіе само по себѣ уже имѣетъ свое значеніе. Какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ Францискъ I благопріятствовалъ умственному движенію, которое выходило далеко за предѣлы его времени.

Никто не имѣлъ такого большаго вліянія на переходъ отъ средневѣковыхъ формъ французскаго вкуса къ новымъ, какъ этотъ государь.

Прелесть этой эпохи состоитъ въ томъ, что во время ея оба эти элемента непосредственно соприкасались между собою. Старое, средневѣковое вездѣ отступало: схоластика университетовъ отступала передъ изученіемъ свободныхъ наукъ, готическія башни стараго королевскаго замка—передъ архитектурными произведеніями умовъ, возбужденныхъ созерцаніемъ древняго искусства; кавалерійская война—передъ пѣхотой и пушками; рыцарское слово и личное обязательство, которое нѣкогда стояло выше всего,—передъ общимъ интересомъ, который признаетъ страна; понятіе объ одной общехристіанской королевской власти—передъ идеей равновѣсія между державами, которому должны содѣйствовать даже невѣрующіе; строгая дисциплина прадѣдовской жизни въ замкахъ—передъ шумною жизнью придворнаго общества и ея нестѣсняемыми удовольствіями.

И въ этомъ отношеніи самъ король Францискъ I былъ значительнымъ выразителемъ и представителемъ этой эпохи.

Возвращаясь къ его правительственнымъ дѣйствіямъ, мы не можемъ допустить, чтобы такой умный человѣкъ думалъ, что люди стали бы слѣпо повиноваться ему, что доказывалъ и онъ самъ во время мимолетныхъ проявленій сознанія собственнаго достоинства. Мы знаемъ даже, что онъ не гнушался прибѣгать къ мелкимъ средствамъ и способамъ управленія. Какъ разсказываетъ его невѣстка, Екатерина Медичи, онъ старался разузнавать о людяхъ, которые въ различныхъ провинціяхъ пользовались особымъ уваженіемъ, какъ изъ среды дворянства и духовенства, такъ изъ среды горожанъ и народа, и, чтобы расположить ихъ къ себѣ, давалъ имъ мѣста въ арміи, въ судѣ или финансовомъ управленіи, или другимъ образомъ покровительствовалъ имъ. Ихъ вліяніе сдерживало всякія враждебныя ему движенія.

Бо́льшую часть дворянъ въ государствѣ онъ зналъ лично. Онъ самъ причислялъ себя къ дворянамъ, всякія увѣренія давалъ обыкновенно дворянскимъ словомъ и обращался съ ними, какъ съ своими друзьями. Въ случаѣ внезапной смерти, особенно когда молодой человѣкъ погибалъ на сраженіи, онъ непремѣнно посѣщалъ отца его, чтобы показать свое участіе къ нему.

Когда Рошелль, возставшая противъ распространенія налога на соль, была усмирена, онъ сказалъ горожанамъ, что онъ имѣлъ бы право наказать ихъ, казнить и разорить; но онъ не желаетъ ничего другаго, кромѣ того, чтобы пріобрѣсти себѣ сердца своихъ подданныхъ: ихъ наказаніе должно состоять въ воспоминаніи объ ихъ беззаконномъ поступкѣ, который былъ тѣмъ хуже, что король во время ихъ возстанія занятъ былъ защитою государства; «звоните же во всѣ колокола, воскликнулъ онъ, такъ какъ вы прощены». Онъ возвратилъ имъ ключи отъ ихъ воротъ и пушки, бывшія на ихъ стѣнахъ. На праздникъ, который они устроили для него, онъ, къ удивленію своей свиты, принялъ отъ нихъ угощеніе, что въ то время было еще не въ обычаѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ

при этомъ имѣлъ въ виду своего противника, который въ это самое время совершалъ въ Гентѣ жестокія казни; онъ же, напротивъ, ставилъ свое честолюбіе въ томъ, что при немъ во время междоусобныхъ смутъ вовсе не было пролито крови. Онъ любилъ оказывать милости и видѣть, что каждый уходитъ отъ него съ довольнымъ видомъ.

Въ первые годы царствованія долгое время держались тѣ отношенія, среди которыхъ онъ выросъ: его мать имѣла большое вліяніе на его рѣшенія. Онъ оказывалъ ей почтеніе, которое возбуждало удивленіе въ иностранцахъ: онъ говорилъ съ нею не иначе, какъ снявши шапочку, почти на колѣняхъ. Онъ посѣщалъ ее всякій день послѣ обѣда или вечеромъ; извѣстно, что онъ передавалъ ей все, что ему сообщали посланники иностранныхъ державъ.

Впослѣдствіи вошло въ обычай, что всѣ важнѣйшія дѣла обсуждались въ спальнѣ короля тотчасъ послѣ того, какъ онъ вставалъ, и прежде, чѣмъ какое нибудь другое ежедневное занятіе могло развлечь его умъ. Это такъ называемый совѣтъ о дѣлахъ (conseil des affaires), который въ этомъ видѣ сохранялся и при его преемникахъ. Только самыя знатныя и довѣренныя лица могли принимать въ немъ участіе. При Францискѣ I сестра его, королева наваррская, пріобрѣла преобладающее вліяніе на дѣла, какое иногда имѣли въ большихъ государствахъ спокойныя, здраво смотрѣвшія на вещи и отъ природы проницательныя женщины. Но, однако, никакъ нельзя было сказать, что король руководствуется чужою волею. Какъ въ первые годы посланники замѣчали, что необсуженные напередъ отвѣты короля были дѣльны, и удивлялись его понятливости въ дѣлахъ, такъ и въ послѣдніе годы они увѣряли, что великія и важныя рѣшенія всегда исходили отъ него самого.

Но они замѣтили также, что ему недостаетъ умственнаго трудолюбія, какъ они выражались. Онъ довольствовался тѣмъ, что давалъ планъ и направленіе и недостаточно занимался осуществленіемъ его въ подробностяхъ.

Долгое время министры дѣйствовали почти совершенно свободно; канцлеры Дюпра и Пойе, адмиралъ Шабо, коннетабль Монморанси иногда казались всесильными, какъ будто бы надъ ними никого не было. Однако эта именно свобода и этотъ произволъ, съ которыми они дѣйствовали, были для нихъ опасны: то одинъ изъ нихъ падалъ, то другой, и никто не могъ указать причины ихъ паденія. Смѣна высшихъ чиновниковъ, ихъ возвышеніе, паденіе и вторичное паденіе—нѣсколько похожи были на внезапныя перемѣны при восточныхъ дворахъ. Причина этого была та, что король сначала долго слѣдилъ за незаконными дѣйствіями и затѣмъ вдругъ рѣшался прекратить ихъ; постороннія внушенія, которымъ онъ долго сопротивлялся, вдругъ начинали дѣйствовать на него; да, кромѣ того, онъ вообще ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы кто нибудь не пріобрѣлъ такой власти, которая могла бы быть неудобна для него. Отдѣльными личностями онъ немного дорожилъ: онъ легко привязывался къ людямъ, но такъ же скоро и забывалъ ихъ. Несмотря на бурныя похожденія, на безпечность и любовныя интриги, которымъ онъ предавался, въ немъ всегда былъ видѣнъ умъ, который не можетъ дойти до самозабвенія.

Въ разговорахъ съ посланниками онъ былъ естественъ и дѣлалъ это съ намѣреніемъ: онъ не хотѣлъ заслужить для себя репутацію своего соперника, который считался скрытнымъ; но, при всѣхъ изліяніяхъ, онъ,

однако, умѣлъ сохранить тайну. Посланники часто жаловались, что ихъ держатъ въ отдаленіи и они не могутъ узнать ничего важнаго.

Онъ былъ и хотѣлъ быть щедрымъ; многіе находили его даже расточительнымъ; при всѣхъ своихъ издержкахъ, онъ умѣлъ сберегать излишки доходовъ надъ расходами и оставлялъ въ своемъ казначействѣ сумму, предназначенную на непредвидѣнные случаи.

Мадамъ Д'Эстампъ, его метресса, повидимому, имѣла большую власть надъ нимъ; нѣкоторыя возвышенія и паденія сановниковъ приписываются ей и, вѣроятно, не безъ основанія. Она явилась защитницей интересовъ и правъ младшаго сына, котораго король очень любилъ и который очень былъ похожъ на него. Но ни эта защита, ни собственная любовь не могли заставить короля дать принцу состояніе и положеніе, которое могло бы быть вреднымъ для преемника престола и для власти короны.

Семейныя событія, въ связи съ общественными, иногда причиняли ему большое горе. Какое страшное время пережилъ король, когда Карлъ V съ своими войсками стоялъ въ Провансѣ, а старшій сынъ короля, подававшій блестящія надежды, былъ внезапно похищенъ смертью. «Боже мой,—воскликнулъ король, подходя къ окну и поднимая руки,—Ты уже поразилъ меня тѣмъ, что умалилъ мою славу, а теперь еще отнимаешь у меня моего сына; остается только одно, чтобы Ты погубилъ меня до конца».

Второй сынъ Франциска I, Генрихъ, теперь сдѣлавшійся дофиномъ, женился на Екатеринѣ Медичи флорентійской; но у нея долго не было дѣтей и, такъ какъ бракъ этотъ не всѣ находили равнымъ, то была рѣчь о томъ, чтобы отправить ее назадъ во Флоренцію. Но эта ловкая и рѣшительная женщина сама отправилась къ королю и предложила сама удалиться на родину; горячія слезы задушили ея голосъ. «Дитя мое,—отвѣчалъ Францискъ,—такъ какъ Богу угодно было, чтобы ты сдѣлалась моею невѣсткой, то ты и должна остаться такъ». Такой поступокъ дѣлаетъ ему большую честь. Такъ какъ его мучило опасеніе, что ни одинъ изъ его сыновей не будетъ имѣть потомства и его родъ прекратится во второмъ поколѣніи, то тѣмъ сильнѣе была его радость, когда Екатерина, спустя нѣсколько времени, родила сына. «Это самый желанный, воскликнула сестра Франциска I, и самый необходимый день изъ всѣхъ, которые видали глаза наши; это случилось по Божію велѣнію». Самъ король видѣлъ въ этомъ событіи укрѣпленіе своего государства. Вскорѣ послѣ этого онъ имѣлъ удовольствіе видѣть неудачу новаго большаго предпріятія своего противника, императора, и добиться признанія мирнымъ договоромъ въ Креспи притязаній французскаго дома на нѣкоторыя итальянскія области.

Никакъ нельзя было бы ожидать, чтобы Францискъ I приписывалъ все божественному провидѣнію и своимъ молитвамъ, однако это было такъ. «Я рабъ твой, говорится въ одномъ изъ его стихотвореній, я воззвалъ къ тебѣ; ты услышалъ меня за мою надежду и не забылъ меня. Ты даровалъ мнѣ побѣду, дѣтей, защиту и власть».

Францискъ I любилъ удовольствія. Блистая врожденнымъ достоинствомъ, боготворимый народомъ, онъ желалъ проводить жизнь въ великолѣпіи и радостяхъ, въ непрерывномъ, быстромъ и полномъ движеніи всѣхъ жизненныхъ силъ; но въ то же время ему предстояло великое дѣло, и онъ посвятилъ себя этому дѣлу. Его жизнь была какъ-бы безпрерыв-

ною битвою, политическою и военною борьбою. Высшая мечта, занимавшая его въ юности, не осуществилась: онъ не сдѣлался императоромъ; но въ борьбѣ съ своимъ благоразумнымъ, спокойнымъ и неутомимымъ соперникомъ, охватывавшимъ весь міръ своими честолюбивыми и великими мыслями, онъ пріобрѣлъ независимый почетъ и утвердилъ власть своей короны. Въ томъ, что онъ стремился къ этому и достигъ этого, заключается тайна того повиновенія, какое ему оказывалось. Онъ жилъ, думалъ и чувствовалъ совершенно такъ, какъ его народъ; всѣ превратности его счастья, его опасности и потери такъ же, какъ его успѣхи, были у него общими съ его націей.

Францискъ I умеръ 31 марта 1547 года. Ему наслѣдовалъ Генрихъ II.

XL. ЦЕРКОВНОЕ СОСТОЯНІЕ ФРАНЦІИ ВЪ НАЧАЛѢ XVI ВѢКА И ВОЗНИКНОВЕНІЕ РЕФОРМАЦІОННЫХЪ ИДЕЙ.

(Изъ соч. Лучицкаго: «Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи», ч. I).

Движеніе идей, вызванное «возрожденіемъ», недовольство Римомъ и его политикою, рѣзкая противоположность между нравственными идеалами лучшихъ людей и тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилось духовенство,—таковы лишь немногія изъ тѣхъ причинъ, которыя создали реформацію и проложили ей путь какъ въ Германіи и Франціи, такъ и въ другихъ странахъ.

Состояніе французскаго духовенства въ XVI вѣкѣ представляло богатую почву для дѣятельности реформаторовъ, для распространенія реформаціонныхъ идей. Матеріальное положеніе духовенства, какъ и развращеніе, глубоко проникшее въ среду его членовъ, были сильнѣйшими стимулами для возбужденія неудовольствія въ средѣ народа.

Французское духовенство было однимъ изъ богатѣйшихъ сословій въ государствѣ. Въ его рукахъ сосредоточивалась громадная масса поземельныхъ владѣній, а уплата ему народомъ десятины и платежи разнаго рода доводили ежегодный доходъ духовенства до $^2/_5$ всего дохода, получаемаго государствомъ съ народа. Его члены, начиная отъ главнѣйшихъ его представителей и кончая сельскими священниками, были проникнуты духомъ любостяжанія и все свое вниманіе обращали на пріобрѣтеніе новыхъ источниковъ дохода. Въ произносимыхъ ими проповѣдяхъ то и дѣло слышались воззванія объ уплатѣ десятины, и рѣдкій изъ нихъ затрогивалъ вопросы, выходящіе изъ круга матеріальныхъ интересовъ. То были тенденціи, издавна вкоренившіяся въ среду французскаго духовенства, успѣвшаго различными путями добиться до высокаго матеріальнаго положенія. А эти тенденціи стояли всегда въ разрѣзъ съ тенденціями мірскихъ людей, знати и городовъ, которые видѣли въ увеличивавшемся богатствѣ духовныхъ лицъ прямой ущербъ собственнымъ интересамъ. Въ XVI вѣкѣ богатство духовенства увеличилось, а разореніе страны, обѣдненіе народа шли въ возрастающей прогрессіи. Чѣмъ больше увеличивалась бѣдность, чѣмъ яснѣе обнаруживалось истощеніе страны, тѣмъ больше увеличивался долгъ, тѣмъ рѣзче выступала наружу про-

тивоположность между богатствомъ духовенства и бѣдностью народа. Старая вражда горожанъ и знати противъ духовенства, при такихъ обстоятельствахъ, возникла съ новою силою и заставляла болѣе смѣлыхъ сдѣлать рѣшительный шагъ—принять новыя доктрины, проповѣдывавшія секуляризацію церковныхъ имуществъ.

Но то была не единственная причина, привлекавшая народъ къ ереси. Духовенство было богато и отличалось крайнимъ эгоизмомъ; но это были не исключительныя только стороны, отталкивавшія отъ него народъ. Во всѣхъ своихъ членахъ оно было испорчено и глубоко пало въ нравственномъ отношеніи. Невѣжество и самый наглый, открытый развратъ, казалось, сжились съ духовными лицами, главною заботою и цѣлью жизни которыхъ сдѣлалось пріятное препровожденіе времени. Только одна одежда отличала еще большинство духовныхъ лицъ отъ мірянъ. Во главѣ церкви, какъ и на низшихъ мѣстахъ церковной іерархіи, сидѣли лица, нимало не приготовленныя къ своему званію, да и мало заботившіяся о немъ. Пока за духовенствомъ сохранялось право выбора, въ аббаты монастырей и въ другія видныя должности избирались лишь тѣ, кто умѣлъ придать жизни веселый колоритъ. «Они выбирали, говоритъ Брантомъ, чаще всего того, кто обладалъ качествами хорошаго собесѣдника, кто любилъ охоту, кто крѣпко запивалъ и т. д.». Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы «онъ позволялъ и братіи вести развратную и веселую жизнь». Епископы были не лучше. Когда они достигали этого сана, «они вели Богъ знаетъ какую жизнь». Конкордатъ, заключенный между Францискомъ I и Львомъ X,—конкордатъ, въ силу котораго раздача бенефицій и должностей перешла въ руки короля,—нимало не измѣнилъ положенія дѣлъ. Поведеніе духовенства стало не лучше, да едва ли не хуже. Само духовенство, въ лицѣ своихъ представителей на штатахъ въ Орлеанѣ, сознавалось въ этомъ, требовало возстановленія церковнаго строя, отъ котораго духовныя лица такъ скандалезно и недостойно уклонялись. «Большинство епископовъ,—такъ говорилъ одинъ изъ среды епископовъ, Жанъ де-Монлюкъ, — большинство епископовъ отличается крайнею лѣностью и нимало не страшится отдать отчетъ о стадѣ, которое имъ ввѣрено: ихъ главная забота—накопленіе доходовъ, употребленіе ихъ на безумные и скандалезные предметы. Въ то же время епископства даютъ дѣтямъ или лицамъ невѣжественнымъ, не обладающимъ ни знаніемъ своего дѣла, ни охотою исполнять его. Сельскіе священники—люди корыстолюбивые, невѣжественные, заботящіеся обо всемъ, исключая своей обязанности, и, по большей части, добившіеся бенефицій незаконнымъ путемъ. Кардиналы и епископы безъ малѣйшаго затрудненія раздаютъ бенефиціи своимъ дворецкимъ, даже болѣе—своимъ поварамъ, брадобрѣямъ и лакеямъ. Всѣ эти сановники церкви своею жадностью, невѣжествомъ, распутною жизнью сдѣлались предметомъ ненависти и презрѣнія со стороны народа». Міряне въ своихъ обвиненіяхъ шли еще дальше и раскрывали безъ утайки жалкое положеніе духовенства. «Невѣжество, жадность и любовь въ роскоши — вотъ три порока, которые одолѣваютъ духовенство», такъ говорили представители народа на штатахъ въ Орлеанѣ. «Церкви оставлены впустѣ и отданы фермерамъ; средства, назначенныя для благотворительныхъ цѣлей, расходуются на мірскія нужды. Громадное число священниковъ получаютъ мѣста за деньги. Бенефиціи покупаются и продаются, церковные суды издаютъ

рѣшенія за деньги, и преступленія остаются безъ всякаго наказанія. Лишь немногіе изъ духовныхъ живутъ въ своихъ резиденціяхъ и занимаются добросовѣстно своимъ дѣломъ. Остальные отличаются невѣжествомъ и полнѣйшею неспособностью. Ихъ жадность такъ велика, что они берутъ деньги за совершеніе таинствъ, за звонъ колоколовъ, за всякую духовную требу. Монахи ведутъ бродячую жизнь, забыли дисциплину. Аббаты и аббатиссы держатъ столъ отдѣльно отъ братіи». «Своею одеждою они болѣе походятъ на комедіантовъ, чѣмъ на тѣхъ важныхъ и простыхъ лицъ, которыми они должны быть по своему званію». У любаго епископа вы найдете прекрасно вышитые и раздушенные платки, драгоцѣнныя украшенія и кресты, осыпанные драгоцѣнными камнями. А откуда берется все это, отчего лица церкви отличаются такими пороками, какихъ не найти у другихъ сословій? «Симонія не только терпится, она господствуетъ. Духовенство, не краснѣя, вчиняетъ процессы изъ-за сохраненія беззаконно-пріобрѣтенныхъ бенефицій. А этими бенефиціями владѣютъ и женщины, и люди женатые, любящіе роскошь и наряды». Понятно, что эти люди не заботились о нравственномъ достоинствѣ; что за каждымъ почти изъ сановниковъ церкви водилось не мало грѣшковъ, извѣстныхъ всѣмъ; что они не стыдились, несмотря на церковныя правила, вступать въ бракъ, даже вѣнчаться въ церкви, не лишаясь при этомъ ни своего званія, ни бенефицій. Понятно, что дѣло «ученія» находилось въ полнѣйшемъ пренебреженіи, а если кто либо и занимался имъ, то гораздо скорѣе изъ-за тщеславія, изъ желанія показать себя, а нисколько не изъ стремленія принести паствѣ дѣйствительную пользу. Да и какъ могли поучать, какъ могли проповѣдывать люди, которые часто «не были въ состояніи объяснить того, что происходитъ во время богослуженія, не умѣли ни читать, ни писать», которые «большую часть дня проводили въ тавернахъ, были постоянно пьяны»? Какое нравственное вліяніе могли имѣть они на народъ, когда часто какой нибудь крестьянинъ, недовольный поведеніемъ своего сына, его лѣностью и распутствомъ, отдавалъ его въ священники, когда во всѣхъ дракахъ, играхъ, танцахъ, ночныхъ похожденіяхъ они играли всегда первую роль?

При такомъ состояніи духовенства, недовольство народа и стремленіе его къ реформѣ становилось дѣломъ вполнѣ естественнымъ. Не только міряне, но и лучшіе изъ среды духовенства, монахи разныхъ орденовъ, сельскіе священники, какъ и нѣкоторые епископы, готовы были пристать къ тому ученію, которое ратовало за чистоту нравовъ; а ее-то они и не находили въ общественной средѣ. Народъ самъ заявлялъ, что главная причина религіозныхъ смутъ заключается въ поведеніи духовенства, и въ средѣ массы неуваженіе къ духовенству стало господствующимъ фактомъ. Въ народныхъ пѣсняхъ, какъ и въ литературныхъ произведеніяхъ того времени, духовенство, его нравы, его поведеніе являются предметомъ насмѣшки, любимою темою для разработки. Не только у Рабле, или въ стихотвореніяхъ Маргариты Валуа, но даже у какого нибудь придворнаго пѣвца лира настроивалась особенно живо и весело, когда дѣло шло о духовенствѣ. Изъ книгъ и народныхъ устъ духовенство попадало и на театральные подмостки, и его невѣжеству, систематическому обману, суевѣрію, не давали пощады.

Но то, что служило для многихъ предметомъ смѣха, представлялось другимъ величайшимъ преступленіемъ и порокомъ и возбуждало въ нихъ

отвращеніе и ненависть и къ духовнымъ лицамъ, и къ проповѣдываемому ими культу. Уже съ конца XV и въ началѣ XVI вѣка раздавались во Франціи голоса, требовавшіе реформы церкви и въ ея главѣ, какъ и въ ея членахъ, и проповѣдывавшіе новыя воззрѣнія на вопросы религіи. Во многихъ провинціяхъ еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія стали появляться личности, проповѣдывавшія открыто самыя страшныя еретическія мнѣнія. Такъ, въ 1511 году въ церковный капитулъ въ Руанѣ была представлена личность, произносившая въ собраніи смѣлыя рѣчи по поводу святости алтаря. Въ другой разъ въ округѣ Нешатель былъ схваченъ, по указанію сельскаго священника, человѣкъ, который вынулъ изо рта во время причастія гостію и унесъ ее въ рукѣ. Онъ, по свидѣтельству призванныхъ лицъ, былъ вынужденъ къ тому молодой дѣвушкой, желавшей изслѣдовать истинность евхаристіи. Такіе случаи повторялись чаще и чаще. Святотатства, не имѣвшія въ виду поживы, совершались въ церквахъ, и священникъ города С. Ло подалъ даже по этому поводу докладную записку въ капитулъ.

То были движенія, вышедшія изъ среды «темной массы». Но годъ спустя, въ 1512 году, въ средѣ ученыхъ, выработавшихся подъ вліяніемъ идей возрожденія, проявились симптомы критическаго отношенія къ ученію церкви. Профессоръ парижскаго университета, Лефевръ д'Этапль, положилъ начало этому движенію. Еще въ 1512 году онъ сознавалъ близость переворота, ясно видѣлъ всю негодность католическаго строя. «Сынъ мой!—говорилъ онъ Гильому Фарелю, своему ученику,—Господь обновитъ вскорѣ міръ, и ты будешь свидѣтелемъ этого обновленія». Такое обновленіе было, по его мнѣнію, дѣломъ неизбѣжнымъ. Онъ предсказалъ возможность реформы, а между тѣмъ своимъ сочиненіемъ о письмахъ ап. Павла, вышедшимъ въ декабрѣ 1512 года, онъ полагалъ ей начало, подготовлялъ «возрожденіе и обновленіе церкви». Задолго до Лютера онъ провозгласилъ важнѣйшій принципъ реформаціи, что однихъ дѣлъ недостаточно для спасенія, а необходима благодать; что священное писаніе—источникъ и руководство истиннаго христіанства. Его вліяніе на слушателей, безграничная любовь и уваженіе, которыми онъ пользовался какъ въ ихъ средѣ, такъ и въ кружкѣ ученыхъ, группировавшихся въ Парижѣ, рядомъ съ всеобщею потребностью реформы и неудовольствіемъ противъ духовенства, повели къ сформированію цѣлаго движенія въ пользу доктринъ, проповѣдуемыхъ Лефевромъ. Вокругъ него образовался цѣлый кружокъ изъ лицъ, заинтересованныхъ въ успѣхѣ просвѣщенія и враждебно относившихся къ монашеству, изъ среды котораго выходили наиболѣе рьяные противники знанія.

То значеніе, какимъ пользовался въ то время этотъ кружокъ, открывало ему обширное поле для вліянія. Францискъ I считалъ себя покровителемъ наукъ и искусствъ, тратилъ большія суммы на поддержку ученыхъ, давалъ имъ лучшія мѣста. Значительная часть прелатствъ и выгодныхъ и вліятельныхъ мѣстъ въ церкви принадлежала людямъ ученымъ, которые своими проповѣдями (что было тогда рѣдкимъ явленіемъ) привлекали народъ.

Въ епископѣ города Мо, Брисонне, кружокъ реформаторовъ нашелъ ревностнаго защитника и покровителя. Лефевръ и его ученики, Фарель, Жераръ, Руссель и Арандъ, были вызваны имъ въ Мо, и этотъ городъ сталъ играть роль Виттенберга. Реформаторскія идеи, проповѣдуемыя

всѣми этими личностями, стали проникать въ массу народа и въ рабочемъ сословіи нашли полный сочувствія откликъ. Чесальщикъ льна, Жанъ Леклеркъ, пытался даже произвесть рѣшительный переворотъ въ устройствѣ церкви. Реформа не ограничилась однимъ городомъ Мо; въ Парижѣ, Орлеанѣ, Буржѣ и Тулузѣ стали проявляться симптомы новаго движенія. Проповѣдь Лютера, его сочиненія проникли во Францію, жадно прочитывались и несмотря на постоянныя запрещенія, на наказанія, которымъ подвергались разнощики его сочиненій, расходились въ большомъ числѣ между учеными, какъ и въ средѣ простаго народа.

Движеніе становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опаснымъ для католической церкви. Епископъ Мо, Брисонне, былъ духовникомъ сестры короля, Маргариты Валуа, и она увлеклась проповѣдями и новымъ ученіемъ и стала ревностною прозелиткою реформаціонныхъ идей. Ея вліяніе на Франциска I, любовь, которую онъ питалъ къ ней, еще болѣе ухудшали въ глазахъ католиковъ положеніе дѣлъ. Даже королева-мать, Луиза Савойская, выражала свое удовольствіе по поводу того, что «Богъ сподобилъ и ее, и ея сына познать всѣхъ этихъ лицемѣровъ, бѣлыхъ, сѣрыхъ, черныхъ и всѣхъ цвѣтовъ», т. е. монаховъ.

Сорбонна и католическая церковь встрепенулись, почуявъ грозившую имъ опасность. Нѣсколько человѣкъ изъ числа проповѣдниковъ, болѣе смѣлыхъ, были подвергнуты наказанію, сочиненія Лютера запрещены. Но власть далеко не сочувственно относилась къ принимаемымъ ими мѣрамъ для огражденія церкви и вырывала иногда жертвы изъ рукъ инквизиторовъ. Представителямъ католицизма приходилось избирать для достиженія своей цѣли путь мирный, путь преній и слова, т. е. путь, по которому меньше всего были способны пойти важнѣйшіе изъ членовъ церкви. Монахамъ и епископамъ было предписано проповѣдывать въ церквахъ, разъяснять народу священное писаніе. А это повело къ новымъ опасностямъ. Разъяснять писаніе могли лишь лица, получившія образованіе, а они были враждебно настроены противъ католическаго духовенства. И дѣйствительно, повсюду почти проповѣдники стали возбуждать народъ противъ священниковъ католической церкви, указывать на порочную жизнь и монашества, и всѣхъ членовъ церкви. Въ 1525 г., въ воскресенье, въ недѣлю блуднаго сына, въ церкви Нотръ-Дамъ, въ Руанѣ, съ высоты каѳедры проповѣдникъ бросилъ обвиненіе въ мірскихъ стремленіяхъ, въ неисполненіи обязанностей прямо въ лицо всему присутствовавшему на проповѣди капитулу. Въ другой разъ проповѣдникъ публично, при народѣ, не затруднился укорять канониковъ каѳедральнаго собора въ томъ, что каждый изъ нихъ живетъ съ наложницею. Въ средѣ монаховъ и священниковъ реформа нашла горячихъ защитниковъ и, благодаря ихъ дѣятельности, стала распространяться все сильнѣе и сильнѣе.

Вліяніе, какимъ пользовалась Маргарита Валуа при дворѣ, тѣ случаи, когда гоненіе противъ реформаторовъ стихало по ея просьбамъ и настояніямъ, колебанія самого короля, освобождавшаго часто еретиковъ отъ наказанія, наложеннаго церковью,—все это открывало предъ глазами реформаторамъ блестящую перспективу, служило для нихъ доказательствомъ, что дѣло ихъ будетъ выиграно, что Франція навсегда разсчитается съ католицизмомъ.

То были вполнѣ законныя желанія. Но было ли въ интересахъ коро-

левской власти измѣнять религію въ государствѣ, устранять католицизмъ и устанавливать протестантскую религію, принятую германскими князьями подъ свое покровительство? Королевской власти была всего менѣе выгодна подобная реформа; она нисколько не нуждалась въ ней, и реформаторы обманулись въ своихъ разсчетахъ. Прагматическая санкція, а потомъ конкордатъ 1520 года достаточно ограждали власть короля отъ вліянія папской куріи и предоставляли королю обширное поле для распоряженій въ духовной сферѣ. «Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ извѣстный историкъ французской реформаціи,—что могли выиграть короли, принимая реформу? Независимость отъ римскаго двора? Они пріобрѣли ее еще со временъ Филиппа Красиваго. Повиновеніе духовенства? Они обратили его въ галликанское, при помощи прагматической санкціи, которою они были изъяты изъ-подъ вліянія политическаго, какъ и въ монархическое, посредствомъ конкордата съ Львомъ X, подчинившаго его власти короля. Пріобрѣтеніе церковныхъ имуществъ? Они располагали ими назначеніемъ на бенефиціи, правомъ пользоваться доходами съ нихъ, даже ихъ продажею. Такимъ образомъ, реформація не затрогивала ихъ честолюбія», и короли послѣ недолгихъ колебаній направили свою дѣятельность прямо противъ распространенія реформаціонныхъ идей. Ихъ влекли къ этому пути преслѣдованій вліяніе духовенства и католической партіи, уже съ 1524 года пытавшейся подавить реформаціонное движеніе во Франціи, и тотъ страхъ, какой возбуждали въ нихъ идеи реформаціи, которыя, казалось имъ, грозятъ гибелью государству. «Они успѣли, говоритъ Минье, уничтожить феодальный духъ знати, ультрамонтанскія тенденціи духовенства, республиканскія конституціи городовъ, но не имѣли въ виду дать дозволеніе проникнуть въ свое государство идеямъ независимости и возбудить столкновенія, которыя могли помочь знати возстановить старый порядокъ, а городамъ—муниципальную демократію».

Дѣйствительно, Францискъ I опасался вліянія реформаціи на возбужденіе смутъ въ его государствѣ. «Эта секта», говорилъ онъ по поводу лютеранскаго вѣроученія: «эта секта и всѣ эти новыя секты стремятся гораздо больше къ разрушенію государствъ, чѣмъ къ назиданію душъ». События подтверждали его взглядъ. Въ восточной Франціи и въ Германіи началось возстаніе крестьянъ, проповѣдывавшихъ новыя религіозныя идеи, и въ то же время въ Парижѣ были разбросаны афиши «возмутительнаго содержанія», присланныя изъ Женевы и направленныя противъ мессы и ученія о преосуществленіи. Реформаторы простерли свою смѣлость до того, что одну изъ афишъ прибили въ комнатѣ Франциска I.

Католическая партія воспользовалась этимъ, представила дѣло реформаціи въ самомъ ужасномъ видѣ и побудила короля начать рядъ преслѣдованій противъ еретиковъ. Это происходило въ 1535 году. Въ томъ же году Кальвинъ посвятилъ королю свою книгу: «Institutio religionis christianae», будучи увѣренъ въ счастливомъ исходѣ дѣла. Онъ обманулся такъ же, какъ обманулся кружокъ Брисонне.

Для реформаціи былъ теперь закрытъ путь распространенія въ странѣ при содѣйствіи власти. Она должна была пойти по другой дорогѣ, отыскать поддержку гдѣ либо въ другой сферѣ, враждебной власти, или обречь себя на гибель. Она должна была изъ области учености перейти на почву народную, слиться съ народомъ. Реформа, дѣйствительно, обратилась въ дѣло народа и этимъ спасла само себя.

Еще въ 1525 году, когда католическая партія, воспользовавшись плѣномъ Франциска I, начала гоненія противъ еретиковъ, важнѣйшіе дѣятели изъ кружка, собраннаго въ Мо, должны были искать спасенія въ бѣгствѣ. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ Фарель, отправившійся въ Швейцарію и тамъ начавшій пропаганду уже въ новомъ духѣ. То былъ человѣкъ отважный и смѣлый, обладавшій тѣмъ краснорѣчіемъ, которое увлекаетъ массы, и тою геройскою неустрашимостью, которая спасаетъ человѣка въ опасностяхъ, но лишенный того педагогическаго такта, который былъ свойственъ Лютеру. «Его храбрость была скорѣе храбростью солдата, чѣмъ храбростью полководца, и онъ дѣйствительно обладалъ ею и оказался самымъ даровитымъ дѣятелемъ реформаціи, блестящимъ народнымъ агитаторомъ и способнымъ организаторомъ церкви, членовъ которой преслѣдовали и которую нужно было создать. Онъ положилъ главныя основанія для новой дѣятельности, избралъ Женеву ея центромъ, посылалъ оттуда возмутительные листки во Францію и подготовилъ вполнѣ почву для Кальвина, въ рукахъ котораго реформа получила окончательную отдѣлку и стала вполнѣ дѣломъ народа».

XLI. ПЕРВЫЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНЫХЪ НОВОВВЕДЕНІЙ.

(Изъ соч. Ранке: «Frankreich im Zeitalter der Reformation»).

Патріархомъ реформатовъ въ Франціи можно считать магистра Жака Лефевра, который въ то время, какъ король и рыцари вели войну въ Италіи, странствуя по этой же странѣ, старался усвоить себѣ основанія возрождавшейся учености. Изученіе классиковъ привело его такъ же, какъ и многихъ нѣмецкихъ ученыхъ, къ необходимости отказаться совершенно отъ рутиннаго способа ученія монаховъ, отъ схоластической методы; около него собрались многочисленные усердные ученики. Лефевръ былъ человѣкъ невзрачный, почти презрѣнный по виду; но обширность и солидность его знанія, нравственная степенность, кротость и мягкость, которыми дышало все его существо, сообщали ему высшее достоинство. Осматриваясь вокругъ себя, онъ видѣлъ, что весь свѣтъ вблизи и вдали покрытъ глубокою тьмою суевѣрія, и ему казалось, что обновленія можно ожидать только отъ непосредственнаго изученія источниковъ вѣры: онъ предсказывалъ своимъ приближеннымъ ученикамъ, что они доживутъ до этого обновленія. Онъ самъ приступилъ къ дѣлу почти съ робкою осторожностью: онъ продолжалъ молиться на колѣняхъ передъ образами и придумывалъ основанія для подкрѣпленія ученія о чистилищѣ; онъ имѣлъ отвагу только въ ученой области. Прежде всего онъ отважился на то, что въ критическомъ спорномъ вопросѣ о преданіи онъ отказался отъ мнѣнія латинской церкви и принялъ мнѣніе греческой; затѣмъ онъ заимствовалъ изъ твореній апостола Павла положенія объ оправданіи и вѣрѣ, которыя находились въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ господствовавшими представленіями объ объективномъ значеніи и достоинствѣ добрыхъ дѣлъ и которыя, вслѣдствіе появленія и дѣятельности Лютера, исходившаго изъ этого же пункта, неожиданно пріобрѣли универсальное значеніе. При безпрерывной научной работѣ, Лефевръ сохранялъ невозмутимую умственную живость. Въ самомъ преклонномъ возрастѣ, до котораго доживаютъ люди, онъ принялся за переводъ

библіи, который послужилъ основаніемъ для французскихъ библейскихъ переводовъ; ему уже было за 80 лѣтъ, когда онъ сдѣлалъ этотъ переводъ.

Къ литературнымъ уклоненіямъ и во Франціи присоединилось мистически-практическое направленіе, стремившееся примѣнять къ жизни теоретически признаваемую религію. Епископская власть, казалось, сама хотѣла взять на себя почипъ въ дѣлѣ исправленія церкви. Епископъ одной большой епархіи, Вильгельмъ Брисонне въ Мо, старый другъ Лефевра, раздѣлявшій его мнѣнія въ ученіи объ оправданіи и поэтому также возстававшій противъ спасительнаго значенія внѣшнихъ добрыхъ дѣлъ, рѣшился преобразовать въ этомъ смыслѣ свою епархію, несмотря на то, что, по натурѣ своей, онъ былъ болѣе расположенъ къ спокойной созерцательности. Для него было невыносимо, что его священники все говорили только о своихъ правахъ и не заботились о своихъ обязанностяхъ; что болтливые монахи, занимавшіе мѣста священниковъ, проповѣдывали только такія мнѣнія, которыя служили къ ихъ собственной выгодѣ и пользѣ. Онъ старался освободиться отъ тѣхъ и отъ другихъ и для этого вошелъ въ тѣсную связь съ Лефевромъ и его учениками, Фарелемъ, Русселемъ и Арандою, которыхъ проникшія во Францію религіозныя сочиненія Лютера еще болѣе возбуждали къ преобразованію жизни и ученія; онъ хотѣлъ быть епископомъ въ древнемъ смыслѣ слова и самъ проповѣдывалъ съ каѳедры.

Но именно во Франціи эти стремленія должны были встрѣтить самое упорное сопротивленіе. Въ Парижѣ пользовался особеннымъ авторитетомъ великій богословскій университетъ, который издавна считался охранителемъ латинскаго православія. Бѣдные магистры (учителя), для которыхъ когда-то Людовикъ IX основалъ коллегію Сорбонну, стали впослѣдствіи, основавши богословскій факультетъ, державою въ мірѣ. Въ XIII вѣкѣ, когда римская церковь причислила Ѳому Аквинатскаго къ лику святыхъ, они приняли себѣ за правило ни на шагъ не отступать отъ его системы и безусловно приняли его ученіе, которое освѣщаетъ церковь, какъ солнце луну. Съ безпрекословнымъ повиновеніемъ они держались старыхъ положеній; они считали дѣломъ неугоднымъ Богу даже чтеніе книгъ, не принадлежащихъ къ числу тѣхъ, которыя формально приказано читать въ школахъ; они издавна были противниками всякаго уклоненія отъ всего установленнаго обычаемъ. Они осудили Марсиліуса изъ Падуи, Виклефа и Гуса; Іеронимъ Пражскій бѣжалъ отъ нихъ. Въ XV и въ началѣ XVI вѣка они наблюдали, такъ сказать, за мнѣніями всей церкви и поражали всякое нововведеніе. Когда Рейхлинъ въ своемъ спорѣ съ доминиканцами въ Кельнѣ разсчитывалъ на нѣкоторое вниманіе къ себѣ со стороны парижскаго университета на томъ основаніи, что онъ учился въ немъ и дѣлалъ ему честь своими сочиненіями, то оказалось, что онъ ошибся: университетъ, какъ выражались тогда, оттолкнулъ отъ себя своего сына, чтобы не дать упасть своему брату, кельнскому университету. Какимъ же образомъ послѣ этого могло не возбудить въ немъ полнаго отвращенія и гнѣва такое рѣшительное нападеніе на господствующую систему, какое было сдѣлано Лютеромъ? Какъ-бы предвидя то, что случится, факультетъ, когда въ 1520 году ему были представлены лютеровскія полемическія сочиненія, избралъ изъ своей среды для разсмотрѣнія религіозныхъ вопросовъ коммисію въ родѣ той, какая избрана была нѣкогда во время констанцскаго собора, и, по докладу этой коммисіи, Лютеръ былъ осужденъ, такъ какъ онъ пренебрегалъ мнѣніями докторовъ и положеніями соборовъ, и названъ бунтовщикомъ, притязанія котораго слѣдуетъ обуздывать цѣпями и оковами, даже огнемъ и мечемъ. Эта коммисія, часто возобновляемая, существовала болѣе полустолѣтія и оказала почти такое же противодѣйствіе протестантизму, какъ само папство въ Римѣ.

Ея дѣятельность основывалась на томъ, что еретичество считалось гражданскимъ преступленіемъ, и для парламентовъ, которые вѣдали уголовныя дѣла, имѣли рѣшающее значеніе приговоры Сорбонны относительно еретиковъ и еретическихъ книгъ. На Лефевра, который уже возбудилъ подозрѣнія своими мнѣніями, сближавшимися съ ученіемъ греческой церкви, смотрѣли теперь еще, какъ на лютеранина; онъ отправился въ Мо, чтобы не быть обвиненнымъ въ еретичествѣ. Но могла ли быть здѣсь терпима дѣятельность его и его учениковъ? Жалобы монаховъ на епископа были приняты парламентомъ; Сорбонна осудила нѣкоторыя обнародованныя въ Мо статьи и требовала, чтобы авторы отреклись отъ нихъ. Этой соединенной силѣ парламента и Сорбонны не могъ долго сопротивляться упомянутый реформаторскій кружокъ, который поэтому совсѣмъ распался. Послѣ этого епископъ старался только о томъ, чтобы хоть до нѣкоторой степени возстановить свою репутацію, какъ православнаго католика, и снова погрузился въ свой мистическій мракъ.

Органы древняго православія дѣйствовали такъ, какъ будто имѣли независимую власть. Но спрашивается, ужели не было въ странѣ умнаго и энергическаго короля? Какое положеніе занималъ онъ въ этихъ спорахъ?

Францискъ I не любилъ ни парламента, ни Сорбонны, съ которыми онъ велъ споры изъ-за своего конкордата, и всего менѣе любилъ монаховъ. Уже давно его занимала мысль пригласить къ себѣ самаго знаменитаго противника пріемовъ ихъ мышленія и ученія, Эразма, и дать ему положеніе во главѣ ученаго института. Да и религіозный духъ времени дѣйствовалъ на короля; съ своею матерью и сестрою онъ читалъ священное писаніе и послѣ чтенія они говорили, что божественную истину нельзя называть ересью. При дворѣ отзывались съ похвалою о докторѣ Лютерѣ и его сочиненіяхъ: Сорбонна жаловалась, что преслѣдованіе приверженцевъ и истребленіе книгъ еретика встрѣчаютъ препятствіе со стороны двора. Мало по малу образовался вообще рѣзкій раздоръ между богословскимъ авторитетомъ и королевскою властью.

Хотѣли ограничить надзоръ за печатными сочиненіями, принадлежавшій Сорбоннѣ; но, въ согласіи съ парламентомъ, она тѣмъ упорнѣе отстаивала это свое право.

Когда Сорбонна намѣрена была осудить Лефевра, то король потребовалъ дѣло къ своему двору; но это, однако, не остановило Сорбонну помѣстить сочиненіе въ списокъ запрещенныхъ книгъ.

Королю вовсе не хотѣлось, чтобы упомянутый реформаторскій кружокъ въ Мо разсѣялся; его сестра находилась въ мистически-религіозной перепискѣ съ епископомъ; онъ самъ ничего не имѣлъ противъ, когда Руссель или Аранда проповѣдывали при дворѣ.

Но особеннымъ расположеніемъ его пользовался Луи де-Беркенъ, единственный въ то время человѣкъ, живѣйшимъ образомъ соединявшій въ себѣ эразмовскія идеи съ лютеровскими. Съ саркастичностью, свойственною Эразму, онъ нападалъ на безобразіе монастырей и безобразія съ точки зрѣнія религіи и нравственности, ничего при этомъ не скрывая; но въ то же время онъ понималъ и глубину Лютера, его положеніе, что всѣ христіане—священники, и имѣлъ почти мечтательное представленіе о благодати и вѣрѣ и объ истинномъ церковномъ общеніи. Король однажды, вскорѣ по возвращеніи изъ Испаніи, освободилъ его изъ духовной тюрьмы; но Беркенъ ставилъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы не отступать передъ подобными врагами; онъ чувствовалъ въ себѣ настолько мужества, что высказалъ синдику Сорбонны, Бедѣ, главѣ упомянутой коммисіи, еретическія мнѣнія. Трудно сказать, что сдѣлалъ бы Фран-

цискъ I, если бы онъ вышелъ побѣдителемъ изъ новой войны въ Италіи. Но, какъ замѣтилъ Эразмъ, предостерегая Беркена, пораженіе, понесенное королемъ, ослабило уваженіе къ нему даже внутри государства. Онъ не могъ въ другой разъ спасти снова осужденнаго Беркена, который и былъ сожженъ въ 1529 году на Гревской площади. Народъ, на котораго проповѣдники Сорбонны издавна имѣли очень большое вліяніе, не обнаружилъ къ несчастному даже такого сочувствія, съ какимъ онъ относился иногда къ самымъ ужаснымъ преступникамъ.

Съ этого времени Сорбонна намѣренно стала противодѣйствовать королю. Она старалась ограничить дѣятельность учрежденной имъ коллегіи для древнихъ языковъ; она жаловалась на не вполнѣ православныя проповѣди, произносимыя во время поста въ Луврѣ; ученики ея въ схоластической комедіи осмѣивали евангелическія тенденціи сестры короля, да и его самого обличали въ ереси довольно прозрачными намеками. Франдискъ I однажды удалилъ изъ города Беду и его извѣстнѣйшихъ товарищей; но черезъ нѣсколько времени они возвратились и принялись за свои старыя дѣла. Наконецъ представился случай, по поводу котораго даже король увлеченъ былъ къ принятію участія въ дѣлѣ преслѣдованія.

Если онъ и терпѣлъ нѣкоторыя уклоненія, то они имѣли весьма опредѣленныя границы; ими не нарушался ни принципъ іерархическихъ порядковъ, ни таинство евхаристіи. Король въ переговорахъ съ довѣренными лицами германскаго императора часто хвалился, что въ его государствѣ нѣтъ еретиковъ.

Но вотъ нѣкоторые новаторы, слишкомъ преувеличивая оказываемое имъ покровительство такъ же, какъ свое число и силу, сдѣлали открытое нападеніе на таинство причащенія, освященное преданіемъ; казалось даже, какъ будто въ Парижѣ тоже обнаружились анабаптистскія мечты, которыя въ то время, стремясь ко всеобщему перевороту, охватили всѣ германскія земли. Это привело въ сильное негодованіе не только духовенство и народъ, но и короля. Онъ лично отправился въ городъ, чтобы искупить грѣхъ оскорбленія св. даровъ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, на которомъ явилась вся пышность католическаго богослуженія. Преслѣдваніямъ снова данъ былъ полный ходъ; 18 человѣкъ, привлеченныхъ къ слѣдствію въ качествѣ виновныхъ и считавшихся зачинщиками, понесли наказаніе огненною смертью.

Однако это не помѣшало королю вести переговоры насчетъ религіознаго соглашенія съ нѣмецкими протестантами, съ которыми онъ старался поддерживать политическія сношенія. Его окружали нѣкоторые высшіе духовные сановники, люди съ умомъ и мягкостью, которые, подобно современной имъ школѣ въ Италіи, думали, что они могутъ прекратить злоупотребленія и возстановить миръ. Они разсчитывали на наиболѣе миролюбивыхъ представителей протестантской партіи: король имѣлъ въ виду устроить совѣщаніе богослововъ обѣихъ сторонъ для свободнаго обсужденія дѣла и уже приглашалъ къ себѣ Меланхтона. Но Сорбонна противилась какому бы то ни было сближенію. Она твердо держалась того принципа, что гнилые члены нужно отсѣкать отъ церкви и что всякое общеніе съ еретиками опасно. И чего же можно было ожидать отъ переговоровъ съ тѣми, которые отвергаютъ принципы? А эти принципы суть слѣдующіе: преданія церкви, декреты папъ и постановленія соборовъ. Пока эта школа сохранила во Франціи свой авторитетъ, до тѣхъ поръ нельзя было и думать о религіозныхъ преніяхъ въ родѣ происходившихъ въ Германіи, не говоря уже о какомъ нибудь соглашеніи.

Въ сферахъ, самыхъ близкихъ къ королю, обнаруживались къ протестантамъ симпатіи, но такого рода, что онѣ мало могли быть полезны для нихъ.

Онъ самъ не имѣлъ глубокой и настойчивой серьозности, которая нужна была для осуществленія церковнаго преобразованія. Онъ видѣлъ задачу своей жизни въ удержаніи французской территоріи, въ сохраненіи своего значительнаго политическаго положенія и въ борьбѣ съ императоромъ. Какимъ же образомъ можно было ожидать отъ него, чтобы онъ рѣшился возстать противъ папы, который вслѣдствіе этого могъ бы стать на сторону его противника? Соединяя всѣ силы своей страны для борьбы противъ императора, онъ не могъ благопріятствовать движенію, которое могло бы разъединить націю.

Въ 1543 году Сорбонна издала инструкцію для проповѣдниковъ, въ которой спорные догматы были изложены въ смыслѣ, совершенно противоположномъ протестантизму, и король счелъ нужнымъ утвердить ее, потому что онъ хотѣлъ избѣжать раздора въ ученіи, который могъ бы повести только къ возмущеніямъ.

Во времена Франциска I церковныя уклоненія во многихъ мѣстахъ пользовались терпимостью; но ничего не было сдѣлано для того, чтобы умѣрить на будущее время строгость церковныхъ законовъ. При немъ, ставившемъ свою честь въ томъ, чтобы не проливать крови своихъ подданныхъ, производились отвратительныя казни, которымъ подвергались цѣлыя общины невинныхъ вальденцевъ. Францискъ I долго не соглашался на нихъ, но наконецъ уступилъ, обманутый будто бы, какъ утверждаетъ его преемникъ, ложными донесеніями.

Странно, что то, чего не могъ предпринять могущественный король, было испробовано несравненно менѣе могущественною его сестрою, королевою Маргаритою Наваррскою, въ небольшихъ владѣніяхъ и было до извѣстной степени достигнуто.

Венеціанскій посланникъ находилъ ее самою умною головою, какую онъ встрѣчалъ во Франціи; онъ удивлялся высказываемымъ ею мнѣніямъ о государственныхъ дѣлахъ, равно какъ и о запутанныхъ вопросахъ религіи. Въ своемъ братѣ она видѣла какъ-бы идеалъ мужчины и всю жизнь относилась къ нему съ восторженнымъ удивленіемъ. Она часто помогала ему въ дѣлахъ своимъ зрѣло-спокойнымъ, невозмущаемымъ никакими страстями, свѣтлымъ женскимъ умомъ. Но на религіозные вопросы она обращала еще болѣе самостоятельное вниманіе. Она даже писала объ нихъ, и ея книга замѣчательна тѣмъ, что въ ней говорится не о чистилищѣ, не о молитвахъ святымъ, но только о заслугѣ Христа. Ея религіозная поэзія имѣла въ себѣ нѣчто мечтательное, но въ то же время въ ней выражалось истинное чувство отношенія преданной мірскимъ искушеніямъ души къ божественному существу, отъ котораго она заимствуетъ полноту и сознаніе общей съ нимъ жизни. Ея уклоненія также держались въ тѣсныхъ границахъ, и она боялась касаться таинства евхаристіи. Совершенно въ ея духѣ дѣйствовалъ и Руссель, котораго она сдѣлала епископомъ Орелена. Онъ проповѣдывалъ по два и по три раза въ день, основывалъ школы и самъ занимался преподаваніемъ въ нихъ, такъ какъ, по его мнѣнію, на юношествѣ лежали надежды міра; свои доходы онъ дѣлилъ съ бѣдными. Вся его религія основывалась на живомъ понятіи объ оправданіи вѣрою и о невидимой церкви. Такимъ образомъ, дѣло, начатое въ Мо, продолжалось въ области Беарнъ, на которую не простиралось непосредственное дѣйствіе Сорбонны. Королевѣ, которая давала убѣжище и другимъ бѣглецамъ (Лефевръ умеръ вблизи нея), доставляло величайшее удовольствіе въ ея уединеніи заниматься съ единомышленными друзьями св. писаніемъ и его толкованіемъ, чему она и предавалась до самой смерти.

XLII. КАЛЬВИНЪ ДО НАЧАЛА ЕГО РЕФОРМАТОРСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(Составлено по соч. Кампшульте: «Iohann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf»)

Кальвинъ, подобно Лютеру, происходилъ не изъ знатнаго рода. Дѣдъ его занимался бочарнымъ ремесломъ. Его отецъ, благодаря личной своей дѣятельности и трудолюбію, добился болѣе виднаго общественнаго положенія: онъ былъ секретаремъ епископа и синдикомъ капитула каноннковъ въ Нойонѣ (въ Пикардіи). Здѣсь родился Іоаннъ Кальвинъ въ 1509 году. Дѣтскіе годы Кальвина протекли не особенно радостно. Матери онъ лишился рано. Его отецъ, человѣкъ нѣсколько жесткаго нрава, занимался болѣе дѣлами по службѣ, чѣмъ воспитаніемъ своихъ дѣтей, которымъ онъ не съумѣлъ внушить къ себѣ особенной любви. Молодой Кальвинъ получилъ свое воспитаніе внѣ родительскаго дома, среди семьи, принадлежавшей къ высшему слою общества и находившейся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ его отцомъ. Здѣсь-то онъ усвоилъ себѣ то изящество въ обращеніи, которымъ такъ рѣзко отличается отъ Лютера. Кальвинъ впослѣдствіи никогда не забывалъ благодѣяній своего аристократическаго покровителя, ибо единственно свѣтлымъ воспоминаніемъ его дѣтства было у него, кажется, воспоминаніе объ этой семьѣ.

И вотъ, благодаря стараніямъ своего отца, пользовавшагося вліяніемъ въ средѣ духовенства, Кальвинъ, не достигши еще и 12 лѣтъ, былъ зачисленъ въ капелланы мѣстной соборной церкви. По желанію отца, онъ долженъ былъ поступить въ духовное званіе и достиженіемъ высшихъ духовныхъ степеней возвысить славу своего рода. Получаемые съ прихода доходы давали ему возможность, не обременяя отца своего, продолжать курсъ ученія въ Парижѣ, куда онъ прибылъ въ 1523 году вмѣстѣ съ сыновьями своего патрона. Впрочемъ, въ столицѣ Кальвинъ жилъ отдѣльно отъ товарищей своего дѣтства, съ которыми, однако, продолжалъ вести дружбу. Онъ опредѣлился въ collége де-ла-Маршъ, гдѣ, подъ руководствомъ опытнаго учителя Кордье, занялся изученіемъ грамматики. Ученіе шло весьма успѣшно. Вскорѣ онъ перешелъ въ другую коллегію (Монтегю), гдѣ къ грамматикѣ присоединены были курсы философскій и богословскій.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ первомъ пребываніи Кальвина въ Парижѣ показываютъ, что уже въ эти годы Кальвинъ отличался серьозностью и сосредоточенностью, рѣдко свойственными такому юношескому возрасту. Черта строгости, даже нѣкоторой жесткости нрава, рѣзко выдается въ этомъ человѣкѣ. Рядомъ съ этимъ развивается въ немъ ясное сознаніе своего долга. Онъ велъ тихую, уединенную жизнь, точно исполнялъ религіозныя и другія обязанности свои и вполнѣ подчинялся строгой дисциплинѣ, господствовавшей въ школѣ. Ученіе свое онъ продолжалъ такъ ревностно и съ такимъ успѣхомъ, что возбудилъ вниманіе наставниковъ. Благодаря этому, онъ былъ переведенъ въ высшее отдѣленіе школы еще до положеннаго на то срока, оставляя своихъ товарищей далеко позади себя. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ особенно любимъ своими товарищами. Строгость и даже нѣкоторая рѣзкость нрава, прорывавшійся подъ-часъ поучительный тонъ не могли расположить къ

нему товарищей. Маленькаго, неспоспаго пикардійца нерѣдко осыпали насмѣшками. Его прозвали Аккузативомъ (accusativus), намекая этимъ на его склонность къ жалобамъ. Наставники, цѣнившіе отличное прилежаніе своего даровитаго ученика, замѣняли Кальвину товарищей. Въ особенной дружбѣ находился онъ съ своимъ первымъ учителемъ Кордье.

Для Кальвина наступило наконецъ время спеціальнаго изученія богословскихъ наукъ. Всѣ условія его жизни должны были расположить его къ избранію духовной карьеры: и нравственная чистота его, и личныя склонности, и, наконецъ, воля отца. Послѣдній, пользуясь своими связями съ духовными властями и заботясь по-своему о сынѣ, съумѣлъ пріобрѣсти для Кальвина еще одинъ церковный приходъ. Едва достигши 18-ти лѣтъ отъ роду и не будучи еще посвященъ въ священническій санъ, Кальвинъ получилъ приходъ на родинѣ своего отца (Понъ-Левенѣ). Казалось, молодаго человѣка ожидала блестящая будущность на избранномъ имъ пути. Вдругъ новое рѣшеніе отца его должно было все измѣнить. Честолюбивый старикъ пришелъ къ убѣжденію, что изученіе права, бывшее въ то время въ почетѣ во Франціи, приведетъ сына его къ болѣе блестящему результату на жизненномъ пути. Подчиняясь волѣ отца, Кальвинъ въ 1527 году началъ посѣщать университетъ, сперва въ Орлеанѣ, а потомъ въ Буржѣ, славившемся тогда своими юридическими факультетами. Съ большимъ рвеніемъ принялся молодой человѣкъ за изученіе права, преподаваемаго знаменитыми юристами того времени (Этуалемъ и Альціати). Прилежаніе Кальвина, несмотря на новизну предмета, нисколько не уменьшилось. Нестѣсненный никакой школьной регламентаціей, онъ могъ свободно удовлетворять своей жаждѣ знаній. Слабый организмъ юноши съ трудомъ выносилъ такое чрезмѣрное напряженіе.

Далеко за полночь засиживался молодой юристъ, перечитывая и приводя въ порядокъ прослушанное и записанное въ аудиторіяхъ. Въ этихъ, какъ и во всѣхъ своихъ занятіяхъ, онъ отличался ясностью пониманія и строгостью метода. Блестящіе успѣхи не замедлили обнаружиться, и ученый пикардіецъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе какъ товарищей своихъ, такъ и преподавателей. Еще въ Орлеанѣ онъ сдѣлался настолько извѣстнымъ, что на него смотрѣли скорѣе какъ на учителя, чѣмъ какъ на ученика. Такое видное положеніе его въ университетскомъ кружкѣ не осталось безъ замѣтнаго вліянія на его характеръ. Онъ сдѣлался гораздо общительнѣе. Въ Орлеанѣ такъ же, какъ и въ Буржѣ, мы находимъ его среди живаго кружка товарищей, съ которыми у него завязалась довольно тѣсная дружба. Ближе всего сошелся онъ съ Франсуа Даніелемъ, богатымъ и талантливымъ молодымъ человѣкомъ, который ввелъ своего друга въ свою семью. Такимъ образомъ, свѣтлый лучъ живой дружбы освѣтилъ на короткое время жизненный путь этого человѣка, посвятившаго всего себя строгому труду и служенію наукѣ. Однако веселая, подвижная жизнь университетской молодежи слишкомъ мало удовлетворяла Кальвина, который всему предпочиталъ тишину и спокойствіе кабинетной работы. Такимъ образомъ, кружокъ его ограничивался весьма немногими близкими друзьями, съ которыми его связывали общіе научные интересы и стремленія. Онъ тщательно избѣгалъ всего, что мѣшало мирному теченію его научныхъ занятій. Онъ крайне неохотно прервалъ свои занятія даже тогда, когда тяжелая болѣзнь его отца того потребовала. Понятно, что такой любознательный человѣкъ

не могъ сдѣлаться узкимъ спеціалистомъ. Онъ изучалъ право весьма добросовѣстно и удостоился степени кандидата (лиценціата). Однако, на ряду съ юриспруденціей, онъ продолжалъ изучать древне-классическую литературу, которую онъ полюбилъ еще въ коллегіи. Нѣмецкій гуманистъ Мельхіоръ Вольмаръ былъ его руководителемъ. Изученіе римскихъ и греческихъ писателей, благодаря такому руководителю, шло весьма успѣшно. Это знакомство съ древне-классическимъ міромъ въ то время имѣло весьма серьозныя послѣдствія. Во Франціи, даже въ большей степени, чѣмъ въ Германіи, такъ называемый гуманизмъ шелъ рука объ руку съ оппозиціей противъ господствовавшаго тогда церковнаго порядка.

Лютеранское движеніе, не касаясь французскаго народа, нашло сильный отголосокъ среди французскихъ гуманистовъ. Если они не вполнѣ сочувствовали расколу, который старался произвести Лютеръ, то весьма сочувствовали они ему въ его справедливыхъ и безпощадныхъ нападкахъ на римско-католическую іерархію. Гуманисты слѣдили за судьбой Лютера съ живымъ интересомъ. Такой именно духъ господствовалъ въ университетахъ, посѣщаемыхъ Кальвиномъ. Въ этихъ университетахъ находилось много нѣмцевъ, принимавшихъ дѣло церковной реформы весьма близко къ сердцу. Само собою разумѣется, что молодой, впечатлительный Кальвинъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ зачинавшагося движенія. Молодой Кальвинъ сталъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за этимъ движеніемъ во время пребыванія своего въ Орлеанѣ. Онъ тутъ ежедневно сталкивался съ людьми, для которыхъ дѣло реформаціи становилось вопросомъ жизни. Любимый учитель его Мельхіоръ Вольмаръ сочувствовалъ основнымъ началамъ реформаціи. Могъ ли Кальвинъ оставаться безучастнымъ къ этому дѣлу? Его жаждѣ къ занятіямъ открылось новое поле, которое онъ не оставилъ невоздѣланнымъ. Церковный вопросъ сдѣлался въ Орлеанѣ главнымъ предметомъ его научныхъ занятій. Онъ обратилъ особенное вниманіе на тщательное изученіе библіи, въ которой гуманисты и сторонники реформаціи, главнымъ образомъ, видѣли источникъ своей силы. Достовѣрно извѣстно, что тогда же Кальвинъ посѣтилъ на короткое время Страсбургъ, прозванный тогда новымъ Іерусалимомъ.

Здѣсь-то онъ сошелся съ нѣкоторыми видными сторонниками реформаціи. Однако главную подготовку къ будущей своей дѣятельности онъ получилъ не въ Орлеанѣ.

Научныя занятія, начатыя въ Орлеанѣ, Кальвинъ продолжалъ въ Буржѣ. Здѣсь онъ нашелъ въ средѣ духовенства не мало значительныхъ лицъ, сочувствовавшихъ новому движенію; здѣсь-то могъ онъ выступить съ своими задушевными идеями болѣе открыто. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что въ это время Кальвинъ былъ еще весьма далекъ отъ мысли выступить реформаторомъ въ дѣлѣ религіи: его будущность представлялась ему въ то время въ совершенно иномъ свѣтѣ. Біографы Кальвина приписываютъ ему еще въ молодости его роль пропагандиста и реформатора; слишкомъ увлекаясь личностью Кальвина, они, видимо, желали представить будущаго реформатора личностью, носившею въ себѣ задатки своихъ смѣлыхъ стремленій еще въ юношескомъ возрастѣ. На самомъ же дѣлѣ такому строгому, послѣдовательному мыслителю не легко было сразу пристать къ реформаціонному движенію и признать истинность новаго ученія. Изъ сохранившихся писемъ самого Кальвина, относящихся

къ 1531—1532 годамъ, ясно видно, что Кальвинъ былъ еще весьма далекъ отъ роковаго шага. Впослѣдствіи онъ самъ не разъ высказывалъ, что даже въ то время, когда лютеровское движеніе довольно сильно охватило ту среду, въ которой онъ вращался, онъ, тѣмъ не менѣе, еще крѣпко держался вѣры отцовъ своихъ и, только послѣ тяжелой внутренней борьбы, наконецъ присталъ къ противникамъ церковнаго преданія. Слишкомъ сильно засѣли въ немъ — какъ онъ самъ выражался — предразсудки папизма, чтобы онъ могъ легко отъ нихъ освободиться. Правда, подъ вліяніемъ науки и работы собственной мысли, въ душѣ его возникали сомнѣнія дотого сильныя, что, какъ онъ самъ признавался, они лишили его покоя и самоувѣренности. Съ другой стороны, увѣщанія его друзей, сторонниковъ Лютера, также производили на него сильное впечатлѣніе. Однако онъ не могъ еще рѣшиться пристать къ нимъ окончательно.

Другъ стараго порядка и законности, Кальвинъ не могъ помириться съ тѣмъ хаосомъ, который представлялся ему неизбѣжнымъ слѣдствіемъ устраненія церковнаго авторитета. Такимъ образомъ, въ это время Кальвинъ былъ не болѣе, какъ сторонникъ той религіозной оппозиціи, которая была довольно сильна въ образованномъ кругѣ французскаго народа. Это была оппизиція чисто-консервативнаго свойства, твердо стоявшая на почвѣ католицизма и имѣвшая своею цѣлью не разрушеніе стараго зданія, а только очищеніе его. Въ этомъ направленіи и высказывалась мысль Кальвина. Мало того, эти стремленія умѣренной церковной оппозиціи не поглощали всего вниманія Кальвина: гуманизмъ и его научные интересы все-еще стояли у него на первомъ планѣ. Въ изученіи древнихъ классиковъ Кальвинъ находилъ успокоеніе отъ той внутренней тревоги, которую возбудилъ въ немъ религіозный вопросъ. Въ 1530 году умеръ отецъ Кальвина. Это обстоятельство освободило его отъ обязательнаго изученія юриспруденціи. Онъ могъ свободно заняться любимымъ предметомъ, и съ этого времени онъ рѣшительно становится на точку зрѣнія гуманистовъ. Въ это время онъ стремился лишь къ тому, чтобы составить себѣ имя ученаго писателя въ средѣ гуманистовъ. Онъ не мечталъ сдѣлаться Лютеромъ или Цвингли. Рейхлинъ, Эразмъ, Лефевръ были въ этотъ періодъ его идеалами.

Въ такомъ настроеніи прибылъ Кальвинъ въ Парижъ лѣтомъ 1531 г. Здѣсь онъ жилъ, какъ живетъ молодой ученый, серьозно готовящійся къ своему назначенію, употребляя всѣ усилія для своего научнаго совершенствованія. Онъ посѣщалъ лекціи, пользовался столичными библіотеками, водилъ знакомство съ молодыми учеными, изъ которыхъ особенно близко стоялъ къ нему молодой профессоръ Копъ. Такъ прошелъ 1531 годъ; мирная жизнь Кальвина ничѣмъ и никѣмъ не нарушалась. Это было, быть можетъ, самое счастливое время въ жизни Кальвина.

Нѣтъ сомнѣнія, что прежняя привязанность Кальвина къ вѣрѣ отцовъ своихъ была значительно поколеблена еще въ его университетскіе годы и особенно въ періодъ ревностнаго изученія богословія. Прежнее спокойствіе должно было исчезнуть. Католицизмъ потерялъ для него во время душевныхъ тревогъ свои цѣлебныя свойства. Не мало подѣйствовали на него въ этомъ отношеніи и семейныя невзгоды; родной отецъ умеръ; отлученный отъ церкви, родной братъ, священникъ, нахо-

дился въ постоянной враждѣ съ духовными властями, преслѣдуемый духовной цензурой. Если прибавимъ къ этому вліяніе его близкаго родственника, Роберта Оливетана, весьма сильно сочувствовавшаго новому религіозному движенію, то намъ сдѣлается совершенно понятнымъ, что Кальвину почти невозможно было устоять въ своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ. Разъ возникшія сомнѣнія не исчезали. Душевное настроеніе, въ которомъ онъ находился, не могло долго продолжаться. Внѣшнія событія, внутреннее душевное настроеніе—все побуждало его рѣшить такъ или иначе неотступный вопросъ. Новое движеніе все больше и больше охватывало общественное мнѣніе, и Кальвинъ нашелся вынужденнымъ еще разъ подвергнуть критикѣ всѣ тревожившіе его вопросы, точнѣе уяснить себѣ предметъ спора и вообще отдать себѣ строгій отчетъ въ этомъ предметѣ. Въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ существовали уже въ то время сформировавшіяся общины, порвавшія всякую связь съ церковнымъ преданіемъ и собственною кровью готовыя отстоять свои новыя религіозныя убѣжденія. Въ столицѣ Кальвинъ познакомился съ однимъ членомъ такой общины, зажиточнымъ купцомъ де-ла-Форжъ.

Могъ ли онъ робѣть передъ рѣшеніемъ роковаго вопроса? Могъ ли онъ только ради собственнаго успокоенія избѣгать этого рѣшенія болѣе, чѣмъ эти люди? Онъ долженъ былъ подвергнуть себя испытанію. Онъ убѣдился, что въ этомъ великомъ религіозномъ вопросѣ онъ не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ. Я внялъ словамъ истины, говорилъ онъ самъ, и не избѣгалъ назиданія. Быстро воспослѣдовало его рѣшеніе.

Главная преграда — благоговѣніе передъ авторитетомъ церкви и страхъ отлученія—скоро исчезла. По устраненіи этой преграды, стали быстро возникать сомнѣнія одно за другимъ. «Какъ будто внезапный лучъ свѣта озарилъ меня, и я ясно увидѣлъ передъ собою ту крѣпость, въ которой до сихъ поръ находился Господь. Я поступилъ согласно велѣніямъ моего долга, и въ ужасѣ и, сверхъ того, проклиная прежнюю свою жизнь, я вступилъ на путь Твой!» Такъ изображаетъ самъ Кальвинъ свое внутреннее настроеніе въ то время. Трудно съ точностью опредѣлить время, къ которому относится окончательный разрывъ его съ католицизмомъ. Но, по всей вѣроятности, этотъ рѣшительный шагъ слѣдуетъ отнести къ 1532 году. Перерожденіе Кальвина было полное. Онъ предался новымъ идеямъ всей силой внутренняго убѣжденія. Онъ добровольно пожертвовалъ своей блестящей карьерой, которая его, безъ сомнѣнія, ожидала, и весь предался не легкой обязанности пропагандиста новыхъ идей. Въ это время одни только интересы религіозные были близки его сердцу. Занятія гуманистическія потеряли для него всякую прелесть и были имъ заброшены. Гуманистъ превратился въ теолога, библія и отцы церкви заступили мѣсто классиковъ. Маленькая евангелическая община тотчасъ поняла, какое крупное приращеніе она пріобрѣла въ новообращенномъ Кальвинѣ. Послѣдній принималъ самое живое участіе въ тайныхъ сходкахъ общины и своимъ рвеніемъ остановилъ на себѣ всеобщее вниманіе. Не прошло года, какъ молодой ученый сдѣлался духовнымъ центромъ новой религіозной общины въ Парижѣ. Однако онъ не долго довольствовался скромной дѣятельностью въ предѣлахъ общины. Необходимо замѣтить, что переходъ Кальвина къ церковной оппозиціи совпалъ съ временемъ, сравнительно благопріятнымъ для евангелической партіи. Новое ученіе пріобрѣло сторонниковъ не только въ парижскомъ университетѣ,

гдѣ молодой Николай Копъ, другъ Кальвина, былъ избранъ ректоромъ въ 1533 г.,—сочувствіе къ рефомаціи начинало мало по малу распространяться даже въ высшихъ слояхъ общества. Францискъ I, колеблясь постоянно между различными направленіями, смотря по тому, что въ немъ въ данную минуту преобладало—интересы ко внѣшней политикѣ и гуманистическія симпатіи, или его симпатіи монархическо-католическія, обнаруживалъ въ то время серьозное намѣреніе смягчить строгія мѣры противъ новообращенныхъ. Его сестра Маргарита, королева наваррская, высокообразованная покровительница церковной оппозиціи, пользовалась тогда большимъ вліяніемъ. Благодаря ея вліянію, многія лица, которыхъ протестантскій образъ мыслей не подлежалъ сомнѣнію, занимали церковныя каѳедры. Въ началѣ 1533 года схоластическая, строго-католическая партія, имѣвшая свой центръ въ Сорбоннѣ и стоявшая всегда за строгія мѣры, лишилась значительной части своего прежняго вліянія. При такихъ обстоятельствахъ Кальвинъ считалъ возможнымъ сдѣлать еще шагъ впередъ. Онъ составилъ смѣлый планъ, вполнѣ въ духѣ экзальтированнаго новообращеннаго.

По его плану, новое живое слово Божіе должно было быть возвѣщаемо открыто, передъ всей Франціей, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Въ наступившій праздникъ Всѣхъ Святыхъ ректоръ университета Копъ, другъ Кальвина, долженъ былъ, по обычаю, произнести публичную рѣчь. Кальвинъ избралъ его своимъ орудіемъ. Страннымъ могло показаться, что профессоръ медицины Копъ первый заговорилъ о религіозныхъ вопросахъ. Кромѣ того, трудно было сказать, насколько дѣло евангелія выиграетъ отъ такой демонстраціи. Однако такая демонстрація вполнѣ соотвѣтствовала настроенію молодаго протестанта, и планъ былъ выполненъ. Въ назначенный день Копъ прочелъ передъ многочисленной публикой обработанную Кальвиномъ рѣчь «о христіанской философіи». Онъ изложилъ въ плохо замаскированныхъ выраженіяхъ основныя идеи новой теологіи, сопоставилъ законъ и евангеліе и въ смѣлыхъ выраженіяхъ приглашалъ присутствующихъ не переносить долѣе еретичества софистовъ, ясно намекая этимъ на сорбоннскихъ богослововъ. Это былъ такой вызовъ, какого католическая Франція еще ни разу не переживала. Это событіе возбудило величайшее вниманіе. Сорбонна сочла себя публично оскорбленною и потребовала удовлетворенія. Парламентъ былъ не менѣе оскорбленъ этимъ открытымъ объявленіемъ войны. Наряжено было строжайшее слѣдствіе. Ректоръ, привлеченный парламентомъ къ отвѣтственности, спасся бѣгствомъ въ Базель. Его не могли защитить и привилегіи университета, не смотря на протесты двухъ факультетовъ противъ привлеченія ректора къ отвѣтственности. Преслѣдованія не замедлили обратиться и противъ Кальвина, въ которомъ вскорѣ узнали автора прочитанной рѣчи. Сдѣлано было распоряженіе объ его арестѣ.

Кальвинъ укрылся у одного изъ своихъ друзей. Полиція произвела обыскъ въ квартирѣ Кальвина и захватила всѣ его бумаги. Его не могла спасти даже защита королевы Маргариты. Общественное мнѣніе было слишкомъ возбуждено. Оставаться долѣе въ Парижѣ не было возможности, и Кальвинъ, переодѣтый садовникомъ, бѣжалъ изъ столицы. Такимъ образомъ первая попытка не удалась. Молодой пропагандистъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Результатъ попытки былъ прямо противоположный ожидаемому. Ударъ обрушился на всю евангелическую партію

въ Парижѣ. Эта неудача научила Кальвина быть осторожнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ переселился на югъ Франціи, гдѣ проживалъ подъ вымышленнымъ именемъ. Тихая, скромная жизнь ученаго смѣнилась отнынѣ тревожною жизнью скитальца. Несмотря на скудость свѣдѣній объ этомъ періодѣ, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что значительную часть этого тревожнаго времени Кальвинъ провелъ въ Ангулемѣ, у бывшаго своего школьнаго товарища, молодаго каноника Луи Тилье. Здѣсь онъ нашелъ весьма дружескій пріемъ и необыкновенно богатую библіотеку. Никѣмъ незнаемый, жилъ онъ здѣсь въ уединеніи и продолжалъ свои ученые труды. Онъ и здѣсь не переставалъ работать надъ распространеніемъ своихъ новыхъ идей, но, наученный опытомъ, дѣйствовалъ гораздо осторожнѣе. Онъ не выступалъ здѣсь открытымъ противникомъ католицизма, написалъ даже, по просьбѣ друга своего Тилье, нѣсколько духовныхъ поученій, которыми можно было воспользоваться и въ католическомъ богослуженіи. Такою осторожностью онъ достигалъ болѣе существенныхъ результатовъ, чѣмъ открытымъ вызовомъ противниковъ. Но важнѣе еще этой миссіонерской его дѣятельности были его ученые труды этого времени. Въ Ангулемѣ Кальвинъ обдумывалъ и подготовилъ свое важнѣйшее сочиненіе: «Наставленіе въ христіанской вѣрѣ» (Institutio religionis christianae). Въ Ангулемѣ онъ оставался недолго. Въ 1534 году онъ предпринялъ нѣсколько путешествій по южной и средней Франціи. Вездѣ онъ завязывалъ знакомство съ интеллигенціей и хотя осторожно, однако не пропускалъ случая распространять свои идеи. Въ маѣ 1534 г. онъ посѣтилъ свой родной городъ Нойону, чтобы отказаться отъ доходовъ своего прихода, который онъ считалъ недобросовѣстнымъ долѣе удерживать за собой. Онъ посѣтилъ также дворъ королевы Маргариты въ городѣ Неракѣ, гдѣ впервые встрѣтился съ Лефевромъ, отцомъ французскихъ гуманистовъ, который, если вѣрить преданію, предсказалъ Кальвину его будущую славу. Въ концѣ того же года Кальвинъ рѣшился даже посѣтить Парижъ. Еще разъ онъ увидѣлъ здѣсь своихъ знакомыхъ. Однако впечатлѣнія, вынесенныя имъ, были не особенно утѣшительнаго свойства. Въ средѣ приверженцевъ евангелія произошелъ расколъ. Возникли мечтательныя секты, которыя вредили христіанству столько же, сколько и папизмъ. Католическая партія, раздраженная фанатизмомъ отступниковъ, продолжала свои нападенія. Пребываніе Кальвина въ Парижѣ совпадаетъ съ временемъ появленія того знаменитаго пасквиля «О великихъ и достойныхъ презрѣнія злоупотребленіяхъ папской литургіи», который появился тогда на всѣхъ площадяхъ столицы, даже на дверяхъ королевскихъ покоевъ въ Блоа. Это обстоятельство еще болѣе раздражило католиковъ и вызвало новый рядъ преслѣдованій. Подверглись преслѣдованію многіе изъ близкихъ друзей Кальвина, между прочимъ, и де-Ла-Форжъ. Кальвинъ убѣдился, что, при такомъ положеніи дѣлъ, ему пока нечего дѣлать во Франціи, и онъ рѣшился оставить свое отечество, дабы «въ какомъ либо уединенномъ уголкѣ» сосѣдней Германіи спокойно продолжать свои богословскіе труды. Еще до конца 1534 года отправился онъ въ путь. Изъ множества его друзей одинъ только Луи Тилье послѣдовалъ за нимъ. Не безъ приключеній достигли бѣглецы французской границы. Одинъ изъ ихъ прислуги въ Мецѣ бѣжалъ, похитивъ все имущество своихъ господъ. Лишенные всякихъ средствъ, достигли они Страсбурга, перваго убѣжища французскихъ эмигрантовъ. Повидавшись съ нѣ-

которыми друзьями и запасшись всѣмъ необходимымъ, путешественники продолжали свой путь и наконецъ, въ началѣ 1535 года, прибыли въ Базель.

Базель собственно и составлялъ цѣль путешествія. Въ этомъ гостепріимномъ городѣ бѣглецы нашли дружескій пріемъ. Здѣсь, пользуясь покоемъ, котораго давно лишенъ былъ Кальвинъ, онъ весь предался своимъ ученымъ трудамъ. Онъ старался избѣгать всего, что могло бы возбудить чье либо вниманіе и нарушить его покой. Онъ скрылъ и здѣсь свое настоящее имя и ограничилъ кругъ своего знакомства весьма небольшимъ числомъ ученыхъ. Предметомъ его работъ въ Базелѣ было изученіе библіи. Тамъ же онъ занялся приготовленіемъ къ изданію перевода библіи на французскій языкъ, давно уже сдѣланный его родственникомъ Оливетаномъ.

Однако событія времени вскорѣ оторвали его отъ этихъ работъ. Живя вдали отъ своего отечества, онъ, однако, не могъ забыть его. Извѣстія, получаемыя изъ Франціи, указывали, что дѣло, которое было столь близко его сердцу, находится въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Кальвинъ составилъ планъ помочь своимъ преслѣдуемымъ единовѣрцамъ и осуществилъ свой планъ такъ, что изумилъ весь міръ—онъ издалъ свое знаменитое сочиненіе «Institutio religionis christianae».

XLIII. УЧЕНІЕ КАЛЬВИНА СРАВНИТЕЛЬНО СЪ УЧЕНІЕМЪ ЛЮТЕРА.

(По соч. Кампшульте: «Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf»).

Кальвина давно занимала мысль изложить свои новыя религіозныя воззрѣнія и указать ихъ основы. Такой трудъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его душевному настроенію и, кромѣ того, вызванъ былъ весьма естественнымъ желаніемъ разумно оправдать свое отпаденіе отъ старой церкви. Кальвинъ намѣренъ былъ издать краткое и общедоступное изложеніе евангельскаго ученія въ руководство своимъ соотечественникамъ, которые, по его мнѣнію, именно тогда сильно нуждались въ такой книгѣ. Еще будучи во Франціи, въ Ангулемѣ, онъ положилъ начало этому дѣлу. Сначала онъ не особенно спѣшилъ изданіемъ книги, но усилившіяся съ 1535 года преслѣдованія противъ приверженцевъ новаго ученія во Франціи побудили его поторопиться. Эти преслѣдованія имѣли вліяніе и на самый планъ и характеръ изложенія книги. Руководство должно было послужить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и публичной защитой новаго вѣроученія и его преслѣдуемыхъ сторонниковъ. Необходимо было придать книгѣ полемическій характеръ. Осенью 1535 года работа была готова, и, спустя полгода, «Руководство къ христіанской вѣрѣ» вышло въ свѣтъ. Уже одно предисловіе книги обличаетъ сильнаго бойца, объявляющаго грозную войну католицизму. Въ предисловіи Кальвинъ прямо обращается къ королю Франціи, Франциску I, горько жалуясь на всѣ несправедливости, причиняемыя защитникамъ евангельской истины.

Онъ говоритъ, что сердце короля отвратилось отъ этой истины, благодаря проискамъ безбожниковъ, и что противъ беззащитныхъ людей употребляются во Франціи хитрость, насиліе и жестокость, тюрьма и изгнаніе. Онъ совѣтуетъ королю положить предѣлы этой ярости. Но онъ не проситъ милости, снисхожденія или терпимости у короля къ своимъ единовѣрцамъ, а требуетъ только строгаго, добросовѣстнаго испытанія новаго вѣроученія и безусловнаго принятія

и признанія его всѣмъ народомъ, какъ результатъ тщательнаго разслѣдованія. Первая и главная обязанность короля, который есть служитель Божій, говоритъ Кальвинъ, состоитъ именно въ томъ, чтобы сдѣлать эту безпристрастную провѣрку евангельскаго ученія, ибо король поставленъ Богомъ для управленія его царствомъ на землѣ. Клевета, козни и преступленія противниковъ представлены Кальвиномъ въ такихъ краскахъ, необходимость возрожденія церкви доказывается здѣсь съ такою силою, и вообще предисловіе написано съ такою убѣдительностью, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію самой книги, составляющей эпоху въ исторіи западной церкви. «Institutio religionis christianae» есть не только главнѣйшій трудъ, но и программа всей послѣдующей жизни Кальвина посвященной непримиримой борьбѣ съ католицизмомъ.

Одинъ бѣглый взглядъ на систему Кальвина показываетъ уже, что въ основѣ ея легли результаты трудовъ нѣмецкихъ реформаторовъ. Идеи Лютера послужили ему весьма пригоднымъ строительнымъ матеріаломъ, и на фундаментѣ, заложенномъ предшествовавшими реформаторами, Кальвинъ построилъ свое грандіозное зданіе. Однако, стараясь привести въ стройное цѣлое этотъ заимствованный матеріалъ и связать отдѣльныя части его въ систему, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, придаетъ своей собственной системѣ совершенно своебразный отпечатокъ, существенно отличающій его ученіе отъ новаго церковнаго строя въ Германіи. Возбужденіе страстей и напоръ событій не давали Лютеру и Цвингли возможности спокойно отнестись къ дѣлу реформаціи, и потому ихъ воззрѣнія носятъ характеръ страстности. Они часто высказывали свои убѣжденія, не предвидя послѣдствій, могущихъ изъ нихъ проистекать. Кальвинъ, напротивъ, спокойно анализировалъ событія и потому измѣнялъ и часто ограничивалъ то, что высказано было его предшественниками въ минуту возбужденія. Лютеръ боялся всѣхъ послѣдствій и выводовъ собственнаго ученія. Отсюда у него противорѣчія, неясности, недомолвки, отсутствіе выводовъ, логически вытекающихъ изъ данныхъ положеній. Такой строго-логическій умъ, такой поклонникъ системы, какъ Кальвинъ, не могъ не устранить всякихъ недомолвокъ и неясности; онъ не могъ остановиться на полудорогѣ. Онъ относится гораздо безпощаднѣе къ старой церкви, чѣмъ Лютеръ. Это и не удивительно, если принять во вниманіе ходъ развитія и обстоятельства жизни того и другаго. Лютеръ провелъ болѣе половины своей жизни въ монастырѣ и служеніи старой церкви и потому сильно сроднился съ ней. Ему не такъ легко было вполнѣ отрѣшиться отъ преданія. Кальвинъ, напротивъ, выросталъ въ такое время, когда уже было положено начало новому ученію и оно развивалось подъ сильнымъ вліяніемъ гуманизма. Къ старой церкви привлекало его не столько религіозное убѣжденіе, сколько врожденная любовь къ системѣ, дисциплинѣ и подчиненію, которыя онъ видѣлъ въ іерархическомъ католицизмѣ. Искусную іерархію католической церкви онъ принималъ за прочный, Богомъ начертанный порядокъ. Но, разъ убѣдившись въ противномъ, онъ уже не могъ остаться на первоначальной почвѣ, онъ не могъ также остановиться на точкѣ зрѣнія Лютера. Онъ шелъ до конца. Такова причина разницы между Кальвиномъ и Лютеромъ. Такимъ образомъ, система Кальвина не только логичнѣе, послѣдовательнѣе системы Лютера,—она и гораздо глубже, радикальнѣе ея; духъ антикатолическій выступаетъ здѣсь несравненно рѣзче. Эта разница замѣчается даже въ такомъ пунктѣ ученія, въ которомъ онѣ наиболѣе сходятся, именно въ вопросѣ о значеніи св. писанія и церковнаго преданія. Оба согласны въ томъ, что св. писаніе есть единственный источникъ и исключительное основаніе христіанства; но у Кальвина этотъ принципъ проведенъ несравненно рѣзче, чѣмъ у Лютера. Вѣра въ св. писаніе,

укрѣпляемая проявленіемъ силы Св. Духа въ душѣ человѣка — вотъ главный догматъ, проповѣдуемый Кальвиномъ. Только св. писаніе есть единственный и исключительный авторитетъ вѣры, ибо въ немъ одномъ Господь открылъ людямъ разъ навсегда свою абсолютную волю. Послѣдняя должна служить прочной и неизмѣнной нормой, регулирующей жизнь всѣхъ христіанъ. Св. писаніе поэтому должно служить нормой не только въ вопросахъ душевнаго спасенія, но и въ дѣлѣ внѣшняго устройства церкви; отсюда слѣдуетъ у Кальвина весьма важный выводъ: церковь не знаетъ условій развитія, не признаетъ исторіи, стоитъ выше условій пространства и времени, словомъ—она есть нѣчто вполнѣ законченное, не сложившееся теченіемъ времени, а вполнѣ готовое еще въ моментъ своего возникновенія. Христіанство вѣчно и во всѣхъ своихъ частяхъ неизмѣнно и должно оставаться всегда такимъ, какимъ оно завѣщано было евангеліемъ и апостолами.

Весьма понятно, что ученіе о церковномъ преданіи не могло имѣть никакого мѣста на-ряду съ такимъ воззрѣніемъ на св. писаніе, какъ на исключительный авторитетъ вѣры, и на-ряду съ полнымъ отрицаніемъ историческихъ условій жизни народовъ. Ученія отцовъ церкви признаются Кальвиномъ настолько, насколько они совпадаютъ съ библіей. Понятно, что Кальвинъ также не могъ придавать никакого значенія ни человѣческому разуму, ни философіи въ дѣлахъ вѣры.

Христіанство, по воззрѣнію Кальвина, неспособно ни къ какому развитію, отрицаетъ жизнь и ея условія въ своихъ учрежденіяхъ и въ самой жизни вѣчно неизмѣнное, вполнѣ заключенное и рабски привязанное къ буквѣ библейскаго ученія объ откровеніи.

Ученіе объ оправданіи, о безусловной неспособности человѣка заслужить душевное спасеніе своими личными усиліями—составляетъ ядро системы Кальвина. Онъ проводитъ эту мысль гораздо рѣзче и послѣдовательнѣе, чѣмъ Лютеръ. Кальвинъ разсуждаетъ такъ: если человѣкъ, по мысли св. писанія, безусловно неспособенъ обрѣсть собственными усиліями душевное спасеніе, то и самое раскаяніе есть дѣло милости Божіей; раскаяніе и нераскаяніе наше совершенно не зависитъ отъ нашей воли, а зависитъ отъ воли Господа. Не всѣ смертные способны познать истину и удостоиться царства небеснаго. Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ словомъ писанія, и потому причина его лежитъ не въ насъ, а въ вѣчной волѣ Божіей.

Лютеръ признаетъ, что безъ помощи Всевышняго человѣкъ не можетъ обрѣсть спасенія души. Кальвинъ же высказывается по этому вопросу гораздо опредѣленнѣе, признавая милосердіе Божіе единственнымъ источникомъ душевнаго спасенія. Человѣкъ и всякое твореніе существуютъ только для того, чтобы свидѣтельствовать о величіи Божіемъ, и сами по себѣ значенія не имѣютъ. Господь, прославляя свое безпредѣльное всемогущество, предназначилъ одну часть человѣчества къ вѣчному блаженству, другую обрекъ на вѣчную погибель. Судьба каждаго человѣка разъ навсегда предопредѣлена вѣчнымъ планомъ Господа, и потому никто не долженъ сѣтовать на свою судьбу—ни избранный, ни отверженный. Это предопредѣленіе (praedestinatio) есть, безусловно, дѣло Господа и отнюдь не зависитъ отъ воли человѣка и его поступковъ. Оно не основано на предвидѣніи этихъ поступковъ, ибо послѣдніе сами суть послѣдствія предопредѣленія. Но оно также не есть послѣдствіе вѣры; напротивъ, вѣрующіе существуютъ только потому, что есть избранные въ силу предопредѣленія. Господь избираетъ однихъ независимо отъ ихъ заслугъ и отвергаетъ другихъ независимо отъ ихъ добрыхъ или злыхъ дѣлъ.

Святая Господня воля не знаетъ измѣнчивости, а потому и предопредѣленіе во всемъ вѣчно и неизмѣнно, какъ въ отношеніи добра, такъ и въ отношеніи зла. Кто разъ занесенъ къ книгу живота въ число избранныхъ, тотъ никогда уже вычеркнутъ не будетъ. Кто разъ признанъ милосердіемъ, тотъ никогда его болѣе не потеряетъ. Только въ этихъ избранныхъ и сильны вѣра, молитва и страхъ Божій. Отверженный же есть сосудъ гнѣва Божія, и всѣ его дѣянія, каковы бы ни были, ведутъ его къ гебели. Нравственное паденіе, такимъ образомъ, есть дѣло предопредѣленія. Кальвинъ въ то же время утверждаетъ, что нравственная отвѣтственность за грѣхи съ человѣка не снимается.

Ученіе о предопредѣленіи есть основная идея въ системѣ Кальвина. Ученіе о твореніи и искупленіи, о грѣхѣ и свободѣ, о спасеніи и милосердіи—все это стоитъ въ тѣсной связи съ ядромъ всей системы—ученіемъ о предопредѣленіи. Ученіе о причастіи, по Кальвину, есть только дальнѣйшее развитіе и примѣненіе идеи о предопредѣленіи. Только одни избранные, истинно вѣрующіе, получаютъ вмѣстѣ съ внѣшнимъ символомъ и внутренюю благодать. Нѣтъ сомнѣнія, что Кальвинъ не могъ не видѣть той мертвенности и жесткости, которая вытекаетъ изъ ученія, смѣющагося надъ чувствомъ и мыслью, не признающаго никакихъ жизненныхъ отношеній и видящихъ въ Богѣ источникъ нашихъ грѣховъ. И дѣйствительно, практическій смыслъ реформатора не могъ сжиться съ мертвой теоріей. Отсюда нравственное раздвоеніе и уклоненіе отъ пути логической необходимости. Онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что человѣкъ не долженъ мудрствовать лукаво, а долженъ подчиняться велѣніямъ Божіимъ, ибо никогда ему не разгадать тайнъ бытія. Господь сообщилъ намъ то, что намъ знать полезно; желать же бо̀льшаго есть дерзость. Ничто такъ не опасно, какъ человѣческое любопытство, по мнѣнію Кальвина. Не смотря на предопредѣленіе, человѣкъ не долженъ переставать заботиться о своемъ спасеніи, ибо онъ не можетъ знать своего назначенія, и вообще грѣшно стараться проникать въ тайны предопредѣленія. Съ вѣрой въ душѣ онъ долженъ слѣдовать по пути, указанному Господомъ.

Изъ этихъ разсужденій Кальвина ясно, что онъ не могъ не видѣть всѣхъ послѣдствій своего ученія и потому увидѣлъ себя вынужденнымъ свернуть съ пути строго-логическихъ выводовъ, которые вели его къ мертвому фатализму, уничтожающему все нравственное, живое существо человѣка. Этими окольными разсужденіями, которыя вовсе не вытекаютъ изъ его теоріи, Кальвинъ старается какъ-бы обойти страшный фатализмъ и въ концѣ концовъ приходитъ къ возможности существованія церкви внѣшней.

Ученіе о церкви и ея строѣ, которымъ начинается четвертая книга «Institutio», есть самая главная часть книги и самая богатая результатами.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинная духовная церковь незрима и состоитъ изъ избранныхъ, никому, кромѣ Бога, неизвѣстныхъ. Незримы, однако, члены истинной церкви въ томъ смыслѣ, что ихъ нѣтъ возможности отличить въ толпѣ людской, совмѣстно съ которыми имъ приходится проводить свой земной вѣкъ. Эти избранники, въ соединеніи съ неизбранными, и образуютъ церковь зримую, внѣшнюю, которая есть только оболочка незримой. Такимъ образомъ, истинная, невидимая церковь, безъ посредства внѣшней, видимой, существовать не можетъ, а потому участіе въ послѣдней становится необходимымъ условіемъ для достиженія спасенія духовнаго, и отпаденіе отъ видимой церкви есть отрицаніе Бога и Христа, словомъ—внѣ лона церкви нѣтъ прощенія грѣховъ, нѣтъ и спасенія.

Ясно, что Кальвинъ скорѣе допускаетъ присутствіе внѣшней церкви, чѣмъ

доказываетъ ея необходимость логически. При этомъ и въ его ученіи о церкви, ядро которой составляютъ избранные, со всею силою сказывается теорія предопредѣленія. Кальвинъ въ вопросѣ о внѣшней церкви является проповѣдникомъ неумолимой строгости, самой чистой нравственности и дисциплины. Упреки католическихъ враговъ его въ легкомысліи заставили его обратить особенное вниманіе на вопросъ о дисциплинѣ церковной. Онъ говоритъ, что дисциплина составляетъ душу церковной политики; что если никакое общество, ни даже семейство, безъ дисциплины существовать не можетъ, то тѣмъ болѣе церковь, составляющая высшій порядокъ, безъ строгой дисциплины не устоитъ. Дисциплина есть главный нервъ церкви; ею сплачивается церковный организмъ въ стройное цѣлое. Въ силу этого, церковь не только имѣетъ право, но обязана поддерживать дисциплину: иначе она дойдетъ до собственнаго разрушенія. Церковь должна слѣдить за общественной и семейной жизнью гражданъ. Изъ всѣхъ мѣръ и наказаній, находящихся въ распоряженіи церкви, отлученіе есть самая главная и самая крайняя, которую необходимо примѣнять весьма осторожно.

Но кто же есть носитель этой надзирающей, воспитывающей и карающей власти церковной? Этимъ вопросомъ затрогивается весьма важная особенность ученія Кальвина о церкви. Отрицая вліяніе историческихъ условій въ вопросѣ объ устройствѣ церкви, не признавая никакого значенія за преданіемъ и провозглашая св. писаніе единственнымъ источникомъ, нормой и авторитетомъ религіи, доступнымъ всѣмъ вѣрующимъ, Кальвинъ вслѣдствіе этого приходитъ къ необходимости допустить равенство всѣхъ членовъ видимой церкви и потому строитъ церковь на началахъ чисто-демократическихъ и признаетъ за личностью такое значеніе, какого она не имѣла въ католицизмѣ. Церковный авторитетъ, по ученію Кальвина, лежитъ въ общей волѣ самой церкви, т. е. составляется изъ проявленія воли всѣхъ членовъ церкви. Община должна сама строить и охранять свою церковную жизнь. Этотъ принципъ о всеобщемъ священствѣ проводится и Лютеромъ, но у него онъ не стоитъ на первомъ планѣ. У Кальвина же это есть главнѣйшій принципъ церковнаго устройства. Врядъ ли еще кто либо высказался противъ священства такъ рѣзко, какъ Кальвинъ. Санъ священника онъ не считаетъ дѣломъ какого-либо особаго призванія. Священнослужители слова Божія призываются и избираются общиной и изъ среды общины, по мѣрѣ ихъ годности, и посвященіе не есть, по мнѣнію Кальвина, какое-либо таинство, а дѣло самое обыкновенное. Церковная община основана на началахъ демократическихъ, а священники поставляются общиной; они обязаны возвѣщать вѣрующимъ содержаніе божественнаго откровенія, но какъ только они преступаютъ предѣлы своихъ обязанностей, то ихъ полномочіе кончается. Духовенство должно идти впереди остальнаго общества, развивать благочестіе въ гражданахъ, совершать св. таинства, поддерживать разумную дисциплину и хорошій порядокъ; священнослужители должны заботиться о подчиненіи величію Божію всякой власти, чести, мудрости и всякаго величія земнаго, и все это они обязаны дѣлать во имя Господа. Духовенство подлежитъ контролю церкви, т. е. собранія вѣрующихъ. Отлученіе, составляющее преимущественное право церкви, можетъ быть осуществлено не иначе, какъ при участіи представителей общины. Право налагать это наказаніе отнюдь не можетъ принадлежать одному только лицу.

Такимъ образомъ, церковь, по мысли Кальвина, есть общество вѣрующихъ, основанное на строго-демократическихъ началахъ и проникнутое духомъ строгой дисциплины, признающее одинъ только авторитетъ св. писанія, которому должна подчиняться вся внѣшняя общественная жизнь и всѣ формы богослу-

женія. Эта церковь, изображая собою группу избранныхъ, противополагается царству тьмы и антихриста, съ которымъ она находится въ непримиримой враждѣ. Но тутъ возникаетъ вопросъ: въ какомъ соотношеніи должны находиться между собою эта церковная община и свѣтская власть? Какое значеніе имѣетъ государство для вѣрующаго? Кальвинъ особенно напираетъ на различіе между властью церковною и властью свѣтскою. Государство, подъ какою бы формой оно ни явилось, составляетъ необходимость для человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ живетъ на землѣ. Оно есть учрежденіе божественное, и безъ него мы не можемъ обойтись, какъ не можемъ обойтись безъ пищи и питья. Верховная власть владѣетъ мечемъ, врученнымъ ей самимъ Господомъ. Она должна употребить этотъ мечъ для защиты угнетенныхъ, для каранія порочныхъ, для поддержанія общественнаго спокойствія и порядка, должна поддерживать уваженіе къ общественному порядку. Но государство не должно имѣть никакой власти надъ совѣстью; точно также оно не должно въ дѣлахъ вѣры создавать авторитетъ изъ самого себя: сфера его власти не идетъ далѣе предѣловъ внѣшней, соціальной жизни. Произвольное смѣшеніе двухъ сферъ власти свѣтской и духовной противно слову Божію; поэтому Кальвинъ рѣзко высказывается противъ принципа англиканской церкви о главенствѣ короля въ церкви Христовой.

Однако, по Кальвину, церковь и государство не должны быть чужды другъ другу. Напротивъ, въ сущности оба имѣютъ одну общую задачу. Государство, какъ необходимое условіе нашей земной жизни, должно вмѣстѣ съ тѣмъ служить цѣлямъ вѣчной жизни—души, и потому обязано поддерживать церковь всѣми силами.

Кальвинъ, такимъ образомъ, высказываетъ тѣ воззрѣнія средневѣковой церкви, которымъ онъ самъ же объявляетъ войну. Государство у него превращается въ церковную общину. Религія и страхъ Божій — вотъ основы государственной жизни. Главная цѣль государства — защищать церковь, охранять чистоту христіанства, искоренять расколы, поддерживать дисциплинарную власть церкви. Кальвинъ требуетъ безусловнаго подчиненія государственной власти, исключая тѣ случаи, когда она идетъ въ разрѣзъ съ божественной волей.

«Руководство къ христіанской вѣрѣ» Кальвина, безъ сомнѣнія, есть самое выдающееся, самое замѣчательное явленіе реформаторской литературы XVI столѣтія въ сферѣ догматики. По цѣльности и послѣдовательности своей системы Кальвинъ оставляетъ далеко за собой всѣ попытки Меланхтона, Цвингли и др.

Несмотря, однако, на всѣ высокія достоинства книги, она, при чтеніи, производитъ тяжелое впечатлѣніе. Система, насквозь проникнутая мыслью о предопредѣленіи, раздѣляющая родъ человѣческій, независимо отъ личныхъ заслугъ, на избранныхъ и отверженныхъ, отвергающая всякое значеніе разума и философіи, проповѣдующая исключительное господство мертвой буквы писанія, — такая система никакъ не можетъ создать ни спокойствія, ни гармоніи въ мыслящемъ духѣ человѣка, ищущаго назиданія и утѣшенія. Формы и тонъ, въ которыхъ авторъ высказываетъ свои воззрѣнія, еще болѣе отталкиваютъ, чѣмъ самое содержаніе книги. Кальвинъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ объявляетъ свои религіозныя воззрѣнія самыми правильными, свою систему единственно вѣрною и истинною формою христіанства. Онъ отвергаетъ всякую уступку. Онъ даже имѣетъ притязаніе на непогрѣшимость. Врядъ ли еще когда-либо ученое сочиненіе имѣло такія богатыя послѣдствія, какъ «Руководство къ христіанской вѣрѣ». Правда, оно не производило такого сильнаго впечатлѣнія на массу, какъ сочиненія Лютера, но зато оно производило гро-

мадное вліяніе на всю интеллигенцію. Успѣхъ книги возрасталъ изъ года въ годъ, изданіе слѣдовало за изданіемъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Кальвинъ издалъ свою книгу на французскомъ языкѣ. Эта книга сдѣлалась для французскаго протестантизма чѣмъ-то въ родѣ канона и для французской литературы получила такое же значеніе, какое имѣетъ переводъ библіи Лютера для нѣмецкой.

Вліяніе этого сочиненія Кальвина, однако, не ограничивалось одною Франціей: оно было переведено почти на всѣ европейскіе языки. Вездѣ его цитировали, восхваляли въ стихахъ, какъ произведеніе, не имѣющее себѣ ничего подобнаго со временъ апостоловъ. Оно сдѣлалось арсеналомъ, изъ котораго противники старой церкви заимствовали оружіе для борьбы. Ни одно сочиненіе временъ реформаціи не возбуждало въ католической церкви такого страха, такого противодѣйствія и такихъ преслѣдованій, какъ «Institutio» Кальвина.

Однако врядъ ли это сочиненіе стяжало бы такую славу, если бы самъ авторъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перваго изданія, не выступилъ на такую арену, гдѣ теологъ превратился въ реформатора и имѣлъ возможность осуществить свою программу въ такой степени, какую трудно было себѣ прежде представить.

XLIV. Церковно-политическія преобразованія Кальвина въ Женевѣ и общая оцѣнка его реформаторской дѣятельности.

(По соч. Гейссера: «Geschichte des Zeitalters der Reformation»).

Благодаря отчасти чистой случайности, отчасти же настояніямъ своихъ друзей, Кальвинъ рѣшился поселиться въ Женевѣ, гдѣ должна была начаться его преобразовательная дѣятельность, имѣющая всемірно-историческое значеніе. Расположенная на самой границѣ государства, въ сосѣдствѣ съ честолюбивымъ герцогомъ Савойскимъ, на перепутьи къ различнымъ національностямъ, служа резиденціей епископа, Женева считалась однимъ изъ старѣйшихъ цвѣтущихъ городовъ Бургундіи. Однако, несмотря на это, городъ этотъ замѣтно клонился въ то время къ упадку какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи. Кто знаетъ пуританскую, строгую нравами Женеву, тотъ едва ли можетъ представить себѣ то состояніе, въ которомъ ее засталъ Кальвинъ. Необузданность страстей и своеволіе, крайнее легкомысліе, отсутствіе всякой дисциплины въ нравахъ, безпорядокъ и анархія въ дѣлахъ государственнаго управленія—вотъ картина, представившаяся Кальвину въ первое его посѣщеніе. Вліяніе духовной власти епископа преобладало въ Женевѣ во всемъ. Хаосъ въ политическихъ дѣлахъ Женевы увеличивался еще интригами честолюбиваго сосѣда, герцога Савойскаго, который, имѣя сильные виды на Женеву, ссорилъ гражданъ съ епископомъ и тутъ же предлагалъ себя въ посредники и примирители.

До Кальвина въ Женевѣ дѣйствовали въ разное время нѣсколько реформаторовъ: Вире, Фарель, Теодоръ Беза—всѣ французы. Но никто, конечно, не дѣйствовалъ и не могъ дѣйствовать съ такою силою и съ такимъ успѣхомъ, какъ Кальвинъ. Вся сила его, вся тайна его успѣха,

лежала не въ количествѣ познаній и не въ ораторскомъ искусствѣ. Нѣтъ! Фанатическая преданность своему дѣлу на жизнь и смерть, строгое проведеніе принциповъ своего ученія въ собственной семейной жизни въ продолженіе многихъ годовъ, безкорыстное служеніе своей идеѣ безъ малѣйшихъ уступокъ человѣческимъ слабостямъ и страстямъ, неумолимыя требованія относительно другихъ—вотъ въ чемъ лежало все величіе, все неотразимое вліяніе Кальвина и весь залогъ успѣха его начинаній. И именно такъ онъ дѣйствовалъ въ Женевѣ. Онъ основалъ здѣсь вокругъ себя небольшую школу и усердно принялся за возведеніе того зданія, которое составляло идею всей его жизни. Онъ принялся за проведеніе своей реформы въ области религіи и культа, въ дѣлахъ церковныхъ и соціальныхъ. Онъ проповѣдывалъ своимъ слушателямъ съ такою неотразимою силою, какая доступна была только одному ему, у котораго слово съ дѣломъ никогда не расходилось. Началъ онъ съ организаціи небольшихъ общинъ, на подобіе общинъ первыхъ вѣковъ христіанства. Хотя количество приверженцевъ его возрастало, но онъ не особенно былъ доволенъ этимъ. Онъ видѣлъ, что пріобщеніе къ его ученію есть чисто-внѣшнее. Большинство смотрѣло на смѣлаго реформатора, какъ на весьма сподручное орудіе, годное для борьбы съ епископомъ. Они надѣялись этимъ путемъ освободиться отъ римскаго духовенства и создать свою самостоятельную церковь. Свободу они смѣшивали съ произволомъ и продолжали пребывать въ прежней распущенности. Его печалило, что его строгая церковная дисциплина никакъ не прививалась и всѣ по возможности старались облегчить себѣ дѣло религіи. Кальвинъ не скрывалъ своего недовольства и обнаруживалъ его въ своихъ проповѣдяхъ. Послѣднія выслушивали съ изумленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ; но дальше этого дѣло не шло. Наступилъ праздникъ Пасхи 1538 г. Когда, по обычаю, граждане приступили къ причастію, Кальвинъ вдругъ удалилъ всѣхъ ихъ отъ алтаря, воскликнувъ: «Вы недостойны принять тѣла Христова: ни въ чемъ вы не измѣнились къ лучшему; ваши помыслы и нравы, ваши привычки остались тѣ же, что и были!»

На такую мѣру можно было рѣшиться только разъ, и то не безъ серьозной опасности для себя. Само собою разумѣется, что впечатлѣніе, произведенное этимъ, было ужасное. Даже друзья Кальвина—и тѣ не одобряли этого поступка. Его же самого это ничуть не смутило. Однако онъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ изъ Женевы.—Женеву онъ оставилъ въ крайне неопредѣленномъ положеніи: внутренняя жизнь представляла безобразный хаосъ, и оправдались пророческія слова Кальвина, сказавшаго, что однимъ отпаденіемъ отъ прежней церкви не создастся еще церковь новая. Какъ бы то ни было, Кальвину снова пришлось скитаться въ изгнаніи. Понятно, что тяжело было ему переносить новыя неудачи. Этотъ тяжелый періодъ въ жизни реформатора вызвалъ въ немъ въ то время какую-то горечь, которую онъ никогда забыть не могъ.

Скоро, однако, дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Три года продолжалась борьба партій, пока, наконецъ, всѣ пришли къ убѣжденію, что, отпавши отъ старой церкви, Женева погибнетъ, если будетъ долѣе противиться реформаціи. Сѣмена, посѣянныя Кальвиномъ, такимъ образомъ, не пропали даромъ, и поворотъ къ лучшему пришелъ самъ собою.

Но безъ руководства всѣ надежды и начинанія должны были рухнуть. Въ Женевѣ вспомнили о Кальвинѣ. Единогласно рѣшено было призвать человѣка, который давно желалъ заново создать вѣру, обычаи и свободу. Кальвину сдѣлали настоятельное приглашеніе вернуться въ Женеву и сдѣлаться законодателемъ города. Въ сентябрѣ 1541 года Кальвинъ вернулся въ Женеву, и съ этого момента начинается его всемірно-историческая дѣятельность. Снабженный такою властью, какою только обладалъ въ древности Ликургъ, Кальвинъ широко развернулъ свою дѣятельность и горячо принялся за сооруженіе твердыни Господней, за созиданіе теократіи особаго рода, въ которой все, и религія, и общественная жизнь, и государственное управленіе, слились воедино. Правда, онъ является только проповѣдникомъ слова Божія, не болѣе. Но на самомъ дѣлѣ онъ былъ законодатель, правитель и диктаторъ Женевы. Женева въ рукахъ Кальвина сдѣлалась школой реформаціи для всей западной Европы, и въ то время, когда протестантизмъ изнемогалъ въ борьбѣ съ католицизмомъ, школа Кальвина одна вела эту борьбу съ успѣхомъ и сослужила великую службу дѣлу реформаціи.

По мысли Кальвина, храмъ Божій долженъ состоять изъ однѣхъ только стѣнъ, и никакія внѣшнія украшенія, ни алтарь, ни даже распятіе, словомъ, никакое изображеніе не должно мѣшать благоговѣнію молящагося. Богослуженіе должно состоять въ назиданіи посредствомъ слова и простой духовной пѣсни. Не только молитва, но и всѣ прочія наши дѣйствія и поступки должны быть, по чистотѣ своей возведены на степень богослуженія. Брань, игры, пѣсни, пляски и всякаго рода свѣтское препровожденіе времени разсматривалось Кальвиномъ, какъ преступленіе и порокъ. Ничто внѣшнее не должно раздражать нашу фантазію. По мнѣнію Кальвина, въ старой церкви внѣшнія впечатлѣнія подавляли внутреннее благоговѣніе вѣрующаго, ибо церковь старалась сильно влiять на внѣшнія чувства человѣка. Онъ же ставитъ на первый планъ духовное начало, внутреннюю идею.

Церковная дисциплина, созданная Кальвиномъ, достойна вниманія. Она слѣдитъ за жизнью каждаго гражданина отъ колыбели до смерти. Всѣ тѣ внушительныя средства и мѣры, которыми старая церковь добилась послушанія вѣрующихъ, Кальвинъ оставилъ и въ своей системѣ и строго провелъ идею о подчиненіи гражданъ всѣмъ церковнымъ порядкамъ. Ни одинъ реформаторъ не ограничилъ личной свободы до такой степени, какъ Кальвинъ. Въ этомъ отношеніи онъ превосходилъ даже старую церковь, которая все-таки представляла исходъ въ отлученіи. Одна только черта смягчала строгость ученія Кальвина, а именно: строгость эта исходила не отъ одного лица, но вытекала изъ воли цѣлой общины, управляемой проповѣдниками и правителями, ею же избираемыми.

Съ изданія ордонансовъ отъ 2 января 1542 года начинается организація новаго церковно-политическаго устройства Женевы. Четыре рода избирательныхъ чиновъ должны были служить органами этой преобразованной церковной общины: пасторы, ученые, старѣйшины и діаконы. Пасторы и старѣйшины образуютъ консисторію. Первые суть проповѣдники и наставители вѣры; они же совершаютъ необходимыя церковныя таинства. Желающій сдѣлаться пасторомъ долженъ подвергнуться испытанію: отъ него требуется основательное и толковое знаніе св. писанія, онъ долженъ умѣть возвѣщать народу слово Божіе, наконецъ долженъ

отличаться нравственно безупречною жизнью. Только такое лицо можетъ быть подвергнуто выбору. Служебныя обязанности пастора опредѣлены довольно подробно. Пасторы причащаютъ гражданъ четыре раза въ году, руководятъ обученіемъ дѣтей, посѣщаютъ семьи гражданъ и заботятся о томъ, чтобы никто не приступалъ къ церковной трапезѣ невѣжественнымъ и не приготовленнымъ; они же навѣщаютъ заключенныхъ и больныхъ.

Консисторія состоитъ изъ лицъ духовныхъ и двѣнадцати міряпъ, избираемыхъ, по предложенію духовныхъ ея членовъ, совѣтомъ двухсотъ срокомъ на одинъ годъ. Она обязана заботиться объ исполненіи всѣхъ предписаній закона главнымъ же образомъ она есть высшее учрежденіе, наблюдающее за чистотою нравовъ. Каждый четвергъ консисторія имѣетъ свои засѣданія и провѣряетъ, все ли въ порядкѣ въ дѣлахъ церковныхъ. Она снабжена правомъ отлученія, которое, однако, состоитъ только въ исключеніи изъ общества и лишеніи чаши, не сопровождаясь какими-либо другими наказаніями. Консисторія также вѣдаетъ дѣла брачныя. Что касается діаконовъ, то на ихъ обязанности лежала забота о бѣдныхъ и о подаяніи.

Душею всей этой церковно-политической организаціи былъ Кальвинъ. При взглядѣ на него, мы не замѣчаемъ въ немъ той теплоты, той человѣчности, которая проявлялась въ Лютерѣ, умѣвшемъ тепло и дружественно относиться къ людямъ своего лагеря; какъ человѣкъ, Кальвинъ имѣетъ весьма мало сходства съ Лютеромъ: онъ холоденъ, рѣзокъ, почти мраченъ. На половину пророкъ ветхаго завѣта, на половину демагогъ-республиканецъ, онъ могъ совершать все въ своемъ государствѣ однимъ только могуществомъ своей личности, силою своего слова и величіемъ своего характера. До самаго конца своей жизни Кальвинъ оставался простымъ священникомъ, бѣдный образъ жизни котораго казался врагамъ его проявленіемъ скупости. Дѣйствительно, послѣ 23-лѣтняго управленія онъ оставилъ имущество нищаго-монаха, и этимъ онъ гордился. Бѣдные разсказывали о его добротѣ, великодушіи и щедрости; при немъ городъ необыкновенно разбогатѣлъ, а онъ самъ остался бѣденъ—онъ жилъ и хотѣлъ жить только для другихъ. Это-то и было причиной того, что, въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, онъ былъ такъ великъ. По своему положенію, Кальвинъ былъ не только диктаторомъ республики, но даже имѣлъ огромное значеніе въ Европѣ. Изъ его переписки можно видѣть, какъ обширна была даже его внѣшняя, почти общеевропейская дѣятельность. Онъ находится въ постоянномъ письменномъ общеніи съ Маргаритой Валуа, составляетъ подробное наставленіе молодому королю Эдуарду VI англійскому, обмѣнивается письмами съ Булингеромъ, Меланхтономъ, Ноксомъ, даетъ совѣты Колиньи, Конде, Іоаннѣ д'Альбрэ, герцогинѣ Феррарской. Его положеніе въ Женевѣ напоминаетъ положеніе Самуила, передъ которымъ склоняется всякій, и хотя въ его письмахъ и звучитъ прямота простаго, разумнаго священника, однако, вездѣ въ нихъ проглядываетъ самоувѣренная гордость глубоко убѣжденнаго и вѣрнаго своему убѣжденію человѣка.

Несмотря, однако на всѣ свои достоинства, Кальвинъ не былъ чуждъ нѣкоторой страстности и раздражительности, свойственныхъ въ довольно значительной мѣрѣ его національности. Вообще же его натура, казалось, принадлежала къ числу натуръ спокойныхъ и холодныхъ, и, дѣйствительно, онъ въ значительной мѣрѣ имѣлъ способность къ само-

обладанію; но, какъ скоро онъ видѣлъ противорѣчіе тому, что, такъ сказать, наполняло собою все его существо, онъ превращался въ олицетвореніе гнѣва, и тутъ-то выступалъ на сцену уже не хладнокровный священникъ, а іерархъ, реформаціонный папа, пророкъ ветхаго завѣта, низвергавшій все, что только противостояло ему; въ другихъ случаяхъ, онъ могъ быть милостивъ даже по отношенію къ своимъ врагамъ.

Жертвою подобной нетерпимости Кальвина сдѣлался Серве. Этотъ человѣкъ выработалъ и съ жаромъ мученика защищалъ одно изъ теологическихъ воззрѣній, несогласныхъ съ ученіемъ Кальвина, за что послѣдній велѣлъ его сжечь. Такой поступокъ, совершенный въ духѣ среднихъ вѣковъ, когда сожигали на кострѣ всякаго еретика, наложилъ на Кальвина такое пятно передъ лицомъ исторіи, котораго стереть не можетъ ничто.

Впрочемъ, личность этого замѣчательнаго человѣка должна быть разсматриваема со всѣхъ сторонъ для того, чтобы можно было объяснить себѣ ея могущество. Населеніе республики, въ которой онъ господствовалъ, было до него въ высшей степени развращеннымъ, необузданнымъ, преданнымъ житейскимъ наслажденіямъ; теперь оно сдѣлалось образцомъ мрачной, пуританской строгости. Кальвинъ имѣлъ въ этомъ отношеніи огромное значеніе, благодаря полной безупречности своего образа жизни, могуществу самоотреченія, но въ то же время благодаря и всесокрушающей силѣ своей неумолимой воли, а иногда даже и ужасамъ фанатизма.

Его христіанская республика была, собственно говоря, теократіей, устроенной по ветхозавѣтному образцу. Онъ не желалъ, чтобы церковь господствовала надъ государствомъ, но не хотѣлъ и обратнаго; его желанія клонились къ такому полному смѣшенію государства съ церковью, при которомъ между тѣмъ и другою невозможно было бы провести никакой границы. Очевидно, что для проведенія подобной системы даже въ маленькомъ государствѣ требуется затрата всѣхъ нравственныхъ силъ самой исключительной и энергической личности. Кальвинъ рѣшилъ эту громадную задачу въ промежуткѣ времени между 1540—1561 годомъ, и чуть ли не черезъ три столѣтія спустя остались здѣсь рѣзкіе слѣды его реформы, и та печать, которую ему удалось наложить на народъ, ничуть не стерлась. Цѣлое столѣтіе спустя послѣ его смерти, можно было отчетливо различить и опредѣлить каждую черту характерной физіономіи женевской школы.

Никто изъ реформаторовъ не принимался такъ серьозно за введеніе церковнаго благочинія, какъ Кальвинъ. Онъ былъ совершенно твердо убѣжденъ въ томъ, что эта переработка должна будетъ обусловить собою коренное измѣненіе во всей нравственной жизни народа, и онъ не признавалъ тѣхъ границъ, которыя въ этомъ отношеніи были признаваемы Лютеромъ и Цвингли, имѣвшими болѣе свободныя воззрѣнія на этотъ предметъ.

Уже въ 1536 году Кальвинъ выступилъ на историческую арену въ качествѣ нравственнаго реформатора, съ совершенно новыми воззрѣніями на преступленія и съ примѣрной строгостью въ наказаніяхъ.

Онъ строго воспретилъ всякое веселье, азартную игру, танцы, пѣніе неприличныхъ пѣсенъ, ругань и т. д.; строгое же исполненіе воскресныхъ дней и посѣщеніе церкви сдѣлалось обязательнымъ для каждаго. Ничто, ни малое, ни великое, не ускользало отъ нравственно-полицейскаго контроля. Въ 9 часовъ вечера каждый гражданинъ долженъ былъ

быть дома, подъ страхомъ строгаго наказанія. За нарушеніе супружеской вѣрности полагалась смертная казнь; такъ, одна женщина, уличенная въ этомъ преступленіи, была брошена въ Рону, а двоимъ мужчинамъ были отрублены головы, между тѣмъ какъ прежде то же преступленіе наказывалось только нѣсколькими днями тюремнаго заключенія и небольшимъ денежнымъ штрафомъ. Смертная казнь полагалась не только за всякое богохульство, но даже за поступокъ, въ которомъ можно было усмотрѣть косвенное неуваженіе къ Богу. Ругань и проклятія, обращенныя даже къ животнымъ, были воспрещены. Дитя, позволившее себѣ выругать свою мать, было посажено на хлѣбъ и на воду; другое дитя, бросившее камень въ свою мать, было публично высѣчено и привѣшено за руки къ висѣлицѣ; третье, осмѣлившееся бить своихъ родителей, умерщвлено. Плотскія вожделѣнія, въ большинствѣ случаевъ, наказываемы были утопленіемъ виновнаго; пѣніе неприличныхъ пѣсень—заточеніемъ; такъ, женщина, уличенная въ томъ, что она пѣла свѣтскія пѣсни на мотивы псалмовъ, была публично высѣчена; образованный мужчина, пойманный за чтеніемъ соблазнительныхъ разсказовъ Поджіо, былъ заключенъ въ тюрьму. Всякій, кого заставали за картами, былъ привязываемъ съ картами на шеѣ къ позорному столбу. Прежнее веселье, сопровождавшее свадебные обряды, должно было быть уничтожено: никакой музыки во время шествія и никакихъ танцевъ на пиру не допускалось. Театральныя представленія были воспрещены, за исключеніемъ тѣхъ развѣ случаевъ, когда исполнялись какія либо сцены изъ библейскихъ сказаній. Чтеніе романовъ было безусловно воспрещено, и кто писалъ что либо соблазнительное, попадалъ въ тюрьму.

Такимъ образомъ, самое послѣдовательное проведеніе преобразованнаго церковнаго благочинія повело за собою впаденіе въ ту же односторонность, которая характеризовала прежнюю монастырскую и иноческую жизнь; результаты этого неестественнаго положенія вещей не замедлили, конечно, сказаться.

Впрочемъ, подобныя крайности вытекали уже изъ самой сущности кальвиновской реформы: методическая набожность, гордившаяся тѣмъ, что ей удается исключить изъ среды людей самыя пустячныя житейскія наслажденія — это была одна изъ весьма характерныхъ чертъ его реформы. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что все это имѣло свое важное значеніе, въ особенности для того времени.

Такое отношеніе кальвиновской реформы къ людямъ было скорѣе спартанскимъ или древне-римскимъ, нежели христіанскимъ. Никто, конечно, не подумаетъ, что существуетъ хоть малѣйшая возможность пригнать все человѣчество подъ такую мѣрку; но что этимъ путемъ можно въ извѣстномъ кругу людей выработать сильные характеры, выработать личностей съ доходящею до самозабвенія преданностью къ извѣстному дѣлу, съ самоотверженнымъ героизмомъ — это безспорно. Въ томъ-то и заключалось значеніе кальвиновскаго образцоваго государства. Послѣ нѣкотораго времени распущенной и безнравственной жизни ему удалось перегнуть людей къ противоположной крайности; послѣ нѣкотораго времени страшнаго, ничѣмъ неудержимаго разврата, при которомъ не было, повидимому, ничего воспрещеннаго, явился онъ и наложилъ клеймо преступленія даже на такіе поступки, которые, съ точки зрѣнія общечеловѣческой, считались невинными.

Школа, въ которой господствовала такая строгость, въ которой презирались всякія наслажденія и житейскіе соблазны, которая способна была приносить громадныя жертвы, отважиться на рѣшительныя дѣла ради служенія всемірно-исторической идеѣ,—такая школа должна была несомнѣнно пріобрѣсти огромное вліяніе, и, дѣйствительно, вліяніе ея внутри страны и внѣ ея было поразительно. Жизнь въ Женевѣ совершенно преобразилась; торжественное духовное настроеніе замѣнило собою прежнюю свѣтскую, шумную жизнь; прежнее легкомысліе уничтожилось, великолѣпіе въ одеждахъ исчезло, маскерады, танцы и т. п. увеселенія перестали существовать, трактиры и театры были пусты, церкви же были вѣчно переполнены, и общій духъ благоговѣнія и религіознаго настроенія охватывалъ весь городъ, все населеніе....

Эта же школа послужила исходнымъ пунктомъ для обширной пропаганды, дѣятельность которой простерлась на многія другія государства; такъ, мы находимъ большое число пропагандистовъ въ лицѣ французскихъ и голландскихъ кальвинистовъ, главнымъ же образомъ въ лицѣ шотландскихъ пресвитеріанъ и англійскихъ пуританъ, которые всѣ были выходцами изъ Женевы—этой метрополіи кальвинизма.

Въ то время, когда Европа не могла указать въ реформаторской дѣятельности ни на одинъ твердый, укрѣпленный и стойкій бастіонъ, маленькое женевское государство было единственнымъ пунктомъ, который могъ считаться могущественнымъ оплотомъ въ реформаціонномъ движеніи. Это маленькое государство ежегодно разсылало по свѣту апостоловъ, которые вездѣ проповѣдывали свое ученіе и представляли для Рима самый опасный противовѣсъ тогда, когда онъ не видѣлъ противъ себя ни одной выставленной батареи. Въ піонерахъ этой маленькой общины сказался тотъ смѣлый и гордый духъ, который могъ образоваться лишь подъ вліяніемъ такого стоическаго развитія характера и воспитанія, какое они пережили. Это былъ особенный, точно изъ стали вылитый, родъ людей, для котораго ничто не казалось слишкомъ смѣлымъ и который далъ реформаціонному движенію новое направленіе въ томъ отношеніи, что это движеніе отстало отъ старыхъ порядковъ, носившихъ на себѣ характеръ монархизма и увѣровало въ евангеліе демократіи.

Это было дѣло громадной важности въ томъ смыслѣ, что оно шло наперекоръ тѣмъ отчаяннымъ усиліямъ, которыя тщетно употреблялись старой церковью и старымъ монархическимъ принципомъ для подавленія реформаціоннаго духа.

Съ пассивнымъ сопротивленіемъ Лютера трудно было бы устоять противъ такихъ личностей, какъ Караффа, Филиппъ и Стюарты, — для этого нужна была школа вооруженныхъ съ головы до ногъ людей, а такихъ-то и выработывала школа Кальвина. Они вездѣ подняли брошенную перчатку — во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Шотландіи, въ Англіи; во все продолженіе религіозныхъ и политическихъ войнъ за освобожденіе и вплоть до первыхъ переселеній въ Сѣверную Америку вездѣ можно видѣть дѣятельность женевской школы. Женевѣ принадлежитъ цѣлая область всемірной исторіи,—область, въ которую входитъ наиболѣе важный періодъ XVI и XVII столѣтій.

Цѣлый рядъ самыхъ выдающихся личностей во Франціи, Нидерландахъ и Великобратаніи принадлежалъ къ этой школѣ; все это личности рѣзкія, мрачныя, строгія, но въ то же время характеры желѣзные, харак-

теры такой отливки, въ которой смѣшались романскіе и германскіе, средневѣковые и новые элементы и которые изъ новаго ученія вывели самымъ строгимъ и послѣдовательнымъ образомъ свои національно-политическіе взгляды.

XLV. УСПѢХИ КАЛЬВИНИЗМА ВО ФРАНЦІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ГЕНРИХА II.

(Изъ соч. Лавалле: «Histoire des Français» т. II).

Побѣда протестантовъ въ Германіи надъ Карломъ V, поддержка, оказанная имъ Генрихомъ II, противорѣчивая политика папъ рѣшили успѣхъ реформаціи во Франціи, но правительство формально высказалось противъ нея. «Король, говоритъ Таваннъ, ненавидѣлъ кальвинистовъ болѣе по государственнымъ, чѣмъ по религіознымъ основаніямъ, опасаясь, чтобы иностранцы не воспользовались ими противъ него, подобно тому, какъ ими пользовались лютеранскіе государи Германіи противъ императора»; поэтому онъ издалъ противъ нихъ весьма строгіе эдикты. Такимъ образомъ, въ 1551 г., когда онъ не дозволилъ своимъ епископамъ отправиться на Тридентскій соборъ, онъ въ то же время охладилъ и радостные восторги протестантовъ, издавши эдиктъ изъ Шатобріана, который воспрещалъ всякія просьбы въ пользу еретиковъ, обѣщалъ награды доносчикамъ и требовалъ свидѣтельства объ усердіи къ католицизму. Впослѣдствіи онъ согласился на предложеніе Павла IV объ учрежденіи инквизиціи, «этого единственнаго молота, говорилъ папа, которымъ можно сокрушить ересь»; парламентъ энергически возсталъ противъ этого проэкта и заставилъ отложить его, но въ 1557 году булла, утвержденная Генрихомъ, поручала «введеніе инквизиціи и наблюденіе надъ нею» тремъ кардиналамъ; и парламентъ внесъ ее въ реэстръ съ тѣмъ условіемъ, чтобы этому суду были подсудны только лица духовнаго званія и чтобы въ своей юрисдикціи онъ не зависѣлъ отъ римскаго двора, но состоялъ бы подъ надзоромъ епископовъ. Этотъ эдиктъ возбудилъ живое неудовольствіе во Франціи. «Горячіе политики и ревнители религіи, говоритъ Кастельно, считали, что онъ необходимъ какъ для охраненія и поддержанія католической религіи, такъ и для подавленія возмутителей, которые усиливались, подъ видомъ религіи, ниспровергнуть политическій строй государства, и, наконецъ, для того, чтобы страхъ наказанія вырвалъ секту съ корнемъ. Другіе же, не заботившіеся ни о религіи, ни о государствѣ, также считали эдиктъ необходимымъ, но вовсе не для того, чтобы истребить протестантовъ, но для того, чтобы служить средствомъ для обогащенія посредствомъ конфискацій, налагаемыхъ на осужденныхъ».

Но, несмотря на эти эдикты, несмотря на наказанія, протестанты «были такъ стойки и рѣшительны въ своей вѣрѣ, что не скрывались даже и тогда, когда было принято рѣшеніе казнить ихъ, и чѣмъ больше ихъ наказывали, тѣмъ болѣе они размножались». Половина дворянства, часть духовенства и, можетъ быть, десятая часть народа были тайно преданы реформѣ. «Во всякой провинціи, писалъ венеціанскій посланникъ, есть протестантизмъ; за исключеніемъ простаго

народа, попрежнему усердно посѣщающаго церкви, всѣ другіе стали отступниками, особенно дворяне и почти всѣ люди моложе сорока лѣтъ». Въ 1555 г. во Франціи была еще только одна реформатская церковь, а въ 1559 г. ихъ было уже двѣ тысячи. Несмотря на королевскія запрещенія, проповѣди произносились публично; составлялись процессіи отъ 5 до 6 тысячъ человѣкъ, которые распѣвали псалмы; посланные отъ Кальвина ходили по провинціямъ, возбуждая религіозное рвеніе, распространяя сочиненія своего учителя, составляя ассоціаціи и дѣлая сборы. Люди, знаменитые по своему происхожденію или по своимъ талантамъ, были уже во главѣ кальвинизма: это были два принца Бурбона и три брата Шатильона, племянники Монморанси: первый адмиралъ Колиньи, второй—Дандело, генералъ отъ инфантеріи, третій—кардиналъ. Наконецъ парламенты, которые обязаны были преслѣдовать ересь, сами были расположены къ ней. Тогда было цвѣтущее время французской магистратуры: Оливье, Лопиталь, Дюмуленъ, Кюжасъ, Кокиль сообщали блескъ старому національному законодательству, выставляли въ настоящемъ свѣтѣ истинные принципы гражданскаго права и представляли собою рядъ судебныхъ дѣятелей, испытанныхъ въ наукѣ и добродѣтели. Постоянные въ своей оппозиціи римскому двору, ревниво охранявшіе свою юрисдикцію, парламенты, а въ особенности парижскій, дѣлали инквизицію безполезною и своею снисходительностью или потворствомъ спасли многихъ обвиняемыхъ. Многіе совѣтники парламентовъ были протестантами; другіе, стремившіеся составить нейтральную партію, требовали собора и свободы совѣсти; всѣ они строгостью своихъ нравовъ и своими связями съ учеными имѣли видъ протестантовъ. Что сдѣлалось бы съ католицизмомъ, если бы магистратура оставила его? Генрихъ II рѣшился посредствомъ государственнаго переворота остановить успѣхи кальвинизма въ парижскомъ парламентѣ: «вездѣ, говорилъ онъ, гдѣ проповѣдуются новыя ученія, авторитетъ королевскій колеблется, и угрожаетъ опасность возникновенія республики въ родѣ швейцарской». Возбуждаемый кардиналомъ лотарингскимъ и фавориткою Діаною Пуатье, онъ неожиданно явился въ парламентъ, и такъ какъ здѣсь шли разсужденія о необходимости смягчить наказанія, опредѣленныя для еретиковъ, то онъ пригласилъ членовъ парламента говорить свободно (1559 г., 14 іюня). Совѣтники парламента Дюбуръ и Дюфоръ отличились рѣзкостью своихъ рѣчей: они требовали пріостановки всякихъ наказаній до рѣшенія вселенскаго собора, порицали пороки двора и едва скрывали свою преданность кальвинизму. Генрихъ счелъ себя обиженнымъ, въ особенности за свою любовницу, на которую, казалось, намекали слова Дюбура; онъ тутъ же далъ приказаніе арестовать обоихъ совѣтниковъ. Трое другихъ были схвачены въ ихъ домахъ, и была назначена коммисія для суда надъ ними.

При извѣстіи объ этихъ арестахъ, священники реформатской церкви собрались въ Парижѣ, и это былъ первый національный синодъ протестантовъ во Франціи. Они составили положеніе, имѣвшее цѣлью поддержать единство между ихъ небольшими общинами, и рѣшили потребовать вмѣшательства нѣмецкихъ государей въ пользу заключенныхъ. Короля сильно раздражило то, что его подданные собираются и совѣщаются безъ его приказанія и прибѣгаютъ къ защитѣ иностранцевъ; онъ запретилъ собранія подъ страхомъ смертной казни и предписалъ строгія преслѣдованія сектаторовъ. Но смерть застигла его среди этихъ плановъ

преслѣдованія. Процессъ Дюбура продолжался и при Францискѣ II и вызвалъ сильное волненіе, особенно послѣ того, какъ президентъ Минаръ, отъявленный врагъ обвиняемаго, былъ убитъ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Сотоварищи Дюбура поколебались; но онъ безстрашно исповѣдалъ свою вѣру, былъ осужденъ и казненъ въ концѣ 1559 года. Послѣ этого парламентъ, очищенный, вполнѣ былъ преданъ католицизму и поддержанію законовъ, не оставляя, однако, своихъ стремленій къ умѣренности и оппозиціи римскому двору.

Казнь Дюбура возбудила негодованіе между протестантами и внушила имъ планы сопротивленія. Подъ вліяніемъ Кальвина, который увѣщевалъ ихъ защищать ихъ *дѣло* «даже пушечными выстрѣлами», они составили исповѣданіе вѣры и учредили свои консисторіальныя собранія, свободный выборъ своихъ пасторовъ и правильныя вспомоществованія. Это было настоящее государство въ государствѣ. Изъ консисторіи каждой церкви дѣла переходили въ провинціальный синодъ, состоящій изъ депутатовъ каждой консисторіи, а отсюда въ національный синодъ, состоящій изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ синодовъ, и въ этихъ собраніяхъ «разсуждали не только о религіи, но и о государственныхъ дѣлахъ, о мѣрахъ для защиты и нападенія, для собиранія денегъ для военныхъ людей и для попытокъ противъ городовъ и крѣпостей». Кальвинисты стали горды и самоувѣренны; число ихъ ежедневно возрастало, и видя, что большая часть дворянства уже готова взяться за оружіе, они рѣшились завладѣть правленіемъ насильственнымъ образомъ и навязать всей Франціи новыя доктрины.

XLVI. ГИЗЫ И БУРБОНЫ И ПОДГОТОВЛЕНІЕ РЕЛИГІОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ПАРТІЙ.

(Изъ соч. Гизо: «Histoire de France, racontée à mes petits-enfants», т. III).

Въ продолженіе и особенно въ концѣ царствованія Генриха II два враждебныя другъ другу явленія: съ одной стороны, численность и ревность протестантовъ, съ другой—безпокойство, фанатизмъ и власть католиковъ, развились и выросли одновременно. Съ мая 1558 г. по іюнь 1559 г. въ Дофинэ, въ Нормандіи, въ Пуату и въ Парижѣ было совершено 15 смертныхъ казней надъ еретиками. Два королевскихъ эдикта, первый отъ іюля 1558 г., второй отъ іюня 1559 г., усилили строгость уголовнаго законодательства по отношенію къ еретикамъ. Для утвержденія эдиктовъ Генрихъ II, въ сопровожденіи принцевъ и королевской свиты, отправился самъ въ парламентъ. Въ то время уже существовало нѣкоторое разногласіе въ этомъ учрежденіи, состоявшемъ тогда изъ 130 магистратовъ; старшіе члены, засѣдавшіе въ большой палатѣ, оказались вообще строгими въ обвиненіяхъ въ ереси, младшіе же члены, составлявшіе такъ-называемую палату Ла-Турнель (la Tournelle), были терпимѣе. Разногласіе это обнаружилось даже въ присутствіи короля. Два совѣтника, Дюбуръ и Дюфоръ, говорили до такой степени горячо о реформахъ, по ихъ мнѣнію, необходимыхъ и законныхъ, что противники ихъ, не колеблясь, сочли ихъ за протестан-

товъ. Король приказалъ ихъ арестовать вмѣстѣ съ тремя ихъ товарищами. Спеціальные коммисары были назначены для разслѣдованія ихъ дѣла. Одинъ изъ значительнѣйшихъ начальниковъ въ арміи, Франсуа Андело, братъ адмирала Колиньи, возбудилъ тѣмъ же гнѣвъ короля. Онъ былъ въ заточеніи въ г. Мо, когда Генрихъ II умеръ. Таковы были наклонности и взаимныя отношенія двухъ партій, когда Францискъ II, бѣдный духомъ и тѣломъ, вступилъ на престолъ.

Депутаты парламента пришли по обыкновенію поздравить новаго короля и спросить его: «Къ кому онъ прикажетъ впредь обращаться за полученіемъ его приказаній?» Францискъ II отвѣтилъ: «Съ согласія королевы, моей матери, я избралъ для управленія государствомъ двухъ моихъ дядей—герцога Гиза и кардинала лотарингскаго; на первомъ будетъ лежать обязанность заботиться о дѣлахъ военныхъ, второй же будетъ стоять во главѣ финансоваго и судебнаго вѣдомствъ». Это былъ дѣйствительно его выборъ, и онъ былъ несомнѣнно сдѣланъ по совѣту его матери. Такимъ образомъ Гизы пріобрѣли всѣ милости двора, и въ то же время они пользовались огромною властью въ государствѣ.

Чтобы лучше обрисовать герцога Франциска Гиза и его брата кардинала лотарингскаго, двухъ главныхъ лицъ двора, я приведу подлинныя слова двухъ ихъ современниковъ, французскаго историка де-Ту и венеціанскаго посланника Жана Мишеля, которые знали ихъ ближе и были ихъ лучшими судьями. «Кардиналъ лотарингскій, говоритъ де-Ту, былъ характера вспыльчиваго и жестокаго; герцогъ же Гизъ, напротивъ, мягокъ и спокоенъ. Но такъ какъ честолюбіе вообще беретъ верхъ надъ сдержанностью и справедливостью, то скоро крайніе совѣты кардинала овладѣли имъ, и самъ онъ, раздѣляя его крайнія мнѣнія, съ удивительною ловкостью и осторожностью приводилъ въ исполненіе планы, задуманные его братомъ». Венеціанскій посланникъ входитъ еще въ большія и точныя подробности: «Кардиналъ, говоритъ онъ, какъ первое лицо при дворѣ, представлялъ бы собою, по общему мнѣнію, громадную политическую силу въ своемъ королевствѣ, если бы не тѣ его недостатки, о которыхъ я буду говорить ниже. Ему всего 37-й годъ; при замѣчательномъ умѣ онъ обладаетъ способностью схватывать на полусловѣ мысль говорящаго съ нимъ. У него замѣчательная память, благородная и прекрасная осанка, рѣдкое краснорѣчіе, которое проявлялось въ особенности, когда дѣло касалось политическихъ вопросовъ. Онъ очень образованъ; знаетъ греческій, итальянскій и латинскій языки; онъ знакомъ хорошо съ науками, преимущественно же съ теологіей. Внѣшняя жизнь его безупречна и соотвѣтствуетъ его званію, чего нельзя сказать о жизни другихъ кардиналовъ и прелатовъ, которыхъ привычки слишкомъ безнравственны. Къ числу же его крупныхъ недостатковъ принадлежатъ постыдное корыстолюбіе, не пренебрегающее для своихъ цѣлей даже преступными средствами, и большая двуличность, вслѣдствіе которой у него развилась привычка никогда не высказывать правды. Но въ немъ были еще большіе недостатки. Онъ пользуется репутаціею человѣка обидчиваго, съ завистливымъ и мстительнымъ характеромъ, мало склоннаго къ добру. Онъ возбудилъ всеобщую ненависть, оскорбляя каждаго, насколько позволяло ему его положеніе. Что касается Гиза, старшаго изъ шести братьевъ, то о немъ можно говорить какъ о человѣкѣ военномъ, хорошемъ военачальникѣ. Никто въ королевствѣ не далъ

столько сраженій, не подвергался столькимъ опасностямъ. Всѣ хвалятъ его мужество, усердіе и настойчивость въ войнѣ, его хладнокровіе, качество столь рѣдко присущее французу. Онъ не вспыльчивъ и не много о себѣ думаетъ. Его личные недостатки,—во-первыхъ, скупость по отношенію къ солдатамъ, а во-вторыхъ—склонность къ преувеличенію обѣщаній при медленности въ ихъ исполненіи».

Къ характеристикѣ кардинала лотарингскаго Брантомъ прибавляетъ, что онъ былъ, «по собственному своему выраженію, трусливъ отъ природы».

Было уже достаточно пользоваться такими милостями двора и такими государственными должностями, чтобы утвердить владычество этого большаго семейства и его главныхъ представителей. Но господство Гизовъ простиралось еще дальше, и корни его лежали глубже. Стали тогда—говоритъ де-Кастельно, одинъ изъ самыхъ умныхъ и безпристрастныхъ лѣтописцевъ XVI вѣка,—смѣшивать ересь и религіозныя распри съ дѣлами государства. Все духовенство во Франціи, почти все дворянство и народъ, исповѣдующіе римскую вѣру, смотрѣли на кардинала лотарингскаго и на герцога Гиза, какъ на посланныхъ отъ Бога для охраненія католической религіи, существующей во Франціи уже 12 столѣтій. И малѣйшее ея измѣненіе казалось имъ не только нечестіемъ, но и невозможнымъ даже безъ разрушенія цѣлаго государства. Покойный король Генрихъ во время своего пребыванія въ Экуанѣ издалъ эдиктъ въ іюнѣ 1559 г., по которому судьи вынуждены были осуждать всѣхъ лютеранъ на смерть; эдиктъ этотъ былъ опубликованъ и принятъ всѣми парламентами безъ какихъ бы то ни было ограниченій и измѣненій, съ запрещеніемъ для судей уменьшать наказанія, какъ они это дѣлали нѣсколько лѣтъ тому назадъ. На эдиктъ этотъ смотрѣли различнымъ образомъ. Рьяные монархисты и приверженцы государственной религіи находили, что онъ необходимъ какъ для сохраненія и поддержанія католичества, такъ и для подавленія мятежниковъ, которые подъ знаменемъ религіи старались низвергнуть политическій строй королевства: Другіе же, которые не заботились ни о религіи, ни о государствѣ, ни о благоустройствѣ, защищали этотъ эдиктъ не для того, чтобы истребить протестантовъ, такъ какъ послѣднее, по ихъ мнѣнію, могло способствовать распространенію протестантизма, а какъ средство обогатить себя конфискованными имуществами осужденныхъ и дать возможность королю уплатить 42 милл. ливровъ долга и сдѣлать еще нѣкоторое сбереженіе; кромѣ того, удовлетворить тѣхъ, которые требовали вознагражденія за оказанныя ими услуги королевству. Представителями-то интересовъ этихъ партій, стоявшихъ подъ знаменемъ католической церкви,—будь онѣ политическія или религіозныя, искренно вѣрующія или стремящіяся только къ наживѣ,—были въ XVI в. Гизы.

Такимъ образомъ, когда эти послѣдніе достигли власти, «былъ ли хотя одинъ человѣкъ, говоритъ протестантскій лѣтописецъ, который не дрожалъ бы при ихъ имени?» И дѣйствительно, акты ихъ управленія не замедлили вскорѣ подтвердить тѣ опасенія и надежды, которыя они внушали. Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ 1559 г. экуанскій эдиктъ Генриха II былъ не только-что примѣненъ, но усиленъ новыми эдиктами; изъ членовъ парижскаго парламента была выбрана коммисія, которой одной было предоставлено разслѣдованіе преступленій и проступковъ про-

тивъ католической религіи. Указомъ новаго короля, Франциска II, предписывалось немедленное уничтоженіе и разрушеніе домовъ, въ которыхъ будутъ происходить собранія протестантовъ. Кромѣ того, предписывалась смертная казнь устроивавшимъ тайныя собранія, подъ предлогомъ религіи или подъ какимъ либо другимъ предлогомъ». Въ другомъ королевскомъ актѣ говорилось, что всѣ лица, даже родные, которые принимали бы къ себѣ обвиненнаго въ ереси, обязываемы были представить его правосудію; въ противномъ случаѣ они будутъ наказываемы такъ, какъ и онъ. Послѣ этихъ мѣръ увеличилось и число осужденій и казней. Со 2-го августа до 31-го декабря 1559 г. 18 лицъ были сожжены живыми, одни за открытую ересь, другіе—за отказъ праздновать Пасху въ католической церкви и за нежеланіе присутствовать при богослуженіи, третьи—за распространеніе запрещенныхъ книгъ. Въ декабрѣ, наконецъ, пять совѣтниковъ парижскаго парламента, которые шесть мѣсяцевъ тому назадъ были, по приказанію Генриха II, арестованы и брошены въ Бастилію, были выпущены и отданы въ руки правосудія. Главный изъ нихъ, Анъ Дюбуръ, племянникъ Антуана Дюбура, канцлера при Францискѣ I, защищался съ набожной настойчивостью и патріотизмомъ, рѣшившись извѣдать всѣ судебныя инстанціи и вообще всѣ средства правосудія для оправданія себя, къ которымъ только можно было прибѣгнуть, не измѣняя своей вѣры. Все указываетъ, что онъ не могъ разсчитывать на своихъ судей. Одинъ изъ нихъ, президентъ Минаръ, возвращаясь вечеромъ изъ дворца, 12-го декабря 1559 г., былъ убитъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Убійцу не могли открыть; но это преступленіе, естественно приписанное одному изъ друзей Дюбура, послужило только къ утвержденію и къ ускоренію смерти подсудимаго. Осужденный 22 декабря, Дюбуръ выслушалъ безъ волненія свой смертный приговоръ. «Я прощаю моимъ судьямъ, сказалъ онъ; они судили по совѣсти, но несогласно съ исходящимъ свыше ученіемъ. Погасите ваши костры, сенаторы; обратитесь сами, живите счастливо. Думайте всечасно о Богѣ и пребывайте въ немъ». Послѣ этихъ словъ, записанныхъ въ протоколѣ и приведенныхъ мною здѣсь, говоритъ де-Ту, Дюбуръ былъ привезенъ въ телѣгѣ на Гревскую площадь; всходя на висѣлицу, онъ повторилъ нѣсколько разъ: «Боже мой, не оставь меня, да не оставлю я тебя». Онъ былъ задушенъ раньше, чѣмъ брошенъ въ огонь, — единственная милость, которую выхлопотали для него друзья.

Какъ только въ лицѣ Гиза, благодаря упомянутымъ эдиктамъ, католическая партія сдѣлалась господствующею и стала въ наступательное положеніе, угрожаемые протестанты приняли оборонительныя мѣры; уже и въ своихъ рядахъ они имѣли великихъ начальниковъ, изъ которыхъ одни были мужественны и пылки, другіе благоразумны и даже нерѣшительны, но теперь, когда общему дѣлу угрожала опасность, всѣ принуждены были опредѣленно высказаться. Домъ Бурбоновъ, происшедшій отъ Людовика Святаго, имѣлъ въ XVI в. своихъ представителей въ лицѣ Антуана Бурбона, короля наваррскаго, мужа Жанны д'Альбре, и брата его Людовика Бурбона, принца Конде.

Король наваррскій, хотя храбрый, но слабый и нерѣшительный, постоянно колебался между католичествомъ и протестантствомъ. Личныя его симпатіи были на сторонѣ протестантской партіи, къ которой королева, жена его, относившаяся сначала совершенно равнодушно, при-

мкнула со всей страстностью пылкой прозелитки. Принцъ Конде, его братъ, юный и пылкій, часто опрометчивый и легкомысленный, сталъ, на виду у всѣхъ, во главѣ протестантскаго движенія. Такимъ образомъ домъ Бурбоновъ сталъ по необходимости соперничествующимъ съ Лотарингскимъ. Двое изъ его союзниковъ, адмиралъ Колиньи и его братъ Францискъ Андело, оба племянника коннетабля Ана де-Монморанси, происходили изъ высшей французской знати и болѣе, чѣмъ кто-либо другой, были способны къ войнѣ и предводительству; они оба были испытанные и прославились въ войнѣ, и оба преданы душой и тѣломъ дѣлу реформаціи, такъ что когда, при вступленіи Франциска II на престолъ, католическая партія, опираясь на большинство принадлежавшихъ ей земель, руками Гизовъ захватила управленіе Франціею, протестанты сгруппировались вокругъ короля наваррскаго, принца Конде, адмирала Колиньи и подъ ихъ предводительствомъ сдѣлались хотя небольшой, но могущественной оппозиціонной партіей, способной критически относиться къ дѣламъ власти и объявить народу свободу не въ смыслѣ общаго государственнаго принципа, а въ смыслѣ свободной пропаганды своей вѣры и свободнаго ея исповѣданія. Помимо этихъ двухъ большихъ партій, вооруженныхъ огромными силами и являющихся каждая сама по себѣ представительницей національныхъ идей и страстей, матерью короля, Екатериной Медичи, подготовлялась втихомолку еще третья, которая бы была болѣе независимой отъ общества, болѣе ей покорна, предана престолу и интересамъ двора. Эта партія составилась изъ католиковъ; она считала необходимымъ щадить протестантовъ и дѣлать имъ уступки для предупрежденія гибельныхъ для государства вспышекъ; это было нѣчто въ родѣ третейской партіи, съ точки зрѣнія нашего времени, разсчетливой и благоразумной, щедрой на обѣщанія и не всегда увѣренной въ возможности ихъ исполненія, примѣнявшейся ко всѣмъ обстоятельствамъ данной минуты, занятой болѣе всего поддержаніемъ общественнаго спокойствія и оттягиваніемъ вопросовъ, которые не могли быть разрѣшаемы миролюбиво. Въ XVI в., какъ и во всякое другое время, существенными элементами этой партіи были люди и умѣренные и безпокойные, и алчные и изворотливые властолюбцы, старые приверженцы престола и должностныя лица, не рѣшительныя въ дѣлахъ управленія государствомъ. Коннетабль Монморанси оставлялъ иногда Шантильи для оказанія содѣйствія королевѣ матери, къ которой онъ не питалъ никакого довѣрія, но которую во всякомъ случаѣ предпочиталъ Гизамъ; Франсуа Оливье, бывшій совѣтникъ въ парламентѣ, долгое время занимавшій должность канцлера при Францискѣ I и Генрихѣ II, призванный при Францискѣ II къ этому же посту Катериной Медичи, былъ вѣрнымъ орудіемъ этой неопредѣленной, но умѣренной политики. Умеръ онъ въ 1560 г. Катерина, съ согласія кардинала лотарингскаго, назначила канцлеромъ на его мѣсто Мишеля Л'Опиталя, лицо уже прославившееся и имѣвшее впереди великую будущность.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія на престолъ Франциска II, одно важное событіе вовлекло въ неистовую борьбу три партіи, характеръ и стремленія которыхъ только-что описаны. Господство Гизовъ было невыносимо для протестантовъ и тягостно для многихъ холодныхъ и нерѣшительныхъ людей католической знати. Эдиктъ Франциска II уничтожилъ всѣ милости и отнялъ всѣ владѣнія, данныя его отцомъ. Казна

отказалась платить даже самые законные долги; кредиторы осаждали дворъ. Чтобы отъ нихъ отдѣлаться, кардиналъ лотарингскій именемъ короля издалъ повелѣніе, которымъ предписывалось: всѣмъ лицамъ, каково бы званіе ихъ ни было, пришедшимъ хлопотать о полученіи долга, милостей или вознагражденія, — удалиться въ двадцать четыре часа подъ страхомъ висѣлицы; и чтобы угроза эта имѣла еще большее значеніе, близъ дворца въ Фонтенебло была поставлена висѣлица. Обида нанесена была страшная. Недовольные присоединились къ протестантамъ. Независимо отъ притѣсненій и опасностей, которымъ подвергались послѣдніе, они всюду наталкивались на людей подосланныхъ, которые ихъ оскорбляли и выдавали судьямъ, въ случаѣ если они, проходя мимо мадоннъ, воздвигнутыхъ на дорогахъ, не снимали шляпъ, или не присоединялись къ молебствіямъ, совершаемымъ предъ ними.

И не крутыя мѣры, но постоянно повторяющіяся, переходятъ вскорѣ въ ненавистную тираннію. Согласіе водворилось между недовольными самыхъ разнообразныхъ лагерей; всѣ они говорили и распространяли повсюду, что Гизы—творцы всѣхъ этихъ незаконныхъ и притѣснительныхъ мѣръ. Они соединенными силами изыскивали средства, чтобы освободиться отъ короля, котораго они ни въ какомъ случаѣ не желали задѣть. Неприкосновенность короля и отвѣтственность министровъ были двумя основными правилами свободной монархіи, усвоенные хорошо всѣми; но какъ воспользоваться ими и приложить ихъ на практикѣ, когда учрежденія, которыми гарантируется политическая свобода, потеряли силу? Протестанты и недовольные католики—всѣ требовали созванія генеральныхъ штатовъ, которые еще со времени созванія ихъ въ Турѣ, въ 1484 г. при Карлѣ VIII, оставили самыя хорошія и почтенныя воспоминанія. Но Гизы и ихъ сторонники отвергли рѣзко это требованіе. Они говорили королю, что каждый, кто только намекаетъ о созваніи генеральныхъ штатовъ, есть его личный врагъ и оскорбитель его достоинства, потому что народъ обязанъ вручать право тому, отъ кого онъ ихъ получаетъ; допустить это—значитъ признать себя номинальнымъ королемъ.

Будучи въ такомъ недоумѣніи, недовольные, между которыми протестанты съ каждымъ днемъ становились многочисленнѣе и сильнѣе, хотѣли прибѣгнуть къ совѣтамъ величайшихъ правовѣдовъ и знаменитыхъ теологовъ Франціи и Германіи. Они спрашивали, дозволительно ли и не будетъ ли это преступленіемъ противъ личности короля, если они съ оружіемъ въ рукахъ захватятъ въ свои руки герцога Гиза и кардинала лотарингскаго и заставятъ ихъ дать отчетъ въ своихъ поступкахъ? Ученые спеціалисты отвѣчали, что незаконному господству Гизовъ должно противопоставить силу, но что дѣйствовать должно подъ покровительствомъ принцевъ крови, являющихся въ подобномъ случаѣ какъ-бы прирожденными судьями государства, и не иначе, какъ съ согласія государственнаго большинства ихъ. Принцы, составлявшіе партію, противную Гизамъ, собрались въ Вандомѣ, чтобы опредѣлить, какъ держать себя при такомъ настроеніи умовъ и партій; въ этомъ собраніи участвовали: король наваррскій, его братъ принцъ Конде, Колиньи, Андело и нѣкоторые другіе изъ ихъ близкихъ друзей. Принцъ Конде предложилъ сейчасъ-же взяться за оружіе и напасть врасплохъ на Гизовъ. Колиньи возсталъ противъ этого. Совершеннолѣтній король имѣетъ право, говорилъ онъ, избрать себѣ совѣтниковъ; безъ сомнѣнія, прискорбно видѣть иностранцевъ во

главѣ государственныхъ дѣлъ, но во всякомъ случаѣ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, не слѣдуетъ подвергать страну всѣмъ ужасамъ гражданской войны; быть можетъ, достаточно было бы довести до свѣдѣнія королевы-матери всеобщее недовольство. Секретарь коннетабля присоединился къ Колиньи, мнѣніе котораго одержало верхъ. Они пришли къ соглашенію, что принцъ Конде долженъ пока обуздать свою горячность, и заявили о томъ, что желали бы видѣть въ немъ начальника предпріятія, если оно случится; во всякомъ случаѣ до новаго указа его имя и участіе должны оставаться въ тайнѣ.

Но во главѣ дѣла, принимавшаго характеръ заговора, нужно было поставить человѣка, хотя и не столь виднаго, но болѣе рѣшительнаго. Такимъ явился Годфридъ Барри, сеньоръ ла-Реноди, знатное лицо древней фамиліи Перигоровъ, хорошо извѣстный герцогу Франсуа Гизу, подъ начальствомъ котораго онъ доблестно служилъ въ Мецѣ въ 1552 г. и который его защитилъ отъ послѣдствій прискорбнаго процесса, въ которомъ ла-Реноди былъ обвиненъ парижскимъ парламентомъ за поддѣлку и производство фальшивыхъ документовъ. Принужденный оставить Францію, онъ удалился въ Швейцарію, въ Лозанну и въ Женеву, гдѣ онъ со страстью предался реформаціи: «это былъ, говоритъ де-Ту, человѣкъ съ живымъ и вкрадчивымъ умомъ, готовый на всякое предпріятіе, горѣвшій желаніемъ отмстить за себя и стереть какимъ бы то ни было блестящимъ поступкомъ пятно позорнаго приговора, которое было надъ нимъ произнесено скорѣе по винѣ другихъ, нежели по его собственной». Итакъ, онъ охотно предложилъ свои услуги тѣмъ, кто искалъ другаго предводителя, и онъ взялъ на себя обязанность объѣхать все королевство вдоль и поперегъ съ цѣлью привлечь на свою сторону людей, на которыхъ было указано. Онъ заставилъ ихъ дать слово, что всѣ они соберутся въ Нантѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1560 года, гдѣ, когда они собрались, онъ произнесъ ловкую и длинную рѣчь, направленную противъ Гизовъ, которая заканчивалась слѣдующими словами: «Богъ повелѣваетъ намъ покоряться королямъ даже и тогда, когда они къ намъ несправедливы, и несомнѣнно, что тѣ, которые противятся властямъ, установленнымъ Богомъ, противятся и его волѣ. За нами то преимущество, что, исполненные покорности королю, мы только идемъ противъ измѣнниковъ его и отечества, измѣнниковъ тѣмъ болѣе опасныхъ, что они находятся внутри государства, и что именемъ короля-дитяти и облеченные его властью они вредятъ королевству и королю самому. Чтобы вы не думали, что поступаете противъ совѣсти, я охотно первый даю обѣщаніе, призывая Бога въ свидѣтели, что я не только ничего не скажу и не сдѣлаю, но даже ничего не подумаю противъ короля, королевы матери, принцевъ, его братьевъ, и противъ его родственниковъ; что, напротивъ, я буду защищать ихъ величіе, славу, силу законовъ и свободу отечества противъ тиранніи нѣсколькихъ иностранцевъ».

Среди столькихъ людей, прибавляетъ историкъ, не нашлось ни одного человѣка, котораго оттолкнула бы эта хитрая уловка и который испросилъ бы времени для обсужденія. Пришли къ соглашенію, что прежде всего значительное число безоружныхъ и не подозрительныхъ людей должны отправиться во дворецъ и подать прошеніе королю съ мольбою объ отмѣнѣ стѣсненій свободы совѣсти и вѣры; что почти въ то же время выборные отправятся въ Блуа, мѣстонахожденіе короля, гдѣ ихъ со-

участники ихъ примутъ и представятъ королю новую просьбу, направленную противъ Гизовъ, и въ случаѣ, если послѣдніе не захотятъ удалиться и дать отчетъ въ своемъ управленіи, напасть на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и, наконецъ, что принцъ Конде, дотолѣ скрывающій свое имя, станетъ во главѣ заговорщиковъ. 15-е іюня назначено было днемъ осуществленія заговора.

Но Гизовъ увѣдомили объ угрожающей имъ опасности: одинъ изъ друзей ла-Реноди раскрылъ тайну заговора секретарю кардинала лотарингскаго, изъ Испаніи, Швейцаріи, Германіи и Италіи приходили къ нимъ извѣстія о заговорѣ, направленномъ противъ нихъ. Кардиналъ, вспыльчивый и трусливый, хотѣлъ немедленно призвать всѣхъ къ оружію; но герцогъ, братъ его, «котораго ничѣмъ не удивишь», былъ противъ всякой огласки. Они отвезли короля въ Амбуазскій замокъ, мѣсто болѣе безопасное, нежели Блуа. Они совѣтовались съ королевой-матерью, которой, какъ и имъ, были одинаково ненавистны и заговоръ, и самыя личности заговорщиковъ. Она написала благосклонное письмо Колиньи, въ которомъ просила его явиться въ Амбуазъ для совѣщанія. Онъ прибылъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Андело и посовѣтовалъ королевѣ-матери возможно-скорѣе предоставить протестантамъ свободу совѣсти и вѣры, единственное средство, по его мнѣнію, уничтожить злыя намѣренія и водворить спокойствіе въ королевствѣ. Нѣкоторые совѣты его были приняты: такъ, 15-го марта былъ изданъ и внесенъ въ парламентъ королевскій эдиктъ, которымъ запрещалось преслѣдованіе еретиковъ и давалась имъ амнистія за все прошлое, но съ такими оговорками, которыя уничтожали всякое значеніе этой уступки. Гизы, съ своей стороны, извѣстили коннетабля Монморанси о заговорѣ. «Вы должны, писали они, такъ же опасаться, какъ и мы»; въ концѣ слѣдовала подпись: «Ваши всецѣло преданные вамъ друзья». Хотя самъ принцъ Конде и узналъ, что заговоръ открытъ, тѣмъ не менѣе онъ отправился въ Амбуазъ, не подавая вида, что смутился холоднымъ пріемомъ, оказаннымъ ему тамъ лотарингскими принцами. Герцогъ Гизъ, всегда находчивый, но осторожный, «нашелъ удобный способъ испытать его личность, предоставивъ ему охранять одни изъ городскихъ воротъ Амбуаза», гдѣ былъ за нимъ учрежденъ надзоръ. Приближенные ко двору лица дѣлали вылазки вокругъ города, чтобы предупредить всякое неожиданное нападеніе; «имъ удалось захватить нѣсколько дурно организованныхъ и плохо вооруженныхъ отрядовъ, изъ которыхъ многія лица, растерявшись, просили пощады, бросали на земь то плохенькое оружіе, которое было при нихъ, увѣряя, что они только то знали о предпріятіи, что имъ нужно собраться для участія въ подачѣ королю прошенія, касавшагося какъ его личнаго блага, такъ и блага всего королевства».

18-го марта ла-Реноди, объѣзжая страну и собирая нужныхъ ему людей, встрѣтилъ отрядъ королевской кавалеріи, которая разыскивала заговорщиковъ; оба отряда напали другъ на друга съ ожесточеніемъ; ла-Реноди былъ убитъ, и тѣло его, перенесенное въ Амбуазъ, было вздернуто на висѣлицу на лоарскомъ мосту, съ слѣдующей надписью: «это ла-Реноди, называемый ла-Форе, предводитель мятежниковъ, начальникъ и виновникъ возмущенія». Послѣ этого волненіе продолжалось еще нѣсколько дней въ окрестностяхъ; во всякомъ случаѣ ударъ, направленный противъ Гизовъ, былъ отраженъ, и результатомъ амбуазскаго возмущенія,

какъ его называли, былъ изданный 17-го марта 1560 года королемъ Францискомъ II указъ, по которому «Францискъ Гизъ, какъ въ отсутствіи, такъ и въ присутствіи короля его намѣстникъ, долженъ былъ считаться представителемъ его личности въ прекрасномъ городѣ Амбуазѣ и другихъ мѣстахъ королевства, съ предоставленіемъ ему полной власти, могущества, съ специальнымъ порученіемъ и предписаніемъ собирать принцевъ, сеньоровъ и дворянъ и вообще распоряжаться, отдавать приказы, заботиться и принимать всѣ мѣры, какія онъ сочтетъ нужнымъ».

Молодой король, повидимому, не переставалъ тревожиться намѣреніемъ заговорщиковъ: «я совершенно не знаю, въ чемъ дѣло,—говорилъ онъ иногда Гизамъ,—но я по слухамъ вижу, что отъ васъ чего-то желаютъ; я хотѣлъ бы, чтобы вы на время удалились отсюда для того, чтобы можно было наконецъ узнать, желаютъ ли чего нибудь отъ меня, или же отъ васъ». Но Гизы отклонили отъ короля эту мысль, увѣривши его, «что ни онъ, ни его братья не останутся въ живыхъ больше часу, если только они удалятся, такъ какъ домъ Бурбоновъ только и стремится къ тому, чтобы выискать удобный моментъ для истребленія королевскаго дома».

Но еще хуже то, что король и младшіе его братья явились на зрѣлище казни, какъ будто для того, чтобы еще болѣе озлобиться; осужденные на смерть были имъ указываемы кардиналомъ лотарингскимъ, который имѣлъ въ это время видъ человѣка весьма довольнаго, и если несчастные умирали стойко, онъ говорилъ: «посмотрите ваше величество на этихъ нахальныхъ, дерзкихъ людей; ничто въ нихъ не можетъ убить ихъ свирѣпости и спѣсивости. Что же сдѣлали бы они, еслибъ вы попались имъ въ руки?»

Месть и наказаніе были слишкомъ жестоки сравнительно съ преступленіемъ. Удаляясь отъ одного изъ этихъ отвратительныхъ зрѣлищъ, герцогиня Гизъ, Анна д'Эсте, герцогиня Феррарскя, сказала Катеринѣ Медичи: «Ахъ, сударыня, какая страшная гроза ненависти собирается надъ головами моихъ несчастныхъ дѣтей!» Дѣйствительно, въ значительной части королевства сильная ненависть кипѣла противъ Гизовъ; одинъ изъ казненныхъ ими, Вильмонже, за минуту до смерти, погрузивъ руки въ кровь своихъ товарищей, произнесъ: «Отецъ небесный, вотъ кровь дѣтей твоихъ, ты отмстишь за нее!» Даже канцлеръ Оливье, столь долго привязанный къ Гизамъ, но въ это время сильно заболѣвшій и заботившійся о спасеніи души своей, сказалъ про себя, когда кардиналъ лотарингскій уходилъ отъ него: «Кардиналъ, ты привлечешь проклятія на наши головы».

Между тѣмъ, таинственный предводитель амбуазскаго заговора, принцъ Луи Конде, оставался неприкосновеннымъ, находясь въ самомъ городѣ Амбуазѣ; всѣ удивлялись его безпечности. Во всякомъ случаѣ онъ получилъ приказаніе не удаляться; бумаги его были захвачены великимъ прелатомъ; хладнокровіе и гордость не оставляли его ни на минуту.

Мы заимствуемъ изъ «Исторіи принцевъ Конде» герцога Омальскаго разсказъ о появленіи Конде предъ королемъ Францискомъ II, окруженнымъ всѣмъ совѣтомъ, въ присутствіи двухъ королевъ, кавалеровъ ордена и важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ:

«Чтобы я могъ удостовѣриться, сказалъ онъ, что у меня есть враги, которые желаютъ, во что бы то ни стало, гибели моей и друзей моихъ и

которые стоятъ весьма близко къ королю, я его умоляю сдѣлать мнѣ милость выслушать меня въ присутствіи всѣхъ лицъ, здѣсь засѣдающихъ. Итакъ, я объявляю, что, за исключеніемъ его личности, братьевъ его, королевы-матери и царствующей королевы, всѣ тѣ, которые донесли на меня, будто я былъ начальникомъ и коноводомъ мятежниковъ, составившихъ заговоръ противъ личности короля и всего государства, нахально и безсовѣстно лгали. А потому, слагая съ себя званіе принца крови, ниспосланное мнѣ Богомъ, я силою оружія заставлю ихъ признаться въ томъ, что они всѣ трусливы, подлы и сами желаютъ низвергнуть государство и престолъ, защитникомъ котораго я долженъ быть естественно въ большей мѣрѣ, нежели мои обвинители».

«Если есть между присутствующими здѣсь хотя одинъ, кто сдѣлалъ на меня донесеніе и если онъ не желаетъ отъ него отказаться, то пусть объявитъ объ этомъ сейчасъ же». Послѣ этихъ словъ герцогъ Гизъ, поднявшись съ своего мѣста, заявилъ, что онъ не можетъ допустить, чтобы подобная грязная клевета могла оставаться надъ головой столь великаго принца, и предложилъ ему себя, какъ мстителя его оскорбленной чести. Такимъ образомъ, Конде, воспользовавшись эффектомъ, который произвела его рѣчь на присутствовавшихъ, попросилъ позволенія удалиться и, получивши его, немедленно удалился.

Казалось, все было покончено; однако Франція была сильно потрясена послѣдними событіями, и хотя въ шестнадцатомъ столѣтіи не было еще правильно организованныхъ учрежденій, которыя бы давали народу возможность вмѣшательства въ свои дѣла, тѣмъ не менѣе въ этомъ вмѣшательствѣ уже чувствовалась потребность повсюду, даже при дворѣ, который также хотѣлъ узнать настроеніе общественнаго мнѣнія; со всѣхъ сторонъ слышались требованія о созваніи генеральныхъ штатовъ. Гизы и королева-мать, которые боялись этого большаго и независимаго національнаго могущества, пытались удовлетворить общество созваніемъ собранія нотаблей, которое было численностью гораздо меньше и члены котораго избирались самими Гизами. Собраніе это состоялось къ 21-му августа 1560 г. въ Фонтенбло, во дворцѣ королевы-матери. Здѣсь участвовали знатныя лица, нѣсколько епископовъ, коннетабль Монморанси, два маршала, государственные секретари и секретари финансовъ, канцлеръ Л'Опиталь и Колиньи. Король наваррскій и принцъ Конде ничего не отвѣтили на приглашеніе явиться. Конетабль же отправился въ сопровожденіи конной свиты въ 600 лошадей. Первый день собранія прошелъ въ изложеніи канцлеромъ Л'Опиталемъ бѣдствій, въ которыя ввержена Франція, и въ извѣщеніи Гизовъ о готовности своей дать отчетъ въ своемъ управленіи и въ своихъ дѣйствіяхъ. На другой день, въ тотъ моментъ, когда архіепископъ валенскій приготовился говорить, Колиньи подошелъ къ королю, преклонилъ дважды колѣни и выразилъ въ сильныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ порицаніе амбуазскаго заговора и всякаго подобнаго этому послѣднему предпріятія, причемъ представилъ королю два прошенія: одно на собственное имя короля, а другое на имя королевы-матери: «Оба эти прошенія, сказалъ онъ, были мнѣ вручены въ Нормандіи вѣрными христіанами, обращающими съ истиннымъ благочестіемъ свои молитвы къ Богу. Они только просятъ свободы вѣры, разрѣшенія имѣть свои храмы и свободно отправлять свое богослуженіе въ назначенныхъ для этой цѣли мѣстахъ. Въ случаѣ надобности это про-

шеніе будетъ подписано пятьюдесятью тысячами человѣкъ». «Что касается меня,—грубо прервалъ его герцогъ Гизъ,—я найду милліонъ подписей къ противоположному прошенію». Тѣмъ и закончилась эта размолвка. Далѣе рѣчь зашла о желательныхъ церковныхъ реформахъ, о созваніи вселенскаго собора, или, если это невозможно, то хотя національнаго. За кардиналомъ лотарингскимъ осталось послѣднее слово, которымъ онъ рѣзко напалъ на прошеніе, поданное адмираломъ Колиньи. «Выражаясь осторожно и почтительно,—сказалъ онъ,—прошеніе это въ своей основѣ дерзко и мятежно: оно показываетъ намъ, что люди эти будутъ покорны и послушны только тогда, когда король удовлетворитъ ихъ дурнымъ желаніямъ». «Впрочемъ, прибавилъ онъ, такъ какъ дѣло идетъ только объ исправленіи нравовъ и о водвореніи порядка, то соборъ, по моему мнѣнію будь онъ вселенскій или національный, совершенно излишенъ. Я подаю голосъ за созваніе генеральныхъ штатовъ».

Мнѣніе кардинала лотарингскаго было принято королемъ, королевой-матерью и собраніемъ. Эдиктомъ 26-го августа было объявлено созваніе генеральныхъ штатовъ въ городѣ Мо на 10-е декабря. Что касается вопроса о вселенскомъ или національномъ соборѣ, то его оставили на разрѣшеніе папы и епископамъ Франціи, а до тѣхъ поръ объявили, что наказаніе еретиковъ откладывается, но что король предоставляетъ себѣ и своимъ судьямъ право строго карать тѣхъ, кто былъ причиной народныхъ волненій и мятежа. «Такимъ образомъ,—прибавляетъ де-Ту,—протестантская религія, до того времени такъ сильно ненавидимая, стала мало по малу терпимѣе и даже, какъ будто, получила государственную санкцію».

Выборы въ генеральные штаты были чрезвычайно бурны; всѣ партіи устремились туда съ одинаковой горячностью: съ одной стороны, Гизы, соединившіеся въ одно съ католической партіей и употреблявшіе всѣ силы для одержанія верха, съ другой же — протестанты, взывавшіе къ правамъ свободы и къ страстямъ еретиковъ, раздраженіе которыхъ было особенно сильно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи.

Во время этой избирательной борьбы, въ Провансѣ, въ Дофинэ, графствѣ Авиньонскомъ и въ Ліонѣ произошло нѣсколько возмущеній, въ которыхъ возставшіе, съ оружіемъ въ рукахъ, взяли нѣсколько городовъ и нарушили общественное спокойствіе. Это еще не было начало религіозной междоусобной войны, но это уже было подготовленіе къ ней, симптомы ея.

XLVII. НАЧАЛО РЕЛИГІОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ВОЙНЪ ПРИ КАРЛѢ IX ДО АМБУАЗСКАГО МИРА 1567 ГОДА.

(Изъ соч. Шлоссера: «Всемірная Исторія»).

Король Францискъ II умеръ 5 дек. 1560 г. Мать его, Екатерина Медичи, овладѣла правленіемъ именемъ втораго сына своего, Карла IX, хотя и не приняла титула регентши. Но герцогъ де-Гизъ, какъ глава партіи, былъ такъ могуществен, что Екатерина сочла необходимымъ противопоставить ему при дворѣ принцевъ и коннетабля де-Монморанси. Она дала королю наваррскому пустой титулъ намѣстника государства и предложила принцу де-Конде свободу.

Принцъ сначала отказался, желая, чтобы его оправдали судебнымъ порядкомъ, но въ январѣ 1561 г. онъ принялъ свободу, получивъ обѣщаніе, что будетъ оправданъ. Вскорѣ онъ прибылъ ко двору и получилъ принадлежавшее ему мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ и признаніе своей невинности, утвержденное парламентомъ и чинами. Шатильоны были также возвращены ко двору. Когда чины были созваны, то Екатерина обратилась къ нимъ. Она нашла 42 мил. ливровъ долгу и не видѣла иныхъ средствъ къ покрытію ихъ, кромѣ новыхъ налоговъ, которые могли назначать только чины.

Кромѣ требованія новыхъ налоговъ, въ собраніи чиновъ шли переговоры о терпимости для протестантовъ и о возстановленіи единства религіи. Была также рѣчь о томъ, чтобы предоставить рѣшеніе религіознаго вопроса собору, вновь созванному папой; протестанты же желали религіознаго диспута. Кардиналъ лотарингскій не желалъ этого, хотя любилъ говорить о кротости и терпимости, тогда какъ его братъ, Францискъ, и коннетабль хотѣли дѣйствовать огнемъ и мечемъ.

Екатерина показывала намѣреніе покровительствовать протестантамъ. Въ первыхъ недѣляхъ января она предприняла двѣ мѣры, съ цѣлью привлечь къ себѣ протестантовъ, не расходясь съ католиками: она предписала всѣмъ парламентамъ и судамъ освободить заключенныхъ протестантовъ; но въ то же время она тайно велѣла президентамъ парламентовъ и другимъ судьямъ хранить кроткія мѣры относительно протестантовъ по возможности въ секретѣ. Фанатическіе члены парламента воспользовались этимъ, чтобы вовсе не исполнять предписанія. Евангелическое ученіе было такъ распространено во Франціи, что умные католики не одобряли его преслѣдованія и не желали возстановленія владычества католическаго духовенства. Большая часть дворянства и все третье сословіе объявили себя противъ крутыхъ мѣръ. Поэтому королева издала цѣлый рядъ манифестовъ, которыми, именемъ молодаго короля и подъ страхомъ строгихъ наказаній, запрещались религіозныя распри и повелѣвалось освободить всѣхъ заключенныхъ за ослушаніе проповѣдей и исполненіе религіозныхъ обрядовъ протестантизма. Было приказано только взять съ нихъ подписку, что впредь они будутъ жить по-католически; если же они не захотятъ дать ее, то тѣмъ не менѣе должно освобождать ихъ на-время, назначивъ срокъ, къ которому они должны удалиться изъ Франціи. Въ то же время парламентамъ было поручено объявить и вновь обнародовать роморантенскій эдиктъ безъ всякихъ ограниченій.

Общее собраніе чиновъ объявило, что не можетъ принять никакого рѣшенія касательно покрытія долга безъ согласія провинціальныхъ чиновъ. Съ другой стороны, оно не препятствовало Екатеринѣ отмѣнить преслѣдованіе гугенотовъ; но она не получила оффиціально званія регентши. Тѣмъ не менѣе Екатерина и ея приверженцы достигли главной цѣли своихъ интригъ. Они раздѣлили всю Францію и дворъ на нѣсколько враждебныхъ партій и доставили Екатеринѣ роль посредницы. Тайный совѣтъ поставилъ ее и короля Антуана во главѣ правительства, вслѣдствіе чего королева могла и безъ титула правительницы пользоваться ея властью и правами. Чины, засѣдавшіе въ Орлеанѣ съ половины декабря 1560 г., были распущены въ началѣ 1561 г. При распущеніи ихъ было объявлено, что ихъ снова созовутъ еще въ первой половинѣ того же года, послѣ того какъ они переговорятъ съ избирателями.

Между тѣмъ, Гизы, коннетабль и маршалъ Сентъ-Андре, уже давно дѣйствовавшій противъ принцевъ и протестантовъ, предводительствуя испанско-ультрамонтанской партіей, были врагами Шатильоновъ, принцевъ и протестант-

ской знати. Королева Екатерина то покровительствовала протестантамъ, то предавала ихъ испанскому посланнику и нунцію, надѣясь удержаться посредствомъ этой коварной политики. Канцлеръ Л'Опиталь желалъ терпимости; но Гизы, парламентъ и духовенство требовали крутыхъ мѣръ. Эта партія знала очень хорошо, что королева хлопочетъ не изъ-за терпимости, а изъ-за политическихъ цѣлей; поэтому они не обратили никакого вниманія на манифестъ Л'Опиталя въ пользу протестантовъ. Въ то же самое время, когда канцлеръ предписывалъ терпимость и умѣренность, парламентъ издавалъ эдиктъ за эдиктомъ, которыми, подъ угрозой жестокихъ наказаній, запрещалось присутствовать при тайномъ протестантскомъ богослуженіи и продавать сочиненія, разсуждающія о новой религіи или о библіи. По приказанію парламента, эдикты эти были обнародованы глашатаями при трубныхъ звукахъ не только въ Парижѣ, гдѣ парламенту принадлежало высшее полицейское управленіе, но и въ Анжерѣ, Турѣ и др. городахъ. Поэтому протестанты не безъ основанія полагали, что королева, согласно принципамъ своего земляка Макіавелли, обманываетъ и проводитъ ихъ. Екатеринѣ же хотѣлось совершенно устранить Гизовъ отъ дѣлъ; съ этой цѣлью она покровительствовала принцамъ, особенно королю Антуану и принцу де-Конде.

Чтобы удалить герцога Франциска Гиза отъ дѣлъ, Екатерина сблизилась тѣснѣе съ принцами и съ Шатильонами, особенно съ адмираломъ де-Колиньи, который былъ вождемъ протестантовъ. Это было крайне непріятно старому фанатику-коннетаблю. Онъ поступалъ грубо и дерзко съ протестантами, которые имѣли смѣлость слушать проповѣди въ самомъ дворцѣ; побуждаемый маршаломъ Сентъ-Андре, де-Монморанси сблизился съ герцогомъ Гизомъ. Маршалъ Сентъ-Андре обогатился имѣніями, конфискованными у протестантской аристократіи; чины жаловались на него и на коннетабля, что они получаютъ отъ правительства на счетъ народа большія богатства; несмотря на это, маршалъ постоянно нуждался въ деньгахъ и вѣроломно измѣнилъ протестантамъ, опасаясь, что чины прежде всего примутся за него. Онъ согласился быть посредникомъ между коннетаблемъ де-Монморанси и герцогомъ Францискомъ де-Гизомъ. Они составили нѣчто въ родѣ священнаго союза противъ протестантизма и его защитниковъ; чтобъ освятить свой союзъ, герцогъ, коннетабль и маршалъ вмѣстѣ причастились въ первый день Пасхи. Поэтому протестанты назвали ихъ союзъ, имѣвшій цѣлью истребленіе ереси и еретиковъ, тріумвиратомъ, какъ назывался нѣкогда союзъ римлянъ, заключенный на погибель республики. Впрочемъ, тріумвиры не имѣли возможности немедленно приступить къ дѣйствіямъ. Чтобы избѣгнуть пораженія, Гизъ и коннетабль оставили на-время дворъ.

Отъѣздъ тріумвировъ и рѣшимость канцлера всѣми мѣрами противиться духу нетерпимости парламента доставили адмиралу возможность настоять на соблюденіи роморантенскаго эдикта. Парламентъ былъ принужденъ послать ко двору депутатовъ, чтобы оправдаться въ несоблюденіи эдикта; но, несмотря на ловкость президента де-Ту, защищавшаго парламентъ въ качествѣ депутата, при дворѣ ихъ осыпали упреками и продолжали смотрѣть на парламентъ враждебно. Канцлеръ издалъ новый очень рѣзкій эдиктъ, которымъ строго запрещалъ прибѣгать изъ-за религіи къ насиліямъ и вторгаться въ дома, гдѣ совершались реформатскія религіозныя собранія; полиціи было запрещено дѣлать домовые обыски, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о сохраненіи общественнаго спокойствія. Было предписано освободить всѣхъ заключенныхъ, арестованныхъ за вѣру, и возвратить всѣхъ изгнанныхъ за религіозныя мнѣнія; бѣжавшимъ

было дозволено возвратиться. Къ этому Екатерина и канцлеръ съ хитрою цѣлью присовокупили, что если изгнанники, возвратившись, будутъ жить по-католически, то ихъ не должно тревожить; въ случаѣ же притѣсненій они будутъ имѣть право выселиться съ имуществомъ. Парламентъ, конечно, не утвердилъ эдикта; канцлеръ разослалъ его въ низшія судебныя мѣста отъ своего имени, сообщивъ объ этомъ парламенту, который покорился.

Съ этого времени протестанты стали дѣйствовать смѣлѣе; съ другой стороны, фанатическіе суды и власти продолжали гоненія, а священники и монахи возмущали противъ еретиковъ чернь; поэтому протестанты, вмѣсто прежняго пассивнаго сопротивленія, обратились къ активному. Первые безпорядки произошли въ Бове, гдѣ епископомъ былъ кардиналъ де-Шатильонъ, раздѣлявшій убѣжденія своихъ братьевъ. Онъ проводилъ Пасху не по старому обычаю, а по правиламъ Кальвина, не въ церкви, а дома, съ своими друзьями, гугенотами. Въ это время протестанты оскорбили католическую процессію. Это произвело смятеніе. Народъ преслѣдовалъ протестантовъ до епископскаго дворца, многихъ изувѣчилъ, а одного убилъ. Кардиналъ, видя, что народъ готовъ напасть на его дворецъ, облачился въ епископскія ризы, которыхъ уже давно не носилъ, и этимъ успокоилъ фанатическую толпу, которая разсѣялась до прибытія войскъ, посланныхъ королевою.

Гораздо важнѣе были парижскія происшествія. Парламентъ не допустилъ оффиціально обнародовать въ столицѣ новый эдиктъ; несмотря на это, число реформатскихъ проповѣдниковъ возрастало, и кальвинское богослуженіе совершалось явно и правильно. Католики видѣли въ этомъ личное оскорбленіе для себя и дерзкое упрямство; толпа студентовъ и фанатическихъ гражданъ рѣшилась воспрепятствовать протестантской проповѣди. Они вознамѣрились овладѣть домомъ одного гугенота, Гальяра сеньора де-Лонжюмо, находившимся въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи; въ этомъ домѣ помѣщалась реформатская церковь. Но, когда они напали на него, изъ дома вышла толпа дворянъ со шпагами въ рукахъ, и завязался кровавый бой, кончившійся тѣмъ, что нѣкоторые изъ аттакующихъ были убиты, а остальные разсѣяны. На другой день кровопролитіе возобновилось, и снова было много раненыхъ и убитыхъ. Парламентъ, желавшій притянуть Гальяра къ отвѣту, счелъ, однако, невозможнымъ пустить въ ходъ свою полицію и юстицію; онъ дозволилъ Гальяру съ тремя стами приверженцевъ удалиться въ свой укрѣпленный замокъ Лонжюмо и не слагать оружія.

Эти анархическія сцены и вступленіе въ королевскій совѣтъ ревностнаго защитника новаго ученія, принца де-Конде, доставили кардиналу лотарингскому случай принять на себя роль главы галликанской церкви. Епископы, соборные капитулы и всѣ духовныя корпораціи Франціи считали кардинала, даже по удаленіи его изъ королевскаго совѣта, главою галликанской церкви; они приступили къ нему съ просьбами вступиться за религію, притѣсняемую правительствомъ. Когда дворъ прибылъ для коронаціи въ его резиденцію Реймсъ, кардиналъ вступилъ съ правительствомъ въ переговоры по этому предмету. Онъ наивно сознавался, что большинство народа отступилось отъ папскаго ученія, что народъ оскорбляетъ во время проповѣдей и при богослуженіи монаховъ и священниковъ, которые поучаютъ его догматамъ католицизма, и что онъ такъ же мало расположенъ къ католическимъ обрядамъ, какъ и къ платежу десятины. Кардиналъ выразилъ при этомъ мнѣніе, что для спасенія существующаго порядка свѣтская власть должна положить предѣлъ успѣхамъ ума и поддерживать полицейскими мѣрами привилегіи духовенства. Королева Екатерина

вполнѣ согласилась съ нимъ, но съ сожалѣніемъ сказала, что не видитъ средствъ пособить горю; поэтому она желала устроить въ Реймсѣ чрезвычайное засѣданіе совѣта. Въ этомъ собраніи кальвинисты скромно просили выслушать ихъ защиту своего ученія, не отдавая ихъ дѣла на рѣшеніе тридентскаго собора, который навѣрно не станетъ ихъ слушать. Кардиналъ противъ ожиданія высказалъ уступчивость и умѣренность; впрочемъ, онъ никогда не былъ фанатикомъ. Надѣясь поссорить лютеранъ съ кальвинистами и блеснуть краснорѣчіемъ, онъ предложилъ для примиренія религіозныхъ неудовольствій созвать національный соборъ и устроить религіозный диспутъ. Совѣтъ, въ томъ числѣ и протестанты, согласился, причемъ протестанты пожелали только, чтобы до разрѣшенія дѣла имъ была дарована терпимость. Католическіе члены совѣта не рѣшались возражать противъ этого требованія, потому что протестанты были въ совѣтѣ многочисленнѣе ихъ. Тогда канцлеръ предложилъ предоставить рѣшеніе этого вопроса общему собранію парижскаго парламента, гдѣ, согласно обычаю, должны были присутствовать съ правомъ голоса королевскій совѣтъ и перы.

Это собраніе происходило 19 іюня. Совѣщанія продолжались 20 дней безъ всякаго результата относительно терпимости, которой желалъ королевскій совѣтъ. Многіе члены собранія требовали искорененія еретиковъ и ихъ ученія. Это было отвергнуто. Большинство подало голосъ за терпимость, но съ большими ограниченіями. Слѣдуя этому мнѣнію, парламентъ составилъ декретъ, заключавшій весьма стѣснительныя постановленія. Канцлеръ не согласился обнародовать эдиктъ въ томъ видѣ, въ какомъ его записали въ протоколы; передъ публикаціей онъ измѣнилъ и смягчилъ многіе параграфы. Эдиктъ этотъ извѣстенъ во французской исторіи подъ именемъ іюльскаго эдикта. Обѣ стороны остались недовольны имъ. Протестанты утверждали, что ихъ обманули, а парламентъ жаловался, что канцлеръ исказилъ его рѣшеніе. Поэтому іюльскій эдиктъ получилъ лишь временную силу, и парламентъ удержалъ за собою право предложить королю возраженія на него, какъ только представится удобный поводъ. Правительство какъ нельзя лучше воспользовалось рѣшеніемъ, принятымъ въ Реймсѣ касательно созванія національнаго собора, жалобами, поднявшимися со всѣхъ сторонъ на злоупотребленія церкви, и требованіемъ коренныхъ преобразованій, которыхъ желали даже кардиналы лотарингскій и де-Бурбонъ. Все это послужило въ пользу правительства при его переговорахъ съ духовными депутатами генеральныхъ чиновъ. Въ то время совѣщанія чиновъ происходили отдѣльно по сословіямъ; представители перваго сословія собрались въ Пуасси въ началѣ іюня. Правительство долго вело съ ними переговоры о преобразованіи и объ увеличеніи взносовъ на государственные расходы. Указавъ духовнымъ депутатамъ на неудовольствіе народа, который жаловался на скупость и богатства духовенства, и грозя предстоящимъ національнымъ соборомъ, правительство склонило ихъ согласиться взять на себя уплату долга, простиравшагося до 42 милліоновъ. Покончивъ переговоры съ духовенствомъ, дворъ переѣхалъ изъ Пуасси въ Понтуазъ для открытія генеральнаго собранія чиновъ; но такъ какъ представители духовенства не явились въ Понтуазъ, то въ собраніи участвовали только третье сословіе и дворянство. Впрочемъ, духовные депутаты предполагали также прибыть въ Понтуазъ.

Понтуазское собраніе чиновъ состояло, согласно орлеанскому постановленію, изъ 13 депутатовъ отъ дворянства и 13 отъ третьяго сословія. Эти 26 депутатовъ, не обращая вниманія на отсутствіе представителей перваго сословія, дѣйствовали, какъ полномочный сеймъ. Они отказались начать совѣщанія,

пока требованія, заявленныя ими въ Орлеанѣ, не получатъ законной силы. Послѣ долгихъ переговоровъ канцлеръ исполнилъ ихъ желаніе, издавъ орлеанскій эдиктъ.

По обнародованіи эдикта начались переговоры съ понтуазскимъ собраніемъ, касавшіеся преимущественно трехъ пунктовъ: учрежденія совѣта регентства, прекращенія религіозныхъ несогласій и погашенія долга.

Что касается прекращенія религіозныхъ раздоровъ, то сословія возобновили требованіе полной терпимости; для возстановленія внѣшняго единства распавшейся церкви было предложено воспользоваться пребываніемъ католическихъ епископовъ въ Пуасси и устроить религіозный диспутъ. Для этой цѣли нужно было послать всѣмъ реформатскимъ церквамъ приглашеніе прислать проповѣдниковъ и богослововъ въ Пуасси для соглашенія съ епископами по извѣстнымъ пунктамъ. Рѣшено было, что пункты, по которымъ состоится соглашеніе, будутъ занесены въ судебный протоколъ, чтобы впослѣдствіи нельзя было отступиться отъ нихъ. По третьему предмету—погашенію долга—сословія рѣшили взвалить главное бремя уплаты на духовенство. Они были весьма расположены ограничить богатства духовенства и посбавить доходы высшихъ духовныхъ сановниковъ и богатыхъ аббатовъ. При этомъ обнаружилось такое общее негодованіе на духовенство, что, опасаясь худшаго, оно поспѣшило согласиться внести на уплату долга весьма значительную сумму.

Получивъ отъ сословій увѣдомленіе, что требованія и предложенія ихъ составлены, правительство созвало ихъ въ общее собраніе, въ большой залѣ въ Сенъ-Жерменѣ, куда были приглашены и депутаты духовенства. Въ то же время королева согласилась на просьбу чиновъ пригласить протестантовъ въ собраніе французскаго духовенства въ Пуасси, представлявшее собою національный соборъ. Она писала объ этомъ папѣ; его отвѣтъ, заключавшій въ себѣ отказъ и протестъ, не отклонилъ ея отъ ея намѣренія. Католики послали кардинала лотарингскаго, который, правда, не былъ ученый богословъ, но зато былъ ловкій и талантливый латинистъ и ораторъ; онъ даже показывалъ видъ, что не прочь принять аугсбургское исповѣданіе, надѣясь этимъ поссорить лютеранъ съ кальвинистами. Протестанты послали своихъ богослововъ съ условіемъ, что епископы будутъ присутствовать на диспутѣ не какъ судьи, а какъ спорящіе; что за норму религіи будетъ принята библія, а не св. отцы и соборы; что предсѣдательствовать будутъ только король и совѣтъ регентства, и что протоколы будутъ вести нотаріусы и писцы обѣихъ сторонъ. Екатерина, креатура ея—канцлеръ—и ея совѣтники приняли эти условія, нуждаясь въ принцахъ Шатильонахъ и въ другихъ друзьяхъ протестантизма; но они старались подготовить себѣ лазейку, чтобы можно было не исполнять обѣщаній. Такъ, напримѣръ, они обѣщали протестантамъ безопасность не письменно, а на словахъ, сказавъ, что королевскаго слова должно быть достаточно.

Торжественный религіозный диспутъ открылся 9 сент. 1561 г. въ женскомъ монастырѣ въ Пуасси; но Теодоръ Беза прибылъ еще 23 августа и на другой же день вступилъ въ богословское преніе съ кардиналомъ лотарингскимъ, въ присутствіи всего двора, въ покояхъ принца де-Конде. Беза происходилъ изъ хорошей дворянской фамиліи и былъ извѣстенъ какъ французскій и латинскій ученый, поэтъ, проповѣдникъ и ораторъ. Онъ обладалъ прекрасной наружностью, образованіемъ, въ молодости видѣлъ свѣтъ, вкушалъ его наслажденія и воспѣвалъ ихъ, но потомъ, отказавшись отъ свѣта, онъ занялъ въ Женевѣ при Кальвинѣ такое же мѣсто, какъ Меланхтонъ занималъ при Лютерѣ въ Виттенбергѣ. Беза и Петръ Мартиръ Вермиліо, нѣкогда итальянскій аббатъ, а теперь

извѣстный богословъ, были для кальвинизма тѣмъ же, чѣмъ кардиналъ лотарингскій для римской церкви.

Религіозный диспутъ открылся очень торжественно. Молодой король, его братъ, герцогъ Орлеанскій, мать его, Екатерина, король наваррскій съ женою сидѣли на возвышеніи прямо противъ входа. За ними сидѣли всѣ принцы и принцессы, высшіе сановники короны, кавалеры кавалерскаго ордена и придворные дамы и господа. Передъ ними сбоку засѣдали 6 кардиналовъ и 36 епископовъ, въ полномъ облаченіи и во всемъ великолѣпіи римской церкви; за ними находилось множество знаменитыхъ и ученыхъ богослововъ. Внизу скромно и смиренно стояли кальвинистскіе богословы, люди, отличавшіеся только простотой, достоинствами и ученостью; они держали себя просто, какъ подобало приверженцамъ новаго ученія. Контрастъ этого зрѣлища, представляемый съ одной стороны скромностью кальвинистовъ, а съ другой—высокомѣріемъ и пышностью ихъ противниковъ, произвели такое глубокое впечатлѣніе на все собраніе, что даже дворъ былъ пораженъ имъ. Изъ всѣхъ кальвинистскихъ богослововъ особенно отличались внѣшними и внутренними достоинствами Теодоръ Беза и Петръ Мартиръ, окруженные 12-ю избранными проповѣдниками и 22-мя дворянами. Они стояли у рѣшетки, отдѣлявшей амфитеатръ отъ авансцены.

Послѣ краткаго и весьма почтительнаго обращенія къ королю Беза и за нимъ всѣ протестанты преклонили колѣни, и Беза прочелъ молитву, содержаніе и форма которой произвели глубокое впечатлѣніе на собраніе. Послѣ того онъ поднялся и началъ рѣчь, въ которой прежде всего старался устранить всякую мысль о ссорахъ, неудовольствіяхъ и враждѣ съ приверженцами папизма. Перейдя затѣмъ къ догматамъ вѣры, онъ началъ оправдывать отступленіе кальвинистовъ отъ римской церкви; собраніе слушало его съ большимъ вниманіемъ, и всѣ присутствующіе удивлялись его искусству излагать отвлеченные догматическіе вопросы такъ ясно и увлекательно. Наконецъ Беза перешелъ къ догмату причащенія. Одушевленный убѣжденіями, за которыя боролся, и увлеченный риторическимъ пыломъ, которымъ приводилъ въ восторгъ своихъ слушателей, Беза забылъ осторожность и произнесъ нѣсколько слишкомъ рѣшительныхъ словъ. Эти слова возбудили въ собраніи ропотъ. Лютеране и католики ужаснулись; кардиналъ де-Турнонъ громко негодовалъ на то, что короля и герцога Орлеанскаго водятъ въ такія сборища, гдѣ слуха ихъ касаются столь нечестивыя рѣчи; онъ требовалъ прекращенія диспута. Однако его не послушали, и Беза договорилъ свою рѣчь. Но послѣ этого о примиреніи, конечно, нельзя было и думать.

16 сентября происходило второе собраніе. Кардиналъ лотарингскій говорилъ рѣчь, въ которой хитро доказывалъ, что протестанты, лютеране и кальвинисты сами несогласны между собою. Онъ предложилъ договориться сначала о двухъ главныхъ вопросахъ, такъ какъ это поможетъ потомъ согласиться насчетъ прочихъ. Вопросы эти касались значенія церкви въ дѣлахъ вѣры и ученія о причащеніи. Кардиналъ говорилъ о нихъ такъ подробно и опредѣлительно въ римскомъ смыслѣ, что привелъ въ восторгъ епископовъ; они окружили кардинала де-Турнона и объявили, что дальнѣйшія пренія не нужны, если кальвинисты не признаютъ ученія кардинала по этимъ двумъ вопросамъ. Тогда Беза, преклонивъ колѣно, обратился къ королю и сказалъ, что, выслушавъ доводы, которые кардиналъ лотарингскій привелъ за духовенство, и чувствуя себя способнымъ отвѣчать немедленно на каждый вопросъ, потому что они еще живы у него въ памяти, онъ проситъ дозволенія возражать тотчасъ же. Королевскій

совѣтъ приступилъ къ совѣщаніямъ объ этой просьбѣ, и противники кальвинистовъ искусно вывели королеву изъ затрудненія. Совѣтъ отвѣчалъ, что совершенно согласенъ исполнить желаніе Безы; но такъ какъ рѣчь кардинала продолжалась цѣлыхъ два часа, то Безѣ, вѣроятно, придется говорить еще долѣе; между тѣмъ, уже поздно, и потому необходимо отложить рѣчь до другаго раза; тѣмъ временемъ Беза можетъ переговорить съ своими товарищами и представить результаты этихъ совѣщаній, когда совѣтъ призоветъ его.

24 сентября Беза былъ снова приглашенъ, но кардиналъ не вступилъ уже съ нимъ въ диспутъ, а засѣдалъ въ качествѣ судьи, и свободная бесѣда имѣла видъ судебнаго слѣдствія при закрытыхъ дверяхъ. Войдя въ залу конференцій, Беза засталъ тамъ только королеву-мать, королеву наваррскую, принцевъ крови, нѣсколько государственныхъ совѣтниковъ, пять епископовъ и 15 докторовъ богословія. Поэтому усилія Безы и Петра Мартира были тщетны. Въ концѣ засѣданія кардиналъ коварно предложилъ имъ сдѣлать первый шагъ къ примиренію, подписавъ или исповѣданіе причащенія, составленное Кальвиномъ и близко подходившее къ догмату Лютера, или другое исповѣданіе, изложенное въ сочиненіи сорока виртембергскихъ богослововъ. Кардиналъ пригласилъ изъ Германіи шесть лютеранскихъ богослововъ, чтобы стравить лютеранъ съ кальвинистами. Изъ нихъ пятеро пріѣхали въ Парижъ, но отказались отправиться въ Сенъ-Жерменъ. Поэтому кардиналъ придумалъ другой способъ обличить протестантовъ въ разногласіи между собою и съ этой цѣлью требовалъ, чтобы Беза одобрилъ лютеровское исповѣданіе. Но Беза разстроилъ его планъ, доказавъ, что такой поступокъ съ его стороны ни къ чему не поведетъ, потому что если онъ и подпишетъ лютеранское исповѣданіе, то кардиналъ все-таки откажется подписать его, и слѣдовательно примиреніе не состоится.

Въ засѣданіи этомъ іезуитъ Лайнесъ, игравшій уже роль на тридентскомъ соборѣ и прибывшій во Францію въ свитѣ папскаго легата, такъ ругался и неистовствовалъ, что о примиреніи нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что Беза, съ своей стороны, осмѣялъ его, впрочемъ, очень деликатно. Однако Екатерина и канцлеръ сочли необходимымъ, наперекоръ тріумвирату, до нѣкоторой степени удовлетворить протестантовъ. Поэтому, когда рушилась уже всякая надежда на примиреніе, Безу удержали при дворѣ, поручивъ ему и нѣсколькимъ умѣреннымъ епископамъ и докторамъ, весьма расположеннымъ къ протестантизму, составить исповѣданіе, которое бы удовлетворило католиковъ и въ то же время нравилось протестантамъ. Исповѣданіе это было составлено, и епископы не нашли въ немъ ничего предосудительнаго; но университетъ, которому представили его на разсмотрѣніе, нашелъ, что оно крайне соблазнительно. Тѣмъ не менѣе правительство желало угодить протестантскимъ членамъ совѣта регентства и притомъ было вынуждено ради общественнаго спокойствія предпринять мѣры для огражденія протестантовъ отъ оскорбленій и насилій фанатической черни. Яростные монахи вопили съ каѳедръ противъ протестантскихъ принцевъ и возбуждали народъ къ насиліямъ противъ протестантскихъ собраній и религіозныхъ диспутовъ. Самыми неистовыми оказались нищенствующіе монахи и іезуиты, призывавшіе народъ къ рѣзнѣ и убійствамъ. Но самымъ свирѣпымъ проповѣдникомъ истребленія протестантовъ былъ одинъ францисканецъ, котораго князь де-ла-Рошъ-сюръ-Іонъ, какъ членъ совѣта регентства, приказалъ схватить ночью въ монастырѣ и отправить въ сенъ-жерменскую тюрьму за возмутительную проповѣдь. На другой день принцъ сообщилъ парламенту повелѣніе короля предать этого монаха суду. Но народъ вступился за проповѣдника, устремился толпой въ предмѣстье, наводнилъ залы дворца юсти-

ціи и такъ грозно кричалъ, что парламентъ освободилъ мятежнаго проповѣдника, котораго народъ съ торжествомъ проводилъ въ его церковь.

Съ этого времени начались постоянныя драки между обѣими религіозными партіями; наконецъ 26 дек. 1561 г. произошла кровопролитная схватка. Гугеноты собирались для богослуженія въ одинъ большой частный домъ въ предмѣстьи Сенъ-Марсо, но католики мѣшали имъ молиться звономъ въ колокола католической церкви св. Мерарда, находившейся по близости. Это случалось уже неоднократно. На второй день Рождества нѣсколько сотъ гугенотовъ собрались въ этомъ домѣ; католики по обыкновенію принялись звонить во всѣ колокола, чтобы мѣшать гугенотамъ слушать проповѣдь. Тогда нѣсколько человѣкъ изъ общины отправились просить католиковъ прекратить звонъ, но католики не только не обратили на просьбу никакого вниманія, но даже прибили одного гугенота. Товарищъ его призвалъ на помощь общину, въ которой было не мало здоровыхъ бойцовъ. Они бросились въ католическую церковь, выломали двери и накинулись съ обнаженными мечами на находившихся въ ней. Послѣ страшной рѣзни они разломали и разрушили всю внутренность церкви и, такъ какъ полиція приняла ихъ сторону, связали и отвели въ тюрьму 32 гражданъ и священниковъ. Парламентъ не могъ немедленно освободить заключенныхъ. Случай этотъ можно считать началомъ продолжительной и кровавой религіозной войны во Франціи, потому что на другой день католики, съ своей стороны, сожгли скамейки въ протестантской молельной залѣ, и затѣмъ подобныя же явленія повторились во всѣхъ провинціяхъ. Чтобы прекратить безпорядки, правительство рѣшилось точно опредѣлить условія терпимости и устранить ложное толкованіе іюльскаго эдикта и выгодъ, пріобрѣтенныхъ протестантами въ Пуасси. Съ этою цѣлью созвали собраніе въ Сенъ-Жерменъ, чтобы подкрѣпить его согласіемъ правительственныя распоряженія. Въ собраніе были приглашены представители всѣхъ парламентовъ, принцы крови, высшіе сановники короны, государственные совѣтники и статсъ-секретари. Даже коннетабль, окончательно сблизившійся съ Гизами, присутствовалъ въ Сенъ-Жерменѣ. Не присутствовали только Гизы.

Королева объявила собранію, что она и ея сынъ будутъ твердо стоять за государственную церковь и не допустятъ ни малѣйшихъ измѣненій или уклоненій отъ католицизма, но тѣмъ не менѣе намѣрены торжественно даровать кальвинистамъ нѣкоторую терпимость. О свойствахъ и предѣлахъ этой терпимости подробно говорилъ канцлеръ; въ утѣшеніе католикамъ королева прибавила, что все, предоставляемое гугенотамъ новымъ эдиктомъ, имѣетъ силу лишь до рѣшенія религіозныхъ вопросовъ вселенскимъ соборомъ. Но этому эдикту противились только коннетабль, маршалъ Сентъ-Андре и ихъ партія. При этомъ коннетабль совершенно поссорился съ адмираломъ де-Колиньи; до того времени они, какъ родственники и друзья, жили въ согласіи, но съ этихъ поръ стали непримиримыми врагами. Эдиктъ былъ принятъ и 17 янв. 1562 г. обнародованъ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ январьскаго или толерантнаго эдикта. Сущность его состояла въ слѣдующемъ: протестанты имѣютъ право исполнять обряды своей религіи за чертами городовъ; если они будутъ вести себя смирно, то парламенты обязаны ихъ защищать во время богослуженія. Церкви, священная утварь и ризы, которыми они владѣли, должны быть возвращены католикамъ. Кромѣ того, они должны соблюдать католическіе праздники. Проповѣдники ихъ обязаны воздерживаться отъ брани и оскорбленій противъ католиковъ и жить на одномъ мѣстѣ, не разъѣзжая съ цѣлью распространенія своей религіи. Парламенты утвердили эдиктъ. Коннетабль и герцогъ

Франциск де-Гиз рѣшились противиться эдикту силою. Папа Пій IV и король испанскій старались по возможности запутать французскія дѣла—первый, чтобы поддержать свое поколебавшееся значеніе во Франціи, второй, чтобы наловить рыбы въ мутной водѣ и воспрепятствовать французскимъ кальвинистамъ помочь своимъ нидерландскимъ единовѣрцамъ, которыхъ онъ намѣревался подвергнуть жестокимъ гоненіямъ. Папа и Филиппъ II отправили къ французскому двору уполномоченныхъ, обладавшихъ всѣми достоинствами искусныхъ дипломатовъ. Посланникомъ римскаго двора былъ Ипполитъ д'Эсте, князь-кардиналъ феррарскій. Онъ опуталъ королеву Екатерину Медичи сѣтями папскихъ интригъ, поссорилъ слабаго короля наваррскаго съ его братомъ, принцемъ де-Конде, и соединилъ его съ Гизами. Король испанскій назначилъ своимъ посломъ во Франціи Перрено де-Шантонэ, который имѣлъ порученіе раздувать втихомолку огонь и стараться внушить католикамъ подозрѣніе къ королевѣ. По письмамъ его видно, что дѣйствія его увѣнчались успѣхомъ и принудили Екатерину, которая зоботилась не о религіи, а о власти, отступиться отъ протестантовъ. Кардиналъ феррарскій, испанскій посланникъ и папскій нунцій склонили на свою сторону короля наваррскаго, давъ ему надежду на пріобрѣтеніе или испанской Наварры, или, взамѣнъ ея, владѣнія въ Савойѣ. За это онъ долженъ былъ возвратиться къ католицизму. Антуанъ, будучи равнодушенъ къ религіи, дался въ обманъ. Онъ отослалъ въ Беарнъ свою жену, которая была ревностная протестантка; но сына своего Генриха, бывшаго еще ребенкомъ, онъ удержалъ при себѣ, обѣщалъ воспитывать въ католицизмѣ и удалился отъ двора. Екатерина, раздѣлившая съ Антуаномъ регентство надъ молодымъ королемъ, была принуждена уволить адмирала и его братьевъ и пристать къ испанско-папской партіи. Съ этого времени эта партія, главою которой былъ тріумвиратъ, стала господствовать въ королевскомъ совѣтѣ. Тогда протестанты начали вооружаться; имъ покровительствовали принцъ де-Конде, адмиралъ и королева Жанна наваррская. Они рѣшились силою сохранить за собой права, предоставленныя имъ январьскимъ эдиктомъ.

При этомъ кризисѣ Екатерина отлично разыграла свою роль, не разорвавъ явно связи съ протестантами, хотя по письмамъ ужаснаго короля Филиппа испанскаго уже давно видѣла, чего именно желаютъ папа, Гизы и тріумвиратъ. Филиппъ писалъ королевѣ Екатеринѣ, на старшей дочери которой былъ женатъ уже нѣсколько лѣтъ: «если вы не перестанете терпѣть ересь, то мнѣ нельзя будетъ воспрепятствовать ей распространиться въ Испаніи и въ Нидерландахъ. Вамъ слѣдуетъ избавить огнемъ и мечемъ ваше государство отъ этой чумы, какъ бы ни было велико число зачумленныхъ, и я готовъ, съ своей стороны, всѣми силами помогать вамъ въ этомъ предпріятіи».

Герцогъ Франциск де-Гизъ и коннетабль начали свирѣпствовать противъ протестантовъ прежде, чѣмъ слабый король наваррскій перевелъ дворъ изъ Фонтенебло къ нимъ въ Парижъ.

Въ это время Франциск де-Гизъ получилъ отъ короля наваррскаго офиціальную бумагу; Антуанъ успѣлъ уже разойтись съ братомъ, Шатильонами и прочими протестантами и соединился съ испанской партіей. Посланіе его заключало въ себѣ предписаніе его, какъ намѣстника государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ дружескую просьбу, чтобы герцогъ поспѣшилъ идти со всей своей конной гвардіей и со всѣми друзьями, которыхъ можетъ собрать, спасать католическую религію и Парижъ. Герцогъ немедленно выступилъ и въ началѣ марта 1562 г. въ городкѣ Васси встрѣтилъ случай потѣшить свой фанатизмъ.

Городокъ Васси былъ частью вдовьяго удѣла Маріи Стюартъ, которая пору-

чила управлять имъ своей бабкѣ, Антуанеттѣ Бурбонской, матери Гизовъ. Герцогинѣ очень не нравилось, что протестанты устроили въ Васси свое богослуженіе въ одномъ амбарѣ близъ собора; при томъ они оскорбили епископа шалонскаго, который пріѣжалъ въ Васси съ двумя богословами на диспутъ съ кальвинистскими проповѣдниками. Герцогъ де Гизъ, мать котораго граждане называли не иначе, какъ матерью тиранна, составилъ свой маршрутъ такъ чтобы прибыть въ Васси въ воскресенье; онъ сошелъ съ лошади у собора и вошелъ въ церковь слушать мессу въ то самое время, когда протестанты собрались на проповѣдь. Священникъ и мѣстный судья пожаловались герцогу на протестантовъ, которые проповѣдывали и распѣвали у самаго собора. Герцогъ немедленно послалъ молодаго де-Бросса и двухъ пажей позвать проповѣдника и протестанскихъ старшинъ. Но протестанты захлопнули дверь своего амбара передъ носомъ посланныхъ. Пажи принялись стучать и кричать неистовымъ образомъ; за это ихъ прибили. Тогда старикъ де-Броссъ и самъ де-Гизъ съ служителями поспѣшили къ нимъ на помощь, но были встрѣчены каменьями и получили ушибы. Наконецъ солдаты бросились на гражданъ, многихъ переранили и 60 человѣкъ убили. Говорятъ, что при этомъ герцогъ де Гизъ отвѣчалъ мѣстному судьѣ, напомнившему ему январьскій эдиктъ, что изрубитъ этотъ эдиктъ своимъ мечемъ. Екатерина Медичи дѣлала сперва видъ, будто намѣрена противиться вступленію въ Парижъ герцога Гиза съ его товарищами и фанатической ватагой. Она приняла протестантское посольство, пришедшее къ ней съ жалобою на кровопролитіе въ Васси, и милостиво отвѣчала оратору посольства, Теодору де-Беза. Но король Антуанъ наваррскій принялъ ихъ очень сурово; народъ осмѣялъ въ уличной пѣснѣ малодушіе и измѣну этого человѣка. 16 марта Гизы торжественно вступили въ Парижъ; тогда и Антуанъ со всѣмъ дворомъ отправился туда. Королева приняла видъ угнетенной жертвы, которую Антуанъ привезъ въ столицу насильно и которая непричастна ничему, что дѣлается противъ протестантовъ; дѣйствительно, канцлеръ ея не одобрялъ насильственныхъ мѣръ. Въ то же время Конде и его друзья повсемѣстно взялись за оружіе, потому что коннетабль и маршалъ Сентъ-Андре прямо отказались исполнить повелѣніе, данное имъ именемъ короля, слѣдовать январьскому эдикту и не препятствовать протестантамъ за воротами городовъ. Коннентабль не постыдился даже отправиться съ войскомъ и возбужденною монахами чернью за ворота Сенъ-Жакъ и Поплиньеръ разрушать протестантскія молельни. Онъ велѣлъ сжечь скамейки, каѳедру и остальную мебель и возвратился въ Парижъ съ торжествомъ, какъ будто совершилъ великій подвигъ. Протестанты прозвали его за это воеводой-сжигателемъ скамеекъ.

Началась междоусобная война. Вся протестантская знать примкнула къ Конде и Колиньи и избрала перваго своимъ вождемъ. Они объявили, что, такъ какъ король, его мать и жалкій Антуанъ наваррскій находятся во власти Гизовъ, коннетабля де-Монморанси и маршала Сентъ-Андре, то ихъ должно считать плѣнными. Протестанты заняли Тулузу, Ліонъ, Буржъ и Орлеанъ, гдѣ устроили свой сборный пунктъ; однако, силы ихъ были значительно слабѣе католическихъ. Не имѣя возможности слѣдить за всѣми подробностями тогдашней исторіи Франціи, мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторые факты, имѣвшіе важность для послѣдующихъ событій. 8-е апрѣля 1562 было днемъ всенароднаго объявленія, что единство правительства не существуетъ, что король сталъ вождемъ партіи и что двѣ арміи готовы рѣшить битвой, кого должно считать настоящимъ правителемъ. Число это означено въ манифестѣ или декларацiи принца де-Конде, гдѣ онъ излагаетъ основанія, побудившія его и его

единовѣрцевъ взяться за оружіе противъ парижскаго правительства. Правительство, говоритъ Конде въ своемъ манифестѣ, перестало быть народнымъ и законнымъ; оно явно находится во власти испанскаго посланника, нунція и легата, и главный голосъ въ немъ принадлежитъ иностраннымъ лотарингскимъ принцамъ (Гизамъ). Конде прибавляетъ однако въ концѣ, что готовъ отступить и положить оружіе, если враги его религіи также откажутся отъ непріязненныхъ дѣйствій.

Такъ какъ протестанты утверждали, что король и его мать находятся въ плѣну у тріумвирата, то послѣдній, съ своей стороны, офиціально объявилъ, что Конде и адмиралъ лгутъ, говоря, будто король и его мать содержатся въ плѣну. Правительство объявило, что желаетъ сохранить январьскій эдиктъ, но что онъ не долженъ только распространяться на Парижъ. Протестанты сдѣлали принца де-Конде съ титуломъ «защитника и охранителя короны», главою совѣта, составленнаго изъ важнѣйшихъ протестантскихъ дворянъ. Эти вельможи, владѣвшіе большими помѣстьями и содержавшіе въ своихъ городахъ войска, были три брата Шатильоны, графъ де-ла Рошфуко, виконтъ де-Роганъ, де Монгомери, де Субизъ, и нѣкоторые другіе. Протестантскіе нотабли немедленно назначили налогъ и рекрутскій наборъ и учредили надзоръ за фанатическими проповѣдниками, которые своими рѣчами могли довести религіозное одушевленіе жителей южной Франціи до неистовствъ. Поводъ къ этому распоряженію далъ Беза, находившійся въ арміи съ самаго начала войны. Его проповѣди были такъ возмутительны, что его даже обвиняли въ воззваніи къ убійству Гизовъ; однако онъ постоянно письменно и словесно отрицалъ это.

Въ Гіэни Монлюкъ подавилъ движеніе съ страшной жестокостью; во всѣхъ большихъ городахъ юга кровь лилась потоками, и съ обѣихъ сторонъ совершались неслыханные ужасы. Гизы пріобрѣли содѣйствіе герцога Савойскаго, пожертвовавъ города, которыми французы владѣли въ его странѣ: королева же, чтобы получить отъ папы ничтожную сумму ста тысячъ экю, была принуждена обѣщать его нунцію и легату первенство въ совѣтѣ; папскіе представители стали требовать удаленія канцлера Л'Опиталя и кроткаго епископа Монлюка. Принцъ де-Конде дѣйствовалъ такимъ же образомъ и, подобно тому какъ католики обратились къ Филиппу II испанскому, искалъ помощи королевы Елизаветы, хотя Англія находилась въ то время въ мирѣ съ Франціей. Протестанты предложили доставить имъ Гавръ и впустить войска ихъ въ Руанъ и Діеппъ; за это Англія должна была послать армію въ Нормандію и дать гугенотамъ 60 тысячъ экю на веденіе войны. Эта субсидія пошла на жалованье вербовавшимся нѣмцамъ и швейцарцамъ.

Католическая и протестантская армія стояли на Луарѣ другъ противъ друга; первая имѣла намѣреніе овладѣть Орлеаномъ, а вторая рѣшилась защищать его. Хотя споръ могъ рѣшиться только оружіемъ, тѣмъ не менѣе противники начали переговоры. Екатерина воспользовалась тупостью короля Антуана, чтобы при помощи его обмануть его брата. Ей нужно было удалить тріумвиратъ, въ чемъ она и успѣла во время переговоровъ. Протестанты же хотѣли протянуть время до прибытія англичанъ и нѣмцевъ. Слѣдовательно, обѣ стороны не думали серьозно о мирѣ, и переговоры были безуспѣшны. Неудавшаяся попытка Конде аттаковать королевскую армію, подступившую къ Орлеану, принудила королеву снова призвать тріумвиратъ и издать черезъ парламентъ грозный эдиктъ противъ всѣхъ приверженцевъ адмирала, его племянниковъ и принца де-Конде, какъ противъ разбойниковъ, убійцъ и святотатцевъ. Отъ наказаній, которыми

грозилъ эдиктъ, были избавлены, по повелѣнію королевы, только Конде и всѣ тѣ, которые къ назначенному сроку сложатъ оружіе.

Война началась неблагопріятно для протестантовъ; войско ихъ было самое нестройное и разнокалиберное, такъ какъ аристократія, стоявшая за нихъ, испугавшись эдикта, увела свои отряды домой. Королевское войско двинулось дальше къ Луарѣ; протестанты покидали города и выступали изъ однихъ воротъ въ то время, какъ король Антуанъ, или, вѣрнѣе, Гизъ, вступалъ въ другія. Королева и канцлеръ содѣйствовали разсѣянію протестантскаго войска обѣщаніемъ помилованія тѣмъ, кто покинетъ его; обѣщаніе это исполнялось ими. Зато герцогъ Францискъ предавалъ грабежу всѣ города, которые бралъ, хотя бы на капитуляцію; Туръ и Блуа прежде всѣхъ подверглись этой участи. Въ Турѣ герцогъ де-Монпансье велѣлъ казнить многихъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя не соглашались отречься отъ евангелическаго ученія. Буржъ сопротивлялся упорно до прибытія Антуана наваррскаго и самого ребенка короля; тогда онъ сдался на капитуляцію. Несмотря на капитуляцію, гугенотамъ было предписано удалиться изъ города, и, при выходѣ ихъ, многіе изъ нихъ были убиты.

Въ то время, когда католики свирѣпствовали по сю и по ту сторону Луары, протестантское войско подъ командой Монгомери стояло въ Нормандіи. Эта провинція, какъ центръ протестантизма, находилась почти вся во власти протестантовъ; кромѣ того, первые транспорты англійскихъ вспомогательныхъ войскъ уже прибыли сюда. Поэтому королевскимъ войскамъ, стоявшимъ предъ Орлеаномъ, было необходимо двинуться на Сену, прежде чѣмъ англичане успѣютъ овладѣть нормандскими городами. Но королевскимъ войскамъ грозила опасность и съ другой стороны, потому что нѣмецкія вспомогательныя войска, обѣщанныя протестантамъ, начали уже собираться на Рейнѣ; тогда правительству пришлось послать отрядъ въ Шампань для прегражденія имъ пути. Вслѣдствіе того осада Орлеана была снята, и оставлена лишь блокада; правительственная армія раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ. Одинъ изъ нихъ перешелъ Луару и занялъ всѣ города, откуда непріятель могъ получать подкрѣпленія или продовольствіе. Другой, подъ командой маршала Сентъ-Андре, двинулся въ Шампань, съ цѣлью подготовить всевозможныя затрудненія походу нѣмецкихъ войскъ, которымъ, по многочисленности ихъ, нельзя было противиться въ полѣ. Наконецъ главная армія, подъ начальствомъ Франциска де-Гиза, направилась въ Нормандію и начала осаду Руана, который младшій братъ Франциска, герцогъ д'Омаль, уже нѣсколько мѣсяцевъ держалъ въ блокадѣ.

Передъ Руаномъ герцогъ Францискъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе, такъ какъ граждане и солдаты мужественно защищали городъ. Герцогъ вызвалъ въ осаждающую армію генералъ-намѣстника и самого короля. Упорное сопротивленіе осажденныхъ принудило герцога рѣшиться на приступъ. Въ концѣ октября Руанъ былъ взятъ. Этотъ городъ, второй по значенію въ государствѣ, былъ обреченъ на нѣсколько дней убійствъ и грабежа и преданъ въ жертву грубой фанатической ордѣ, составлявшей осаждающую армію. Но завоеваніе Руана стоило жизни королю Антуану наваррскому: находясь въ траншеѣ, онъ получилъ рану, которая сдѣлалась смертельною. Смерть Антуана открыла герцогу де-Гизу путь къ генералъ-намѣстничеству. Но протестанты также выиграли отъ смерти Антуана, потому что вдова его, ревностная кальвинистка, стала съ тѣхъ поръ управлять владѣніями своего сына, будущаго короля Генриха IV, и воспитала его въ протестантизмѣ. Однако сперва Екатерина удержала этого принца при себѣ, и онъ долженъ былъ притворяться католикомъ.

Дѣла протестантовъ шли очень дурно не только въ Нормандіи, но и въ Гіэни. Въ Провансѣ и въ Дофинэ они были также побѣждены, и ихъ жестоко преслѣдовали. Такое положеніе дѣлъ и опасеніе, что Францискъ де-Гизъ сдѣлается генералъ-намѣстникомъ Франціи на мѣсто Антуана, побудило сильнѣйшихъ нѣмецкихъ государей рѣшиться наконецъ серьозно помочь своимъ единовѣрцамъ. Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что нѣмцы, продававшіе себя въ эту войну обѣимъ сторонамъ, смотрѣли не на то, чему служатъ, а на то, кто больше платитъ. Бóльшая часть рейтеровъ и ландскнехтовъ были, по словамъ Кастельно, протестанты. Нѣмецкіе господа, торговавшіе солдатами, прямо говорили Кастельно, который вербовалъ войска для французской королевы, что очень неохотно идутъ изъ разсчета противъ своихъ единовѣрцевъ. Германскіе протестантскіе государи долго не рѣшались послать помощь своимъ французскимъ единовѣрцамъ. Наконецъ Гессенъ, Пфальцъ и Виртембергъ послали отрядъ конницы и ландскнехтовъ.

Весною 1563 г. виртембержцы двинулись въ Эльзасъ. Здѣсь съ ними соединились и гессенцы. Маршалъ Сентъ-Андре, стоявшій въ Шампани, не имѣлъ силъ остановить нѣмецкое войско, простиравшееся почти до девяти тысячъ; но онъ испортилъ всѣ дороги и частію уничтожилъ, частію перевезъ въ укрѣпленные города продовольствіе. Впрочемъ, ближайшій родственникъ Гизовъ, герцогъ Лотарингскій, вѣроятно изъ опасенія навлечь на себя месть германскихъ государей, щедро снабжалъ его продовольствіемъ.

Когда этотъ вспомогательный корпусъ соединился съ главными силами протестантовъ, принцъ де-Конде вознамѣрился, пользуясь удаленіемъ королевской арміи, покорявшей Руанъ, напасть врасплохъ на Парижъ. Попытка эта не удалась. Если бы онъ могъ предпринять это смѣлое нападеніе немедленно по прибытіи къ Парижу, то городъ, вѣроятно, былъ бы взятъ. Но онъ увлекся переговорами, которыми королева и канцлеръ старались задержать его. Они поддерживали то протестантовъ, то Гизовъ, хотя, впрочемъ, испанскій посланникъ и нунцій не переставали управлять ими. Когда непріятель получилъ ожидаемое подкрѣпленіе, Конде уже не могъ аттаковать столицу или предпринять блокаду ея, тѣмъ болѣе, что войско его не получало жалованья. Поэтому онъ послѣдовалъ совѣту адмирала и отправился въ Нормандію, гдѣ намѣревался ожидать англійскаго вспомогательнаго отряда и англійскихъ субсидій для уплаты жалованья конницѣ. Королевское войско по пятамъ слѣдовало за протестантскимъ. Сначала они шли по берегу Сены почти рядомъ. Однако протестанты опередили католиковъ. Но принцу де-Конде вздумалось аттаковать городъ Дре, лежащій почти въ 16-ти часахъ пути отъ Парижа; аттака эта такъ задержала его, что войско тріумвировъ успѣло догнать протестантовъ. Тогда протестантская армія перешла Сену и встрѣтила католиковъ.

Тріумвиратъ видѣлъ, что наступила рѣшительная минута, но не рѣшался на битву безъ положительнаго приказа королевы, которая все-еще старалась сдерживать Гизовъ протестантами и тайно переписывалась съ протестантскими вождями. Тріумвиры послали къ ней Кастельно за приказаніями. Сраженіе произошло въ концѣ 1562 г. неподалеку отъ Парижа, близъ Дре, и было кровопролитно. Сначала оно приняло столь благопріятное для протестантовъ направленіе, что королева въ продолженіе сутокъ считала свое дѣло погибшимъ. Корпуса маршала Сентъ-Андре и коннетабля были разбиты, когда герцогъ де-Гизъ, отказавшійся отъ главнаго начальства надъ арміею и предводительствовавшій третьимъ корпусомъ, воспользовавшись увлеченіемъ принца де-Конде, который неосторожно преслѣдовалъ побѣжденныхъ, аттаковалъ утомившагося и разстроен-

наго неприятеля свѣжими силами и одержалъ полную побѣду. Самъ принцъ де-Конде попался въ плѣнъ.

Послѣ этого сраженія герцогъ де-Гизъ сдѣлался единственнымъ вождемъ ультра-католической партіи, которая страшно ненавидѣла всѣхъ протестантовъ и ихъ защитниковъ и не довѣряла королевѣ-матери; другіе тріумвиры, коннетабль и маршалъ Сентъ-Андре, сошли со сцены. Коннетабль, поспѣшивъ аттакой, былъ взятъ въ плѣнъ своимъ племянникомъ, адмираломъ. Маршалъ же Сентъ-Андре, прибывъ къ нему на помощь, упалъ съ лошади, былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ. Когда его уводили съ поля битвы, на встрѣчу ему попался его личный врагъ, Бобиньи, и къ досадѣ полонившихъ маршала, которые надѣялись получить за него большой выкупъ, хладнокровно, разбойнически положилъ его на мѣстѣ пистолетнымъ выстрѣломъ. Подобныя гнусности совершались не только надъ отдѣльными лицами, но и надъ цѣлыми деревнями, городами и провинціями почти ежедневно въ теченіе этой бѣдственной религіозной войны, такъ что, казалось, нація снова обратилась въ варварство. Въ обѣихъ арміяхъ служили нѣмецкіе ландскнехты и швейцарцы, сражавшіеся за деньги другъ противъ друга. Кромѣ того, съ одной стороны, въ королевскомъ войскѣ служили три тысячи испанцевъ, а съ другой—адмиралъ ожидалъ прибытія въ Нормандію англичанъ.

Адмиралъ успѣлъ собрать и привести въ порядокъ разбитую армію и даже хотѣлъ возобновить битву, чтобы вырвать побѣду у герцога Франциска, но измѣнилъ намѣреніе, когда нѣмецкая кавалерія отказалась служить. Онъ повелъ войско въ Орлеанъ и поручилъ оборону этого укрѣпленнаго города своему брату д'Андло; самъ же, по избраніи своемъ вождемъ протестантовъ на мѣсто Конде, поспѣшилъ въ Нормандію. Пока Францискъ де-Гизъ осаждалъ Орлеанъ, Колиньи поправилъ до нѣкоторой степени дѣла своихъ единовѣрцевъ въ Нормандіи. Что же касается принца де-Конде, то, по взятіи его въ плѣнъ, герцогъ де-Гизъ встрѣтилъ его весьма вѣжливо, но на другой день поручилъ его злѣйшему врагу протестантовъ, третьему сыну коннетабля, Данвилю, который приказалъ отправить его въ замокъ Онзенъ. По приказанію Екатерины, его содержали и стерегли въ Онзенѣ очень строго, пока онъ не понадобился Екатеринѣ противъ Гизовъ. Тогда она велѣла привезти его въ Шартръ и всѣми способами старалась склонить на свою сторону. Участь коннетабля была лучше: его немедленно отправили въ Орлеанъ, гдѣ, подъ надзоромъ своей племянницы, принцессы де-Конде, онъ спокойнѣе ожидалъ освобожденія, чѣмъ пылкій и нетерпѣливый принцъ.

Францискъ де-Гизъ, какъ глава католиковъ, имѣлъ, повидимому, въ то время намѣреніе приблизить свой домъ къ престолу, устранивъ, при помощи Филиппа II испанскаго и папы, протестантскихъ родственниковъ молодаго короля, т. е. сына Антуана наваррскаго и принца де-Конде. Послѣ побѣды своей онъ отправился въ Ранбулье, гдѣ находился дворъ, и Екатерина была поневолѣ принуждена передать ему генералъ-намѣстничество, бывшее вакантнымъ по смерти Антуана. Тогда Екатерина и канцлеръ нѣсколько возвысили протестантовъ, чтобы ослабить силу Гизовъ. Они не только обѣщали прощеніе тѣмъ, кто сложитъ оружіе, но и позволили протестантамъ отправлять богослуженіе въ частныхъ домахъ.

Колиньи доказалъ, что, какъ глава протестантовъ, онъ можетъ бороться съ герцогомъ де-Гизомъ, который былъ диктаторомъ государства. Изъ Орлеана, защиту котораго онъ поручилъ своему брату, адмиралъ отправился съ отборнымъ войскомъ въ Нормандію. Здѣсь онъ получилъ отъ англичанъ деньги на уплату

нѣмцамъ, требовавшимъ жалованья, и вспомогательныя войска. Затѣмъ, неожиданно для самого себя, онъ овладѣлъ Каномъ и началъ осаду Руана. Протестанты имѣли подъ Руаномъ столь сильную армію, что назначенный начальникомъ этого города мужественный маршалъ де-Бриссакъ убѣдительно просилъ Гиза снять осаду съ Орлеана и поспѣшить къ нему на помощь. Чтобы побудить герцога къ этому, королева послала къ нему Кастельно; но герцогъ далъ ему возможность собственными глазами удостовѣриться въ скоромъ паденіи Орлеана, такъ какъ осаждающіе уже владѣли однимъ предмѣстьемъ и одною изъ городскихъ башенъ. Тогда королева приказала взять Орлеанъ приступомъ, хотя герцогъ предупреждалъ ее, что послѣдствія будутъ тѣ же, что и въ Руанѣ.

Въ это мгновеніе, когда отъ жизни герцога Франциска зависѣла судьба всего государства, рука убійцы внезапно измѣнила порядокъ вещей. Одинъ дворянинъ изъ Ангулема, Жанъ де-Мерси, по прозванію Польтро, воспламененный страстными рѣчами Безы и другихъ проповѣдниковъ, задумалъ окончить войну по испанскому способу—кинжаломъ. Польтро прикинулся католикомъ, вступилъ на службу въ армію Гиза и 18 февраля 1563 года выстрѣлилъ изъ-за куста изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями, въ герцога, который проѣзжалъ мимо него. Рана была такъ тяжела, что, нѣсколько дней спустя, герцогъ умеръ. Убійца былъ схваченъ и на допросахъ показывалъ на адмирала, его брата, д'Андло, и особенно на Безу. Такъ какъ люди эти имѣли, дѣйствительно, сношенія съ нимъ и даже давали ему деньги на разъѣзды, то католическіе фанатики подняли страшный крикъ противъ Колиньи и Безы, хотя послѣдній и въ рѣчахъ, и въ сочиненіяхъ отклонялъ отъ себя съ негодованіемъ всякое посредственное или непосредственное участіе въ преступленіи. Впрочемъ, старшій сынъ убитаго, Генрихъ, былъ впослѣдствіи еще грознѣе протестантамъ, чѣмъ отецъ его.

Властолюбивая королева, которая уже давно вела переговоры съ Конде, больше всѣхъ выиграла отъ смерти Гиза. Д'Андло былъ доведенъ въ Орлеанѣ до крайности и былъ бы радъ переговорамъ, которые во всякомъ случаѣ спасали его отъ неизбѣжной капитуляціи. Принцу де-Конде надоѣло заключеніе, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ свободы. Поэтому они приняли предложеніе королевы и ея канцлера, вопреки адмиралу, который желалъ продолжать войну. Первые переговоры о мирѣ были ведены королевой и принцессой де-Конде, которая у протестантовъ играла почти такую же роль, какъ Екатерина у католиковъ. Ими было рѣшено привезти для дальнѣйшихъ переговоровъ коннетабля и принца де-Конде подъ стражею на одинъ луарскій островъ близъ Орлеана. На конференціи этой принцъ потребовалъ прежде всего строгаго соблюденія январьскаго эдикта, но коннетабль рѣшительно воспротивился этому требованію. Вслѣдствіе того, рѣшились размѣнять ихъ другъ на друга, чтобы дать принцу возможность склонить къ уступкамъ своихъ единовѣрцевъ, осажденныхъ въ Орлеанѣ. Принцу де-Конде удалось, по освобожденіи, пробиться въ Орлеанъ; но, прибывъ туда, онъ не могъ склонить къ уступкамъ своихъ единовѣрцевъ, возбуждаемыхъ проповѣдниками. Поэтому онъ условился съ королевой созвать другой конгрессъ, чтобы свалить на другихъ отвѣтственность за свои уступки. Мирному договору, заключенному на послѣдующемъ совѣщаніи, придана была форма королевскаго эдикта; парламенты должны были утвердить его безъ малѣйшихъ измѣненій. 18 марта 1563 года король подписалъ эдиктъ, извѣстный подъ названіемъ амбуазскаго. Имъ были довольны и приписывали его ученому, дѣятельному и благородному патріоту Л'Опиталю, который пред-

почиталъ кроткія мѣры крутымъ. Сущность эдикта состояла въ слѣдующемъ: «Король даруетъ всѣмъ своимъ подданнымъ полную свободу совѣсти до собранія независимаго собора. Всѣ графы, бароны и владѣльцы, облеченные судебною властью, имѣютъ право какъ сами, такъ и семейства и вассалы ихъ слѣдовать новой религіи въ предѣлахъ своихъ владѣній. Ленники, не имѣющіе судебной власти, могутъ также пользоваться этимъ правомъ для себя и для своего семейства, если жительствуютъ не въ городахъ и не въ мѣстечкахъ. Городамъ, пользовавшимся свободою богослуженія ранѣе 7 марта 1563 года, разрѣшается построить одну или двѣ церкви на счетъ лицъ, которыя будутъ о томъ ходатайствовать. Но ни подъ какимъ видомъ не должно обращать католическія церкви въ протестантскія. Тѣ же, которыя были обращены, должны быть возвращены католикамъ, равно какъ и все прочее, что принадлежало имъ. Сверхъ того, всѣмъ судебнымъ округамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи парламентовъ, кромѣ города и округа Парижа, позволяется выбрать по городу, гдѣ протестанты будутъ имѣть право собираться подъ надзоромъ властей, безъ оружія, для отправленія своихъ религіозныхъ обычаевъ, причемъ должны вести себя тихо и скромно. Король объявляетъ своего кузена, принца де-Конде, и его друзей своими вѣрными подданными и всѣ поступки ихъ благонамѣренными и клонившимися ко благу. Приговоры, постановленные противъ нихъ, отмѣняются, и, кромѣ того, они освобождаются отъ уплаты денегъ, взятыхъ ими изъ государственныхъ кассъ и изъ церковныхъ имуществъ. Король предаетъ все совершившееся забвенію, желая, чтобы каждый остался во владѣніи своимъ имуществомъ, званіемъ и гражданскими правами. Но, подъ страхомъ строгаго наказанія, воспрещается вступать въ союзы съ иностранными государствами, брать не только подати, но и добровольныя пожертвованія и вербовать солдатъ безъ королевскаго предписанія».

XLVI. ВАРѲОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ.

(Изъ соч. Лучицкаго: «Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи» т. 1).

Около двухъ часовъ ночи, въ день св. Варѳоломея (24 августа), на колокольнѣ церкви С.-Жерменъ ударили въ набатъ. То былъ сигналъ— начинать рѣзню и истреблять еретиковъ, этихъ «враговъ Бога и короля».

Король, его мать, герцогъ Анжуйскій, вмѣстѣ съ нѣсколькими членами тайнаго совѣта, уже находились на одномъ изъ балконовъ Лувра. Они явились сюда посмотрѣть на начало рѣзни.

Карлъ IX болѣе не колебался. Его сомнѣнія были устранены, и Екатеринѣ Медичи еще вечеромъ 23 августа удалось добиться у него разрѣшенія убить адмирала. Около полуночи она одна, въ сопровожденіи лишь придворной дамы, сошла въ кабинетъ своего сына. Она хорошо знала его характеръ, его самолюбіе и раздражительность, его нелюбовь къ серьознымъ занятіямъ, привычку жить чужимъ умомъ и то безграничное повиновеніе, которое онъ всегда оказывалъ ей. Поддерживаемая членами тайнаго совѣта, явившимися вслѣдъ за нею, она въ нѣсколько минутъ порѣшила все дѣло. «Вы отказываете намъ! сказала она въ концѣ бесѣды; такъ дайте мнѣ и вашему брату позволеніе удалиться!» Король задрожалъ. «Ваше величество», обратилась къ нему его мать,

неужели вы отказываете въ своемъ согласіи изъ-за страха передъ гугенотами? Это было слишкомъ сильнымъ ударомъ. Екатерина Медичи попала въ слабую струну сына. Какъ ужаленный, вскочилъ онъ съ мѣста... Его самолюбіе, самолюбіе короля, которому еще съ дѣтства успѣли внушить высокое понятіе о могуществѣ французскаго короля, о безграничности его правъ, было слишкомъ сильно уязвлено. Ему ли бояться гугенотовъ?

Par la mort de Dieu! «вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ. Вы находите полезнымъ убить адмирала? Если такъ—убиваите, убивайте всѣхъ гугенотовъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не могъ впослѣдствіи упрекать меня!»

Слова были произнесены, приказъ данъ. Отступать назадъ едва ли было возможно, да и Екатерина Медичя, торопившая все и всѣхъ, врядъ ли бы допустила до этого своего сына.

Для рѣзни все было приготовлено. Между важнѣйшими членами католической знати были распредѣлены городскіе кварталы. Гизамъ достался адмиралъ и гугенотская знать, жившая подлѣ Лувра; герцогу Монпансье—самый Лувръ. Солдаты были поставлены подъ ружье. Вдоль Сены, по улицамъ, около жилища адмирала, согласно приказу короля, былъ разставленъ отрядъ изъ 1,200 стрѣлковъ. Марселю, городскому головѣ, позванному въ Лувръ, король, самъ, лично, въ присутствіи своей матери, Гизовъ и итальянцевъ, далъ приказъ вооружить горожанъ. Городскія ворота должны быть заперты, лодки—прикрѣплены цѣпями къ берегу рѣки, артиллерія—стоять наготовѣ на Гревской площади. При звукѣ набатнаго колокола всѣ должны быть готовы. Горожане съ ружьями въ рукахъ, съ бѣлымъ платкомъ на рукѣ и такимъ же крестомъ на шляпѣ должны выйти на улицу. Всѣ окна освѣтить, на улицахъ зажечь факелы.

Къ часу ночи всѣ приготовленія были окончены. Приказъ о вооруженіи горожанъ, разосланный по всѣмъ кварталамъ и конфреріямъ Парижа, былъ исполненъ во всей точности.

Уже вооруженныя толпы стали показываться на улицахъ, производя непривычный въ подобное время шумъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горѣли факелы.

Нѣсколько человѣкъ, изъ числа жившихъ подлѣ Лувра гугенотскихъ дворянъ, выбѣгаютъ на улицу узнать причину этого движенія взадъ и впередъ, этого шума и стука, прозводимаго оружіемъ. Они спрашиваютъ и бѣгутъ въ Лувръ.

У воротъ дворца стоялъ наготовѣ небольшой отрядъ гасконцевъ. Они не упускаютъ случая пошутить надъ бѣгущими гугенотами. Завязывается ссора, и нѣсколько человѣкъ падаютъ мертвыми у воротъ дворца короля, давшаго такія торжественныя обѣщанія, клявшагося въ безопасности гугенотовъ.

То были первыя жертвы рѣзни. Кровь была пролита и пролита въ ту минуту, когда Гизъ съ цѣлою свитою направлялся къ дому адмирала.

Колиньи еще не спалъ... Онъ бесѣдовалъ съ окружавшими его кровать гугенотами. Его умъ былъ далекъ отъ всякихъ подозрѣній. Даже шумъ, послышавшійся со стороны Лувра, онъ приписалъ какой нибудь весьма обыкновенной выходкѣ Гизовъ. Но на этотъ разъ его предположенія обманули его. Шумъ послышался подлѣ дверей его дома, въ комнату вбѣжалъ Корнатонъ и разсказалъ все... Адмиралъ поднялся съ по-

стели, и всѣ бросились на колѣни. «Молитесь за меня, сказалъ онъ спокойно своему пастору:—я давно ожидалъ этого», и, обратясь къ дворянамъ, онъ просилъ ихъ спасать свою жизнь. «Я предаю духъ мой Богу», произнесъ онъ и оперся на стѣну. Въ комнатѣ остался лишь слуга адмирала, нѣмецъ; всѣ остальные убѣжали. Швейцарцы, защищавшіе входъ, были оттѣснены, дверь въ комнату Колиньи была выломана, и въ нее ворвалась шайка убійцъ подъ предводительствомъ Бема.

«Вы адмиралъ?» спросилъ Бемъ.

«Я, спокойно отвѣчалъ Колиньи.—Молодой человѣкъ, ты долженъ уважать мои сѣдины, мои раны. Ты не можешь сократить дни моей жизни».

Его слова были напрасны. Не успѣлъ онъ произнесть ихъ, какъ шпага Бема пронзила его насквозь. Другимъ ударомъ Бемъ поразилъ его въ голову. Въ то же мгновеніе десятокъ шпагъ засверкали надъ головою Колиньи. Онъ былъ весь израненъ.

Между тѣмъ, Гизъ ожидалъ внизу, у балкона, исхода предпріятія. «Все кончено, Бемъ?» спросилъ онъ.

«Все», отвѣчалъ Бемъ.

«Выбрось его тѣло. Мы хотимъ посмотрѣть на него сами».

Колиньи былъ выброшенъ. Онъ не былъ мертвъ. Въ предсмертныхъ судорогахъ схватился онъ рукою за перилы балкона, но новый, уже смертельный ударъ повергъ его тѣло на землю къ ногамъ его смертельнаго врага.

Въ это время раздался ударъ набатнаго колокола. Окна домовъ освѣтились, по улицамъ зажгли факелы. Было свѣтло, какъ днемъ. Колиньи лежалъ израненный, кровь залила лицо, и нельзя было разсмотрѣть его. Герцогъ Ангулемскій отеръ платкомъ кровь, и Гизъ узналъ врага своего дома, убійцу своего отца. «Это онъ», вскричалъ Гизъ, ударяя его тѣло ногою.

Между тѣмъ, изъ домовъ вышли вооруженные горожане. Громадная толпа окружила тѣло адмирала. «Они собрались сюда, какъ собираются въ варварійскихъ пустыняхъ гнусныя животныя вкругъ издохшаго льва». Всѣ они были страшно раздражены проповѣдями своихъ священниковъ противъ гугенотовъ. А тутъ Гизъ, ихъ любимецъ, еще больше возбудилъ толпу своими рѣчами. «Смѣлѣе, братцы!—кричалъ онъ.—Дѣло начато хорошо. Пойдемъ къ другимъ. Такъ приказалъ король, такова его воля»! По рукамъ ходили печатные листки съ воззваніемъ къ горожанамъ. «Господа горожане и обыватели! Всѣ проклятые гугеноты составили заговоръ противъ религіи, короля, королевскаго семейства и Гизовъ, чтобы управлять по образцу Женевы и устроить республику. Заговоръ открытъ. Воля короля—вырвать это проклятое сѣмя, уничтожить этихъ ядовитыхъ змѣй!» Раздраженная толпа встрѣтила призывъ рукоплесканіями. Разбившись на отряды, подъ предводительствомъ солдатъ и знати, она разсыпалась по городу, и рѣзня началась.

Парижъ представлялъ ужасающую картину: стукъ оружія, выстрѣлы, проклятія и угрозы убійцъ смѣшивались съ стонами жертвъ, мольбами о пощадѣ, плачемъ женщинъ и дѣтей.... По улицамъ ежеминутно раздавались крики: «бей, бей ихъ». Не давали пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни старымъ, ни молодымъ. Кучи труповъ валялись по улицамъ, загромождая ворота домовъ. Двери, стѣны, улицы были забрызганы кровью. А тутъ ежеминутно бѣгали солдаты и знать и возбуждали къ рѣзнѣ.

Гугеноты нигдѣ не находили спасенія. Ихъ дома были извѣстны. Наканунѣ сдѣлана была перепись всѣмъ гугенотамъ. Вооруженныя толпы врывались въ дома и никому не давали пощады. Ларошфуко, другъ короля, его любимецъ, съ которымъ онъ еще вечеромъ игралъ въ мячъ, былъ убитъ на порогѣ своей спальни. Онъ вышелъ отворять двери убійцамъ, считая ихъ посланными отъ короля. Даже Лувръ не представлялъ охраны для гугенотовъ. Изъ комнатъ короля наваррскаго и принца Конде выводили на Луврскій дворъ гугенотскихъ дворянъ и безпощадно убивали ихъ въ виду короля, пригласившаго ихъ въ Лувръ и увѣрявшаго въ полной безопасности. Напрасны были ихъ мольбы о пощадѣ, напоминанія о гарантіяхъ. «Король смотрѣлъ изъ окна на убійство подобно Нерону, созерцавшему объятый пламенемъ Римъ», и.... молчалъ. Даже болѣе. Видя бѣгущихъ мимо оконъ гугенотовъ, спасавшихся отъ смерти, онъ самъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ въ нихъ.

Вездѣ, по комнатамъ и коридорамъ дворца, бѣгали солдаты, отыскивая гугенотовъ, а въ Парижѣ въ это время рѣзня была въ полномъ разгарѣ. По улицамъ громадная толпа черни тащила тѣло Колиньи. Ему отрубили голову и послали ее въ Римъ. Толпа удовольствовалась и туловищемъ. Она издѣвалась надъ нимъ, уродовала его, наконецъ потащила въ Монфоконъ и тамъ повѣсила его за ноги, «за отсутствіемъ головы», какъ говорится въ одной католической пѣснѣ. Разсказывали, что самъ король отправился въ Монфоконъ посмотрѣть на Колиньи. Тѣло начало разлагаться, страшная вонь заставила придворныхъ заткнуть носъ. Одинъ лишь король не послѣдовалъ ихъ примѣру. «И вонь отъ врага пріятна»,—сказалъ онъ, обращаясь къ свитѣ. Знать смѣшивалась съ презираемою ею чернью, придворные протягивали руки ворамъ, и все это вмѣстѣ шло убивать гугенотовъ. Страстямъ было открыто свободное и широкое поле, и всякій могъ теперь достигнуть желаемаго. Не разбираютъ больше, гугенотъ или нѣтъ то лицо, которое убиваютъ. Нужно или удовлетворить чувству мщенія и вражды, или захватить побольше денегъ. При полной разнузданности страстей, нѣтъ никакихъ гарантій для кого бы ни было, никто не сдерживаетъ ихъ разлива. На одной улицѣ толпа мальчишекъ, изъ которыхъ старшему было не болѣе десяти лѣтъ, тащила тѣло маленькаго ребенка.

Но не успѣла рѣзня прекратиться въ Парижѣ, какъ въ провинціяхъ начали разыгрываться подобныя же сцены. Ко всѣмъ губернаторамъ провинцій были посланы курьеры съ приказаніями отъ короля не щадить гугенотовъ. Рѣзня началась съ города Мо, гдѣ еще съ 26 августа католики прибѣгли къ оружію. Съ 27 августа и до первыхъ чиселъ сентября гугенотовъ истребляли въ Труа. По улицамъ города бѣгалъ нѣкто Белэнъ, одинъ труаскій купецъ, взывавшій именемъ короля, въ силу личныхъ его приказаній, къ рѣзнѣ. Гугенотовъ убивали безпощадно. Жана Роберта побили камнями, и это избіеніе продолжалось во все то время, пока онъ, собирая послѣднія силы, бѣжалъ къ бальи города. Въ Орлеанѣ жестокость дошла до крайнихъ предѣловъ. «Всю ночь только и слышны были выстрѣлы, звукъ ломающихся дверей и оконъ, ужасающіе вопли убиваемыхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, топотъ лошадей, стукъ повозокъ, гулъ толпы, страшныя проклятія убійцъ, опьянѣвшихъ отъ своихъ подвиговъ». Съ среды утра, въ теченіе цѣлой недѣли, убивали гугенотовъ, совершая страшныя, едва вообразимыя жестокости. Надъ гу-

генотами издѣвались, ихъ спрашивали» какъ нѣкогда жиды спрашивали Христа, гдѣ ихъ Богъ, отчего онъ не спасаетъ ихъ? Католики заставляли ихъ заносить руку на своихъ единовѣрцевъ. Въ Ліонѣ гугенотовъ вывели изъ тюрьмы и немедленно убили всѣхъ. Ихъ трупы были брошены въ Рону и чрезъ то въ Арлѣ, гдѣ они скопились въ большомъ числѣ, вода испортилась дотого, что нѣсколько дней нельзя было пить ее. Въ Буржѣ, Сомюрѣ, Анжерѣ, Руанѣ, Тулузѣ и др. городахъ повторились тѣ же сцены. Вооруженныя толпы отправлялись изъ городовъ въ мѣстечки и деревни, отыскивали и тамъ гугенотовъ и не давали имъ пощады.

Громадно было число жертвъ: въ одномъ Парижѣ воля короля погубила болѣе десяти тысячъ человѣкъ, а во всей Франціи гугеноты насчитывали до ста тысячъ погибшихъ собратій.

Между тѣмъ, въ Парижѣ католики праздновали свою побѣду, «блестящій тріумфъ христіанской церкви надъ ея врагами», «правый судъ Божій надъ такъ-называемымъ Гаспаромъ Колиньи, нѣкогда бывшимъ сеньоромъ Шатильонъ и адмираломъ Франціи». Мѣсто обѣдовъ, банкетовъ, маскарадовъ и баловъ заступили процессіи, благодарственные молебны. Блестящіе костюмы придворныхъ были вытѣснены на улицахъ черными сутанами. Самъ король участвовалъ въ молебствіяхъ, являлся на мессы «благодарить Бога за прекрасную побѣду, одержанную надъ еретиками». На перекресткахъ, вездѣ по улицамъ, продавались брошюрки съ описаніемъ рѣзни, эпитафіи, элегіи, тріумфальныя оды, дискурсы и т. п. Изъ Рима, отъ короля Испаніи, были присланы поздравленія съ совершеніемъ столь великаго дѣла. Въ честь короля была даже выбита медаль, съ надписью: «Charles IX, dompteur des rebelles, 24 aout 1572 a.».

Но король не рѣшился сразу взять на себя отвѣтственность за совершеніе «великаго дѣла». 24 августа онъ разослалъ повсюду, къ губернаторамъ, мерамъ и консуламъ городовъ, къ иностраннымъ дворамъ письма, въ которыхъ заявлялъ, что несчастіе, случившееся въ Парижѣ, произошло вслѣдствіе возбужденія Гизами волненій въ народѣ. Онъ умывалъ руки въ совершеніи столь «плачевнаго» событія.

А между тѣмъ въ тотъ же самый день онъ позвалъ къ себѣ короля наваррскаго и принца Конде и со всею горячностью, на какую онъ былъ способенъ, потребовалъ отъ нихъ принятія католицизма, отреченія отъ ереси. «Я не терплю въ моемъ государствѣ иной религіи, кромѣ религіи моихъ предковъ! Месса или смерть? Выбирайте!». Генрихъ Наваррскій изъявилъ немедленно полную готовность идти къ мессѣ, Конде отказалъ наотрѣзъ; но угрозы короля и увѣщанія пастора Розье склонили и его къ принятію католицизма. Партія лишилась важнѣйшихъ своихъ вождей.

Два дня спустя, 26 августа, послѣ торжественной мессы, король, въ сопровожденіи двора, явился въ парижскую палату, бывшую пэровъ, и здѣсь въ полномъ засѣданіи парламента торжественно объявилъ, что все происшедшее въ Парижѣ совершилось не только въ силу его согласія, но и вслѣдствіе его личнаго желанія и приказанія, что отвѣтственность за все онъ беретъ на себя. Его заявленіе было разослано повсюду и навсегда утвердило за нимъ право считаться творцомъ рѣзни.

Но король объявилъ и причину, въ силу которой онъ рѣшился на подобную мѣру. Не изъ-за религіознаго разномыслія, не изъ желанія водворить католицизмъ и уничтожить «religion prétendue réormée» онъ

приказалъ убить Колиньи. Напротивъ, онъ дозволялъ гугенотамъ свободно исповѣдывать религію, совѣтовалъ жить мирно подъ охраною его эдикта. Рѣзня была вынуждена самимъ Колиньи. Съ своими друзьями онъ составилъ заговоръ, съ цѣлью убить его, короля, и все его семейство и овладѣть королевствомъ. Противъ Колиньи и его сообщниковъ былъ начатъ въ парламентѣ процессъ. Колиньи былъ лишенъ званія дворянина, его имущество было конфисковано, всѣ данныя ему званія и отличія сняты, его дѣти объявлены крестьянами. Два его сообщника казнены. Король присутствовалъ при казни. Была ночь, и онъ приказалъ освѣтить эшафотъ факелами, чтобы наблюдать за ихъ состояніемъ и выраженіемъ лица. А между тѣмъ въ письмахъ къ губернаторамъ провинцій онъ требовалъ обращенія гугенотовъ въ католицизмъ, заявлялъ, что не допускаетъ иной религіи, кромѣ католической. По его приказу, была составлена даже формула отреченія.

Какія же цѣли преслѣдовала власть, совершая это «неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи злодѣяніе?» Какихъ выгодъ могла ожидать она отъ своей жестокости?

Цѣль (по мнѣнію гугенотовъ) существовала и была широко задумана. Власть, усиливавшаяся все болѣе и болѣе, стремившаяся сломать произволъ и насилія дворянъ, ограничившая даже въ извѣстной степени права дворянства, задумала теперь привести къ окончанію всю эту многовѣковую работу, однимъ ударомъ покончить съ старымъ порядкомъ вещей,— порядкомъ, за который такъ много крови пролило дворянство, защищая его на поляхъ Тайллебурга и Монтлери.

Власть, стремившаяся къ прочному и неограниченному утвержденію во Франціи, уже давно въ двухъ тайныхъ совѣтахъ работала надъ проэктомъ, имѣвшимъ цѣлью уничтожить аристократію. Первый изъ этихъ совѣтовъ былъ совѣтъ короля, иначе тайный, составленный изъ него самого, его матери и брата, графа Реца, Бирага и другихъ. На этомъ совѣтѣ старались убѣдить короля, что миръ дотолѣ не будетъ упроченъ въ его государствѣ, пока будутъ живы главные дѣятели смутъ. Три лиги, говорили они, образовались во Франціи: Монморанси, Шатильоны и Гизы. Своими частными, домашними распрями они дотого взволновали государствво, что мира не будетъ, если факціи эти останутся нетронутыми. Но, чтобы возможно лучше помочь злу, необходимо начать съ адмирала Колиньи, потому что нѣтъ возможности выносить гордыя притязанія простаго дворянина, возвеличеннаго милостями короля, потому что съ его смертью падаетъ партія. Убійство адмирала поведетъ къ возстанію въ Парижѣ, и враждующіе дома перерѣжутъ другъ друга. Когда все будетъ покончено, останутся принцы крови. Но справиться съ ними уже не составитъ особаго труда. Ихъ можно окружить вѣрными людьми и постоянно удерживать въ повиновеніи.

Но истребленіемъ лишь вождей факціи цѣль далеко не достигалась. За ними стояли другіе дѣятели, большею частью потомки древнихъ аристократическихъ родовъ, лица, обладавшія достаточнымъ количествомъ силъ для оппозиціи и борьбы съ властью. Не уничтожитъ ихъ—значило совершить дѣло лишь въ половину. Необходимо уничтожить всякую оппозицію въ государствѣ, создать неограниченную монархію.

Надъ разработкою этого проэкта трудился совѣтъ королевы-матери, составленный лишь изъ трехъ лицъ. Екатерина Медичи была вполнѣ

способна къ совершенію подобнаго дѣла. Еще съ дѣтства, въ своей семьѣ, погубившей свободу Флоренціи, она успѣла напитаться доктринами Макіавелли, полюбить тираннію. Теперь ей представлялась обширная арена. Свои идеи о неограниченности власти она могла примѣнить къ болѣе обширному, чѣмъ Флоренція, государству.

Екатерина Медичи на своемъ совѣтѣ выработала рядъ мѣръ, ведущихъ къ укрѣпленію государства. Было постановлено не допускать во Франціи другихъ сеньоровъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ созданы самою королевою, не давать имъ возможности возвыситься дотого, что королева не будетъ въ состояніи уничтожить ихъ въ случаѣ возстанія, препятствовать образованію иной знати, кромѣ создаваемой изо дня въ день, обязанной вполнѣ власти, не могущей вести споры изъ-за большей или меньшей древности рода. Что же касается принцевъ, то ихъ слѣдуетъ забавлять и не допускать до занятія государственными дѣлами. Кромѣ того, наполнить должности иностранцами, разрушить всѣ замки и крѣпости, отнять гарантированные гугенотами города, утвердить католическую религію и постараться отдѣлаться отъ такихъ сильныхъ домовъ, какъ Шатильоны, Монморанси и Гизы.

Таково было, въ общихъ чертахъ, то впечатлѣніе, какое произвела на гугенотовъ Варѳоломеевская ночь; такою представлялась она имъ и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, какъ по отношенію къ тѣмъ побужденіямъ, которыя заставили власть рѣшиться на такой странный шагъ, такъ и въ отношеніи ея совершенія.

Убѣжденія и просьбы короля заставляютъ гугенотовъ явиться въ Парижъ. Пріемъ, оказанный имъ, обѣщанія, какія даетъ имъ король, значеніе, какимъ они пользуются,—все это вмѣстѣ производитъ на нихъ сильное дѣйствіе. Съ полнымъ довѣріемъ относятся они къ дѣйствіямъ и поступкамъ короля. А между тѣмъ все это оказывается фальшью, обманомъ. Король надѣваетъ на себя маску, скрывающую самыя тиранническія цѣли. Онъ втихомолку готовитъ имъ полную гибель, желаетъ уничтожить ихъ не только какъ секту, но и какъ правоспособное, привилегированное сословіе. А главное, уничтожая ихъ, онъ думаетъ уничтожить и всю аристократію вообще. Лаская ихъ одною рукою, онъ другою самъ по собственной инициативѣ, направляетъ противъ нихъ ножъ убійцы, подготовляетъ неслыханную рѣзню. По его личному приказу, во всей Франціи совершается избіеніе гугенотовъ, «неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи», и кальвинистская партія лишается чрезъ то громадной массы своихъ послѣдователей.

XLIX. БОРЬБА РЕЛИГІОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВО ФРАНЦІИ ПРИ ГЕНРИХѢ III И БОРЬБА ГЕНРИХА НАВАРРСКАГО ЗА КОРОНУ.

(Изъ соч. Филиппсона: «Генрихъ IV». Сборникъ «Новый Плутархъ», изд. Бакста).

Карлъ IX, едва достигшій 24-хъ-лѣтняго возраста, умеръ среди страшныхъ угрызеній совѣсти, и такъ какъ послѣ него не осталось законныхъ дѣтей, то ему наслѣдовалъ братъ его, Генрихъ III. Благо-

даря тому, что династія Валуа вымирала съ ужасающею быстротою, такъ что, кромѣ царствующаго государя, отъ нея оставался въ это время только одинъ болѣзненный юноша, Францискъ д'Алансонъ, Генрихъ Наваррскій, въ качествѣ главы единственной побочной линіи королевскаго дома, придвинулся ближе къ престолу. Но это обстоятельство должно было только усилить его осторожность, потому что оно же было причиною того, что господствующая католическая партія, съ ужасомъ смотрѣвшая на предстоявшее врученіе «всехристіанской» короны недавнему еретику, еще усерднѣе стала выискивать возможность погубить его. Но планы Генриха вполнѣ удались ему. Король Генрихъ III, человѣкъ самый жалкій, считалъ возможнымъ относиться къ молодому принцу презрительно, какъ къ юношѣ неопасному и весьма недалекому. Заклятый врагъ Генриха Наваррскаго, герцогъ Генрихъ Гизъ, сдѣлался его искреннѣйшимъ другомъ.

Но всѣхъ ихъ ожидало жестокое разочарованіе. Едва представился благопріятный случай, какъ Генрихъ Наваррскій 3 февраля 1576 г. бѣжалъ и, возвратясь къ протестантизму, снова принялъ принадлежавшій ему, по праву рожденія, постъ верховнаго предводителя гугенотовъ. Скоро Генрихъ III, его «любезный братъ», и Генрихъ Гизъ, его «кумъ», увидѣли его подъ стѣнами Парижа во главѣ тридцатитысячнаго войска.

Генрихъ III съ величайшею готовностью предоставилъ бы протестантамъ всевозможныя льготы и привилегіи, лишь бы только получить возможность ненарушимо предаваться своимъ увеселеніямъ и распутствамъ. Но у него были связаны руки. Генрихъ Гизъ наслѣдовалъ отъ своего отца фанатическую ненависть къ протестантизму, а отъ своего дяди, кардинала—безпредѣльное честолюбіе. Своими усиліями онъ намѣревался доставить господство во Франціи католической религіи, а чрезъ ея посредство—и самому себѣ. Съ этою цѣлью онъ образовалъ изъ рабски преданныхъ ему католиковъ широкій и организованный на страшныхъ основаніяхъ союзъ, подъ названіемъ священной лиги, и сталъ во главѣ его.

Теперь королю предстоялъ выборъ—или примкнуть къ лигѣ, или быть лишеннымъ ею всякой власти, а можетъ быть даже и престола. Понятно, что онъ предпочелъ первое, и такимъ образомъ между королемъ и лигою съ одной стороны и гугенотами — съ другой загорѣлась война, безпримѣрная по своимъ характеристическимъ особенностямъ.

Извѣстно, съ какою легкостью и быстротою Генрихъ Наваррскій два раза измѣнилъ свою религію. Онъ и теперь отнюдь не смотрѣлъ на себя, какъ на предводителя религіозной партіи: въ протестантахъ онъ видѣлъ ничто иное, какъ политическую фракцію, главная задача которой должна была состоять въ содѣйствіи лично ему къ достиженію могущества и значенія. Руководясь такимъ взглядомъ, онъ позволилъ, или, вѣрнѣе, самъ подалъ поводъ къ тому, чтобы его военный лагерь, къ величайшему прискорбію протестантскаго духовенства и старыхъ, преданныхъ своей религіи, гугенотовъ, превратился въ арену самаго распущеннаго и безумнаго веселья. Дошло дотого, что королева Екатерина, съ своею безнравственною дочерью Маргаритою, женою Генриха, и въ сопровожденіи цѣлаго штаба дипломатовъ-женщинъ, внезапно появилась въ этомъ враждебномъ лагерѣ, съ цѣлью пустить въ ходъ всѣ уловки обольщенія и посредствомъ ихъ склонить къ миру самого Генриха и его дворянъ.

И вотъ, въ продолженіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ идутъ переговоры, любовныя интриги, пиршества, увеселенія. Куда дѣвалось то непоколебимое религіозное убѣжденіе, та отчасти мрачная, но почтенная строгость нравовъ, съ которыми въ прежнее время протестанты сражались за свою вѣру до послѣдней крайности? Благодаря вліянію Генриха Наваррскаго, чисто-французская вѣтренность овладѣла и гугенотскою партіею, чѣмъ, само собою разумѣется, уничтожилось ея внутреннее право на существованіе.

Не удивительно, что эта партія, въ такой степени лишенная всякаго искренняго одушевленія и всякой нравственной опоры, потерпѣла полное пораженіе со стороны своихъ противниковъ, далеко превосходившихъ ея численностью. Но тутъ обнаружилась вторая характеристическая особенность этой войны. Въ ту самую минуту, когда приверженцы короля совершенно опрокинули гугенотовъ, они снова предложили побѣжденнымъ выгодный для этихъ послѣднихъ миръ. Причину этого обстоятельства найти не трудно. Король Генрихъ III, а равно и его мать, Екатерина Медичи, нисколько не желали истребленія гугенотовъ. Вѣдь, произойди оно, противная, ультрамонтанская партія, предводительствуемая честолюбивымъ Гизомъ, достигла бы неограниченной власти, передъ которою совершенно померкла бы власть королевская. Только въ непрерывной, нерѣшительной борьбѣ обѣихъ партій король и его мать, личности столько же слабыя, сколько и безсовѣстныя, видѣли свое спасеніе. Отсюда—внезапные мирные договоры, но отсюда также—внезапное возобновленіе войны, спустя нѣсколько недѣль послѣ заключенія того или другаго мира.

Наконецъ, въ декабрѣ 1580 г. прекратилась эта война, которую, въ насмѣшку, довольно вѣрно прозвали «войною влюбленныхъ».

Франція находилась въ эту пору не въ особенно утѣшительномъ положеніи. Генрихъ III, проводившій все свое время то въ распутствѣ, то въ покаяніи въ грѣхахъ, предоставилъ бразды правленія никуда негоднымъ, изнѣженнымъ и корыстолюбивымъ фаворитамъ. Финансы были крайне разстроены. Братъ короля, Францискъ, теперь носившій титулъ герцога Анжуйскаго, человѣкъ больной тѣломъ и духомъ, напрасно старался утвердить французское господство въ возмутившихся противъ Испаніи Нидерландахъ. Генрихъ Наваррскій былъ занятъ исключительно управленіемъ своихъ небольшихъ владѣній и еще болѣе своими увеселеніями. Предводители лиги пользовались этими печальными обстоятельствами для безпрерывнаго расширенія своей партіи и упроченія своего господства надъ нею. Наконецъ, одно, правда непредвидѣнное, событіе послужило поводомъ къ столкновенію, долженствовавшему навлечь на Францію страшнѣйшія бѣдствія.

10 іюня 1584 г. умеръ Францискъ Анжуйскій, 30-ти лѣтъ отъ роду, бездѣтный, какъ и его братъ король, оплаканный только своими кредиторами. Но насколько была незамѣтна его жизнь, настолько же оказались важными послѣдствія его смерти. Генрихъ Наваррскій сдѣлался теперь наслѣдникомъ престола. Всѣ истинные католики ужаснулись; даже для наиболѣе умѣренныхъ между ними казалось невыносимымъ увидѣть на тронѣ Франціи еретика. Что касается до ревностныхъ и энергическихъ членовъ этой партіи, то они рѣшились воспрепятствовать воцаренію Генриха вооруженною силою.

Естественно было ожидать, что во главѣ этой оппозиціи, нашедшей

себѣ главныхъ представителей въ средѣ лиги, станутъ Гизы. Они нашли себѣ двухъ вѣрныхъ и могущественныхъ союзниковъ. Первымъ изъ нихъ былъ папа: Сикстъ V обнародовалъ буллу отреченія противъ Генриха Наваррскаго и Генриха Конде, «этихъ обоихъ сыновъ гнѣва, этихъ незаконныхъ и отвратительныхъ отпрысковъ свѣтлѣйшаго дома Бурбоновъ». Но не съ однимъ духовнымъ оружіемъ пришелъ святой отецъ на помощь вѣрнымъ сынамъ церкви: онъ помогъ имъ и оружіемъ свѣтскимъ—деньгами и наемными войсками. Еще могущественнѣе былъ другой союзникъ лиги—король испанскій Филиппъ II. Этотъ государь, преслѣдовавшій съ величайшимъ упорствомъ и съ неутомимою дѣятельностью планъ распространенія господства католической церкви, не могъ, понятно, допустить, чтобы на французскій престолъ взошелъ еретикъ, во всякомъ случаѣ враждебно относившійся къ строго-католической Испаніи, тогда какъ государь, который былъ бы обязанъ своимъ воцареніемъ ему, Филиппу, сдѣлался бы чрезъ это и преданнымъ союзникомъ его. Въ этихъ видахъ Филиппъ, въ январѣ 1588 г., заключилъ договоръ съ Гизами: не Генрихъ Наваррскій, но его дядя, старый, слабоумный кардиналъ Бурбонъ, простая кукла въ рукахъ Гизовъ, долженъ былъ наслѣдовать Генриху III, чтобы открыть дорогу къ престолу Гизамъ; затѣмъ обѣ стороны должны были соединиться, чтобы общими усиліями искоренить протестантство во Франціи и въ Нидерландахъ. За это Филиппъ II обязывался платить ежегодно своимъ французскимъ союзникамъ по милліону золотыхъ, а они, взамѣнъ того, обѣщали принести только небольшую патріотическую жертву—уступить Испаніи городъ Камбре и французскую Наварру.

Борьба между французскими ультрамонтанами и протестантами охватила пожаромъ всю Европу: католическія державы приняли сторону первыхъ, протестантскія—Генриха Наваррскаго, который со всею эластичностью своей натуры быстро поднялся изъ той тины разврата, въ которой онъ погрязъ. Елизавета англійская прислала ему денегъ, нѣмецкіе и швейцарскіе протестанты—денегъ и войско. Но Генрихъ Наваррскій и его единовѣрцы нашли себѣ поддержку и защиту не только за границею. Въ средѣ французскихъ католиковъ было много лицъ, находившихъ возможнымъ примирить религію и протестантизмъ; они полагали, что могутъ оставаться хорошими католиками, не принося законной монархіи въ жертву чужеземнымъ выскочкамъ, цѣлости своего отечества—наслѣдственному врагу Франціи, испанскому королю, самостоятельности государства—притязаніямъ папы. Ярые приверженцы обѣихъ партій презрительно называли этихъ людей «политиками», но эти политики спасли Францію отъ анархіи и фанатизма.

Генриху III, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдовало бы стать во главѣ этихъ людей, полныхъ терпимости и преданности королевскому дому. Съ помощью ихъ и протестантовъ онъ могъ бы разрушить революціонные замыслы лигистовъ. Но трусливый король не могъ безъ трепета и подумать о сопротивленіи такой громадной силѣ, какою обладали Гизы. Онъ вообразилъ себѣ, что способенъ руководить лигою и сдерживать ея порывы, и присталъ къ ней. Ему суждено было горько раскаяться въ этомъ.

Такимъ образомъ, съ лѣта 1585 г., роялисты, въ союзѣ съ лигою, открыто выступили противъ протестантовъ. Несмотря на свое численное превосходство, они ничего не могли подѣлать съ Генрихомъ На-

варрскимъ, который, достигши теперь періода зрѣлости, сбросилъ съ себя значительную часть юношескаго легкомыслія и, рядомъ съ блистательными воинскими способностями, сталъ обнаруживать не менѣе замѣчательное политическое дарованіе. Онъ и его единовѣрцы знали, что тутъ дѣло шло ни больше, ни меньше, какъ о всемъ ихъ существованіи. Воодушевленіе, напоминавшее энергическій энтузіазмъ старыхъ кальвинистовъ, овладѣло ими. 20 окт. 1587 г. герцогъ Жуайезъ, одинъ изъ жалкихъ любимцевъ Генриха III, былъ разбитъ Генрихомъ Наваррскимъ при Кутра. Все высшее дворянство, блистательное и покрытое золотомъ, находилось въ строю; но бѣдные и грубые гасконскіе дворяне опрокинули ихъ при первой стычкѣ. Изъ побѣдителей пали только 40 человѣкъ; изъ побѣжденныхъ—2400, въ томъ числѣ и самъ Жуайезъ. Протестанты возликовали: такой полной побѣды они не одерживали еще никогда.

Но она оказалась болѣе блистательною, чѣмъ плодотворною по послѣдствіямъ, потому что побѣдители, по обыкновенію, тотчасъ же послѣ нея разъѣхались по домамъ, чтобы богатыми пиршествами отпраздновать доблестное дѣло. Между тѣмъ, въ другой части театра войны Генрихъ Гизъ искусно извлекалъ для себя пользу изъ положенія дѣлъ. Онъ съумѣлъ сдѣлаться обоготворяемымъ героемъ католическаго населенія, которое имѣло пламеннѣйшихъ представителей своихъ въ низшихъ слояхъ большихъ городовъ и въ сельскомъ духовенствѣ. Король, для котораго безпрестанно увеличивавшееся значеніе и могущество Гизовъ становились все болѣе и болѣе невыносимы, былъ не совсѣмъ безъ основанія заподозрѣнъ лигистами. Противъ него стали уже выступать съ проповѣдями. Сорбонна, богословскій факультетъ парижскаго университета, рѣшила, что государей, не исполняющихъ своихъ обязанностей, можно лишать власти, подобно тому, какъ это дѣлаютъ съ опекунами, не умѣющими распоряжаться своими дѣлами. Въ прозрачныхъ аллегоріяхъ Генрихъ III являлся въ лицѣ Саула или даже Голіафа, а Генрихъ Гизъ—въ лицѣ Давида.

Нелѣпое поведеніе короля усилило какъ самоувѣренность, такъ и страстный пылъ лигистовъ. Вмѣсто того, чтобы или совершенно примкнуть къ нимъ и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, обезопасить себя отъ насильственныхъ мѣръ съ ихъ стороны, или съ твердостью и строгостью положить предѣлъ ихъ притязаніямъ, Генрихъ III только раздражалъ эту партію мелочными придирками и запретительными распоряженіями, для приведенія которыхъ въ исполненіе у него не хватало, однако, мужества и рѣшимости. Такимъ образомъ, онъ сперва страшно взбѣсилъ лигистовъ своею «безбожною измѣною», какъ они назвали его образъ дѣйствій, а затѣмъ поселилъ въ нихъ надменность и увѣренность въ побѣдѣ своею трусливою уклончивостью. Результатомъ этого поведенія было то, что 12 мая 1588 г. парижскій народъ возсталъ, впервые выказалъ свою способность строить баррикады,—способность, впослѣдствіи столь часто примѣнявшуюся имъ на дѣлѣ,—и послѣ недолговременной схватки выгналъ изъ города короля съ его войсками. Эта побѣда доставила лигѣ господство надъ Парижемъ; легальныя городскія власти были удалены, а мѣсто ихъ заняли шестнадцать изъ самыхъ фанатическихъ гражданъ.

Малодушный Генрихъ III все-еще вѣрилъ въ возможность миролюбивой сдѣлки съ Гизами и ихъ приверженцами. Но когда онъ созвалъ въ Блоа генеральные чины государства, то оказалось, что почти исключительно преобладавшая между этими послѣдними лига рѣшилась довести

королевскую власть до послѣдней степени униженія. Тутъ-то и въ Генрихѣ III заговорила итальянская кровь его матери; онъ вознамѣрился однимъ ударомъ отомстить за оскорбленіе ненавистнымъ противникамъ, въ которыхъ онъ подозрѣвалъ замыслы и противъ его собственной личности. 23 декабря 1588 г., по приказанію короля, одинъ изъ его тѣлохранителей убилъ герцога Генриха Гиза въ передней его дворца; за этимъ послѣдовала казнь кардинала Гиза, брата убитаго, и заточеніе въ тюрьму кардинала Бурбона, лигистскаго кандидата на престолъ.

Если этою мѣрою Генрихъ надѣялся устрашить лигу, то онъ очень ошибся: отчаянные, взбѣшенные фанатики были совсѣмъ не такими людьми, какими онъ ихъ считалъ, съ точки зрѣнія своего малодушія и трусливости. Вѣсть объ его поступкѣ вызвала неописанную ярость въ Парижѣ, во всѣхъ большихъ и среднихъ городахъ Франціи. Сорбонна поспѣшила разрѣшить французскій народъ отъ присяги на вѣрность, принесенной имъ Генриху III. Братъ убитаго Гиза, герцогъ Маенскій, былъ назначенъ намѣстникомъ королевства.

Такимъ образомъ, война между лигою и королемъ, столь долго сдерживаемая, наконецъ все-таки вспыхнула и притомъ при такихъ обстоятельствахъ относительно Генриха III, хуже которыхъ нельзя было себѣ ничего представить. Все его войско состояло изъ 5 — 6000 человѣкъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Турѣ, Блоа и ближайшихъ окрестностяхъ этихъ городовъ.

Генрихъ III погибъ бы, не явись къ нему на выручку та самая сила, съ которою онъ до этихъ поръ велъ самую ожесточенную борьбу,—гугенотская партія подъ начальствомъ Генриха Наваррскаго.

Этотъ послѣдній, со свойственною ему проницательностью, понялъ всю важность и рѣшительность положенія. Онъ прекратилъ тѣ дѣйствія свои, которыми ограничивался до того времени и которыя состояли въ штурмѣ маленькихъ крѣпостей, и составилъ смѣлый планъ—проникнуть въ территорію Тура и тамъ, т. е. въ сердцѣ Франціи, стоя во главѣ шести тысячъ отважныхъ, набожныхъ и непоколебимыхъ ветерановъ, предложить своему родственному королю союзъ противъ общаго врага—лиги. Послѣдовало личное свиданіе обоихъ королей, которые сошлись теперь не какъ властелинъ и покорный плѣнникъ, но какъ равноправные союзники (апрѣль 1589 г.). Вѣрная помощь была обѣщана съ одной стороны, терпимость—съ другой. Такимъ образомъ, политики и гугеноты соединились для общаго дѣла. Но у нихъ были и сильные противники: рабски-покорное католичество, высшее дворянство и городская демократія, сплоченныя между собою самымъ тѣснымъ образомъ.

Дѣло краснаго креста Лотарингіи шло, однако, назадъ — если и медленно, то все-таки назадъ. Въ большинствѣ французскаго дворянства шевелилось чувство стараго легитимизма. Со всѣхъ сторонъ сходились воины подъ знамена короля, на которыхъ развѣвалась бѣлая лилія. Протестантскіе швейцарцы, радуясь дружбѣ, заключенной теперь ихъ старымъ союзникомъ, французскимъ королемъ, съ ихъ единовѣрцами, спустились съ своихъ горъ въ равнину Лоары. Король могъ перейти эту рѣку, могъ разбить лигистовъ при Сенлисѣ. Онъ уже приготовлялся къ штурму Парижа, когда его поразилъ ножъ Якова Клемана, фанатическаго монаха, убѣжденнаго, что этимъ дѣйствіемъ онъ освободитъ міръ отъ злѣйшаго врага религіи, отъ проклятаго чудовища. Утромъ 2 авг. 1589 г. Генрихъ III, послѣдній изъ династіи Валуа, былъ бездыханный трупъ.

Въ то время, когда родился Генрихъ Наваррскій, Генриха II окружало четверо цвѣтущихъ сыновей. Теперь ни одного изъ нихъ не было на свѣтѣ, и ни одинъ не оставилъ законныхъ дѣтей; казалось, проклятіе погибшихъ протестантовъ лежало на всемъ этомъ семействѣ. Не существовало во Франціи никого, кто имѣлъ бы законное право оспаривать корону у члена дома Бурбоновъ, Генриха IV.

Но обстоятельства далеко не благопріятствовали ему. Даже въ самыхъ безпристрастныхъ политикахъ шевелилось сомнѣніе—дозволяетъ ли имъ совѣсть помогать еретику въ достиженіи королевскаго престола. И послѣ смерти Генриха III были минуты, когда новому королю предстояло, повидимому, остаться со своими 5000 гугенотами безъ всякой другой помощи.

Генрихъ могъ добыть изъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній 30 тыс. ливровъ; гугеноты во всякое время могли предоставить въ его распоряженіе отъ 15 до 20 тыс. войска; но всего этого, очевидно, было слишкомъ недостаточно для завоеванія такого королевства, какъ Франція. Перейди политики, друзья Генриха III, на сторону лиги, дѣло наваррца и его друзей-гугенотовъ, было бы, безъ всякаго сомнѣнія, проиграно.

Эти дни, 2 и 3 августа, произвели рѣшительный переломъ въ жизни Генриха IV. Нѣкоторыхъ изъ предводителей партіи политиковъ онъ привлекъ къ себѣ обѣщаніемъ политическихъ выгодъ; остальные сообразили, что чувство легитимизма и ихъ собственный интересъ одинаково должны воздержать ихъ отъ подчиненія лигѣ. И вотъ, уже 4 августа они заключили съ новымъ королемъ договоръ, по которому Генрихъ обязался ненарушимо поддерживать авторитетъ католической религіи, а они—служить королю вѣрой и правдой.

О немедленной осадѣ Парижа нечего было, конечно, и думать; предстояло сперва обезпечить себѣ содѣйствіе провинцій. И безъ того уже Генриху стоило не малаго труда одновременно удовлетворять своихъ протестантскихъ и католическихъ приверженцевъ и поддерживать въ тѣхъ и другихъ вѣрность заключенному договору. Его единовѣрцы, какъ старѣйшіе и вѣрнѣйшіе друзья его, сражавшіеся около него въ то время, когда онъ былъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, и пережившіе съ нимъ безумную пору «войны влюбленныхъ», предъявляли, само собой разумѣется, особыя притязанія на его благодарность и любовь; съ другой стороны, католики-политики, роялисты, приходили въ негодованіе отъ всякой награды, достававшейся на долю «еретикамъ». Только эластическая натура Генриха могла переносить эти безпрерывныя треволненія; только его милая обходительность, соединенная съ величавымъ чувствомъ собственнаго достоинства, могла сдержать недовольныхъ. Въ этой суровой школѣ онъ научился устойчивости, непреклонности, твердости въ преслѣдованіи еще отдаленной цѣли, несмотря на видимыя и внезапныя уклоненія отъ нея. Здѣсь пріобрѣлъ онъ презрѣніе и недовѣріе къ людямъ и усвоилъ себѣ до послѣдней степени искусство притворства и забвеніе всѣхъ щекотливыхъ напоминаній совѣсти въ борьбѣ съ противниками. Съ страшными врагами приходилось ему имѣть дѣло. Герцогъ Маенскій, намѣстникъ королевства и членъ лиги, былъ человѣкъ осторожный и разсудительный; помощникомъ его и подстрекателемъ явился испанскій посланникъ донъ Бернарденъ де-Мендоза, пламенный приверженецъ габсбургства и католичества; подъ руководствомъ этихъ обоихъ

людей распоряжались и дѣлали приготовленія къ войнѣ совѣтъ лиги и парижскіе «шестнадцать». На испанскія деньги происходила вербовка швейцарцевъ и нѣмцевъ; въ сент. 1589 г. герцогъ Маенскій имѣлъ возможность выступить изъ Парижа съ двадцатитысячнымъ войскомъ и, какъ было сказано въ манифестѣ его, утопить въ морѣ «Беарнца». Въ улицѣ С.-Дени уже отдавались въ наймы по высокой цѣнѣ окна для желавшихъ видѣть вступленіе короля-еретика въ Парижъ въ качествѣ плѣнника. Даже приверженцы Генриха считали его погибшимъ. Одни изъ нихъ совѣтовали ему, для нѣкотораго умиротворенія лиги, взять себѣ въ соправители кардинала Бурбона, другіе—бѣжать въ Англію. Генрихъ остался непреклоннымъ; онъ разсчитывалъ на испытанную энергію своего войска и свою собственную. Съ 9 тыс. человѣкъ нѣсколькими небольшими битвами при Аркѣ онъ принудилъ къ отступленію непріятеля, въ три раза превосходившаго его численностью.

Этотъ успѣхъ былъ самъ по себѣ не особенно важенъ для окончательнаго рѣшенія дѣла; но исходъ войны часто обусловливается направленіемъ общественнаго мнѣнія. Битвы при Аркѣ произвели во Франціи и внѣ ея необыкновенно сильное впечатлѣніе. Онѣ потрясли авторитетъ герцога Маенскаго, между тѣмъ какъ королю отовсюду стали пророчить всевозможныя удачи. Вслѣдствіе этого Генрихъ могъ теперь принять наступательное положеніе и обратился прежде всего въ Нормандію.

Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ прошло прежде, чѣмъ намѣстникъ оправился отъ ужаса, внушеннаго ему пораженіями при Аркѣ. Тутъ пришли къ нему на помощь испанскія войска; ему казалось необходимымъ спасти важный нормандскій городъ Дре. Но герцогу Маенскому, тучному и неповоротливому барину, который никакъ не могъ обойтись безъ хорошихъ и сытныхъ обѣдовъ и долгаго сна, былъ совсѣмъ не по силамъ такой противникъ, какъ подвижный, рѣшительный, привыкшій ко всевозможнымъ лишеніямъ беарнецъ. Не даромъ говорили, что Генрихъ проводитъ въ постели меньше времени, чѣмъ герцогъ за столомъ. Когда 14 марта 1590 года оба войска встрѣтились при Иври, распоряженія, сдѣланныя намѣстникомъ, не были лишены основательности; но онъ не обладалъ умѣньемъ быстро производить въ однажды составленномъ планѣ необходимыя измѣненія, вызываемыя случайностями войны, тогда какъ Генрихъ управлялъ битвою съ несравненною проницательностью, съ необыкновенною ловкостью духа и тѣла. Эта была самая блистательная побѣда, какую когда либо одержалъ Генрихъ IV, и онъ отличился тутъ столько же личною храбростью, сколько военачальническими способностями. Въ этомъ именно сраженіи онъ произнесъ достопамятныя слова: «если у васъ не будетъ знаменъ, соберитесь подъ моимъ бѣлымъ султаномъ; вы найдете его на пути къ побѣдѣ и чести». Клонившуюся то на ту, то на другую сторону побѣду онъ рѣшилъ своею личною неустрашимостью, сдѣлавъ кавалерійскую аттаку на лучшую часть непріятельскаго войска—фламандскихъ кирасировъ графа Эгмонта. Результатами сраженія при Иври были: уничтоженіе половины непріятельской кавалеріи, истребленіе всей пѣхоты и захватъ большей части лигистскихъ знаменъ, пушекъ и багажа.

Такимъ образомъ, вся армія лиги оказалась какъ-бы несуществующею, и предводители ея должны были отказаться даже отъ мысли держаться въ открытомъ полѣ. Теперь король могъ приступить ко вторичной осадѣ Парижа. Зажиточные и образованные жители столицы стояли

за Генриха; но масса, подстрекаемая фанатическимъ духовенствомъ и получившая страшную организацію, благодаря распоряженіямъ «шестнадцати», твердо рѣшилась защищаться до послѣдней крайности.

Подобно тому, какъ это случилось въ новѣйшее время съ нѣмецкими генералами, Генрихъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, увидѣвъ упорное сопротивленіе города (въ немъ было тогда 220 т. жителей), въ которомъ нельзя было предполагать такой стойкости и самопожертвованія при его роскоши и наклонности къ веселой жизни. Но, несмотря на это, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ принудилъ бы, наконецъ, Парижъ къ сдачѣ, если бы въ самую критическую минуту не подоспѣло изъ Нидерландовъ испанское войско, посланное Филиппомъ II. Счастіемъ для Генриха было еще, что успѣхи голландцевъ снова отозвали испанцевъ въ Нидерланды. Благодаря этому обстоятельству, онъ, хотя столица и выскользнула изъ его рукъ, получилъ возможность покорять большіе провинціальные города одинъ за другимъ.

Чѣмъ слабѣе чувствовала себя лига, тѣмъ болѣе разсчитывала она на помощь Испаніи. Но теперь сдѣлалось ясно, насколько были своекорыстны дѣйствія этой державы. Филиппъ II относительно Франціи преслѣдовалъ двойной планъ: во-1-хъ, утвердить испанское вліяніе въ отдѣльныхъ провинціяхъ, во-2-хъ, распространить это вліяніе на все государство, взятое въ его цѣломъ составѣ. Въ Бретани, Лангедокѣ, Нормандіи испанскія войска сражались за тѣхъ предводителей лиги, которые, по существу дѣла или даже и по внѣшней формѣ, признавали испанскаго короля своимъ государемъ. Между тѣмъ, Филиппъ II хотѣлъ быть только косвеннымъ повелителемъ Франціи; явиться въ этомъ качествѣ прямо, непосредственно, казалось ему невозможнымъ. Но онъ намѣревался возвести на французскій престолъ свою дочь Клару-Евгенію, по матери внучку династіи Валуа, и затѣмъ найти ей мужа по своему желанію. Этотъ-то планъ предложилъ онъ въ концѣ 1591 г. предводителямъ лиги.

Какъ мы только-что сказали, многіе изъ этихъ послѣднихъ были безусловно преданы испанцамъ. Отчасти это происходило отъ преобладанія въ нихъ религіознаго чувства надъ патріотическимъ до такой степени, что ихъ не устрашала мысль принести отечество въ жертву отъявленнѣйшему врагу его ради угожденія мнимымъ религіознымъ интересамъ; отчасти ими руководило гордое честолюбіе. Папскій легатъ Гаэтано, человѣкъ рѣзкій и злой, «шестнадцать», масса парижскихъ горожанъ были совершенно на сторонѣ испанскихъ замысловъ, видя въ нихъ защиту отъ еретика «беарнца». Оппозицію имъ составляло только большинство лигистскихъ дворянъ и центральное управленіе лиги, даже самъ герцогъ Маенскій: первое—вслѣдствіе своего патріотическаго образа мыслей, второе—потому, что не желало выпустить господство изъ своихъ рукъ.

Спрашивалось теперь, какая же партія одержитъ побѣду въ средѣ самой лиги—та ли, которая больше склонялась на сторону испанцевъ и за которую стоялъ народъ, или партія независимыхъ, умѣренныхъ аристократовъ? Чѣмъ болѣе усиливалась съ обѣихъ сторонъ опасность, тѣмъ болѣе росла ярость «шестнадцати». Для достиженія своихъ цѣлей они не брезгали самыми гнусными средствами демагогической пропаганды. Они учредили тайный совѣтъ изъ десяти лицъ; во главѣ его стали нѣсколько бѣшено-фанатическихъ священниковъ. Эти десять воспользовались отсут-

ствіемъ герцога Маенскаго для преслѣдованія тѣхъ, которые были противъ ихъ насильственныхъ мѣръ и ихъ испанскаго образа мыслей. 15 ноября 1591 года Бриссонъ, первый президентъ парижскаго парламента (т. е. высшаго судилища), и два другихъ члена этого учрежденія были арестованы и немедленно вслѣдъ затѣмъ повѣшены. Въ средѣ совѣта возникло предложеніе учредить «пылающія палаты» (chambres ardentes) для суда и казни всѣхъ явныхъ и тайныхъ еретиковъ и политиковъ.

Но эта попытка крайней партіи достигнуть господства въ Парижѣ посредствомъ насилія послужила только къ ея паденію. Герцогъ Маенскій, призванный на помощь большинствомъ гражданъ, приведенныхъ въ ужасъ такими гнусностями, поспѣшилъ возвратиться въ Парижъ, казнилъ предводителей «шестнадцати» и уничтожилъ все это управленіе.

Между тѣмъ какъ лига убивала такимъ образомъ самоё себя, король былъ занятъ осадою Руана, втораго города сѣверной Франціи. Онъ уже довелъ до послѣдней крайности столицу Нормандіи, когда на выручку къ ней явилась страшная армія. Александръ Пармскій, лучшій испанскій генералъ, опытнѣйшій военачальникъ своего времени, еще разъ привелъ свои войска изъ Нидерландовъ во Францію, гдѣ они примкнули къ военнымъ силамъ лиги (1592 г.). Такимъ образомъ теперь очутились лицомъ къ лицу два лучшихъ полководца той эпохи: одинъ, Генрихъ — образецъ отважнаго кавалерійскаго генерала, другой, Александръ — образецъ осторожнаго и методическаго стратега. Генрихъ IV, во главѣ небольшаго корпуса, бросился съ безумною смѣлостью на встрѣчу испанской арміи, но при Омалѣ былъ раненъ, разбитъ, почти взятъ въ плѣнъ. Въ виду такого предпріимчиваго противника, Александръ Пармскій еще удвоилъ свою обычную осторожность, но хорошо разсчитанными движеніями принудилъ короля отказаться отъ осады Руана.

Это было тяжелымъ ударомъ для Генриха, — такимъ же тяжелымъ, какой, за два года до того, нанесло ему вынужденное снятіе осады Парижа. Плоды усилій цѣлаго года уничтожились. Но Генрихъ обладалъ тѣмъ самымъ свойствомъ, которымъ отличались Фридрихъ Великій и многіе другіе знаменитые полководцы: способностью обнаруживать истинную силу духа только въ несчастіи. Созвавъ со всѣхъ сторонъ свое вѣрное дворянство, онъ составилъ себѣ сильное войско, съ помощью котораго заперъ непріятеля въ одномъ изъ уголковъ Нормандіи. Но ему приходилось имѣть дѣло съ равносильнымъ противникомъ. Несмотря на тяжелую рану, полученную въ сраженіи, Пармскій съумѣлъ обмануть Генриха, счастливо пробрался съ своимъ войскомъ до Парижа, оставилъ лигѣ часть своихъ солдатъ, а съ главнымъ корпусомъ снова отправился въ Нидерланды. Здѣсь онъ вскорѣ послѣ того умеръ, еще въ послѣднія минуты тяжело пораженный холодною неблагодарностью Филиппа II.

Походъ 1592 г. былъ въ высшей степени пагубенъ для Генриха IV. По удаленіи Пармскаго, его армія снова разошлась. Превосходство испанскаго генерала передъ Генрихомъ оказалось несомнѣннымъ. Три года борьбы и побѣды не принесли французскому королю никакой пользы; въ сущности, его положеніе было теперь менѣе благопріятно, чѣмъ при восшествіи его на престолъ. Анархія начала дѣлаться во Франціи правильнымъ, естественнымъ порядкомъ вещей; мятежное положеніе лиги стало узакониваться силою времени. Весь сѣверъ стоялъ противъ Генриха. Герцогъ Маенскій, съ своей стороны, воспользовался этимъ выгоднымъ ходомъ

обстоятельствъ для укрѣпленія своего собственнаго положенія легальнымъ путемъ. Онъ созвалъ въ Парижъ, на январь 1593 г., генеральные чины королевства. Само собою разумѣется, что депутаты были присланы только изъ тѣхъ частей Франціи, которыя сочувствовали лигѣ; но и ихъ было достаточно для того, чтобы придать этимъ генеральнымъ чинамъ видъ законнаго представительства всего государства. Генрихъ имѣлъ до сихъ поръ за себя только легитимистскую партію; ему слѣдовало прежде всего стараться, чтобы, при выборѣ генеральными чинами другаго короля, его противникъ не оказался, подобно ему, тоже обладающимъ нѣкоторыми правами на престолъ.

Лучшимъ союзникомъ Генриха былъ раздоръ, господствовавшій между предводителями лиги. Герцогъ Маенскій хотѣлъ возложить корону на себя или, по крайней мѣрѣ, на своего сына; король испанскій и его партія требовали ея для испанской принцессы или даже для какого-нибудь габсбургскаго принца. Большинство генеральныхъ чиновъ колебалось; оно, правда, сходилось въ непоколебимой враждѣ къ Генриху IV, но затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, склонялось то на сторону Испаніи, то въ пользу герцога Маенскаго. Зависть Гизовъ къ испанцамъ была причиною, что приверженцы первыхъ сочувственно отнеслись къ предложенію Генриха завести переговоры между 12 изъ его католическихъ друзей и 12 представителями генеральныхъ чиновъ; а военное безсиліе испанцевъ доставило этому плану побѣду. Когда испанскій корпусъ, не достигнувъ никакихъ существенныхъ результатовъ, былъ принужденъ Генрихомъ къ отступленію въ Нидерланды, большинство генеральныхъ чиновъ подало голосъ за вышеупомянутую конференцію, мѣстомъ для которой былъ избранъ городъ Сюрень.

Этою мѣрою дѣлался, повидимому, первый шагъ къ установленію внутренняго мира Франціи; но Филиппъ II не такъ легко отказывался отъ своихъ завоевательныхъ плановъ. У него не было денегъ, не было войскъ, но онъ умѣлъ давать блистательныя обѣщанія. Одинъ изъ знатнѣйшихъ грандовъ его, герцогъ Феріа, появился въ Парижѣ. Онъ предложилъ содержаніе на испанскій счетъ 14 тыс. чужеземныхъ наемниковъ и, сверхъ того, 1.200,000 золотыхъ на первый годъ и половину этой суммы—на второй, съ условіемъ, что инфанта Изабелла-Клара-Евгенія будетъ избрана королевою Франціи.

Перспектива такой значительной поддержки снова потрясла большинство генеральныхъ чиновъ. Въ то же время даже депутаты отъ партіи умѣренныхъ и патріотовъ отказались отъ всякой мысли о примиреніи съ Генрихомъ и, лишь бы не допустить генеральные чины до окончательнаго перехода на сторону Испаніи, стали со всевозможнымъ усердіемъ содѣйствовать осуществленію личныхъ честолюбивыхъ плановъ герцога Маенскаго.

Генрихъ IV понялъ, что для него настала важная, роковая минута. Одолѣть поддерживаемую Испаніею лигу силою оружія казалось для него невозможнымъ. Онъ ясно видѣлъ, что еще немного—и Франція распадется на два непримиримо-враждебныхъ лагеря, съ двумя враждебными другъ другу королями. И тогда созрѣло въ его душѣ рѣшеніе принести ту религію, которую онъ исповѣдывалъ до сихъ поръ, въ жертву спокойствію и величію Франціи и своимъ собственнымъ властолюбивымъ стремленіямъ. Конечно, мы не станемъ оправдывать перемѣну религіи

вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ. Но въ данномъ случаѣ существовали всѣ причины, которыя могли оправдать такое поведеніе Генриха. Относительно религіозныхъ убѣжденій онъ былъ человѣкъ вполнѣ индиферентный. Дѣло шло о всей его будущности. Жизнь цѣлыхъ тысячъ, благо милліоновъ, спасеніе отечества требовали его перехода. И потому онъ гласно объявилъ, что приглашаетъ католическихъ богослововъ и епископовъ обучить его католическому Закону Божію.

Этотъ поступокъ Генриха былъ такъ очевидно обусловленъ его политическими соображеніями, дѣйствительная перемѣна религіозныхъ убѣжденій такъ очевидно не играла здѣсь никакой роли, что вѣсть о его рѣшеніи не произвела на первыхъ порахъ особенно сильнаго и глубокаго впечатлѣнія. Генеральные чины объявили, что они примутъ «наваррскаго короля» только тогда, когда папа сниметъ съ нихъ отлученіе. Но, тѣмъ не менѣе, Генрихъ успѣлъ достигнуть того, что чины выразили свою оппозицію притязаніямъ Испаніи на господство во Франціи, а парижское населеніе, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разочаровывавшееся въ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ испанцевъ и даже предводителей лиги, настоятельно потребовало перемирія. Парламентъ, высшая судебная инстанція Франціи, объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что онъ будетъ до послѣдней крайности противодѣйствовать всякому уклоненію отъ основныхъ законовъ о престолонаслѣдіи (іюнь 1593 года). Въ то же время и генеральные чины заявили, что вообще относительно вопроса о выборѣ короля они не произнесутъ окончательнаго своего рѣшенія до тѣхъ поръ, пока не получатъ возможности располагать сильнымъ войскомъ. Такое заявленіе было равносильно отказу отъ выставленія анти-кандидата на престолъ.

Такимъ-то образомъ несогласіе между Филиппомъ II и герцогомъ Маенскимъ, точно такъ же, какъ и болѣе хитрое, чѣмъ искреннее, поведеніе Генриха IV разрушили замыслы всѣхъ оттѣнковъ лиги. Король энергически воспользовался столь благопріятнымъ для него въ данную минуту положеніемъ. Онъ заключилъ трехмѣсячное перемиріе съ Парижемъ, взялъ въ С.-Дени нѣсколько уроковъ католическаго Закона Божія, и, послѣ этого видимаго обращенія, 25 іюля 1593 года, архіепископъ буржскій, въ присутствіи безчисленнаго множества парижанъ, совершилъ надъ нимъ обрядъ перехода въ лоно католической религіи.

Этимъ поступкомъ Генрихъ IV сдѣлалъ громадный шагъ впередъ. Существовавшія до сихъ поръ преграды значительно ослабѣли. Политики увидѣли теперь себя освобожденными отъ всякихъ религіозныхъ сомнѣній и колебаній, изъ рукъ лигистовъ выпало ихъ знамя, и даже протестанты не могли сопротивляться католическому королю, который изъ всѣхъ кандидатовъ на престолъ былъ для нихъ все-таки наиболѣе удобнымъ и еще незадолго до того обѣщалъ имъ самыя широкія льготы и привилегіи.

Въ теченіе одного года покорилась бо́льшая часть враждебныхъ провинцій и городовъ. Лигистскіе генеральные чины распались сами собою, такъ какъ депутаты мало по малу разъѣхались изъ Парижа. Борьба лигистовъ и политиковъ не прекращалась въ столицѣ; но преобладаніе послѣднихъ усиливалось съ каждымъ днемъ. Наконецъ губернаторъ города, Бриссакъ, развязалъ узелъ. Герцогъ Маенскій находилъ возможнымъ вполнѣ полагаться на него; но Бриссакъ обманулъ это довѣріе,

потому что считалъ дѣло лиги проиграннымъ и получилъ отъ короля обѣщаніе большихъ наградъ за измѣну. Воспользовавшись отсутствіемъ намѣстника, Бриссакъ, утромъ 22 марта 1594 года, когда только-что начинало свѣтать, впустилъ въ городъ короля съ 6 т. человѣкъ войска. Почти безъ кровопролитія очутился Парижъ во власти Генриха; большинство гражданъ восторженно привѣтствовало своего короля. Герцогу Феріа, съ его 3 тыс. испанцевъ, было дозволено свободно выступить изъ города. «Кланяйтесь вашему государю, крикнулъ имъ вслѣдъ Генрихъ,— счастливаго пути, но не возвращайтесь больше сюда!» Это было завоеваніе, которое справедливо сравнивали съ совершившимся за полтораста лѣтъ до того освобожденіемъ Парижа отъ власти англичанъ; ни одна казнь не омрачила общей радости.

Взятіе Парижа, въ сущности, полагало конецъ борьбѣ. Оставались еще, правда, нѣкоторыя мѣстности, нѣкоторыя личности, упорствовавшія въ своемъ мятежномъ настроеніи. Испанцы продолжали еще присылать такую же помощь, какъ прежде. Но лига, разъединенная, раздробленная, лишенная оживляющаго принципа, утратившая всякое сочувствіе парижскаго населенія, была уже неспособна къ долговременному сопротивленію, несмотря на испанскую помощь. Въ декабрѣ 1594 года покорился даже молодой герцогъ Гизъ, старшій сынъ убитаго въ Блоа. Католическая обѣдня доставила королю не только Парижъ, какъ онъ самъ выразился, но и все государство.

L. РЕЛИГІОЗНЫЕ МИРНЫЕ ЭДИКТЫ ГЕНРИХА III 1576—77 гг. И НАНТСКІЙ ЭДИКТЪ ГЕНРИХА IV.

(Составлено по соч. Анри Мартена: «Histoire de France». v. X. и XI.)

Послѣ многолѣтней междоусобной борьбы религіозно-политическихъ партій, гугеноты, руководимые Генрихомъ Наваррскимъ, добились-было наконецъ отъ слабаго Генриха III силою оружія религіозной терпимости и даже признанія за ними не только гражданскихъ, но и политическихъ правъ наравнѣ съ католиками. Наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ этого временнаго торжества гугенотовъ былъ вынужденный ими у Генриха III (который, впрочемъ, въ своей борьбѣ съ лигою и самъ считалъ необходимымъ усилить для противовѣса партію гугенотовъ) религіозный мирный эдиктъ, изданный въ маѣ 1576 года въ Шатенуа, снова подтвержденный, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, мирнымъ эдиктомъ въ Бержеракѣ въ сентябрѣ 1577 года.

Въ силу мирнаго эдикта 1576 года гугеноты получили такія права, какими еще никогда до этого времени не пользовались: имъ даровалась полная свобода богослуженія во всемъ государствѣ, безъ всякихъ ограниченій мѣстомъ и временемъ, за исключеніемъ одного только Парижа и мѣстопребыванія двора; протестантовъ разрѣшено было допускать ко всѣмъ должностямъ. Для разбирательства дѣлъ, возникшихъ между гугенотами и такъ называемыми соединенными католиками (des catholiques-unis) или партіею политиковъ, при восьми парламентахъ Франціи учреждены были особыя камеры, такъ называемыя chambres-mi-parties, или смѣшанныя палаты, члены которыхъ избирались поровну изъ лицъ обѣихъ религій. Главные вожди гугенотовъ, король Наваррскій, принцъ Конде и Данвиль, были возстановлены въ своихъ должно-

стяхъ, званіяхъ и владѣніяхъ; тайными статьями договора за ними утверждалось право быть губернаторами Пикардіи, Гіэни и Лангедока, и имъ даны были обширныя права и полномочія, дѣлавшія ихъ какъ-бы независимыми владѣтелями ихъ провинцій; далѣе мирный эдиктъ короля Генриха III гласилъ, что безпорядки и крайнія проявленія жестокости, совершенныя 24 августа 1572 года и въ слѣдующіе затѣмъ дни въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, произошли вопреки желанію короля и къ его великому неудовольствію, и что всѣ приговоры, произнесенные противъ гугенотовъ, начиная съ Генриха II, будутъ уничтожены. Мало того, въ обезпеченіе эдикта правительство дало гугенотамъ на неограниченное время восемь городовъ (places de sûretè) въ Лангедокѣ, Гіэни, Дофинэ, Оверни и Провансѣ и, сверхъ того, обязалось не ставить своихъ гарнизоновъ и не назначать губернаторовъ во всѣ города, принадлежащіе гугенотамъ внутри государства. Единственными статьями мирнаго эдикта 1576 года, которыя могли еще сколько нибудь смягчить унизительность мирныхъ условій для католической партіи, были—сохраненіе обязательности для протестантовъ взноса десятины въ пользу католическаго духовенства и возвращеніе ему церковныхъ имуществъ, которыми владѣли гугеноты.

Таково было положеніе, занятое гугенотами въ силу пятаго религіознаго мира. Но раздоры, возникшіе уже вскорѣ между вождями гугенотовъ, и переходъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на сторону католиковъ (какъ, напр., Данвиля и герцога Анжуйскаго) дали возможность правительству уже на слѣдующій годъ послѣ изданія религіознаго эдикта въ Шатенуа нѣсколько ограничить выгоды, пріобрѣтенныя гугенотами, мирнымъ эдиктомъ, изданнымъ въ Бержеракѣ.

Въ силу этого эдикта, свободное отправленіе богослуженія было ограничено для гугенотовъ, кромѣ тѣхъ городовъ, которыми они уже владѣли, еще однимъ городомъ въ каждомъ округѣ (байльяжѣ или сенешальствѣ). Но феодальной знати разрѣшалось, какъ и въ предшествующемъ эдиктѣ, право повсемѣстнаго отправленія богослуженія, за исключеніемъ лишьПарижа и мѣстопребыванія двора съ ихъ окрестностями на протяженіи двухъ миль. Кромѣ того, при всѣхъ парламентахъ должны были быть учреждены новыя смѣшанныя палаты, въ которыхъ извѣстное число должностей президентовъ и совѣтниковъ должно было принадлежать протестантамъ. Города, уступленные протестантамъ въ видѣ обезпеченія ихъ правъ по миру 1576 года, протестанты имѣли право удержать за собою въ теченіе шести лѣтъ. Всѣ остальныя статьи Бержеракскаго эдикта были согласны съ соотвѣтствующими статьями мирнаго эдикта 1576 г., за исключеніемъ ограничительной статьи, которою уничтожались и отмѣнялись всякія лиги, общества и братства, существующія и будущія подъ какимъ бы то ни было предлогомъ вопреки настоящему эдикту, съ формальнымъ запрещеніемъ дѣлать отнынѣ безъ разрѣшенія короля складчины, денежные сборы, укрѣпленія, наборы, устраивать сборища и сходки, подъ страхомъ строгаго наказанія.

Но эдиктъ 1577 года не удовлетворилъ ни католиковъ, ни протестантовъ. Въ глазахъ католической партіи эдиктъ этотъ былъ громадной уступкой и нечестивой сдѣлкой, въ глазахъ же протестантовъ—не болѣе, какъ компромиссомъ, и если уступкой, то уступкой крайне ничтожной. Къ тому же протестанты жаловались, и не безъ основанія, что эдиктъ этотъ, въ примѣненіи его, утратилъ все свое значеніе, благодаря различнымъ трактатамъ, заключеннымъ съ лигистами; и недоброжелательству магистратовъ и королевскихъ чиновниковъ относительно гугенотовъ. Отдѣльные договоры, заключенные съ сеньорами и городами лиги, противорѣчащіе обѣщаніямъ, которыя были даны

гугенотамъ представителями католической партіи, изгоняли совершенно реформатское богослуженіе изъ множества городовъ и округовъ и совершенно устраняли протестантовъ отъ всѣхъ должностей.

Такъ, провансальскіе лигисты требовали, чтобы реформатское богослуженіе было изгнано изъ всего Прованса, а парламентъ города Э (Aix) воспретилъ отправленіе этого богослуженія подъ страхомъ смертной казни. Правда, другіе парламенты были снисходительнѣе, но они все-таки не допускали протестантовъ на свои парламентскія скамьи; прочія учрежденія, и въ томъ числѣ низшія судебныя учрежденія, слѣдовали тому же примѣру: гугенотовъ исключали изъ муниципальныхъ или городскихъ учрежденій, изъ корпорацій, изъ школъ; захватывали и сжигали ихъ книги; преслѣдовали ихъ даже тогда, когда они отправлялись на молитву въ дозволенныя для этого мѣста; заставляли ихъ почитать обряды римской церкви. Вопреки эдикту 1577 года, ихъ дѣтей-сиротъ похищали съ цѣлью воспитанія въ духѣ католической вѣры. Смѣшанныя палаты, предназначенныя для разбора столкновеній, возникшихъ между католиками и протестантами, вездѣ, за исключеніемъ Лангедока и Парижа, существовали только по имени. Королевсіе казначеи не платили чиновникамъ изъ гугенотовъ жалованья и не выдавали содержанія гарнизонамъ городовъ, данныхъ гугенотамъ въ обезпеченіе ихъ правъ (places de sûreté).

Таково было положеніе гугенотовъ не только при Генрихѣ III, но еще и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ по вступленіи на престолъ Генрихъ IV. Въ тѣхъ случаяхъ, когда распоряженія короля клонились въ пользу гугенотовъ, они оставляемы были безъ вниманія его собственными чиновниками. Легко себѣ представить раздраженіе, вызванное такими мѣрами въ гугенотахъ. Не желая вникнуть въ затруднительное положеніе короля, поставленнаго между отличавшимся крайней нетерпимостью большинствомъ католиковъ и неугомоннымъ меньшинствомъ гугенотовъ, послѣдніе винили въ своемъ положеніи, главнымъ образомъ, Генриха IV и громогласно заявляли объ его несправедливости Для противодѣйствія котоликамъ гугеноты еще тѣснѣе сплотились, упрочивъ свою старую федеративную организацію; старались расположить въ свою пользу вельможъ и народъ, занимать новые военные посты, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ принадлежало господство, въ свою очередь, всячески препятствовали католикамъ въ отправленіи ихъ богослуженія; они обезпечили себя взаимною помощью и искали покровительства у чужеземныхъ единовѣрцевъ своихъ. Генеральныя собранія гугенотовъ слѣдовали почти безъ перерыва одно за другимъ. Не получая удовлетворенія отъ короля на свои жалобы, гугеноты были близки къ тому, чтобы формально отказаться отъ эдикта 1577 г., какъ ничтожнаго и искаженнаго, и искать для себя опоры въ условіяхъ перемирія 1589 года.

Но допустить, чтобы гугеноты ставили такое соглашеніе, по принципу, выше королевскаго эдикта, значило создать какъ-бы государство въ государствѣ. Генрихъ IV, встревоженный этимъ, объявилъ, что онъ, съ своей стороны, позаботится объ изысканіи средствъ для удовлетворенія протестантовъ.

Но такъ какъ въ дѣйствительности еще долгое время ничего не было сдѣлано въ пользу гугенотовъ, то это побудило послѣднихъ отправить снова депутацію къ королю въ Руанъ, гдѣ онъ находился, по случаю созванія нотаблей. Гугеноты требовали, чтобы трактаты, заключенные съ лигистами и приносящіе имъ много вреда, были уничтожены. Старанія ихъ не увѣнчались успѣхомъ. При полученіи извѣстія о взятіи Амьена, самые пылкіе изъ гугенотовъ хотѣли овладѣть Туромъ, чтобы принудить короля удовлетворить всѣмъ ихъ тре-

бованіямъ. Трудно было благоразумнымъ людямъ сдержать эти горячія головы. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1597 года Генрихъ IV назначилъ для переговоровъ съ протестантами де-Шомберга, графа Нантскаго, и историка де-Ту, бывшаго тогда президентомъ парижскаго парламента. Оба они вели переговоры съ генеральнымъ собраніемъ гугенотовъ, собравшимся въ Луденѣ, до конца 1597 года. Дѣло стало выясняться только послѣ отнятія Амьена. Генрихъ наконецъ почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы рѣшить вопросы, которые уже тянулись столько времени. 6 декабря 1597 года онъ письменно пообѣщалъ реформатамъ оставить за ними, въ продолженіе восьми лѣтъ, всѣ тѣ пункты, которые они занимали, содержать въ этихъ мѣстахъ на свой счетъ реформатскіе гарнизоны, въ количествѣ приблизительно около четырехъ тысячъ человѣкъ, и допускать подданныхъ къ должностямъ безъ различія вѣроисповѣданій. Несмотря на все это, споръ продолжался еще четыре мѣсяца, по поводу разныхъ другихъ вопросовъ, и только къ 15 апрѣля 1598 года въ Нантѣ Генрихъ IV подписалъ знаменитый эдиктъ, который заканчиваетъ собою долгій періодъ религіозныхъ войнъ.

Замѣчательно особенно вступленіе къ этому эдикту. Генрихъ, чтобы зажать ротъ папѣ и ревностнымъ католикамъ, мотивируетъ эдиктъ, во-первыхъ, необходимостью обезпечить возстановленіе католическаго богослуженія въ мѣстностяхъ, гдѣ оно не могло быть еще возстановлено (въ Беарнѣ, ла-Рошели, Нимѣ и Монтобанѣ), и, во вторыхъ, обязанностью пещись о своихъ такъ называемыхъ реформатскихъ подданныхъ. «Онъ медлилъ, говоритъ онъ, до сихъ поръ, потому, что установленіе законовъ не согласовалось съ ожесточеніемъ междоусобной войны. Но теперь, когда Богу угодно было ниспослать намъ покой, которымъ мы пожелали воспользоваться наилучшимъ образомъ.... мы считаемъ нужнымъ пещись о томъ, чтобы Его святое имя могло быть прославляемо всѣми нашими подданными, и если выраженіе этого чувства невозможно въ формѣ только одной вѣры, то пусть, по крайней мѣрѣ, существуетъ оно если не въ одинаковой внѣшней формѣ, то въ одинаковомъ направленіи, и изъ-за этого не должно происходить споровъ и неурядицъ». Итакъ, онъ рѣшился издать для всѣхъ своихъ подданныхъ «всеобщій, ясный, безусловный законъ», эдиктъ «вѣчный и непреложный», и молитъ Бога вразумить ихъ, что въ почитаніи этого закона заключается, послѣ обязанностей по отношенію къ Богу и къ королю, главный залогъ ихъ союза, мира, спокойствія и приведенія государства къ его первоначальному цвѣтущему состоянію».

Такъ называемые реформаты должны были, слѣдовательно, получить право поселяться во всѣхъ мѣстахъ государства, не будучи принуждаемы поступать противъ своей совѣсти. Свободное отправленіе богослуженія было сохраняемо или возстановляемо не только во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ оно было разрѣшено съ 1596 и 1597 г., но и въ тѣхъ, гдѣ оно было дозволено эдиктомъ 1577 года; мало того, даже въ тѣхъ городахъ или мѣстечкахъ, гдѣ оно было допущено окружнымъ судомъ или сенешальствомъ (sénéchaussée) безъ нарушенія трактатовъ, заключенныхъ съ католиками (лигистами). Высшей феодальной знати разрѣшалось безъ ограниченія повсемѣстное свободное отправленіе богослуженія; для низшаго же дворянства изъ гугенотовъ оно было ограничено. Протестанты получили также право поступать въ коллегіи, издавать книги по вопросамъ своей религіи во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ богослуженіе ихъ было уже утверждено. Они могли быть допускаемы ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, не взирая на трактаты, заключенные съ католиками, причемъ вступленіе ихъ въ должность не сопровождалось церемоніями и присягами,

несогласными съ ихъ совѣстью. Они могли имѣть свои кладбища въ каждомъ городѣ. Было запрещено похищать ихъ дѣтей съ цѣлью воспитанія ихъ въ духѣ католической религіи, и родители получили право, при посредствѣ духовнаго завѣщанія, пещись о воспитаніи своихъ дѣтей. Лишеніе наслѣдства изъ-за религіи не должно было считаться законнымъ. Протестанты же обязывались почитать праздники, установленные католической церковью, и относительно браковъ должны были руководствоваться правилами родства, принятыми господствующею церковію; кромѣ того, они не освобождались также отъ внесенія десятины (dîme) въ пользу католической церкви. Въ парижскомъ парламентѣ должна была устроиться палата эдикта (Chambre de l'Edit) для разбирательства всѣхъ процессовъ, въ которыхъ будутъ заинтересованы протестанты; ей должно было быть поручено также разбирательство дѣлъ, касающихся нормандскихъ и бретанскихъ протестантовъ, пока подобныя палаты не будутъ учреждены въ этихъ двухъ провинціяхъ. Въ бордоскомъ и гренобльскомъ парламентахъ должны были быть учреждены двѣ смѣшанныя палаты (Chambres mi-parties). Къ гренобльской палатѣ должны были относиться дѣла Дофинэ и Прованса. Бургундскіе протестанты могли обращаться по своимъ дѣламъ въ Парижъ или Гренобль, смотря по желанію. Всѣ эти палаты должны были начать свои работы до истеченія шестимѣсячнаго срока. Реформаты же должны были отказаться отъ всего, что давало имъ особенно исключительное положеніе и самостоятельность внутри и внѣ государства; всѣ ихъ провинціальные совѣты должны были разойтись; далѣе, имъ воспрещены были раскладка и сборъ податей безъ разрѣшенія короля, которому должно было подлежать также разрѣшеніе провинціальныхъ и національныхъ протестантскихъ синодовъ и первосвященниковъ. Что же касается до уступленныхъ гугенотамъ укрѣпленныхъ пунктовъ и содержимыхъ въ нихъ гарнизоновъ, то это было опредѣлено особою статьей. Всѣ губернаторы, судьи, меры и знатнѣйшія лица городовъ обязаны были слѣдить за правильнымъ исполненіемъ эдикта.

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе Нантскаго эдикта. Тѣнь Л'Опиталя должна была возликовать; мысль его торжествовала; демоны св. Варфоломея были побѣждены. Теперь дѣло не шло уже, какъ при Карлѣ IX и Генрихѣ III, о временныхъ эдиктахъ и соглашеніяхъ, вызванныхъ подъ давленіемъ междоусобнымъ войнъ. Эдиктъ вѣчный и непреложный соединилъ оба враждующія вѣроисповѣданія подъ одно общее покровительство свѣтской власти и открывалъ новую эру, въ которой свѣтское общество было освобождено отъ подчиненія церкви. Въ средніе вѣка церковь была одна, а свѣтское общество многоразлично; теперь церковь раздвоилась, а свѣтское общество соединилось въ одно цѣлое: средневѣковое соціальное устройство было разрушено; одинъ ударъ, подобный реакціи семнадцатаго столѣтія, выразившійся въ отмѣнѣ Нантскаго эдикта Людовикомъ XIV, могъ моментально уничтожить дѣло Генриха IV, но не въ состояніи былъ возстановить прошедшаго.

Король, чтобы избѣгнуть непріятностей съ папскимъ посломъ, которымъ онъ былъ весьма доволенъ, подождалъ его отъѣзда прежде, чѣмъ опубликовать эдиктъ, который былъ представленъ въ парижскій парламентъ только къ началу 1599 года. Духовенство и университетъ энергично возстали противъ эдикта; сильная оппозиція обнаружилась даже въ самомъ парламентѣ. Король сдѣлалъ рядъ уступокъ, бывшихъ предметомъ жалобъ со стороны протестантовъ,—уступокъ, которыя, въ дѣйствительности, были нарушеніемъ эдикта: онъ рѣшилъ, чтобы дѣла, касавшіяся духовныхъ лицъ, не разбирались въ палатахъ эдикта, хотя палата эдикта въ Парижѣ не была смѣшанной, какъ другія, и

хотя въ ней засѣдалъ только одинъ протестантъ. Генрихъ IV словесно пообѣщалъ депутатамъ парламента не назначать реформатовъ на должности: окружнаго генеральнаго намѣстника, королевскаго прокурора и уголовнаго судьи. Парижскій парламентъ внесъ это въ протоколъ 25 февраля 1599 года. Король поспѣшилъ послать по два коммисара въ каждую провинцію, чтобы привести въ исполненіе эдиктъ. Но нѣкоторыя провинціи оказали при этомъ упорное сопротивленіе. Округи Нормандіи умоляли короля отмѣнить эдиктъ (декабря 1598 года). Руанскій парламентъ принялъ этотъ эдиктъ съ коренными измѣненіями статей Нантскаго эдикта и, несмотря на именной указъ короля, продолжалъ сопротивляться въ продолженіи 10-ти лѣтъ и принялъ эдиктъ цѣликомъ только къ августу 1609 года.

РЕФОРМАЦІЯ ВЪ АНГЛІИ.

LI. ГЕНРИХЪ VIII, КОРОЛЬ АНГЛІИ, ПЕРЕДЪ СТОЛКНОВЕНІЕМЪ ЕГО СЪ РИМОМЪ.

(Изъ соч. Грановскаго, ч. II.)

Изъ трехъ юношей, которые въ первомъ двадцатилѣтіи XVI вѣка вступили на главные престолы Западной Европы, Генриху VIII предстояла, по всѣмъ вѣроятностямъ, самая блестящая будущность. Ему было только восемнадцать лѣтъ, когда, при радостныхъ надеждахъ цѣлой Англіи, началъ онъ свое царствованіе. Великая эпоха, ознаменованная итальянскими войнами, возрожденіемъ наукъ и реформаціею, призывала къ великимъ подвигамъ. У молодаго, славолюбиваго короля были всѣ условія удачи: умъ, образованность и смѣлость. Во внѣшнихъ средствахъ не было недостатка. Генрихъ VII завѣщалъ сыну крѣпкое, покорное государство и богатую казну, о которой ходили самые преувеличенные слухи.

Природа богато надѣлила Генриха VIII всѣми качествами, которыхъ отсутствіе было такъ поразительно въ его отцѣ и которыя, между тѣмъ, болѣе всего бросаются въ глаза и дѣйствуютъ на воображеніе. Новый король представлялъ совершенный типъ англосаксонской красоты. Онъ былъ ловокъ во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ, привѣтливъ и щедръ до расточительности. Черезъ десять лѣтъ послѣ вступленія его на престолъ, Джустиніани, посолъ венеціанской республики въ Лондонѣ, доносилъ своему правительству: «Его величеству теперь двадцать девять лѣтъ. Прекраснѣе наружности не могла создать природа. Онъ красивѣе всѣхъ христіанскихъ государей нашего времени, гораздо красивѣе французскаго короля (Франциска I). Тѣло его отличается необыкновенною бѣлизною, всѣ члены—совершенною правильностью и соразмѣрностью. Онъ отличный музыкантъ и компонистъ, превосходный ѣздокъ и борецъ; сверхъ того, онъ обладаетъ основательнымъ знаніемъ языковъ латинскаго, французскаго и испанскаго. Онъ страстно любитъ охоту и всякій разъ загоняетъ до устали 8 или 10 лошадей. Игра въ мячъ также доставляетъ ему большое удовольствіе. Нельзя себѣ представить ничего прекраснѣе

англійскаго короля, когда онъ, сбросивъ верхнее платье, предается этой игрѣ. Доступъ къ нему нетруденъ; вообще онъ ласковъ и не оскорбляетъ никого. Часто говоритъ онъ мнѣ: «я бы желалъ, чтобы всѣ были довольны своимъ положеніемъ такъ, какъ мы довольны нашими островами». Извѣстно, какое вліяніе имѣли на мнѣнія XVI вѣка гуманисты, представители новой науки, основанной на изученіи классической древности. Они составляли партію, шедшую во главѣ умственнаго движенія эпохи и сильную не только превосходствомъ знаній или талантовъ, но, сверхъ того, числомъ и общественнымъ значеніемъ ея членовъ. Въ рядахъ этой дружины стояли простыми ратниками лучшіе люди Западной Европы. Генрихъ VIII былъ воспитанъ въ ихъ идеяхъ, подъ ихъ надзоромъ. На одиннадцатомъ году отъ рожденія онъ уже переписывался съ главою гуманистовъ, Эразмомъ, и жадно читалъ его сочиненія. Нетрудно себѣ представить, съ какими надеждами они ожидали его царствованія. Тотчасъ по смерти Генриха VII, лордъ Монтжой, ученикъ и покровитель Эразма, написалъ къ своему учителю: «Я увѣренъ, что вѣсть о вступленіи на престолъ нашего Генриха VIII, или, лучше сказать, Октавія (игра словъ: Octavus seu potius Octavius), разгонитъ всѣ твои заботы. О, мой Эразмъ, если бы ты былъ свидѣтелемъ радости, которою всѣ здѣсь исполнены, общаго восторга и общихъ желаній долгой жизни королю, ты, конечно, не могъ бы удержать сладкихъ слезъ! Кажется, само небо улыбается, земля радостно трепещетъ... Нашъ король не ищетъ ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней, ни металловъ; онъ жаждетъ только вѣчной славы и доблестныхъ дѣлъ». Эразмъ немедленно прибылъ въ Англію, былъ принятъ съ великими почестями и въ письмахъ къ своимъ нѣмецкимъ и итальянскимъ друзьямъ осыпаетъ похвалами молодаго монарха, какъ знатока и благоразумнаго покровителя науки. Десять лѣтъ спустя, переселившись въ Нидерланды, онъ еще поздравлялъ юношей съ наступленіемъ золотаго вѣка въ Англіи. Отношенія Генриха къ гуманистамъ, вліяніе этихъ отношеній на него лично и на исторію англійской церковной реформы вообще не были до сихъ поръ надлежащимъ образомъ оцѣнены, хотя одна переписка Эразма могла бы доставить историку содержаніе превосходной главы о литературной и ученой жизни въ Англіи въ первой половинѣ Генрихова правленія. Кромѣ Эразма, въ этой жизни принимали особенно замѣчательное участіе архіепископъ кентерберійскій Варгамъ, епископы Фишеръ, Фоксъ, Стоксли, Тонсталь, лордъ Монтжой, Пэсъ, Скельтонъ—учитель короля, врачъ Линаркъ, Колетъ, основатель знаменитой школы при храмѣ св. Павла, и авторъ «Утопіи», будущій канцлеръ Моръ. Всѣ они были не только глубоко ученые, но образованные, остроумные люди, которымъ происхожденіе или личныя достоинства открыли доступъ ко двору. Генрихъ часто и охотно вмѣшивался въ бесѣды этого блестящаго круга и горячо принималъ къ сердцу его интересы. Когда въ англійскихъ университетахъ началась распря между греками, т. е. поклонниками философіи и древнихъ, и троянами, защитниками схоластики, возводившими на своихъ противниковъ обвиненіе въ ереси, Генрихъ сталъ крѣпко за первыхъ и поддержалъ ихъ своею властію. Гуманисты воспользовались его покровительствомъ. Не только въ своихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ, но съ церковной каѳедры осыпали они неумѣстными, хотя заслуженными насмѣшками невѣжественныхъ троянъ. Въ перепискѣ Эразма очень забавно раз-

сказаны нѣкоторые эпизоды этой войны, въ которой онъ игралъ главную роль. Непримиримый врагъ Генриха, кардиналъ Поль, котораго пристрастныя, озлобленныя сочиненія были главнымъ источникомъ позднѣйшимъ порицателямъ англійской церковной реформы и ея виновниковъ, отзывается о первой порѣ Генриховаго царствованія слѣдующимъ образомъ: «Тогда онъ жилъ не для своего, а для общаго счастія. Какихъ надеждъ не подавали высокія добродѣтели, ярко въ немъ блиставшія— благочестіе, справедливость, кротость, щедрость и благоразуміе! Ко всему этому природа присоединила какую-то простодушную скромность, бывшую великимъ украшеніемъ его тогдашняго возраста и залогомъ его достоинства и счастія въ будущемъ». Замѣтимъ, что эта прекрасная пора продолжалась около двадцати лѣтъ.

Откуда же произошла рѣзкая перемѣна? Что измѣнило великодушнаго, изящнаго монарха, на котораго, по выраженію врага, кардинала Поля, съ любовью и надеждой обращены были взоры не однихъ подданныхъ, а всѣхъ образованныхъ и благородныхъ друзей Европы, въ суроваго и недовѣрчиваго правителя, какимъ мы его видимъ послѣ дѣла о разводѣ съ Екатериною Аррагонскою?

Судьба долго благопріятствовала Генриху. Общественное мнѣніе вмѣняло ему въ готовую заслугу надежды, которыя на него возлагались, и стеченіе благопріятныхъ ему обстоятельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, при тогдашнемъ положеніи Европы, Англія должна была, независимо отъ личныхъ свойствъ своего короля, играть блестящую роль державы, отъ вмѣшательства которой зависѣло рѣшеніе великой борьбы между Франціею и Австрійскимъ домомъ. Обѣ стороны домогались союза съ нею и не скупились на лесть Генриху, на подарки и обѣщанія его любимцамъ.

Когда къ политическимъ смутамъ тогдашней Европы присоединился религіозный вопросъ реформаціи и на смѣлое слово Лютера отовсюду раздались отголоски, Генрихъ VIII, по совѣту кардинала Вольсея, подалъ также свое мнѣніе, не какъ монархъ, а какъ ученый богословъ. Поводомъ было извѣстное сочиненіе Лютера о «Вавилонскомъ плѣненіи». Генрихъ, который, при жизни своего старшаго брата, готовился занять мѣсто примаса Англіи, кентерберійскаго архіепископа, занимался въ ранней молодости богословіемъ и прилежно изучалъ сочиненія Ѳомы Аквинскаго, на котораго, какъ на верховный авторитетъ, опирались заступники западной церкви и средневѣковой науки. Рѣзкіе отзывы нѣмецкаго реформатора объ этомъ писателѣ оскорбили его царственнаго ученика. Генрихъ ожидалъ легкаго успѣха. Онъ думалъ, что ему, посреднику между сильнѣйшими державами Европы, нетрудно рѣшить споръ между папою и Лютеромъ. Въ 1521 году онъ отправилъ къ папѣ Льву X книгу, напечатанную имъ въ защиту седьми таинствъ (Adsertio septem sacramentorum). Многіе не хотѣли вѣрить, что эта книга написана самимъ королемъ, и приписывали ее разнымъ лицамъ: доктору Ли, Мору, Фишеру, наконецъ Эразму. Сомнѣнія эти, кажется, неосновательны. Генрихъ не присвоилъ себѣ чужаго труда, хоть прибѣгалъ, безъ сомнѣнія, къ совѣту и пособію ученыхъ друзей своихъ. Моръ совѣтовалъ ему, между прочимъ, осторожнѣе говорить объ объемѣ папской власти и не терять изъ виду возможности непріязненныхъ столкновеній въ будущемъ. Король отвѣчалъ ему, что о папской власти нельзя сказать ничего лишняго, что онъ считаетъ ее источникомъ своего собственнаго могущества. Такъ

далеко завлекла его полемика противъ виттенбергскаго реформатора. Имя автора ручалось за успѣхъ книги. Эразмъ и его многочисленные поклонники поставили ее на ряду съ твореніями блаженнаго Августина. Левъ X наградилъ державнаго богослова титуломъ заступника вѣры (defensor fidei) и обѣщалъ отпущеніе грѣховъ на десять лѣтъ каждому читателю «Защиты седьми таинствъ». Другой пользы не могла, впрочемъ, принести книга, бѣдная содержаніемъ, исполненная сильныхъ порицаній противъ Лютера. Генрихъ называетъ его адскимъ волкомъ, гнилымъ сердцемъ, членомъ дьявола и приглашаетъ нѣмецкихъ князей приступить съ огнемъ и мечемъ къ немедленному истребленію ереси. Вольсей подкрѣпилъ эти увѣщанія дѣломъ. 12 мая 1521 года сочиненія Лютера были торжественно сожжены на одной изъ лондонскихъ площадей, въ присутствіи императорскаго посла, при огромномъ стеченіи народа. Но Генрихъ обманулся, разсчитывая на страхъ своего противника. Отвѣтъ, вызванный его нападеніемъ, встревожилъ даже друзей Лютера, привыкшихъ къ его жестокому слову. «Многіе думаютъ, говоритъ онъ, что не самъ король Генрихъ составилъ эту книгу. Мнѣ все равно, кто бы ни писалъ ее...» Этотъ отвѣтъ нанесъ глубокую рану самолюбію Генриха и имѣлъ значительное вліяніе на его отношенія къ реформаціи. Впервые пришлось ему, любимцу гуманистовъ, изнѣженному изящной лестью Эразма, слышать такую горькую рѣчь. Впечатлѣніе было тяжело. Самъ Лютеръ понялъ впослѣдствіи свою ошибку и хотѣлъ поправить ее почтительнымъ письмомъ, смиренною просьбою забыть о прошедшемъ. Генрихъ не могъ забыть. Онъ жаловался саксонскому курфюрсту и другимъ князьямъ на наглость Лютера. Жалобы остались безъ удовлетворенія. Тогда онъ крѣпче примкнулъ къ папѣ и католицизму. Когда мятежныя войска императора, приведенныя коннетаблемъ Бурбономъ къ стѣнамъ Рима, разграбили вѣчный городъ и грозили Клименту VII, Генрихъ показалъ ему горячее дѣятельное участіе. Мысль о возможности разрыва не приходила ему въ голову, а судьба, или, что все равно, собственныя страсти и общее настроеніе умовъ, неудержно вели его къ этому разрыву. Нуженъ былъ только поводъ. Поводъ явился въ формѣ женщины, въ лицѣ Анны Болейнъ, напомнившей Генриху, что бракъ его съ Екатериною Аррагонской беззаконенъ...

LII. ГЕНРИХЪ VIII И РАЗРЫВЪ ЕГО СЪ РИМОМЪ.

(Изъ соч. Гейссера: «Geschichte des Reformationszeitalters»).

Генрихъ VIII наслѣдовалъ отъ своего отца такую упроченную королевскую власть, какой никогда не имѣлъ въ своихъ рукахъ ни одинъ король англійскій, и онъ вполнѣ сознавалъ значеніе унаслѣдованной имъ короны. Его природная живая наклонность къ самовластію еще болѣе усиливалась страстно-раздражительнымъ, совершенно не терпѣвшимъ противорѣчій, темпераментомъ.

Вмѣстѣ съ рѣзко выражавшимся стремленіемъ къ господству, свойственнымъ вообще всей династіи Тюдоровъ, и усиливавшимся еще, благодаря постоянной уступчивости парламента, Генрихъ имѣлъ еще наклонность, общую всѣмъ правителямъ того времени, именно инстинктив-

ное стремленіе освободиться, по возможности, отъ всякихъ стѣсненій и ограниченій своей власти, сдѣлаться, по возможности, абсолютнымъ королемъ, какъ его монархическій идеалъ—Францискъ, которому онъ часто подражалъ до нелѣпости, несмотря на часто возникавшіе между ними раздоры.

Въ Англіи не было ни одного короля, который имѣлъ бы такую наклонность и обладалъ бы такими средствами сдѣлаться тиранномъ своей страны. Стюарты имѣли большое стремленіе къ этому, но не имѣли возможности осуществить его; хотя они безпрестанно выставляли на видъ, что они желали быть полновластными правителями, это имъ, однако, никогда не удавалось въ дѣйствительности. Генрихъ VIII былъ именно человѣкъ, способный достигнуть этого: онъ обладалъ свѣтлой дипломатической головой и потому умѣлъ обращаться съ людьми; онъ обладалъ волей, которая не останавливалась ни передъ какими препятствіями; онъ былъ одаренъ талантливой натурой, способной на многое; но все это омрачалось его дикою страстностью и необузданной чувственностью его темперамента, которая представляется тѣмъ болѣе отталкивающей, что скрывается, до извѣстной степени, подъ покровомъ теологіи.

Генрихъ VIII получилъ довольно удовлетворительное схоластическое образованіе и потому воображалъ себя чрезвычайно искуснымъ схоластикомъ, любилъ ученые споры и софистику, не отступалъ, наконецъ, и передъ тѣмъ, чтобы догматически обосновывать и извинять даже самыя грубыя проявленія своей чувственной натуры.

Въ столкновеніи съ великимъ религіознымъ реформаторскимъ движеніемъ вѣка, подобная извращенная натура правителя должна была получить совершенно особенный оттѣнокъ.

Отношенія между Англіею и Римомъ были натянуты въ значительной степени, отчасти даже болѣе, чѣмъ въ Германіи. Если какая либо нація издавна относилась къ римскому главенству недружелюбно, даже враждебно, то это, именно, англійская нація. Виклефъ, по справедливости, считается главнымъ предшественникомъ реформаціи, и, кромѣ Гуса, бывшаго его духовнымъ ученикомъ, нѣтъ никого, кто бы такъ независимо понималъ и разсматривалъ дѣла церкви, какъ онъ, — съ тѣмъ только различіемъ, что то, за что Гусъ былъ сожженъ, въ Англіи еще за десятилѣтія проповѣдывалось безнаказанно.

Къ этому присоединялось то, что гуманистическое образованіе, бывшее повсюду союзникомъ враждебнаго церкви движенія, получило весьма широкое распространеніе также и въ Англіи; въ немногихъ странахъ сѣвера занятія древними классиками, какъ при элементарномъ обученіи, такъ и при научныхъ изысканіяхъ, велись съ большею основательностью и серьозностью, чѣмъ здѣсь. Короче, оба источника, изъ которыхъ реформація почерпала наибольшую долю своей силы—мотивы религіозной оппозиціи изъ временъ соборовъ и возрожденіе наукъ и искусствъ, вслѣдствіе изученія классиковъ, были здѣсь болѣе обильны и чисты, чѣмъ гдѣ либо, и поэтому въ Англіи, частію еще до Лютера, частію совершенно независимо отъ него, возникали и могущественно развивались воззрѣнія, подобныя его воззрѣніямъ.

Но Генрихъ VIII относился къ такимъ воззрѣніямъ чрезвычайно недружелюбно. Ни одинъ монархъ Европы не стремился съ такою личною страстностью къ сохраненію существующаго церковнаго устройства, какъ Генрихъ VIII въ началѣ своего царствованія.

Это, прежде всего, находилось въ связи съ его теологическимъ полуобразованіемъ. Его замѣчательной натурѣ былъ присущъ своеобразный доктринерно-схоластическій элементъ, весьма удобно уживавшійся съ совершеннымъ недостаткомъ религіознаго чувства,—извѣстная доля тщеславія ученаго, которое побуждало его стремиться къ лаврамъ, не выпадавшимъ обыкновенно на долю правителей.

Къ этому присоединялось еще другое. Всѣ Тюдоры питали склонность къ Риму, которая проистекала скорѣе изъ идеи политической солидарности, чѣмъ изъ религіозныхъ побужденій. Основную черту всей династіи Тюдоровъ составляетъ, такъ сказать, врожденное сознаніе величія монархическаго авторитета, и это сознаніе съ достаточною ясностію проглядываетъ также и въ столь различныхъ между собою по характеру дочеряхъ Генриха, Маріи и Елизаветѣ. Римъ есть типъ незыблемаго авторитета, и потому колебать этотъ авторитетъ можетъ быть опасно также и для прочности свѣтскаго трона: вотъ ближайшее, какъ-бы инстинктивное соображеніе, лежащее въ основѣ упомянутаго династическаго стремленія.

Съ этой стороны и Генрихъ VIII былъ сначала рѣшительнымъ противникомъ революціоннаго отношенія къ Риму, какое приняла реформація въ Германіи и Швейцаріи. Систематически и съ безчеловѣчной жестокостью выступилъ онъ противъ такихъ стремленій: еретики были для него бунтовщиками, государственными измѣнниками; число процессовъ по обвиненію въ ереси возрастало непомѣрно, и только во Франціи число жертвъ подобныхъ процессовъ было больше, чѣмъ въ Англіи.

Таково было положеніе Англіи и короля; нація и король были настроены совершенно противоположно: народъ уже съ XV столѣтія представлялъ плодотворную почву для реформатскихъ идей; со стороны же трона, напротивъ, видно было рѣзкое, враждебное отношеніе къ естественному развитію этихъ идей.

При самой первой своей попыткѣ вмѣшаться въ религіозную борьбу въ качествѣ ученаго теолога, Генрихъ VIII потерпѣлъ чувствительное пораженіе. Когда поднялся вопросъ о добрыхъ дѣлахъ, онъ не могъ устоять противъ искушенія—прочитать рѣзкое и убѣдительное поученіе виттенбергскому монаху и въ 1522 году издалъ сочиненіе противъ Лютера. Сочиненіе его обличало диллетанта, пустоту котораго долженъ былъ прикрывать королевскій авторитетъ, что, по отношенію къ Лютеру, было, однакожь, большимъ заблужденіемъ. Лютеръ написалъ гнѣвный, грубый отвѣтъ, наиболѣе грубый, чѣмъ какой онъ когда либо написалъ вообще, какъ-бы желая показать, что такой королевскій авторитетъ не имѣетъ для него ни малѣйшаго значенія; выраженіе: «если Господь желаетъ имѣть дурака, то онъ дѣлаетъ короля богословскимъ писателемъ» — сравнительно принадлежитъ еще къ наиболѣе мягкимъ выраженіямъ въ отвѣтѣ сына тюрингенскаго крестьянина.

Такимъ образомъ, нерасположеніе короля къ реформаціи усилилось еще его личнымъ неудачнымъ вмѣшательствомъ въ это дѣло. Принимая все это во вниманіе, для Англіи изъ всѣхъ вѣроятностей отдаленнѣйшая была та, чтобы между этимъ королемъ и Римомъ послѣдовалъ разрывъ. Кромѣ того, подлѣ короля находился могущественный любимецъ его, кардиналъ Вольсей, который не питалъ никакой иной мысли, какъ изъ кардинала сдѣлаться папою, и одной ногой стоялъ уже въ римской куріи.

Съ 1526—1527 г. завязывается своеобразное бракоразводное дѣло короля, которое, казалось бы, не имѣло никакой связи съ реформаціей, но, при дальнѣйшемъ своемъ теченіи, изъ чисто-личнаго и притомъ не особенно чистаго дѣла возвысилось до важнаго историческаго событія.

Генрихъ VIII уже съ іюня 1509 года былъ женатъ на вдовѣ своего рано умершаго старшаго брата Артура, наслѣдникомъ котораго онъ и былъ назначенъ и для котораго умный отецъ съумѣлъ сосватать богатѣйшую наслѣдницу. Это была Катерина Аррагонская, дочь тѣхъ могущественныхъ родителей, Фердинанда Аррагонскаго и Изабеллы Кастильской, которые, вступивши между собою въ бракъ, соединили свои наслѣдства и этимъ положили начало могуществу Испанской монархіи. Дочь такихъ родителей была завидной партіей; она приносила съ собой, какъ приданое, союзъ съ богатымъ и могущественнымъ испанскимъ королевскимъ домомъ. Но вскорѣ по заключеніи брака молодой принцъ внезапно умеръ. Естественно было бы, чтобы нарушенная такимъ образомъ связь между обоими домами считалась порванною. Но Генрихъ VII употребилъ всѣ старанія, чтобы вдова сдѣлалась женою втораго сына, настоящаго наслѣдника престола. Это представляло, однакожь, не мало затрудненій. Во-первыхъ, являлся вопросъ каноническаго права—дозволителенъ ли бракъ со вдовою брата. Затѣмъ Генрихъ былъ моложе и совершенно инаго характера, чѣмъ Катерина, тихій, мечтательный характеръ которой, казалось, мало подходилъ къ дикому, необузданному праву Генриха. Но хитрому и умному Тюдору, которому уже удавалось такъ многое, удалось и это, и уже въ концѣ іюня 1503 года былъ готовъ брачный договоръ между Генрихомъ VIII и Катериною, который, однако, по молодости наслѣднаго принца, лишь по истеченіи шести лѣтъ, уже по вступленіи его на престолъ, былъ совершенъ формально и по закону.

Англичане, желая выставить своего короля въ возможно-лучшемъ свѣтѣ, не забываютъ упомянуть, что Генрихъ въ самомъ началѣ переговоровъ о бракѣ его со вдовою брата письменно изложилъ свои сомнѣнія относительно допущенія подобнаго брака каноническими правилами. Фактъ этотъ вѣренъ. Но королю присуща была нѣкоторая теологическая мнительность и казуистика, что побуждало его заботиться объ охраненіи себя на всякій случай. Римъ въ то время пришелъ къ нему на помощь, и папа Юлій II издалъ буллу, которой устранялись всѣ теологическія возраженія, и бракъ объявлялся вполнѣ законнымъ.

Продолжительное прочное существованіе брачныхъ узъ, казалось, не должно было оправдать ни одного изъ опасеній, возникшихъ при заключеніи этого брака. Хотя супруги мало подходили одинъ къ другому по своему характеру, но эти двѣ столь различныя натуры замѣчательнымъ образомъ уживались между собою вполнѣ хорошо. Плодомъ этого брака была дочь, Марія, которая впослѣдствіи вступила на престолъ; сыновья всѣ умирали, и англійскіе историки завѣряютъ, что это было первою причиною отчужденія между супругами. Но въ дѣйствительности этого ничего не замѣчалось. Катерина, мечтательная и охотно углублявшаяся въ самое себя, была снисходительна, уступчива и позволяла своему легкомысленному и разгульному супругу дѣлать что ему угодно.

Послѣ долгихъ лѣтъ ненарушимо-спокойной брачной жизни опять всплыли наверхъ тѣ сомнѣнія, которыя, казалось, были погребены совсѣмъ. Слова Моисея, порицавшія подобный бракъ, съ новою силою

овладѣли умомъ короля-теолога, и онъ не зналъ болѣе покоя. Англійскіе историки при этомъ кстати замѣчаютъ, что при дворѣ въ это время появилась юная цвѣтущая фрейлина, Анна Болейнъ, легкомысленная, какъ француженка, и прекрасно образованная, очаровательная и представлявшая совершенную противоположность меланхолическому однообразію Катерины; ея появленіе очаровало короля, и это было если не единственнымъ, то главнѣйшимъ поводомъ къ возбужденію забытыхъ религіозныхъ сомнѣній. Король скучалъ со старѣющейся супругой и въ то же время былъ сильно увлеченъ Анною Болейнъ; она обѣщала ему взаимную любовь не иначе, какъ ставши его законною супругою. Такимъ образомъ, король долженъ былъ позаботиться о разрывѣ стараго и о заключеніи новаго брака, который болѣе могъ удовлетворить его чувственно и давалъ надежду имѣть наслѣдниковъ. Но главную роль играло все-таки чувственное удовлетвореніе. Придворные теологи въ этомъ дѣлѣ были на сторонѣ короля; они торжественно объявляли бракъ его съ Катериною недѣйствительнымъ и утверждали, что онъ долженъ очистить свою совѣсть, разорвавъ этотъ бракъ и женившись на Аннѣ Болейнъ.

Кардиналъ Вольсей хотя все-еще надѣялся когда нибудь возложить на себя тройную корону, но наконецъ согласился, конечно, не безъ глубокаго сердечнаго сокрушенія, принять на себя посредничество, которое могло стоить ему не только надежды на папскую тіару, но и дѣла всей его жизни. Обратились въ Римъ и старались выхлопотать буллу, которая бы подтвердила сомнѣнія короля и успокоила его совѣсть, разорвавъ бракъ, противорѣчащій церковнымъ постановленіямъ. Это для Рима былъ запросъ двусмысленный. Если бы Римъ прежней буллой самъ не устранилъ всѣ сомнѣнія, то, при господствовавшихъ въ куріи воззрѣніяхъ, дѣло не представляло бы особенныхъ затрудненій. Но тамъ очень хорошо понимали, какъ это должно было казаться непристойнымъ, еслибъ рѣшеніе папы Климента VII по этому вопросу было прямо противоположно тому, что папа Юлій II совершенно недвусмысленно высказалъ относительно этого же дѣла.

Но это было время (1526 — 1527), когда, вслѣдствіе побѣды при Павіи и мадридскаго мира, императоръ Карлъ достигъ высоты своего могущества, когда Римъ вмѣстѣ съ Франциском I соединенными силами старались снова разрушить возраставшее могущество императора и когда папскою политикою руководилъ не настоящій духовный пастырь, а Медичи, преслѣдовавшій чисто-мірскія цѣли. При такихъ-то затруднительныхъ обстоятельствахъ явилось къ папѣ англійское посольство, и едва ли могло случиться болѣе благопріятное стеченіе обстоятельствъ для успѣшнаго окончанія дѣла этимъ посольствомъ. Могъ ли папа, при данномъ положеніи, затрудниться нанесеніемъ смертельнаго оскорбленія королевѣ Катеринѣ, кровной теткѣ императора Карла V, когда въ Римѣ замышлялось низверженіе его самого? Можно ли было тутъ задумываться надъ законностію ходатайства Генриха VIII? И папа выказалъ расположеніе снизойти на просьбу короля. Мы знаемъ, какъ политика верховнаго князя церкви постепенно сдѣлалась вполнѣ свѣтскою; въ негодованіи на успѣхи Карла V и въ надеждѣ пріобрѣсть новаго могущественнаго союзника противъ него, Климентъ VII дозволилъ себѣ невѣроятную слабость отправить въ Англію посольство, которое разслѣдовало бы дѣло и, по разслѣдованіи, расторгло бы бракъ. Такова именно была первоначальная инструкція, данная легату.

Такимъ образомъ, легатъ папскій, кардиналъ Компеджіо, прибылъ въ Англію. Онъ сперва попытался склонить королеву къ добровольному разводу и, когда это не удалось, началъ возмутительный судебный процессъ, который возмутилъ всѣхъ современниковъ и даже въ жестокосердыхъ судьяхъ пробудилъ на мигъ жалость къ несчастной королевѣ. Навсегда осталось въ памяти, какъ невинная королева была привлечена къ суду и къ допросу, какъ она по-своему, чистосердечно и просто, но опредѣленно и рѣшительно отстаивала свое право, свою супружескую вѣрность, приводила на память залогъ ея любви и трогательно, съ грустью жаловалась на то, что ей, чужестранкѣ, невозможно было болѣе быть королевой Англіи, какъ она бы этого желала.

Судей это не смутило: они продолжали свое варварство; но дѣло не шло впередъ. Папскій легатъ въ особенности вовсе не такъ спѣшилъ, какъ король, безпрестанно писавшій къ своей Аннѣ одно за другимъ письма, исполненныя горячаго нетерпѣнія. Положеніе внѣшнихъ дѣлъ было еще неопредѣленно, все находилось еще въ шаткомъ состояніи. Легатъ—онъ могъ на этотъ счетъ имѣть тайныя инструкціи — не спѣшилъ, ибо онъ хотѣлъ выждать, въ какое положеніе станутъ между собою императоръ и папа, а это положеніе угрожало совершенно измѣниться. Климентъ VII въ концѣ 1528 г. оказался не въ состояніи противостоять императору; равнымъ образомъ походъ его союзника Франциска I опять окончился неудачей; войска Карла V подступали къ Риму; почти вся Италія находилась въ ихъ рукахъ: все указывало на то, что папа долженъ стараться заключить съ императоромъ возможно-выгодный миръ; для императора же важнымъ побужденіемъ къ заключенію мира было все еще тянувшееся бракоразводное дѣло, которое грозило не только опасностью разрыва съ Римомъ, но и несмываемымъ позоромъ для его, Карла V, династіи.

Такимъ образомъ, въ іюлѣ 1529 года Компеджіо внезапно получилъ отзывную буллу, потому что дѣло въ Англіи было будто бы недостаточно изслѣдовано и поэтому должно было окончательно разслѣдоваться въ Римѣ. Разсматриваемый съ внѣшней стороны, такой оборотъ казался какъ-бы лишь принятіемъ вызова, сдѣланнаго самимъ королемъ Генрихомъ VIII. Но, принимая во вниманіе тотъ переворотъ, какому подверглись внѣшнія дѣла вслѣдствіе примиренія между императоромъ и папою, становится очевидною связь буллы съ измѣнившимися отношеніями между императоромъ и папою, и Генрихъ VIII сразу понялъ дѣйствительный смыслъ буллы. До насъ дошло нѣсколько интереснѣйшихъ актовъ, относящихся къ этому дѣлу: обѣ стороны—и король, и папа—являются достойными другъ друга, но ни одинъ не хитеръ настолько, чтобы обмануть другаго, хотя они и краснорѣчиво стараются увѣрить одинъ другаго въ совершенномъ, будто бы дружескомъ, согласіи; они видятъ другъ друга насквозь, и Генрихъ тотчасъ же замѣчаетъ, что папа хочетъ ускользнуть отъ него черезъ заднюю дверь и не намѣренъ никогда исполнить своего обѣщанія. Когда послѣдовалъ отъѣздъ легата, и королю вручена была отзывная булла, то онъ справедливо увидѣлъ въ этомъ первый шагъ къ отступленію со стороны куріи, хотя онъ еще не зналъ, что въ эти самые дни императоръ и папа подписали мирный договоръ, и существеннымъ условіемъ его было—препятствовать низверженію несчастной Катерины.

Теперь Генрихъ порѣшилъ кончить дѣло собственною властію; первымъ видимымъ слѣдствіемъ этого рѣшенія было низверженіе Вольсея. Такъ какъ ни папѣ, ни императору нельзя было отомстить, то за все долженъ былъ поплатиться Вольсей, и именно за то, что вліяніе его оказалось недостаточнымъ, чтобы выхлопотать у папы обѣщанный разводъ. Кардиналъ былъ лишенъ всѣхъ достоинствъ и всего блеска, былъ низвергнутъ въ ничтожество, и такъ какъ Вольсей не обладалъ стоическимъ характеромъ, то этотъ случай убилъ его.

Это событіе имѣло важное значеніе. Дѣло въ томъ, что Вольсей былъ все-таки кардиналъ римской церкви и въ важнѣйшихъ случаяхъ никогда не упускалъ совершенно изъ виду ея интересовъ. Теперь эта преграда пала, и вскорѣ должны были обнаружиться важныя послѣдствія этого переворота.

Нѣкоторое время король правилъ безъ любимца, безъ могущественнаго министра; затѣмъ мѣсто Вольсея заступилъ Томасъ Кромвель, чрезвычайно ловкій дипломатъ, который по всему своему направленію былъ совершеннѣйшею противоположностью Вольсея. Притомъ онъ не былъ такимъ человѣкомъ, отъ твердости убѣжденій и самостоятельности котораго можно было бы ожидать хорошаго вліянія на короля; напротивъ — его честолюбіе и придворное тщеславіе скорѣе всего могли направить короля на дурной путь; къ тому же онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ свѣтской власти римской церкви, врагъ всякаго вмѣшательства со стороны Рима въ англійскія дѣла.

Подъ вліяніемъ Томаса Кромвеля, вѣроятно, въ парламентѣ впервые обнаружилось нѣкоторое движеніе по вопросу о церковной реформѣ. До этого времени Генрихъ VIII путемъ угрозы, въ грубой и мягкой формѣ, старался подавить въ парламентѣ національную оппозицію противъ Рима; теперь парламентъ впервые былъ предоставленъ самому себѣ. Теперь тотчасъ же громко заявляется, усиленное еще посягательствами Вольсея недовольство на привилегіи клира, какъ финансовыя, такъ и судебныя; всѣ прежніе договоры съ Римомъ пересматриваются, и еще въ сессію 1529 года уже высказывается желаніе, чтобы король почитался «единственнымъ главою, верховнымъ повелителемъ и охранителемъ духовныхъ и свѣтскихъ интересовъ націи». Такія заявленія оппозиціи были, видимо, пріятны королю и его министрамъ, которые теперь могли показать куріи, что они не одни возстаютъ противъ нея, но опираются въ этомъ на ясно выраженное общественное мнѣніе страны.

Но въ то же время присоединяется еще новое вліяніе, всего значенія котораго король самъ долгое время не понималъ и которое только теперь, съ 1530—1531 г., начало ясно обнаруживаться.

Въ 1532 году Томасъ Кромвель, высоко-образованный священникъ, занимавшійся долгое время въ тишинѣ подъ вліяніемъ сочиненій Лютера, осмотрительный и обходительный человѣкъ, не отличавшійся крайнимъ, рѣзкимъ характеромъ, но въ душѣ сильно проникнутый воззрѣніями Лютера, былъ назначенъ епископомъ кентерберійскимъ, примасомъ англійской церкви; это назначеніе было первымъ со стороны короля отступленіемъ отъ древнихъ правилъ римской церкви; король, конечно, еще не зналъ, въ какой мѣрѣ Кромвель былъ проникнутъ идеями Лютера. Между тѣмъ, обѣ стороны—и папа, и король—еще опасались довести дѣло до крайности: Римъ желаетъ продолженія сношеній, король старается оправ-

дать себя авторитетомъ знаменитѣйшихъ теологовъ; онъ обращается съ запросомъ, по поводу своего бракоразводнаго дѣла, чуть ли не ко всѣмъ университетамъ европейскимъ, которые, какъ центры богословской науки, имѣли въ то время громадный авторитетъ въ каноническихъ вопросахъ, и покупаетъ у нихъ за дорогую плату рѣшеніе, благопріятствующее его разводу. Но это было то время (1530—1531 гг.), когда Римъ находился въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ императоромъ; слѣдовательно, въ рѣшительный моментъ нельзя было разсчитывать ни на малѣйшую уступчивость, и, такимъ образомъ, раздоръ видимо возрасталъ, хотя ни та, ни другая сторона не хотѣли сказать послѣдняго слова.

Но теперь многое соединилось вмѣстѣ: назначеніе Кромвеля, поощреніе парламента, подстреканіе со стороны клира, объявляющаго короля верховнымъ главою церкви, отмѣняющаго лепту св. Петра и аннаты, наконецъ, бракъ съ Анною Болейнъ (1533 г.), совершенный первоначально съ сохраненіемъ тайны, а затѣмъ обнародованный, и разводъ съ Катериною, признанный законнымъ англійскими юристами. Все это послужило важнѣйшими элементами для открытаго разрыва съ Римомъ, и булла объ отлученіи не заставила себя долѣе ждать (1534).

Генрихъ VIII не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы, подобно Лютеру, сжечь отлучавшую его буллу; кары со стороны древняго авторитета церкви ни въ какомъ случаѣ не были для него безразличны, но онъ обладалъ въ достаточной степени чувствомъ самовластія, чтобы чувствовать себя глубоко пораженнымъ этою черною неблагодарностью. Онъ для папы сдѣлалъ многое: ввелъ суды надъ еретиками, писалъ противъ Лютера, и подвергся отлученію; въ сознаніи незаслуженной обиды онъ нашелъ первое утѣшеніе и успокоеніе отъ объявшаго его ужаса проклятія.

Немедленно созывается парламентъ, и, подъ впечатлѣніемъ буллы, вносятся слѣдующія предложенія, которыя и принимаются единогласно: папскій супрематъ (главенство) отвергается, его мѣсто заступаетъ супрематъ королевскій; утверждается, уже прежде самимъ клиромъ постановленное, уничтоженіе лепты св. Петра и аннатъ; клиръ становится отнынѣ только конвокаціею подъ главенствомъ короля, а не церковью подъ главенствомъ Рима. Всѣ должны были дать присягу въ признаніи церковнаго главенства короля. Присяга должна была утверждать слѣдующее: недѣйствительность перваго и законность втораго брака короля, лишеніе дочери его Маріи права наслѣдованія и утвержденіе этого права за Елизаветою, признаніе короля верховнымъ главою церкви и «что она должна проповѣдывать Христа и Его евангеліе отъ чистаго сердца по слову св. писанія и согласно съ тѣмъ, какъ заповѣдали учители православной каѳолической церкви, ничего не искажая, и въ своихъ молитвахъ прежде всего должна поминать короля, какъ главу англійской церкви», и т. п.

Здѣсь не могло быть и рѣчи объ измѣненіи вѣроисповѣданія, согласно новому, лучшему ученію. Іерархія была только, такъ сказать, извращена и подчинена королю; все же прочее осталось по старому. Католическая догма не была измѣнена. Горе тому, кто коснулся бы мессы, ученія о пресуществленіи, почитанія святыхъ, семи таинствъ или ученія о добрыхъ дѣлахъ: онъ непремѣнно былъ бы схваченъ и сожженъ, какъ еретикъ. Но горе было и тому, кто отказался бы отъ присяги главенству короля, не захотѣлъ бы признать новаго королевскаго папства: онъ былъ бы схваченъ и повѣшенъ, какъ государственный измѣнникъ. Это была

не реформація, не новое церковное устройство, а лишь перенесеніе верховной власти отъ папы на короля; все же прочее, какъ вѣра, такъ и обряды богослуженія, осталось старое; лишь во главѣ управленія произошло существенное измѣненіе, которое сдѣлало труднымъ, если не невозможнымъ, поддерживать дальнѣйшую связь съ Римомъ.

Лишь для гибкихъ, уступчивыхъ, малодушныхъ людей было сносно подобное положеніе дѣлъ; для личностей же съ характеромъ, которыя открыто выражали свои убѣжденія, оно было пагубно. Кто, напр., подобно канцлеру Томасу Мору, нѣкогда ревностно помогавшему королю въ истребленіи еретиковъ, и епископу Джону Фишеру, отказывался отъ присяги, тотъ подвергался преслѣдованію и посылался на эшафотъ; такимъ же кровавымъ преслѣдованіямъ подвергались сторонники протестантизма. Кромѣ висѣлицы, для тѣхъ, кого король считалъ измѣнниками, были устроены эшафоты и костры: первые для знатныхъ, вторые для простыхъ еретиковъ.

Если бы подобное положеніе дѣлъ продолжалось, то болѣе безбожнаго и ужаснаго попранія и поруганія религіи и совѣсти нельзя было представить. Все старое было разрушено и на мѣсто его ничего не установлено новаго, кромѣ неограниченнаго всемогущества короля и его личной страсти или прихоти. Изъ исторіи тринадцати ужасныхъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за разрывомъ съ Римомъ, мы возьмемъ, оставляя вовсе въ сторонѣ брачныя дѣла короля *), два момента, которые имѣли важное значеніе для позднѣйшаго образованія и развитія англійскаго государства и англійской церкви; это—секуляризація (отобраніе въ казну) церковныхъ имуществъ и терроризмъ въ дѣлахъ вѣры,

Повсюду, гдѣ борьба съ церковью начиналась правительствомъ, послѣднее обращало въ свою пользу бо́льшую или меньшую часть неисчислимыхъ церковныхъ и монастырскихъ богатствъ. Такъ случилось и въ Англіи. Если бы Генрихъ былъ настолько бережливый, осмотрительный и разсчетливый правитель, чтобы эти огромныя богатства сохранить и употреблять съ пользой, то онъ оставилъ бы наслѣдникамъ своей короны такой капиталъ, который далъ бы возможность Стюартамъ упрочить за собою мощную королевскую власть и сдѣлаться независимыми отъ всякихъ ограниченій со стороны парламента. Вмѣсто этого, церковныя богатства, добытыя съ большою жестокостью, расточались зря; все ушло на роскошь и великолѣпныя празднества; дворъ нѣкоторое время утопалъ въ излишествѣ, роскоши, и когда въ поразительно короткій срокъ было все промотано, опять наступило прежнее безденежье.

Расточенныя богатства, конечно, не исчезли безслѣдно; сельское дворянство прибрало къ своимъ рукамъ землю; равнымъ образомъ и высшій землевладѣльческій классъ, доселѣ составлявшій основу государственнаго строя и управлявшій страной, ведетъ начало своего благосостоянія и процвѣтанія также съ того момента, когда легкомысленный король предпринялъ конфискацію церковныхъ имуществъ, послѣ чего, смотря на увеличившееся благосостояніе средняго и высшаго классовъ, онъ вообразилъ себя могущественнѣйшимъ христіанскимъ государемъ.

Рядомъ съ этимъ экономическимъ переворотомъ неистовствовалъ ре-

---

*) У Генриха, послѣ смерти Анны Болейнъ, было еще четыре жены: Жанна Сеймуръ, Анна Клевская, Катерина Говардъ и Катерина Парръ.

лигіозный терроризмъ, бывшій причиною поразительныхъ ужасовъ и доведшій націю до страшной деморализаціи.

Въ этотъ періодъ Англія представляетъ ужасное зрѣлище религіозной войны, которая годъ за годомъ поглощаетъ безчисленныя жертвы и конца которой не было видно, потому что никто не могъ отвѣчать на вопросъ: какая правая вѣра въ этой странѣ и что выйдетъ изъ моря развалинъ? Самъ парламентъ играетъ постыдную роль: онъ, игрушка королевскихъ прихотей, сегодня составляетъ символъ вѣры, а завтра засѣдаетъ въ качествѣ суда надъ католиками и протестантами, сегодня вотируетъ церковныя имущества, какъ частную королевскую собственность, а на завтра прибавляетъ, что каждый долженъ вѣровать тому, что король и его уполномоченные еще имѣютъ приказать относительно вѣры и церковнаго устройства. Въ этой безнадежной путаницѣ, въ сущности, выигрывала только *одна* партія, это—партія замаскированныхъ папистовъ въ совѣтѣ короля, Гардинеръ и Поль, которые, держась чрезвычайно хитрой и осторожной тактики, старались сохранить изъ старой закваски все, что только было возможно. Съ одной стороны, Кромвель и Кранмеръ преслѣдуютъ старовѣровъ-католиковъ, съ другой — епископъ Гардинеръ и кардиналъ Поль строго слѣдятъ за нововѣрцами-протестантами, руководясь однимъ лишь произволомъ, отъ котораго проведена была узкая линія между дозволенною и запрещенною вѣрою, такъ что для всякаго насилія нетрудно было подыскать вѣскія оправданія.

Король постоянно находился въ противорѣчивомъ настроеніи, метался туда и сюда, и ни одинъ независимый голосъ не раздавался вокругъ него; какъ въ брачныхъ дѣлахъ, такъ и въ церковной политикѣ онъ велъ безсмысленную игру. Въ гнѣвѣ на грозныя посланія Рима онъ разражается противъ папистовъ и велитъ распространять библію (1538 г.); годъ спустя, онъ предлагаетъ канцлеру Кромвелю неудачный проэктъ о бракахъ, и снова онъ переходитъ на сторону папистовъ. Парламентъ долженъ утвердить шесть членовъ символа вѣры, которые должны были повести и дѣйствительно повели къ новымъ варварскимъ преслѣдованіямъ. Вотъ эти члены символа: 1) Пресуществленіе не имѣетъ мѣста при евхаристіи. 2) Чаша для мірянъ не необходима. 3) Браки священниковъ, по божескимъ законамъ, не дозволены. 4) Обѣты цѣломудрія удерживаютъ обязательную силу. 5) Мессы въ частныхъ домахъ не противорѣчатъ св. писанію и удерживаются для утѣшенія души. 6) Исповѣдь полезна и необходима.

Каждый, преступившій эти постановленія, подвергается жестокимъ преслѣдованіямъ, лишенію жизни и имущества; всѣ браки священниковъ, монаховъ и монахинь объявляются недѣйствительными, подъ угрозою смертной казни ослушникамъ; подобная же участь постигла тѣхъ, которые пренебрегали исповѣдью и причащеніемъ, или исполняли ихъ по прежнему обряду. И во всѣхъ этихъ жалкихъ поступкахъ не проглядывало никакой нравственной идеи; то, что оставилъ послѣ себя Генрихъ VIII, былъ хаосъ, изъ котораго нація съ тяжкой борьбой и усиліями должна была вырабатывать себѣ новое церковное устройство.

LIII. БРАКОРАЗВОДНОЕ ДѢЛО ГЕНРИХА VIII И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЭТОГО АКТА.

(По соч. Фрауде: «History of England from the fall of Wolsey to the reign of Elisabeth»).

Оцѣнка настоящихъ мотивовъ дѣйствій Генриха VIII въ отношеніи развода съ Екатериною Аррагонскою представляетъ тѣ же трудности, которыя связаны вообще съ правильной оцѣнкой такихъ поступковъ государственныхъ дѣятелей, которые совершены подъ вліяніемъ какъ личныхъ, такъ и общественныхъ побужденій, большею частію не легко разграничиваемыхъ. Нужно имѣть въ виду, что во взглядѣ англичанъ на бракоразводное дѣло Генриха VIII въ XVI и XIX столѣтіяхъ представляется рѣзкое различіе, какъ и вообще во взглядахъ современниковъ и послѣдующихъ поколѣній относительно сложныхъ побужденій, руководившихъ государственными дѣятелями отдаленнаго прошлаго. Въ XVI ст. разводу Генриха VIII сочувствовалъ и содѣйствовалъ не только парламентъ, но, какъ говоритъ одинъ современникъ, всѣ безпристрастные и разумные люди считали разводъ вполнѣ справедливымъ и необходимымъ; въ XIX же ст. стали смотрѣть на этотъ разводъ, какъ на дѣло безнравственное. Въ XVI ст. на королеву Екатерину смотрѣли въ Англіи, какъ на препятствіе къ установленію прочнаго государственнаго порядка и какъ на поводъ къ обманчивымъ надеждамъ (относительно престолонаслѣдія); въ XIX же ст. она является лишь униженною, оскорбленною женою, жертвою непостоянства невѣрнаго мужа. Частная сторона этого печальнаго событія имѣетъ значеніе для насъ только относительно разъясненія личнаго характера Генриха VIII. Но мы должны остановиться нѣсколько болѣе на отношеніи общества къ этому событію, чтобы изгладить тотъ скандалезный оттѣнокъ, который неминуемо долженъ былъ бы пасть на происхожденіе реформаціи въ Англіи, если бы причиною столь упорнаго интереса лордовъ и средняго сословія къ этому событію были лишь наклонности безнравственнаго монарха, желавшаго избавиться отъ наскучившей ему жены.

Престолонаслѣдіе, хотя теоретически и установленное закономъ первородства, подвергалось въ Англіи, тѣмъ не менѣе, частымъ произвольнымъ измѣненіямъ. Парламентъ сознавалъ съ сожалѣніемъ шаткость этого закона, а народъ не высказывалъ полнаго единодушія относительно этого вопроса. Преобладало, однако же, одно мнѣніе, которое хотя и не имѣло значенія постановленія, но, установленное обычаемъ, пріобрѣло силу закона въ предразсудкахъ народа, а именно—что иностранный принцъ не имѣлъ права на престолъ Англіи. Хотя право женской линіи на престолонаслѣдіе и не отрицалось формально, но въ дѣйствительности ни одна женщина до XVI ст. не сидѣла еще на англійскомъ престолѣ. Между тѣмъ, неопредѣленность постановленій о бракахъ, безчисленныя хитросплетенія римскаго церковнаго права, отъ которыхъ зависѣло признаніе дѣтей законными—все это, въ связи съ другими неточностями церковныхъ постановленій, представляло въ Англіи постоянные предлоги къ нарушенію вѣрноподданства.

Неопредѣленность постановленій относительно столь важнаго пункта

была причиною страшныхъ эпизодовъ въ исторіи Англіи. Ужаснѣйшій изъ нихъ, начерченный кровавыми буквами въ англійскихъ фамильныхъ хроникахъ, относится къ долгой борьбѣ предшествующаго, именно XV столѣтія (война Алой и Бѣлой Розы), отъ послѣдствій которой нація еще страдала, но ко времени Генриха VIII пришла уже въ сознаніе всего перенесеннаго ею.

Никакая сила воображенія не въ состояніи представить бѣдственное положеніе страны въ годы между возстаніемъ герцога Іоркскаго и битвою при Босфортѣ. Послѣдствія убѣдили вполнѣ Генриха VII, что междоусобная война прекратилась только отъ общаго истощенія, и онъ жилъ подъ постояннымъ опасеніемъ новой вспышки междоусобной войны. Вліяніемъ этого вѣчнаго страха можно извинить, или, по крайней мѣрѣ, объяснить казнь графа Варвика, совершенную Генрихомъ VII, который, въ сущности, не былъ жестокъ, но считалъ эту казнь необходимою во имя общаго блага, во избѣжаніе кровопролитной междоусобной войны.

Между тѣмъ, 20 лѣтъ спокойнаго царствованія не прошли безслѣдно. Страна опомнилась: раздоръ между царственными фамиліями если и не потухъ окончательно, то сдѣлался умѣреннѣе; увеличеніе богатства и матеріальнаго благосостоянія указало на преимущества мира народу, который до этого времени ихъ не зналъ и не умѣлъ цѣнить. Пища и обстановка сдѣлались лучше; управленіе справедливѣе. Если и было еще много непокорныхъ, то болѣе разумная часть націи, сравнивая удобства своего настоящаго съ прошедшимъ, сознавала всю ненавистность послѣдняго. Съ этихъ поръ преобладающею заботою англійскихъ политиковъ было—уничтожить возможность борьбы за престолонаслѣдіе посредствомъ непоколебимаго утвержденія царствующаго дома.

Это стремленіе сдѣлалось руководящею нитью всей ихъ дѣятельности. Вотъ почему совѣтъ Генриха VIII слѣдилъ съ такимъ безпокойствомъ за тѣмъ, какъ сыновья его, на которыхъ сосредоточивались всѣ ихъ надежды, являлись на свѣтъ мертвыми, или умирали нѣсколько дней спустя послѣ рожденія. Когда королева достигла лѣтъ, не допускавшихъ болѣе надежды на дальнѣйшее потомство, и вѣроятною наслѣдницею оказывалась болѣзненная дѣвочка Марія, будущность представлялась все въ болѣе и болѣе мрачномъ свѣтѣ. Жизнь принцессы Маріи была ненадежна: съ самаго дѣтства она отличалась слабымъ здоровьемъ. Но и въ случаѣ продолженія ея жизни вступленіе ея на престолъ подало бы поводъ къ возстанію, а, въ случаѣ смерти и отсутствія другихъ дѣтей у короля, междоусобная война была бы неизбѣжна. Въ наше время подобное затрудненіе было бы рѣшено немедленно указаніемъ на побочную вѣтвь королевскаго дома: корона перешла бы на ближайшаго родственника даже съ меньшими затрудненіями, нежели переходитъ имѣніе безъ завѣщанія. Но если бы это право и было признано въ то время, оно усложнило бы только дѣло, ибо ближайшимъ наслѣдникомъ оказывался Іаковъ шотландскій. Какъ бы серьозно политики ни желали соединенія этихъ двухъ королевствъ, но, согласно господствующему настроенію народа, даже, какъ тогда выражались, «камни лондонскихъ мостовыхъ возстали бы противъ короля Шотландіи, если бы онъ захотѣлъ вступить на англійскій престолъ». Парламентъ заявилъ формально, что будетъ, по мѣрѣ возможности, противодѣйствовать всѣмъ попыткамъ короля шотландскаго.

Но какъ англичане не признавали правъ Іакова, такъ и онъ не допустилъ бы возможности отрицать ихъ. Онъ сослался бы на священное право родства и не призналъ бы сомнительнаго закона, лишавшаго его правъ: онъ постарался бы подтвердить ихъ съ помощью Шотландіи и съ открытою поддержкою Франціи. Цѣлыя столѣтія униженія, нанесеннаго Шотландіи и Франціи англичанами, еще не были отомщены. Эти государства воспользовались бы, конечно, такимъ удобнымъ случаемъ, посланнымъ имъ провидѣніемъ. Правда, страна могла бы твердо встрѣтить эту опасность, если бы она могла единодушно остановиться на выборѣ другаго наслѣдника. Уже не разъ вела она съ успѣхомъ такую же неравную борьбу, и теперь могла бы она равнодушно отнестись къ ней, если бы внутри ея господствовало согласіе; но въ этомъ отношеніи положеніе ея было вполнѣ безотрадно. Вражда прежнихъ партій затихла, но еще тлѣла. Въ теченіе всего царствованія Генриха VII партія Бѣлой Розы агитировала втайнѣ: она не имѣла явнаго успѣха и даже надежды на него въ продолженіе жизни Генриха, но могла оказаться въ высшей степени опасною, если бы случай для нанесенія удара представился самъ собою. Смерть руководителя этой партіи, Ричарда Поля, содѣйствовала еще большему усиленію послѣдней, такъ какъ предводительство перешло въ руки несравненно болѣе сильной личности, а именно сестры убитаго графа Варвика, графини Салисбюри, матери Регинальда Поля. Эта лэди наслѣдовала свирѣпый характеръ Плантагенетовъ, отъ которыхъ она происходила по болѣе прямой линіи, нежели король Генрихъ VIII; а такъ какъ послѣдній не имѣлъ сына, то послѣ его смерти половина Англіи признала бы, вѣроятно, королемъ или одного изъ ея сыновей, или маркиза Экстерскаго, внука Эдуарда IV.

Въ 1515 году было сообщено венеціанскому послу Джустиніани, во время его пребыванія при дворѣ лондонскомъ, что герцоги Букинггамъ, Суфолькъ и Норфолькъ, имѣютъ притязанія на корону. Но Букинггамъ, вмѣшавшись преждевременно въ опасную игру, поплатился за это жизнью; смерть его усилила шансы Норфолька, женившагося на его дочери. Суфолькъ, зять Генриха, былъ самымъ благороднымъ, популярнымъ и способнымъ воиномъ своего времени. Лэди Маргарита Леноксъ, дочь шотландской королевы отъ втораго ея брака, также не имѣла бы недостатка въ приверженцахъ и очень рано сдѣлалась бы предметомъ разныхъ интригъ. Такъ какъ она родилась въ Англіи, то и считалась парламентомъ ближайшею наслѣдницею послѣ принцессы Маріи.

Многіе изъ этихъ претендентовъ выступили бы впередъ, если бы Генрихъ умеръ, оставивъ дочь наслѣдницею. Но если бы онъ умеръ бездѣтнымъ, всѣ они заявили бы свои права. Не требовалось большой политической проницательности для предсказанія судьбы страны, если бы именно этимъ моментомъ воспользовались Франція и Шотландія для вторженія въ Англію. Можно было ожидать ужасныхъ бѣдствій; между тѣмъ спасеніе, сомнительное даже при наилучшихъ условіяхъ, зависѣло отъ жизни одного слабаго существа. Поэтому мы можемъ себѣ представить ужасъ, съ которымъ народъ слѣдилъ за исчезновеніемъ и этой послѣдней надежды — не вслѣдствіе смерти принцессы, а обстоятельствъ, еще болѣе усложнявшихъ положеніе.

Хотя бракъ Генриха VIII съ Екатериною Аррагонскою, какъ извѣстно, и былъ заключенъ изъ политическихъ разсчетовъ, Генрихъ оставался

вѣренъ своей женѣ. Очень вѣроятно, что миръ его семейной жизни и не былъ бы нарушенъ, если бы сыновья его не умирали такъ скоро: каковы бы ни были его личныя чувства, но, въ глазахъ свѣта, онъ являлся бы вполнѣ довольнымъ своимъ положеніемъ. Но сыновья его жили недолго; между тѣмъ, время шло и разочарованіе было тѣмъ сильнѣе, что не было надежды на дальнѣйшее потомство. Предсказаніе кары небесной за бракъ съ женою брата сбывалось почти буквально. Король достигалъ уже среднихъ лѣтъ, жена его перешла за зрѣлый возрастъ, а молитвы ихъ оставались безъ успѣха, и едва ли можно было надѣяться, чтобы онѣ могли быть услышаны. Разность лѣтъ становилась съ каждымъ годомъ замѣтнѣе; здоровье Екатерины было потрясено постигшими ее несчастіями; тогда возникли несогласія, на которыхъ мы не станемъ останавливаться. Несогласія эти, хотя и не возбужденныя невѣрностью мужа или жены, уничтожали постепенно привязанность двухъ слабыхъ созданій, основанную только на взаимномъ уваженіи, а не на чувствѣ любви.

Ни одна женщина, способная чувствовать, не перенесла бы съ терпѣніемъ и безъ огорченія условій, подобныхъ тѣмъ, въ которыя была поставлена Екатерина. Но ея поведеніе, какъ бы естественно оно ни было, содѣйствовало еще къ увеличенію уже и безъ того значительнаго разстоянія, причиною котораго было личное отвращеніе и совершенная противоположность характеровъ. Сходство ихъ ограничивалось только властолюбіемъ и неукротимымъ упорствомъ, которыми они одинаково отличались. Генрихъ былъ живаго и пылкаго темперамента; она же отличалась холодностью и умѣньемъ владѣть собою. Онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ только своими желаніями, она же, въ своей строгой кастиліанской суровости, придерживалась только буквы закона; чѣмъ болѣе онъ удалялся отъ нея, тѣмъ болѣе она настаивала на своемъ правѣ и продолжала твердо, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, свои супружескія отношенія къ нему, даже сознавъ его отвращеніе къ себѣ.

Если бы не былъ возбужденъ вопросъ относительно дѣйствительности этого несчастнаго союза, или если бы отъ продолженія или уничтоженія его не зависѣлъ національный интересъ, то, вѣроятно, эти несогласія остались бы семейною тайною, такъ какъ первоначальною причиною ихъ не была тайная любовь короля къ другой женщинѣ. Они дошли до крайнихъ размѣровъ еще до его знакомства съ Анной Болейнъ и были слѣдствіемъ совершенно постороннихъ причинъ. Но, даже допустивъ постороннюю любовь, мы, зная предшествующій образъ его жизни, не можемъ предполагать, чтобы онъ не могъ обуздать, подобно другимъ людямъ, своего каприза. Папскіе послы были вполнѣ правы, докладывая папѣ, что «было бы сумасшествіемъ объяснить намѣреніе короля только личнымъ отвращеніемъ къ королевѣ или любовью къ другой женщинѣ; это человѣкъ не такого характера, чтобы суровое обращеніе и непріятный нравъ могли его вызвать къ этому; ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не повѣритъ, чтобы онъ руководствовался одними чувственными побужденіями при разрывѣ союза, который, даже во цвѣтѣ его молодости, не былъ имъ оскверненъ ни однимъ пятномъ».

Мы считаемъ этотъ взглядъ вполнѣ вѣрнымъ; для пониманія его не требуется большаго знанія человѣческой натуры. Личное отвращеніе Генриха VIII къ Екатеринѣ было велико; но, если бы онъ не руководство-

вался другими соображеніями, онъ подавилъ бы его и покорился бы. Только интересы націи, находившіеся въ зависимости отъ сохраненія этого союза, побуждали его смотрѣть на свое положеніе съ другой точки зрѣнія. Если бы даже и не было возбуждено сомнѣнія о дѣйствительности его брака, желаніе его разрыва могло быть вполнѣ естественно. Обстоятельства, при которыхъ бракъ былъ заключенъ, колебанія королевскаго совѣта, нежеланіе папы, опасенія и нерѣшительность отца—воспоминаніе обо всемъ этомъ должно было возбудить въ королѣ сомнѣнія, а потеря дѣтей должна была казаться ему справедливымъ наказаніемъ за нарушеніе священной заповѣди. Разводъ представлялся ему нравственнымъ долгомъ, а національные интересы, въ связи съ предразсудками, поддерживали его тайное желаніе. Если же онъ приписывалъ свое желаніе только общественнымъ побужденіямъ, то нужно сказать, что самообольщеніе такого рода извѣстно, вѣроятно, большинству людей по собственному опыту. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда желанія не противорѣчатъ справедливости, люди обыкновенно обманываютъ сами себя, думая, что безкорыстныя побужденія имѣли на нихъ больше вліянія, чѣмъ личныя.

LIV. НАСТОЯЩІЯ ПРИЧИНЫ ПРОИСХОЖДЕНІЯ ОППОЗИЦІИ ПРОТИВЪ РИМА ВЪ АНГЛІИ.

(Изъ соч. Тэна: «Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи» и т. д.).

Повидимому, реформація въ Англіи возникла не тѣмъ путемъ, какъ на континентѣ, и происхожденіе ея объясняется, на первый взглядъ, главнымъ образомъ характеромъ личности Генриха VIII и его случайнымъ столкновеніемъ съ Римомъ, а не вопіющей потребностью времени, обусловленной послѣдовательнымъ историческимъ развитіемъ народной жизни. Но коренные перевороты совершаются не придворными распоряженіями и не оффиціальными приказаніями, но общественнымъ положеніемъ и народными инстинктами. Если пять милліоновъ людей обращаются къ новой религіи,—значитъ, эти пять милліоновъ чувствуютъ потребность въ обращеніи. Оставимъ въ сторонѣ безпокойство совѣсти и страсти Генриха VIII, угодливость и изворотливость Кранмера, измѣнчивость и низкопоклонничество парламента, колебаніе и медленность реформаціи, начатой, потомъ остановленной, потомъ снова двинутой впередъ, затѣмъ сразу ниспровергаемой насиліемъ, наконецъ, распространившейся въ цѣломъ народѣ и заключенной въ предѣлы легальнаго установленія, прожившаго много вѣковъ. Всякая великая перемѣна имѣетъ свой корень въ душѣ, и стоитъ только попристальнѣе вглядѣться въ глубь ея, чтобы открыть національныя наклонности и вѣковое раздраженіе, изъ котораго вышелъ протестантизмъ.

Онъ готовъ былъ выйдти наружу за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ. Появился Виклефъ, возстали лолларды, сдѣланъ былъ переводъ библіи, палата депутатовъ предложила конфискацію всѣхъ духовныхъ имуществъ; но, подъ соединеннымъ давленіемъ церкви, королевской власти и лордовъ, рождающаяся реформація была раздавлена, принуждена таиться и, лишь время отъ времени, заявлять о себѣ казнями своихъ мучениковъ.

Епископы получили право брать подъ стражу безъ суда всякое свѣтское лицо, заподозрѣнное въ ереси; они сожгли живымъ лорда Кобгэма; короли избирали между ними своихъ министровъ; опираясь на свою власть и блескъ, они заставили дворянство и народъ склониться передъ мечемъ, который былъ врученъ имъ, и опутали еще болѣе частою и жестокою сѣтью законовъ націю, и безъ того связанную ею со времени завоеванія. Мелкія прегрѣшенія казнились ими такъ же, какъ и преступныя дѣла, и мщеніе правосудія, распространявшееся въ одинаковой степени и на грѣхъ, и на злодѣяніе, преобразило полицію въ инквизицію. Оскорбленіе цѣломудрія, ересь или все, отзывающееся ересью, колдовство, пьянство, злословіе, нетерпѣливое слово, нарушенное обѣщаніе, ложь, неусердное посѣщеніе церкви, уклоненіе отъ платы за требы, жалобы противъ духовныхъ трибуналовъ—всѣ подобные проступки, взведенные на кого нибудь или подозрѣваемые въ комъ нибудь, предавали обвиняемое лицо духовному суду, соединялись съ огромными издержками, съ продолжительными отсрочками, затягивались надолго подъ обманчивымъ призракомъ процедуры и оканчивались тяжкими денежными штрафами, строгимъ тюремнымъ заключеніемъ, унизительными отреченіями, публичнымъ покаяніемъ и нерѣдко приводимою въ дѣло угрозою пытки и костра. Судите по одному факту: графъ Серрэй, родственникъ короля, былъ преданъ одному изъ такихъ судовъ за то, что не соблюдалъ поста. Отсюда можно убѣдиться, въ какой мѣрѣ былъ мелоченъ и непрерывенъ гнетъ законовъ, до какой степени онъ обнималъ и опутывалъ всю человѣческую жизнь, видимые поступки и невидимыя мысли, какъ, вслѣдствіе поощренія и развитія доносовъ, онъ проникалъ въ каждую семью и каждую совѣсть, съ какимъ безстыдствомъ онъ превращался въ орудія вымогательства и взяточничества, какой глухой гнѣвъ возбуждалъ въ горожанахъ и крестьянахъ, принужденныхъ иногда дѣлать по шестидесяти миль туда и обратно, чтобы только оставить въ безчисленныхъ когтяхъ процедуры какую нибудь часть добытыхъ пóтомъ и кровью денегъ, а иногда всѣ насущныя средства свои и своихъ дѣтей! Когда начинаютъ такъ топтать народъ, то тѣмъ самымъ пробуждаютъ въ немъ мысль; всякій невольно задаетъ себѣ вопросъ: неужели эти украшенные митрой служители церкви грабятъ и тиранствуютъ по волѣ Божіей? Начинаютъ вглядываться въ ихъ жизнь, любопытствуютъ, такъ ли строго исполняютъ они сами то, чего требуютъ отъ другихъ,—и вдругъ, неожиданно узнаютъ престранныя вещи. Кардиналъ Вольсей пишетъ папѣ, что «священники, какъ бѣлаго духовенства, такъ и монашествующіе, совершаютъ обыкновенно такія ужасныя преступленія, за которыя, если бы не спасалъ ихъ санъ, они были бы немедленно казнены, и что всѣ міряне приходятъ въ соблазнъ, видя, что духовные преступники не только не подвергаются наказанію, но пользуются полнѣйшей безнаказанностью». Въ царствованіе Генриха VIII одинъ священникъ, уличенный въ самомъ грубомъ, преступномъ развратѣ, присужденъ былъ, вмѣсто наказанія, лишь нести крестъ во время процессіи и заплатить 3 шиллинга и 4 пенса. При началѣ слѣдующаго царствованія, дворянство и фермеры Кернавоншейра принесли жалобу, въ которой обвиняли духовенство въ преднамѣренномъ развращеніи ихъ женъ и дочерей. Епископы раздаютъ бенефиціи своимъ еще несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ; «у святаго отца, настоятеля Майденъ Брадлея, ихъ было только шестеро, въ томъ числѣ дочь,

выданная замужъ и награжденная приданымъ изъ монастырскаго имущества».... Въ монастыряхъ «монахи пьютъ послѣ трапезы до десяти часовъ утра или до полудня и приходятъ къ заутрени пьяные...Они играютъ въ карты, въ кости... Нѣкоторые приходятъ къ заутрени только съ наступленіемъ вечера, да и то изъ страха тѣлесныхъ наказаній. Короче, около двухъ третей монаховъ въ Англіи вели такую жизнь, что парламентъ, выслушивая оффиціальное донесеніе, закричалъ въ одинъ голосъ: «Долой монаховъ!» *) Какой примѣръ для народа, въ которомъ начинаютъ пробуждаться мысль и совѣсть! Еще задолго до великаго взрыва гнѣвъ народа глухо рычалъ и скоплялся для возмущенія; священниковъ осыпали бранью на улицахъ, или бросали въ ручей; женщины отказывались принимать причастіе, освященное рукою, которую они считали нечистою. Когда сторожъ духовнаго суда вызывалъ преступниковъ, его выгоняли съ ругательствами. Торговецъ разбивалъ голову сторожа аршиномъ. Трактирный слуга говорилъ, что одинъ видъ священника дѣлаетъ его больнымъ и что онъ охотно сдѣлалъ бы шестьдесятъ миль, чтобы засадить хоть одного изъ нихъ въ тюрьму». Епископъ Фитцъ-Джемсъ писалъ, что «лондонскіе жители такъ заражены еретическимъ духомъ, что, если имъ случается быть присяжными въ процессѣ какого либо духовнаго лица, то они осудятъ его навѣрно, будь онъ такъ же невиненъ, какъ

---

*) Что англійская церковь, дѣйствительно, находилась въ такомъ безнравственномъ состояніи и что ея отношенія къ народу были такъ несправедливы, на это мы имѣемъ самыя неопровержимыя доказательства, Палата общинъ представила королю обвиненіе противъ духовенства. Когда парламентъ собрался въ 1529 г., то палата общинъ прежде всего донесла королю о томъ, что возмущеніе и ересь господствуютъ въ странѣ и что необходимо принять мѣры для предупрежденія ихъ распространенія. Она увѣряла, что затруднительное положеніе государства должно приписать духовенству; что основаніе, поводъ и причина его заключались въ двойственной юрисдикціи церкви и государства;что несовмѣстная законодательная власть конвокаціи лежала въ основаніи всего зла. Между прочими пунктами палата общинъ приводила слѣдующіе: конвокація постановляетъ законы безъ королевскаго утвержденія, безъ согласія и даже безъ увѣдомленія народа; эти законы никогда не издаются на англійскомъ языкѣ, а между тѣмъ люди ежедневно подвергаются наказаніямъ за ихъ неисполненіе; безнравственность распространена въ духовенствѣ, начиная съ архіепископа кентерберійскаго до самаго ничтожнаго священнослужителя, такъ что самого архіепископа подкупаютъ въ духовномъ судѣ; патеры, викаріи, кураты имѣютъ обыкновеніе давать причастіе только за денежную плату; бѣдныхъ таскаютъ по духовнымъ судамъ безъ всякой законной причины, единственно изъ желанія ограбить; стѣснительные штрафы налагаются безъ всякаго повода; духовенство отказываетъ въ засвидѣтельствованіи завѣщаній до тѣхъ поръ, пока не удовлетворяетъ жадности прелатовъ къ деньгамъ; высшее духовенство требуетъ большія суммы за введеніе во владѣніе бенефиціями и ежедневно раздаетъ эти бенефиціи «молодымъ людямъ», своимъ племянникамъ и родственникамъ, съ цѣлью самимъ пользоваться ихъ плодами и выгодами; архіепископы беззаконно заключаютъ въ тюрьму, иногда на годъ и болѣе, различныхъ лицъ, не говоря имъ причины заключенія и даже не сообщая имени ихъ обвинителей; въ духовныхъ судахъ опутываютъ простыхъ, безграмотныхъ и даже смышленыхъ людей тонкими вопросами, обвиняютъ въ ереси и подвергаютъ наказаніямъ.

Обвиненія эти серьозны; они доказываютъ, что церковь сдѣлалась средствомъ грабежа. Палата общинъ просила короля издать законы, которые исправили бы это зло. (Дрэперъ: «Исторія умственнаго развитія Европы», т. II, стр. 202—203).

Авель»; даже Вольсей увѣдомлялъ папу «объ опасномъ духѣ», который распространялся между народомъ и замышлялъ реформу. Когда Генрихъ VIII поднесъ топоръ къ вѣковому дереву и нанесъ рѣшительно и медленно, сначала первый, а вслѣдъ за нимъ и другой ударъ, отсѣкшій сухіе сучья, то нашлись сперва тысячи, а вскорѣ сотни тысячъ сердецъ, которыя ему сочувствовали и хотѣли бы помогать ему въ этомъ дѣлѣ.

Обратите вниманіе на то, что дѣлается въ данную минуту (около 1521 года) въ епархіяхъ, напримѣръ, хоть въ линкольнской, и судите по этому образчику, какъ поступаетъ духовенство во всей Англіи, какъ оно увеличиваетъ число мучениковъ, усиливаетъ ненависть и обращеніе къ протестантизму. Епископъ Лонглэндъ призываетъ къ себѣ родственниковъ обвиненныхъ, братьевъ, женъ и дѣтей, и обязываетъ ихъ клятвою доносить на своихъ мужей и отцовъ; такъ какъ они подвергались уже судебному преслѣдованію и отреклись отъ ереси, то необходимо заставить ихъ сознаться: иначе они попадаютъ въ разрядъ вторично отпавшихъ, а такихъ ждетъ неминуемо костеръ. И вотъ они доносятъ на своихъ близкихъ и другъ на друга. Одинъ имѣлъ у себя посланіе святаго Іакова на англійскомъ языкѣ. Другой перезабылъ латинскія Pater и Credo и читаетъ эти молитвы по-англійски. Одна женщина отвернулась отъ креста, который носили утромъ въ день Пасхи. Нѣкоторые, въ церкви, особенно при возношеніи святыхъ даровъ, не хотѣли читать молитвъ и сидѣли «нѣмые, какъ скоты». Трое гражданъ, изъ которыхъ одинъ былъ плотникъ, провели вмѣстѣ ночь за чтеніемъ священнаго писанія. Такая-то беременная женщина отправилась пріобщаться наѣвшись. Такой-то мѣдникъ отвергалъ невидимое присутствіе Христа при совершеніи таинства евхаристіи. Такой-то кирпичникъ сохранялъ у себя апокалипсисъ. Другіе отзывались дурно о хожденіяхъ по богомольямъ, или о папѣ, или о мощахъ, или объ исповѣди. На основаніи этихъ обвиненій, въ продолженіе одного года, пятьдесятъ человѣкъ изъ нихъ осуждены на всенародное отреченіе, на клятвенное обѣщаніе доносить на другихъ, на соблюденіе въ теченіе всей остальной жизни предписанныхъ обрядовъ покаянія, подъ страхомъ попасть въ число отпавшихъ и погибнуть за то на кострѣ. Ихъ запираютъ по различнымъ аббатствамъ съ тѣмъ, что они должны кормиться здѣсь подаяніемъ и заслуживать это подаяніе работами; на базарахъ, при всеобщихъ процессіяхъ и при казни еретиковъ они обязаны являться съ вязанкой хвороста на плечѣ; кромѣ того, каждую пятницу, въ теченіе всей жизни, они не должны ѣсть и пить ничего, кромѣ хлѣба и воды, и носить на щекѣ клеймо. Шестеро изъ обвиненныхъ сожжены живыми, причемъ дѣти одного изъ нихъ, Джона Скривенера, принуждены собственноручно поджечь костеръ своего отца. Неужели вы думаете, что если человѣка сжечь или запереть, то этимъ дѣло и покончится? Безъ сомнѣнія, все молчитъ и все скрывается; но подъ вынужденнымъ молчаніемъ живетъ продолжительное воспоминаніе и горькая злоба. Они видѣли своего пріятеля, родственника, брата, когда тотъ, прикованный цѣпью къ столбу, молился, сложивъ руки, среди дыма и пламени, между тѣмъ какъ тѣло его лопалось отъ жару и кожа обугливалась. Подобныя сцены не забываются; послѣднія слова, произносимыя на кострѣ, предсмертныя воззванія къ Богу и Христу, остаются неизгладимы и всемогущи въ ихъ сердцѣ. Они уносятъ ихъ съ собою и размышляютъ о нихъ въ полѣ, за работой, когда

остаются одни; ихъ головы работаютъ надъ этой мыслью тайкомъ, но со всею страстью. Кромѣ общедоступной симпатіи, заставляющей принимать сторону угнетеннаго, тутъ бродитъ еще и религіозное чувство. Переломъ совѣсти начался: онъ присущъ этой расѣ. Опи думаютъ о своемъ спасеніи, тревожатся настоящимъ состояніемъ; ихъ страшитъ мысль о судѣ Божіемъ, и они спрашиваютъ себя—не дѣлаются ли преступными и не заслуживаютъ ли они вѣчнаго осужденія, оставаясь въ католической религіи и выполняя обязательные ея обряды. Есть ли возможность заглушить этотъ ужасъ тюрьмами и казнями? Страхъ за страхъ; остается узнать, который изъ двухъ сильнѣе. Послѣднее обнаружится скоро, потому что существенное свойство этихъ внутреннихъ томленій заключается въ томъ, что они растутъ по мѣрѣ стѣсненій и угнетенія. Какъ живой родникъ, который напрасно стараются завалить каменьями, они клокочутъ, скопляются и наполняютъ душу до краевъ, до тѣхъ поръ, пока избытокъ, ломая и разметывая запоры, подъ которыми стараются его удержать, не хлынетъ неудержимымъ потокомъ черезъ край. Вообразите себѣ блѣдное и тоскливое лицо, скрывающее тайный пылъ подъ маскою суровости и флегмы: таковы были въ Англіи бѣдные сектаторы въ изношенномъ платьѣ, которые, съ библіею въ рукахъ, принимались вдругъ проповѣдывать на перекресткѣ, или, по окончаніи богослуженія, затягивали на улицѣ какой нибудь псаломъ, находя, что еще не довольно молились. Мрачное воображеніе затрепетало, и плодъ его растетъ съ каждымъ днемъ, разрывая оболочку, дающую ему жизнь. Отнынѣ человѣкъ рѣшился спасти свою душу во что бы то ни стало. Съ опасностью жизни онъ достаетъ нѣкоторыя изъ книгъ, указывающихъ путь къ спасенію: «Узкую дверь» Виклефа, «Послушаніе христіанина», иногда «Откровеніе антихриста», написанное Лютеромъ, но чаще всего нѣкоторые отрывки слова Божія, только-что переведенные Тиндалемъ. Одинъ прячетъ свои книги въ дупло дерева, другой заучиваетъ наизустъ апостольское посланіе или евангеліе, чтобы имѣть возможность думать о немъ постоянно, даже въ присутствіи доносчиковъ. Одинъ на одинъ, если онъ увѣренъ въ своемъ сосѣдѣ, онъ говоритъ съ нимъ о занимающемъ его предметѣ. «Если вѣра Христова поддерживалась еще въ Англіи, говоритъ Латимеръ, то единственно благодаря сынамъ іоменовъ», а впослѣдствіи тѣ же сыны іоменовъ помогутъ Кромвелю одержать его пуританскія побѣды. Когда въ народѣ начинается подобное перешептываніе, то всякіе оффиціальные голоса безполезны: нація нашла свою поэму; она отвращаетъ свой слухъ отъ тѣхъ, кто силится увлечь ее въ другую сторону, и скоро начинаетъ распѣвать ее во весь голосъ и отъ всего сердца.

Между тѣмъ, зараза коснулась даже лицъ оффиціальныхъ, и Генрихъ VIII позволилъ наконецъ издать англійскую библію. Англія имѣла отнынѣ свою книгу. «Кто могъ купить книгу, говоритъ Стрейпъ, тотъ или самъ читалъ ее прилежно, или просилъ другихъ читать себѣ ее, а не мало было и такихъ людей, которые нарочно для того выучились читать». По воскресеньямъ бѣдные собирались внизу церкви для чтенія библіи. Одинъ молодой человѣкъ, Мельдонъ, разсказывалъ потомъ, какъ онъ откладывалъ вмѣстѣ съ подмастерьемъ своего отца всѣ сбереженныя деньги, чтобы купить Новый Завѣтъ, и какъ они, боясь отца, прятали книгу подъ соломенный тюфякъ. Напрасно король въ прокламаціи

приказывалъ людямъ низшихъ сословій «не слишкомъ полагаться на свой собственный смыслъ, или довѣрять своему воображенію или мнѣнію, не разсуждать объ этомъ предметѣ всенародно въ тавернахъ, или за кружкой пива, но обращаться къ людямъ, свѣдущимъ и достойнымъ довѣрія»,— зерно пускало ростки, и всѣ предпочитали полагаться въ данномъ случаѣ на Бога, чѣмъ на людей. Самое предисловіе къ переводу священнаго писанія призывало людей къ независимому изученію слова Божія, говоря, что «епископъ римскій долгое время старался лишить народъ библіи... дабы нельзя было открыть его ухищренія и ложь.... зная, что какъ только появится ясное солнце слова Божія въ полуденный зной, то разсѣетъ немедленно заразительный туманъ его дьявольскаго ученія». По мнѣнію даже лицъ оффиціальныхъ, въ священномъ писаніи заключается чистая и полная истина, истина не философски-умозрительная, но нравственная, безъ которой нельзя ни жить благочестиво, ни спастись. «Въ священномъ писаніи, говоритъ переводчикъ, ищи наипаче и первѣе всего договоры и условія между Богомъ и нами, то-есть данный намъ Богомъ законъ и заповѣди, а потомъ—благодать и искупленіе, которое онъ обѣщаетъ всѣмъ соблюдающимъ его законъ. Ибо всѣ обѣщанія вездѣ, во всемъ священномъ писаніи, содержатъ въ себѣ договоръ, то-есть, что Богъ обязывается даровать тебѣ эту благодать, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы ты постарался и самъ хранить его законы». Каково выраженіе! Зато съ какимъ также жаромъ, съ какимъ вниманіемъ люди, мучимые неумолчными укорами щекотливой совѣсти и предчувствіемъ темной вѣчности, обращаютъ къ этимъ страницамъ взоры и сердца свои!

Для уразумѣнія великой перемѣны, произведенной въ XVI вѣкѣ въ нравахъ и понятіяхъ Англіи священнымъ писаніемъ, постарайтесь перенестись мысленно къ этимъ іоменамъ и лавочникамъ, которые раскладываютъ по вечерамъ библію на столѣ и, обнаживъ головы, съ благоговѣніемъ слушаютъ или читаютъ одну изъ ея главъ. Не забудьте, что у нихъ нѣтъ другихъ книгъ, что ихъ умъ дѣвственъ, что всякое впечатлѣніе оставляетъ въ немъ глубокій слѣдъ, что монотонность машинальной жизни предаетъ ихъ всецѣло на волю новыхъ ощущеній, что они открываютъ эту книгу не ради развлеченія, но чтобы отыскать въ ней для себя приговоръ жизни или смерти. Тиндаль, переводчикъ библіи, писалъ, обуреваемый подобнымъ состояніемъ духа, въ то время, когда былъ осужденъ и преслѣдуемъ, когда скрывался и не отрывалъ свой умъ отъ мысли о близкой смерти и о великомъ Богѣ, во имя котораго онъ наконецъ и взошелъ на костеръ.

LV. РЕЛИГІОЗНАЯ РЕФОРМА ВЪ АНГЛІЙСКОЙ ЦЕРКВИ ПРИ ЭДУАРДѢ VI.

(Изъ соч. Ранке: «Englische Geschichte im Zeitalter der Reformation». B. I).

Если мы зададимъ себѣ вопросъ, возможно ли было осуществленіе мысли Генриха VIII—отвергнуть папскій авторитетъ и въ то же время сохранить ученіе католической церкви въ томъ видѣ, какъ оно существовало, то можемъ смѣло отвѣтить: это было невозможно, ибо мысль эта заключала въ себѣ историческое противорѣчіе. Католическое ученіе развилось подъ вліяніемъ

іерархическаго главы, достигшаго высшей степени своего могущества; какъ глава, такъ и ученіе были продуктомъ одного и того же времени, одинаковыхъ событій и стремленій; ихъ никакъ нельзя было отдѣлить другъ отъ друга. Можетъ быть, еще можно было бы измѣнить и ученіе, и церковныя учрежденія, если бы для этого нашлась подходящая форма; но уничтожить послѣднія и удержать первое, во всей его цѣлости,—это было неосуществимо.

Въ то время, какъ стало очевиднымъ, что Генриху уже не жить больше, обнаружились, какъ въ странѣ, такъ и при дворѣ, двѣ партіи, изъ которыхъ одна, хотя дѣйствовавшая очень сдержанно и осторожно, несомнѣнно стремилась къ возстановленію владычества папы, а другая—къ болѣе полному развитію протестантскаго принципа. Генрихъ относительно престолонаслѣдія распорядился такимъ образомъ, что ему долженъ былъ наслѣдовать сначала его сынъ Эдуардъ, потомъ старшая дочь отъ его супруги-испанки и, наконецъ, младшая, отъ Анны Болейнъ. Такъ какъ первый, имѣвшій прежде всѣхъ сдѣлаться королемъ, былъ только еще девятилѣтнимъ мальчикомъ, то поэтому имѣлъ необыкновенную важность вопросъ, кто будетъ управлять государствомъ во время его несовершеннолѣтія. Прежде всѣхъ притязаніе на это имѣлъ дядя его со стороны матери, Эдуардъ Сеймуръ, графъ Гертфордскій, который началъ играть роль при дворѣ и въ войскѣ Генриха, находился въ тѣсной связи съ королевой Екатериной Парръ и, подобно ей, чувствовалъ расположеніе къ протестантизму. Но ему не хотѣли уступить расположенные къ католичеству Норфольки, которые прежде такъ долго имѣли руководящее вліяніе на управленіе. Молодой Норфолькъ, графъ Соррейскій, придумалъ безнравственный планъ—посредствомъ своей сестры привлечь на свою сторону умирающаго короля, котораго считали, однако, еще способнымъ увлекаться женскими прелестями, и расположить его въ пользу строгихъ католиковъ; но этотъ планъ рушился уже вслѣдствіе отказа его сестры играть подобную роль. Честолюбивыя выходки, которыя онъ позволялъ себѣ, дали совершенно противоположный результатъ: онъ самъ былъ казненъ, а его отецъ заключенъ въ тюрьму, и человѣкъ, который очень много могъ бы сдѣлать для католическаго направленія, именно епископъ Гардинеръ, былъ вычеркнутъ изъ списка тѣхъ, которые, по смерти короля, должны были составлять тайный совѣтъ. Вскорѣ послѣ этого, въ январѣ 1547 г., Генрихъ скончался. Онъ составилъ тайный совѣтъ изъ людей обоихъ направленій, въ той надеждѣ, какъ кажется, чтобы этимъ способомъ тѣмъ прочнѣе укрѣпить свою систему. Но привычка видѣть сосредоточеніе высшей власти въ рукахъ одной руководящей личности была слишкомъ сильна для того, чтобы эта власть могла долгое время находиться въ рукахъ совѣщательнаго учрежденія. На первыхъ же засѣданіяхъ тайнаго совѣта дядя Эдуарда VI, графъ Гертфордскій, сдѣланъ былъ герцогомъ Сомерсетскимъ и протекторомъ государства. Въ лицѣ его получили перевѣсъ реформаторскія стремленія.

Съ полною силою эти стремленія проявились тотчасъ же при коронаціи, которая была совершена не вполнѣ согласно съ формою, установленною Генрихомъ VIII, такъ какъ эта послѣдняя все-еще слишкомъ тѣсно была связана съ установившимися обычаями; Кранмеръ, въ своей рѣчи, обращенной при этомъ къ молодому королю, самымъ рѣшительнымъ образомъ уклонился отъ всѣхъ идей, соединявшихся до сихъ поръ съ коронованіемъ. Куда дѣвались времена первыхъ Ланкастеровъ, когда помазанію на царство сообщалось особое іерархическое посвященіе тѣмъ, что оно поставлено было въ связь съ Томасомъ Бекетомъ? Теперь святыня Бекета была разрушена. Теперешній ар-

хіепископъ кентерберійскій возвращался къ самымъ далекимъ воспоминаніямъ древнѣйшихъ временъ: онъ приводилъ примѣръ Іоссіи, который также вступилъ на царство малолѣтнимъ и истребилъ идолопоклонство; также точно и Эдуардъ VI долженъ въ конецъ истребить поклоненіе иконамъ, утвердить истинное поклоненіе Богу и освободить страну отъ тиранніи римскаго епископа; не елей дѣлаетъ его помазанникомъ Божіимъ, но даруемая ему свыше власть, въ силу которой онъ есть въ своемъ царствѣ намѣстникъ Бога. Его обязанности относительно церкви превращаются въ религіозную обязанность, которая требуетъ отъ него и въ то же время даетъ ему право вмѣсто поддержанія существующихъ отношеній приступить къ реформаціи церкви.

Существенный вопросъ состоялъ теперь въ томъ, какимъ образомъ начать перемѣну, путемъ, согласнымъ съ государственными законами, и до какой степени можно было отстоять при этомъ конституцію страны относительно европейскихъ государствъ. На основаніи супремата и примѣра Генриха VIII, дѣло начали съ того, что приняли рѣшеніе разослать по государству коммисіи, чтобы онѣ снова возбудили ослабѣвшія протестантскія симпатіи. При этомъ вспомнили о распоряженіяхъ, изданныхъ прежде Томасомъ Кромвелемъ, и представили дѣло такимъ образомъ, какъ будто эти распоряженія не были уничтожены тѣмъ, что случилось съ тѣхъ поръ, а только не примѣнялись къ дѣлу вслѣдствіе небрежности и духа партій. Приказано было разслѣдовать, дѣйствительно ли, какъ повелѣвалось этими распоряженіями, епископы проповѣдуютъ противъ узурпаціи папы, а священники учатъ паству считать добрыми дѣлами не соблюденіе внѣшнихъ обрядовъ, но исполненіе нравственныхъ обязанностей и стараются объ уменьшеніи праздничныхъ дней и странствованій па богомолья. Но прежде всего слѣдовало устранить суевѣрное почитаніе иконъ; затѣмъ, учить юношество главнымъ основаніямъ вѣры на англійскомъ языкѣ, каждое воскресенье прочитывать главу изъ библіи и для истолкованія ея пользоваться парафразомъ Эразма. Вмѣсто проповѣдей должны произноситься бесѣды, которыя были бы распубликованы съ дозволенія архіепископской и королевской власти. Это послѣднее распоряженіе также основывалось на словахъ Генриха VIII. Архіепископъ Кранмеръ, сочинившій ихъ, держался въ нихъ двухъ принциповъ, которые служили для него исходнымъ пунктомъ уже въ 1536 г. и изъ которыхъ одинъ состоялъ въ томъ, что священное писаніе содержитъ въ себѣ все, что необходимо знать человѣку, а другой — въ томъ, что прощеніе грѣховъ зависитъ исключительно только отъ заслугъ Искупителя и вѣры въ него. Также было приложено стараніе и къ тому, чтобы искоренить изъ умовъ понятія объ обязательной силѣ преданій и іерархическіе взгляды о спасительности внѣшнихъ добрыхъ дѣлъ. Цѣлямъ архіепископа содѣйствовали краснорѣчивые и усердные проповѣдники, каковы, напр., Матью Паркеръ, Джонъ Ноксъ, Гуфъ Латимеръ, въ особенности послѣдній, который былъ выпущенъ изъ Тоуэра хотя съ разстроеннымъ здоровьемъ, но съ неослабленною умственною силой. То обстоятельство, что онъ отстаивалъ свое ученіе даже во времена преслѣдованія, его убѣдительность и его почтеный возрастъ удвоивали дѣйствіе его проповѣдей.

Но о положительной реформѣ не могло быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока сохраняли силу шесть статей съ ихъ строгими наказаніями. Въ парламентѣ, избранномъ подъ вліяніемъ новаго правительства, не нужно было продолжительныхъ преній, чтобы достигнуть отмѣны этихъ статей. Протекторъ увѣрялъ, что его просили объ этомъ самымъ настоятельнымъ образомъ, ибо всякій чувствовалъ стѣсненіе отъ этихъ статей.

Теперь проложило себѣ дорогу одно изъ тѣхъ популярныхъ мнѣній, которыя въ большихъ собраніяхъ нерѣдко производятъ большее дѣйствіе, чѣмъ длинныя доказательства, именно убѣжденіе, что сродство между ученіемъ и авторитетомъ слишкомъ сильно для того, чтобы можно было отдѣлиться отъ Рима, не уклоняясь отъ его ученія; нужно вести разрывъ дальше, чтобы онъ былъ проченъ, и отказаться также и отъ іерархическаго ученія. И такимъ-то образомъ, по единодушному рѣшенію конвокаціи, утвержденному парламентомъ, было принято нововведеніе, характеризующее всѣ церковныя формы, наиболѣе уклоняющіяся отъ римской, именно причащеніе подъ обоими видами.

Собственно изъ этого возникло въ Англіи преобразованіе всего богослуженія. Къ слѣдующей же пасхѣ (1548 г.) была составлена новая форма для таинства причащенія на англійскомъ языкѣ. Къ ней была прибавлена, по желанію, выраженному молодымъ королемъ, новая, обнимавшая домашнія и церковныя службы, литургія, въ которую включена была исправленная литанія Генриха VIII, всеобщій молитвенникъ. При этомъ вездѣ держались прежде существовавшихъ правилъ, но вездѣ и уклонялись отъ нихъ. Относительно ученія реформаторскія тенденціи взяли перевѣсъ, и теперь было устранено одно изъ самыхъ любимыхъ положеній, которое постановляло необходимость устной исповѣди: было предоставлено собственному усмотрѣнію каждаго дѣлать устную исповѣдь, или не дѣлать ея. Иногда старались снова вводить то, что въ послѣднее время вышло изъ употребленія, и возвращались къ англійскимъ обычаямъ. Всеобщій молитвенникъ есть настоящій памятникъ религіознаго чувства этого времени, его учености и утонченности, его осторожности и рѣшительности. Въ парламентѣ 1549 г. онъ былъ принятъ съ восторгомъ: говорили даже, что онъ составленъ по внушенію духа Божія. Вышло распоряженіе, чтобы онъ употреблялся во всѣхъ церквахъ страны и всѣ другія литургіи были уничтожены; онъ питалъ и назидалъ національную религіозность англійскаго народа.

Правительство утверждало, что оно во всемъ осуществляетъ только намѣренія покойнаго короля, обнаруженныя имъ нѣсколько лѣтъ назадъ и потомъ снова заявленныя; соотвѣтственно этому Сомерсетъ рѣшился привести въ исполненіе еще другое намѣреніе его, имѣвшее связь съ его религіозными намѣреніями.

Въ 1542 г. Генрихъ VIII условился съ нѣкоторыми могущественными магнатами Шотландіи насчетъ того, чтобы преобразовать церковь и въ этой странѣ прервать всякія сношенія съ Франціей и, если можно, перевезти молодую королеву въ Англію, чтобы здѣсь выдать ее замужъ за его сына Эдуарда VI. Намѣреніе это не осуществилось вслѣдствіе различныхъ препятствій, но идея соединить Англію и Шотландію въ одно большое протестантское государство была этимъ пущена въ свѣтъ и не могла быть устранена. Честолюбивая мысль осуществить ее наполняла душу Сомерсета. Еще лѣтомъ 1547 г., принимаясь за оружіе, онъ надѣялся заставить признать древнюю верховную власть Англіи надъ Шотландіей, приготовить посредствомъ брачнаго союза будущее соединеніе двухъ странъ и уничтожить партію, которая противодѣйствовала вторженію протестантизма. Онъ мечталъ слить эти два народа въ одинъ посредствомъ династическаго и конфессіональнаго союза. И опекаемый имъ король смотрѣлъ на дѣло, главнымъ образомъ, съ религіозной точки зрѣнія. «Они сражаются за папу, писалъ Эдуардъ VI протектору, находившемуся въ походѣ, мы же сражаемся за дѣло Божіе, и нѣтъ сомнѣнія, что мы побѣдимъ».

Углубившись уже далеко въ страну, онъ предлагалъ шотландцамъ миръ и

свое отступленіе съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы Марія вступила въ бракъ съ Эдуардомъ VI. Но господствующая партія даже не объявила обоихъ предложеній. Дѣло дошло до сраженія при Пинки, въ которомъ Сомерсетъ одержалъ блестящую побѣду. Эта побѣда не мало содѣйствовала утвержденію его славы въ Европѣ: даже въ Шотландіи нѣкоторые пограничные округи принесли присягу на вѣрность королю Эдуарду. Но вообще это возбудило тѣмъ большія антипатіи шотландцевъ къ англичанамъ; они не хотѣли и слышать о сватовствѣ, которое предлагается съ оружіемъ въ рукахъ: молодая королева, спустя нѣсколько времени, была увезена во Францію, чтобы вступить въ бракъ съ дофиномъ. Католическіе интересы еще разъ одержали перевѣсъ надъ англійскими и протестантскими.

Да и въ самой Англіи намѣренія и предпріятія Сомерсета не могли не встрѣтить сопротивленія. Въ ней еще сохранились всѣ тѣ элементы, которые нѣкогда сопротивлялись съ такою силою королю Генриху. Когда серьозно было приступлено къ нововведеніямъ внутри, лѣтомъ 1549 г., то возстаніе еще разъ запылало полнымъ пламенемъ.

Въ Корнваллисѣ, при снятіи одного образа, возникло волненіе, при которомъ одинъ священникъ убилъ королевскаго коммисара. Безпокойства распространились на Девонширъ, гдѣ священниковъ заставляли служить обѣдни по старому обряду, и затѣмъ процессіи отправлялись въ поле съ св. дарами, съ крестами и свѣчами. Когда толпы становились довольно многочисленными, чтобы отважиться на открытую демонстрацію, то они прежде всего требовали— кто бы могъ этому повѣрить?—возобновленія шести статей и возстановленія латинской обѣдни, прежняго совершенія таинствъ и возвращенія иконъ. Но и они, однако, не заходили такъ далеко, чтобы требовать возстановленія авторитета римскаго престола, какъ бунтовщики при Генрихѣ VIII; но они вообще настаивали на признаніи вселенскихъ соборовъ и древнихъ церковныхъ положеній вообще. Отнятыя церковныя имущества должны быть возвращены, по крайней мѣрѣ, на половину; въ каждомъ графствѣ должно существовать, по крайней мѣрѣ, два аббатства. Но особенный характеръ сообщило этому движенію еще другое обстоятельство. Отчужденіе общинныхъ земель для превращенія ихъ въ луга, на что постоянно жаловались крестьяне, продолжалось попрежнему, и, кромѣ того, дворянство, въ сильной степени пользовавшееся плодами секуляризаціи, распространялось по вновь пріобрѣтеннымъ помѣстьямъ. Такимъ образомъ, съ тенденціями церковнаго возстановленія, какъ нѣкогда съ идеями совершенно другаго рода, соединилось теперь движеніе крестьянъ противъ дворянства. Востокъ и западъ возстали одновременно по различнымъ мотивамъ. Одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ предводителей возстанія, по имени Кетъ, ремесломъ кожевникъ, поселился на холмѣ близъ Норвича подъ дубомъ, который онъ назвалъ дубомъ реформы; ежедневно онъ приказывалъ совершать здѣсь обѣдню по старому обряду, но въ то же время онъ думалъ и о преобразованіи государства въ народномъ смыслѣ. Возникли самыя фантастическія ожиданія. Вездѣ находило себѣ вѣру пророчество, по которому король и дворянство будутъ истреблены, а новое правительство составятъ четыре губернатора, избранные общинами. И горе тому, кто станетъ отговаривать крестьянъ отъ ихъ намѣренія. Противъ одного проповѣдника, который пытался это сдѣлать, они навели уже свои луки, и онъ едва спасся. Сопротивляться регулярной силѣ государства они въ этотъ разъ были еще менѣе способны, чѣмъ при Генрихѣ VIII. Въ Девонширѣ они были побѣждены лордомъ Росселемъ, родоначальникомъ герцоговъ Бедфордскихъ, а въ Норфолькѣ, гдѣ они имѣли наи-

большую силу, Джономъ Дудлеемъ графомъ Варвикомъ. Подъ знаменами ихъ мы находимъ также и нѣмецкія войска, которыхъ не коснулись національныя симпатіи и которыя преслѣдовали въ бунтовщикахъ только враговъ протестантизма. Правительство одержало полную побѣду.

Мятежное движеніе было подавлено; однако оно снова произвело потрясающее дѣйствіе на внутреннія дѣла, которое на этотъ разъ коснулось и самого главы государства.

Между англійскими государственными людьми не было ни одного, который бы столь живо былъ проникнутъ идеей монархической власти, какъ протекторъ Сомерсетъ. Онъ исходилъ изъ того мнѣнія, что въ рукахъ помазаннаго короля соединяется религіозный и политическій авторитетъ въ силу его божественныхъ правъ. Сохранилась молитва, съ которою онъ ежедневно обращался къ Богу: она проникнута сознаніемъ того, что ему, намѣстнику и опекуну короля, вмѣстѣ съ руководствомъ его поручено и управленіе всѣми дѣлами. Такъ смотрѣлъ на это и самъ молодой король. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ благодаритъ протектора за то, что послѣдній принялъ на себя это призваніе и старается обезпечить за государствомъ его права, просвѣтить страну познаніемъ истинной религіи и привести шотландцевъ къ повиновенію. Сомерсетъ не думалъ стѣснять себя тайнымъ совѣтомъ, такъ какъ отвѣтственность за государственное управленіе лежала на немъ, а не на комъ другомъ. Онъ считалъ своимъ правомъ удалять, по своему усмотрѣнію, членовъ его, оказывавшихъ сопротивленіе ему. Протекторъ взялъ исключительно въ свои руки всѣ внѣшнія и внутреннія дѣла. Никого не спрашивая, онъ замѣщалъ министерскія и гражданскія должности и одинъ давалъ аудіенціи иностраннымъ посланникамъ. Въ своемъ домѣ онъ устроилъ палату прошеній, которая не мало вмѣшивалась въ дѣла канцелярій. Памятникомъ его могущества былъ дворецъ на Стрэндѣ, и до сихъ поръ носящій его имя; не только дома и сады, но и церковныя зданія, занимавшія это мѣсто, или нужныя ему какъ строительный матеріалъ, были снесены съ безцеремоннымъ самовластіемъ. Съ этимъ домомъ навсегда соединилось великое воспоминаніе, ибо Сомерсетъ своимъ личнымъ усердіемъ проложилъ свободную дорогу протестантскому направленію, которое возникло при Генрихѣ VIII, но потомъ было стѣснено, и придалъ англійскому правленію протестантскій характеръ. Онъ поставилъ въ связь съ этимъ не только присоединеніе Шотландіи къ Англіи, но еще другую, для самой Англія чрезвычайно важную мысль. Онъ хотѣлъ освободить религіозную реформу отъ антипатій простаго народа, обнаружившихся въ то время. Во время упомянутыхъ смутъ онъ открыто сталъ на сторону требованій общинъ: онъ былъ противъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія и говорилъ, что этихъ людей за ихъ возстаніе не нужно притѣснять до такой степени, чтобы имъ оставалось выбирать только между голодной смертью и бунтомъ. Казалось, какъ будто онъ желаетъ посредствомъ своего вліянія провести въ слѣдующемъ парламентѣ законодательную мѣру въ пользу общинъ.

Но этимъ онъ неизбѣжно возбуждалъ неудовольствіе въ аристократіи. Его обвиняли въ томъ, что своими прокламаціями, издаваемыми вопреки тайному совѣту, онъ самъ подалъ поводъ къ безпокойствамъ и не только ничего не сдѣлалъ для ихъ подавленія, но, напротивъ, поддерживалъ мятежниковъ и принялъ ихъ подъ свою защиту. Безъ сомнѣнія, это было причиною, почему походъ противъ бунтовщиковъ въ Норфолькѣ былъ порученъ не ему, какъ онъ этого желалъ, но, по нѣкоторомъ колебаніи, знатнѣйшему изъ его соперниковъ, Джону Дудлею графу Варвику. Побѣда, одержанная послѣднимъ при жи-

вомъ участіи дворянства, которое защищало свое собственное дѣло, была пораженіемъ для Сомерсета. Даже тѣ, которые не вѣрили его личному участію въ движеніяхъ, упрекали его, однако, за то, что онъ дозволилъ ароду предписывать условія ему и его правительству: простой народъ хочетъ быть королемъ. Финансовыя затрудненія, возникшія вслѣдствіе измѣненія монеты, несчастный исходъ войны противъ Франціи также помогли тому, что его противники получили перевѣсъ въ тайномъ совѣтѣ. Сомерсетъ однажды принялъ намѣреніе взволновать народъ въ свою пользу: онъ собралъ въ Гемптонкортѣ многочисленныя толпы народа, чтобы поднять ихъ въ защиту короля, при которомъ будто бы хотѣли учредить регентство. Но этотъ предлогъ былъ мало основателенъ, такъ какъ его соперники только его самого не желали имѣть во главѣ правленія: послѣ нѣкотораго колебанія, къ какой бы сторонѣ ему примкнуть, онъ долженъ былъ покориться. Ему однако удалось на этотъ разъ спасти свою жизнь: спустя нѣсколько времени, онъ вышелъ изъ тюрьмы и снова вступилъ въ тайный совѣтъ; затѣмъ онъ еще разъ сдѣлалъ попытку съ помощью народа снова захватить высшую власть и тѣмъ навлекъ на себя исполненіе страшнаго приговора своей судьбы. Народъ, который видѣлъ въ немъ своего вождя, во время его казни показалъ громкое и сердечное участіе къ нему.

При первомъ паденіи Сомерсета говорили, что Карлъ V содѣйствовалъ этому паденію, и это было бы весьма понятно, потому что для этого государя ничего не могло быть непріятнѣе, какъ видѣть укрѣпленіе въ Англіи протестантизма, противъ котораго онъ боролся въ Германіи: несомнѣнно, что при дворѣ въ Брюсселѣ съ радостью привѣтствовали государственную перемѣну въ Англіи.

Въ первое время новое правительство заняло враждебное положеніе относительно Франціи; но вскорѣ потомъ графъ Варвикъ, ставшій теперь во главѣ управленія съ титуломъ герцога Нортумберландскаго, долженъ былъ заключить миръ съ этой державой, по которому онъ отказался отъ Булони и предоставилъ Шотландію французскому вліянію. Одна статья мирнаго договора содержала въ себѣ косвенный отказъ отъ задуманной женитьбы англійскаго короля на шотландской королевѣ.

Къ моментамъ, которые опредѣляли всемірно-историческое движеніе, принадлежитъ вообще личное настроеніе этого государя, какъ ни молодъ онъ былъ еще. Сомерсетъ держалъ его довольно строго; но герцогъ Нортумберландскій далъ ему большую свободу, позволилъ ему распоряжаться его собственной кассой и любилъ, когда онъ дѣлалъ подарки и велъ себя по-королевски; онъ заботился о томъ, чтобы ему оказывалось безпрекословное повиновеніе. До сихъ поръ Эдуардъ почти исключительно занимался ученіемъ; а теперь слѣдовали рыцарскія упражненія, къ которымъ у него также были способности: онъ хорошо ѣздилъ верхомъ, натягивалъ лукъ и владѣлъ копьемъ такъ же хорошо, какъ всякій другой молодой человѣкъ его возраста. Но при этомъ не забывалось и ученіе. Эдуардъ VI имѣлъ необыкновенныя для своего возраста и разностороннія познанія; кромѣ того, оставшіяся послѣ него письменныя упражненія доказываютъ рѣдкое умственное образованіе. То, напр., что онъ писалъ объ его отношеніяхъ къ его дядямъ, обоимъ Сеймурамъ, свидѣтельствуетъ о вѣрномъ, можно даже сказать, чистомъ пониманіи этихъ отношеній и доказываетъ необыкновенную сообразительность. Но занятія ученіемъ и религія совмѣщались для него другъ съ другомъ: онъ болѣе и болѣе становился протестантомъ; все его честолюбіе стремилось къ тому, чтобы по своему положенію и по своей силѣ стать во главѣ протестантскаго міра. Герцогъ не могъ бы осмѣлиться противодѣйствовать теченію реформы.

Въ бѣдственные дни, послѣ пораженій въ Шмалькальденской войнѣ, Англія считалась убѣжищемъ евангелія: въ ней съ радостью принимали бѣжавшихъ ученыхъ, содѣйствіе которыхъ было весьма желательно въ борьбѣ противъ все-еще очень сильнаго католичества. Во дворцѣ Кранмера, въ Ламбесѣ, собирались итальянцы, французы, поляки, швейцарцы, нѣмцы верхней и нижней Германіи; государственный секретарь Вильямъ Сесиль, образовавшійся на службѣ у протектора и, по его паденіи, удержавшій свое мѣсто, доставилъ имъ поддержку короля. Мартинъ Буцеръ и Павелъ Фагіусъ получили мѣста въ Кембриджѣ, а Петръ Мартиръ въ Оксфордѣ; здѣсь на большомъ диспутѣ онъ побѣдоносно защитилъ кальвинистское ученіе о евхаристіи. Въ прежнихъ мѣстахъ католическаго богослуженія, Кентербери и Гластонбери, были валлонскія и французскія церкви; Іоганнъ-а-Ласко проповѣдывалъ въ августинской церкви въ Лондонѣ. Съ неменьшей энергіей, чѣмъ эти иностранцы, и туземцы, возвратившіеся изъ ссылки, боролись за воззрѣнія, господствующія на континентѣ. Среди этихъ вліяній нельзя уже было, согласно съ намѣреніемъ, принятымъ въ 1536 г., остановиться на ученіи въ томъ видѣ, какъ оно было развито павшею теперь виттенбергскою школою. Разница выступаетъ очень рѣзко, если сравнить всеобщій молитвенникъ 1549 г. съ исправленнымъ изданіемъ его 1552 г. И въ Англіи первоначально твердо держались ученія о дѣйствительномъ присутствіи тѣла Христа въ евхаристіи: Кранмеръ въ своемъ катехизисѣ формально высказался за него; въ формулѣ первой книги, составленной по Амвросію и Григорію, было удержано это же представленіе. Но потомъ въ Англіи убѣдились, что это ученіе въ христіанской древности господствовало не такъ безусловно, какъ это до тѣхъ поръ принималось; по примѣру ученѣйшаго изъ протестантскихъ епископовъ, Ридлея, многіе отказались отъ ученія о дѣйствительномъ присутствіи; въ новомъ всеобщемъ молитвенникѣ было даже вставлено полемическое замѣчаніе противъ него. Сначала по собственному побужденію, а потомъ и съ одобренія тайнаго совѣта протестантски-настроенные епископы вынесли изъ церквей престолы и на мѣсто ихъ поставили для совершенія евхаристіи деревянные столы, такъ какъ съ словомъ престолъ въ алтарѣ соединялось понятіе о жертвѣ.

Вопросъ объ отношеніи между государствомъ и церковью, изъ котораго въ Англіи возникло все, иначе и не могъ быть рѣшенъ, какъ совершенно въ пользу свѣтскихъ принциповъ. Конечно, вполнѣ вѣрно, что Кранмеръ держался понятія объ объективномъ значеніи видимой церкви. Когда были измѣнены обряды, при которыхъ католическая церковь сообщала духовное рукоположеніе, то при этомъ только были уничтожены мистическіе обычаи и возстановленъ былъ обрядъ, развившійся въ болѣе раннюю эпоху, особенно въ африканской церкви. Но весьма важнымъ нововведеніемъ было то, что желавшихъ принять рукоположеніе сначала спрашивали, согласно ли ихъ внутреннее призваніе съ волею Искупителя и съ закономъ страны; они должны были признать принципъ, что писаніе содержитъ въ себѣ все, что человѣку необходимо знать, и дать обѣщаніе противиться ученіямъ, несогласнымъ съ писаніемъ. Считалось нужнымъ, и это всегда имѣло большое значеніе, чтобы въ преобразованіяхъ принимали участіе конвокація клира, коммисія изъ духовенства, архіепископъ-примасъ и нѣсколько епископовъ; но рѣшительныя распоряженія исходили отъ парламента, съ которымъ со времени Генриха VIII связана была неразрывно и духовная власть, иногда же отъ одного тайнаго совѣта. Чтобы имѣть норму для ученія, приступлено было къ сочиненію символа вѣры, который и составленъ былъ изъ 42 членовъ. Было желаніе, чтобы Меланхтонъ принялъ въ

этомъ личное участіе; по крайней, мѣрѣ, его работы имѣли большое вліяніе на формулированіе символа. Эти члены принадлежали къ числу тѣхъ исповѣданій, какія въ то время были составлены въ Саксоніи Меланхтономъ, въ Швабіи Бренцомъ для представленія на соборъ. Исповѣданіе имѣло то значеніе, что посредствомъ его Англія вступила въ тѣснѣйшее общеніе съ протестантскимъ континентомъ. Оно было произведеніемъ Кранмера, которому поручили составленіе его король и тайный совѣтъ и который представилъ свой трудъ сначала учителю короля Чеке и государственному секретарю Сесилю, а потомъ и королю. При содѣйствіи нѣсколькихъ каплановъ, ему дана была окончательная форма, и затѣмъ тайный совѣтъ приказалъ утвердить его подписью. Вліяніе правительства на замѣщеніе епископскихъ вакансій стало съ этихъ поръ еще замѣтнѣе; епископовъ держали на мѣстахъ до тѣхъ только поръ, пока они вели себя хорошо, т. е. пока ими были довольны господствовавшія власти. Церковное правосудіе отправлялось не отъ имени епископской власти, но, подобно свѣтскому, отъ имени короля и съ королевской печатью. Когда приступлено было къ пересмотру церковныхъ законовъ, то высшимъ принципомъ принято было правило не допускать въ нихъ ничего, что противорѣчитъ свѣтскимъ законамъ. Пользованіе правомъ вязать и разрѣшать Кранмеръ обусловливалъ дозволеніемъ государя. Противъ этой все увеличивавшейся зависимости возстали нѣкоторые преданные старинѣ епископы; чтобы не быть въ необходимости оспаривать суприматъ, который они признали, они выставляли положеніе, что король не можетъ воспользоваться супрематомъ по своему несовершеннолѣтію; они допускали, чтобы въ малыхъ капеллахъ ихъ каѳедральныхъ церквей служились прежнія обѣдни, не соглашались на замѣну престоловъ и алтарей столами для евхаристіи или поддерживали споры о религіозныхъ ученіяхъ. Правительство съ своей стороны настаивало на проведеніи однообразія. Оно предавало непокорныхъ суду коммисіи, состоявшей изъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, и не задумывалось приговаривать епископовъ къ низложенію—участь, которой подверглись Гардинеръ въ Винчестерѣ, Боннеръ въ Лондонѣ, Дей въ Чичестерѣ, Гитъ въ Ворчестерѣ. Напрасно они возражали, что судъ, которому ихъ подвергали, не имѣлъ каноническаго характера: правительство ссылалось на всеобщія права свѣтской власти, какими пользовались нѣкоторые римскіе императоры. Въ борьбѣ церковныхъ мнѣній протестантски-настроенные прелаты одержали теперь верхъ. Многіе, не желавшіе подчиниться однообразію (нонконформисты), купили терпимость со стороны правительства деньгами или имуществомъ. Въ другихъ мѣстахъ вновь поступавшіе епископы соглашались на пожертвованія, которыя не всегда шли въ пользу короны, но иногда, какъ напр., въ Лихфильдѣ, въ пользу частныхъ лицъ. Уже поднятъ былъ вопросъ, дѣйствительно ли есть существенное различіе между епископами и пресвитерами (священниками): въ Лондонѣ устроена была церковь для иностранцевъ, чтобы она служила для страны достойнымъ подражанія образцомъ чисто-апостольскаго устройства. Правительство, до такой степени овладѣвшее духовенствомъ, проникнуто было явнымъ нерасположеніемъ къ старымъ формамъ церковнаго устройства. Могъ ли кто нибудь предсказать, куда поведетъ все это, если дѣло пойдетъ тѣмъ же путемъ, на какой оно было разъ поставлено.

LVI. ОСОБЕННОСТИ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ И ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КОРОНѢ.

(Изъ соч. Макколея: «Исторія Англіи», ч. I, въ русск. переводѣ изд. Тиблена).

Генрихъ VIII попытался учредить англиканскую церковь, отличную отъ церкви римско-католической въ отношеніи верховности (supremacy), и только въ одномъ этомъ отношеніи. Успѣхъ его въ этой попыткѣ былъ чрезвычайный. Сила его характера, особенно благопріятное положеніе, въ какомъ онъ находился относительно иностранныхъ державъ, несмѣтныя богатства, какія поступили въ его распоряженіе вслѣдствіе ограбленія монастырей, дали ему возможность идти наперекоръ крайнимъ поборникамъ и протестантизма, и католицизма—жечь, какъ еретиковъ, всѣхъ, кто исповѣдывалъ догматы реформаторовъ, и вѣшать, какъ измѣнниковъ, всѣхъ, кто признавалъ авторитетъ папы. Но система Генриха скончалась съ нимъ. Продолжись его жизнь, онъ нашелъ бы труднымъ удержать позицію, на которую съ одинаковымъ бѣшенствомъ нападали всѣ ревностные поборники какъ новыхъ, такъ и старыхъ мнѣній. Министры, пользовавшіеся, вмѣсто его малолѣтняго сына, королевскими прерогативами, не посмѣли упорствовать въ такой отчаянной политикѣ, и сама Елизавета не посмѣла къ ней возвратиться. Необходимо было сдѣлать выборъ. Правительство должно было или подчиниться Риму, или пріобрѣсти помощь протестантовъ. Правительство и протестанты имѣли одно лишь общее между собою — ненависть къ папской власти. Англійскіе реформаторы горѣли желаніемъ ни въ чемъ не отставать отъ своихъ братій на материкѣ. Они единодушно осуждали многіе догматы и обычаи, какъ противохристіанскіе, которыхъ Генрихъ упорно держался и отъ которыхъ Елизавета неохотно отказалась. Многіе чувствовали сильное отвращеніе даже къ неважнымъ вещамъ, составлявшимъ часть внутренняго устройства или внѣшнихъ обрядовъ церкви. Такъ, епископъ Гуперъ, который умеръ въ Глостерѣ за свою религію, долго отказывался носить епископскія ризы. Епископъ Ридли ниспровергъ древніе алтари своей епархіи и приказалъ давать причастіе посреди церквей. Епископъ Понетъ былъ того мнѣнія, чтобы слово епископъ оставить папистамъ, а главныхъ служителей очищенной церкви называть суперъинтендантами. Принимая во вниманіе, что ни одинъ изъ этихъ прелатовъ не принадлежалъ къ крайнему отдѣлу протестантской партіи, нельзя сомнѣваться въ томъ, что, будь общее настроеніе этой партіи доведено до всѣхъ своихъ послѣдствій, дѣло реформы совершилось бы въ Англіи такъ же безпощадно, какъ и въ Шотландіи.

Но какъ правительство нуждалось въ помощи со стороны протестантовъ, такъ и протестанты нуждались въ защитѣ со стороны правительства. Много, поэтому, было уступокъ съ обѣихъ сторонъ; союзъ былъ заключенъ, и плодомъ этого союза была англійская церковь.

До сихъ поръ устройство, ученіе и богослуженіе англійской церкви сохраняютъ видимые знаки соглашенія, изъ котораго она возникла. Она занимаетъ средину между церквами римскою и кальвинскою. Ея учительныя исповѣданія и разсужденія, сочиненныя протестантами, установляютъ

богословскія начала, въ которыхъ Кальвинъ и Ноксъ едва ли нашли бы нужнымъ осудить какое нибудь слово.

Римская церковь утверждала, что епископство было божественнымъ установленіемъ и что извѣстная доля сверхъестественной благодати высокаго разряда перешла, посредствомъ рукоположенія, черезъ пятьдесятъ поколѣній, отъ одиннадцати пріявшихъ порученіе на горѣ Галилейской, къ епископамъ, собиравшимся въ Тридентѣ. Съ другой стороны, огромная масса протестантовъ считала прелатство положительно незаконнымъ и убѣждала самоё себя, что она нашла совершенно иную форму церковнаго правленія, предписанную въ св. писаніи. Основатели англиканской церкви избрали средину. Они удержали епископство, но не объявляли его установленіемъ, существеннымъ для блага христіанскаго общества или для дѣйствительности таинствъ. Кранмеръ въ одномъ важномъ случаѣ открыто выразилъ свое убѣжденіе, что въ первоначальныя времена не было никакого различія между епископами и священниками и что рукоположеніе было совершенно лишнимъ.

У пресвитеріанъ отправленіе общественнаго богослуженія въ значительной степени предоставлено священнослужителю. Поэтому ихъ молитвы не совершенно одинаковы въ двухъ различныхъ собраніяхъ одного и того же дня, или въ два разные дня въ одномъ и томъ же собраніи. Въ одномъ приходѣ онѣ горячи, краснорѣчивы, исполнены смысла; въ слѣдующемъ приходѣ онѣ могутъ быть вялы или нелѣпы. Священники римско-католической церкви, напротивъ, въ теченіе многихъ поколѣній ежедневно пѣли одни и тѣ же древніе псалмы покаянія, литаніи и благодарственныя молитвы въ Индіи и Литвѣ, въ Ирландіи и Перу. Ихъ богослуженіе, совершаемое на мертвомъ языкѣ, понятно только ученымъ; значительное же большинство прихожанъ, можно сказать, присутствуетъ скорѣе въ качествѣ зрителей, нежели въ качествѣ слушателей. Здѣсь опять англійская церковь избрала средину. Она заимствовала римско-католическіе образцы молитвъ, но перевела ихъ на общенародный языкъ и предложила безграмотной толпѣ присоединить свой голосъ къ голосу священнослужителя.

Въ каждой части ея системы можно прослѣдить ту же самую политику. Она требовала, къ омерзѣнію пуританъ, чтобы чада ея принимали памятные знаки божественной любви, употребляемые при таинствѣ евхаристіи, смиренно преклоняя колѣни. Отвергнувъ многія богатыя ризы, окружавшія алтари древней вѣры, она, однако, къ ужасу слабыхъ умовъ, удержала бѣлое полотняное облаченіе, эмблему чистоты, принадлежавшей ей, какъ таинственной невѣстѣ Христа. Отвергнувъ тьму пантомимныхъ жестовъ, которые въ римско-католическомъ богослуженіи замѣняютъ собою понятныя слова, она, однако, приводила многихъ суровыхъ протестантовъ въ соблазнъ, осѣняя только-что воспринятаго отъ купели младенца знаменіемъ креста. Англійская церковь, не признавая святыхъ, назначила, однако, особенные дни для поминовенія нѣкоторыхъ великихъ подвижниковъ и мучениковъ вѣры. Она удержала мѵропомазаніе и рукоположеніе, какъ назидательные обряды, но перестала считать ихъ таинствами. Исповѣдь не входила въ ея систему. Тѣмъ не менѣе, англиканская церковь кротко предлагала умирающему покаяннику исповѣдать свои прегрѣшенія священнику и уполномочивала своихъ служителей утѣшать отходящую душу прощеніемъ грѣховъ, отъ котораго такъ и вѣетъ

духомъ древней религіи. Вообще можно сказать, что она обращается къ уму и менѣе къ чувствамъ и воображенію, нежели римская церковь, и менѣе къ уму, но болѣе къ чувствамъ и воображенію, нежели протестантскія церкви Шотландіи, Франціи и Швейцаріи.

Ничто, однако, не отличало такъ рѣзко англійскую церковь отъ прочихъ церквей, какъ отношеніе, въ которомъ она находилась къ монархіи. Король былъ ея главою. Предѣлы власти, которою онъ обладалъ, какъ глава церкви, не были обозначены и дѣйствительно никогда еще не обозначались съ точностью. Законы, провозгласившіе его верховнымъ владыкою въ дѣлахъ церковныхъ, были начертаны грубо и въ общихъ выраженіяхъ. Если мы, для опредѣленія смысла этихъ законовъ, изслѣдуемъ книги и жизнь тѣхъ, которые основали англійскую церковь,—наше затрудненіе еще болѣе увеличится. Основатели англійской церкви писали и дѣйствовали въ вѣкъ сильнаго умственнаго броженія и постояннаго дѣйствія и противодѣйствія. Они поэтому часто противорѣчили другъ другу, а иногда противорѣчили и самимъ себѣ. Всѣ они единогласно утверждали, что король послѣ Христа былъ единственнымъ главою церкви; но эти слова въ различныхъ устахъ и даже въ однихъ и тѣхъ же устахъ при различныхъ обстоятельствахъ имѣли весьма различныя значенія. Иногда государю приписывалась власть, которая удовлетворила бы Гильдебранда; иногда же она умалялась дотого, что становилась немногимъ болѣе той власти, какую присвоивали себѣ многіе древніе англійскіе государи, находившіеся въ постоянномъ общеніи съ римскою церковью. То, что Генрихъ и его любимые совѣтники разумѣли одно время подъ верховностью, было, конечно, не менѣе, чѣмъ полное могущество ключей. Король долженствовалъ быть папою своего королевства, намѣстникомъ Бога, истолкователемъ каѳолической истины, каналомъ таинственной благодати. Онъ присвоилъ себѣ право рѣшать догматически, что̀ было правовѣрнымъ ученіемъ и что̀ было ересью, начертывать и предписывать исповѣданія вѣры и давать религіозныя наставленія своему народу. Онъ провозглашалъ, что вся юрисдикція, какъ духовная, такъ и свѣтская, исходитъ отъ него одного, и что въ его власти жаловать и отнимать епископскій санъ. И дѣйствительно, онъ повелѣлъ прилагать свою печать къ патентамъ о назначеніи епископовъ, которые должны были отправлять свои обязанности въ качествѣ его уполномоченныхъ и пока на то была его добрая воля. По этой системѣ, какъ изложилъ ее Кранмеръ, король былъ не только свѣтскимъ, но и духовнымъ главою націи. Въ томъ и другомъ качествѣ его высочество нуждался въ намѣстникахъ. Какъ назначалъ онъ гражданскихъ чиновниковъ хранить его печать, собирать его доходы и отправлять его именемъ правосудіе, такъ назначалъ онъ духовныхъ различныхъ степеней проповѣдывать евангеліе и совершать таинства. Въ рукоположеніи не было надобности. Король—таково было мнѣніе Кранмера, выраженное самыми ясными словами—могъ, въ силу власти, полученной отъ Бога, назначить священника; а священникъ, такимъ образомъ назначенный, не нуждался ни въ какомъ посвященіи.

Эти заносчивыя притязанія приводили въ соблазнъ какъ протестантовъ, такъ и католиковъ. Соблазнъ еще болѣе увеличился, когда верховность, отъ которой Марія отказалась въ пользу папы, вновь сдѣлалась принадлежностью короны по восшествіи на престолъ Елизаветы. Чудо-

вищнымъ казалось, чтобы женщина была первосвятителемъ церкви, въ которой апостолъ запретилъ даже звуки женскаго голоса. Королева, поэтому, нашла необходимымъ положительно отказаться отъ того священническаго значенія, которое присвоилъ себѣ ея отецъ и которое, по Кранмеру, было неразрывно связано божественнымъ опредѣленіемъ съ королевскимъ саномъ. При пересмотрѣ въ ея царствованіе англійскаго исповѣданія вѣры, верховность была истолкована нѣсколько иначе противу того, какъ она обыкновенно толковалась при дворѣ Генриха. Кранмеръ выразительно объявилъ, что Богъ непосредственно возложилъ на христіанскихъ государей полное попеченіе о всѣхъ ихъ подданныхъ, не только въ томъ, что касается управленія политическими дѣлами, но и въ томъ, что касается отправленія слова Божія для спасенія душъ. Тридцать седьмая статья вѣры, составленная при Елизаветѣ, такъ же выразительно объявляетъ, что отправленіе слова Божія не принадлежитъ государямъ. Королева, впрочемъ, все-еще имѣла надъ церковью наблюдательную власть обширнаго и неопредѣленнаго размѣра. Парламентъ ввѣрилъ ей обязанность пресѣкать и наказывать ересь и всякаго рода церковныя злоупотребленія и дозволилъ ей передавать отъ себя эту власть коммисарамъ. Единственно королевскою властью назначались прелаты. Единственно королевскою властью созывались, регулировались, отсрочивались и распускались конвокаціи. Безъ королевской санкціи каноны не имѣли силы. Одна изъ статей англиканской вѣры гласила, что безъ королевскаго согласія никакой церковный соборъ не могъ законно собраться. Изъ всѣхъ ея судилищъ дѣла переходили на аппеляцію, въ послѣдней инстанціи, къ государю, даже когда вопросъ заключался въ томъ, должно ли было такое-то мнѣніе считать еретическимъ, или дѣйствительно ли было совершеніе такого-то таинства. Церковь, впрочемъ, не завидовала этой обширной власти англійскихъ государей. Они вызвали ее къ бытію, лелѣяли ея слабое дѣтство, охраняли ее отъ папистовъ съ одной и отъ пуританъ съ другой стороны. Такимъ образомъ, благодарность, надежда, страхъ, общія симпатіи и общія антипатіи привязывали церковь къ престолу. Всѣ ея преданности, всѣ ея склонности были монархическія. Вѣрность государю сдѣлалась пунктомъ сословной чести между ея духовенствомъ, особеннымъ признакомъ, отличавшимъ его заразъ и отъ кальвинистовъ, и отъ папистовъ. И кальвинисты, и паписты, какъ рѣзко ни различались они въ другихъ отношеніяхъ, съ крайнею ревностью смотрѣли на всѣ вторженія свѣтской власти въ область власти духовной.

Англійская церковь, между тѣмъ, осуждала и кальвинистовъ, и папистовъ и громко хвалилась, что ни одна обязанность не была такъ постоянно и ревностно внушаема ею, какъ обязанность повиновенія государямъ.

LVII. МАРІЯ ТЮДОРЪ.

(Изъ соч. Мауренбрехера: «England im Reformationszeitalter»).

Марія, дочь Катерины испанской, раздѣляла пламенную приверженность своей матери къ католицизму; она была воспитана въ ненависти къ новой религіи; обладая твердымъ, непреклоннымъ характеромъ, во-

одушевленная однимъ лишь испанскимъ фанатизмомъ, не отступавшимъ ни предъ чѣмъ, она не знала, что такое снисходительность, уступчивость. Въ завѣщаніи Генриха VIII она была назначена ближайшей наслѣдницей послѣ своего младшаго брата: такимъ образомъ она разсчитывала еще когда нибудь наслѣдовать корону Эдуарда VI.

Въ то время она подавала всѣмъ недовольнымъ въ странѣ мужественный примѣръ—не подчиняться церковнымъ распоряженіямъ правительства: она объявила, что не можетъ оставить католической мессы, она публично и рѣшительно отклонила предложеніе присутствовать при англиканско-протестантскомъ богослуженіи; а когда государственный совѣтъ хотѣлъ принудить ее къ подчиненію своимъ распоряженіямъ, въ пользу ея вмѣшалась императорская политика. Въ концѣ концовъ Марія все-таки настояла на своемъ.

Положеніе дѣлъ въ Англіи все болѣе и болѣе становилось неопредѣленнымъ, шаткимъ. Авторитетъ стойкой, энергической принцессы постоянно возрасталъ въ глазахъ массы; приверженность Маріи къ испанской политикѣ не подлежала сомнѣнію; государственные дѣятели, принадлежавшіе къ протестантской партіи, опасались возстанія католическаго большинства съ цѣлью возвести на тронъ Марію, что снова угрожало рѣзкимъ переворотомъ въ государственномъ управленіи. Такой исходъ все болѣе и болѣе казался вѣроятнымъ.

Король Эдуардъ не имѣлъ почти никакого вліянія на ходъ государственнаго управленія. Этотъ юный правитель получилъ самое тщательное воспитаніе; онъ занимался серьозными науками, преимущественно же основательно былъ знакомъ съ св. писаніемъ; такимъ образомъ онъ сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ строго-реформатскихъ воззрѣній на жизнь. Съ особеннымъ интересомъ изучалъ онъ преимущественно чисто-протестантскія поучительныя сочиненія. Пріученный къ порядку и дисциплинѣ ума, онъ имѣлъ обыкновеніе вносить свои мысли, свои наблюденія, свои чувства въ тщательно-веденный дневникъ, который свидѣтельствуетъ намъ о ранней развитости христіански-благочестиваго юноши. Въ немъ, такъ сказать, жилъ, проникалъ все его существо духъ Сомерсета, его идеи, и несомнѣнно, что, проживи онъ долго, міръ увидалъ бы въ немъ одного изъ великодушныхъ, благородныхъ и проникнутыхъ протестантскими идеями королей Англіи.

Но Эдуардъ, подростая, становился болѣе и болѣе болѣзненнымъ; скоро мысль о его недолговѣчности распространилась по всей Англіи. Ясно было также, что если по смерти Эдуарда вступитъ на престолъ,—согласно завѣщанію Генриха VIII,—старшая сестра его, то все, сдѣланное въ послѣдніе годы, тотчасъ же будетъ уничтожено. Поэтому глава протестантской правительственной партіи задумалъ новый законъ о престолонаслѣдіи, и, въ самомъ дѣлѣ, если Генрихъ разъ по своему произволу установилъ порядокъ престолонаслѣдія, то почему бы его преемникъ не могъ измѣнить этого порядка? Кромѣ Маріи, была еще Елизавета, 19-ти-лѣтняя дочь Анны Болейнъ; были живы также внуки младшей сестры Генриха, которымъ онъ самъ отдавалъ преимущество предъ шотландской линіей.

Нортумберлендъ сталъ подготовлять переворотъ. Онъ привлекъ на свою сторону наиболѣе вліятельныхъ лицъ изъ знати, равнымъ образомъ протестантское духовенство и даже самого нерѣшительнаго Кранмера и

заручился обѣщаніемъ поддержки со стороны французскаго правительства. Нѣкоторое время онъ колебался въ выборѣ орудія для достиженія своихъ цѣлей между Елизаветою и Анною Грей, наконецъ остановился на послѣдней; онъ выдалъ ее замужъ за своего сына и имѣлъ въ виду возвести ее на англійскій престолъ.

Когда весною 1553 года болѣзнь Эдуарда стала принимать болѣе и болѣе опасный характеръ, Нортумберлендъ побудилъ его подписать новый законъ о престолонаслѣдіи: такимъ образомъ, казалось, все было подготовлено къ тому, чтобы протестантская политика правительства, съ Нортумберлендомъ во главѣ, осталась неизмѣнною. Но планъ этотъ разбился объ энергію одной женщины: за режимомъ протестантской партіи сперва должно было послѣдовать ужасное господство католической партіи, прежде чѣмъ англиканская церковь могла сдѣлаться неотъемлемымъ достояніемъ націи.

Пока французы готовились помочь Нортумберленду, пока императоръ Карлъ V собиралъ свои силы, чтобы воспрепятствовать попыткѣ устранить Марію, больной король умеръ (6 іюля 1553 г.). Тотчасъ же Анна Грей была провозглашена англійскою королевою. Но заговорщикамъ не удалось взять въ плѣнъ принцессу Марію: она съумѣла избѣжать плѣна и, нимало не колеблясь, немедленно стала во главѣ своихъ вѣрныхъ сторонниковъ; вопреки всѣмъ предостороженіямъ болѣе осторожныхъ совѣтниковъ, она отважилась открыто выступить противъ заговорщиковъ. Между тѣмъ какъ въ самой Англіи по вопросу о престолонаслѣдіи всѣ еще чувствовали себя въ неловкомъ, неопредѣленномъ положеніи, когда даже самъ императоръ еще медлилъ открыто объявить себя противъ Анны Грей, самонадѣянная и мужественная Марія не теряла ни минуты. Въ странѣ многіе стали на ея сторону; самъ государственный совѣтъ, отчасти не совсѣмъ добровольно согласившійся на новый законъ о престолонаслѣдіи, также перешелъ на сторону Маріи; ея энергія такъ скоро побѣдила мятежниковъ, какъ никто не ожидалъ. Нортумберлендъ и его королева жестоко поплатилась за свою попытку овладѣть престоломъ.

Уже съ первыхъ дней стали ясно обнаруживаться признаки полнѣйшаго переворота, наступающаго въ государственномъ управленіи. Лица, до сихъ поръ стоявшія во главѣ управленія, немедленно и съ ужасомъ удалились отъ дѣлъ управленія страною; иностранные теологи были немедленно изгнаны изъ государства. Власть перешла опять въ руки партіи Гардинера, то есть партіи тайныхъ папистовъ; теперь эта партія уже не имѣла причинъ скрывать своихъ истинныхъ цѣлей и намѣреній и стала энергически стремиться къ ихъ выполненію.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій правительства новой королевы было—отслужить похоронную мессу по ея братѣ по католическому обряду, и хотя королева обѣщала, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, терпимость къ протестантскому настроенію лондонскихъ жителей, но уже на первыхъ порахъ повсюду было возстановлено католическое богослуженіе. Гардинеръ, такъ долго сдерживавшійся, не прилагавшій къ дѣлу своей ревности къ католицизму теперь съ яростію началъ преслѣдовать каждаго священника съ протестантскими воззрѣніями. И когда архіепископъ Кранмеръ рѣшительно выступилъ за дѣло реформаціи, то немедленно былъ засаженъ въ Тоуеръ. Казалось, что всѣ реформы, введенныя при Эдуардѣ VI, были сновидѣніями: такъ быстро онѣ разсѣялись предъ

наступившей бурей реакціи. Какъ ни настоятельно совѣтовалъ императоръ Карлъ,—посланникъ котораго Симонъ Ренардъ, соотечественникъ Гранвеллы, имѣлъ весьма большое вліяніе на королеву,—держаться благоразумнаго, осмотрительнаго, умѣреннаго образа дѣйствій, Маріи и Гардинеру казался погибшимъ каждый лишній день существованія протестантскихъ учрежденій. Чтобы предупредить могущія быть со стороны парламента возраженія и ограничительныя условія, которыя могли бы, при ея преданности католическимъ воззрѣніямъ, — папству, нарушить спокойствіе ея совѣсти, Марія настояла на томъ, чтобы ея коронованіе было совершено до созыва парламента: священное мѵро, присланное для этого случая Гранвеллою, играло въ глазахъ королевы главную роль въ этой церемоніи.

Когда собрались представители страны, то правительство, благодаря своему сильному давленію на избирателей при выборахъ, имѣло уже такую силу, что предложенныя имъ реакціонныя измѣненія въ учрежденіяхъ церкви были приняты значительнымъ большинствомъ. Лишь относительно немногихъ пунктовъ правительство встрѣтило возраженіе и противорѣчіе со стороны парламента.

Теперь уже никто болѣе не хотѣлъ ничего знать о подчиненіи папѣ: католическая догма была по душѣ большинству населенія, но возвратиться къ прежнимъ церковнымъ порядкамъ, въ особенности къ папскому главенству, желали очень и очень немногіе. Равнымъ образомъ былъ нанесенъ чувствительный ударъ католической ревности правительства и тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство желало устранить преслѣдованіе иновѣрцевъ: парламентъ, совершенно въ духѣ перваго манифеста Маріи, постановилъ, что за непосѣщеніе католическаго богослуженія никто не долженъ быть подвергаемъ никакой отвѣтственности.

Но еще болѣе открыто парламентъ выступилъ противъ плановъ королевы въ другомъ вопросѣ, именно въ вопросѣ о ея бракѣ.

Бракъ Маріи казался дѣломъ рѣшеннымъ. Говорили, что она чувствуетъ склонность къ своему двоюродному брату, юному Куртнэ, и англичане были бы особенно довольны этимъ бракомъ; но Марія, нѣсколько дней спустя по вступленіи на престолъ, открыла посланнику Ренарду, что желаетъ избрать себѣ супруга по совѣту Карла и ко благу католической церкви. Нѣкоторое время думали, что она изберетъ брата Куртнэ, кардинала Поля; но императорское правительство, обсудивши этотъ вопросъ, нашло самымъ лучшимъ — предложить ей въ мужья или самого Карла, съ которымъ она уже лѣтъ тридцать тому назадъ была обручена, или сына и наслѣдника Карла, Филиппа испанскаго. Ренарду болѣе и болѣе становилось ясно, что сама Марія склонна избрать именно Филиппа: вскорѣ она, съ внезапно охватившимъ ее энтузіазмомъ, какъ бы по вдохновенію свыше, заявила, что намѣрена выйти замужъ за Филиппа.

Англійскій парламентъ, опасавшійся иностранца и пытавшійся уговорить королеву избрать себѣ мужа между англичанами, долженъ былъ выслушать отъ разгнѣванной Маріи рѣзкое поученіе: «Я выйду замужъ за того человѣка, на котораго мнѣ указываетъ самъ Богъ, — во славу Его св. имени и ко благу Англіи», съ раздраженіемъ возразила она оратору палаты. Воля ея, разъ она на что нибудь рѣшилась, была непоколебима.

Въ декабрѣ 1553 г. послѣдовало оффиціальное предложеніе; вскорѣ

былъ заключенъ брачный договоръ: Марія съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидала назначеннаго ей супруга. Но такое рѣшеніе двора было встрѣчено въ народѣ неблагосклонно, что повело къ внутреннимъ смутамъ въ государствѣ.

Этотъ шагъ королевы Маріи не только нанесъ новый ударъ протестантской партіи, но и далъ ей въ руки средство воспламенять національныя страсти: угрожающая тираннія испанскаго короля изображалась самыми яркими красками; памфлеты противъ испанцевъ ревностно распространялись и читались; наконецъ общее броженіе разразилось опаснымъ возстаніемъ въ Кентѣ. Съ помощью французскихъ денегъ было собрано войско; многіе изъ знати стали на сторонѣ возставшихъ, а другіе остались безучастны къ королевской политикѣ: девизомъ возставшихъ было возведеніе на престолъ 20-ти-лѣтней Елизаветы, на которую все еще смотрѣли, какъ на наслѣдницу престола. И на этотъ разъ возстаніе сокрушилось о мужество и твердость Маріи: она не уступила напору народной толпы, своимъ появленіемъ она наэлектризовала массу — и всѣ виновные въ возстаніи подверглись жестокой карѣ, которой не избѣжалъ никто. Но всѣ рѣшенія были оставлены до прибытія супруга: тогда должно было совершиться возстановленіе папства, тогда должно было начаться подготовляемое уже Гардинеромъ безусловное, строгое преслѣдованіе иновѣрцевъ.

Наконецъ, 20 іюля 1554 г., король Филиппъ съ блестящею свитой высадился въ Соутгамптонѣ. Чрезъ три дня онъ встрѣтился съ своей супругой—и вотъ, казалось, страстное желаніе Маріи наконецъ исполнилось. Теперь реакція впервые, поддерживаемая испанцами, могла съ полною силой разразиться надъ Англіей.

Филиппъ и Марія, соединившіеся для достиженія общей цѣли, именно католической раакціи, представляли своеобразную пару. Небольшаго роста, худощавая и нѣжнаго тѣлосложенія, Марія мало походила по внѣшности на своего статнаго отца: она имѣла живые глаза, съ проницательнымъ, рѣзкимъ, страхъ наводящимъ взглядомъ; говорила она глубокимъ и громкимъ голосомъ, который скорѣе можно было принять за мужской, чѣмъ за женскій. Она умѣла говоритъ на пяти языкахъ, отличалась недюжинными способностями и здравымъ умомъ; она была искусна въ женскихъ рукодѣльяхъ и была любительница музыки. Она имѣла случай неоднократно доказать свое личное мужество; ея нравственная стойкость и рѣшительность возбуждали къ ней общее уваженіе. При этомъ все существо ея было проникнуто самымъ набожнымъ благочестіемъ: она душею и тѣломъ была предана католической церкви. Такъ какъ она была истерическая, нервная женщина, то во всѣхъ поступкахъ ея проявлялась возбужденность, нетерпѣливость, поспѣшность; она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала увидѣть исполненіе своихъ желаній и рѣшеніе своей жизненной задачи. Ея супругъ, бывшій двѣнадцатью годами моложе ея, всегда относился къ ней съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ.

Когда Филиппъ прибылъ въ Англію и сдѣлался супругомъ Маріи, онъ не питалъ особенно горячихъ чувствъ къ послѣдней. На бракъ съ нею онъ рѣшился чисто изъ политическихъ разсчетовъ. И въ данномъ случаѣ онъ, привыкшій всегда придавать должное значеніе политическимъ соображеніямъ, жертвовалъ своею личностью для габсбургской политики

и для блага католической церкви. Тѣмъ не менѣе Филиппъ старался казаться довольнымъ. По крайней мѣрѣ, его спутники много разсказывали о его любезности и искренности по отношенію къ Маріи; они радостно извѣщали императора о возрастающемъ довѣріи между супругами. Вообще были всѣ основанія къ тому, чтобы на этотъ разъ Филиппомъ остались болѣе довольны, чѣмъ въ первую его поѣздку въ Италію и Германію.

Отъ природы неотличавшійся особенною доступностью и любезностью, онъ, видимо, старался по отношенію къ англичанамъ выказывать дружелюбіе и обходительность: еще не совсѣмъ здоровый отъ переѣзда по морю, онъ, въ угоду англичанамъ, выпилъ кружку англійскаго пива; наиболѣе могущественныхъ, вліятельныхъ лордовъ онъ награждалъ богатыми пенсіями, стараясь этимъ путемъ привлечь ихъ на сторону испанской политики; въ Лондонѣ онъ принималъ участіе въ торжественныхъ выѣздахъ и празднествахъ, чтобы пріобрѣсть любовь низшихъ классовъ. При этомъ онъ старался скрывать свое вліяніе на англійское правительство; онъ показывалъ видъ, что совершенно не вмѣшивается въ англійскія дѣла.

Теперь впервые настало удобное время для выполненія плановъ королевы; теперь впервые явилась возможность осуществить сокровеннѣйшія мысли реакціи; теперь впервые можно было съ огнемъ и пытками рѣшительно выступить противъ ненавистныхъ еретиковъ.

Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійское правительство употребляло всѣ свои силы на распространеніе и укрѣпленіе въ народѣ протестантизма, то теперь новое правительство, въ свою очередь, не пренебрегало никакими средствами для распространенія въ Англіи самаго строгаго, фанатическаго, ортодоксальнаго католицизма.

Испанцы, прибывшіе съ Филиппомъ, явились въ этомъ дѣлѣ ревностными и опытными помощниками. Между ними, между прочимъ, находился Педро-де-Сото, доминиканскій монахъ, одинъ изъ первыхъ догматиковъ реставрированнаго католицизма. Бывши прежде духовникомъ Карла V, онъ возбуждалъ императорскую политику къ войнѣ съ германскимъ протестантизмомъ; теперь онъ занялъ каѳедру въ оксфордскомъ университетѣ, чтобы уничтожить ядъ, распространенный тамъ его предшественникомъ Петромъ Мартиромъ. Въ числѣ прибывшихъ съ Филиппомъ находился также Бартоломей Карранца,—тотъ самый Карранца, который нѣкогда просидѣлъ въ тюрьмѣ, по приговору инквизиціи, 17 лѣтъ и такимъ образомъ на себѣ самомъ испыталъ благодѣтельность этого учрежденія, т. е. инквизиціи, которой онъ теперь ревностно служилъ въ Англіи. Всѣ эти личности принялись за свое дѣло съ полною энергіей и путемъ ученія и проповѣди, посредствомъ исповѣди и духовнаго суда старались насадить на англійской почвѣ новое католическое сѣмя.

Равнымъ образомъ и парламентъ, выбранный подъ сильнымъ давленіемъ правительства и при дѣятельномъ личномъ участіи Филиппа, готовъ былъ дѣлать все угодное двору. Онъ согласился на возвращеніе кардинала Поля,—того англичанина, который бѣжалъ изъ Англіи при Генрихѣ VIII и теперь въ Голландіи ожидалъ призыва на родину; онъ согласился возвратиться не иначе, какъ въ качествѣ папскаго легата. Англійское правительство снова покорилось Риму; при этомъ, конечно, имъ было обѣщано, что церковныя имущества, перешедшія въ частныя руки, останутся неприкосновенными, свободными отъ всякаго притязанія

со стороны церкви. Лишь королева, для успокоенія своей совѣсти, возвратила католической церкви свою часть церковныхъ имуществъ, но за это она все-таки не получила отъ Рима никакой особенной благодарности.

Когда кардиналъ Поль возвратился въ Англію, у его ногъ лежало государство, 30 лѣтъ тому назадъ такъ надменно, своевольно отдѣлившееся отъ Рима, а теперь съ раскаяніемъ просящее о помилованіи. Въ силу апостольскаго, т. е. папскаго полномочія, онъ разрѣшилъ англійское правительство и народъ отъ проклятія, которое навлекли на Англію Генрихъ VIII и дворянство, и снова принялъ кающихся грѣшниковъ въ лоно папской церкви.

Чтобы ярче освѣтить это возвращеніе къ православной римской церкви и засвидѣтельствовать его искренность, не замедлили воздвигнуть костры, на которыхъ и стали, во славу Божію, безчеловѣчно сожигать учителей ереси. Мы умалчиваемъ о подробностяхъ этого фанатическаго преслѣдованія: ни одинъ изъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ протестантскихъ теологовъ не избѣжалъ мести «кровавой Маріи»; это было время мученичества для англійскаго протестантизма, — время, когда англійская церковь крестилась, омывшись въ кровавой купѣли.

Но все, что было достигнуто такимъ путемъ, не было прочно. Съ королевою Маріею началась католическая реакція правительства; съ нею же могла она и кончиться.

Чрезвычайный интересъ возбудило къ себѣ въ Англіи и даже во всей католической Европѣ извѣстіе о беременности Маріи Тюдоръ, распространившееся въ ноябрѣ 1554 г. Рѣдко съ такою страстною радостью, съ такимъ сознаніемъ торжества ожидалось появленіе на свѣтъ наслѣдника престола. Шумнымъ выраженіямъ радости не было конца; самъ престарѣлый императоръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ событія, которое обѣщало, наконецъ, увѣнчать его политику. Но все было напрасно.

Послѣ долгаго ожиданія для всѣхъ стало ясно, что королева вполнѣ обманулась въ своемъ состояніи: всѣ ея надежды были вполнѣ разрушены, и она видѣла уже въ будущемъ, какъ протестантизмъ снова подымаетъ голову.

Наслѣдница престола, принцесса Елизавета, несмотря на всѣ притѣсненія и угрозы, упорно держалась протестантской партіи между знатью, и не было никакого сомнѣнія, что, сдѣлавшись королевою, она пойдетъ инымъ путемъ, чѣмъ правительство королевы Маріи.

И вотъ, подъ гнетомъ именно ея католическаго правительства, мало-по-малу совершился переворотъ въ настроеніи націи. Насилія католической реакціи несравненно болѣе способствовали отчужденію Англіи отъ католической церкви, чѣмъ всѣ протестантскія проповѣди при правительствѣ Сомерсета и аристократіи. Недовольство этимъ навязываніемъ католицизма народу распространялось все шире и шире, возрастало и усиливалось все болѣе и болѣе. Такъ, когда Марія сдѣлала попытку въ томъ смыслѣ, чтобы и послѣ ея смерти продолжалось въ Англіи господство Филиппа и испанцевъ, то даже самъ покорный и католическій парламентъ воспротивился этому и не согласился измѣнить законы въ смыслѣ испанской политики: на продолженіе существующей системы можно было надѣяться лишь въ томъ случаѣ, если бы Марія дала странѣ наслѣдника.

Нѣсколько времени спустя послѣ этой неудачной попытки, Марія еще разъ обманула и себя, и своихъ друзей ложною надеждой; лишь со стороны Филиппа на этотъ разъ она не встрѣтила сочувствія. Одному изъ интимныхъ друзей онъ даже выражался въ ироническомъ тонѣ: «что касается папскихъ обѣщаній и разрѣшенія отъ бремени моей жены, то и тому, и другому можно безошибочно вѣрить, лишь когда они сдѣлаются фактами». Сомнѣніе Филиппа оправдалось и на этотъ разъ. Такъ какъ Филиппъ никогда не питалъ къ Маріи особенно-нѣжныхъ чувствъ, то онъ и оставилъ теперь ее одну при ея огорченіи и отчаяніи. Нидерландскія дѣла заставили его покинуть Англію уже въ 1555 году; послѣ этого онъ появлялся еще на короткое время въ Лондонъ, чтобы склонить Англію къ участію въ войнѣ съ Франціей. Когда ему удалось этого достигнуть, онъ покинулъ Англію и съ тѣхъ поръ почти совсѣмъ забылъ о своей супругѣ.

Такимъ образомъ, могущество этого правительства постепенно падало. Въ войнѣ съ Франціей, вслѣдствіе собственной медлительности, было потеряно послѣднее владѣніе на французской почвѣ, Кале; государственный долгъ возросъ до ужасающихъ размѣровъ; аристократія все болѣе и болѣе становилась безпокойною и недовольною: такимъ-то образомъ пришлось оканчивать свое царствованіе королевѣ, нѣкогда привѣтствованной съ такою радостью.

Правительство, обвиняя себя въ излишней кротости къ еретикамъ, могло надѣяться путемъ бо̀льшихъ жестокостей снискать себѣ благость и помощь Всевышняго, могло съ болѣе неистовою яростью преслѣдовать еретиковъ, могло, наконецъ, вырывать трупы еретиковъ, чтобы сжечь ихъ послѣ смерти; но все это было не болѣе, какъ пароксизмы отчаянія: Англія не могла идти тѣмъ путемъ, по которому желала направить ее Марія.

Осенью 1558 года Марія серьозно заболѣла; всѣ ожидали ея смерти. И вотъ она сама еще должна была видѣть, какъ посланникъ Филиппа, ея мужа, по порученію своего господина, старался приблизиться къ ея врагу, принцессѣ Елизаветѣ, чтобы и ее также завлечь въ сѣти Испаніи.

Въ одиночествѣ, съ разбитымъ сердцемъ и упавшимъ духомъ, умерла она утромъ 17 ноября. Былъ наложенъ полный трауръ по католической Маріи; тѣмъ не менѣе вся Англія вздохнула свободнѣе, какъ-бы освободившись отъ тяжелаго кошмара.

LVI. ХАРАКТЕРИСТИТИКА КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ.

(Изъ соч. Грина: «A short history of english people»).

Никогда еще могущество Англіи не находилось на такомъ низкомъ уровнѣ, какъ при вступленіи на престолъ Елизаветы. Страна была унижена нанесеннымъ ей пораженіемъ и находилась наканунѣ революціи вслѣдствіе дурнаго и кровопролитнаго правленія Маріи. Старое общественное неудовольствіе, подавленное на-время наемными войсками Сомерсета, все-еще сохранялось, какъ постоянная угроза общественному порядку. Религіозный раздоръ зашелъ такъ далеко, что уже не оставалось надежды на примиреніе, такъ какъ реформатовъ отдѣляли теперь отъ ихъ против-

никовъ огненныя казни въ Смитфильдѣ, и партія новаго ученія далеко еще не распалась. Католики безнадеждо обращались къ Риму. Кальвинизмъ, преслѣдуемый въ странѣ, гдѣ онъ впервые появился, разлился изъ Женевы огненною массою въ Англію, возбуждая тамъ мечты о революціонныхъ перемѣнахъ въ церкви и государствѣ. Англія, втянутая Филиппомъ въ безполезную и разорительную войну, не имѣла никакихъ союзниковъ, кромѣ Испаніи, между тѣмъ какъ Франція, завладѣвши Кале, сдѣлалась обладательницей канала. Шотландія угрожала постоянною опасностью на сѣверѣ вслѣдствіе вступленія Маріи Стюартъ въ бракъ съ французомъ и вытекавшаго отсюда порабощенія французской политикѣ; вдобавокъ къ этому королева приняла титулъ и гербъ англійскихъ государей и грозила возстановить всѣхъ католиковъ въ королевствѣ противъ титула Елизаветы. Въ виду этой массы опасностей, страна была совершенно безпомощна, не имѣла ни арміи, ни флота, ни средствъ для комплектованія ихъ, потому что казна, разстроенная разорительнымъ царствованіемъ Эдуарда, была окончательно истощена вслѣдствіе возвращенія церковныхъ имуществъ, произведеннаго Маріей, и потомъ расходами на ея войну съ Франціей.

Вся надежда Англіи была на характеръ ея королевы. Елизаветѣ было въ это время 24 года. Она имѣла въ себѣ много красоты, унаслѣдованной отъ матери; фигура ея была величественная, лицо продолговатое, притомъ царственное и умное, глаза живые и прекрасные Выросшая среди свободной сферы двора Генриха, она была смѣлою наѣздницей, порядочнымъ стрѣлкомъ, граціозною танцоркой, искуснымъ музыкантомъ и настоящимъ ученымъ. Каждое утро она прочитывала что-нибудь изъ Демосѳена и, въ случаѣ надобности, могла «почистить свои заржавѣвшія познанія въ греческомъ языкѣ», чтобы состязаться въ педантствѣ съ вице-канцлеромъ. Но она далеко не была только педанткой. Новая литература, возникавшая около нея, постоянно находила благосклонный пріемъ при дворѣ. Она говорила по-итальянски и по-французски такъ же бѣгло, какъ на своемъ родномъ языкѣ. Она была знакома съ Аріосто и Тассо. Несмотря на аффектацію ея стиля и ея любовь къ анаграммамъ и ребячествамъ, она съ удовольствіемъ слушала «Царицу фей» и награждала улыбкой «мастера Спенсера», когда онъ представлялся ея величеству. Въ странныхъ контрастахъ ея моральнаго темперамента обнаруживалась смѣшанная кровь, текшая въ ея жилахъ. Она была дочерью и Генриха, и Анны Болейнъ. Отъ своего отца она наслѣдовала его прямоту и сердечность въ обращеніи, его стремленіе къ популярности и свободнымъ сношеніямъ съ народомъ, его неустрашимое мужество и его удивительную самоувѣренность. Свой же грубый мужской голосъ, свою стремительную волю, свою гордость, свои яростные взрывы гнѣва она получила вмѣстѣ съ своею тюдоровскою кровью. Она третировала знатныхъ дворянъ какъ школьниковъ; она отвѣтила на наглость Эссекса оплеухой; иногда среди самыхъ важныхъ совѣщаній она накидывалась на своихъ министровъ, какъ какая нибудь рыбная торговка. Съ этими бурными свойствами ея тюдоровскаго характера находилась въ странномъ противорѣчіи ея чувственная, снисходительная къ себѣ натура, которую она унаслѣдовала отъ Анны Болейнъ. Блескъ и удовольствіе были для Елизаветы атмосферою, которою она дышала. Она находила наслажденіе въ томъ, что, переѣзжая изъ замка въ замокъ, постоянно проводила

время среди блестящихъ празднествъ, волшебныхъ и причудливыхъ, какъ сновидѣнія калифа. Она любила веселость, смѣхъ и остроуміе. Ловкіе отвѣты и утонченные комплименты всегда ей нравились. Она копила драгоцѣнныя украшенія. Костюмамъ ея не было счета. Суетность сохранилась въ ней до самаго преклоннаго возраста, именно суетность молодой кокетки. Она благосклонно принимала самую приторную лесть и самые грубые комплименты ея красотѣ. «Видѣть ее — это райское наслажденіе, говорилъ ей Гаттонъ, а не быть съ нею—это адское мученіе». Она играла своими кольцами, чтобы ея придворные могли замѣтить красоту ея рукъ, или танцовала коранто (курантъ), чтобы французскій посланникъ, спрятанный за занавѣской, могъ донести объ ея ловкости своему государю. Ея вѣтренность, ея фривольный смѣхъ подавали поводъ къ тысячѣ скандаловъ. Ея характеръ, подобно ея портретамъ, не былъ нисколько оттѣненъ. Она вовсе не имѣла женской скромности и самоограниченія. Инстинктъ стыдливости не прикрывалъ сладострастнаго характера, который обнаружился въ рѣзвостяхъ ея дѣвичества и упорно держался у ней всю жизнь. Мужчина съ красивою наружностью навѣрно могъ разсчитывать понравиться ей. Она трепала по щекамъ красивыхъ молодыхъ дворянъ, когда они становились предъ ней на колѣни, чтобы цѣловать ея руку, и въ виду всего двора ласкала своего «милаго Робина», лорда Лейчестера.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что государственные люди, которыхъ обманывала Елизавета, всегда считали ее немногимъ лучше обыкновенной фривольной женщины, или что Филиппъ испанскій удивлялся, какъ эта «распутница» могла разстраивать политику Эскуріала. Но Елизавета, которую они видѣли, была далеко еще не вся Елизавета. Своенравіе Генриха, тривіальность Анны Болейнъ играли на поверхности этой личности, твердой какъ сталь, съ характеромъ чисто-интеллектуальнымъ и представлявшей собою настоящій типъ ума, не тронутаго воображеніемъ или страстью. Несмотря на любовь къ роскоши и удовольствіямъ, Елизавета жила просто и воздержно и много работала. Ея суетность и капризы не имѣли никакого вліянія на ея государственныя дѣла. Кокетка въ пріемной залѣ, она становилась самымъ холоднымъ и самымъ суровымъ политикомъ въ залѣ совѣта. Неотуманиваемая лестью своихъ придворныхъ, она не терпѣла лести въ кабинетѣ; она была откровенна и говорила прямо съ своими совѣтниками и требовала, чтобы и съ нею говорили такъ же. Въ своихъ расходахъ она была бережлива и даже скупа. Если какая нибудь черта ея пола и обнаруживалась въ ея государственныхъ дѣйствіяхъ, то она состояла въ простотѣ и упорствѣ въ преслѣдованіи цѣли,—въ качествахъ, которыя часто скрываются за колебаніями женскаго чувства. Это отчасти и давало ей замѣтное превосходство надъ государственными людьми ея времени. Нигдѣ мы не видимъ болѣе достойной группы министровъ, чѣмъ та, которая составляла совѣтъ Елизаветы. Но она не была ничьимъ орудіемъ. Она выслушивала, взвѣшивала, принимала или отвергала совѣты каждаго, но ея политика въ цѣломъ была ея собственною политикой. Это была политика не генія, но здраваго смысла. Ея задачи были просты и очевидны: утвердить свой тронъ, охранить Англію отъ войны, возстановить гражданскій и религіозный порядокъ. Можетъ быть, и дѣйствительно нѣкоторая женская осторожность и боязливость скрывалась за безстрастнымъ равнодушіемъ, съ

которымъ она отложила въ сторону болѣе широкія честолюбивые планы, всегда раскрывавшіеся предъ ея глазами. Она рѣшительно отказывалась отъ Нидерландовъ. Она со смѣхомъ отвергала предложенія протестантовъ сдѣлать ее «главою религіи» и «владычицею морей». Но ея удивительные успѣхи, главнымъ образомъ, зависѣли отъ этого мудраго ограниченія ея цѣлей. Она лучше чѣмъ кто нибудь изъ ея совѣтниковъ понимала свои настоящіе рессурсы; она знала инстинктивно, какъ далеко она могла заходить и что̀ она могла сдѣлать. Никакой энтузіазмъ и страхъ не могъ повліять на ея холодный, критическій разсудокъ такимъ образомъ, чтобы она стала преувеличивать или уменьшать свой рискъ или свою силу.

Конечно, настоящей политической мудрости, въ ея обширнѣйшемъ и болѣе благородномъ смыслѣ, Елизавета имѣла мало, или вовсе не имѣла ея; но ея политическій тактъ былъ безошибоченъ. Она рѣдко находила свою дорогу съ перваго взгляда, но перебирала сотни ходовъ ловко и бѣгло, подобно тому, какъ музыкантъ бѣгаетъ пальцами по клавіатурѣ, пока вдругъ не нападала на надлежащую дорогу. Это была натура, главнымъ образомъ, практическая, натура положительная. Она тѣмъ менѣе довѣряла какому нибудь плану, чѣмъ онъ былъ отвлеченнѣе и чѣмъ дальше онъ захватывалъ въ будущее. Все ея государственное искусство состояло въ томъ, чтобы наблюдать, какъ идутъ дѣла вокругъ нея, и уловить моментъ, когда можно наилучшимъ способомъ воспользоваться ими. Такая ограниченная, практическая и экспериментальная политика не только соотвѣтствовала Англіи тогдашняго времени, ея небольшимъ средствамъ и переходному характеру ея религіозной и политической вѣры, но и была сообразна съ качествами самой Елизаветы. Это была политика приспособленія, а удивительное искусство и находчивость Елизаветы и проявлялись именно въ подробностяхъ. «Не нужно войны, милорды,—восклицала обыкновенно повелительнымъ голосомъ королева, засѣдая въ совѣтѣ, — не нужно войны!» Но она ненавидѣла войну не столько вслѣдствіе отвращенія къ крови и къ расходамъ, — хотя она, дѣйствительно, и къ нимъ питала отвращеніе,—сколько по той причинѣ, что миръ представлялъ открытое поле для дипломатическихъ маневровъ и интригъ, въ которыхъ она была очень искусна. Ей доставляло большое удовольствіе сознаніе своего остроумія, выражавшагося въ тысячѣ сказочныхъ причудъ, въ которыхъ едва ли видна была какая нибудь другая цѣль, кромѣ простой мистификаціи. Она любила «обходные и окольные пути». Она играла съ важными кабинетами, какъ кошка съ мышкой, и при этомъ ощущала кошачье удовольствіе только отъ одного уже обхватыванія своей жертвы. Когда ей надоѣдало мистифировать иностранныхъ государственныхъ людей, тогда она искала для себя новаго развлеченія въ мистифированіи своихъ собственныхъ министровъ. Если бы Елизавета написала исторію своего царствованія, то она могла бы съ гордостью похвалиться въ ней не только тріумфомъ Англіи или разореніемъ Испаніи, но еще и тѣмъ искусствомъ, съ какимъ она обманывала и перехитряла всякаго государственнаго человѣка въ Европѣ въ теченіе 50 лѣтъ. Но хитрость ея имѣла и политическую цѣну. Слѣдя за политикой королевы въ тысячѣ депешъ, мы находимъ эту политику неблагородною и крайне непріятною; но она всегда достигала своей главной цѣли. Она выигрывала время, а всякій выигранный годъ удвоялъ силу Елизаветы. Ничто

такъ не возмущаетъ насъ въ королевѣ и ничто лучше не характеризуетъ ее, какъ ея безстыдная лживость. Тогда вообще было время политической лжи; но по обилію и беззастѣнчивости этой лжи Елизавета не находила никого равнаго себѣ въ христіанскомъ мірѣ. Фальшивость была для нея просто интеллектуальнымъ средствомъ для выхода изъ затрудненій, и легкость, съ какою она утверждала или отрицала что нибудь нужное для ея цѣлей, равнялась только циническому равнодушію, съ какимъ она встрѣчала разоблаченія ея лжи, послѣ того какъ она достигла своей цѣли. Такой же чисто-интеллектуальный взглядъ на вещи обнаруживался и въ томъ искусномъ употребленіи, какое она дѣлала даже изъ своихъ недостатковъ. Ея легкомысліе давало ей возможность весело переживать моменты разоблаченія и затрудненія, среди которыхъ лучшая женщина умерла бы со стыда. Она скрывала свою испытывающую и медлительную политику подъ естественною робостью и колебаніями, свойственными ея полу. Она извлекала пользу даже изъ своей роскоши и своихъ удовольствій. Во время ея царствованія бывали моменты серьозныхъ опасностей; но страна равнодушно относилась къ своимъ опасностямъ, видя, что королева проводитъ свои дни въ охотѣ, а ночи въ танцахъ и играхъ. Ея суетность и аффектація, ея женская измѣнчивость и капризы,— всѣ эти качества принимали участіе въ дипломатической комедіи, которую она разыгрывала съ претендентами на ея руку. Если политическая необходимость заставила ее вести безбрачную жизнь, то зато она имѣла удовольствіе предотвратить войну и заговоры посредствомъ любовныхъ сонетовъ и романическихъ свиданій, или выиграть годъ спокойствія ловкою игрою кокетства.

Когда мы слѣдимъ за Елизаветой по извилистому лабиринту ея лжи и интригъ, то уваженіе къ ея величію почти теряется въ чувствѣ презрѣнія. Но цѣли ея политики, какъ онѣ ни были облечены покровомъ тайны, постоянно были умѣренны и просты и были преслѣдуемы съ особеннымъ упорствомъ. Внезапные порывы энергическихъ дѣйствій, проявлявшіеся по временамъ среди обыкновенной ея медлительности, доказывали, что это не была медлительность, свойственная слабости. Елизавета могла ждать и хитрить; но когда приходило время, она могла наносить удары, и сильные удары. Она по характеру своей натуры скорѣе склонна была къ самоувѣренности, чѣмъ къ недовѣрію къ себѣ. Она, подобно всѣмъ сильнымъ натурамъ, имѣла несомнѣнную увѣренность въ своемъ счастьи. «Ея величество слишкомъ много разсчитываетъ на фортуну, писалъ съ горечью Вальсингамъ; я желалъ бы, чтобы она больше надѣялась на Всемогущаго Бога». Дипломаты, которые въ однихъ случаяхъ порицали ея нерѣшительность, ея откладыванія и перемѣны въ планахъ, въ другихъ случаяхъ порицали ея «упорство», ея желѣзную волю, ея рѣшимость на то, что казалось имъ неизбѣжною гибелью. «Эта женщина, писалъ посланникъ Филиппа послѣ долгихъ и напрасныхъ переговоровъ съ нею, одержима сотнею тысячъ бѣсовъ». Конечно, въ глазахъ своихъ собственныхъ подданныхъ, ничего не знавшихъ объ ея маневрахъ и отступленіяхъ, объ ея «окольныхъ и обходныхъ» путяхъ, она казалась олицетвореніемъ неустрашимой рѣшимости. Какъ ни были храбры люди, сокрушившіе могущество Испаніи или плававшіе среди ледяныхъ горъ мало извѣданнаго Баффинова залива однако, они никогда не сомнѣвались въ томъ, что пальма храбрости принадлежитъ ихъ

королевѣ. Ея настойчивость и мужество въ преслѣдованіи ея цѣлей равнялись той мудрости, съ какою она умѣла выбирать людей для достиженія этихъ цѣлей. Она имѣла взглядъ, быстро замѣчавшій всякаго рода заслуги, и удивительную способность вызывать всю ихъ энергію въ служеніи ея интересамъ. Ни одинъ изъ англійскихъ государей никогда не собиралъ вокругъ себя такой группы совѣтниковъ, какая находилась въ совѣтѣ Елизаветы, и мудрость, избравшая Гурлейфа и Вальсингама, была почти непогрѣшима при выборѣ другихъ главнѣйшихъ дѣятелей. Та удача, съ которою она во все время своего царствованія выбирала людей вполнѣ годныхъ именно для того дѣла, какое она поручала имъ, за единственнымъ исключеніемъ Лейчестера, проистекала, главнымъ образомъ, изъ самыхъ благородныхъ качествъ ея ума. Если, съ точки зрѣнія возвышенности стремленій, ея характеръ казался ниже характера многихъ изъ ея современниковъ, то по обширности своихъ взглядовъ и по универсальности своихъ симпатій она стояла выше всѣхъ современниковъ. Елизавета могла говорить о поэзіи съ Спенсеромъ и о философіи съ Бруно; она могла разсуждать объ эвфуизмѣ съ Лили и любоваться рыцарствомъ Эссекса; отъ разговора о послѣднихъ модахъ она могла переходить къ внимательному изученію вмѣстѣ съ Сесилемъ депешъ и счетныхъ книгъ; послѣ назначенія вмѣстѣ съ Вальсингамомъ наказаній измѣнникамъ она могла заниматься съ Паркеромъ установленіемъ пунктовъ ученія, или взвѣшивать съ Фробишеромъ шансы сѣверо-западнаго прохода въ Индію. Подвижность и многосторонность ея ума давали ей возможность понимать всякую фазу въ умственномъ движеніи ея времени и, какъ-бы по какому-то чутью, узнавать высшихъ его представителей. Но величіе королевы больше всего обнаруживалось въ ея власти надъ народомъ. Англія имѣла болѣе великихъ и болѣе возвышенныхъ правителей, но не имѣла ни одного, который бы пользовался большею популярностью, чѣмъ Елизавета. Страстная любовь, страстная преданность и удивленіе, нашедшія самое совершенное выраженіе въ «Царицѣ фей», одушевляли всѣхъ лучшихъ ея подданныхъ. «Въ глазахъ Англіи въ теченіе полувѣковаго царствованія она была дѣвственницей и протестантской королевой; ея безнравственность и совершенное отсутствіе въ ней религіознаго энтузіазма нисколько не омрачали блеска народнаго идеала. Самыя дурныя ея дѣйствія нимало не могли ослабить общаго благоговѣнія къ ней. Пуританинъ, у котораго она въ припадкѣ деспотическаго негодованія отрубила руку, помахалъ обрубленною рукою надъ своею головою и произнесъ: «Боже, храни королеву Елизавету». Внѣ придворнаго круга въ Англіи очень мало знали или почти ничего не знали объ ея недостаткахъ. Колебанія ея дипломатіи никому не были видны внѣ королевскаго кабинета. Нація, взятая въ цѣломъ, могла судить объ ея иностранной политикѣ только по главнымъ, крупнымъ чертамъ этой политики, по ея умѣренности и благоразумію, а главнымъ образомъ по ея успѣхамъ. Но каждый англичанинъ имѣлъ возможность судить объ Елизаветѣ по ея внутреннему управленію, видѣлъ ея любовь къ миру, ея инстинктъ къ порядку, твердость и умѣренность ея правленія, благоразумный духъ соглашенія и компромисса среди воинственныхъ партій, — что даровало странѣ безпримѣрный миръ въ то самое время, когда почти каждая страна въ Европѣ была опустошаема междоусобною войною. Всякій признакъ возрастающаго благосостоянія, видъ

Лондона, сдѣлавшагося всемірнымъ рынкомъ, и красивыхъ дворцовъ, появлявшихся въ каждомъ помѣстьѣ,—все это говорило, и справедливо говорило, въ пользу Елизаветы. Только въ одномъ актѣ ея гражданской администраціи обнаружились смѣлость и оригинальность великаго правителя; въ началѣ ея царствованія она выступила противъ соціальнаго бѣдствія, такъ долго мѣшавшаго прогрессу Англіи, и учредила коммисію, которая разрѣшила проблему системою законовъ о бѣдныхъ. Для торговли законы могутъ сдѣлать мало, и дѣятельное вмѣшательство Елизаветы скорѣе мѣшало, чѣмъ содѣйствовало развитію торговли. Но это вмѣшательство большею частью имѣло хорошія цѣли, и ея статуя въ центрѣ лондонской биржи была со стороны торговаго класса знакомъ признательности за тотъ интересъ, съ какимъ она охраняла его предпріятія и лично участвовала въ нихъ. Ея бережливость заслужила всеобщую благодарность. Воспоминаніе о террорѣ и временахъ мучениковъ выставляло въ яркомъ свѣтѣ ея отвращеніе къ кровопролитію, явно обнаруживавшееся въ первые годы ея правленія и никогда совершенно не оставлявшее ее даже въ самой горячей запальчивости. Но особенно важна была всеобщая увѣренность въ ея инстиктивномъ пониманіи національнаго характера. Она постоянно щупала общественный пульсъ. Она отлично знала, когда она можетъ сопротивляться чувствамъ народа и когда она должна отступить передъ новымъ чувствомъ свободы, которое безсознательно развивала ея политика. Но въ этихъ случаяхъ ея отступленіе имѣло видъ побѣды; искренность и правдивость ея уступокъ сразу же пріобрѣтали для нея опять ту любовь, которую она потеряла-было вслѣдствіе сопротивленія. Въ своемъ внутреннемъ управленіи она являлась женщиной, гордость которой составляло благосостояніе ея подданныхъ и стремленіе которой къ пріобрѣтенію ихъ расположенія было единственною теплою чертою въ ея холодномъ отъ природы темпераментѣ. Если вообще можно сказать, что Елизавета могла что нибудь любить, то она любила Англію. «Ничто, говорила она своему первому парламенту словами неподдѣльнаго жара, ни одна вещь подъ солнцемъ не можетъ быть такъ дорога для меня, какъ любовь и благосостояніе моихъ подданныхъ». И она вполнѣ заслужила ту любовь и тѣ благожеланія, которыя были такъ дороги для нея.

Можетъ быть, она добивалась такъ страстно популярности потому, что эта популярность въ нѣкоторой степени скрывала для нея страшное одиночество ея жизни. Она была послѣднею изъ Тюдоровъ, послѣднею изъ дѣтей Генриха, и ближайшими ея родственниками были Марія Стюартъ и домъ Суффольковъ; первая была явнымъ, а второй тайнымъ претендентомъ на ея тронъ. Съ материнской стороны она нашла только далекаго родственника. Всю женскую нѣжность, какая только была въ ней, она обратила на Лейчестера; но бракъ съ Лейчестеромъ былъ невозможенъ, и всякій другой брачный союзъ, даже если бы она могла быть склонна къ нему, также былъ невозможенъ вслѣдствіе политическихъ трудностей ея положенія. Однажды крикъ горести вырвался изъ груди Елизаветы и выдалъ ея страшное сознаніе одиночества ея жизни. «Королева шотландская, воскликнула она при извѣстіи о рожденіи Іакова, имѣетъ прекраснаго сына, а я — просто безплодный пень». Но одиночество ея положенія было только отраженіемъ одиночества ея натуры. Она стояла совершенно въ сторонѣ отъ окружавшаго ее міра, иногда выше его,

иногда ниже его, но никогда въ немъ. Только съ интеллектуальной стороны Елизавета соприкасалась съ современной ей Англіей. Всѣ же моральныя воззрѣнія и чувства Англіи были для нея совершенно недоступны. То было время, когда люди возвысились до благородства вслѣдствіе новой моральной энергіи, которая, казалось, внезапно охватила весь народъ, когда честь и энтузіазмъ приняли колоритъ поэтической красоты, а религія стала рыцарствомъ. Но возвышенныя чувства людей, окружавшихъ Елизавету, трогали ее только такъ, какъ тронули бы прекрасные цвѣты картины. Она съ одинаковымъ равнодушіемъ извлекала свои выгоды какъ изъ героизма Вильгельма Оранскаго, такъ и изъ набожности Филиппа. Самое благородное стремленіе, самая высокая жизнь были только элементами въ ея счетахъ и разсчетахъ. Она была единственная душа во всемъ королевствѣ, въ которой новость о Варѳоломеевской ночи не возбудила жажды мести, и въ то время, какъ Англія трепетала отъ тріумфа надъ Армадой, ея королева хладнокровно брюзжала на большіе расходы и извлекала свою пользу изъ награбленныхъ запасовъ, собранныхъ ею для флота, который спасъ ее. Она была совершенно нечувствительна къ голосу благодарности. Она пользовалась услугами, какія никогда не оказывались англійскимъ государямъ, не имѣя и въ мысляхъ отплатить за нихъ. Вальсингамъ истратилъ все свое состояніе, охраняя ея жизнь и ея тронъ, и она допустила его умереть нищимъ. Если ея продѣлки возбуждали негодованіе или сопровождались потерями, то она старалась взвалить все на своихъ совѣтниковъ. Чтобы скрыть свое участіе въ казни Маріи, она погубила въ тоуэрѣ убитаго горемъ Дависона. Но, какъ будто по странной ироніи, этому именно недостатку симпатіи она была обязана нѣкоторыми изъ замѣчательныхъ чертъ ея характера. Если она не имѣла любви, то зато не имѣла и ненависти. Она никогда не питала мелкой злобы, никогда не поддавалась зависти или подозрѣнію относительно людей, служившихъ ей. Она была равнодушна къ клеветѣ. Ея хорошаго расположенія духа никогда не портили тѣ обвиненія въ распутствѣ и жестокости, которыми іезуиты осыпали ее при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Она была недоступна страху. На ея жизнь было сдѣлано нѣсколько покушеній, однако мысль объ опасности съ трудомъ могла найти доступъ къ ней. Даже когда католическій заговоръ открытъ былъ въ ея собственномъ домѣ, она не хотѣла слушать предложеній объ удаленіи католиковъ отъ ея двора.

Эта же моральная отчужденность имѣла столь странное, то хорошее, то дурное, вліяніе на ея политику относительно церкви. Никогда не было на свѣтѣ женщины, которая бы до такой степени была лишена всякаго религіознаго чувства. Въ то время, какъ весь свѣтъ вокругъ нея все болѣе и болѣе увлекался теологическими вѣрованіями и спорами, Елизавета оставалась рѣшительно непричастною къ нимъ. Она была скорѣе дочерью итальянскаго возрожденія, чѣмъ новаго ученія Колета или Эразма, и ея отношеніе къ энтузіазму ея современниковъ было похоже на отношеніе Лоренцо Медичи къ Савонаролѣ. Ея умъ не безпокоили духовныя проблемы, мучившія умы ея современниковъ; для Елизаветы онѣ были не только непонятны, но даже смѣшны. Она чувствовала одинаковое интеллектуальное презрѣніе какъ къ грубому суевѣрію римскаго католика, такъ и къ ханжеству протестанта. Она приказывала сожигать иконы, но издѣвалась и надъ пуританами, какъ «братьями во Христѣ».

Но она не чувствовала никакого религіознаго отвращенія ни къ пуританамъ, ни къ папистамъ. Протестанты сердились на католическихъ дворянъ, которыхъ она допускала ко двору, а католики сердились на протестантскихъ государственныхъ людей, которыхъ она допускала въ свой совѣтъ. Но Елизаветѣ эти мѣры казались самымъ естественнымъ дѣломъ. Она смотрѣла на теологическія разногласія съ чисто-политической точки зрѣнія. Она согласна была съ Генрихомъ IV, «что королевство стоитъ обѣдни», какъ выразился онъ при вступленіи на престолъ. Ей казалось совершенно естественнымъ поддерживать надежду на ея обращеніе въ католичество съ той цѣлью, чтобы имѣть въ этомъ средство обманывать Филиппа, и завести въ своей капеллѣ распятіе, съ цѣлью пріобрѣсти этимъ опору для переговоровъ. Самымъ первымъ интересомъ въ ея умѣ были интересъ общественнаго порядка, и она никакъ не могла понять, какимъ образомъ въ чьемъ нибудь умѣ онъ можетъ занимать не первое мѣсто. Ея находчивость помогла ей придумать систему, въ которой церковное единство не нарушало бы правъ совѣсти, именно компромиссъ, который требовалъ только наружнаго согласія или единообразія (conformity) съ установленною обрядностью, а «мнѣнію оставляемъ свободу», это она безпрестанно повторяла. Съ этою цѣлью она прежде всего оставила систему Генриха VIII. «Я буду дѣйствовать такъ, говорила она испанскому посланнику, какъ дѣйствовалъ мой отецъ». Она спокойно прекратила связь съ Римомъ безъ всякаго открытаго акта отдѣленія. Первымъ дѣломъ ея парламента было передѣлать все, сдѣланное Маріей, отмѣнить статуты о ереси, упразднить возстановленные монастыри и возобновить королевскую суприматію. При вступленіи своемъ въ Лондонъ она поцѣловала англійскую библію, поднесенную ей гражданами, и обѣщала «прилежно читать ее». Дальше этого не шли ея личныя желанія. Треть совѣта и двѣ трети народа также не расположены были къ какой нибудь радикальной перемѣнѣ въ религіи, какъ и королева. Между джентри люди постарше и побогаче были на консервативной сторонѣ, и только молодые и незначительные были на другой сторонѣ. Но скоро оказалось необходимымъ идти дальше. Если протестанты были и менѣе многочисленны, то зато составляли болѣе способную и сильную партію, и изгнанники, возвратившіеся изъ Женевы, принесли съ собою болѣе горячую ненависть къ католицизму. Пресуществленіе и обѣдня (месса) отожествлялись съ огненными казнями въ Смитфильдѣ, между тѣмъ какъ молитвенникъ Эдуарда былъ освященъ воспоминаніями о мученикахъ. Но, возобновляя англійскій молитвенникъ, Елизавета сдѣлала въ его языкѣ нѣсколько незначительныхъ измѣненій, доказывавшихъ ея желаніе примѣняться по возможности и къ католикамъ. Она и въ мысляхъ не имѣла подчиняться системѣ протектората. Изъ королевскаго титула она выпустила слова: «глава церкви». Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ 42 статьи не имѣли силы. Если бы все зависѣло отъ воли Елизаветы, то она удержала бы безбрачіе духовенства и снова ввела бы въ церквахъ распятія; но ее смущала усиливавшаяся ожесточенность религіозныхъ раздоровъ. Лондонская чернь уничтожала кресты на улицахъ. Попытка Елизаветы удержать распятіе не удалась вслѣдствіе горячаго сопротивленія протестантскаго духовенства. Съ другой стороны, епископы, поставленные при Маріи, понимая протестантскій характеръ перемѣнъ, вводимыхъ Елизаветою, рѣшались скорѣе подвергнуться заключенію и

отрѣшенію, чѣмъ принять ихъ. Но массѣ націи компромиссъ, предложенный Елизаветой, казался возможнымъ. Все духовенство, за исключеніемъ двухъ сотъ человѣкъ, подчинилось акту о супрематіи и приняло молитвенникъ. Вообще народъ въ цѣломъ не обнаружилъ замѣтнаго нерасположенія къ новымъ обрядамъ, и Елизавета получила возможность отъ вопросовъ религіозныхъ обратиться къ вопросамъ порядка. Только въ одномъ пунктѣ своихъ отношеній къ церкви она была упорна и не допускала никакихъ измѣненій. До конца своего царствованія она оставалась такою же смѣлою грабительницею церковныхъ имуществъ, какъ и многіе изъ ея предшественниковъ, и награждала заслуги своихъ министровъ церковными землями съ явнымъ нарушеніемъ правъ собственности. Лордъ Бэрлейфъ образовалъ наслѣдственное имѣніе дома Сесиль изъ вотчинъ епархіи Петерборо. Сосѣдство Гаттонъ-Гардена съ Эли Плэссъ напоминаетъ объ ограбленіи другаго епископства въ пользу духовнаго канцлера королевы. Ея отвѣтъ на протестъ епископа противъ этого грабежа показываетъ, что̀ разумѣла Елизавета подъ своею церковною супрематіей. «Надменный прелатъ, писала она, вы знаете, чѣмъ вы были прежде, чѣмъ я сдѣлала васъ,—тѣмъ, что вы теперь! Если вы немедленно не исполните моего требованія, то я, ей-Богу, лишу васъ сана». Но она никому другому, кромѣ себя, не дозволяла подобныхъ грабежей и усердно старалась о возстановленіи порядка и приличія во внѣшнихъ дѣлахъ церкви.

LIX. ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ.

(По соч. Боккля: «Главы изъ исторіи царствованія Елизаветы»).

Занимаясь неусыпно развитіемъ внутреннихъ силъ страны, Елизавета дѣйствовала еще рѣшительнѣе въ дѣлахъ религіозныхъ. Эта великая государыня была первою во всей Европѣ, которая открыто выказывала терпимость къ религіи, противной господствующей церкви. Въ теченіе многихъ лѣтъ она выказывала расположеніе не только терпѣть, но даже примиряться съ послѣдователями другихъ вѣрованій. Первымъ дѣломъ ея правленія было собраніе совѣта для управленія общественными дѣлами. Въ число членовъ этого совѣта вошло 13 католиковъ и только 8 протестантовъ.

Завѣдываніе иностранными дипломатическими дѣлами Елизавета поручила также послѣдователямъ враждебнаго ей вѣроисповѣданія: въ 1564 году королева послала въ Брюгге, для важныхъ переговоровъ съ Филиппомъ, коммисію, во главѣ которой стоялъ ревностный католикъ, лордъ Монтэгю.

Тотъ же духъ терпимости обнаруживала Елизавета во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Совѣсть католиковъ возмущалась всего больше клятвою въ признаніи верховной власти короля надъ папскою (oath of supremacy). Въ 1562 году Елизавета приказала, чтобы, въ случаѣ отказа отъ этой присяги, ни одинъ епископъ не могъ требовать ея вторично отъ тѣхъ же лицъ, не получивъ особенной инструкціи. Духовенство временъ Эдуарда, совершая ошибку, свойственную всѣмъ отщепенцамъ, включило въ обѣдню слѣдующую молитву: «Отъ тиранніи епископа римскаго и всѣхъ его

проклятыхъ и скверныхъ дѣлъ избави насъ, милостивый Боже!» Слова эти, которыми протестанты призывали Бога любви и мира въ поборники своихъ страстей, составлявшія результатъ прежняго фанатизма протестантовъ, были исключены изъ молитвы по приказанію королевы.

Придерживаясь неуклонно того же духа терпимости, который могъ бы служить хорошимъ примѣромъ даже и въ наше время, королева издала приказъ, которымъ запрещалось употребленіе бранныхъ словъ, имѣвшихъ отношеніе къ религіи, какъ-то: «папистъ», «еретикъ», «схизматикъ».

Какъ епископы, такъ и все духовенство осталось, конечно, чрезвычайно недовольно этими разумными и благодѣтельными дѣйствіями королевы; духовенство съ тою нетерпимостью, которая составляла главную отличительную черту его въ то время, всячески старалось побудить Елизавету къ безпощадному преслѣдованію католиковъ. Приказы и дѣйствія, подобные перечисленнымъ нами выше, были приписываемы многими особому пристрастію Елизаветы къ обрядамъ католической церкви. Но дѣло въ томъ, что Елизавета вообще отличалась природною терпимостью въ религіозныхъ дѣлахъ, возвышенный умъ ея мало заботился о сектаторскихъ распряхъ и только гораздо позже, когда характеръ ея значительно измѣнился и ожесточился, она стала на одинъ уровень съ такими людьми, какъ Боннеръ и Кранмеръ.

Даже относительно ирландцевъ, терпѣвшихъ со времени присоединенія къ Англіи непрерывное преслѣдованіе отъ протестантовъ, королева выказывала ту же терпимость.

При вступленіи на престолъ Елизаветы, всѣ епископы единогласно отказались короновать ее, и только съ большими затрудненіями удалось уговорить одного изъ самыхъ ничтожныхъ совершить это необходимое торжество. Нельзя упустить безъ вниманія то обстоятельство, что прямая вражда главнѣйшихъ сановниковъ католической церкви не заставила Елизавету перемѣнить относительно ихъ свое поведеніе.

Мы имѣемъ положительныя заявленія, и притомъ съ католической стороны, что, по крайней мѣрѣ, тысячѣ священниковъ этой религіи позволено было остаться въ Англіи и отправлять службу по обрядамъ католической церкви.

Поколѣніе людей, наслѣдовавшее Томасу Мору, вовсе не раздѣляло, хотя бы въ теоретическомъ отношеніи, его гуманныхъ воззрѣній и на практикѣ превзошло его жестокостью. Протестанты жгли католиковъ при Эдуардѣ, а католики жгли протестантовъ по вступленіи на престолъ Маріи, и несомнѣнно, что въ то время, когда Елизавета вступила на престолъ, ни одинъ свѣтскій или духовный правитель Европы не рѣшился бы на такой, по мнѣнію того времени, беззаконный и гнусный поступокъ, чтобы позволить своимъ подданнымъ считать религіозныя убѣжденія дѣломъ собственной совѣсти, касающимся исключительно ихъ самихъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ королева Елизавета не только выработала для своего руководства планъ религіозной терпимости, но въ теченіе многихъ лѣтъ приводила его въ исполненіе, не отклоняясь ни на шагъ. Въ тотъ вѣкъ, когда малѣйшій проступокъ велъ за собою самое строгое наказаніе, когда ни одно слово въ пользу терпимости не проникало во внутренность дворцовъ, эта великая государыня открыто

заявляла и проводила на самомъ дѣлѣ мнѣнія, которыя въ наше время стали общими истинами, но въ тотъ вѣкъ казались вреднымъ и опаснымъ парадоксомъ. «Мы не желаемъ и даже въ помыслахъ нашихъ не хотимъ дозволять, чтобы кому-либо изъ нашихъ подданныхъ могли докучать допросами и изслѣдованіемъ его образа мыслей, въ какомъ бы то ни было дѣлѣ вѣры, до тѣхъ поръ, пока онъ придерживается христіанской религіи, не отрицаетъ авторитета священнаго писанія и статей, заключающихся въ апостольскихъ ученіяхъ; мы не хотимъ, чтобы его безпокоили за совершеніе какой либо религіозной церемоніи или обрядовъ, касающихся христіанской религіи, пока онъ по своему поведенію остается спокойнымъ и покорнымъ, не обнаруживаетъ прямаго сопротивленія законамъ королевства, установленнымъ для посѣщенія святаго богослуженія въ общихъ церквахъ, повинуясь имъ такъ же, какъ и прочимъ законамъ, которымъ подчинены всѣ наши подданные по долгу и присягѣ». Она продолжаетъ: «Ручаюсь моимъ королевскимъ словомъ въ присутствіи самого Бога, что никому не будетъ причинено никакого безпокойства, ни допросовъ, ни изслѣдованій ихъ тайныхъ помышленій въ дѣлахъ, исключительно касающихся вѣры». Вотъ что говорила Елизавета въ открытомъ манифестѣ, распубликованномъ 11 лѣтъ послѣ восшествія на престолъ, и можно положительно утверждать, что подобная рѣчь не выходила ни разу изъ устъ современныхъ ей европейскихъ государей; но подобныя заявленія королевы вызывали въ умахъ епископовъ и во всемъ высшемъ духовенствѣ лишь ужасъ и отвращеніе. Они считали такую терпимость не только дѣломъ опаснымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ беззаконнымъ и безнравственнымъ.

Сэндисъ, поставленный епископомъ города Уорчестера, черезъ годъ послѣ смерти Маріи, всячески домогался изгнать всѣхъ католиковъ изъ подвѣдомственной ему эпархіи; а нѣсколько лѣтъ спустя, епископъ лондонскій Айльмеръ далъ правительству совѣтъ посадить въ тюрьму всѣхъ важнѣйшихъ англійскихъ католиковъ. Уайтгифтъ говоритъ, что «если паписты распространяются безнаказанно, между тѣмъ какъ по закону ихъ можно подвергнуть преслѣдованію, то это большая ошибка со стороны правительства, которая не можетъ быть оправдана ничѣмъ, и онъ проситъ Бога, чтобы надзоръ за отщепенцами былъ какъ можно строже».

Елизавета, однако, безъ труда разгадала замыслы этихъ людей. Она очень хорошо понимала, что очищеніе церкви составляетъ только предлогъ и что на самомъ дѣлѣ цѣль у нихъ двоякая: удовлетвореніе своего ханжества и увеличеніе своего вліянія. Твердо рѣшась предупредить это, Елизавета не упускала ни одного случая, чтобы отстранить ихъ вмѣшательство. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при другомъ образѣ дѣйствій въ Англіи не замедлила бы утвердиться такая же нестерпимая тираннія духовенства, какая существовала въ то время въ Испаніи. Достаточно привести одинъ или два примѣра, чтобы показать настроеніе важнѣйшихъ сановниковъ протестантской церкви. Въ домѣ португальскаго посольства отправлялась открыто обѣдня, и всѣмъ было извѣстно, что много англичанъ-католиковъ присутствовало обыкновенно при богослуженіи. Въ 1576 году лондонскій городской судья, пораженный будто бы такимъ явнымъ отправленіемъ идолопоклонства, рѣшился однажды силою остановить отправленіе религіозной церемоніи. Королева, однако, вмѣсто того, чтобы похвалить такое усердіе, сдѣлала городскому судьѣ строгое внушеніе за беззаконное вмѣшательство и велѣла заключить его въ тюрьму.

Еще и теперь существуетъ письмо, написанное лондонскимъ и эляйскимъ епископами къ лордамъ верховнаго совѣта, въ которомъ они жалуются, что католики «не хотятъ ни признаваться сами, ни обвинять другихъ». Эти смиренные служители церкви совѣтовали подвергнуть пыткѣ одного католическаго священника, чтобы добыть отъ него необходимое признаніе. Ноуэль, настоятель церкви св. Павла, говоря въ 1564 г. проповѣдь въ присутствіи самой королевы, дѣлалъ неистовые нападки на только-что вышедшее сочиненіе одного католическаго автора; но Елизавета, къ величайшему его удивленію, не только не высказала ему сочувствія, но даже сдѣлала строжайшее внушеніе за неумѣренную рѣчь. Единственное темное пятно правленія Елизаветы—это казнь Маріи Стюартъ, королевы шотландской; но еще задолго до казни и, слѣдовательно, за много лѣтъ до осужденія Маріи многіе епископы постоянно совѣтовали казнить ее.

Пока шла борьба между склоннымъ къ терпимости правительствомъ и крайне нетерпимымъ духовенствомъ, произошло событіе, которое, несмотря на свою кажущуюся неважность, повело за собою перемѣну во всей религіозной политикѣ Елизаветы. Марія шотландская должна была бѣжать изъ Шотландіи и искала убѣжища въ Англіи. Она прибыла сюда какъ гостья, но съ нею поступили какъ съ плѣнницей. Со времени этого событія все спокойствіе Елизаветы утратилось навсегда. Англійскіе католики, принимая въ соображеніе свою многочисленность и правоту дѣла, собирались съ силами и ждали только удобнаго повода. Присутствіе Маріи послужило имъ этимъ поводомъ. Молодость, красота, несчастіе сдѣлали Марію популярною; а убѣжденіе, что она страдаетъ за вѣру, возвело ее на степень мученицы. Въ то же время потомки древнихъ аристократическихъ родовъ оскорблялись тѣмъ предпочтеніемъ, которое Елизавета любила отдавать людямъ низкаго званія. У нихъ былъ составленъ планъ изгнать Сесиля изъ совѣта; а когда это не удалось, то, соединившись съ католиками, они рѣшились взяться за оружіе. Итакъ, обѣ эти партіи, очень опасныя даже въ одиночку, соединились теперь, для совокупнаго дѣйствія противъ правительства Елизаветы. Мѣстомъ этихъ стычекъ былъ назначенъ сѣверъ Англіи, заселенный послѣдователями старой вѣры. Возстаніе распространялось съ чрезвычайною быстротою и по мѣрѣ того, какъ оно подвигалось на югъ, по всей странѣ стали ходить самые тревожные слухи. Правительство даже опасалось возстанія въ Уэльсѣ, значительная часть народонаселенія котораго состояла изъ католиковъ; ходили слухи, что во всѣхъ частяхъ Англіи существуетъ болѣе милліона людей, готовыхъ по первому слову своихъ предводителей взяться за оружіе и идти защищать свою вѣру.

Если бы такое движеніе случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то, нѣтъ сомнѣнія, оно бы восторжествовало и свергло бы королеву съ престола; но Елизавета не даромъ потратила столько трудовъ на устройство войска. Оно дало ей въ настоящее время возможность не только защитить престолъ, но, можетъ быть, спасти даже собственную жизнь. Всетаки, несмотря на превосходныя силы правительства, исходъ дѣла долгое время оставался сомнительнымъ. Вначалѣ войска Елизаветы хотѣли только задержать бунтовщиковъ, чтобы преградить имъ путь къ столицѣ; но, видя совершенную неспособность вождей, которымъ ввѣрено было дѣло католиковъ и аристократовъ, королевская армія рѣшилась на болѣе

смѣлый шагъ, и послѣ короткой, хотя упорной, борьбы возмущеніе было подавлено. Католики, увидѣвши, что проиграли эту послѣднюю игру, впали въ совершенное отчаяніе. Какъ только извѣстіе объ этомъ пораженіи достигло Ватикана, то папа, обезумѣвъ отъ злобы, издалъ буллу, которою лишалъ Елизавету престола и разрѣшалъ подданныхъ отъ принесенной ими присяги. Какой-то англичанинъ имѣлъ смѣлость прибить эту дерзкую бумагу къ самымъ воротамъ лондонскаго епископальнаго дворца. Королева глубоко почувствовала это оскорбленіе, нанесенное ей въ ея собственной столицѣ, и, не забывши еще всѣхъ ужасовъ послѣдняго возмущенія, рѣшилась наконецъ жестоко отмстить партіи, выказывавшей такія безпощадныя и безпокойныя наклонности. Увидѣвши, что въ числѣ подданныхъ ея существуетъ не мало людей, которые не только признаютъ власть папы лишать королей престола, но даже готовы довести послѣдствія этого признанія папской власти до самыхъ крайнихъ предѣловъ, королева поняла, что самая сущность вопроса стала другою. Она увидѣла, что дѣло изъ борьбы между двумя враждебными вѣроисповѣданіями переходитъ въ смертельную борьбу между свѣтскою и духовною властью. Приходилось выбирать не между предразсудками протестантства и католичества, а между тѣмъ, кто будетъ управлять англійскимъ народомъ въ духовномъ отношеніи—свѣтскія ли лица, выбранныя изъ среды его, или намѣстники римскаго первосвященника. Рѣшеніе вопроса не заставило ждать себя; но, къ сожалѣнію, какъ для репутаціи Елизаветы, такъ, еще болѣе, для интересовъ Англіи, разрѣшеніе его сопровождалось такими мѣрами, которыя вполнѣ соотвѣтствовали духу нетерпимости, преобладавшему въ тотъ варварскій вѣкъ. Незачѣмъ распространяться о позорныхъ жестокостяхъ, которыя протестанты совершали надъ своими католическими соотечественниками — о позорныхъ столбахъ, бичеваніяхъ и пыткахъ; достаточно будетъ сказать, что въ продолженіе 13 лѣтъ до 200 католиковъ умерли мучениками за вѣру, причемъ многихъ изъ нихъ разрѣзывали на части живыми и вырывали у нихъ сердце въ присутствіи дикой черни, которая наслаждалась зрѣлищемъ ихъ предсмертныхъ мученій.

Печально видѣть, до какой степени Елизавета отклонилась отъ тѣхъ благоразумныхъ и благородныхъ правилъ, которымъ она такъ долго и неуклонно слѣдовала. Преслѣдовать людей за исповѣданіе вѣры было, конечно, великимъ преступленіемъ со стороны Елизаветы, и пятно этого жестокаго образа дѣйствій до сихъ поръ лежитъ на ней; но гораздо преступнѣе поступали епископы и архіепископы, подстрекавшіе ее, въ продолженіе долгихъ лѣтъ на это гнусное дѣло.

Чтобы составить себѣ полное понятіе о религіозной политикѣ Елизаветы, необходимо познакомиться еще съ образомъ дѣйствій ея относительно высшихъ церковныхъ представителей—епископовъ, огромное вліяніе которыхъ сдѣлало ихъ подозрительными для верховныхъ представителей свѣтской власти. Совершенное подчиненіе духовной власти коронѣ и окончательное установленіе верховенства послѣдней въ дѣлахъ церкви есть, несомнѣнно, одно изъ важнѣйшихъ явленій царствованія мудрой Елизаветы.

Народъ въ Англіи въ продолженіе многихъ вѣковъ привыкъ видѣть въ еписхкопахъ естественныхъ представителей политической власти. Католическіе епископы были всесильны въ царствованіе Маріи, отчего же

протестантскимъ епископамъ не быть всесильными въ царствованіе Елизаветы? Въ первый годъ воцаренія Елизаветы одинъ знаменитый проповѣдникъ сказалъ въ присутствіи королевы проповѣдь, въ которой всенародно провозглашалъ, что земли и доходы епископовъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть уменьшены. Такое разсужденіе было, конечно, естественно, но поведеніе Елизаветы вскорѣ разсѣяло всѣ иллюзіи. Первый шагъ ея церковной политики былъ таковъ, что Марія или Эдуардъ отступили бы отъ него въ ужасѣ. Она учредила инспекторскую коммисію изъ 14 лицъ. Власть, которую имѣла эта коммисія, была огромна и относительно церкви безпредѣльна, но изъ 14 инспекторовъ 13 были свѣтскими людьми. Скоро она издала парламентскій актъ, передающій десятины, начатки плодовъ и проч. казнѣ, и непосредственно другой законъ, дававшій право брать въ казну поземельную собственность духовныхъ лицъ, когда мѣста, занимаемыя ими, становились вакантными.

Всѣ эти рѣшительныя мѣры были приняты Елизаветой въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ ея царствованія и внушили епископамъ чувства живѣйшаго опасенія. Постановленіе, по которому королева имѣла право присвоить нѣкоторыя изъ ихъ земель, подѣйствовало на нихъ, повидимому, всего сильнѣе. Едва билль успѣлъ сдѣлаться закономъ, какъ они начали упрашивать Елизавету не приводить его въ дѣйствіе. Но доводы, употребляемые ими, вовсе не были таковы, чтобы расположить королеву въ ихъ пользу. Они говорили ей, что когда Египетъ былъ опустошаемъ голодомъ, даже Фараонъ не осмѣлился коснуться имущества священниковъ; что когда Артаксерксъ приказалъ евреямъ приносить дары для покрытія издержекъ на постройку храма, онъ избавилъ левитовъ отъ всякихъ взносовъ. Епископы англиканской церкви не постыдились предложить своей государынѣ взятки, въ надеждѣ удержать ее отъ исполненія мѣры, которая была уже утверждена въ обѣихъ палатахъ и съ формальной стороны получила полное согласіе короны. Королева осталась непреклонной, и епископы, видя, что не могутъ ни убѣдить, не подкупить ее, начали стараться о быстромъ разрывѣ съ римской церковью, надѣясь, что тогда Елизавета не будетъ въ состояніи удержать равновѣсія и должна будетъ отдать себя въ ихъ руки. Сандисъ, епископъ уинчестерскій, упрекалъ ее уже однажды въ томъ, что она имѣетъ распятіе въ своей капеллѣ; на его увѣщанія она отвѣчала угрозой—наказать его вмѣшательство смѣщеніемъ. Но теперь вся іерархія, пораженная ужасомъ, представила королевѣ формальный адресъ, требующій уничтоженія священныхъ изображеній во всѣхъ церквахъ. Королева проникла ихъ замыслы и рѣшилась не поддаваться никакимъ мѣрамъ, которыя могли бы ожесточить католиковъ. Она отвѣчала на адресъ запрещеніемъ прикасаться до какого бы то ни было изображенія Спасителя или апостоловъ. Въ первый годъ послѣ смерти Генриха VIII Кранмеръ успѣлъ выхлопотать приказъ вынести всѣ священныя изображенія изъ церквей.

Негодованіе епископовъ было громадно. Преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ, они едва могли удержать себя въ предѣлахъ приличія. «Сколько мои свѣдѣнія и знанія позволяютъ мнѣ судить, говоритъ архіепископъ Паркеръ, всѣ министры христіанскіе и языческіе имѣли обычай поддерживать служителей религіи... но теперь, къ нашему несчастью, мы исключены изъ человѣческаго общества и преданы поруганію и позору». Ар-

хіепископъ, воодушевясь предметомъ, угрожаетъ далѣе сопротивленіемъ коронѣ. Въ 1575 году Уайтгифтъ объявлялъ съ негодованіемъ, что «свѣтская власть старается поставить духовенство въ зависимость отъ себя».

Но все это ничего не помогало и служило къ укрѣпленію королевы въ намѣреніи ослабить епископскую власть. Она нашла въ этомъ отношеніи сильную поддержку въ нижней палатѣ, гдѣ духъ свободы снова началъ поднимать свою голову.

Въ то время, какъ эти мѣры начинали получать новую силу закона, королева не упускала случая примѣнять къ епископамъ въ отдѣльности тѣ же начала, которыя руководили ея политикой относительно всего сословія. Епископъ дургамскій въ теченіе многихъ столѣтій пользовался привилегіей включать въ число своихъ земель всѣ помѣстья, отнятыя у разныхъ лицъ за государственную измѣну. Эта привилегія была теперь въ первый разъ отнята у епископовъ и передана казнѣ pro hac vice, какъ говорили. Само собою разумѣется, что Елизавета уже не упустила этого права изъ рукъ.

Даже министры Елизаветы прониклись ея духомъ и начали говорить съ епископами такъ, какъ полвѣка тому назадъ не посмѣли бы самые высокомѣрные изъ свѣтскихъ людей. Когда епископы рѣшались протестовать на такое обращеніе отъ людей, на которыхъ они 20 лѣтъ передъ тѣмъ едвали удостоили бы обратить вниманіе, королева никогда не упускала случая поддерживать своихъ министровъ всей силой своей власти

Длиннымъ рядомъ этихъ и другихъ подобныхъ мѣръ надменныя притязанія епископовъ были, наконецъ, доведены до сколько нибудь разумныхъ предѣловъ.

Двадцать лѣтъ послѣ смерти Маріи мы начинаемъ замѣчать большую перемѣну въ рѣчахъ духовенства. Забывъ возвышенный языкъ апостольской власти, епископы приняли молящій тонъ, до котораго не захотѣлъ бы унизиться ни одинъ изъ ихъ предшественниковъ, даже изъ самыхъ ничтожныхъ.

Въ то же самое время казнь Маріи и прочное утвержденіе протестантскаго принца на шотландскомъ престолѣ, уничтоженіе армады, вступленіе на престолъ Генриха IV, упадокъ испанской вѣтви Габсбургскаго дома, образованіе Голландской республики,—всѣ эти событія, слѣдовавшія быстро одно за другимъ, такъ укрѣпили власть Елизаветы, что епископы отчаявались возстановить когда либо свое значеніе.

LX. АНГЛІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИЗАВЕТЫ.

(Изъ соч. Грина: «A schort history of englisch people»).

«Я всегда стремилась къ тому, чтобы подданные повиновались мнѣ не по принужденію, а изъ любви ко мнѣ», говорила Елизавета съ гордостью въ своемъ парламентѣ. И любовь эта была вполнѣ заслужена ею справедливымъ и разумнымъ управленіемъ. Хотя Елизавета и казалась вполнѣ поглощенною переговорами съ иностранными дворами и ихъ интригами, она, тѣмъ не менѣе, была прежде всего англійскою государынею. Съ энергіей и умѣньемъ занималась она внутреннимъ государ-

ственнымъ управленіемъ. Мудрость ея управленія обнаружилась прежде всего въ изданныхъ въ ея царствованіе законахъ о призрѣніи бѣдныхъ (poor-laws) и въ заботахъ ея о развитіи промышленности и торговли, такъ много способствовавшихъ экономическому процвѣтанію Англіи. Тотчасъ по вступленіи на престолъ ей представилась трудная задача найти средство для успокоенія общественнаго волненія. Хотя время и естественное развитіе новыхъ отраслей промышленности и содѣйствовали облегченію участи массы рабочихъ, тѣмъ не менѣе въ Англіи еще было много неурядицы.

Особенное неудовольствіе возбуждали постепенное ограниченіе и исчезновеніе мелкой поземельной собственности и общиннаго землевладѣнія (inclosures) вслѣдствіе быстрыхъ измѣненій въ сферѣ земледѣлія и промышленности, такъ что всякое возмущеніе могло всегда опираться на массу разоренныхъ людей. Въ смутное время ихъ присутствіе ободряло недовольныхъ, а въ мирное оно было причиною небезопасности жизни и имущества; изъ нихъ составлялись шайки бродягъ, наводившихъ страхъ на цѣлыя графства, и толпы дерзкихъ нищихъ, обиравшихъ путешественниковъ на большихъ дорогахъ.

Въ началѣ царствованія Елизаветы, также какъ и при ея предшественникахъ, еще примѣнялись прежніе законы, принуждавшіе праздныхъ людей къ труду, а бродягъ къ опредѣленному мѣсту жительства; но теперь стали выдѣлять изъ нихъ слабыхъ и безпомощныхъ личностей, которыхъ прежде съ ними смѣшивали. Каждый городъ и приходъ обязывались теперь заботиться о своихъ дряхлыхъ и неспособныхъ къ труду бѣдныхъ, между тѣмъ какъ прежде они отвѣчали за праздность нищихъ, способныхъ къ труду. Если добровольныя пожертвованія оказывались недостаточными для этой цѣли, то судьи имѣли законное право налагать контрибуцію на всѣхъ жителей города и членовъ прихода, которые отказывались жертвовать сообразно со своими средствами.

Законъ о мѣстной отвѣтственности за мѣстную бѣдность и о различеніи дѣйствительно бѣдныхъ отъ бродягъ былъ болѣе точно опредѣленъ статутомъ, появившимся въ половинѣ царствованія Елизаветы. Въ силу этого статута сдѣлано было обязательнымъ учрежденіе исправительныхъ заведеній для наказанія и исправленія бродягъ посредствомъ принудительной работы.

Право назначать общій налогъ во всякомъ приходѣ для помощи бѣднымъ перешло отъ судей къ церковнымъ старшинамъ. Общеизвѣстный 43 указъ въ царствованіе Елизаветы, содѣйствовавшій установленію этой системы, послужилъ основаніемъ для организаціи общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, какою она намъ является почти до нашего времени. Хотя впослѣдствіи опытъ и могъ указать на нѣкоторые недостатки предписанныхъ въ немъ мѣръ, тѣмъ не менѣе разумность и человѣчность ихъ представляли поразительный контрастъ съ тѣми статутами, которые лежали чернымъ пятномъ на англійскомъ законодательствѣ со времени изданія «статута о рабочихъ» (Statute of Labourers). Дѣйствительность этихъ новыхъ мѣръ блистательно подтвердилась: угрожавшая общественному спокойствію опасность, для предотвращенія которой онѣ назначались, дѣйствительно исчезла.

Но надо сказать, что этому содѣйствовалъ не только статутъ Елизаветы относительно призрѣнія бѣдныхъ, но и естественное развитіе бо-

гатства и промышленности во всей странѣ. Перемѣны въ сферѣ землевладѣнія и земледѣлія, правда, и сопровождались общественными затрудненіями, но несомнѣнно благопріятствовали впослѣдствіи производительности страны. Новая система земледѣлія развила вкусъ къ новымъ и лучшимъ способамъ сельскаго хозяйства: разведеніе лошадей и рогатаго скота было улучшено, и удобреніе примѣнено съ большею пользою. Одинъ акръ земли производилъ при новой системѣ вдвое больше, чѣмъ при прежней. Со введеніемъ болѣе старательной и постоянной обработки потребовалось и больше рабочихъ рукъ: много рабочихъ, удалившихся изъ страны въ началѣ введенія этой системы, были призваны обратно. Но еще болѣе содѣйствовало примѣненію рабочей силы развитіе мануфактуры. Производство бумажныхъ тканей было еще очень незначительно, а шелковыхъ — только-что вводилось; но зато шерстяныя фабрикаціи служили уже важнымъ предметомъ въ развитіи народнаго богатства. Англія уже не посылала ткать шерсть свою во Фландрію, а красить—во Флоренцію. Пряденіе, тканье, валянье и крашеніе матерій быстро распространились изъ городовъ въ деревни. Торговля шерстью, центромъ которой служилъ Норвичъ, распространилась по всѣмъ восточнымъ графствамъ. Жены всѣхъ фермеровъ начали прясть шерсть своихъ овецъ. Южныя и западныя графства продолжали быть средоточіемъ промышленности и богатства, главнымъ мѣстомъ горной и мануфактурной дѣятельности. Желѣзодѣлательное производство ограничивалось Кентомъ и Суссексомъ, но здѣсь ея успѣхамъ грозила уже опасность вслѣдствіе постепеннаго истощенія и исчезновенія лѣсовъ, пожиравшихся ея печами. Корнваллисъ былъ тогда, какъ и теперь, единственнымъ мѣстомъ вывоза олова; вывозъ мѣди только-что начинался. Тонкое сукно, изготовлявшееся въ западныхъ графствахъ, превосходило всѣ шерстяныя матеріи Англіи. Пять гаваней имѣли монополію на торговлю чрезъ каналъ. Каждая маленькая пристань высылала свой флотъ, состоявшій изъ рыбачьихъ судовъ и управляемый смѣлыми моряками, которые часто поступали въ экипажъ корсарскихъ судовъ.

Но развитіе англійской торговли шло еще гораздо быстрѣе, нежели развитіе мануфактуры. Конечно, мы не должны объ этомъ судить по нынѣшнему масштабу. Все населеніе страны едва ли превышало 5 или 6 милліоновъ, и грузъ всѣхъ торговыхъ судовъ оцѣнивался не болѣе, какъ въ 50 тысячъ тоннъ. Величина тогдашнихъ судовъ показалась бы теперь очень незначительною: нынѣшнее угольное судно, вѣроятно, настолько же велико, какъ самое большое торговое судно, выходившее тогда изъ Лондона. Только со времени Елизаветы начинается то быстрое развитіе англійской торговли, которое поставило ее теперь во главѣ всѣхъ остальныхъ государствъ. Главная торговля производилась съ Фландріею. Антверпенъ и Брюгге были всемірными рынками въ XVI столѣтіи; стоимость ежегоднаго вывоза англійской шерсти и суконныхъ произведеній на эти рынки оцѣнивалась болѣе чѣмъ въ два милліона фунтовъ стерлинговъ. Только послѣ разоренія Антверпена, вслѣдствіе его осады и взятія его герцогомъ Пармскимъ, установилось первенство торговли столицы Англіи. Говорятъ, что треть купцовъ и фабрикантовъ разореннаго города нашла себѣ убѣжище на берегахъ Темзы. Вывозъ во Фландрію прекратился, когда въ Лондонѣ установился всеобщій европейскій рынокъ, на которомъ рядомъ съ золотомъ и сахаромъ Новаго Свѣта являлись и

хлопчатая бумага изъ Индіи, шелкъ съ Востока и шерстяныя матеріи самой Англіи. Учрежденіе королевской биржи Томасомъ Гресгамомъ служитъ доказательствомъ успѣховъ торговли того времени. Прежняя всемірная торговля сосредоточивалась теперь большею частью у англійскаго канала; кромѣ этого, внезапный порывъ національной энергіи нашелъ еще новый исходъ для своей дѣятельности. Венеціанскій флотъ еще появлялся въ гавани Соутгемптона, но со времени царствованія Генриха VII былъ заключенъ торговый договоръ съ Флоренціею, и торговля на Средиземномъ морѣ, начавшаяся со времени Ричарда III, принимала все большіе размѣры. Сношенія между Англіею и балтійскими портами производились еще ганзейскими купцами, но уничтоженіе ихъ лондонскаго депо въ это время доказываетъ, что и эта торговля перешла въ руки англичанъ. Возвышеніе Бостона и Гулля было слѣдствіемъ развитія ихъ торговыхъ сношеній съ сѣверомъ. Процвѣтаніе Бристоля, зависѣвшее отъ торговли съ Ирландіею, содѣйствовало завоеванію и колонизаціи этого острова въ концѣ царствованія Елизаветы и въ началѣ слѣдующаго царствованія. Стремленіе открыть сѣверный проходъ въ Индію возбудило торговлю съ неизвѣстною еще до тѣхъ поръ страною. Изъ трехъ кораблей, отправившихся, подъ предводительствомъ Ричарда Вилловея, для осуществленія этой мечты, два были впослѣдствіи найдены замерзшими съ экипажемъ и несчастнымъ предводителемъ на берегу Лапландіи; но третій, подъ командою Ричарда Ченслера, достигъ благополучно до Бѣлаго моря и, открывъ Архангельскъ, завязалъ торговыя сношенія съ Россіею. Болѣе выгодная торговля производилась уже съ берегами Гвинеи; ихъ золоту, песку и слоновой кости соутгемптонскіе купцы были обязаны своимъ богатствомъ. Виновникомъ возникшей здѣсь торговли невольниками былъ Джонъ Гавкинсъ; изображеніе на якорныхъ рогахъ его судовъ (негръ, привязанный веревкою) указываетъ на его первенство въ дѣлѣ перевозки негровъ изъ Африки въ Новый Свѣтъ. Рыболовство на каналѣ и Нѣмецкомъ морѣ доставляло многочисленнымъ жителямъ берега, отъ Ярмута до Плимута, средства къ жизни. Со времени Генриха VIII число англійскихъ судовъ, отправлявшихся къ берегамъ Нью-Фоундленда для ловли трески, постоянно увеличивалось, а въ концѣ царствованія Елизаветы бискайскіе моряки находили въ англичанахъ соперниковъ въ ловлѣ китовъ въ полярныхъ странахъ. Елизавета содѣйствовала развитію торговли тѣмъ, что поддерживала миръ и общественный порядокъ, какъ необходимыя для этого условія, и щадила кошельки своихъ подданныхъ, довольствуясь обыкновенными средствами, назначавшимися для королевскаго содержанія. Она покровительствовала новой торговлѣ, принимала участіе въ ея спекуляціяхъ, смотрѣла на ея распространеніе и охраненіе, какъ на дѣло общественной политики, и утвердила учрежденіе большихъ купеческихъ компаній, которыя служили единственною защитою торговца отъ обидъ и несправедливости въ отдаленныхъ странахъ. Лондонское общество «купцовъ-авантюристовъ», существовавшее уже задолго предъ тѣмъ и получившее привилегію отъ Генриха VII, послужило образцомъ для русской компаніи и компаніи индійской.

Но ни Елизавета, ни ея министры не были довольны перемѣною, произведенною распространявшимся богатствомъ въ общественныхъ нравахъ. Они опасались, что неизбѣжное слѣдствіе этого богатства—увеличеніе роскоши и комфорта—истощатъ страну и изнѣжатъ народъ. «Англія расходуетъ

теперь на вина въ одинъ годъ больше, нежели въ старину въ четыре года», жаловался министръ Сесиль. Рѣдкое употребленіе соленой рыбы и большее потребленіе мяса свидѣтельствовало объ улучшеніи положенія сельскаго населенія. Ихъ убогія хижины уступили мѣсто каменнымъ и кирпичнымъ домамъ. Деревянная посуда, бывшая прежде въ употребленіи у крестьянъ, замѣнена была оловянною. Съ этого только времени возникаетъ и развивается столь свойственное теперь англичанамъ представленіе о домашнемъ комфортѣ. Съ этого же времени каминъ дѣлается необходимою принадлежностью почти каждаго дома. Подушки, которыя презирались фермеромъ и торговцемъ, какъ годныя только для роженицъ, вошли теперь во всеобщее употребленіе; ковры замѣнили грязныя соломенныя подстилки. Просторные дома зажиточныхъ купцовъ, дорогіе обои, рѣзныя лѣстницы, красивыя крыши совершенно измѣнили скромный видъ, характеризовавшій до тѣхъ поръ англійскіе города, и свидѣтельствовали о возникновеніи новаго, средняго торговаго класса, которому суждено было играть важную роль въ позднѣйшей исторіи. Но особенно рѣзкимъ доказательствомъ происшедшей перемѣны служитъ исчезновеніе феодальнаго характера дворянства. Мрачныя стѣны, окружавшія его жилища, исчезли. На мѣстѣ укрѣпленныхъ замковъ появились роскошныя и изящныя палаты. Ноуле и Борлей, Гардвигъ и другіе современные писатели свидѣтельствуютъ о происшедшей общественной и архитектурной перемѣнѣ, вслѣдствіе которой главное вниманіе стали обращать не на защиту зданія отъ нападенія враговъ, а на его красоту и домашній комфортъ. Мы теперь еще съ удовольствіемъ смотримъ на изящныя крыши, на фасады, украшенные выпуклыми фигурами, позолоченныя башни и фантастическіе флюгера, на галлереи, съ которыхъ важный владѣтель ихъ смотрѣлъ на свой новый итальянскій садъ, на ихъ великолѣпныя террасы съ широкими ступенями, вазами и фонтанами, на ихъ красивые лабиринты, правильныя дорожки и т. д. И внутренность этихъ домовъ также совершенно преобразовалась: главныя комнаты были переведены въ верхній этажъ, появились широкія лѣстницы, громадные камины, украшенные фавнами и купидонами съ искусно вплетенными вензелями и арабесками; стѣны покрылись обоями, и комнаты наполнились рѣзными стульями и столами. Архитектура домовъ стала отличаться большимъ количествомъ оконъ, что имѣло благодѣтельное вліяніе на общее состояніе здоровья. Наплывъ новаго богатства развилъ роскошь въ жизни, любовь къ красотѣ, къ яркимъ цвѣтамъ, къ преобразованію одежды. Придворные королевы, имѣвшей до 3000 платьевъ, старались не отстать, въ этомъ отношеніи, отъ нея, одѣваясь въ рѣзной бархатъ, кафтаны, усѣянные драгоцѣнными камнями. «Мужчины, по словамъ одного изъ современниковъ, носили цѣлый магазинъ на своихъ спинахъ». Прежнее стремленіе къ бережливости прекратилось вслѣдствіе быстраго увеличенія богатства въ странѣ. Кутилы проигрывали въ нѣсколько часовъ цѣлое состояніе и уѣзжали въ Индію, чтобы составить себѣ новое. Мечты о корабляхъ, наполненныхъ жемчугомъ, алмазами и слитками серебра, объ эльдорадо, гдѣ все блестѣло золотомъ, занимали воображеніе всякаго матроса. Чудеса Новаго Свѣта возбудили въ Старомъ страсть къ приключеніямъ. Странное смѣшеніе прошедшаго съ настоящимъ, какимъ отличались маскарады и празднества, отражало только смѣшеніе понятій людей этого времени. Чопорность, итальянская аллегорія, рыцарство

среднихъ вѣковъ, римская миѳологія, англійскій медвѣжій бой, пастушескія стихотворенія, суевѣріе, фарсъ—все это было перемѣшано на пиршествѣ, данномъ лордомъ Лестеромъ въ честь королевы въ Кенильворсѣ.

Но именно роскоши и сильному возбужденію воображенія Англія обязана возрожденіемъ своей литературы во времена Елизаветы. Здѣсь, какъ и у другихъ народовъ, возрожденіе застало отечественную литературу погруженною въ мертвый сонъ: поэзія ограничивалась дурными стихами Скельтона, исторія—лѣтописью Фабіана и Галла. Знакомство съ римскими и греческими литературными образцами имѣло сильное вліяніе на возрожденіе англійской поэзіи и прозы. До сихъ поръ Англія относительно литературы стояла далеко позади остальной Европы—Италіи, Германіи и Франціи. Одинъ Моръ занималъ почетное мѣсто въ ряду знаменитыхъ классиковъ XVI вѣка. Изученіе классиковъ совершенно прекратилось въ университетахъ во время реформаціи и возобновилось только въ концѣ царствованія Елизаветы. Хотя незамѣтно, но вліяніе возрожденія подготовляло умственную почву Англіи къ обильной жатвѣ.

Увеличеніе числа гимназій осуществляло мечту Томаса Мора: онѣ знакомили среднее сословіе, начиная съ эсквайра до мелкаго торговца, съ греческими и римскими авторами. Страсть къ путешествіямъ, сдѣлавшаяся столь характеристическою чертою англичанъ во время Елизаветы, ускорила умственное развитіе зажиточнаго класса. «Юноши-домосѣды, говоритъ Шекспиръ, всегда отличаются недалекимъ умомъ». Поѣздка на континентъ сдѣлалась необходимымъ условіемъ для образованія молодаго человѣка. Вслѣдствіе вліянія итальянской литературы на англичанъ, посѣщавшихъ болѣе всего Италію, появились толкованія на сочиненія Тассо и Аріосто. Къ нимъ присоединилось множество переводовъ греческихъ и римскихъ авторовъ, сдѣлавшихъ ихъ доступными для всѣхъ желавшихъ познакомиться съ ними. Большинство поэтовъ и историковъ классическаго міра были переведены на англійскій языкъ. Хорошо характеризуетъ Англію то, что историческая литература первая пробудилась отъ долгаго сна.

Форма, въ которой она возстала, рѣзко доказывала разницу между временемъ ея исчезновенія и ея новаго пробужденія. Во время среднихъ вѣковъ не существовало прошедшаго, за исключеніемъ темнаго, неизвѣстнаго прошедшаго древняго Рима; лѣтописецъ и хроникеръ разсказывали событія предшествовавшихъ лѣтъ, какъ предисловіе къ своему современному разсказу. Наконецъ великая религіозная, соціальная и политическая перемѣна, происшедшая въ Англіи, нарушила однообразіе ея жизни. Исторія, при своемъ возрожденіи во время Елизаветы, оставила средневѣковую форму простаго разсказа и перешла къ изслѣдованію и возстановленію прошедшаго. Интересъ къ прошедшему заставилъ собирать лѣтописи, печатать и возстановлять ихъ. Отчасти желаніе найти для англиканской церкви прочное основаніе въ ея прошломъ, отчасти любовь къ наукѣ—побудили архіепископа Паркера быть руководителемъ такого рода трудовъ. Коллекція историческихъ манускриптовъ, которую онъ спасъ отъ погибели въ монастырскихъ библіотекахъ, создала школу антикваріевъ, изслѣдованія и трудолюбіе которыхъ сохранили для Англіи почти всѣ сочиненія, имѣвшія важное историческое значеніе и существовавшія до уничтоженія монастырей. Его изданію нѣкоторыхъ изъ древнихъ хроникъ Англія обязана цѣлымъ рядомъ подобныхъ же изданій.

Болѣе широкимъ развитіемъ литературы Англія обязана Италіи, которую англичане чаще всего посѣщали и поэзія и романы которой имѣли сильное вліяніе на ихъ вкусъ и нравы. Разсказы Боккачіо цѣнились выше разсказовъ изъ библіи. Итальянская одежда и обычаи сдѣлались предметомъ всеобщаго подражанія, часто не вполнѣ разумнаго и благороднаго. Подражаніе въ литературѣ доходило положительно до нелѣпости. Джонъ Лили, извѣстный какъ драматическій писатель и какъ поэтъ, отказался совершенно отъ англійскаго стиля и замѣнилъ его другимъ, слѣпленнымъ съ итальянской прозы, бывшей уже въ упадкѣ.

Но подражательность эта, искусственность языка, произошла вслѣдствіе общаго почитанія новыхъ образцовъ мысли и языка, бывшихъ теперь въ распоряженіи литературы. Новый взглядъ на литературную красоту, несмотря на ея неестественность и страсть къ фразамъ, свидѣтельствуетъ о стремленіи къ изящному построенію фразъ, что положило начало къ развитію слога. Острота и живость англійской прозы развились въ школѣ итальянскихъ подражателей, появившихся въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы. Происхожденіе англійскихъ романовъ надо искать въ тѣхъ разсказахъ, которыми Гринъ и Нешъ переполняли книжные магазины и образцами для которыхъ служили итальянскія повѣсти. Быстрота, съ которою появлялись разные пасквили, носившіе названіе «памфлетовъ», доказывала увеличеніе числа читателей, перечитывавшихъ ихъ съ жадностью. Но наиболѣе замѣчательное проявленіе быстраго развитія поэтической литературы въ царствованіе Елизаветы представляетъ то недосягаемое совершенство, котораго достигла англійская драма въ произведеніяхъ геніальнаго Шекспира. Масса типографій и печатныхъ книгъ, появившихся въ концѣ царствованія Елизаветы, доказывала, что число писателей и читателей увеличилось далеко за предѣлы маленькаго кружка ученыхъ и придворныхъ, изъ которыхъ онъ до тѣхъ поръ состоялъ.

Какъ умственное, такъ и религіозное движеніе этого вѣка, въ связи съ вліяніемъ увеличивавшагося богатства, возбудили въ націи духъ независимости, понять который Елизавета не могла; но все-таки она, со свойственнымъ ей тактомъ, чувствовала силу его. Реформы, введенныя ею, сознательно или безсознательно, въ систему новой монархіи, доказывали, что она инстинктивно замѣчала перемѣну, происходившую вокругъ нея. Она, подобно предшественникамъ своимъ, не допускала большой свободы толкованія статутовъ, и давленіе на присяжныхъ продолжалось попрежнему въ политическихъ процессахъ; произвольные аресты все-еще производились совѣтомъ. Произвольнымъ наложеніемъ пошлинъ на сукно и сладкія вина Елизавета какъ-бы подтверждала свое право на произвольную таксацію. Королевскимъ указамъ придавала она значеніе законовъ. Въ одномъ отношеніи Елизавета уклонялась отъ правилъ, которыми руководствовались ея предшественники изъ дома Тюдоровъ. Со времени министерства Кромвеля парламентъ собирался почти каждый годъ для установленія правосудія и законодательства; но Елизавета пользовалась давнишнимъ соперничествомъ между двумя палатами, которое поддерживали также Эдуардъ IV, Генрихъ VII, Вольсей, и сзывала парламентъ только въ случаѣ крайней надобности, въ промежутки отъ трехъ до пяти лѣтъ. Но вообще Елизавета примѣняла свою власть съ большою осторожностью и умѣренностью, потому что она сознавала, какія затрудненія могли бы возникнуть въ противномъ случаѣ. Обыкновенное судо-

производство было оставлено неприкосновеннымъ. Издававшіяся предписанія имѣли временное и маловажное значеніе. Двѣ наложенныя ею пошлины были столь незначительны, что прошли незамѣченными, особенно въ виду всеобщаго довольства крайнею сдержанностью Елизаветы отъ произвольнаго взиманія налоговъ. Вынужденные займы, бывшіе въ ходу при ея предшественникахъ, были теперь совершенно уничтожены. Монополіи, которыми она отчасти сковывала торговлю, могли, правда, служить поводомъ къ неудовольствію, но въ первое время ея царствованія на нихъ смотрѣли какъ на мѣропріятія, необходимыя для регулированія и поддержки торговли, принимавшей все болѣе широкіе размѣры, противъ чужеземной конкурренціи. Бережливость Елизаветы давала ей возможность покрывать вполнѣ текущіе расходы. Бережливость эта была слѣдствіемъ не только характера, но и нежеланія созывать парламентъ. Королева видѣла, что управленіе двумя палатами представляло ей съ каждымъ днемъ все болѣе затрудненій. Появленіе новаго дворянства, обогатившагося грабежемъ церкви и привыкшаго къ политической жизни среди опасностей религіозной борьбы, дало новую силу лордамъ. Сельское дворянство стало также въ лучшія матеріальныя условія и стремилось получить голосъ въ нижней палатѣ. Давно подготовлявшаяся перемѣна по городскому представительству также содѣйствовала усиленію и независимости нижней палаты. По прежнимъ постановленіямъ представители городовъ должны были избираться изъ числа мѣщанъ; этотъ обычай получилъ силу закона вслѣдствіе указа Генриха V. Но часто этотъ законъ нарушался, и во время Елизаветы бо́льшая часть скамей въ нижней палатѣ были заняты посторонними личностями, часто крупными землевладѣльцами, людьми богатыми, которые поступали въ парламентъ только для политическихъ цѣлей. Господствовавшій въ нижней палатѣ тонъ былъ дотого рѣзокъ въ концѣ царствованія Генриха VIII, что Эдуардъ и Марія воспользовались привилегіей государей и стали основывать новыя мѣстечки, а жителей ихъ, находившихся совершенно въ ихъ рукахъ, назначали членами палаты. Такимъ образомъ дѣйствовали и ихъ преемники. Значительное число такихъ членовъ, а именно 62, собранныхъ Елизаветою въ нижнюю палату, свидѣтельствуетъ о затрудненіи правительства пріобрѣсти большинство голосовъ.

Если бы время Елизаветы было мирное, то она, при своей бережливости, имѣла бы возможность совсѣмъ не созывать парламента; но волненія, часто нарушавшія спокойствіе ея царствованія, вынуждали ее, хотя рѣдко, просить субсидій, которыхъ она не могла получить, не созывая парламента. Пользуясь своею силой, во время Елизаветы нижняя палата достигла постепенно того, что могла защищать своихъ членовъ отъ ареста въ продолженіе сессій, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она сама на это давала свое разрѣшеніе; кромѣ того, палата пріобрѣла еще право наказывать и исключать членовъ за совершенныя ими въ стѣнахъ парламента уклоненія отъ закона. Болѣе важное требованіе свободы слова возбудило цѣлый рядъ мелкихъ столкновеній, которыя, съ одной стороны, доказывали врожденный деспотизмъ Елизаветы, а съ другой—и пониманіе ею новой силы, съ которой ея деспотизму приходилось бороться. Во время преній по дѣлу о бракѣ Дарнлея мистеръ Дэттонъ пренебрегъ королевскимъ запрещеніемъ не упоминать о престолонаслѣдіи. Елизавета велѣла его тотчасъ арестовать, но нижняя палата попро-

сила разрѣшенія воспользоваться своими правами, и королева приказала его освободить. Также запретила она являться въ парламентъ мистеру Стрикленду, предложившему непріятный для королевы билль о преобразованіи богослуженія; но, какъ скоро она замѣтила, что нижняя палата желаетъ его возвращенія, она немедленно отмѣнила свое запрещеніе. Съ своей стороны нижняя палата избѣгала заявленія неудовольствія на присвоенный Елизаветою контроль надъ свободою слова. Смѣлый протестъ одного пуританскаго члена, Вентворта, былъ наказанъ самою палатою заключеніемъ его въ Тоуэрѣ; а еще болѣе смѣлыя рѣчи, обращенныя имъ къ слѣдующему парламенту, навлекли на него вторичное заключеніе, продолжавшееся до распущенія парламента. Но, взамѣнъ этого, палата настойчиво требовала для себя права обсуждать три важныхъ вопроса, на рѣшеніе которыхъ всѣ государи изъ дома Тюдоровъ смотрѣли, какъ на свое личное дѣло. Государственныя дѣла или, собственно, важнѣйшіе политическіе вопросы были предоставлены рѣшенію королей; но вопросъ о престолонаслѣдіи имѣлъ слишкомъ большое значеніе для англійской свободы и религіи, чтобы быть обсужденнымъ только въ совѣтѣ Елизаветы. При ея вступленіи на престолъ, нижняя палата со смиреніемъ обратилась къ ней съ просьбою назначить наслѣдника и вступить въ бракъ, и, несмотря на неудовольствіе и уклончивые отвѣты Елизаветы, четыре года спустя, обѣ палаты соединились для повторенія этой же просьбы.

Хотя это и возбудило въ Елизаветѣ сильный порывъ гнѣва, она, тѣмъ не менѣе, обѣщала вступить въ бракъ, запретивъ, однако, затрогивать вопросъ о престолонаслѣдіи. Тогда Вентвортъ поставилъ нижней палатѣ вопросъ: «Не есть ли подобное запрещеніе нарушеніе правъ парламента»? Это подало поводъ къ оживленнымъ преніямъ. Елизавета послала приказаніе не продолжать дебатовъ, но оно было предупреждено просьбою о разрѣшеніи обсудить этотъ вопросъ. Елизавета была настолько умна, что поняла необходимость уступить; она объяснила, что «не имѣла намѣренія ограничивать правъ парламента», и приказаніе свое она смѣнила просьбою. Нижняя палата, тронутая этою уступкою, съ готовностью согласилась исполнить ея просьбу. Тѣмъ не менѣе, одержанная ею побѣда была рѣшительная. Еще въ первый разъ со времени новой монархіи произошла такая борьба между палатою и правительствомъ, и окончилась она полнѣйшимъ пораженіемъ послѣдняго. Это была прелюдія къ еще болѣе непріятному для Елизаветы требованію. Подобно другимъ государямъ изъ дома Тюдоровъ, она считала верховную духовную власть принадлежащею лично ей: ни парламентъ, ни совѣтъ не имѣли права вмѣшиваться въ это дѣло. Но распространеніе пуританъ между землевладѣльцами съ каждымъ днемъ придавало палатѣ болѣе протестантскій характеръ. Всѣ члены ея очень хорошо помнили, что верховная духовная власть, охраняемая съ такою ревностію отъ вмѣшательства парламента, была предоставлена правительству именно парламентскимъ рѣшеніемъ. Королева, будучи представительницею двухъ партій, на которыя раздѣлялись ея подданные въ отношеніи религіозномъ, имѣла подъ собою болѣе твердую почву, нежели нижняя палата, члены которой принадлежали только къ одной изъ нихъ. И она смѣло воспользовалась своимъ преимуществомъ. Билли, предложенные пуританами для преобразованія богослуженія, были, со-

гласно ея требованію, переданы въ ея руки и уничтожены. Вентвортъ, самый дѣятельный членъ пуритантской партіи, былъ, какъ мы видѣли. заключенъ въ Тоуэръ, а позже президенту парламента было даже строго запрещено допускать билли относительно преобразованія церкви. Несмотря на это, усилія произвести реформу продолжались, и, вопреки препятствіямъ со стороны правительства и лордовъ, въ каждую сессію парламента представлялись духовные билли. Большій успѣхъ имѣла нижняя палата въ своихъ нападеніяхъ на королевскія привилегіи въ дѣлахъ торговли. Жалобы на монополію, стѣснявшую какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю торговлю, отклонялись заявленіемъ, что это не дѣло нижней палаты и выше ея пониманія. Когда этотъ вопросъ былъ снова возбужденъ, 20 лѣтъ спустя, сэръ Эдвардъ Гоби долженъ былъ выслушать строгое замѣчаніе за свою жалобу на незаконное взысканіе правительства. Но, несмотря на это, билль, представленный имъ, былъ переданъ лордамъ, а въ концѣ царствованія Елизаветы волненіе, возбужденное увеличеніемъ числа жалобъ, произвело въ нижней палатѣ рѣшительную борьбу. Напрасно министры возставали противъ билля объ уничтоженіи монополій: послѣ горячихъ дебатовъ, продолжавшихся четыре дня, Елизавета уступила. Она и здѣсь поступила съ обыкновенною своею ловкостью, объявивъ, что не знала о существованіи этого зла; она благодарила палату за ея вмѣшательство и однимъ разомъ уничтожила всѣ данныя ею монополіи.

LVIII. МАРІЯ СТЮАРТЪ, КОРОЛЕВА ШОТЛАНДІИ.

(Изъ соч. Мауренбрехера: «England im Reformationszeitalter»).

Въ половинѣ XVI столѣтія еще не существовало Великобританіи. Въ то время на британскихъ островахъ находилось еще два самостоятельныхъ, раздѣльныхъ во всѣхъ отношеніяхъ государства, Англія и Шотландія, которыя питали другъ къ другу древнюю наслѣдственную вражду.

Англійскіе короли, начиная съ среднихъ вѣковъ, дѣлали неоднократныя попытки соединить эти государства или превратить Шотландію въ ленное владѣніе англійской короны (именно при воинственныхъ Эдуардахъ); но всѣ такія попытки къ сліянію обѣихъ націй не достигали своей цѣли. Соединеніе этихъ двухъ сосѣднихъ, родственныхъ между собою по природѣ народовъ въ одно государство впервые сдѣлалось возможнымъ тогда, когда англійскіе Тюдоры, оставивши воинственную политику, стали стремиться къ рѣшенію задачи мирнымъ путемъ.

Уже Генрихъ VII, съ своей всегдашней холодной разсчетливостью, выдалъ свою дочь Маргариту за Іакова IV. Генрихъ VIII, слѣдуя по стопамъ своего отца, долгое время желалъ брака своей единственной дочери, Маріи, со своимъ племянникомъ, юнымъ королемъ Шотландіи, Іаковомъ V,—брака, который естественнымъ путемъ долженъ былъ соединить оба государства. Въ самой Шотландіи была партія, желавшая присоединенія ея къ могущественной Англіи; даже самъ король нѣкоторое время былъ на сторонѣ этого присоединенія. Но тѣмъ не менѣе оба сосѣднія королевства оставались попрежнему совершенно раздѣльными.

Въ концѣ концовъ Іаковъ V опять-таки предпочелъ союзъ съ Франціей; годъ отъ году болѣе и болѣе расходясь съ родственнымъ ему англійскимъ королемъ, онъ снова закрѣпилъ древній союзъ, цѣлое столѣтіе существовавшій между Шотландіей и Франціей: онъ взялъ себѣ жену изъ Франціи и, по смерти первой, вторично женился на француженкѣ Маріи, изъ могущественнаго дома Гизовъ. Такимъ образомъ, Шотландія осталась вполнѣ вѣрна старой, традиціонной политикѣ: король Іаковъ не былъ въ состояніи создать новую эпоху для своего государства.

Между тѣмъ какъ въ цѣлой Европѣ правительства стремились къ тому, чтобы на развалинахъ отжившаго средневѣковаго государства создать прочную и сильную правительственную власть, и между тѣмъ какъ сильные правители почти повсюду съ успѣхомъ приводили въ исполненіе этотъ планъ, въ Шотландіи въ этомъ отношеніи почти ничего не было достигнуто. Шотландскимъ королямъ никакъ не удавалось достигнуть дѣйствительной, безусловной покорности со стороны могущественныхъ лордовъ. Здѣсь лорды все-еще враждовали между собою, а особенно съ духовенствомъ; мѣстные владѣтели соединенными силами выходили одни противъ другихъ, нимало не обращая вниманія на повелѣнія королей; сами короли иногда становились во главѣ той или другой партіи, того или другаго фамильнаго союза. Наиболѣе прочную опору королевская власть нашла себѣ только въ духовенствѣ; право назначенія на высшія духовныя должности находилось въ рукахъ короля. Іаковъ V, въ свою очередь, старался упрочить будущее своей монархіи среди враждебныхъ партій шотландскаго дворянства также посредствомъ союза съ церковной аристократіей.

Но положеніе шотландской церкви въ его время также не могло считаться незыблемо-твердымъ. Великое умственное движеніе XVI ст. въ религіозной области проникло и въ Шотландію. Подобно тому, какъ повсюду въ Европѣ, церковныя реформы начались съ нападокъ на злоупотребленія духовенства, и въ Шотландіи прежде всего возникло недовольство глубокимъ нравственнымъ паденіемъ, деморализаціею духовенства. Конечно, это недовольство не привело тотчасъ же къ реформаціи: на воззваніе къ реформѣ духовенство отвѣтило запрещеніемъ какого бы то ни было посторонняго вмѣшательства въ дѣла церкви, и, чтобы придать болѣе вѣсу своему запрещенію, оно стало преслѣдовать протестующихъ: кто не могъ или не хотѣлъ молчать—долженъ былъ бѣжать за границу.

Положеніе Шотландіи подъ управленіемъ Іакова V въ немногихъ словахъ можно характеризовать слѣдующимъ образомъ: далеко еще не окрѣпшая королевская власть, самовольная борьба партій среди дворянства, тѣсный союзъ между короною и церковью и возрастающее недовольство низшаго и особенно высшаго классовъ народа по отношенію къ послѣдней. Между тѣмъ, правительство сдѣлало свое положеніе и положеніе государства еще болѣе шаткимъ, становясь въ вопросахъ иностранной политики болѣе и болѣе открыто на сторону союза съ Франціей.

Когда французское правительство, ведшее борьбу съ великой испанско - габсбургской монархіей за верховное владычество надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, привлекло на свою сторону и Шотландію, то Англія,

оставвшаяся нѣкоторое время въ нейтральномъ положеніи между обѣими воюющими сторонами, стала наконецъ рѣшительно на сторону Испаніи. Генрихъ VIII вознамѣрился всѣми своими силами напасть на Францію; но это повлекло за собою враждебныя отношенія къ Англіи со стороны союзника Франціи, короля шотландскаго: Іаковъ V сдѣлалъ внезапное вторженіе въ Англію; самъ онъ палъ въ первомъ же сраженіи, происшедшемъ въ 1542 году, спустя шесть лѣтъ послѣ того, какъ Марія Гизъ родила ему дочь, Марію Стюартъ, наслѣдницу его шотландской короны.

Послѣднее событіе, казалось, представляло полнѣйшую возможность осуществить давнишнее желаніе англичанъ — присоединить Шотландію къ своему государству, а равнымъ образомъ и желаніе англійской партіи въ Шотландіи, — партіи, болѣе и болѣе настоятельно требовавшей единенія съ Англіей въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ.

Наслѣдникомъ англійскаго престола явился сынъ Генриха, принцъ Эдуардъ, а шотландскаго—маленькая Марія Стюартъ. Казалось, ничего лучшаго не оставалось, какъ соединить ихъ между собою. И дѣйствительно, обѣ стороны (правительства англійское и шотландское) горячо ухватились за эту мысль; затрудненія возникли лишь въ условіяхъ, а не относительно самой сущности дѣла. И здѣсь мѣстный патріотизмъ старался сохранить для своей родины въ извѣстной степени самостоятельное управленіе; партія шотландскихъ патріотовъ воспротивилась признавать англійскій законъ,—она желала удержать собственный парламентъ и имѣть собственнаго регента изъ природныхъ шотландцевъ. Въ этихъ вещахъ Генрихъ соглашался уступить ихъ желаніямъ, но, въ свою очередь, онъ совершенно справедливо настаивалъ на томъ, чтобы малолѣтняя королева воспитывалась въ Англіи, у него на глазахъ, чтобы всякое французское, всякое клерикальное вліяніе было устранено изъ управленія Шотландіей. Относительно этихъ пунктовъ не состоялось соглашенія; даже вскорѣ французская партія, и во главѣ ея—мать Маріи Стюартъ, регентша Марія Гизъ, снова окончательно забрала въ свои руки управленіе страною: послѣ нѣкотораго колебанія Шотландія снова попала въ сѣти Франціи.

Несмотря на всѣ попытки Генриха, несмотря на то, что, по смерти Генриха, опекунъ Эдуарда VI, лордъ-протекторъ герцогъ Сомерсетъ, старался подѣйствовать на шотландцевъ силою оружія, въ результатѣ получился лишь еще болѣе тѣсный союзъ Шотландіи съ Франціей. Наконецъ, въ 1548 году, сама пятилѣтняя королева была отправлена во Францію. Въ августѣ 1548 г. она прибыла въ Брестъ, въ качествѣ невѣсты французскаго дофина.

И тамъ, во Франціи, при французскомъ дворѣ и во французскомъ обществѣ, получала свое воспитаніе юная королева Шотландіи. Легко было понять, что означало это при тогдашнемъ положеніи вещей, какое вліяніе должно было оказать это на будущность Маріи, даже на будущность британскихъ государствъ. Къ чему иному могло повести это, какъ не къ союзу между Франціей и Шотландіей, къ увеличенію разъединенія между Англіей и Шотландіей и къ продолженію политики вѣчной завоевательной войны по отношенію къ Англіи, съ цѣлью создать «государство трехъ коронъ» (Шотландія, Франція, Англія)? Что же касается самой Маріи, то она, получивши воспитаніе на чужбинѣ, должна была казаться своимъ подданнымъ полной иностранкой: какимъ образомъ, при-

выкши къ французской роскоши и пышности, могла она впослѣдствіи хорошо управлять Шотландіей?

Мы не станемъ входить здѣсь въ подробное описаніе французскаго двора того времени; но нельзя не замѣтить, что, съ его пышностью, съ внѣшнимъ блескомъ и утонченностью жизни, французскій дворъ того времени соединялъ легкомысліе съ вѣтренностью, утонченную безнравственность—съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ требованій морали и благоприличія.

Въ такой-то атмосферѣ выростала юная шотландка, а вмѣстѣ съ годами болѣе и болѣе возростала ея физическая и умственная красота. Стройная и изящная, она своимъ появленіемъ производила поразительное, чарующее впечатлѣніе на каждаго. При этомъ она обучалась всему, что могло служить украшеніемъ для принцессы; кромѣ того, она посвящала по нѣскольку часовъ въ день и на серьозныя занятія. Она говорила и понимала по-латыни; свободно говорила и писала на всѣхъ новыхъ языкахъ; мастерски играла и очаровательно пѣла; она даже занималась стихотворнымъ искусствомъ подъ руководствомъ Ронсара и неподдѣльностью чувства, простотою и легкостью выраженія въ своихъ стихотвореніяхъ приковывала сердца слушателей.

«Какъ ясное солнце въ полдень заблистала чудная красота 15-тилѣтней Маріи» — такъ разсказываетъ одинъ изъ современниковъ ея, часто видавшій ее при французскомъ дворѣ. 23 апрѣля 1558 г. былъ совершенъ въ соборѣ Парижской Богоматери (Notre Dame) бракъ Маріи съ дофиномъ Францискомъ, чтобы такимъ образомъ неразрывными узами закрѣпить союзъ между Франціей и Шотландіей.

Годы, проведенные Маріею во Франціи, были для нея годами радости и веселья; грядущее рисовалось ей въ розовомъ свѣтѣ. Ни одного облачка не было видно на ясномъ горизонтѣ первыхъ дней ея новаго счастья. Политика французскаго правительства не занимала ея; равнымъ образомъ и судьба родной Шотландіи мало тревожила ее и не мѣшала ея веселой жизни при дворѣ Генриха II французскаго. Она проводила время въ охотѣ, танцахъ, пѣніи; празднества смѣнялись празднествами, и каждый день сулилъ новыя и новыя развлеченія. Такая жизнь, беззаботная, протекавшая въ вихрѣ удовольствій, впервые была нарушена однимъ важнымъ событіемъ, возбудившимъ интересъ въ цѣлой Европѣ.

Когда по смерти Эдуарда IV англійскаго габсбургской политикѣ удалось посредствомъ брака англійской королевы Маріи Тюдоръ съ наслѣдникомъ англійскаго престола, Филиппомъ, подчинить англійское правительство испанской политикѣ, то Англія должна была, въ угоду Испаніи, снова принять участіе въ габсбургско-французской войнѣ. Англія снова сдѣлалась союзникомъ, вассаломъ Испаніи. Осенью 1558 г. начались оживленные переговоры объ общеевропейскомъ мирѣ; англійскіе, испанскіе и французскіе дипломаты устранили почти всѣ затрудненія и были близки къ окончательному соглашенію, какъ въ Англіи случилось событіе, грозившее перевернуть вверхъ дномъ не только англійскую политику, но и политику всей Европы: 17 ноября 1558 г. умерла Марія, королева англійская, и вслѣдствіе этого положеніе Англіи снова сдѣлалось шаткимъ, неопредѣленнымъ.

Согласно закону о престолонаслѣдіи, внесенному Генрихомъ VIII и утвержденному покорнымъ парламентомъ, Маріи должна была наслѣдо-

вать его вторая дочь, Елизавета. Это постановленіе, несмотря на желаніе и стараніе Маріи, не было отмѣнено; въ послѣдніе годы ея правленія англичане смотрѣли на Елизавету, какъ на наслѣдницу англійскаго престола. Но она была дитя отъ того брака съ Анною Болейнъ, который послужилъ поводомъ къ разрыву съ Римомъ, и родилась въ то время, когда, по католическимъ воззрѣніямъ, была еще жива законная супруга короля; поэтому для всѣхъ католиковъ Европы она была только побочною дочерью Генриха. А такъ какъ Генрихъ впослѣдствіи опредѣлилъ, чтобы его дѣтямъ наслѣдовала линія его младшей сестры, вышедшей замужъ въ Англіи, то, по древнему обычаю въ англійскомъ государствѣ и по мнѣнію значительнаго большинства, никто не стоялъ такъ близко къ англійскому трону, какъ шотландская отрасль старшей сестры Генриха, именно Марія Стюартъ, королева шотландская и кронпринцесса французская.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждый рѣшалъ этотъ вопросъ англійскаго государственнаго права съ точки зрѣнія своихъ политическихъ разсчетовъ. Въ Англіи Елизавета была признана безъ всякихъ затрудненій, и, спустя нѣсколько часовъ послѣ смерти Маріи Тюдоръ, ее провозгласили королевою: любимая народомъ, она была радостно привѣтствована всѣми, какъ избавительница отъ тяжкаго правительственнаго гнета своей предшественницы.

Король Филиппъ испанскій, одинъ изъ постоянныхъ передовыхъ бойцовъ снова ожившаго католицизма, рѣшилъ этотъ англійскій вопросъ, руководясь единственно практическимъ интересомъ своей политики: главною задачей для него было—удержать Англію въ союзѣ съ Испаніей и подъ своимъ руководствомъ. Предусмотрительный и разсчетливый, онъ въ послѣдніе годы уже неоднократно пытался, къ великому прискорбію своей старѣющей королевы, войти въ болѣе тѣсныя, дружелюбныя сношенія съ юной наслѣдницей; онъ бдительно охранялъ Елизавету отъ насильственныхъ покушеній ревнителей католицизма; онъ открыто призналъ ея право наслѣдованія англійскаго престола; еще прежде онъ старался снискать ея расположеніе посредствомъ дружелюбныхъ заявленій чрезъ своего посланника, графа Феріа, одного изъ самыхъ блестящихъ кавалеровъ кастильскаго двора. Теперь же, чтобы сохранить союзъ между Испаніей и Англіей и упрочить въ послѣдней католицизмъ, онъ рѣшился предложить Елизаветѣ свою руку. Конечно, для него составляло, какъ онъ высказывалъ своимъ друзьямъ, тяжелую жертву — жениться на такой женщинѣ, какъ Елизавета, которая вслѣдствіе дружбы съ еретиками возбуждала къ себѣ подозрѣніе и съ которой ему, вѣроятно, вскорѣ послѣ свадьбы пришлось бы опять разойтись: но ради того, чтобы защитить католическую религію въ Англіи отъ протестантскихъ министровъ Елизаветы, онъ рѣшился принести эту жертву.

Но Филиппу не удалось достигнуть своей цѣли. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала переговоровъ, Елизавета отклонила предложеніе, заявляя съ свойственнымъ ей тщеславіемъ, что она желаетъ заключить брачный союзъ только съ своихъ народомъ, желаетъ заслужить эпитафію королевы-дѣвственницы.

Между тѣмъ, во Франціи англійскій вопросъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ, что Марія Стюартъ немедленно приняла титулъ королевы англійской. Съ этого момента Марія стала считать свои права на Англію

неоспоримыми; задачею всей ея жизни было теперь—стремленіе къ осуществленію этого права, именно фактически сдѣлаться королевою Англіи; съ этого момента и до послѣдняго дыханія на плахѣ, каждую минуту своей жизни она была проникнута мыслью погубить своего врага, предвосхитившаго у нея Англію, и соединить въ своихъ рукахъ Шотландію и Англію.

Къ этому чувству вскорѣ присоединился еще новый стимулъ, который еще болѣе воспламенилъ мужественно и упорно боровшуюся Марію и придалъ исходу замѣчательной борьбы между двумя королевами весьма важное значеніе по тѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ долженъ былъ повести этотъ исходъ по отношенію къ британскимъ островамъ; этимъ новымъ стимуломъ былъ религіозный элементъ, противоположность религіозныхъ воззрѣній.

Съ одной стороны, Елизавета постепенно перешла на сторону протестантовъ; во всѣхъ важныхъ, рѣшительныхъ вопросахъ политика ея правительства, въ существенныхъ чертахъ, была протестантскою. Вильямъ Сесиль и его друзья не только съумѣли преодолѣть противоположныя религіозныя стремленія, господствовавшія при дворѣ, и нерѣшительность и шаткость самой Елизаветы, но съумѣли достигнуть того, что послѣдователи протестантизма, дотолѣ составлявшіе меньшинство англійской націи, мало по малу образовали значительное большинство.

Съ другой стороны, Марія Стюартъ лично всегда была ревностной послѣдовательницей старой церкви; она была ревностной и воспріимчивой ученицей Гизовъ и ихъ католической политики. Но именно эта-то ея преданность католицизму и энергическое стремленіе—всѣми мѣрами содѣйствовать его упроченію и распространенію—дѣлали ея положеніе въ собственномъ государствѣ, въ Шотландіи, въ значительной степени затруднительнымъ и опаснымъ.

Дѣйствительно, въ Шотландіи, по смерти Іакова V, реформаторское движеніе болѣе и болѣе усиливалось и распространялось: протестантизмъ распространился по всей странѣ. Въ концѣ 1555 г. началъ свою проповѣдь великій шотландскій реформаторъ Джонъ Ноксъ; съ пламенной натурой, съ рѣзкими и твердыми воззрѣніями, безпощадный и непреклонный въ своихъ рѣшеніяхъ, Ноксъ теперь проповѣдью чуднымъ образомъ привлекалъ шотландцевъ на сторону своего ученія: до 1559 г. реформатское ученіе быстро проникло во всѣ слои общества. Когда въ маѣ 1559 г. регентша Марія Гизъ и католическое духовенство попытались насильно воспрепятствовать распространенію реформатскаго ученія, то дѣло дошло до открытаго возстанія, которое возбуждалъ и поддерживалъ самъ реформаторъ: — «ибо гдѣ идетъ борьба съ сатаною, тамъ Джонъ Ноксъ долженъ быть самъ»; — буря возстанія, охватившая всю страну, уничтожала на своемъ пути всѣ католическія церкви и католическое богослуженіе. Регентша, поддерживаемая французскими войсками, прибѣгла къ насильственному подавленію возстанія; лорды, съ своей стороны, отвѣчали тѣмъ же; гражданская война была въ полномъ разгарѣ; шотландская корона на головѣ юной Маріи Стюартъ колебалась.

Въ это время умеръ король Генрихъ II французскій. Супругъ Маріи, Францискъ II, сдѣлался теперь королемъ. Съ вступленіемъ его на престолъ какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика французскаго правительства вполнѣ перешла въ руки Гизовъ. Они тотчасъ же восполь-

зовались этимъ, чтобы возстановить для Маріи Стюартъ всѣ ея права. Рѣшено было опять нарушить европейскій миръ, только-что заключенный въ апрѣлѣ: съ подавленіемъ возстанія въ Шотландіи, имѣлось въ виду тотчасъ же завладѣть англійской короной въ пользу Маріи Стюартъ. Это угрожало войной между католической претенденткой и протестантской правительницей англійскаго государства, другими словами—войной между католической и протестантской Англіей.

Если между противниками не возгорѣлось жестокой войны, то это благодаря тому только, что ей помѣшалъ Филиппъ испанскій. Испанская политика ни въ какомъ случаѣ не могла потерпѣть, чтобы французское оружіе ниспровергло тронъ Елизаветы, и, дѣйствительно, постаралась дипломатическимъ путемъ достигнуть соглашенія между обѣими сторонами. Франція отказалась поддерживать вооруженною силою притязанія Маріи на англійскій престолъ, Англія — съ своей стороны — перестала помогать шотландскому возстанію, и Шотландія покорилась своей законной королевѣ. Умѣренная политика, во главѣ которой стоялъ сводный братъ королевы, графъ Муррей, до поры до времени обезпечивала за шотландскими реформатами свободу вѣроисповѣданія.

Вскорѣ Марія Стюартъ должна была сама испытать, возможно ли для нея подобнымъ образомъ управлять Шотландіею.

Когда въ декабрѣ 1560 г. внезапно умеръ король Францискъ II и вмѣстѣ съ этимъ кончилась политика Гизовъ, когда бразды правленія во Франціи перешли въ руки матери новаго короля, Катерины Медичи, женщины искусной въ дипломатическихъ и придворныхъ интригахъ, то юная королева-вдова должна была возвратиться въ свое государство, въ Шотландію. Такимъ образомъ неожиданно кончилась свѣтлая юность Маріи. Теперь, вдали отъ Франціи и французскихъ друзей, лишенная поддержки со стороны отважной политики французскаго правительства, она должна была начать въ Шотландіи новую жизнь, опираясь на силы своего отечества и посвящая себя благу родной земли. Въ состояніи ли была желать этого прекрасная вдова французскаго короля?

14 августа 1561 г. Марія, на 19 году своей жизни, отправилась въ Шотландію. Съ глубокою скорбью въ сердцѣ о томъ, что должна покинуть прекрасную Францію, полную любви, радостей и солнечнаго свѣта, мучимая безпокойствомъ и опасеніемъ относительно неизвѣстности положенія ея въ чуждой для нея, непривѣтливой Шотландіи, оставила Марія Францію, которую она любила болѣе, чѣмъ родину. 19 августа, она, чуждая своему народу, пристала къ шотландскому берегу. Оффиціально она была встрѣчена, конечно, съ воодушевленіемъ и радостью; даже въ первую ночь по прибытіи ей дана была серенада, но это было не то, что веселыя свѣтлыя пѣсни во Франціи, воспѣвавшія радости жизни; нѣтъ, шотландцы пѣли подъ окнами своей юной, беззаботной дотолѣ королевы торжественные и строгіе псалмы. Судя по такому началу, какова, спрашивается, должна была быть ея встрѣча съ непреклоннымъ, строгимъ реформаторомъ, который уже прежде неоднократно жестко отзывался объ испорченности французскаго двора?

Протестантскіе лорды предложили королевѣ учредить для себя частное богослуженіе по католическому обряду; но въ первое же воскресенье по прибытіи Маріи въ Шотландію Ноксъ говорилъ противъ посѣщенія католической мессы. Королева призвала его къ себѣ; между

прочимъ, она спросила его, какимъ образомъ можно оправдать св. писаніемъ введеніе у себя какимъ нибудь народомъ новой вѣры съ насильственнымъ сопротивленіемъ повелѣніямъ короля. «Короли не имѣютъ власти надъ совѣстью своихъ подданныхъ,—отвѣчаетъ Ноксъ,—и если король станетъ насиловать совѣсть подданныхъ, то они въ правѣ прибѣгнуть къ вооруженному сопротивленію». Услышавши такой отвѣтъ, она долго сидѣла молча, потомъ воскликнула: «такъ, значитъ, мои подданные должны повиноваться не мнѣ, а тебѣ, и я, королева, должна быть подданною моихъ подданныхъ, а не они моими?» «Нѣтъ», возражаетъ Ноксъ съ своей обычной рѣзкостью: — король и подданные—оба должны, какъ подданные, подчиняться Богу»!

Такимъ образомъ, съ самаго же начала возникъ рѣзкій антагонизмъ между королевой и ея подданными. Если Марія Стюартъ не хотѣла отдаться потоку реформъ, охватившему и увлекавшему ея подданныхъ, то она должна была вступить въ борьбу съ собственнымъ народомъ,—борьбу упорную, жестокую, которая могла подвергнуть опасности самое существованіе ея королевской власти. Марія ясно видѣла это; тѣмъ не менѣе это не устрашило ея, не заставило, какъ слабую женщину, стараться избѣгать столкновенія, напротивъ—ясно сознавая свое положеніе, она тотчасъ же рѣшилась на борьбу. Она приняла вызовъ и немедленно вступила въ борьбу съ безпокойными вассалами, съ неудержимымъ потокомъ реформъ.

До 19-ти-лѣтняго возраста Марія, находясь при блестящемъ французскомъ дворѣ, развила всѣ задатки своей женской чарующей силы до полнаго ихъ расцвѣта, до совершенства усвоила всѣ тонкости придворной жизни; она шумно и беззаботно проводила тамъ свою юность, полную наслажденій и радостей; но все это не затрогивало еще ея, такъ сказать, главнаго жизненнаго нерва: до сихъ поръ, очаровывая окружающихъ и вызывая въ нихъ удивленіе своей чарующей красотой, она видѣла лишь праздничную сторону жизни; теперь предстояло ей ознакомиться съ серьозной стороной ея, предстояло показать свою энергію и силу въ серьозной дѣятельности.

Эта юная, прекрасная, богато одаренная природою женщина была въ состояніи судить и дѣйствовать съ силою и энергіею мужа. Свободная и непринужденная въ обращеніи, самоувѣренная, рѣшительная и страстная въ своихъ дѣйствіяхъ, ни на минуту не упуская изъ виду своей завѣтной цѣли, — жила она среди шотландцевъ, упорныхъ въ своемъ сопротивленіи и неохотно повиновавшихся ей. Сегодня она сидитъ за письменнымъ столомъ, неустанно составляя съ своимъ довѣреннымъ секретаремъ депешу за депешей; завтра она появляется во главѣ своихъ вѣрныхъ отрядовъ и идетъ на шотландскихъ еретиковъ. Сегодня она искусно слѣдитъ за дѣйствіями своихъ противниковъ, а завтра отважно вступаетъ съ ними въ открытый бой. Словомъ, она была въ состояніи дѣлать все, чего требовали отъ нея обстоятельства; ее постоянно манила къ себѣ великая, трудно-достижимая цѣль: всѣ шотландцы должны быть ей покорны, католическая церковь должна быть возстановлена въ Шотландіи въ томъ видѣ, какъ она существовала прежде, какъ единая господствующая во всей странѣ. Но все это для Маріи Стюартъ было только первою ступенью, которая должна была повести ее къ высшему: конечною цѣлью для нея всегда была Англія; черезъ Шотландію

она хотѣла достигнуть Англіи; ея идеаломъ была католическая Великобританія. При этомъ она не довольствовалась притязаніями на англійскій престолъ: она всегда считала себя законной королевой Англіи. Разъ, когда Маріи показали портретъ Елизаветы, называя послѣднюю королевой англійской, она сказала: «портретъ непохожъ: королева англійская—это я»!

Марія Стюартъ всегда считала себя истинной, единственно законной католической королевой британскихъ островов, и, какъ таковая, она взяла на себя трудную задачу—разбить, уничтожить на всѣхъ пунктахъ свою противницу-протестантку, Елизавету англійскую.

При вступленіи Маріи въ управленіе Шотландіею, на ея сторонѣ были всѣ шансы одержать верхъ надъ соперницею. Въ самой Англіи католическая партія была значительна по числу и располагала большими средствами; недоставало только внѣшняго повода, чтобы народное возстаніе ниспровергло Елизавету и ея протестантскихъ министровъ. Разногласіе между Англіей и Испаніей, начавшееся съ религіозныхъ вопросовъ, болѣе и болѣе проникало въ политику обоихъ государствъ и грозило скорой войной. Король Филиппъ самъ считалъ себя призваннымъ и обязаннымъ еще разъ употребить усиліе для спасенія католической церкви въ Англіи и для подчиненія англійской правительственной политики, начинавшей становиться самостоятельною, политикѣ Габсбургскаго дома. Для рѣшительнаго вмѣшательства въ англійскія дѣла онъ ожидалъ только благовиднаго предлога и соотвѣтствующаго положенія дѣлъ въ Европѣ. Все это представляло условія, которыя благопріятствовали стремленіямъ Маріи; все дѣло состояло въ томъ, чтобы съумѣть искусно и благоразумно извлечь изъ нихъ наибольшую выгоду.

Въ первое время Марія, дѣйствительно, искусно воспользовалась своимъ выгоднымъ положеніемъ. Своимъ очаровательнымъ обращеніемъ и красотою она вскорѣ пріобрѣла себѣ преданныхъ сторонниковъ между шотландскими лордами. При этомъ правительство Маріи не только не дѣлало никакихъ враждебныхъ попытокъ относительно протестантовъ, но тщательно избѣгало всего, что могло бы оскорбить религіозное чувство массъ. Правительство слѣдовало совѣтамъ Муррея, который былъ добрымъ протестантомъ и лицомъ, угоднымъ Елизаветѣ; по его желанію и при содѣйствіи дипломатическаго таланта Метленда, между Маріей и Елизаветой завязались оживленныя сношенія. По внѣшности взаимныя отношенія двухъ правительствъ приняли самый дружелюбный характеръ. Марія, съ свойственнымъ ей увлеченіемъ, зашла очень далеко въ доказательствахъ своего дружелюбія и заявила однажды, что она желала бы быть мужчиной, чтобы имѣть возможность жениться на Елизаветѣ и такимъ образомъ покончить всѣ раздоры.

Особенно оживленныя сношенія были вызваны весьма важнымъ для Англіи вопросомъ, а именно: кто долженъ наслѣдовать ея тронъ, если Елизавета умретъ незамужнею и бездѣтною? Марія прежде всего стремилась къ тому, чтобы ея право наслѣдовать англійскій престолъ получило торжественное и законное признаніе въ самой Англіи, на что она могла бы опереться при осуществленіи своихъ плановъ; съ своей стороны, Елизавета, какъ сильно ни противилась назначенію себѣ преемника, тѣмъ не менѣе не отваживалась прямо отвергнуть притязанія шотландской королевы. Къ этому вскорѣ присоединился не менѣе важный

вопросъ о томъ, кого изберетъ себѣ Марія въ мужья, такъ какъ въ то время многіе изъ мелкихъ и значительныхъ правителей Европы добивались руки шотландской королевы.

Сама Марія нѣкоторое время имѣла твердое намѣреніе выйти замужъ за наслѣднаго принца испанскаго, Донъ-Карлоса, исторія котораго неоднократно служила предметомъ романическихъ разсказовъ. Въ дѣйствительности онъ далеко не былъ завиднымъ женихомъ: небольшаго роста, крайне некрасивый и болѣзненный на видъ (у него было одно плечо выше другаго и одна нога короче другой; кромѣ того, на спинѣ былъ небольшой горбъ), съ слабымъ заикающимся голосомъ, неумѣренный въ пищѣ и питьѣ, своенравный и вспыльчивый въ обращеніи, съ поврежденными умственными способностями,—таковъ былъ юноша, брака съ которымъ добивалась прекраснѣйшая женщина въ мірѣ. Слѣдовательно, это была не страсть, явившаяся вслѣдствіе увлеченія личными качествами инфанта: мысль эта явилась у Маріи слѣдствіемъ политическаго разсчета: испанскій принцъ долженъ былъ обезпечить за нею и доставить ей помощь могущественной Испаніи.

Въ Испаніи нѣкоторое время, дѣйствительно, занимались этимъ вопросомъ, но затѣмъ онъ былъ оставленъ, и переговоры съ Маріей были прерваны. Королева Елизавета, съ своей стороны, однажды предложила Маріи—найти ей мужа; при этомъ она имѣла въ виду графа Лейчестерскаго, котораго она открыто передъ цѣлымъ свѣтомъ признавала своимъ любимцемъ и который, по общему мнѣнію, стоялъ даже въ очень интимныхъ отношеніяхъ къ ней. Это предложеніе оскорбило чувство шотландки: взять въ мужья любовника своей соперницы—эта мысль въ высшей степени оскорбила гордость Маріи и повела къ рѣзкой перемѣнѣ въ отношеніяхъ Шотландіи къ Англіи.

Между соискателями руки Маріи находился также Генрихъ Дарнлей, сынъ шотландскаго графа Ленокса, который, по своей матери, также имѣлъ притязаніе на англійскую корону. Уже въ 1561 году въ Шотландіи говорили объ этомъ бракѣ, и католики въ Англіи надѣялись черезъ этотъ бракъ освободиться отъ протестантскаго правительства Елизаветы. Дарнлей отправился изъ Англіи въ Шотландію. Его появленіе при дворѣ произвело на Марію благопріятное впечатлѣніе: онъ былъ высокаго роста, красивый, статный молодой человѣкъ. Марія сообщила своимъ друзьямъ, что она именно его избираетъ себѣ въ мужья. Въ Испаніи такой выборъ былъ вполнѣ одобренъ, только совѣтовали Маріи быть осмотрительной и сдержанной по отношенію къ Англіи. Елизавета же была въ высшей степени разсержена этимъ выборомъ: она формально запретила этотъ бракъ и приказала Леноксу и Дарнлею немедленно возвратиться въ Англію. Но въ Шотландіи ея не послушали. Къ шотландскому двору поспѣшили собраться всѣ вѣрные слуги Маріи, между которыми въ особенности слѣдуетъ упомянуть лорда Ботвеля, рѣшительнаго и храбраго полководца; въ совѣтѣ все вліяніе перешло въ руки частнаго секретаря Маріи, итальянца по рожденію Давида Риччіо. Муррей съ своими друзьями отступили предъ нимъ на второй планъ. Въ Единбургѣ все указывало на приближающійся взрывъ сильной католической реакціи. 29-го іюля 1565 года, рано утромъ, католическій священникъ сочеталъ бракомъ Марію Стюартъ съ Генрихомъ Дарнлеемъ.

Тотчасъ же всему свѣту стало ясно, что въ политикѣ шотландскаго

правительства произошелъ рѣзкій поворотъ. Марія не считала уже нужнымъ благоразумно сообразоваться съ желаніями Елизаветы, какъ это дѣлала она прежде: теперь она, поддерживаемая Римомъ и Испаніей, рѣшилась, вопреки народной волѣ, открытою силою возстановить католицизмъ. Она мужественно выступила противъ непокорныхъ лордовъ; и между тѣмъ какъ эти послѣдніе взывали къ Елизаветѣ о помощи для защиты реформатской религіи и самостоятельности дворянства, королева и ея совѣтъ готовились нанести рѣшительный ударъ предводителямъ реформатской оппозиціи дворянства. Созванный на 12 марта 1566 г. парламентъ долженъ былъ все рѣшить окончательно. Но случилось иначе, чѣмъ хотѣла и ожидала Марія Стюартъ.

Какъ ни ослѣпительна и очаровательна была красота Маріи, какъ ни разнообразны и блестящи были ея способности, какъ ни настойчива и энергична была ея дѣятельность, тѣмъ не менѣе она не была такою личностью, которая была бы способна дать другую религію цѣлой націи или устроить государство на новыхъ основахъ. При всемъ благоговѣніи къ ученію и богослуженію своей церкви, при всемъ ревностномъ стремленіи распространить и утвердить свою церковь въ цѣломъ государствѣ, Маріи не доставало во всѣхъ ея дѣйствіяхъ прочной основы истинной нравственности.

Воспитанная во Франціи, она съ юности привыкла къ распущеннымъ нравамъ французскаго двора; и въ послѣдствіи въ Шотландіи она постоянно отличалась до нѣкоторой степени легкомысленнымъ поведеніемъ; ея поступки неоднократно являлись соблазномъ въ глазахъ шотландскаго духовенства. Такъ, она привезла съ собою изъ Франціи одного придворнаго, съ нимъ она занималась поэзіей и музыкой и открыто выказывала ему свое благоволеніе. Впослѣдствіи, еще до брака съ Дарнлеемъ, особеннымъ ея довѣріемъ и расположеніемъ пользовался вышеупомянутый Риччіо, ея довѣренный секретарь. Вскорѣ послѣ свадьбы между Маріей и Дарнлеемъ начались серьозныя распри. Дарнлей дѣйствительно былъ статный и красивый, но въ то же время въ высшей степени ничтожный и бездушный человѣкъ; Марія не могла ужиться съ нимъ долго. Грубый, преданный пьянству, онъ часто подавалъ Маріи поводъ къ жалобамъ; онъ даже стремился противъ ея воли къ самостоятельной королевской власти. Все это наконецъ привело къ тому, что Дарнлей и его отецъ Ленoксъ соединились съ недовольными протестантскими лордами и стали противодѣйствовать католическимъ планамъ королевы.

Мучимый ревностью къ секретарю королевы, Дарнлей замыслилъ и самъ подготовилъ убійство Риччіо. 9 марта 1566 г. въ Голивудѣ, поздно вечеромъ, Марія сидѣла въ своемъ будуарѣ съ немногими приближенными, между которыми находился и Риччіо. Внезапно вошелъ Дарнлей, а вслѣдъ за нимъ явились его заговорщики. Они тотчасъ же бросились на Риччіо. Марія пыталась спасти своего любимца, но Дарнлей всѣми силами удерживалъ ее; другіе, между тѣмъ, вытащили Риччіо за дверь: на другое утро онъ былъ найденъ мертвымъ.

Ударъ, который Марія Стюартъ готовила протестантскимъ лордамъ, разразился надъ нею самою, и ей пришлось употребить всю свою силу, всю свою хитрость и изворотливость, чтобы только самой спастись отъ мщенія тѣхъ лордовъ, которымъ прежде она угрожала.

Оправившись отъ первыхъ пароксизмовъ печали, она съумѣла снова

привлечь къ себѣ Дарнлея. Въ одну ночь они вмѣстѣ ускакали отъ заговорщиковъ въ Донбаръ; здѣсь они собрали вокругъ себя ревностныхъ и преданныхъ друзей, и уже черезъ восемь дней Маріи снова удалось овладѣть Эдинбургомъ и вполнѣ возстановить свою власть надъ Шотландіей.

На первыхъ порохъ послѣ этого Марія показала себя умѣренной. Управленіе было возстановлено на прежній ладъ; возставшимъ была объявлена общая амнистія; лишь немногіе изъ лордовъ подверглись опалѣ; казалось, ничего особеннаго и не происходило. Правительство снова вернулось къ политикѣ, предшествовавшей 1565 г., и снова эта политика увѣнчалась успѣхомъ. Снова англійскія симпатіи обратились къ Маріи; снова начались переговоры съ Елизаветою о наслѣдованіи англійскаго престола, и когда, наконецъ, 19 іюня 1566 г. Марія родила сына, Іакова— впослѣдствіи короля соединенной Великобританіи, — то успѣшный исходъ ея стремленій казался несомнѣннымъ, побѣда Маріи надъ Елизаветою казалась рѣшенною.

Хотя Марія Стюартъ и объявила лордамъ прощеніе и забвеніе всего случившагося, хотя она и показывала миролюбивое и дружеское расположеніе къ мужу и бывшимъ заговорщикамъ, но въ сердцѣ у ней таилось иное: ея сердце жаждало мести,—кровавой мести,—полнаго уничиженія тѣхъ, кто лишилъ ее друга, въ особенности же мести презрѣнному мужу. Отъ самого Дарнлея она вывѣдала, что они замышляли противъ нея и Риччіо, и когда, такимъ образомъ, онъ исполнилъ свою задачу по отношенію къ ней, она позволила ему идти, какъ говорится, на всѣ четыре стороны. Теперь все свое расположеніе она перенесла на другаго, на грубаго воина, графа Ботвеля. Съ нимъ она ѣздила на охоту, съ нимъ веселилась, съ нимъ обсуждала будущее. Любовь Маріи къ Ботвелю разгорѣлась дикимъ пламенемъ, пожиравшимъ всѣ другія ея чувства: до сихъ поръ существуютъ ея письма къ Ботвелю; всѣ они—бурныя, пламенныя изліянія неудержимой страсти. Чтобы видѣть его, она, королева, не взирая на утомленіе и опасности, однажды отважилась скакать верхомъ за 25 миль въ то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ больной, и послѣ двухчасоваго отдыха съ такою же скоростью въ тотъ же день возвратиться домой. Отуманенная этой страстью, Марія, казалось, забыла всѣ свои заботы о государствѣ и церкви и не сознавала всей неблаговидности своихъ поступковъ.

Нѣкоторые изъ кружка приближенныхъ лордовъ разъ сдѣлали Маріи предложеніе въ томъ смыслѣ, что она должна освободиться отъ своего мужа, и предлагали прибѣгнуть къ разводу; но она возразила, что вслѣдствіе этого можетъ сдѣлаться спорнымъ право ея сына наслѣдовать престолъ. Тогда, по мнѣнію Метлэнда, слѣдовало отыскать такое средство освободить ее отъ Дарнлея, которое не повредило бы правамъ ея сына. Королева, какъ кажется, въ то время не дала съ своей стороны формальнаго согласія на исполненіе такого плана, но она знала о намѣреніи своихъ друзей и не предпринимала ничего, чтобы воспрепятствовать исполненію рѣшенія, принятаго ея друзьями по отношенію къ Дарнлею.

Когда Дарнлей увидалъ, что всѣ враждебныя дотого времени партіи лордовъ примирились между собою и соединились съ дворомъ, онъ почувствовалъ приближавшуюся грозу и старался укрыться отъ нея; но на пути онъ вдругъ сильно захворалъ и вслѣдствіе этого вынужденъ былъ

остановиться въ Глазго. Туда же прибыла и Марія, чтобы не выпустить изъ рукъ своей жертвы и, наконецъ, устранить препятствіе, стоявшее между ней и Ботвелемъ.

Найдя Дарнлея больнымъ, лежащимъ въ постели, она посмотрѣла на него серьознымъ, испытующимъ взглядомъ; больной съ покорностью и раскаяніемъ умолялъ ее простить ему все то, въ чемъ онъ согрѣшилъ противъ нея: вѣдь онъ такъ сильно любилъ ее, и источникомъ всего того, что онъ дѣлалъ и замышлялъ во вредъ ей, была ревность, къ которой она сама подавала ему поводы. Марія выказала сочувствіе и доброту: она желаетъ забыть всѣ непріятности и раздоры, избавить его отъ болѣзни, обѣщаетъ отыскать для него болѣе удобное и здоровое мѣсто жительства. Такъ дружелюбно разстались супруги, а вечеромъ того же дня садится она, эта прекрасная женщина, и пишетъ пламенное письмо—къ своему любовнику, злобно насмѣхаясь надъ своимъ больнымъ мужемъ. Между тѣмъ, она продолжаетъ играть роль заботливой супруги, переправляетъ Дарнлея въ Киркъ-а-Фильдъ, близъ Эдинбурга. Здѣсь-то и рѣшается его участь.

Вечеромъ 9 февраля, между тѣмъ какъ въ нижнемъ этажѣ уединенно стоящаго дома подкладывается порохъ, Марія еще разъ приходитъ къ Дарнлею, чтобы часокъ дружелюбно съ нимъ побесѣдовать. Получивши сигналъ, что все готово, она встаетъ: ей нужно еще посѣтить балъ, который дается во дворцѣ по случаю бракосочетанія одной изъ придворныхъ дамъ; съ сердечнымъ поцѣлуемъ она разстается съ своимъ супругомъ. Она спѣшитъ на балъ —и Дарнлея не стало въ живыхъ. Въ два часа ночи послышался въ Эдинбургѣ сильный взрывъ; порохъ былъ подожженъ, и уединенный домъ взлѣтелъ на воздухъ со всѣми, кто въ немъ ни былъ.

Послѣ ужаснаго событія этой ночи Марія на нѣкоторое время заперлась въ своемъ дворцѣ, вдали отъ свѣта. Но въ Эдинбургѣ народный голосъ указывалъ на графа Ботвеля, какъ на совершителя злодѣянія. Именно его-то Марія и выбрала себѣ въ спутники жизни, въ руководители. Когда, наконецъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ отца Дарнлея, она позволила привлечь Ботвеля къ отвѣтственности, то слѣдствіе было произведено слишкомъ поспѣшно и пристрастно; на самомъ судѣ друзья могущественнаго графа признали его совершенно невиновнымъ.

Но вскорѣ всему свѣту предстояло увидать еще болѣе разительное доказательство несчастнаго ослѣпленія Маріи.

Между тѣмъ какъ уже распространился слухъ, что она намѣревается выйти замужъ за Ботвеля, и между тѣмъ какъ 5 апрѣля она уже дала ему свое согласіе на бракъ, Ботвель 20 апрѣля вынудилъ отъ дворянскаго собранія одобреніе своего намѣренія и, ради соблюденія формы, 24 апрѣля увезъ охотно слѣдовавшую за нимъ невѣсту. Онъ держалъ ее въ своемъ замкѣ до тѣхъ поръ, пока не представилась ему возможность заключить бракъ, ибо и онъ былъ женатъ. Но, чтобы кореннымъ образомъ устранить это препятствіе, онъ 3 мая добился отъ протестантскаго суда развода съ своей женой, а 7-го—формальная недѣйствительность его брака была подтверждена католическимъ священникомъ. Такимъ образомъ были устранены всѣ препятствія и возраженія, и 15 мая реформатскій священникъ сочеталъ бракомъ королеву съ убійцею ея мужа.

Мѣра долготерпѣнія переполнилась.

Вспыхнуло общее возстаніе. Ботвель былъ позорно прогнанъ, Марія взята въ плѣнъ и посажена въ замокъ Лохлевенъ. Лорды угрожали королевѣ уголовнымъ преслѣдованіемъ за то, что она попирала законы страны, находилась въ незаконной связи съ Ботвелемъ и другими, принимала участіе въ убійствѣ Дарнлея. Этимъ они вынудили у Маріи отреченіе отъ престола и провозласила королемъ юнаго Іакова; графъ Муррей сдѣлался опекуномъ малолѣтняго короля и регентомъ Шотландіи. Шотландскій парламентъ впослѣдствіи утвердилъ всѣ эти мѣропріятія, а изъ писемъ королевы къ Ботвелю видно, что она сама признавала себя виновною въ названныхъ проступкахъ. Казалось, звѣзда Маріи закатилась, и она должна была окончить свою жизнь въ печальномъ заточеніи.

Но Марія съумѣла обмануть стражу и скрыться изъ мѣста своего заточенія; еще разъ собрала она вокругъ себя преданныхъ и вѣрныхъ вассаловъ; еще разъ она мужественно выступила противъ войскъ регента. Но попытка кончилась неудачно. Марія сама должна была видѣть, какъ войско было разбито; съ смертельной тоской бѣжала она съ поля сраженія. Прискакавши къ заливу Солвей, она нѣкоторое время колебалась—куда обратиться, во Францію или въ Англію.

Она остановилась на Англіи, разсчитывая на нерасположеніе Елизаветы къ возставшимъ лордамъ. Всѣ ея прежніе планы, всѣ свѣтлыя надежды на ихъ осуществленіе, все, что она отважно и самонадѣянно предпринимала,—все кончилось неудачей. Она предполагала возстановить въ Шотландіи католическую церковь, между тѣмъ въ Шотландіи прочно укоренилось реформатское ученіе; она стремилась соединить на своей головѣ шотландскую и англійскую короны и основать католическую Великобританію, между тѣмъ Англія достигла величія, руководясь протестанской политикой, и вскорѣ соединенная Великобританія стала во главѣ протестанской Европы; наконецъ сама злосчастная Марія за всѣ свои пороки и преступленія въ Шотландіи должна была понесть жестокое наказаніе въ Англіи.

Вступивши на почву Англіи, она настоятельно просила королеву Елизавету энергически поддержать ее противъ бунтовщиковъ, какъ это подобало королевѣ по отношенію къ своей царственной сестрѣ. Но не поддержку и помощь встрѣтила она, изгнанница, со стороны болѣе счастливой правительницы Англіи: Елизавета заявила, что она считаетъ долгомъ совѣсти, чтобы ея царственная сестра напередъ очистила себя отъ всякаго подозрѣнія въ убійствѣ своего мужа—лишь тогда она находила возможнымъ вести дальнѣйшіе переговоры. Марія послѣ нѣкотораго сопротивленія согласилась на слѣдствіе, которое, однако, не привело ни къ какому результату. Наконецъ англійская политика удовольствовалась тѣмъ, что рѣшила—во всякомъ случаѣ не выпускать изъ своихъ рукъ Маріи. Какіе бы тамъ ни приводились доводы и основанія въ оправданіе этого поступка, несомнѣнно, что на самомъ-то дѣлѣ въ этомъ вопросѣ Елизавета рукодилась исключительно политическими соображеніями. По ея мнѣнію, благо англійскаго государства требовало, чтобы не допускать шотландскую королеву отправиться ни во Францію, ни въ Шотландію; такимъ образомъ неосторожная противница Елизаветы сама отдала себя въ руки послѣдней.

Но и теперь еще Марія Стюартъ являлась опаснымъ врагомъ королевы англійской. Не шотландскаго могущества страшилась Елизавета:

ее безпокоило то, что Марія и въ тюрьмѣ, подъ замкомъ, оставалась законной претендентской на англійскій престолъ; такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на плѣнную католическую королеву католики Англіи и всей Европы; ихъ молитвы возносились за Марію; въ ея пользу дѣйстовали открыто и тайно всѣ великія государства католической Европы; каждый католикъ считалъ какъ-бы своей религіозной обязанностію помочь Маріи Стюартъ, несмотря на всѣ ея прежнія ошибки и прегрѣшенія.

Марія чувствовала и понимала, что въ этомъ заключается ея сила, и на этомъ основывала всѣ свои надежды. Бурно прожитые годы не сломили бодрости и силы 26-лѣтней Маріи; ея умъ былъ бодръ, дѣятеленъ, находчивъ болѣе, чѣмъ когда-либо; и если ей теперь нельзя было стать во главѣ своихъ вѣрныхъ вассаловъ и обнажить мечъ за свое право и дѣло, тѣмъ не менѣе она была въ состояніи измышлять хитрые планы, пріобрѣтать новыхъ друзей, готовить пораженіе врагу. И въ заключеніе она бодро и неусыпно работала надъ своимъ освобожденіемъ и надъ ниспровожденіемъ все болѣе и болѣе пламенно ненавидимой счастливой соперницы. Уже въ октябрѣ 1568 г. грозило возстаніе англійскихъ католиковъ въ пользу Маріи. Вскорѣ она надѣялась поднять общее возстаніе и избрала предводителемъ одного изъ первыхъ, знатнѣйшихъ дворянъ Англіи, герцога Норфолька, который предлагалъ ей руку и помощь и которому лишь на эшафотѣ удалось доказать свою безграничную преданность прекрасной узницѣ. Но и послѣ этой неудачи оставались еще новыя средства, новые пути ко спасенію. Она взирала на Римъ, Парижъ и Мадридъ, которые должны были помочь ей въ великомъ дѣлѣ окатоличенія Англіи.

Болѣе всего можно было разсчитывать на испанское правительство, которое уже давно старалось покончить съ «англійскимъ предпріятіемъ». Филиппъ испанскій давно недружелюбно смотрѣлъ на усиленіе Англіи, и, вступаясь за права шотландской королевы, онъ имѣлъ въ виду помощь общекатолическому дѣлу. Уже въ 1569 году долго накипавшій гнѣвъ Филиппа готовъ былъ разразиться надъ Англіей, но туча еще разъ отодвинулась, и рука, поднятая для удара, еще разъ опустилась мирно; но намѣреніе Филиппа осталось неизмѣннымъ, и великая англо-испанская война, война между двумя міровыми принципами, готова была возгорѣться каждую минуту. Юный знаменитый полководецъ католической Европы, Донъ Жуанъ Австрійскій, уже два года готовился напасть на Англію изъ Голландіи и ждалъ только мановенія Филиппа. Въ то же время Гизы, насильно подавляя протестантизмъ во Франціи, всѣми силами стремились осуществить свою завѣтную мечту—создать католическое государство трехъ коронъ (Франціи, Англіи и Шотландіи), и на этотъ разъ они могли располагать соединенными силами Франціи и могущественной Испаніи.

Заговоры и возстанія внутри Англіи, постороннія вмѣшательства въ англійскую политику и угрозы войною извнѣ,—всѣ эти опасности произвели наконецъ сильное впечатлѣніе на англійскій государственный совѣтъ, и онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что правительство должно прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, если оно не желаетъ, чтобы каждое покушеніе извнѣ и внутри страны подвергало чрезвычайно большей опасноти Елизавету и самое существованіе протестантской Англіи. Убѣжденіе это было выражено въ такихъ словахъ, приписываемыхъ самой Елизаветѣ:

«Марія должна умереть, чтобы могла жить Елизавета, ибо Елизавета должна будетъ умереть, если останется въ живыхъ Марія.» Устраненіе Маріи признавалось требованіемъ неумолимой логики обстоятельствъ, и согласно съ этою логикою рѣшено было дѣйствовать.

Смуты внутри и угрозы извнѣ взволновали наконецъ всю англійскую націю и возбудили въ ней опасеніе за свое самостоятельное существованіе. Поэтому англичане рѣшились защищать жизнь своей королевы отъ явныхъ и тайныхъ покушеній и опасностей. Вслѣдствіе этого парламентъ въ 1585 г. издалъ законъ, въ силу котораго каждое лицо, въ пользу котораго подымается возстаніе или дѣлается покушеніе на права или жизнь королевы, лишается права на корону; если же такое лицо само принимало участіе въ заговорѣ, то оно за это лишается жизни.

Что означалъ этотъ законъ, на что онъ мѣтилъ, противъ кого онъ былъ направленъ—это ни для кого не было тайной. Въ немъ было приготовлено страшное орудіе противъ Маріи: одинъ неосторожный поступокъ неизбѣжно велъ ее на эшафотъ.

Такъ и случилась. Въ 1586 году былъ открытъ заговоръ Бабингтона и его фанатическихъ товарищей на жизнь Елизаветы, убійство которой должно было послужить сигналомъ для вторженія испанцевъ. Министры Елизаветы признали несомнѣннымъ участіе Маріи въ этомъ заговорѣ. Надъ Маріей Стюартъ былъ произнесенъ смертный приговоръ и наконецъ утвержденъ королевой Елизаветой.

Такъ печально кончилось свѣтло и радостно начавшаяся жизнь шотландской королевы. Она всѣми силами стремилась къ достиженію своей великой цѣли, и ея усилія, казалось нѣкоторое время, обѣщали увѣнчаться полнымъ успѣхомъ; но бурныя страсти совлекли ее съ счастливаго пути. Въ страшномъ столкновеніи общественныхъ и личныхъ интересовъ была разбита ея жизнь; всѣ ея попытки снова стать на прежнюю почву были тщетны; Маріи Стюартъ не оставалось ничего, какъ съ покорностью и рѣшимостью взойти на эшафотъ.

Передъ самой смертью Марія была такова же, какъ и во всю свою жизнь: прекрасная и очаровательная, съ сильнымъ и свѣтлымъ умомъ, страстная и увлекающаяся въ своихъ чувствахъ. И передъ самой смертью она оставалась вѣрна той идеѣ, за которую стояла всю жизнь: изъ ея гроба должна была возстать великая католическая Великобританія. Марія Стюартъ лишила шотландскаго короля Іакова всѣхъ его правъ на Шотландію и Англію: католичка мать не могла и не хотѣла ничего оставить въ наслѣдство сыну протестанту; все, чѣмъ она владѣла и на что имѣла притязаніе, она перенесла на свой идеалъ католическаго государя, на короля Филиппа испанскаго. Она умоляла его всей душой сжалиться, надъ еретической страной, со всею строгостію наказующей, мстящей власти воздать за нее всѣмъ тѣмъ, которые приготовили ей такую горькую смерть, и сугубо наградить тѣхъ вѣрныхъ ея слугъ, которымъ она не могла воздать по заслугамъ.

8 февраля 1587 года Марія Стюартъ сложила свою голову на плахѣ.